РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Н. Костомарова

ТОМЪ ВТОРОЙ:

(продолженіе).

ГОСПОДСТВО ДОМА РОМАНОВЫХЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

XVIII-ое СТОЛѢТІЕ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.

1886

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.
(1212)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XV.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

I.

Дѣтство и юность Петра, до начала Шведской войны.

Петръ Великій родился въ Москвѣ, 30-го мая 1672 года, ночью, и былъ крещенъ 29-го іюня того же года въ Чудовомъ монастырѣ. Его появленіе на свѣтъ было привѣтствуемо родителемъ съ особенною радостью. Три дня сряду служили благодарственные молебны, стрѣляли изъ пушекъ. Благодушный царь, по своему обычаю, жаловалъ своихъ ближнихъ людей, прощалъ казенные долги, отмѣнялъ и смягчалъ наказаніе преступникамъ, а послѣ крестинъ угощалъ дважды въ своемъ дворцѣ сановниковъ и выборныхъ людей изъ Москвы и другихъ городовъ, пріѣзжавшихъ съ дарами. Даже въ народныхъ великорусскихъ пѣсняхъ осталось воспоминаніе о всеобщей радости и торжествѣ при рожденіи царевича, которому впослѣдствіи суждено было стать первымъ русскимъ императоромъ. Быть можетъ, царь Алексѣй Михайловичъ придавалъ такое значеніе рожденію младшаго сына потому, что изъ оставшихся у него двухъ сыновей отъ первой жены одинъ былъ больной, другой малоумный, и самъ царь будучи еще не старъ, могъ дождаться, что новорожденный сынъ отъ второй жены, возрастая, покажетъ бо́льшія способности, чѣмъ другіе его сыновья.

Первое воспитаніе царевича началось по обычному придворному чину, но какъ только дитя вступило въ тотъ возрастъ, когда его стали занимать игры, въ немъ начала проявляться рѣдкая воспріимчивость, живость и склонность къ забавамъ, носившимъ военный характеръ. Любимыя игрушки, на которыя онъ бросался, были: знамена, топоры, пистолеты, карабины, сабли, барабаны. Царевича, по обычаю, окружили такъ-называемыми „ро-

бятками“ изъ ровесниковъ, набранныхъ изъ дѣтей знатныхъ родовъ; они составляли около него полкъ. Петръ, будучи трехъ лѣтъ отъ роду, игралъ съ ними въ „воинское дѣло“, а обученіемъ и дисциплиной этого дѣтскаго полка, по царскому порученію, назначенъ былъ иноземецъ Павелъ Гавриловичъ Менезіусъ. Родомъ онъ былъ шотландецъ, искатель приключеній; въ молодости шатался онъ по Европѣ, убилъ въ Польшѣ на дуэли мужа одной пани, съ которой былъ въ связи, былъ взятъ въ плѣнъ русскими, обласканъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и женился на вдовѣ извѣстнаго Марселиса, основателя желѣзныхъ заводовъ въ Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ Менезіуса, человѣка ловкаго, бывалаго, говорившаго на многихъ языкахъ, и посылалъ его по важнымъ дипломатическимъ сношеніямъ посломъ къ папѣ. Менезіусъ получилъ свое мѣсто при царевичѣ по возвращеніи изъ Рима. Мы не знаемъ подробностей обращенія Менезіуса съ царевичемъ, но ему принадлежитъ зародышъ той горячей любви къ иноземщинѣ, которая начала проявляться у воспріимчиваго Петра еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

По смерти Алексѣя Михайловича, съ ссылкою Матвѣева, Менезіусъ былъ отдаленъ отъ Петра и посланъ въ Смоленскъ, но потѣхи, имѣвшія военный характеръ, продолжались; товарищи дѣтскихъ игръ выростали вмѣстѣ съ царевичемъ, и съ годами ихъ потѣхи принимали прямо характеръ воинскаго обученія: деревянныя ружья и пушки замѣнялись настоящими; царевичъ строилъ съ ними городки, бралъ ихъ штурмомъ, возводилъ окопы, упражнялся въ военныхъ пріемахъ. Между тѣмъ, его начали учить грамотѣ. Учителемъ былъ ему назначенъ, 12 марта 1677 года, дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Петръ учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость. Зотовъ знакомилъ его съ русской исторіей, разсказывая о дѣяніяхъ Владиміра Св., Александра Невскаго, царя Ивана Грознаго и Алексѣя Михайловича, объяснялъ ему, сколько самъ умѣлъ, какія есть на свѣтѣ разныя науки, полезныя для государей. Расширенію знаній царевича содѣйствовали, бывшія въ то время въ ходу, потѣшныя книги и картинки, составляемыя съ цѣлью забавы, но заключавшія въ себѣ много разнообразныхъ предметовъ, съ которыми дитя могло знакомиться, напримѣръ, знаменитыя зданія, города, корабли, историческія событія, а также астрономическія явленія. Съ жадностью бросался царевичъ на все новое, все желалъ узнать, и тогда уже порывался видѣть въ дѣйствительности то, о чемъ ему сообщали книги и картинки; самъ хотѣлъ созидать города, прекрасныя зданія, брать крѣпости, водить полки и

плавать по морю. Обыкновенное мѣстопребываніе Петра, вмѣстѣ съ матерью, было село Преображенское.

Десяти лѣтъ отъ роду царевичъ былъ вырванъ судьбою изъ своего уединенія: его посадили на престолъ; а вслѣдъ затѣмъ воспріимчивый отрокъ былъ свидѣтелемъ кровавыхъ сценъ, убійства дяди и Матвѣева, униженія матери и всѣхъ ея родныхъ, наконецъ долженъ былъ по волѣ подученной стрѣлецкой толпы раздѣлить съ полоумнымъ братомъ вѣнецъ, возложенный на него выборомъ всей Русской Земли: правленіе перешло въ руки сестры, не терпѣвшей его матери. Въ эти ужасныя минуты молодой Петръ показалъ необыкновенную для его лѣтъ твердость и безстрашіе. Но эти минуты оказали печальное вліяніе на его характеръ: онѣ, безъ сомнѣнія, положили въ эту геніальную, гигантскую натуру зародышъ жестокости, свирѣпости.

Во время правленія Софіи Петръ продолжалъ проживать съ матерью въ Преображенскомъ селѣ. Его воспитаніе было совершенно заброшено. Учителя, Никиту Моисеевича Зотова, отъ него удалили; другого ему не дали; онъ проводилъ время въ потѣхахъ, окруженный ровесниками безъ всякихъ дѣльныхъ занятій: такая жизнь, конечно, испортила бы и изуродовала всякую другую натуру, менѣе даровитую. На Петра она положила только тотъ отпечатокъ, что онъ, какъ самъ послѣ сознавался, не получилъ въ отроческихъ лѣтахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для прочнаго образованія. Черезъ это небреженіе Петру приходилось учиться многому уже въ зрѣломъ возрастѣ. Сверхъ того проведенное такимъ образомъ отрочество лишило его той выдержки характера въ обращеніи съ людьми, которая составляетъ признакъ образованнаго человѣка. Петръ съ отроческихъ лѣтъ усвоилъ грубыя привычки окружавшаго его общества, крайнюю несдержанность, безобразный разгулъ.

Однако необыкновенно даровитая натура не могла измельчать въ томъ отсутствіи всякихъ умственныхъ интересовъ, на которое она была осуждена; собственною силою пробила она себѣ выходъ. Петра ничему не учили, но не могли убить въ немъ врожденной любознательности. Впослѣдствіи Петръ самъ сообщалъ о тѣхъ случаяхъ, которые направили его на избранную дорогу. Будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, онъ услыхалъ отъ князя Якова Долгорукаго, что у послѣдняго былъ такой инструментъ, „которымъ можно брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста“. Молодой царь пожелалъ видѣть инструментъ, но Долгорукій отвѣтилъ, что онъ украденъ. Царь поручилъ купить себѣ такой инструментъ во Франціи, куда Долгорукій ѣхалъ посломъ.

Въ 1688 году Долгорукій привезъ изъ Франціи астролябію и готовальню съ математическими инструментами. Вокругъ царя не было ни одного человѣка, кто бы имѣлъ понятіе, что это такое. Царь обратился къ нѣмцу-доктору, но и тотъ не умѣлъ владѣть инструментами, а отыскалъ голландца Франца Тиммермана, который объяснилъ царю значеніе привезенныхъ вещей. Царь приблизилъ къ себѣ Тиммермана и началъ учиться у него ариѳметикѣ, геометріи и фортификаціи. Учитель былъ небольшой знатокъ своего дѣла, но ему достаточно было сдѣлать Петру указанія: талантливый ученикъ самъ до всего добирался. До какой степени предшествовавшее воспитаніе Петра было запущено, показываетъ то, что, учась на шестнадцатомъ году четыремъ правиламъ ариѳметики, онъ не умѣлъ правильно написать ни одной строки, и даже не зналъ, какъ отдѣлить одно слово отъ другого, а писалъ три-четыре слова вмѣстѣ, съ безпрестанными описками и недописками.

Спустя нѣсколько времени, Петръ въ селѣ Измайловѣ, на Льняномъ дворѣ, гуляя по амбарамъ, разсматривалъ старыя вещи, принадлежавшія двоюродному брату царя Михаила Ѳедоровича, Никитѣ Ивановичу Романову, отличавшемуся въ свое время замѣчательною любознательностью. Здѣсь онъ увидѣлъ иностранное судно и спросилъ о немъ Франца Тиммермана. Тотъ могъ сказать ему только то, что это англійскій ботъ, который употребляется при корабляхъ и имѣетъ то преимущество передъ русскими судами, что ходитъ на парусахъ не только за вѣтромъ, но и противъ вѣтра. Петръ спросилъ: есть-ли такой человѣкъ, который бы починилъ и показалъ ему ходъ судна? Тиммерманъ сказалъ, что есть такой человѣкъ, и нашелъ Петру голландца Христіана Бранта (Карштенъ Бранта, какъ называетъ его Петръ). Царь Алексѣй Михайловичъ задумалъ построить корабль и спустить въ Астрахани; для этого призваны были изъ Голландіи мастера. Построенный и спущенный въ Астрахани корабль былъ уничтоженъ Стенькою Разинымъ. Мастеровые разсѣялись, а одинъ изъ нихъ—корабельный плотникъ, этотъ самый Карштенъ Брантъ, проживалъ въ Москвѣ и кормился столярною работою.

Брантъ, по приказанію царя, починилъ ботъ, придѣлалъ мачту и паруса, и въ присутствіи Петра лавировалъ на рѣкѣ Яузѣ. Петръ дивился такому искусству, и самъ нѣсколько разъ вмѣстѣ съ Брантомъ повторялъ этотъ опытъ, но не всегда удачно: ботъ съ трудомъ поворачивался и упирался въ берега, потому что русло было слишкомъ узко. Петръ приказалъ перевезти ботъ на Просяной прудъ въ селѣ Измайловѣ, но и тамъ плаваніе оказалось

не совсѣмъ удобнымъ. Тогда Петръ узналъ, что озеро подъ Переяславлемъ будетъ для его цѣли подходящимъ. Оно имѣло въ окружности тридцать верстъ, а глубина его достигала шести саженей. Петръ выпросился у матери на богомолье къ Троицѣ, съѣздилъ въ Переяславль, осмотрѣлъ озеро, и оно очень ему понравилось. По возвращеніи въ Москву онъ упросилъ мать отпустить его снова въ Переяславль, чтобы тамъ заводить суда. Царица не могла отказать горячо любимому сыну, хотя сильно была противъ такихъ затѣй изъ боязни за его жизнь. Петръ, вмѣстѣ съ Брантомъ, заложилъ верфь при устьѣ рѣки Трубежа, впадающаго въ Переяславское озеро, и тѣмъ положилъ начало своему кораблестроенію.

Въ то же время потѣхи Петра съ ровесниками начинали принимать нешуточный характеръ. Петръ набиралъ въ число потѣшныхъ охотниковъ всякаго званія, и въ 1687 году изъ нихъ составилось два правильныхъ полка, названныхъ по имени двухъ царскихъ подмосковныхъ селъ: Преображенскимъ и Семеновскимъ. Нравилось Петру плаваніе на судахъ по водѣ; любилъ онъ и военныя упражненія, и съ помощью потѣшныхъ соорудилъ онъ на Яузѣ земляную крѣпость съ орудіями, и далъ ей иностранное названіе Пресбурга.

Софія и ея сторонники старались представить эти потѣхи молодого царя сумасбродными дурачествами; сама мать Наталья Кирилловна не видѣла въ нихъ ничего, кромѣ забавы пылкаго юноши и думала остепенить его женитьбою: она нашла ему невѣсту, молодую и красивую дѣвицу Евдокію Лопухину. Отецъ ея, окольничій Ларіонъ, былъ переименованъ въ Ѳедора. Свадьба совершилась 27 января 1689 года. Петръ не имѣлъ никакого сердечнаго влеченія къ своей супругѣ и женился изъ угожденія матери, женился такъ, какъ женилась большая часть людей того времени. Мать надѣялась, что молодой человѣкъ, женившись, начнетъ вести ту жизнь, которая считалась приличною для царя и важныхъ особъ. Но Петръ вскорѣ послѣ женитьбы, какъ только начали вскрываться рѣки, поскакалъ въ Переяславль и тамъ занялся постройкою судовъ. Мать хотѣла отвлечь его и требовала его возвращенія въ Москву подъ предлогомъ панихиды по царѣ Ѳедорѣ: „изволила мнѣ приказывать быть въ Москвѣ“, писалъ Петръ матери, „и я быть готовъ, только, ей-ей, дѣло есть“. Мать настойчиво требовала, чтобъ онъ ѣхалъ въ столицу. Петръ повиновался, пріѣхалъ въ Москву, но черезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на Переяславское озеро. Любя свою мать, онъ въ письмахъ своихъ дѣлился съ нею удовольствіемъ, какое испытывалъ

отъ успѣха своего дѣла. „У насъ", писалъ онъ, — „все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши". Но царица Наталія не понимала порывовъ своего сына и притомъ боялась враждебныхъ замысловъ Софьи. Она звала его снова въ Москву. Молодая супруга также скучала о немъ, писала къ нему, называла его „своей радостью", „свѣтомъ", „лапушкой", просила пріѣзжать или позволить ей пріѣхать къ нему. Петръ, вызванный настоятельными требованіями матери, лѣтомъ съ неохотою вернулся въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ осенью былъ открытъ заговоръ стрѣльцовъ. Петру уже было не до кораблей; спасаясь отъ явной смерти, онъ бѣжалъ къ Троицѣ, и оттуда, при помощи русскихъ служилыхъ людей, уничтожилъ правленіе Софьи и сталъ на самомъ дѣлѣ самодержавнымъ государемъ. Съ этихъ поръ началась его непрерывная самобытная дѣятельность.

Въ числѣ разныхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ съ Гордономъ къ Петру во время его пребыванія у Троицы, былъ и Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Онъ былъ родомъ женевецъ, сынъ зажиточнаго гражданина, занимавшагося торговлей. Въ молодости онъ отправился въ Голландію, оттуда въ Данію, учился военному искусству и съ датскимъ посланникомъ прибылъ въ Архангельскъ, искать счастья въ Московскомъ Государствѣ. То было еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1675 году. Лефортъ скоро выучился по русски, женился въ Россіи на иноземкѣ, дочери богатой вдовы Соге; подобно другимъ иноземцамъ, служилъ въ войскѣ, получая за службу чины, пользовался расположеніемъ временщика князя Василія Васильевича Голицына, передъ которымъ ходатайствовалъ за Лефорта женевскій сенатъ, но, впрочемъ, не выдался ничѣмъ особеннымъ. Любознательный Петръ вообще естественно привязывался къ иностранцамъ, такъ какъ отъ нихъ только могъ получать отвѣты на свои разспросы, и такъ какъ они болѣе русскихъ могли сочувствовать его страсти къ нововведеніямъ, которая въ немъ уже проявлялась. Но никто изъ иноземцевъ до такой степени не понравился Петру, какъ Лефортъ. По свидѣтельству знавшихъ его лично, это былъ человѣкъ мало свѣдущій, но зато умѣвшій обо всемъ хорошо говорить, человѣкъ веселаго нрава и необыкновенно пріятный собесѣдникъ. Въ этомъ качествѣ, столько сродномъ племени, къ которому принадлежалъ Лефортъ, и заключается причина, почему Петръ привязался къ этому человѣку. Лефортъ обладалъ рѣдкимъ житейскимъ тактомъ. Пользуясь благосклонностью и привязанностью царя, онъ никому не вредилъ, не имѣлъ того высокомѣрія, которымъ вообще вооружали противъ себя русскихъ живущіе среди нихъ иностранцы: Лефортъ, зна-

комя Петра своими разсказами съ культурнымъ ходомъ европейской жизни, отнюдь не старался своимъ вліяніемъ выводить впередъ иностранцевъ передъ русскими; напротивъ, совѣтовалъ приближать къ себѣ русскихъ, возвышать ихъ, и самъ постоянно казался преданнымъ пользѣ страны, въ которой нашелъ себѣ новое отечество. Если Лефортъ мало имѣлъ основательныхъ свѣдѣній въ военномъ устройствѣ и въ кораблестроеніи, за то съ жаромъ и съ восторгомъ говорилъ объ этомъ передъ Петромъ, и располагалъ Петра къ усвоенію наружныхъ признаковъ иноземнаго строя. Такимъ образомъ, подъ его вліяніемъ, Петръ пристрастился къ иноземному платью. Разсказываютъ, что Лефортъ самъ лично являлся передъ Петромъ то въ той, то въ другой военной формѣ, съ позволенія Петра переодѣлъ русскихъ солдатъ въ иноземные мундиры, обучалъ ихъ въ глазахъ царя военнымъ эволюціямъ и приводилъ его въ восторгъ. Царь самъ нарядился въ иноземное военное платье и вздумалъ пройти всю военную службу, начиная съ малыхъ чиновъ, самъ учился всякимъ пріемамъ военнаго искусства, и, при необыкновенной своей воспріимчивости, скоро пріобрѣталъ навыкъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ, устраивать понтоны, мины, копать шанцы и пр. Вскорѣ по своемъ сближеніи съ Лефортомъ, Петръ произвелъ его въ генералъ-маіоры, устраивалъ съ нимъ примѣрныя битвы, которыя были разомъ и потѣхами, и средствомъ обученія. Эти потѣхи не обходились, однако, даромъ; на одномъ изъ подобныхъ примѣрныхъ сраженій лопнувшая ручная граната опалила лицо царю и ранила многихъ офицеровъ. На другомъ такомъ сраженіи, происходившемъ 4 сентября 1690 года, было много раненыхъ, и самъ генералъ Гордонъ, съ поврежденной ногой и обожженнымъ лицомъ, послѣ того пролежалъ съ недѣлю въ постелѣ. На слѣдующій годъ, осенью, потѣхи этого рода приняли еще большіе размѣры. Царь приказалъ построить близъ села Преображенскаго земляное укрѣпленіе, названное имъ Пресбургомъ, раздѣлилъ войска на двѣ половины: одна должна была защищать укрѣпленіе, другая—взять его. На этой примѣрной битвѣ было еще болѣе раненыхъ, чѣмъ прежде, а одинъ изъ ближнихъ людей царя, Иванъ Долгорукій, лишился жизни. За такими потѣхами слѣдовали шумные пиры. Лефортъ по этой части былъ дорогой человѣкъ для царя: никто не умѣлъ лучше его устроивать пиры. Онъ ввелъ Петра въ иноземное общество въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ царь нашелъ полную непринужденность обращенія, противоположную русской старинной чопорности. Тамъ господствовалъ самый широкій разгулъ: пили вино до безобразія, пля-

сали до упаду. Иногда по два, по три дня пировали безъ устали, не ложась спать. Женщины участвовали въ этихъ кутежахъ, придавая имъ своимъ присутствіемъ живость и разнообразіе. Петръ пилъ безъ мѣры, но при своей необычайно крѣпкой натурѣ скоро протрезвлялся и принимался съ бо́льшимъ жаромъ за работу, въ то время когда другіе послѣ подобнаго пира долго не могли оправиться. Вмѣстѣ съ иноземцами пировали съ царемъ и русскіе. Пиры эти происходили главнымъ образомъ въ домѣ Лефорта, иногда же у Гордона и у близкихъ любимцевъ царя: Льва Нарышкина, Бориса Голицына, Петра Васильевича Шереметева. Царь со всѣми обращался запросто, какъ равный всѣмъ другимъ собесѣдникъ, но иногда какое-нибудь не впопадъ сказанное слово приводило его въ такой гнѣвъ, особенно когда его природная горячность усиливалась выпитымъ виномъ, что всѣ умолкали и дрожали отъ страху. Одинъ только Лефортъ умѣлъ въ эти минуты успокоить и развлечь царя. Гнѣвъ царя проходилъ скоро, и онъ снова дѣлался веселымъ; кругомъ снова все веселилось и шумѣло; на дворѣ зажигались разноцвѣтные потѣшные огни, пускались ракеты. Въ продолженіе святокъ и масляницы, Петръ со своей компаніей ѣздилъ въ дома вельможъ и богатыхъ купцовъ славить Христа, вездѣ пилъ, веселился и получалъ дары по старому русскому обыкновенію. Въ эти молодые годы своей жизни онъ положилъ начало юмористическому учрежденію, которое поддерживалъ всю свою жизнь. Это былъ такъ называемый „всешутнѣйшій, всепьянѣйшій и сумасброднѣйшій соборъ", состоявшій изъ ближнихъ къ царю лицъ: то была пародія на церковную іерархію. Бывшій учитель Петра, Никита Моисеевичъ Зотовъ, былъ названъ „всешутѣйшимъ патріархомъ или князь-папою". Князь Ѳедоръ Ромодановскій былъ названъ кесаремъ, другіе придворные получили въ насмѣшку титулы владыкъ разныхъ городовъ, а самъ Петръ носилъ титулъ протодіакона. Цѣль этого собора состояла въ усердномъ служеніи Бахусу и въ частомъ обхожденіи съ крѣпкими напитками; предаваться пьянству и обжорству на засѣданіяхъ этого собора сдѣлалось обычнымъ; способъ выраженія отличался самымъ грубымъ цинизмомъ.

Разгульная жизнь Петра отразилась и на его семейныхъ отношеніяхъ. Лефортъ сблизилъ Петра съ семействомъ Монсовъ, гдѣ было двѣ дочери; Петру сильно приглянулась одна изъ нихъ— Анна. Умная, кокетливая нѣмка умѣла привязать его къ себѣ тѣмъ наружнымъ лоскомъ обращенія, котораго недоставало русскимъ женщинамъ. Петръ съ этихъ поръ не взлюбилъ жены

своей, чуждался домашняго очага, но принужденъ былъ сдерживать себя, пока жива была его мать.

Дѣло мѣшалось съ бездѣльемъ. Съ лѣта 1689 года Петръ оставилъ свои переяславскія кораблестроительныя работы, хотя въ Переяславлѣ мастеръ Карштенъ Брантъ, по царскому приказанію продолжалъ строить суда и построилъ два малыхъ фрегата и три яхты. Царь въ это время, между прочимъ, упражнялся въ постройкѣ небольшихъ гребныхъ судовъ на Москвѣрѣкѣ. Въ концѣ лѣта 1691 года, онъ снова отправился въ Переяславль и заложилъ первый русскій военный корабль, поручивъ постройку его Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, назвавши его адмираломъ еще не существовавшаго флота. На другой годъ корабль былъ готовъ и спущенъ на воду въ присутствіи двухъ царицъ и двора. Усиленные труды и неумѣренные кутежи подорвали-было здоровье Петра. Онъ заболѣлъ такъ опасно, что чуть было не умеръ, и близкіе къ нему люди собирались на случай его смерти тотчасъ бѣжать изъ Россіи, зная, что Софія, взявши снова въ свои руки правленіе, не пощадитъ ихъ. Но сильная натура Петра взяла верхъ, онъ выздоровѣлъ и съ прежнимъ увлеченіемъ принялся за свое дѣло.

Переяславское озеро было слишкомъ тѣсно. Петръ лѣтомъ въ 1693 году отправился въ Архангельскъ, чтобы видѣть море и устройство купеческихъ кораблей, приходившихъ въ этотъ единственный русскій портъ. Царь съ большимъ любопытствомъ осматривалъ суда, всякіе иноземные товары, привозимые изъ Европы, обо всемъ разспрашивалъ и тутъ же дѣлалъ соображенія о заведеніи русскаго флота и расширеніи торговли. При посредствѣ сопровождавшаго его Лефорта, Петръ заказалъ большой корабль, поручивъ его снаряженіе амстердамскому бургомистру Витцену. Кромѣ того, начата была постройка двухъ кораблей въ самомъ Архангельскѣ. Совершивши небольшое плаваніе по Бѣлому морю— первое морское плаваніе Петра—онъ воротился въ Москву осенью.

Въ январѣ 1694 года скончалась царица Наталья Кирилловна. Петръ жалѣлъ и плакалъ о ней, потому что любилъ ее; но смерть матери совершенно развязала ему руки. Онъ съ жаромъ принялся за дѣло кораблестроенія, приказалъ заранѣе отправить въ Архангельскъ оружіе, порохъ, снасти, изготовить досчаники для плаванія по Двинѣ. 29-го апрѣля, Лефортъ далъ у себя прощальный пиръ съ музыкою и барабаннымъ боемъ, но безъ танцевъ, по причинѣ недавней семейной потери царя. Вслѣдъ затѣмъ царь отправился съ четырьмя-стами ближнихъ людей въ Архангельскъ. Уже плывя по Двинѣ, Петръ тѣшился, называя

досчаники флотомъ, и выдумалъ для этого флота особый русскій флагъ: красный, синій и бѣлый, оставшійся до сихъ поръ русскимъ флагомъ. Къ величайшему удовольствію Петра, одинъ изъ строившихся въ Архангельскѣ кораблей уже былъ готовъ и спущенъ на Двину 20-го мая. Царь на этомъ кораблѣ пировалъ и угощалъ иностранныхъ мастеровъ, строившихъ корабль. 30-го мая, царь отправился въ Соловки на яхтѣ, названной Св. Петромъ. На пути сдѣлалась такая страшная буря, что всѣ готовились къ смерти и причащались св. Таинъ изъ рукъ архіерея, сопровождавшаго царя; къ счастью, нашелся отважный лоцманъ, Сумской веси крестьянинъ Антипъ Пановъ. Онъ вызвался провести судно среди подводныхъ камней въ Унскую губу и съ успѣхомъ исполнилъ свое дѣло. Яхта счастливо пристала къ Пертоминскому монастырю.

Опасность, испытанная Петромъ, не только не охладила его, но еще болѣе пристрастила къ водѣ. Благополучное возвращеніе въ Архангельскъ послужило поводомъ къ веселью на нѣсколько дней. 28-го іюня, спущенъ былъ второй корабль, построенный въ Архангельскѣ. Петръ опять пировалъ на радости. 21-го іюля прибылъ корабль, заказанный въ Голландіи. Это дало поводъ еще къ бóльшему торжеству, и Петръ по этому случаю писалъ въ Москву къ Виніусу, что у нихъ „Бахусъ почитается и своими листьями заслоняетъ хотящимъ писать пространно“. Въ августѣ Петръ со своими кораблями опять пустился въ море. При плохомъ умѣньи управлять кораблями, царь снова подвергся опасности кораблекрушенія, но счастливо избѣжалъ его и воротился въ Архангельскъ. Съ этихъ поръ Петръ считалъ флотъ свой существующимъ, и назначилъ адмираломъ его своего любимца Лефорта. Вернувшись въ Москву, Петръ устроилъ сухопутную военную потѣху, примѣрное сраженіе при деревнѣ Кожуховѣ. Это была самая громкая и вмѣстѣ послѣдняя потѣха царя. Войско было раздѣлено на двѣ половины: одна — подъ начальствомъ Ѳедора Ромодановскаго, другая, непріятельская, подъ начальствомъ Бутурлина, разыгрывавшаго роль польскаго короля. Здѣсь, какъ на театрѣ, изображались всѣ пріемы войны: военные совѣты, переговоры, копаніе минъ, постройка мостовъ, засыпаніе рвовъ. Много было побитыхъ и раненыхъ. Петръ участвовалъ въ битвѣ въ чинѣ бомбардира, подъ именемъ Петра Алексѣева. Наконецъ, мнимый польскій король былъ взятъ въ плѣнъ, а потомъ все кончилось веселымъ пиромъ, устроеннымъ у генералиссимуса Ромодановскаго на счетъ знатнѣйшихъ купцовъ. Эта потѣшная война съ походомъ продолжалась около мѣсяца.

Всѣ эти потѣхи были, такъ сказать, дѣтскимъ удовлетворенiемъ сильной жажды дѣятельности и великихъ подвиговъ, охватившей душу молодого царя. Не долго онъ довольствовался игрою въ завоеванiя и кораблестроенiя: въ 1695 году, онъ обратился къ дѣйствительно важному предпрiятiю. Предшествовавшая исторiя оставила царствованiю Петра вопросъ съ Крымомъ нерѣшеннымъ. Съ XVI вѣка московская Русь вела упорную борьбу съ крымскими татарами за обладанiе громаднымъ южнымъ пространствомъ нынѣшней Россiи. Русскiе шагъ за шагомъ подвигались все далѣе и далѣе на югъ, созидались укрѣпленные города, около нихъ возникали села и деревни. Народонаселенiе размножалось; богатая черноземная почва южныхъ земель открывала для Россiи источникъ такихъ богатствъ, о которыхъ нельзя было и помышлять прежнимъ поколѣнiямъ, поневолѣ замкнутымъ въ сѣверныхъ тундрахъ и лѣсахъ. Но благосостоянiю южныхъ областей продолжали мѣшать крымскiе и ногайскiе татары, хотя уже не такъ страшные, какъ въ былыя времена. Для всякаго политическаго ума было ясно, что движенiе Россiи на югъ необходимо должно было упереться въ естественные предѣлы Чернаго и Азовскаго морей и присвоить Русскому государству всѣ черноморскiе берега, населенные тогда татарами, состоявшими подъ владычествомъ Турцiи. Такимъ образомъ, впереди для Россiи было неизбѣжно столкновенiе съ Турцiей; оно уже послѣдовало при Алексѣѣ Михайловичѣ, повторилось въ правленiе Софьи и пресѣклось только до поры до времени, по неумѣнiю найти удобныя средства къ веденiю войны и по недостатку рѣшимости. Петръ сразу понялъ, что въ рѣшенiи вопроса объ обладанiи моремъ стоитъ важнѣйшая политическая задача Россiи того времени, и со свойственной его юношескому возрасту отвагой, не долго размышляя, рѣшился возобновить прiостановленное предпрiятiе. Въ началѣ 1695 года, онъ приказалъ объявить походъ на Крымъ. Государство имѣло въ распоряженiи сто двадцать тысячъ войска, кромѣ малороссiйскихъ полковъ. Изъ этого числа тридцать одна тысяча назначена была для взятiя Азова, ближайшаго приморскаго города. Половина этого войска была отправлена подъ начальствомъ Головина и Лефорта водою (изъ Москвы 30-го апрѣля) по Москвѣ-рѣкѣ, Окѣ и Волгѣ до Царицына, куда войско прибыло 8-го iюня; оттуда оно должно было пройти къ казачьему городку Паншину, куда велѣно было собрать продовольствiе; для перехода не было заготовлено надлежащаго количества лошадей, такъ что солдаты принуждены были на себѣ тащить въ продолженiи трехъ сутокъ орудiя и прочiя тяжести. Отъ Паншина войску слѣдовало

идти по Дону до Азова. Съ этимъ войскомъ шелъ самъ государь въ званіи бомбардира. Но русскіе, слѣдуя старинной привычкѣ, плохо исполняли повелѣнія власти: подрядчики, обязавшіеся поставить запасы для войска, взявши за то деньги, не только не поставили запасовъ въ срокъ, но и самихъ подрядчиковъ пришлось отыскивать по разнымъ городамъ; между прочимъ, соли они вовсе не поставили. Преодолѣвая всѣ эти трудности, русское войско, проплывъ по Дону, достигло наконецъ Азова, 29-го іюня. Другой отрядъ его, подъ начальствомъ генерала Гордона, шелъ до Черкаска сухопутьемъ: здѣсь военному начальству приходилось бороться съ лѣнью, непослушаніемъ и невѣжествомъ; такъ, когда нужно было построить мостъ черезъ Сѣверный Донецъ, стрѣльцы, работавшіе надъ мостомъ, приводили въ досаду генерала Гордона и, вмѣсто трехъ недѣль предполагаемаго пути изъ Тамбова до Черкаска, ему пришлось тянуться цѣлыхъ два мѣсяца.

Городъ Азовъ взять было не легко; хотя въ немъ тогда, кромѣ жителей, было не болѣе 8,000 непріятельскаго гарнизона, но Азовъ былъ обведенъ очень крѣпкимъ валомъ и рвомъ, шириною въ семь саженей. За валомъ внутри была каменная стѣна, вышиною въ двѣ съ половиною сажени, а за нею другая стѣна, за которою находился домъ турецкаго коменданта, мечеть и помѣщеніе для гарнизона. Впереди крѣпости, на обоихъ берегахъ Дона построены были небольшія укрѣпленія, называемыя каланчами. Военныя дѣйствія начаты были генераломъ Гордономъ нападеніемъ на одну изъ каланчей. Турки, находясь тамъ въ маломъ числѣ, защищались храбро, но подъ конецъ не выдержали и покинули каланчу. Затѣмъ другая каланча, стоявшая на противоположной сторонѣ Дона, сдалась. Русскіе овладѣли въ двухъ каланчахъ порядочнымъ количествомъ боевыхъ и съѣстныхъ запасовъ. Послѣ того приступили къ осадѣ самаго Азова и начали пальбу по крѣпости. Петръ, въ званіи бомбардира, самъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ изъ нихъ бомбами. Но одинъ изъ иностранныхъ инженеровъ, голландецъ Яковъ Янсенъ, обласканный царемъ и поэтому знавшій его планы, перебѣжалъ къ непріятелю и разсказалъ, что туркамъ удобно можно сдѣлать вылазку на ставку генерала Лефорта. Турки послали янычаръ, которые перебили многихъ сонныхъ стрѣльцовъ, и нанесли бы русскимъ жестокое пораженіе, если бы генералъ Гордонъ не успѣлъ въ-пору отбить ихъ. Бомбардированіе послѣ того продолжалось, но безъ особеннаго успѣха. Главною причиною было то, что военачальники, не завися другъ отъ друга, дѣйствовали самостоятельно, и

поэтому въ ихъ распоряженіяхъ недоставало необходимаго единства. 5-го августа, предприняли генеральный штурмъ крѣпости, но турки отбили его. Въ сентябрѣ русскіе приготовились къ новому штурму, а между тѣмъ начали вести подкопы, но дѣлали ихъ такъ неискусно, что, когда послѣдовалъ взрывъ, то побито было много своихъ. Возобновлены были опять попытки къ штурму и окончились также неудачно; наконецъ, 27-го сентября, рѣшено было оставить осаду. Отступленіе войска сопровождалось печальнымъ обстоятельствомъ: немало людей потонуло въ Дону отъ разлива рѣки, а когда пришлось войску идти черезъ безлюдную степь до Валуекъ, перваго русскаго города на южной оконечности Русскаго государства, то множество людей погибло отъ голода и ранней зимы, захватившей плохо одѣтое войско.

Первая неудача не повергла Петра въ уныніе, напротивъ, только побудила его во что бы то ни стало овладѣть Азовомъ и проложить себѣ путь къ Черному морю. Онъ увидѣлъ необходимость построить на Дону гребной флотъ, во-первыхъ, для удобнаго перевоза войска, во-вторыхъ, для дѣйствія противъ турокъ съ моря. Мысль—перенести на Донъ свои судостроительныя попытки съ сѣвера—естественно должна была быть внушена ему прежними событіями: для сношенія съ донскими казаками и доставки имъ хлѣбныхъ запасовъ давно уже было въ обычаѣ строить на Дону и на берегахъ рѣки Воронежа плоскодонныя суда, называемыя стругами, имѣвшія отъ пятнадцати до семнадцати сажень въ длину и до трехъ — въ ширину. Постройкѣ этихъ судовъ способствовали дремучіе лѣса, которые, однако, и въ то время чрезвычайно быстро истреблялись отъ крайне неправильной порубки. Петръ выбралъ городъ Воронежъ для устройства верфи, отправился туда самъ зимою, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ занимался постройкою судовъ. Въ другихъ сосѣднихъ мѣстахъ въ то же время шла также постройка судовъ, которыя спускались къ Воронежу. Работало надъ этимъ дѣломъ двадцать-шесть тысячъ человѣкъ, высланныхъ изъ украинныхъ городовъ по наряду. Такимъ образомъ, было построено 23 галеры, 2 корабля, 4 брандера и 1,300 судовъ старой конструкціи. Постройка судовъ шла съ большими затрудненіями: работники бѣгали отъ работы, жестокая зимняя стужа мѣшала скорости работы, вдобавокъ на мѣстѣ, гдѣ производились работы, происходили пожары. Царь, похоронивши своего брата Ивана, умершаго скоропостижно 29-го января 1696 года, немедленно отправился въ Воронежъ, несмотря на то, что у него болѣла нога. Петръ дѣятельно распоряжался постройкою, нерѣдко самъ

принимаясь за топоръ. Для умноженія сухопутнаго войска велѣно было еще въ декабрѣ 1695 года кликнуть кличъ, чтобы всѣ охочіе люди, не исключая и крѣпостныхъ, записывались въ солдаты и стрѣльцы.

Съ первыхъ чиселъ апрѣля начали спускать суда на воду, а тѣмъ временемъ подходили собиравшіяся въ Воронежъ войска. 3-го мая, караванъ судовъ двинулся съ войскомъ по Дону. Всего войска было до 40,000. Главнокомандующимъ назначенъ былъ генералиссимусъ Шеинъ, адмираломъ флота Лефортъ, а вицъ-адмираломъ Лима. Самъ царь, въ званіи капитана Петра Алексѣева, находился на построенной имъ галерѣ, названной Принципіумъ. Кромѣ войскъ, отправленныхъ по Дону, назначено было дѣйствовать запорожцамъ и донцамъ. По совѣту Гордона, сдѣланъ былъ около города большой земляной валъ, надъ которымъ работали денно и нощно до 12,000 человѣкъ, стараясь возвести его выше городскихъ стѣнъ. Татары, покусившіеся помѣшать работамъ, были разсѣяны. Городъ былъ осажденъ со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ русская флотилія не допускала турецкій флотъ подать помощь осажденнымъ. 17-го іюля, малороссійскіе и донскіе казаки пошли на штурмъ и не могли взять города, но турки, опасаясь возобновленія штурма въ большемъ размѣрѣ, на другой же день сдались – съ условіемъ выдти изъ города съ ручнымъ оружіемъ и со своими семействами. Петръ выговорилъ себѣ выдачу измѣнника Япсена, который просилъ турокъ лучше отсѣчь ему голову, нежели выдавать Москвѣ. Турки выдали его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими раскольниками, перебѣжавшими къ нимъ.

Такимъ образомъ, Петръ сдѣлалъ первый шагъ къ овладѣнію Чернымъ моремъ — событіе было чрезвычайно важнымъ въ свое время.

Петръ на возвратномъ пути осмотрѣлъ тульскіе желѣзные заводы, и, прибывши въ Москву, устроилъ тамъ никогда еще невиданный праздникъ — въѣздъ побѣдителей чрезъ тріумфальныя ворота, украшенныя разными символическими изображеніями и надписями. Въ шествіи вели плѣнныхъ и везли измѣнника Япсена, на поруганіе одѣтаго по-турецки, въ цѣпяхъ, подъ висѣлицею съ петлею на шеѣ и съ надписью, гласившей объ его измѣнѣ и отступничествѣ. Япсенъ былъ битъ кнутомъ, а потомъ всенародно колесованъ среди празднествъ по поводу побѣды.

Для того, чтобы Азовъ остался за Россіею, недостаточно было его взять, нужно было сдѣлать русскимъ городомъ. Съ этой цѣлью государь вмѣстѣ съ боярами указалъ послать туда для поселенія 3,000 семей изъ низовыхъ городовъ, и 400 человѣкъ

конницы; кромѣ того, положено содержать тамъ 3000 войска до окончательнаго заселенія Азова. Но одно владѣніе Азовомъ не имѣло само по себѣ большой важности: оно могло только открывать путь къ дальнѣйшему движенію Россіи на югъ, къ обладанію черноморскимъ берегомъ и Чернымъ моремъ. Упорное противодѣйствіе со стороны турокъ и татаръ было неизбѣжно; къ нему должна была готовиться Россія и готовиться поспѣшно, а для этой цѣли необходимъ былъ флотъ, и Петръ выдумалъ такое средство, чтобы создать его въ самое короткое время.

4 ноября 1696 года, въ Преображенскомъ селѣ государь собралъ думу, въ которую приглашены были и иностранцы. Эта дума, по волѣ государя, постановила такой приговоръ: всѣмъ жителямъ Московскаго Государства участвовать въ постройкѣ кораблей. Вотчинники, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, помѣщики, гости и торговые люди обязаны были въ опредѣленномъ числѣ строить сами корабли, а мелкопомѣстные помогать взносомъ денегъ. Съ этою цѣлью положено было, чтобы владѣльцы духовные съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10,000 дворовъ построили по одному кораблю, а гости и торговые люди, вмѣсто десятой деньги, которая съ нихъ собиралась, построили бы 12 кораблей; мелкопомѣстные же, у которыхъ было менѣе ста дворовъ, должны были вносить по полтинѣ съ двора. Участники въ постройкѣ должны были для этого слагаться въ „кумпанства“: кумпанствомъ называлась купа владѣльцевъ, которые, сложившись вмѣстѣ, представляли число крестьянскихъ дворовъ, назначенное для построенія корабля. Такъ образовались духовныя, свѣтскія и гостиныя кумпанства. Они носили названія по имени сановниковъ, занимавшихъ наиболѣе видное мѣсто, напримѣръ: кумпанство митрополита такого-то, или: кумпанство князя такого-то. Постройка судовъ должна была производиться въ Воронежѣ и въ сосѣднихъ пристаняхъ [1]). Лѣсъ для кораблей положено было рубить въ нарочно отведенныхъ для того угодьяхъ, а для рубки выслать жителей украинныхъ городовъ. Всѣхъ судовъ положено построить 52, которыя раздѣлялись на четыре класса: баркалоны, которыхъ постройка была возложена на кумпанство свѣтскихъ домовладѣльцевъ и съ ними на двухъ духовныхъ: на казанскаго и вологодскаго владыкъ (это были большія суда въ 115 футовъ длиною и 27 шириною, при семи футахъ углубленія, съ значительнымъ числомъ большихъ чугунныхъ орудій, отъ 26 до 44-хъ); барбарскія суда, отличавшіяся большею шириною относительно

[1]) Въ селѣ Чертовицкомъ, на пристаняхъ: Романской, Ступинской, а также по Хопру и Дону.

длины, выпали на долю гостиныхъ кумпанствъ; третій родъ судовъ назывался бомбардирскимъ, разной длины (отъ 80 до 90 футовъ при 20 и 28 футахъ ширины); четвертый—галеры (шириною въ 24 фута, а длиною отъ 125 до 174). Постройка послѣднихъ падала на долю духовныхъ землевладѣльцевъ. Каждое кумпанство обязано было не только выстроить корабль, но и снарядить его на свой счетъ. Для производства постройки судовъ выписаны были въ 1696 году иноземные мастера. Венеціанскій сенатъ по просьбѣ царя прислалъ трипадцать судостроителей, а въ началѣ 1697 года, по приказанію царя, Францъ Тиммерманъ черезъ своихъ агентовъ выписалъ пятьдесятъ мастеровъ изъ голландцевъ, шведовъ и датчанъ. Этихъ мастеровъ отправляли въ Воронежъ и распредѣляли по кумпанствамъ на срокъ. Если изъ нихъ кто умиралъ или послѣ срока удалялся, то кумпанства сами должны были пріискивать мастеровъ. Большая часть кумпанствъ, не въ силахъ будучи сама вести этого дѣла, отдавала постройку возложенныхъ на нихъ судовъ въ подрядъ иноземнымъ мастерамъ. Второстепенные рабочіе, какъ-то: плотники, кузнецы, столяры—были изъ русскихъ. Общій надзоръ надъ постройкой судовъ порученъ былъ окольничему Протасьеву, съ званіемъ „адмиралтейца". На Азовскомъ морѣ въ то же время строили гавань, избравши мѣстомъ для этого Таганрогъ. Наконецъ, Петръ, въ связи съ дѣломъ судостроенія, предпринялъ прорыть каналъ между Дономъ и Волгою посредствомъ рѣкъ: Иловли и Камышенки.

Дѣло судостроенія шло довольно успѣшно. Въ 1698 году, были построены требуемыя суда, но Петру приходилось сильно бороться съ разными препятствіями: рабочіе безпрестанно бѣгали, иноземные мастера ссорились между собою, а иные брали деньги, а отъ дѣла уклонялись.

Любимая до страсти Петромъ мысль о кораблестроеніи послѣдовательно увлекала его къ тѣснѣйшему сближенію съ западной Европой. Постройка судовъ такимъ образомъ, какъ она совершалась въ Воронежѣ, не могла быть прочнымъ дѣломъ на будущее время. Кумпанства, поневолѣ обязанныя давать средства на постройку судовъ, не могли сдѣлать шага безъ иностранныхъ мастеровъ. Петръ не могъ быть доволенъ послѣдними: многіе изъ нихъ были искатели счастья, думавшіе, что они пришли въ такую страну, гдѣ и плохая работа можетъ показаться отличною. Сверхъ того, подобный способъ судостроенія поставлялъ Россію въ постоянную необходимость пробавляться искусствомъ иностранцевъ и тѣмъ самымъ зависѣть отъ нихъ. Надобно было приготовить знающихъ русскихъ мастеровъ. Съ этою цѣлью Петръ отпра-

вилъ за границу пятьдесятъ молодыхъ людей стольниковъ и при каждомъ по солдату. Цѣлью посылки было спеціальное обученіе корабельному искусству и архитектурѣ, а поэтому они отправлены въ такія страны, гдѣ въ то время процвѣтало мореплаваніе: въ Голландію, Англію и Италію, преимущественно въ Венецію. Мѣра эта возбудила сильный ропотъ: въ Россіи, жившей столько вѣковъ въ отчужденіи отъ Запада, постоянно господствовала боязнь, чтобы русскіе, усвоивая знанія отъ иновѣрныхъ народовъ, не потеряли чистоты своей вѣры; духовенство толковало, что русскимъ православнымъ людямъ, новому Израилю, не слѣдуетъ сообщаться съ иноплеменниками, подобно тому, какъ это было запрещено Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ израильскому народу. Въ началѣ 1697 года, нѣкто монахъ Аврамій смѣло подалъ самому Петру обличеніе поступковъ царя. Аврамія пытали; онъ показалъ на многихъ лицъ, которыя охуждали поступки царя и его правленіе; между прочимъ жаловались, что царь ничьихъ совѣтовъ слышать не хочетъ, и самъ въ Преображенскомъ приказѣ пытаетъ людей и жестоко казнитъ. Оказавшихся виновными въ такихъ толкахъ наказали кнутомъ и сослали, но неудовольствіе не прекращалось. Даже намѣреніе прорыть каналъ между Волгою и Дономъ считали неугоднымъ Богу: „нельзя,—говорили русскіе люди,—обращать потоки въ одну сторону, когда уже Богъ обратилъ ихъ въ другую“. Отцы, отправляя за границу юношей, скорбѣли о разлукѣ съ ними, и проклинали судостроеніе, которымъ такъ увлекался ихъ государь. Сами молодые люди съ неохотою оставляли отечество, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые имѣли женъ и должны были покинуть ихъ. Петръ не смотрѣлъ ни на что: преданный до страсти своему дѣлу, онъ рѣшился ободрить и увлечь подданныхъ собственнымъ примѣромъ. Онъ сознавался передъ боярами, что, не получивъ надлежащаго образованія, не способенъ еще совершать дѣла, которыя считалъ полезными для своего государства, и не видитъ иного средства, какъ, сложивши на время для видимости корону, отправиться въ просвѣщенныя европейскія страны учиться. Подобнаго примѣра еще не было въ исторіи русскихъ царей. Приверженцы неподвижной старины съ негодованіемъ встрѣтили это намѣреніе. Петръ не смотрѣлъ на нихъ, учредилъ правительство изъ бояръ, подъ предсѣдательствомъ князя Ромодановскаго, которому прежде далъ титулъ князя-кесаря, и снарядилъ великими полномочными послами въ Вѣну, Голландію и Англію: Лефорта, въ званіи адмирала и новгородскаго намѣстника, сибирскаго намѣстника Өедора Алексѣевича Головина и бѣлевскаго намѣстника думнаго дьяка Прокопія Возни-

цына. При послахъ было болѣе двадцати дворянъ, тридцать-пять волонтеровъ, которые собственно назначались для изученія корабельнаго искусства, и, сверхъ того, большое число служителей и мастеровыхъ, между прочимъ много иностранцевъ, обжившихся въ Россіи. Петръ былъ въ свитѣ посольства, подъ именемъ капитана Петра Михайлова. Посольство отправилось въ мартѣ 1697 года къ шведскому рубежу въ Лифляндію, и первымъ иноземнымъ городомъ, гдѣ ему пришлось остановиться, была Рига. Петръ хотѣлъ оставаться совершенно незамѣченнымъ: всѣ почести предоставлены были посламъ; строго запрещено было русскимъ говорить, что между ними находится ихъ царь. Шведскій губернаторъ Риги Дальбергъ принялъ русское посольство съ оффиціальною честью, но однако безъ особенной предупредительности, и не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ своей обязанности. Дальбергъ хотя и зналъ, что въ свитѣ находится царь, но показывалъ видъ, что даже не подозрѣваетъ этого, исполняя тѣмъ самымъ буквально желаніе Петра находиться инкогнито. Когда Петръ захотѣлъ осмотрѣть въ зрительную трубу укрѣпленія Риги, Дальбергъ тотчасъ обратился къ Лефорту и потребовалъ, чтобы люди его свиты не смѣли позволять себѣ такихъ вольностей. Этотъ поступокъ сильно раздражилъ Петра: онъ не забылъ его и тогда, когда впослѣдствіи завоевалъ Ригу; и тогда, вспоминая о суровости Дальберга, онъ называлъ Ригу проклятымъ мѣстомъ. Въ сущности Дальбергъ исполнялъ только честно свою обязанность.

Въ Митавѣ курляндскій герцогъ принялъ русское посольство радушнѣе. Петръ, котораго больше всего занимало море, оставилъ пословъ слѣдовать до Кенигсберга сухимъ путемъ, а самъ въ Либавѣ сѣлъ на купеческій корабль съ волонтерами и отправился моремъ. 2-го мая присталъ онъ въ прусскій портъ, Пиллау, а оттуда пріѣхалъ въ Кенигсбергъ. Прусскій герцогъ курфюрстъ бранденбургскій принялъ его отлично и приготовилъ приличное помѣщеніе въ двухъ домахъ. Посольство прибыло послѣ и было принято съ пышностью. Здѣсь Петръ пробылъ до 10-го іюня. Посольство ожидало окончанія выбора короля въ Польшѣ. Пребывая въ Пруссіи, Петръ усердно занимался артиллерійскимъ дѣломъ у инженернаго подполковника Штернфельда и привелъ его въ изумленіе необыкновенною своею понятливостью.

Выѣхавши изъ Кенигсберга на пути въ Голландію, Петръ на дорогѣ получилъ пріятное для него извѣстіе изъ Польши, что курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ-Августъ, получилъ перевѣсъ надъ соперникомъ своимъ принцемъ де-Конти и признанъ польскимъ королемъ подъ именемъ Августа II. Избраніе этого ко-

роля имѣло важное значеніе въ исторіи отношеній Россіи къ Польшѣ. Августъ получилъ корону главнымъ образомъ потому, что Россія его поддерживала, и русскій резидентъ Никитинъ напугалъ поляковъ, что если они выберутъ французскаго принца, то Россія, вмѣстѣ съ римскимъ императоромъ, изъ опасенія дружбы французскаго короля съ Турціей, поставитъ себя въ непріязненныя отношенія къ Польшѣ. Россія рѣшила выборъ польскаго короля, и съ тѣхъ поръ, вмѣшиваясь во внѣшнія и внутреннія дѣла Польши, стала распоряжаться судьбою Рѣчи-Посполитой все больше и больше, до самаго ея паденія.

Путешествіе русскаго царя инкогнито не помѣшало повсюду распространяться о немъ вѣсти въ Германіи. Двѣ принцессы курфюрстины: ганноверская Софія и дочь ея, бранденбургская Софія-Шарлотта,—щеголявшія въ Германіи въ то время ученостью, покровительствомъ наукамъ и знакомствомъ съ Лейбницемъ, знаменитостью своего вѣка—полюбопытствовали видѣть государя дикой Московіи, ѣхавшаго въ Европу; онѣ встрѣтили Петра во владѣніяхъ герцога Цельскаго съ тремя принцами ганноверскаго семейства и толпою придворныхъ, въ мѣстечкѣ Коппенбургѣ. Петръ сначала дичился и не хотѣлъ идти къ нимъ, но, преодолѣвши свою застѣнчивость, явился къ принцессамъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ тамъ не было придворныхъ. Ловкія курфюрстины, своею любезностью, ободрили его и довели до такой развязности, что онъ позволилъ войти всѣмъ придворнымъ, заставлялъ ихъ пить вино большими стаканами по московскому обычаю, и для потѣхи принцессамъ со своими приближенными пустился плясать по-русски. Замѣчательно, что когда принцессы для всеобщаго увеселенія призвали итальянскихъ пѣвцовъ, Петръ откровенно сознался, что не имѣетъ склонности къ музыкѣ. Принцессы спросили его: любитъ ли онъ охоту? Петръ далъ такой замѣчательный отвѣтъ: „отецъ мой очень любилъ ее, но я больше люблю плавать по морю и пускать фейерверки“. Русскій царь показалъ принцессамъ свои руки, огрубѣлыя отъ работы. Принцессы послѣ этого свиданія оцѣнили его необыкновенный умъ и любознательность, но на нихъ непріятно подѣйствовали грубость его пріемовъ, неумѣніе ѣсть опрятно, безпрестанное трясеніе головою и нервныя гримасы на лицѣ. Принцессы выразились объ немъ, что „это человѣкъ очень хорошій и очень дурной!“

Петру нетерпѣливо хотѣлось въ Голландію, страну кораблей и всякаго мастерства: для него это была настоящая обѣтованная земля. Оставивши позади себя посольство, онъ поплылъ по Рейну и каналамъ съ нѣсколькими волонтерами и немногочисленной

прислугой. Петръ много наслышался о Голландіи отъ голландцевъ, которыхъ было очень много въ Россіи, и узналъ отъ нихъ о томъ, что недалеко отъ Амстердама, въ прибрежномъ мѣстечкѣ Саардамѣ, есть большая корабельная верфь. Не останавливаясь въ Амстердамѣ, Петръ оставилъ тамъ большую часть своихъ спутниковъ, взялъ съ собою только шесть волонтеровъ, и въ томъ числѣ Александра Меншикова, и пріѣхалъ въ Саардамъ 7-го августа, въ одеждѣ голландскаго плотника, — въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ парусинныхъ штанахъ и лакированной шляпѣ. Тамъ нашелъ онъ знакомаго кузнеца, работавшаго нѣкогда въ Москвѣ, Геррита Киста, пріютился въ его домѣ, упросивши хозяина никому не говорить, ктò онъ таковъ, и выдавалъ себя за простого русскаго плотника. Здѣсь царь принялся работать топоромъ вмѣстѣ съ другими работниками, ходилъ съ ними въ трактиръ пить пиво, посѣщалъ разные заводы и мельницы, которыхъ было много въ окрестностяхъ Саардама. Вскорѣ однако саардамцы смекнули по пріемамъ чужеземнаго плотника, что это долженъ быть важный человѣкъ, а жена кузнеца Киста проговорилась, и всѣ узнали, что плотникъ—царь; тогда за нимъ начала ходить толпа любопытныхъ. Однажды онъ раздражилъ уличныхъ мальчишекъ: онъ далъ нарочно однимъ изъ нихъ сливъ, а другимъ не далъ, и они на него за то кидали грязью. Царь принужденъ былъ жаловаться бургомистру. Бургомистръ для охраненія царя устроилъ на мосту стражу, чтобъ не давать толпѣ собираться передъ домомъ, гдѣ жилъ царь. Но это не помогало. Самъ Петръ не привыкъ сдерживать себя, и однажды, когда его окружила непрошенная толпа, безцеремонно ударилъ по щекѣ одного изъ зѣвакъ, котораго голландцы въ шутку прозвали послѣ этого „рыцаремъ“. Эти обстоятельства заставили Петра удалиться изъ Саардама, гдѣ онъ прожилъ всего восемь дней. 15-го августа, пріѣхалъ онъ въ Амстердамъ, куда вслѣдъ затѣмъ прибыло и русское посольство. Въ Амстердамѣ прожилъ онъ четыре мѣсяца. Здѣсь, при посредствѣ бургомистра Витсена, который былъ нѣкогда въ Россіи, Петръ опредѣлился простымъ рабочимъ на остъ-индскую верфь и съ чрезвычайнымъ увлеченіемъ, для собственнаго изученія кораблестроительнаго искусства, трудился надъ постройкою фрегата, заставляя и своихъ русскихъ волонтеровъ работать вмѣстѣ съ собою. Но голландскій способъ кораблестроенія не вполнѣ удовлетворялъ его: голландцы были только практики, теоретическая часть у нихъ была въ небреженіи; Петръ провѣдалъ, что въ этомъ отношеніи англичане стоятъ выше голландцевъ и задумалъ ѣхать въ Англію, съ цѣлью дальнѣйшаго своего усовершен-

ствованія въ кораблестроеніи. Петръ занимался не однимъ кораблестроеніемъ; его также занимало все другое: и фабрики, и анатомія, и естествознаніе; онъ ѣздилъ въ Лейденъ наблюдать надъ вскрытіемъ труповъ, изучать разные аппараты и микроскопы, занимался также гравированіемъ, и въ то же время не терялъ изъ вида внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ своего отечества, слѣдилъ за дѣлами въ Польшѣ, Турціи, за своими кумпанствами, продолжавшими строить корабли въ Россіи, договаривалъ и нанималъ мастеровъ для отправленія въ Россію и не оставлялъ безъ вниманія хода политическихъ событій въ Европѣ. Съ замѣчательною проницательностью предсказалъ онъ тогда разрывъ съ Франціею послѣ Ризвикскаго мира, которому радовались голландцы, названные царемъ за такую недальновидность дураками. Въ Утрехтѣ царь познакомился съ англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III, былъ принятъ имъ отлично, и это утвердило его въ намѣреніи ѣхать въ Англію. Онъ взялъ въ Голландіи отъ корабельнаго мастера, у котораго работалъ, аттестатъ на имя Петра Михайлова, и въ январѣ 1698 года прибылъ въ Англію.

Принятый въ Лондонѣ радушно королемъ, осмотрѣвъ на́-скоро достопримѣчательности Лондона, Петръ поспѣшилъ къ своему любимому дѣлу, поселился въ трехъ верстахъ отъ Лондона, въ городкѣ Дептфордѣ, на королевской верфи, принялся за работу подъ рукоко́дствомъ мистера Эвелина, началъ прилежно изучать теорію кораблестроенія и заниматься математикою, ѣздилъ оттуда въ Вульвичъ осматривать литейный заводъ и арсеналъ, обозрѣвалъ госпитали, монетный дворъ, гдѣ наблюдалъ производство работъ съ цѣлью примѣнить къ Россіи видѣнные имъ способы, посѣщалъ парламентъ, побывалъ въ Оксфордскомъ университетѣ, толковалъ съ англиканскими епископами о различіи вѣръ, заходилъ даже въ квакерскую общину, посѣщалъ разныя мастерскія, и не было, говорили англичане, такого искусства или ремесла, съ которымъ не ознакомился бы русскій царь, но потомъ онъ все-таки возвратился опять къ своему любимому кораблестроенію. Все его интересовало, но корабельное дѣло было ему всего милѣе. „Англійскій адмиралъ,—говорилъ онъ тогда въ порывѣ восторга,—счастливѣе московскаго царя“. Салисбюрійскій епископъ Бёрнетъ, которому было поручено показывать царю достопримѣчательности и объяснять ихъ, сдѣлалъ нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній насчетъ личности Петра. „Это былъ, человѣкъ, по мнѣнію Бёрнета, съ необыкновенными способностями и съ такими познаніями, которыхъ нельзя было ожидать при его небрежномъ воспитаніи, проявлявшемся на каждомъ шагу; онъ очень горячъ,

порывистъ, страстенъ и крайне грубъ; постоянное излишнее употребленіе вина развило въ немъ еще сильнѣе эти качества". Страстная любовь Петра къ кораблестроенію побудила Бёрнета сдѣлать заключеніе, что онъ считаетъ его болѣе рожденнымъ быть корабельнымъ мастеромъ, чѣмъ царемъ. Всѣ его своеобразные пріемы до такой степени поражали Бёрнета, что онъ считалъ его почти помѣшаннымъ. Къ этому вѣроятно побуждало англійскаго епископа и то, что голова царя постоянно тряслась и все тѣло было подвержено конвульсивнымъ движеніямъ.

Англія произвела на Петра самое благопріятное впечатлѣніе; онъ призналъ преимущество англійскаго кораблестроенія передъ голландскимъ, рѣшилъ, что у него впередъ будетъ принятъ англійскій способъ постройки и онъ будетъ приглашать преимущественно англійскихъ мастеровъ. Здѣсь, по рекомендаціи лорда маркиза Кармартена, Петръ пригласилъ нѣсколько мастеровъ и инженеровъ, въ томъ числѣ Джона Перри—спеціально для прорытія канала между Волгою и Дономъ и математика Фергэрсона—для преподаванія математическихъ наукъ въ Россіи. Лордъ Кармартенъ былъ самъ страстный любитель мореплаванія, и потому Петръ съ нимъ особенно сошелся. Черезъ посредство Кармартена Петръ заключилъ съ англійскими купцами договоръ о свободномъ ввозѣ табаку. Хозяинъ этой компаніи замѣтилъ Петру, что русскіе, особенно духовные, питаютъ отвращеніе къ этому зелью и считаютъ его употребленіе грѣхомъ. Петръ отвѣтилъ: „я ихъ передѣлаю на свой ладъ, когда вернусь домой". Самая забота о ввозѣ табаку въ Россію имѣла тотъ смыслъ, чтобъ заставить русскихъ отречься отъ одного изъ многихъ предразсудковъ, которымъ рѣшился объявить царь ожесточенную войну послѣ побывки своей въ Европѣ.

Король Вильгельмъ англійскій подарилъ своему гостю прекрасную яхту. Петръ съ своей стороны оставилъ англійскому королю превосходный портретъ, писанный ученикомъ Рембрандта, Кнелеромъ. Сознавая пользу, полученную имъ отъ пребыванія въ Англіи, Петръ на прощаніе сказалъ: „еслибъ я не поучился у англичанъ, то навсегда остался бы не болѣе какъ плохимъ работникомъ". 18 апрѣля, Петръ простился съ королемъ и отплылъ на подаренной имъ яхтѣ въ Голландію. 17-го мая, отправился онъ изъ Голландіи въ Вѣну, и въ ожиданіи разрѣшенія вопросовъ о разныхъ обрядностяхъ, касавшихся пріема русскаго посольства, испросилъ у императора согласія на свиданіе съ нимъ и съ его семействомъ частнымъ образомъ, безъ церемоній. Это дало ему возможность, не стѣсняя себя придворнымъ этикетомъ,

осмотрѣть все достопримѣчательное въ Вѣнѣ. Здѣсь Петру предстояло рѣшить важное политическое дѣло — отклонить императора отъ мира съ Турціей, потому что Петръ въ то время даже свои кораблестроительные планы связывалъ съ мыслью объ утвержденіи русской власти на черноморскихъ берегахъ. Петръ не достигъ своей цѣли: казна императора была недостаточна для новыхъ военныхъ предпріятій. Императоръ утѣшалъ русскаго царя только тѣмъ, что обѣщалъ на переговорахъ съ Турціею поддерживать желаніе Россіи удержать за собою новопріобрѣтенныя мѣста на Дону и Днѣпрѣ и домогательство овладѣть еще однимъ пунктомъ въ Крыму, именно Керчью. Среди толковъ о политическихъ вопросахъ, отправлялись разныя празднества въ честь пріѣзжихъ гостей. Русское посольство, въ день именинъ государя, давало вечеръ для высшаго вѣнскаго общества, а императоръ веселилъ своего гостя великолѣпнымъ маскарадомъ, гдѣ знатныя особы представляли своими костюмами разные народы и разныя общественныя званія; русскій царь, какъ пріѣхавшій изъ Голландіи, явился въ видѣ фрисландскаго крестьянина. Надобно замѣтить, что эти увеселенія были также своего рода школою для молодаго царя, съ жадностью перенимавшаго не только европейскія знанія, но и европейскія увеселенія.

Петръ изъ Вѣны хотѣлъ ѣхать въ Венецію; она своимъ значеніемъ морской державы сильно привлекала Петра, но тутъ пришло къ нему извѣстіе о бунтѣ стрѣльцовъ. Петръ, 19-го іюля, поспѣшилъ въ Россію. Онъ былъ сильно встревоженъ. На дорогѣ его успокоила вѣсть, что бунтъ усмиренъ. Петръ поѣхалъ тише, осматривалъ величковскія соляныя копи, три дня пировалъ съ польскимъ королемъ Августомъ II въ мѣстечкѣ Равѣ, очень полюбилъ короля, и тайно заключилъ съ нимъ условіе начать войну съ Швеціей. Ѣдучи далѣе, царь принималъ угощеніе отъ польскихъ пановъ, черезъ маетности которыхъ проѣзжалъ, и 25-го августа 1698 года прибылъ въ Москву.

Въ жизнеописаніи царевны Софіи мы уже изложили расправу Петра со стрѣльцами.

Путешествіе Петра было великимъ событіемъ, съ котораго началась преобразовательная дѣятельность государя, и русское общество пошло безвозвратно по новому пути сближенія съ Европой. Съ этихъ поръ открывается кипучая, неутомимая дѣятельность Петра и во внѣшнихъ, и во внутреннихъ дѣлахъ. Началомъ преобразованій было измѣненіе внѣшнихъ признаковъ, рознившихъ русскую жизнь отъ европейской. Петръ, на другой же день послѣ прибытія своего въ Москву, 26-го августа, въ Преобра-

женскомъ дворцѣ, собственноручно началъ отрѣзывать бороды; дана была пощада при дворѣ только двумъ старикамъ: Стрѣшневу и Черкасскому. Всѣмъ близкимъ къ царю людямъ велѣно одѣться въ европейскіе кафтаны. Все войско велѣно нарядить въ форменную одежду по европейскому образцу. Бородобритіе и перемѣна одежды съ перваго раза возбуждали ужасъ, и показывали, что Петръ не будетъ оказывать снисхожденія обычаямъ древней русской жизни, припявшимъ религіозное значеніе. Изстари въ русской литературѣ существовали, приписываемыя святымъ мужамъ, поученія о сохраненіи бороды; борода у мужчинъ считалась признакомъ не только достоинства, но и нравственности; бритье бороды называлось еллинскимъ, блуднымъ, гнуснымъ дѣломъ. Бритый человѣкъ, если онъ не былъ иноземецъ, возбуждалъ къ себѣ презрѣніе; и вдругъ самъ царь приказываетъ русскимъ людямъ учинять надъ собою „развратное, скаредное дѣло“. Что касается до иноземцевъ, то русскіе признавали за ними знаніе разныхъ „хитростей“ и готовы были пользоваться ихъ службою Россіи, но считали ихъ еретиками, а свой народъ избраннымъ божіимъ народомъ. Въ глазахъ русскихъ согласные съ уставами православной церкви обычаи почитались святыми, богоугодными, наравнѣ съ самою церковью.

При такомъ взглядѣ естественно, что преобразовательные пріемы Петра, начавшіеся съ внѣшнихъ признаковъ, должны были возбудить соблазнъ, вражду, отвращеніе и противодѣйствіе. Русскій народъ видѣлъ въ своемъ царѣ противника благочестія и доброй нравственности; русскій царь досадовалъ на свой народъ, но настойчиво хотѣлъ заставить его силою идти по указанной имъ дорогѣ. Одно давало ему надежду на успѣхъ: старинная покорность царской власти, рабскій страхъ и терпѣніе, изумлявшее всѣхъ иноземцевъ, то терпѣніе, съ которымъ русскій народъ, въ прошедшіе вѣка, выносилъ и татарское иго, и произволъ всякихъ деспотовъ. Петръ понималъ это и говорилъ: „съ другими европейскими народами можно достигать цѣли человѣколюбивыми способами, а съ русскими не такъ: еслибъ я не употреблялъ строгости, то бы уже давно не владѣлъ Русскимъ государствомъ и никогда не сдѣлалъ бы его таковымъ, каково оно теперь. Я имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей“. Онъ пренебрегалъ не только религіозными предразсудками, но и болѣе существенными нравственными понятіями: церковное благочестіе признавало неразрывность брачной связи, а Петръ, не взлюбивши своей жены, не только отвергнулъ ее отъ себя, но и употребилъ надъ нею насиліе. Жена его,

царица Евдокія, воспиталась въ обычаяхъ старины и строго ихъ хранила; Петръ же съ увлеченіемъ бросился перенимать все иноземное. Этого одного уже было достаточно произвести между супругами разладъ. Была, кромѣ того, другая причина: Петръ, какъ мы выше сказали, пристрастился къ Аннѣ Монсъ. Не любя жены, Петръ возненавидѣлъ ея родню и передъ отъѣздомъ за границу удалилъ изъ Москвы ея отца, дядей и братьевъ. Желая соблюсти приличія законности, Петръ изъ-за границы поручалъ Льву Нарышкину и духовнику Евдокіи уговорить ее добровольно постричься. Но Евдокія ни за что не хотѣла. По возвращеніи изъ-за границы Петръ уговаривалъ ее лично постричься. Царица не хотѣла. Тогда царь, не терпѣвшій никакихъ противорѣчій своей власти, къ соблазну всѣхъ православныхъ христіанъ, приказалъ 23 сентября 1698 года отвезти Евдокію въ Суздальскій Покровскій монастырь и тамъ постричь ее. Постриженіе однако совершилось не ранѣе какъ въ іюнѣ слѣдующаго года: архимандритъ и священники этого монастыря не хотѣли творить незаконнаго дѣла и за то взяты были въ Преображенскій приказъ на расправу.

Послѣ страшной казни мятежныхъ стрѣльцовъ, Петръ отправился въ Воронежъ, осматривалъ тамъ построенныя кумпанствами суда,—вообще былъ доволенъ; но нѣкоторыя суда—по замѣчанію адмирала Крейса — велѣлъ передѣлать. У Петра все еще было намѣреніе вести войну съ Турціей, и онъ все еще надѣялся, что римскій императоръ будетъ поддерживать его стремленія къ утвержденію русскаго владычества на Черномъ морѣ. Вышло однако не такъ. Открылись переговоры о мирѣ между Турціею и Австріею въ Карловицѣ; тамъ на съѣздѣ участвовали послы: венеціанскій, польскій и русскій - думный дьякъ Возницынъ. Посредничество о заключеніи мира взяли на себя Англія и Голландія. и послали на съѣздъ своихъ представителей. Возницынъ хлопоталъ, чтобы Турція, кромѣ недавно завоеванныхъ Россіею мѣстъ, уступила еще одинъ пунктъ въ Крыму, именно Керчь, но австрійскіе уполномоченные не стали поддерживать требованія русскаго посла и заключили съ турками особый миръ. Польскій посолъ также объявилъ, что Рѣчь-Посполитая не въ силахъ продолжать войну съ турками. Возницыну ничего не оставалось съ своей стороны, какъ также предложить миръ, но турки не хотѣли мириться иначе, какъ на условіи уступки имъ завоеванныхъ городовъ. Возницынъ заключилъ съ турками перемиріе на два года.

Тогда Петръ рѣшился отправить посольство въ Константинополь для заключенія по возможности выгоднаго мира, а самъ

между тѣмъ готовилъ войско и намѣревался двинуть на слѣдующій годъ свой воронежскій флотъ въ Азовское море для устрашенія турокъ.

Воротившись изъ Воронежа, Петръ приступилъ къ внутреннимъ преобразованіямъ въ управленіи, которыми началась ломка всего стараго и введеніе новыхъ порядковъ на европейскій ладъ. 30 января 1699 года, послѣдовалъ указъ объ учрежденіи бурмистерской палаты. До сихъ поръ торговые и промышленные люди находились въ вѣдѣніи приказовъ и воеводъ; по новому указу, они были изъяты отъ прежнихъ вѣдомствъ и, вмѣсто того, должны были въ Москвѣ выбирать погодно бурмистровъ, составлявшихъ бурмистерскую палату, иначе называемую ратушею. Это учрежденіе вѣдало судъ и расправу между купцами и управляло сборомъ всѣхъ окладныхъ доходовъ и разныхъ собираемыхъ пошлинъ. Одинъ изъ выбранныхъ бурмистровъ въ теченіи мѣсяца по очереди былъ предсѣдателемъ. Затѣмъ во всѣхъ городахъ, посадахъ и слободахъ, торговые и промышленные люди также не подлежали суду воеводъ, а должны были выбрать изъ своей среды, для суда, расправы и сбора неокладныхъ доходовъ, выборныхъ земскихъ бурмистровъ; таможенные и кабацкіе доходы поступили въ завѣдываніе другихъ выборныхъ же бурмистровъ, называемыхъ таможенными и кабацкими бурмистрами, которые вмѣстѣ съ земскими составляли земскую избу. Земскія избы находились въ зависимости отъ одной московской бурмистерской палаты, или ратуши. Новое учрежденіе ратуши съ бурмистрами, устраняло по закону воеводъ отъ завѣдыванія торговыми людьми, но они все еще, по старинѣ, притѣсняли пріѣзжихъ торговцевъ. Такъ дѣлалось въ разныхъ городахъ, и за это воеводъ велѣно было судить въ ратушѣ. Изъ вѣдѣнія воеводъ изъяли всякія преслѣдованія за корчемство, составлявшія только поводъ къ притѣсненіямъ людей. Образецъ такого самоуправленія въ торговомъ и промышленномъ сословіи Петръ нашелъ въ старомъ европейскомъ муниципальномъ городскомъ строѣ, который уже прежде его перешелъ въ Малороссію въ видѣ Магдебургскаго права, съ тою разницею, что Петръ сосредоточилъ и связалъ крѣпче этотъ строй посредствомъ подчиненія всѣхъ земскихъ избъ въ государствѣ центральному, такому же по существу своему, мѣсту, находившемуся въ столицѣ. Это учрежденіе предпринято было съ тѣмъ, чтобы избавить торговое и промышленное сословіе отъ тѣхъ утѣсненій, какія оно терпѣло отъ приказовъ и воеводъ, но главнымъ образомъ въ надеждѣ на умноженіе дохода, потому что при прежнемъ управленіи были постоян-

ные недоборы. Затѣвая великія дѣла, Петръ естественно нуждался въ средствахъ, и потому умноженіе государственныхъ доходовъ сдѣлалось у него главнѣйшею цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ во все свое царствованіе со свойственною ему страстностью.

Тогда поднялся и сталъ въ приближеніи у царя нѣкто Алексѣй Курбатовъ, бывшій дворецкій у боярина Бориса Петровича Шереметева. Онъ путешествовалъ съ нимъ за границу и узналъ, что въ западныхъ государствахъ употребляется въ дѣлопроизводствѣ особая бумага съ клеймомъ, продаваемая отъ казны. Курбатовъ подалъ царю безъименный проектъ о введеніи подобной бумаги въ Россіи. Петру понравился этотъ проектъ. Составитель проекта объявилъ о себѣ, получилъ въ награду отъ царя недвижимое имѣніе и званіе оберъ-инспектора ратушнаго правленія. Въ Россіи введена была гербовая или въ то время называемая орленая бумага. Курбатовъ открылъ собою рядъ такъ-называемыхъ прибыльщиковъ, которые отыскивали и доставляли казнѣ разныя средства обогащенія.

Съ весною 1699 года Петръ готовился выступить со своимъ флотомъ въ Азовское море для провожанія уполномоченнаго посла своего въ Турцію. 2-го марта, скончался носившій званіе адмирала русскаго флота, Францъ Яковлевичъ Лефортъ. Петръ, сердечно любившій его, какъ лучшаго своего веселаго собесѣдника, громко рыдалъ надъ его тѣломъ. 10 марта, Петръ учредилъ орденъ Андрея Первозваннаго и тотчасъ возложилъ его на Головина, а черезъ два дня уѣхалъ въ Воронежъ. Въ маѣ, онъ выступилъ съ флотомъ по Дону къ Азову, и до половины августа усердно занимался корабельнымъ дѣломъ, самъ показывая другимъ примѣръ, конопатилъ и мазалъ суда, и въ то же время занимался государственными дѣлами по всѣмъ частямъ. Оставленный союзниками, Петръ снарядилъ въ Константинополь посломъ думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцева, давши ему наказъ домогаться съ Турціею мира на такихъ условіяхъ, чтобъ за Россіею непремѣнно остался Азовъ и другіе завоеванные города, и чтобы Россія отнюдь не платила годовой дани крымскому хану. Посолъ долженъ былъ плыть въ Константинополь на русскомъ сорока-пушечномъ кораблѣ: то былъ первый русскій военный корабль, предназначаемый плавать по иностраннымъ морямъ. Петръ опасался, что турки не пропустятъ русскій корабль черезъ Керченскій проливъ и потому рѣшился провожать его самъ съ сильною эскадрою. Дѣйствительно, турецкій адмиралъ, стоявшій въ Керчи, и керченскій паша не хотѣли

пропускать русскій корабль, а предлагали посольству выдти на берегъ и слѣдовать сухимъ путемъ, но потомъ, когда посолъ наотрѣзъ отказался, дозволили русскому кораблю дойти до Константинополя моремъ, но только подъ конвоемъ турецкихъ кораблей. Русскій корабль пришелъ въ Константинополь, 28 августа 1699 года, и сталъ на якорѣ прямо противъ султанскаго серая. Не только турки, но и посольства западныхъ державъ, приходили смотрѣть на него какъ на диво. Переговоры тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. Турки домогались возвращенія новозавоеванныхъ городовъ и срытія тѣхъ, которые построилъ Петръ на Азовскомъ морѣ (Таганрога, Павловска и Міуса), домогались, чтобы царь посылалъ хану поминки. Иностранные послы не только не поддерживали Россіи, но старались утверждать турокъ въ ихъ домогательствахъ, считая опаснымъ для своихъ видовъ, если Россія усилится и сдѣлается морскою державою. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ пришли къ такому соглашенію, чтобы городки на Днѣпрѣ всѣ срыть и пространство отъ Запорожской Сѣчи вдоль Днѣпра до устья оставить пустымъ, а за то царю уступался Азовъ и городки, вновь построенные на Азовскомъ морѣ. Россія не приняла на себя обязательства давать опредѣленные поминки хану. Украинцевъ, по наказу своего государя, ходатайствовалъ о преимуществахъ православныхъ грековъ, относительно святыхъ мѣстъ. Это былъ первый шагъ къ тому заступничеству за турецкихъ христіанъ, которое потомъ такъ часто повторялось въ русской исторіи и служило поводомъ къ столкновеніямъ съ Турціей. На этотъ разъ турки отклонили вмѣшательство Россіи, объяснивши, что вопросъ этотъ относится къ внутреннимъ дѣламъ, до которыхъ нѣтъ чужимъ дѣла, но дозволили русскимъ богомольцамъ посѣщать священныя мѣста. Въ этомъ смыслѣ заключено перемиріе на тридцать лѣтъ.

II.

Внутреннія и политическія событія отъ начала Сѣверной войны до Альтранштадскаго мира.

До сихъ поръ стремленія Петра пріобрѣсти себѣ море и сдѣлать Россію морскою державою клонились на югъ; онъ надѣялся дѣйствовать противъ турокъ въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею и пріобрѣсти отъ паденія Турціи выгоды на долю Россіи; но послѣднія событія показали ему, какъ мало можетъ онъ полагаться на союзниковъ. Сама Россія не въ силахъ была одна бороться съ Оттоманскою имперіею, тѣмъ болѣе, что на сторону послѣдней готовы были пристать европейскія державы. Турки понимали опасность, которая грозила ихъ государству, если они дозволятъ Россіи завести флотъ на Черномъ морѣ. Посолъ Петра, Украинцевъ, пытался выхлопотать по крайней мѣрѣ дозволеніе торговымъ русскимъ кораблямъ плавать по Черному морю; турецкіе государственные люди на это отвѣчали: мы бережемъ Черное море, какъ чистую непорочную дѣвицу, и развѣ тогда дозволимъ плавать по немъ чужимъ кораблямъ, когда вся Оттоманская держава повернется вверхъ ногами. Но у Петра уже подготовлялась мысль о перенесеніи своей морской дѣятельности на Балтійское море, возникшая еще при свиданіи съ Августомъ въ Равѣ. Мысль эта принесена была въ Польшу изъ ливонскихъ провинцій. Ливонія поступила въ XVI вѣкѣ въ составъ польско-литовской Рѣчи-Посполитой, а въ 1660 году, по Оливскому миру, досталась Швеціи и съ этихъ поръ находилась въ ея владѣніи вмѣстѣ съ Эстляндіею и уступленною по Столбовскому и Кардисскому договорамъ Водскою пятиною, носившую у шведовъ названіе Ингерманландіи. Ливонское дворянство, послѣ поступленія подъ власть Швеціи, имѣло важныя причины быть недовольнымъ шведскимъ владычествомъ. Король Карлъ XI учредилъ пересмотръ земель, находившихся въ дворянскомъ владѣніи и приказалъ отобрать тѣ изъ нихъ, которыя, во время существованія ливонскаго ордена, не составляли частныхъ владѣній, а принадлежали или вообще орденскому капитулу, или же считались за духовными и свѣтскими должностями. Всѣ такія имѣнія, обращенныя безъ всякаго права, только силою захвата, въ потомственныя владѣнія, король шведскій приказалъ отобрать изъ частнаго вѣдомства въ государственное. Само собою разумѣется, что дворянство было этимъ недовольно, и одинъ изъ среды его, Рейнгольдъ Паткуль, человѣкъ горячій и предпріимчивый, до того задорно

началъ протестовать противъ дѣйствій правительства и возбуждать другихъ къ противодѣйствію, что шведское правительство обвинило его въ измѣнѣ. Паткуль бѣжалъ, скитался по разнымъ землямъ, наконецъ пріютился въ Польшѣ и началъ внушать Августу II мысль овладѣть Лифляндіею, а для этой цѣли заключить договоръ съ московскимъ царемъ; однако онъ совѣтовалъ обращаться съ царемъ такъ осторожно, чтобъ не дать ему возможности присвоить себѣ, изъ принадлежавшихъ Швеціи земель, болѣе того, чѣмъ прежде владѣла Россія, т.-е. Ингерманландіи и Кореліи. Послѣ продолжительныхъ соображеній, Августъ вошелъ въ союзъ противъ Швеціи съ Даніею и отправилъ посольство въ Москву для той же цѣли. Датскій король Христіанъ V былъ во враждѣ съ Фридрихомъ VI, герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, женатымъ на сестрѣ молодого шведскаго короля Карла XII. На московскаго государя можно было разсчитывать, указавши ему возможность пріобрѣсти Балтійское море и завести тамъ флотъ. Въ Москву прибылъ посломъ отъ Августа Карловицъ, а вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ подъ чужимъ именемъ и Паткуль. Это было въ сентябрѣ 1699 года. Въ ноябрѣ того же года заключенъ былъ тайный договоръ противъ Швеціи. Августъ обязывался сдѣлать нападеніе на Ливонію съ саксонскими войсками, а между тѣмъ склонить и Польшу къ этой войнѣ; но царь обѣщалъ двинуть свои войска въ Ингерманландію и Корелію не иначе, какъ послѣ заключенія мира съ Турціею, и если этотъ миръ почему-нибудь не состоится, то обязывался помирить Августа со шведскимъ королемъ, потому что самъ Августъ не въ состояніи былъ вести войну одинъ.

Союзники разсчитывали, что при такомъ королѣ, какой былъ тогда въ Швеціи, легко будетъ отобрать земли на южномъ берегу Балтійскаго моря. Въ самомъ дѣлѣ, молодой шестнадцатилѣтній Карлъ XII своимъ поведеніемъ мало подавалъ надежды самимъ шведамъ. Онъ не занимался дѣлами, проводилъ время то безобразничая самымъ школьническимъ образомъ, то устраивая балы, маскарады и разныя увеселенія.

Первыя непріязненныя дѣйствія противъ Швеціи начались со стороны Даніи. Датскія войска выгнали голштинскаго герцога; онъ убѣжалъ въ Стокгольмъ. Христіанъ V овладѣлъ Голштиніей. Вслѣдъ затѣмъ Августъ двинулся съ саксонскими войсками въ Ливонію. Съ нимъ былъ Паткуль. Но здѣсь дѣла пошли не такъ успѣшно, какъ въ Голштиніи. Ливонское дворянство не поддавалось льстивымъ убѣжденіямъ Паткуля. Августъ осадилъ Ригу и не могъ взять ее при малочисленности своихъ

орудій, а граждане Риги, какъ и дворяне ливонскіе, боялись измѣнять Швеціи, не надѣясь на выигрышъ. Августъ отправилъ посла къ Петру требовать, чтобъ онъ, по условію, началъ войну съ шведами. Но Петръ, положивши до тѣхъ поръ не начинать войны, пока не заключитъ мира съ Турціею, старался показывать миролюбивыя отношенія къ Швеціи, послалъ въ Стокгольмъ резидентомъ князя Хилкова, а жившаго въ Москвѣ шведскаго резидента Книперкроона увѣрялъ, что не начнетъ несправедливой войны противъ Швеціи, не нарушитъ мира, который самъ подтвердилъ недавно и даже обѣщалъ отнять у Августа Ригу, если тотъ завоюетъ ее у шведовъ.

Въ ожиданіи мира съ Турціею, который долженъ былъ развязать ему руки для новой войны, Петръ продолжалъ свои преобразованія. Въ декабрѣ 1699 года, объявлено, что впередъ лѣтоисчисленіе будетъ ведено не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова, и новый годъ будетъ праздноваться не 1-го сентября, а 1-го января, по образцу всей Европы. Новый 1700-ый годъ праздновался въ Москвѣ по царскому приказанію цѣлыхъ семь дней; домовладѣльцы должны были ставить передъ домами и воротами, для украшенія, хвойныя деревья и каждый вечеръ зажигались смоляныя бочки, пускались ракеты, палили изъ двухъ сотъ пушекъ передъ Кремлемъ и въ частныхъ дворахъ изъ маленькихъ орудій. Все это дѣлалось на заграничный образецъ. Вслѣдъ затѣмъ изданъ былъ указъ, чтобы всѣ, исключая духовенства, брили бороду и одѣвались въ иностранную одежду: зимою—въ мѣховую венгерскаго покроя, а лѣтомъ—въ нѣмецкую. И женщинамъ велѣно одѣваться въ одежду иностраннаго покроя. Царь приказалъ, чтобъ на свадьбахъ и всякихъ общественныхъ увеселеніяхъ женщины находились вмѣстѣ съ мужчинами, а не особо, какъ дѣлалось прежде, и чтобы также на подобныхъ сборищахъ была музыка и танцы. Для примѣра подданнымъ царь въ эту зиму безпрестанно ѣздилъ самъ на свадьбы, устраивалъ разныя забавы, заохочивалъ особъ обоего пола къ свободному обращенію между собою. Тѣ, которые добровольно не хотѣли веселиться на иноземный образецъ, должны были исполнять волю царя; упрямые наказывались пенею. Петръ отмѣнилъ древній обычай—совершать браки по волѣ родителей, безъ всякаго участія ихъ дѣтей, вступавшихъ въ брачный союзъ. Петръ постановилъ, чтобы родители не имѣли права принуждать къ браку, и вѣнчаніе не могло происходить безъ заявленія желанія со стороны жениха и невѣсты. Женскому полу нравилось это, и вообще женщины скорѣе мужчинъ поддавались призна-

камъ преобразованія, безъ ропота надѣвали на себя иностранныя одежды, находя ихъ красивѣе старыхъ русскихъ, и охотнѣе бросались на увеселенія новаго рода. Понятно, что женщины видѣли въ этомъ свое освобожденіе отъ тяжелаго рабства, въ которомъ ихъ держалъ чинъ старой московской домашней жизни. Какъ продолженіе тѣхъ же мѣръ преобразованія въ семейной жизни, явилось уничтоженіе силы заручныхъ записей, которыя давались со стороны жениха или его родни родителямъ невѣсты. Царь долженъ былъ бороться съ многими чертами дикости нравовъ своего времени: такъ, въ февралѣ, было запрещено продавать остроконечные ножи, которые обыкновенно русскіе носили при себѣ и нерѣдко дрались ими до смерти; постигло наказаніе невѣждъ, которые, не зная медицинскихъ наукъ, брались лечить больныхъ и дѣлали вредъ; для примѣра отправленъ былъ въ ссылку въ Азовъ на каторгу дворовый человѣкъ боярина Петра Салтыкова, который принесъ своему боярину, страдавшему безсонницею, такого лекарства, отъ котораго бояринъ заснулъ навѣки; на будущее время было объявлено, что всякій лекарь, который уморитъ больного, будетъ казненъ смертью. Въ Московскомъ Государствѣ тогда шаталось очень много празднаго народа: то были вольноотпущенные, которые обыкновенно, получивши отпускную, опять поступали въ холопи. Приказано было такихъ людей, если окажутся годными, брать въ солдаты. Распоряженіе это распространилось и на бродяжныхъ крестьянъ. Монетное дѣло получило преобразованіе. Въ это время, за неимѣніемъ мелкихъ денегъ, произвольно разсѣкали серебряныя деньги на нѣсколько частей и отъ этого происходила путаница. Въ иныхъ городахъ, вмѣсто мелкой монеты, стали употреблять кусочки кожи. И то, и другое было запрещено. Приказано пустить въ оборотъ мѣдныя деньги— полушки и полуполушки, а послѣ дѣлать серебряные полтинники, полуполтинники, гривенники и золотые червонцы. Новыя серебряныя и золотыя монеты появились уже въ слѣдующемъ году. Для прекращенія плутовства въ металлическихъ издѣліяхъ установлена проба золоту и серебру въ четыре разряда по разному достоинству, а для наблюденія за порядкомъ велѣно выбрать изъ мастеровъ трехъ старостъ, которые должны были налагать клейма на издѣлія. Но царскій указъ о пробѣ, по обычаю, плохо исполнялся, такъ что черезъ нѣсколько времени велѣно было ломать неправильно сдѣланныя вещи и брать пошлины въ первый разъ въ-трое, во второй разъ въ-шестеро. Повсемѣстно приказано было искать металлической руды; учрежденъ былъ особый приказъ рудосыскныхъ дѣлъ. Для прекращенія проволочекъ въ дѣлахъ,

запрещено въ челобитныхъ примѣшивать лишніе предметы, не относящіеся прямо къ дѣлу, и приказано дѣлать немедленно допросъ по возникающимъ искамъ. Запрещено принимать пустыя жалобы о нанесенномъ безчестіи въ родѣ того, какъ нѣкто жаловался на другого, что тотъ смотритъ на него звѣрообразно. 15-го іюля 1700 года, неоплатныхъ и злостныхъ должниковъ велѣно бить кнутомъ и ссылать на каторгу въ Азовъ.

Царь въ этотъ годъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ начатковъ для просвѣщенія. 10 февраля, онъ далъ привилегію амстердамскому жителю Іоганну Тессингу завести въ Амстердамѣ русскую типографію и печатать въ ней на славянскомъ и голландскомъ языкахъ, а также на славянскомъ съ латинскимъ вмѣстѣ, географическія карты, чертежи, портреты и книги по части математики и архитектуры, художествъ, военнаго искусства, но отнюдь не печатать церковныхъ книгъ, какъ славянскихъ, такъ и греческихъ. Тессингъ имѣлъ исключительное право въ теченіи пятнадцати лѣтъ продавать свои книги въ Россіи. Петръ ставилъ условіемъ, чтобы въ напечатанныхъ такимъ образомъ книгахъ и чертежахъ не было пониженія превысокой чести царскаго величества и государства, а чтобы все клонилось къ славѣ и похвалѣ. Составленіемъ и редакціей этихъ книгъ занимался малороссъ Копіевскій. Предпріятіе это показало болѣе добраго желанія, чѣмъ принесло пользы. Тессингъ былъ человѣкъ мало ученый и вскорѣ поссорился съ Копіевскимъ. Копіевскій въ тотъ же годъ выхлопоталъ привилегію для себя, составилъ и напечаталъ нѣсколько книгъ, имѣвшихъ цѣлью знакомить русскихъ съ иностранными языками и научными свѣденіями. Таковы его Грамматики славянская и латинская, Разговоры на трехъ языкахъ: латинскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ; „Книга, учащая морскаго плаванія“ — переводъ съ одного голландскаго учебника; „Руковеденіе во ариѳметику“, „Введеніе во всякую исторію“, въ которомъ авторъ знакомитъ читателя съ разными историческими событіями и съ географическими свѣдѣніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что славянороссійскій народъ славнѣе всѣхъ народовъ своимъ благоразуміемъ; наконецъ, Копіевскій издалъ по латыни и по русски басни Эзопа. Дѣятельность его за границею продолжалась до 1707 года, когда онъ возвратился въ Россію. Петръ въ Москвѣ положилъ основаніе математической и навигаторской школамъ. Первая раздѣлялась на три класса и имѣла цѣлью приготовить молодыхъ людей, годныхъ въ военную и морскую службу, и вообще свѣдущихъ въ реальныхъ, практическихъ наукахъ; въ ней черезъ нѣсколько лѣтъ ежегодно получали воспитаніе до 700 юношей. Въ нави-

гаторской школѣ преподавались науки, относящіяся исключительно къ мореплаванію. Въ концѣ 1702 года, положено было печатать куранты „о всякихъ дѣлахъ Московскаго Государства и окрестныхъ государствъ". Такимъ образомъ началась русская періодическая пресса.

Занимаясь внутренними преобразованіями, Петръ готовился къ шведской войнѣ, и съ этою цѣлью увеличивалъ войско и учредилъ чинъ провіантмейстера; окольничій Языковъ былъ первымъ въ этомъ чинѣ. Съ этихъ поръ введено было правильное снабженіе войска жизненными припасами. Въ ожиданіи мира съ Турціею, не разрывая мирныхъ отношеній съ Швеціей, Петръ пустилъ въ ходъ придирки, которыя должны были въ свое время послужить благовиднымъ поводомъ къ начатію войны. Петръ жаловался на рижскаго губернатора Дальберга, а Карлъ XII, приказавши изслѣдовать эту жалобу, защищалъ передъ царемъ поступки Дальберга. Обѣ стороны однако увѣряли другъ друга во взаимномъ добромъ расположеніи. Но какъ только 18 августа 1700 г. получено было извѣстіе о заключеніи 30-лѣтняго перемирія съ Турціей, на другой же день объявлена война Швеціи подъ предлогомъ отомщенія за обиду, оказанную царю въ Ригѣ, съ замѣчаніемъ, что и вообще русскимъ подданнымъ дѣлались отъ шведовъ обиды. Первымъ слѣдствіемъ этого разрыва было то, что русскій резидентъ, князь Хилковъ, въ Швеціи, а шведскій резидентъ въ Россіи, Книперкроонъ, подверглись утѣснительному заключенію.

Петръ пока предоставлялъ своимъ союзникамъ вести войну со шведами безъ своего участія, и Карлъ XII успѣлъ раздѣлаться съ однимъ изъ этихъ союзниковъ. Достойно замѣчанія, что этотъ молодой король, подававшій своими шалостями врагамъ большія надежды на успѣхъ, получивши извѣстіе о посягательствѣ враговъ на его владѣнія, вдругъ какъ бы преобразился и сдѣлался на всю жизнь необыкновенно дѣятельнымъ и неутомимымъ: съ тѣхъ поръ его образъ жизни составлялъ совершенную противоположность съ образомъ жизни его враговъ, датскаго и польскаго королей. Послѣдніе страстно предавались нѣгѣ, забавамъ, пирамъ, фавориткамъ и придворной суетности; Карлъ во всю жизнь свою не пилъ вина; не будучи женатъ, не держалъ любовницъ, не терпѣлъ никакой роскошной обстановки, велъ самый простой образъ жизни и притомъ былъ чуждъ всякаго коварства, дѣйствовалъ прямо, рѣшительно. Если онъ уступалъ своему сопернику Петру въ широтѣ ума и разнообразіи дѣятельности, то превосходилъ его, какъ и всѣхъ государей своего времени, честностью и

безукоризненною нравственностью. Быстро собралъ онъ 15,000 войска, высадился съ ними подъ самымъ Копенгагеномъ. Датскій король Фридрихъ IV не имѣлъ силъ защищаться и въ загородномъ замкѣ Травендалѣ, 8 августа 1700 года, подписалъ миръ, которымъ обязался признать зятя шведскаго короля, герцога голштинскаго, самостоятельнымъ герцогомъ Голштиніи, и, сверхъ того, заплатилъ послѣднему значительную контрибуцію. Расправившись съ Даніею, Карлъ собирался расправиться съ другимъ своимъ врагомъ, Августомъ, котораго не только ненавидѣлъ, но глубоко презиралъ, какъ вдругъ послѣдовало объявленіе войны отъ Россіи. Карлъ обратился противъ русскихъ.

По объявленіи войны, Петръ двинулъ свое войско на осаду города Нарвы, которымъ Петру хотѣлось прежде всего завладѣть, чтобъ имѣть пунктъ на Балтійскомъ морѣ. Всего войска было у него до 35,000; самъ Петръ, подъ именемъ капитана бомбардирской роты Петра Михайлова, шелъ съ Преображенскимъ полкомъ. Начальство надъ войскомъ Петръ поручилъ герцогу фонъ-Круи, пріѣхавшему къ нему на службу по рекомендаціи короля Августа. Петръ надѣялся на опытность и знанія этого иноземца болѣе, чѣмъ на способности своихъ русскихъ. Прибывши подъ Нарву въ концѣ сентября, царь, при пособіи саксонскаго инженера Галларта, занялся укрѣпленіемъ русскаго лагеря и устройствомъ осады. 20-го октября, началось бомбардированіе, но русскіе дѣйствовали неискусно, а назначеніе иноземца главнокомандующимъ возбуждало у нихъ неудовольствіе. Вѣрность иноземцевъ казалась сомнительною, особливо когда одинъ изъ нихъ Гуммертъ, обласканный Петромъ, убѣжалъ къ непріятелю въ Нарву, а находясь тамъ, вѣроятно недовольный пріемомъ шведскаго коменданта Нарвы Горна, завелъ снова тайныя сношенія съ русскимъ царемъ. 17-го ноября, бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, посланный къ Везенбергу, неожиданно вернулся съ извѣстіемъ, что шведскій король идетъ отбивать Нарву. Петръ въ ту же ночь оставилъ свое войско, надѣясь вѣроятно, что дѣла пойдутъ лучше, когда герцогъ фонъ-Круи останется полновластнымъ распорядителемъ и не будетъ стѣсняться присутствіемъ царя. Кромѣ того, царь досадовалъ, что войска собираются медленно, и думалъ, какъ онъ самъ объяснялъ, побудить остальные полки скорѣе идти къ Нарвѣ; наконецъ, ему хотѣлось видѣться съ Августомъ и поторопить его къ совмѣстному дѣйствію противъ Карла. У Карла было около 8500 войска: силы, очевидно, неравномѣрныя съ русскими. Но укрѣпленный русскій лагерь былъ растянутъ слишкомъ на семь верстъ, и солдаты, во время нападенія, съ тру-

домъ могли подкрѣплять другъ друга; притомъ же значительная часть русскихъ силъ состояла изъ новобранцевъ. Вдобавокъ, когда Карлъ сдѣлалъ нападеніе, сильный снѣгъ билъ прямо въ лицо русскимъ. Шведы овладѣли русскими укрѣпленіями, и русскіе пустились въ бѣгство. Шереметевъ былъ изъ первыхъ. Множество русскихъ потонуло въ водѣ при переправѣ. Главнокомандующій герцогъ фонъ-Круи и другіе иноземцы побѣжали въ шведское войско и сдались. Только Преображенскій и Семеновскій полки, да генералъ Адамъ Вейде, нѣмецъ русской службы, защищались нѣсколько времени. Тогда русскіе генералы: князь Яковъ Долгорукій, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, имеретійскій царевичъ Александръ, Автономъ Михайловичъ Головинъ, оставшись почти безъ войска, сдались на условіяхъ свободнаго выхода; но подъ предлогомъ утайки и отправленія впередъ казны, они были объявлены военноплѣнными вмѣстѣ съ офицерами, которыхъ число простиралось до 79 человѣкъ. Вся артиллерія досталась побѣдителю. Русскіе гибли тогда не только отъ непріятельскаго оружія, но еще и отъ голоду, и холоду. Изъ числа бѣжавшихъ до 6000 погибло на пути къ Новгороду. Карлъ не понялъ Петра: онъ презиралъ русскихъ, судилъ о нихъ по нарвскимъ бѣглецамъ и не пошелъ далѣе войною противъ Россіи, какъ нѣкоторые ему совѣтовали, а составилъ планъ раздѣлаться со своимъ главнымъ врагомъ—Августомъ.

Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи, не упалъ духомъ, а напротивъ, сознавалъ, что иначе быть не могло, приписывалъ несчастіе недостатку обученія и порядка въ войскѣ, и съ большею кипучею дѣятельностью принялся за мѣры улучшеній. Въ ожиданіи нападенія непріятеля, въ близкихъ къ границѣ городахъ: въ Новгородѣ, Псковѣ, псковопечерскомъ монастырѣ, Петръ приказалъ на-скоро дѣлать укрѣпленія, высылалъ на работу не только солдатъ и жителей мужескаго пола, но даже женщинъ, священниковъ и причетниковъ, такъ что нѣсколько времени въ церквахъ, кромѣ соборовъ, не было богослуженія. Приказано къ веснѣ набирать новые полки, а думному дьяку Виніусу, который прежде завѣдывалъ почтовымъ дѣломъ, приготовить новыя орудія и при этомъ отбирать у церквей и монастырей колокола для переливки на пушки. Обычная русская лѣнь много мѣшала скорому производству работы, за то Петръ жестоко наказывалъ всякое неповиновеніе и уклоненіе отъ его воли: приказывалъ бить кнутомъ за неявку къ работамъ, вѣшать взяточниковъ, и грозилъ смертью бурмистрамъ за медленное исполненіе требованій Виніуса—надзирателя артиллеріи. При такихъ мѣрахъ, въ теченіи

года послѣ нарвской битвы, царь имѣлъ уже болѣе трехъ-сотъ новыхъ приготовленныхъ орудій.

Съ этихъ поръ, сознавая важность войны и преслѣдуя свою любимую мысль—заведеніе флота, которая могла осуществиться только при успѣхѣ въ войнѣ со шведами, царь во внутреннихъ дѣлахъ обращалъ главнѣйшее вниманіе на достиженіе какъ можно болѣе денежныхъ средствъ для веденія войны. Въ этихъ видахъ Петръ предпринималъ коренныя измѣненія въ церковномъ и, главное—въ монастырскомъ бытѣ. Патріархъ Адріанъ скончался 16-го октября 1700 года. По заведенному порядку слѣдовало избирать новаго, но Петръ разсчиталъ, что для его самодержавной власти неудобно допускать въ церковномъ управленіи существованіе такого высокаго сановника, тѣмъ болѣе, что примѣръ Никона показывалъ, какъ можетъ высоко поднять голову энергическій человѣкъ, облеченный саномъ патріарха. Петръ рѣшился не имѣть болѣе патріарховъ. 16-го декабря 1700 года, онъ уничтожилъ патріаршій приказъ, всѣ производившіяся въ немъ мірскія дѣла приказалъ распредѣлить по другимъ вѣдомствамъ, а духовныя дѣла поручилъ временно назначенному отъ государя блюстителю. Такимъ блюстителемъ Петръ назначилъ митрополита рязанскаго, Стефана Яворскаго, давши ему титулъ—„экзарха патріаршаго престола". Стефанъ былъ родомъ малороссъ, изъ Волыни, кіевскій воспитанникъ, въ этомъ же году пріѣхавшій въ Москву и недавно посвященный въ митрополиты. Это былъ человѣкъ замѣчательно ученый и вовсе не честолюбивый: онъ отбивался всѣми силами не только отъ такого высокаго положенія, но даже и отъ архіерейства; любимымъ желаніемъ его было вернуться въ Малороссію и жить тамъ въ уединеніи, но Петръ дорожилъ имъ. Въ январѣ 1701 г., домъ патріарха, всѣ архіерейскія и монастырскія дѣла переданы были боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и возстановленъ былъ подъ его предсѣдательствомъ монастырскій приказъ, нѣкогда учрежденный по уложенію, но уничтоженный Θедоромъ Алексѣевичемъ. Этотъ приказъ долженъ былъ завѣдывать монастырскими вотчинами и творить въ нихъ судъ. Съ марта занялись перепиською всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Царь велѣлъ выгнать изъ монастырей всѣхъ непостриженныхъ, и въ женскихъ монастыряхъ келейницамъ быть только людямъ стараго возраста; всѣхъ дѣвицъ, проживавшихъ въ монастыряхъ, подъ именемъ родственницъ, велѣно выдавать замужъ, а впередъ постригать въ монахини не ранѣе сорока лѣтъ. Запрещено въ монастырскія имѣнія посылать для дѣлъ монаховъ, а такъ какъ оказалось, что мо-

нахи возбуждали недовольство противъ царя, то монахамъ запретили въ кельяхъ писать и давать имъ чернила и бумагу, позволяя имъ только писать въ трапезахъ, съ разрѣшенія начальства. Въ концѣ 1701 года, состоялось рѣшительное запрещеніе монахамъ и монахинямъ совершенно вмѣшиваться въ управленіе монастырскихъ вотчинъ; всѣ доходы съ этихъ вотчинъ должны были идти въ монастырскій приказъ, и на содержаніе монаховъ и монахинь—выдавать въ годъ по 10 рублей, по десяти четвертей хлѣба и доставлять имъ дрова. Въ бѣднѣйшіе монастыри велѣно удѣлять доходы богатыхъ монастырей, все лишнее изъ монастырскихъ доходовъ отдавать на богадѣльни для призрѣнія нищихъ. Еще ранѣе того, въ іюнѣ, велѣно было устроивать богадѣльни съ тѣмъ, чтобы на десять человѣкъ больныхъ былъ одинъ здоровый и смотрѣлъ за ними. Если мы примемъ во вниманіе, что во владѣніи монастырей было 130,000 дворовъ, и одинъ Троицкій монастырь владѣлъ 58,000 душъ, то яснымъ покажется, какъ важна была для финансовыхъ цѣлей Петра эта мѣра, передававшая въ его руки столько доходовъ.

Въ февралѣ слѣдующаго 1702 года, отняты были въ вотчинахъ церковнаго вѣдомства и пустоши, и розданы въ потомственное владѣніе разнымъ лицамъ, съ платежомъ вдвое и втрое противъ прежняго. Противъ своихъ преобразованій Петръ видѣлъ важнѣйшее противодѣйствіе въ духовенствѣ, и съ этой цѣлью положилъ замѣщать архіерейскія мѣста малороссами, которые, какъ люди несравненно болѣе образованные, не имѣли тѣхъ предразсудковъ и той закоснѣлости, какою отличались великорусскіе духовные; эта мѣра, какъ показали событія, явилась одною изъ самыхъ плодотворныхъ для цѣлей Петра. Такимъ образомъ, въ 1701 году посвященъ былъ ростовскимъ митрополитомъ знаменитый Димитрій, а сибирскимъ—Филоѳей Лещинскій. Изъ великорусскихъ архіереевъ одинъ только Митрофанъ воронежскій дѣйствовалъ въ духѣ преобразователя, находилъ планы Петра о заведеніи флота спасительными для Русскаго государства, и всѣ деньги, какія у него накоплялись, жертвовалъ на дѣло кораблестроенія. Зато и Петръ любилъ его чрезвычайно, жаловалъ воронежскому архіерейскому дому крестьянъ не въ примѣръ другимъ и извинялъ Митрофану то, чего не извинилъ бы другому; такъ, когда Митрофанъ соблазнился поставленными у входа царскаго дома въ Воронежѣ статуями и не хотѣлъ идти по этому поводу къ государю, объявивши, что скорѣе приметъ смерть, царь приказалъ снять статуи. Когда же Митрофанъ умеръ,

самъ Петръ со своими приближенными несъ его гробъ и опустилъ его въ землю.

Митрофанъ однако составлялъ исключеніе. Большинство великорусскихъ духовныхъ и вообще благочестивыхъ людей ненавидѣло Петра съ его нововведеніями и любовью къ иностранному. Еще въ 1700 году открыто было, что нѣкто книгописецъ Григорій Талицкій составилъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ, что наступаютъ послѣднія времена, пришелъ въ міръ антихристъ и этотъ антихристъ есть некто иной, какъ царь Петръ. Слѣдствіе по этому дѣлу велось до ноября 1701 года; къ нему притянуто было много людей: подвергаемые пыткамъ, они доносили другъ на друга; замѣшанъ былъ тамбовскій архіерей Игнатій и князь Хованскій, который умеръ въ тюрьмѣ, вѣроятно отъ пытокъ. Наконецъ, Талицкій, съ пятью соумышленниками, былъ осужденъ на смертную казнь; жены казненныхъ сосланы въ Сибирь; Игнатія, лишивши сана, заточили навѣки въ тюрьму, а семь человѣкъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь за то, что слышали возмутительныя рѣчи и не доносили. Это былъ только проблескъ того всеобщаго негодованія, которое все болѣе и болѣе расширяясь, готово было вспыхнуть всеобщимъ бунтомъ. Но Петръ не отступалъ ни на шагъ, не дѣлалъ уступки народной непріязни къ брадобритію и нѣмецкому платью, и въ декабрѣ 1701 года съ бо́льшею строгостью подтвердилъ прежній указъ, чтобы всѣ, кромѣ духовенства и пашенныхъ крестьянъ, носили нѣмецкое платье и ѣздили на нѣмецкихъ сѣдлахъ. Изъ женскаго пола даже жены священнослужителей и причетниковъ не увольнялись отъ ношенія чужеземной одежды. Затѣмъ запрещалось дѣлать и продавать въ рядахъ русское платье—всякаго рода тулупы, азямы, штаны, сапоги, башмаки и шапки русскаго покроя. У воротъ города Москвы поставлены были цѣловальники; они останавливали всякаго ѣдущаго и идущаго въ русскомъ платьѣ и брали пени: съ пѣшаго по 13 алтынъ, 4 деньги, а съ коннаго по два рубля за непослушаніе въ этомъ родѣ. Приказывая своимъ подданнымъ одѣваться какъ ему было угодно, Петръ сталъ требовать, чтобы русскіе оставили старинный способъ постройки домовъ своихъ и строились на европейскій образецъ. Послѣ случившагося въ Москвѣ пожара, царь запрещалъ строить деревянные дома и приказывалъ непремѣнно строить каменные, какъ дома, такъ и надворныя постройки. (Это распоряженіе послѣ того лишь разъ было измѣнено и опять возобновлено). Если же кто не могъ строить кирпичныхъ домовъ—дозволялись глиняныя мазанки, по образцу, который царь далъ въ селѣ Покровскомъ. За несоблюденіе назна-

чалась пеня. Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ монастыряхъ, гдѣ будетъ производиться постройка, приказано непремѣнно строить изъ камня и изъ кирпича, а не изъ дерева.

Замѣтимъ, что всѣ распоряженія тогдашняго времени, касавшіяся внѣшней стороны жизни, столько же раздражали современниковъ Петра, сколько принесли вреда Россіи въ послѣдующее время. Онѣ-то пріучили русскихъ бросаться на внѣшніе признаки образованности, часто съ ущербомъ и невниманіемъ къ внутреннему содержанію. Русскій, одѣвшись по европейски, перенявши кое-какіе пріемы европейской жизни, считалъ себя уже образованнымъ человѣкомъ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на свою народность; между усвоившими европейскую наружность и остальнымъ народомъ образовалась пропасть, а между тѣмъ въ русскомъ человѣкѣ, покрытомъ европейскимъ лоскомъ, долго удерживались всѣ внутренніе признаки невѣжества, грубости и лѣни; русскіе стремились болѣе казаться европейски образованными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ быть ими. Это печальное свойство укоренилось въ русскомъ обществѣ и продолжаетъ господствовать до сихъ поръ; его внѣдрилъ въ русскіе нравы Петръ Великій своимъ желаніемъ поскорѣе видѣть въ Россіи подобіе того, что́ онъ видѣлъ за границей; съ другой стороны, его деспотическія мѣры, внушая омерзеніе въ массѣ народа ко всему иностранному, только способствовали упорству, съ которымъ защитники старины противились всякому просвѣщенію. Нѣкоторые находятъ, что Петръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ мудро, стремясь сразу переломить русскую закоснѣлость въ предразсудкахъ противъ всего иноземнаго, съ которымъ неизбѣжно было введеніе просвѣщенія. Мы не можемъ согласиться съ этимъ, и думаемъ, что русскій народъ вовсе не такъ былъ непріязненъ къ знакомству со знаніями, какъ къ чужеземнымъ пріемамъ жизни, которые ему навязывали насильно. Можно было, вовсе не заботясь о внѣшности, вести дѣло внутренняго преобразованія и народнаго просвѣщенія, а внѣшность измѣнилась бы сама собою.

Послѣ нарвскаго пораженія Карлъ XII распредѣлилъ свои войска въ Ливоніи и готовился нападать съ весною не на Россію, а на Польшу, съ цѣлію низложить Августа. Между тѣмъ Августъ въ февралѣ 1701 года увидѣлся съ Петромъ въ Биржахъ (динабургскаго уѣзда), и оба государя провели нѣсколько дней въ пиршествахъ, стараясь перепить другъ друга; но при забавахъ и кутежахъ заключили договоръ, по которому Петръ обѣщалъ поддерживать Августа, давать ему отъ 15,000 до 20,000 войска и платить въ теченіи трехъ лѣтъ по сто тысячъ рублей, съ тѣмъ, что король будетъ

воевать въ Ливоніи. Тогда условились, что Россія завоюетъ себѣ Ингерманландію и Корелію, а Ливонія уступлена будетъ Рѣчи Посполитой. Здѣсь Августъ договаривался только отъ своего лица. Рѣчь Посполитая не принимала прямого участія въ войнѣ, хотя Петръ старался склонить къ этому бывшихъ съ Августомъ пановъ. Достойно замѣчанія, что одинъ изъ нихъ, Щука, дѣлалъ попытки выговорить у Петра возвращеніе Кіева и заднѣпровскихъ городковъ, уступленныхъ Россіи по послѣднему миру; но Петръ сразу осѣкъ его, объявивши, что съ Польши достаточно будетъ и Ливоніи: и ту, на самомъ дѣлѣ, не думалъ онъ отдавать, лишь бы только она досталась въ его руки.

Карлъ XII вслѣдъ затѣмъ повелъ дѣло такъ, что Петру не нужно было прямой помощи Августа для пріобрѣтенія приморья —главной цѣли, съ которою онъ предпринялъ войну. Карлъ XII болѣе чѣмъ кто-нибудь помогъ Петру въ этомъ предпріятіи тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1701 году лично, съ лучшими силами своими пошелъ войною на Августа, а въ Ливоніи и Ингерманландіи оставилъ плохихъ генераловъ и незначительныя военныя силы, съ которыми русскіе могли сладить. Дѣло шло такимъ образомъ.

Простоявши зиму и весну въ Ливоніи, Карлъ XII, 8 іюля, разбилъ на голову саксонскія войска, бывшія подъ начальствомъ Штейнау, потомъ вступилъ въ Курляндію, расположилъ тамъ свои войска, и прозимовалъ въ этой странѣ на счетъ ея жителей, обложивши ихъ тяжелою контрибуціею, а весною готовился идти во владѣнія Рѣчи Посполитой въ надеждѣ безъ труда низвергнуть Августа. Въ Польшѣ въ это время происходили междоусобія. Партіи двухъ знатныхъ пановъ Сапѣги и Огинскаго вели междоусобную войну въ Литвѣ. Сверхъ того, у короля Августа было много недоброжелателей въ польскомъ краѣ. Саксонцы, которыхъ онъ привелъ съ собою въ Польшу, высокомѣрнымъ обращеніемъ оскорбляли національное самолюбіе поляковъ, и тѣмъ возбуждали въ нихъ неудовольствіе къ королю, а кардиналъ-примасъ, верховное лицо въ польскомъ духовенствѣ, былъ личный врагъ Августа, и во вредъ королю началъ сноситься съ Карломъ XII. Шведскій король требовалъ низложенія Августа и избранія другого короля на его мѣсто. Августъ видѣлъ мало помощи отъ Россіи, для которой собственно было тогда выгодно, что шведскій король ушелъ воевать въ чужую землю. Августъ пытался склонить на свою сторону прусскаго короля, но неудачно. Онъ рѣшился просить у Карла XII мира и нарочно послалъ вмѣстѣ со своимъ камергеромъ Фицтумомъ въ Либаву, гдѣ находился тогда Карлъ, свою любовницу Аврору Кенигсекъ, думая, что она прель-

стить своимъ кокетствомъ и красотою молодого шведскаго короля; но Карлъ всегда строго-нравственный не захотѣлъ даже и видѣть красавицы, задержалъ Фицтума, не давши чрезъ него отвѣта, и двинулся въ Польшу. Шведскій король вошелъ въ Польшу въ маѣ и занялъ Варшаву; половина Польши стала противъ Августа; другая была за него; составилось двѣ конфедераціи: сандомирская—изъ шляхты южныхъ воеводствъ въ пользу Августа, и шродская—изъ сѣверныхъ за Карла. Шведы вербовали въ Польшѣ и въ Силезіи людей въ свое войско. 9 іюля 1702 года, Карлъ разбилъ на голову соединенныя войска саксонцевъ и поляковъ, сторонниковъ Августа, взялъ Краковъ и расположился съ войскомъ въ Польшѣ, наложивъ на жителей ея большую контрибуцію. Шведы, загостившись въ Польшѣ, скоро стали озлоблять противъ себя жителей главнымъ образомъ тѣмъ, что, будучи протестантами, не оказывали уваженія римско-католической святынѣ. Несчастная Польша попалась такъ-сказать между двухъ огней: ее разоряли и шведы, и саксонцы, и самые сыны ея. Августъ бѣгалъ отъ Карла; Карлъ гонялся за Августомъ, разбилъ снова саксонское войско при Пултускѣ, осадилъ Торунь и стоялъ передъ нимъ цѣлыхъ полгода, пока наконецъ взялъ его въ концѣ сентября 1703 года. При посредствѣ Паткуля, который былъ принятъ въ русскую службу и находился теперь при Августѣ уже въ качествѣ царскаго уполномоченнаго, Августъ заключилъ договоръ съ русскимъ царемъ, по которому русскій царь обязался дать польскому королю 12,000 войска и 300,000 рублей. Достойно замѣчанія, что самъ Паткуль, понимавшій планы Петра и старавшійся поддѣлаться къ нему, выражался тогда, что этотъ договоръ былъ заключаемъ только для вида, и что въ интересахъ царя, да и самого короля, было не допускать поляковъ придти въ силу. 14 января 1704 года, кардиналъ-примасъ, по приказанію Карла XII, созвалъ сеймъ въ Варшавѣ. Шведскія войска окружали сеймовую Избу. Послы, по требованію примаса, объявили, 5 февраля, Августа лишеннымъ престола и провозгласили междуцарствіе, а выборъ новаго короля назначенъ былъ на 19 іюня. Карлъ XII хотѣлъ доставить корону Якову Собѣскому, сыну покойнаго короля Яна; но Августъ, провѣдавши про такое желаніе, приказалъ схватить этого претендента. 21 февраля 1704 года, на чужой землѣ, въ Силезіи, Яковъ Собѣскій вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ были схвачены на дорогѣ и посажены въ крѣпость Кёнигштейнъ. Карлъ проходилъ по Польшѣ и приказывалъ разорять имѣнія пановъ, приставшихъ къ сандомирской конфедераціи. Примасъ располагалъ умы въ пользу князя Любомирскаго, краковскаго

воеводы, но Карлъ сталъ поддерживать друдого претендента, познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго, и послалъ на сеймъ своего генерала Горна. 12 іюля, подъ страхомъ шведскихъ войскъ, сеймъ избралъ Станислава королемъ. Раздосадованный примасъ Радзіевскій перешелъ на сторону Августа.

По избраніи новаго короля, Карлъ продолжалъ ходить по Польшѣ съ мѣста на мѣсто, и принуждалъ признать навязаннаго имъ Польшѣ короля. 6 сентября, онъ взялъ Львовъ; 15-го, наоборотъ, Паткуль съ русско-польскимъ войскомъ отнялъ у шведовъ Варшаву; но вскорѣ поляки и союзные съ ними русскіе, находившіеся подъ командою Герца, были разбиты шведами.

На слѣдующій 1705 годъ, шведы одерживали побѣды за побѣдами надъ Августомъ. Варшава была снова въ ихъ рукахъ; Станиславъ Лещинскій 23 сентября былъ коронованъ, и отъ имени Рѣчи Посполитой заключилъ съ Карломъ договоръ противъ Августа и Петра. Но партія Августа собралась въ Тыкочинѣ, 1 ноября, и положила защищать Августа, а король Августъ, въ память этого событія, учредилъ первый орденъ въ Польшѣ—орденъ Бѣлаго орла.

Пользуясь тѣмъ, что шведскій король былъ отвлеченъ дѣлами въ Польшѣ, Петръ одерживалъ успѣхъ за успѣхомъ надъ шведами, и овладѣлъ балтійскимъ поморьемъ. Разсказываютъ, что графъ Дальбергъ, напрасно старавшійся удержать Карла въ Ливоніи, говорилъ при этомъ: „кажется, нашъ король нарочно оставилъ насъ здѣсь съ малыми силами, чтобы научить русскихъ бить насъ“. Шереметевъ еще въ 1701 году вступилъ войною въ Ливонію, и потомъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, воевалъ ее очень успѣшно. 29 декабря 1701 года, Шереметевъ разбилъ у мызы Эресфера генерала Шлиппенбаха. Эта первая побѣда надъ шведами была поводомъ къ большой радости и торжеству въ Москвѣ и разгоняла то уныніе, которое возбудила въ умахъ русскихъ нарвская битва. Въ слѣдующемъ году 18 іюля, Шереметевъ разбилъ въ другой разъ того же Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ. Русскіе послѣ этой побѣды опустошали Ливонію съ такимъ звѣрствомъ, которое напоминало поступки ихъ предковъ въ этой же странѣ при Иванѣ Грозномъ. Города и деревни сожигали до тла, опустошали поля, истребляли домашній скотъ, жителей уводили въ плѣнъ, а иногда цѣлыми толпами сожигали въ ригахъ и сараяхъ [1]). По одной рижской дорогѣ русскіе сожгли болѣе

[1]) Самъ Шереметевъ писалъ государю въ концѣ 1702 года: „послалъ я во всѣ стороны плѣнить и жечь, не осталось цѣлаго ничего, все разорено и сожжено, и

600 деревень и, кромѣ того, ходили въ стороны отрядами и вездѣ, куда только ни приходили, вели себя чрезвычайно жестоко. Шереметевъ стеръ съ лица земли города: Каркусъ, Гельметъ, Смильтенъ, Вольмаръ, Везенбергъ, покушался было взять Дерптъ, но не могъ, по причинѣ сильныхъ укрѣпленій, и приступилъ къ Маріенбургу. Начальствовавшій въ Маріенбургѣ подполковникъ Тильо фонъ-Тилау сдался на капитуляцію, выговоривши свободный выходъ гарнизону; но, какъ только русскіе на слѣдующій день стали входить въ городъ, артиллерійскій капитанъ Вульфъ взорвалъ пороховой магазинъ, съ цѣлью погибнуть самому съ товарищами и погубить вошедшихъ враговъ. За это Шереметевъ не выпустилъ никого изъ оставшихся въ живыхъ и всѣхъ жителей взялъ въ плѣнъ, около 400 человѣкъ. Между ними былъ нѣкто пасторъ—пробстъ Глюкъ съ женою, сыномъ, четырьмя дочерьми, ихъ учителемъ, двумя служителями и двумя служанками. Этотъ Глюкъ былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда: уроженецъ саксонскій, онъ пріобрѣлъ большую ученость на родинѣ, зналъ восточные языки, и, будучи еще 22 лѣтъ отъ роду, прибылъ въ Ливонію съ цѣлью посвятить себя распространенію слова Божія, для чего основательно выучился русскому и латышскому языкамъ. Призвавши къ себѣ какого-то русскаго священника, онъ предпринялъ трудъ перевести славянское св. Писаніе на простой русскій языкъ. Такой человѣкъ былъ кладъ для начинавшагося русскаго просвѣщенія; но болѣе всего судьба этого человѣка важна для нашей исторіи потому, что связана была съ судьбою одной изъ служанокъ Глюка. Это была дочь ливонскаго обывателя изъ мѣстечка Вышкиозеро, Самуила Скавронскаго.

Есть извѣстіе, будто бы она наканунѣ взятія Маріенбурга вышла замужъ за одного ливонца, съ которымъ ей не суждено было жить. Послѣ плѣна ее взялъ полковникъ Балькъ, и она, наравнѣ съ другими рабочими женщинами, занималась стиркою бѣлья для солдатъ; въ этомъ положеніи увидалъ ее Меншиковъ, взялъ ее къ себѣ, а у него увидѣлъ ее царь. Впослѣдствіи мы скажемъ, на какую высоту вознесла ее странная судьба.

Ливонію продолжали разорять русскіе и въ слѣдующемъ 1703 году, а въ 1704 г. Шереметевъ доносилъ царю въ такихъ выраженіяхъ: „больше того чинить разоренія нельзя и всего описать невозможно; отъ Нарвы до границы считаютъ восемьдесятъ миль, а русскою мѣрою будетъ слишкомъ 400 верстъ, и Богъ

взяли твои ратные государевы люди въ полонъ мужеска и женска пола и робятъ нѣсколько тысячъ, также и работныхъ лошадей, а скота съ 20000 или больше... и чего не могли поднять покололи и порубили“.

знаетъ, чѣмъ непріятель нынѣшнюю зиму остальныя свои войска прокормитъ, можете ваше величество разсудить; только остались цѣлыми Колывань, Рига и Перновъ, да мѣстечко за болотами, межъ Риги и Пернова, Реймеза (Лемзаль)“. Петръ похвалялъ за это Шереметева и приказывалъ разорять край до послѣдней степени.

Когда такимъ образомъ Шереметевъ опустошалъ шведскую провинцію Ливонію, самъ царь дѣлалъ завоеванія въ другой шведской провинціи—Ингріи, бывшей нѣкогда Новгородскою землею; и здѣсь завоеваніе сопровождалось такимъ же варварскимъ опустошеніемъ, какъ и въ Ливоніи; тамъ—Шереметевъ, здѣсь свирѣпствовалъ Апраксинъ. Послѣдній прошелъ вдоль Невы до Тосны: „все разорилъ и развоевалъ“, отъ рубежа до р. Лавы верстъ на сто. Но Петръ не былъ доволенъ разореніемъ ингрійскаго края, подобно ливонскому, такъ какъ у Петра была уже мысль утвердиться при устьѣ Невы. Въ октябрѣ 1702 года, Петръ приступилъ къ крѣпости Нотебургу и послѣ семидневнаго бомбардированія, а потомъ, послѣ сильнаго штурма, нотебургскій комендантъ Густавъ Шлиппенбахъ, 11-го октября, сдалъ крѣпость на капитуляцію со всѣми орудіями и запасами. Эта крѣпость была древній русскій городъ Орѣшекъ, уступленный Швеціи по Столбовскому миру, но Петръ, пристрастный къ иноземщинѣ, не возвратилъ ему древняго русскаго названія, а назвалъ Шлиссельбургомъ (т. е. Ключомъ-городомъ). Меншиковъ былъ названъ губернаторомъ новозавоеваннаго города. Петръ, любившій вообще праздновать свои побѣды нѣсколько на классическій образецъ, торжествовалъ покореніе Орѣшка тріумфальнымъ шествіемъ въ Москву черезъ трое воротъ, построенныхъ нарочно по этому случаю. Неутомимый царь послѣ этого празднества отправился изъ Москвы въ Воронежъ, осмотрѣлъ на дорогѣ работы канала между верховьемъ Дона и р. Шатью, впадающею въ Упу, заложилъ въ имѣніи Меншикова у верховья р. Воронежа городъ Ораніенбургъ, осмотрѣлъ воронежскіе корабли, сдѣлалъ распоряженія о присылкѣ туда рабочихъ людей и желѣза, и въ то же время былъ, по его собственнымъ словамъ, „зѣло удоволенъ бахусовымъ даромъ“, а весною уже былъ снова на Невѣ въ Шлиссельбургѣ, и такъ разсердился на Виніуса за неакуратность въ доставкѣ артиллерійскихъ снарядовъ и лекарствъ въ Шлиссельбургъ, что отставилъ его отъ службы и наложилъ на него большое взысканіе.

25 апрѣля 1703 г., Петръ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, съ 25,000 войска подступилъ къ крѣпости Ніеншанцу, построенной

при устьѣ р. Охты, впадающей въ р. Неву [1]). Послѣ сильной пушечной пальбы комендантъ полковникъ Опалевъ, человѣкъ старый и болѣзненный, сдалъ городъ, выговоривши себѣ свободный выходъ. Между тѣмъ шведы, не зная о взятіи Ніеншанца, плыли съ моря по Невѣ для спасенія крѣпости. Петръ выслалъ Меншикова съ гвардіею на тридцати лодкахъ къ деревнѣ Калинкиной, а самъ съ остальными лодками тихо поплылъ вдоль Васильевскаго Острова, подъ прикрытіемъ лѣса, и отрѣзалъ отъ моря вошедшія въ Неву суда отъ прочей эскадры, стоявшей еще въ морѣ. Русскіе напали на два шведскія судна съ двухъ сторонъ. Шведы были застигнуты врасплохъ такъ, что изъ семидесяти-семи человѣкъ осталось въ живыхъ только девятнадцать. Русскіе убивали непріятеля, даже просившаго пощады, и взяли два большія судна. Событіе это, повидимому незначительное, чрезвычайно цѣнилось въ свое время: то была первая морская побѣда русскихъ, и Петръ, носившій званіе бомбардирскаго капитана, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, пожалованъ былъ отъ адмирала Головина орденомъ Андрея Первозваннаго. 16 мая того же года, на островѣ, который назывался Янни-Саари и переименованъ былъ Петромъ Люстъ-Эйландомъ (т.-е. Веселымъ островомъ), въ день св. Троицы Петръ заложилъ городъ, давъ ему названіе С.-Петербурга. Первою постройкою его была деревянная крѣпость съ шестью бастіонами; вмѣстѣ съ тѣмъ царь приказалъ построить для себя домикъ, сохраняемый до сихъ поръ, также на берегу Большой Невы домъ для Меншикова, нареченнаго санктъ-петербургскимъ губернаторомъ, и дома для другихъ близкихъ къ царю сановниковъ. Въ ноябрѣ 1703 года прибылъ въ только-что заложенный Петромъ городъ первый голландскій купеческій корабль. Петръ лично провелъ его въ гавань и щедро одарилъ весь экипажъ корабля. Въ томъ же году осенью Петръ поплылъ па островъ Котлинъ, вымѣрялъ самъ фарватеръ между островомъ и находившеюся противъ него мелью и заложилъ крѣпость, назвавши ее Кроншлотомъ. Все это были событія оказавшіяся громадной важности по своимъ послѣдствіямъ въ русской исторіи. Близъ возвращеннаго Россіи древняго новгородскаго Новаго-Острога, переименованнаго шведами въ иностранное названіе Ніеншанца, суждено было явиться новому, также съ иностраннымъ именемъ, городу и сдѣлаться столицею новой Русской имперіи.

Настала зима. Петръ отправился въ Воронежъ и сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ шести большихъ военныхъ кораблей

[1]) Слово Ніеншанцъ есть буквальный шведскій переводъ слова Новый-Острогъ которымъ назывался русскій городъ, бывшій на этомъ мѣстѣ или около него.

не въ самомъ Воронежѣ, а въ построенномъ имъ тогда нарочно городѣ Тавровѣ; изъ Воронежа государь отправился въ Олонецъ: и тамъ у него также устроена была корабельная верфь. Онъ основалъ въ Олонцѣ желѣзные заводы, и въ своемъ присутствіи приказывалъ лить пушки, а весною, въ мартѣ, Петръ опять уже былъ въ Петербургѣ и дѣятельно занимался его постройкою. Ему до чрезвычайности понравилось это мѣсто, и онъ сталъ называть его своимъ раемъ (парадизомъ).

1704-й годъ былъ замѣчательно счастливъ въ войнѣ со шведами. Шереметевъ опустошилъ Эстонію такимъ же жестокимъ способомъ, какъ въ прежнее время Ливонію, а потомъ осадилъ Дерптъ. 3-го іюля, самъ царь прибылъ къ городу; 13-го, русскіе сдѣлали приступъ, разбили ворота и комендантъ Скитте сдалъ городъ со 132 орудіями, выговоривши себѣ свободный выходъ. Царь тотчасъ же утвердилъ всѣ привилегіи города, призывалъ жителей оставаться на своихъ мѣстахъ и обнадеживалъ своею милостью. Тогда 1,388 чел. шведовъ, положившихъ оружіе, вступили въ русскую службу. 9-го августа, взята была Нарва, но здѣсь не такъ милостиво русскіе раздѣлались съ побѣжденными, какъ въ Дерптѣ: комендантъ Горнъ не хотѣлъ сдаваться. и русскіе солдаты ворвались силою въ городъ, истребляли и стараго и малаго. Петръ, усиливаясь остановить напрасное кровопролитіе, собственноручно закололъ нѣсколько солдатъ, но храброму коменданту за его упорство далъ пощечину. Вслѣдъ затѣмъ сдался Иванъ-Городъ, расположенный на другомъ берегу рѣки Наровы. Осенью Петръ опять занимался постройкою кораблей на Олонецкой верфи, потомъ заложилъ въ Петербургѣ адмиралтейство, осмотрѣлъ новозавоеванные города, Нарву и Дерптъ, а въ декабрѣ праздновалъ въ Москвѣ свои побѣды и возвращеніе Россіи ея древнихъ земель. Было устроено семь тріумфальныхъ воротъ, черезъ которыя проѣзжалъ государь; за нимъ вели плѣнныхъ шведскихъ офицеровъ и везли взятыя у непріятеля пушки и знамена.

Въ 1705 году, Петръ хотѣлъ выгнать шведовъ изъ Курляндіи, самъ съ войскомъ пріѣхалъ въ Полоцкъ и отправилъ фельдмаршала Шереметева къ Митавѣ; другою частью войска начальствовалъ другой фельдмаршалъ, иностранецъ Огильви, возведенный Петромъ въ этотъ санъ къ досадѣ его русскихъ полководцевъ. Находясь въ Полоцкѣ, русскій царь имѣлъ столкновенія съ уніатскими монахами; посѣтивши уніатскій монастырь, онъ съ неудовольствіемъ увидѣлъ богато-украшенный образъ Іосафата Кунцевича, жестокаго врага православной вѣры, нѣкогда уби-

таго народомъ и признаваемаго уніатами священно-мученикомъ. Раздосадованный отвѣтомъ монаха, отозвавшагося съ почтеніемъ объ Іосафатѣ, Петръ приказалъ схватить нѣсколькихъ монаховъ. Монахи и послушники стали сопротивляться: русскіе четырехъ убили, а одного изъ нихъ, который славился своими фанатическими проповѣдями противъ православныхъ, Петръ приказалъ повѣсить. Этотъ поступокъ надѣлалъ въ свое время много шуму въ католическомъ мірѣ. Петръ не слишкомъ смотрѣлъ на это; расправившись такимъ образомъ съ уніатскими монахами, онъ выѣхалъ въ Вильно и здѣсь получилъ извѣстіе о пораженіи Шереметева.

15-го іюля, этотъ полководецъ, до сихъ поръ такъ удачно воевавшій, столкнулся со шведскимъ генераломъ Левенгауптомъ при Гемауертгофѣ, былъ разбитъ на-голову и самъ былъ раненъ. Петръ не тотько не ставилъ ему этого въ вину, но письменно утѣшалъ его въ несчастіи, и замѣчалъ, что постоянная удача часто портитъ людей. Пораженіе Шереметева не произвело однако большой бѣды. Левенгауптъ не воспользовался своею побѣдою, ушелъ въ Ригу, а Петръ выступилъ изъ Вильно въ Курляндію, 2-го сентября взялъ столицу Курляндіи, и вся страна покорилась ему.

Отсюда Петръ положилъ идти въ Литву на выручку Августа, но выслалъ Шереметева въ Астрахань для усмиренія возникшаго тамъ бунта, а главнокомандующимъ у себя назначилъ иностранца Огильви, не ладившаго однако съ любимцемъ царя Меншиковымъ. Подъ его начальствомъ русское войско вступило въ Литву. Главная квартира его устроена была въ Гродно. Въ октябрѣ прибылъ туда царь и свидѣлся тамъ съ Августомъ; потомъ, предоставивши веденіе войны фельдмаршалу Огильви, онъ уѣхалъ въ декабрѣ въ Москву.

Кромѣ вспомогательнаго русскаго войска подъ начальствомъ Огильви, у Августа, по заключенному прежде договору, былъ русскій отрядъ, состоявшій изъ солдатъ и украинскихъ козаковъ; онъ находился подъ командою Паткуля, который, какъ мы сказали, въ это время носилъ званіе довѣреннаго царя при польскомъ королѣ. Паткуль не ладилъ съ саксонскими министрами Августа, и самъ Августъ не любилъ его. Съ одной стороны, Августъ раздраженъ былъ противъ него за сношеніе съ берлинскимъ кабинетомъ; прусскій король былъ дурно расположенъ къ Августу и склонялся даже къ тому, чтобы признать соперника его Станислава Лещинскаго, а Паткуль не только имѣлъ друзей въ Берлинѣ, но въ своихъ письмахъ, отправляемыхъ туда, отзывался дурно о саксонскихъ министрахъ

и порицалъ поступки Августа. Съ другой стороны, Паткуль безпрестанно жаловался царю, что порученное ему русское войско очень дурно содержится въ Саксоніи, что саксонскіе министры нарочно отвели квартиры этому войску въ разоренномъ краѣ, гдѣ оно терпитъ большія лишенія. Паткуль указывалъ, что въ крайней нуждѣ, въ какую поставлено русское войско, служившее Августу, онъ истратилъ собственныя деньги на прокормленіе русскихъ. Наконецъ, Паткуль представлялъ, что, для спасенія русскихъ отъ голодной смерти въ Саксоніи, лучше всего отдать русскій отрядъ въ наймы императору. Петръ далъ Паткулю полномочіе на передачу русскаго войска императору, но только въ *крайнемъ случаѣ*. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, Паткуль заключилъ договоръ съ имперскимъ генераломъ Штратманомъ о передачѣ русскаго отряда въ имперскую службу на одинъ годъ. Саксонскій государственный совѣтъ, правившій страною въ отсутствіи короля, былъ до чрезвычайности раздраженъ этимъ поступкомъ, и послѣ напрасныхъ увѣщаній, обращенныхъ къ Паткулю, не дѣлать того, что́ онъ затѣваетъ, совѣтъ, по предложенію фельдмаршала Штейнау, приказалъ арестовать Паткуля и отправить въ крѣпость Зонненштейнъ. Петръ протестовалъ противъ такого поступка, требовалъ отпуска Паткуля, необходимаго для него уже и потому, что Паткуль обязанъ былъ отдать отчетъ русскому царю въ своихъ дѣйствіяхъ. Но протестаціи Петра остались безплодными.

Между тѣмъ Карлъ XII, простоявши нѣсколько мѣсяцевъ въ Блонѣ, въ январѣ 1706 года, несмотря на суровую зиму, бросился на Гродно, думая захватить тамъ Августа; Августъ хотя и не достался въ руки Карла, успѣвши ранѣе выйдти изъ Гродно съ четырьмя русскими полками и соединиться со своимъ генераломъ Шиленбергомъ, но 2-го февраля, вмѣстѣ съ этимъ своимъ генераломъ, былъ разбитъ на-голову шведскимъ генераломъ Реншильдомъ. Карлъ простоялъ подъ Гродно до конца марта, пытаясь взять этотъ городъ, защищаемый Огильви; наконецъ, по приказанію Петра, Огильви вырвался изъ осады и ушелъ, потерявши значительное число русскаго войска отъ болѣзней и недостатка въ припасахъ. Карлъ изъ подъ Гродно не преслѣдовалъ его, а ушелъ на Волынь и расположилъ тамъ свое войско, пользуясь изобиліемъ, господствовавшимъ въ странѣ, и облагалъ тяжелыми контрибуціями имѣнія пановъ, придерживавшихся стороны Августа. Пребываніе Карла на Волыни заставляло Петра опасаться, чтобы шведскій король не ворвался въ Украину, и, въ предупрежденіе этого, Петръ сначала отправилъ въ Кіевъ Меншикова, а 4-го іюля самъ прибылъ туда въ пер-

вый разъ въ жизни и, пробывши тамъ полтора мѣсяца, заложилъ нынѣшнюю печерскую крѣпость. Онъ оставилъ Украину только тогда, когда получилъ извѣстіе, что Карлъ вышелъ изъ Волыни въ противоположную сторону. Петръ поскакалъ въ Петербургъ, а въ Польшу отправилъ войско подъ начальствомъ Меншикова; фельдмаршалъ Огильви былъ уволенъ.

Карлъ XII на этотъ разъ рѣшился нанести вредъ своему врагу въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ; оставивши генерала Мардефельда въ Польшѣ, онъ вступилъ въ Саксонію и началъ, по своему обычаю, налагать на жителей тяжелую контрибуцію. Тутъ Августъ, испугавшись за свои наслѣдственныя земли, отправилъ къ шведскому королю своего министра Пфингтена просить мира, и этотъ уполномоченный отъ имени своего короля заключилъ со Швеціею, въ за́мкѣ Альтранштадтѣ, близъ Лейпцига, договоръ, по которому Августъ отрекался отъ польской короны въ пользу Станислава Лещинскаго, разрывалъ союзъ съ русскимъ царемъ, обязывался отпустить всѣхъ плѣнныхъ и выдать измѣнниковъ, въ ряду которыхъ Паткуль занималъ первое мѣсто. Пфингтенъ привезъ своему королю этотъ договоръ для утвержденія 4-го октября въ Піотроковъ, гдѣ былъ и Меншиковъ со своими войсками. Король тайно утвердилъ договоръ, но Меншикову объ этомъ не сказалъ, такъ что Меншиковъ, вмѣстѣ съ русскими и саксонскими войсками, продолжалъ воевать со шведами въ качествѣ союзника Августа. Не подавая Меншикову вида о состоявшемся примиреніи, Августъ однако далъ самъ объ этомъ тихонько знать шведскому генералу Мардефельду, но Мардефельдъ, не получая еще о томъ же извѣстія отъ своего короля, не повѣрилъ Августу и вступилъ въ битву съ Меншиковымъ у Калиша. Съ Мардефельдомъ, кромѣ шведовъ, были и поляки (по русскимъ извѣстіямъ до 20,000). 18-го октября произошла битва, кончившаяся полною побѣдою русскихъ. Побѣда эта произвела большое торжество въ Россіи; Августъ продолжалъ таиться передъ Меншиковымъ, вмѣстѣ съ нимъ совершалъ благодарственныя молебствія о побѣдѣ, отпустилъ Меншикова съ войскомъ на Волынь и продолжалъ скрывать отъ русскаго посла Василія Долгорукова заключенный со шведами миръ, пока нельзя было долѣе скрывать тайны. Карлъ обнародовалъ Альтранштадтскій миръ; тогда Августъ увѣрялъ Долгорукова, что онъ заключилъ миръ только видимый, чтобы спасти Саксонію отъ разоренія, а какъ только Карлъ выйдетъ изъ его владѣній, такъ онъ тотчасъ нарушитъ этотъ миръ и заключитъ опять союзъ съ царемъ.

Слѣдствіемъ Альтранштадтскаго мира была выдача Паткуля [1]).

Военныя обстоятельства были поводомъ, что главнѣйшая дѣятельность Петра во внутреннемъ устроеніи государства клонилась къ возможно-бо́льшему обогащенію казны и къ доставкѣ средствъ для веденія войны. Этой цѣли соотвѣтствовали почти всѣ нововведенія того времени, получившія впослѣдствіи самобытный характеръ въ сферѣ преобразованій. Такимъ образомъ для правильнаго и полнаго взиманія поборовъ, необходимо было привести въ извѣстность количество жителей въ государствѣ, и для того учреждены, въ 1702 году, метрическія книги для записки крещенныхъ, умершихъ и сочетавшихся бракомъ.

Въ 1705 году, велѣно было переписать всѣхъ торговыхъ людей съ показаніемъ ихъ промысловъ. Промыслы на Сѣверномъ морѣ (китовые, тресковые и моржевые), производившіеся до сихъ поръ вольными людьми, отданы исключительно компаніи, во главѣ которой былъ Меншиковъ. Съ тою же цѣлью — умноженія казны—сдѣланы были важныя перемѣны въ дѣлопроизводствѣ. Еще въ 1701 году, устроены были въ городахъ крѣпостныя избы и установлены надсмотрщики, которые должны были записывать всякую передачу имуществъ, всякіе договоры и условія. Въ 1703 году, не только въ городахъ, но и въ селахъ велѣно было заключать всякія условія съ рабочими, извощиками, промышленниками не иначе, какъ съ записью и платежемъ пошлинъ. Потребность въ солдатахъ повела къ самымъ крайнимъ средствамъ привлеченія народа въ военную службу. Въ январѣ 1703 года, всѣхъ кабальныхъ, оставшихся послѣ смерти помѣщиковъ и вотчинниковъ, велѣно сгонять и записывать въ солдаты и матросы, а въ октябрѣ того же года, у всѣхъ служилыхъ и торговыхъ людей велѣно взять въ солдаты изъ ихъ дворовыхъ людей пятаго, а изъ дѣловыхъ (т.-е. рабочихъ) седьмого, не моложе двадцати и не старше тридцати лѣтъ. Такое же распоряженіе коснулось бѣльцовъ, клирошанъ и монашескихъ дѣтей. Ямщики обя́заны были давать съ двухъ дворовъ по человѣку въ солдаты. Со всей Россіи велѣно взять въ военную службу воровъ, содержавшихся

---

[1]) Его передъ тѣмъ перевезли изъ Зонненштейна въ Кенигштейнъ. 28-го марта 1707 года, Паткуля вывезли изъ Кенигштейна и передали шведскимъ коммиссарамъ. Его повезли въ калишское воеводство въ мѣстечко Казимержъ и отдали подъ судъ, продолжавшійся нѣсколько мѣсяцевъ. 10-го октября, Паткуль на площади близъ Казимержа былъ колесованъ самымъ мучительнымъ образомъ, потому что выбрали палачемъ неопытнаго въ этомъ дѣлѣ поляка. Несчастный съ воплемъ молилъ, чтобы ему поскорѣе отрубили голову. Растерзанныя части его были выставлены на пяти колесахъ по варшавской дорогѣ.

подъ судомъ. Въ 1704 году, подъ угрозою жестокаго наказанія, велѣно собраться въ Москвѣ дѣтямъ и свойственникамъ служилыхъ людей и выбирать изъ нихъ годныхъ въ драгуны и солдаты. Послѣдовалъ рядъ посягательствъ на всякую собственность. Въ ноябрѣ 1703 года, во всѣхъ городахъ и уѣздахъ приказано описать лѣса на пространствѣ пятидесяти верстъ отъ большихъ рѣкъ и двадцати отъ малыхъ, а затѣмъ вовсе запрещалось во всемъ государствѣ рубить большія деревья подъ опасеніемъ десятирублевой пени, а за порубку дуба—подъ страхомъ смертной казни. Черезъ нѣсколько времени (января 1705 года) сдѣлано было исключеніе для рубки лѣса на сани, телѣги и мельничныя потребы, но отнюдь не на строенія, а зато за рубку въ заповѣдныхъ лѣсахъ какихъ бы то ни было деревьевъ назначена смертная казнь. Страсть царя къ кораблестроенію вынудила эту строгую мѣру. Январь 1704 года особенно ознаменовался стѣсненіемъ собственности. Всѣ рыбныя ловли, пожалованныя на оброкъ или въ вотчину и помѣстье, приказано отобрать на государя и отдавать съ торговъ на оброкъ: для этого была учреждена особая Ижорская канцелярія рыбныхъ дѣлъ, подъ управленіемъ Меншикова. Потребовались повсюду сказки о способѣ ловли рыбы, объ ея качествѣ, о цѣнахъ и пр. Всѣ эти рыбныя ловли сдавались въ откупъ, а затѣмъ всякая тайная ловля рыбы вела за собою жестокія пытки и наказанія. Описаны были и взяты въ казну постоялые дворы, торговыя пристани, мельницы, мосты, перевозы, торговыя площади и отданы съ торгу на оброкъ. На всякихъ мастеровыхъ: каменьщиковъ, плотниковъ, портныхъ, хлѣбниковъ, калачниковъ, разносчиковъ, — мелочныхъ торговцевъ и пр., наложены были годовыя подати по двѣ гривны съ человѣка, а на чернорабочихъ по четыре алтына. Хлѣбъ можно было молоть не иначе, какъ на мельницахъ, отданныхъ на оброкъ или откупъ, съ платежемъ помола. Оставлены мельницы только помѣщикамъ съ платежемъ въ казну четвертой доли дохода. Всѣ бани въ государствѣ сдавались на откупъ съ торговъ; запрещалось частнымъ домохозяевамъ держать у себя бани подъ страхомъ пени и ломки строенія. Во всемъ государствѣ положено было описать всѣ пчельники и обложить оброкомъ. Для всѣхъ этихъ сборовъ были устроены новые приказы и канцеляріи, находившіеся подъ управленіемъ Меншикова. Черезъ нѣсколько времени банная пошлина была измѣнена: позволено имѣть домовыя бани, но платить за нихъ отъ пяти алтынъ до трехъ рублей, а въ іюнѣ съ бань крестьянскихъ и рабочихъ людей назначена однообразная пошлина по три алтына и двѣ деньги

по всему государству. Также въ январѣ 1705 года дозволено частнымъ лицамъ имѣть постоялые дворы, съ обязательствомъ платить четвертую часть дохода въ казну. Для опредѣленія правильнаго сбора требовались безпрестанно свѣдѣнія или сказки, что̀ служило поводомъ къ безпрестаннымъ придиркамъ и наказаніямъ. Соль во всей Россіи продавалась отъ казны вдвое противъ подрядной цѣны. Табакъ, съ апрѣля 1705 года, сталъ продаваться не иначе, какъ отъ казны, кабацкими бурмистрами и цѣловальниками: за продажу табака контрабандою отбирали все имущество и ссылали въ Азовъ; доносчики получали четвертую часть, а тѣмъ, которые знали, да не донесли, угрожала потеря половины имущества. Въ январѣ того же года учрежденъ былъ своеобразный налогъ: во всемъ государствѣ приказано переписать дубовые гробы, отобрать ихъ у гробовщиковъ, свезти въ монастыри и къ поповскимъ старостамъ и продавать вчетверо противъ покупной цѣны. Каждый, привозившій покойника, долженъ былъ являться съ ярлыкомъ, а кто привозилъ мертвеца безъ ярлыка, противъ того священники должны были начинать искъ. Въ этомъ же мѣсяцѣ введенъ былъ налогъ на бороды: съ служилыхъ и приказныхъ людей, а также съ торговыхъ и посадскихъ по 60 рублей въ годъ съ человѣка; съ гостей и богатыхъ торговцевъ гостиной сотни по 100 рублей, а съ людей низшаго званія—боярскихъ людей, ямщиковъ-извощиковъ, по 30 рублей; заплатившіе должны были брать изъ приказа особые знаки, которые постоянно имѣли при себѣ, а съ крестьянъ брали за бороды по двѣ деньги всякій разъ, какъ они проходили въ ворота изъ города или въ городъ: для этого были устроены особые караульные, и бурмистры должны были смотрѣть за этимъ подъ страхомъ конечнаго разоренія. Также подверглось пени русское платье. У городскихъ воротъ приставленные цѣловальники брали за него съ пѣшаго 13 алтынъ 2 деньги, съ коннаго по 2 рубля.

Несмотря на строгія мѣры и угрозы, повсемѣстно происходила противозаконная безпошлинная торговля, и царь, чтобы пресѣчь ее, поощрялъ доносчиковъ и подвергалъ тѣлесному наказанію и лишенію половины имущества тѣхъ, которые знали и не доносили, хотя бы они были близкіе сродники. За всякое корчемство отвѣчали цѣлыя волости и платили огромныя пени, для чего и были учреждены особенные выемные головы, которые должны были ѣздить отъ города до города по селамъ и ловить корчемниковъ. Безпрестанно открывалось, что въ разныхъ мѣстахъ продолжали, вопреки царскимъ указамъ, производить свободно разные промыслы, а въ особенности рыбныя ловли. И тѣ

лица, которыя должны были смотрѣть за казеннымъ интересомъ, сами дѣлались ослушниками. Кромѣ всякаго рода платежей, несносною тягостью для жителей были разныя доставки и казенныя порученія, и въ этомъ отношеніи остались поразительные примѣры грубости нравовъ. Царскіе чиновники, подъ предлогомъ сбора казеннаго дохода, притѣсняли и мучили жителей, пользовались случаемъ брать съ нихъ лишнее: удобнымъ средствомъ для этого служилъ правежъ. Съ своей стороны, ожесточенные жители открыто сопротивлялись царскимъ указамъ, собираясь толпами, били дубьемъ чиновниковъ и солдатъ. Старая привычка обходить и не исполнять законъ, постоянно проявлялась, ставила преграды предпріятіямъ Петра. Такъ напримѣръ, несмотря на введеніе гербовой бумаги, каждый годъ слѣдовали одно за другимъ подтвержденія о томъ, чтобы во всѣхъ актахъ и условіяхъ не употреблялась простая бумага. И вообще за всѣми распоряженіями правительства слѣдовали уклоненія отъ ихъ исполненія. Торговля, издавна стѣсняемая въ Московскомъ Государствѣ въ пользу казны, въ это время подверглась множеству новыхъ монополій. Такъ, торговля дегтемъ, коломазью, рыбнымъ жиромъ, мѣломъ, ворванью, саломъ и смолою отдавалась на откупъ, а съ 1707 года начала производиться непосредственно отъ казны черезъ выборныхъ цѣловальниковъ, съ воспрещеніемъ кому бы то ни было торговать этими товарами. Къ разнымъ стѣсненіямъ экономическаго быта присоединялось еще въ Москвѣ запрещеніе строить въ одной части Москвы (Китай-городѣ) деревянныя строенія, а въ другихъ частяхъ — каменныя, и приказаніе дѣлать мостовыя изъ дикаго камня. Гости и посадскіе люди должны были на свой счетъ возить камень, а крестьяне, приходя въ Москву, должны были принести съ собою не менѣе трехъ камней и отдать у городскихъ воротъ городскимъ цѣловальникамъ.

Между тѣмъ наборы людей въ войско шли возрастающимъ образомъ: въ январѣ 1705 года съ разныхъ городовъ, посадовъ и волостей взято было съ двадцати дворовъ по человѣку въ артиллерію, возрастомъ отъ 20 до 30 лѣтъ. Въ февралѣ положено взять у дьяковъ подробныя свѣдѣнія объ ихъ родственникахъ и выбрать изъ нихъ драгунъ.

Въ томъ же февралѣ со всего государства опредѣлено съ двадцати дворовъ взять по рекруту, отъ 15 до 20 лѣтъ возраста холостыхъ, а тамъ, гдѣ меньше двадцати дворовъ—складываться. Этимъ новобранцамъ должны были сдатчики доставить обувь, шубы, кушаки, чулки и шапки; если кто изъ этихъ рекрутъ убѣгалъ или умиралъ, то на его мѣсто брали другого. Затѣмъ встрѣчаемъ мы

послѣдовательно наборы рекрутъ въ войско. Въ декабрѣ 1705 года, назначенъ наборъ по человѣку съ 20 дворовъ, тоже повторилось въ мартѣ 1706, потомъ въ 1707 и 1708 годахъ. Кромѣ того, изъ боярскихъ людей, въ 1706 г., взято въ боярскихъ вотчинахъ съ 300 дворовъ, а въ другихъ вотчинахъ со 100 по человѣку, а въ декабрѣ 1706 г. взято въ полки 6.000 извощиковъ. При поставкѣ рекрутъ помѣщики обязаны были давать на нихъ по полтора рубля на каждаго; торговые люди обложены были на военныя издержки восьмою деньгою съ рубля, а тѣ, которые должны были сами служить, но оказывались неспособными къ службѣ, платили пятнадцать рублей. Дьяки и приказные люди въ 1707 году были поверстаны въ военную службу и должны были изъ себя составить на собственное иждивеніе особый полкъ. Со всѣхъ священниковъ и дьяконовъ наложенъ сборъ драгунскихъ лошадей, съ 200 двор. по лошади, а въ Москвѣ со 150 дворовъ. Кромѣ набора рекрутъ, царь велѣлъ брать рабочихъ, преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ, и отсылать ихъ на Олонецкую верфь въ Шлиссельбургъ, а болѣе всего въ Петербургъ. Народъ постоянно всѣми способами убѣгалъ отъ службы, и царь издавалъ одинъ за другимъ строгіе указы для преслѣдованія бѣглыхъ; за побѣгъ угрожали смертною казнью не только самимъ бѣглымъ, но и тѣмъ, которые будутъ ихъ передерживать, не станутъ доносить о нихъ и не будутъ способствовать ихъ поимкѣ. Но бѣглыхъ солдатъ было такъ много, что не было возможности всѣхъ казнить, и было принято за правило изъ трехъ пойманныхъ одного повѣсить, а двухъ бить кнутомъ и сослать на каторгу. Съ неменьшею суровостью преслѣдовали бѣглыхъ крестьянъ и людей. Передерживавшіе бѣглыхъ такого рода подвергались смертной казни. Бѣглецы составляли разбойничьи шайки, и занимались воровствомъ и грабежемъ. Принято было за правило казнить изъ пойманныхъ бѣглыхъ крестьянъ и холоповъ только тѣхъ, которые уличены будутъ въ убійствѣ и разбоѣ, а другихъ наказывать кнутами, налагать клейма, вырѣзывать ноздри. Послѣдній способъ казни былъ особенно любимъ Петромъ. Въ его бумагахъ остались собственноручныя замѣтки о томъ, чтобы инструментъ для вырѣзыванія ноздрей устроить такъ, чтобъ онъ вырывалъ мясо до костей. Неудовольствіе было повсемѣстное, вездѣ слышался ропотъ; но вездѣ бродили шпіоны, наушники, подглядывали, подслушивали и доносили; за одно неосторожное слово людей хватали, тащили въ Преображенскій приказъ и подвергали неслыханнымъ мукамъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ этого царя на царство послалъ,—говорилъ народъ русскій,—такъ и

свѣтлыхъ дней мы не видимъ: все рубли, да полтины, да подводы, нѣтъ отдыха крестьянству. Это міроѣдъ, а не царь—весь міръ переѣлъ, переводитъ добрыя головы, а на его кутилку и перевода нѣтъ!" Множество взятыхъ въ солдаты было убито на войнѣ; они оставили женъ и дѣтей, и тѣ, скитаясь по Россіи, жаловались на судьбу свою и проклинали царя, съ его нововведеніями и воинственными затѣями. Ревнители старины вопіяли противъ брадобритія и нѣмецкаго платья, но ихъ ропотъ самъ по себѣ не имѣлъ бы большой силы безъ другихъ важныхъ поводовъ, возбуждавшихъ всеобщее негодованіе: бритье бородъ, нѣмецкое платье въ эпоху Петра тѣсно связывались съ разорительными поборами и тяжелою войною, истощавшею всѣ силы народа. Ненависть къ иностранцамъ происходила оттого, что иностранцы пользовались и преимуществами, и милостями царя, болѣе природныхъ русскихъ и позволяли себѣ презрительно обращаться съ русскими.

Народъ естественно былъ склоненъ къ бунту; но въ срединѣ государства, гдѣ было войско и гдѣ высшій классъ былъ за царя, взрыву явиться было неудобно. Бунты начали вспыхивать на окраинахъ, какъ то и прежде не разъ дѣлалось въ исторіи Московскаго Государства. Лѣтомъ 1705 года, началось волненіе въ Астрахани; заводчиками бунта были съѣхавшіеся туда торговцы изъ разныхъ городовъ, астраханскіе земскіе бурмистры и стрѣлецкіе пятидесятники. Начали толковать, что Петръ вовсе не сынъ царя Алексѣя и царицы Натальи: царица родила дѣвочку, а ее подмѣнили чужимъ мальчикомъ, и этотъ мальчикъ—теперешній царь. Ходили и другого рода слухи: что государь взятъ въ плѣнъ и сидитъ въ Стокгольмѣ, а начальные люди измѣнили христіанской вѣрѣ. Астраханскій воевода Ржевскій успѣлъ сильно раздражить народъ ревностнымъ исполненіемъ воли Петра: людей не пускали въ церковь въ русскомъ платьѣ, обрѣзывали имъ полы передъ церковными дверьми, насильно брили и на поруганіе вырывали усы и бороды съ мясомъ, народъ отягощали поборами и пошлинами. „Съ насъ, —вопили люди въ Астрахани,— берутъ банныя деньги по рублю, съ погребовъ, со всякой сажени по гривнѣ, завели причальныя и отвальныя пошлины. Привези хворосту хоть на шесть денегъ въ лодкѣ, а привальнаго заплати гривну. Въ Казани и другихъ городахъ поставлены нѣмцы, по два, по три человѣка на дворы, и творятъ всякія поругательства надъ женами и дѣтьми". Распространилась молва, что изъ Казани пришлютъ въ Астрахань нѣмцевъ, и будутъ за нихъ насильно выдавать дѣвицъ. Эта вѣсть до того перепугала

астраханцевъ, что отцы спѣшили отдавать дочерей замужъ, чтобъ, оставаясь незамужними, онѣ не достались противъ воли, какъ собственной, такъ и воли ихъ родителей, „некрещенымъ" нѣмцамъ: въ іюлѣ 1705 года было сыграно въ одинъ день до ста свадебъ, а свадьбы, какъ слѣдовало, сопровождались попойками и народъ подъ постояннымъ вліяніемъ винныхъ паровъ сталъ смѣлѣе. Ночью толпа ворвалась въ Кремль, убила воеводу Ржевскаго и съ нимъ нѣсколькихъ человѣкъ, въ томъ числѣ иностранцевъ: полковника Девиня и капитана Мейера. Мятежники устроили казацкое правленіе и выбрали главнымъ старшиною ярославскаго гостя Якова Носова. За астраханцами взбунтовались жители Краснаго и Чернаго Яра и, по примѣру астраханцевъ, устроили у себя выборное казацкое правленіе; но усилія мятежниковъ взволновать донскихъ казаковъ не имѣли успѣха. Хотя на Дону было слишкомъ много недовольныхъ, но донское правительство, бывшее въ рукахъ значныхъ, или такъ-называемыхъ старыхъ казаковъ, въ-пору не допустило распоряжаться по своему голытьбѣ, состоявшей изъ бѣглецовъ, собиравшихся на Донъ со всей Руси. Государь, узнавши въ Митавѣ о бунтѣ на восточныхъ окраинахъ, давалъ ему больше значенія, нежели онъ имѣлъ. Петръ опасался, чтобы мятежъ не охватилъ всей Россіи, не проникъ бы и въ Москву. Для укрощенія его Петръ отправилъ самого фельдмаршала Шереметева и въ то же время написалъ боярину Стрѣшневу, что нужно бы вывезти изъ московскихъ приказовъ казенныя деньги, а также и оружіе. Шереметеву данъ былъ наказъ: отнюдь не дѣлать жестокостей, но объявлять мятежникамъ прощеніе, если они покорятся. Шереметевъ, явившись на Волгу, безъ всякаго затрудненія усмирилъ Черный Яръ, и пріѣхавши къ Астрахани, послалъ сызранскаго посадскаго Бородулина уговаривать мятежниковъ. Выбранный астраханскими мятежниками старшина Носовъ не поддавался увѣщаніямъ, называлъ царя обмѣннымъ царемъ, говорилъ, что царь нарушилъ христіанскую вѣру, что съ ними, астраханцами, заодно многіе люди въ Московскомъ Государствѣ, и что они пойдутъ весною выводить бояръ и воеводъ, доберутся „до царской родни, до Нѣмецкой слободы и выведутъ весь его корень". Они злились особенно на Меншикова, котораго звали еретикомъ. Несмотря, однако, на такія смѣлыя заявленія, какъ только Шереметевъ, подступивши къ Астрахани, ударилъ изъ пушекъ, тотчасъ мятежники стали сдаваться, и самъ Яковъ Носовъ вышелъ съ повинною къ боярину. Вмѣсто обѣщаннаго прощенія, мятежниковъ начали отправлять въ Москву, и тамъ, послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ пытокъ, предали

колесованію. Такъ погибло 365 человѣкъ. Но изъ арміи самого Шереметева множество солдатъ бѣжало въ то время, какъ онъ возвращался изъ Астрахани.

Невыносимые поборы и жестокія истязанія, которыя повсюду совершались надъ народомъ при взиманіи налоговъ и повинностей, приводили народъ въ ожесточеніе. Народъ бѣжалъ на Донъ и въ украинныя земли; по рѣкамъ: Бузулуку, Медвѣдицѣ, Битюгу, Хопру, Донцу, завелись такъ-называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь бѣглецами. Эти верховые городки не хотѣли знать никакихъ податей, ни работъ, ненавидѣли Петра и его правленіе, готовы были сопротивляться вооруженною рукою царской ратной силѣ. Въ 1707 году, царь отправилъ на Донъ полковника, князя Юрія Долгорукова, требовать, чтобы донскіе казаки выдали всѣхъ бѣглыхъ, скрывавшихся на Дону; старшины показали видъ покорности, но между простыми казаками поднялся сильный ропотъ, тѣмъ болѣе, когда въ то же время объявлено было казакамъ приказаніе царя брить бороды. Донскіе казаки считали своею давнею привилегіею давать убѣжище всѣмъ бѣглымъ. Когда полковникъ князь Долгорукій со своимъ отрядомъ и съ пятью казаками, данными старшиною, отправился для отысканія бѣглыхъ, атаманъ Кондратій Булавинъ, изъ Трехизбянской станицы на Донцѣ, напалъ на него 9-го октября 1707 года на рѣкѣ Айдарѣ, въ Ульгинскомъ городкѣ, убилъ его, перебилъ всѣхъ людей и началъ возмущать донецкіе городки, населенные бѣглыми. Въ этихъ городкахъ встрѣчали его съ хлѣбомъ и медомъ. Булавинъ составилъ планъ взбунтовать всѣ украинные городки, произвести мятежъ въ донскомъ казачествѣ, потомъ взять Азовъ и Таганрогъ, освободить всѣхъ каторжныхъ и ссыльныхъ и, усиливши ими свое казацкое войско, идти на Воронежъ, а потомъ и на самую Москву. Но прежде чѣмъ Булавинъ успѣлъ возмутить городки придонецкаго края, донской атаманъ Лукьянъ Максимовъ быстро пошелъ на Булавина, разбилъ и прогналъ, а взятыхъ въ плѣнъ его сотоварищей перевѣшалъ за ноги. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, провелъ тамъ зиму, весною явился опять въ верхнихъ казачьихъ городкахъ съ толпою удалыхъ и началъ разсылать грамоты; въ нихъ онъ разсказывалъ, будто Долгорукій, имъ убитый, производилъ со своими людьми въ казачьихъ городкахъ разныя неистовства: вѣшалъ по деревьямъ младенцевъ, кнутомъ билъ взрослыхъ, рѣзалъ имъ носы и уши, выжегъ часовни со святынею. Булавинъ, въ своихъ воззваніяхъ, убѣждалъ и начальныхъ лицъ и простыхъ посадскихъ и черныхъ людей стать единодушно за святую вѣру и другъ за друга про-

тивъ князей, бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ. Онъ давалъ повелѣніе выпускать всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ и грозилъ смертною казнью всякому, кто будетъ обижать или бить своего брата. Донской атаманъ Максимовъ пошелъ на него снова, но значительная часть его казаковъ перешла къ Булавину. Въ руки воровского атамана досталось 8,000 р. денегъ, присланныхъ изъ Москвы казакамъ. Самъ Максимовъ едва убѣжалъ въ Черкаскъ. Эта побѣда подняла значеніе Булавина. За нею поднялись двѣнадцать городковъ на Сѣверномъ Донцѣ, двадцать шесть—на Хопрѣ, шестнадцать—на Бузулукѣ, четырнадцать—на Медвѣдицѣ. Возстаніе отозвалось даже въ окрестностяхъ Тамбова: и тамъ въ селахъ крестьяне волновались и самовольно учреждали у себя казацкое устройство.

Въ Пристанномъ городкѣ на Хопрѣ Булавинъ собралъ сходку изъ обитателей разныхъ городковъ и разослалъ по сторонамъ „прелестныя“ письма. Онъ требовалъ, чтобы отовсюду половина жителей шла въ сходъ за вѣру и за царя (!) для того, что злые бояре и нѣмцы злоумышляютъ, жгутъ и казнятъ народъ, вводятъ русскихъ людей въ еллинскую вѣру. „Вѣдаете сами, молодцы,— писалъ Булавинъ,—какъ дѣды ваши и отцы положили и въ чемъ вы породились; прежде сего старое поле крѣпко было и держалось, а нынѣ тѣ злые люди старое поле перевели, ни во что почли, и чтобъ вамъ старое поле не истерять, а мнѣ, Булавину, запорожскіе козаки слово дали, и бѣлогородская орда и иныя орды, чтобъ быть съ вами заодно. А буде кто или которая станица тому войсковому письму будутъ противны, пополамъ верстаться не станутъ, или кто въ десятки не поверстается, и тому казаку будетъ смертная казнь“.

Задачею мятежа, какъ и при Стенькѣ Разинѣ, было расширить область казачества. Средоточіемъ его признавался Донъ и Донское казачье войско, которое на поэтическомъ русскомъ народномъ языкѣ носило,—какъ наименованіе своего отечества,— Тихій Донъ. Тѣ города и поселенія, которые пристанутъ къ мятежу и введутъ у себя казачье устройство—тѣмъ самымъ присоединялись къ Дону или казачьему войску. Въ украинныхъ городахъ жители, состоявшіе изъ бѣглыхъ, самовольно назывались казаками: изъ такихъ-то Булавинъ составилъ отряды подъ начальствомъ предводителей, нареченныхъ, по казацкому обычаю, атаманами: то были Хохлачъ, Драный, Голый, Строка. Булавинъ отправилъ ихъ по украиннымъ городкамъ, а самъ бросился на Черкаскъ. 1-го мая, въ Черкаскѣ казаки взбунтовались и выдали Булавину вѣрнаго царю атамана Лукьяна Максимова и съ нимъ старшину, 6-го числа того же мѣсяца, кругъ, собранный въ Ско-

родумовской станицѣ, ихъ всѣхъ въ числѣ шести человѣкъ осудилъ на смерть. Имъ отрубили головы; Булавинъ провозглашенъ былъ атаманомъ всѣхъ рѣкъ. Булавинъ не приказалъ въ церквахъ молиться за царя и разослалъ во всѣ стороны „прелестныя" письма, увѣрялъ, что поднялся за всѣхъ маломочныхъ людей, за благочестіе, за преданія седьми соборовъ, за старую истинную вѣру; извѣщалъ, что казаки намѣрены отложиться отъ царя за то, что царь перевелъ христіанскую вѣру въ своемъ царствѣ, брѣетъ бороды и тайные уды у мужчинъ и у женщинъ, и потому казаки, вмѣсто русскаго царя, хотятъ признать надъ собою власть царя турецкаго. И Булавинъ, вслѣдъ затѣмъ, черезъ кубанскихъ мурзъ послалъ письмо къ турецкому султану. „Нашему государю— писалъ онъ—отнюдь не вѣрь, потому что онъ многія земли разорилъ за мирнымъ состояніемъ, и теперь разоряетъ, и готовитъ суда и войско на турецкую державу".

Булавинъ прежде всего надѣялся на украинные городки, но дѣло возстанія пошло тамъ плохо. Для усмиренія мятежа Петръ послалъ майора гвардіи князя Василія Владимировича Долгорукаго, и далъ ему приказаніе истреблять городки, основанные въ глухихъ мѣстахъ и населенные бѣглыми. Петръ полагалъ, что эти-то городки составляютъ зерно мятежа. Царь приказывалъ Василію Долгорукову руководствоваться записанными въ книгахъ поступками князя Юрія Долгорукако, прекращавшаго мятежъ въ восточныхъ областяхъ Россіи, возбужденный Стенькою Разинымъ. Князь Василій Долгорукій долженъ былъ все жечь, людей рубить безъ разбора, а наиболѣе виноватыхъ—колесовать, четвертовать, сажать на колья. Кромѣ Долгорукаго, дѣйствовать противъ мятежниковъ должны были: стольникъ Бахметевъ и слободскіе малороссійскіе полки. Воровской атаманъ Голый успѣлъ-было напасть на рѣчкѣ Уразовой (Валуйскаго уѣзда) на сумской слободской полкъ, разбилъ его въ-пухъ, и убилъ сумскаго полковника. Но Бахметевъ разбилъ на рѣчкѣ Курлакѣ Хохлача, пробиравшагося къ Воронежу съ намѣреніемъ освободить тамъ тюремныхъ сидѣльцевъ, перебить начальныхъ людей и иноземцевъ. Атаманъ Драный былъ разбитъ и убитъ въ битвѣ на рѣкѣ Горѣ бригадиромъ Шидловскимъ; тысяча пятьсотъ запорожцевъ, помогавшихъ Драному, сдались и всѣ были истреблены. Наконецъ, посланный Булавинымъ къ Азову отрядъ въ числѣ пяти тысячъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Эти неудачи сразу лишили Булавина довѣрія. Донскіе казаки, какъ показываетъ вся ихъ исторія, не отличались постоянствомъ: они склонны были начинать мятежи, но упорно вести ихъ не были способны; всегда между ними находилось много такихъ, которые

искушались случаемъ выдавать свою возмутившуюся братію, показать передъ верховною властью свое раскаяніе и черезъ то остаться въ выигрышѣ. Противъ Булавина составился заговоръ, какъ только счастье измѣнило Булавину въ его предпріятіи. Руководителемъ заговора былъ товарищъ Булавина, Илья Зерщиковъ. 7-го іюля, напали заговорщики на своего главнаго атамана. Булавинъ отстрѣливался, убилъ двоихъ казаковъ, но потомъ, увидавши, что враговъ много и ему не сладить съ ними, убѣжалъ въ курень и застрѣлился изъ пистолета. Зерщиковъ, избранный атаманомъ, отъ имени всего войска, принесъ царю повинную. Долгорукій занялъ Черкаскъ и обошелся милостиво, чтобъ не раздражить казаковъ. Украинные городки, носившіе названіе верховыхъ, осуждены были на истребленіе, а потому бунтъ, прекратившись въ землѣ донскихъ казаковъ, не прекратился въ великорусской Украинѣ. Бѣглые, населявшіе опальные городки, не ожидали себѣ никакого милосердія, и поневолѣ въ отчаяніи должны были рѣзаться до послѣдней степени. Атаманъ Некрасовъ, съ шайкою самозванныхъ казаковъ, бросился-было на востокъ и хотѣлъ взять Саратовъ, отъ котораго былъ отбитъ калмыками, а тѣмъ временемъ Долгорукій взялъ его постоянное мѣстопребываніе—Асауловъ городокъ на Дону; главныхъ заводчиковъ, тамъ найденныхъ, приказалъ четвертовать, а множество другихъ повѣсить: тогда нѣсколько-сотъ висѣлицъ, съ повѣшенными на нихъ мятежниками, было поставлено на плотахъ и пущено по Дону. Некрасовъ, услышавши о разореніи своего городка, убѣжалъ на Кубань съ двухтысячною шайкою и отдался подъ власть крымскаго хана. По его слѣдамъ пошли другіе изъ донскихъ станицъ, преданныхъ расколу, и такъ положено было начало казаковъ некрасовцевъ, которые поселились на берегу Чернаго моря между Темрюкомъ и Таманью, а въ 1778 году ушли въ Турцію.

Изъ всѣхъ атамановъ упорнѣе показалъ себя Никита Голый. Онъ хотѣлъ продолжать дѣло Булавина и разсылалъ „прелестныя“ письма. „Идите,—писалъ онъ,—идите, голытьба, идите со всѣхъ городовъ, нагіе, босые: будутъ у васъ и кони, и оружіе, и денежное жалованье“. Мятежъ длился нѣсколько времени въ южной части воронежской губерніи и въ харьковской, но удачи мятежникамъ не было. Острогожскаго слободского полка полковникъ Тевяшевъ и подполковникъ Рикманъ, 26-го іюля, разбили при урочищѣ Сальцова Яруга воровское полчище и взяли въ плѣнъ атамана Семена Карпова, потомъ побрали и пораззоряли городки: Ревеньки, Закатный, Биляпскій, Айдарскій. Голый не унывалъ, собиралъ послѣднія силы и укрѣпился въ Донецкомъ городкѣ

съ другимъ атаманомъ, Колычевымъ. 26-го октября, Долгорукій съ Тевяшевымъ взяли и этотъ городокъ, сожгли его, многихъ захваченныхъ истребили, но Голый съ Колычевымъ убѣжалъ. Долгорукій догналъ его на Дону у Рѣшетовой станицы. У Голаго было восемь тысячъ. Онъ вступилъ въ битву. Вся его шайка погибла; множество мятежниковъ потонуло; попавшіеся въ плѣнъ были казнены. Но Голый еще разъ спасся бѣгствомъ. По царскому приказанію, были сожжены всѣ городки по берегамъ рѣкъ Хопра, Медвѣдицы до Устьмедвѣдицкой станицы, Донца до Лугани, и по всему протяженію рѣкъ: Айдара, Бузулука, Деркула, Черной Калитвы. Всѣ обитатели этихъ городковъ, тѣ на которыхъ падало обвиненіе въ участіи въ мятежѣ, истреблены, прочихъ перевели въ другія мѣстности, гдѣ съ нихъ удобнѣе было требовать платежа налоговъ и отправленія повинностей.

III.

Отъ Альтранштадтскаго мира до Прутскаго мира Россіи съ Турціею.

Народное возстаніе безпокоило Петра на востокѣ государства, а съ запада готовилось вторженіе шведовъ. Послѣ примиренія Августа съ Карломъ и отказа польскаго короля отъ короны, Польша оставалась въ неопредѣленномъ положеніи. Приходилось полякамъ: или признать королемъ Станислава, навязаннаго имъ чужеземною силою, или выбирать новаго. Еслибы у нихъ доставало политическаго смысла и гражданскаго мужества, то, конечно, они бы стремились устроить у себя правительство, не угождая ни Петру, ни Карлу. Но тутъ открылось, что польскіе паны, заправлявшіе тогда своимъ государствомъ, повели уже Рѣчь Посполитую на дорогу къ разложенію. Вліятельные паны, бывшіе сторонники Августа и противники Станислава, составлявшіе генеральную конфедерацію, безъ зазрѣнія совѣсти просили отъ русскаго царя подачекъ за то, что будутъ держать Рѣчь Посполитую въ союзѣ съ Россіей и въ войнѣ съ Карломъ. Такимъ образомъ, куявскій бискупъ примасъ Шенбекъ, люблинскій и мазовецкій воеводы, коронный подканцлеръ, маршалокъ конфедераціи, тайно взяли изъ рукъ русскаго посла Украинцева по нѣскольку тысячъ. Кромѣ того, Петръ далъ конфедераціи 20,000 рублей на войско. Петръ успѣлъ на столько, что генеральная конфедерація, собравшись во Львовѣ, заключила договоръ съ Россіей дѣйствовать противъ Карла. Съ своей стороны Августъ, посредствомъ своихъ благопріятелей, увѣрялъ поляковъ, что онъ не хочетъ отказываться отъ короны.

Петръ въ эту пору ему не довѣрялъ и пытался-было предложить корону сыну покойнаго короля Собѣскаго, Якову. Тотъ отказался. Петръ предлагалъ польскую корону трансильванскому князю Ракочи. Послѣдній не прочь былъ сдѣлаться польскимъ королемъ, но не успѣлъ составить въ Польшѣ себѣ партіи. Наконецъ Петръ предлагалъ польскую корону знаменитому имперскому полководцу Евгенію Савойскому, но тотъ, также какъ и Собѣскій, не прельстился на опасную корону. Между тѣмъ, соображая, что теперь приходилось вести войну съ Карломъ безъ союзниковъ, Петръ дѣлалъ попытки примириться съ Карломъ, и для этого искалъ посредничества въ Англіи, Австріи, у Голландскихъ штатовъ и даже у Людовика XIV. Но дѣло не могло пойти на ладъ, потому что Карлъ XII не хотѣлъ мириться иначе, какъ на условіи, чтобы Россія возвратила всѣ сдѣланныя ею завоеванія, а Петръ ни за что не хотѣлъ мириться иначе, какъ оставивъ за собою Петербургъ. Притомъ же въ Европѣ вообще господствовало такое мнѣніе, что не слѣдуетъ давать Россіи усиливаться и допускать ее въ систему европейскихъ государствъ. Французскій кабинетъ прямо указывалъ Турціи опасность отъ усиленія Россіи, которая начнетъ волновать единоплеменные и единовѣрные народы, находившіеся подъ властью Оттоманской Порты. Въ Австріи боялись вреднаго для нея вліянія Россіи на подвластныхъ славянъ и особенно православныхъ. Шведскіе министры настраивали и Англію, и Голландію, въ такомъ же враждебномъ духѣ, поддерживая мнѣніе, что если Россія усилится, то сдѣлаетъ варварское скиѳское нашествіе на Европу. Однимъ словомъ, всѣ стремленія Петра сдѣлать Россію европейскимъ государствомъ не только не находили сочувствія въ Европѣ, но возбуждали зависть и боязнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ на русскихъ продолжали смотрѣть съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Въ такихъ-то обстоятельствахъ Петру оставалось бороться съ Карломъ одинъ на одинъ. Къ счастью русскаго государя, упрямый и своенравный король шведскій, не слушаясь совѣтовъ ни государственныхъ людей, ни опытныхъ полководцевъ, повелъ свои дѣйствія какъ можно лучше для Россіи.

Задумавши походъ въ русскія владѣнія, Карлъ пропустилъ все лѣто и осень, простоявши лѣто въ Саксоніи, а осень въ Польшѣ, и двинулся въ походъ въ Литву зимою, подвергая свое войско и стужѣ, и недостатку продовольствія; вдобавокъ онъ раздражалъ поляковъ, не скрывая явнаго къ нимъ презрѣнія и безъ всякой пощады ихъ обиралъ. Гродно было въ рукахъ русскихъ; Карлъ неожиданно явился подъ этимъ городомъ, думая захватить въ немъ Петра: русскій царь едва двумя часами ранѣе успѣлъ уѣхать

оттуда. Защищавшій Гродно бригадиръ русской арміи Мюлендорфъ, послѣ недолгаго сопротивленія, впустилъ въ городъ шведовъ, а потомъ, страшась наказанія, передался непріятелю. Петръ, узнавши, что врагъ его собирается чрезъ Бѣлоруссію идти въ московскіе предѣлы, приказалъ опустошать Бѣлоруссію, чтобъ шведы на пути не находили продовольствія, а самъ убѣжалъ въ Петербургъ, съ горячечною дѣятельностью занялся укрѣпленіемъ его, приказывалъ въ то же время укрѣплять Москву, велѣлъ даже, при первомъ опасномъ случаѣ, вывозить всѣ казенныя и церковныя сокровища на Бѣлоозеро, дѣлалъ распоряженія объ укрѣпленіи другихъ городовъ: Серпухова, Можайска, Твери,—далъ повелѣніе жителямъ, подъ смертною казнью, не выходить изъ своихъ мѣстъ жительства и быть готовыми къ осадѣ, приказывалъ гнать народъ на работы для укрѣпленія городовъ. Петръ думалъ, что съ весною придется отчаяннымъ образомъ защищаться отъ непріятельскаго вторженія въ предѣлы государства. Но Карлъ, вступивши въ Литву, сталъ въ мѣстечкѣ Радошковичахъ и простоялъ тамъ четыре мѣсяца. Не ранѣе іюня выступилъ онъ по пути въ Россію на Березину. Тамъ русскіе, подъ командой Шереметева и Меншикова, берегли переправу, и 3-го іюля въ мѣстечкѣ Головчинѣ произошла битва. Русскіе дрались упорно, но отступили. Шведы могли хвалиться побѣдою, но имъ она стоила дорого. Положеніе русскихъ однако становилось затруднительнымъ, потому что они не знали, по какому направленію пойдетъ Карлъ: на сѣверъ или на югъ, въ Смоленскъ или въ Украину? Карлъ прибылъ въ Могилевъ, простоялъ тамъ около мѣсяца, дожидаясь генерала Левенгаупта съ его корпусомъ въ 16,000 чел. изъ Лифляндіи. Въ августѣ, не дождавшись Левенгаупта, шведскій король выступилъ, перешелъ Днѣпръ и двинулся къ р. Сожѣ. Русскіе думали, что онъ идетъ на Смоленскъ. Дѣйствительно, Карлъ шелъ на сѣверъ ко Мстиславлю, и 29-го августа встрѣтился съ русскимъ войскомъ у мѣстечка Добраго. Самъ царь участвовалъ въ битвѣ; русскіе и здѣсь остались въ потерѣ. Карлъ пошелъ за ними вслѣдъ, имѣлъ еще одну стычку съ русскими и остановился. Ему оставалось подождать Левенгаупта, который былъ уже у Шклова, и потомъ дѣйствовать противъ русскихъ, усиливши свое войско; но Карлъ, 14-го сентября, внезапно повернулъ назадъ и направился къ Украинѣ. Русскіе не преслѣдовали его и обратили всѣ силы на Левенгаупта. При мѣстечкѣ Лѣсномъ, 28-го сентября, русское войско подъ предводительствомъ Меншикова, въ присутствіи царя, вступило въ кровопролитную битву ночью. Левенгауптъ былъ разбитъ на-голову (до 8.000 ты-

сячъ шведовъ было убито; 2673 чел. взято въ плѣнъ съ пушками и знаменами); Левенгауптъ успѣлъ привести къ королю только 6,700 человѣкъ, и то безъ всякихъ запасовъ.

Карлъ шелъ въ Украину съ большими надеждами. Малороссійскій гетманъ Иванъ Мазепа вступилъ съ нимъ въ тайный договоръ, и его тайная присылка къ королю съ просьбою идти скорѣе, была, какъ говорили, причиною внезапнаго поворота королевскаго. Ни Петръ, ни его государственные люди, никакъ не ожидали измѣны тогдашняго малороссійскаго гетмана, бывшаго однимъ изъ самыхъ любимыхъ и довѣренныхъ людей у русскаго государя. Петръ цѣнилъ его умъ, образованность, преданность видамъ своего государя, надѣлялъ его богатствами и отличіями. Мазепа былъ второй изъ получившихъ учрежденный Петромъ орденъ Андрея. Но тогдашнее положеніе Малороссіи дѣлало естественнымъ такое явленіе. Съ самаго Богдана Хмельницкаго эта страна находилась въ постоянномъ колебаніи.

Уступая тяжелымъ обстоятельствамъ, малоруссъ поневолѣ клонилъ голову то передъ ляхомъ, то передъ „москалемъ", то передъ туркомъ, а въ душѣ не любилъ никого изъ нихъ: его завѣтнымъ желаніемъ было прогнать ихъ всѣхъ отъ себя и жить дома на своей волѣ. Это, между тѣмъ, было невозможно, не только по обстоятельствамъ, извнѣ вліявшимъ на Малороссію, но по причинѣ внутренней безладицы, мѣшавшей всѣмъ промысламъ и стремленіямъ направиться къ одной цѣли. Козацкіе старшины и вообще люди, у которыхъ горизонтъ политическихъ воззрѣній былъ шире, чѣмъ у простолюдиновъ, проникнуты были совсѣмъ иными понятіями, чѣмъ какія господствовали у великоруссовъ. Они чуяли, что русская самодержавная власть посягнетъ на то, что̀ въ Малороссіи называлось козацкою вольностію. Уже со стороны великорусскихъ важныхъ лицъ дѣлались зловѣщіе намеки на необходимость поставить Малороссію на великорусскій образецъ. По поводу постройки печерской крѣпости въ Кіевѣ, стали отрывать козаковъ отъ хозяйственныхъ занятій и гонять на земляныя работы, а великорусскіе служилые люди, наводнявшіе Украину, обращались съ туземцами нагло и свирѣпо. Мазепа былъ человѣкъ своего времени; для него, поставленнаго на челѣ власти въ своемъ краѣ, независимость Малороссіи не могла не быть идеаломъ. При невозможности достигнуть этого идеала, онъ, наравнѣ съ своими соотечественниками, могъ только втайнѣ вздыхать, а передъ великоруссами казался вѣрнымъ слугою царя. Но вдругъ явилось искушеніе и надежда достичь желанной цѣли. Уже не разъ польскіе сторонники шведскаго короля дѣлали Мазепѣ соблазнительныя предложенія: онъ ихъ

отвергалъ, потому что не надѣялся на успѣхъ. Но когда противникъ Карла и союзникъ Петра лишился короны, и Петру приходилось теперь одному безъ союзниковъ бороться съ побѣдоноснымъ соперникомъ, когда Петръ готовился уже не расширять предѣлы своего государства, а защищать его средину отъ непріятельскаго вторженія, — Мазепа увлекся предположеніемъ, что въ предстоявшемъ поворотѣ военныхъ обстоятельствъ побѣда останется за шведскимъ королемъ, и если Малороссія будетъ упорно стоять за Россію, то Карлъ отниметъ ее у Россіи и отдастъ Польшѣ, а потому казалось дѣломъ благоразумія заранѣе стать на сторону Карла, съ тѣмъ, чтобы, послѣ расправы съ Петромъ, Малороссія признана была самостоятельнымъ независимымъ государствомъ. Въ этомъ смыслѣ Мазепа сталъ вести тайные переговоры, но все еще колебался и не открывалъ своего замысла никому, кромѣ самыхъ близкихъ; когда же Карлъ приблизился къ Украинѣ, а Меншиковъ потребовалъ гетмана къ себѣ на соединеніе съ великорусскими военными силами для совмѣстнаго дѣйствія противъ Карла, — Мазепа очутился въ роковой необходимости выбирать либо то, либо другое: 24 октября 1708 года, онъ присоединился къ шведскому войску съ нѣсколькими лицами изъ козацкой старшины, съ четырьмя полковниками и отрядомъ козаковъ; — но тѣ, которые пошли за нимъ, стали потомъ уходить отъ него, когда узнали куда онъ ихъ ведетъ.

Петръ, никакъ не ожидавшій такого событія, узналъ о немъ 27 октября въ Погребкахъ на Деснѣ, гдѣ наблюдалъ за движеніями непріятеля. Онъ приказалъ Меншикову истребить до-тла Батуринъ, столицу гетмана. Русскіе взяли Батуринъ, 1 ноября, и перебили въ немъ все живое съ такою жестокостію, какою отличались въ Ливоніи и въ собственной землѣ во время укрощенія булавинскаго бунта. Вслѣдъ за тѣмъ Петръ приказалъ съѣхаться въ городъ Глуховъ, къ 4 ноября, малороссійскому духовенству и старшинѣ. Тамъ избранъ былъ новымъ гетманомъ стародубскій полковникъ Иванъ Скоропадскій, а потомъ, угождая царю, малороссійское духовенство совершило обрядъ преданія анаѳемѣ Мазепы съ его соучастниками. Послѣ того между Карломъ и Мазепою съ одной стороны, и Петромъ со Скоропадскимъ — съ другой, началась полемика манифестами и универсалами, обращаемыми къ малороссійскому народу. Карлъ и Мазепа старались вооружить народъ противъ Москвы, пугая его тѣмъ, что царь хочетъ уничтожить козацкія вольности, а Петръ и Скоропадскій увѣряли малоруссовъ, что Мазепа имѣетъ намѣреніе отдать Малороссію въ прежнее порабощеніе Польшѣ и ввести унію. Петръ приказалъ

сложить съ народа поборы, установленные гетманомъ Мазепою, и въ своемъ манифестѣ выразился такъ: „ни одинъ народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалитися не можетъ, какъ народъ малороссійскій, ибо ни единаго пенязя въ казну нашу во всемъ малороссійскомъ краѣ съ нихъ брать мы не повелѣваемъ".

Малороссія не пошла за своимъ старымъ гетманомъ: интересы простонародной массы были противоположны интересамъ старшинъ и вообще богатыхъ и значныхъ людей козацкаго сословія. Послѣдніе понимали вольность въ такомъ смыслѣ, чтобы привилегированный классъ, въ родѣ польской шляхты, управлялъ всею страною и пользовался ея экономическими силами насчетъ остального народа—такъ называемой черни, а простонародная громада хотѣла полнаго равенства, всеобщаго козачества. Едва только пошла по Малороссіи вѣсть, что чужестранцы приблизились къ предѣламъ малороссійскаго края и гетманъ со старшиною переходятъ на ихъ сторону, народъ заволновался, стали составляться шайки —нападать на чиновныхъ людей, на помѣщиковъ, грабить богатыхъ торговцевъ, убивать іудеевъ, и Мазепа, задумавшій со старшиною доставить Малороссіи независимость и свободу, долженъ былъ сознаться, что народъ не хочетъ такой независимости и свободы, а желаетъ иной свободы, къ которой стремленіе начинаетъ грабежемъ и расправою надъ знатными и богатыми людьми. Тѣ, которые носили козацкое званіе и были отличены по правамъ личнымъ и имущественнымъ отъ посполитыхъ людей или черни, быть можетъ пошли бы за своимъ предводителемъ, если бы у Карла были бóльшія силы, а у Петра было ихъ мало. Вышло наоборотъ: козаки увидали, что Карлъ пришелъ съ малочисленнымъ войскомъ и трудно было ему дополнять его изъ далекаго своего отечества, а Петръ явился съ ратью, вдвое превосходившею силы его соперника; войско Петра безпрестанно увеличивалось и готово было безжалостно разорять малороссійскій край, если козаки станутъ заявлять расположеніе къ шведамъ.

Царь сталъ въ Лебединѣ. Карлъ занялъ Ромны, взялъ Гадячъ, потомъ потерялъ Ромны. Наступили такіе суровые морозы, какихъ не помнили въ Малороссіи дѣды и прадѣды. Птицы замерзали, летая по воздуху. Воины отмораживали себѣ руки и ноги. Шведы терпѣли болѣе русскихъ, потому что одѣты были легче; это уменьшило силы Карла, а силы Петра увеличивались прибывавшими рекрутами.

Въ началѣ января 1709 г., шведы взяли мѣстечко Веприкъ, и тѣмъ ограничились ихъ успѣхи. Петръ услышалъ, что Карлъ

возбуждаетъ турокъ идти на Россію и самъ намѣревается двинуться на Воронежъ. Это побудило Петра оставить войско и ѣхать въ Воронежъ, чтобъ распорядиться тамъ относительно своихъ кораблей. Онъ поѣхалъ въ началѣ февраля и осматривалъ въ Воронежѣ и Тавровѣ корабельныя работы; вмѣстѣ съ мастеровыми собственноручно самъ работалъ, въ то же время занимался внутренними дѣлами и даже поправлялъ печатаемыя въ то время вѣдомости, календари и учебныя книги. Со вскрытіемъ рѣкъ царь спустилъ въ Тавровѣ на воду новопостроенные корабли и, несмотря на нездоровье, отправился внизъ по Дону въ Новочеркаскъ, гдѣ приказалъ казнить Илью Зерщикова, напрасно думавшаго избавиться выдачею Булавина, посѣтилъ Азовъ, осмотрѣлъ Троицкую крѣпость, нѣсколько разъ плавалъ по Азовскому морю, производя морскія эволюціи, а въ маѣ возвратился къ войску степью, черезъ Харьковъ.

Между тѣмъ въ отсутствіи Петра продолжались военныя дѣйствія со шведами; двѣ стычки подъ Краснымъ-Кутомъ и Рашевкою, хотя довольно кровопролитныя, не имѣли важныхъ послѣдствій, но очень важнымъ дѣломъ была расправа съ запорожцами. Кошевой Костя Гордіенко, приставши къ Мазепѣ, увлекъ все товарищество; запорожцы обезчестили присланныхъ къ нимъ царскихъ стольниковъ, которые привезли милостивую царскую грамоту, денегъ на войско и въ подарокъ старшинамъ. Замѣчательно, что запорожцы, всегда державшіеся интересовъ черни въ борьбѣ съ козацкою старшиною, и на этотъ разъ заявили такое требованіе, которое было противно какъ Петру, такъ и Мазепѣ: чтобы въ Малороссіи не было старшины и чтобы весь народъ былъ вольными козаками какъ въ Сѣчи. Гордіенко отправился затѣмъ съ запорожцами въ Малороссію; къ нему начала приставать чернь изъ Переяславскаго полка; Гордіенко провозглашалъ всеобщую козачину и приказывалъ народу на обѣихъ сторонахъ Днѣпра собираться и бить старшинъ. Тогда, по приказанію Петра, полковникъ Яковлевъ изъ Кіева двинулся на судахъ внизъ по Днѣпру, разбилъ полчища, собравшіяся у Переволочны, доплылъ до Сѣчи, и послѣ упорнаго сопротивленія взялъ ее приступомъ. Большая часть изъ находившихся въ Сѣчѣ запорожцевъ пала въ битвѣ; до трехъ сотъ человѣкъ взято въ плѣнъ и казнено по приказанію государя. Но въ Сѣчѣ оставалась тогда небольшая часть всего запорожскаго коша; остальные съ Гордіенкомъ и со всею старшиною успѣли пробраться черезъ Малороссію, разбили русскій отрядъ полковника Кампеля и соединились съ Карломъ.

Когда, 31 мая, Петръ возвратился къ войску, Карлъ, устроивши свою главную квартиру въ Опошнѣ, уже около двухъ мѣсяцевъ занимался осадою Полтавы: онъ надѣялся въ ней найти большіе запасы. Полтавскій комендантъ Келинъ не только отвергалъ всякія предложенія къ сдачѣ, но дѣлалъ смѣлыя вылазки и наносилъ уронъ непріятелю. Царь, явившись изъ путешествія въ свое войско, расположенное подъ Полтавой на другой сторонѣ Ворсклы, извѣстилъ о своемъ прибытіи коменданта письмомъ, брошеннымъ въ пустой бомбѣ. Петръ принялъ намѣреніе переправить войско на другую сторону и дать генеральную битву, чтобы освободить Полтаву отъ осады. Переходъ черезъ рѣку совершался нѣсколько дней; 20 іюня, русскіе были уже на другой сторонѣ рѣки и расположились лагеремъ, который стали укрѣплять шанцами. Шведы попытались въ послѣдній разъ взять Полтаву приступомъ, но были отбиты, и Полтава освободилась отъ осады. Готовясь къ битвѣ, Петръ откладывалъ ее со дня на день до прибытія 20.000 калмыковъ, но Карлъ, узнавши объ этомъ, приказалъ двинуть войско въ битву, 27 іюня, на разсвѣтѣ. Шведскою арміею предводительствовалъ Реншильдъ. Самъ Карлъ XII получилъ передъ тѣмъ рану въ ногу и, сидя въ качалкѣ, велѣлъ возить себя по полю битвы. Всею русскою арміею командовалъ фельдмаршалъ Шереметевъ, артиллеріею—Брюсъ, правымъ крыломъ—генералъ Ренне, а лѣвымъ—Меншиковъ. Самъ Петръ участвовалъ въ битвѣ, не избѣгая опасности: одна пуля прострѣлила ему шляпу, другая попала въ сѣдло, а третья повредила золотой крестъ, висѣвшій у него на груди. Въ это-то время, ободряя своихъ воиновъ, онъ сказалъ знаменитыя слова: „вы сражаетесь не за Петра, а за государство, Петру врученное... а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, слава, честь и благосостояніе ея!.“ Черезъ два часа участь битвы была рѣшена. Шведы были разбиты на-голову и бѣжали, оставивши болѣе 9000 на полѣ бытвы. Бѣжавшимъ шведскимъ войскомъ командовалъ Левенгауптъ. Самъ фельдмаршалъ Реншильдъ съ тремя генералами и тысячью воиновъ взяты въ плѣнъ. Карла едва спасли отъ плѣна: его качалка досталась русскимъ. Главный министръ шведскаго короля, графъ Пипперъ, со всею королевскою канцеляріею явился въ Полтаву и сдался русскимъ. На полѣ битвы въ тотъ же день Петръ устроилъ пиръ, пригласилъ къ нему шведскихъ военноплѣнныхъ генераловъ, возвратилъ имъ шпаги, обласкалъ, хвалилъ за вѣрность своему государю и, наливши кубокъ вина, сказалъ: „пью за здоровье васъ, моихъ учителей въ военномъ искусствѣ“.—

„Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей“!—отвѣтилъ Реншильдъ [1]).

На другой день послѣ Полтавской битвы Петръ послалъ Меншикова въ погоню за бѣжавшимъ непріятелемъ, а самъ приказалъ въ присутствіи своемъ похоронить убитыхъ русскихъ и собственноручно засыпалъ ихъ землею [2]). Меншиковъ догналъ шведское войско на устьѣ Ворсклы у Переволочны. Населеніе все разбѣжалось; войску не на чемъ было переправляться черезъ Днѣпръ; запорожцы едва успѣли переправить на лодкахъ Карла и Мазепу. Левенгауптъ и товарищъ его Крейцъ были застигнуты Меншиковымъ, не сопротивлялись, не имѣя ни пороху, ни артиллеріи, и сдались военноплѣнными съ 16,000 войска. Петръ отправилъ за Днѣпръ два драгунскихъ полка подъ начальствомъ генерала Волконскаго за Карломъ и Мазепою, давши приказаніе, „если поймаютъ Карла, то обходиться съ нимъ честно и почтительно, а если поймаютъ Мазепу, то вести его за крѣпкимъ карауломъ и смотрѣть, чтобы онъ какимъ-нибудь способомъ не умертвилъ себя“. Запорожцы успѣли провезти Карла съ нѣсколькими генералами и Мазепу съ его приверженцами на татарскихъ телѣгахъ черезъ степь до Очакова. Отрядъ Волконскаго, догнавши ихъ при переправѣ черезъ Бугъ, захватилъ въ плѣнъ нѣсколькихъ шведовъ и козаковъ.

Петръ приказалъ разослать плѣнныхъ шведовъ по городамъ, назначивъ имъ жалованье по ихъ чинамъ, но приказавши простыхъ шведовъ употреблять на казенныя работы, наградилъ русскихъ генераловъ, участвовавшихъ въ битвѣ, орденами, высшими чинами и вотчинами, офицеровъ—своими золотыми портретами и медалями, солдатъ — серебряными медалями и деньгами, а самъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ Москвѣ на радостяхъ восемь дней сряду звонили безъ устали и палили изъ пушекъ; по улицамъ кормили и поили народъ, угощая вмѣстѣ съ тѣмъ и шведскихъ плѣнниковъ, по вечерамъ зажигали потѣшные огни. Самъ царь отправился съ Меншиковымъ въ Польшу.

---

[1]) Это не помѣшало однако, обласкавши плѣнниковъ, разослать ихъ въ Сибирь, а къ графу Пипперу, который сдался добровольно и не могъ быть причтенъ къ числу военноплѣнныхъ, Петръ придрался за то, что, еще находясь при королѣ своемъ, онъ оказывалъ себя враждебнымъ къ Россіи. Петръ обязывалъ его заплатить 50,000 руб. за сожженные русскими голландскіе корабли ошибкою вмѣсто шведскихъ. Пипперъ далъ царю вексель на требуемую сумму, но какъ по этому векселю не были получены деньги, то Петръ держалъ его въ тюрьмѣ.

[2]) До сихъ поръ существуетъ подъ Полтавою высокій холмъ, называемый „шведскою могилою“, куда ежегодно отправляется крестная процессія въ годовщину Полтавской битвы.

Августъ, услыхавши о несчастіи Карла, увидѣлъ возможность нарушить Альтранштадскій миръ и, собравши 14.000 саксонскаго войска, двинулся въ Польшу, обнародовалъ манифестъ, въ которомъ доказывалъ справедливость разрыва вынужденнаго мира со шведскимъ королемъ, взваливалъ вину на своихъ министровъ и представлялъ свои права на польскій престолъ, ссылаясь на то, что папа не утвердилъ Станислава королемъ. Петръ пріѣхалъ въ Варшаву. Паны, противники Лещинскаго величали Петра спасителемъ своей вольности, тѣмъ болѣе, что русскій отрядъ, посланный передъ тѣмъ въ Польшу подъ начальствомъ Гольца, вмѣстѣ съ гетманомъ Синявскимъ, одержалъ побѣду надъ войсками Станислава. 26 сентября, Петръ пріѣхалъ въ Торунь и тамъ свидѣлся съ Августомъ; все прежнее казалось забытымъ; Петръ простилъ ему измѣнническій миръ со шведами и выдачу Паткуля. Августъ все сваливалъ на своихъ министровъ. Друзья снова заключили оборонительный договоръ противъ Швеціи; Августъ уступалъ Эстляндію Россіи; царь обѣщалъ польскому королю, въ вознагражденіе издержекъ, Ливонію, но тутъ же проговорился, сказавши саксонскому министру Флемингу, что пріобрѣтенное Россіею на войнѣ безъ участія союзниковъ будетъ принадлежать Россіи. Изъ Торуня Петръ отправился по Вислѣ въ Маріенвердеръ и тамъ видѣлся съ прусскимъ королемъ; съ нимъ также заключилъ онъ договоръ противъ Швеціи. Царь оттуда прибылъ въ Курляндію, а Шереметевъ съ 40,000-нымъ войскомъ, въ началѣ октября, подошелъ къ Ригѣ. Самъ Петръ прибылъ къ войску, сдѣлалъ осмотръ окрестностей Риги, и 14 ноября, собственноручно пустилъ въ Ригу три бомбы; затѣмъ онъ оставилъ 7,000 войска держать въ блокадѣ городъ до весны, а остальное войско приказалъ расположить по квартирамъ въ Ливоніи и Курляндіи. Изъ подъ Риги Петръ черезъ Петербургъ отправился въ Москву и въ декабрѣ устроилъ себѣ и своимъ генераламъ торжественное шествіе въ Москву черезъ семь тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ всевозможными символическими знаками. Церемоніи, рѣчи, потѣшные огни и пиры продолжались въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Полтавская битва получила въ русской исторіи такое значеніе, какого не имѣла передъ тѣмъ никакая другая. Шведская сила была надломлена; Швеція со временъ Густава-Адольфа, занимавшая первоклассное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, потеряла его навсегда, уступивши Россіи. Унизительный Столбовскій миръ, лишавшій Россію выхода въ море, теперь невозвратимо уничтожился. Берега Балтійскаго моря, завоеванные Пе-

тромъ, невозможно было уже отнять отъ Россіи. Въ глазахъ всей Европы Россія, до сихъ поръ презираемая, показала, что она уже въ состояніи, по своимъ средствамъ и военному образованію, бороться съ европейскими державами и, слѣдовательно, имѣла право, чтобы другія державы обращались съ нею, какъ съ равною. Наконецъ, съ этого времени дѣятельность Петра, до сихъ поръ поглощаемая войною и сборомъ средствъ для войны, гораздо больше обратилась на внутреннее устройство страны.

Еще въ концѣ 1708 года, состоялось важное распоряженіе о раздѣленіи всей Россіи на губерніи. Учреждено было восемь губерній: ингерманландская, архангельская, московская, смоленская, кіевская, азовская, казанская и сибирская [1]).

Всѣхъ городовъ въ восьми губерніяхъ было въ то время 339, а изъ нихъ 25 приписанныхъ къ корабельнымъ воронежскимъ дѣламъ въ азовской губерніи.

Въ 1709 году, все вниманіе Петра было поглощено войною. Внутреннія распоряженія клонились исключительно къ доставленію средствъ, которыя, однако, при всѣхъ усиленныхъ мѣрахъ, оказывались недѣйствительными. На дѣлѣ совершалось не то, что на бумагѣ. Откупщики, бравшіе на откупъ казенные доходы, объявляли себя несостоятельными. Пчелиные промыслы, обложенные съ 1704 года налогомъ, не приносили доходовъ, потому что владѣтели пасѣкъ не представляли о нихъ отписей и не платили въ казну ничего: поэтому велѣно было сдѣлать новый пересмотръ пасѣкъ и бортныхъ ухожаевъ и обложить ихъ по

---

[1]) *Ингерманландская*, обнимавшая вновь пріобрѣтенное Балтійское Поморье, прежнія земли: Новгородскую, Псковскую, Бѣлозерскую и верхнюю Волгу до Романова; *Архангельская*, заключавшая Сѣверное Поморье, Вологду и часть нынѣшней Костромской губерніи; *Московская*, обнимавшая средину государства (нынѣшнія губерніи: Московскую, Тульскую, часть Калужской, Рязанскую, Владимірскую и часть Ярославской); *Смоленская*, въ которую входила нынѣшняя Смоленская и часть Калужской губерніи; *Кіевская*, обнимавшая Гетманщину и большую часть нынѣшнихъ губерній: Харьковской, Курской и Орловской; *Азовская*, куда причислялись берега Дона съ его притоками въ губерніяхъ: Тульской и Рязанской, вся Воронежская, часть Харьковской, Курской, Тамбовской и Пензенской; *Казанская*, въ которой заключалось все Поволжье отъ Юрьевца вплоть до Астрахани и Терека, также восточная полоса до Яика, а на западъ Пенза съ прилежащими городами; наконецъ, *Сибирская*, въ которую входила вся Сибирь, а также Пермь и Вятка съ ихъ городами. Первыми губернаторами были назначены въ Петербургской—князь Меншиковъ; въ Архангельской—князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ; въ Московской—Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ; въ Смоленской—Петръ Самойловичъ Салтыковъ; въ Кіевской—князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ; въ Азовской—адмиралъ Өедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ; въ Казанской—Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ; въ Сибирской—князь Петръ Матвѣевичъ Гагаринъ.

1-му рублю 3 алтына и 2 деньги за пудъ меду, тогда какъ прежде въ казну брали только по два фунта съ улья, и по 8 денегъ. Несмотря на всѣ мѣры, недоимки по всѣмъ статьямъ оставались за нѣсколько лѣтъ невзнесенными, не было возможности ихъ собрать, и, наконецъ, правительство должно было въ ноябрѣ 1709 года скинуть всѣ прежнія недоимки и взыскивать только за два послѣдніе года. Впрочемъ, послѣдующіе указы противорѣчили предыду́щимъ: послѣ скидки старыхъ недоимокъ, осенью 1711 года, велѣно было взыскивать недоплаченныя деньги съ 1705 года.

Послѣ побѣды надъ шведами, Петръ, считая свой любимый Петербургъ уже крѣпкимъ за Россіею, принялся за устройство его болѣе энергическимъ образомъ, а это послужило поводомъ къ такому отягощенію народа, съ какимъ едва могли сравниться всѣ другія мѣры. Въ 1708 году выслано было въ Петербургъ сорокъ тысячъ рабочихъ. Въ декабрѣ 1709 года со всѣхъ посадовъ и уѣздовъ, съ дворцовыхъ, церковныхъ, монастырскихъ и частныхъ имѣній велѣно было собрать, кромѣ каменьщиковъ и кирпичниковъ, такое же число — 40,000 человѣкъ и пригнать на работу въ Петербургъ. На хлѣбъ и на жалованье рабочимъ, по полтинѣ въ мѣсяцъ назначено собрать съ тѣхъ дворовъ, съ которыхъ не было взято рабочихъ, что̀ составило сумму 100,000 рублей. Въ 1710 году изъ московской губерніи велѣно было взять въ Петербургъ 3000 рабочихъ, распредѣливъ ихъ по десяткамъ, такъ что въ каждомъ десяткѣ былъ плотникъ съ инструментами, и жалованье назначено ему по рублю въ мѣсяцъ; въ томъ же году велѣно выслать къ слѣдующему 1711 году на двѣ перемѣны по 6075 человѣкъ, приставивши къ нимъ приказчиковъ изъ тѣхъ селеній, изъ которыхъ будутъ выбраны работники. Независимо отъ этого, отправляли такимъ же образомъ рабочихъ въ Азовъ 13-го іюня 1710 года; на сто верстъ кругомъ Москвы, велѣно было набрать молодыхъ людей отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ и отправить въ матросы въ Петербургъ. Въ 1711 году опять потребовали въ Петербургъ новыхъ 40,000 рабочихъ, и приказали собрать на нихъ 100,000 рублей. Но полное число требуемыхъ работниковъ не высылалось, потому что много дворовъ, значившихся по книгамъ, оставались на дѣлѣ пустыми. Хлѣбный провіантъ, для продовольствія этихъ рабочихъ людей, собирался со всего государства по числу дворовъ, и каждый годъ оставались недоимки, которыхъ сумма все болѣе и болѣе возрастала противъ прежнихъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, изъ 60,589

четвертей, слѣдуемыхъ къ сбору въ казну на провіантъ изъ дворцовыхъ и помѣщичьихъ имѣній, въ 1708 году не доплачено 22,729; въ 1709—32,692; въ 1710 - 36,331: тоже съ имѣній церковнаго вѣдомства: изъ 34,127 четвертей въ недоимкѣ было: въ 1707 году—7000 четвертей; въ 1708—8586; въ 1709—14,251; въ 1710—19,308 четвертей.

Судостроительныя работы не ограничивались однимъ Петербургомъ: строились шнавы въ Олонцѣ, гдѣ начальствовалъ надъ работами голландецъ Дефогельдедамъ. Въ Архангельскѣ строились суда, подъ наблюденіемъ голландца Вреверса, построившаго тамъ большой фрегатъ. Въ московской губерніи, на Дубенской и Нерльской пристаняхъ, строились суда, называемыя „тялками", для спуска съ казенными запасами. Въ Казани устроена была верфь и строились суда, называемыя „семяками" и „тялками"; тамъ на верфи работала толпа голландцевъ и русскихъ рабочихъ, подъ наблюденіемъ мастера Тромпа; государь послалъ къ нему учиться молодыхъ дворянскихъ дѣтей. Близъ Воронежа продолжалось корабестроительное дѣло въ Тавровѣ и Усердѣ, и для того въ сентябрѣ 1711 года велѣно выслать туда 1400 плотниковъ.

Рекрутскіе наборы шли своимъ чередомъ; возникшая тогда война съ Турціей потребовала усиленія рекрутчины. Въ 1711 году собрано со всѣхъ губерній, кромѣ петербургской, 20,000 рекрутъ и, кромѣ того, деньги на обмундированіе ихъ и на провіантъ для продовольствія, а также 7000 лошадей съ фуражемъ или деньгами за овесъ и сѣно въ теченіи восьми мѣсяцевъ: приходилось съ 26 дворовъ по одному рекруту, а съ 74 дворовъ по одной лошади. Съ имѣній церковнаго вѣдомства собирался провіантъ на войско въ размѣрѣ хлѣба по 5 четвериковъ со двора и по четверику крупъ съ 5 дворовъ. По отношенію къ дворовому числу, всѣ восемь губерній раздѣлены были на доли, всѣхъ долей было 146, однихъ дворовъ было 798,256. Сборъ провіанта сопровождался жалобами жителей, что люди, присылаемые войсковыми командирами, причиняютъ крестьянамъ убытки и разоренія; но на такія жалобы мало обращалось вниманія. Настоятельныя потребности содержать войско вынуждали правительство, въ отвѣтъ на жалобы, строго предписывать поскорѣе собирать провіантъ и доставлять его по назначенію. Губернаторамъ угрожали наказаніемъ, какъ измѣнникамъ, за несвоевременное исполненіе указовъ, а рекруты безпрестанно бѣгали со службы; чтобъ предупредить побѣги, ихъ обязывали круговою порукою, грозили ссылкою за побѣгъ рекрута его родителямъ, налагали штрафъ по пятнадцати рублей за передержку бѣг-

лаго. Но побѣги отъ этого не прекращались, а иные помѣщики умышленно укрывали количество своихъ крестьянъ и уклонялись отъ рекрутской повинности. Села пустѣли отъ многихъ поборовъ; бѣглецы собирались въ разбойничьи шайки, состоявшія бо́льшею частью изъ бѣглыхъ солдатъ. Они нападали на владѣльческія усадьбы и на деревни, грабили и сожигали ихъ, истребляли лошадей, скотъ, разсыпали хлѣбъ изъ житницъ, увозили съ собою женщинъ и дѣвицъ для поруганія. По просьбѣ помѣщиковъ, жившихъ въ уѣздахъ около Москвы, отправляемы были нарочные сыщики, которые собирали отставныхъ дворянъ, разныхъ служилыхъ людей и крестьянъ на ловлю разбойниковъ. Около Твери и Ярославля разбойничьи шайки разгуливали совершенно безнаказанно, потому что, за отправкою дворянъ молодыхъ и здоровыхъ на службу и за взятіемъ множества людей въ Петербургъ на работу, некому было ловить ихъ. Разбойники бушевали въ клинскомъ, волоцкомъ, можайскомъ, бѣлозерскомъ, пошехонскомъ и старорусскомъ уѣздахъ, останавливали партіи рекрутъ, забирали ихъ въ свои шайки и производили пожары. Государь, въ октябрѣ 1711 года, отправилъ для розыска разбойниковъ полковника Козина съ отрядомъ; отставные дворяне и дѣти боярскіе обязаны были, по требованію послѣдняго, приставать къ нему и вмѣстѣ съ нимъ ловить разбойниковъ, которыхъ немедленно слѣдовало судить и казнить смертію. Въ 1714 году, повелѣно казнить смертію только за разбой съ убійствомъ, а за разбои, совершенные безъ убійства, ссылать въ каторгу, съ вырѣзкою ноздрей.

Рядомъ съ разбойниками проявлялись фальшивые монетчики— воровскіе денежные мастера. Строгія мѣры противъ нихъ были тягостны не только для самыхъ преступниковъ, но и для неосторожныхъ покупателей, потому что всякаго, у кого случайно находили воровскія деньги, тащили на расправу. Кромѣ фальшивой монеты домашняго изобрѣтенія, въ Архангельскъ привозили такую же иностранцы. Чтобы прекратить въ народѣ обращеніе ея, въ маѣ 1711 года были уничтожены старинныя мелкія деньги; а вмѣсто нихъ начали чеканить рубли, полтинники, полуполтинники, гривенники, пятикопѣечники и алтынники. Сѣверная половина Россіи страдала отъ поджоговъ и отъ случайныхъ пожаровъ, которые вынуждали предупредительныя мѣры: въ маѣ 1711 года, по сенатскому указу, велѣно въ городахъ заводить инструменты для погашенія огня — крючья, щиты, трубы, ломы и т. п., и раздать по гарнизоннымъ полкамъ, которые обязаны были охранять города отъ огня. Но эти спасительныя мѣры были болѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ, потому что долго потомъ не

пріобрѣтались инструменты, да и самая сумма на эти предметы, простиравшаяся до 110.000 рублей, не слишкомъ была достаточна. Города Псковъ, Торжокъ, Кашинъ, Ярославль и другіе дошли до такого разоренія, что современники находили едва возможнымъ поправиться имъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Много народа вымирало, много разбѣгалось. Въ 1711 году насчитывалось въ этомъ краѣ 89,086 пустыхъ дворовъ. Къ увеличенію народныхъ бѣдъ, въ 1710 году, появились заразительныя болѣзни, перешедшія изъ Лифляндіи и Польши, гдѣ онѣ особенно свирѣпствовали, и для этого велѣно было устроить заставы, распечатывать всѣ письма и окуривать можжевельникомъ.

Недостатокъ средствъ, при всѣхъ усиленныхъ мѣрахъ, высказался уже въ январѣ 1710 г., когда государь приказалъ своей ближней канцеляріи счесть доходы съ расходами, и оказалось, что приходу 3.015,796 р., а расходу 3.834,418 рублей. Надобно было усиливать строгость сбора доходовъ. Въ Москвѣ у всѣхъ воротъ и проѣздовъ большихъ дорогъ дѣлали шлагбаумы, гдѣ стояли солдаты и брали съ каждаго воза, ѣхавшаго съ какою бы то ни было кладью, мелкую пошлину. Во всемъ государствѣ запрещено было, не взирая ни на какое званіе, приготовлять вино, а непремѣнно брать изъ царскихъ кабаковъ. То была новая тягость для народа; только малороссіяне были избавлены отъ нея; не только въ самой Гетманщинѣ, но и въ великорусскихъ краяхъ, гдѣ они поселились, дозволялось имъ свободное винокуреніе. Петръ ласкалъ малороссійскій народъ и освобождалъ его отъ поборовъ, такимъ гнетомъ падавшихъ на великороссіянъ. Марта 11-го 1710 года, манифестомъ царь строго запретилъ великорусскимъ людямъ дѣлать оскорбленія малоруссамъ, попрекать ихъ измѣною Мазепы, угрожая, въ противномъ случаѣ, жестокимъ наказаніемъ и даже смертною казнью за важныя обиды; но это были только ласки до времени: и за Малороссію Петръ готовился приняться.

Самою важною мѣрою, съ цѣлью привести въ порядокъ государственное управленіе и получать правильно доходы, было учрежденіе высшаго центральнаго мѣста, подъ именемъ Сената. Указъ объ учрежденіи его послѣдовалъ въ первый разъ 22 февраля 1711 года. Сенатъ былъ родъ думы, состоявшей изъ лицъ, назначенныхъ царемъ, вначалѣ въ числѣ восьми. Сенатъ, по словамъ указа, учреждался по причинѣ безпрестанныхъ отлучекъ самого царя. Онъ имѣлъ право издавать указы, которыхъ всѣ обязаны были слушаться подъ страхомъ наказанія и даже смертной казни. Сенатъ вѣдалъ суды, наказывалъ неправильныхъ судей, долженъ былъ заботиться о торговлѣ, смотрѣть за всѣми расходами, но главная

цѣль его была собирать деньги, „понеже деньги суть артерія войны", говоритъ указъ. Всѣ сенаторы имѣли равные голоса. Сенату подвѣдомы были губернаторы, и для каждой губерніи въ самомъ сенатѣ учреждались такъ-называемыя повытья съ подъячими. Канцелярія сената, кромѣ повытей, имѣла три стола: секретный, приказный и разрядный; послѣдній замѣнялъ упраздненный древній разрядъ. Въ канцеляріи правительствующаго сената должны были находиться неотлучно коммисары изъ губерній для принимапія царскихъ указовъ слѣдуемыхъ въ губерніи и для сообщенія сенату свѣдѣній по вопросу о нуждахъ губерніи; они вели сношенія съ своими губерніями черезъ нарочныхъ или черезъ почту.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ сената послѣдовало учрежденіе фискаловъ. Главный фискалъ на все государство назывался оберъ-фискаломъ. Онъ долженъ былъ надсматривать тайно и провѣдывать: нѣтъ ли упущеній и злоупотребленій въ сборѣ казны, не дѣлается ли гдѣ неправый судъ, и за кѣмъ замѣтитъ неправду, хотя бы и за знатнымъ лицомъ, долженъ объявить передъ сенатомъ; если доносъ окажется справедливымъ, то одна половина штрафа, взыскиваемаго съ виновнаго, шла въ казну, а другая поступала въ пользу оберъ-фискала за открытіе злоупотребленія. Если даже оберъ-фискалъ не докажетъ справедливость своего доноса, то онъ за то не отвѣчалъ, и никто, подъ страхомъ жестокаго наказанія, не смѣлъ выказывать противъ него досаду. Подъ вѣдомствомъ оберъ-фискала были провинціалъ-фискалы, съ такими же обязанностями и правами въ провинціяхъ какъ и оберъ-фискалъ въ цѣломъ государствѣ, съ тою разницею, что безъ оберъ-фискала они не могли призывать въ судъ важныхъ лицъ. Подъ властію послѣднихъ состояли городовые фискалы. Собственно по духу своему это не было нововведеніе, потому что доносничество и прежде служило однимъ изъ главныхъ средствъ поддержанія государственной власти, но въ первый разъ оно получило здѣсь правильную организацію и самое широкое примѣненіе. Фискалы должны были надъ всѣми надсматривать; всѣ должны были всячески имъ содѣйствовать—всѣ, ради собственной пользы, приглашались къ доносничеству. Объявлено было въ народѣ, что если кто, напримѣръ, донесетъ на укрывавшагося отъ службы служилаго человѣка, тотъ получитъ въ полную собственность деревни того, кто укрывался; или—кто донесетъ на корчемниковъ, торговавшихъ въ ущербъ казнѣ виномъ или табакомъ, тотъ получитъ четвертую долю изъ пожитковъ виновнаго. Доносчики освобождались отъ наказанія, хотя бы и не доказали

справедливости своего доноса. Опытъ скоро показалъ, что такая мѣра не прекращала злоупотребленій; напротивъ, фискалы, пользуясь своимъ положеніемъ, сами дозволяли себѣ злоупотребленія и попадались. Система доносовъ только способствовала дальнѣйшей деморализаціи народа; подобными мѣрами можно скрѣпить взаимную государственную связь, но всегда въ ущербъ связи общественной.

Съ учрежденіемъ сената ратуша хотя не была уничтожена, но потеряла свое прежнее значеніе, и власть губернаторовъ стала простираться на торговое сословіе. Губернаторамъ было отдано ямское дѣло, а ямской приказъ былъ упраздненъ. На нихъ же возложено было отысканіе металлическихъ рудъ, и особый существовавшій до сихъ поръ приказъ рудныхъ дѣлъ былъ уничтоженъ. Съ цѣлью преобразованія монетной системы учреждено особое мѣсто, такъ-называемая купецкая палата. Всѣ, у кого были старыя деньги, должны были сносить ихъ въ купецкую палату и обмѣнивать ихъ на новыя.

Въ купецкой палатѣ сидѣло двое поставленныхъ на монетномъ дворѣ, а къ нимъ присоединялись выборные изъ гостиной сотни по одному человѣку, обязанные клеймить всѣ серебрянныя и золотыя издѣлія и преслѣдовать тѣхъ, которые станутъ продавать эти издѣлія безъ пробы. За первый разъ была назначена легкая пеня въ 5 рублей, за второй—пеня въ 25 рублей и тѣлесное наказаніе, а за третій—кнутъ, ссылка и отобраніе всего имущества въ казну, „чтобы всеконечно истребить воровской вымыселъ въ серебряныхъ и золотыхъ дѣлѣхъ". Новая серебряная проба раздѣлялась на 3 разряда: первое—чистое серебро, безъ всякой лигатуры, второе—82 пробы и третье—64. Купецкая палата имѣла порученіе продавать желающимъ серебро и золото, и для пріобрѣтенія того и другого получала отъ казны готовыя суммы; такъ, въ маѣ 1711 года, съ этою цѣлью отпущено было туда 50,000 рублей. Купецкая палата для покупки серебра и золота посылала по ярмаркамъ довѣренныхъ купцовъ, и тогда, кромѣ такихъ довѣренныхъ лицъ никто не смѣлъ покупать. Покупка и продажа золота и серебра также очень скоро послужила поводомъ къ злоупотребленіямъ и наказаніямъ за эти злоупотребленія со стороны правительства: въ 1711 году нѣсколькихъ купцовъ велѣно бить батогами за незаконную торговлю золотомъ и серебромъ.

Купецкіе люди имѣли право надзора надъ разными фабриками и заводами, учреждаемыми правительствомъ; такимъ образомъ, заведены были въ Москвѣ полотняныя, скатертныя и сал-

фетныя фабрики: ихъ отдали купецкимъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они умножили этотъ промыселъ, но съ угрозою, что если они не умножатъ его, то съ нихъ возьмется штрафъ по тысячѣ рублей съ человѣка. Петръ даровалъ всѣмъ безъ исключенія дозволеніе торговать, подъ своимъ, а не подъ чужимъ именемъ, съ платежемъ обыкновенныхъ пошлинъ, но не переставалъ ставить промыслы и торговлю въ такое положеніе, чтобъ они обогащали казну. Пошлины не уменьшались, напротивъ—увеличивались, и многія статьи отдавались на откупъ съ наддачею, т.-е. тѣмъ, которые преимущественно передъ прежними откупщиками давали казнѣ бо́льшую откупную сумму; такъ, хомутная пошлина, взимаемая съ извощиковъ, а также пошлина съ судовъ—переходили изъ рукъ въ руки съ наддачею. Въ Архангельскѣ многія статьи вывоза продолжали быть исключительнымъ достояніемъ казны, таковы были: икра, клей, сало, нефть, смола, ленъ, поташъ, моржовая кость, ворвань, рыба, особенно треска и палтусина, корабельный и пильной лѣсъ, доски и юфть. Никто не смѣлъ въ ущербъ казнѣ отпускать за границу этихъ товаровъ, а продавать ихъ по мелочи производители могли только довѣреннымъ отъ царя купчинамъ. Изъ привозныхъ вещей алмазъ, жемчугъ и разные драгоцѣнные камни, по указу 1711 г. освобождались отъ пошлинъ для того, чтобъ заохотить иноземцевъ привозить ихъ въ Россію.

Военныя дѣла, послѣ пораженія шведовъ подъ Полтавою, нѣсколько времени представляли рядъ блестящихъ успѣховъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ расширеніе предѣловъ государства. Адмиралъ Апраксинъ осадилъ Выборгъ; самъ царь, въ званіи контръ-адмирала участвовалъ въ этой осадѣ, доставляя на корабляхъ запасы осаждающимъ. Шведскій комендантъ, приведенный въ стѣсненное положеніе непрестаннымъ бомбардированіемъ, 12 іюля 1710 г. сдался на капитуляцію, выговоривъ себѣ свободный проѣздъ въ Швецію. Но Петръ, давши слово, нарушилъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что шведы задерживаютъ въ Стокгольмѣ русскаго резидента Хилкова, и приказалъ увести въ Россію военноплѣннымъ гарнизонъ, а многихъ жителей перевести въ Петербургъ. Рига, осажденная еще осенью 1709 г. Шереметевымъ, держалась упорно болѣе полугода. Рижскій генералъ-губернаторъ Штренбергъ былъ человѣкъ храбрый и искусный; съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ онъ заставлялъ осажденныхъ выдерживать сильнѣйшую бомбардировку и недостатокъ жизненныхъ средствъ. Но въ Ригѣ распространилась заразительная болѣзнь, и люди умирали въ громадномъ количествѣ, такъ что оставалась въ живыхъ едва третья часть всѣхъ жителей, а всего гарнизону —

съ небольшимъ тысяча человѣкъ. Штренбергъ сдался на капитуляцію. Шереметевъ не дозволилъ уйти природнымъ нѣмцамъ, принуждая ихъ присягнуть царю на подданство; шведамъ дали слово отпустить ихъ на родину, но нарушили слово, также какъ и подъ Выборгомъ, и Штренбергъ былъ удержанъ военноплѣннымъ. За Ригою сдался Динамюнде, гдѣ также зараза страшно истребила населеніе. 14 августа, генералъ Боуръ взялъ Перновъ, такимъ же образомъ, какъ Шереметевъ Ригу, потомъ переправился на островъ Эзель и овладѣлъ Аренсбургомъ, а 29 сентября сдался Меншикову на капитуляцію Ревель; шведскій гарнизонъ былъ выпущенъ. За Ревелемъ покорилась вся Эстонія; такимъ образомъ балтійское побережье, котораго Петръ такъ добивался, досталось Россіи, и съ этихъ поръ навсегда. По выраженію одного современника, зараза, болѣе самаго оружія способствовала Петру овладѣть ливонскимъ краемъ. Около того же времени покоренъ былъ генераломъ Брюсомъ Кексгольмъ, древняя Корела. Петръ, въ память этихъ пріобрѣтеній, основалъ близъ Петербурга монастырь Александра Невскаго, чтобы въ глазахъ народа освящать свои завоеванія благословеніемъ причисленнаго къ лику святыхъ князя, одержавшаго побѣды надъ тѣми же нѣмцами и шведами, которыхъ теперь поражалъ Петръ. Царь понялъ, что съ подчиненіемъ прибалтійскаго края не нужны болѣе суровые пріемы, что падлежитъ, напротивъ, приласкать новыхъ подданныхъ, уцѣлѣвшихъ въ разоренномъ и сильно обезлюдѣвшемъ краю. Не только далъ онъ этой странѣ временныя льготы, въ которыхъ она нуждалась, но и утвердилъ навсегда старыя права дворянства и гражданства прибалтійскаго края, обѣщалъ неприкосновенность лютеранскаго исповѣданія, судовъ и нѣмецкаго языка. Одни туземцы могли быть выбираемы въ должности и владѣть въ краѣ имѣніями, которыя не могли облагаться личными налогами, кромѣ постановленныхъ мѣстнымъ земскимъ сеймомъ. Университету въ Перновѣ царь обѣщалъ свое покровительство и объявилъ, что будетъ посылать туда русскихъ для обученія. Петръ уничтожилъ всѣ редукціи, выдуманныя шведскимъ правительствомъ, и утвердилъ за дворянами тѣ земли, какими они въ данное время владѣли, что сильно успокоило дворянство. Курляндія не была еще покорена и оставалась польскимъ леномъ, но на дѣлѣ въ то же время подпала инымъ способомъ подъ русскую власть. Петръ выдалъ племянницу свою Анну Ивановну за молодого герцога курляндскаго, но этотъ герцогъ вскорѣ послѣ брака (10 января 1711 г.) умеръ, а вдовствующая супруга осталась правительницею Курляндіи и жила въ Митавѣ. Петръ распоряжался въ этой странѣ по своему

произволу, не допустивши до престолонаслѣдія брата покойнаго герцога Фердинанда. Въ самой Польшѣ дѣла складывались такъ, что русскій царь могъ распоряжаться этой страной и пролагать Россіи дорогу къ ея подчиненію. Подъ видомъ защиты короля Августа, своего союзника, Петръ продолжалъ держать свои войска въ Польшѣ къ большой досадѣ жителей края. На содержаніе чужеземнаго войска, по извѣстію современника Отвиновскаго, приходилось тогда по 38 талеровъ въ мѣсяцъ съ дома. Постой назначенъ былъ только въ земскихъ или шляхетскихъ имѣніяхъ: всѣ коронныя имѣнія были освобождены отъ постоя, а изъ земскихъ имѣній гетманы и благопріятели гетмановъ постарались освободить свои собственныя имѣнія, разставивши русскихъ солдатъ по чужимъ имѣніямъ и подвергая послѣднія бо̀льшей тягости, чѣмъ какую несли ихъ собственныя. Военные люди, по обычаю того времени, дозволяли себѣ насилія и безчинства надъ жителями. Польскіе паны жаловались русскому послу князю Григорію Долгорукову, а посолъ водилъ ихъ обѣщаніями; между тѣмъ, по царскому приказанію, русскіе вербовали людей въ Польшѣ, иныхъ даже насильно хватали и препровождали въ Россію; царь хотѣлъ этими навербованными заселить кое-гдѣ опустѣвшія русскія мѣстности. Русскіе отняли у шведовъ польскій городъ Эльбингъ, но Петръ не выпускалъ его изъ рукъ и не отдавалъ Польшѣ. По всему видно, Петръ, по отношенію къ Польшѣ, вступилъ уже въ такую роль союзника, какую обыкновенно въ исторіи разыгрывали сильные и ловкіе надъ слабыми и простоватыми, мало по малу превращаясь изъ союзниковъ и друзей въ господъ и владыкъ. Отношенія къ западнымъ державамъ, если не представляли для Петра блестящихъ надеждъ, то все-таки становились для него благопріятнѣе, послѣ того какъ военные успѣхи заставили Западъ уважать Россію. Данія снова вошла съ Россіею въ союзъ противъ Швеціи, хотя собственно своими военными дѣйствіями не приносила Россіи никакой пользы; такъ, попытка датчанъ сдѣлать нападеніе на южныя области Швеціи окончилась жестокимъ пораженіемъ датскаго войска. Австрійскій домъ готовился вступить въ свойство съ русскимъ домомъ: Петръ сговаривался женить сына на сестрѣ императора Карла, тогда получавшаго престолъ. Голландскіе Соединенные Штаты и германскіе владѣтели провозгласили нейтралитетъ германскихъ земель для всѣхъ вообще участниковъ Сѣверной войны, и если этотъ нейтралитетъ ограничивалъ дѣйствія Петра, то еще болѣе былъ направленъ противъ Карла, который съ такою нестѣсняемостью распоряжался въ Саксоніи. Съ Англіей у Россіи произошло-было

неудовольствіе: русскій посолъ Матвѣевъ былъ задержанъ за долги англійскими купцами и подвергся оскорбленіямъ, но вслѣдъ за тѣмъ прибывшій въ Россію посолъ англійской королевы Анны извинился передъ царемъ и даже, къ удовольствію царя, англійская королева, въ своихъ сношеніяхъ съ Петромъ, дала ему императорскій титулъ; видимое согласіе возстановилось, и въ Лондонъ отправился русскій посолъ князь Куракинъ. Хотя Англія не слишкомъ дружелюбно смотрѣла на стремленіе Петра создать изъ своего государства морскую державу, но по крайней мѣрѣ не предпринимала ничего враждебнаго. Со стороны Турціи, вначалѣ казалось, нечего было опасаться. Русскій посланникъ въ Константинополѣ Петръ Толстой, послѣ полтавской побѣды, заключилъ съ Турціей договоръ, по которому Турція обѣщала удалить Карла XII изъ турецкихъ владѣній, а русскій отрядъ долженъ былъ проводить его черезъ Польшу. Но вслѣдъ за тѣмъ Карлъ XII, черезъ своего сторонника кіевскаго воеводу Потоцкаго, сильно старался объ уничтоженіи этого договора и возбуждалъ турокъ къ войнѣ съ Россіей. Двое турецкихъ главныхъ визирей, одинъ за другимъ, были низвержены, и мѣсто главнаго визиря получилъ паша Балтаджи-Мугамедъ. Быть можетъ, и при этомъ визирѣ дѣло обошлось бы, но Петръ самъ сдѣлалъ неосторожность: надѣясь на свои силы, онъ сталъ угрожать Турціи войною, если, согласно заключенному договору, турецкое правительство не спровадитъ изъ своихъ владѣній шведскаго короля. Царя раздражало еще и то, что, по смерти Мазепы, бѣжавшаго въ Турцію, его сторонники, съ позволенія султана, избрали себѣ новымъ гетманомъ, бывшаго при Мазепѣ генеральнымъ писаремъ, Орлика. Угрозы Петра такъ раздражили султана и диванъ его, что 20 ноября 1710 года объявлена была война Россіи и, по обычаю турецкому, посолъ русскій Толстой заключенъ былъ въ Едикулъ (Семибашенный за́мокъ). Получивши объявленіе войны, Петръ отправилъ войска свои къ турецкимъ границамъ, и 6 марта 1711 г. выѣхалъ самъ къ войску изъ Москвы вмѣстѣ съ Екатериною Алексѣевною, которая съ этого времени стала въ близкомъ къ царю кругу называться царскою женою и царицею.

Эта Екатерина Алексѣевна была та самая бѣдная маріенбургская плѣнница Марта Скавронская, которую взялъ Шереметевъ, вмѣстѣ съ пасторомъ Глюкомъ. Бывшая возлюбленная Петра Анна Монсъ, для которой онъ заключилъ свою жену, Евдокію, измѣнила ему. Еще въ 1702 году, при взятіи Шлиссельбурга, нечаянно утонулъ провожавшій Петра въ походѣ сак-

сонскій посланникъ Кенигсекъ. Изъ кармана утопленника вынуты были любовныя письма къ нему царской возлюбленной. Анна за это содержалась въ заключеніи три года; потомъ, уже выпущенная на свободу, сошлась съ прусскимъ посланникомъ Кайзерлингомъ. Петръ жилъ со Скавронской, и она время отъ времени все болѣе и болѣе овладѣвала его чувствомъ. Путь Петра лежалъ черезъ Польшу, куда, къ неудовольствію многихъ поляковъ, стянулось русское войско. Въ Ярославлѣ (галицкомъ) Петръ свидѣлся съ Августомъ; они (30 мая) заключили новый договоръ на такомъ условіи: Петръ будетъ воевать съ турками, Августъ съ польскими войсками и вспомогательнымъ отрядомъ русскихъ отъ 8000 до 10000 въ Помераніи со шведами. Поляки, соображая, что русскій царь теперь въ нихъ нуждается, домогались: отдачи имъ Ливоніи, права заселять Украину праваго берега Днѣпра, остававшуюся впустѣ; домогались свободы католическаго вѣроисповѣданія въ Россіи, требовали вывода русскихъ войскъ изъ Польши и вознагражденія за взятыя насильно контрибуціи. Петръ на все давалъ двусмысленныя обѣщанія, отлагая ихъ исполненіе до окончанія войны. Тутъ явились у Петра еще союзники: христіане, находившіеся въ порабощеніи турокъ. Еще до разрыва съ Турціею, единовѣрные и единоплеменные Россіи сербы присылали къ царю предлагать свои услуги въ случаѣ войны съ бусурманомъ, и это, безъ сомнѣнія, въ числѣ другихъ причинъ, побуждало Петра не бояться раздражить турокъ угрозами и вызвать ихъ на объявленіе войны. Зимой сербъ полковникъ Милорадовичъ началъ отъ царскаго имени возбуждать къ возстанію черногорцевъ. По пріѣздѣ царя въ Польшу заявили къ нему свое расположеніе и готовность помогать въ борьбѣ съ турками господари валахскій и молдавскій. Во время бѣгства Карла XII въ турецкія владѣнія молдавскимъ господаремъ былъ Михаилъ Раковица, расположенный къ Россіи и обѣщавшій Петру свое содѣйствіе. Но прежде чѣмъ онъ могъ показать на дѣлѣ свое расположеніе къ Россіи, Турція свергла его съ господарства, назначивъ вмѣсто него Маврокордато, а потомъ, по настоянію крымскаго хана, лишила господарства и Маврокордато, назначивъ на мѣсто его Димитрія Кантемира. Ему покровительствовалъ крымскій ханъ, а Турція, оказывая Кантемиру довѣріе, обѣщала ему еще и валахское господарство, если онъ поймаетъ и доставитъ въ турецкія руки бывшаго тогда господаремъ Валахіи Бранкована, своего давняго врага. Бранкованъ первый обратился къ Петру чрезъ своего посланца Давыда и обѣщалъ русскому войску свое содѣйствіе, когда оно вступитъ въ турец-

кія владѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ обратился къ Петру и новопоступившій на молдавское господарство Кантемиръ, недовольный турецкими поборами и вымогательствами. Надѣясь на силу Россіи и желая доставить своему роду наслѣдственную власть, онъ, черезъ грека Паликолу, заключилъ съ царемъ (13 апрѣля 1711 г. въ Луцкѣ) договоръ: отдать Молдавію Россіи съ тѣмъ, что онъ и его потомки будутъ тамъ вассальными владѣтелями; затѣмъ, если предпріятіе не удастся, онъ выговаривалъ себѣ два дома въ Москвѣ и помѣстья въ Россіи. Государь, узнавши, что между Кантемиромъ и Бранкованомъ существуетъ вражда и соперничество, старался помирить ихъ. По настоянію Петра, и тотъ и другой обослались между собою посольствами, но искренности между ними не было. И тотъ и другой имѣли въ виду свои частныя выгоды. Кантемиръ, входя въ союзъ съ русскимъ царемъ, въ тоже время притворялся предъ турецкимъ правительствомъ, и увѣрялъ, что сносится дружелюбно съ непріятелемъ съ цѣлію удобнѣе вывѣдать объ его намѣреніяхъ и силахъ.

Царь прежде всего выслалъ съ половиною войска Шереметева, приказывая ему идти за Дунай, а самъ слѣдовалъ за нимъ къ Днѣпру. Петръ воображалъ, что какъ только русское войско явится въ турецкихъ предѣлахъ,—всѣ храстіяне: и валахи и сербы, и болгары, поднимутся противъ мусульманъ. Но Шереметевъ, перешедши Днѣпръ, нашелъ, что идти прямо на Дунай опасно: у него недоставало провіанта, а путь до Дуная требовалъ многихъ дней, и страна была опустошена; онъ соображалъ, что если онъ и пройдетъ до Дуная, то союзника русскихъ Кантемира можетъ подвергнуть опасности, турки тѣмъ временемъ ударятъ на Молдавію; сверхъ того, онъ разсчитывалъ, что въ Молдавіи войско не будетъ нуждаться въ пропитаніи. Шереметевъ направился въ Молдавію и прибылъ въ Яссы; за нимъ слѣдовалъ Петръ по тѣмъ же соображеніямъ о средствахъ содержанія войска. Кантемиръ до сихъ поръ велъ сношенія съ Россіею тайно отъ совѣта своихъ бояръ; но тогда, когда Шереметевъ съ русскимъ войскомъ вступилъ въ Молдавію, надобно было открыть тайну. Кантемиръ созвалъ всѣхъ бояръ и объявилъ, что пристаетъ къ Петру. Нѣкоторые съ радостью объявили, что раздѣляютъ его чувствованія; но не всѣ такъ показали себя, потому что не всѣ надѣялись на успѣхъ. 5 іюня, Кантемиръ самъ прибылъ къ Шереметеву въ обозъ его. Послѣ того прибылъ къ своему войску Петръ, и 24 іюня посѣтилъ Яссы, вмѣстѣ съ Екатериною. На другой день русскому государю Кантемиръ устроилъ въ своемъ дворцѣ торжественный обѣдъ съ приличною попойкою, а жена Кантемира особо угощала Екатерину. Царь

нѣсколько дней осматривалъ Яссы, и 27 числа праздновалъ день Полтавской битвы. Молдавскій народъ съ любопытствомъ бѣгалъ за нимъ и радовался, увидя въ первый разъ въ стѣнахъ своей столицы сильнаго государя православной вѣры. Петръ поражалъ всѣхъ своею простотою и подвижностію. Онъ оказывалъ Кантемиру публично знаки любви, обнималъ и цѣловалъ его. Кантемиръ воспользовался этимъ, чтобы очернить передъ государемъ своего давняго соперника Бранкована; къ нему въ этомъ присоединился двоюродный братъ Бранкована Кантакузинъ, замышлявшій свергнуть своего господаря, чтобы самому сѣсть на его мѣсто. Отъ этого случилось слѣдующее: Бранкованъ присылалъ предложеніе примириться съ Турціею; самъ султанъ, узнавши о вступленіи русскихъ силъ, поручилъ ему сношеніе съ Петромъ; но Петръ, настроенный противъ Бранкована, отвергъ предложеніе. Тогда валахскій господарь разсчиталъ, что на русскую помощь надежды мало: враги успѣютъ вооружить противъ него Петра; гораздо безопаснѣе оставаться на турецкой сторонѣ. Русскимъ пока мало было пользы отъ вступленія въ Молдавію. Кантемиръ издалъ манифестъ о вооруженіи молдавскаго народа, и народъ по религіозному побужденію откликался сочувственно на такое воззваніе, но невоинственные и плохо вооруженные поселяне не великія силы могли внести въ общее дѣло. Русское войско въ Молдавіи не нашло обильнаго продовольствія, какое думало было тамъ найти, потому что край былъ опустошенъ саранчею, и царь послалъ отрядъ подъ начальствомъ Ренне къ Браилову добыть сложенные тамъ, какъ ему доносили, турецкіе запасы. Въ это время вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, что сильное турецкое войско идетъ на русскихъ, а съ нимъ и ханъ крымскій со своею ордою. У русскихъ было всего 38,276 человѣкъ, у визиря 119,665, а у хана до 70,000,—силы черезъ-чуръ неравныя. Петръ поспѣшно двинулся назадъ, но непріятели догнали русскихъ и осадили. Петръ помышлялъ уйти изъ стана вмѣстѣ съ Екатериною и пробраться въ отечество черезъ Венгрію; предложено было предводителю молдавскаго войска Никульче взять на себя обязанность проводника царскихъ особъ. Никульче не взялся за это, находя невозможнымъ избѣгнуть турецкихъ силъ, окружавшихъ станъ.

Турки сдѣлали нападеніе; русскіе отразили его. Но это не могло подавать большихъ надеждъ Петру. У него не было провіанта: турки могли переморить русскихъ осадою.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи министры Петра увидали единственное средство попытаться склонить визиря къ миру подарками, такъ какъ турки были на нихъ чрезвычайно падки.

Шереметевъ написалъ визирю письмо, и предлагалъ устроить взаимными силами примиреніе между воюющими государствами: Россіею и Турціею. Визирь нѣсколько времени не отвѣчалъ. Онъ видѣлъ слишкомъ много надеждъ на выигрышъ; и другіе турецкіе военачальники раздѣляли его взгляды. Но когда визирь двинулъ свои силы въ бой, янычары заволновались.—У насъ,—кричали они,—и такъ перебито много товарищей, и многіе изъ оставшихся въ живыхъ покрыты ранами. Султанъ хочетъ мира, а визирь противъ его воли шлетъ насъ на убой.—Такой ропотъ подчиненныхъ сдѣлалъ визиря уступчивѣе. Онъ отправилъ въ русскій станъ съ отвѣтомъ Шереметеву Черкесъ-Мехемедъ-пашу. Визирь писалъ, что онъ не прочь отъ мира честнаго и выгоднаго для Турціи. Когда, послѣ полученія такого отвѣта, Петръ собралъ на совѣтъ приближенныхъ, Екатерина оказала тогда не безполезное участіе. Объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ Петръ, когда, короновавши ее императрицей спустя уже двѣнадцать лѣтъ, вспоминалъ о важныхъ услугахъ, оказанныхъ ею при Прутѣ. Иностранные историки объясняли эти услуги, говоря, что Екатерина предложила отдать визирю всѣ свои вещи и деньги.

Какъ бы то ни было, посланъ былъ къ визирю подканцлеръ Шафировъ съ обѣщаніями визирю 150 т. рублей, а другимъ турецкимъ чинамъ обѣщаны меньшія суммы. Шафирову дано было полномочіе заключить условія мира. Визирь и турецкіе чиновники сообразили, что хотя бы они могли уничтожить русское войско, но все-таки не иначе, какъ съ большою потерею собственныхъ воиновъ. Миръ постановленъ былъ при Прутѣ, на такихъ условіяхъ: Петръ уступалъ Азовъ со всѣмъ побережьемъ, обязываясь срыть основанные тамъ русскіе городки, и обѣщалъ не мѣшаться въ польскія дѣла, а шведскому королю предоставлялъ свободный проходъ въ его отечество.

Карлу XII не по-сердцу былъ этотъ миръ, и онъ, оставаясь въ турецкихъ владѣніяхъ, успѣлъ вооружить султана противъ визиря: послѣдняго отрѣшили и сослали, а потомъ, какъ говорятъ, удавили. Въ пользу шведскаго короля дѣйствовалъ при цареградскомъ дворѣ французскій посолъ.

Послы англійскіе и голландскіе стояли тогда за Россію, потому что ихъ государства находились сами въ ожесточенной войнѣ съ Франціей.

Въ концѣ 1712 г., главнымъ образомъ по наущенію Карла XII, султанъ потребовалъ отъ Россіи, чтобъ ему была уступлена вся козацкая Украина, и такъ какъ очевидно такое требованіе не могло быть удовлетворено, то русскихъ уполномочен-

ныхъ, Шафирова, Толстого и Шереметева (сына), заключили въ Семибашенный за́мокъ, и вновь объявили войну Россіи. Но при турецкомъ дворѣ все дѣлалось интригами и подкупами. У султана былъ въ большомъ приближеніи любимецъ Али-Кумурджи, настроивавшій его въ пользу мира съ Россіей противъ шведскаго короля. По наущенію этого любимца, скоро султанъ освободилъ русскихъ пословъ и опять дозволилъ вступить съ ними въ переговоры. Шафировъ подкупилъ великаго муфтія, чтобы въ качествѣ верховнаго толкователя корана, онъ призналъ въ султанскомъ диванѣ войну съ Россіей незаконнымъ дѣломъ. Не менѣе важно было то, что русскіе послы расположили въ свою пользу мать султана богатыми подарками, превосходившими тѣ, какіе обѣщалъ ей Карлъ XII. Сверхъ того, Карлъ XII своимъ высокомѣрнымъ поведеніемъ раздражилъ султана. Когда уже все при дворѣ турецкаго императора склонялось въ пользу возобновленія мира съ Россіей, султанъ отправилъ крымскаго хана къ шведскому королю уговаривать его ѣхать подъ прикрытіемъ хана въ отечество черезъ Польшу. Карлъ воспротивился и даже обнажилъ шпагу противъ пріѣхавшаго къ нему султанскаго конюшаго. Услыхавши объ этомъ, султанъ далъ приказаніе взять шведскаго короля силою и привезти въ Адріанополь, гдѣ самъ находился въ то время. Карлъ не привыкъ кому бы то ни было повиноваться: приказаніе султана раздражило его. Карлъ велѣлъ сдѣлать около своего двора, въ окрестностяхъ Бендеръ, окопы и рѣшился защищаться противъ турокъ и татаръ, хотя бы ихъ пришло нѣсколько тысячъ; у него самого былъ тогда небольшой отрядъ и всего двѣ пушки. Карлъ защищался такъ упорно, что турки принуждены были привезти нѣсколько пушекъ изъ Бендеръ, разметали сдѣланные королемъ окопы, положили въ битвѣ многихъ защищавшихъ короля шведовъ и поляковъ, и наконецъ, его самого, вмѣстѣ съ неразлучнымъ съ нимъ кіевскимъ воеводой, Потоцкимъ, взяли въ плѣнъ. Послѣ этого событія султанъ велѣлъ пріѣхать къ себѣ въ Адріанополь русскому посольству. Послы обѣщались именемъ царя, что въ Польшѣ уже не будетъ русскихъ войскъ, но ни за что не соглашались дать обѣщаніе платить крымскому хану постоянную дань, какъ настаивалъ было султанъ. Подкупленный Шафировымъ, муфтій сталъ толковать въ султанскомъ диванѣ, что, по корану, грѣшно будетъ теперь начинать войну, и такимъ образомъ въ іюнѣ 1713 г. заключенъ былъ окончательно миръ на 25 лѣтъ. Граница между Турціей и Россіею проведена было промежъ рѣкъ Самары и Орели. Карлъ XII обязанъ былъ немедленно удалиться изъ турецкихъ

владѣній. Однако, онъ пробылъ въ Турціи послѣ того еще съ годъ, напрасно стараясь поправить потерянное дѣло и снова произвести разрывъ Турціи съ Россіею. Не ранѣе какъ лѣтомъ 1714 года, потерявши уже всякую надежду, онъ уѣхалъ изъ Турціи черезъ Трансильванію, не въ сопровожденіи хана, какъ предполагалось прежде, а переодѣтый, въ видѣ частнаго путешественника, и 22-го сентября прибылъ въ свой городъ Штральзундъ, находившійся въ Помераніи.

IV.

Внутреннія дѣла послѣ Прутскаго договора до Ништадтскаго мира со Швеціею.

Нѣсколько лѣтъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ сената и окончаніемъ турецкой войны, составляютъ самую богатую событіями эпоху въ исторіи внутреннихъ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ. Прибалтійскій край былъ, такъ сказать, обѣтованнымъ угломъ для Петра между всѣми его обширными владѣніями, потому что здѣсь возникалъ и возрасталъ его флотъ, здѣсь стоялъ его любезный городъ, имъ созданный и лелѣемый съ сердечною нѣжностью. Спускъ на воду всякаго новопостроеннаго корабля былъ для Петра большимъ праздникомъ, и однажды, по извѣстію нѣмца Вебера, на подобномъ праздникѣ царь говорилъ своимъ вельможамъ замѣчательную рѣчь, которой смыслъ былъ таковъ:—Никому изъ васъ, братцы, и во снѣ не снилось, лѣтъ тридцать тому назадъ, что мы будемъ здѣсь плотничать, носить нѣмецкую одежду, воздвигнемъ городъ въ завоеванной нами странѣ, доживемъ до того, что увидимъ и русскихъ храбрыхъ солдатъ, и матросовъ, и множество иноземныхъ художниковъ, и своихъ сыновъ, воротившихся изъ чужихъ краевъ смышлеными, доживемъ до того, что меня и васъ станутъ уважать чужіе государи. Исторія полагаетъ колыбель всѣхъ наукъ въ Греціи, оттуда онѣ перешли въ Италію, а изъ Италіи распространились по остальной Европѣ, но, по невѣжеству нашихъ предковъ, не проникли до насъ. Теперь очередь наступаетъ и намъ; мнѣ кажется, что со временемъ науки оставятъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, перейдутъ къ намъ, и наконецъ воротятся въ прежнее свое отечество, въ Грецію. Будемъ надѣяться, что, можетъ быть, на нашемъ вѣку мы пристыдимъ другія образованныя страны и вознесемъ русское имя на высшую степень славы.

Такой взглядъ имѣлъ Петръ на будущую судьбу Россіи и, по его предположенію, Петербургъ былъ основаніемъ новой Россіи. Любимымъ эпитетомъ своему творенію у Петра было слово „парадизъ“. Вся Россія должна была работать для строенія и населенія этого парадиза. Въ началѣ 1712 года потребовано туда сорокъ тысячъ работниковъ, положено было на содержаніе каждаго по рублю въ мѣсяцъ и для этого велѣно собрать со всѣхъ губерній 120,000 рублей; сверхъ того, понадобилось 22,000 рублей на выдѣлку кирпича, какъ матеріала для сооруженія строеній въ Петербургѣ, а 30,700 рублей на судовое строеніе и на разныя починки. Въ 1714 году велѣно собрать съ народа въ Петербургъ 34,000 тысячи человѣкъ рабочихъ и денегъ имъ на человѣка по рублю въ мѣсяцъ. Города съ уѣздами: Олонецъ съ его желѣзными заводами, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна, волости новгородскаго уѣзда и въ архангельской провинціи — Чаронда, всего 24,000 дворовъ — по отправленію этой повинности были приписаны къ адмиралтейству. Кромѣ громаднаго числа рабочихъ, въ Петербургъ высылались и мастеровые люди. Такъ, въ 1712 году выслано было ихъ для водворенія въ Петербургѣ на прибавку къ прежнимъ 2,500, преимущественно каменьщиковъ и плотниковъ. Каждый изъ нихъ получалъ по шести рублей въ годъ на семью.

Въ іюнѣ 1714 года указано было разнаго званія людямъ строиться въ Петербургѣ дворами: царедворцамъ, находящимся въ военной и гражданской службѣ, вдовамъ съ дѣтьми, владѣвшимъ не менѣе ста дворовъ (въ числѣ 350 лицъ), торговцамъ (въ числѣ 300 ч.), мастеровымъ (въ такомъ же числѣ), выбраннымъ изъ разныхъ городовъ. Они должны были построиться въ теченіе лѣта и осени 1714 года. Но повелѣніе о высылкѣ людей торговыхъ и ремесленныхъ въ Петербургъ на жительство въ точности не исполнялось, да и присланными царь не оставался доволенъ; губернскія начальства старались сбыть изъ своего края людей бѣдныхъ, старыхъ и одинокихъ, которымъ переселеніе не представляло большой тягости. 26 ноября 1717 года, царь указалъ земскимъ людямъ во всѣхъ городахъ выбирать изъ своей среды для высылки въ новой городъ непремѣнно первостатейныхъ и средняго состоянія людей, а отнюдь не бѣдныхъ, не старыхъ и не одинокихъ, какъ до того дѣлалось. Петръ хотѣлъ привлечь и водворить въ Петербургѣ все, что̀ было лучшаго, а остальной Россіи оставлялъ то, что̀ было похуже. Такъ, напримѣръ, осенью 1719 года кожевенныхъ мастеровъ, обучавшихся у нѣмцевъ, велѣно было подвергать испытанію, и тѣхъ, которые окажутся болѣе знающими,

удерживать въ Петербургѣ, а остальныхъ, которые были похуже, отправить назадъ по городамъ.

Правительство заботилось, чтобы сдѣлать населеннымъ вообще и край, прилегавшій къ Петербургу, называвшійся тогда Ингерманландіею. Въ Петергофѣ много лѣтъ работали иностранные мастера надъ постройкою увеселительнаго царскаго дворца и разведеніемъ великолѣпнаго сада: въ ихъ распоряженіи были тысячи русскихъ чернорабочихъ. Въ іюлѣ 1712 года велѣно было расписать всю землю въ Ингерманландіи на части и отвести участки подъ дворы и огороды въ мѣстахъ, назначенныхъ для заведенія жилыхъ мѣстностей. Переводились насильно всякихъ чиновъ служилые люди отовсюду и получали въ Ингерманландіи землю съ крестьянскими и бобыльскими дворами. Новые поселенцы, по количеству дворовъ, дѣлились на шесть статей [1]. Нѣкоторые служилые помѣщались и обзаводились дворами на островѣ Котлинѣ. Разселяли по видамъ правительства жителей и въ другихъ мѣстахъ государства. Въ началѣ 1718 года потребовано изъ казанской и нижегородской губерній изъ симбирскаго уѣзда нѣсколько сотъ плотниковъ, кузнецовъ и пильщиковъ, и приказано поселить ихъ на удобнѣйшихъ мѣстахъ въ казанской губерніи и обязать рубкою лѣса. Однихъ разселяли, другихъ посылали временно на работы. Строились крѣпости въ областяхъ кіевской, воронежской, нижегородской, азовской; рабочихъ для такихъ построекъ сгоняли только съ своей области, тогда какъ на постройку Петербурга сгоняли ихъ со всей Россіи. Рабочіе, опредѣляемые къ постройкамъ областныхъ крѣпостей, брались на полгода и на этотъ срокъ давалось имъ продовольствіе, но многіе не возвращались домой; рабочая повинность была, по замѣчанію одного современника, бездна, въ которой погибало безчисленное множество русскаго народа: одна таганрогская крѣпость поглотила болѣе 30,000 рабочихъ, но это число было незначительно въ сравненіи съ тѣмъ, сколько народа погибло на работахъ въ Петербургѣ и Кроншлотѣ.

Къ концу 1717 года, правительство нашло, что работы нарядомъ, т.-е. присылкою людей изъ губерній, неудобны. Князь Алексѣй Черкасскій сообщалъ свѣдѣнія, что въ числѣ взятыхъ подворно работниковъ (съ четырнадцати дворовъ по работнику, что̀ составляло всего тридцать двѣ тысячи человѣкъ)—было множество бѣглыхъ, больныхъ и умершихъ, а иные, взявши отъ казны подмогу и хлѣбное жалованье, не шли на казенную ра-

---

[1]) Первая статья до 700 дворовъ и выше, вторая отъ 500 — 700, третья отъ 200 — 500, четвертая отъ 100 — 200, пятая отъ 50 — 100, шестая — менѣе 50.

боту. Князь Черкасскій представлялъ, что гораздо удобнѣе были бы роботы наймомъ, съ обложеніемъ жителей суммою на жалованье рабочимъ. Это казалось выгоднѣе и потому, что многія силы, отрываемыя на казенныя работы, обратятся тогда къ крестьянскому земледѣльческому труду. Царю понравился этотъ проектъ, и съ этихъ поръ начала господствовать система работы наймомъ, по подрядамъ, а на издержки по работамъ облагался народъ налогами.

Въ 1714 году въ Петербургѣ произведена была перепись домовъ и оказалось, что всѣхъ было уже 34,500. По желанію Петра въ Петербургѣ должны были господствовать каменныя зданія. Въ апрѣлѣ 1714 года указано на Городскомъ и Адмиралтейскомъ островахъ, и вездѣ по Большой Невѣ и большимъ протокамъ не строить деревянныхъ строеній, а ставить каменныя; печи дѣлать непремѣнно съ большими трубами, а строенія крыть дерномъ или черепицею; на Выборгской сторонѣ, по берегу Невы слѣдовало строить непремѣнно каменныя зданія, а далѣе отъ Невы—мазанки въ два жилья, но на каменномъ фундаментѣ. Повсюду въ Петербургѣ запрещено было строить конюшни и сараи на улицу, какъ дѣлалось прежде на всей Руси, а велѣно непремѣнно устроивать ихъ внутри дворовъ, такъ чтобы на улицы и переулки обращено было жилье. Деревянныя постройки, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ дозволялись, должны быть брусяныя, обитыя тесомъ, окрашенныя червленью, или расписанныя подъ кирпичъ. Въ декабрѣ 1715 г. объявили обывателямъ Петербурга, чтобъ они строили себѣ дома, имѣя въ виду жить въ нихъ самимъ, а не отдавать другимъ, и тѣ, которые не имѣли настолько состоянія, чтобы строиться на собственный счетъ, должны были складываться для постройки дома съ другими. Петръ около этого времени видимо желалъ заселить прежде всего Васильевскій островъ. Тѣмъ, которымъ уже прежде были отведены мѣста для поселенія на Васильевскомъ островѣ, въ 1719 г. запрещено было селиться въ другихъ частяхъ Петербурга, а тѣ, у которыхъ находились мѣста на Васильевскомъ островѣ, близко берега Невы, должны были строиться понаряднѣе и при своихъ домахъ дѣлать гавани, выходящія на Неву. Въ 1720 году людямъ, которымъ назначено строиться на Васильевскомъ островѣ, опредѣлено для пространства подъ каменные домы число саженей, смотря по числу крестьянскихъ дворовъ, числящихся за владѣльцами въ ихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ. Но тѣмъ, у которыхъ было не болѣе трехъ сотъ дворовъ, дозволялось строить мазанки и деревянные домики, безъ обозначенія числа саженей. Каждый дворовладѣлецъ долженъ былъ вы-

мостить на свой счетъ улицу передъ своимъ дворомъ и засадить ее липами. При всемъ стараніи Петра заселить и застроить каменными домами Васильевскій островъ, въ самыхъ постройкахъ не соблюдалась вѣрность утвержденному правительствомъ образцу, по которому слѣдовало строиться подъ одинъ горизонтъ, и въ 1721 г. Петръ приказалъ ломать всѣ зданія, возведенныя не по формѣ, а съ виновныхъ брать по сту рублей штрафу. По мѣрѣ отдаленія отъ Васильевскаго острова, въ Петербургѣ не требовалось такой нарядности постройки, и по берегу рѣки Фонтанки строились деревянные домы.

Петръ намѣревался пріучить новопоселенныхъ жителей Петербурга къ умѣнью строить суда и къ охотѣ плавать на нихъ по водѣ, и въ 1718 году приказалъ жителямъ Петербурга раздать безденежно парусныя и гребныя суда, съ обязательствомъ сдѣлать новое судно, когда старое испортится. Для дѣланія и починки судовъ устраивался дворъ на Малой Невѣ, подъ вѣдѣніемъ коммиссара Потемкина; всякій желающій могъ обращаться туда по судовому дѣлу. Составлены и опубликованы были подробныя правила для управленія судами, а за малѣйшее отступленіе отъ этихъ правилъ полагались штрафы. Для поощренія иностранцевъ, желающихъ водвориться въ Петербургѣ, Петръ давалъ различныя привилегіи; напримѣръ, въ апрѣлѣ 1716 г. одному данцигскому жителю дано право гражданства въ Петербургѣ, съ увольненіемъ отъ податей и съ дозволеніемъ торговать на общихъ основаніяхъ.

Въ теченіи трехъ лѣтъ, съ 1718—1721 г., правительство обращало большое вниманіе на благоустройство и благочиніе новаго города. Предписывалось улицы и переулки сохранять въ чистотѣ и сухости, на проѣзжихъ дорогахъ и у мостовъ не устраивать шалашей, торговцамъ съѣстными припасами не подымать самовольно цѣнъ и не продавать ничего вреднаго для здоровья подъ опасеніемъ за первый разъ—кнута, за второй—каторги, за третій—смертной казни. Для предупрежденія пожаровъ, слѣдовало всякую четверть года у жителей осматривать печи и бани; въ лѣтнее время топить избы и бани дозволалось только разъ въ недѣлю. На каждомъ островѣ заведено было по одной пожарной заливной трубѣ; всѣхъ было четыре, каждая обходилась въ четыреста рублей. Привозившимъ сѣно, дрова и прочія сельскія произведенія велѣно отводить на рынкахъ мѣста, а не дозволять становиться гдѣ попало, какъ вездѣ на Руси дѣлалось. Шибкая ѣзда по улицамъ запрещалась, а у кого была охота бѣгать взапуски, или держать заклады, тѣ могли упражняться въ Ямской

слободѣ или на льду зимою. Царь приказывалъ: не допускать на улицахъ и рынкахъ дракъ, уничтожать подозрительные домы—притоны пьянства, карточной игры и разврата, забирать „гулящихъ и слоняющихся“ людей, которые гнѣздились по кабакамъ, торговымъ банямъ, харчевнямъ, а ночью производили буйства и драки. По старымъ обычаямъ и въ Петербургѣ какъ въ другихъ русскихъ городахъ жители не спѣшили на помощь, когда слышали крикъ „караулъ“, и не торопились разнимать драку, а если вмѣшивались въ нее, то для того, чтобы помогать той или другой сторонѣ. Царь приказалъ устроить по улицамъ шлагбаумы съ караулами, которые должны были съ одиннадцати часовъ вечера до утренней зари никого не пускать черезъ шлагбаумъ, кромѣ священника, доктора или повивальной бабки. Для знатныхъ людей, которые не ходили иначе, какъ съ фонарями, дѣлалась льгота; но такъ-называемыхъ „подлыхъ“ людей пускали не иначе, какъ по одному, а чуть шелъ кружокъ, наводившій подозрѣніе, — всѣхъ брали подъ караулъ. 20 іюня 1718 г. указано брать подъ караулъ всѣхъ нищихъ, шатавшихся въ Петербургѣ и допрашивать—откуда они и зачѣмъ бродятъ; пойманныхъ въ первый разъ—били батогами и отсылали въ дворцовыя волости, къ старостамъ и сотскимъ, или прямо къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ жили они прежде, до своего бродяжничества, взявши съ хозяевъ росписку въ томъ, что будутъ смотрѣть за этими людьми и кормить ихъ. Пойманныхъ въ другой разъ били кнутомъ, и посылали мужчинъ—въ каторжную работу, женскій полъ—въ шпингаузъ или прядильный домъ, а малолѣтнихъ, по наказаніи батогами,—на суконный дворъ въ работу; съ хозяевъ, у которыхъ эти нищіе прежде проживали, брали штрафъ по 5 рублей за каждаго нищаго. Въ февралѣ 1719 г. компанія полотнянаго дѣла выпросила дозволеніе посылать къ нимъ взятыхъ за нищенство женщинъ на работу, а указомъ 26 іюля 1721 года такое распоряженіе было распространено вообще на всѣ заводы, учрежденные компанейцами. Петръ, не терпя нищенства во всей Россіи, особенно хотѣлъ, чтобъ его не было въ любезномъ его Петербургѣ: запрещалъ давать милостыню, и съ ослушниковъ этого правила велѣлъ брать на госпитали по 5 рублей за каждую подачку.

Въ 1719 году полиція Петербурга отличалась чрезвычайною строгостью. Генералъ-полицмейстеръ ежедневно сѣкъ кнутомъ человѣкъ по шести и болѣе обоего пола, а одну распутную женщину гоняли, подстегивая кнутомъ, за то, что она, отправляя ремесло свое, заразила много солдатъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Въ 1721 г., полиція стоила 27,923 рубля, и содержалась

насчетъ всего государства, изъ нарочно собраннаго подворнаго налога. По этому поводу въ указѣ замѣчалось: „что здѣшнее мѣсто (т.-е. Петербургъ) дороговизною, провіантомъ, харчемъ и квартирою отягчено, а другія мѣста такой тягости не имѣютъ“. Обращено было вниманіе на опрятность въ новомъ городѣ. Мясники завели-было бойни па Адмиралтейскомъ островѣ и бросали внутренности животныхъ въ рѣчку Мью (Мойку), такъ что отъ вони нельзя было проѣхать черезъ нее,—указано бить скотину подальше отъ жилья, за пильными мельницами, а за метаніе въ рѣку всякой нечистоты и сора, служителямъ, жившимъ въ домахъ, хотя бы и высокихъ персонъ, угрожали кнутомъ и ссылкою въ каторжную работу. По малымъ рѣчкамъ и каналамъ зимою позволялось только ходить пѣшимъ, но воспрещалось ѣздить на саняхъ, верхомъ, чтобъ не засорить рѣкъ и каналовъ навозомъ; не дозволялось выпускать на улицу скотъ, который портилъ дороги и деревья. Всѣ такія правительственныя распоряженія о соблюденіи чистоты и порядка, какъ и всякія другія, исполнялись плохо. На улицахъ продолжали наваливать всякую гадость и мертвыя тѣла животныхъ, пока царь, въ апрѣлѣ 1721 года, не приказалъ для вывоза нечистотъ завести лошадей и при нихъ рабочихъ изъ рекрутъ и взятыхъ гулящихъ людей. Городъ начали освѣщать съ 1721 г.: на Васильевскомъ островѣ велѣно устроить 595 фонарей. Съ увеличеніемъ населенія въ Петербургѣ ощутительно стали свирѣпствовать болѣзни. Зимою 1717—1718 г. много болѣло и умирало людей отъ горячки. Петръ приказалъ, чтобы вездѣ, гдѣ во дворѣ окажутся больные этою болѣзнію, доносили о нихъ въ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ.

Однимъ изъ признаковъ общественной жизни въ новомъ городѣ было учрежденіе ассамблей. 26 ноября 1718 года, Петръ далъ объ этомъ указъ с.-петербургскому генералъ-полицеймейстеру. „Ассамблея“, по толкованію этого указа, „есть слово французское, которое на русскомъ языкѣ однимъ словомъ выразить невозможно, но обстоятельно сказать — вольное, гдѣ собраніе или съѣздъ дѣлается не только для забавы, но и для дѣла, гдѣ можно другъ друга видѣть и переговорить или слышать, что̀ дѣлается“. Правила, начертанныя Петромъ для ассамблей, были таковы: хозяинъ дома, гдѣ дѣлается ассамблея, долженъ письменно объявить, что всякому вольно пріѣзжать какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Входъ въ ассамблеи открытъ всѣмъ чиновнымъ людямъ, дворянамъ, купцамъ, начальнымъ мастеровымъ людямъ и знатнымъ приказнымъ, а также ихъ женамъ и дѣтямъ. Ассамблея начинается не ранѣе 4-хъ или 5-ти часовъ и про-

должается не позже 10-ти часовъ. Лакеи и служители должны были находиться въ сѣняхъ, по распоряженію хозяина. Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчать, ни угощать, ни провожать гостей, долженъ только поставить свои свѣчи, питье для жаждущихъ и приготовить употребительныя игры на столахъ. Но хозяева, устраивавшіе ассамблею, обыкновенно угощали гостей водкою, виномъ и закусками, тѣмъ болѣе, что знатные и богатые вельможи всѣ, по обязанности, одинъ за другимъ устраивая у себя ассамблеи, щеголяли роскошью угощенія, такъ что многіе на ассамблеяхъ напивались до-пьяна. Для ассамблей отводилось обыкновенно четыре покоя: въ одномъ—танцовали, въ другомъ—играли въ карты и шахматы, въ третьемъ—курили и вели бесѣды, въ четвертомъ дамы играли въ фанты. Всякій могъ пріѣхать и уѣхать, когда хотѣлъ, не нарушая правилъ, установленныхъ для ассамблей, подъ штрафомъ кубка Великаго Орла. (Такъ назывался огромный сосудъ, изъ котораго заставляли пить вино за нарушеніе установленныхъ приличій). Такія же мѣры должны были соблюдаться въ австеріяхъ (ресторанахъ) и въ мѣстахъ, гдѣ будутъ балы и банкеты. Старые русскіе обычаи въ обращеніи съ людьми до чрезвычайности не сходились съ европейскими и соблазняли иностранцевъ своею грубостью и угловатостью, даже и въ кругу, близкомъ ко двору царя. Иностранецъ, вздумавши пріѣхать съ визитомъ къ русскому господину, рисковалъ мерзнуть на дворѣ и дожидаться, пока хозяинъ выйдетъ по своимъ дѣламъ на свой дворъ, а на привѣтствіе гостя скажетъ: чего тебѣ нужно, я отъ тебя ничего не желаю, или, спросивши у гостя объ его отечествѣ, скажетъ ему: такой земли я не знаю; ступай себѣ къ тѣмъ, къ кому посланъ. Только тогда, когда они замѣчали, что царь къ тѣмъ или другимъ изъ иноземцевъ ласковъ, измѣняли въ отношеніи послѣднихъ свой тонъ и начинали обращаться съ ними унизительнымъ образомъ.

Петръ, занимаясь съ любовію Петербургомъ, не оставлялъ безъ вниманія и другіе русскіе города. Въ мартѣ 1714 г. всѣмъ губернаторамъ было объявлено, чтобъ съ будущаго за тѣмъ года начались строиться каменные домы повсюду. Въ Москвѣ изстари городскіе домы состояли большею частью изъ незатѣйливыхъ деревянныхъ избъ, которыя продавались на рынкѣ въ Китай-Городѣ. Покупщикъ, пріобрѣтая за деньги такой домъ, приказывалъ разобрать его и везти на мѣсто, гдѣ намѣревался его поставить; тамъ приказывалъ на́-скоро его сложить, законопатить мхомъ щели, образующіяся между бревнами, и покрыть тесомъ. Такіе домы безпрестанно подвергались пожарамъ, но легко и возобнов-

лялись. Чтобы избавить жителей отъ лишнихъ расходовъ при безпрестанныхъ покупкахъ новыхъ домовъ, царь, въ январѣ 1718 года, предписалъ въ Кремлѣ и Китай-Городѣ Москвы строить каменные домы, съ фасадомъ на улицу, а передъ домомъ на улицѣ должна быть вымощена мостовая изъ дикаго камня. Въ Бѣломъ и Земляномъ городѣ можно было строить деревянныя строенія, но непремѣнно съ глинянымъ потолкомъ, чтобъ печи были поставлены на землѣ, а не на мосткахъ, и устроены такъ, чтобъ огонь не доходилъ до стѣны; вмѣсто заборовъ около дворовъ приказано ставить тыны, предохраняющіе отъ воровъ. Велѣно было въ мясныхъ рядахъ не допускать продавать мяса больной скотины; мясники не смѣли производить своего промысла тайно. Подъ страхомъ пени запрещалось сваливать нечистоты по улицамъ.

По всѣмъ губерніямъ въ городахъ велѣно было устроить госпитали для увѣчныхъ и престарѣлыхъ, и дома для пріема незаконнорожденныхъ дѣтей. Въ Москвѣ, для послѣдней цѣли, приказано строить мазанки, а въ прочихъ городахъ—деревянныя строенія. Для ухода за младенцами слѣдовало пріискать искусныхъ женщинъ, и давать имъ по три рубля и по полуосминѣ хлѣба на мѣсяцъ; на содержаніе же самыхъ младенцевъ полагалось три деньги въ день. Было предоставлено матерямъ приносить младенцевъ въ пріюты для незаконнорожденныхъ тайно и класть черезъ закрытое окно. На содержаніе больныхъ и раненыхъ, въ іюнѣ 1714 года, положено обратить одну статью церковныхъ доходовъ,—сборъ съ вѣнечныхъ памятей, (собираемыхъ съ вѣнчанія), а въ маѣ 1715 года указано съ пожалованныхъ въ дьяки, взыскивать на этотъ же предметъ по сту рублей. Въ томъ же году госпитали велѣно содержать изъ неокладныхъ доходовъ въ губерніяхъ, а 28 февраля 1721 г. обращены были на содержаніе богадѣленъ и больницъ выручаемыя отъ продажи свѣчей въ церквахъ деньги, и 12 декабря того же года на тотъ же предметъ установлено со всѣхъ служащихъ, кромѣ солдатъ, вычитать по копейкѣ съ рубля въ годъ.

И въ этотъ періодъ своего царствованія, какъ прежде, Петръ старался оградить лѣса отъ напраснаго истребленія. Всѣ лѣса петербургской губерніи состояли въ полномъ вѣдѣніи адмиралтейства; отъ сената назначались за ними надсмотрщики изъ дворянъ. По челобитьямъ крестьянъ, раздавались около Петербурга мѣста подъ мызы, но съ тѣмъ, чтобъ мызники не рубили у себя заповѣдныхъ деревьевъ — дуба, клена, липъ, ясени и вяза. Между Петергофомъ и Лиговой запрещено было рубить лѣсъ

даже и владѣльцамъ въ собственныхъ дачахъ, а если кто хотѣлъ расчищать свой лѣсъ „для своего плезира“, тотъ долженъ былъ соблюдать указанныя царемъ правила и истреблять только сухія деревья. Лѣса, покрывавшіе острова около Петербурга, были также заповѣдными: туда, между прочимъ, запрещалось пускать скотъ, подъ страхомъ отнятія его на госпиталь. За нарушеніе царскаго указа о лѣсахъ били кнутомъ, шпицрутенами, кошками и линьками. Не для всей Ингерманландіи были такія строгія правила: 11-го декабря 1718 года дозволено всѣмъ рубить лѣсъ во всѣхъ дачахъ, чьихъ-бы то ни было, находившихся по обѣимъ сторонамъ Невы, отъ Словянки до Шлиссельбурга. Землевладѣльцы на этомъ пространствѣ стали было не допускать чужихъ до рубки своихъ лѣсовъ или пускали ихъ не иначе, какъ взявши большія деньги, и отъ этого стала дороговизна дровъ въ Петербургѣ, но царь объявилъ владѣльцамъ лѣсовъ, что они будутъ лишены своихъ земель и сосланы, если станутъ препятствовать рубкѣ лѣса въ своихъ лѣсныхъ дачахъ; а когда послѣ того, въ 1720 году, продавцы дровъ опять подняли цѣну, жалуясь, что рубка лѣсовъ сопряжена съ большими непріятностями и оскорбленіями со стороны землевладѣльцевъ, тогда царь указалъ, для рубки лѣсовъ, ѣздить въ помѣщичьи дачи не иначе, какъ компаніями, не менѣе двадцати человѣкъ.

И для другихъ краевъ Россіи издавались узаконенія, клонившіяся къ сохраненію лѣсовъ. Когда въ 1716 г. казанскій вице-губернаторъ донесъ, что дубовые лѣса, годные на кораблестроеніе, рубятъ и подсушиваютъ, царь послалъ майора на розыскъ, и велѣлъ виновнымъ учинить жестокое наказаніе и раззореніе—отнятіемъ всѣхъ ихъ имѣній. Въ іюнѣ 1719 г. изданъ былъ указъ для всей Россіи, чтобы считать заповѣдными лѣсами—годные къ корабельной постройкѣ лѣса изъ дуба, клена, вяза и сосны, если послѣдняя заключаетъ въ отрубѣ двѣнадцать вершковъ, въ томъ же разстояніи отъ большихъ и малыхъ рѣкъ, какое опредѣлено было указомъ 1703 года. Въ заповѣдныхъ лѣсахъ запрещалось не только рубить большія деревья, но и собирать валежникъ. Въ лѣсахъ же, отстоящихъ на болѣе далекое пространство отъ рѣкъ, запрещалось рубить только дубовыя деревья, и если кому понадобится хотя одинъ дубъ,—тотъ долженъ подавать просьбу о дозволеніи ему срубить это дерево. Приказано было въ селахъ и деревняхъ выбрать добрыхъ людей, не менѣе какъ съ пятисотъ дворовъ, и дать имъ особыя клейма (пятна) съ гербами своихъ провинцій: этими гербами они должны были пятнать заповѣдный лѣсъ. За незаконную порубку бралась большая пеня,

за повторенную нѣсколько разъ и за сдѣланную въ большомъ размѣрѣ, хотя бы и въ первый разъ, царь приказывалъ вырѣзывать ноздри и ссылать на каторгу, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ новгородской губерніи за порубку дубоваго лѣса ожидала виновнаго смертная казнь. Въ противоположность такой строгости, въ губерніяхъ сибирской и астраханской и въ уфимской провинціи разрѣшалось рубить дубовые лѣса. При всемъ томъ, что Петръ такъ дорожилъ лѣсами, трудно было ему получить подробныя описи лѣсовъ въ государствѣ. Онъ многократно приказывалъ это, но еще въ 1721 году, какъ видно, это сдѣлано не было.

Постоянныя войны, которыя вела Россія, требовали строгихъ мѣръ къ пополненію войска и его продовольствію. Въ концѣ 1712 г. велѣно было собрать съ пятидесяти дворовъ по конному, а на военныя издержки обратить таможенные и питейные сборы, находившіеся у откупщиковъ изъ купеческаго званія. Въ маѣ 1713 года приказано было собрать со всѣхъ губерній немедленно запасныхъ рекрутъ и обучать ихъ; такъ какъ въ войскѣ ощущалась потребность въ грамотныхъ, то царь велѣлъ переписать всѣхъ подъячихъ и оставить изъ нихъ для производства дѣлъ только необходимое число, а остальныхъ обратить въ военную службу, гдѣ они занимали бы должность писарей. Въ концѣ 1713 года указано было опять собрать съ 50-ти дворовъ по человѣку. Предполагавшаяся въ то время война съ Турціей не состоялась, и всѣ мѣры правительства обратились на военныя дѣйствія на сѣверѣ, въ Помераніи и Финляндіи. Въ этомъ случаѣ всѣхъ болѣе терпѣла петербургская губернія, такъ что на фуражъ и провіантъ должна была истратить до 129,000 рублей, когда во всѣхъ другихъ губерніяхъ сумма на этотъ предметъ простиралась до 45,000, кромѣ двороваго сбора по три алтына и $1^1/_2$ деньги со двора. Въ 1715 году съ побережья Сѣвернаго моря указано доставить опытныхъ матросовъ, ходившихъ въ море за китоловствомъ и рыбными промыслами и, кромѣ того, брать владѣльческихъ крестьянъ въ матросы. Въ октябрѣ того же года, для той же цѣли, велѣно собрать въ матросы до тысячи человѣкъ, отъ 15 до 20 лѣтняго возраста. Въ 1719 году въ августѣ велѣно собрать для комплектованія войскъ десять тысячъ человѣкъ, а въ Сибири четыре тысячи человѣкъ и пригнать ихъ зимою въ Петербургъ для обученія. Въ маѣ 1721 года, для той же цѣли, велѣно собрать 15 тысячъ рекрутъ.

Относительно продовольствія войска, важнымъ установленіемъ было въ 1713 году назначеніе коммисаровъ для раздачи провіанта. Въ слѣдующемъ году на содержаніе армейскихъ полковъ

расположенныхъ въ петербургской губерніи, опредѣлено доставлять провіантъ вольнымъ порядкомъ, съ подрядовъ, водою или сухопутіемъ, по непремѣнно въ бочкахъ, а не въ рогожныхъ куляхъ, какъ дѣлалось прежде; вмѣсто доставки натурою, позволялось вносить деньгами, считая за четверть муки 1 рубль 16 алтынъ 4 деньги и два рубля за четверть крупы. Но важнѣйшимъ дѣломъ было учрежденіе въ 1720 году запасныхъ магазиновъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, Гжатѣ, Смоленскѣ, Брянскѣ и, кромѣ того, въ другихъ городахъ, на пристаняхъ, предпринятое въ тѣхъ видахъ, что подрядчики на поставку казеннаго провіанта, во время хлѣбнаго недорода, стали возвышать цѣны на хлѣбъ. Предположено собрать въ эти магазины, со всего государства, со двора по четверику ржи; осенью того же года царь, узнавши, что вездѣ были урожаи, приказалъ собрать еще по другому четверику съ двора. Для флота собирался особый провіантъ, состоявшій, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ, изъ мяса, соленаго сала, вина, гороха и крупы: этотъ провіантъ доставлялся изъ однѣхъ провинцій въ Петербургъ, а изъ другихъ — въ Ревель.

При наборѣ рекрутъ происходили злоупотребленія. Рекрутъ приводили въ города скованными и держали, какъ преступниковъ, долгое время по тюрьмамъ и острогамъ. Изнуряли ихъ и тѣснотою помѣщенія, и плохою пищею. По донесенію фискаловъ, при отправкѣ какъ рекрутъ, такъ и рабочихъ, въ губерніяхъ удерживали слѣдуемыя на ихъ продовольствіе кормовыя деньги и провіантъ, не давали имъ одежды и обуви; вмѣсто подводъ, на которыя слѣдовало сажать отправляемыхъ на казенную службу, ихъ гнали пѣшими, ни мало не обращая вниманія ни на дальность пути, ни на плохія дороги и распутицу, или же отнимали у частныхъ проѣзжихъ подводы и сажали на нихъ рекрутъ. Рекрутъ могло быть до тысячи, а провожалъ ихъ какой-нибудь офицеръ, да и тотъ старый и нездоровый; пропитаніе имъ давали самое скудное; отъ этого между ними свирѣпствовали болѣзни, и многіе безвременно умирали на дорогѣ, безъ церковнаго покаянія; другіе же, отъ всевозможныхъ лишеній потерявъ терпѣніе, разбѣгались, но, боясь появиться въ своихъ домахъ, приставали къ воровскимъ станицамъ. Итакъ, крестьяне, отданные въ рекруты съ тѣмъ, чтобы ставши солдатами, защищать отечество, становились не защитниками, а разорителями своего государства. Всякая казенная служба до крайности омерзѣла въ глазахъ русскаго народа. Иные, чтобъ избавиться отъ ней, уродовали себя, отсѣкая себѣ пальцы на рукахъ и на но-

гахъ. Побѣги получили небывалые размѣры. Послѣ многихъ строгихъ узаконеній, царь принужденъ былъ объявить бѣглымъ надежду на прощеніе, если они возвратятся до апрѣля 1714 г. Когда этотъ срокъ минулъ, имъ дана новая льгота по сентябрь того же года, а потомъ дана была имъ еще отсрочка до 1-го января 1715 года. Въ январѣ этого года указано пойманнымъ бѣглымъ рекрутамъ класть знакъ порохомъ — крестъ на лѣвой рукѣ, а дававшихъ имъ притонъ ссылать на галеры. Ландраты должны были смотрѣть, чтобъ не было бѣглыхъ, и въ чьемъ вѣдомствѣ отыщется бѣглецъ, ландрату того вѣдомства угрожало наказаніе. Всѣхъ подрядчиковъ кирпичныхъ дѣлъ обязали, подъ опасеніемъ смертной казни, не принимать бѣглыхъ въ работники. Несмотря на всѣ мѣры, и слишкомъ строгія и слишкомъ снисходительныя, въ началѣ 1715 г. убѣжавшихъ со станціи изъ Москвы и съ дороги было до двадцати тысячъ. Въ Петербургѣ и Котлинѣ безпрестанно умножались побѣги изъ гарнизоновъ. Множество бѣглыхъ толпилось въ Малороссіи; указано было въ 1715 г. отыскивать ихъ тамъ и возвращать, а съ передержателей брать по пяти рублей съ семьи. Иные находили себѣ пріютъ у раскольниковъ, поселившихся въ стародубскомъ уѣздѣ. Велѣно было осмотрѣть села и деревни въ бѣлгородскомъ и сѣвскомъ уѣздахъ, и въ слободскихъ полкахъ, разузнать, по какимъ документамъ проживаютъ тамъ крестьяне, и всѣхъ, которые окажутся бѣглыми, высылать прочь: чужихъ крестьянъ вести къ ихъ владѣльцамъ, а бѣглыхъ съ казенной службы на мѣсто отправленія этой службы. Многіе бѣжали на Донъ, гдѣ, несмотря ни на какія строгія мѣры, по старинному извѣчному обычаю, принимали бѣглыхъ, откуда бы они ни пришли, и не только русскихъ, но калмыковъ и перебѣжчиковъ изъ Турецкой имперіи. Въ 1715 году дана была бѣглымъ отсрочка, для добровольной явки, по январь 1716 года; въ 1716 году—по 1-е января 1717 г.; въ декабрѣ 1717 г. снова объявлена бѣглымъ отсрочка на годъ, съ обѣщаніемъ каторги и всеконечнаго разоренія, если они не явятся въ назначенный срокъ. Такую же отсрочку мы встрѣчаемъ 29 октября 1719 г. по іюль 1720 г.; въ 1721 г. 29 ноября объявлялось прощеніе всѣмъ бѣглымъ изъ военной службы, если они явятся добровольно къ марту слѣдующаго года, а за ослушаніе грозили жестокимъ наказаніемъ; каждому, кто поймаетъ бѣглеца, государь обѣщалъ по пяти руб. награжденія, а доносителю, указавшему на пристанодержательство, обѣщано было двѣ трети имущества, принадлежавшаго пристанодержателю. Давалось повелѣніе никого не

пропускать никуда безъ паспорта или пропускного вида, всякаго безпаспортнаго считать прямымъ воромъ, не слишкомъ довѣряя, однако, письменнымъ видамъ, которые часто были поддѣльные. Открылось, что многіе бѣглые приставали къ монастырямъ и особамъ духовнаго чина, подъ именемъ казаковъ, ханжей и трудниковъ; царь угрожалъ духовнымъ лишеніемъ сана, если будутъ давать притонъ бѣглымъ. Въ числѣ бѣглыхъ были владѣльческіе крестьяне, часто послѣ побѣга отъ своего владѣльца проживавшіе у другого. Царь назначилъ полуторогодичный срокъ для отдачи ихъ прежнимъ владѣльцамъ, по крѣпостямъ. Это не распространялось на такихъ бѣглыхъ, которые, бѣжавши отъ своихъ господъ, вступили въ военную службу, а затѣмъ царь подтвердилъ прежній указъ, дозволявшій изъ господской службы каждому вступать въ военную, исключая такихъ, которыхъ господа, живя въ Петербургѣ, обучили матросскому плаванію для своего обихода.

И въ этотъ періодъ Петрова царствованія, какъ и въ прежній, повсюду появлялись разбойничьи шайки, человѣкъ въ 200 и болѣе, съ исправнымъ вооруженіемъ; онѣ нападали на помѣщичьи усадьбы, сожигали ихъ, убивали людей и крестьянъ. Близъ города Мещовска разбойники напали на Георгіевскій монастырь, ограбили его, а потомъ вступили, не встрѣчая сопротивленія, въ городъ Мещовскъ, освободили преступниковъ, содержавшихся въ тюрьмахъ, и присоединили ихъ къ своей шайкѣ. Въ 1718 году, разбойниковъ, находившихся въ шайкахъ, велѣно казнить колесованіемъ и повѣшеніемъ, а беременныхъ женщинъ оставлять въ живыхъ до разрѣшенія отъ бремени, и потомъ отсѣкать имъ голову. Въ началѣ 1719 года государь приказалъ разослать по всѣмъ губерніямъ печатный указъ, прибить его въ пристойныхъ мѣстахъ и прочитать въ церквахъ; жители, черезъ своихъ старостъ и приказчиковъ, должны были давать властямъ сказки о томъ, что имъ неизвѣстно о пребываніи у нихъ воровъ, бѣглыхъ и становщиковъ (пристанодержателей), а если узнаютъ, то обязываются немедленно объявить начальству. Тѣмъ приказчикамъ и старостамъ, которые въ своихъ сказкахъ солгутъ и утаятъ пребываніе у нихъ преступниковъ, угрожала смертная казнь, а помѣщикамъ отнятіе имѣній. Въ мартѣ того же 1719 года царь въ своемъ указѣ замѣтилъ, что при стараніяхъ искоренить воровъ и разбойниковъ, повсюду совершались дневныя и ночныя кражи, по дорогамъ разбои и убійства. Много разъ, по царскому милосердію, объявлялось разбойникамъ прощеніе, если они принесутъ повинную, и ничто не помогало, а многіе завѣдомо давали у себя пріютъ злодѣямъ и черезъ то содѣйствовали сокрытію преступленій. По тюрьмамъ сидѣло мно-

жество преступниковъ, а дѣла о нихъ затягивались по нѣскольку лѣтъ.

Долговременное истощеніе народныхъ силъ, послѣ бывшихъ продолжительныхъ войнъ и тяжелыхъ поборовъ, привело къ тому, что обезлюдѣли многіе края. Крестьяне, оказавшись несостоятельными въ уплатѣ податей, разбѣгались, но ихъ владѣльцы не освобождались отъ казенныхъ недоимокъ, числившихся за бѣглыми, и часто, не въ состояніи будучи получать доходовъ съ своихъ разоренныхъ имѣній и вносить требуемые въ казну платежи, сами покидали свои жилища и пускались въ бѣга. Но ничто такъ не усиливало побѣги, какъ злоупотребленія со стороны всякихъ начальствующихъ лицъ. Въ царствованіе Петра каждый, кому, по служебной обязанности, предоставлялось брать что-нибудь въ казну съ обывателей, полагалъ, по выраженію современника, что онъ теперь и для себя можетъ высасывать бѣдныхъ людей до костей и на ихъ разореніи устраивать себѣ выгоды. Замѣчали современники, что изъ 100 рублей, собранныхъ съ обывательскихъ дворовъ, не болѣе 30 рублей шло дѣйствительно въ казну; остальное беззаконно собиралось и доставлялось чиновникамъ. Какой-нибудь писецъ, существовавшій на 5—6 рублей жалованья въ годъ, получивши отъ своего ближайшаго начальника порученіе собирать казенные налоги, въ четыре или пять лѣтъ разживался такъ, что строилъ себѣ каменныя палаты. Эти черты нравовъ размножили до чрезвычайности побѣги и разбои. Въ городскихъ гарнизонахъ недоставало офицеровъ для преслѣдованія преступниковъ. Сенатъ указалъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ стояли на квартирахъ армейскіе полки, командирамъ тѣхъ полковъ, по заявленію губернаторовъ и другихъ властей, посылать драгунъ и солдатъ для поимки разбойниковъ; командирамъ угрожало жестокое взысканіе за неисполненіе сенатскаго указа. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сенатъ нашелъ нужнымъ сдѣлать и оговорку, чтобы посылаемые за этимъ дѣломъ офицеры, драгуны и солдаты не чинили оскорбленій обывателямъ. Пойманныхъ разбойниковъ велѣно было допрашивать, какъ можно скорѣе; тѣхъ изъ нихъ, которые дѣлали смертоубійства и истязанія надъ людьми, — вѣшать за ребра или колесовать. Помѣщиковъ и помѣщичьихъ крестьянъ, которые давали притонъ разбойникамъ, велѣно вѣшать, а старостъ и приказчиковъ тѣхъ селеній откуда были разбойники, бить кнутомъ, за то, что не смотрѣли за своими крестьянами.

Ужасомъ для всѣхъ разбойниковъ, какъ и для всякихъ нарушителей царской воли и закона, былъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ

Ромодановскій, начальникъ Преображенскаго приказа въ Москвѣ. Этотъ человѣкъ соединялъ въ себѣ насмѣшливость съ мрачною кровожадностью; участникъ петровыхъ оргій, неизмѣнный членъ сумасброднѣйшаго собора, представлявшій, по волѣ государя, изъ себя шутовское званіе царя-кесаря, онъ держалъ у себя выученнаго медвѣдя, который подавалъ приходившему въ гости большую чарку крѣпкой перцовки, и въ случаѣ отказа пить, хваталъ гостя за платье, срывалъ съ него парикъ или шапку. Шутникъ большой былъ Ѳедоръ Юрьевичъ. Но если кто попадался серьезному суду Ѳедора Юрьевича, тотъ заранѣе долженъ былъ почитать себя погибшимъ. Ромодановскій подвергалъ обвиняемыхъ самымъ безжалостнымъ пыткамъ и приговаривалъ преступниковъ къ мучительнымъ казнямъ: кромѣ обыкновеннаго повѣшенія, онъ вѣшалъ ихъ за ребра и сжигалъ. Его одно имя наводило трепетъ; самъ Петръ называлъ его звѣремъ, за-то любилъ Ромодановскаго, зная, что никакія сокровища не въ силахъ подкупить его и возбудить малѣйшее состраданіе къ попавшейся жертвѣ. Всѣ процессы по поводу „гусударева слова и дѣла“ велись имъ; какая-нибудь неосторожная болтовня влекла несчастнаго къ неумолимому розыску, въ душную или сырую тюрьму, къ безчеловѣчнымъ истязаніямъ. Ромодановскій съ любовью занимался своимъ адскимъ дѣломъ, и его Преображенскій приказъ у русскаго народа носилъ прозвище „бѣдности“.

Преслѣдуя бѣглыхъ и разбойниковъ, какъ и своихъ политическихъ недоброжелателей, Петръ принималъ строгія мѣры противъ бродягъ и нищихъ. Въ февралѣ 1718 года царь узналъ, что въ Москвѣ по рядамъ и по улицамъ шаталось множество монаховъ и нищихъ; они пользовались благочестивымъ обычаемъ русскихъ людей надѣлять нищихъ милостынею. Эти нищіе были нерѣдко скрытые разбойники, которые по ночамъ въ темныхъ и узкихъ улицахъ убивали кистенями прохожихъ людей и обирали ихъ тѣла. Подобный разбой въ продолженіи святокъ и масляницы былъ дѣломъ совершенно обычнымъ въ древней столицѣ: по нѣскольку десятковъ убитыхъ подбирали на улицахъ и свозили въ убогій домъ, гдѣ сваливали ихъ въ одну глубокую могилу безъ церковныхъ обрядовъ, и уже въ субботу Пятидесятницы священникъ отпѣвалъ ихъ всѣхъ. Для искорененія нищенства, Петръ приказалъ учредить изъ московскаго гарнизона особыхъ поимщиковъ, хватать шатавшихся монаховъ и нищую братію и вести въ монастырскій приказъ. Изданное сначала для Петербурга запрещеніе раздавать милостыню распространилось на всю Россію; кто желалъ помогать нищимъ, тотъ могъ отсылать

милостыню въ богадѣльни. За раздачу нищимъ милостыни назначался штрафъ: въ первый разъ пять, а во второй десять рублей.

Государя приводила въ гнѣвъ неаккуратность губернаторовъ и другихъ органовъ областнаго управленія въ присылкѣ рабочихъ людей, рекрутъ и денегъ. Царь указалъ, за троекратное неисполненіе сенатскаго предписанія, брать съ губернаторовъ большой штрафъ и ихъ подвергать аресту. Всѣмъ губернаторамъ ставилась въ примѣръ дѣятельность петербургскаго губернатора, какъ образцовая, потому что, сверхъ окладныхъ сборовъ, онъ съумѣлъ собрать въ 1713 году 72,000 рублей. По его примѣру предписывалось поступать и всѣмъ другимъ; но дѣлать это такъ, чтобы сборы не влекли за собою отягощеніе народа. Это условіе приводило губернаторовъ въ затрудненіе. За отягощеніе народа грозили губернаторамъ военнымъ судомъ и между тѣмъ требовали отъ нихъ какъ можно болѣе денегъ въ казну, а фискалы, надзиравшіе надъ ними безпрестанно посылали на нихъ доносы въ Петербургъ. Въ февралѣ 1714 года указано не давать приказнымъ людямъ жалованья прежде, чѣмъ не будутъ высланы всѣ казенные недоборы. Но въ слѣдующіе за тѣмъ годы недоимки накоплялись по всѣмъ частямъ: въ 1720 году недоимокъ рекрутскихъ за прежніе годы, считая по 20-ти рублей на рекрута, за уплатою 197,870 руб., оставалось еще получить 809,690 рублей. Губернаторы объясняли, что, за опустѣніемъ городовъ и селъ, нѣтъ возможности собрать недоимки, и недостаетъ людей для отсылки въ казенную службу [1]). Между тѣмъ, всѣ повинности правились по прежнимъ переписнымъ книгамъ. Требовались деньги, провіантъ, рабочіе для отправки въ Петербургъ; требовались подводы, и все это требовалось по тому числу дворовъ, какое значилось въ прежнихъ переписныхъ книгахъ, тогда какъ въ наличности и половины прежняго числа жителей не находилось на мѣстѣ.

Обыватели несли, въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе тягостей, чѣмъ сколько требовало съ нихъ правительство по своимъ соображеніямъ, основаннымъ на прежнихъ устарѣлыхъ спискахъ. Неоплатныхъ казенныхъ должниковъ съ 1718 г. стали отправлять съ женами и дѣтьми въ Петербургъ въ адмиралтейство, оттуда годныхъ мужчинъ разсылали на галерныя работы, а женщинъ въ прядильные домы, дѣтей же и стариковъ на сообразную съ ихъ силами работу: всѣ они должны были отработывать

[1]) Извѣстія объ опустошеніи разныхъ краевъ являются послѣдовательно съ 1710 года изъ разныхъ мѣстъ. Напримѣръ, въ ярославскомъ уѣздѣ: гдѣ было прежде крестьянскихъ дворовъ 52, тамъ осталось 16; гдѣ было 104, оставалось 51.

свой долгъ казнѣ, считая по рублю въ мѣсяцъ на человѣка заработной платы. Ихъ кормили наравнѣ съ каторжниками, а послѣ отработки долга, — выпускали на волю; если же за кого-нибудь изъ нихъ находились поручители—тѣхъ выпускали ранѣе, но давая имъ срокъ уплаты не далѣе полугода. Случалось, однако, что такихъ отработывающихъ свои долги удерживали и послѣ срока, противъ чего изданъ былъ указъ въ 1721 году, и въ томъ же году разрѣшено платить недоимки по срокамъ: на три года въ суммахъ отъ пяти до десяти тысячъ и болѣе; на два года—въ суммахъ отъ одной до пяти тысячъ, и на годъ—отъ ста рублей до тысячи, и тѣ платить по годовымъ третямъ.

Помощниками губернаторовъ въ отправленіи ихъ многочисленныхъ обязанностей были ландраты и ландрихтеры (ландратовъ въ большихъ губерніяхъ было по 12-ти, въ среднихъ по 10-ти, въ меньшихъ по 8-ми). Ландраты начальствовали надъ провинціями, на которыя дѣлились губерніи. По два человѣка ландратовъ, съ помѣсячною перемѣною, должны были находиться при губернаторахъ въ качествѣ ихъ постоянныхъ товарищей или совѣтниковъ; прочіе оставались въ своихъ провинціяхъ; тѣ изъ нихъ, которые находились при губернаторахъ, должны были подписывать всякія дѣла, но не были своими мнѣніями подчинены ему. Въ наказѣ объ ихъ учрежденіи выражено было, что губернаторъ надъ ними „не яко властитель, но яко президентъ“, и имѣлъ передъ ними то преимущество, что пользовался двумя голосами, тогда какъ каждый изъ товарищей его ландратовъ владѣлъ однимъ только голосомъ. За должностью ландратовъ, вскорѣ послѣ ихъ введенія, оказались большія злоупотребленія. Такъ, подъ разными предлогами, разъѣзжали они по селамъ и деревнямъ на даровыхъ подводахъ и проживали въ одномъ мѣстѣ по недѣлямъ и болѣе, требуя отъ жителей припасовъ и для себя, и для своихъ людей; болѣе другихъ селъ обирали ландраты архіерейскія и монастырскія вотчины, особенно при сборѣ провіанта, пользуясь тѣмъ, что на счетъ этого всегда получались ими строгія предписанія. Въ іюнѣ 1716 года, Петръ узнавши о наглости ландратовъ, велѣлъ устроить въ разныхъ селахъ, дворцовыхъ и монастырскихъ, для пріѣзжающихъ ландратовъ хоромы, съ приказною избою и тюрьмою на деньги, собранныя съ крестьянъ, въ суммѣ 200 рублей на строимый дворъ. Подводы ландратамъ запрещено брать даромъ вовсе, такъ какъ они получали царское жалованье.

Что касается до ландрихтеровъ, то они посылались губернаторами для розыска преимущественно въ поземельныхъ дѣлахъ, напримѣръ, въ межевыхъ.

Въ украинныхъ городахъ были установлены коменданты, между которыми различались оберъ-коменданты и вице-коменданты; подъ вѣдѣніемъ ихъ были гарнизоны, составленные изъ ландмилиціи.

Эти коменданты, какъ и вообще всякіе слуги государства, и пребывающіе въ мѣстныхъ административныхъ должностяхъ, и посылаемые отъ правительства съ разными порученіями, позволяли себѣ всякаго рода насилія и утѣсненія. Средства, какія употребляли взяточники, были до того разнообразны и затѣйливы, что, по выраженію современника, изслѣдовать ихъ было такъ же трудно, какъ исчерпать море. Захочетъ, напримѣръ, комендантъ или ландратъ поживиться на счетъ обывателей какого-нибудь округа, и вотъ онъ посылаетъ своего писца удостовѣриться, точно ли крестьяне заплатили свои подати. Писецъ ѣздитъ по селамъ и деревнямъ и требуетъ отъ крестьянъ квитанцій въ уплатѣ. Иной крестьянинъ сразу не найдетъ квитанціи, и писецъ кричитъ на него, торопитъ его, требуетъ съ него уплаты вновь или беретъ съ него взятку за то, чтобы подождать, пока крестьянинъ отыщетъ свою затерянную квитанцію и представитъ куда слѣдуетъ, но если крестьянинъ и не затерялъ своей квитанціи, если представитъ ее тотчасъ по требованію, то все-таки писецъ, кромѣ того, что̀ у крестьянина съѣстъ и выпьетъ, возьметъ еще съ него деньги, какъ бы за свой трудъ и подѣлится ими со своимъ начальникомъ. Привлекаемые къ законной отвѣтственности плуты, желая увернуться отъ силы закона, старались поставить вопросъ такъ, чтобы, ссылаясь на буквальный смыслъ редакціи закона, можно было сдѣлать отговорку, что въ законѣ сказано не такъ, чтобы ихъ можно было по этому закону обвинить. Это было замѣчено Петромъ; въ указѣ 24-го декабря 1713 г. онъ запрещалъ лицамъ всѣхъ званій, и великимъ и малымъ, брать посулы и пользоваться съ народа собираемыми деньгами, подъ предлогомъ торга, подряда и тому под. Виновному угрожали, что онъ „жестоко на дѣлѣ наказанъ, шельмованъ, всего имѣнія лишенъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ и смертью казненъ будетъ“. Всѣ, подъ опасеніемъ того же, должны были доносить о такихъ преступникахъ, „не выкручиваясь тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель“. Позже чрезъ печатныя объявленія, оповѣщенныя народу чтеніемъ въ церквахъ, приглашали всѣхъ безъ опасенія обращаться къ правительству съ доносами на взяточниковъ и казнокрадовъ. Въ современныхъ тогдашнихъ дѣлахъ можно отыскать много образчиковъ злоупотребленій со стороны областныхъ властей. Вотъ, напримѣръ, въ 1712 году посланный въ псковскую

волость отъ Меншикова вице-комендантъ Алимовъ, пріѣхавши на кружечный дворъ, началъ у посадскихъ брать для себя вино, сахаръ, калачи, а одного помѣщика, призвавши во Псковъ, держалъ въ неволѣ, и крестьянъ его въ рабочую пору забиралъ къ себѣ, и только когда черезъ его подъячаго дали ему пять рублей, выпустилъ помѣщика изъ-подъ караула. Наѣхавши на Псково-Печерскій монастырь, Алимовъ избилъ стряпчаго, приказывая высылать крестьянъ возить глину на постройку свѣтлицъ въ монастырѣ и принуждая кормить всѣхъ работниковъ на монастырскій счетъ. Онъ приказалъ крестьянамъ возить въ Сомерскую волость сѣно, высылая ихъ нарочно въ дурную погоду, самого игумена сажалъ подъ караулъ въ толпѣ набраннаго народа мужескаго и женскаго пола, а монастырскихъ служекъ приказывалъ бить батогами. Въ Каргополѣ поднялась жалоба на коменданта Борковскаго. Онъ бралъ въ свою пользу деньги, которыя собирались рекрутамъ на подмогу, заставлялъ посадскихъ и уѣздныхъ людей и рекрутъ дѣлать хоромныя и мельничныя строенія въ своихъ вотчинахъ, да вдобавокъ билъ ихъ жестоко, а его шурья, племянники и подъячіе ѣздили по волостямъ и вымучивали у людей то тò, то другое отъ имени коменданта. Уѣздные старосты, по комендантскому распоряженію, правили съ крестьянъ деньги, а отписей въ полученіи денегъ имъ не давали, потому что комендантъ боялся быть уличеннымъ въ излишнихъ сборахъ съ народа. Борковскій собиралъ на прокормленіе людей, отправленныхъ на работы государевы, по 35 алтынъ на человѣка, а рабочимъ тѣхъ денегъ не давалъ, и рабочіе за недостаткомъ чуть не помирали съ голода,—съ крестьянъ бралъ неволею нѣсколько сотъ подводъ и, сверхъ того, на эти подводы въ подмогу—деньгами по рублю; наконецъ, со всякаго крестьянскаго двора правилъ въ свою пользу по гривнѣ, чтó составило до 600 р. а желая утаить свои злоупотребленія, принуждалъ земскихъ бурмистровъ и старостъ написать поддѣльныя книги, въ которыхъ-бы его взятки не значились. Но этотъ комендантъ отписался и оправдался. На пошехонскаго коменданта Веревкина была жалоба, что, собирая провіантъ и рекрутъ, онъ завелъ неправильную мѣру и принималъ отъ крестьянъ хлѣбное зерно съ верхомъ, а выдавалъ рекрутамъ въ-трусъ и подъ гребло, отчего отъ каждаго человѣка пришлось ему по полуторы четверти, и это лишнее онъ приказывалъ отвозить въ свою усадьбу. Въ Устюгѣ былъ коммисаръ Акишевъ, покровительствуемый архангельскимъ губернаторомъ Курбатовымъ. Надѣясь на своего покровителя, пользовавшагося царскою милостію, этотъ коммисаръ, съ подначальными ему подъ-

ячими, собирая съ крестьянъ пошлины, сажалъ ихъ въ дыбы, билъ на козлѣ и на саняхъ свинцовыми плетьми, пекъ огнемъ, ломалъ имъ руки и ноги, дѣвицъ и женщинъ раздѣвалъ до нага и водилъ всенародно. Такъ доносилъ на него фискалъ. Крестьяне жаловались, съ своей стороны, что они разорены, стали наги и босы, измучились на правежахъ. Акишевъ былъ взятъ и отправленъ къ царю, а потомъ подвергнутъ пыткѣ въ застѣнкѣ.

Самыя крупныя дѣла по злоупотребленіямъ въ этотъ періодъ были: дѣло сибирскаго губернатора князя Гагарина и архангельскаго вице-губернатора Курбатова. Гагаринъ былъ болѣе десяти лѣтъ губернаторомъ Сибири и пріобрѣлъ тамъ самую отличную репутацію: его не только любили, но, можно сказать, боготворили за щедрость и доброту. Онъ, между прочимъ, облегчалъ печальную судьбу шведскихъ плѣнниковъ, которыхъ въ Сибири было до 9000, оставленныхъ безъ всякаго пособія отъ правительства; въ числѣ ихъ было до 800 офицеровъ, питавшихся поденною работою у русскихъ. Гагаринъ былъ такъ къ нимъ внимателенъ, что за три первыхъ года своего губернаторства истратилъ на ихъ содержаніе болѣе 15,000 рублей собственныхъ средствъ, заохочивалъ ихъ къ разнымъ выгоднымъ трудамъ и доставлялъ ихъ издѣлія государю. При его помощи плѣнники завели себѣ шведскую церковь. Гагаринъ долго умѣлъ заслуживать благосклонность царя къ себѣ, и былъ первый изъ сибирскихъ правителей, отыскавшій въ Сибири золотой песокъ: при содѣйствіи горнаго инженера иноземца Блюгера, онъ привезъ царю образчикъ этого песку, и Блюгеръ, въ присутствіи Петра, дѣлалъ пробу, показавши, что изъ фунта такого песку выходитъ 28 лотовъ чистаго золота. Но, живя вдали отъ государя и управляя огромнѣйшимъ пространствомъ, Гагаринъ невольно сталъ въ Сибири какъ бы независимымъ владѣтелемъ и позволялъ себѣ дѣлать многое, не справляясь, понравится-ли это государю. Онъ жилъ очень роскошно, употреблялъ при столѣ серебряную посуду, имѣлъ осыпанную брильянтами икону, стоившую 130,000 рублей. Оберъ-фискалъ Алексѣй Нестеровъ, человѣкъ чрезвычайно ловкій, донесъ царю, что Гагаринъ расхищаетъ казну, беретъ взятки съ купца Карамышева, торговавшаго съ Китаемъ, и дозволяетъ купцамъ Евреиновымъ вести незаконный торгъ табакомъ въ Сибири. Купецъ Евреиновъ показалъ на допросѣ, что Гагаринъ, по своему выбору, посылалъ купцовъ въ Китай и дѣлился съ ними барышами въ ущербъ казнѣ. Посланный по этому дѣлу гвардіи майоръ Лихаревъ обнаружилъ, что Гагаринъ бралъ съ купцовъ Гусятникова и Карамышева, торговавшихъ съ Китаемъ, подарки и товары, за которые платилъ не своими,

а казенными деньгами, сверхъ того, бралъ взятки съ содержавшихъ на откупѣ винную продажу, и утаивалъ въ свою пользу вещи, купленныя на казенныя деньги для царицы. Гагаринъ во всемъ повинился и умолялъ царя оказать ему милосердіе, — отпустить его въ монастырь на вѣчное покаяніе,—но Петръ приказалъ его повѣсить въ Петербургѣ. Курбатовъ, прежде бывшій въ ратушѣ въ Москвѣ, называясь царскимъ прибыльщикомъ, въ 1711 г. посланъ былъ въ Архангельскъ вице-губернаторомъ и въ слѣдующемъ же году поссорился съ архангельскимъ оберъ-коммисаромъ Соловьевымъ, съ которымъ вмѣстѣ долженъ былъ завѣдывать таможенными пошлинными дѣлами. Весною 1713 г., сенатъ, чтобъ развести ссорившихся, устранилъ Курбатова отъ завѣдыванія продажею казенныхъ товаровъ, и предоставилъ это дѣло одному Соловьеву. Тогда Курбатовъ сталъ доносить на Соловьева, что онъ противозаконно отпускаетъ за границу собственное хлѣбное зерно, вмѣсто того, чтобъ продавать казенное. Ссора съ Соловьевымъ поссорила Курбатова и съ Меншиковымъ, такъ какъ Соловьевъ съ двумя братьями пользовался покровительствомъ Меншикова. Соловьевъ съ своей стороны писалъ доносы на Курбатова. Разомъ съ Соловьевымъ приносили жалобы на поступки Курбатова иностранные торговцы и голландскій резидентъ, для охраненія своихъ единоземцевъ постоянно пребывавшій въ Россіи. Петръ по этимъ доносамъ и жалобамъ посылалъ въ архангельскую губернію на слѣдствіе разныхъ лицъ, одного за другимъ. Происходили допросы и розыски. Противъ Курбатова дѣйствовалъ Меншиковъ, и самъ запутался въ этомъ дѣлѣ. Любившій Меншикова до слабости, Петръ уже прежде нѣсколько разъ заявлялъ къ нему неудовольствіе. Меншиковъ раздражалъ царя тѣмъ, что представлялъ ему, по собственнымъ словамъ царя: „честныхъ людей плутами, а плутовъ честными людьми“, и, управляя петербургскою губерніею, хотя доставлялъ казнѣ много доходовъ, но позволялъ себѣ распоряжаться казною въ свою пользу, хотя и собственное состояніе доставляло ему большіе доходы. Тогда пострадали нѣкоторыя лица, державшіяся покровительствомъ Меншикова и въ надеждѣ на него позволявшія себѣ злоупотребленія. Помощникъ Меншикова по управленію губерніей, вице-губернаторъ Корсаковъ, въ 1715 году былъ публично наказанъ кнутомъ, а двумъ сенаторамъ, князю Волхонскому и Опухтину, жгли языки раскаленнымъ желѣзомъ. Осужденъ былъ Синявинъ, надзиравшій за петербургскими постройками, а управлявшій адмиралтействомъ Александръ Кикинъ, одинъ изъ близкихъ людей Петра, спасся только тѣмъ, что заплатилъ

большой денежный штрафъ и былъ временно удаленъ отъ дѣлъ. Въ 1718 году братья Соловьевы, покровительствуемые по дѣлу Курбатова съ Меншиковымъ, подверглись громадному начету въ пользу казны, который не могъ быть покрытъ всѣми ихъ имѣніями; на Меншиковѣ оказался начетъ въ нѣсколько сотъ тысячъ. Меншиковъ просилъ у царя помилованія, по крайней мѣрѣ въ уваженіе того, что во всѣ годы своего прошедшаго управленія онъ доставилъ казнѣ очень много пользы. Царь, безжалостно строгій ко всѣмъ другимъ, былъ до того милостивъ и снисходителенъ къ своему давнему любимцу, что приказалъ зачесть большую часть долга Меншикова на разныя повинности съ его имѣній. Курбатовъ былъ присужденъ къ относительно небольшой уплатѣ въ казну, но не дождался рѣшенія своего дѣла: онъ скончался въ 1721 году.

Фискальное устройство въ 1714 году получило большее расширеніе противъ прежняго. Кромѣ наблюденія за казеннымъ интересомъ, фискаламъ дано право вмѣшиваться во всякія такія дѣла, по которымъ не было или быть не могло челобитчиковъ. Напримѣръ, умретъ ли кто-нибудь послѣднимъ изъ своего рода, не оставивши послѣ себя никакого духовнаго завѣщанія, или неизвѣстный проѣзжій человѣкъ будетъ убитъ на пути,—фискалъ въ такихъ случаяхъ могъ развѣдывать и начинать судебный искъ. Указами 17-го марта 1717 года и 19 іюня 1718 года, повелѣно во всѣхъ городахъ учредить изъ купечества по одному или по два фискала, но не изъ первостатейныхъ купцовъ, чтобъ не отвлечь ихъ отъ важныхъ торговыхъ предпріятій. Провинціалъ-фискалъ объѣзжалъ каждый годъ свою губернію и повѣрялъ городовыхъ фискаловъ, имѣя право ихъ перемѣнять и отставлять. Въ сенатѣ оберъ-фискалъ имѣлъ значеніе государственнаго фискала, тогда какъ прочіе были земскіе; но за неимѣніемъ въ сенатѣ оберъ-фискала, его должность, въ 1721 году, исполняли два штабъ-офицера гвардіи и смотрѣли за порядкомъ и благочиніемъ въ сенатѣ, а тѣхъ, кто будетъ вести себя неприлично, могли арестовывать и отводить въ крѣпость. По инструкціи, данной фискаламъ 31-го декабря 1719 года, они должны были смотрѣть, чтобы служащіе исправляли свои должности не ко вреду царя и не къ отягченію подчиненныхъ. „Однако", замѣчалось, „по одному разглашенію и безъ основанія вѣрнаго и добраго служителя Его Величества въ чести, животѣ и имѣніи по своему произволенію не повреждать". Земскій фискалъ розыскивалъ и доносилъ также о всякихъ видахъ безнравственности, прелюбодѣйства, содомскаго грѣха, чародѣйства, обмана, богохульства, заповѣдной продажи и т. п.; фискалы должны были также наблюдать: не дер-

заетъ-ли кто изъ владѣльцевъ подданныхъ своихъ отягощать, или не будутъ-ли чинимы уѣзднымъ людямъ обиды при проходѣ войска, или при отправленіи повинностей. Онъ долженъ былъ смотрѣть: не испортились-ли дороги, цѣлы-ли верстовые столбы, не развалились-ли мосты, не стоятъ-ли пусты царскія мельницы и всякія заведенія, не шляются-ли гулящіе люди, способные сдѣлаться ворами и разбойниками. Въ пограничныхъ провинціяхъ фискалы, сверхъ того, должны были надсматривать и провѣдывать: не прокрадывается-ли въ государство шпіонъ, не привозятся-ли заповѣдные товары, не намѣренъ-ли русскій уйти за границу, безъ проѣзжихъ писемъ. Обо всемъ этомъ онъ долженъ былъ провѣдывать, узнавать и въ пору доносить губернатору, и со всѣхъ штрафныхъ денегъ, наложенныхъ за преступленіе, за открытіе преступленія, получалъ одну треть. Въ іюнѣ 1720 года оберъ-фискалъ Нестеровъ доносилъ царю, что подано множество жалобъ на губернаторовъ, вице-губернаторовъ и прочихъ властей. Изъ жалобъ видно было, что во всѣхъ губерніяхъ губернскія и провинціальныя власти не производили дѣлъ по фискальскимъ доносамъ, а въ надворныхъ судахъ судьи оскорбляли фискаловъ, выражаясь, что „фискальство ничего не стоитъ“. Царь, по этому донесенію, приказалъ, чтобъ дѣла по доносамъ фискаловъ рѣшались, „безволокитно и съ самими фискалами обращались пріятно, безъ укоризны и поношенія“. Сознавая, что земскаго фискала санъ тяжелъ и ненавидимъ, царь угрожалъ наказаніемъ тѣмъ, которые станутъ наносить фискаламъ обиды и побои.

Фискаловъ не любили; народъ отъ нихъ отвращался, а власти не спѣшили приниматься за дѣла, ими *вчинаемыя;* однако вкусъ къ доносничеству очень распространился въ эту эпоху. Еще въ концѣ 1713 года послѣдовало уничтоженіе „слова и дѣла государева“; было постановлено, чтобъ никто не сказывалъ за собою „слова и дѣла“ подъ страхомъ разоренія и ссылки въ каторгу. Но измѣненіе было только въ формѣ; указомъ царскимъ было скоро послѣ того объявлено, что кто вѣдаетъ о замыслахъ противъ государя или о поврежденіи государственнаго интереса, тотъ можетъ смѣло объявлять самому царскому величеству, и если доносъ окажется справедливымъ, то движимое и недвижимое имущество будетъ отдано доносителю. За то щадившіе такихъ преступниковъ и недоносившіе на нихъ подвергались смертной казни. Старались подавать доносы лично царю не только о важныхъ, но даже и о пустыхъ дѣлахъ, и это Петру до того надоѣло, что въ январѣ 1718 года запрещено было подавать доносы царю;

только извѣщенія о злоумышленіи на жизнь государя или объ измѣнѣ государству позволялось подавать, но не лично самому царю, а караульному офицеру, находившемуся у дома его величества. О прочихъ дѣлахъ слѣдовало подавать челобитныя въ надлежащія судебныя мѣста. Челобитчики и доносчики все-таки, и послѣ такого указа, не давали государю нигдѣ покоя, и 22-го декабря 1718 года послѣдовалъ новый указъ, гдѣ было сказано: „хотя всякому своя обида горька и несносна, но притомъ всякому разсудить надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ, одна персона есть, и та всякими войнами и прочими несносными трудами объята, и хотя бы тѣхъ трудовъ не было, возможно-ли одному человѣку за такимъ множествомъ усмотрѣть? во-истину не точію человѣку, ниже ангелу". Далѣе Петръ объясняетъ, что прежде онъ былъ занятъ приведеніемъ войска въ порядокъ, теперь же трудится надъ земскимъ управленіемъ, и потому подтверждалъ подъ страхомъ наказанія, чтобъ его не безпокоили и не подавали просьбъ и доносовъ. Находились охотники волновать власть, которые подбрасывали анонимныя письма съ доносами. Въ одномъ изъ такихъ писемъ сочинитель его извѣщалъ, что онъ откроетъ себя, если получитъ на то дозволеніе, а въ знакъ дозволенія просилъ положить деньги въ городскомъ фонарѣ. Царь велѣлъ положить 500 рублей; деньги лежали болѣе недѣли, и никто за ними не явился. Тогда царь издалъ указъ, что всякій, кто подобное письмо найдетъ, не долженъ его распечатывать, а, объявивши постороннимъ свидѣтелямъ, обязанъ сжечь его на томъ мѣстѣ, гдѣ нашелъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ августѣ 1718 года Петръ приказалъ объявить, что, кромѣ церковныхъ учителей, всѣмъ запрещается, запершись у себя, писать письма, и если кто, зная о такомъ писательствѣ, не донесетъ, и изъ того выйдетъ что-нибудь дурное, тотъ отвѣчаетъ передъ закономъ наравнѣ съ возмутителями.

Малороссія по прежнему управлялась своимъ гетманскимъ строемъ, но гетманъ Скоропадскій, избранный по волѣ Петра послѣ измѣны Мазепы, находился въ бо́льшемъ подчиненіи у верховной власти, чѣмъ были прежніе гетманы. Не рѣдко, мимо гетмана и народнаго выбора, полковые старшины пріобрѣтали мѣста по волѣ царя. Тогда ни во-что ставили гетманскую власть и дозволяли себѣ много произвола. Жители малороссійскаго края были отягощаемы квартированіемъ драгунскихъ полковъ, такъ какъ правительство уже не слишкомъ довѣряло вѣрности малороссіянъ послѣ измѣны Мазепы и хотѣло даже держать на-готовѣ военныя силы для укрощенія возмутительныхъ попытокъ. Кромѣ Гетманщины, слободскіе козачьи полки пользовались до нѣкоторой

степени отдѣльною самостоятельностью противъ остальной Россіи. Они „по своей прежней обыкности“ выбирали должностныхъ лицъ или полковую старшину: полковника, судью, асаула, городничаго, полкового писаря и сотниковъ; всѣ эти чины владѣли маетностями, доставлявшими имъ доходы. Въ каждомъ полку была казна, въ которую сборами и изъ которой расходами завѣдывали сами козаки въ своихъ сходкахъ. Просьбы ихъ показываютъ, что козаки болѣе всего дорожили правомъ выбора старшинъ и просили правительство, чтобъ у нихъ не перемѣнялись безъ ихъ вѣдома выборные старшины.

Чтобы привязать къ Россіи Остзейскій край, Петръ въ 1712 году далъ жалованныя грамоты шляхетству и земству Лифляндіи и Эстляндіи, утверждалъ ихъ прежніе порядки въ краѣ: администрацію и судоустройство, но отказалъ дворянству въ такихъ требованіяхъ, которыя были противны интересу гражданъ. Такъ, напримѣръ, дворяне просили, чтобъ только лицамъ ихъ сословія предоставлено было право брать на аренды государственныя маетности. Петръ на это отвѣчалъ, что и другихъ гражданъ нельзя обидѣть. Не согласился Петръ на просьбу остзейскаго дворянства отнять безденежно у залогодателей тѣ дворянскія имѣнія, которыя шведская корона прежде отдавала мимо воли владѣльцевъ въ залогъ. Вообще въ столкновеніяхъ, которыя возникали между дворянскимъ и городскимъ сословіями, Петръ напоминалъ, что горожане такіе же его подданные, какъ и дворяне. Суровѣе относился въ это время Петръ къ мусульманскимъ владѣльцамъ имѣній казанской и азовской губерній. 3 ноября 1713 года, царскимъ указомъ предписывалось всѣмъ такимъ владѣльцамъ въ теченіи полугода креститься, а въ случаѣ ихъ несогласія принять крещеніе царь угрожалъ отобрать у нихъ помѣстья и вотчины съ крестьянами. Но 3 іюля 1719 г. состоялся указъ, которымъ запрещалось насильно крестить татаръ и другихъ иновѣрцевъ въ Восточной Россіи. Принявшимъ православіе давалась льгота на 3 года отъ всѣхъ податей, но это не должно было простираться на ихъ семьи, если они останутся въ иновѣріи до 1720 года.

Коренное русское дворянство, какъ служилое сословіе, предназначено было на всю жизнь для службы и пользовалось такими исключеніями передъ другими сословіями, которыя представляли не столько привилегіи, сколько обязанности. Тяжелымъ бременемъ ложилась государственная служба на дворянъ, но плохо исполнялись ими правительственныя распоряженія. Напримѣръ, въ октябрѣ 1714 года велѣно было всѣмъ дворянамъ собраться въ Петербургъ, на смотръ, съ дѣтьми и сродниками; никто не

явился. Отложили смотръ до марта 1715 года, и въ мартѣ явились немногіе. Срокъ отложился до сентября съ угрозами. Но и послѣ того много было непослушныхъ царскому указу, такъ что велѣно у неявившихся на смотръ отбирать имѣнія и отдавать ближнимъ ихъ сродникамъ.

Между тѣмъ въ мартѣ 1714 года состоялась важная перемѣна въ порядкѣ пріобрѣтенія дворянской собственности по наслѣдству. Петръ замѣтилъ, какъ и сказано въ указѣ, что раздѣленіемъ недвижимыхъ имуществъ послѣ умершихъ родителей между дѣтьми „великій есть вредъ, какъ интересамъ государственнымъ, такъ подданнымъ и самымъ фамиліямъ паденіе. Если у кого отецъ имѣлъ тысячу дворовъ, а одному изъ его пяти сыновей достанется двѣсти, и помня своего отца, сынъ хочетъ жить, какъ отецъ, то уже съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ. Подданныхъ двѣсти, служа господину, будутъ нести то, что̀ несли тысяча, и государственныя подати не могутъ исправно платиться, и оттого государственной казнѣ вредъ и людямъ подлымъ разореніе и знатныя фамиліи могутъ обѣднѣть до того, что сами однодворцами останутся. Наконецъ, каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государству, безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всякій уклоняться и жить праздностью, которая, по священному писанію, мать всѣхъ пороковъ“. Для исправленія такого замѣченнаго недостатка, царь указалъ: съ этихъ поръ, не продавать и не закладывать всѣхъ недвижимыхъ имѣній и дворовъ родовыхъ, выслуженныхъ и купленныхъ. Владѣлецъ можетъ предоставить ихъ въ наслѣдство одному изъ своихъ сыновей, а прочихъ надѣлить движимостью; тоже касалось и дочерей. Бездѣтный можетъ отдать свое недвижимое имѣніе одному изъ своего рода, кому захочетъ, а движимое предоставить, по усмотрѣнію, хотя бы и постороннему. Получающій по наслѣдству послѣ родителей недвижимое имѣніе долженъ сохранить движимость своихъ братьевъ и сестеръ до ихъ совершеннолѣтія—мужского пола до 17-ти лѣтъ, женскаго до 16-ти,—и учить всѣхъ грамотѣ, а мужского пола родныхъ, сверхъ грамоты,—и цифири. По окончаніи ихъ обученія, онъ долженъ каждому дать часть, не зачитая въ свою пользу издержекъ, употребленныхъ на ихъ воспитаніе и содержаніе. Дѣвица, достигшая 18-ти лѣтъ, можетъ отойти отъ брата; вступая въ бракъ, она передаетъ мужу обязанность принять фамилію жены, если въ ея родѣ не останется лицъ мужского пола. При вторичныхъ бракахъ, дѣти, рожденные отъ нихъ, наслѣдуютъ имущество только своихъ родителей. Постано-

влено дворянамъ, по этому закону, не получившимъ отъ родителей недвижимаго имѣнія, не ставить въ безчестіе занятія какимъ-нибудь ремесломъ, торговлею или вступленіе въ духовное званіе.

Нельзя не признать, что побужденія, руководившія царемъ при изданіи этого закона, клонились, главнымъ образомъ, не къ распространенію барскаго дармоѣдства, а скорѣе къ тому, чтобы заставить людей дворянскаго происхожденія жить честнымъ трудомъ и посвящать себя полезнымъ занятіямъ. Дворяне издавна имѣли обычай, по примѣру крестьянъ, прятать свои деньги и сокровища, а иные даже—зарывать въ землю; только въ послѣднее время, когда посылки дворянъ за-границу начали знакомить ихъ съ европейскими обычаями, иные дворяне стали помѣщать свои деньги въ иностранныхъ банкахъ. Капиталы, такимъ образомъ, оставались совсѣмъ непроизводительными или мало производительными. Петръ хотѣлъ доставить возможность обращенія этихъ капиталовъ, и для того пересоздать дворянство: кромѣ старшихъ сыновей, наслѣдовавшихъ отцовское имѣніе, другіе, получивши, вмѣсто недвижимыхъ имуществъ, капиталы, должны были, ради средствъ къ жизни, пуститься на какія-нибудь дѣятельныя предпріятія. Но опытъ скоро показалъ, что нельзя легко измѣнять того, что́ укоренено въ народныхъ правахъ и освящено многовѣковыми привычками. Маіоратство, несмотря на стараніе Петра ввести его, не привилось къ русской жизни.

Петру не по-сердцу былъ укоренившійся въ русскомъ дворянствѣ обычай — продавать своихъ крѣпостныхъ людей, какъ скотовъ, разрознивая семейства, разлучая дѣтей съ родителями, братьевъ и сестеръ другъ отъ друга, „отчего не малый вопль бываетъ“. Государь еще не домыслился до того, чтобы уничтожить совершенно куплю и продажу людей въ своемъ государствѣ, но, по крайней мѣрѣ, постановилъ не разрознивать семействъ продажею.

Нѣкоторые, пользуясь своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, ограничивались службою въ низшемъ солдатскомъ чинѣ только нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль, а потомъ проходили службу въ офицерскихъ чинахъ; у дворянъ возникъ такой взглядъ, что, по своему происхожденію, должны исправлять на службѣ только начальническія должности. Въ 1714 году Петръ указалъ отнюдь не производить въ офицерскіе чины тѣхъ лицъ, которыя, опираясь на свою дворянскую породу, вовсе не служили солдатами; то же подтверждено указомъ 1 января 1719 г. Въ концѣ 1720 года оберъ-офицерамъ, происходящимъ не изъ дворянъ, велѣно выдать патенты на дворянское достоинство и

считать дворянами ихъ дѣтей и все ихъ потомство. Такимъ образомъ, хотя дворянское происхожденіе не теряло признаваемаго за ними достоинства, но достиженіе дворянскаго званія службою становилось открытымъ. Въ служебныхъ отношеніяхъ Петръ, предоставляя дворянамъ, какъ родившимся въ этомъ званіи, такъ и пріобрѣвшимъ его службою, начальническія должности, ограждалъ подначальныхъ и отъ ихъ произвола. Штабъ- и оберъ-офицерамъ запрещалось брать рядовыхъ въ услуженіе, исключая деньщиковъ, но и тѣхъ слѣдовало брать въ ограниченномъ числѣ и не обращаться съ ними жестоко. Въ видахъ огражденія мирныхъ обывателей отъ своевольства военныхъ людей, запрещалось военнымъ чинамъ занимать самовольно квартиры, насильно оставаться у хозяевъ и переходить со двора на дворъ.

Петръ заботился дать образованіе дворянамъ больше чѣмъ другимъ сословіямъ. Такъ, въ 1712 г. положено было, чтобъ въ инженерской школѣ, въ которой предписывалось учить геометріи и фортификаціи настолько, насколько нужно было для инженеровъ, двѣ трети учащихся было изъ дворянскихъ дѣтей. Въ 1714 году велѣно разослать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ математическихъ школъ учить дворянскихъ дѣтей цифири и геометріи. Архіереи не должны были давать вѣнечныя памяти дворянамъ, желающимъ вступить въ бракъ, если они не выучатся. Любя до страсти мореплаваніе, Петръ предположилъ завести морскую академію, также преимущественно для дворянскихъ дѣтей,—и въ октябрѣ 1715 г. начерталъ для ней инструкцію. Въ этой академіи положено было учить: ариѳметикѣ, геометріи, фортификаціи, навигаціи, артиллеріи, географіи, рисованію, живописи, воинскому обученію, фехтованію и нѣкоторымъ свѣдѣніямъ изъ астрономіи. Для этого царь велѣлъ прибрать способныхъ учителей для обученія такимъ наукамъ, которыя окажутся нужными. Для надзора надъ учителями и школьниками выбиралось особое лицо, а для перевода книгъ, необходимыхъ для морскихъ наукъ, назначался переводчикъ. По извѣстію одного иностранца, не было въ Россіи ни одной знатной фамиліи, изъ которой не находилось бы юношей отъ 16—18 лѣтъ въ этой академіи. Вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ того же года, именнымъ указомъ, велѣно мальчиковъ дворянскаго званія, отъ десяти лѣтъ и выше, посылать въ Петербургъ для обученія морскому дѣлу, а въ чужіе края болѣе не посылать. Но въ слѣдующемъ, 1716 году, государю сдѣлалось извѣстно, что въ Венеціи и во Франціи желаютъ принять русскихъ людей въ морскую службу. Петръ приказалъ собрать мальчиковъ дворянскаго званія и послать въ Ревель, а

оттуда отправить ихъ партіями — въ 20 человѣкъ, моремъ или сухопутьемъ, въ Венецію, Францію и Англію, чтобъ эти молодые люди ознакомились и освоились съ морскимъ дѣломъ.

9-го декабря 1720 года, Петръ командировалъ, для составленія ландкартъ, изъ своей морской академіи по нѣскольку человѣкъ въ губерніи, съ жалованіемъ по шести рублей въ мѣсяцъ.

Сознавая пользу знанія нѣмецкаго языка для Россіи, въ январѣ 1716 года царь приказалъ отправить въ Кёнигсбергъ отъ 30 до 40 молодыхъ подъячихъ, 15—20 лѣтъ возраста, для изученія нѣмецкаго языка, съ надзирателями, которые должны были наблюдать, чтобы посланные дѣйствительно учились, а не гуляли. Государь сознавалъ потребность имѣть людей, свѣдущихъ и въ восточныхъ языкахъ, а потому, въ томъ же году и мѣсяцѣ, приказалъ изъ московскихъ школъ выбрать пять способныхъ юношей и отправить ихъ въ Астрахань, къ губернатору Волынскому, для обученія ихъ турецкому, персидскому и арабскому языкамъ.

Давая дворянскому званію преимущество передъ прочими сословіями въ дѣлѣ образованія, Петръ, однако, показывалъ желаніе, чтобъ и во всѣхъ слояхъ общества распространялось ученіе, и, сообразно своему характеру, прибѣгалъ для этого къ принудительнымъ мѣрамъ. Еще въ 1714 и 1716 годахъ именными царскими указами велѣно было дѣтей всякаго чина людей, кромѣ дворянъ, отъ 10 до 15 лѣтъ, учить грамотѣ, цифири и нѣсколько геометріи. Для этой цѣли изъ математическихъ школъ послано было по два человѣка въ губерніи. Имъ велѣно отвести помѣщеніе въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Ученіе полагалось безплатнымъ, но, по окончаніи ученія, при выдачѣ свидѣтельствъ, учитель имѣлъ право брать по рублю за каждаго ученика. Безъ такого учительскаго свидѣтельства нельзя было жениться. Но прошло около трехъ лѣтъ. Завѣдывавшіе школами писали донесенія, что, вопреки царскому указу, родители не присылаютъ дѣтей для обученія. Новые указы царь писалъ о высылкѣ учениковъ. Въ 1720 году поступила къ царю челобитная отъ посадскихъ людей: каргопольцевъ, устюжанъ, вологжанъ и калужанъ. Они жаловались, что у нихъ насильно берутъ дѣтей, везутъ въ города и держатъ въ тюрьмахъ за карауломъ. Дѣти ничему не учатся и только теряютъ время; „а дѣти у насъ“, говорили они, „дома смолоду пріучаются сидѣть за прилавкомъ и посылаются со старшими по купеческимъ дѣламъ. Если у насъ будутъ забирать дѣтей, то промыслы упадутъ и въ казенныхъ поборахъ будетъ остановка; обучать же дѣтей мы можемъ и дома“.

Царь, разсуд[illegible]ъ, что, въ самомъ дѣлѣ, при такой мѣрѣ, станутъ его подданные находить благовидную отговорку въ невозможности платить казенные налоги, запретилъ забирать у посадскихъ людей дѣтей для ихъ обученія.

На затѣи государя, касавшіяся народнаго воспитанія и перестройки Россіи на западно-европейскій ладъ, имѣло вліяніе знакомство со знаменитыми въ Германіи учеными Лейбницомъ и Христіаномъ Вольфомъ. Съ Лейбницомъ Петръ познакомился въ 1711 году въ Торгау, и съ тѣхъ поръ до самой смерти нѣмецкаго ученаго велъ съ нимъ письменныя сношенія. Пожалованный Петромъ въ званіе тайнаго совѣтника, съ жалованіемъ 1000 рейхсталеровъ въ годъ, Лейбницъ присылалъ Петру и разнымъ его любимцамъ всякаго рода преобразовательные проекты. Этотъ ученый первый подалъ Петру мысль ввести въ Россіи коллегіальное управленіе для всѣхъ отраслей государственнаго управленія, съ тою разницей, что въ числѣ коллегій Лейбницъ предполагалъ завести ученую коллегію, которая не была учреждена. Лейбницу принадлежитъ также мысль о введеніи въ Россіи чиновной лѣстницы, осуществленной Петромъ впослѣдствіи въ табели о рангахъ. Лейбницъ подалъ царю совѣтъ собирать и сохранять письменные и вещественные памятники древности, послать экспедицію для открытія пролива между Азіей и Америкой, устроить постоянныя сношенія Россіи съ Китаемъ, снаряжать ученыя путешествія для географическихъ и физическихъ открытій, учредить въ Россіи высшее учебное заведеніе или университетъ, подъ названіемъ академіи. Хотя это предположеніе не осуществилось, но безъ сомнѣнія оказало свое вліяніе тѣмъ, что впослѣдствіи Петръ, уже передъ концомъ своей жизни, учредилъ академію въ [illegible]ѣ ученаго сонмища. Галльскій, а потомъ марбургскій, профессоръ Христіанъ Вольфъ, извѣстный въ свое время математикъ, началъ сношенія съ Петромъ черезъ петрова врача Блументроста въ 1718 году, по поводу одного шарлатана, обратившагося къ Петру съ заявленіемъ, что онъ выдумалъ вѣчно движущуюся машину (perpetuum mobile). Оставивъ вопросъ о машинѣ въ сторону, Петръ, при посредствѣ Блументроста, до своей смерти находился въ сношеніяхъ съ Вольфомъ по поводу проекта объ основаніи академіи и убѣждалъ Вольфа поступить на русскую службу, но послѣднее не состоялось.

Въ 1720 году Петръ положилъ начало и русской археологіи. Во всѣхъ епархіяхъ приказалъ онъ изъ монастырей и церквей собрать старинныя грамоты, историческія рукописи и старо-

печатныя книги. Губернаторамъ, вицегубернаторамъ и провинціальнымъ властямъ, велѣно все это осмотрѣть, разобрать и списать. Мѣра эта не оказалась удачною, и впослѣдствіи Петръ, какъ увидимъ, измѣнилъ ее.

Торговля и промыслы по прежнему направлялись такъ, чтобы сдѣлаться источникомъ для казенной прибыли. Въ 1713 году людямъ всякихъ чиновъ дозволено было свободно вести торговлю; только крестьяне, торговавшіе въ Москвѣ, платя десятую деньгу и неся налоги наравнѣ съ прочими московскими посадскими, занимавшимися торговлею, не были изъяты отъ платежа налоговъ, платимыхъ крестьянами волостей, гдѣ они были приписаны.

Царь хотѣлъ, во что бы то ни стало, направить главный торговый путь на Петербургъ, и въ октябрѣ 1713 года указалъ: всѣмъ торговымъ людямъ возить пеньку, юфть, икру, клей, смолу, щетину, ревень, слѣдуемые за границу, не въ Вологду и не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ. Для всеобщаго свѣдѣнія, велѣно было это объявленіе прибить во всѣхъ церквахъ. Такое распоряженіе отозвалось тягостью на торговыхъ людяхъ, и они, въ поданной царю челобитной, умоляли отмѣнить этотъ законъ и дозволить по прежнему возить товары въ Архангельскъ; у нихъ, представляли они, съ иноземцами были тамъ прежнія долговыя обязательства, которыхъ нельзя было иначе покончить, какъ выручкой съ товара; въ Вологдѣ жили три иноземные купца, занимавшіеся очищеніемъ привозимой въ Архангельскъ пеньки и содержали для этой цѣли до 25,000 русскихъ рабочихъ, которые должны были остаться безъ работы, если торговый путь для пеньки измѣнится. Притомъ пенька, шедшая за границу, родилась преимущественно въ областяхъ, болѣе близкихъ къ Архангельску, чѣмъ къ Петербургу; вдобавокъ мѣстность Петербурга была такого свойства, что пенька, пролежавши тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, легко подвергалась порчѣ. По этимъ представленіямъ, въ мартѣ 1714 г. царь дозволилъ возить изъ Твери пеньку въ Архангельскъ; въ 1715 году изъ всѣхъ товаровъ, показанныхъ прежде для отвоза въ Петербургъ, дозволилъ половину везти въ Архангельскъ, другую непремѣнно въ Петербургъ, и продавать иноземцамъ, за ихъ деньги, а русскихъ денегъ отъ нихъ не брать, потому что тогда стали распространять по Россіи привезенную изъ-за границы фальшивую мелкую русскую монету.

Десятаго декабря 1718 года уничтожена была казенная продажа товаровъ, исключая поташа и смольчуга, оставленныхъ ради сбереженія лѣсовъ; всѣ же остальные товары, прежде исключи-

тельно казенные, могли продаваться свободно, съ уплатою обыкновенныхъ пошлинъ, а въ октябрѣ опубликованъ былъ тарифъ всѣмъ товарамъ. Ради развитія торговли, государь, 10 ноября 1720 года, отмѣнилъ прежнюю 5% пошлину съ товаровъ и установилъ 3% для петербургскаго порта; въ другихъ же портахъ, съ русскихъ торговцевъ, при отпускѣ товаровъ за границу, по прежнему взималась половинная пошлина противъ той, которая была установлена съ иноземцевъ—по 30-ти алтынъ за ефимокъ и непремѣнно иностранными деньгами, какъ платили иноземцы. Если у торговыхъ людей привознаго товара было на такую же сумму денегъ, на какую въ отпускѣ, то они освобождались отъ всякой пошлины. Русскій торговецъ подъ опасеніемъ штрафа не долженъ былъ отпускать за границу иноземныхъ товаровъ и вывозить ихъ въ одну изъ россійскихъ пристаней. Законъ угрожалъ потерею всего имущества тому, кто бы дозволилъ подъ своимъ именемъ торговать другому лицу, а иностранцамъ, которые бы стали вести въ Россіи торговлю подъ именемъ какого-нибудь русскаго торговца, сверхъ того,—потерею его кораблей и немедленною высылкою за-границу. Иноземные торговцы должны были жить въ Россіи непремѣнно по паспортамъ, и получившіе паспорты на выѣздъ изъ Россіи обязаны были уѣзжать въ опредѣленный закономъ срокъ. Въ 1721 году сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы отпускать товары черезъ Ригу и Архангельскъ только изъ близкихъ по мѣстоположенію къ этимъ портамъ краевъ, а изъ всѣхъ прочихъ непремѣнно въ одинъ Петербургъ. Совершеніе контрактовъ между русскими и иностранными торговцами дозволялось только для петербургскаго порта, а для другихъ портовъ запрещалось.

Торговля съ Малороссіею, производившаяся сухопутьемъ или по рѣкамъ, оставалась въ прежнемъ положеніи. Бѣлгородскій воевода получилъ царское приказаніе не стѣснять торговыхъ людей и покровительствовать имъ, но обязывать ихъ не сноситься съ Запорожьемъ. У грековъ и армянъ, ѣздившихъ съ товарами и для покупки русскихъ товаровъ черезъ южную Россію, отбиралось все иностранное серебро и золото, и выдавались имъ русскія деньги, но ввозить русскія деньги вмѣстѣ съ иностранными запрещалось. Малороссіянамъ запрещалось привозить въ Великороссію вино и табакъ, если только то и другое не привозилось по казеннымъ подрядамъ. Таможенныя пошлины отдавались въ Малороссіи, какъ и въ Великороссіи, на откупъ охочимъ людямъ, съ предоставленіемъ въ пользу ихъ всего утаеннаго на таможнѣ и воспрещаемаго закономъ ко ввозу въ Россію.

Для развитія торговли въ Россіи учреждались ярмарки. Такъ, въ 1717 году учреждена была въ кіевской губерніи знаменитая Свинская ярмарка и, около того же времени, установлена должность гофмаклера, обязаннаго на ярмаркѣ надзирать за покупкой и продажей казенныхъ товаровъ, для соблюденія казеннаго интереса. Въ мартѣ 1720 г. была возобновлена въ Ригѣ ярмарка, прекратившаяся во время войны; она отправлялась съ десятаго іюня по іюль.

Торговля съ Персіей, важная въ XVII вѣкѣ, ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ царь стремился направить дѣятельность торговыхъ людей на Западъ. Притомъ, при поѣздкахъ въ Персію, русскіе купцы подвергались безпрестанно непріятностямъ и разореніямъ. Въ Россіи на пути ихъ безпокоили воры и разбойники, въ Персіи они терпѣли отъ персидскихъ начальниковъ, которые брали у нихъ насильно товары даромъ или назначая малую цѣну. Русскіе люди обращались къ персидскому суду, а персидскіе мѣстные судьи брали съ нихъ взятки. Было и то неудобство, что иные персіяне покупали у русскихъ товары въ долгъ и, продержавши значительное время, возвращали ихъ назадъ. Торговля русскихъ съ Персіею была мѣновая, главнымъ образомъ на шелкъ сырецъ, и по своему свойству подавала частые поводы къ недоразумѣніямъ. Въ іюлѣ 1717 года русскій посолъ Волынскій заключилъ съ персидскимъ министромъ договоръ, ограждавшій купцовъ отъ подобныхъ злоупотребленій. Въ случаѣ крушенія какого-нибудь русскаго судна на Каспійскомъ морѣ персіяне, по этому договору, обязаны были возвратить найденный грузъ хозяину судна. Въ декабрѣ 1720 года, для покровительства русской торговли съ Персіей, учреждены: въ Испагани—главный русскій консулъ, а въ Шемахѣ — подвѣдомственный ему вице-консулъ. Они должны были собирать разныя свѣдѣнія, относящіяся къ торговлѣ, выдавать паспорты русскимъ, свидѣтельствовать ихъ обязательства, завѣщанія и всякія сдѣлки между собою, въ случаѣ смерти русскаго торговаго человѣка въ Персіи, описывать и сохранять его достояніе, для передачи наслѣдникамъ, а главное—чинить русскимъ торговымъ людямъ вспоможеніе совѣтомъ и дѣломъ.

Хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ при Петрѣ, какъ издавна въ Россіи, въ ряду сырыхъ продуктовъ, былъ одною изъ главныхъ статей туземнаго производства и торговли. Вывозъ его за границу то допускался во всѣ порты, то воспрещался, смотря по относительному урожаю или неурожаю; такъ, напр., въ 1713 году цѣна его въ Россіи упадала ниже рубля за четверть ржи, и прави-

тельство не только дозволяло, но побуждало отправлять его за границу, а весною 1717 г. запретило вывозъ, когда цѣна его поднялась до двухъ рублей за четверть; но въ іюнѣ того же года, когда блеснула надежда на урожай, оно снова дозволило вывозъ. Петръ думалъ и объ улучшеніи земледѣльческаго производства въ своемъ государствѣ. Въ 1721 году, узнавши, что въ Остзейскомъ краѣ и въ Пруссіи поселяне, вмѣсто серповъ, снимаютъ хлѣбъ съ полей косами, съ прикрѣпленными къ нимъ граблями, царь приказалъ разослать по губерніямъ образцы такихъ косъ и предписалъ губернаторамъ находить смышленыхъ поселянъ и разсылать ихъ по мѣстамъ, гдѣ лучше родится хлѣбъ, чтобы пріучать народъ къ иноземному способу уборки хлѣба. „Сами знаете", писалъ Петръ въ своемъ указѣ, „что добро и надобно, а новое дѣло-то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ".

Пенька, отпускаемая за границу, составляла до декабря 1718 г. казенное достояніе. Довѣренные отъ правительства люди скупали ее по Россіи, для отправки въ чужіе края; напр., въ 1712 г. одно такое довѣренное лицо скупало пеньку въ украинныхъ городахъ, платя по 2 р. за берковецъ, а продана была эта пенька иностранцамъ по 6 р. за берковецъ. На размноженіе льняныхъ и пеньковыхъ промысловъ въ Россіи царь обратилъ вниманіе въ концѣ 1715 г. Замѣчено было, что льномъ промышляли главнымъ образомъ во Псковѣ и Вязникахъ, а пенькою въ Брянскѣ. Сдѣлано распоряженіе, чтобы тѣ хозяева, которые сѣяли четверть льна и пеньки, присѣвали еще четверть, а гдѣ не было обычая сѣять эти растенія, тамъ приказано было обучать крестьянъ и объявить о томъ всенародно, объясняя, что это дѣлается для всеобщей пользы и для благосостоянія жителей. Пенька, по изобилію вывоза, составляла одну изъ главныхъ статей вывозной торговли, но въ 1716 году отъ англичанъ послѣдовала жалоба на русскихъ купцовъ, что послѣдніе, при продажѣ пеньки, мѣшаютъ съ хорошею пенькою худую, и это побудило царя всенародно объявить, что впередъ, за такое воровство, виновныхъ постигнетъ смертная казнь. Въ 1718 году устроены такъ-называемые браковщики (т.-е. повѣрщики) по торговлѣ льномъ, пенькою, саломъ, воскомъ и юфтью, и учреждены правила для провѣрки. Табакъ въ торговлѣ принадлежалъ къ казеннымъ товарамъ, исключая турецкаго курительнаго и всякаго нюхательнаго, и тотъ и другой продавались свободно. Туземный табакъ главнымъ образомъ производился въ Малороссіи и подвергался строгому надзору, однако, его все-таки развозили повсюду и куривали; на

одну копѣйку табака въ Малороссіи, можно было продать его въ Москвѣ на 8 копѣекъ.

Объ огородничествѣ и хозяйственномъ садоводствѣ встрѣчаются распоряженія только относительно Астрахани. Въ 1720 году царь указалъ завести въ Астрахани аптекарскіе огороды и привозить изъ Персіи разныя деревья и травы, а изъ виноградныхъ садовъ, существовавшихъ въ Астрахани, дѣлать вино. Одинъ французскій выходецъ, посланный Петромъ въ Астрахань, развелъ тамъ 7 сортовъ французскаго винограда и предлагалъ проектъ завести въ астраханскомъ краѣ шелковичное производство. Но страшныя засухи, которыми страдаетъ постоянно астраханскій край, препятствовали разведенію въ немъ всякой садовой растительности. Только въ тѣ годы, когда Волга широко разливалась и затопляла побережье, доставлялись оттуда всякаго рода садовые плоды и бакчевныя овощи.

Въ видахъ доставки въ войско лошадей, приказано было заводить конскіе заводы въ губерніяхъ азовской, казанской и кіевской, и для этой цѣли выписывать жеребцовъ изъ Пруссіи и Силезіи. Всѣхъ доморощенныхъ лошадей по Россіи, велѣно было переписать и брать съ каждой лошади, кромѣ крестьянскихъ, по гривнѣ въ казну. Желая имѣть собственныя шерстяныя издѣлія, Петръ въ 1716 году выписалъ изъ-за границы 20 овцеводовъ и послалъ ихъ въ Казань, чтобъ ознакомить русскихъ со стрижкою овецъ и съ обработкою шерсти. Рыбные промыслы производились на Каспійскомъ и на Бѣломъ морѣ; царь указалъ ловить въ Астрахани осетровъ и стерлядей и отпускать за море; китовый, моржевой и тресковый промыслы на Бѣломъ морѣ были отданы въ компанію (октября 30-го 1721 г.) гостиной сотни Матвѣю Евреинову и его потомкамъ, на 30 лѣтъ.

Соляная продажа была въ вѣдомствѣ казны, и для этого изъ разныхъ городовъ, гдѣ было достаточно купеческаго сословія, велѣно было высылать по два человѣка для казенной торговли солью. Замѣчали, что прежде въ Русскомъ государствѣ было болѣе соляныхъ промысловъ, чѣмъ при Петрѣ. Въ послѣднее время оставались соляные промыслы въ трехъ мѣстахъ: строгоновскіе, доставлявшіе казнѣ съ пошлинъ, взимаемыхъ по 1 коп. съ пуда—20,000 рублей, сибирскіе — вообще для казеннаго дохода мало значительные, и бахмутскіе, доставлявшіе казнѣ до 30,000 годового дохода съ пошлинъ. Возка соли составляла повинность, часто отяготительную для народа. Въ 1721 году одинъ ландратъ съ капитаномъ, прибывши въ Харьковъ, сдѣлалъ нарядъ привезти 24,092 пуда бахмутской соли. Принуждали жителей ѣздить за

этой солью. Хлѣбъ не убирался, сѣно оставалось нескошеннымъ, а начальство, подъ предлогомъ отправки людей для провожанія соли, привозимой съ завода, употребляло ихъ на свои работы. Привезенная соль продавалась въ Харьковѣ назначенными для этого головами и цѣловальниками по 8 грив. за пудъ, тогда какъ въ другихъ слободскихъ полкахъ ее продавали за пудъ по три алт. 2 деньги. Царскій указъ оградилъ жителей харьковскаго полка, указавши имъ покупать соль на бахмутскихъ и певаковскихъ заводахъ, по указной цѣнѣ. Въ 1718 году по соляной продажѣ происходило дѣло князя Мосальскаго; онъ былъ обвиненъ въ утайкѣ 80,000 рублей. Его приговорили къ смерти; но князь, не дождавшись дня казни, умеръ самъ и былъ на-скоро погребенъ. Петръ, узнавши объ этомъ, приказалъ отрыть его тѣло и повѣсить на висѣлицѣ.

Къ исключительному достоянію царской торговли принадлежали товары, носившіе названіе сибирскихъ; это были: мѣха всякаго рода, рыбья кость и произведенія Китая, какъ естественныя, такъ и фабричныя, между прочимъ и китайское золото. Между Сибирью и областями европейской Россіи устроивались караулы съ тѣмъ, чтобы не допускать тайно привозившихъ изъ Сибири эти товары, но при огромномъ протяженіи контрабанда была неизбѣжна. Путешественники запрятывали товары, особенно золото, въ колесныя шины, въ санные подрѣзы, во внутренности рыбъ, привозимыхъ изъ Сибири, а другіе получали отъ губернатора паспорты на право отъѣзда изъ Сибири безъ права осмотра, и этимъ, между прочимъ, отличался князь Гагаринъ въ числѣ другихъ, допущенныхъ имъ, злоупотребленій.

Кожевенное и особенно юфтяное производство издавна были въ ходу на Руси. Заграничный отпускъ до конца 1718 г принадлежалъ казнѣ. Посылали довѣренныхъ лицъ скупать юфть по Россіи: въ 1716 году, напримѣръ, изъ сената отправили купчину по всѣмъ городамъ купить сто тысячъ пудовъ юфти, заплативъ по четыре рубля за пудъ, и свезти ее въ Архангельскъ, гдѣ продать иноземнымъ купцамъ на векселя. Петръ замѣтилъ, что русская юфть дѣлается съ дегтемъ и расползается отъ мокроты. Онъ приказалъ выслать изъ Ревеля въ Москву иноземныхъ мастеровъ, умѣвшихъ дѣлать юфть съ ворваньимъ саломъ. Затѣмъ, изъ разныхъ городовъ приказано выслать въ Москву русскихъ кожевниковъ, для обученія искуству выдѣлывать юфть на иностранный образецъ. Назначенъ двухгодичный срокъ до 1718 года, и если кто послѣ этого срока станетъ продавать юфть, выдѣланную по старинному русскому способу, того велѣно ссылать на каторгу и конфиско-

вать его имущество; указъ о томъ же повторенъ въ 1718 году. Въ маѣ 1717 года изъ разныхъ городовъ велѣно было прислать въ Москву мастеровыхъ людей, для обученія ихъ кожевенному ремеслу, въ видахъ распространенія и улучшенія его въ Россіи. Съ этою же цѣлію, царь предписалъ отправить по два человѣка иноземныхъ мастеровъ въ кіевскую и азовскую губерніи. Узнавши, что Астраханскій край производитъ въ изобиліи рогатый скотъ, Петръ приказалъ тамошнихъ быковъ не продавать на сторону, но рѣзать, и снимая съ нихъ кожи, отправлять въ Казань для выдѣлки.

Поташные заводы были отданы на откупъ Саввѣ Грузинскому и Карлу Гутфелю, для исключительной продажи въ Архангельскѣ иностранцамъ въ пользу казны. Достояніемъ казны была также и селитра, которая выдѣлывалась главнымъ образомъ въ Малороссіи, куда посылались купцы заводить селитренные заводы, съ обязанностью никуда не поставлять селитры, кромѣ казны. Съ такимъ же условіемъ въ іюнѣ 1714 года данъ былъ указъ о распространеніи селитреннаго промысла въ Малороссіи.

Винокуреніе объявлено было въ 1716 году свободнымъ для людей всякихъ чиновъ съ платежемъ пошлинъ въ казну. Каждый могъ приготовлять вино для себя и въ подрядъ, но объявляя губернаторамъ, вице-губернаторамъ и ландратамъ: сколько кубовъ и казанцевъ хочетъ выкурить. Кубы и казанцы приказано привозить въ городъ, измѣривать въ 8-ми вершковое ведро и налагать на нихъ клейма; со всякаго ведра взималась пошлина, по полуполтинѣ въ годъ. Годичный доходъ, доставляемый въ казну, простирался до милліона: тогда помѣщики и ихъ приказчики, имѣя право курить вино, не должны были дозволять этого своимъ крѣпостнымъ крестьянамъ и не давать послѣднимъ господскаго вина ни за деньги, ни даромъ подъ опасеніемъ штрафа 50 рублей.

Петръ далъ въ мартѣ 1718 г. десятилѣтнюю привилегію московскому купцу Вестову, на устройство сахарнаго завода, съ правомъ учредить компанію и набирать въ нее кого хочетъ. Ему давалась на три года льгота, безпошлинно привозить сахарный сырецъ изъ-за границы и безпошлинно торговать своимъ сахаромъ въ головахъ. Кромѣ того, дано было обѣщаніе: если заводъ умножится, то вовсе запретить привозъ сахара изъ-за границы. И дѣйствительно, 20-го апрѣля 1721 г. ввозъ сахара изъ-за границы совсѣмъ былъ запрещенъ.

Рудокопство и обработка металловъ вѣдались въ приказѣ рудныхъ дѣлъ, находившемся въ Петербургѣ, куда въ мартѣ 1716 года потребованы были изъ губерній всѣ мастера и ученики,

кромѣ опредѣленныхъ при дѣлахъ въ губерніяхъ; губернаторамъ вмѣнено въ обязанность содѣйствовать къ отысканію рудъ въ управляемыхъ ими губерніяхъ. Въ с.-петербургской губерніи искать рудъ, жемчугу и красокъ поручено было Вельяшеву съ правомъ нанимать рабочихъ, и если они не шли, то брать ихъ неволею, давая по три рубля въ сутки. При Петрѣ въ первый разъ обращено было вниманіе на золотой песокъ въ Сибири, по донесенію сибирскаго губернатора князя Гагарина (на рѣкѣ Гаѣ, близъ калмыцкаго городка Еркета). Царь велѣлъ употребить въ дѣло шведскихъ плѣнныхъ инженеровъ для исканія и промыванія золотаго песка.

Швеція славилась процвѣтаніемъ кузнечнаго ремесла. Зналъ это Петръ, и указалъ выбрать изъ плѣнныхъ шведовъ и выслать по два человѣка въ губерніи для обученія кузнечному дѣлу русскихъ. Изъ русскихъ людей, отличившихся въ этой области труда и замѣченныхъ Петромъ, первое мѣсто занимаетъ тулянинъ Никита Демидовъ. Въ апрѣлѣ 1715 г. подрядился онъ ставить въ Петербургъ желѣзо изъ сибирскихъ заводовъ—полосное по 15-ть алтынъ за пудъ, а восьмигранное, тонкое въ дюймъ, по 16-ти алтынъ. Царь предписалъ выслать ему мастеровъ съ Олонца. Во время провоза въ Петербургъ желѣза, Демидовъ освобождался отъ всякихъ провозныхъ пошлинъ и, за поставкою въ казну, имѣлъ право продавать свое желѣзо во всѣхъ русскихъ городахъ, только не татарамъ и не уѣзднымъ инородцамъ.

Царь по всей Россіи приказывалъ обучать молодыхъ людей ружейному, замочному и сѣдельному мастерствамъ. По усмотрѣнію губернаторовъ, этихъ молодыхъ людей отправляли на заводы, собирая съ жителей деньги на провіантъ и одежду имъ, и по обученіи разсылали ихъ по полкамъ. Но черезъ годъ съ небольшимъ, по изданіи этого указа, оказалось, что большая часть рабочихъ разбѣгалась.

Въ 1716 году, въ январѣ сдѣлано распоряженіе объ исканіи во всѣхъ губерніяхъ красокъ, при чемъ разосланы были реестры и цѣны существующимъ краскамъ, получавшимся изъ-за границы. Іюля 23-го 1718 года дана привилегія Садовой слободы жителю Павлу Васильеву — дѣлать и доставлять въ адмиралтейство, въ числѣ 20-ти пудовъ въ годъ, *краски бакана;* привозъ изъ-за границы того же матеріала былъ воспрещенъ. Въ томъ же году дана была привилегія Соловьеву и купцамъ Томиловымъ на заводъ купороснаго масла и острой водки.

Для выдѣлки бумаги, въ апрѣлѣ 1714 года, Петръ приказалъ доставлять въ Петербургъ сухопутьемъ и водою негод-

ный холстъ и лоскутья, за которые велѣлъ платить по восьми денегъ за пудъ. Въ 1719 году бумага разныхъ родовъ дѣлалась на бумажной Дудоровской мельницѣ и доставлялась въ адмиралтейство, откуда и продавалась на книжное печатаніе въ типографіи и на письменное производство во всѣ коллегіи, канцеляріи и аптеки. Въ реестрѣ, подписанномъ самимъ государемъ, высшій сортъ рисовальной бумаги оцѣненъ въ шесть рублей шестнадцать алтынъ четыре деньги за стопу. Затѣмъ, хорошіе сорта бѣлой бумаги, измѣряемой картузами и патронами, цѣнились за стопу отъ пяти до двухъ рублей восьми алтынъ четыре деньги въ картузахъ. Писчая бумага продавалась въ стопахъ, отъ рубля до рубля шести алтынъ за стопу. Большіе толстые листы продавались дестями: отъ шести алтынъ четыре деньги до шестнадцати алтынъ четыре деньги за десть.

Полотняный промыселъ въ Россіи Петръ засталъ въ крайне-первобытномъ состояніи, хотя изобиліе пеньки и льна указывало, что если гдѣ, то въ этой странѣ, при трудолюбіи и умѣньи жителей, этотъ промыселъ могъ процвѣтать. Въ іюнѣ 1714 года дозволено было завести полотняную фабрику иностранцу Тимерману, съ правомъ продажи своихъ полотенъ какъ въ Россіи, такъ и за моремъ, но съ платежемъ пошлинъ. Въ 1718 году, 26-го января заведена компанія (Алексѣй Нестеровъ, Борисъ Карамышевъ, Иванъ Зубковъ, Аникіевъ, Цимбальниковъ и Турчаниновъ) для выдѣлки полотенъ, скатертей и салфетокъ. Царь велѣлъ отвесть учредителямъ дворъ, дозволялъ набирать въ компанію желающихъ и отдалъ имъ заводъ на 30 лѣтъ. Учредители просили, чтобы царь запретилъ другимъ лицамъ торговать этими товарами, которые они будутъ производить. Царь обѣщалъ, но съ условіемъ, если они черезъ годъ подадутъ ему записку, что у нихъ есть чѣмъ содержать заводъ. Другая полотняная фабрика въ 1720 году была отдана, съ привилегіей на 30 лѣтъ, въ компанію, директоромъ которой былъ голландецъ Томесъ. Каждый компанейщикъ при поступленіи давалъ отъ себя вкладъ въ общій капиталъ тысячу рублей и, состоя въ компаніи, освобождался отъ выбора въ службу. Компанія имѣла право приглашать заграничныхъ мастеровъ, заключать съ ними контракты, выписывать изъ-за границы всѣ нужные матеріалы, но съ платежемъ пошлинъ. Компаніи давалось право безпошлинной продажи своихъ товаровъ, срокомъ на пять лѣтъ, но оптомъ, а не въ раздробь. Для распространенія искуства дѣлать полотна, компанія имѣла право брать изъ русскихъ въ ученики и работники, но съ тѣмъ, что взятый ученикъ долженъ былъ пробыть на фабрикѣ сначала въ качествѣ ученика

три года, а потомъ уже подмастерьемъ. 24 мая 1720 года въ Москвѣ поручена была иностранцу Тимерману парусная фабрика. Онъ получалъ изъ казны двадцать тысячъ рублей, съ обязанностью доставлять въ адмиралтейство по три тысячи кусковъ парусины въ годъ, а остальную парусину, выдѣлываемую у себя, могъ продавать въ народъ, и деньги, взятыя съ продажи, доставлять въ фабричную казну, какъ царское достояніе; себѣ же за трудъ получалъ онъ 10%. Іюня 18-го того же года запрещено изъ-за границы привозить коломенки и другія полотняныя ткани низшихъ сортовъ, а высшіе позволено въ тѣхъ видахъ, что въ Россіи, въ то время, выдѣлывались только низшіе сорта. 16-го ноября 1720 г. повелѣно отпускать за-границу русскій холстъ и полотна, но не узкіе, а широкіе. По свидѣтельству иностранца Вебера, посѣтившаго Россію въ царствованіе Петра, приготовляемое въ Россіи полотно изъ туземнаго льна не уступало въ достоинствѣ голландскому полотну.

Суконные заводы поощрялись преимущественно съ цѣлію обмундированія войскъ, и потому запрещено было покупать заморское сукно на мундиры. Для успѣшнаго производства этого промысла, еще въ 1712 году велѣно собрать компанію изъ торговыхъ лицъ, а въ случаѣ несогласія вступить въ компанію положено тащить въ нее неволею. Въ 1719 году существовавшій казенный суконный заводъ въ Москвѣ, у Каменнаго моста, приказано было отдать въ компанію купцу Щеголину съ товарищами, съ обязательствомъ расширить производство сукна до того, чтобъ не только удовлетворялась потребность въ обмундированіи войска, но сукно шло бы и въ продажу; компанія эта получила въ ссуду 30,000 рублей, на три года, безъ процентовъ: позволено ей выплачивать свой долгъ въ казну сукнами, съ привилегіей въ теченіи пяти лѣтъ продавать сукно безпошлинно. Вступившіе въ компанію освобождались отъ обязательной государственной или общественной службы. Компанія могла принимать въ ученики лицъ свободнаго званія, выписывать иноземныхъ мастеровъ и инструменты. Вывозъ за границу шерсти изъ Россіи былъ запрещенъ, ради того, чтобъ эта компанія имѣла возможность удобно покупать себѣ матеріалъ, за то компанія эта не могла возвышать цѣны на сукно.

Въ іюнѣ 1717 года поручено было подканцлеру Шафирову и тайному совѣтнику Толстому учредить въ Россіи фабрику всякихъ шелковыхъ матерій и парчей, которыя они должны были обработывать черезъ нанятыхъ во Франціи мастеровъ. Имъ позволялось, въ видѣ привилегіи, набирать по желанію, какъ рус-

скихъ, такъ и иностранцевъ въ ученики, работать золотныя, серебротканныя, шелковыя и шерстяныя матеріи, парчи, штофы, бархаты, атласы, камки, тафты и всякаго рода ленты, галуны, чулки и проч. На вспоможеніе себѣ, они получили отъ казны безденежно готовые дворы въ Москвѣ, въ Петербургѣ и другихъ городахъ; тѣмъ лицамъ, которыя у нихъ будутъ работать, обѣщаны мѣста подъ жилища на вѣчныя времена. Компанія эта могла пятьдесятъ лѣтъ безпошлинно торговать по русскимъ городамъ и селамъ, а заграчичную торговлю вести на общихъ основаніяхъ, съ уплатою пошлинъ. Компанія подчинена была сенату; мѣстныя власти не должны были вступаться въ ея дѣла. Наконецъ, въ обезпеченіе ея прибытка, запрещалось непринадлежащимъ къ ней лицамъ производить такіе товары, какіе производила компанія, кромѣ лентъ, чулокъ и галуновъ, а изъ-за границы запрещался ввозъ иностранныхъ шелковыхъ издѣлій; но въ 1719 году члены компаніи донесли царю, что ихъ мануфактуры не въ состояніи удовлетворить парчами все государство, и потому сами просили разрѣшить ввозъ парчей изъ европейскихъ государствъ. Царь дозволилъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, привозить ежегодно на 100,000 рублей шелковыхъ штофовъ и продавать ихъ въ петербургскихъ лавкахъ, по торговому уставу. Въ іюлѣ того же года этой компаніи дозволено было безпошлинно покупать въ Китаѣ тонкій шелкъ. Кромѣ фабрики барона Шафирова и К°, заведена была другая шелковая фабрика въ Москвѣ Алексѣемъ Милютинымъ. Въ мартѣ 1718 года дана была ему привилегія работать шелковыя ленты, нанимать свободно мастеровъ, брать учениковъ и не платить никакихъ податей, пока не утвердится начатый имъ промыселъ. 14-го марта 1721 года дозволено было всѣмъ людямъ заводить шелковыя фабрики. Учредители пользовались привилегіями на 50 лѣтъ, а вступавшіе къ нимъ въ компанію — отъ 10 до 15 лѣтъ, со времени своего вступленія.

Указомъ февраля 1-го 1720 г. опредѣлено завести въ Кіевѣ фабрику зеркалъ и хрустальной посуды.

Для усиленія всякой заводской, промышленной и мануфактурной дѣятельности, Петръ (января 17-го 1721 г.) освободилъ всякихъ основателей заводовъ и ихъ товарищей отъ службы на полтора года послѣ учрежденія завода, а на слѣдующій день послѣ того (января 18-го того же года) дозволилъ купцамъ и заводчикамъ покупать населенныя имѣнія.

Петръ всячески старался привлекать наибольшую массу золота

и серебра въ Россію и запрещалъ вывозъ того и другого въ другія государства.

Въ 1719 году царь приказалъ у торговцевъ, ѣздившихъ за границу изъ Малороссіи, отбирать червонцы и ефимки, а выдавать имъ русскія деньги, оставляя имъ на платежъ пошлинъ на границѣ только небольшое количество иностранной монеты. Всѣ купцы, которые вели заграничную торговлю, должны были платить пошлину иностранною монетою; прусскій талеръ принимался въ казну отъ купцовъ по 50 коп., тогда какъ въ текущемъ обращеніи эта монета ходила по 90 коп. и выше. Казна имѣла тутъ свои выгоды. Была при этомъ еще другая выгода казнѣ: получаемыя отъ купцовъ въ уплату, иностранныя монеты передѣлывались на денежныхъ дворахъ въ русскую монету, а при передѣлкѣ казна оставалась въ прибыли по крайней мѣрѣ 7%. Сохранились отъ описываемаго періода царствованія Петра памятники, на основаніи которыхъ можно составить себѣ понятіе о денежномъ достояніи Русскаго государства того времени. Въ 1721 году, на всѣхъ денежныхъ дворахъ было денегъ на сумму 559,355 рублей. Сверхъ того, слѣдовало получить по подряду ефимковъ и мѣди на 141,835 рублей и въ недоимкѣ съ разныхъ чиновныхъ людей было 225,546 рублей 32 алтына три деньги, а всего 882,315 рублей 28 алтынъ. Къ уплатѣ же въ разныя мѣста слѣдовало въ итогѣ 1.536,884 руб. 6 алтынъ. Такимъ образомъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы взысканы были всѣ недоимки, оказывалась недостача въ деньгахъ. Все золото и серебро, получаемое съ пошлинъ, взимаемыхъ за привозные въ Россію товары, а также конфискованное золото и серебро и получаемое въ качествѣ штрафовъ указано было доставлять на денежный дворъ. Правительство нашло, что доставка и возка ихъ была стѣснительна, а во время пожаровъ мѣдныхъ денегъ много погибало; по этой причинѣ, вмѣсто алтынниковъ, велѣно было дѣлать серебреные пятикопѣечники 70-й пробы. Изъ мѣдныхъ денегъ оставались въ ходу однѣ только полушки, и то въ небольшомъ количествѣ.

Главное управленіе церковью въ эти годы находилось въ рукахъ рязанскаго архіерея Стефана Яворскаго, блюстителя патріаршаго престола. Стефанъ Яворскій, несмотря на высокій свой постъ, тяготился своимъ положеніемъ, жаловался царю на неудобство жизни въ Петербургѣ и просилъ милостиваго отпуска, но не получилъ его. Ни Петръ не чувствовалъ къ Стефану большого расположенія, ни Стефанъ къ Петру, но Петръ считалъ

Стефана честнымъ и полезнымъ человѣкомъ, а потому и удерживалъ его, вопреки давнему желанію рязанскаго архіерея удалиться отъ дѣлъ и уѣхать на родину въ Малороссію. При своей недовѣрчивости къ великорусскому духовенству, Петръ медлилъ постановкой архіереевъ; и въ 1718 году Стефанъ доносилъ ему, что изъ епархій кіевской, тобольской, новгородской, смоленской, коломенской къ нему присылаются старыя залежалыя дѣла, которыя онъ рѣшить затрудняется; ставленниковъ много, но ставить ихъ некому: безъ архіереевъ быть невозможно. Государь приказалъ выбрать кандидатовъ и подать себѣ списокъ ихъ, а впередъ для такихъ избраній присылать добрыхъ монаховъ въ Невскій монастырь, чтобы „такихъ не наставить, какъ тамбовскій и ростовскій“. Затѣмъ велѣно архіереямъ поочередно пріѣзжать въ Петербургъ и проживать тамъ, „начиная свое бытье съ января“. Имъ отводились мѣста, на которыхъ они сами могли себѣ выстроить подворья. Петръ ввелъ эту мѣру, чтобы самому ближе и даже лично знать всѣхъ архіереевъ въ своемъ государствѣ. Архіереи съ этого времени уже не могли болѣе вмѣшиваться въ какія бы то ни было свѣтскія дѣла, если не получали на то особаго царскаго повелѣнія. Уже давно лишили ихъ права управлять самимъ имѣніями. Они могли пользоваться только съ нихъ доходами, получая ихъ изъ монастырскаго приказа. Только по особенной милости право распоряженія своими вотчинами получилъ въ 1713 году вологодскій архіерей. Монастырскія же вотчины, взятыя прежде отъ монастырей въ завѣдываніе монастырскаго приказа, 16-го октября 1720 г. были возвращены вновь въ управленіе архимандритамъ и игуменамъ.

Царь показалъ нѣкоторую заботу объ улучшеніи матеріальнаго и духовнаго состоянія бѣлаго духовенства. Въ февралѣ 1718 года указано готовить заранѣе кандидатовъ на священническія мѣста для того, чтобъ мѣста не оставались праздными; а какъ по большей части духовное званіе было наслѣдственнымъ, то велѣно поповскихъ и причетническихъ дѣтей заранѣе обучать, чтобъ они были годны со временемъ получить санъ священника. При церквахъ надлежало имѣть старосту, который обязанъ былъ выстроить священническій домъ, поступавшій преемственно отъ одного священника къ другому. Приходскому духовенству запрещалось имѣть собственные домы въ своемъ приходѣ; если окажется у какого-нибудь священника собственный домъ при церкви, то слѣдовало выплатить ему изъ церковныхъ денегъ стоимость дома, а послѣ его смерти отдать этотъ домъ

его преемнику на священствѣ. Домовыя церкви должны были быть всѣ упразднены.

Забота о благочестіи повлекла къ цѣлому ряду полицейскихъ правилъ. Въ концѣ 1714 года указано, чтобы всѣ люди обоего пола каждогодно исповѣдывались. Священники должны были доносить архіереямъ объ уклоняющихся отъ исповѣди, архіереи же отправляли списокъ ихъ къ губернаторамъ и ландратамъ. Свѣтскія власти накладывали на виновныхъ штрафы, сообразно ихъ состоянію: такого рода штрафы составляли особую статью государственнаго дохода. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ запрещалось торговать. Посты до такой степени строго соблюдались, что самъ царь, хотя и не долюбливалъ ихъ, но не рѣшался ѣсть мясо въ посты иначе, какъ испросивши на то разрѣшеніе константинопольскаго патріарха. Въ 1718 году, по ходатайству царя, константинопольскій патріархъ разрѣшилъ не только лично ему, но и всему православному россійскому войску употреблять мясо въ посты за-границей, во время походовъ, кромѣ семи дней, предшествующихъ причащенію св. тайнъ.

По отношенію къ инородцамъ, обитавшимъ въ восточныхъ предѣлахъ Россіи, прилагались заботы о распространеніи христіанской вѣры. Въ декабрѣ 1714 г. указано сибирскому митрополиту ѣздить по инородческимъ землямъ, сожигать языческія мольбища и приводить жителей въ христіанскую вѣру, обѣщая новокрещеннымъ льготу въ ясакѣ и давая имъ въ подарокъ холстъ на рубахи.

Іезуитская пропаганда закидывала было свои сѣти въ Россію, но неудачно. Въ одной изъ московскихъ слободъ іезуиты основали свой монастырь, и успѣли совратить нѣсколько поступившихъ къ нимъ въ обученіе учениковъ; но въ апрѣлѣ 1719 года, царь приказалъ майору Румянцеву выпроводить іезуитовъ за-границу, а тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ въ письмахъ окажется что-нибудь подозрительное, не выпускать и арестовать. Многіе изъ шведовъ, находившихся въ плѣну, и иностранцы, поступавшіе на русскую службу, принимали православіе, и на разрѣшеніе константинопольскаго патріарха Іереміи предложенъ былъ 4 августа 1717 года вопросъ: слѣдуетъ ли переходящихъ въ православіе лютеранъ и кальвинистовъ перекрещивать? Іеремія сослался на рѣшеніе своего предшественника Кипріяна, отвѣчавшаго на такой вопросъ, что ихъ перекрещивать не слѣдуетъ, а надлежитъ только помазать муромъ. Въ февралѣ 1719 года состоялось подтвержденіе не перекрещивать лютеранъ.

Раскольники облагались двойнымъ окладомъ противъ всѣхъ

другихъ подданныхъ, женщины—въ половину противъ мужчинъ. Но этотъ законъ породилъ большія злоупотребленія со стороны священниковъ: они съ корыстною цѣлію записывали раскольниковъ православными, взявши съ нихъ взятки, а раскольниковъ избавляли этимъ способомъ отъ платежа двойного оклада. Отъ царя не укрылись эти уловки: указомъ 16-го марта 1718 года онъ поручилъ произвести слѣдствіе одному архимандриту. За открывшуюся въ первый разъ вину, объявлялось заранѣе прощеніе, съ угрозою ссылки въ каторгу, если впередъ будетъ дѣлаться тоже. Но трудно было уличить священниковъ, потому что раскольники сами притворно обращались въ православіе для вида; поэтому изданъ былъ указъ (14-го марта 1720 года), объяснявшій, что всѣ раскольники могутъ чистосердечно придерживаться раскола, только платя двойной окладъ, и затѣмъ не должны страшиться уже какого-либо другого наказанія. Чтобы по возможности лишить раскольниковъ старыхъ книгъ, на которыхъ держались ихъ уклоненія отъ господствующаго строя церкви, царь приказалъ (17 мая 1721 г.) доставлять на печатный дворъ всѣ харатейныя и старопечатныя книги, находившіяся въ лавкахъ для продажи и въ частныхъ домахъ для собственнаго употребленія, и получать, вмѣсто нихъ, новопечатныя въ такомъ видѣ, въ какомъ принимаетъ ихъ церковь. Въ 1721 году обнаружилось, что въ Москвѣ продавались разныя изображенія, иконы и молитвы, съ чертами раскольническими. Велѣно было все это описать и забрать, а впередъ ничего подобнаго не продавать. Петръ обращалъ вниманіе не только на раскольничьи книги, но и на такія, въ которыхъ замѣчалось въ иномъ смыслѣ что-нибудь несходное съ признаннымъ православною церковью ученіемъ. 31 октября 1720 года государь узналъ, что такія книги выходили въ Кіевѣ и Черниговѣ. Такъ въ черниговской ильинской типографіи издана книга „Богомысліе“, гдѣ замѣтны были „лютерскія противности“. Въ мѣсяцесловѣ, изданномъ въ Кіевѣ, кіевопечерскій монастырь названъ ставропигіей константинопольскаго вселенскаго патріарха, тогда какъ ему слѣдовало называться ставропигіей всероссійскихъ патріарховъ, а не константинопольскаго. Въ этомъ видѣлось старое желаніе малороссіянъ не подчиняться московской церковной власти. Царь постановилъ правиломъ, каждую духовную книгу, прежде напечатанія, давать на просмотръ высшаго духовнаго начальства.

Не благоволя къ раскольникамъ, Петръ не оставлялъ въ то же время гоненія на русское платье и бороды, и издалъ въ концѣ декабря 1714 г. указъ, угрожавшій за торговлю русскимъ платьемъ

и за ношеніе русскаго платья и бороды ссылкою въ каторгу и лишеніемъ всего движимаго и недвижимаго имущества. Въ сентябрѣ 1715 года въ Петербургѣ даже запрещено, подъ страхомъ лишенія имущества и ссылки въ каторгу, торговать скобами и гвоздями, которыми подбивались сапоги и башмаки стараго образца.

По прежнему Петръ велъ войну съ суевѣріемъ, прикрывавшимся личиною религіи, и въ особенности не давалъ внѣдряться ему въ новопостроенномъ городѣ Петербургѣ. 7 мая 1715 года объявлялось по всей Россіи, что въ церкви Исакія Далматскаго, во время литургіи, плотничья жена, Варвара Лонгинова, кричала, что она испорчена, а когда ее потащили къ допросу, созналась, что она это затѣяла по злобѣ на плотника, который поколотилъ ея деверя. По этому поводу царь велѣлъ приводить въ приказы всѣхъ кликушъ, къ которымъ въ старой Руси чувствовали суевѣрный страхъ. Въ 1718 году въ Петербургѣ одинъ священникъ распространилъ слухъ, что у иконы, стоявшей у него въ церкви творятся чудеса. Петръ призвалъ его во дворецъ съ иконою и приказалъ сотворить чудо, а какъ чуда не случилось, то Петръ приказалъ отправить обманщика въ крѣпость, наказать кнутомъ, а потомъ лишить сана. Архіереямъ по всей Россіи приказано смотрѣть, чтобъ въ ихъ епархіяхъ не было потачки кликушамъ и бѣснующимся, чтобъ невѣжды не почитали за святыя мощи невѣдомыхъ и неосвидѣтельствованныхъ церковью умершихъ, не боготворили бы иконъ, а ханжи не вымышляли ложныхъ чудесъ. Также точно Петръ въ 1718 году приказалъ по всей Россіи губернаторамъ и комендантамъ собирать родившихся уродовъ, въ родѣ, напримѣръ, двухголоваго животнаго или двухъ сросшихся животныхъ [1]). Мертвыхъ уродовъ приказано класть въ спиртъ или двойное вино, а народу внушать, что уроды родятся не отъ дьявольскаго навожденія, какъ думали въ старой Руси, но отъ поврежденій въ организмѣ матери, напримѣръ, отъ испуга, и т. п.

Показывая вражду и презрѣніе къ стариннымъ суевѣріямъ, Петръ смотрѣлъ такимъ образомъ даже на многое, что вошло въ существенные признаки русской православной церкви съ давнихъ временъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое недружелюбное отно-

---

[1]) Царь опредѣлилъ плату доставщикамъ за мертваго урода человѣческаго по десяти рублей, скотскаго—по пяти рублей, птичьяго—по три рубля, а за живыхъ: за человѣческаго—сто рублей, скотскаго—пятнадцать, птичьяго—семь; ежели будетъ „гораздо чудное“, то обѣщано больше, а за утайку положенъ былъ штрафъ въ десятеро противъ обѣщанной платы.

шеніе къ отечественнымъ вѣрованіямъ развилось у Петра послѣ его знакомства съ западною Европою, начавшагося въ Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ и усвоеннаго послѣ путешествія въ протестантскихъ странахъ. Одною изъ самыхъ рѣзкихъ чертъ, такъ-сказать, размолвки Петра со стариннымъ православіемъ были его забавы со всешутѣйшимъ и всепьянѣйшимъ соборомъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Составивъ подъ этимъ названіемъ изъ своихъ любимцевъ цѣлый кружокъ пьяницъ, Петръ не слишкомъ щадилъ чувствованія своихъ приближенныхъ; волею или неволею въ забавахъ его должны были участвовать и такія особы, которымъ совсѣмъ не подъ-стать было шутовство: къ нимъ можно причислить Никиту Моисеевича Зотова, носившаго званіе шутовского патріарха, и Петра Ивановича Бутурлина, въ 1706 году нареченнаго петербургскимъ шутовскимъ митрополитомъ. Всешутѣйшій соборъ собирался часто, смотря по тому, какъ приходила государю мысль созвать въ видѣ развлеченія отъ трудныхъ занятій. Въ 1713 году Петру вздумалось женить своего шутовскаго патріарха, несмотря на то, что послѣднему было уже 70 лѣтъ. Зотовъ съ рабскою покорностью не устыдился потѣшать царя, просилъ только, чтобъ ему дозволили „въ Москвѣ супружество принять неразглашательное и отъ разбивки злыхъ человѣкъ петербургскимъ жителямъ сокровенное“. Но не такъ отнесся старшій сынъ Зотова, Кононъ Никитичъ. „Предвари“, писалъ онъ къ царю, „искушенію дьявольскому... такимъ ли вѣнцемъ пристоитъ короновать конецъ своей жизни, яко нынѣ приведенъ отецъ мой черезъ искушеніе? Смѣло называю искушеніемъ, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трехъ вещей возсмердѣ его совѣсть, изъ нихъ же гнуснѣйшее бысть передъ нимъ старыхъ прелюбодѣйство, суще умаленныхъ смыслу. По сей пунктъ отдаю послѣдній мой сыновскій долгъ, душевнымъ плачемъ моля Ваше Величество, дабы изволеніе ваше причинствовало его совѣсти умному о себѣ расположенію“. Сынъ Зотова безпокоился тогда не по поводу одного соблазна видѣть своего старика-отца дѣлающимъ дурачества по царской прихоти: онъ боялся и будущей своей мачихи, которая, какъ онъ справедливо предполагалъ, для того пойдетъ въ замужество: „чтобъ здѣсь насъ, дѣтей его, лишить отъ Бога и отъ Васъ, государя, достойнаго намъ наслѣдства... Изволитъ говорить намъ отецъ нашъ: я бы и радъ отречься моей женитьбы, но не смѣю Царское Величество прогнѣвать, столько-де стариковъ собрано для меня и платья надѣлано. Все сіе разсудя, помилуй и его старость, и насъ сиротъ, которыхъ ты такъ долгое

время изволилъ имѣть подъ своимъ кровомъ... помилуй и яко богоподражательный царь". Но эта слезная просьба осталась неуслышанною: Зотова женили для смѣха на вдовѣ Стремоуховой и справили шутовскую свадьбу въ Москвѣ. Новобрачныхъ вѣнчалъ архангельскаго собора девяносто-лѣтній священникъ. Самъ Петръ занялся устройствомъ свадебнаго торжества, продолжавшагося весь январь 1715 года. На свадьбѣ присутствовали разные государственные сановники, царица Екатерина, вдовствующія царицы съ дочерьми, всѣ знатныя придворныя дамы, изъ которыхъ одна боярыня Ржевская носила шутовской титулъ князя-игуменіи. Все это было разодѣто по распредѣленію Петра въ разные шутовскіе наряды, все шло въ сопровожденіи грома музыкальныхъ инструментовъ, мѣдныхъ тарелокъ, свистковъ, трещетокъ, производившихъ дикій и нестройный шумъ, съ колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей, съ пьяными криками московской черни, которую царь приказывалъ поить виномъ и пивомъ, съ возгласами: „да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!" Опасенія сына Зотова были не даромъ: у дѣтей шутовского патріарха съ мачихой дѣйствительно вышелъ разладъ. Старикъ Зотовъ жилъ не долго: въ 1717 году его уже не стало, а въ декабрѣ того же года произведенъ былъ шутовскій выборъ ему преемника, новаго князь-папы. Замѣчательно, что это совершалось въ то время, когда Петръ съ нетерпѣніемъ дожидалъ привезенія въ Россію своего несчастнаго сына, готовясь дать волю своей подозрительности и производить рядъ пытокъ и казней, о которыхъ повѣствованіе наводитъ дрожь. Петръ самъ начерталъ уставъ или чинъ избранія, пародируя совершавшійся прежде церковный чинъ избранія патріарха. Вмѣсто себя, Петръ предоставилъ играть роль царя новому сценичному царю, князь-кесарю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, сыну прежде носившаго это комическое званіе князя Ѳедора. Въ написанномъ Петромъ чинѣ избранія шутовского патріарха такъ пародируется церковный чинъ избранія дѣйствительнаго патріарха: „собравшимся на старомъ дворѣ папы и сѣдшимъ архижрецамъ начинаютъ оные пѣть пѣснь Бахусову, потомъ восходитъ князь, великій ораторъ, на высокое мѣсто и чинитъ предику, увѣщевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по какимъ факціямъ, но ревностнымъ по онымъ сердцемъ избирали и потомъ итить всѣмъ въ каменный домъ, по учрежденной конклавіи". Здѣсь, въ шутовскомъ видѣ, были пѣвчіе, попы, дьяконы, архимандриты, суфраганы, архи-жрецы, князь-папины служители. Пародировалось несеніе образа, какъ дѣлалось при избраніи патріарха,—такую роль игралъ здѣсь „Бахусъ, несомый мона-

хами великой обители“. Въ каменномъ домѣ театральный государь, князь-кесарь, говорилъ членамъ всешутѣйшаго собора рѣчь, напоминающую рѣчи, нѣкогда произносимыя царями при избраніи патріарховъ. Потомъ происходилъ выборъ изъ трехъ кандидатовъ. Передъ избраніемъ совершалось осязательное освидѣтельствованіе новаго князя-папы, посаженнаго на прорѣзномъ стулѣ и закрытаго покрываломъ. Это была насмѣшка надъ обрядомъ, совершавшимся нѣкогда, какъ говорили, при избраніи римскихъ папъ, когда кардиналы удостовѣрялись, что новый первосвященникъ есть дѣйствительно мужчина. Обрядъ этотъ, если только онъ, въ самомъ дѣлѣ, совершался, возникъ оттого, что въ IX вѣкѣ по Р. Х. обманомъ была избрана въ папы женщина подъ видомъ мужчины. По окончаніи баллотировки, совершаемой яйцами, новоизбраннаго поздравляли, величали многолѣтіемъ, потомъ сажали въ громадный ковшъ и несли въ собственный его домъ, гдѣ опускали въ чанъ съ виномъ. За избраніемъ слѣдовало поставленіе. Чинъ поставленія, начертанный Петромъ, былъ пародіею поставленія архіереевъ. Поставляющій, возглашая: „пьянство Бахусово да будетъ съ тобой“, намекалъ на священныя слова: „Благодать Св. Духа да будетъ съ тобою“. Подобно тому, какъ архіереевъ заставляютъ произносить исповѣданіе вѣры, шутовской князь-папа исповѣдывалъ поклоненіе уродливому пьянству. Описывая свое пьянство, новопоставляемый говорилъ: „виномъ яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ чрево свое яко бочку добре наполняю, такъ что иногда и ядемъ, мимо рта моего носимымъ, отъ дрожанія моей десницы и предстоящей очесехъ моихъ мглѣ, не вижу, и тако всегда творю и учити мнѣ врученныхъ обѣщаюсь, инако же мудрствующіе отвергаю, и яко чуждыхъ творю и.... маствую всѣхъ пьяноборцевъ, но якоже вышерекъ творити обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощью отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не двигаемся, и есть ли мы, или нѣтъ — не вѣдаемъ (пародія на слова Священнаго Писанія: „о немъ же живемъ, движемся и есмы“), еже желаю тебѣ отцу моему, и всему нашему собору получить. Аминь“. Слѣдовало рукоположеніе: во имя разныхъ принадлежностей пьянства, пересчитываемыхъ одна за другою: — пьяницъ, скляницъ, шутовъ, сумасбродовъ, водокъ, винъ, пивъ, бочекъ, ведеръ, кружекъ, стакановъ, чарокъ, картъ, табаковъ, кабаковъ и прочее. Потомъ слѣдовало облаченіе новопоставленнаго съ произнесеніемъ символическихъ выраженій, напоминающихъ облаченіе первосвященниковъ. Напримѣръ: „облачается въ ризу невѣдѣнія своего“; флягу возлагая, произноси-

лось: „сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ"; нарукавники возлагая: „да будутъ дрожащи руцѣ твои", отдавая жезлъ: „дубина Дидана вручается тебѣ, да разгоняеши люди своя". Первый жрецъ помазывалъ крѣпкимъ виномъ голову новопоставленнаго и дѣлалъ образъ круга около его глазъ, произнося такое выраженіе: „тако да будетъ кружиться умъ твой". Наконецъ, на него надѣвали подобіе первосвященнической шапки, съ возгласомъ: „вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою, да не познаеши десницы твоей, во пьянствѣ твоемъ". Всѣ хоромъ пѣли: „аксіосъ". Новопоставленный садился на бочку, игравшую роль первосвященническаго сѣдалища. Онъ испивалъ Великаго Орла, — какъ назывался огромный кубокъ — и давалъ пить изъ него же всѣмъ другимъ. Пѣніемъ многолѣтія оканчивался чинъ поставленія. Новымъ князь-папою или шутовскимъ вселенскимъ патріархомъ былъ Петръ Бутурлинъ, до того времени состоявшій въ званіи петербургскаго шутовского владыки. Его избраніе производилось 28 декабря 1717 года, а поставленіе 10 января слѣдующаго года. Съ тѣхъ поръ мы находимъ извѣстія о довольно частыхъ празднествахъ, устраиваемыхъ Петромъ со своею всепьянѣйшею коллегіею. Люди, близкіе къ царю, носили, по волѣ его, въ званіи членовъ этой коллегіи, непристойныя клички. Преслѣдуя старорусскіе обычаи, и насмѣхаясь даже надъ тѣмъ, что̀ въ старину входило въ область благочестія, царь не уничтожалъ стариннаго славленія въ праздники; напротивъ, въ рождественскія святки самъ со своими приближенными и съ духовенствомъ разъѣзжалъ отъ двора ко двору при громѣ литавръ и бубенъ. Гости ѣли и пили у каждаго хозяина и получали денежные подарки. Кромѣ такихъ способовъ забавляться, любимымъ увеселеніемъ Петра было катаніе по водѣ. Это увеселеніе Петръ отправлялъ часто въ Петербургѣ на Невѣ. Его вельможи должны были раздѣлять съ нимъ такую забаву и брали съ собою музыкантовъ, которыхъ держать у себя въ домѣ было въ обиходѣ домашней жизни знатныхъ особъ. Нерѣдко царь плылъ по Невѣ на острова или въ Екатерингофъ, въ устроенный имъ для Екатерины садъ. Тамъ приготовлялся завтракъ или закуска, причемъ собесѣдники пили венгерское вино. Но самыми веселыми для царя празднествами были спуски на воду новоотстроенныхъ кораблей. Прежде всего совершался церковный обрядъ освященія. Когда корабль снимался и пускался по водѣ, гремѣли литавры и трубы, палили изъ пушекъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ, потомъ слѣдовали поздравленія отъ всѣхъ приближенныхъ, наконецъ, происходилъ завтракъ въ

каютѣ новоспущеннаго корабля и всегда при этомъ была самая обильная попойка. Въ этихъ случаяхъ этикетъ не наблюдался; царскіе корабельные мастера обѣдали рядомъ съ царемъ, и онъ пилъ за ихъ здоровье. Всегда въ такихъ торжествахъ берегъ Невы усѣевался множествомъ народа; иногда царь угощалъ народъ на воздухѣ.

По временамъ царь устраивалъ примѣрныя морскія битвы; обыкновенно одною стороною командовалъ самъ царь, противною — кто-нибудь изъ вельможъ, чаще Меншиковъ или адмиралъ Апраксинъ. По окончаніи маневровъ шло пиршество съ попойкою. Главное, что поглощало вниманіе Петра и составляло постоянный предметъ его заботъ, это было развитіе русской морской силы, образованіе русскихъ мореходцевъ.

Въ 1712 году велѣно было построить три корабля въ 60 пушекъ, 20 полугалеръ и 150 бригантиновъ, для чего потребно было 11,000 человѣкъ рабочихъ и 24,555 служителей. Смѣта издержекъ на постройку составляла 170,777 руб., и на провіантъ для содержанія рабочихъ 220,580 руб. На петербургской верфи происходили неустанныя кораблестроительныя работы подъ наблюденіемъ голландскихъ мастеровъ, которыхъ Петръ ласкалъ и любилъ. Не жалѣя средствъ для созданія русскаго флота, царь скоро поставилъ его на такую ногу, что въ 1717 году было 28 военныхъ линейныхъ кораблей, съ количествомъ пушекъ на самыхъ большихъ корабляхъ 90, на самыхъ меньшихъ 52; на нихъ было 13,280 человѣкъ, но еще ощущался недостатокъ въ 7671 человѣкѣ, для составленія полнаго экипажа для всѣхъ кораблей. Въ этомъ же году сдѣлано было распоряженіе учить матросовъ грамотѣ, цифири, навигаціи, артиллеріи, плотничьему и кузнечному мастерствамъ.

Издержки на флотъ въ 1712 году простирались до 434,000, въ 1714 г. сумма эта возросла до 651,316 руб., въ 1715 г. до 800,000; въ 1721 расходъ на все морское дѣло, со включеніемъ содержанія приписанныхъ къ нему заводовъ, достигалъ до 1.142,977 руб.

Желая привить на Руси судостроеніе по западнымъ образцамъ, Петръ объявилъ войну древнему русскому судостроенію. Указомъ 28 декабря 1714 года онъ запретилъ ходить въ море на судахъ прежняго строя — на ладьяхъ и кочахъ, а вмѣсто нихъ приказалъ дѣлать галіоты и другія суда иностраннаго пошиба, съ иностранными названіями; срокъ для существованія судовъ старой формы онъ назначилъ два года, по нуждѣ — три года, послѣ чего всѣ старыя подлежали уничтоженію. Въ ноябрѣ

1715 г., состоялся подобный же указъ: запрещалось дѣлать суда со скобками по старому обычаю, и велѣно непремѣнно конопатить доски съ досками. Приказано разослать конопатчиковъ въ тѣ мѣста, гдѣ дѣлались суда, а всѣ старыя суда заклеймить. Если, вопреки этому указу, будетъ продолжаться постройка судовъ со скобками, то виновные въ томъ за первый разъ подвергались штрафу, а за повтореніе своей вины—ссылкѣ въ каторжную работу. Весною 1716 года, изъ судовъ, которыя везли въ Петербургъ провіантъ, велѣно допускать только суда, выстроенныя по новому чертежу. Строгіе указы противъ судовъ стараго покроя повторились въ 1717 и 1718 гг. Затѣмъ 18 ноября 1718 года въ Ладогу и по рѣкамъ Волхову, Мстѣ, до Вышняго Волочка, въ мѣста, гдѣ издавна строились суда, отправленъ былъ подпоручикъ Румянцевъ объявлять повсюду, чтобъ напередъ работались суда по установленному царемъ способу. Посланный долженъ былъ внушать жителямъ, что это дѣлается для ихъ пользы, ставить имъ на видъ: какой вредъ произошелъ за четыре послѣднихъ года на Ладожскомъ озерѣ. Румянцевъ долженъ былъ всѣ суда стараго устройства перестроить и отправить въ Петербургъ съ кладями, съ тѣмъ, чтобы уже оттуда имъ не возвращаться, а всѣ начатыя, но недостроенныя суда стараго покроя при себѣ изломать. Но осенью, въ томъ же году, установлено съ „новоманерныхъ“ судовъ брать обыкновенную пошлину, а съ судовъ стараго покроя въ будущемъ 1719 году—вдвое, въ 1720 же году —втрое, и такъ далѣе по годамъ прибавлять; затѣмъ задержанныя въ Петербургѣ старыя суда велѣно было освободить. Правительство стало держаться точно такой же политики со старыми судами, какой держалось въ отношеніи старообрядцевъ: прежде хотѣли ихъ совершенно уничтожить, а потомъ стали дозволять имъ существовать, но съ платою огромнаго налога. Въ видѣ привилегіи, въ 1719 году царь дозволилъ крестьянамъ Соловецкаго монастыря ходить на судахъ стараго покроя до тѣхъ поръ, пока эти суда не сдѣлаются негодными къ плаванію, но вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ имъ строить вновь староманерныя суда, подъ опасеніемъ ссылки въ каторгу. Въ іюнѣ того же года отправленъ былъ корабельный мастеръ въ Ярославль осмотрѣть тамошнія лодки, называемыя романовками, и всѣ лодки стараго манера передѣлать по утвержденному образцу, наблюдая, чтобъ отнюдь не было судовъ со скобками, подъ опасеніемъ штрафа 300 рублей за каждое судно. Для постройки и починки судовъ по разнымъ сѣвернымъ рѣкамъ: Волхову, Сквири и по Онежскому озеру приказано завести верфи.

Послѣ строгаго гоненія противъ староманерныхъ судовъ, 28 марта 1720 года, на пути сообщеній Вологды съ Архангельскомъ, дозволено строить суда по старинному образцу, а 9 апрѣля того же года на Двинѣ и на Сухонѣ повелѣно строить непремѣнно по старому, а не по новому. Но въ новгородской провинціи оставалось въ силѣ прежнее распоряженіе—строить суда не иначе, какъ новой конструкціи. Въ этотъ же годъ іюня 26-го, составленъ былъ уставъ о новоманерныхъ судахъ, подъ названіемъ: „эверсы", о томъ, какъ ими управлять и какъ съ ними обращаться. Въ слѣдующемъ 1721 году, опять данъ указъ уничтожить всѣ суда, карбасы и барки староманерной постройки, по судамъ, приходящимъ съ Волги, дозволялось быть построенными по какому угодно способу, лишь бы онѣ были безъ скобокъ и хорошо проконопачены.

Въ 1717 году сдѣланъ былъ первый шагъ къ устроенію каналовъ. Сильныя бури, тровожившія суда, плавающія по Ладожскому озеру, побудили Петра прорыть для обхода этого озера каналъ изъ Волхова въ Неву. Царь смотрѣлъ на это предпріятіе какъ на главную нужду своего государства. Сначала на работу предположили обратить тѣ войска, которыя, возвратившись тогда изъ Польши и оставаясь безъ дѣла, получали жалованье даромъ; потомъ—думали посылать работниковъ давнимъ способомъ по наряду, назначая данное количество работниковъ съ опредѣленнаго количества дворовъ. Но 26-го ноября 1718 года царь, какъ сказано въ указѣ, „милосердуя о народѣ, дабы въ сборѣ работниковъ и на нихъ провіанта и всякихъ припасовъ уѣздные и купеческіе люди какихъ бы излишнихъ тягостей и убытковъ не понесли, указалъ оное канальное дѣло дѣлать подрядомъ". Со всѣхъ уѣздныхъ людей положено было собрать деньгами съ двороваго числа по 23 алтына двѣ деньги на дворъ, съ купечества—десятую деньгу съ рубля, съ однодворцевъ же кіевской и азовской губерній—по рублю двѣнадцать алтынъ двѣ деньги и прислать эти деньги въ Шлиссельбургъ къ марту 1719 г., не отговариваясь ничѣмъ, не исключая даже опустѣнія дворовъ. Въ декабрѣ 1718 г., разосланы лейбъ-гвардіи офицеры по губерніямъ побуждать губернаторовъ къ скорѣйшему сбору денегъ на постройку каналовъ. Петру хотѣлось, чтобъ это дѣло шло какъ можно скорѣе. 1-го февраля 1720 г. извѣщалъ онъ въ своемъ указѣ, что не было прислано до тѣхъ поръ ничего изъ слѣдуемыхъ сборовъ и снова повторялъ прежнее требованіе въ срокъ на октябрь текущаго года. Подрядчики Ладожскаго канала назначили подрядную цѣну по одному рублю двѣнадцать алтынъ и

двѣ деньги за кубическую сажень. Имъ дозволялось привозить въ годъ по десяти тысячъ ведеръ вина и пива и по три тысячи пудовъ табаку, но съ платежемъ пошлинъ и съ обязанностью не продавать никому, кромѣ рабочихъ. Но если постройка Ладожскаго канала производилась уже не въ смыслѣ народной повинности, а свободнымъ наймомъ, то другія предпріятія, касавшіяся торговыхъ путей, все таки по старому ложились тягостью на мѣстное народонаселеніе. Въ 1719 году, по Волхову и Мстѣ до пристани, которая была ниже Боровицкихъ пороговъ, велѣно устроить бечевникъ, чтобы взводить суда вверхъ по теченію лошадьми. Устройство этого бечевника было разложено на 11,499 дворовъ. Въ половинѣ слѣдующаго года до свѣдѣнія правительства дошло, что это дѣло подало поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ народа. Народъ былъ такъ запуганъ, что ничему не вѣрилъ: когда предположили было копать каналъ изъ рѣки Гжати въ гжатскую пристань, работая охочими наемными людьми, то люди боялись идти на работу, думая, что имъ будутъ дѣлать насилія и не заплятятъ денегъ по договору.

На югѣ Россіи, въ степныхъ мѣстностяхъ, производились постройки дорогъ по прежнему казенными людьми, а не наймомъ. Такъ, напримѣръ, для постройки пути отъ Паньшина до Царицына употреблялись полки казанской и азовской губерній, слободскихъ полковъ компанейщики и донскіе казаки. На нихъ собирался годичный провіантъ. Малороссійскіе козаки, находившіеся подъ начальствомъ гетмана, въ 1720 году, по царскому указу, увольнены были отъ работъ въ этой мѣстности, за то обращены на работы кіевопечерской крѣпости и другихъ укрѣпленій въ малороссійскихъ городахъ.

Въ декабрѣ 1717 года положено учредить коллегіи. Наши коллегіи при Петрѣ были ближайшимъ образомъ сколкомъ съ тогдашнихъ шведскихъ коллегій; только государь, въ одномъ изъ своихъ указовъ объ ихъ составленіи, велѣлъ замѣнить тѣ пункты шведскаго устава, которые не подходили къ основнымъ порядкамъ Русскаго государства. Коллегіи имѣли смыслъ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ, по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Этихъ коллегій предположено было числомъ восемь: коллегія иностранныхъ дѣлъ, гдѣ должны были вѣдаться всѣ сношенія съ чужими государствами; камеръ-коллегія, завѣдывавшая финансами государства; юстицъ-коллегія, вѣдавшая суды и судопроизводство: ревизіонъ-коллегія, сводившая и провѣрявшая государственные денежные счеты; штатсъ-контора, вѣдавшая собственно расходъ; бергъ-и мануфактуръ-коллегія, наблюдавшая

надъ горнымъ дѣломъ, фабриками и заводами; коммерцъ-коллегія, вѣдавшая торговлю внутреннюю и внѣшнюю; наконецъ, военная и адмиралтействъ-коллегія: изъ нихъ первая завѣдывала сухопутными военными силами, а вторая—флотомъ и мореплаваніемъ. Каждая коллегія находилась подъ предсѣдательствомъ президента и вице-президента. Вице-президенты были не во всѣхъ коллегіяхъ, и тамъ, гдѣ они были, всѣ принадлежали къ иноземцамъ, исключая коллегіи иностранныхъ дѣлъ [1]). За президентомъ и вице-президентомъ въ каждой коллегіи слѣдовали: четыре совѣтника коллегій, четыре ассесора коллегій, и по одному секретарю, нотарію, актуарію, регистратору и переводчику, а ниже ихъ всѣхъ подъячіе, дѣлившіеся на три статьи. Совѣтниковъ и ассесоровъ положено выбирать баллотировкой, но съ тѣмъ, чтобъ они не были сродниками или свойственниками президента или вице-президента.

Петръ сообразилъ, что шведы могли быть подходящими людьми по производству дѣлъ, сообразно новому строю, заимствованному изъ ихъ края, и приказалъ приглашать плѣнныхъ шведовъ на службу въ учреждаемыя коллегіи. „Они—писалъ Петръ—шведскому штаты и языку искусны; одинъ изъ нихъ можетъ быть потребнѣе, чѣмъ два человѣка нѣмцевъ“. Но охотниковъ набралось немного; тѣмъ не менѣе предпочтеніе шведскому строю до того овладѣло Петромъ, что онъ, въ одномъ своемъ указѣ (26-го ноября, 1718) выразилъ намѣреніе ввести съ 1720 года шведское управленіе, начиная съ Петербурга, какъ образца для остальной Россіи [2]). Впрочемъ это предпочтеніе не мѣшало ему имѣть мысль пригласить въ чиновники будущихъ коллегій и сла-

---

[1]) Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—канцлеръ графъ Головкинъ; вице-президентъ коллегіи, иначе подканцлеръ—баронъ Шафировъ. Въ камеръ-коллегіи—князь Дмитрій Голицынъ, вице-президентъ—баронъ Нпродъ. Въ юстицъ-коллегіи—Андрей Артемьевичъ Матвѣевъ, вице-президентъ — Бреверъ. Въ ревизіонъ-коллегіи — президентъ Андрей Яковлевичъ Долгорукій, носившій въ то же время званіе пленипотенціаръ-кригсъ-коммиссара; въ штатсъ-конторѣ — президентъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. Въ бергъ-коллегіи—президентъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ. Въ коммерцъ-коллегіи—президентъ Петръ Толстой, вице-президентъ—Шмитъ. Въ воинской—президентъ кн. Меншиковъ, вице-президентъ—генералъ Вейде, въ адмиралтействъ-коллегіи—генералъ-адмиралъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, вице-президентъ—вице-адмиралъ Крейсъ.

[2]) По этому устройству предположены были такіе земскіе чины: ландсгевдингъ—земскій голова, оберъ-ландрихтеръ—высшій земскій судья, ландсекретарь—земскій дьякъ, бухгалтеръ—земскій надзиратель сборовъ, ландрентмейстеръ—земскій казначей, ландфискалъ—земскій фискалъ, ландмессеръ—межевщикъ, профосъ—тюремный староста, ландкоммиссаръ—сельскій коммиссаръ, ландрихтеръ—земскій судья, ландшрейберъ—земскій подъячій, кирхшпильсфохтъ—приходскій войтъ.

вянъ изъ австрійскихъ земель, потому что, по соображеніямъ Петра, имъ легче было, чѣмъ всякимъ другимъ иноземцамъ, усвоить русскій языкъ и не затрудняться употребленіемъ его въ дѣлопроизводствѣ. Петръ объ этомъ писалъ своему резиденту въ Вѣнѣ Веселовскому, но такое предположеніе не осуществилось.

Вновь устроенныя коллегіи должны были начать дѣйствовать съ 1719 года. Между тѣмъ, по обычной русской медленности, всегда волновавшей Петра, начатое дѣло не приготовлялось въ такой степени, чтобы коллегіи могли начать производство въ указанный государемъ срокъ. Въ приготовленіяхъ къ открытію коллегій прошелъ весь 1718 годъ. Государь приказывалъ назначеннымъ въ президенты будущихъ коллегій подавать себѣ рапорты, чтобъ видѣть, на сколько подвигается дѣло устроенія коллегій и сдѣлалъ замѣчаніе сенату за нерадѣніе къ исполненію его указовъ.

Еще до открытія коллегій, въ 1716 году составленъ и изданъ былъ воинскій уставъ—кодексъ военныхъ законоположеній, которыми должна была руководиться будущая военная коллегія и который на долго остался основою военнаго законодательства. Побужденіемъ къ составленію этого устава было желаніе, „дабы всякій чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ знаніемъ, а невѣдѣніемъ не отговаривался". Имя „солдатъ", по смыслу и выраженіямъ воинскаго устава, „просто содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ есть отъ генерала до послѣдняго мушкетера, коннаго и пѣшаго". Офицеры раздѣлялись на унтеръ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ, начиная отъ прапорщика до майора и штабъ-офицеровъ,—отъ майора до полковника включительно; выше полковника слѣдуютъ генеральскіе чины. Верховный изъ всѣхъ военныхъ чиновъ былъ чинъ генералиссимуса, предоставляемый только коронованнымъ особамъ, но дѣйствительное начальство арміею поручалось генералъ-фельдмаршалу или аншефу, который, вѣдая всѣ военныя дѣла, не долженъ былъ ничего чинить иначе, какъ съ совѣта генераловъ, закрѣплявшихъ всѣ распоряженія своими подписями, кромѣ случаевъ внезапнаго нападенія со стороны непріятелей, требующаго скораго и неотлагательнѣйшаго дѣйствія. Генералъ-аншефъ имѣлъ верховный надзоръ надъ военными судами. Изъ числа генераловъ, составлявшихъ совѣтъ около аншефа, главнымъ былъ генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ, помощникъ главнокомандующаго, всегда при немъ находившійся. За нимъ—три генерала командовали войскомъ: генералъ-фельдцейхмейстеръ, или начальникъ артиллеріи, и генералы—отъ кавалеріи и отъ инфантеріи. Генералъ-кригсъкоммиссаръ былъ хозяинъ войска. Воинскій уставъ вмѣнялъ ему въ обязанность быть совершеннымъ эконо-

момъ и знать хорошо ариѳметику, „понеже онъ имѣетъ расходъ деньгамъ на жалованье и на содержаніе войска“. Подъ его начальствомъ, при кавалеріи и при инфантеріи, было по одному оберштеркоммиссару, во всякой дивизіи по одному оберъ-коммиссару и при каждомъ полку по коммиссару съ деньгами. Высшіе коммиссары-чиновники надзирали за низшими и смотрѣли, чтобы не удерживалось слѣдуемое войску жалованье или предметы на обмундированіе; они состояли подъ начальствомъ главнаго коммиссаріата, которому подвѣдомы были и провіантмейстеры, обязанные доставлять продовольствіе войску съ подлежащими имъ служителями. При генералахъ-отъ-инфантеріи и кавалеріи были генералъ-лейтенанты, получавшіе отъ полныхъ генераловъ приказы и раздававшіе ихъ генералъ-майорамъ, которые, въ свою очередь, раздавали ихъ бригадирамъ, завѣдывавшимъ каждый нѣсколькими полками. Учреждать лагери, походы, надзирать за фортификаціею—было обязанностью генералъ-квартирмейстера; „онъ долженъ быть человѣкъ разумный и искусный въ географіи и фортификаціи и умѣть рисовать ландкарты“. Онъ находился подъ непосредственнымъ начальствомъ главнокомандующаго. Чиновники его вѣдомства были: генералъ-квартирмейстеръ-лейтенантъ, оберъ-квартирмейстеры по дивизіямъ, генералъ-штабсъ-фурьеры и вагенмейстеръ, надзиравшій за состояніемъ дорогъ и провозомъ войсковаго багажа. Дивизіи дѣлились на бригады; бригады заключали въ себѣ нѣсколько полковъ; полки пѣхотные дѣлились на роты. Пѣхотные полки были: фузильеровъ, пикинеровъ и гренадеровъ. Каждая рота заключала въ себѣ 144 человѣка. Чиновными людьми въ ротѣ были: капитанъ или начальникъ роты, поручикъ, подпоручикъ, прапорщикъ или фендрихъ, два сержанта, каптенармусъ, подпрапорщикъ, 6 капраловъ, ротный писарь и 2 барабанщика, а въ гренадерскихъ ротахъ—одинъ флейтщикъ. Капитанъ — глава роты въ походѣ. Для конницы существовали правила о фуражѣ. Конные полки дѣлились на эскадроны. Артиллерія, находясь подъ начальствомъ генералъ-фельдцейхмейстера, имѣла чины: полковникъ, подполковникъ, оберъ-коммиссаръ, оберъ-гауптманъ (майоръ), штыкъ-гауптманъ (капитанъ), шанцъ-гауптманъ, квартирмейстеръ, аудиторъ, фельдцейхвахтеръ, оберъ-фейерверкмейстеръ, оберъ и унтеръ-вагенмейстеры, и подъ ихъ вѣдѣніемъ состояли чины, которыхъ обязанности условливались свойствомъ артиллерійской службы [1]). Затѣмъ слѣдовали мастера и

[1]) Оберъ-шорный мастеръ, лекарь, лекарское подмастерье, цейгдинеръ, провіантмейстеръ, фейерверкеръ, брукенмейстеръ, векгберейторъ, фурьеръ, цейгшрейберъ и провіантписарь.

подмастерья: кузнечные, плотничьи, замочные, веревочные, мясники, хлѣбники, коновалы, шорники и просто служители. Инженеры, находившіеся при войскѣ, имѣли станъ свой при артиллеріи и шли въ походъ вмѣстѣ съ нею. Порядокъ чиновъ въ инженерной службѣ былъ такой: полковникъ, подполковникъ, майоръ, капитанъ, поручикъ, прапорщикъ, квартирмейстеръ, фельдфебель, лекарь, капралъ, ефрейторъ и рядовые. Къ артиллерійскому штабу принадлежали: подкопщики и петардіеры. Орудія артиллерійскія, употреблявшіяся въ то время, были: пушки, гаубицы, мортиры; снаряды—желѣзныя ядра, свинцовыя пули, гранаты, петарды и картечи. Медицинская часть устроена была такъ, что при каждой дивизіи находился докторъ и штабъ-лекарь; при полку—полковой лекарь; въ каждой ротѣ—ротный лекарь или цырюльникъ. При инфантеріи устроены были двѣ аптеки. При высшемъ генералитетѣ былъ полевой докторъ, который долженъ былъ имѣть въ медицинѣ особенно хорошія познанія и практику. Всѣ лекаря должны были лечить безплатно, исключая такихъ больныхъ, которые страдали сифилитическою болѣзнью, называвшеюся въ Уставѣ французскою. Для рядовыхъ устроивались полевые лазареты подъ начальствомъ инспектора. При 10 больныхъ опредѣлялся въ услуженіе одинъ солдатъ и нѣсколько женщинъ, мывшихъ на больныхъ бѣлье. Людьми, завѣдывавшими пищею были: поваръ, хлѣбникъ и полевые маркитанты. Военное духовенство состояло подъ вѣдѣніемъ оберъ-полевого священника, находившагося при главнокомандующемъ; оберъ-полевой священникъ начальствовалъ надъ полковыми священниками и мирилъ ихъ, если возникали у нихъ ссоры.

Военное судоустройство расположено было такъ: въ числѣ лицъ войскового генералитета былъ верховный судья—генералъ-аудиторъ, онъ же былъ правитель войсковой канцеляріи,—человѣкъ, свѣдущій въ правахъ, изъяснявшій генералитету сомнительные юридическіе вопросы. Онъ же утверждалъ приговоры, завѣдывалъ размѣномъ плѣнныхъ и договорами, постановляемыми съ непріятельскими войсками. Его помощникъ назывался генералъ-аудиторъ-лейтенантъ, и подъ вѣдѣніемъ его находились оберъ-аудиторы и полковые аудиторы. Было два военныхъ суда: высшій и низшій; въ высшемъ судѣ присутствовали генералы и бригадиры. Низшій судъ производился надъ оберъ-офицерами и рядовыми, отправлялся обыкновенно въ крѣпости у губернатора или коменданта, а во время компаніи—у полковника, который былъ и предсѣдатель этого суда, присутствуя въ немъ съ лицами, по два числомъ, состоявшими въ чинахъ капитана, поручика, прапор-

щика, сержанта и капрала, по кромѣ офицеровъ, на этомъ судѣ присутствовало двое или четверо рядовыхъ. Аудиторъ находился тамъ, какъ толкователь закона и ассесоръ. Подсудимаго, допросивши, высылали изъ суда, потомъ обсуждали его дѣла и рѣшали голосованіемъ. Осужденный на смерть, какого бы ранга подсудимый ни былъ, немедленно сковывался, въ предупрежденіе побѣга. Кромѣ постояннаго обыкновеннаго суда, въ походное время учреждался по мѣрѣ надобности судъ „скорорѣшительный": кто таковымъ судомъ будетъ приговоренъ къ смерти, тотъ немедленно предается вѣшанію или разстрѣлянію.

Наказанія, опредѣляемыя военнымъ судомъ, носили свойственный вѣку характеръ суровости; назначались мучительныя казни, напримѣръ, за чародѣйство—сожженіе; за поруганіе иконъ—прожиганіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, а потомъ отрубленіе головы. За убійство назначалась обыкновенная смертная казнь, но за убійство отца, матери, малаго дитяти или офицера—колесовали, равно и за церковное воровство. За поруганіе матери назначалось отсѣченіе сустава или смертная казнь, смотря по винѣ. Зажигательство влекло за собою сожженіе преступника, если оно не произошло въ непріятельской землѣ. За фальшивую монету опредѣлялось также сожженіе. За хульное слово, произнесенное хотя бы и по легкомыслію, въ первый разъ—заключеніе въ оковы, за второй разъ—наказаніе шпицрутенами, а въ третій—разстрѣляніе. Битье шпицрутенами отправлялось цѣлымъ полкомъ; совершившаго преступленіе въ первый разъ водили 6 разъ чрезъ полкъ, во второй—12, а въ третій,—вмѣсто битья шпицрутенами, за то же преступленіе рубили уши и носъ и ссылали въ каторгу. За злоумышленіе противъ государя—четвертовали; за дерзость противъ генерала, смотря по степени вины, назначалась смерть или тѣлесное наказаніе, а за дерзость противъ меньшаго начальства—шпицрутены. Кто противъ караула обнажалъ оружіе, тотъ подвергался разстрѣлянію. За лѣность и нерадѣніе офицеровъ — разжалованіе въ рядовые; тому же взысканію подвергались за всякое искаженіе начальническаго приказа. Виновные исключались изъ службы за свидѣтельствомъ всѣхъ офицеровъ полка, даннымъ подъ присягою. Приказанія начальства нельзя было измѣнить хотя бы явно съ доброю цѣлью; всякому дозволялось заявить свое мнѣніе командиру или самому генералу, а все-таки слѣдовало исполнять данное приказаніе. Офицерамъ запрещалось употреблять солдатъ на свою работу. При всей суровости въ военныхъ законахъ къ своимъ, совершившимъ преступленіе, замѣчательна относительная гуманность къ непрія-

телямъ. Съ плѣнникомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было обходиться какъ съ врагомъ, какъ прежде дѣлалось; запрещалось наносить побои сдавшимся непріятелямъ. При взятіи городовъ штурмомъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещалось грабить церкви, духовныя школы и госпитали. За сдачу русской крѣпости, коменданту ея грозило наказаніе, какъ за измѣну, исключая случаевъ крайняго голода, недостатка аммуниціи или большой потери людей изъ гарнизона. За самовольное сношеніе съ непріятелями четвертовали или даже рвали тѣло клещами, смотря по винѣ. Запрещалось переписываться сыну съ отцомъ, если послѣдній находился у непріятелей. Вообще не дозволялось, подъ опасеніемъ смертной казни, переписываться ни съ кѣмъ о военныхъ дѣлахъ, о состояніи войска или крѣпостей.

Воинская корреспонденція находилась въ завѣдываніи полевого почтмейстера, въ распоряженіи котораго состояли почтовыя лошади; а въ важныхъ и спѣшныхъ дѣлахъ посылались курьеры, для посылокъ назначались ординарцы отъ каждаго полка и батальона, долженствовавшіе находиться въ генеральскихъ квартирахъ или на гауптвахтѣ. Войсковая полиція во время похода находилась въ верховномъ завѣдываніи генералъ-гевальдигера. Онъ имѣлъ право не только брать подъ арестъ, но даже повѣсить виновнаго, почему имѣлъ при себѣ полкового священника и палача. Въ каждомъ полку былъ фискалъ; надъ полковыми фискалами начальствовалъ оберъ-фискалъ дивизіи, а надъ ними для цѣлаго войска, былъ генералъ-фискалъ. Фискалы обязаны были доносить о замѣченныхъ ими злоупотребленіяхъ и упущеніяхъ, не отвѣчая за справедливость доноса, исключая только, когда доносъ былъ затѣянъ со злою цѣлью. Фискалы получали часть вознагражденія изъ штрафныхъ денегъ. Надъ арестантами надзиралъ генералъ-профосъ; подъ его же вѣдѣніемъ находились въ той же должности полковые профосы. При повышеніи чинами во всемъ войскѣ постановлено было вычитать жалованье за мѣсяцъ. Кромѣ рядовыхъ, въ войскѣ дозволено было находиться волонтерамъ, которымъ предоставлялось учиться и присматриваться къ воинскому дѣлу. Волонтеры изъ иностранцевъ могли получать офицерскіе чины, а природные русскіе лишены были этого права. Офицеровъ, служившихъ въ войскѣ и получавшихъ за ранами или за старостью чистую отставку, положено было употреблять въ гарнизоны или по какимъ-нибудь дѣламъ въ губерніи. Изъ нихъ назначались также ландраты, выбираемые всѣми дворянами.

Проектированныя еще въ 1717 году коллегіи вступили въ отправленіе своей должности въ 1719 году. Тогда во всемъ го-

сударствѣ начались новые административные и юридическіе порядки: судебная часть отнималась у губернаторовъ, и земскіе приказы уже были изъяты изъ вѣдомства администраціи. Въ провинціяхъ введены были, вмѣсто ландратовъ, воеводы. Они надзирали за отправленіемъ правосудія, но не участвовали въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ,—ограждали жителей отъ обидъ со стороны всякаго начальства, солдатъ и постороннихъ людей, наблюдали, чтобъ не было воровства, подлоговъ, фальшивыхъ денегъ, мѣръ и вѣсовъ, смотрѣли за дорогами, хватали гулящихъ людей, нищихъ, надзирали, чтобъ помѣщики не утѣсняли крестьянъ, а крестьяне бы оттого не разбѣгались. Они доносили въ сенатъ о помѣщикахъ, злоупотреблявшихъ своею властью, брали по сенатскому рѣшенію виновныхъ на исправленіе и дѣлали распоряженія о передачѣ имѣній ихъ родственникамъ въ управленіе. Въ апрѣлѣ 1720 года учреждены по провинціямъ земскія канцеляріи, подъ управленіемъ земскихъ дьяковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ воеводъ. Фискалы надзирали за производствомъ дѣлъ въ земскихъ канцеляріяхъ. Сборъ доходовъ возлагался на земскихъ коммиссаровъ; они не могли ихъ тратить, а отдавали въ земскую казенную. Земскіе коммисары наблюдали за пріемомъ казеннаго хлѣба и казенныхъ вещей, за всякими казенными продажами, за отпускомъ провіанта на войско, за соблюденіемъ договоровъ по откупамъ, находились при переписи дворовъ, не допускали солдатъ дѣлать насилія надъ жителями и должны были наблюдать, чтобъ жители отдавали дѣтей своихъ на обученіе чтенію и письму. Состоя подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ, воеводъ и земскихъ конторъ, земскіе коммиссары жили въ своихъ уѣздахъ вмѣстѣ съ земскими писарями и нѣсколькими подчиненными имъ коммисарами, исполнявшими ихъ порученія. Губернаторамъ и воеводамъ запрещалось поносить ихъ и безчестить ихъ бранью.

Финансовая часть находилась въ рукахъ земскихъ камерировъ и земскихъ рентмейстеровъ или казначеевъ. Земскіе камериры, вмѣстѣ съ губернаторами и воеводами, наблюдали за сборомъ доходовъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, соображаясь съ окладными книгами, получаемыми изъ камеръ-коллегіи. Деньги, приходившія въ руки камериру, онъ самъ не смѣлъ тратить, а отсылалъ ихъ въ земскую рентерею. Земскій камериръ жилъ при губернаторѣ и, находясь подъ его надзоромъ, завѣдывалъ земскою конторою, которая раздѣлялась на два отдѣленія: одно—рентерея, другое – казенная. Самъ камериръ обязанъ былъ посѣщать еже-

дневно, кромѣ праздниковъ, земскую контору и оставаться тамъ шесть часовъ, подъ опасеніемъ штрафа двухъ рублей въ день. Фискалъ секретно наблюдалъ за исправленіемъ его обязанностей. Казна находилась на сохраненіи у рентмейстера, подчиненнаго губернатору и земскому камериру. Но, въ свою очередь, рентмейстеръ, хотя и подчиненъ былъ послѣднему, могъ однако дѣлать ему замѣчанія. Рентмейстеры, или земскіе казначеи, вели счеты по статьямъ и выдавали деньги за ассигновками отъ губернаторовъ, воеводъ и камерировъ. По окончаніи года они всѣ книги отдавали земскимъ камерирамъ для провѣрки и для отсылки въ штатсъ-контору и камеръ-коллегію. Въ каждой губерніи должно было учинить переписную книгу землямъ, и копію съ нея отослать въ камеръ-коллегію.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялись областныя учрежденія, поставленныя въ соотвѣтствіе съ общимъ коллегіальнымъ строемъ государственнаго механизма. Для предупрежденія взяточничества, казнокрадства и всякихъ другихъ злоупотребленій, Петръ держался такой политики, чтобы размѣщать въ областяхъ такихъ правительственныхъ лицъ, которыя бы не только не были связаны между собою родствомъ и дружбою, но находились другъ съ другомъ во враждебныхъ отношеніяхъ. Средство это не всегда могло оказаться удачно избраннымъ, потому что враги силились одинъ другому сдѣлать непріятность и вредили чрезъ то механизму общаго управленія.

Камеръ-коллегія, получая изъ губерній переписныя книги окладныхъ и неокладныхъ податей, разсматривала и утверждала всѣ статьи приходовъ. Она испрашивала у сената дозволенія наложить на то или другое новый налогъ. При раскладкѣ податей, камеръ-коллегія должна была принимать во вниманіе цѣну полевыхъ трудовъ, разныя текущія обстоятельства и „соблюдать равенство между богатыми и бѣдными, чтобъ никто не былъ ни отягченъ ни уволенъ болѣе другихъ. Въ противномъ случаѣ,— замѣчалось въ царскомъ указѣ,—убогіе станутъ разбѣгаться и вопль бѣдныхъ привлечетъ гнѣвъ Божій на государство“. Камеръ-коллегія налагала всѣ мелкія земскія и городскія пошлины, но вѣдѣнію ея не подлежали раскладка и взиманіе пошлинъ съ купеческихъ товаровъ, такъ какъ этимъ завѣдывали коммерцъ-коллегія, а также бергъ и мануфактуръ-коллегія.

Штатсъ-контора состояла изъ президента, двухъ штатсъ-коммиссаровъ, двухъ секретарей, двухъ камерировъ и одного рентмейстера, или казначея. Штатсъ-контора не имѣла права вмѣшиваться въ хранимыя казначеемъ наличныя деньги, а только

давала ему ассигновки для выдачи кому слѣдовало. Каждый годъ штатсъ-контора составляла государю бюджетъ по статьямъ, и если находила какую-нибудь статью ненужной, то представляла о томъ правительствующему сенату или государю, а о выдачѣ суммы, выходящей изъ предѣловъ утвержденной годовой росписи, предварительно докладывала только самому государю. Она должна была постоянно сноситься съ камеръ-коллегіей, чтобы доходы сообразовались съ расходами. Рентмейстеръ при штатсъ-конторѣ выбирался самимъ государемъ, а въ провинціяхъ ихъ назначала штатсъ-контора, и всѣ они отъ ней зависѣли. Рентмейстеръ, состоящій при штатсъ-конторѣ, завѣдывалъ государственною казною, которая помѣщалась въ крѣпости, въ каменномъ строеніи со сводами. Помогали рентмейстеру: бухгалтеръ и писарь.

Коммерцъ-коллегія, состоявшая изъ президента, вице-президента, совѣтниковъ, ассесоровъ, коммиссаровъ и канцелярскихъ служителей, вѣдала всю торговлю въ Россіи, торговое мореплаваніе, таможни, судъ въ купеческихъ тяжбахъ, городскія привилегіи и ярмарочныя права, денежные дворы, переведенные въ 1719 году изъ Москвы въ Петербургъ,—смотрѣла за веденіемъ дѣлъ въ магистратахъ и за полиціей въ городахъ, рѣшала вексельныя дѣла, давала облегченія отъ пошлинъ, надзирала надъ шлюзами, охраняла права торговыхъ иноземцевъ, собирала свѣдѣнія о цѣнахъ и пошлинахъ и о состояніи торговли за границею, для примѣненія къ Россіи.

Юстицъ-коллегія вѣдала окончательно всѣми судными, розыскными, земскими и помѣстными дѣлами и всѣмъ судоустройствомъ въ государствѣ.

Воинская коллегія сообразовалась съ изданнымъ ранѣе воинскимъ уставомъ. Судныя дѣла, по которымъ будетъ слѣдовать смертная казнь, отсылались корпусными генералами въ воинскую коллегію, а коллегія должна представлять ихъ на рѣшеніе государю. Въ то время война съ Швеціей уже подходила къ концу; поэтому воинская коллегія занялась вопросами о содержаніи и размѣщеніи арміи въ государствѣ въ мирное время и объ отношеніяхъ гражданъ и военныхъ людей другъ къ другу. Окончаніе продолжительной войны давало возможность отпустить съ дѣйствительной службы часть воиновъ: престарѣлыхъ и раненыхъ велѣно отсылать въ монастыри для содержанія изъ монастырскихъ доходовъ; унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, происходящимъ изъ шляхетства, дозволено за ранами и старостью отправляться на родину и вступать по желанію въ гарнизоны. Въ началѣ 1720 года отпущена была, за исключеніемъ финляндскаго кор-

пуса, до 1 марта 1721 г., треть всѣхъ офицеровъ и рядовыхъ, но такъ, чтобъ изъ каждаго полка было въ отпуску драгунъ не болѣе 50, а солдатъ не болѣе 40 человѣкъ. Въ началѣ 1721 года вводилась по Россіи постойная повинность, не исключая и Малороссіи. Велѣно было разставить драгунъ и пѣхотные полки, такъ, чтобъ на опредѣленное число жителей приходилось по солдату. Со стороны обывателей, этимъ дѣломъ завѣдывали земскіе коммиссары, выбираемые помѣщиками на одинъ годъ: со всякой души помѣщики должны были давать на содержаніе солдатъ извѣстныя пропорціи денегъ въ два, три или въ четыре срока въ теченіи года, смотря по тому, какъ имъ будетъ удобнѣе. Опредѣлено, вмѣсто размѣщенія солдатъ на квартирахъ у крестьянъ, устроить слободы, такъ, чтобы приходилось по избѣ на два человѣка солдатъ, и на одного урядника. Каждаго полка рота отъ роты должна была помѣщаться: драгунъ въ десятиверстномъ разстояніи, а солдатъ—въ пяти-верстномъ. Въ срединѣ помѣщенія роты предположено сдѣлать офицерамъ дворъ съ избами для жилья имъ и ихъ людямъ. Каждый полкъ отъ полка долженъ былъ отстоять: пѣхотный на 50 верстъ, а драгунскій на 100 верстъ. Для полкового штаба надлежало сдѣлать дворъ съ восемью избами и сараями для помѣщенія телѣгъ и полковыхъ ящиковъ. Но тамъ, гдѣ дворяне не пожелали бы выстроить такихъ слободъ, солдатъ слѣдовало ставить у крестьянъ по дворамъ. Въ спорахъ между крестьянами и солдатами судъ долженъ былъ производиться пополамъ: полковымъ коммиссаромъ изъ офицеровъ и земскимъ коммиссаромъ изъ мѣстныхъ дворянъ. Земскій коммиссаръ обязанъ былъ собирать въ своемъ уѣздѣ деньги на войско и отдавать полковому при всѣхъ офицерахъ. Приказано было сдѣлать росписаніе: па сколько душъ крестьянъ придется содержаніе рядового солдата, и затѣмъ болѣе уже никакихъ податей и работъ для войска не требовать, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нападенія или внутренняго междоусобія.

Адмиралтейская коллегія должна была установить единство и правильность въ управленіи военнымъ флотомъ и всѣми морскими дѣлами. До тѣхъ поръ высшимъ административнымъ мѣстомъ по этой части была „военная морскихъ дѣлъ канцелярія“, замѣнившая приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ, находившійся прежде въ Москвѣ; но всѣ распоряженія, главнымъ образомъ, исходили отъ лица адмирала, которымъ былъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Хозяйственною частью завѣдывалъ морской коммиссаріатъ, подъ управленіемъ оберъ-кригсъ-коммиссара. Въ составъ адмиралтейской коллегіи входили: адмиралъ, вице-адмиралъ, оберъ-кригсъ-коммиссаръ и нѣсколько шаубенах-

товъ. Подъ ея начальствомъ были всѣ прежнія морскія канцеляріи и конторы, которыхъ было тринадцать, сообразно разнымъ видамъ морского управленія. Для руководства этой коллегіи составленъ былъ въ 1720 г. морской уставъ съ предисловіемъ, излагавшимъ предыдущую исторію морского дѣла въ Россіи. Текстъ устава заключалъ въ себѣ устройство морской службы, корабельную полицію и морское судопроизводство. Уголовные морскіе законы отличались еще бо́льшею суровостью, чѣмъ воинскій уставъ, служившій руководствомъ для арміи. Матросы, за легкіе проступки, подвергались битью шпицрутенами и кошками, за болѣе тяжелыя преступленія — кнуту, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ въ каторжную работу и смертной казни, которая могла постигать и состоящихъ въ офицерскихъ чинахъ. Кромѣ повѣшенія и отрубленія головы, употреблялись: колесованіе, четвертованіе, прожженіе языка и сожженіе.

Адмиралтейская коллегія вступила въ полную свою дѣятельность не ранѣе 1722 года, когда составленъ былъ адмиралтейскій регламентъ, гдѣ изложены были правила объ управленіи флота, содержаніи портовъ и верфей, указаны подробно обязанности начальствующихъ лицъ и матросовъ и способъ морского дѣлопроизводства.

Горное дѣло Петръ соединилъ въ одномъ вѣдомствѣ съ мануфактурнымъ, такъ какъ обѣ отрасли государственнаго хозяйства были имъ равно особенно любимы, и въ обѣихъ отрасляхъ необходимо было распространеніе спеціальныхъ знаній и искусства. Тѣмъ и другимъ завѣдывала бергъ- и мануфактуръ-коллегія. Всѣмъ дозволялось, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать металловъ, минераловъ, красокъ и камней. Кто пожелаетъ устроить заводъ, долженъ явиться въ С.-Петербургѣ въ бергъ-коллегію, а въ Москвѣ и другихъ городахъ къ бергъ-офицерамъ, опредѣленнымъ отъ бергъ-коллегіи. Когда, послѣ такого заявленія, офицеры, посланные отъ бергъ-коллегіи, произведутъ развѣдку, тогда хозяинъ можетъ просить о дозволеніи открыть заводъ и получить жалованную грамоту. На разработку руды полагалось мѣсто въ 250 саженъ длиною и 250 шириною. Помѣщикъ безъ дозволенія не могъ строить заводовъ на собственной землѣ. Если же онъ не просилъ о разрѣшеніи самому устраивать заводъ, то долженъ былъ не препятствовать, когда другіе въ его земляхъ будутъ искать руду и минералы и испросятъ дозволеніе строить заводы; въ такомъ случаѣ учредители обязаны платить владѣльцу земли одну треть прибыли, получаемой съ каждаго металла или минерала. Владѣлецъ завода обязанъ былъ про-

давать золото, серебро, мѣдь и селитру въ казну по цѣнамъ, установленнымъ бергъ-коллегіей, а желѣзо, свинецъ, олово и другіе металлы и минералы могъ продавать свободно, кому хотѣлъ. Рабочіе на заводахъ освобождались отъ солдатской и матросской службы и отъ всѣхъ денежныхъ поборовъ, налагаемыхъ повально на народонаселеніе. Кто, зная о существованіи гдѣ-нибудь руды, утаивалъ ее передъ казною, тотъ подвергался тѣлесному наказанію и даже, смотря по важности вины, смертной казни.

Указъ о порядкѣ производства дѣлъ въ иностранной коллегіи мы застаемъ только въ 1720 году, отъ 13-го февраля. Въ важныхъ случаяхъ президентъ и вице-президентъ должны были созывать на обсужденіе дѣлъ всѣхъ или нѣсколькихъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, изъ которыхъ первенствующее значеніе имѣли совѣтники тайной канцеляріи (Остерманъ и Степановъ). Они должны были сочинять грамоты къ иностраннымъ государямъ, важнѣйшіе рескрипты, резолюціи и деклараціи, требующіе великаго секрета, а прочіе, не такъ важные, поручать составлять своимъ секретарямъ, которые значились по экспедиціямъ: на россійскомъ, польскомъ, турецкомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ.

28-го февраля 1720 года, составленъ былъ генеральный регламентъ о порядкѣ занятій и движеніи дѣлъ во всѣхъ коллегіяхъ. Засѣданія происходили въ каждой коллегіи, по понедѣльникамъ, вторникамъ, средамъ и пятницамъ, а по четвергамъ президенты всѣхъ коллегій должны были съѣзжаться въ сенатскую палату, гдѣ имъ положено было находиться пять часовъ. По особенно важнымъ дѣламъ они обязаны были съѣзжаться, не смотря ни на дни, ни на часы. За неприбытіе въ должность членъ коллегіи наказывался за каждый просроченный часъ вычетомъ изъ жалованья, слѣдуемаго ему за недѣлю. Царскій указъ долженъ исполняться немедля, не далѣе какъ черезъ недѣлю, исключая случаевъ, когда необходимыми окажутся справки съ губерніями и провинціями, но и тутъ было разсчитано время и пространство: положено было считать по два дня на 100 верстъ, и во всякомъ случаѣ болѣе шести недѣль не протягивать справки. Дѣла челобитчиковъ слѣдовало вершить по реестру не долѣе шести мѣсяцевъ, подъ опасеніемъ штрафа 30-ти рублей за день. Дѣла казенныя разбирались прежде частныхъ. Всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, а когда голоса раздѣлялись по-ровну, то голосъ президента давалъ перевѣсъ. Отсутствіе члена, хотя бы самого президента, не останавливало дѣла. Коллегіямъ давалось вакаціонное время: среди лѣта на че-

тыре недѣли, зимніе святки, начиная съ праздника Рождества Христова до праздника Богоявленія, первая и послѣдняя недѣли великаго поста, недѣля сырная и недѣля пасхальная. Но всѣ члены не могли отлучаться разомъ. Въ другое время, по мѣрѣ надобности, президенты и вице-президенты получали отпуски болѣе чѣмъ на восемь дней отъ государя, другіе же служащіе въ коллегіяхъ — отъ президента. Хозяиномъ всего дѣлопроизводства въ коллегіи былъ секретарь или начальникъ канцеляріи, но при рѣшеніи дѣлъ онъ голоса не имѣлъ. Нотаріусъ велъ протоколы, актуаріусъ завѣдывалъ корреспонденціей, регистраторъ велъ реестры входящихъ и исходящихъ дѣлъ, и при коллегіи былъ еще особый переводчикъ. Канцелярскіе служители занимались письмоводствомъ по указанію секретаря. У президента каждой коллегіи была своя особая комната и свой особый секретарь, зависѣвшій только отъ президента. Всѣ коллегіи находились подъ вѣдѣніемъ сената, безъ его одобренія не могли печатать своихъ приговоровъ и указовъ, а если полагали, что сенатъ требовалъ исполненія чего-нибудь противнаго интересамъ царскаго величества, то должны были учинить письменное представленіе самому государю. Въ случаѣ смерти или выбытія члена, мѣсто его замѣщалось баллотировкою въ сенатѣ. Служащіе въ коллегіяхъ, за преступленія, содѣянныя ими, судились въ тѣхъ же коллегіяхъ. Каждая коллегія имѣла свою собственную печать; въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хранилась государственная печать, которою печатались грамоты къ иностраннымъ государямъ и малороссійскимъ гетманамъ. При каждой коллегіи устраивались двѣ прихожихъ камеры, для посѣтителей, но такъ, чтобъ „люди знатнаго характера отъ подлыхъ различены были“. Прошеніе слѣдовало подавать непремѣнно въ зданіи коллегіи, а не на домахъ у президентовъ. Надъ каждой коллегіей наблюдалъ особо назначенный фискалъ, сообщавшій свои доносы генеральному фискалу.

Коллегіи и канцеляріи, учрежденныя Петромъ на иностранный образецъ и даже съ иностранными названіями, оказались до того дикими и чуждыми русскому народу, что онъ долго не могъ понять хитраго и сложнаго механизма ихъ. Челобитчики, нуждавшіеся въ подачѣ просьбъ, становились втупикъ — въ какую коллегію или въ какое мѣсто слѣдовало подавать. Это побудило Петра, 13-го мая 1720 года, опредѣлить „знатную особу“, а съ нею секретаря, для пріема челобитныхъ, которыя послѣ припятія надлежало разсылать по коллегіямъ и канцеляріямъ. Вообще коллегіи были плодомъ того взгляда, что все чужое, европейское, лучше русскаго. Первый, навѣявшій Петру мысль

о коллегіяхъ, былъ Лейбницъ, который выражался, что хорошее управленіе государствомъ, подобное божескому управленію вселенной, можетъ существовать только при коллегіяхъ, которыхъ внутреннее строеніе напоминало бы устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ въ движеніе одно другое. Петру глубоко запали въ умъ наставленія нѣмецкаго мудреца, и, чрезъ многіе годы послѣ бесѣдъ съ нимъ, Петръ устроилъ коллегіи, приблизительно въ тѣхъ основныхъ формахъ, въ какихъ намѣтилъ Лейбницъ. Но вскорѣ оказалось, что не все удается сразу на практикѣ, что́ кажется хорошимъ въ предположеніяхъ.

Учредивши коллегіи, государь скоро сталъ выражать недовольство на старинную медленность въ дѣлахъ. Иногда предписаніе высшаго начальства оставалось и безъ исполненія, и безъ отвѣта. Царь повелѣлъ немедленно отвѣчать на другой день послѣ полученія бумаги, и только въ важныхъ дѣлахъ давался недѣльный срокъ для отвѣта. За неисполненіе указа царь угрожалъ разореніемъ, ссылкою и даже лишеніемъ живота. Не смотря на такую угрозу, Петру безпрестанно приводилось слышать жалобы на неисполненіе предписаній. Такъ, напримѣръ, тотчасъ же по своемъ открытіи, камеръ-коллегія и штатсъ-контора жаловались, что, послѣ неоднократныхъ требованій, изъ губерній не присылаются къ нимъ вѣдомости окладныхъ и неокладныхъ податей о приходахъ и расходахъ. По этому поводу за понужденіемъ посланы были нарочные. За неисполненіе требованій коллегіи губернаторы обязаны были виновныхъ сковать по ногамъ, а на шеи положить имъ цѣпи и до тѣхъ поръ ихъ не освобождать, пока они не исполнятъ своей обязанности. Въ 1720 году камеръ-коллегія и штатсъ-контора опять жаловались на неприсылку тѣхъ же вѣдомостей, и сообщали, что въ тѣхъ мѣстахъ, откуда онѣ были присланы, составляли ихъ невѣрно. Опять посланы были нарочные съ понужденіемъ; ихъ не слушали. Мѣстныя власти между собой не ладили; камериры жаловались на воеводъ, что они полагаютъ имъ всякія препятствія, мѣшаютъ отправленію ихъ обязанностей и не отвѣчаютъ на ихъ требованія. Юстицъ-коллегія замѣчала, что въ подвѣдомственныхъ ей мѣстахъ въ помѣстномъ приказѣ и расправной палатѣ происходятъ медленность въ веденіи дѣлъ и упущенія. На такія заявленія трехъ коллегій Петръ, 23-го сентября, пригрозилъ губернскимъ и провинціальнымъ властямъ жестокимъ наказаніемъ за неисправность. Но такія угрозы были явленіемъ черезъ-чуръ обычнымъ, чтобы имѣть большое вліяніе. Отъ губернаторовъ и воеводъ „не только слабое отправленіе идетъ, но и весьма многое ослушаніе чи-

нится и якобы ни во что оное вмѣняя тщатся только возстановить надлежащій въ коллегіяхъ порядокъ, а фискалы о томъ не доносятъ..... одинъ судъ другой судъ ни во что вмѣняетъ и не только исполнять, но съ яростью поносить хочетъ",—такую картину современнаго порядка изображалъ государь въ своемъ указѣ. Все дѣлалось какъ будто въ насмѣшку надъ изданнымъ недавно генеральнымъ регламентомъ, по которому всѣ правительственныя и судебныя мѣста должны были оказывать другъ другу взаимное вспоможеніе. Въ самомъ составѣ коллегіи происходили раздоры. Членамъ юстицъ-коллегіи Петръ долженъ былъ замѣчать, чтобъ они не считались мѣстами и не ссорились изъ за мѣстъ, и припомнилъ имъ, что старые разряды давно уже на вѣки оставлены и до конца искоренены. При злоупотребленіяхъ тогдашнихъ русскихъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ, при неразвитости народа, царская воля толковалась чрезвычайно произвольно. Чтобы положить предѣлы беззаконіямъ, въ началѣ 1720 года царь указалъ впередъ посылать не письменные, какъ прежде бывало, а печатные указы и прочитывать ихъ народу въ церквахъ.

29 мая 1719 года былъ изданъ важный сенатскій указъ объ устройствѣ губерній. Теперь всѣ губерніи раздѣлялись на провинціи, провинціи имѣли уѣзды. Въ с.-петербургской губерніи было 12 провинцій: с.-петербургская, выборгская, нарвская, ревельская, (которую предположено обратить въ губернію), великолуцкая, новгородская, псковская, тверская, ярославская, углицкая и бѣлоозерская. Московская губернія имѣла 9 провинцій: московскую, переяславльско-рязанскую, костромскую, суздальскую, юрьевопольскую, владимірскую, переяславль-залѣсскую, тульскую и калужскую. Кіевская губернія раздѣлялась на 4 провинціи: бѣлогородскую, сѣвскую, орловскую и кіевскую. Азовская—на 5, а именно: воронежскую, елецкую, тамбовскую, шацкую и бахмутскую. Рижская—на 2 провинціи: рижскую и смоленскую. Въ архангелогородской было 4 провинціи: двинская, вологодская, тотемская, устюжская и галицкая. Въ сибирской 3 провинціи: вятская, соликамская и сибирскіе города; всего ихъ было 19, начиная отъ Тобольска и кончая Якутскомъ. Казанская—4 провинціи: казанская, свіяжская, пензенская и уфимская. Нижегородская заключала въ себѣ 3 провинціи: нижегородскую, самарскую и алатырскую. Астраханская не значится раздѣленной на провинціи; къ ней относились всѣ города по нижней Волгѣ отъ Симбирска до Астрахани.

Для отправленія изъ коллегій указовъ и для полученія до-

несеній изъ губерніи и провинцій съ конца апрѣля 1719 года устроены были почты, отъ С.-Петербурга до всѣхъ значительныхъ городовъ, гдѣ были губернаторы или провинціальные воеводы. Дозволено было на этихъ почтахъ ѣздить по собственной надобности и выдавать подорожныя, но за двойные прогоны. За письма по вѣсу положено было брать $1^1/_2$ деньги за золотникъ. Купеческія письма на эти почты не принимались, потому что для торговыхъ дѣлъ существовала почта отъ иностранной коллегіи. Въ февралѣ 1721 года правила о подорожныхъ распространены были и на Малороссію. Почтовому порядку долго мѣшало то, что офицеры и курьеры, ѣздившіе по казеннымъ дѣламъ, причиняли ямщикамъ насилія, и отъ этого ямщики, поселенные еще въ 1714 году на пути отъ Петербурга до Волхова, въ 1720 году всѣ почти разбѣжались.

Давно уже у Петра была мысль преобразовать русскіе города и поставить ихъ въ новомъ видѣ, по европейскому образцу. Эта мысль нашла себѣ осуществленіе 16 января 1721 г. въ изданіи регламента главнаго магистрата. Еще въ 1720 г. предприняты были предварительныя работы подъ начальствомъ князя Трубецкаго. Всѣ русскіе города приводились въ зависимость отъ центральнаго мѣста, называемаго главнымъ магистратомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ оберъ-президентъ съ членами. Главный магистратъ обязанъ былъ учредить во всѣхъ русскихъ городахъ магистраты, снабдить ихъ добрыми уставами, доброй полиціей и управлять ими. Города раздѣлялись на 5 разрядовъ: 1-го разряда—главнѣйшіе, въ которыхъ было отъ 2 до 3 тысячъ дворовъ; къ такимъ принадлежали между прочимъ: Москва, Петербургъ, Новгородъ, Рига, Ревель, Архангельскъ, Ярославль, Вологда, Нижній-Новгородъ, Казань и Астрахань; 2-го разряда—города какъ внутренніе, такъ и приморскіе, имѣвшіе отъ 1 до $1^1/_2$ тысячи дворовъ; 3-го разряда—внутренніе и приморскіе, имѣвшіе дворовъ отъ 500 до 1,000; 4-го — отъ 250 до 500 дворовъ; 5-го—маленькіе городки и слободы. Велѣно было губернаторамъ и подначальнымъ имъ лицамъ доставлять подробныя вѣдомости о состояніи городовъ съ чертежами, по которымъ можно было понять мѣстоположеніе ихъ. Городъ, по понятію законодателя, собственно состоялъ изъ торговыхъ людей и ремесленниковъ; это были настоящіе граждане, для которыхъ существовалъ магистратъ. Они раздѣлялись на 2 гильдіи: къ 1-й гильдіи принадлежали: банкиры и знатные купцы, доктора, аптекаря, шкиперы купеческихъ кораблей, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, живописцы, иконники и другіе,

производящіе свое искусство въ большомъ размѣрѣ. Ко 2-й гильдіи принадлежали торговавшіе мелкими и харчевыми припасами и менѣе значительные ремесленники. Каждое ремесло или художество должно было имѣть свой цехъ, подъ начальствомъ альдермановъ, которые вели книги, гдѣ записывались права и правила цеховъ. Люди, такъ-называемые подлые, проживавшіе наймами и черными работами, не причислялись къ гильдіямъ; не принадлежали къ послѣднимъ и не зависѣли отъ магистрата всѣ жительствовавшіе въ городѣ люди шляхетнаго достоинства и духовнаго сана, не торговавшіе и не занимавшіеся ремесломъ. Указано было собрать въ городахъ гостей, гостиной сотни людей, гостинныхъ дѣтей и вообще первостатейныхъ, зажиточныхъ и умныхъ гражданъ, изъ нихъ составить магистратъ, а въ магистратѣ выбрать президента, въ другихъ же менѣе важныхъ городахъ—бургомистра. Выборъ президентовъ, а въ другихъ городахъ бургомистровъ совершался такъ: главный магистратъ посылалъ указъ о выборахъ. Губернаторъ, получивши этотъ указъ, собиралъ гражданъ для производства выбора. Выборъ исполнялся по большинству голосовъ. Губернаторъ посылалъ выборы вмѣстѣ съ 3 или 4 искусными людьми въ С.-Петербургъ, въ главный магистратъ, для уразумѣнія инструкціи. Когда главный магистратъ находилъ выбранныхъ достойными, то посылалъ о нихъ указы и по тѣмъ указамъ созывались уже всѣ граждане: имъ объявлялось, чтобы они были послушны выбраннымъ властямъ. Затѣмъ произносилась присяга выборными членами. Въ городахъ первой статьи были: президентъ и съ нимъ 4 бургомистра, въ городахъ 2-го разряда—президентъ съ 3 бургомистрами, въ городахъ 3 и 4 разрядовъ—по 2 бургомистра, а въ прочихъ, т. е. маленькихъ—по одному бургомистру. Ко всякому бургомистру придавалось ратмановъ въ большихъ городахъ по 2 человѣка,—въ среднихъ и меньшихъ неопредѣленное число по разсмотрѣнію. Въ случаѣ преступленія, обѣднѣнія или кончины одного изъ членовъ магистрата, на его мѣсто выбирался другой, тѣмъ же способомъ. Могли быть выбираемы въ члены магистрата и иностранные купцы, но записавшись въ гражданство того города, гдѣ ихъ выбирали. Члены магистрата освобождались отъ всякихъ другихъ гражданскихъ службъ. Главный магистратъ былъ судебное мѣсто на всю Россію для купцовъ и ремесленныхъ людей, по всякимъ уголовнымъ дѣламъ. По его распоряженію въ городахъ, гдѣ было по нѣсколько бургомистровъ, одинъ изъ нихъ занимался розысками по уголовнымъ дѣламъ, и имѣлъ право подписывать рѣшенія по всѣмъ дѣламъ, кромѣ государ-

ственныхъ; но когда слѣдовала смертная казнь, то исполненіе приговора задерживалось до подтвержденія главнымъ магистратомъ. На бургомистровъ въ малыхъ городахъ аппеляціи подавались въ магистраты съ президентами, находившіеся въ тѣхъ городахъ, гдѣ помѣщалось провинціальное начальство. Недовольные этимъ судомъ могли жаловаться въ высшій магистратскій судъ. Въ случаѣ тяжбы гражданина съ негражданиномъ, дѣло производилось въ надворномъ судѣ, но сообща съ президентомъ магистрата; когда же происходило разногласіе между надворнымъ судомъ и президентомъ, то рѣшалъ дѣло главный магистратъ. Обязанностію главнаго магистрата было стараться, чтобы новоучрежденные магистраты вездѣ были содержаны „и въ такую знатность и почтеніе приведены, какъ въ иныхъ государствахъ обыкновенно есть". Главный магистратъ, по образцу чужихъ государствъ, долженъ былъ, по своему усмотрѣнію: заводить большія и малыя ярмарки, въ приморскихъ знатныхъ купеческихъ городахъ устроивать биржи, гдѣ бы купечество сходилось для своихъ торговыхъ дѣлъ, постановленій и векселей, при биржѣ учреждать присяжныхъ маклеровъ, которыхъ бы записки имѣли силу судныхъ протоколовъ, выбирать въ городахъ квартирмейстровъ для размѣщенія военнаго постоя. Велѣно было устроить цухтгаузы (смирительные домы) для исправленія непослушныхъ родителямъ дѣтей, расточителей своихъ имѣній, лѣнтяевъ, нищихъ, гулякъ; для исправленія же дурного поведенія женщинъ—шпингаузы или прядильные домы; для призрѣнія увѣчныхъ, престарѣлыхъ и сирыхъ—госпитали; а для наученія чтенію, письму и ариѳметикѣ—школы.

Въ каждомъ большомъ и среднемъ городѣ повелѣно строить ратушу, помѣщавшуюся въ каменномъ домѣ на площади, въ два жилья; верхнее назначалось для магистрата, а нижнее отдавалось подъ лавки. Кромѣ членовъ магистрата, въ немъ долженъ быть секретарь и нѣкоторое число приказныхъ. Каждый годъ всѣ магистраты обязаны были посылать въ главный магистратъ генеральные рапорты, по установленной формѣ, о состояніи своего города. Магистраты не подчинены были губернаторамъ и воеводамъ въ дѣлахъ городского суда и экономіи, и, въ случаѣ несогласія магистрата съ гражданами, судилъ главный магистратъ. Въ преобразованіи городовъ видно то же стремленіе Петра передѣлать по наружному виду Россію на иностранный ладъ. Законодатель сознавалъ, что купеческіе и ремесленные люди въ Россіи „отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній несносны, едва они не разорены, отчего оныхъ весьма умалилось, что

есть не безъ важнаго государственнаго вреда". Онъ думалъ для процвѣтанія въ Россіи промысловъ и торговли, сдѣлать русскій городъ подобіемъ нѣмецкаго, пересадивъ въ него нѣкоторые нѣмецкіе признаки устройства съ чуждыми русскому уху названіями, которыя неудобно складывались въ русской рѣчи. Впрочемъ, царь сознавалъ, что невозможно всего сдѣлать сразу, и потому предоставилъ главному магистрату подавать въ коллегіи свои предложенія о перемѣнахъ уставовъ, касающихся торговли и мануфактуры. Оберъ-президентъ главнаго магистрата присутствовалъ въ коллежскихъ совѣщаніяхъ по этимъ предметамъ и могъ дѣлать предложенія камеръ-коллегіи, завѣдывавшей поборами и налогами, если находилъ какія-нибудь мѣры обременительными для гражданъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ изданія магистратскаго регламента, 25 января того же года, явилось другое, еще болѣе важное преобразовательное законоположеніе—регламентъ духовной коллегіи. Послѣ основанія коллегій, обнимавшихъ различныя отрасли общественнаго строя, оставалось только ввести коллегіальный порядокъ и въ церкви. Въ предисловіи къ духовному регламенту выражена мысль о логическомъ переходѣ идеи коллегіальности отъ мірской области въ церковную. „Хотя,—говорится въ немъ, — власть монарховъ самодержавна, но ради лучшаго взысканія истины и чтобъ не клеветали непокорные люди, что монархъ имѣетъ своихъ совѣтниковъ, тѣмъ болѣе это необходимо, въ церковномъ правленіи, гдѣ правительство не монаршеское есть и правителемъ заповѣдуется да не господствуютъ клиру". Коллегіальный порядокъ признавался самымъ удобнымъ и пристойнымъ для церкви, и потому-то учреждалась для всѣхъ церковныхъ дѣлъ духовная коллегія. Подъ духовными дѣлами разумѣлись два рода дѣлъ: однѣ касались вообще всѣхъ принадлежащихъ къ церкви лицъ, какъ духовнаго, такъ и мірского чина, отъ мала до велика; ко второму разряду причислялись собственно дѣла, касавшіяся лицъ духовнаго званія. Сообразно духу Петра, духовный регламентъ начинаетъ съ преслѣдованія того, что̀ по невѣжеству, боготворила старина, не допуская никакой здравой критики. Въ благочестивой письменности русскаго народа уже черезъ-чуръ много накопилось исторій и житій святыхъ, изъ которыхъ многія явно были вымышленными; о нихъ сдѣлалъ замѣчаніе регламентъ, указавши для примѣра только на подложность одного житія, именно житія Евфросина Псковскаго съ его сугубою аллилуіею, послужившею старообрядству однимъ изъ нагляднѣйшихъ пунктовъ отпаденія отъ церкви. Разомъ съ жи-

тіями, регламентъ зацѣпилъ акаѳисты и разныя молитвословія, распространявшіяся изъ Малороссіи. Регламентъ причислялъ къ нимъ и тѣ, которыя, не заключая ничего противнаго церковной истинѣ, все-таки могли быть не обязательны для всѣхъ, и не должны были читаться въ церкви, „дабы по времени не вошли въ законъ и совѣсти человѣческой не отягощали". Предполагалось искоренять разныя суевѣрія, вошедшія въ народъ, напримѣръ: не дѣлать дѣла по пятницамъ, чтобъ пятница не разгнѣвалась; поститься 12 пятницъ, надѣясь отъ того разныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ пріобрѣтеній; признавать богослуженіе нѣкоторыхъ дней въ году святѣе прочихъ, напр., обѣдню Благовѣщенія, утреню Пасхи и вечерню Пятидесятницы; вѣрованія, что будто погребенный въ Кіевопечерской обители будетъ спасенъ, хотя бы умеръ безъ покаянія. Вѣра въ чудотворныя иконы вела къ тому, что архіереи, желая оказать помощь убогимъ церквамъ, повелѣвали подъискивать явленныя иконы въ пустыняхъ или при источникахъ, возводили ихъ въ чудотворныя, и такимъ образомъ распространялись въ народѣ суевѣрія, выгодныя для духовенства. Регламентъ вооружился противъ этихъ злоупотребленій, какъ и противъ нѣкоторыхъ народныхъ обрядовъ, которымъ потакали духовныя особы вопреки правиламъ церкви. Напримѣръ, дошелъ до составителей регламента слухъ, что въ Малороссіи водили съ распущенными волосами женщину, называя ее пятницею, а духовенство позволяло такія церемоніи въ церковномъ ходѣ и раздачу этой пятницѣ даровъ отъ народа передъ церковью. Въ другомъ же мѣстѣ попы, потакая народнымъ суевѣріямъ, молебствовали передъ дубомъ, и раздавали на благословенье присутствующимъ вѣтви отъ дуба. Замѣчалось въ совершеніи церковнаго богослуженія уклоненіе отъ благочинія: напримѣръ, отправлялись разомъ въ одно время два и три молебна различными пѣвцами и чтецами. Все это были замѣчанія такого же рода, какія дѣлались еще при царѣ Иванѣ, передъ написаніемъ Стоглава, но затѣмъ слѣдовали указанія, свойственныя времени большаго образованія: „всекопечная нужда имѣть нѣкоторыя краткія и простымъ человѣкамъ вразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть и тыя книжицы прочитать по частямъ въ недѣльные и праздничные дни въ церкви предъ народомъ". Законодатели сознавали, что такихъ благочестивыхъ книгъ существуетъ довольно, но онѣ написаны или переведены съ греческаго на славянскій не просторѣчно „и съ трудностью разумѣются отъ человѣкъ и обученныхъ, а простымъ невѣжамъ отнюдь непостизаемо".

Предположено было сочинить три небольшихъ книжицы: первая о догматахъ вѣры и божьихъ заповѣдяхъ, вторая о собственныхъ каждаго чина должностяхъ; обѣ эти книжицы должны доводы свои почерпнуть изъ самаго священнаго писанія кратко и всѣмъ понятно; третья книжица должна была заключать въ себѣ собранныя отъ разныхъ святыхъ учителей нравоучительныя проповѣди. Всѣ три книжицы, которыя удобно будетъ переплести въ одну, должны быть читаны въ церквахъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ разъ, такъ что народъ будетъ имѣть возможность услышать ихъ четыре раза въ годъ. Архіереи поставлялись по указанію царя изъ двухъ представленныхъ на его утвержденіе выбранныхъ лицъ. На случай болѣзни или временнаго своего удаленія изъ епархіи, епископъ долженъ былъ имѣть въ виду заранѣе, для заступленія своего мѣста, надежнаго архимандрита или игумена. Для наблюденія за своей епархіей, епископъ долженъ былъ установить законщиковъ, иначе благочинныхъ, т.-е. духовныхъ фискаловъ, которые бы доводили до его свѣдѣнія обо всемъ, что будетъ требовать исправленія. Въ своемъ домѣ или въ другомъ, по своему усмотрѣнію, епископъ долженъ содержать школу для первоначальнаго обученія священническихъ дѣтей. Здѣсь онъ будетъ въ состояніи видѣть, кто по способностямъ можетъ со временемъ быть произведенъ въ священники, и кто долженъ быть заранѣе отпущенъ изъ школы, съ отнятіемъ надежды на полученіе священства когда бы то ни было. На содержаніе такой школы постановлено брать отъ знатнѣйшихъ монастырей и церковныхъ земель извѣстную долю хлѣба. Епископъ не долженъ держать у себя лишней прислуги, строить для своей прихоти лишнія зданія, заказывать лишнее облаченіе и домашнее платье ради роскоши. У архіерея при трапезѣ должны читаться церковныя законоположенія. Хотя у него въ рукахъ дѣло великое, но въ священномъ писаніи не опредѣлено ему никакой чести, и регламентъ не дозволялъ ради почета, водить его подъ руки и кланяться ему въ ноги. Не долженъ онъ злоупотреблять своимъ правомъ отлученія отъ церкви, но слѣдуетъ ему употреблять прежде легкія мѣры наставленія, для приведенія грѣшниковъ въ покаяніе, а потомъ уже, когда такія средства не будутъ дѣйствовать,—отлучать ихъ временно отъ святого причащенія; предавать анаѳемѣ можно было только явно нераскаявающихся грѣшниковъ, либо такихъ, которые станутъ открыто хулить имя Божіе, священное писаніе или церковь, но и то приступать къ анаѳемѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія духовной коллегіи. Самая анаѳема могла налагаться только на одно согрѣшившее лицо, а не распространяться на его семейныхъ безъ ихъ созна-

тельнаго участія въ винѣ. Епископъ долженъ былъ объѣзжать свою епархію всего удобнѣе въ лѣтнее время, но, пріѣзжая въ убогія мѣста жительства, онъ, чтобы не затруднить священнослужителей и обывателей, могъ устроивать себѣ временное пребываніе на полѣ. По пріѣздѣ въ городъ или село, епископъ долженъ служить литургію и соборное молебствіе, а потомъ говорить слово, обращенное къ духовенству и народу. Затѣмъ епископъ долженъ былъ наводить справки объ образѣ жизни и поведеніи духовенства и творить надлежащую по этому поводу управу; не покончивши всей управы въ мѣстѣ, куда пріѣхалъ, онъ не долженъ былъ ни самъ звать къ себѣ гостей, ни идти къ кому-нибудь по приглашенію въ гости. Между прочимъ, епископу вмѣнялось въ обязанность особенно наводить справки: нѣтъ-ли какихъ суевѣрій, не шатаются-ли безпутно монахи, не являются-ли кликуши, не расходится-ли вѣсть о ложныхъ чудесахъ, мощахъ, иконахъ, колодцахъ и т. п. Епископскіе служители не должны домогаться отъ монаховъ и священниковъ кушанья, питья и лишняго конскаго корма, „ибо слуги архіерейскіе“, гласитъ регламентъ, „обычне бываютъ лакомые и гдѣ видятъ власть святаго владыки, тамъ съ великою гордостью и безстудіемъ, какъ татары, на похищеніе устремляются“. На судъ епископскій предоставлялось подавать аппеляцію въ духовную коллегію.

По предмету ученія и заведенія школъ, регламентъ распространяется сначала о вредѣ отъ невѣжества, потомъ о вредѣ отъ лжеученія, наконецъ вмѣняетъ въ обязанность духовному начальству допускать въ званіе учителей не иначе, какъ по экзамену, и выбирать хорошія руководства къ преподаванію по всякимъ предметамъ. При школахъ надлежало быть открытой во всѣ дни и часы библіотекѣ, какую полагалось возможнымъ въ то время купить за двѣ тысячи рублей. Предполагалось завести академіи и при нихъ семинаріумы; послѣдними назывались собственно помѣщенія для жилья учениковъ. Преподавались: 1) грамматика, разомъ съ географіею и исторіей; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика; 4) риторика и стихотворное ученіе; 5) физика съ краткою метафизикой; 6) политика Пуффендорфова; 7) богословіе. Всѣхъ лѣтъ ученія полагалось восемь, и два года изъ нихъ отдѣлялись на богословіе. Языки греческій и еврейскій слѣдовало преподавать въ такомъ только случаѣ, если найдутся учители и свободное для преподаванія время. Начальствовать надъ академіею должны были: ректоръ и префекты. Въ ихъ завѣдываніи находились низшія школы, которыя они обязаны были посѣщать въ недѣлю по два раза. Всѣ протопопы и богатѣйшіе священ-

ники должны были присылать дѣтей въ академію. Для заведенія академій слѣдовало выбирать мѣста не въ срединѣ города, а въ сторонѣ. Семинаріумъ предполагалось устроить на подобіе монастыря, гдѣ бы жилье, одѣяніе и содержаніе давалось извѣстному числу воспитанниковъ отъ 50 до 70 и болѣе. Принимать въ семинаріумъ можно было дѣтей отъ 10 до 15-лѣтняго возраста и помѣщать по восьми и по девяти особъ въ одномъ покоѣ, подъ присмотромъ префекта или надсмотрщика, имѣвшаго право наказывать малыхъ розгами, среднихъ и большихъ—выговоромъ. Ректоръ могъ всякаго наказывать по своему разсужденію, но удалять вовсе изъ заведенія—только съ вѣдома духовной коллегіи. Семинаристы въ теченіи дня должны были все дѣлать по звонку, „какъ солдаты по барабанному бою“. По поступленіи въ семинаріумъ первые три года позволялось ученикамъ ходить въ гости къ родителямъ или роднымъ, не болѣе какъ на 7 дней и подъ наблюденіемъ инспектора, который долженъ быть при семинаристѣ вездѣ. Родственниковъ и гостей, посѣщающихъ семинаріумы, можно было принимать съ вѣдома ректора въ трапезѣ или въ саду, а въ присутствіи ректора дозволялось угощать гостей кушаньемъ и питьемъ. Каждый день давалось семинаристамъ два часа на прогулки и развлеченіе; однажды или дважды въ мѣсяцъ они отправлялись на острова, поля и вообще веселыя мѣста. Въ трапезѣ происходило чтеніе изъ военной и церковной исторіи; въ началѣ каждаго мѣсяца, въ продолженіи двухъ—трехъ дней, читались повѣствованія о мужахъ, прославившихся наукою, о церковныхъ великихъ учителяхъ, о древнихъ и новѣйшихъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и проч. Въ большіе праздники допускалась въ трапезѣ при столѣ музыка, а по два раза въ годъ или болѣе можно было устраивать „нѣкія акціи, диспуты, комедіи и риторскія экзерциціи“. Убогимъ семинаристамъ предоставлялись пропитаніе и одежда отъ щедротъ царскаго величества; дѣти богатыхъ отцовъ должны были платить за свое содержаніе по установленной одинъ разъ цѣнѣ. Но предполагалось за предѣлами семинаріума построить еще жилья и отдавать въ наемъ студентамъ.

Проповѣдникомъ могъ быть только учившійся въ академіи и подвергнутый освидѣтельствованію духовной коллегіи. Проповѣдникъ долженъ убѣждать своихъ слушателей доводами изъ священнаго писанія: твердить имъ о покаяніи и исправленіи житья, наипаче о почитаніи высочайшей власти. Говоря о грѣхахъ, онъ не долженъ былъ дѣлать намековъ на лица, и если бы о комъ-нибудь пронесся недобрый слухъ, проповѣдникъ не дол-

женъ былъ въ присутствіи такого лица говорить слова о такомъ грѣхѣ, въ какомъ это лицо обвиняли. Регламентъ замѣчаетъ, что проповѣдникъ не долженъ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, подымать брови, двигать плечами, „отчего можно познать, что они сами себѣ удивляются“, покачиваться на сторону, руками вскидывать, въ бока упираться, подскакивать, смѣяться и рыдать, — не долженъ въ проповѣдяхъ своихъ порицать міръ въ такомъ смыслѣ, что мірской человѣкъ спастись не можетъ, какъ нѣкоторые монахи наговариваютъ: оставить жену, дѣтей, родителей и ненавидѣть ихъ, понеже рѣче заповѣдь: не любите міра, ни яже суть въ мірѣ.

Всякій христіанинъ обязанъ слушать отъ своихъ пастырей православное ученіе и хотя бы единожды въ годъ причащаться святыхъ тайнъ. Удаленіе отъ причащенія обличаетъ принадлежность къ расколу: „нѣсть лучшаго знаменія, почему познать раскольщика“. И потому приходскіе священники каждогодно должны доносить епископамъ о тѣхъ, кто у нихъ въ приходѣ не причащался годъ, два или никогда. Епископы должны розыскивать о потворщикахъ расколу, сообщать о нихъ въ духовную коллегію, которая будетъ налагать анаѳему на виновныхъ. Никого изъ раскольниковъ не слѣдуетъ допускать къ должностямъ, не только къ духовнымъ, но и гражданскимъ. Если на кого-нибудь будетъ подозрѣніе въ склонности къ расколу, тотъ обязанъ дать присягу съ подпискою въ непринадлежности къ расколу. Духовной коллегіи, названной святѣйшимъ синодомъ, ввѣренъ былъ надзоръ и судъ надъ раскольниками, но въ то же время государь счелъ нужнымъ предохранять раскольниковъ отъ такихъ притѣсненій, которыя естественно могли возникнуть при расширеніи фанатизма духовныхъ. Осенью 1721 г. синодъ жаловался, что лицамъ, посылаемымъ отъ духовенства для поимки раскольничьихъ учителей, не оказывается безпрекословнаго послушанія, требуютъ у нихъ указовъ отъ свѣтскаго начальства. Государь далъ такое рѣшеніе: духовные не должны затѣвать никакой напраслины, и потому духовный приставникъ, задержавши, по обвиненію въ расколѣ какое-нибудь лицо, долженъ приводить его къ свѣтскому начальству; послѣднее можетъ отдать его снова духовному приставнику, но въ то же время написать о немъ въ синодъ или сенатъ, и дѣло окончательно рѣшится уже въ синодѣ, при двухъ членахъ сената.

По духовному регламенту воспрещалось кому-бы то ни было, кромѣ царской фамиліи, устраивать церкви и держать крестовыхъ поповъ. „Всѣ господа могли ходить въ приходскія церкви и не-

чего имъ стыдиться считать своею братіею такихъ же христіанъ, какъ они сами, хотя бы то были и ихъ подданные". Запрещалось понуждать священниковъ идти въ дома для крещенія младенцевъ, исключая сильной болѣзни младенцевъ или какой-нибудь крайней нужды ихъ родителей. Вѣнчаніе должно происходить въ томъ приходѣ, гдѣ жительствуетъ либо женихъ, либо невѣста, а не въ чужомъ и въ особенности не въ чужой епархіи. Въ случаѣ какого-нибудь сомнѣнія на счетъ правильности предполагаемаго брака, священники должны испрашивать разрѣшеніе у епископа. Ставимый въ приходскіе священники долженъ представлять одобрительное свидѣтельство отъ прихожанъ или отъ владѣльцевъ вотчины, а послѣдніе должны при этомъ обозначать, какая дается священнику руга или земля; священникъ же передъ своимъ поставленіемъ въ санъ, даетъ подписку, что будетъ доволенъ тою ругою или землею и не отойдетъ до своей смерти отъ церкви, куда посвящается. Отлученнаго священника никому не слѣдуетъ принимать въ духовники и считать его въ священномъ чинѣ.

Духовная коллегія должна была состоять изъ правительствующихъ лицъ, числомъ не менѣе двѣнадцати, изъ которыхъ трое должны носить архіерейскій санъ, а прочіе могутъ быть архимандриты, игумены и протопопы, но съ тѣмъ, чтобы не были подручны никому изъ архіереевъ, находящихся въ томъ же собраніи. Духовная коллегія предварительно цензировала представляемыя къ печати богословскія сочиненія, производила дознаніе о явленіи нетлѣнныхъ мощей, о разныхъ слухахъ, видѣніяхъ и чудесахъ, творила судъ надъ изобрѣтателями раскола или новыхъ ученій, разрѣшала недоумѣнія, вопросы совѣсти, разсматривала дѣла о неправильномъ завладѣніи церковными имуществами, о насиліяхъ, творимыхъ сильными мірскими господами духовенству, и разомъ съ юстицъ-коллегіей разрѣшала сомнительные пункты относительно завѣщаній.

Отвращеніе царя Петра къ нищенству высказалось и въ духовномъ регламентѣ. Духовная коллегія должна была сочинить наставленіе о томъ, какъ подавать милостыню. „Многіе бездѣльники", говорится въ регламентѣ, „при совершенномъ здравіи, за лѣностью, пускаются на прошеніе милостыни и по міру ходятъ безстудно, иные съ притворнымъ стенаніемъ передъ народомъ поютъ и простыхъ невѣждъ еще вящше обезумливаютъ, пріемля за то вознагражденіе себѣ... по дорогамъ, гдѣ угодно видятъ, разбиваютъ, зажигатели суть, на шпіонство отъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ подряжаются, клевещутъ на властей высокихъ и самую власть верховную обносятъ... и что еще мѣру превосхо-

дитъ безсовѣстіе и безчеловѣчье оныхъ, младенцамъ своимъ очи ослѣпляютъ, руки скорчиваютъ и иные члены развращаютъ, чтобъ были прямые нищіе и милосердія достойны"... Вмѣнялось духовной коллегіи изыскать способы отвратить духовенство отъ алчности и безстыднаго нахальства, съ какимъ оно обирало прихожанъ за разныя требы и молитвословія. Надлежало устроить такъ, чтобы священники, имѣя довольныя средства, не вымогали ничего за вѣнчаніе, крещеніе, погребеніе и прочее, хотя не возбранялось священникамъ, какъ вообще всякимъ другимъ, принимать добровольное подаяніе. Духовные судились въ синодѣ, а если духовное лицо совершало уголовное преступленіе, то его сперва лишали сана и потомъ уже предавали мірскому суду; въ дѣлахъ же гражданскихъ духовные вѣдались въ коллегіяхъ, наравнѣ со всякими другими россійскими подданными. Указомъ 14-го февраля 1721 года монастырскій приказъ уничтожался, и всѣ патріаршія и архіерейскія имѣнія повелѣно вѣдать синоду.

Медицинская часть въ Россіи была издавна оставлена совершенно безъ вниманія. При Петрѣ полагался зачатокъ нѣкотораго правильнаго устройства ея. Къ этому побуждали царя моровыя повѣтрія, которыя, какъ извѣстно, съ древнихъ временъ опустошали русскіе края и посѣщали ихъ при Петрѣ. Въ 1718 году показалась моровая язва въ старо-оскольской и бѣлгородской провинціяхъ; Петръ, указомъ 24-го октября этого года, велѣлъ отправить туда свѣдущихъ и надежныхъ врачей, для задержанія ѣдущихъ съ тѣхъ сторонъ, гдѣ была моровая язва. Въ 1720 году послѣдовалъ указъ о повсемѣстномъ введеніи такихъ охранительныхъ мѣръ. Губернаторъ, получивъ извѣстіе о моровомъ повѣтріи, тотчасъ долженъ былъ устроить въ пристойныхъ мѣстахъ заставы, гдѣ бы поддерживались постоянно огни, всѣхъ ѣдущихъ изъ зараженныхъ мѣстъ разспрашивать и по надобности задерживать на шесть недѣль, не дозволяя ни съ кѣмъ сообщаться. Письма, шедшія чрезъ такую заставу, переписывались въ двухъ спискахъ:—оригиналъ оставался на заставѣ, а копія отправлялась по назначенію. Если зараза прорывалась куда-нибудь, зараженное мѣсто запиралось и укрѣплялось караулами, которые не выпускали никого изъ жилого мѣста и не пускали внутрь его. Домы, гдѣ были больные заразительною болѣзнію, сожигались, а обитатели выводились съ домашнимъ скотомъ и рухлядью. Для большей острастки жителямъ, велѣно ставить висѣлицы, назначенныя для тѣхъ, которые бы стали тайкомъ прокрадываться мимо заставы.

14-го августа 1721 года, было учреждено центральное мѣ-

сто, управлявшее всею медицинскою частью: то была медицинская контора, отданная подъ управленіе доктора Блюментроста: ей подвѣдомы были всѣ врачи и аптекаря, съ ихъ аптеками во всей Россіи. Но дѣло медицинское не могло удачно идти при Петрѣ, когда до него не было въ Россіи ни одного учебнаго заведенія для приготовленія врачей; всѣ врачи въ этой странѣ издавна были только иностранцы и не всегда искусные, такъ какъ ихъ оцѣнивать было некому въ Россіи. Царь, во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ показывавшій желаніе, чтобъ у него въ государствѣ было то, что онъ видѣлъ за границею, побывавши нѣсколько разъ на минеральныхъ водахъ въ Германіи, хотѣлъ, чтобъ и въ Россіи были минеральныя воды. Нашлись такія воды—олонецкія. Петръ оказалъ къ нимъ большое довѣріе, но русская публика, отъ своихъ предковъ усвоившая недовѣріе къ медицинскимъ средствамъ, не относилась къ этимъ водамъ такъ, какъ царь, и тогда Петръ издалъ грозный указъ, запрещавшій *порочить* воды.

Перестроивалось государственное управленіе и суды; Петръ видѣлъ необходимость составить новое уложеніе законовъ. Въ его царствованіе такъ много было введено новаго, что дѣйствовавшее еще уложеніе Алексѣя Михайловича не обнимало всѣхъ сторонъ народной жизни, и не давало отвѣтовъ на возникавшіе юридическіе вопросы. Петръ, нигдѣ почти не бывшій самостоятельнымъ творцомъ, но вездѣ переносившій чужое на русскую почву, и въ этомъ важномъ дѣлѣ остался вѣренъ себѣ. Онъ принялъ за образецъ, для составленія новаго русскаго уложенія, готовое шведское и указомъ 8-го августа 1720 года приказалъ учредить коммиссію, въ которой главнымъ образомъ заправляли дѣлами иноземцы, сидѣвшіе въ коллегіяхъ: Нíродъ, фонъ-Бреверъ и Вольфъ [1]. Кромѣ шведскаго уложенія, они должны были руководствоваться правами лифляндскими и эстляндскими. Это предначертаніе осталось неприведеннымъ въ исполненіе, какъ и многое въ числѣ плановъ и намѣреній государя.

---

[1]) Къ нимъ приданы русскіе судьи: Клокачевъ и Короваевъ, оберъ-коммиссаръ Зыбинъ, совѣтникъ ревизіонъ-коллегіи Наумовъ, ландрихтеръ петербургской губернской канцеляріи Мануковъ и еще нѣсколько секретарей, подьячихъ и переводчиковъ.

V.

Политическія событія отъ Прутскаго до Ништадскаго мира.

По окончаніи военныхъ дѣйствій противъ турокъ, театръ Сѣверной войны нѣкоторое время сосредоточивался въ Помераніи и Финляндіи. Русскій царь дѣйствовалъ со своими первоначальными союзниками, датскимъ и польскимъ королями, а король прусскій колебался между двумя враждебными сторонами, впрочемъ, стараясь показывать наиболѣе дружеское расположеніе къ царю. Шведское войско въ Помераніи и вообще на южномъ побережьи Балтійскаго моря состояло подъ главной командой генерала Штейнбока. Самъ царь лично предводительствовалъ противъ него своимъ войскомъ, 12 февраля 1713 года напалъ на шведовъ при Фредерикштадтѣ, нанесъ имъ пораженіе и взялъ этотъ городъ. Штейнбокъ двинулся въ Голштинію, которая находилась тогда во владѣніи несовершеннолѣтняго Карла Фридриха, сына герцога, убитаго въ Клисовской битвѣ въ 1702 году. Этотъ молодой герцогъ состоялъ подъ опекой своего дяди, любекскаго епископа, который носилъ титулъ администратора голштинскаго герцогства. Штейнбокъ заключилъ съ этимъ администраторомъ договоръ, которымъ администраторъ давалъ право шведскому войску укрыться въ замкѣ Тонингенѣ, а Штейнбокъ отъ имени своего короля обязывался вознаградить герцога за всякія потери, которыя причинилъ бы Голштиніи датскій король, когда бы послѣдній открылъ военныя дѣйствія.

Послѣ отхода Штейнбока къ Тонингену, Петръ поручилъ вести войну датскому королю, давъ ему въ помощь русскій отрядъ подъ командой Меншикова, а самъ намѣревался воевать противъ шведовъ въ Финляндіи. Возвращаясь въ Россію, Петръ заѣхалъ сначала къ ганноверскому курфюрсту, потомъ къ молодому прусскому королю, только-что вступившему на престолъ послѣ смерти своего отца. Петру не удалось втянуть въ Сѣверную войну прусскаго короля; послѣдній слѣдовалъ политикѣ своего родителя, увѣрялъ Петра въ дружбѣ къ нему, но не хотѣлъ явно становиться во вражду съ Швеціей и наблюдалъ, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу изъ этой войны, безъ большихъ усилій съ его стороны. Вернувшись въ Петербургъ, царь лѣтомъ 1713 года, съ 12,000 войска, поплылъ къ берегамъ Финляндіи, присталъ къ Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведскаго генерала Любекера и поручилъ, вмѣсто себя, вице-адмиралу Апраксину продолжать войну

въ Финляндіи. Въ концѣ августа русскіе овладѣли столицею Финляндіи Або, покинутою и шведскимъ войскомъ и жителями; а въ октябрѣ того же года Апраксинъ и генералъ Голицынъ разбили шведскаго генерала Армфельда близъ Тамерфорса, и вся почти Финляндія до самой Каяніи очутилась въ рукахъ русскихъ.

Между тѣмъ, князь Меншиковъ, оставленный Петромъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря съ русскимъ войскомъ въ помощь датскому королю, сошелся съ голштинскимъ министромъ Герцомъ, которому суждено было играть важную роль въ дипломаціи по вопросу объ окончаніи Сѣверной войны. Герцъ представилъ Меншикову проектъ о тѣсномъ союзѣ голштейнъ-готторпскаго дома съ Россіею. Этотъ союзъ, по его предположенію, долженъ былъ утвердиться бракомъ молодого герцога съ царевною Анною, дочерью царя Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герцъ подалъ планъ склонить шведскихъ комендантовъ, начальствовавшихъ надъ городами Помераніи, отдать ихъ въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору. Послѣдній планъ понравился Петру, потому что давалъ ему надежду втянуть прусскаго короля въ войну противъ Швеціи, чего давно уже хотѣлось русскому царю. Штейнбокъ сдался союзникамъ военноплѣннымъ въ Тонингенѣ, а Меншиковъ взялъ контрибуціи съ Гамбурга и Любека за то, что эти города не прерывали во время войны сношеній со шведами; потомъ принялся осаждать Штетинъ, гдѣ шведскимъ комендантомъ былъ генералъ Мейерфельдъ. Прусскій король охотно готовъ былъ овладѣть Штетиномъ подъ видомъ отдачи ему этого города въ секвестръ, по мысли, брошенной Герцомъ, но помогать явно Меншикову своею артиллеріею онъ не рѣшался. 19-го сентября 1713 года, Мейерфельдъ сдалъ Штетинъ, а Меншиковъ передалъ этотъ городъ, вмѣстѣ съ другими доставшимися городами, въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору, какъ условлено было съ Герцомъ. Датскій король былъ очень недоволенъ этимъ, главное за то, что взятые у шведовъ города отдавались подъ секверстъ не одному прусскому королю, а еще и голштинскому администратору; датскій же король считалъ голштинскій дворъ, по его родственной близости съ шведскимъ королемъ, на шведской сторонѣ. Но, если русскій царь разсчитывалъ на отдачу въ секвестръ померанскихъ городовъ Пруссіи, въ видахъ затянуть Пруссію въ войну противъ шведовъ, то явные и тайные враги Россіи разсчитывали на то же обстоятельство, чтобъ искусить прусскаго короля возможностью, помимо Россіи, пріобрѣсти Померанію себѣ въ вѣчное владѣніе и надѣялись вооружить его противъ Петра. Франція прямо подущала прус-

скаго короля противъ русскаго царя; Англія собственно имѣла въ виду то же, но дѣйствовала по наружности миролюбивѣе, предлагая посредничество для прекращенія Сѣверной войны. Герцъ между тѣмъ, черезъ посредство другого голштинскаго министра Бассевича, старался расположить царя Петра къ своимъ видамъ и предлагалъ, кромѣ брака молодого герцога съ царскою дочерью, еще доставить этому герцогу шведскую корону, по смерти Карла XII, а чтобы расположить царя къ этой мысли, соглашался на важныя уступки Россіи отъ Швеціи. Ближайшая цѣль Герца была поскорѣе разсорить Петра съ датскимъ королемъ, съ которымъ, какъ онъ замѣчалъ, уже не ладилось у русскаго царя; но это намѣреніе никакъ не удавалось на первыхъ порахъ голштинскому дипломату. Царь дѣйствительно былъ очень недоволенъ датскимъ королемъ за медленныя дѣйствія въ войнѣ, но не хотѣлъ съ нимъ рѣшительно ссориться, а грозилъ издалека Даніи для того только, чтобъ заставить ее помогать ему живѣе противъ шведовъ, и потому предлагалъ датскому королю деньги и провіантъ на войско, если онъ поторопится двинуть свой флотъ противъ шведовъ. Датскій король не двигался весь 1714 годъ, а прусскій думалъ только забирать подъ свою власть шведскіе города безъ войны. Такое желаніе заявлялъ и курфюрстъ ганноверскій, ставши по смерти королевы Анны англійскимъ королемъ; онъ возъимѣлъ притязаніе присвоить себѣ Бременъ и Верденъ. Такимъ образомъ много было охотниковъ ловить въ мутной водѣ рыбу и дѣлать пріобрѣтенія на счетъ Швеціи, но вести войну со Швеціей приходилось одному Петру. И Петръ велъ ее всю весну и лѣто 1714 года. Генералъ князь Голицынъ снова разбилъ Армфельда, затѣмъ выборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ въ іюнѣ покорилъ крѣпость Нишлотъ. Но самымъ блестящимъ дѣломъ русскихъ была морская побѣда при Гангудѣ, одержанная подъ начальствомъ самого Петра: тамъ шведы потеряли 936 человѣкъ убитыми, 577 плѣнными; шведскіе корабли со 116 пушекъ были взяты и привезены въ Ревель. Вслѣдъ за этой побѣдой царь, съ 16 т. войска, присталъ къ Аландскимъ островамъ и овладѣлъ тамошними укрѣпленіями и портомъ; оттуда недалеко уже было до Стокгольма; въ шведской столицѣ распространился всеобщій страхъ: адмиралъ Ватрангъ готовился защищать входъ въ стокгольмскій портъ. Наступившая осень не дозволила Петру отважиться сдѣлать на шведскую столицу нападеніе. Русскій царь возвратился въ Петербургъ, устроилъ себѣ торжественный въѣздъ, принималъ отъ своихъ сенаторовъ и иностранныхъ министровъ поздравленія съ побѣдами, получилъ чинъ вице-адмирала и пиро-

валъ во дворцѣ Меншикова. Петръ оказывалъ большіе знаки почтенія плѣнному шведскому адмиралу Эриншильду: „вотъ", говорилъ царь своимъ русскимъ, „вѣрный и храбрый слуга своего государя, достойный величайшей награды отъ его рукъ и теперь пріобрѣвшій мое благоволеніе до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ со мною; хотя онъ перебилъ у меня много храбрыхъ русскихъ, что́ я имъ (шведамъ) всѣмъ прощаю, пока они теперь всѣ въ моей волѣ". Эриншильдъ отвѣчалъ: „хотя я поступалъ честно, служа моему государю, но я исполнилъ не болѣе какъ свой долгъ; я искалъ смерти, но смерть не встрѣтила меня, а теперь, въ моемъ несчастьи, мнѣ остается немалое утѣшеніе быть плѣнникомъ вашего величества и пользоваться такимъ вниманіемъ великаго мореходца, достойнаго вице-адмирала".

Между тѣмъ, въ ноябрѣ того же 1714 г., Карлъ XII, убѣжавшій изъ турецкихъ владѣній, явился въ Штральзундѣ, въ Помераніи. Явленіе Карла подогрѣло упавшій въ его отсутствіе духъ шведскаго войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ не содѣйствовало ходу дѣлъ къ примиренію. Карлъ не хотѣлъ утверждать договора объ отдачѣ Штетина прусскому королю въ секвестръ, не хотѣлъ воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ датчанъ и саксонцевъ внутри Нѣмецкой имперіи, не хотѣлъ признавать уступки Бремена ганноверскому курфюрсту; Карлъ, наконецъ, возбуждалъ смятеніе въ Германіи, впутывая въ союзъ съ собой ландграфа гессенъ-кассельскаго, котораго сынъ былъ женатъ на сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ Елеонорѣ. Прусскій король, уклонявшійся до сихъ поръ отъ войны, увидалъ, что не получитъ желаемыхъ пріобрѣтеній однимъ дипломатическимъ путемъ безъ войны; онъ вступилъ тогда въ открытый союзъ противъ шведовъ и отправился съ войскомъ осаждать Штральзундъ, куда также прибылъ датскій король. Прусскій король показывалъ видъ, что защищаетъ нейтральность Нѣмецкой имперіи и всѣхъ принадлежащихъ къ ней владѣній; дѣло секвестраціи представлялъ такъ, какъ будто онъ соглашался на нее единственно изъ желанія сохранить миръ въ Нѣмецкой имперіи, а шведскаго короля выставлялъ врагомъ всеобщаго мира, вносившаго войну въ нѣдра имперіи. Въ заключеніе всего, прусскій король по этому дѣлу изъявлялъ согласіе безкорыстно подчиниться приговору, какой положитъ императоръ и соединенные чины имперіи. И Англія стала было въ угрожающее положеніе къ Швеціи; она отправила свой флотъ въ Балтійское море, хотя съ порученіемъ охранять англійскіе купеческіе корабли, а не дѣйствовать враждебно противъ шведскаго флота.

Датскій и прусскій короли, приступивъ къ Штральзунду,

добивались присылки русскаго войска; однако осада Штральзунда шла цѣлое лѣто и осень 1715 года, а русское войско не подходило къ союзникамъ и стояло тогда въ Польшѣ подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, готовое вступить въ дѣло для защиты польскаго короля Августа II противъ его подданныхъ.

Уже нѣсколько лѣтъ въ Польшѣ происходила недомолвка между королемъ и магнатами. Поляки, прежде недовольные присутствіемъ русскихъ войскъ въ своей странѣ, стали потомъ оказывать еще болѣе неудовольствія своему королю за то, что онъ разставилъ въ Польшѣ войска саксонскія. Въ видахъ Россіи было поддерживать неладъ между королемъ и поляками; на искренность Августа полагаться было нельзя: самымъ безопаснымъ и выгоднымъ дѣломъ было держать его такъ, чтобъ его особа нуждалась въ помощи Россіи. Это было не трудно при легкомысленной продажности польскихъ пановъ. Они брали отъ русскаго посла подачки, обѣщаясь вести дѣло такъ, какъ было бы выгоднѣе для Россіи. Польскій сеймъ никакъ не могъ установить какого-нибудь закона при существованіи liberum veto, когда каждый посолъ имѣлъ право прервать все теченіе дѣлъ на сеймѣ, заявивши свое несогласіе на предлагаемый законъ. Русскіе посланники пользовались этимъ, и когда замѣчали, что готовится какое-нибудь распоряженіе, не полезное видамъ Россіи,—тотчасъ подкупали нѣсколькихъ сеймовыхъ пословъ, и сеймъ „срывался". На эту пору русскимъ посломъ въ Польшѣ былъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, человѣкъ ловкій и умѣвшій пользоваться обстоятельствами. Поляки, домогаясь изгнанія изъ Польши саксонскаго войска, обратились къ посредству русскаго посланника; тогда Долгорукій нарочно задерживалъ русское войско, предполагая, что вооруженная русская сила пригодится въ Польшѣ; и отъ того-то подъ Штральзундомъ не было русскихъ, хотя царь этимъ не былъ доволенъ.

12 декабря, Штральзундъ сдался. Тогда Карлъ XII едва спасся въ маленькой лодкѣ съ 10 человѣками и убѣжалъ въ Карлскрону, гдѣ всю зиму занимался наборомъ свѣжихъ силъ для продолженія войны.

6 февраля 1716 года, Петръ отправился за границу вмѣстѣ съ Екатериною и, достигши Данцига, остановился тамъ до конца апрѣля. Здѣсь онъ получилъ пріятную вѣсть о сдачѣ Каэнобурга въ Финляндіи, послѣдняго города, находившагося еще въ этой странѣ въ рукахъ шведовъ. Въ Данцигѣ 19 апрѣля русскій царь совершилъ бракосочетаніе своей племянницы Екатерины

Іоанновны съ мекленбургскимъ герцогомъ. Къ этой свадьбѣ прибылъ и польскій король, нѣкогда бывшій задушевнымъ другомъ Петра, но со времени Альтранштадтскаго мира находившійся съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Съ Августомъ въ Данцигъ прибыли: его неразлучный другъ и слуга саксонецъ генералъ Флемингъ и нѣсколько польскихъ магнатовъ. Съ Петромъ были: графъ Головкинъ, вицеканцлеръ Шафировъ и Толстой; сюда же пріѣхалъ и русскій посолъ при Августѣ, князь Григорій Долгорукій. Устроилась конференція съ цѣлью уладить несогласія. Русская сторона выставляла Августу на видъ: его тайныя попытки примириться съ Швеціей при посредствѣ французскаго посла въ Константинополѣ, сношенія Флеминга со шведскимъ генераломъ Штейнбокомъ, сношенія самого Августа съ зятемъ Карла XII гессенъ-кассельскимъ ландграфомъ, интриги, клонившіяся къ тому, чтобы поссорить прусскаго короля съ датскимъ. Явились тогда къ Петру послы отъ враждебной польскому королю конфедераціи; они жаловались, что король наводняетъ польскія области саксонскими войсками и просили царя взять на себя посредничество между ними и ихъ королемъ. Петръ довѣрилъ вмѣсто себя это послѣднее дѣло послу своему Долгорукому, съ тѣмъ, чтобы для этого былъ собранъ нарочно съѣздъ въ одномъ изъ польскихъ городовъ. Петръ наружно помирился съ Августомъ; по случаю свадебныхъ торжествъ, оба государя давали другъ другу пиршества; но уже прежней дружбы между ними не было, потому что не стало взаимной довѣрчивости.

Въ началѣ мая, царь выѣхалъ изъ Данцига, повидался сначала съ прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, съѣхался съ датскимъ въ Альтонѣ: тутъ между русскимъ и датскимъ государями было условлено сдѣлать высадку въ шведскую провинцію Шонію и тѣмъ принудить выступить Карла XII изъ принадлежавшей датской коронѣ Норвегіи, куда онъ тогда проникъ, приближаясь къ столицѣ этой страны, Христіаніи. Мѣсто соединенія сухопутныхъ и морскихъ силъ обоихъ государей назначили въ Копенгагенѣ. Послѣ свиданія въ Альтонѣ, Петръ уѣхалъ въ Пирмонтъ лечиться тамошними водами, а къ іюлю явился въ Мекленбургѣ въ Ростокѣ, куда прибыло сорокъ пять русскихъ галеръ. Фельдмаршалъ Шереметевъ пришелъ изъ Польши съ восемью тысячами войска, еще вступило въ мекленбургскія владѣнія другое русское войско подъ начальствомъ генераловъ Репнина и Боура. Взявши подъ личную команду свой галерный флотъ, 17-го іюля царь прибылъ къ Копенгагену, встрѣченъ былъ на рейдѣ датскимъ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ его столицу. Черезъ нѣ-

сколько дней туда же прибыла царица Екатерина. Въ ожиданіи приготовленій къ высадкѣ, Петръ пробылъ въ Копенгагенѣ три мѣсяца, почти каждый день катался по морю, осматривалъ берега Даніи и Швеціи, измѣривалъ глубину моря и чертилъ морскія карты. Это не препятствовало ему удѣлять время напосѣщенія академій, учебныхъ заведеній и на бесѣду съ учеными людьми. Прибыла между тѣмъ англійская эскадра для взаимнаго дѣйствія съ Даніей. Все лѣто прошло понапрасну къ большей досадѣ Петра. Мекленбургскій герцогъ, породнившійся съ Петромъ, находился тогда во враждѣ съ дворянами своего государства; послѣдніе съѣхались въ Копенгагенъ и возстановляли датскаго короля противъ Петра; они объясняли поступки русскаго царя хитростью, бросали подозрѣніе, что Петръ сносится со Швеціей. Уже датчане готовились нападать на русскія галеры; — но до междоусобной войны у союзниковъ не дошло. Ничего не сдѣлавши, въ половинѣ октября царь уѣхалъ изъ Копенгагена въ Мекленбургъ. Между тѣмъ мекленбургскіе дворяне, стараясь вредить Петру гдѣ только можно было, настроили противъ него ганноверскаго курфюрста. Была у нихъ попытка подѣйствовать и на прусскаго короля, но тотъ не поддался никакимъ подозрѣніямъ: свидѣвшись съ царемъ въ Гавельсбергѣ, онъ снова заключилъ съ нимъ союзъ, и обязался, въ случаѣ нападенія на Россію съ цѣлью отнять завоеванныя ею области, помогать Россіи или присылкою войска, или нападеніемъ на землю воюющаго съ Россіей государства.

Въ Польшѣ тѣмъ временемъ, послѣ данцигскаго свиданія Петра съ Августомъ, Григорій Долгорукій, по царскому приказанію, принялъ на себя важное дѣло умиротворенія спора между королемъ и конфедератами. Съѣздъ по этому поводу собрался въ Люблинѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Какъ не легко было Долгорукому играть роль миротворца—показываетъ его отзывъ къ Петру о характерѣ съѣзда. „Съѣхалось много депутатовъ“, писалъ онъ, „между ними мало такихъ, которые смыслили бы дѣло, только своевольно кричатъ, а тѣ, которые потолковѣе, не смѣютъ говорить при нихъ. У нашихъ донскихъ казаковъ въ кругу дѣла идутъ лучше, чѣмъ здѣсь. Часто съ 7 часовъ до 4 часовъ пополудни мы кричимъ и ничего сдѣлать не можемъ“. Конфедераты, хлопоча объ изгнаніи саксонскаго войска, добивались вывода и русскаго изъ Польши. Но Долгорукій, по царскому приказанію, писалъ, напротивъ, къ русскому генералу Реппу, чтобъ онъ вступилъ въ Польшу съ угрозами дѣйствовать непріятельски противъ той стороны, которая будетъ упрямиться.

Между тѣмъ конфедераты продолжали драться съ саксонцами,

несмотря на установленное перемиріе на время съѣзда. Прошло все лѣто, дѣло умиротворенія не двигалось, пока, наконецъ, генералъ Реннъ съ русскимъ войскомъ не вступилъ въ Польшу, а Долгорукій не припугнулъ конфедератовъ, что прикажетъ усмирить ихъ русскимъ оружіемъ. Наконецъ, 24 октября 1716 года, стараніями Долгорукаго состоялось примиреніе. Саксонскія войска должны были оставить Польшу въ теченіе мѣсяца, а король имѣлъ право удержать изъ нихъ тысячу двѣсти человѣкъ гвардіи и содержать ихъ на своемъ иждивеніи. Но примиреніе было пока только на бумагѣ, на дѣлѣ все еще лада не было до 21 января 1717 года, когда собранный чрезвычайный сеймъ подтвердилъ постановленіе съѣзда, и далъ приказъ саксонскимъ войскамъ выдти изъ Польши въ теченіе двухъ недѣль. Генералъ Реннъ, вошедшій въ Польшу, въ это время умеръ. Преемникъ его генералъ Вейсбахъ, по приказанію Долгорукаго, выступилъ изъ Польши, но вмѣсто него тотчасъ же вступило туда новое русское войско, подъ начальствомъ Шереметева, и расположилось на неопредѣленное время. Видно, что Петръ не слишкомъ давалъ вѣсъ жалобамъ и домогательствамъ поляковъ о выводѣ русскихъ войскъ изъ Польши. Такъ окончилась и развязалась тарногродская конфедерація, имѣвшая то важное значеніе въ польской исторіи, что послужила новою ступенью къ ограниченію монархической власти и вмѣстѣ къ усиленію русскаго вліянія на внутреннія дѣла Польши.

Зимою Петръ отправился въ Голландію, прожилъ нѣсколько времени въ Амстердамѣ, занялся тамъ осмотромъ всего, что относилось къ мореходству и торговлѣ, обозрѣвалъ съ любопытствомъ корабельную мастерскую, адмиралтейство, запасные магазины остъиндской компаніи и заведенія знатнѣйшихъ негоціантовъ. Царь съѣздилъ въ Саардамъ и съ особеннымъ удовольствіемъ посѣтилъ домикъ, гдѣ онъ жилъ во время перваго своего путешествія по Европѣ. Изъ Амстердама въ мартѣ царь съ царицею прибылъ въ Гаагу, остановился въ помѣщеніи русскаго посла князя Куракина; тамъ ему оказанъ былъ почетъ отъ представителей Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, но тутъ же, въ началѣ апрѣля 1717 года, ему пришло непріятное извѣстіе. Въ Англіи открыли заговоръ, тайно руководимый голштинскимъ министромъ барономъ Герцомъ и графомъ Гилленборгомъ, находившимся въ Лондонѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла шведскаго короля. Датскій дворъ прислалъ въ Англію письма Гилленборга, отысканныя на взятомъ въ Норвегіи шведскомъ кораблѣ. Гилленборгъ былъ арестованъ въ Лондонѣ, захвачены были всѣ его бумаги, и, по тре-

бованію англійскаго короля, Голландскіе Штаты арестовали находившагося въ Голландіи барона Герца и молодого сына Гилленборгова. Бумаги ихъ были не только захвачены, но немедленно опубликованы: оказывалось, что у нихъ было тайное намѣреніе произвести въ Англіи возмущеніе, съ цѣлью низвергнуть ганноверскую династію съ англійскаго престола и возвести претендента изъ дома Стюартовъ; Карлъ XII готовился сдѣлать высадку въ Англію съ 10,000 пѣхоты, 4,000 конницы и съ значительнымъ запасомъ артиллеріи. Изъ тѣхъ же бумагъ видно было, что заговорщики разсчитывали на русскаго царя и старались подѣйствовать на него черезъ его домашняго медика, шотландца Эрскина. Послѣдній, какъ доискались англичане, писалъ къ англійскому лорду Мару, что царь готовъ помириться съ шведскимъ королемъ и желаетъ помогать ему въ предпріятіи возвести претендента на престолъ. Петръ, узнавши о томъ, что̀ говорятъ о немъ въ Англіи, приказалъ своему посланнику Веселовскому подать англійскому королю и напечатать отъ имени царя меморіалъ: въ немъ русскій государь оправдывался отъ взводимаго на него обвиненія, указывалъ на очевидную нелѣпость такого вымысла, приводилъ, что Россіи не можетъ быть никакой выгоды вступить въ союзъ со шведскимъ королемъ противъ англійскаго, сообщалъ, что докторъ Эрскинъ, находясь 13 лѣтъ въ службѣ, не употреблялся ни къ какимъ государственнымъ совѣтамъ, а зналъ только свою спеціальность. Самъ Эрскинъ послалъ отъ себя англійскому правительству письменное оправданіе. Веселовскому отвѣчали на его меморіалъ, что довѣряютъ объясненію русскаго государя, однако требовали, чтобы царь вывелъ свои войска изъ Мекленбургскаго герцогства. Тѣмъ на время и пресѣклось это недоразумѣніе съ Англіей, оставившее, однако, глубокое вліяніе въ послѣдующіе годы.

Въ началѣ апрѣля 1717 года, Петръ выѣхалъ изъ Гааги и, оставивъ Екатерину въ Амстердамѣ, отправился черезъ Брюссель и Гентъ во Францію. Вечеромъ 26 апрѣля прибылъ онъ въ Парижъ, гдѣ его давно уже ждали: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ велись сношенія о желаніи русскаго царя посѣтить французскій дворъ. Царя помѣстили сначала въ Луврѣ, но помѣщеніе показалось ему слишкомъ великолѣпнымъ; Петръ любилъ показать свою любовь къ простотѣ и къ отсутствію всякой пышности и роскоши. По своему желанію, царь на другой же день перешелъ въ Hôtel de Lesdiguieres и тотчасъ получилъ визитъ отъ регента Франціи герцога Орлеанскаго, управлявшаго Франціей при малолѣтствѣ короля Людовика XV. 29 апрѣля (10 мая но-

ваго стиля), пріѣхалъ къ русскому царю съ визитомъ маленькій французскій король, провожаемый дядькою своимъ, герцогомъ Вильроа. Царь, просидѣвши съ нимъ нѣкоторое время, взялъ его на руки, и съ нѣжностью поцѣловалъ. Здѣшній король, „писалъ Петръ царицѣ, „пальца на два выше нашего карлика Луки, но дитя изрядное образомъ и станомъ и по возрасту своему довольно разумное“. На слѣдующій день царь пріѣхалъ съ визитомъ къ королю въ присланной за нимъ королевской каретѣ. Маленькій король вышелъ къ царю на встрѣчу. Петръ, выскочивши изъ кареты, взялъ короля на руки и понесъ по лѣстницѣ во дворецъ, посреди разставленной и вооруженной гвардіи изъ швейцарцевъ и французовъ. Въ тотъ же день купеческій голова и старосты (echevins) въ сопровожденіи маркиза де-Дреля, великаго церемоніймейстера, поднесли царю подарки отъ имени города. Въ слѣдующіе затѣмъ дни царь осматривалъ: городскія площади, арсеналъ, гобеленову фабрику ковровъ, королевскую гвардію, обсерваторію, а 14 (новаго стиля) царь посѣтилъ Палерояль, заплативши визитъ регенту, герцогу Орлеанскому. Регентъ сталъ было показывать гостю картинную галерею; но русскій государь, какъ замѣтили французы, мало плѣнялся предметами искусства, какъ и роскоши. Въ тотъ же день герцогъ Орлеанскій пригласилъ его въ оперу, и Петръ не въ состояніи былъ высидѣть до конца спектакля; за то съ жадностью бросался онъ на обзоръ вещей, относившихся къ мореплаванію, торговлѣ и разнымъ ремесламъ. Съ большимъ вниманіемъ осматривалъ онъ механическіе кабинеты и зоологическій садъ и много нашелъ для себя примѣчательнаго въ Инвалидномъ домѣ, который посѣтилъ 5 мая (16 новаго стиля); все осматривалъ онъ здѣсь до мельчайшихъ подробностей, въ столовой попросилъ себѣ рюмку вина, выпилъ ее за здоровье инвалидовъ, которыхъ назвалъ своими товарищами. Нѣсколько дней спустя послѣ того Петръ ѣздилъ въ Фонтенебло, гдѣ ночевалъ, а на другой день былъ приглашенъ къ нарочно устроенной охотѣ съ королевскими собаками и во время охоты обѣдалъ въ павильонѣ. 1 іюня (новаго стиля), онъ ворочался на гондолѣ въ Парижъ и завернулъ по дорогѣ къ принцессѣ Конти, которая показывала ему свои великолѣпные сады и покои. Прибывши въ Парижъ, Петръ проплылъ подъ всѣми парижскими мостами, потомъ, сѣвши въ свою карету, обогнулъ укрѣпленія города, заѣхалъ въ одинъ складъ оружія и накупилъ большой запасъ ружей и ракетъ: послѣднія онъ истратилъ на фейерверки въ своемъ саду при томъ отелѣ, гдѣ помѣщался. 2 іюня (новаго стиля) Петръ посѣтилъ королевское аббатство

св. Діонисія, осматривалъ церковь, ризницу и новыя постройки, въ которыхъ бенедиктинцы приготовили ему отличный ужинъ, выбравши келью, откуда открывался плѣнительный видъ. 3 іюня царь со всею свитою отправился въ Версаль. Изъ Версаля Петръ ѣздилъ въ Тріанонъ, осматривалъ большой водопроводъ, оттуда проѣхалъ въ Марли, гдѣ королевскій дворецкій Девертонъ приготовилъ для царя блистательный фейерверкъ, сопровождаемый музыкальнымъ концертомъ, а ночью данъ былъ балъ. Царю оказали въ этотъ вечеръ большую любезность, и онъ пробылъ на балѣ долѣе того времени, въ какое обыкновенно уходилъ спать. 11-го (новаго стиля), царь посѣтилъ сенсирскую женскую школу, устроенную г-жею де-Ментенонъ и остался очень доволенъ, какъ удобнымъ и великолѣпнымъ помѣщеніемъ, такъ и способомъ воспитанія дѣвицъ. Царь послѣ того пожелалъ видѣть самую престарѣлую г-жу де-Ментенонъ, которая приняла его въ постели, чувствуя себя въ то время больной. Наконецъ, 12-го іюня (новаго стиля), Петръ вернулся въ Версаль, и осмотрѣлъ его со всѣми достопримѣчательностями. Отсюда онъ съѣздилъ въ Шальо и сдѣлалъ визитъ англійской королевѣ, вдовѣ Іакова II. Затѣмъ, воротившись въ Парижъ 14 (новаго стиля), Петръ посѣтилъ королевскій типографскій домъ, коллегію четырехъ народовъ, основанную кардиналомъ Мазарини, и тамъ долго бесѣдовалъ со знаменитымъ тогдашнимъ математикомъ Варильономъ. Потомъ Петръ посѣтилъ домъ Пижона, устроившаго движущуюся планетную сферу, по системѣ Коперника; это изобрѣтеніе такъ понравилось Петру, что онъ сторговалъ его за двѣ тысячи кронъ. Посѣтивши Сорбонну, Петръ былъ принятъ съ большими почестями докторами этого учрежденія и любовался красивымъ надгробнымъ памятникомъ кардинала Ришелье. Въ слѣдующіе дни царь опять посѣтилъ фабрику ковровъ Гобелена, гдѣ очень похвалилъ вышитую исторію донъ-Кихота, которую и получилъ въ подарокъ отъ имени короля. Потомъ онъ осматривалъ въ сопровожденіи регента помѣщеніе жандармовъ, шеволежѐровъ, мускетеровъ и королевскихъ тѣлохранителей, которые нарочно были выстроены въ линію на Елисейскихъ поляхъ.

17 іюня (новаго стиля), царь провелъ два часа въ обсерваторіи, а на другой день (18) послалъ пригласить къ себѣ знаменитаго географа того времени Делиля, долго разговаривалъ съ нимъ черезъ переводчика о положеніи и пространствѣ своего государства, разсказывалъ ему о расположеніи новой крѣпости, которую устроивалъ въ татарскихъ предѣлахъ. Съ любопытствомъ царь смотрѣлъ на разные химическіе опыты, произведенные для

него ученымъ Жоффруа, и пожелалъ видѣть одну изъ операцій, дѣлаемыхъ знаменитымъ англійскимъ окулистомъ Уолессомъ: больного, шестидесятилѣтняго инвалида, нарочно привезли въ отель, гдѣ жилъ Петръ, чтобъ показать русскому царю образецъ европейскаго врачебнаго искусства. Сначала, когда окулистъ запустилъ иглу въ глазъ больного, царь невольно отвернулъ голову, но любопытство взяло надъ нимъ верхъ, и онъ смотрѣлъ до конца на операцію, а потомъ поднесъ къ глазамъ инвалида свою руку, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что тотъ увидалъ ее, тогда какъ до операціи не могъ ничего видѣть. Похваливши окулиста, царь обѣщалъ прислать къ нему ученика, чтобы тотъ могъ пріобрѣсти подобное искусство подъ руководствомъ такого великаго оператора. 19-го іюня (новаго стиля) царь посѣтилъ засѣданіе парламента, бывшаго тогда верховнымъ судебнымъ мѣстомъ. Всѣ члены были одѣты въ парадныя платья краснаго цвѣта, а президентъ—въ мѣховомъ одѣяніи, что́ составляло, по мѣстнымъ обычаямъ, особую почесть, оказываемую высокому гостю по поводу его посѣщенія. Въ тотъ же день посѣтилъ царь академію наукъ; члены разговаривали съ нимъ о новыхъ машинахъ и о разныхъ ученыхъ опытахъ. Петру здѣсь понравилось все, что́ онъ видѣлъ и о чемъ говорилъ, и впослѣдствіи, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ поручилъ своему доктору Эрскину изъявить президенту академіи аббату Биньону желаніе быть записаннымъ въ число членовъ этого ученаго общества. Академія изъявила согласіе и прислала царю дипломъ на званіе члена и благодарность за предложенную честь. Съ тѣхъ поръ, до самой своей смерти, Петръ, какъ членъ французской академіи, получалъ изданія ея трудовъ. 21-го іюня (новаго стиля), отслушавши въ греческой церкви литургію, по случаю наступившаго въ этотъ день по старому календарю праздника Пятидесятницы, Петръ уѣхалъ въ Спа, гдѣ намѣревался пользоваться водами. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Петръ щедро одарилъ сопровождавшихъ его придворныхъ и служившую ему королевскую прислугу [1]). Король при прощаніи поднесъ своему высокому гостю въ даръ мечъ, усыпанный брилліантами, но Петръ не хотѣлъ брать въ подарокъ ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней, а попросилъ четыре ковра превосходной работы изъ королевскаго гардероба. Во все продолженіе своего пребыванія въ Парижѣ, русскій царь удивлялъ французовъ своею простотою въ одеждѣ и своими привычками, несхо-

[1]) Маркизу Деливри, Тессе и герцогу Дантену каждому свой портретъ, осыпанный брилліантами, стоющій 40 тысячъ ливровъ, 10 тыс. роздано было прислугѣ, а 15 тыс. подарено садовникамъ въ Версалѣ и въ другихъ королевскихъ садахъ.

дившимися съ тогдашнимъ французскимъ этикетомъ. Такъ, напримѣръ, онъ обѣдалъ въ 11 часовъ утра, ужиналъ въ 8 часовъ вечера, и не любилъ стѣснять себя ни въ чемъ: во время бесѣды уходилъ прочь, не дослушивая рѣчей, когда онѣ мало представляли для него любопытнаго; съ чрезвычайною подвижностью, приказывалъ вести себя то туда, то сюда, такъ что правительство распорядилось разставлять въ разныхъ мѣстахъ экипажи, чтобъ гость имѣлъ возможность ѣхать повсюду, куда ему вздумается. За то при всемъ соблазнѣ, который дѣлалъ русскій царь несоблюденіемъ обычаевъ мѣстнаго этикета, онъ поражалъ французовъ своимъ умомъ, знаніями и находчивостью; они изумлялись, видя, что уроженецъ страны, считаемой ими самою дикою и невѣжественною въ мірѣ, по ясности взгляда на предметы, касавшіеся знаній и наукъ, превосходилъ государей, имѣвшихъ счастье быть рожденными въ образованныхъ странахъ. Будучи въ Парижѣ, царь заключилъ дружественный договоръ съ Франціею, включивши въ этотъ договоръ и прусскаго короля, и въ угоду Франціи далъ обѣщаніе вызвать свои войска изъ Мекленбурга.

Петръ ѣхалъ изъ Парижа черезъ Суассонъ, Реймсъ, Шарлевилль, Живе и Бовинь, до Намюра, куда прибылъ 25 іюня (новаго стиля) и былъ тамъ отлично принятъ администраторомъ провинціи; царь осматривалъ укрѣпленія города; его угощали; Петръ пилъ здоровье всѣхъ присутствовавшихъ и съ увлеченіемъ разсказывалъ о всѣхъ сраженіехъ и осадахъ, въ которыхъ самъ лично участвовалъ. Оттуда Петръ проѣхалъ черезъ Льежъ, (Люттихъ), гдѣ его угощали отъ имени кёльнскаго курфюрста, потомъ прибылъ въ Спа. Тамъ онъ мѣсяцъ пользовался водами, а 2 августа (новаго стиля) пріѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ царица Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала его возврата.

Баронъ Герцъ освободился изъ-подъ ареста и въ Амстердамѣ началъ переговоры съ царемъ при посредствѣ Понятовскаго. Герцъ обѣщалъ, что шведскій король пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію, а по заключеніи договора, самъ пожелаетъ видѣться съ царемъ. И царь желалъ уже прекращенія войны съ Карломъ: война эта ставила ему препятствія къ занятіямъ внутренними дѣлами государства; Петръ объявилъ Герцу чрезъ Куракина, что съѣздъ уполномоченныхъ долженъ начаться черезъ два или три мѣсяца на Аландскихъ островахъ; Герцъ съ этимъ отвѣтомъ уѣхалъ въ Швецію. По его убѣжденіямъ и Карлъ склонился къ мысли о мирѣ и союзѣ съ Россіею. Шведскій король ненавидѣлъ и презиралъ остальныхъ своихъ враговъ;

но Петра, какъ личность, онъ не могъ презирать, и потому съ нимъ однимъ способенъ былъ вступать въ переговоры, какъ равный съ равнымъ. Петръ имѣлъ причину быть также мало довольнымъ своими союзниками, датскимъ и польскимъ королями, и готовъ былъ предпочесть отдѣльный миръ съ давнимъ врагомъ вялому союзу съ союзниками, всегда способными измѣнить ему.

19-го сентября (новаго стиля) царь прибылъ въ Берлинъ, за нимъ черезъ три дня явилась туда Екатерина; пробывши въ Берлинѣ три дня, царственная чета чрезъ Данцигъ вернулась въ Петербургъ, куда прибыла 9-го октября 1717 г., послѣ шестнадцати-мѣсячнаго путешествія за границею. Царь черезъ своихъ министровъ сообщилъ прусскому королю, что онъ намѣренъ сноситься съ Швеціею о мирѣ, но будетъ сохранять интересъ своего союзника, прусскаго короля, и не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока Пруссія не получитъ Штетина съ округомъ.

Въ ноябрѣ Герцъ, возвратившійся изъ Швеціи, далъ знать въ Петербургъ, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро получитъ извѣстіе, что царскіе уполномоченные уже находятся въ Финляндіи. Петръ назначилъ отъ себя уполномоченными: генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и тайнаго совѣтника Остермана. Государь велѣлъ Брюсу объявить министрамъ союзниковъ—прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, что, по предложенію шведскаго короля; царь съ своей стороны посылаетъ уполномоченныхъ, но не вступитъ въ окончательный договоръ безъ согласія съ союзниками.

Въ маѣ начались конференціи на одномъ изъ Аландскихъ островов, по имени Ло. Россія требовала уступки Ингріи, Ливоніи, Эстляндіи, также города Выборга въ Финляндіи, остальное же Великое Княжество Финляндское до рѣки Кюмени уступала шведскому королю, предлагая между Швеціею и Россіею свободу торговли и мореплаванія. Для своихъ союзниковъ царь ставилъ такія условія: оставить короля Августа въ полномъ обладаніи польскимъ престоломъ, а прусскому королю уступить Штетинъ съ его округомъ; Даніи и Англіи Петръ предоставлялъ только право приступить къ трактату, замѣчая, что датскій король долженъ возвратить всѣ завоеванія, доставшіяся ему въ послѣднее время отъ Швеціи и пріобрѣсти въ иномъ мѣстѣ земли. Шведскіе уполномоченные требовали возвращенія всего завоеваннаго. Потомъ начали говорить объ эквивалентѣ, т.-е, о вознагражденіи иными способами уступленнаго Швеціею Россіи. Остерманъ, по приказанію Петра, заявилъ, что Россія не можетъ давать никакого эквивалента изъ принадлежащихъ ей земель, но не откажетъ въ

помощи Швеціи, если послѣдняя начнетъ искать себѣ эквивалента въ чужихъ земляхъ. Петръ соглашался даже помочь и англійскому претенденту, если шведскій король будетъ стараться возвести его на англійскій престолъ. Герцъ, оставивши конференцію, лѣтомъ 1718 года ѣздилъ въ Стокгольмъ для сношенія съ своимъ королемъ и, возвратившись на Аландскіе острова, сталъ податливѣе къ уступкамъ, но объявилъ о непремѣнномъ желаніи своего короля утвердить Станислава Лещинскаго на польскомъ престолѣ, а для вознагражденія Швеціи за уступаемыя Россіи земли, Герцъ предполагалъ присоединить къ Швеціи мекленбургскія земли, давши мекленбургскому герцогу какое-нибудь иное владѣніе; онъ предлагалъ послать шведскія и русскія силы въ Мекленбургъ въ помощь намѣреніямъ этого герцога. Петръ готовъ былъ пожертвовать Августомъ, который въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ своему союзнику показалъ достаточно вѣроломства. Въ сентябрѣ русскіе уполномоченные узнали, что въ Стокгольмѣ существуетъ сильная партія, удерживающая короля отъ уступокъ, партія, чернившая Герца обвиненіями въ продажничествѣ во вредъ королевскимъ интересамъ. Герцъ, чтобы разсѣять сомнѣнія противъ себя и доказать свою преданность Швеціи, просилъ Петра освободить плѣннаго шведскаго генерала Реншильда. Петръ согласился съ тѣмъ, чтобы шведы освободили двухъ плѣнныхъ русскихъ генераловъ—Головина и князя Трубецкаго. Остерманъ, человѣкъ хитрый, понималъ слабыя стороны враговъ, съ которыми велъ переговоры, понималъ и всѣхъ сосѣдей, которыхъ дѣла соприкасались съ Сѣверною войною. „Король шведскій", писалъ онъ Петру, „человѣкъ, повидимому, въ несовершенномъ разумѣ; ему—лишь бы съ кѣмъ-нибудь драться. Швеція вся разорена, и народъ хочетъ мира. Королю придется съ войскомъ куда-нибудь выступить, чтобъ на чужой счетъ его кормить; онъ собирается въ Норвегію. Ничто такъ не принудитъ Швецію къ миру, какъ разореніе, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведскій, судя по его отвагѣ, долженъ быть скоро убитъ; дѣтей у него нѣтъ, престолъ сдѣлается спорнымъ между партіями двухъ германскихъ принцевъ: гессенъ-кассельскаго и голштинскаго; чья-бы сторона ни одержала верхъ, она будетъ искать мира съ вашимъ величествомъ, потому что ни та, ни другая не захочетъ ради Лифляндіи или Эстляндіи потерять своихъ нѣмецкихъ владѣній".

Зимою Герцъ опять уѣхалъ въ Стокгольмъ; къ концу декабря ждали его возвращенія на Аландъ, но вмѣсто него прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Карлъ XII, 30-го ноября, убитъ при осадѣ Фридрихсгаля въ Норвегіи. Предсказаніе Остер-

мана сбылось: въ Швеціи тотчасъ же возникли двѣ партіи—одна желала дать престолъ младшей сестрѣ Карла XII Ульрикѣ Элеонорѣ, бывшей въ замужествѣ за гессенъ-кассельскимъ принцемъ; другая держалась молодого герцога голштинскаго. Первая взяла верхъ: Герцъ и его земляки голштинцы, въ послѣднее время получившіе сильное вліяніе на Карла XII, были арестованы. Но возникла еще и третья партія, дворянско-либеральная; она хотѣла воспользоваться неясностью правъ на престолъ и находила удобное время для ограниченія королевскаго самодержавія въ Швеціи. Эта партія готова была отдать престолъ тому, кто больше сдѣлаетъ уступокъ. Нерѣшительный и неопытный голштинскій герцогъ не воспользовался временемъ; тотчасъ послѣ смерти Карла XII, онъ могъ бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королемъ, но не сдѣлалъ этого. Тетка предупредила его; она дала сенату обѣщаніе ограничить королевскую власть и получила корону въ мартѣ 1719 года. Голштинскій герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи. Либералы, ненавидѣвшіе Герца какъ чужеземца, постарались погубить голштинскаго дипломата. Онъ былъ казненъ отрубленіемъ головы въ Стокгольмѣ.

Ульрика Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры съ царемъ и отправила новыхъ уполномоченныхъ: Лиліенстедта и прежняго товарища Герца—Гиллемборга. Шведскіе уполномоченные измѣнили тонъ, и начали попугивать русскихъ уполномоченныхъ возможностью приступить къ болѣе выгоднымъ для Швеціи соглашеніямъ съ другими соперничествующими державами. Но проницательный Остерманъ не поддался на эти запугиванія; онъ понималъ хорошо состояніе дѣлъ въ Швеціи. „Швеція“, писалъ онъ царю, „дошла до такого состоянія, что ей болѣе всего необходимъ миръ и особенно съ царскимъ величествомъ, какъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; съ кѣмъ бы другимъ шведы ни заключали мира—это не спасетъ ихъ отъ войны съ Россіей, а другія державы, войдя со шведами въ союзъ, при всемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, не станутъ проливать крови своихъ подданныхъ и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеціи возвращена была Лифляндія. Если бы теперь царь нанесъ пущее разореніе обнищавшей Швеціи, то этимъ бы принудилъ шведское правительство къ миру“. Остерманъ въ переговорахъ со шведскими уполномоченными стоялъ твердо на уступкѣ Россіи Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи, Выборга и части Кареліи со включеніемъ крѣпости Кексгольма, соглашаясь со стороны Россіи заплатить въ продолженіи двухъ лѣтъ милліонъ рублей. Швеція между тѣмъ примирилась съ курфюрстомъ

ганноверскимъ, уступивши ему Бременъ и Верденъ, пыталась склонить къ особому миру и прусскаго короля.

Такъ дотянулось до іюля 1719 года. Тогда, по настоянію Остермана, царь снарядилъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и значительнаго числа малыхъ судовъ; онъ послалъ на немъ войско подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси, для высадки въ Швецію. Между тѣмъ въ Балтійское море вошла англійская эскадра, командуемая адмираломъ Норрисомъ, подъ видимымъ предлогомъ охранять англійскую торговлю, но на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо подозрѣвалъ Петръ, въ помощь Швеціи въ случаѣ нужды противъ Россіи. Петръ прямо написалъ объ этомъ Норрису, стоявшему съ своею эскадрою на копенгагенскомъ рейдѣ. Англійскій адмиралъ, въ своемъ отвѣтѣ русскому царю, изъявлялъ удивленіе, что царь имѣетъ такія подозрѣнія. Петръ остался при своемъ подозрѣніи, но не показалъ страха передъ англійскимъ королемъ, твердый въ намѣреніи принудить Швецію къ миру своими военными дѣйствіями. Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ главною причиною войны Россіи со Швеціей выставлялось событіе въ Ригѣ, когда шведскій губернаторъ, графъ Дальбергъ, оскорбилъ русскаго царя, не допустивъ его осматривать городскія укрѣпленія. Петръ указывалъ на свое миролюбіе, съ которымъ онъ въ послѣднее время согласился начать переговоры съ Карломъ XII, но жаловался, что, по смерти Карла XII, шведская корона не показываетъ прежней наклонности къ миру, напротивъ, желаетъ войны, нарочно представляетъ такія требованія, на которыя Россія не можетъ согласиться, и въ то же время ищетъ враждебныхъ для Россіи союзовъ съ другими государствами; это обстоятельство побуждаетъ царя съ Божьей помощью внести войну въ сердце Шведскаго королевства.

Война началась и велась очень опустошительнымъ образомъ. Русскіе плавали по шхерамъ вдоль шведскаго берега, нападали въ разныхъ мѣстахъ на города и селенія, не щадили ни государственнаго, ни частнаго достоянія, но болѣе всего старались разорять шведскіе рудники и заводы, составлявшіе важнѣйшее богатство Швеціи. Такъ, на сѣверномъ берегу разорили они Фурстенаръ и Ортулу, 7-го августа 5,000 русскихъ напали на важнѣйшій шведскій заводъ въ Лоштѣ, захватили тамъ 13,000 тоннъ желѣза на свои суда, а всѣ заведенія и постройки уничтожили. На всѣхъ шведскихъ заводахъ русскіе находили такое множество желѣза, что не въ силахъ были наполнить имъ свои суда и бросали въ море. Они истребляли повсюду хлѣбное зерно,

убивали и угоняли скотъ и лошадей, уводили плѣнниковъ, перебили множество безоружнаго народа, не успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Апраксинъ истребилъ шесть большихъ городовъ, болѣе сотни дворянскихъ усадьбъ, 826 деревень, три мельницы и десять магазиновъ, разорилъ два мѣдныхъ и пять желѣзныхъ заводовъ. Генералъ-майоръ Ласси съ своей стороны сжегъ два города, двадцать одну владѣльческую усадьбу, 535 селъ и деревень, сорокъ мельницъ, шестнадцать магазиновъ и девять желѣзныхъ заводовъ, въ числѣ которыхъ были такіе богатые, что шведы предлагали 300 тысячъ рейхсталеровъ за спасеніе ихъ отъ разоренія. Знаменитый мануфактурный городъ Норчопингъ преданъ былъ пламени самими жителями, лишь бы не доставался непріятелю. Самому Стокгольму угрожала опасность: 27-го іюля казаки достигали до Вестергалинга, въ 4-хъ миляхъ отъ столицы. Мужъ королевы выступалъ противъ русскихъ, но не сдѣлалъ имъ никакого зла; они разоряли шведскіе берега налетомъ, появляясь и исчезая то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Въ сентябрѣ прекратились нападенія; у шведовъ вся надежда была на англійскую помощь адмирала Норриса, но онъ, не имѣя повелѣнія своего короля, не рѣшался начинать непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Послѣ ухода русскихъ, англійскій уполномоченный при шведскомъ дворѣ лордъ Картеретъ прислалъ царю депешу, извѣщая, что, по распоряженію англійскаго короля, адмиралъ Норрисъ не только покровительствуетъ торговлѣ англійскихъ подданныхъ, но и поддерживаетъ посредничество англійскаго короля къ окончанію войны, такъ долго нарушающей спокойствіе сѣверныхъ странъ. Съ свой стороны, Норрисъ доводилъ до свѣдѣнія царя, что англійскій король принимаетъ на себя посредничество, убѣждалъ царя прекратить всѣ враждебныя дѣйствія и показать свое искреннее расположеніе къ миру. Петръ изъ этого понялъ, что онъ, въ особѣ англійскаго короля, помирившагося со Швеціею въ званіи ганноверскаго курфюрста, наживалъ себѣ новаго врага; онъ написалъ королю Георгу письмо, поручивъ своему посланнику Веселовскому подать его. Петръ указывалъ на древнюю дружбу, существовавшую издавна между Россіей и Англіею, на пользу, какую извлекала Англія отъ этой дружбы, напоминалъ, что предшественники короля Георга всегда дорожили союзомъ съ Россіею, и жаловался на послѣднія заявленія Картерета и Норриса, доказывающія, что Англія по отношенію къ Россіи становится во враждебное положеніе. На это письмо 11-го февраля 1720 года государственный секретарь Стенгопъ подалъ Веселовскому отъ имени англійскаго короля

отвѣтъ. Англійскій король указывалъ русскому государю на то, что до сихъ поръ предложенія союза и дружбы давались со стороны Россіи какъ бы съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Англія дѣйствовала враждебно противъ шведовъ, тогда какъ въ то же время царь заводилъ тайныя интриги во вредъ англійскому королю и въ пользу претендента изъ дома Стюартовъ. Королю Георгу, говорилось въ отвѣтѣ, не безъизвѣстны были по этому поводу сношенія англійскихъ противниковъ царствующей династіи, между прочимъ Фернегана, Гуго, Петерсона, герцога Ормонда, проживавшаго инкогнито въ Митавѣ, наконецъ извѣстна была королю корреспонденція, которую царь черезъ посредство Фернегана завелъ съ Испаніею по вопросу о предполагаемомъ вторженіи въ Шотландію претендента, не говоря уже объ интригахъ барона Герца, котораго намѣренія явно открылись изъ захваченныхъ у него бумагъ. Въ другомъ отвѣтѣ короля Георга, данномъ собственно по его званію ганноверскаго корфюрста, Петру выставлялось на видъ, что царь не допускалъ чужихъ пословъ къ участію въ аландскихъ переговорахъ и дѣлалъ это затѣмъ, что у царя былъ втайнѣ планъ соединить свои силы съ силами шведскаго короля, внести войну въ германскія владѣнія и устроить нашествіе на Шотландію. Въ заключеніе всего, король Георгъ заявлялъ желаніе установить миръ, но если бы всѣ его старанія, по причинѣ царскаго отказа, остались безплодны, то предоставлялъ себѣ право, по силѣ договора со Швеціею, принять мѣры не совсѣмъ пріятныя для царя.

Послѣ военной прогулки русскаго флота по шведскимъ берегамъ, царь послалъ въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ Остермана, надѣясь, что, испытавши разоренія, Швеція станетъ податливѣе. Шведская королева, ея супругъ и шведскіе аристократы показали тогда видъ раздраженія, говорили, что теперь, послѣ нанесенныхъ русскими опустошеній, миръ заключить труднѣе, чѣмъ прежде. Остерманъ этимъ не обманулся и сказалъ одному шведскому аристократу: „если у насъ съ вами будетъ война, то настоящая ваша форма правленія не долго простоитъ, и дѣло окончится народнымъ возстаніемъ“. Его увѣряли, что весь народъ не хочетъ мира. „Сегодня не хочетъ, завтра горячо захочетъ“, сказалъ Остерманъ: „народъ непостояненъ“. Королева, подвигаемая дворянствомъ, разсерженнымъ на Россію, приказала Лиліенстедту уѣхать съ Аландскихъ островoвъ. Итакъ, конгрессъ былъ порванъ въ сентябрѣ 1719 года.

Во время аландскаго конгресса, съ польскимъ королемъ у Петра не ладилось, Августъ поддавался внушеніямъ императора и французскому вліянію, такъ какъ его ласкали надеждою сдѣлать

польскій престолъ наслѣдственнымъ въ его домѣ. Въ самой Польшѣ между панами образовалась партія, хотѣвшая полнаго освобожденія польскихъ земель отъ русскаго войска; съ этою партіею сблизился король. Петръ приказывалъ своему послу Долгорукому внушать полякамъ, что русскія войска посылаются въ Польшу для охраненія отъ коварныхъ намѣреній короля Августа, который, при пособіи вѣнскаго двора, думаетъ установить наслѣдственное правленіе въ Польшѣ и ограничить шляхетскую свободу въ пользу самодержавной королевской власти. Чтобъ не дать полякамъ сойтись съ королемъ и постановить что-нибудь противное русскимъ видамъ, изъ Россіи присылались соболи и камки, для раздачи сеймовымъ посламъ Рѣчи-Посполитой за то, чтобы они, служа видамъ Россіи, не доводили сеймовъ до конца: такъ на гродненскомъ сеймѣ, начавшемся въ октябрѣ 1718 года, король Августъ начиналъ было пріобрѣтать большое вліяніе, но подкупленный Россіею посолъ сорвалъ этотъ сеймъ. Въ Польшѣ происходили между тѣмъ религіозныя недоразумѣнія, подававшія поводъ Россіи вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла. Варшавскій сеймъ, окончившій смуту по поводу спора между королемъ и Тарногродскою конфедераціею, постановилъ подъ видомъ утвержденія древнихъ правъ, уничтожать всѣ некатолическія церкви, въ послѣднее время построенныя, и далъ запрещеніе всѣмъ иновѣрцамъ заводить сходбища, гдѣ бы у нихъ говорились проповѣди или пѣлись духовныя пѣсни; за несоблюденіе этого запрещенія угрожали судомъ, пенями, тюремнымъ заключеніемъ и, наконецъ, изгнаніемъ изъ отечества. Въ январѣ 1718 года всѣ мужскіе и женскіе православные монастыри принесли царю жалобу на притѣсненія со стороны католиковъ. Петръ, въ мартѣ 1718 года, обратился съ ходатайствомъ о православныхъ къ Августу, и Долгорукій, отъ имени своего государя, объявлялъ, что Россія не можетъ долѣе сносить, чтобы вопреки мирному договору была гонима и искореняема православная вѣра въ Польшѣ. Русскія представленія и протесты не расположили поляковъ къ вѣротерпимости. Въ сентябрѣ того же года съ такою же просьбою обратились къ Петру польскіе протестанты, носившіе въ Польшѣ названіе диссидентовъ, а вопросъ о свободѣ православной вѣры поднятъ былъ между Россіею и Польшею въ 1720 году. Польскій король заключилъ прелиминарный договоръ со Швеціею, и полномочный посолъ Августа, мазовецкій воевода Хоментовскій пріѣхалъ въ Россію требовать отъ царя возвращенія Лифляндіи и уплаты обѣщанныхъ по договору субсидій. На счетъ субсидій Петръ отвѣчалъ, что такія субсидіи обѣщаны были только на войска, дѣйствующія

противъ общаго непріятеля—шведовъ, но король Августъ со своими войсками противъ него не дѣйствовалъ. Что же касается до Ливоніи, то царь не отрекался отъ того, что прежде обѣщалъ возвратить этотъ край королю и Рѣчи-Посполитой, но не можетъ теперь исполнить своего обѣщанія потому, что Ливонія будетъ Августомъ возвращена Швеціи, такъ какъ прелиминарный договоръ, заключенный между Польшей и Швеціей, постановленъ на основаніи Оливскаго мирнаго трактата, а по этому трактату Ливонія уступлена была Швеціи. Тутъ подали Хоментовскому многозначительный меморіалъ, гдѣ излагался цѣлый рядъ оскорбленій, нанесенныхъ въ Польшѣ православной церкви и ея послѣдователямъ. Царь требовалъ, чтобы впередъ дозволено было православнымъ строить новые церкви и монастыри, и всѣ тѣ епископіи, монастыри и приходскія церкви, которыхъ духовенство приняло и впередъ приметъ унію или католичество, должны оставаться въ православномъ вѣдомствѣ. Православные епископы должны засѣдать въ сенатѣ, и мірскіе люди православной вѣры должны пользоваться наравнѣ съ католиками одинакимъ правомъ вступать въ государственную службу. Наконецъ, Петръ требовалъ установленія закона о наказаніи тѣмъ, которые начнутъ дѣлать препятствія къ отправленію православнаго богослуженія. Сеймъ, собравшійся въ Варшавѣ и долженствовавшій по видамъ царя утвердить его требованія, сразу сталъ подпадать подъ вліяніе враговъ Россіи, англійскаго и шведскаго посланниковъ, хотѣвшихъ вооружить поляковъ противъ Петра. Самъ Долгорукій увидѣлъ тогда необходимость постараться, чтобъ этотъ сеймъ разошелся, не окончивъ своего дѣла.

Послѣ прерванія аландскихъ трактатовъ, нѣсколько времени Англія своими дипломатическими интригами препятствовала примиренію Швеціи съ Россіею. Она успѣла примирить со Швеціей прусскаго короля, гарантировавъ для него обладаніе Штетиномъ. Въ іюнѣ 1720 года, также по ходатайству Англіи, подписанъ былъ мирный договоръ Швеціи съ Даніею. Опасеніе на счетъ согласія Петра съ планами Герца — низвергнуть короля Георга и возвести на его мѣсто претендента изъ дома Стюартовъ — заставило англійскаго короля смотрѣть на Петра, какъ на своего тайнаго врага, и въ 1720 году на балтійскихъ водахъ опять появился англійскій флотъ. Петръ не испугался этой эскадры, и въ виду ея снова готовился разорять шведскіе берега.

Въ это время въ Швеціи Ульрика Элеонора уступила престолъ своему супругу, герцогу гессенъ-кассельскому. Новый король прислалъ въ Петербургъ своего адъютанта Виртенберга извѣстить

о своемъ вступленіи на престолъ и изъявить надежду на будущій миръ и союзъ. Петръ показывалъ этому посланцу свое адмиралтейство и познакомилъ его со всѣми приготовленіями къ предполагаемому новому походу русскихъ на Швецію. Въ августѣ царь выслалъ эскадру подъ начальствомъ князя Голицына, который счастливо привелъ въ Петербургъ четыре шведскихъ фрегата, взятыхъ въ плѣнъ съ значительнымъ числомъ людей. Постоянный любитель всякихъ торжествъ, Петръ и по этому поводу устроилъ въ Петербургѣ праздникъ, одарилъ щедро участвовавшихъ въ войнѣ русскихъ моряковъ, и самому Голицыну далъ саблю, осыпанную брилліантами; потомъ царь отправилъ въ Стокгольмъ своего генералъ-адъютанта Румянцева съ предложеніемъ: размѣнять плѣнныхъ и заключить перемиріе на зимнее время. Шведскіе министры не сошлись въ этомъ съ Румянцевымъ, хотя и приняли его почтительно и радушно. Въ началѣ 1721 года явился въ Петербургъ французскій посланникъ Кампредонъ, бывшій до того времени посланникомъ въ Стокгольмѣ. Онъ привезъ въ Россію предложеніе посредничества Франціи между Россіею и Швеціею. Царь согласился. Французскій посредникъ сначала попытался-было предлагать годичное перемиріе. Петръ сразу отвергъ его предложеніе, и сказалъ, что ни за что не отступитъ отъ прежнихъ требованій, заявленныхъ при переговорахъ на Аландскихъ островахъ, а потому, если Швеція искренно хочетъ мира, то можетъ, вмѣсто кратковременнаго перемирія, постановить съ Россіею полный вѣчный миръ. Петръ понялъ, что перемиріе можетъ быть полезно для Швеціи и вредно для Россіи: шведы будутъ имѣть время поправиться, сойтись съ союзниками и приготовиться къ новой войнѣ противъ Россіи. Упорство Петра повело къ тому, что французскій посредникъ отказался отъ мысли о перемиріи; положено было прямо начать переговоры о мирѣ, но военныхъ дѣйствій во время этихъ переговоровъ не прекращать. Петръ, чтобы понудить шведовъ къ податливости, отправилъ генерала Ласси опустошать шведскіе берега Ботническаго залива. У русскихъ было до 5,000 регулярнаго войска и 360 казаковъ. Они взяли и сожгли шесть шведскихъ галеръ, 27 купеческихъ судовъ, гдѣ нашли значительный запасъ оружія, овладѣли оружейнымъ магазиномъ, разорили нѣсколько кузницъ и мельницъ, разграбили и сожгли четыре города, нѣсколько сотъ селеній и дворовъ.

Между тѣмъ, въ виду возобновленныхъ переговоровъ со Швеціею, голштинскій герцогъ, черезъ своего посланника Штамкена, хлопоталъ о томъ, чтобъ Россія, при мирномъ договорѣ, стояла

за его наслѣдственныя права на шведскій престолъ. Петръ благосклонно отнесся къ домогательству голштинскаго герцога, пригласилъ его въ Петербургъ, и принялъ очень радушно. Два обстоятельства: раззореніе, причиненное русскими на шведскихъ берегахъ, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу, какъ претенденту на шведскій престолъ, сдѣлали шведовъ уступчивѣе. 30 августа 1721 года заключенъ былъ царскими послами окончательный Ништадтскій мирный договоръ, прекратившій долголѣтнюю Сѣверную войну. Швеція уступила Россіи въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, острова Эзель, Даго и Менъ, Ингерманландію, часть Кареліи и Выборгъ въ Финляндіи, а остальная Финляндія, завоеванная Россіей, возвращена была Швеціи. Съ своей стороны, Россія выплачивала два милліона ефимковъ по срокамъ, обязывалась не вмѣшиваться въ домашнія дѣла Шведскаго королевства и не помогать никому въ достиженіи наслѣдственныхъ правъ, вопреки волѣ чиновъ государства; всѣ военноплѣнные освобождались безъ выкупа, кромѣ добровольно принявшихъ въ Россіи православную вѣру. Трактатъ подписанъ былъ съ русской стороны Брюсомъ и Остерманомъ, а съ шведской—графомъ Лиліенстедтомъ и барономъ Стрельфельдомъ. Молодой герцогъ голштинскій долженъ былъ отказаться отъ надежды получить шведскую корону при пособіи Россіи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ долженъ былъ удовольствоваться доводами, сообщенными ему отъ имени царя Шафировымъ, о невозможности Петру вести далѣе его дѣло. Герцогъ долженъ былъ участвовать во всеобщемъ торжествѣ Россіи, показывая удовольствіе по поводу окончанія пролитія крови какъ русской, такъ и шведской.

22 октября въ Петербургѣ въ соборной церкви Св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившаго долголѣтнюю и тяжелую Сѣверную войну. Сначала прочитанъ былъ мирный трактатъ, потомъ архіепископъ псковскій изрекъ поученіе, вслѣдъ затѣмъ канцлеръ Головкинъ проговорилъ государю рѣчь, послѣ которой всѣ бывшіе тутъ сенаторы воскликнули: „виватъ, виватъ, Петръ Великій, отецъ отечествія, императоръ Всероссійскій!“ Обильная пальба изъ петербургской крѣпости, адмиралтейства, судовъ, стрѣльба изъ ружей, производимая 23 полками, все возвѣщало всеобщую радость. Петръ говорилъ: „зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь прошедшею войною и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ

общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами какъ внутрь, такъ и во внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ". Торжественный праздничный обѣдъ устроенъ былъ въ зданіи сената; къ обѣду приглашенныхъ было до тысячи персонъ. По окончаніи стола былъ балъ, продолжавшійся до ночи, а ночью фейерверкъ, изображавшій храмъ Януса, изъ котораго появился богъ Янусъ съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвью; изъ крѣпости дана была тысяча выстрѣловъ, и вся Нева иллюминована была потѣшными огнями. Царскій пиръ окончился въ три часа ночи „обношеніемъ всѣхъ гостей преизряднымъ токайскимъ". Для простого народа устроены были два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Меншиковъ и два архіерея, отъ имени сената и синода, за всѣ попеченія и старанія о благополучіи государства, за то, что государь „изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руководженіе", просили царя принять титулъ „Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго". Государь отрекался отъ этой чести и принялъ ее какъ бы по усиленному прошенію сенаторовъ. Вслѣдъ затѣмъ отъ сената установлена была форма титула: „Божьею милостью, мы Петръ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій", а въ челобитныхъ: „всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ, самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій". Нѣсколько дней послѣ того продолжались веселыя празднества. Царь устроилъ шумный маскерадъ, на который приглашено было болѣе пяти сотъ особъ обоего пола. Самъ царь съ своей семьей участвовалъ въ этомъ маскерадѣ и былъ одѣтъ голландскимъ матросомъ - барабанщикомъ, а Екатерина была одѣта голландскою крестьянкою съ корзиною въ рукѣ. Ея придворныя дамы изображали нимфъ, пастушекъ, арапокъ, монахинь и шутихъ. Шутовской князь-кесарь былъ одѣтъ въ горностаевой мантіи и окруженъ служителями въ старорусской боярской одеждѣ, а его жена явилась въ красномъ, вышитомъ золотомъ, лѣтникѣ, съ толпою женщинъ въ одеждѣ старыхъ боярынь. Князь-папа былъ на этомъ маскерадѣ со всѣмъ своимъ всепьянѣйшимъ соборомъ. Веселое многодневное празднество въ Петербургѣ было прервано 4 ноября большимъ наводненіемъ Невы. Вода снесла мосты, опустошила съ корнемъ деревья въ садахъ, выбросила на сушу суда и шлюпки, затопила погреба и нанесла большіе убытки купцамъ. Наводненія повторялись потомъ нѣсколько разъ, но уже не были такъ сильны, какъ въ первый разъ. Неизвѣстно, сколькимъ человѣкамъ стоили жизни эти наводненія, но послѣ нихъ при дворѣ опять возобновились празд-

нества, пиры, балы, концерты и великолѣпные разъѣзды по городу. Такъ было до самаго отъѣзда царя въ Москву.

По силѣ договора, всѣхъ шведскихъ военноплѣнныхъ приказано препроводить какъ можно скорѣе въ военную коллегію, кромѣ поступившихъ на царскую службу или принявшихъ православіе. Шведовъ, женившихся на русскихъ, но не принявшихъ православія, приказано было отпустить въ отечество безъ женъ, давши имъ однако срокъ на годъ или на два одуматься и возвратиться въ Россію [1]). По всей Россіи приказано было праздновать торжество заключенія мира молебствіями. Въ ознаменованіе своей радости 4 ноября императоръ высочайшимъ указомъ объявилъ генеральное прощеніе всѣмъ осужденнымъ, а также сидящимъ въ тюрьмахъ за государственные долги; амнистія не простиралась только на осужденныхъ за неоднократные разбои. Всѣ каторжники, у которыхъ не были вырваны ноздри, могли опредѣляться на службу и жить гдѣ угодно въ Россіи; прочіе оставались въ Сибири, но на свободѣ; тѣхъ, которые тайною канцеляріею были сосланы въ дальніе города, приказано перевести въ ближайшіе. Поповъ и дьяконовъ, осужденныхъ по суздальскому дѣлу, соприкосновенному къ процессу царевича Алексѣя, велѣно поставить у церквей въ новопостроенныхъ городахъ. Раскольниковъ положено было оставить на прежнемъ основаніи, пока не обратятся въ православіе. Въ началѣ декабря царь со всѣмъ дворомъ отправился въ Москву, для чего велѣно

---

[1]) Надобно замѣтить, что во все продолженіе многолѣтней Сѣверной войны положеніе шведскихъ плѣнниковъ было неотраднымъ. Русское правительство заботилось только о томъ, чтобъ ихъ держать построже, но не принимало никакихъ мѣръ къ поддержанію ихъ существованія въ плѣну. По старымъ русскимъ понятіямъ, военноплѣнный былъ рабомъ того, кто его плѣнилъ. Русскіе такъ и смотрѣли на шведскихъ плѣнниковъ. Иные плѣнники уходили отъ господъ, женились на русскихъ женщинахъ; господа, поймавши ихъ, разлучали съ семьями; иныхъ за самовольный уходъ тащили къ суду, сажали въ тюрьмы, держали въ кандалахъ, морили голодомъ; иныхъ господа насильно крестили въ православную вѣру и женили на своихъ крѣпостныхъ. Много разъ подавались царю жалобы, но все безъ пользы. Между тѣмъ, по сознанію самого царя, шведы были полезными людьми для Россіи. Многіе принимались за разныя рукодѣлія и искусства: изъ нихъ были кузнецы, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, сапожники, портные, токари, столяры, дѣлатели игральныхъ картъ, живописцы, музыканты; иные завели гостинницы, а нѣкоторые, получившіе на родинѣ образованіе, заводили въ Россіи школы и обучали дѣтей своихъ единоземцевъ,—въ эти школы стали отдавать и русскіе своихъ дѣтей. Простые солдаты занимались черною работою. Шведскіе плѣнники разсѣяны были по всей Россіи, но болѣе всего было ихъ въ Сибири, гдѣ имъ вообще было лучше, благодаря добродушію Гагарина. Въ Сибири занялись они, между прочимъ, рудокопствомъ, и посланный туда по рудокопнымъ дѣламъ капитанъ Татищевъ доносилъ Петру, что безъ этихъ иноземцевъ горнозаводскія работы не могутъ двигаться.

было заготовлять подводы по дорогѣ, а въ самой Москвѣ къ царскому пріѣзду построить трое тріумфальныхъ воротъ: на Тверской, въ Китай-городѣ у Казанскаго собора, и на Мясницкой. Восемь дней шло празднество; устроено было катанье на саняхъ, на которыхъ поставлены были изображенія разныхъ морскихъ судовъ. Весь поѣздъ начинался колесницею, на которой сидѣлъ Бахусъ; за этою колесницею ѣхали однѣ за другими сани въ шутовской обстановкѣ: тѣ запряжены были медвѣдями, другія — свиньями, третьи — собаками. Шутовской патріархъ сидѣлъ на подобіи трона и раздавалъ направо и налѣво благословенія, а передъ нимъ сидѣлъ отецъ Силенъ на бочкѣ. Около колесницы патріарха ѣхали въ кардинальскихъ одеждахъ члены сумасброднѣйшаго собора, сидя верхомъ на осѣдланныхъ быкахъ, а за ними слѣдовалъ князь-кесарь въ комическомъ видѣ, представлявшій московскаго царя прежнихъ временъ. Самъ царь Петръ, одѣтый морякомъ, сидѣлъ на изображеніи двухпалубнаго фрегата, уставленнаго на саняхъ, запряженныхъ шестью лошадьми. За нимъ — 24 саней, связанныхъ однѣ съ другими, нагруженныя людьми, представляли огромную змѣю. Далѣе ѣхала государыня въ одеждѣ фрисландской крестьянки, въ сопровожденіи придворныхъ, разодѣтыхъ африканцами. Затѣмъ слѣдовали сани за санями, на которыхъ поставлены были изображенія судовъ, и на нихъ сидѣли вельможи и иностранные посланники, приглашенные гостьми на праздничное торжество. Всѣ были одѣты въ маскерадное платье китайцами, персіянами, черкесами, индѣйцами, сибирскими инородцами, турками и разными европейскими народами, всякаго званія и сословія. Весь этотъ поѣздъ отправился къ Меншикову— во дворецъ Лефорта, и гости прогуляли такъ цѣлую ночь. Послѣ этого праздника недѣли двѣ сряду отправлялись подобныя гулянія. Кромѣ царя, угощали гостей пирами, балами, маскерадами и фейерверками Меншиковъ и голштинскій герцогъ, ухаживавшій въ то время за дочерью царя. Всѣ дѣла остановились во время всеобщаго гулянія.

23 декабря сенатъ съ синодомъ порѣшили именовать царицу Екатерину—императрицею, а царскихъ дочерей цесаревнами.

VI.

Внутреннія событія послѣ Ништадтскаго мира.

Послѣ Ништадтскаго мира, Петръ послѣдніе годы своего царствованія занимался съ прежнею энергіею дѣлами внутренняго устроенія. 5-го февраля 1722 года былъ изданъ новый законъ о престолонаслѣдіи, который, можно сказать, уничтожалъ въ этомъ вопросѣ всякое значеніе родоваго права. Всякій царствующій государь, сообразно этому закону, могъ, по своему произволу, назначить себѣ преемника. „Кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ“.

Почти одновременно (24-го января) изданъ былъ знаменитый указъ, заключавшій табель о рангахъ, послужившій основаніемъ новому порядку государственной службы. И здѣсь видно было желаніе поставить верховную царскую волю выше всякихъ правъ и предразсудковъ породы. Мѣстничество давно уже уничтожилось; повышеніе личностей въ служебной лѣстницѣ оставалось на произволѣ власти. Новый указъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ этого принципа. Петръ не уничтожалъ преимуществъ рожденія вовсе, но выше ихъ ставилъ достоинство государственной службы. Заслуги, оказанныя въ государственной службѣ, сообщали недворянину потомственное дворянское званіе. Всѣмъ, считавшимся до того времеми дворянами, вмѣнялось въ обязанность въ полуторагодичный срокъ доказать, когда и отъ кого пожалована имъ дворянская честь; тѣ, которые докажутъ, что ихъ родъ пользовался дворянствомъ не менѣе ста лѣтъ, получали дворянскіе гербы. Герольдмейстеръ долженъ былъ вести списки дворянъ, по именамъ и чинамъ, и вносить въ эти списки ихъ дѣтей. Такимъ образомъ положено начало родословнымъ книгамъ и герольдіи. Царь предоставлялъ себѣ право жаловать недворянъ за службу дворянствомъ и лишать его за преступленіе. По закону 24-го января 1722 года, вся государственная служба раздѣлялась на воинскую, статскую и придворную, и въ каждомъ такомъ разрядѣ установлялась лѣстница изъ 14-ти ступеней. Воинская служба раздѣлялась на 4 отдѣла: сухопутная — армейская, гвардейская, артиллерійская и морская. Верховный чинъ или первый классъ для всей арміи, гвардіи и артиллеріи былъ генералъ-фельдмаршалъ, для морскихъ—генералъ-адмиралъ. Ко второму классу принадлежали, какъ въ армейской, такъ и въ гвардейской службѣ, полные генералы отъ инфантеріи и отъ кавалеріи; въ артилле-

рійской службѣ—генералъ-фельдцейхмейстеръ, въ морской—адмиралы прочихъ флаговъ. Въ третьемъ классѣ, въ арміи, гвардіи и артиллеріи, числились генералъ-лейтенанты, генералъ-кригскоммиссаръ и кавалеры св. Андрея, а въ морской—вице-адмиралы. Въ четвертомъ, какъ въ арміи, такъ и въ артиллеріи—генералъ-майоры; а въ гвардіи съ этого класса начинается преимущество надъ арміею: армейскому генералъ-майору равнялся гвардейскій полковникъ, въ морской службѣ шаутбенахты и оберъ-цейгмейстеръ. Въ пятомъ—армейскіе бригадиры, оберштеръ-кригскоммиссаръ, генералъ-провіантмейстеръ, въ артиллеріи полковникъ, въ гвардіи подполковникъ, а въ морской—капитаны, командиръ надъ портомъ кроншлотскимъ, и нѣкоторыя хозяйственныя должности. Въ шестомъ: въ арміи—полковники, въ гвардіи—майоры, въ артиллеріи—подполковники, въ морской—капитаны 1-го ранга. Въ седьмомъ: въ арміи—подполковники, генералъ-аудиторы и нѣкоторыя другія должности, въ гвардіи—капитаны, въ артиллеріи—майоры, въ морской—капитаны 2-го ранга. Въ восьмомъ: въ арміи—майоры, генеральскіе адъютанты; въ гвардіи—капитанъ-лейтенанты, въ артиллеріи—инженеръ-майоры, въ морской—капитаны 3-го ранга. Въ девятомъ: въ арміи—капитаны, въ гвардіи—лейтенанты, въ артиллеріи и въ морской—капитанъ-лейтенанты. Въ десятомъ: въ арміи—капитанъ-лейтенанты, въ гвардіи—унтеръ-лейтенанты, въ артиллеріи и въ морской—лейтенанты. Одиннадцатаго класса не было, исключая для морской службы—секретари корабельные. Двѣнадцатаго: въ арміи—лейтенанты, въ гвардіи—фендрики, въ артиллеріи—унтеръ-лейтенанты, въ морской—унтеръ-лейтенанты и шкиперы 1-го ранга. Тринадцатаго: въ арміи—унтеръ-лейтенанты, въ артиллеріи—штыкъ-юнкеры, въ гвардіи и въ морской не было этого класса. Наконецъ, четырнадцатаго: въ арміи—фендрики, въ артиллеріи—инженеръ-фендрики, въ морской—шкиперы 2-го ранга и констапели. Въ статской службѣ: 1-го класса былъ одинъ только канцлеръ, 2-го—дѣйствительные тайные совѣтники, 3-го—генералъ-прокуроръ, 4-го президенты коллегій и тайные совѣтники. Затѣмъ остальные классы, за исключеніемъ 11-го, котораго вовсе не было, выражали разныя должности гражданской служебной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи табель Петра имѣла нѣсколько другой смыслъ, чѣмъ та, которая удержалась до нашего времени, и представляетъ сходство съ современною только по принадлежности должностей, размѣщенныхъ въ ихъ достоинствѣ по лѣстницѣ классовъ. Придворныя должности, начиная со 2-го класса, къ которому принадлежалъ оберъ-маршалъ, шли также на 14 степеней, но, за

исключеніемъ 10-го и 13-го, выражали собой придворныя обязанности, въ иныхъ случаяхъ постоянныя, какъ, напримѣръ, тайный кабинетъ-секретарь, лейбъ-медикусъ, въ другихъ—относившіяся только къ придворнымъ церемоніямъ, напримѣръ, оберъшенкъ, камергеры. „Рангъ“ при Петрѣ означалъ право на извѣстную почесть, и всякій, кто самовольно займетъ мѣсто, дающее ему право на почесть выше его ранга, подвергался вычету двухъмѣсячнаго жалованья, или же уплатѣ той суммы, которая равнялась жалованью, получаемому другими, равными ему по рангу, лицами. „Сіе осмотрѣніе каждаго ранга не въ такихъ оказіяхъ требуется, когда нѣкоторые яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся или при публичныхъ ассамблеяхъ, но токмо въ церквахъ при службѣ божьей, при дворовыхъ церемоніяхъ, при аудіенціяхъ пословъ, въ торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, погребеніяхъ и тому подобное“. Такъ пояснялъ значеніе ранговъ государевъ указъ. И женскій полъ пользовался подобнымъ отличіемъ по рангамъ. Замужнія женщины считались въ рангахъ сообразно своимъ мужьямъ, а дѣвицы сообразно своимъ отцамъ, но между замужними и дѣвицами устанавливалось отношеніе, дававшее преимущество первыхъ предъ послѣдними. Напримѣръ, дѣвицы, дочери отцовъ 1-го ранга, до своего замужества, считались выше тѣхъ замужнихъ, которыхъ мужья состояли въ 5-мъ рангѣ, дочери отцовъ 2-го ранга считались выше женъ чиновниковъ 6-го ранга. У фискаловъ теперь явилась новая обязанность—наблюдать, чтобы всѣ пользовались почетомъ сообразно своему рангу и не присвоивали себѣ высшаго почета. Въ статской службѣ потомственное дворянство давали первые 8 классовъ, а въ военной—всѣ (штабъ и оберъ) офицерскіе чины.

Каждый долженъ былъ имѣть свой уборъ, ливрею для служителей и экипажъ сообразно своему рангу. „Понеже знатность и достоинство какой особы часто умаляется, когда уборъ и прочій поступокъ чѣмъ не сходствуетъ“.

Этотъ новый законъ установлялъ порядокъ должностей, но предоставленіемъ разныхъ почетовъ по чинамъ вводилъ въ общественную жизнь пустое чванство и самопредпочтеніе, тѣмъ болѣе достойное порицанія, когда, по общечеловѣческой слабости, чины не всегда могли достигаться по достоинству и заслугамъ, а часто могли добиваться въ силу связей, пролазничества и низкопоклонства младшихъ передъ старшими.

Такъ какъ Петръ желалъ поставить государственную службу выше предразсудковъ породы, то и другія, послѣдовавшія затѣмъ, узаконенія Петра носили тотъ же характеръ. 27-го апрѣля 1722 г.

состоялся указъ о цехахъ, приводившій въ порядокъ ремесленныхъ людей. Законъ этотъ заимствованъ, какъ и всѣ учрежденія и нововведенія Петра, изъ чужеземныхъ образцовъ. Ремесло или занятіе собирало всѣхъ, занимающихся имъ, въ одну корпорацію, называемую цехомъ (польское слово, съ нѣмецкаго Zunft). Всѣ могли свободно вступать въ цехъ; не запрещалось это и крѣпостнымъ. Цехи находились подъ управленіемъ выборныхъ альдермановъ или старшинъ изъ настоящихъ мастеровъ. Всякъ, занимавшійся какимъ-нибудь мастерствомъ, долженъ былъ являться къ альдерману, подвергнуться отъ него испытанію и получать свидѣтельство на званіе мастера. Только мастерамъ, получившимъ такія свидѣтельства, дозволялось выпускать въ продажу свои произведенія съ наложеніемъ своего клейма. За продажу безъ наложенія клейма брались большіе штрафы, а старшина за неправильную выдачу свидѣтельства или за неправильное клейменіе, послѣ двукратнаго штрафа, подвергался ссылкѣ на галеры. Старшина имѣлъ право приказывать вновь передѣлывать представляемое ему для одобренія произведеніе мастера, или же уничтожать его вовсе, когда находилъ негоднымъ. Въ цехи принимались и иностранцы, но тѣ изъ нихъ, которые приняли православную вѣру, лишались права отъѣзда за границу.

Царь ограничивалъ до нѣкоторой степени произволъ старѣйшихъ надъ меньшими, родителей надъ дѣтьми и владѣльцевъ надъ рабами. Узнавши, что родители принуждаютъ къ браку своихъ дѣтей, а господа рабовъ, онъ (5-го января 1724 года) постановилъ, чтобы передъ вѣнчаніемъ, родители и господа вступающихъ въ бракъ давали присягу, что они не неволятъ къ браку, первые—дѣтей, а послѣдніе,—рабовъ. Царю стало извѣстно, что сыновья помѣщиковъ дѣлались ихъ наслѣдниками по правамъ рожденія, хотя бы по своимъ умственнымъ качествамъ представляли полную неспособность пользоваться родительскимъ достояніемъ. Несмотря на глупость такихъ богатыхъ людей, многіе, ради ихъ богатства отдавали за нихъ дочерей; глупцы расточали свое богатство и управляли жестоко своими подданными. Царь приказалъ всѣмъ, у кого есть такіе „дураки“ въ семьѣ, подавать о нихъ свѣдѣнія въ сенатъ. Сенатъ обязанъ былъ ихъ свидѣтельствовать, и если находилъ негодными ни къ ученію, ни къ службѣ, то запрещалъ жениться, а дѣвицамъ выходить замужъ, самыхъ же „дураковъ и дуръ“ отдавалъ ближнимъ родственникамъ для прокормленія.

Для устройства быта сельскаго сословія, въ этотъ періодъ Петровой дѣятельности не видимъ ничего важнаго. На крестьянъ

смотрѣли какъ на рабочую силу, годную государству для снабженія войска рекрутами и для содержанія размѣщенныхъ по имперіи войскъ; съ послѣднею цѣлью и была учреждена ревизія и подушная подать. Установилась паспортная система (указомъ 26 іюня 1724 года). Крестьяне могли брать отпуски для своего прокормленія за рукою помѣщика или приказчика только въ своемъ уѣздѣ и не далѣе 30 верстъ; если же отлучались въ другой уѣздъ, то должны были отъ земскаго коммиссара брать видъ вмѣстѣ за подписью начальника полка, постоянно квартировавшаго въ томъ уѣздѣ, или отъ офицера, которому начальство этого полка поручало такія дѣла.

Съ учрежденіемъ синода явился рядъ замѣчательныхъ узаконеній по устройству церкви.

Указомъ отъ 22 февраля 1722 года священническія убылыя мѣста велѣно замѣщать по выбору прихожанъ, а кандидатовъ представлять архіереямъ. Послѣдніе должны были давать ставленникамъ книжицы о вѣрѣ и христіанскомъ законѣ, а передъ посвященіемъ заставлять ихъ проклинать всѣ раскольничьи секты и согласія, и давать присягу, что они не будутъ укрывать такихъ раскольниковъ, которые обнаружатъ свое отщепенство отъ вѣры удаленіемъ отъ исповѣди и св. причащенія. Обыкновенно ставились на священническія мѣста дѣти духовныхъ, но 4 апрѣля 1722 г. синодомъ указано всѣхъ дѣтей церковно-и священно-служителей, если они не будутъ ходить въ школы, записывать въ окладъ наравнѣ съ прочими крѣпостными крестьянами того села, гдѣ они жили. Въ старину было принято, что вдовые попы и дьяконы не могли оставаться на приходахъ, но шли непремѣнно въ монахи; царь (указъ 30 апрѣля 1724 года) побуждалъ тѣхъ изъ нихъ, которые сами учились въ школахъ, вступать во вторичный бракъ и быть учителями духовныхъ училищъ. Священники обязаны были надзирать, чтобъ ихъ прихожане посѣщали церкви въ воскресные дни, въ двунадесятые праздники, въ дни рожденія и имянинъ государя и государыни, въ день полтавской побѣды и въ новый годъ 1 января. Съ этого времени священникъ дѣлался слугою государственной власти и долженъ былъ ставить интересы ея выше церковныхъ правилъ. Указомъ 17 мая 1722 года вмѣнено въ обязанность всѣмъ духовнымъ отцамъ доносить о тѣхъ лицахъ, которыя на исповѣди сознаются, что они имѣли злой умыселъ противъ государя. Тѣ, на кого послѣдовалъ такой доносъ, отсылались въ тайную канцелярію, но и доносителей требовали туда же, только подъ „честнымъ арестомъ“. Кто отступалъ отъ православія или дѣтей своихъ крестилъ въ иную вѣру, тотъ

отъ синода подвергался увѣщанію, если же увѣщанія не дѣйствовали, то отдавался суду сената, а сенатъ предавалъ его волѣ государя. Еще прежде велѣно было упразднить всѣ домашнія церкви, но въ 1722 г. дозволено было престарѣлымъ персонамъ имѣть въ домахъ церкви, однако не иначе какъ съ особаго синодальнаго позволенія и съ тѣмъ, что послѣ смерти этихъ особъ антиминсы будутъ взяты въ синодъ и самыя церкви уничтожатся. Петру не нравилось, что въ Россіи много церквей, особенно ихъ изобиліемъ славилась Москва; и онъ приказалъ тамъ переписать ихъ, обозначить время ихъ основанія, показать число дворовъ, состоявшихъ въ каждомъ приходѣ и разстояніе одной церкви отъ другой, а затѣмъ всѣ лишнія церкви упразднить. Постановлено было, чтобы вообще въ приходѣ было отъ двухсотъ до трехъ сотъ дворовъ, и гдѣ было только двѣсти дворовъ, тамъ полагался одинъ священникъ, а гдѣ было дворовъ болѣе—тамъ два священника. Указъ 30 апрѣля 1722 года запрещалъ строить церкви во имя иконъ Богородицы, напримѣръ Владимирской, Казанской и т. п.; можно было основывать храмы Богородицы только въ честь какого-нибудь богородичнаго праздника, напримѣръ Благовѣщенія, Рождества и т. д. Изданы были разныя правила о благочиніи въ храмахъ. Издавна по обычаю благочестивые люди приносили въ церковь собственныя иконы и тамъ молились передъ ними. 31 января 1723 года синодъ запретилъ такой приносъ въ церковь домашнихъ иконъ, и велѣлъ всѣ находившіяся уже въ церквахъ возвратить хозяевамъ. Запрещено также привѣшивать разныя вещи къ образамъ въ церквахъ, какъ-то: монеты и т. п., а гдѣ такія вещи найдутся, то слѣдовало продать ихъ, и вырученныя за нихъ деньги употребить на покупку чистой пшеничной муки для просфоръ и на церковное вино; но если въ числѣ привѣсокъ найдутся старыя монеты и разныя старинныя вещи, то доставлять ихъ въ синодъ. Богатые люди держались обычая приглашать духовенство служить въ своихъ домахъ вечерни и заутрени. И этотъ обычай Петръ велѣлъ синоду запретить, находя, что онъ происходилъ отъ суевѣрія и тщеславія богатыхъ, которые „хотятъ разниться отъ прочей христіанской братіи“. 29 іюля 1723 года синодъ указалъ во время богослуженія въ церквахъ сборъ подаяній собирать въ два кошелька: въ одинъ—на церковныя нужды, а въ другой—на содержаніе больныхъ и неимущихъ въ госпиталяхъ [1]).

[1]) На госпитали отдавались, сверхъ того, имущества духовныхъ особъ, осужденныхъ по дѣламъ тайной канцеляріи; туда же обращалась и выручка съ проданнаго имущества осужденныхъ раскольниковъ.

Духовные часто вели себя неприлично: неблагочинно отправляли богослуженіе, напивались пьяными до того, что валялись по улицамъ, сошедшись гдѣ-нибудь на обѣдѣ или поминкахъ, ссорились между собою по мужичьи, таскались по кабакамъ въ безобразномъ видѣ и показывали свою храбрость въ кулачныхъ бояхъ. Все это строго воспрещалось. Царь замѣтилъ (18 апрѣля 1724 года) синоду, что русскіе всю надежду кладутъ на церковное пѣніе, постъ, поклоны и на приношеніе въ церковь свѣчъ, ладона и проч. Онъ приказалъ написать книгу, гдѣ бы изъяснялось различіе между непремѣннымъ закономъ Божіимъ и тѣмъ, что составляетъ преданія отеческія и что учреждено только для обряда. Написать эту книгу слѣдовало двоякимъ способомъ: для поселянъ и для горожанъ. Царь хотѣлъ ознакомить русскихъ съ другими вѣроисповѣданіями и иными вѣрами, и приказалъ въ началѣ 1723 г. перевести лютеранскій и кальвинскій катихизисы на русскій языкъ. Въ то же время прилагалось стараніе о размноженіи православныхъ. Иновѣрцевъ казанской губерніи, изъявившихъ желаніе креститься, не велѣно брать въ солдаты. Въ 1724 году сибирскій архіерей доносилъ, что въ Сибири новокрещенныхъ татаръ отдали въ холопство; царь приказалъ немедленно ихъ объявить свободными, а сибирскому губернатору, вмѣстѣ съ тобольскимъ архіереемъ,—учинить розыскъ о томъ, кто этихъ татаръ обратилъ въ неволю. Октября 10-го 1723 года состоялся важный указъ, сохранившій свою силу и до настоящаго времени: не погребать умершихъ при церквахъ, а погребать ихъ только на кладбищахъ или въ монастыряхъ.

Въ теченіи 1722 и 1723 годовъ давались распоряженія о монастыряхъ, служившія какъ бы предварительными узаконеніями къ полному преобразованію иноческаго чина, предпринятому позже. Запрещено было заводить новые скиты и монастыри. Запрещалось постригать военныхъ людей безъ увольненія ихъ начальства, крѣпостныхъ безъ отпускного письма ихъ господъ, лицъ, состоящихъ въ брачномъ союзѣ, когда другое лицо еще находилось въ живыхъ, дѣтей—безъ воли родителей, или по обѣщанію, данному заранѣе родителями посвятить дѣтей своихъ въ иноческій чинъ, наконецъ, вообще всѣхъ недостигшихъ тридцатилѣтняго возраста. Женскіе монастыри становились совершенно ни для кого непроницаемыми заведеніями. Въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ были св. мощи и чудотворныя иконы, привлекавшія туда народныя толпы: теперь приказано было помѣщать ихъ въ церквахъ, построенныхъ на монастырскихъ воротахъ съ крыльцами, выходящими за предѣлы монастырской ограды. Богомольцы ли-

шены были, такимъ образомъ, всякаго предлога вступать во внутренность женскаго монастыря.

Новыя подробныя правила о монастыряхъ были начертаны 31 января 1724 г. За основу взято такое положеніе: въ древности монастыри насыщались не чужими трудами, а собственными, но потомъ лѣнивые монахи и ханжи стали ложно толковать слова Христовы. Иные изъ нихъ поддѣлались къ греческимъ императорамъ, а болѣе всего къ ихъ женамъ, и стали заводить монастыри не въ пустыняхъ, а въ многолюдныхъ городахъ и много имѣній перешло въ ихъ руки. На Руси дѣлалось тоже. Но у насъ климатъ не позволяетъ оставаться безъ труда, и монастырей нельзя содержать такъ, какъ въ теплыхъ краяхъ. Въ настоящее время большая часть монаховъ тунеядцы и только по наружности какъ будто хотятъ угождать только Богу, отрекаясь отъ міра; на самомъ же дѣлѣ они уходятъ въ монастыри ради добраго и привольнаго житья. Большая часть монаховъ—изъ поселянъ, которые, постригаясь въ монашество, избѣгали тройныхъ повинностей: государству, помѣщику и своему дому, и находили въ монастырѣ все готовое. Они бѣжали отъ труда, чтобъ даромъ хлѣбъ ѣсть. Но монашество нельзя уничтожить; во 1-хъ, для удовлетворенія совѣсти желающихъ монашескаго житья; во 2-хъ, ради посвященія архіереевъ, потому что давно уже вошло въ обычай, чтобъ архіереи были изъ монаховъ, хотя 300 лѣтъ послѣ Христа и не такъ было. Съ такимъ основнымъ взглядомъ на иночество положено росписать по монастырямъ отставныхъ солдатъ и всякихъ убогихъ, не могущихъ работать; монахи должны имъ служить, а тѣмъ изъ монаховъ, которые окажутся лишними за числомъ служащихъ, отвести монастырскія земли для обработки. Въ женскихъ монастыряхъ велѣно воспитывать подкидышей или сиротъ, остающихся безъ призрѣнія—мужского пола до 7 лѣтъ, послѣ чего отдавать въ школы, а дѣвочекъ оставлять въ монастыряхъ и тамъ обучать грамотѣ и разнаго рода рукодѣльямъ, сдѣлавъ, однако, для мальчиковъ и дѣвочекъ особыя помѣщенія съ особыми ходами.

Съ цѣлью подготовки изъ монашескаго званія архіереевъ, предположено устроить въ Петербургѣ и въ Москвѣ семинаріи, гдѣ могли они сначала обучаться, а потомъ заниматься обученіемъ другихъ до 30 лѣтъ своего возраста. Затѣмъ желающіе могли вступать въ Невскій монастырь на испытаніе, а черезъ три года быть пострижены. Постриженные должны были находиться тамъ въ видѣ упражненія, проповѣдывать въ Невскомъ монастырѣ и въ соборныхъ церквахъ и переводить книги. Каждый

день они должны были находиться четыре часа въ библіотекѣ, для изученія учителей церкви. Они жили подъ начальствомъ архимандрита и директора, съ лучшимъ содержаніемъ противъ обыкновенныхъ монаховъ, а за дурное поведеніе отсылались въ простые монастыри, въ больничные служители. Изъ этихъ-то привилегированныхъ иноковъ выбирали архіереевъ и архимандритовъ, но не иначе, какъ съ утвержденіемъ государя по синодскому докладу. Для завѣдыванія монастырями и ихъ имѣніями въ 1724 году 18 сентября учреждена была камеръ-контора, которая обязана была дѣлать раскладку, сколько въ каждомъ монастырѣ можно было содержать нищихъ, сиротъ и монаховъ. Монастырскіе доходы положено было раздѣлить на 5 частей: одна часть предназначалась монастырскимъ чиновнымъ людямъ; двѣ—на церковныя потребности и на починки; третья раздѣлялась на 3 части—двѣ трети шло на больницу, одна треть прислуживавшимъ монахамъ; затѣмъ четвертая часть доходовъ — на содержаніе постелей, бѣлья и больныхъ, а пятая—на престарѣлыхъ, сиротъ и младенцевъ.

Петръ, съ обычною своею жестокостью, и теперь продолжалъ вести борьбу со множествомъ суевѣрій, укоренившихся издавна подъ покровомъ святости. Въ 1722 году, за распространеніе всякаго новаго суевѣрія или вымышленнаго чуда, государь велѣлъ ссылать въ вѣчную каторжную работу, съ вырваніемъ ноздрей. 17-го мая того же года было вмѣнено въ обязанность священникамъ доносить о томъ, кто у нихъ сознался на исповѣди, что вымыслилъ чудо, принятое народомъ за истину. Въ указѣ 11-го іюля того же года, синодъ обличалъ глубоко укоренившееся въ русскомъ благочестіи мнѣніе, что страданія пріятны Богу. Это ученіе, какъ извѣстно, поддерживало въ народѣ ревность къ расколу, и по этому-то поводу, главнымъ образомъ, синодъ счелъ нужнымъ опубликовать свое увѣщаніе, въ которомъ объяснялъ, что, по слову Христа, страданія могутъ быть пріятны Богу только тогда, когда совершаются правды ради, т.-е. за догматы и законъ божій, но „таковаго правды ради гоненія въ россійскомъ государствѣ опасатися не подобаетъ“. Синодальный указъ замѣчалъ, что являются люди, считающіе богоугоднымъ дѣломъ злословить власти и славиться своимъ мнимымъ мужествомъ. Указывался на свѣжій тогда примѣръ монаха Варлаама Левина съ его товарищами. Левинъ былъ полуумный изувѣръ, страдавшій меланхоліей и падучею болѣзнью. Онъ служилъ прежде въ военной службѣ, потомъ шатался странникомъ; признаннымъ раскольникомъ онъ не былъ, но отличался нѣкоторыми старо-

обрядческими чертами благочестія. Онъ постригся на своей родинѣ въ Пензѣ, а потомъ, изъ желанія пострадать за правду, вышелъ на площадь въ Пензѣ и всенародно кричалъ, что Петръ антихристъ и скоро начнетъ налагать на всѣхъ клейма между указательнымъ и большимъ пальцемъ руки, а послѣ того послѣдуетъ преставленіе свѣта. Несчастнаго сумасброда, по доносу одного изъ посадскихъ, потащили въ тайную канцелярію, привлекли къ его дѣлу нѣсколькихъ поповъ, бывшихъ его духовными отцами, и въ томъ числѣ духовника князя Александра Даниловича Меншикова, Никифора Лебедку. Обвиняемыхъ предали жестокимъ пыткамъ и въ іюлѣ 1722 года приговорили къ смертной казни.

Мысль о богоугодности страданія не искоренялась въ русскомъ народѣ отъ синодскихъ увѣщаній, напротивъ, чудовищно проявлялась множествомъ случаевъ добровольнаго сожженія раскольниковъ, застигнутыхъ преслѣдованіемъ правительственныхъ властей. Такихъ примѣровъ въ тѣ времена было очень много, а особенно въ Сибири и они тѣмъ болѣе располагали Петра къ суровымъ мѣрамъ противъ раскола, въ которомъ онъ видѣлъ выраженіе народнаго противодѣйствія своимъ намѣреніямъ. Правительство не хотѣло знать раскольническаго крещенія и обращающіеся изъ раскола въ православіе, хотя бы они были крещены, но отъ простого мужика, а не отъ духовнаго лица, вновь подвергались обряду крещенія. Крестить дѣтей у раскольниковъ приказано не иначе, какъ православнымъ обычаемъ. При совершеніи браковъ раскольниковъ съ православными, съ первыхъ прежде брали обѣщаніе подъ присягою объ отреченіи отъ раскола, а если женатые заявляли себя уже состоящими въ раскольничьемъ бракѣ, то ихъ допрашивали, кто ихъ вѣнчалъ, и въ случаѣ запирательства брали въ розыскъ. Кромѣ двойного оклада въ казну, раскольники обязаны были еще платить приходскому священнику по гривнѣ съ души, да, сверхъ того, по гривнѣ отъ рожденія, по гривнѣ отъ брака и по гривнѣ отъ погребенія, хотя бы по нежеланію раскольниковъ не были надъ ними исполняемы эти обряды; раскольниками государь приказалъ считать не только тѣхъ, которые откровенно объявляли себя состоящими въ расколѣ, но записывать въ число раскольниковъ и тѣхъ, которые, посѣщая церкви и не уклоняясь отъ исповѣди и причащенія, клали на себѣ двухперстное крестное знаменіе. Обвиненные по суду раскольники наказывались ссылкою въ каторжныя работы въ Рогервикъ. За то самый заклятый раскольникъ, принимая православіе, освобождался отъ двойного оклада и отъ всякихъ поборовъ, взи-

маемыхъ съ раскольниковъ, хотя бы за нимъ числились этого рода недоимки за многiе годы. Синодъ преслѣдовалъ раскольничью литературу, и октября 15-го 1724 года указалъ раскольничьи книги и тетради доставлять духовнымъ властямъ, которыя въ свою очередь должны отсылать ихъ въ синодъ.

Въ 1722 году опять повторилось преслѣдованiе бородъ. Всѣ бородачи должны были носить особый зипунъ, со стоячимъ клееннымъ козыремъ, или однорядку съ лежачимъ ожерельемъ. Раскольники, для отличiя отъ обыкновенныхъ бородачей, должны были носить козырь красный. За бороду слѣдовало платить 50 рублей. Если кто придетъ въ судебное мѣсто съ бородою, не въ указномъ платьѣ, отъ того не принимали челобитныхъ и тотчасъ съ него взимался штрафъ 50 рублей, хотя бы онъ уже заплатилъ прежнюю годовую плату. Всякiй, увидавши бородача не въ указномъ платьѣ, могъ задержать его и вести къ коменданту или воеводѣ для взятiя съ него штрафа, изъ котораго половина давалась приводившему бородача. Только пашенные крестьяне не преслѣдовались за бороды, когда не занимались постоянно промыслами. Если бородачу нечѣмъ было заплатить штрафъ, виновнаго ссылали на работу въ Рогервикъ (Балтiйскiй портъ), а сибиряковъ на сибирскiе заводы, но сосланный отпускался на свободу, какъ скоро давалъ подписку, что обрѣетъ бороду и впередъ не будетъ носить ее. Нѣкоторые, съ намѣренiемъ избѣгнуть пени, назначенной за ношенiе бороды, подрѣзывали себѣ бороды, но не обривали совершенно (указъ 12-го iюня 1722 года). Однако, этою уловкою не провели государя. Такихъ велѣно считать за бородачей и одѣваться имъ въ указное платье, а караульнымъ урядникамъ и солдатамъ приказывалось ловить ихъ и представлять начальству въ губернiи и провинцiи; фискаламъ велѣно наблюдать за ними. Въ iюнѣ 1723 года оказалось множество бородачей изъ купеческаго и мѣщанскаго званiя, сидѣвшихъ подъ карауломъ, потому что по бѣдности они не могли заплатить требуемаго штрафа. Царь велѣлъ имъ всѣмъ выбрить бороды и освободить на поруки. Въ 1724 году, для отличiя бородачей, придумали обязать ихъ носить мѣдные знаки, а женамъ опашни и шапки съ старинными рогами.

Не ослабѣвали въ послѣднiе годы царствованiя Петра его заботы о народномъ образованiи. Въ 1724 году, въ инструкцiи, данной магистратамъ, этимъ городскимъ учрежденiямъ вмѣнено въ обязанность учить читать, писать и считать, дѣтей не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ родителей и съ этою цѣлью устроить при городскихъ церквахъ школы. Но это оставалось

только въ предположеніи. Школъ не заводили. Въ Голландію были посланы, для изученія архитектуры, нѣсколько молодыхъ людей. Осенью 1724 года, по ихъ донесенію, что имъ нечего было дѣлать, велѣно было собрать ихъ вмѣстѣ и учить разведенію, содержанію и украшенію огородовъ, а по мѣрѣ надобности и желѣзному дѣлу. Послѣ поѣздки Петра въ Парижъ и знакомства съ французскими учеными, у него родилась мысль составлять ученыя описанія, касающіяся своего отечества, и онъ разослалъ учениковъ петербургской морской академіи по губерніямъ, для составленія географическихъ картъ, а губернаторамъ и воеводамъ предписалъ надзирать за ними, и оконченныя работы присылать въ сенатъ и камеръ-коллегію. Плоды этого дѣла вышли въ свѣтъ уже послѣ кончины императора, когда былъ изданъ первый русскій атласъ. Двухъ навигаторовъ, Евреинова и Лужина, царь отправилъ въ отдаленныя мѣста Сибири, между прочимъ для рѣшенія вопроса: соединяется-ли Америка съ Азіей. При содѣйствіи одного изъ поселившихся въ Сибири шведскаго плѣннаго, голландца Буша, эти царскіе посланные посѣтили Камчатку, Охотскъ и плавали между Курильскими островами, но вопроса о соединеніи Америки съ Азіей они не рѣшили, и Петръ, незадолго до своей кончины, отправилъ съ этою же цѣлью другую экспедицію—знаменитаго Беринга, совершившаго свое путешествіе черезъ проливъ, оставшійся въ географіи подъ его именемъ и вернувшагося изъ своего путешествія уже при преемникахъ Петра. Петръ въ это же время отправилъ въ Сибирь доктора Мессершмита „для изысканія всякихъ „раритетовъ", вещей, звѣрей, травъ, рудъ и прочее". Этотъ ученый нѣмецъ не зналъ ни слова по русски, объяснялся только черезъ переводчика и потому встрѣчалъ большія затрудненія. „Кого ни спрошу", доносилъ онъ, „всякъ отговаривается невѣдѣніемъ". Тѣмъ не менѣе этотъ путешественникъ нашелъ „удивительнаго звѣря":—мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги, и привезъ въ Петербургъ, со многими естественными достопримѣчательностями, монгольскія, тунгузскія и китайскія рукописи.

Петръ давно уже сознавалъ необходимость переводовъ съ иностранныхъ языковъ книгъ, касавшихся разныхъ наукъ и искусствъ, нерѣдко повѣрялъ эти переводы духовнымъ лицамъ, получившимъ воспитаніе къ кіевской коллегіи. Но оказалось, что иные изъ нихъ брались за переводъ, не зная или языка, съ котораго переводили, или самаго художества, о которомъ шла рѣчь; царь приказывалъ такихъ переводчиковъ отдавать учить либо языку, либо художеству, смотря по тому, въ чемъ пе-

реводчикъ оказывался слабъ. Изъ замѣчательныхъ переводовъ, появившихся въ концѣ царствованія Петра, слѣдуетъ упомянуть: „Введеніе во всеобщую исторію Самуила Пуффендорфа“, переведенное съ латинскаго Гавріиломъ Бужинскимъ. Тѣмъ же Бужинскимъ переведено сочиненіе „Theatrum historicum“, подъ названіемъ „Θеатронъ, или Позоръ историческій“. Сочиненіе это въ подлинникѣ написано было въ протестантскомъ духѣ, и потому переведено на русскій языкъ съ нѣкоторыми замѣчаніями. Еще прежде, въ 1719 году, въ молодой русской литературѣ явился переводъ церковныхъ лѣтописей Баронія, съ католическимъ направленіемъ. По царскому повелѣнію переведена была въ 1723 году и напечатана: „Исторія о разореніи Іерусалима Титомъ и о взятіи Константинополя турками“. Кантемиромъ составлена была книга: „Система или состояніе магометанской религіи“, а для руководства въ математико-навигацкихъ школахъ переведены были съ голландскаго языка „горизонтальныя сѣверныя и южныя широты“. Болѣе важное значеніе имѣлъ для современниковъ переводъ съ написанной по итальянски рагузинскимъ архимандритомъ Мавро Урбиномъ: „Исторіографіи початіе имене, славѣ и расширенія народа славянскаго“. Переводъ этотъ, какъ думаютъ, сдѣланъ былъ Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ. Съ польскаго языка переведено было собраніе образцовъ древняго краснорѣчія, подъ названіемъ „Апофегмата“. Одною изъ характеристическихъ особенностей тогдашней литературы были календари или мѣсяцесловы, въ которыхъ, кромѣ астрономическихъ свѣдѣній, были извѣстныя астрологическія бредни, которымъ въ тѣ времена вѣрили. Заботясь о введеніи между русскими пріемовъ европейскаго обращенія, Петръ приказалъ въ 1719, а потомъ въ 1723 году, напечатать книгу: „Юности честное зерцало, или показаніе житейскаго хожденія“. Это былъ переводный сборникъ разныхъ правилъ о благопристойности въ обращеніи съ людьми.

16 февраля 1722 года государь повторилъ прежнее предписаніе о собраніи и доставкѣ въ столицу старыхъ русскихъ лѣтописей и хронографовъ. Только на этотъ разъ царь обращался уже не къ свѣтскимъ властямъ какъ прежде, а къ духовнымъ, и приказывалъ посылать уже не списки, а самые оригиналы, не въ сенатъ, но въ синодъ, и тамъ переписать ихъ. По окончаніи шведской войны, государю пришла мысль составить ея историческое описаніе, не безъ того, что Петромъ руководило самолюбивое желаніе увѣковѣчить въ потомствѣ славу своихъ дѣяній. Самъ государь каждую субботу посвящалъ утро этому дѣлу,

вписывая въ хронологическомъ порядкѣ извѣстія о сраженіяхъ, побѣдахъ и потеряхъ русскихъ войскъ и о разныхъ внутреннихъ учрежденіяхъ, начатыхъ въ его царствованіе. Въ 1723 году государь поручилъ веденіе этого дѣла барону Гюйссену, изъявляя желаніе, чтобъ „исторія эта при жизни государя въ совершеніе пришла“. Тѣмъ же занимались Шафировъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, обращая вниманіе, по волѣ Петра, преимущественно на войну со Швеціей. Театра Петръ не любилъ, хотя и не преслѣдовалъ его, зная, что его допускаютъ и покровительствуютъ въ европейскихъ государствахъ. Театръ при Петрѣ существовалъ въ Москвѣ въ самомъ жалкомъ видѣ. Изъ переводныхъ драматическихъ произведеній того времени указать можно на переводъ донъ-Жуана съ польской передѣлки и на переводъ Мольеровой комедіи „Précieuses ridicules“ названной по-русски „Драгія смѣяныя“. Оба плохи. Но Петръ, равнодушный къ театру, любилъ всякія торжества, празднества и восхваленія собственныхъ подвиговъ. Отъ этого въ его царствованіе печатались разныя слова, поздравительныя рѣчи и пѣснословія, прославлявшія подвиги великаго государя.

Указомъ января 27-го 1724 года повелѣно устроить академію наукъ, „гдѣ бы учились языкамъ, наукамъ и знатнымъ художествамъ“. Академія предполагалась такимъ заведеніемъ, гдѣ бы ученые люди публично обучали молодыхъ людей наукамъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитывали бы особо при себѣ съ тѣмъ, чтобъ тѣ, въ свою очередь, могли обучать молодыхъ людей первымъ основамъ знаній, стараясь, чтобъ отъ этого имѣли пользу вольныя художества и мануфактуры. Академія раздѣлялась на три класса. Въ первомъ преподавали бы 4 персоны: одна математику, другая — астрономію, географію и навигацію, третья и четвертая - механику. Второй классъ, физическій—съ 4 персонами—преподавателями анатоміи, химіи, физики теоретической и экспериментальной, и ботаники. Третій классъ—съ 3 персонами, которыя преподавали: элоквенцію, древности, древнюю и новую исторію, натуральное и публичное право, политику и этику; полезнымъ считалось преподаваніе экономіи. Академики должны были изучать авторовъ по своей наукѣ, разсматривать новыя изобрѣтенія и открытія. Каждый академикъ долженъ былъ написать курсъ своей науки по-латыни съ переводомъ на русскій языкъ. При академіи слѣдовало завести библіотеку и натуральныхъ вещей камеру, имѣть своего живописца и гравировальнаго мастера. Три раза въ годъ въ академіи должны происходить публичныя ассамблеи, на которыхъ одинъ изъ членовъ долженъ

читать рѣчь по своей наукѣ. На содержаніе академіи опредѣлены доходы съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, всего 24,912 рублей. Но академикамъ, въ видахъ улучшенія ихъ обстановки, предоставлялось читать еще и партикулярныя лекціи. Петръ замѣтилъ, что ученые люди, занятые своей наукой, мало заботятся о жизненныхъ средствахъ, поэтому предполагалъ необходимость такихъ лицъ, которыя пеклись бы о матеріальныхъ нуждахъ ученыхъ; съ этою цѣлью онъ положилъ учредить директора, двухъ товарищей и одного коммиссара, завѣдывавшаго денежной казной. Самостоятельный университетъ, въ смыслѣ высшаго учебнаго заведенія, признавался невозможнымъ въ Россіи, пока въ ней не существовало еще среднеучебныхъ заведеній: гимназій и семинарій. Петръ, однако, тогда же объявилъ о намѣреніи учредить со временемъ университетъ съ тремя факультетами: юридическимъ, медицинскимъ и философскимъ, а при университетѣ—гимназію.

Ревизская перепись, начатая въ 1718 году, была совершенно окончена къ 1722 году. Оказалось, что во всѣхъ 10 губерніяхъ и 48 провинціяхъ было дворовъ 888,244. Самая населенная губернія была московская—259,281 дворъ. Въ дополненіе велѣно было, указомъ 10 мая 1722 года, сдѣлать перепись малороссіянамъ слободскихъ полковъ, поселеннымъ на помѣщичьихъ земляхъ, но объявивши имъ, что они переписываются только для свѣдѣній, а не для поборовъ. Инородцевъ—астраханскихъ и уфимскихъ татаръ, какъ равно и сибирскихъ ясачныхъ и лопарей, ревизская перепись не касалась вовсе.

По окончаніи ревизіи введена была подушная подать, (11 января 1722 года) по 80 копѣекъ съ души на 500,000 крестьянъ и дѣловыхъ людей. Всѣ, которые были не за помѣщиками, но входили по ревизіи въ подушный окладъ, обязаны были платить еще прибавочныхъ 4 гривны съ души; дворовые люди не принимались въ раскладку по сборамъ. 26 іюня 1724 года были установлены правила, которыми надлежало руководствоваться при взиманіи подушной подати. Подушныя деньги собирались выборными отъ мѣстнаго дворянства въ три срока въ теченіи года. Коммиссары, собиравшіе подати, брали по одной деньгѣ съ души на себя за свой трудъ. Съ крестьянъ, вошедшихъ въ подушной окладъ, положено не править недоимокъ (ук. янв. 25-го 1725 г.).

Лица, посланныя по государеву повелѣнію въ губерніи, должны были созвать дворянъ и росписать поставленныхъ по селамъ и

деревнямъ солдатъ, размѣстивши ихъ сообразно количеству крестьянскихъ душъ, такъ, чтобъ на каждаго пѣшаго приходилось крестьянскихъ $35^1/_2$ душъ, а на коннаго—$50^1/_4$ душъ. Дворянамъ объявлено, что они будутъ платить со всякой души мужского пола на содержаніе войска 8 гривенъ. Затѣмъ повторены прежнія распоряженія о постройкѣ слободъ на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой для избѣжанія постоевъ солдатъ въ крестьянскихъ дворахъ. Составлены были болѣе подробныя правила объ отношеніяхъ къ помѣщикамъ и крестьянамъ войсковыхъ командъ, стоявшихъ на квартирахъ. Военные не должны были вмѣшиваться въ помѣщичьи работы, могли пасти лошадей и рубить дрова только тамъ, гдѣ помѣщикъ укажетъ. Офицерамъ и рядовымъ позволялось держать свой скотъ, но они не должны были требовать отъ помѣщиковъ фуража. Полковникъ и офицеры должны наблюдать, чтобы крестьяне, приписанные къ ихъ полкамъ, не бѣгали, а если провѣдаютъ о намѣреніи бѣжать, то должны посылать въ погоню и поймапныхъ передавать помѣщикамъ для наказанія; военные должны были также въ тѣхъ округахъ, гдѣ квартировали, ловить разбойниковъ и воровъ. Поставленныхъ на вѣчныя квартиры военныхъ полагалось брать на канальныя работы по мѣрѣ близости ихъ постоя, впрочемъ выбирая для этого преимущественно изъ гарнизоновъ, а для пополненія гарнизоновъ опредѣляя въ то же время изъ армейскихъ полковъ на мѣсто взятыхъ. Кромѣ двухсотъ тысячъ регулярнаго войска, такимъ способомъ размѣщаемаго, царь въ 1722 году велѣлъ изъ однодворцевъ южныхъ провинцій составить отрядъ конныхъ гусаръ съ карабинами и пиками, а въ 1724 году изъ тѣхъ же однодворцевъ образовать 5187 человѣкъ ландмилиціи (одного изъ 16-ти); ландмилиція эта распускалась по мѣрѣ ненадобности въ ней и собиралась вновь по востребованію. Это была мѣра охраненія русскихъ предѣловъ отъ вторженія крымцевъ, и въ тѣхъ же видахъ устраивалась на югѣ линія пирамидъ, вышиною въ три сажени, на такомъ разстояніи одна отъ другой, чтобъ можно было видѣть съ одной пирамиды все, что̀ дѣлается близъ другой. На этихъ пирамидахъ ставились смоляныя бочки и зажигались въ случаѣ тревоги, и такимъ образомъ на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ татарскій набѣгъ.

Рекрутская повинность, ложившаяся такимъ тяжкимъ бременемъ на тогдашнее народонаселеніе, въ концѣ царствованія Петра расширилась: въ 1722 году татары, мордва, черемисы, прежде освобождавшіеся отъ рекрутчины, сравнены были въ этомъ

отношенiи съ другими жителями государства. Татаръ велѣно брать малолѣтнихъ въ гарнизоны и употреблять въ деньщики. Въ 1722 году былъ отмѣненъ законъ, дозволявшій крѣпостнымъ людямъ опредѣляться въ солдаты помимо воли помѣщиковъ, но въ томъ же году опять возобновленъ, однако съ тѣмъ различіемъ, что поступившихъ такимъ образомъ въ службу велѣно засчитывать за рекрутъ ихъ господамъ. Солдатскіе дѣти брались въ рекруты, если оказывались годными (ук. янв. 19-го 1723 г.). Купечество не несло рекрутской повинности натурою, но платило 100 руб. за рекрута. Система подушнаго оклада, тѣсно связанная съ установленіемъ ревизіи и новоучрежденнымъ порядкомъ воинскаго постоя, вмѣсто облегченія народа, какъ обѣщалось, послужила источникомъ бо́льшаго отягощенія для крестьянскаго сословія. Русскіе крестьяне попали подъ зависимость множества командировъ и начальниковъ, часто не зная, кому изъ нихъ повиноваться. Каждый военный, начиная отъ солдата до генерала, помыкалъ бѣднымъ крестьяниномъ; тормошили его фискалы, коммиссары, вальдмейстеры, а воеводы правили народомъ такъ, что, по выраженію одного указа, изданнаго уже по смерти Петра, „не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, называтися могутъ". Наконецъ, тяготѣла надъ крестьянствомъ власть ихъ помѣщиковъ, ничѣмъ почти не сдерживаемая и особенно тяжело отзывавшаяся тамъ, гдѣ помѣщики не находились въ своихъ имѣніяхъ, а вмѣсто нихъ управляли крестьянами приказчики: „можно всякому легко разсудить", говорится въ томъ же вышеприведенномъ нами указѣ, дѣлающемъ обзоръ учрежденій Петровскаго времени, „какая народу оттого тягость происходитъ, что вмѣсто того, что прежде къ одному управителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ, а нынѣ къ десяти и можетъ быть больше. Всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей, и особливый свой судъ, и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители, такъ и ихъ канцеляріи и канцелярскіе служители, жить и пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ безпорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей, къ вящшей народной тягости, ежедневно происходятъ".

Продолжительныя войны и всякія преобразованія въ государствѣ требовали денегъ болѣе, чѣмъ сколько могло платить тогдашнее бѣдное народонаселеніе Россіи. При всемъ усиленномъ стараніи увеличить государственные доходы, Россія получала предъ концомъ царствованія Петра отъ девяти до десяти милліоновъ ежегоднаго дохода. Недоимки прогрессивно возрастали,

и въ 1723 году онѣ представляли слѣдующія цифры: недоимка таможенныхъ сборовъ доходила до суммы 402,523 рубля, канцелярскихъ и оброчныхъ по смѣтѣ назначалось собрать 714,756, не добрано 309,322 руб.; пчелинаго налога, вмѣсто слѣдовавшихъ 35,414 руб., собрано только 15,330 рублей; съ мельницъ, вмѣсто 71,704 рублей, собрано 33,696; съ рыбныхъ ловель, вмѣсто 89,083 рублей—43,942 руб.; съ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ, вмѣсто слѣдуемыхъ по окладу 18,812, собрано 7,637 руб.; съ мостовъ и перевозовъ, вмѣсто 40,469 руб.—23,598 рублей [1]).

Самые разнообразные окладные и неокладные налоги, существовавшіе при Петрѣ, не были поставлены въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною платежною способностію; оттого во все царствованіе Петра не переводились неоплатные должники казнѣ. Еще прежде приказано было отправлять ихъ на казенныя работы, но законъ этотъ не исполнялся: подъячіе за взятки выпускали ихъ на волю, а властямъ показывали, будто колодники ушли изъ тюрьмы; взысканіе падало потомъ на тюремныхъ сторожей. Государь (4 апрѣля 1722 года) указалъ предавать виновныхъ подъячихъ смертной казни, если окажется, что они дѣлали потачку колодникамъ. Подтверждалось подъ опасеніемъ денежнаго штрафа, должниковъ не держать въ тюрьмахъ, а немедленно отправлять на галеры.

---

[1]) Въ 1724 году составлена была камеръ-коллегіей табель разнымъ оброчнымъ статьямъ, кромѣ подушнаго сбора. Самую крупную цифру изъ всѣхъ налоговъ представляли таможенные—982,722 рубля и кабачные—973,292 руб., соляной сборъ (за три года далъ) 662,118 руб., денежные дворы—216,808 руб., съ рыбныхъ ловель—89,197, съ мельницъ—74,261, съ пріѣзжихъ возовъ въ Москвѣ положеннаго сбору—58,018, съ инородцевъ—56,969, съ дворцовыхъ волостей—94,490, съ Лифляндіи и Эстляндіи контрибутныхъ и арендныхъ—87,032, съ письма крѣпостей неокладной сборъ—45,438, съ дѣлъ пошлинъ—44,940, съ домовыхъ бань разночинцевъ—40,293, съ церковниковъ—40,254, конскихъ пошлинъ—40,841, мелкихъ канцелярскихъ и харчевыхъ сборовъ—30,273, съ пчелиныхъ ульевъ—29,110, съ крестьянскихъ бань—26,609, съ имѣній синодальнаго вѣдомства—29,443, съ найма извощиковъ—29,926, съ поповъ за драгунскія лошади—27,523, съ оброчныхъ земель - 26,263, съ церквей данныхъ—22,780, печатныхъ пошлинъ отъ запечатыванія указовъ—21,832, съ гербовой бумаги—17,134, почтоваго сбора—16,261, съ вѣнечныхъ памятей—9,409 и другіе налоги. Всего такихъ сборовъ 4,040,090 руб. Государь, выслушавъ въ сенатѣ 12 августа 1724 года окладную табель всѣхъ сборовъ, постановилъ отставить слѣдующіе виды налоговъ: 1) съ церковниковъ и монастырскихъ слугъ (40,254 руб.), 2) съ пчелиныхъ ульевъ и съ бортей; 3) съ поповъ за драгунскія лошади; 4) съ приказныхъ людей (12,546 руб.); 5) съ крестьянскихъ бань; 6) поземельный сборъ (5,967 руб.); 7) съ мастеровыхъ и работныхъ людей, съ лавочныхъ сидѣльцевъ и съ ходячихъ продавцовъ (5,329 руб.); 8) съ клейменія платья, шапокъ, сапоговъ (389 руб.),—что составляло всего 146,631 руб.

Въ послѣдніе годы царствованія Петра въ разныхъ городахъ учреждены были (6 апрѣля 1722 года) вальдмейстеры для сбереженія лѣсовъ. Главное вниманіе обращено было, какъ и прежде, на окрестности большихъ рѣкъ и озеръ, въ особенности на линіи отъ устья Оки внизъ по Волгѣ и по рѣкамъ, впадающимъ въ Волгу; во всѣхъ дачахъ, чьи бы онѣ ни были, запрещалось владѣльцамъ рубить лѣсъ даже для собственныхъ нуждъ. Послѣ тяжелыхъ пеней за двѣ послѣдовательныя порубки лѣсовъ, за третью слѣдовало наказаніе кнутомъ и ссылка на галеры на 20 лѣтъ.

Въ 1722 году къ предшествовавшимъ коллегіямъ прибавлено еще двѣ: малороссійская и вотчинная. Первая была въ Глуховѣ и выражала собою органъ центральной власти въ краѣ, которому предоставлялись еще права отдѣльнаго самоуправленія. Во вторую—стекались всѣ дѣла о поземельныхъ владѣніяхъ, которыя вѣдались до того времени въ упразднявшемся тогда помѣстномъ приказѣ.

Съ учрежденіемъ юстицъ-коллегіи, по городамъ были опредѣлены зависѣвшіе отъ этого учрежденія судьи, и тѣмъ былъ положенъ какъ бы зачатокъ раздѣленія власти административной отъ судебной. Но 12-го марта 1722 года такіе судьи были отмѣнены и правосудіе въ провинціяхъ по прежнему ввѣрено было воеводамъ, творившимъ судъ, вмѣстѣ съ двумя ассесорами изъ отставныхъ офицеровъ или дворянъ. Тамъ, гдѣ города отстояли верстъ на 200 и болѣе одинъ отъ другого, воеводы могли имѣть еще лишнихъ ассесоровъ и посылать ихъ вмѣсто себя, съ правомъ судить до 20 рублей, а потомъ сумма была возвышена до 50. Надворные суды, гдѣ такіе находились, не подчинялись ни губернаторамъ, ни воеводамъ. При всѣхъ безпрестанныхъ правоученіяхъ Петра и угрозахъ за несоблюденіе правосудія, продолжали совершаться дѣла, возбуждавшія гнѣвъ государя. Въ 1722 году онъ приказалъ напечатать и выставить въ сенатѣ и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ наставленіе о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ законами. „Всуе законы писать“, говорится въ томъ указѣ, „когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти“. Но предусматривая, что могутъ быть замедленія и упущенія и отъ малаго пониманія смысла законовъ и нововведенныхъ учрежденій, Петръ въ томъ же своемъ наставленіи (17-го апрѣля 1722 г.) прибавилъ: „буде же въ тѣхъ регламентахъ чтò покажется темно или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но

приносить въ сенатъ выписки о томъ". Сенатъ обязанъ былъ „собрать всѣ коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожъ не опредѣлять, но, положа напримѣръ свое мнѣніе, объявлять государю". Вмѣсто двухъ штабъ-офицеровъ, находившихся прежде въ сенатѣ, наблюдателемъ надъ ходомъ дѣлъ въ сенатѣ назначался генералъ-прокуроръ. Онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобъ всѣ исполняли свое дѣло, протестовалъ, дѣлалъ замѣчанія и наставленія, получалъ отъ фискаловъ донесенія, предлагалъ ихъ сенату и долженъ былъ смотрѣть за самими фискалами. Генералъ-прокуроръ имѣлъ подъ вѣдѣніемъ своимъ оберъ-прокуроровъ и прокуроровъ въ областяхъ. Это учрежденіе не подлежало никакому суду, кромѣ самого государя. Генералъ-прокуроръ имѣлъ право арестовать сенаторовъ, повѣрять производимыя ими дѣла инымъ лицамъ, но не имѣлъ права ни пытать ихъ, ни наказывать. „Сей чинъ", говорится въ указѣ 27-го апрѣля 1722 г., яко око наше и стряпчій въ дѣлахъ государственныхъ и на немъ первомъ взыскано будетъ, если въ чемъ поманитъ". Впрочемъ, генералъ-прокуроръ не отвѣчалъ за ошибки, „понеже лучше дополненіемъ ошибиться, нежели молчаніемъ". Институція прокуроровъ сплеталась съ институціей фискаловъ. Въ коллегіяхъ и надворныхъ судахъ фискалы доносили прокурорамъ, а въ случаѣ медленности прокурора по этимъ доношеніямъ, фискалъ чрезъ своего оберъ-фискала доносилъ генералъ-прокурору. Послѣднему каждый фискалъ могъ подавать доносъ и на своего оберъ-фискала.

По прежнему, важнѣйшими дѣлами считались тѣ, которыя прямо относились къ оскорбленіямъ чести государя. Кромѣ фискаловъ и прокуроровъ, всякому дозволялось подавать доносы о такихъ дѣлахъ, надѣясь за то царской милости, а за сокрытіе чего-нибудь вреднаго государевой чести обѣщалась смертная казнь и отобраніе въ казну всего имущества. Поощряя доносничество, Петръ, однако, въ указѣ января 22-го 1724 г. замѣтилъ, что иные дѣлали доносы, находясь сами подъ розыскомъ, и положилъ такимъ доносчикамъ, въ уваженіе къ сдѣланному ими доносу, не облегчать наказанія, слѣдуемаго за собственныя ихъ преступленія, а приниматься за ихъ доносъ, уже покончивши съ ними самими. Послѣ указа о сожиганіи подметныхъ писемъ, охотники къ нимъ пріискали другіе способы ихъ распространять; они разносили эти письма сами или передавали черезъ прислугу. 9-го ноября 1724 года Петръ отмѣнилъ прежній свой указъ объ истребленіи подметныхъ писемъ безъ ихъ прочтенія, а велѣно разносителей ихъ представлять въ полицейскую канцелярію.

Въ началѣ 1724 года, состоялось новое положеніе, до этого

времени не существовавшее: никто изъ служащихъ не могъ отговариваться невѣдѣніемъ закона. Военные люди должны были знать воинскій артикулъ, а статскіе—генеральный регламентъ (25-го сентября 1724 г.). Никто не имѣлъ права отговариваться невѣдѣніемъ, въ какой судъ обратиться по своему дѣлу (13-го ноября 1724 г.).

Дѣла о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ по прежнему влекли за собою мрачныя и кровавыя зрѣлища казней. Въ 1722 году производилось дѣло воронежскаго вице-губернатора Колычева: за нимъ открылись большія злоупотребленія и лихоимства, начетъ на него доходилъ до 700,000 рублей. Его наказали кнутомъ. Громче было дѣло о подканцлерѣ Шафировѣ, человѣкѣ, давно уже пользовавшемся довѣріемъ государя. Возникло дѣло о томъ, что Меншиковъ, владѣя въ Малороссіи мѣстечкомъ Почепомъ, населилъ у себя много лишнихъ людей и захватилъ въ свое владѣніе лишнія земли. Шафировъ въ сенатѣ былъ противъ Меншикова, вмѣстѣ съ Голицынымъ и Долгорукимъ. Оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ-Писаревъ былъ за Меншикова противъ Шафирова. Вскорѣ этотъ человѣкъ, злобясь на Шафирова, придрался къ нему по другому дѣлу, въ которомъ Шафировъ покушался учинить незаконное постановленіе ради своихъ интересовъ: Шафировъ хотѣлъ, чтобы брату его Михайлу, при переходѣ съ одной службы на другую, выдали лишнее жалованье, и подводилъ его подъ законъ объ иноземцахъ. Скорняковъ-Писаревъ колко замѣтилъ ему, что Шафировы не иноземцы, а жидовской породы, и дѣдъ ихъ былъ въ Оршѣ „шафоромъ“ (домоправителемъ), отчего и произошло ихъ фамильное прозвище. Колкое замѣчаніе раздражило Шафирова, а врагъ его, озлобившись пуще, черезъ нѣсколько дней опять зацѣпилъ его. Въ сенатѣ слушалось дѣло о почтѣ,—почтою управлялъ Шафировъ. Оберъ-прокуроръ потребовалъ, чтобы Шафировъ вышелъ изъ сенатскаго присутствія, потому что царскій указъ предписывалъ судьямъ выходить прочь изъ присутствія, когда слушаются дѣла, касающіяся до нихъ самихъ или до ихъ родственниковъ. Шафировъ не послушался, обругалъ Скорнякова-Писарева воромъ, а потомъ наговорилъ колкостей канцлеру Головкину и Меншикову. Тогда оскорбленные сенаторы вышли изъ засѣданія сами и затѣмъ подали мнѣніе, что Шафировъ, за свои противозаконные поступки, долженъ быть отрѣшенъ отъ сената. Царя въ то время не было; онъ находился въ персидскомъ походѣ, но возвратившись въ январѣ 1723 года, назначилъ въ селѣ Преображенскомъ высшій судъ изъ сенаторовъ и нѣсколькихъ высшихъ военныхъ

начальниковъ. Судъ этотъ приговорилъ Шафирова къ смертной казни. 15-го февраля 1723 года приговоръ долженъ былъ совершиться въ Москвѣ въ Кремлѣ. Когда, въ назначенный день, осужденный положилъ голову на плаху, тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ провозгласилъ, что государь, въ уваженіе прежнихъ заслугъ Шафирова, даруетъ ему жизнь и замѣняетъ смертную казнь ссылкою въ Сибирь. Позоръ эшафота разстроилъ Шафирова до такой степени, что хирургъ долженъ былъ пустить ему кровь. „Лучше было бы", сказалъ тогда Шафировъ, „если бы пустилъ мнѣ кровь палачъ и съ кровью истекла моя жизнь". Потомъ самую ссылку въ Сибирь царь замѣнилъ Шафирову отправкою на жительство въ Новгородъ, вмѣстѣ съ его семействомъ. Шафировъ, лишенный своего достоянія, жилъ тамъ въ крайней бѣдности и подъ строгимъ надзоромъ; русскіе вельможи и даже иностранные министры посылали ему милостыню. Императрица Екатерина просила государя помиловать его. Петръ былъ неумолимъ.

Но и Скорнякова-Писарева Петръ тогда же отрѣшилъ отъ должности оберъ-прокурора, отобралъ у него пожалованныя деревни, однако въ слѣдующемъ году назначилъ его смотрителемъ работъ на Ладожскомъ каналѣ. Двухъ сенаторовъ, державшихъ сторону Шафирова, князя Долгорукаго и Дмитрія Голицына, Петръ наказалъ денежнымъ штрафомъ и шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, но черезъ четыре дня простилъ ихъ, по просьбѣ императрицы. Соблазнительная ссора Скорнякова-Писарева съ Шафировымъ повлекла къ новому закону о наложеніи штрафовъ за неприличное поведеніе въ присутственномъ мѣстѣ.

Оберъ-фискалъ Нестеровъ, который много лѣтъ отличался ревностнымъ преслѣдованіемъ всякихъ злоупотребленій, наконецъ и самъ попался. Его оговорилъ ярославскій провинціалъ-фискалъ Попцовъ, обвиненный въ нарушеніи инструкціи, данной фискаламъ и за это послѣ казненный смертью. Но послѣ казни Попцова, государь велѣлъ нарядить судъ надъ Нестеровымъ; этотъ судъ, состоявшій подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Ягужинскаго, подвергъ Нестерова пыткѣ и нашелъ, что Нестеровъ бралъ съ Попцова взятки деньгами и вещами, бралъ взятки съ другихъ лицъ по поводу опредѣленія ихъ на воеводскія мѣста, наконецъ, бралъ и по кабачнымъ откупамъ. На Нестерова начли 300,000 рублей. Нестеровъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ въ январѣ 1724 года на площади противъ коллегій. Петръ, любившій зрѣлища подобнаго рода, стоялъ у окна камеръ-коллегіи. Старикъ Нестеровъ, взойдя на эшафотъ, увидѣлъ государя,

поклонился и закричалъ: „виноватъ“. Но помилованія ему не было оказано; палачи тотчасъ начали его колесовать—ломали сперва одну руку, потомъ ногу, потомъ другую руку и другую ногу; истерзанный еще былъ живъ въ страшныхъ страданіяхъ. Майоръ Мамоновъ, отъ имени государя, подошедши къ нему, сказалъ, что ему отрубятъ голову и прекратятъ его мученія, если онъ все покажетъ. Нестеровъ отвѣчалъ, что онъ уже все показалъ. Его потащили къ плахѣ и положили лицомъ въ кровь, вытекшую изъ головъ двухъ казненныхъ передъ нимъ товарищей, потомъ отрубили голову. Головы казненныхъ были воткнуты на желѣзныя колья; обезглавленныя тѣла ихъ навязали на колеса. Тогда съ Нестеровымъ было казнено девять человѣкъ, еще нѣсколько наказаны кнутомъ и сосланы на галерныя работы, а четыремъ изъ нихъ вырвали ноздри. Петръ приказалъ сгнать на эту казнь всѣхъ подъячихъ, дабы они видѣли что̀ бываетъ за злоупотребленія по должности. Вслѣдъ за тѣмъ Меншиковъ, бывшій до того сильнымъ, что сенаторы, вздумавшіе сопротивляться его волѣ, подвергались опасности потерять жизнь, принужденъ былъ, по дѣлу о незаконномъ присвоеніи земель и людей къ своему владѣнію въ Малороссіи, повиниться передъ Петромъ и просить „милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія“. „Онъ въ беззаконіяхъ зачатъ, во грѣхахъ родился и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой“, сказалъ о Меншиковѣ Петръ, однако простилъ его и опять ѣздилъ къ нему обѣдать и пировать.

Въ 1723 году возникло знаменательное дѣло о малороссійскомъ наказномъ гетманѣ Полуботкѣ и малороссійской старшинѣ. Учрежденная въ 1722 г. малороссійская коллегія, состоявшая изъ шести штабъ-офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова, очень не понравилась малороссамъ, и гетманъ Скоропадскій, находившійся временно въ Петербургѣ, представлялъ царю, что такимъ поступкомъ нарушается смыслъ договора съ Хмельницкимъ, по которому Малороссія соединилась съ Россіею. Петръ не внялъ этой жалобѣ, а Скоропадскій уѣхалъ на родину, и скончался въ іюлѣ 1722 года. До избранія новаго гетмана, по старымъ малорусскимъ обычаямъ, слѣдовало назначить наказнаго гетмана изъ полковниковъ, и такимъ наказнымъ гетманомъ сдѣланъ былъ черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ. Петръ не долюбливалъ его, не хотѣлъ, чтобъ онъ былъ гетманомъ, и намѣревался устроить въ Малороссіи другое правительственное учрежденіе, вмѣсто гетманства. Не рѣшивши вопроса о малороссійскомъ правительствѣ, государь уѣхалъ въ персидскій

походъ. Въ его отсутствіе старшина жаловалась въ сенатъ на малороссійскую коллегію за то, что она, помимо старшины, разсылала по малороссійскимъ полкамъ универсалы, въ которыхъ предоставляла черни, т. е. простымъ козакамъ и посполитому народу, приносить въ коллегію жалобы на несправедливость и утѣсненія, причиняемыя первымъ отъ козацкихъ чиновниковъ, а второму отъ ихъ помѣщиковъ. Эти универсалы, какъ и надобно было ожидать, стали тотчасъ сигналомъ къ безпорядкамъ. Крестьяне не повиновались помѣщикамъ, буйствовали, и одному изъ козацкихъ старшинъ и помѣщиковъ Забѣлѣ нанесли побои. Полуботокъ со старшиною, въ видахъ сохраненія спокойствія, выдалъ съ своей стороны универсалы, внушавшіе крестьянамъ долгъ повиновенія къ владѣльцамъ тѣхъ земель, на которыхъ крестьяне проживали. Этотъ поступокъ наказнаго гетмана и старшины былъ формально противенъ царскому указу, запрещавшему посылать универсалы безъ согласія съ малороссійскою коллегіею, и тѣмъ болѣе казался недозволительнымъ, когда универсалы, разосланные Полуботкомъ, по своему содержанію, прямо были направлены противъ универсаловъ коллегіи.

По возвращеніи Петра въ Москву изъ похода, прислана была изъ Малороссіи царю просьба объ избраніи настоящаго гетмана. Петръ не исполнилъ желанія малороссовъ, но издалъ указъ о назначеніи въ малороссійскіе козачьи полки, вмѣсто выборныхъ полковниковъ, какъ было прежде, новыхъ полковниковъ изъ великороссовъ, а сенатъ, по царскому приказанію, секретно поручилъ Вельяминову побудить малороссіянъ просить у царя, какъ милости, чтобы судъ въ Малороссіи производился по великорусскому уложенію и по царскимъ указамъ. Затѣмъ Полуботка съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ и генеральнымъ судьею Чернышемъ потребовали въ Петербургъ къ отвѣту. Здѣсь въ тайной канцеляріи сдѣланъ былъ имъ придирчивый допросъ. Малороссіяне оправдывали свою разсылку универсаловъ о повиновеніи подданныхъ владѣльцамъ тѣмъ, что посполитство, возбуждаемое дозволеніемъ жаловаться на властей, начало уже волноваться: необходимо было остановить своевольство простонародія и не допустить до всеобщаго мятежа. Кромѣ того, въ тайной канцеляріи Полуботку и старшинамъ показали разныя жалобы, послѣдовавшія на нихъ отъ разныхъ малороссовъ. Жалобы эти, лишенныя уликъ, были совершенно бездоказательны; однако 10 ноября 1723 года государь приказалъ препроводить въ крѣпость Полуботка, Савича и Черныша съ толпой козаковъ и служителей, пріѣхавшихъ съ ними въ Петербургъ. Петру, по политиче-

скимъ соображеніямъ, какъ видно, хотѣлось обвинить малороссійскихъ старшинъ въ государственномъ преступленіи: онъ былъ ими недоволенъ за то, что они добивались выбора гетмана и сохраненія правъ малороссійскаго края. Явилось письмо отъ черниговскаго епископа Иродіана къ епископу псковскому Θеофану. Иродіанъ писалъ, что слыхалъ отъ какого-то Борковскаго о сношеніяхъ Полуботка съ измѣнникомъ Орликомъ, приходившимъ съ ордою въ Украину. Но розыскъ, сдѣланный объ этомъ кіевскимъ губернаторомъ княземъ Трубецкимъ, по указу изъ тайной канцеляріи, не привелъ дѣла въ ясность: „понеже за страхомъ отъ Полуботка не объявляютъ правды". Петръ отправилъ въ Малороссію майора Румянцева, приказалъ ему собирать козаковъ и всякихъ людей и сказать имъ, чтобъ они безъ всякой опасности для себя ѣхали обличать Полуботка; вмѣстѣ съ тѣмъ Румянцевъ долженъ былъ заручиться отъ малороссійскихъ козаковъ заявленіемъ, что ни они, ни малороссійское посполъство вовсе не желаютъ избранія гетмана, что челобитная объ этомъ государю составлена безъ ихъ вѣдома старшиною, что они желаютъ, чтобъ у нихъ полковниками были великороссіяне. Румянцевъ, оказавшій уже Петру вмѣстѣ съ Толстымъ важную услугу доставкою изъ Неаполя бѣглаго царевича, и теперь въ Малороссіи исполнилъ царское порученіе такъ, какъ только могъ угодить Петру. Онъ извѣщалъ, что въ разныхъ малороссійскихъ городахъ онъ собиралъ сходки и вездѣ слышалъ отзывы, что простые козаки не знаютъ о челобитной, гетманства не хотятъ вовсе и очень довольны тѣмъ, что имъ назначаютъ въ полковники великоруссовъ, вмѣсто природныхъ малороссіянъ. Заключенные въ крѣпость малороссіяне, Полуботокъ съ товарищами, не были уже освобождены Петромъ. Полуботокъ умеръ въ тюрьмѣ, а товарищи его получили свободу уже при Екатеринѣ I [1]). Наши историки представляютъ это дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто Петръ заступался здѣсь за многихъ обижаемыхъ и утѣсняемыхъ въ Малороссіи Полуботкомъ и старшиною; но изъ дѣла не видно ни малѣйшихъ доказательствъ виновности въ чемъ бы то ни было этихъ лицъ, и они представляются скорѣе жертвами государственныхъ соображеній правительства, желавшаго всѣми средствами уничтожить отдѣльную самостоятельность Малороссіи и тѣснѣе соединить ее съ другими частями имперіи.

[1]) О смерти Полуботка († 17 дек. 1724 г.) въ Малороссіи сохранилось преданіе, что Петръ, услышавши объ его безнадежной болѣзни, самъ посѣтилъ его въ заключеніи, и Полуботокъ, сознавая скорую смерть свою, предрекъ государю и его кончину, сказавши: „скоро Петръ и Павелъ предстанутъ передъ судомъ Божіимъ!"

Побѣги въ этотъ періодъ времени не уменьшались, и распоряженія о бѣглыхъ слѣдовали прежнимъ порядкомъ. Въ 1722 году давался бѣглымъ срокъ добровольной явки на годъ, съ объявленіемъ помилованія, если они воспользуются срокомъ. Однако, охотниковъ воспользоваться милосердіемъ государя было немного. Народъ толпами уходилъ за-границу, и по указу 26-го іюня 1723 года устроены были по границѣ заставы; польскому правительству написано было, чтобъ оно, съ своей стороны, назначило коммиссаровъ для поимки и отсылки въ Россію бѣжавшаго въ Польшу русскаго народа. Разставленные на границахъ драгунскіе полки не могли совладать съ бѣглыми, которые уходили за-рубежъ съ ружьями, рогатинами, и, встрѣчая на рубежѣ драгуновъ, готовы были биться съ ними, какъ съ непріятелями; другіе же толпами успѣвали проходить мимо заставъ. Государь велѣлъ стрѣлять въ упрямыхъ бѣглецовъ. Бѣглые селились въ Польшѣ, потомъ переходили за рубежъ вооруженными шайками, били, мучили и грабили людей по дорогамъ; особенно во псковской провинціи они навели большой страхъ, тѣмъ болѣе, что тамъ была недостача военныхъ командъ. Строгій для бѣглыхъ во всѣхъ краяхъ Руси, Петръ дѣлалъ въ этомъ отношеніи послабленіе для Ингерманландіи, которую хотѣлъ заселить русскими. Бѣглые крестьяне, поселившіеся въ этомъ краѣ изъ другихъ русскихъ областей, не отдавались своимъ прежнимъ помѣщикамъ. Если у владѣльцевъ были собственныя земли въ Ингерманландіи, то бѣглые приписывались на эти земли, а если не было, то владѣльцамъ ихъ позволялось продавать бывшихъ въ бѣгахъ тѣмъ помѣщикамъ, за которыми числились земли въ Ингерманландіи или получать отъ казны за мужчину по 10 рублей, за женщину по 5 рублей. Бѣглые всякаго рода толпились во множествѣ въ пензенской, тамбовской провинціяхъ и на югѣ Россіи—въ кіевской губерніи и на Дону. Многіе изъ нихъ показывали себя непомнящими родства; царь приказалъ такихъ отправлять въ Петербургъ для поселенія на ингерманландскихъ земляхъ, принадлежавшихъ государю. Стараясь о развитіи горнаго промысла, Петръ дозволилъ на заводахъ принимать бѣглыхъ крестьянъ, безъ отдачи прежнимъ владѣльцамъ, съ тѣмъ, чтобъ эта льгота не простиралась на уклоняющихся отъ военной службы.

Побѣги умножались тогда по причинѣ голода, свирѣпствовавшаго въ Россіи. Лѣтомъ 1722 года былъ большой хлѣбный недородъ; люди стали умирать отъ голода, и царь, указомъ 16-го февраля 1723 года, приказалъ разсчитать, сколько нужно на годъ или на полтора каждому помѣщику для себя и для кре-

стьянъ на обсѣмененіе полей, а за тѣмъ весь хлѣбъ—отобрать и раздать неимущимъ на пропитаніе, однако, съ условіемъ, чтобы послѣдніе послѣ возвращали безъ всякой отговорки. Велѣно было отбирать хлѣбъ у купцовъ и промышленниковъ, которые скупали его для продажи по высокой цѣнѣ; царь приказалъ этотъ хлѣбъ продавать народу въ Петербургѣ и въ Москвѣ такъ, чтобы, сверхъ покупной цѣны и пошлинъ, приходилось купцамъ, у которыхъ отобрали этотъ хлѣбъ, прибыли не болѣе одной гривны на рубль. Придумали и другую мѣру для облегченія народнаго бѣдствія: со всѣхъ служащихъ, исключая военныхъ иностранцевъ, изъ получаемаго ими жалованья, вычиталась одна четверть. У губернаторовъ, вице-губернаторовъ и комендантовъ, владѣвшихъ деревнями, велѣно было на время неурожая отобрать все ихъ хлѣбное жалованье; упразднено было, сверхъ того, всякое двойное и прибавочное жалованье, хотя бы получаемое въ видѣ наградъ сверхъ дѣйствительныхъ окладовъ по чину. Но въ августѣ того же года оказалось, что служащіе въ канцеляріяхъ и коллегіяхъ, не получая полнаго своего жалованья, пришли въ крайнюю нужду, и потому сенатъ приказалъ выдавать имъ, за недостаткомъ денегъ, сибирскими и прочими товарами, а вмѣсто муки—рожью. По случаю голода, дозволено было привозить хлѣбъ изъ за-границы, сначала за половинную пошлину, за тѣмъ совсѣмъ безпошлинно (указы іюня 1723 г., 13-го января, и 28-го августа 1724 года), и въ силу такого дозволенія въ апрѣлѣ 1724 года привезено было заграничнаго хлѣба на 200,000 рублей; русскіе купцы могли продавать повсюду, но брать прибыль для себя не болѣе гривны съ рубля за зерно и не болѣе двухъ—за муку. Дороговизна хлѣба продолжалась до конца царствованія Петра, и побудила устроить при каммеръ-коллегіи особую контору для принятія мѣръ на будущее въ случаяхъ неурожая. Уже за двѣ недѣли до своей кончины, Петръ установилъ правила противъ повышенія цѣнъ съѣстныхъ припасовъ, охранявшія покупателей отъ стачекъ между алчными торговцами.

Между тѣмъ голодъ и побѣги приводили къ размноженію разбоевъ. Лѣтомъ 1722 года дошло до царя, что на Окѣ и на Волгѣ разбойники убиваютъ хозяевъ, грабятъ товары, а наемные работники на купеческихъ судахъ не только не обороняютъ своихъ хозяевъ, но еще сами подговариваютъ разбойниковъ. Около самаго Петербурга не было проѣзда за разбойничьими шайками; одна изъ этихъ шаекъ, доходившая, какъ говорятъ, до 9,000, подъ командою отставного полковника, помышляла напасть на столицу, сжечь адмиралтейство и всѣ военные склады

и перебить всѣхъ иностранцевъ. Тридцать шесть разбойниковъ были схвачены, посажены на колъ и повѣшены за ребра.

Государь продолжалъ заботиться о заселеніи любимаго Петербурга. Въ мартѣ 1722 года, приказано взять на житье въ Петербургъ изъ разныхъ сѣверныхъ городовъ и уѣздовъ 350 плотниковъ съ ихъ семьями; потомъ, для той же цѣли въ 1724 году, приказано въ Архангельскѣ набрать 1,000 семей плотниковъ. 5-го января 1724 года, царь указывалъ поселяться на Васильевскомъ острову помѣщикамъ: они обязаны были строить себѣ дома, занимая разныя пространства, сообразно количеству числящихся за ними по ревизіи душъ. Тѣ, у кого было 5,000 душъ, должны были строить каменные дома на 10 саженяхъ, у кого было отъ 2,500 душъ—на 8 саженяхъ, у кого 1,500—на 5 саженяхъ, а тѣ, у кого было отъ 500 душъ, должны были строить мазанки или деревянные дома. Всѣ они обязаны были пріѣхать къ будущей зимѣ и, подъ страхомъ лишенія всего движимаго и недвижимаго, начать постройку. Каждый домъ долженъ быть готовъ къ 1726 году, подъ страхомъ конфискаціи половины имѣнія. Вмѣнялось въ обязанность строющимся дѣлать кирпичъ на собственный счетъ; каждый обязывался выработать не менѣе милліона кирпичей, подъ опасеніемъ штрафа, равнаго цѣнѣ полумилліона кирпичей. Тѣ, у которыхъ были уже дома на Московской сторонѣ и на Петербургскомъ островѣ, должны были ихъ продать или сдѣлать загородными дачами, а сами перебраться на Васильевскій Островъ. Жители Петербурга были стѣснены въ своемъ образѣ жизни, — не смѣли пускать къ себѣ пріѣзжихъ постояльцевъ, обязанныхъ останавливаться въ новопостроенныхъ нарочно постоялыхъ дворахъ, — владѣльцы пригородныхъ дачъ должны были для прорубки и просѣкъ испрашивать дозволенія.

Петръ возымѣлъ желаніе дать своему Петербургу мѣстнаго патрона, и избралъ для этой цѣли святого князя Александра Невскаго. 4 іюня 1723 года, государь приказалъ перевезти его мощи изъ Владиміра въ Александро-Невскій монастырь. На счетъ монастырскихъ доходовъ положено построить раку въ ковчегѣ съ балдахиномъ, везти ее на перемѣнныхъ лошадяхъ, отъ города до города, посадскимъ, ямщикамъ и всякимъ крестьянамъ, и прибыть въ Петербургъ къ 25 августа. Воеводы въ городахъ и сельскія начальства должны были встрѣчать съ подобающею честью эти мощи во время провоза ихъ въ Петербургъ. Мощи были встрѣчены за нѣсколько верстъ отъ Петербурга самимъ царемъ и доставлены на суднѣ въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ положены были въ позолоченой ракѣ наглухо запертой. Поэтому

поводу новгородскій епископъ дѣлалъ пиршество для всего двора въ монастырѣ, потомъ князь Меншиковъ дѣлалъ вечеръ, ужинъ, а адмиралъ Апраксинъ — маскерадъ, на которомъ присутствовалъ государь.

Обращалось вниманіе и на другіе города. Въ старой столицѣ началась усиленная дѣятельность по благоустройству города. 19 января 1722 года учреждена была должность московскаго оберъ-полицеймейстера. Въ 1722 году велѣно московскимъ обывателямъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ выстроить каменные дома и покрыть ихъ гонтомъ; для того приказано собрать въ Москву изъ Малороссіи мастеровъ, умѣющихъ дѣлать гонтовыя крыши; они должны были безплатно обучать крестьянъ, которыхъ помѣщики пожелаютъ отдать въ ученіе. Черныхъ избъ безъ трубъ или съ деревянными трубами отнюдь не дозволялось болѣе строить, а существующія велѣно сломать; приказано мостить Москву камнемъ, вмѣсто прежней деревянной мостовой, непрочной, неудобной для ѣзды и опасной во время пожаровъ. Запрещалось бросать на улицу падаль и пометъ, заваливать рѣки нечистотою, на рынкахъ торговцамъ продавать вонючее мясо и рыбу; продавцамъ съѣстного приказано покрывать свои шалаши рогожами и полки холстомъ, а хлѣбниковъ обязали для опрятности носить балахоны.

Для предупрежденія опасности отъ пожаровъ, постоянно опустошавшихъ русскіе города, издавались правила, касавшіяся постройки во всей Россіи. Въ 1722 году въ Новгородѣ, послѣ бывшаго тамъ пожара, приказано строить хоромныя строенія регулярно, какъ въ Петербургѣ, и улицы разбить по плану, стараясь сдѣлать ихъ широкими и прямыми. Въ томъ же году по Россіи погорѣло множество селъ; государь приказалъ отстроить погорѣвшія села не иначе, какъ по прежде изданнымъ правиламъ о сельскихъ постройкахъ, оставляя между дворами пустое мѣсто въ 5 саженъ. Но указъ царскій не исполнялся; крестьяне строились по прежнему, какъ попало, и 3 апрѣля 1724 года изданъ подтвердительный указъ, чтобы помѣщики непремѣнно принуждали крестьянъ строиться по плану.

Въ 1722 году учреждена была почтъ-дирекція, которой отдавался весь ямской приказъ, иностранные купеческіе почтамты и всѣ почтовые станы. Дорожная повинность пала на всѣхъ обывателей по цѣлой Россіи. Государь указалъ, для починки и проложенія дорогъ, обложить особымъ налогомъ купечество и всѣ обывательскіе дворы. Для перваго примѣра приказано проложить перспективную дорогу отъ Волхова до Москвы и сгонять къ этой

работѣ помѣщичьихъ и дворцовыхъ крестьянъ, живущихъ въ сторонѣ на 50 верстъ. Готовясь въ походъ въ Персію, государь приказалъ устроить дорогу отъ Москвы до волжскаго Царицына и поставить верстовые столбы, а во время зимы вымѣрить по льду рѣки весь рѣчной путь отъ Москвы до Астрахани, и отъ одного города съ пристанью до другого такого же поставить столбы, по которымъ можно было знать между ними разстояніе. Намѣреніе устроить пути сообщенія занимало Петра въ концѣ жизни; онъ думалъ и въ этомъ отношеніи принимать за образецъ Швецію. Но государь съ жалостью замѣчалъ, что все дѣлалось не такъ, какъ онъ хотѣлъ и предписывалъ.

Постройка Ладожскаго канала не была совершенно окончена до конца царствованія Петра. Въ февралѣ 1723 года на работы по Ладожскому каналу начали высылать малороссіянъ, и сразу ихъ было послано пять тысячъ человѣкъ. Со всей Россіи на тотъ же предметъ велѣно было назначить по двѣ гривны съ двора, а съ купечества по десяти денегъ съ рубля. Предположено прорыть каналъ отъ Нази до Волхова. Это дѣло поручено Миниху, съ жалованьемъ по 100 рублей въ мѣсяцъ; ему велѣно дать для работъ 16,000 солдатъ и драгунъ; 28 августа 1724 года изъ армейскихъ полковъ прибавлено еще 4,000 человѣкъ. Въ зимнее время они отпускались на зимнія квартиры, часть ихъ оставалась при каналѣ, и для тѣхъ строились избы.

Въ 1722 году Петръ обратилъ вниманіе на то, что въ Россіи количество фальшивыхъ денегъ не уменьшалось, а все увеличивалось. Чтобы прекратить ихъ обращеніе въ народѣ, приказано дѣлать монету по новому рисунку, а старыя деньги приносить для передѣлки на монетный дворъ до апрѣля 1724 года. Но никто не спѣшилъ исполнять это предписаніе, напротивъ. прятали старую монету, надѣясь со временемъ получить за нее барыши, и въ самомъ дѣлѣ, уже въ концѣ февраля 1724 года, за одинъ старый рубль давали пять новыхъ; дозволялось приносить на денежные дворы золото и серебро и получать за него опредѣленную плату [1]). Гербовая бумага, по важности, считалась наравнѣ съ монетою и за поддѣлку ея казнили смертью.

Торговля съ Европою шла сухопутьемъ черезъ Малороссію и Польшу, а моремъ черезъ балтійскіе и архангельскіе порты. Въ Малороссіи по прежнему производилась торговля товарами, ко-

---

[1]) За фунтъ золота самаго высшаго достоинства, 96 пробы—243 руб., а 75 пробы—195 рублей; за пудъ серебра низшей, 70 пробы—560 руб., а высшей, 96 пробы—768 руб.

торые опять причислены были къ заповѣднымъ: пенькою, юфтью, поташемъ, смольчугомъ, саломъ, воскомъ, льнянымъ сѣменемъ, щетиною, икрою, золотомъ и серебромъ. 10 марта 1723 года данъ указъ, чтобы на Васильковской заставѣ, близъ Кіева, осматривать и арестовывать купцовъ съ этими товарами: кромѣ того, къ товарамъ, недозволеннымъ къ отпуску за границу, причислены овечья шерсть, пеньковыя веревки, узкіе холсты, овчины и хлѣбъ, а изъ-за границы запрещалось ввозить игральныя карты, коломенки, полуколоменки, полотна ниже рубля за аршинъ и стамедъ. Въ самой Малороссіи началъ тогда производиться табакъ, составлявшій предметъ вывоза въ великорусскія области и доставлявшій казнѣ доходъ, такъ какъ съ него бралось $^{1}/_{10}$ часть натурой. 31 января 1724 года изданъ былъ морской торговый уставъ, гдѣ были начертаны правила: о приходѣ иностранныхъ торговыхъ судовъ, о способѣ ихъ выгрузки, о нагрузкѣ на нихъ русскихъ товаровъ и о платежѣ казенныхъ пошлинъ.

По тогдашнимъ понятіямъ, наибольшее благосостояніе страны измѣрялось наибольшимъ приливомъ денегъ, поэтому Петръ, 8-го ноября 1723 года, далъ указъ камеръ-коллегіи, чтобъ товары, шедшіе за границу, продавались болѣе на чистыя деньги, чѣмъ мѣнялись на товары. Въ томъ же году, 20 декабря, указано съ купцовъ, пріѣзжающихъ изъ Китая, не брать пошлины за привозимое золото и серебро; привозить то и другое можно было сколько угодно, но подъ страхомъ смертной казни запрещалось продавать гдѣ бы то ни было, кромѣ денежнаго двора.

Русскаго государя занимала тогда особенно торговля съ Франціей. Главный продуктъ этой страны, желаемый Петромъ для ввоза въ Россію, было вино, такъ какъ по его взгляду, французское вино было лучше винъ другихъ странъ. Дозволено было иноземцамъ продавать французское вино оптомъ, съ платежомъ обыкновенныхъ пошлинъ и съ уплатой 2 рублей акциза за анкеръ. Но 16 іюля 1723 года этотъ двухрублевый акцизъ отмѣненъ и позволено продавать въ раздробь. Въ ноябрѣ того же года назначенъ русскій консулъ въ Бордо, главнымъ образомъ для надзора за виноторговлею. 20 августа 1723 года назначенъ былъ русскій консулъ въ Кадиксъ. Русскіе товары, туда привозимые, приказано продавать на золото и серебро или мѣнять на шерсть, кошениль, сандалъ и деревянное масло. Занимала Петра также и торговля съ Испаніей и Португаліей. Для развитія духа торговой предпріимчивости, Петръ 8 ноября того же года предписалъ коммерцъ-коллегіи: посылать въ чужіе края дѣтей купеческихъ, группами не менѣе 15 человѣкъ, и по 20 человѣкъ въ

Ревель и Ригу. Объявлялось: если кто выдумаетъ новый источникъ прибыли безъ народнаго отягощенія, тому давать $1/3$ или $1/4$ прибыли ежегодно.

Когда въ 1723 году Россія получила въ свое владѣніе отъ Персіи новыя области, Петръ тотчасъ приказалъ собирать свѣдѣнія, гдѣ можно добывать сахаръ, мѣдь, разводить плодовыя деревья, завести шелководство, и для этого хотѣлъ выписывать итальянскихъ мастеровъ, предполагалъ изъ персидскихъ провинцій сбывать въ Польшу шафранъ и фрукты, разсчитывая, что поляки будутъ ихъ употреблять въ кушанья. Правительство обратилось къ армянской компаніи и побуждало ее привозить въ Россію шелкъ, открывъ для нея свободную торговлю между Астраханью и Гилянью.

Для суконныхъ фабрикъ, которыми такъ дорожилъ Петръ во все свое царствованіе, до сихъ поръ выписывалась шерсть изъ за-границы. Петръ, съ цѣлью развести домашнее овцеводство, указалъ въ маѣ 1722 года: многовотчиннымъ помѣщикамъ раздать овецъ, обязавъ ихъ принимать, хотя бы не хотѣли, и содержать овчаровъ, а шерсть продавать на суконные заводы компанейщикамъ. Русскаго сукна было мало до самой смерти Петра: въ 1724 г. выписано было изъ Англіи 300,000 арш.; прусскій посланникъ предложилъ привозить прусское сукно, которое оказалось уже, но добротнѣе англійскаго. Высшій сортъ продавался по 66 к., низшій по 48 за аршинъ. Шерсть, получаемая съ русскихъ заводовъ тонкорунныхъ овецъ, продавалась по 2 р. 20 коп. за пудъ и должна была идти на русскія фабрики. Въ Малороссіи, гдѣ лучше всего могло идти овцеводство, распоряженіе Петра исполнялось дурно.

Въ декабрѣ 1723 года составленъ былъ регламентъ мануфактуръ-коллегіи. Всѣмъ дозволялось заводить фабрики съ вѣдома мануфактуръ-коллегіи. Этому учрежденію вмѣнялось въ руководство не выключать другихъ въ пользу однихъ, и имѣть въ виду, что отъ соперничества между заводчиками зависѣли не только размноженіе мануфактуръ, но также достоинство и дешевизна произведеній. Заводчикамъ давалось право безпошлинной торговли на нѣсколько лѣтъ, предоставлялось пріобрѣтать населенныя имѣнія къ заводамъ, съ тѣмъ, чтобъ они не продавали людей отъ завода, а самые заводы могли продавать только съ разрѣшенія мануфактуръ-коллегіи. Въ началѣ каждаго года мануфактуристы должны были представлять образчики своихъ издѣлій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ находилъ полезною мѣрою повышеніе пошлинъ съ привозимыхъ изъ за-границы предметовъ,

которые уже производились въ Россіи, хотя бы и въ небольшомъ размѣрѣ. Петръ пришелъ тогда къ убѣжденію въ невыгодности казенныхъ фабрикъ, поэтому рекомендовалъ коллегіи отдавать ихъ частнымъ лицамъ, хотя постоянно жаловался, что фабрикъ заводится мало и указы его, относящіеся къ фабричному дѣлу, исполняются дурно. „Нашъ народъ", говоритъ государь въ своемъ указѣ, „яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но, когда выучатся, потомъ благодарятъ, что̀ явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ". По прежнему Петръ старался привлекать въ свое государство чужеземныхъ мастеровъ, но приказывалъ ихъ немедленно свидѣтельствовать: знаютъ ли они свое дѣло; если окажется, что не знаютъ, то отпускать ихъ безъ всякаго оскорбленія, а если окажутся годными, то содержать ихъ въ довольствѣ, предоставляя имъ право безпошлинной торговли своими издѣліями, свободу отъ поборовъ, службъ и разныхъ повинностей и всегда, когда пожелаютъ, отпускать ихъ за-границу, чтобъ не было на Россію жалобъ. Мануфактуръ-коллегія должна была, однако, имѣть въ виду, что полезнѣе посылать русскихъ людей для обученія за-границу, давая имъ содержаніе и обезпечивая ихъ семейства во время отлучки ихъ въ чужіе края.

Продажа соли продолжала производиться отъ казны выборными цѣловальниками, съ прежними злоупотребленіями. Если кто покупалъ соль пудами, съ тѣхъ брали взятки, а бѣдныхъ, покупавшихъ на малыя суммы, цѣловальники, желая отъ нихъ отдѣлаться, отсылали къ своимъ товарищамъ, и случалось, что бѣдняки нигдѣ не могли достать соли на какія-нибудь 10 коп. Узнавши объ этомъ, 11 мая 1722 года государь велѣлъ продавать соль на всякую сумму, на какую кто можетъ купить, а воровъ-цѣловальниковъ, обличенныхъ въ бездѣльничествѣ, казнить смертью.

При постоянной заботѣ Петра о горныхъ промыслахъ, къ концу царствованія его учреждено правительствомъ еще нѣсколько горныхъ заводовъ. Въ апрѣлѣ 1722 года царь поручилъ генералъ-майору Геннингу осмотрѣть, исправить и привести въ хорошее состояніе мѣдные и желѣзные заводы въ уѣздахъ кунгурскомъ, верхотурскомъ и тобольскомъ. Онъ долженъ былъ опредѣлить количество деревень и селъ, нужныхъ для приписки къ заводу и требовать на обзаведеніе людей отъ губернаторовъ и воеводъ. Освобожденныхъ отъ каторжной работы и поселенныхъ въ дальнихъ мѣстахъ Сибири, велѣно было отправить въ Даурію на та-

мошніе серебряные заводы. Туда же пересылали, по назначенію отъ сибирскаго губернатора, и пашенныхъ крестьянъ. Въ 1723 году положено завести заводы въ усольскомъ уѣздѣ, и на работы высылать туда людей, собранныхъ изъ соликамской провинціи и явившихся изъ бѣговъ рекрутъ, а къ заводу приписать деревню Строгоновыхъ, вмѣсто которой дать послѣднимъ другую изъ дворцовыхъ волостей. Осенью 1723 года окончена Геннингомъ постройка екатеринбургскаго мѣднаго завода. Кромѣ екатеринбургскаго, основаны были тогда мѣдные заводы въ Кунгурѣ, на рѣкѣ Ягужихѣ, близъ Верхотурья на рѣкѣ Ламѣ и при Пыскорскомъ монастырѣ. Желѣзо выдѣлывалось на уктуйскихъ, алопаевскихъ и каменскихъ заводахъ: тамъ лились пушки, но фузей и другого ручного оружія не дѣлали. Въ январѣ 1724 года открытъ былъ сестрорѣцкій литейный заводъ и туда приказано было присылать изъ Сибири годное желѣзо. Игольный промыселъ производился въ большомъ изобиліи въ рязанскомъ уѣздѣ, на сумму 33,000 рублей: выдѣлывалось столько иголъ, что не только доставало ихъ на Россію, но отправлялось еще за-границу; владѣльцы завода получили право на безпошлинную торговлю въ теченіи 18 лѣтъ.

При относительномъ развитіи заводской и фабричной дѣятельности, государь, желавшій сохранить лѣса въ Россіи, сталъ заботиться о добываніи другого топлива, кромѣ дровъ. По донесенію подъячаго Капустина, Петръ велѣлъ отправить людей на Донъ въ казачьи городки, въ Синія-Горы и Бѣлогорье, для раскопки каменнаго угля на трехсаженной глубинѣ и болѣе. Указомъ сентября 11-го 1723 года приказано дѣлать развѣдки каменнаго угля по Днѣпру и его притокамъ. Въ томъ же году дана десятилѣтняя привилегія Фонармусу на добываніе торфа, съ воспрещеніемъ другимъ лицамъ добывать его и продавать.

До конца своего царствованія Петръ не покидалъ преслѣдованія судовъ древней русской постройки. Въ сентябрѣ 1722 года посланы на озеро Ильмень и на берега соединяющихся съ нимъ рѣкъ „эверснаго дѣла ученики“, для постройки торговыхъ судовъ новымъ способомъ, и на каждое новопостроенное судно велѣно налагать клейма. Но въ то же время государь издавалъ и распоряженія, дозволявшія временное существованіе староманерныхъ судовъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ. Въ 1724 году на староманерныхъ судахъ позволено было привозить въ Ладожскій каналъ бревна и доски.

VI.

Политическія событія послѣ Ништадтскаго мира до кончины Петра Великаго.

Ништадтскій миръ прекратилъ военныя отношенія Россіи къ Западу. Главная цѣль была достигнута: въ рукахъ Россіи были берега Балтійскаго моря, и земля, на которой поставленъ былъ любезный Петрову сердцу Петербургъ, признана вѣчною принадлежностью Россіи. Теперь дѣятельность Петра могла уже совершенно свободно обратиться въ иную сторону. Внутреннія учрежденія, которыми такъ, можно сказать, лихорадочно занялся Петръ въ послѣдніе передъ тѣмъ годы, не могли наполнить его предпріимчивой натуры: у него была потребность во внѣшней дѣятельности, потребность войны и пріобрѣтеній. Счастливое окончаніе шведской войны, послѣ многолѣтнихъ усилій и безпрестанныхъ утратъ и потрясеній, возбуждало его къ воинственнымъ предпріятіямъ въ другую сторону. Уже прежде обращалъ онъ вниманіе на Востокъ: онъ чувствовалъ и понималъ, что, по отношенію къ Востоку, созданная имъ военная русская сила и русская политика имѣютъ нравственное и матеріальное предпочтеніе. Дѣла съ Востокомъ не угрожали опасностью Россіи, особенно послѣ того, какъ Россія успѣла выйти побѣдоносною изъ борьбы съ европейской державой, даже при множествѣ затрудненій, которыя дѣлала ей остальная Европа. Теченіе обстоятельствъ влекло Петра къ намѣренію поживиться для Россіи на счетъ Персіи.

Петръ могъ явиться не завоевателемъ, нападающимъ на сосѣда съ хищническими цѣлями, а добрымъ сосѣдомъ, оказывающимъ помощь законной власти, и потомъ потребовать себѣ уступки земель, какъ-бы въ вознагражденіе за оказанную помощь. На персидскомъ престолѣ сидѣлъ шахъ Гуссейнъ IV, занявшій престолъ еще въ 1694 году. Онъ былъ однимъ изъ такихъ государей, которые какъ будто судьбою посылаются для того, чтобы привести въ разстройство и разрушеніе свое государство. Самъ онъ проводилъ дни въ гаремѣ, управленіе государствомъ предоставлялъ визирямъ и питалъ полнѣйшее отвращеніе ко всякимъ заботамъ, а тѣмъ болѣе къ войнѣ. Всѣ восточныя государства, съ незапамятныхъ временъ древности, подчинялись одному неизмѣнному закону: сильный и дѣятельный государь легко завоевывалъ своихъ сосѣдей, присоединялъ край за краемъ къ своимъ владѣніямъ и такъ образовывалъ обширное государство. Но части его соединялись между собою только механическою связью династій; обитатели держались въ повиновеніи только рабскимъ

страхомъ, никакой нравственной связи не могло возникнуть между ними. У наслѣдниковъ счастливаго завоевателя естественно ослабѣвала военная предпріимчивость ихъ предка, когда болѣе воевать было не съ кѣмъ или становилось неудобнымъ. Они начинали пользоваться плодами, собранными ихъ прародителями-завоевателями, отдавались мирному житію, которое выражалось не въ какихъ нибудь заботахъ о внутреннемъ устроеніи и о благосостояніи подвластныхъ, а въ преданности чувственнымъ утѣхамъ, и послѣдствіями этого всегда бывали лѣнь и неразсудительность. Плохо сплоченныя части государства начинаютъ расползаться: подвластные, почуявши, что надъ ними нѣтъ тяжелаго бича, поднимаютъ бунтъ за бунтомъ; ловкіе и смѣлые правители провинцій провозглашаютъ себя независимыми, государство распадается, и если впору не явятся сильныя руки, умѣющія остановить на время его окончательное разложеніе, оно легко становится добычею какого-нибудь предпріимчиваго сосѣда, который на его развалинахъ создаетъ иное государство. Такой процессъ беспрестанно повторялся на Востокѣ и въ отдаленный періодъ язычества и по распространеніи мугаммеданства, которое, въ этомъ отношеніи, мало измѣнило судьбу Востока, потому что не заключало въ себѣ никакихъ стихій для нравственной переработки народовъ, принявшихъ эту религію. То же грозило Персіи въ эпоху царствованія Петра Великаго въ Россіи.

Распаденіе Персіи начиналось уже съ ея восточныхъ предѣловъ. Поднялись противъ власти персидскаго шаха авганы, данники Персіи, управляемые намѣстниками шаха. Нѣкто Миривесъ, бывшій въ этой землѣ собирателемъ даней, слѣдуемыхъ персидскому государю съ покореннаго народа, въ 1710 году покусился сдѣлаться независимымъ. Онъ умертвилъ грузинскаго князя Георгихана, посланнаго отъ шаха намѣстникомъ въ Авганистанъ и утвердился въ авганской столицѣ Кандагарѣ. Персія не въ состояніи была принудить его къ повиновенію. Онъ умеръ въ 1717 году независимымъ властителемъ. Его сынъ Миръ-Махмудъ наслѣдовалъ отцу, умертвивши своего дядю. Онъ захватилъ провинцію Кирманъ и привлекъ на свою сторону всѣхъ послѣдователей секты суннитовъ въ Персіи, враждебной шіитскому толку мугаммеданства, котораго держался дворъ и изстари исповѣдовали всѣ персидскіе шахи, включительно до Гуссейна IV. Началось въ государствѣ всеобщее междоусобіе подъ знаменемъ двухъ мугаммеданскихъ вѣроисповѣданій. Гуссейнъ поручилъ свое войско Луфти-Али-хану, брату своего визиря Атематъ-Булета. Этотъ полководецъ дѣйствовалъ удачно противъ мятежниковъ, но

враги нашли способъ очернить передъ малоумнымъ шахомъ и визиря и его брата полководца. Шахъ Гуссейнъ приказалъ своему визирю выколоть глаза, а Луфти-Али-хана посадить въ тюрьму. Тогда Миръ-Махмудъ, не имѣя противъ себя опытнаго и даровитаго врага, повелъ свои дѣла такъ удачно, что собралъ болѣе 60,000 войска, двинулся на столицу Персіи Испагань и принудилъ шаха Гуссейна признать себя великимъ визиремъ, начальникомъ всего персидскаго войска и настоящимъ правителемъ государства. Униженный такимъ образомъ, Гуссейнъ отрекся отъ престола, назначивши своимъ преемникомъ одного изъ сыновей своихъ, Тохмасъ-Мирзу.

Изъ Кандагара поданъ былъ сигналъ: за Миръ-Махмудомъ начали возмущаться правители другихъ провинцій. Взбунтовались лезгины, народъ, жившій въ Кавказскихъ горахъ и платившій ежегодную дань Персіи. Лезгинскій владѣлецъ Даудъбекъ напалъ на Шемаху; лезгины и ихъ союзники казы-кумыки разорили и разграбили городъ, перебили и обобрали торговавшихъ тамъ русскихъ купцовъ, награбили у нихъ товаровъ цѣною на полмилліона. Богатѣйшій русскій купецъ Евреиновъ разорился тогда въ конецъ. Въ то же время грузинскій князь Вахтангъ, не задолго передъ тѣмъ принявшій мугаммеданство въ угоду шаху, затѣвалъ также освободиться отъ персидской власти и искалъ содѣйствія Россіи. Онъ обращался къ астраханскому губернатору Волынскому, увѣрялъ, что отрекся отъ Христа по неволѣ, притворно, и теперь снова желаетъ обратиться къ христіанству, поступивши подъ власть русскаго царя. Вахтангъ уговаривалъ русское правительство воспользоваться крайнимъ положеніемъ Персіи, и съ своей стороны обѣщалъ русскимъ 40,000 войска, для содѣйствія противъ Персіи. Кромѣ обиды, нанесенной русскимъ купцамъ въ Шемахѣ, Петръ былъ недоволенъ тѣмъ, что караванъ русскихъ купцовъ, возвращавшійся изъ Китая, былъ разграбленъ на дорогѣ хивинскими татарами, которые находились въ союзѣ съ Миръ-Махмудомъ.

Петръ увидѣлъ, такимъ образомъ, превосходный случай вмѣшаться въ персидское дѣло, подъ предлогомъ защищать законную верховную власть, потрясенную Миръ-Махмудомъ и спасти Персію отъ совершеннаго распаденія, такъ какъ, послѣ отреченія Гуссейна, молодой и неопытный Тохмасъ-шахъ былъ государемъ только по имени. Авганы и ихъ союзники курды опустошали государство. Въ добавокъ Турція имѣла виды овладѣть Персіею. Самой даже государственной религіи въ Персіи грозила бѣда: лезгины и авганы были сунниты, курды—огнепоклонники.

Послѣ сильныхъ понужденій со стороны астраханскаго губернатора Волынскаго, рѣшившись идти въ походъ, русскій государь хотѣлъ предупредить Турцію, чтобы она не воспользовалась разложеніемъ персидскаго государства и не овладѣла персидскими областями: это было бы страшнымъ для Россіи событіемъ; оно усилило бы издавна враждебную Россіи державу, всегда готовую ей вредить. Въ началѣ 1722 года Петръ прибылъ въ Москву и оттуда приказалъ снаряжать на Волгѣ суда, для перевозки войска къ Каспійскому морю. Въ маѣ государь, вмѣстѣ съ Екатериною, отправился въ путь водою по Москвѣ рѣкѣ и Окѣ. Въ Нижнемъ праздновалъ онъ день своего рожденія (30 мая), былъ великолѣпно угощаемъ богатѣйшимъ изъ русскихъ промышленниковъ Строгоновымъ, а потомъ изъ Нижняго отправился вплоть до Астрахани, останавливаясь на короткое время въ поволжскихъ городкахъ для ихъ осмотра. Между тѣмъ турецкій дворъ, узнавъ о намѣреніи русскаго государя, предусмотрѣлъ со стороны его умыселъ завоевать и присоединить къ своимъ владѣніямъ области шаха, и прислалъ къ Петру въ Астрахань грамату, съ увѣщаніемъ оставить предпріятіе. Петръ отвѣчалъ, что идетъ въ Персію не завоевателемъ, а союзникомъ шаха, чтобы избавить его отъ мятежниковъ и принудить Миръ-Махмуда покориться законному своему государю. 18 іюля Петръ, съ пѣхотою въ числѣ 22,000 и съ 6,000 матросовъ, пустился на судахъ по Каспійскому морю, по направленію къ Дербенту; конница шла туда же сухопутьемъ (регулярной русской конницы было 9,000, кромѣ того, 40,000 казаковъ и калмыковъ и 30,000 татаръ).

Петръ разослалъ по сторонамъ манифестъ ко всѣмъ, считающимся подданными шаха, называлъ себя союзникомъ ихъ повелителя и требовалъ отъ нихъ мирнаго подчиненія, объявляя въ то же время, что онъ строго запретилъ русскому войску всякіе непріязненные поступки надъ персидскими подданными, покорными своему государю. 12 августа, Петръ прибылъ въ Тарки. Тамошній владѣлецъ или шевкалъ, какъ онъ титуловался, по имени Адель-Гирей, считавшійся данникомъ шаха, принималъ Петра и Екатерину униженнымъ образомъ, хотя внутренно былъ очень недоволенъ прибытіемъ непрошенныхъ союзниковъ. Хуже поступилъ другой данникъ шаха, утимишскій султанъ Мугаммедъ. Петръ отправилъ къ нему трехъ донскихъ казаковъ—требовать покорности; султанъ приказалъ побить ихъ и съ своими силами ударилъ на русское войско, но русскіе отбили его, разорили его столицу Утимишъ, пожгли и пограбили его владѣнія; самъ Петръ, въ возмездіе за убитыхъ трехъ своихъ казаковъ, прика-

залъ побить 21 плѣнника, затѣмъ цѣлую толпу другихъ плѣнниковъ отправилъ къ утимишскому султану съ обрѣзанными носами и ушами.

23 августа, царь подошелъ къ Дербенту; комендантъ его, называемый по персидски наибъ, вышелъ на встрѣчу къ царю съ серебряными городскими ключами и сдалъ городъ. Петръ простоялъ здѣсь до сентября; приближалась осень; подвозъ припасовъ по Каспійскому морю становился затруднительнымъ: сообразивши это, Петръ оставилъ въ Дербентѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ полковника Юнкера, а самъ повернулъ назадъ къ Астрахани, и на возвратномъ пути, на рѣкѣ Сулакѣ, заложилъ крѣпость, наименовавши ее крѣпостью Св. Креста. Изъ Астрахани Петръ выслалъ для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ Персіи генералъ-майора Матюшкина въ Баку, а полковника Шипова къ Рящу, самъ же, пробывши нѣкоторое время въ Астрахани, уѣхалъ въ Москву. 13 декабря, онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ старую русскую столицу. Его склонность къ торжественнымъ праздникамъ и къ риторическимъ восхваленіямъ своихъ подвиговъ находила себѣ желанную пищу въ томъ представленіи, что онъ завоевалъ городъ, построеніе котораго приписывали Александру Македонскому. Въ Москвѣ царь пробылъ до весны, и наканунѣ своего отъѣзда въ Петербургъ, собственноручно сжегъ свой деревянный дворецъ въ Преображенскомъ. Онъ сказалъ бывшему при этомъ голштинскому герцогу: „здѣсь задумалъ я впервые войну противъ Швеціи; пусть вмѣстѣ съ этимъ домомъ исчезнетъ всякая мысль о враждѣ съ нею; пусть она будетъ вѣрнѣйшею союзницею моей имперіи“!

Отряды, которымъ Петръ поручилъ окончаніе военныхъ дѣйствій въ Персіи, исполнили свое порученіе хорошо. Шиповъ утвердился въ Рящѣ. Персидскія власти не рады были чужеземцамъ и именемъ шаха требовали, чтобы русскіе выходили изъ города; Шиповъ не уходилъ подъ разными предлогами и достоялъ до весны 1723 года. За это время туземцы до того не взлюбили пришельцевъ, что въ мартѣ, когда Шиповъ, отправивши часть своего отряда на судахъ, остался съ малочисленными силами, напали на него съ оружіемъ въ караванъ-сараѣ. Русскіе отбили персіянъ, несмотря на то, что послѣднихъ было, можетъ быть, въ десять разъ болѣе. И другой посланный съ отрядомъ въ персидскія владѣнія, Матюшкинъ, прибывши въ Баку лѣтомъ 1723 года, встрѣтилъ совершенное нежеланіе принимать русскихъ. Персіяне хотѣли воспрепятствовать высадкѣ русскаго войска на берегъ, но Матюшкинъ отбилъ ихъ и принудилъ го-

родъ къ сдачѣ. Впрочемъ, дѣйствія Матюшкина и Шипова не имѣли важныхъ послѣдствій, потому что, и безъ этихъ дѣлъ, 12-го сентября 1723 г., присланный отъ Тохмасъ-шаха посолъ Измаилъ-бекъ въ Петербургѣ заключилъ отъ имени своего государя съ русскимъ императоромъ союзный договоръ: русскій государь обѣщалъ со стороны Россіи оказывать шаху помощь противъ бунтовщиковъ, а шахъ, для возможности содержать войско, которое императоръ пошлетъ ему противъ мятежниковъ, уступилъ Россіи города Дербентъ и Баку, съ побережьемъ Каспійскаго моря, заключающимъ провинціи Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ. Договоръ этотъ былъ ратификованъ русскими послами, отправленными въ Персію въ апрѣлѣ 1724 г. Такимъ образомъ. почти безъ войны, воспользовавшись обстоятельствами, Петръ пріобрѣлъ для Россіи полосу южнаго края, богатаго различными произведеніями; и тогда же русскій государь началъ дѣлать соображенія о приглашеніи христіанскихъ поселенцевъ въ новопріобрѣтенный край. Этими поселенцами, по предположеніямъ Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русскаго государя къ овладѣнію прикавказскимъ краемъ. Въ началѣ 1724 года началось переселеніе армянъ изъ турецкихъ владѣній, но оно шло довольно медленно, потому что турки неохотно выпускали ихъ изъ своихъ областей. Пріобрѣтеніе прикаспійскаго края не осталось безъ неудовольствія со стороны Турціи. Сначала великій визирь, въ сношеніяхъ съ русскимъ резидентомъ Неплюевымъ, долго твердилъ, что Порта одна имѣетъ полное право овладѣть Персіею, тѣмъ болѣе, что Миръ-Махмудъ и лезгинскій владѣтель Даудъ-бекъ признали надъ собою верховное первенство турецкаго падишаха. Турки между тѣмъ успѣли овладѣть Тифлисомъ. Англійскій посланникъ старался вооружить Турцію противъ Россіи, а французскій, Дебонакъ, держалъ сторону Россіи и пытался не допустить до войны. Въ январѣ 1724 года, дѣло повернулось такъ, что можно было со дня на день ожидать объявленія Россіи войны, и Неплюеву приходилось уѣзжать изъ Константинополя. Но французскій посолъ настроилъ визиря такъ, что тотъ самъ предложилъ французскому послу быть посредникомъ въ переговорахъ съ русскимъ резидентомъ. Дѣло, однако, потянулось еще на полгода. Пошли споры, толки. По извѣстію Неплюева, французскій посолъ началъ было склоняться на сторону Турціи; но 12-го іюня 1724 года все уладилось въ пользу Россіи: порѣшили оставить Шемаху подъ владѣніемъ турецкаго данника, лезгинскаго князя Даудъ-бека, а пространство отъ Шемахи до Каспійскаго моря раздѣлить между Россіею и Даудъ-бекомъ, такъ

что послѣднему отдавалась меньшая часть этого пространства, чѣмъ Россіи. Петръ домогался, чтобы Турція не воспрещала своимъ христіанскимъ подданнымъ, армянамъ и грузинамъ, переходить въ новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи, обѣщая за то не воспрещать и мугаммеданамъ перехода въ Турцію. Несчастный грузинскій царь Вахтангъ, бывшій поневолѣ и по слабохарактерности мусульманиномъ, возвратился къ христіанству, но его начали тѣснить въ одно время и турки и персіяне; явился претендентомъ ему другой грузинскій князь, владѣлецъ Кахетіи. Вахтангъ принужденъ былъ покинуть свое царство и уѣхалъ въ Россію на вѣчное житье.

Экспедиція Петра въ Персію имѣла важное значеніе въ русской исторіи. Она была начальнымъ шагомъ къ тому движенію Россіи на юго-востокъ, которое, то останавливаясь, то снова возобновляясь, привело Россію впослѣдствіи къ пріобрѣтенію закавказскихъ грузинскихъ земель и всего кавказскаго хребта. Петръ, думая сдѣлать изъ Россіи морскую державу и открыть ей путь къ занятію подобающаго ей мѣста въ ряду европейскихъ державъ, въ то же время понималъ, что какъ географія, такъ и исторія намѣтили ей и другую дорогу,—дорогу на Востокъ, гдѣ Россія, получая отъ Запада плоды европейской цивилизаціи, могла въ собственной переработкѣ сообщать ихъ восточнымъ народамъ, стоявшимъ въ сравненіи съ нею на меньшей степени культурнаго развитія.

Въ отношеніяхъ къ западнымъ державамъ важнѣйшее дѣло этого времени было заключеніе въ февралѣ 1724 г. оборонительнаго союза со Швеціею. Послѣ продолжительной войны, оба государства вступили въ самую искреннюю дружбу между собою. Это важное дѣло совершено стараніемъ русскаго посла въ Стокгольмѣ, Бестужева, и отчасти министра голштинскаго, Бассевича, поставившаго своего герцога снова въ добрыя отношенія къ Швеціи. Передъ этимъ временемъ, Петръ, съ цѣлью сдѣлать шведскаго короля уступчивѣе, вознамѣрился попугать его и пустить свой флотъ въ Балтійское море, но герцогъ написалъ къ Бассевичу, своему послу, бывшему тогда въ Стокгольмѣ, письмо, въ которомъ выражался, что лучше откажется отъ всякихъ правъ на шведскую корону, чѣмъ купитъ ее цѣною шведской крови. Бассевичъ показалъ это письмо шведскому министру Горну, главному недоброжелателю герцога, и тронулъ Горна до того, что тотъ измѣнилъ свои чувствованія къ племяннику Карла XII. Состоялся такой договоръ Швеціи съ Россіей: обѣ державы обязывались поддерживать другъ друга военною силою, сухопутною

и морскою, и не заключать ни съ кѣмъ договоровъ, противныхъ этому союзу. Голштинскій герцогъ отказывался отъ всякихъ притязаній на шведскій престолъ при жизни тогдашняго короля и его прямыхъ потомковъ; Швеція, вмѣстѣ съ Россіею, обѣщалась домогаться утвержденія за нимъ его герцогскихъ наслѣдственныхъ владѣній. Обѣ державы постановляли, кромѣ того, не допускать внутреннихъ безпорядковъ въ Польшѣ, а поддерживать ея старинную вольность и избирательное правленіе. Это послѣднее условіе опредѣлило на долгое время взглядъ на политику, какую должны были соблюдать сосѣди въ отношеніи къ польской республикѣ: сосѣдямъ выгодно было поддерживать старинную польскую шляхетскую вольность, потому что такой государственный строй велъ Польшу, рано или поздно, къ гибели и давалъ надежды на возможность сдѣлать пріобрѣтеніе въ эпоху неизбѣжнаго паденія польской республики. Съ французскимъ дворомъ Петръ, послѣдніе годы своего царствованія, находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ; у Петра было даже намѣреніе отдать одну изъ дочерей своихъ за малолѣтняго французскаго короля, но этотъ планъ не удался, потому что регентъ Франціи постарался дать королю другую невѣсту, малолѣтнюю испанскую инфантину, которой, однако, не суждено было стать французской королевой. Съ Франціей соединяло Россію еще обоюдное участіе къ судьбѣ проживавшаго во Франціи претендента на англійскій престолъ Іакова Стюарта, къ которому Петръ благоволилъ тѣмъ болѣе, что съ тогдашнимъ англійскимъ королемъ Георгомъ у него уже нѣсколько лѣтъ сряду были натянутыя отношенія. Но дѣло претендента не довело Россію ни до какихъ предпріятій въ его пользу, главнымъ образомъ оттого, что его постоянная союзница и покровительница, Франція, сочла за лучшее примириться съ королемъ Георгомъ, ограничивши свои отношенія къ претенденту только одними любезностями. При посредствѣ Франціи, Петръ былъ уже готовъ помириться и подружиться съ англійскимъ королемъ, однако не успѣлъ этого сдѣлать при своей жизни. Лѣтомъ, 1723 года, Петръ въ сопровожденіи своихъ вельможъ, ѣздилъ морскимъ путемъ въ Рогервикъ и положилъ тамъ основаніе длиннаго мола, съ закрытою дорогою на верху и съ батареей. У государя тогда рождалось желаніе перенести туда и свой военный портъ, такъ какъ въ Кроншлотѣ замѣчалась большая примѣсь прѣсной воды, способствовавшая скорой порчѣ кораблей. Въ Рогервикѣ море образуетъ большую бухту, окруженную отвѣсными скалами и до того широкую, что въ ней могло вмѣститься до 1,000 большихъ судовъ.

Она была очень глубока и не принимала въ себя отнюдь прѣсныхъ водъ. По возвращеніи изъ Рогервика въ августѣ 1723 г.. Петръ обозрѣвалъ въ Кронштадтѣ флотъ и любовался своимъ дѣломъ, совершеннымъ имъ съ любовью въ теченіи всей своей жизни. Весь флотъ въ 1723 году состоялъ изъ 24 кораблей и 5 фрегатовъ, на немъ было 1,730 орудій и до 12,500 человѣкъ экипажа. Въ это время вспомнилъ Петръ о томъ небольшомъ ботикѣ, на которомъ въ молодости началъ онъ учиться плаванію по Яузѣ и по сѣвернымъ русскимъ озерамъ. Петръ приказалъ привезти его въ Петербургъ, поставилъ его въ Кронштадтѣ между кораблями, нарекъ Дѣдушкой русскаго флота и потомъ съ торжествомъ перевезъ въ петербургскую крѣпость, гдѣ назначилъ для храненія, какъ національную святыню. Это событіе послужило поводомъ къ торжественному многодневному празднеству, сопровождавшемуся и пальбою изъ пушекъ, и фейерверками, и обильными попойками.

Государь чувствовалъ, что силы его крѣпкой натуры подламывались, онъ постепенно опускался; сыновей у него не было, да если бы и были,—объявленный имъ манифестъ о будущемъ порядкѣ престолонаслѣдія разрушалъ всякія права рожденія и давалъ царствующему государю право назначать себѣ кого-угодно преемникомъ. Внука своего, сына несчастнаго царевича Алексѣя, Петръ явно не долюбливалъ: вѣроятно, ему входило въ мысль и то, что если со временемъ этотъ внукъ станетъ царемъ, то, по родительской связи, его окружатъ сторонники старыхъ русскихъ порядковъ, и партія, враждебная преобразованіямъ, подниметъ голову. Кажется, тогда уже у Петра блеснула мысль передать послѣ себя престолъ женѣ своей Екатеринѣ. Правда, этого нигдѣ не высказалъ Петръ прямо, но такое предположеніе можно удобно вывесть изъ его тогдашнихъ поступковъ. Весною 1724 года Петръ задумалъ короновать ее; она носила уже титулъ императрицы, но только по мужу, какъ законная супруга императора. Петръ захотѣлъ дать этотъ титулъ ея особѣ, независимо отъ брака Въ манифестѣ, изданномъ по этому поводу, Петръ извѣщалъ цѣлый свѣтъ, что Екатерина была его постоянной помощницей въ государственныхъ дѣлахъ и признавалъ за ней какія-то особенно важныя услуги, оказанныя во время прутскаго похода. Коронованіе Екатерины должно было происходить не въ Петербургѣ, но въ Москвѣ, не перестававшей въ глазахъ русскаго народа быть законною столицею и центромъ національнаго единства.

7 мая 1724 года, совершилось въ московскомъ Успенскомъ соборѣ это коронованіе государыни съ большимъ торжествомъ. Обрядъ

совершалъ новгородскій митрополитъ, а псковской епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, самый близкій къ Петру изъ духовныхъ сановниковъ, произнесъ тогда рѣчь, понравившуюся государю. Петръ собственноручно возложилъ на Екатерину корону. Нѣсколько дней послѣ того поили и угощали народъ, а потомъ продолжительное время отправлялись при дворѣ праздники, маскерады и попойки. Событіе было новое для Россіи: до сихъ поръ ни одна изъ русскихъ царицъ не удостоилась такой публичной чести, кромѣ Марины Мнишекъ, о которой въ памяти народной осталось неотрадное воспоминаніе. Какъ бы въ свидѣтельство того, что Петръ готовилъ Екатеринѣ власть, равную своей собственной, онъ поручилъ ей, вмѣсто себя, пожаловать графское достоинство Петру Андреевичу Толстому.

Коронованіе Екатерины порождало разныя предположенія о престолонаслѣдіи. Одни думали, что, короновавши свою супругу, Петръ намѣревается объявить ее послѣ себя преемницею, другіе дѣлали предположенія, что Петръ предоставитъ престолъ одной изъ дочерей, за неимѣніемъ отъ Екатерины дѣтей мужескаго пола. Большинство русскихъ расположено было въ пользу внука Петра, малолѣтняго сына царевича Алексѣя. Самъ Петръ, какъ видно, колебался; онъ то оказывалъ расположеніе къ внуку, то какъ будто не хотѣлъ знать его. Замѣчали тогда, что характеръ Петра мѣнялся. Онъ постоянно имѣлъ задумчивый видъ, часто искалъ уединенія, съ нимъ боялись заговаривать о дѣлахъ, когда онъ оказывался угрюмымъ. Иногда онъ требовалъ къ себѣ священника, иногда доктора, а иногда вдругъ, по старому, предавался разгулу и окружалъ себя шутами и членами всепьянѣйшаго собора. Среди праздниковъ и веселья, господствовавшаго при дворѣ послѣ коронованія Екатерины, Россія представляла совсѣмъ не праздничный видъ. Повсюду раздавались жалобы на бѣдность; недавніе неурожаи произвели большую скудость необходимыхъ средствъ къ жизни; хлѣбные магазины, которые давно уже приказалъ устроить царь по всей Россіи, существовали только на бумагѣ: на самомъ дѣлѣ никто не спѣшилъ исполнять въ этомъ повелѣніе своего государя. По улицамъ городовъ и по большимъ дорогамъ сновали толпы нищихъ, хотя государь много разъ уже приказывалъ, чтобъ въ его царствѣ не было нищихъ и, подъ угрозами пеней и суровыхъ наказаній, запрещалъ своимъ подданнымъ раздавать милостыню. Голодные пускались на грабежи и убійства; около самаго Петербурга бродили разбойничьи шайки. Казенныя недоимки все болѣе и болѣе возрастали; въ военной коллегіи и въ адмиралтействъ-коллегіи совсѣмъ недоставало денегъ на содер-

жаніе войска и флота. Между тѣмъ тягости народу не облегчались; продолжали переселять русскихъ людей въ ненавистный для нихъ Петербургъ, а множество неоплатныхъ должниковъ казнѣ отправляемо было на тяжелую работу въ Рогервикъ и Кронштадтъ. Въ то время, когда при дворѣ отправляли маскерады и веселились, въ народѣ слышны были проклятія, за которыя неосторожныхъ тащили въ тайную канцелярію и предавали варварскимъ мукамъ.

Петръ съ Екатериною возвратился изъ Москвы въ Петербургъ; готовились устраивать новое торжество, долженствовавшее совершиться черезъ полгода,—обрученіе молодого голштинскаго герцога, родного племянника Карла XII съ дочерью Петра и Екатерины, цесаревною Анною Петровною. Петръ, между тѣмъ, неусыпно занимался своими обычными разнообразными дѣлами, переходя отъ усиленныхъ работъ къ обычнымъ своимъ забавамъ. Такъ, въ концѣ августа онъ присутствовалъ при торжествѣ освященія церкви въ Царскомъ Селѣ. Пиршество, послѣ того, продолжалось нѣсколько дней, выпито было до трехъ тысячъ бутылокъ вина. Послѣ этого пира государь заболѣлъ, пролежалъ въ постелѣ шесть дней, и едва только оправился,—какъ уѣхалъ въ Шлиссельбургъ и тамъ снова устроилъ пиршество, празднуя годовщину взятія этой крѣпости. Изъ Шлиссельбурга Петръ поѣхалъ на олонецкіе желѣзные заводы, выковалъ тамъ собственноручно полосу желѣза въ три пуда вѣсомъ, оттуда поѣхалъ въ Новгородъ, а изъ Новгорода въ Старую Русу, осматривалъ въ этомъ городѣ соляное производство. Изъ Старой Русы государь повернулъ къ Ладожскому каналу; Петръ былъ очень доволенъ работами, происходившими тогда подъ начальствомъ Миниха. Въ предыдущихъ пяти годахъ едва вырыто было только на 12 верстъ канала и число рабочихъ простиралось до 20,000 человѣкъ, при Минихѣ же вырыто было въ теченіи одного года уже 5 верстъ; Минихъ надѣялся до слѣдующей зимы вырыть еще 7 верстъ, у него было, кромѣ 2,900 человѣкъ солдатъ, вольнонаемныхъ рабочихъ только до 5,000. Рытье кубической сажени земли при Минихѣ стоило 60 коп., тогда какъ прежде оно обходилось въ 1 рубль 50 коп.; вообще по разсчету Миниха, верста канала съ деревянными постройками, которыми укрѣплялись стѣны канала, должна была обходиться въ 7,500 рублей, тогда какъ прежде однѣ земляныя насыпи по смѣтѣ, представленной государю, обходились въ 10,000. Въ концѣ октября Петръ возвращался въ Петербургъ водою, но потомъ, раздумавши, намѣревался плыть въ Систербекъ, чтобъ осмотрѣть

учрежденный тамъ сестрорѣцкій литейный заводъ. Приближаясь въ своемъ плаваніи къ селенію Лахтѣ, недалеко отъ устья Невы, увидѣлъ государь судно съ солдатами и матросами, плывшее изъ Кронштадта и носимое во всѣ стороны вѣтромъ и непогодою. Въ глазахъ государя это судно стало на мель. Петръ не утерпѣлъ, велѣлъ плыть къ судну, бросился по поясъ въ воду и помогалъ вытаскивать судно съ мели, чтобы спасти находившихся на немъ людей. Въ глазахъ Петра нѣсколько человѣкъ, вмѣстѣ съ нимъ работавшихъ, были унесены водою. Царь проработалъ цѣлую ночь въ водѣ и успѣлъ спасти жизнь двадцати человѣкамъ. Но утромъ онъ почувствовалъ лихорадку, отложилъ свое намѣреніе посѣщать систербекскіе заводы, и поплылъ въ Петербургъ.

Тогда совершилось событіе, которое способствовало нравственному потрясенію Петра. Былъ у Екатерины любимецъ и правитель канцеляріи, завѣдывавшій ея вотчинами,—Вилліамъ Монсъ, братъ той самой Анны Монсъ, которая нѣкогда была любовницей Петра. Онъ находился въ большой довѣренности, а его сестра Матрена Балкъ была любимой фрейлиной у Екатерины. Пользуясь такою близостью къ государынѣ, братъ и сестра зазнались и вообразили, что они черезъ то стали могущественными особами. Вилліамъ Монсъ надменно принималъ всякихъ просителей, хвасталъ, что онъ своимъ ходатайствомъ у государыни можетъ всякому сдѣлать многое. Петръ сталъ обвинять и брата, и сестру въ томъ, что, управляя доходами Екатерины, они ее обкрадываютъ; но то былъ только предлогъ: на самомъ дѣлѣ, Петръ приревновалъ Монса къ императрицѣ. Скоро послѣ своего возвращенія въ Петербургъ, Петръ проводилъ вечеръ съ Монсомъ, и въ 9 часовъ вечера отпустилъ его и другихъ бывшихъ съ нимъ придворныхъ, сказавши, что идетъ въ свою спальню. Ничего не подозрѣвая для себя худого, Монсъ прибылъ домой, раздѣлся и сталъ курить трубку: вдругъ къ нему входитъ страшный генералъ-майоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, требуетъ отъ него шпагу и ключи, потомъ опечатываетъ его бумаги и приказываетъ ѣхать съ собою. Ушаковъ привезъ его въ свой домъ. Монсъ увидѣлъ тамъ Петра. „И ты здѣсь", сказалъ Петръ, бросивъ на него презрительный взглядъ. Монса арестовали и на другой день подвергли допросу въ канцеляріи собственнаго императорскаго кабинета. Монсъ увидѣлъ здѣсь опять государя и пришелъ въ такое ослабленіе силъ, что лишился чувствъ: ему принуждены были пустить кровь. На слѣдующій день повели его снова къ допросу и стали угрожать пыткою. Монсъ, чтобы не допустить себя до мученій, сознался, что обра-

щалъ въ свою пользу оброки съ нѣкоторыхъ вотчинъ императрицы, и взялъ съ крестьянина взятку, обѣщая сдѣлать его стремяннымъ конюхомъ императрицы. Монса препроводили въ крѣпость (26 октября), а потомъ высшій судъ 14 ноября приговорилъ его къ смертной казни. Разсказываютъ, что царь самъ пріѣхалъ къ нему проститься. „Жаль тебя мнѣ, очень жаль, да дѣлать нечего, надобно тебя казнить“, говорилъ ему Петръ. Императрица осмѣлилась было ходатайствовать передъ Петромъ о пощадѣ виновныхъ, но Петръ пришелъ тогда въ такую ярость, что въ глазахъ государыни разбилъ дорогое зеркало. „Видишь ли“, сказалъ онъ многознаменательно: „вотъ прекраснѣйшее украшеніе моего дворца. Хочу — и уничтожу его!“ Екатерина поняла, что эти слова заключали намекъ на ея собственную личность, но съ принужденною сдержанностію сказала государю: „развѣ отъ этого твой дворецъ сталъ лучше?“ Петръ все-таки не исполнилъ просьбы жены. 16 ноября въ 10 часовъ утра Монса вывезли съ сестрою въ саняхъ, въ сопровожденіи приготовлявшаго его къ смерти пастора. Монсъ бодро кланялся на обѣ стороны, замѣчая своихъ знакомыхъ въ огромной толпѣ народа, отовсюду согнаннаго смотрѣть казнь. Монсъ смѣло взошелъ на эшафотъ, снялъ шубу и выслушалъ прочитанный секретаремъ суда приговоръ, которымъ обвиняли его во взяткахъ, поклонился народу и положилъ голову на плаху подъ ударъ топора. Его сестру Матрену Балкъ наказали одиннадцатью ударами кнута и сослали въ Тобольскъ. Домашній секретарь Столѣтовъ, послѣ четырнадцати ударовъ кнутомъ, былъ отправленъ на десятилѣтнюю каторжную работу въ Рогервикъ; пострадалъ тогда и дворцовый служитель Иванъ Балакиревъ, потѣшавшій Петра и весь дворъ остроумными шутками. Ему дали шестьдесятъ ударовъ батогами и сослали въ Рогервикъ на три года, поставивши ему въ вину, что онъ „отбывши инженернаго ученія“ при посредствѣ Монса втерся во дворецъ и занимался тамъ, вмѣсто дѣла, шутовствомъ. На другой день послѣ казни Монса, Петръ катался съ Екатериною въ коляскѣ. Онъ приказалъ проѣхать мимо столба, на которомъ воткнута была голова казненнаго. Екатерина не показала никакого вида смущенія и, какъ говорятъ, посмотрѣвши прямо въ глаза царю, произнесла: „какъ грустно, что у придворныхъ можетъ быть столько испорченности!“

Вслѣдъ за Монсомъ раздражили Петра Меншиковъ, а потомъ кабинетъ-секретарь Макаровъ: на послѣдняго донесли, что онъ не доводилъ до свѣдѣнія государя о многихъ важныхъ дѣлахъ, возникшихъ по фискальскимъ доношеніямъ, и представлялъ несправедливые доклады по челобитнымъ о деревняхъ, взявши съ

просителей взятки. Царь отрѣшилъ Меншикова отъ должности президента военной коллегіи. Эти непріятности усиливали болѣзненное состояніе здоровья Петра, которое уже пострадало послѣ приключенія на Лахтѣ. Между тѣмъ 24 ноября, въ день имянинъ государыни, совершено было обрученіе голштинскаго герцога съ цесаревною Анною. Цесаревна при обрученіи отказалась за себя и за свое потомство отъ всякихъ притязаній на русскій престолъ. У Петра, видно, были на счетъ преемства какія-то свои предположенія, которыхъ онъ не открывалъ. Но отказъ Анны законно сходился съ прежнимъ указомъ Петра, которымъ государь предоставлялъ право всякому царствующему государю назначать по себѣ преемника. Судьба устроила наперекоръ отказу, подписанному тогда цесаревною: именно ея потомству, а не потомству кого-либо другого, суждено было утвердиться на русскомъ престолѣ, который Петръ такъ странно предавалъ произволу всякой царствующей особы.

Здоровье государя послѣ того не поправлялось, но становилось со дня на день все хуже: у него открылись признаки каменной болѣзни. Петръ преодолѣвалъ себя, бодрился, занимался государственными дѣлами, удѣлялъ время и на свои обычныя забавы. Въ концѣ декабря онъ творилъ выборъ новаго князя-папы, главы шутовскаго собора. Бутурлина не было уже въ живыхъ; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ окончилъ свою жизнь вполнѣ достойно своему званію: онъ умеръ, вслѣдствіе своего обжорства и пьянства. День для избранія назначенъ былъ 20 декабря. Избраніе происходило въ домѣ умершаго князя-папы. Въ избирательной залѣ былъ поставленъ тронъ, обитый пестрою матеріею о шести ступеняхъ, на которомъ стояла бочка съ двумя кранами и на бочкѣ сидѣлъ Бахусъ. По бокамъ поставлены были мѣста для членовъ всепьянѣйшаго собора. Въ другой комнатѣ, гдѣ собирался избирательный конклавъ, было устроено четырнадцать ложъ, посрединѣ комнаты стоялъ столъ съ изображеніями медвѣдя и обезьяны, на полу стояла бочка съ виномъ и посуда съ кушаньемъ. Послѣ торжественнаго церемоніальнаго шествія въ этотъ домъ, государь заперъ кардиналовъ въ комнатѣ конклава и приложилъ къ дверямъ ея свою печать. Кардиналы не смѣли выходить оттуда, прежде чѣмъ не выберутъ новаго папу, и должны были, черезъ каждую четверть часа, хлебать по большой деревянной ложкѣ водки. Петръ на другой день утромъ въ 6 часовъ явился выпустить ихъ. Оказалось, что кардиналы долго спорили между собою о выборѣ и не могли согласиться, наконецъ рѣшились покончить дѣло баллотировкою.

Жребій палъ на одного провіантскаго коммиссара (Строгоста?), который былъ посаженъ на тронѣ, и всѣ должны были цѣловать ему туфлю. Послѣ этого производились надъ нимъ церемоніи по установленному прежде чину. На пиршествѣ, которое въ этотъ день послѣдовало, подавали кушанья изъ волчьяго, лисьяго, кошачьяго, медвѣжьяго и мышинаго мяса.

Насталъ 1725 годъ; царь захворалъ, но пересиливалъ себя и занимался дѣлами до 19 числа января; въ этотъ день его болѣзнь усилилась; онъ слегъ въ постель. Государя лѣчилъ докторъ Блюментростъ. 22 января, Петръ исповѣдывался и причащался св. Таинъ; 26-го, подписалъ манифестъ, освобождавшій всѣхъ сосланныхъ въ каторжныя работы, объявилъ всѣмъ осужденнымъ прощеніе, исключая тѣхъ, которые судились по первымъ двумъ пунктамъ или уличались въ смертоубійствѣ. Екатерина выпросила прощеніе Меншикову.

27-го января, Петръ изъявилъ желаніе написать распоряженіе о преемствѣ престола. Ему подали бумаги; государь сталъ писать и успѣлъ написать только два слова: „отдайте все“—и болѣе писать былъ не въ силахъ, а велѣлъ позвать дочь свою Анну Петровну, съ тѣмъ, чтобъ она писала съ его словъ, но когда явилась молодая цесаревна, Петръ уже не могъ произнести ни одного слова. На слѣдующія сутки, въ четвертомъ часу пополуночи, Петръ скончался. 2-го февраля его тѣло было выставлено на бархатной, расшитой золотомъ, постелѣ въ дворцовой залѣ, обитой тѣми самыми коврами, которые онъ получилъ въ подарокъ отъ Людовика XV во время своего пребыванія въ Парижѣ.

Петръ, какъ историческая личность, представляетъ своеобразное явленіе не только въ исторіи Россіи, но въ исторіи всего человѣчества всѣхъ вѣковъ и народовъ. Великій Шекспиръ своимъ художественнымъ геніемъ создалъ въ Гамлетѣ неподражаемый типъ человѣка, у котораго размышленіе беретъ верхъ надъ волею и не допускаетъ осуществляться на дѣлѣ желаніямъ и намѣреніямъ. Въ Петрѣ не геній художника, понимающій смыслъ человѣческой натуры, а сама натура создала обратный типъ— человѣка съ неудержимою и неутомимою волею, у котораго всякая мысль тотчасъ обращалась въ дѣло. „Я такъ хочу, потому что такъ считаю хорошимъ, а чего я хочу, то непремѣнно должно быть“—таковъ былъ девизъ всей дѣятельности этого человѣка. Онъ отличался непостижимою для обыкновенныхъ смертныхъ переимчивостью. Не получивъ ни въ чемъ правильнаго образованія, онъ желалъ все знать, и принужденъ былъ многому учиться не во-время; однако русскій царь былъ одаренъ такими бо-

гатыми способностями, что, при своей недолговременной подготовкѣ, приводилъ въ изумленіе знатоковъ, проводившихъ всю свою жизнь за тѣмъ, что Петръ изучалъ только мимоходомъ. Все, что онъ ни узнавалъ, стремился примѣнить къ Россіи, съ тѣмъ, чтобы преобразовать ее въ сильное европейское государство. Эту мысль лелѣялъ онъ искренно и всецѣло въ продолженіи всей своей жизни. Петръ жилъ въ такое время, когда Россіи невозможно было оставаться на прежней избитой дорогѣ и надобно было вступить на путь обновленія. Какъ человѣкъ, одаренный умственнымъ ясновидѣніемъ, Петръ созналъ эту потребность своего отечества, и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петръ былъ самодержавенъ, а въ такой моментъ исторіи, въ какой тогда вступила Россія, только самодержавіе и могло быть пригоднымъ. Свободный республиканскій строй никуда не годится въ то время, когда нужно бываетъ измѣнять судьбу страны и духъ ея народа, вырывать съ корнемъ вонъ старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши къ старому порядку вещей, участники правленія не разстанутся съ тѣмъ, что считаютъ добрымъ и выгоднымъ. Подобный примѣръ наглядно высказался въ Польшѣ: страна эта никакъ не могла выбиться изъ подъ нравственной плѣсени, потому что ея полноправные граждане, люди, рѣшавшіе судьбу своего края, дорожили стариною и не могли спѣться между собою, когда приходилось для общей пользы жертвовать выгодами, въ которыхъ многіе лично были заинтересованы. И современная Англія оттого такъ консервативна и туго податлива къ перемѣнамъ, что ея судьба зависитъ не отъ воли одного лица, а отъ согласія многихъ: страна эта только по формѣ монархія, а по духу болѣе—республика. Только тамъ, гдѣ самодержавіе безгранично, смѣлый владыка можетъ отважиться на ломку и перестройку всего государственнаго и общественнаго зданія.

Петру помогло болѣе всего его самодержавіе, унаслѣдованное имъ отъ предковъ. Онъ создаетъ войско и флотъ, хотя для этого требуется безчисленное множество человѣческихъ жертвъ и плодовъ многолѣтняго народнаго труда, — все приносится народомъ для этой цѣли, хотя собственно народъ этого ясно не понимаетъ и потому не желаетъ; все приносится оттого, что такъ хочетъ царь. Налагаются неимовѣрные налоги, высылаются на войну и на тяжелыя работы сотни тысячъ молодого здороваго поколѣнія для того, чтобъ уже не возвратиться домой. Народъ разоряется, нищаетъ, за то Россія пріобрѣтаетъ море, расширяются предѣлы государства, организуется войско, способное мѣряться съ сосѣдями. Русскіе издавна привыкли къ своимъ стариннымъ пріемамъ

жизни, они ненавидѣли все иноземное; погруженные въ свое внѣшнее благочестіе, они оказывали отвращеніе къ наукамъ. Самодержавный царь заставляетъ ихъ одѣваться по иноземному, учиться иноземнымъ знаніямъ, пренебрегать своими дѣдовскими обычаями, и, такъ-сказать, плевать на то, что́ прежде имѣло для всѣхъ ореолъ святости. И русскіе пересиливаютъ себя, повинуются, потому что такъ хочетъ ихъ самодержавный государь.

Но здѣсь и предѣлъ самодержавной власти Петра. Много новыхъ учрежденій и жизненныхъ пріемовъ внесъ преобразователь въ Россію; новой души онъ не могъ въ нее вдохнуть;—здѣсь его могущество оказалось столько же безсильно, какимъ было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намѣреніе превратить дно моря въ пахатную землю или плавать на кораблѣ по степи. Новаго человѣка въ Россіи могло создать только духовное воспитаніе общества, и если этотъ новый духовный человѣкъ гдѣ-нибудь замѣтенъ въ дѣяніяхъ и стремленіяхъ русскаго человѣка настоящаго времени, то этимъ мы обязаны ужъ никакъ не Петру.

Во все продолженіе своего царствованія Петръ боролся съ предразсудками и злонравіемъ своихъ подвластныхъ, преслѣдовалъ казнокрадовъ, взяточниковъ, обманщиковъ, скорбѣлъ, что въ Россіи совершается не такъ, какъ бы ему хотѣлось. Сторонники его искали и теперь еще ищутъ всему этому причину въ закоснѣлыхъ порокахъ и недостаткахъ стараго русскаго человѣка. Но, приглядѣвшись къ дѣлу безпристрастнѣе, придется многое приписать и самому характеру дѣйствій Петра. Нельзя человѣка дѣлать счастливымъ противъ собственной его воли и, такъ-сказать, насиловать его природу. Исторія показываетъ намъ, что въ обществѣ, управляемомъ деспотически, чаще и сильнѣе проявляются пороки, мѣшающіе исполненію самыхъ похвальныхъ и спасительныхъ предначертаній власти. Какія же мѣры употреблялъ Петръ для приведенія въ исполненіе своихъ великихъ преобразованій? — Пытки Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, мучительныя смертныя казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рваніе ноздрей, шпіонство, поощреніе наградами за доносничество. Понятно, что Петръ такими путями не могъ привить въ Россіи ни гражданскаго мужества, ни чувства долга, ни той любви къ своимъ ближнимъ, которая выше всякихъ матеріальныхъ и умственныхъ силъ и могущественнѣе самаго знанія; однимъ словомъ, натворивши множество учрежденій, создавая новый политическій строй для Руси, Петръ все-таки не могъ создать живой, новой Руси.

Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей въ жертву временное благосостоянiе народа, Петръ не относился къ этому народу сердечно. Для него народъ существовалъ только какъ сумма цифръ, какъ матерiалъ, годный для построенiя государства. Онъ цѣнилъ русскихъ людей настолько, насколько они были ему нужны для того, чтобъ имѣть солдатъ, каменьщиковъ, землекоповъ, матросовъ, или своею трудовою копейкою доставлять царю средства къ содержанiю государственнаго механизма. Самъ Петръ своею личностью могъ быть образцомъ для управляемаго и преобразуемаго народа только по своему безмѣрному неутомимому трудолюбiю, но никакъ не по нравственнымъ качествамъ своего характера. Онъ не старался удерживать своихъ страстей, нерѣдко приводившихъ его къ бѣшенымъ и кровавымъ поступкамъ, хотя за подобные поступки онъ жестоко казнилъ тѣхъ, надъ которыми властвовалъ. Петръ дозволялъ себѣ пьянство и лукавство, и однако преслѣдовалъ эти же самые пороки въ своихъ подвластныхъ. Много совершено имъ возмутительныхъ дѣянiй, оправдываемыхъ софизмами политической необходимости. До какой степени онъ былъ свирѣпъ и кровожаденъ, показываетъ то, что онъ не побоялся унизить свое царское достоинство, взявши на себя обязанность палача во время дикой казни стрѣльцовъ; во все его царствованiе кровавый паръ замученныхъ и казненныхъ въ Преображенскомъ приказѣ заражалъ воздухъ Руси, но, какъ видно, не тревожилъ покойнаго сна ея государя;—несчастный Алексѣй Петровичъ замученъ роднымъ отцомъ послѣ того, какъ этотъ отецъ выманилъ его изъ безопаснаго убѣжища царскимъ обѣщанiемъ прощенiя; затѣмъ вспомнимъ страданiя царицы Евдокiи и множества жертвъ, погибшихъ большею частью невинно по дѣлу ея сына; вспомнимъ поступокъ съ Полуботкомъ и малороссiйскими старшинами, бывшими жертвою политическихъ цѣлей; вспомнимъ дѣло Монса, котораго государь обвинилъ совсѣмъ не за то, за что на самомъ дѣлѣ на него сердился! Самъ Петръ оправдывалъ свои жестокiя казни потребностью правосудiя, но факты показываютъ, что не для всѣхъ онъ былъ одинаково неумолимъ въ правосудiи и не въ примѣръ другимъ дѣлалъ поблажки Меншикову, своему любимцу, которому сходили съ рукъ такiя беззаконiя, за которыя другiе расплачивались жизнью. Самыя его дѣла внѣшней политики не отличаются безукоризненною честностью и прямотою. Сѣверная война никакъ не можетъ быть оправдана съ точки справедливости. Нельзя назвать честными уловки Петра передъ англiйскимъ королемъ

Георгомъ, когда онъ, вопреки явнымъ уликамъ, увѣрялъ его въ своей преданности и непричастности къ замысламъ претендента. До какой степени Петръ уважалъ права чужихъ сосѣднихъ націй, когда только не имѣлъ повода ихъ бояться, показываетъ его дикій поступокъ съ уніатскими монахами въ Полоцкѣ, поступокъ, за который, вѣроятно, онъ самъ казнилъ бы смертью всякаго изъ своихъ подданныхъ, осмѣлившагося сдѣлать такое самоуправство на чужой землѣ.

Всѣ темныя стороны характера Петра, конечно, легко извинять чертами вѣка; справедливо могутъ указать намъ, что подобныхъ сторонъ еще въ бóльшей степени найдется въ характерѣ другихъ современниковъ Петровыхъ. Несомнѣннымъ останется, что Петръ превосходилъ современныхъ ему земныхъ владыкъ обширностію ума и неутомимымъ трудолюбіемъ, но въ нравственномъ отношеніи не лучше былъ многихъ изъ нихъ; за то и общество, которое онъ хотѣлъ пересоздать, возникло не лучшимъ въ сравненіи съ тѣми обществами, которыми управляли прочіе Петровы современники. До Петра Россія погружена была въ невѣжество и, хвастаясь своимъ ханжескимъ обрядовымъ благочестіемъ, величала себя „новымъ Израилемъ“, а на самомъ дѣлѣ никакимъ „новымъ Израилемъ“ не была. Петръ посредствомъ своихъ деспотическихъ мѣръ создалъ изъ нея государство, грозное для чужеземцевъ войскомъ и флотомъ, сообщилъ высшему классу ея народа наружные признаки европейскаго просвѣщенія, но Россія послѣ Петра все-таки въ сущности не сдѣлалась „новымъ Израилемъ“, чего ей такъ хотѣлось до временъ Петра. Всѣ Петровы воспитанники, люди новой Россіи, пережившіе Петра, запутались въ собственныя козни, преслѣдуя свои личные эгоистическіе виды, погибли на плахахъ или въ ссылкахъ, а русскій общественный человѣкъ усвоивалъ въ своей совѣсти правило, что можно дѣлать все, чтò полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тѣмъ, что и другіе народы то же дѣлаютъ.

При всемъ этомъ Петръ, какъ историческій государственный дѣятель, сохранилъ для насъ въ своей личности такую высоко нравственную черту, которая невольно привлекаетъ къ нему сердце: эта черта—преданность той идеѣ, которой онъ всецѣло посвятилъ свою душу въ теченіи своей жизни. Онъ любилъ Россію, любилъ русскій народъ, любилъ его не въ смыслѣ массы современныхъ и подвластныхъ ему русскихъ людей, а въ смыслѣ того идеала, до какого желалъ довести этотъ народъ; и вотъ

эта-то любовь составляетъ въ немъ то высокое качество, которое побуждаетъ насъ, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя въ сторонѣ и его кровавыя расправы, и весь его деморализующій деспотизмъ, отразившійся зловреднымъ вліяніемъ и на потомствѣ. За любовь Петра къ идеалу русскаго народа, русскій человѣкъ будетъ любить Петра до тѣхъ поръ, пока самъ не утратитъ для себя народнаго идеала, и ради этой любви проститъ ему все, что тяжелымъ бременемъ легло на его памяти.

XVI.

ГЕТМАНЪ ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ МАЗЕПА.

Мазепа родомъ былъ шляхтичъ православной вѣры, изъ западной Малороссіи, и служилъ при польскомъ королѣ Іоаннѣ-Казимирѣ комнатнымъ дворяниномъ. Это было вѣроятно, послѣ того, какъ побѣды козаковъ заставили поляковъ нѣсколько времени уважать малорусскую народность и православную вѣру, и въ знакъ такого уваженія допустить въ число дворянъ королевскихъ (т.-е. придворныхъ), молодыхъ особъ шляхетскаго происхожденія изъ православныхъ русскихъ. Не очень вкусно было этимъ особамъ въ польскомъ обществѣ, при тогдашнемъ господствѣ католическаго фанатизма. Мазепа испыталъ это. Сверстники и товарищи его, придворные католической вѣры, издѣваясь надъ нимъ, додразнили его до того, что противъ одного изъ нихъ Мазепа въ горячности обнажилъ шпагу, а обнаженіе оружія въ королевскомъ дворцѣ считалось преступленіемъ, достойнымъ смерти. Но король Іоаннъ-Казимиръ разсудилъ, что Мазепа поступилъ неумышленно, и не сталъ казнить его, а только удалилъ отъ двора. Мазепа уѣхалъ въ имѣніе своей матери, на Волынь. Онъ былъ молодъ, красивъ, ловокъ и хорошо образованъ. Рядомъ съ имѣніемъ его матери жилъ въ своемъ имѣніи нѣкто панъ Фальбовскій, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ; у него была молодая жена. Познакомившись въ домѣ этого господина, Мазепа завелъ связь съ его женою. Слуги шепнули объ этомъ старому мужу. Одинъ разъ, выѣхавши изъ дома, панъ Фальбовскій увидѣлъ за собою ѣдущаго своего служителя, остановилъ его и узналъ, что служитель везетъ отъ своей госпожи къ Мазепѣ письмо, въ которомъ Фальбовская извѣщала Мазепу, что мужа нѣтъ дома, и приглашала пріѣхать къ ней. Фальбовскій велѣлъ служителю ѣхать съ этимъ письмомъ къ Мазепѣ, отдать письмо по назначенію, получить отвѣтъ и съ этимъ отвѣтомъ явиться къ нему на дорогѣ. Самъ Фальбовскій

расположился тутъ же ожидать возвращенія слуги. Черезъ нѣсколько времени возвратившійся слуга отдалъ господину отвѣтъ, писанный Мазепою къ Фальбовской, которую извѣщалъ, что ѣдетъ къ ней тотчасъ. Фальбовскій дождался Мазепы. Когда Мазепа поравнялся съ Фальбовскимъ, послѣдній бросился къ Мазепѣ, остановилъ его верховую лошадь и показалъ ему отвѣтъ къ своей женѣ. „Я въ первый разъ ѣду",—сказалъ Мазепа. Много-ли разъ", спросилъ Фальбовскій у своего слуги: „былъ этотъ панъ безъ меня?" Слуга отвѣчалъ: „сколько у меня волосъ на головѣ". Тогда Фальбовскій приказалъ раздѣть Мазепу до́-нага и въ такомъ видѣ привязать на его же лошади лицомъ къ хвосту, потомъ велѣлъ дать лошади нѣсколько ударовъ кнутомъ и нѣсколько разъ выстрѣлить у ней надъ ушами. Лошадь понеслась во всю прыть домой черезъ кустарники, и вѣтви сильно хлестали Мазепу по обнаженной спинѣ. Собственная прислуга насилу признала своего исцарапаннаго и окровавленнаго господина, когда лошадь донеслась во дворъ его матери. Послѣ этого приключенія, Мазепа ушелъ къ козакамъ, служилъ сначала у гетмана Тетери, а потомъ у Дорошенка. Мазепа, кромѣ польскаго и русскаго языковъ, зналъ по-нѣмецки и по-латыни, проходилъ прежде гдѣ-то въ польскомъ училищѣ курсъ ученія, и, будучи по своему времени достаточно образованъ, теперь могъ найти себѣ хорошую карьеру въ козачествѣ. Здѣсь онъ женился. При Дорошенкѣ Мазепа дослужился до важнаго званія генеральнаго писаря и въ 1674 году былъ отправленъ на козацкую раду въ Переяславъ, гдѣ передъ гетманомъ лѣвой стороны Украины Самойловичемъ предлагалъ отъ имени Дорошенка мировую и заявлялъ желаніе Дорошенка находиться въ подданствѣ у московскаго государя. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по окончаніи этого порученія, Дорошенко отправилъ Мазепу въ Константинополь къ султану просить помощи у Турціи, но кошевой атаманъ Иванъ Сирко поймалъ Мазепу на дорогѣ, отобралъ у него грамоты Дорошенка и самого посланца отослалъ въ Москву. Мазепу повели къ допросу въ малороссійскій приказъ, которымъ тогда завѣдывалъ знаменитый бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Мазепа, своимъ показаніемъ на допросѣ, съумѣлъ понравиться боярину Матвѣеву: представился лично расположеннымъ къ Россіи, старался оправдать и выгородить передъ московскимъ правительствомъ самого Дорошенка, былъ допущенъ къ государю Алексѣю Михайловичу и потомъ отпущенъ изъ Москвы съ призывными грамотами къ Дорошенку и къ чигиринскимъ козакамъ. Мазепа не поѣхалъ къ Дорошенку, а остался у гетмана Самойловича, получивши позволеніе жить

на восточной сторонѣ Днѣпра, вмѣстѣ съ своей семьей. Вскорѣ послѣ того онъ лишился жены.

Самойловичъ поручилъ Мазепѣ воспитаніе дѣтей своихъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ пожаловалъ его чиномъ генеральнаго асаула, важнѣйшимъ чиномъ послѣ гетманскаго.

Въ этомъ званіи, по порученію Самойловича, Мазепа ѣздилъ въ Москву еще нѣсколько разъ, и, смекнувши, что въ правленіе царевны Софьи вся власть находилась въ рукахъ ея любимца Голицына, поддѣлался къ временщику и расположилъ его къ себѣ. И передъ нимъ, какъ прежде передъ Матвѣевымъ, вѣроятно помогали Мазепѣ его воспитаніе, ловкость и любезность въ обращеніи. Голицынъ и Матвѣевъ оба принадлежали къ передовымъ московскимъ людямъ своего времени, и сочувствовали польско-малорусскимъ пріемамъ образованности, которыми отличался и блисталъ Мазепа. Когда, послѣ неудачнаго крымскаго похода, нужно было свалить вину на кого-нибудь, Голицынъ свалилъ ее на гетмана Самойловича: его лишили гетманства, сослали въ Сибирь съ толпою родныхъ и сторонниковъ, сыну его Григорію отрубили голову, а Мазепу избрали въ гетманы, главнымъ образомъ оттого, что такъ хотѣлось любившему его Голицыну. Обыкновенно обвиняютъ самого Мазепу въ томъ, что онъ копалъ яму подъ Самойловичемъ и готовилъ гибель человѣку, котораго долженъ былъ считать своимъ благодѣтелемъ. Мы не знаемъ степени участія Мазепы въ интригѣ, которая велась противъ гетмана Самойловича, должны довольствоваться только предположеніями, и потому не вправѣ произносить приговора по этому вопросу.

Уже давно въ Малороссіи происходила соціальная борьба между „значными" козаками и черныю: къ первымъ принадлежали зажиточные люди, имѣвшіе притязаніе на родовитость и отличіе отъ прочей массы народа; чернь составляли простые козаки, но къ послѣднимъ, по общимъ симпатіямъ, примыкала вся масса посполъства, т.-е. простого народа, не входившаго въ сословіе козаковъ, но стремившагося къ равенству съ козаками. Всѣ старшины, владѣя доходами съ имѣній, приписанныхъ въ Малороссіи къ должностямъ или чинамъ, были сравнительно богаты и необходимо считались въ классѣ значныхъ; тѣмъ болѣе причисляли себя къ значнымъ и держались ихъ интересовъ лица, которыя получили польское воспитаніе и облечены были, по своему рожденію или пожалованью, шляхетскимъ достоинствомъ. Гетманъ, проведшій молодость въ Польшѣ при дворѣ польскаго короля, былъ именно изъ такихъ. Онъ естественно долженъ былъ принести въ козацкое общество, куда

поступилъ, то польско-шляхетское направленіе, къ которому такъ враждебно относилась малорусская народная масса. Скоро выказалъ Мазепа свои панскія замашки и сталъ въ разрѣзъ съ народными стремленіями. Это тѣмъ болѣе было для него неизбѣжно, что, дѣйствуя въ польско-шляхетскомъ духѣ, онъ одинакимъ образомъ долженъ былъ поступать для того, чтобы заслужить расположеніе московскаго правительства и удержаться на пріобрѣтенномъ гетманствѣ. Черезъ нѣсколько времени (въ 1696 году), видѣвшіе близко состояніе Малороссіи сообщали въ Москву, что Мазепа окружилъ себя поляками, составилъ изъ нихъ, въ качествѣ своей гвардіи, особые компанейскіе сердюцкіе полки, что онъ мирволитъ старшинамъ, что онъ позволилъ старшинамъ обращать козаковъ къ себѣ въ подданство и отнимать у нихъ земли. Мазепа первый ввелъ въ Малороссіи панщину (барщину) или обязательную работу, въ прибавку къ дани, платимой земледѣльцами землевладѣльцамъ, у которыхъ на земляхъ проживали. Мазепа строго запрещалъ посполитымъ людямъ поступать въ число козаковъ, и этимъ столько же вооружалъ противъ себя малорусскую простонародную массу, сколько угождалъ видамъ московскаго правительства, которое не хотѣло, чтобы тяглые люди, принуждаемые правительствомъ къ платежу налоговъ и отправленію всякихъ повинностей, выбывали изъ своего званія и переходили въ козацкое сословіе, пользовавшееся, въ качествѣ военнаго, льготами и привилегіями. Какъ только установился Мазепа на гетманствѣ, тотчасъ приблизилъ къ себѣ свою родню. Съ нимъ было двое племянниковъ, сыновей мазепиныхъ сестеръ: Обидовскій и Войнаровскій. Мать Мазепы, инокиня Магдалина, сдѣлалась настоятельницею кіевскаго Фроловскаго монастыря. Московское правительство не только не поставило Мазепѣ въ вину его поступковъ, но, для бо́льшаго охраненія его личности отъ народа, послало къ нему полкъ стрѣльцовъ. „Гетманъ“, извѣщаетъ одинъ путешественникъ, посѣщавшій тогда Малороссію, „стрѣльцами крѣпокъ, безъ нихъ хохлы давно бы его уходили, да стрѣльцовъ боятся, отъ того онъ ихъ жалуетъ, безпрестанно кормитъ и безъ нихъ шагу не ступитъ“.

Разсчитывая на могущество Голицына, Мазепа всѣми способами старался угождать ему до тѣхъ поръ, пока Петръ въ 1689 году не раздѣлался съ правленіемъ Софьи и не отправилъ Голицына въ ссылку. Мазепа, во время случившагося въ Москвѣ переворота, пріѣхалъ случайно въ столицу, разумѣется, съ намѣреніемъ кланяться временщику, но, увидавши, что власть перемѣнилась, постарался скорѣе разорвать связь съ прежнимъ правительствомъ

и примкнуть къ новому. Это ему удалось. Мазепа сталъ просить у правительства того, чего именно русское правительство и домогалось въ Малороссіи, напримѣръ, прибавки ратныхъ людей, переписи козаковъ и стѣснительныхъ мѣръ противъ народнаго буйства. И къ Петру лично съумѣлъ поддѣлаться Мазепа. Молодой царь полюбилъ его, и съ тѣхъ поръ считалъ его искренно преданнымъ своимъ слугою.

Во все двадцатилѣтнее время гетманства Мазепы въ Малороссіи проявлялась ненависть къ нему подчиненныхъ, выражаясь то тѣми, то другими попытками лишить его гетманства. Чѣмъ долѣе держалъ Мазепа гетманскую булаву, тѣмъ болѣе привыкалъ малорусскій народъ считать его человѣкомъ польскаго духа, врагомъ закоренѣлыхъ козацкихъ стремленій къ равенству и ко всеобщей свободѣ; нелюбовь къ Мазепѣ стала прежде всего выражаться, по малорусскимъ привычкамъ, доносами и кознями. Въ концѣ 1689 года явился въ Польшу къ королю Яну Собѣскому русскій монахъ Соломонъ съ письмомъ отъ Мазепы, въ которомъ малороссійскій гетманъ изъявлялъ польскому королю желаніе присоединить Малороссію снова къ Польшѣ и побуждалъ къ открытію вражды противъ Россіи. Вслѣдъ затѣмъ, изъ Запорожья пріѣхали къ тому же королю посланцы съ предложеніемъ принять Запорожье въ подданство Польшѣ. Благодаря одному православному придворному, жившему во дворцѣ короля, о томъ и о другомъ узналъ московскій резидентъ, жившій въ Варшавѣ, Волковъ, а отъ Волкова узнали объ этомъ и въ Москвѣ. Король послалъ Соломона въ Украину, къ гетману, безъ всякаго письма, съ словеснымъ обнадеживаніемъ своей милости, а между тѣмъ далъ тайное порученіе львовскому православному епископу Іосифу Шумлянскому войти въ сношеніе съ Мазепою. Шумлянскій отправилъ къ Мазепѣ шляхтича Домарацкаго съ письмомъ и просилъ чрезъ посланнаго объявить, на какихъ условіяхъ желаетъ гетманъ Малороссіи вступить въ подданство польской державѣ. Мазепа, получивши письмо Шумлянскаго, отправилъ это письмо и привезшаго его шляхтича въ Москву; Соломонъ же узналъ объ этомъ заранѣе и не рѣшился уже являться къ гетману, а воротился въ Варшаву, но чтобы, какъ говорится, не ударить передъ поляками лицомъ въ грязь, напялъ на дорогѣ въ корчмѣ какого-то студента и подговорилъ написать ему фальшивое письмо отъ имени Мазепы. Переписанное на-бѣло, это письмо Соломонъ подписалъ самъ, поддѣлываясь подъ почеркъ Мазепы, и поѣхалъ въ Варшаву, но черновые отпуски письма позабылъ взять у студента. Случилось, что прежде чѣмъ Соломонъ доѣхалъ до Варшавы, студентъ, раску-

тившись въ корчмѣ на полученные отъ Соломона два талера за свое искусство, открылъ тайну случившейся тамъ пьяной компаніи, а затѣмъ былъ арестованъ и приведенъ къ королю. Студентъ во всемъ сознался и представилъ остававшіеся у него черновые отпуски сочиненнаго отъ имени Мазепы письма. Когда Соломонъ, явившись къ королю, подалъ ему письмо отъ гетмана Мазепы, король, зная уже все, велѣлъ позвать студента и уличить Соломона въ обманѣ. Черновые отпуски были на лицо; запираться было невозможно. Соломонъ во всемъ сознался и былъ посаженъ въ тюрьму, а потомъ, по требованію русскаго резидента, выданъ московскому правительству. Въ 1691 году его привезли въ Москву, разстригли и подъ прежнимъ его мірскимъ именемъ Семена Дротскаго, отправили къ гетману въ Батуринъ. Тамъ его казнили смертью. По всему видно, этотъ Соломонъ былъ орудіемъ тайной партіи, хотѣвшей навести подозрѣніе на Мазепу въ Москвѣ и подготовить ему гибель.

Но еще когда московское правительство не имѣло въ своихъ рукахъ Соломона, и требовало его выдачи, въ Кіевѣ подкинуто было анонимное письмо, которымъ остерегали русское правительство „отъ злого и прелестнаго Мазепы". Кіевскій воевода отправилъ письмо это въ Москву, а изъ Москвы оно послано было прямо въ руки Мазепы съ тѣмъ, чтобы гетманъ сообщилъ: не можетъ ли, по своимъ соображеніямъ догадаться, кто бы могъ составить это письмо? Мазепа указалъ, какъ на главныхъ своихъ враговъ, на бывшаго гадячскаго полковника Самойловича, на зятя гетмана Самойловича князя Юрія Четвертинскаго, на бывшаго переяславскаго полковника Дмитрашку Райча и на тогдашняго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка. По домогательству гетмана, отставленнаго гадячскаго полковника вывезли изъ его имѣнія, находившагося въ лебединскомъ уѣздѣ, привезли въ Москву, а потомъ сослали въ Сибирь; туда же сосланъ былъ и Райча; Юрія Четвертинскаго съ женою и тещею переселили въ Москву; Леонтій Полуботокъ лишился должности полковника.

Въ Малороссіи явился послѣ того новый, болѣе дѣятельный врагъ Мазепы и всей панской партіи. Это былъ канцеляристъ Петрикъ, женатый на племянницѣ генеральнаго писаря Василія Кочубея, человѣкъ предпріимчивый, горячій и дѣятельный, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Въ 1691 году онъ убѣжалъ въ Сѣчь съ важными бумагами, украденными изъ войсковой канцеляріи и вооружалъ сѣчевыхъ козаковъ разомъ и противъ гетмана, и противъ московской власти. Въ слѣдующемъ 1692 году онъ ушелъ въ Крымъ, и писалъ оттуда въ Запорожье, что на-

мѣренъ, по примѣру Хмельницкаго, привести крымцевъ въ Украину, поднять весь малорусскій народъ и истреблять жидовъ-арендаторовъ, всѣхъ пановъ и богатыхъ людей. Вѣсть о такомъ замыслѣ, проникая въ Украину, тотчасъ нашла себѣ сочувствіе; удальцы пустились къ Петрику, кто полемъ, а кто водою. Мазепа отправилъ въ Запорожье козака Горбаченка съ подарками къ тогдашнему кошевому Гусаку—убѣждать его, чтобъ онъ не допускалъ запорожцевъ приставать къ Петрику; между тѣмъ волненіе готово было открыться не въ Запорожьѣ, а между городовымъ козачествомъ въ малороссійскихъ полкахъ. „Мы думали", говорили тогда малороссіяне, „что послѣ Богдана Хмельницкаго, народъ христіанскій не будетъ уже въ подданствѣ; видимъ, что напротивъ теперь бѣднымъ людямъ хуже стало, чѣмъ при ляхахъ было. Прежде подданныхъ держала у себя только старшина, а теперь и такіе, у которыхъ отцы не держали подданныхъ, а ѣли свой трудовой хлѣбъ, принуждаютъ людей возить себѣ сѣно и дрова, топить печи да чистить конюшни; москали же нашихъ людей бьютъ, крадутъ малыхъ дѣтей и увозятъ въ Москву". Болѣе всего казались несносными для народа „оранды"—продажа вина, отданная въ руки жидамъ, съ платежомъ за то въ войсковую казну. Горбаченко досталъ въ Сѣчи и потомъ, по гетманскому приказанію, привезъ въ Москву договоръ, заключенный Петрикомъ съ крымскимъ ханомъ. Изъ этого договора видна была у Петрика мысль освободить отъ чужеземцевъ Украину обѣихъ сторонъ Днѣпра, (называемую имъ княжествомъ кіевскимъ и черниговскимъ), и образовать изъ нея одно государство, подъ именемъ княжества малороссійскаго. Предоставлялось обывателямъ установить у себя такое правленіе, какое окажется имъ сроднымъ. Въ своемъ универсалѣ, обращенномъ, главнымъ образомъ къ сѣчевымъ козакамъ, Петрикъ вспоминалъ варварства, причиненныя нѣкогда малороссійскому народу поляками: „не сажали ли они братій нашихъ на колья, не топили ли въ прорубяхъ, не обливали ли водою на морозѣ, не принуждали ли козацкихъ женъ варить въ кипяткѣ своихъ дѣтей?" Но упрекая въ такихъ жестокостяхъ однихъ сосѣдей Малороссіи, владѣвшихъ краемъ прежде, не лучше относился Петрикъ къ другимъ сосѣдямъ: „ненавистные монархи, среди которыхъ мы живемъ", писалъ онъ, „какъ львы лютые, пасти свои разинувъ, хотятъ насъ поглотить, т.-е. учинить своими невольниками". Онъ указывалъ, что малороссійскій народъ, отдавая непріятелю на сожженіе свои города и села, защищаетъ собою Московское Государство какъ стѣною, а Москва, въ благодарность за то, хочетъ взять всѣхъ малоруссовъ въ вѣч-

ную неволю: „позволили нынѣшнему гетману раздавать старшинамъ маетности, старшины позаписывали себѣ и дѣтямъ своимъ въ вѣчное владѣніе нашу братью и только-что въ плуги ихъ не запрягаютъ, а ужъ какъ хотятъ, такъ и ворочаютъ ими, точно невольниками своими: Москва для того нашимъ старшинамъ это позволила, чтобъ наши люди такимъ тяжкимъ подданствомъ оплошились и замысламъ ихъ не противились. Когда наши люди отъ такихъ тяжестей замужичаютъ, тогда Москва берега Днѣпра и Самары осадитъ своими людьми". Очевидно, Петрикъ хотѣлъ повторить почти буквально исторію Богдана Хмельницкаго. Но событія буквально не повторяются. Хмельницкому дѣйствительно удалось начать свое дѣло съ Запорожья, а потомъ перенести его въ страну городовыхъ козаковъ. Петрику же это ни мало не удалось, хотя Петрикъ пошелъ-было по тому же пути. Запорожцы къ нему не пристали, кромѣ толпы отчаянныхъ головорѣзовъ. Въ украинскихъ селахъ заволновался было простой народъ, посполитая чернь. „Пусть только придетъ Петрикъ съ запорожцами", говорили мужики: „мы всѣ къ нему пристанемъ. перебьемъ и старшинъ, и всѣхъ жидовъ-арендаторовъ, и всѣхъ своихъ пановъ, чтобъ не было пановъ въ Украинѣ, а чтобы всѣ были козаками". Такъ, быть можетъ, и сталось бы, если бы съ Петрикомъ явилась, какъ съ Хмельницкимъ, порядочная запорожская военная сила. Но Петрикъ, не склонивши запорожцевъ, вступилъ въ Украину съ одними только татарами, да и тѣ помогали ему не слишкомъ охотно. Когда Петрикъ прибылъ къ пограничнымъ украинскимъ городамъ по рѣкѣ Орели, бывшіе съ нимъ татары услыхали, что гетманъ собираетъ полки и идетъ противъ нихъ; они оставили Петрика и ушли; за ними послѣдовалъ и Петрикъ въ Крымъ; а Мазепа, такъ дешево отдѣлавшись отъ угрожавшей бури, получилъ изъ Москвы благодарность и богатую соболью шубу, стоившую 800 рублей. Петрикъ продолжалъ еще нѣсколько времени безпокоить Мазепу своими возмутительными универсалами къ малорусскому народу, указывая между прочимъ на оранды, какъ на важнѣйшую тягость для народа. Мазепа, соображая это, собралъ въ Батуринѣ раду, пригласилъ на нее, кромѣ полковниковъ, множество козаковъ и мѣщанъ, и спрашивалъ: можно ли уничтожить оранды. Послѣ многихъ споровъ, рада порѣшила, въ видѣ опыта, на одинъ годъ упразднить оранды и замѣнить доходъ отъ нихъ сборомъ съ тѣхъ людей, которые, на основаніи всѣмъ равно предоставленнаго права, станутъ курить вино и содержать шинки.

Весною 1694 года съѣхались вновь на раду полковые старшины и знатные козацкіе товарищи; они приговорили собрать по городамъ и селамъ сходки и на нихъ предложить всему народу вопросъ: быть ли орандамъ или не быть? Такой всеобщій народный совѣтъ былъ повсемѣстно устроенъ, и народъ приговорилъ: ради доходовъ, оставить оранды по прежнему, потому что въ послѣднее время, когда оранды были упразднены и деньги собирались съ винокурень и шинковъ, происходили большіе споры. а въ войсковой казнѣ оказался противъ прежняго большой недоборъ.

Петрикъ былъ не страшенъ Мазепѣ; Петрикъ болѣе похвалялся и болѣе собирался дѣлать, чѣмъ дѣлалъ; былъ у гетмана еще одинъ противникъ, самый дѣятельный и популярный, врагъ всѣхъ, связанныхъ панскимъ духомъ съ мазепинымъ гетманствомъ. Это былъ предводитель козаковъ на правой сторонѣ Днѣпра, Семенъ Палій, носившій званіе хвастовскаго полковника.

Козачество на правой сторонѣ Днѣпра разложилось и уничтожилось послѣ перевода жителей на лѣвый берегъ, совершеннаго по приказанію московскаго правительства вслѣдъ за паденіемъ Дорошенка. Правобережная Украина осталась пустою и такою должна была оставаться по мирному договору, заключенному между Польшею и Россіею. Но при королѣ Янѣ Собѣскомъ возникла у самихъ поляковъ мысль возстановить козачество, съ тою же цѣлію, съ какою оно первоначально когда-то возникло: для защиты предѣловъ Рѣчи-Посполитой отъ турокъ. Король, вступивши въ войну съ Турціею, началъ разсылать офицеровъ съ порученіями набирать всякаго рода бродячую вольницу и организовать изъ нихъ козаковъ. Янъ Собѣскій въ 1683 году назначилъ для возобновляемыхъ козаковъ и гетмана, шляхтича Куницкаго. У этого Куницкаго оказалось козацкаго войска уже до восьми тысячъ. Въ началѣ 1684 года козацкая вольница казнила своего предводителя и выбрала другого—Могилу, но тогда значительная часть козаковъ съ праваго берега Днѣпра отошла на лѣвый берегъ подъ власть Самойловича, и Могила принялъ подъ свою гетманскую власть не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1685 году, король, пріобрѣвшій большую популярность своею вѣнскою побѣдою надъ турками, убѣдилъ польскій сеймъ признать законнымъ образомъ возстановленіе козацкаго сословія. Но едва только новый законъ состоялся, какъ въ Полѣсьѣ и на Волыни онъ произвелъ суматоху и безпорядокъ. Одни шляхтичи и паны набирали людей въ козаки, другіе жаловались и кричали, что новые

козаки производятъ буйства и разоренія въ панскихъ имѣніяхъ. Въ 1686 году Могилы уже не было, за то вмѣсто него появилась цѣлая толпа всякихъ начальниковъ отрядовъ, съ названіями полковниковъ. Между ними были люди и изъ шляхетства, и изъ простого народа: въ числѣ послѣднихъ былъ бѣлоцерковскій полковникъ Семенъ Ивановичъ Палій, уроженецъ города Борзны съ лѣвой стороны Днѣпра. Сначала онъ убѣжалъ изъ своей родины въ Запорожье, а потомъ, съ толпою удальцовъ, пришелъ изъ Запорожья въ правобережную Украину, уступленную Россіею полякамъ. Мѣстопребываніемъ своимъ Палій сдѣлалъ мѣстечко Хвастовъ. Немногочисленное тогдашнее населеніе правобережной Украины, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ приходившихъ съ лѣваго берега Днѣпра, сильно было проникнуто козацкимъ духомъ, хотѣло всеобщей козацкой вольности, ненавидѣло поляковъ и жидовъ; Палій, болѣе всякаго другого, сочувствовалъ этому направленію и потому пріобрѣлъ къ себѣ любовь народа. Его задушевная мысль была освободить правобережную Украину отъ Польши и соединить ее съ остальнымъ малороссійскимъ краемъ, находившимся подъ властью Россіи. Съ этой цѣлію Палій нѣсколько разъ черезъ посредство Мазепы обращался къ царю и просилъ принять его въ подданство. Московское правительство не хотѣло заводить ссоры съ Польшею и потому не стало потакать видамъ Палія. Оно предложило Палію сначала уйти на Запорожье, какъ въ край, не принадлежавшій ни Россіи, ни Польшѣ, и оттуда уже, по своему желанію, придти въ русскія владѣнія на жительство; но Палію не того хотѣлось: не самъ онъ лично желалъ служить московскому царю, а хотѣлъ онъ отдать подъ власть царя весь тотъ край, который прежде былъ отданъ Россіи Хмельницкимъ. Поляки какимъ-то образомъ успѣли схватить Палія и посадить подъ стражу въ Немировѣ. Но Палій скоро освободился и прибылъ въ свой Хвастовъ; тутъ онъ увидалъ, что во время его заключенія въ Немировѣ кіевскій католическій епископъ, ссылаясь на давнюю принадлежность Хвастова сану католическаго епископа, овладѣлъ этимъ мѣстечкомъ и навелъ туда своихъ ксендзовъ. Палій перебилъ всѣхъ этихъ ксендзовъ, и съ тѣхъ поръ сталъ въ непримиримо-враждебныя отношенія къ полякамъ. Хвастовъ сдѣлался гнѣздомъ бѣглецовъ, затѣвавшихъ возстаніе по всей южной Руси противъ польскихъ владѣльцевъ, пристанищемъ всѣхъ бездомныхъ, бѣдныхъ и вмѣстѣ безпокойныхъ; такихъ собиралъ около себя Палій съ 1701 года и поджигалъ ихъ противъ поляковъ. Между тѣмъ надъ право-

бережными козаками продолжали существовать гетманы, утверждаемые властью короля. Въ первыхъ годахъ XVIII в. былъ такимъ гетманомъ Самусь; онъ былъ другъ Палія и со всѣми своими козаками сталъ во враждебное отношеніе къ полякамъ. Они объявили крестьянамъ вѣчную свободу отъ пановъ; всѣ крестьяне призывались къ оружію. Началась снова въ Украинѣ отчаянная борьба господъ съ ихъ подданными. Шляхта составила ополченіе и потерпѣла пораженіе. 16 октября 1702 года козаки овладѣли Бердичевымъ и произвели тамъ кровопролитіе надъ польскими солдатами, шляхтою и евреями: начальники ополченія бѣжали. Послѣ этого событія народное возстаніе распространилось на Волыни и Подоли. На Волыни оно было скоро укрощено дѣятельностью волынскаго кастелляна Ледоховскаго, но на Подоли оно не могло такъ скоро и легко улечься, — тамъ предводительствовалъ возставшимъ народомъ самъ гетманъ Самусь. Онъ взялъ крѣпость Немировъ. Козаки перебили мучительски тамъ всѣхъ шляхтичей и евреевъ. Палій въ это же время овладѣлъ Бѣлою-Церковью. Возстаніе по берегамъ Буга и Днѣстра росло на страхъ полякамъ. Сожигались усадьбы владѣльцевъ, истреблялось ихъ достояніе: гдѣ только могли встрѣтить поляка или іудея—тотчасъ мучили до смерти; мѣщане и крестьяне составляли шайки, называя себя козаками, а своихъ атамановъ—полковниками. Поляки и іудеи спасались бѣгствомъ толпами; нашлись и такіе шляхтичи, что приставали къ козакамъ и вмѣстѣ съ ними дѣлались врагами своей же братьи. Польша была тогда занята войной со Швеціей; трудно ей было сосредоточить свои силы для прекращенія безпорядковъ. Поляки стали просить царя Петра содѣйствовать къ усмиренію малоруссовъ, и Петръ приказалъ послать отъ себя увѣщательныя грамоты Самусю и Палію. Грамоты эти не оказали вліянія: Самусь и Палій указывали русскому правительству, что не козаки, а поляки подали первые поводъ къ безпорядкамъ, потому что польскіе паны дѣлаютъ несносныя притѣсненія своимъ русскимъ подданнымъ. Тогдашній великій коронный гетманъ Іеронимъ Любомирскій началъ совѣтовать панамъ прибѣгнуть къ мирнымъ средствамъ и составить коммиссію, которая бы выслушала жалобы козаковъ, и то, что въ этихъ жалобахъ найдется справедливымъ, получило бы удовлетвореніе. Но многіе другіе паны хотѣли, напротивъ, крутыхъ мѣръ къ подавленію народнаго мятежа: они совѣтовали, за неимѣніемъ готовыхъ польскихъ силъ, прибѣгнуть къ помощи крымскаго хана. На самого Любомирскаго брошено было подозрѣніе въ измѣнѣ за его миролюбивые совѣты. Дѣло кончилось тѣмъ, что началь-

никомъ ополченія, которое должно было усмирить народное волненіе, назначенъ былъ, вмѣсто Любомирскаго, постоянно интриговавшій противъ него польный гетманъ Синявскій. Этотъ предводитель собралъ дворовые отряды разныхъ пановъ и присоединилъ ихъ къ польскому войску, которое вообще было у него тогда невелико. Козаки, надѣлавши зла панамъ и іудеямъ въ продолженіи лѣта 1702 года, разошлись на зиму по домамъ и не могли скоро сплотиться: разрозненные ихъ отряды были разсѣяны безъ труда; Самусь былъ разбитъ въ Немировѣ, потерялъ эту крѣпость и убѣжалъ. Товарищъ Самуся, полковникъ Абазинъ, упорно отбивался отъ поляковъ въ Ладыжинѣ, но былъ взятъ и посаженъ на колъ. Вся Подоль была скоро укрощена; всѣхъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ, сажали на колъ; всѣ городки и села, гдѣ только поляки встрѣчали сопротивленіе, сожигались до тла; жителей перерѣзывали поголовно. Это навело такой страхъ на остальныхъ русскихъ подолянъ, что они стали уходить изъ своей родины: кто бѣжалъ въ Молдавію, а кто къ Палію, въ Украину. Начался потомъ судъ господъ надъ непокорными подданными; участвовавшихъ въ возстаніи оказалось до двѣнадцати тысячъ, но число такихъ, на которыхъ могло падать подозрѣніе въ участіи, было впятеро или вшестеро больше. По предложенію Іосифа Потоцкаго, кіевскаго воеводы, всякому изъ такихъ подозрительныхъ отрѣзывали ухо. Нѣкоторые паны, пользуясь своимъ правомъ судить подданныхъ, сами казнили ихъ, но были и такіе господа, которые сами защищали своихъ крестьянъ передъ судомъ правительства, не допускали до расправы и говорили въ извиненіе своихъ крестьянъ, что они были увлечены въ мятежъ посредствомъ обмана другими крестьянами: народонаселеніе въ южно-русскомъ краѣ, подвластномъ Польшѣ, было тогда невелико и потому-то землевладѣльцы дорожили рабочею силою. Самъ Синявскій, совершивши нѣсколько казней, оповѣстилъ амнистію всѣмъ, которые, по его приглашенію, возвратятся въ свои жительства и попрежнему начнутъ повиноваться законнымъ панамъ своимъ. Окончивши усмиреніе народа на Подоли, Синявскій со своимъ войскомъ отошелъ въ Польшу, но духъ возстанія не былъ сразу совершенно погашенъ; Самусь держался еще въ Богуславѣ, хотя былъ уже для поляковъ мало опасенъ, потому что неудачными своими дѣйствіями и печальнымъ исходомъ своей борьбы съ поляками потерялъ популярность въ народѣ; за то Палій, укрѣпившійся въ Бѣлой-Церкви и владѣвшій, сверхъ того, всѣмъ кіевскимъ Полѣсьемъ (сѣверною частью нынѣшней кіевской губерніи), сталъ теперь настоящимъ

предводителемъ народа. И поляки, и русскій государь черезъ Мазепу обратились къ нему и требовали отъ него сдачи Бѣлой-Церкви полякамъ; Палій отговаривался подъ разными предлогами, а между тѣмъ продолжалъ докучать Россіи просьбами принять его въ подданство. Самъ Мазепа подавалъ царю совѣтъ принять Палія. Но Петръ не хотѣлъ ссориться съ Польшею, нуждаясь въ содѣйствіи Августа противъ шведовъ, и продолжалъ требовать, чтобы Палій сдалъ Бѣлую-Церковь полякамъ. Палій упрямился.

Тогда Мазепа, по царскому приказанію, выступилъ на правую сторону Днѣпра, какъ бы слѣдуя противъ шведовъ и началъ звать къ себѣ козацкихъ начальниковъ. Явился къ нему Самусь и положилъ передъ нимъ свои гетманскіе знаки. Явился и Палій, надѣявшійся, что теперь, наконецъ-то, русскій царь приметъ его въ подданство и исполнится давнее его желаніе. Мазепа задержалъ Палія въ своемъ лагерѣ, повидимому, дружелюбно, а между тѣмъ сносился съ Головинымъ и спрашивалъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать съ Паліемъ, который, какъ доносилъ Мазепа, пребывая въ гетманскомъ лагерѣ, постоянно пьянствовалъ. Головинъ приказалъ предложить Палію ѣхать въ Москву, а если онъ откажется, то узнать—не расположенъ ли онъ къ врагамъ Россіи и, въ случаѣ уликъ въ такомъ расположеніи, арестовать его. Обличители Палія тотчасъ нашлись: какой-то хвастовскій іудей показалъ, что Палій сносился съ гетманомъ Любомирскимъ, принявшимъ тогда сторону Карла XII, и Любомирскій обѣщалъ Палію прислать денегъ отъ шведскаго короля. Показанія арендатора-еврея подтвердилъ священникъ Грицъ Карасевичъ. Мазепа, простоявши нѣсколько дней лагеремъ въ мѣстечкѣ Паволочи, въ концѣ іюля 1704 года перешелъ въ Бердичевъ и тамъ, пригласивши къ себѣ Палія, напоилъ его до-пьяна, потомъ приказалъ заковать и отправить въ Батуринъ, гдѣ караульные сдали Палія, вмѣстѣ съ его пасынкомъ, русскимъ властямъ. По царскому приказанію его отправили на вѣчную ссылку въ Енисейскъ.

Такъ, въ согласіи съ русскимъ правительствомъ расправлялся Мазепа съ народными элементами въ южной Руси, враждебными польско-шляхетскому направленію. Русскій государь все болѣе и болѣе благоволилъ къ Мазепѣ и считалъ его единственнымъ изъ всѣхъ бывшихъ малороссійскихъ гетмановъ, на котораго смѣло могло положиться русское правительство. Во время взятія Азова, Мазепа охранялъ у Коломака русскія границы отъ татаръ, а пятнадцать тысячъ его козаковъ, подъ начальствомъ черниговскаго полковника Лизогуба, отличались подъ Азовомъ. За это болѣе всѣхъ награжденъ былъ царемъ самъ Мазепа. Еще въ

1696 году, послѣ взятія Азова, царь видѣлся съ нимъ въ полковомъ городѣ слободскихъ полковъ Острогожскѣ и получилъ отъ него въ подарокъ турецкую саблю съ драгоцѣнною оправою и щитъ на золотой цѣпи, а гетмана отдарилъ шелковыми матеріями и собольими мѣхами. Въ 1700 году государь сдѣлалъ Мазепу кавалеромъ учрежденнаго ордена Андрея Первозваннаго. Въ 1703 году Петръ подарилъ ему Крупицкую волость въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Въ шведской войнѣ участвовали козаки безъ Мазепы, подъ предводительствомъ другихъ начальниковъ, а царскую признательность за ихъ подвиги получалъ малороссійскій гетманъ. Стараясь болѣе поддѣлаться въ милость къ государю, Мазепа, въ своихъ донесеніяхъ, то и дѣло жаловался на безпокойный духъ подчиненныхъ себѣ малоруссовъ, особенно бранилъ запорожцевъ. Въ одномъ только расходился гетманъ съ царемъ: гетманъ постоянно считалъ возможнымъ и полезнымъ возвратить въ подданство Россіи, уступленную Польшѣ, правобережную Малороссію; Петръ не поддавался такимъ совѣтамъ, не желалъ ссориться съ Польшею, но не сердился и на Мазепу за его совѣты, будучи увѣренъ, что гетманъ даетъ ихъ отъ преданности русскимъ интересамъ. Въ 1705 и 1706 годахъ Мазепа ходилъ съ войскомъ въ польскіе предѣлы, не сдѣлалъ тамъ ничего важнаго, но имѣлъ еще случай расположить къ себѣ царя, предложивши ему въ даръ 1,000 лошадей, именно въ то время, когда Петръ нуждался въ нихъ для войска. Въ 1707 году царь велѣлъ Мазепѣ возвратиться изъ Польши.

Трудно было кому-нибудь вооружать царя противъ любимаго гетмана. По укоренившейся у малоруссовъ охотѣ къ доносамъ, много было желавшихъ подготовить Мазепѣ путь Многогрѣшнаго и Самойловича. Но изъ боязни за собственную голову, мало находилось охотниковъ сунуться съ доносомъ къ царю, который такъ вѣрилъ гетману. Въ 1699 г. вздумалъ-было бунчуковый товарищъ Данило Забѣла, опираясь на покровительство боярина Бориса Петровича Шереметева, явиться въ Москву обвинять Мазепу въ тайныхъ сношеніяхъ съ ханомъ; дѣло кончилось тѣмъ, что доносителя самого отправили въ Батуринъ къ Мазепѣ: тамъ Забѣла преданъ былъ генеральному суду и подъ пыткой показалъ, что говорилъ о гетманской измѣнѣ въ пьяномъ видѣ безъ разума и памяти. Его приговорили къ смертной казни, но Мазепа даровалъ ему жизнь, замѣнивши смертную казнь тяжелымъ пожизненнымъ заключеніемъ. Въ 1705 году Мазепа имѣлъ случай показать Петру несомнѣнный доводъ своей вѣрности. Избранный Карломъ XII въ польскіе короли, Станиславъ Лещинскій попы-

тался-было отправить къ Мазенѣ какого-то Вольскаго съ подущеніями—склонить гетмана на свою сторону. Но Мазепа прислалъ письмо Станислава къ царю, и жаловался, что враги оскорбляютъ его, считая способнымъ къ измѣнѣ своему государю. Послѣ этого событія еще труднѣе было кому-нибудь отважиться на доносъ, пока въ 1707 году нашелся новый доноситель на Мазепу: то былъ одинъ изъ членовъ генеральной старшины, генеральный судья Василій Леонтьевичъ Кочубей.

Между гетманомъ и Кочубеемъ существовала семейная вражда. У Кочубея было двѣ дочери: одна—Анна, вышедшая за мазепина племянника Обидовскаго и скоро овдовѣвшая, другая—Матрена, мазепина крестница. Мазепа, будучи вдовцомъ, вздумалъ сдѣлать предложеніе Матренѣ. Родители воспротивились такому браку, который ни въ какомъ случаѣ не могъ быть дозволительнымъ по церковнымъ правиламъ. Мать Матрены, женщина гордая и вздорная, начала послѣ того обращаться сурово со своею дочерью и довела ее до того, что ей не стало терпѣнія жить въ родительскомъ домѣ, находившемся въ Батуринѣ, гдѣ ея отецъ долженъ былъ постоянно проживать по званію генеральнаго судьи. Матрена убѣжала къ гетману. Мазепа, не желая срамить дѣвушку, отослалъ ее обратно къ родителямъ, хотя писалъ ей потомъ: „никого еще на свѣтѣ я такъ не любилъ, какъ васъ, и для меня было бы счастье и радость, еслибъ вы пріѣхали и жили бы у меня, но я сообразилъ, какой конецъ изъ того можетъ выйти, особенно при такой злобѣ и ехидствѣ вашихъ родныхъ: пришло бы отъ церкви неблагословеніе, чтобъ вмѣстѣ не жить, и гдѣ бы я тогда васъ дѣлъ. Мнѣ васъ было жаль, чтобъ вы потомъ на меня не плакали“. Но положеніе возвращенной въ родительскій домъ Матрены стало еще хуже: мать мучила ее жестокимъ обращеніемъ; отецъ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ жены, поступалъ во всемъ такъ, какъ она хотѣла. Родители Матрены жаловались въ кругу своихъ знакомыхъ, что гетманъ обольстилъ ихъ дочь и обезславилъ ихъ семью. Матрена тайно переписывалась съ Мазепою, жаловалась на мать, называя ее мучительницею. Мазепа утѣшалъ ее, увѣрялъ въ своей любви, но совѣтовалъ ей въ крайнемъ случаѣ итти въ монастырь. Кочубей писалъ къ Мазепѣ упреки, а Мазепа отвѣчалъ ему: „ты упоминаешь о какомъ-то блудѣ; я не знаю и не понимаю ничего; самъ ты видно блудишь, слушаясь своей гордой, болтливой жены, которую, какъ вижу, не умѣешь сдерживать. Справедлива народная пословица: гдѣ всѣмъ правитъ хвостъ, тамъ навѣрно голова блудитъ. Жена твоя, а не кто другой причиною твоей

домашней печали. Святая Варвара убѣгала отъ своего отца, да и не въ гетманскій домъ, а къ пастухамъ въ каменныя расщелины".

По наущенію жены своей, Кочубей искалъ возможности тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлать гетману зло и пришелъ къ мысли: составить доносъ и обвинить гетмана въ измѣнѣ. Сначала посредникомъ для представленія доноса выбранъ былъ какой-то великорусскій монахъ изъ Сѣвска, шатавшійся за милостынею по Малороссіи. Онъ былъ принятъ у Кочубея въ Батуринѣ, накормленъ, одаренъ, и выслушалъ отъ Кочубея и отъ его жены жалобный разсказъ о томъ, какъ гетманъ, зазвавши къ себѣ въ гости дочь Кочубея, свою крестницу, изнасиловалъ ее. Когда этотъ монахъ посѣтилъ Кочубеевъ въ другой разъ, супруги сперва заставили монаха цѣловать крестъ въ томъ, что будетъ хранить втайнѣ то, что услышитъ отъ нихъ, потомъ Кочубей сказалъ: „гетманъ хочетъ отложиться отъ Москвы и пристать къ ляхамъ; ступай въ Москву и донеси объ этомъ боярину Мусину-Пушкину". Монахъ исполнилъ порученіе. Монаха допросили въ Преображенскомъ приказѣ, но никакого дѣла объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана не начинали. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кочубеи, видя, что попытка не удалась, стали искать другихъ путей: они согласились съ бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою, свякомъ Кочубея. Не рѣшаясь самъ начинать дѣло, Искра услужилъ Кочубею только тѣмъ, что отправилъ полтавскаго попа Спасской церкви, Ивана Святайла, къ своему пріятелю, ахтырскому полковнику Ѳедору Осипову, просить у него свиданія по важному государеву дѣлу. Ахтырскій полковникъ съѣхался съ Искрою въ своей пасѣкѣ. „Я слышалъ отъ Кочубея— сказалъ ему Искра—что Мазепа, соединившись съ Лещинскимъ, намѣренъ измѣнить царю и даже злоумышлялъ на жизнь государя, думая, что государь пріѣдетъ къ нему въ Батуринъ".

Ахтырскій полковникъ извѣстилъ о слышанномъ кіевскаго воеводу, и въ то же время отправилъ въ Москву отъ себя письма о предполагаемой измѣнѣ гетмана, между прочимъ письмо къ царевичу Алексѣю. Царь узналъ обо всемъ 10 марта 1708 года, и въ собственноручномъ письмѣ къ Мазепѣ обо всемъ извѣстилъ гетмана, самъ увѣрялъ, что ничему не вѣритъ, считаетъ все слышанное произведеніемъ непріятельской интриги, и заподозрѣвалъ миргородскаго полковника Апостола, который, какъ царю было вѣдомо, недружелюбно относился къ гетману. Царь заранѣе предоставлялъ гетману схватить и сковать своихъ недоброжелателей. Между тѣмъ самъ Кочубей, по совѣту попа Святайла, отправилъ въ Москву

къ царевичу еще одинъ доносъ съ перекрестомъ Янценкомъ. Привезенный этимъ посланцемъ доносъ доставленъ былъ въ руки государя. Но и этому доносу Петръ не повѣрилъ, и снова извѣстилъ гетмана. Тогда гетманъ просилъ царя черезъ канцлера Головкина повелѣть взять доносчиковъ и послать въ Кіевъ, чтобъ судить ихъ въ глазахъ малороссійскаго народа. Царь на это согласился. Кочубей находился въ своемъ имѣніи Диканькѣ, близъ Полтавы. Гетманъ отправилъ туда козаковъ взять его и Искру. Но Кочубей и Искра узнали объ этомъ заранѣе, убѣжали въ Ахтырскій полкъ и спрятались въ мѣстечкѣ Красный-Кутъ подъ защиту ахтырскаго полковника. Гетманъ извѣстилъ объ этомъ канцлера Головкина, а Головкинъ отправилъ капитана Дубянскаго отыскать Кочубея, Искру и Осипова, благодарить ихъ отъ имени государя за вѣрность и пригласить ихъ, для объясненія, ѣхать въ Смоленскъ, надѣясь на царскую милость и награжденіе. Въ то же время Петръ, отпуская къ Мазепѣ его генеральнаго асаула Скоропадскаго, обнадеживалъ гетмана, что доносчикамъ, какъ клеветникамъ, не будетъ оказано никакого довѣрія и они примутъ достойную казнь.

Доносчики довѣрились Головкину и поѣхали. Съ Кочубеемъ и Искрою отправились ахтырскій полковникъ Ѳедоръ Осиповъ, попъ Святайло, сотникъ Петръ Кованько, племянникъ Искры, двое писарей и восемь слугъ Кочубея и Искры. Съ Бѣлгорода ихъ сопровождалъ сильный конвой, но такъ, чтобы имъ не казалось, что они ѣдутъ подъ карауломъ. 18 апрѣля 1708 года прибыли они въ Витебскъ, гдѣ находилась главная квартира государя.

На другой день послѣ прибытія доносчиковъ, начали допрашивать ихъ царскіе министры. Прежде всѣхъ спрашивали ахтырскаго полковника Осипова. Онъ былъ только передатчикъ того, что сообщили ему, и не могъ сказать ничего важнаго и новаго по самому дѣлу. Затѣмъ, приступили къ Кочубею, и тотъ подалъ на письмѣ 33 статьи [1]) доноса о разныхъ признакахъ, обличавшихъ, какъ думалъ доноситель, гетмана Мезепу въ измѣнѣ:

1) въ 1706 году, въ Минскѣ говорилъ ему гетманъ наединѣ, что княгиня Дольская, мать Вишневецкихъ, родственница Станислава Лещинскаго, увѣряла его, что король Станиславъ желаетъ сдѣлать Мазепу княземъ черниговскимъ и даровать запорожскому войску желанную волю.

---

[1]) Мы сократили ихъ въ двадцать шесть, такъ какъ остальныя по смыслу относятся къ разнымъ, здѣсь излагаемымъ, въ числѣ двадцати шести.

2) Въ томъ же году Мазепа дурно отзывался о гетманѣ польномъ литовскомъ Огинскомъ, который держался стороны русскаго государя.

3) Услыхавши, что король Августъ, оставивъ Польшу, уѣхалъ въ Саксонію къ шведскому королю, Мазепа сказалъ: „вотъ чего боялись, того не убоялись".

4) Въ 1707 году, услыхавши, что у Пропойска побиты царскіе ратные люди, встрѣтившись на дорогѣ съ Кочубеемъ, гетманъ спрашивалъ у него „тихимъ гласомъ": справедлива-ли эта вѣдомость?

5) Въ томъ же году у себя въ Батуринѣ, за обѣдомъ, сказавши, что получилъ вѣдомость о пораженіи царскихъ людей, смѣялся и говорилъ: „судья плачетъ объ этомъ, но у него слезы текутъ" (!), а потомъ пилъ за здоровье княгини Дольской.

6) Черезъ недѣлю послѣ того гетманъ объявлялъ Кочубею, что отъ достовѣрныхъ людей слыхалъ, будто король шведскій хочетъ идти на Москву и учинить тамъ иного царя, а на Кіевъ пойдетъ король Станиславъ; Мазепа сказалъ при этомъ: „я просилъ у государя войска оборонять Кіевъ и Украину, а онъ отказалъ, и намъ придется поневолѣ пристать къ королю Станиславу".

7) 17 мая того же года я просилъ дозволенія отдать свою дочь за сына Чуйкевича, и въ слѣдующее воскресеніе устроить сватовство, а Мазепа сказалъ: „какъ будемъ съ ляхами въ соединеніи, тогда для твоей дочери найдется женихъ знатный шляхтичъ, потому что хотя бы мы добровольно ляхамъ не покорились, то они насъ завоюютъ". И мы съ Чуйкевичемъ на другой послѣ того день порѣшили обвѣнчать нашихъ дѣтей поскорѣе.

8) 28 мая сербскій епископъ Рувимъ говорилъ, что гетманъ печалился и жаловался, что государь обременяетъ его требованіемъ доставки лошадей.

9) 29 мая гетманъ пригласилъ недавно обвѣнчанную дочь мою въ Гончаровку крестить съ нимъ дѣвочку жидовку и за обѣдомъ сказалъ ей: „Москва хочетъ взять въ крѣпкую работу всю малороссійскую Украину".

10) Одинъ канцеляристъ писалъ записку, что въ Кіевѣ іезуитъ ксендзъ Заленскій говорилъ ему и другимъ: „вы, господа козаки, не бойтесь шведовъ, которые не на васъ готовятся, а на Москву. Никто не знаетъ, гдѣ огонь кроется и тлѣетъ, а всѣ узнаютъ тогда, когда вспыхнетъ пожаръ; только тотъ пожаръ не скоро угаснетъ". Мазепа въ Кіевѣ веселился, гулялъ съ музы-

кою, вмѣстѣ съ полковниками, и всѣхъ заохочивалъ къ веселости, а на другой день посланъ былъ козакъ съ гетманскими письмами ко ксендзу Заленскому. Съ какой бы стати ему сноситься письменно съ этимъ ксендзомъ, если бы у него не было злого намѣренія?

11) Писарь полтавскій говорилъ своему племяннику, что въ Печерскомъ монастырѣ онъ приходилъ къ гетману, а у гетмана были заперты двери, и гетманскій служитель сказалъ: „гетманъ съ полковниками читаетъ гадяцкій договоръ гетмана съ поляками“.

12) Въ декабрѣ 1707 года пріѣзжалъ въ Батуринъ Кикинъ, и Мазепа собралъ около себя 300 человѣкъ вооруженныхъ сердюковъ. Вѣроятно это онъ сдѣлалъ, услыхавши, что за Кикинымъ хочетъ пріѣхать въ Батуринъ самъ государь и Мазепа намѣревался обороняться и отстрѣливаться отъ государя.

13) На праздникъ Рождества пріѣзжалъ къ гетману въ Батуринъ ксендзъ Заленскій, и писарь гетманскій Орликъ проводилъ его тайно въ гетманскій хуторъ близъ села Бахмача, а ксендзъ ночью пріѣзжалъ на свиданіе съ Мазепою въ Гончаровку.

14) Мазепа говорилъ, что кто бы изъ старшинъ или полковниковъ не присталъ къ нему, того онъ засадитъ въ тюрьму на смерть безо всякой пощады: видно изъ этого, что онъ имѣетъ намѣреніе отложиться отъ царя и соединиться со Станиславомъ.

15) Есть въ Полтавѣ козакъ Кондаченко; гетманъ многократно посылалъ его къ разнымъ крымскимъ салтанамъ и къ самому хану со словесными порученіями. Видно, это онъ дѣлалъ для того, чтобъ со временемъ имѣть татаръ для своей услуги. И другого человѣка, по прозванію Быевскаго, посылалъ Мазепа въ Крымъ и къ бѣлгородскимъ татарамъ, но неизвѣстно зачѣмъ.

16) Одинъ разъ, бывши въ моемъ домѣ и подгулявши, когда я сталъ пить за его здоровье, Мазепа вздохнулъ и сказалъ: что мнѣ за утѣха, когда я живу, не имѣя никакого ручательства въ своей цѣлости и жду какъ волъ обуха? Потомъ, обратившись къ женѣ моей, онъ началъ хвалить измѣнниковъ Выговскаго и Брюховецкаго: „они,—говорилъ онъ,—хотѣли выбиться изъ неволи, да злые люди ихъ до того не допустили, и мы хотѣли бы промышлять далѣе о своей цѣльности и вольности, да еще способовъ къ тому не имѣемъ, а главное, что у нашихъ нѣтъ единомыслія; вотъ я и твоему мужу много разъ заговаривалъ о томъ, какъ бы намъ на будущія времена обезпечить и себя и тѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить, а мужъ твой молчитъ,

никакимъ словомъ мнѣ не поможетъ: и ни отъ кого мнѣ нѣтъ помощи, и никому я не могу довѣриться".

17) Одинъ разъ гетманъ говорилъ полковникамъ такъ: „можетъ быть, вы думаете, что я намѣреваюсь возложить гетманство на Войнаровскаго; я этого не желаю; вольно вамъ будетъ избрать себѣ въ гетманы кого хотите, а Войнаровскій и безъ того въ своемъ отцовскомъ углу можетъ себѣ проживать; я же гетманскій урядъ и теперь вамъ готовъ уступить". Ему на это сказали: „не дай Богъ, чтобы мы этого желали". Тогда онъ повторилъ: „если между вами есть кто-нибудь такой, кто бы могъ отчизну свою спасать, я тому уступлю: если вы на мнѣ хотите оставить эту тягость, то извольте меня слушать и смотрѣть на мое руководительство: я уже пробовалъ ханской дружбы; былъ расположенъ ко мнѣ бывшій ханъ Казынъ-Гирей; но его отставили; а теперешній сначала было дружелюбно отвѣчалъ мнѣ на мои письма, но потомъ посылалъ я въ Крымъ своего посыльщика, да не получалъ уже никакой надежды оттуда; кажется, надобно дѣло наше начинать съ другого бока и придется, уговорившись и постановивши свое намѣреніе, браться за сабли".

18) Мазепа держитъ при себѣ слугъ ляшской породы и употребляетъ ихъ для посылокъ безъ указа государя, а это не годилось бы.

19) Государь запретилъ выводить людей съ лѣвой стороны на правую, а гетманъ указа не исполняетъ. Изъ всѣхъ городовъ и селъ люди уходятъ на правую сторону, и мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей въ основанныя ею на другой сторонѣ Днѣпра слободы; отъ этого люди на лѣвой сторонѣ Днѣпра принуждены, съ большимъ противъ прежняго отягощеніемъ, кормить конные и пѣхотные полки и думаютъ также уходить на заднѣпровье.

20) На Коломакской радѣ постановлено, чтобы малороссіяне съ великороссіянами вступали въ родство и свойство, а гетманъ до того не допускаетъ и между малороссіянами и великороссіянами увеличивается удаленіе и незнакомство.

21) Всѣ города малороссійскіе не укрѣпляются и самый Батуринъ 20 лѣтъ стоитъ безъ починки. Люди говорятъ, что такъ дѣлается съ тою цѣлью, чтобы города не въ силахъ были защищаться.

22) Гетманъ предостерегаетъ запорожцевъ, что государь хочетъ ихъ уничтожить, а когда пришла вѣдомость, что запорожцы, согласившись съ татарами, собираются идти на слободскіе полки,

Мазепа сказалъ тогда: „пусть бы эти негодяи дѣлали то, что̀ собираются дѣлать, а то они только дразнятъ“!

23) Одна близкая Мазепѣ особа выразилась о татарахъ: „эти люди скоро будутъ намъ нужны“.

24) Львовскій мѣщанинъ Русиновичъ говорилъ, что возилъ къ Мазепѣ письма отъ разныхъ польскихъ пановъ. Тотъ же Русиновичъ разсказывалъ, что польскій коронный гетманъ Синявскій поручилъ ему сказать Мазепѣ, что государь не удержится противъ шведовъ, и козаки, если съ нимъ будутъ за одно, погибнутъ, а если будутъ за поляками, то останутся въ цѣлости при своихъ вольностяхъ. „Я,—говорилъ Русиновичъ,—передалъ это гетману, а гетманъ отвѣчалъ: лишь бы Богъ далъ мнѣ силы и здоровье, которое ослабѣло; я расположенъ къ господамъ полякамъ; я бы не былъ шляхтичемъ и сыномъ коронной земли, если бы не желалъ добра Польской Коронѣ. Вижу, государь оскорбилъ Польшу, но и Украину онъ очень обременилъ; самъ я не знаю, что̀ дѣлать съ собою; если до чего придется, не въ силахъ буду удержать козаковъ, когда они захотятъ куда-нибудь склониться“. Тотъ же Русиновичъ говорилъ, что пріѣзжалъ въ Кіевъ для размѣна денегъ мѣщанинъ львовскій Гордонъ, шведскій партизанъ, и Мазепа велѣлъ ему выдать изъ войсковой казны въ размѣнъ 20,000 р. Онъ же, Русиновичъ, говорилъ, что всѣ ляхи любятъ гетмана Мазепу, и когда въ Люблинѣ былъ выборъ короля, то Синявскій и другіе паны подавали свои голоса, вѣроятно съ надеждою, что Мазепа пособитъ деньгами Рѣчи-Посполитой. Наконецъ, передавшійся на шведскую сторону, панъ Яблоновскій часто говаривалъ: „мы надѣемся на Украину, потому что тамъ есть шляхта, наша братья“.

25) Гетманъ распоряжается самовольно войсковою казною, беретъ сколько хочетъ и даритъ кому хочетъ. Было бы довольно съ него десяти городовъ Гадяцкаго полка, съ которыхъ идутъ ему всѣ доходы, кромѣ того, у него во власти есть волости и села значительныя, а онъ беретъ себѣ доходы съ поркавичныхъ и арендовыхъ съ большимъ умноженіемъ, и оттого арендаторы стали продавать дороже горилку. Прежде, бывало, полковниковъ избирали вольными голосами, а теперь гетманъ за полковничьи мѣста беретъ взятки. Умеръ кіевскій полковникъ Солонина, оставивши внуковъ и племянниковъ. Гетманъ отобралъ у нихъ села и отдалъ своей матери, и послѣ смерти генеральнаго обознаго Борковскаго, Мазепа отнялъ у жены его и у малолѣтнихъ дѣтей имѣніе и присвоилъ себѣ.

26) Наконецъ, Кочубей представилъ малороссійскую думу,

сочиненную Мазепою и полученную Кочубеемъ отъ какого-то архимандрита, лѣтъ десять тому назадъ. Дума эта по указанію Кочубея, была доводомъ непостоянства гетмана въ вѣрности царю.

Изъ этихъ пунктовъ ясно можно видѣть, что Кочубей явился безъ всякихъ юридическихъ уликъ, и доносъ его безпристрастнымъ людямъ не могъ показаться нимало основательнымъ. Не удивительно, если, послѣ такихъ показаній, Кочубей и его товарищъ были взяты подъ стражу, а 21 апрѣля приведены къ пыткѣ.

Искрѣ сдѣлали допросъ: не былъ-ли доносъ по наущенію непріятеля? Искра показалъ, что непріятельскаго наущенія не было, и онъ за гетманомъ никакой измѣны не знаетъ, а подущалъ его подавать доносъ Кочубей въ теченіи двухъ лѣтъ, и когда Искра уговаривалъ Кочубея отстать отъ своего намѣренія, то Кочубей отвѣчалъ, что готовъ умереть, лишь бы обличить Мазепу. Искрѣ дали 10 ударовъ кнутомъ. Потомъ приведенъ былъ къ пыткѣ Кочубей и, не дожидаясь мукъ, сказалъ: „я на гетмана написалъ доносъ, затѣявъ ложь по злобѣ, надѣясь, что мнѣ повѣрятъ безъ дальняго розыска; и на всѣхъ особъ, о которыхъ писалъ въ доношеніи, писалъ ложно“. Ему дано было 5 ударовъ кнутомъ.

Искру еще разъ подвергли пыткѣ и дали 8 ударовъ. Онъ еще разъ показалъ, что не знаетъ за гетманомъ ничего, кромѣ вѣрности царю.

Допрашивали сотника Ковашка съ пыткою два раза; на него Кочубей въ своемъ доносѣ ссылался какъ на свидѣтеля относительно рѣчей ксендза Залепскаго. Ковашко показалъ, что Кочубей научалъ его, обнадеживая милостью государя, а самъ онъ, Ковашко, ничего не знаетъ объ измѣнѣ гетмана.

27 апрѣля Кочубей написалъ письмо государю и изложилъ въ своемъ письмѣ истинную причину своей злобы къ Мазепѣ. Тутъ Кочубей разсказалъ о томъ, что Мазепа, послѣ неудачнаго сватовства на его дочери, похитилъ ее ночью тайно, а потомъ возвратилъ ее родителямъ съ Григоріемъ Анненковымъ, приказавши передать Кочубею такія слова: „не только дщерь твою силою можетъ взять гетманъ, но и жену твою отнять можетъ“. Послѣ того прельщалъ Мазепа дочь Кочубея письмами, и чародѣйскимъ дѣйствіемъ довелъ ее до изступленія: „еже дщери моей возбѣситися и бѣгати, на отца и мать плевати“. Кочубей представилъ пукъ любовныхъ писемъ Мазепы къ Матренѣ.

Попъ Святайло, писавшій доносъ, и теперь подвергнутый пыткѣ, показалъ, что дѣйствовалъ по приказанію Кочубея, а самъ ничего не знаетъ за Мазепою.

30 апрѣля, по царскому указу, всѣхъ доносчиковъ препроводили за крѣпкимъ карауломъ въ Смоленскъ и велѣли держать ихъ скованными, не дозволяя сообщаться между собою, но 28 мая снова приказано привести ихъ въ Витебскъ.

Тогда Кочубея опять подвергли пыткѣ и допрашивали: не было-ли къ нему какой-нибудь подсылки отъ шведовъ, поляковъ партіи Лещинскаго, запорожцевъ или крымскихъ татаръ? Ему дано было три удара кнутомъ; Кочубей показалъ, что ни о чемъ не знаетъ, ни съ кѣмъ у него не было совѣта и все противъ Мазепы онъ затѣялъ по своей злобѣ. Искрѣ на пыткѣ дали 6 ударовъ, допрашивая о томъ же; Искра по прежнему показалъ, что ни отъ кого кромѣ Кочубея не слыхалъ дурного о Мазепѣ.

Съ такими же вопросами пытали снова Святайла и Кованька; первому дали 20, послѣднему 14 ударовъ. Осталось переходившее изъ устъ въ уста преданіе, что когда сотникъ и попъ, испытавши пытку, лежали на полу подъ рогожами, сотникъ сказалъ попу: „что, отче, сладокъ московскій кнутъ, не купить ли его домой женамъ на гостинецъ“? Вѣроятно, онъ намекалъ на жену Кочубея, которая была главною заправщицею во всей этой затѣѣ. Святайло отвѣчалъ: „о, чтобъ тебя, Петръ... или мало тебѣ спину исписали“?

Въ заключеніе допросили Кочубея и Искру объ ихъ имуществѣ. Кочубей описалъ всѣ имѣвшіяся у него деньги, долги, числившіеся на разныхъ лицахъ, лошадей и скотъ въ своихъ имѣніяхъ.

Государь приказалъ Кочубея и Искру препроводить къ Мазепѣ и казнить обоихъ смертью передъ всѣмъ запорожскимъ войскомъ, попа Святайла и присыланнаго прежде отъ Кочубея съ доносомъ монаха запереть въ Соловецкій монастырь, а сотника Кованька, писарей и служителей Кочубея и Искры отправить въ Архангельскъ и поверстать въ солдаты.

Стольникъ Иванъ Вельяминовъ-Зерновъ въ сопровожденіи солдатъ повезъ Кочубея и Искру въ Кіевъ. Путь ихъ лежалъ водою отъ Смоленска по Днѣпру. Преступники были скованы. 29 іюня, Вельяминовъ-Зерновъ прибылъ въ Кіевъ и помѣстилъ осужденныхъ въ Новопечерской крѣпости, а самъ тотчасъ послалъ извѣстить объ этомъ гетмана. 7 іюля, гетманъ находился въ обозѣ, расположенномъ за Бѣлою-Церковью, въ мѣстечкѣ Борщаговкѣ; онъ послалъ оттуда въ Кіевъ бунчуковаго товарища Максимовича съ сотнею козаковъ и съ нимъ драгунскаго поручика Алымова съ сотнею драгунъ. Вельяминовъ-Зерновъ прибавилъ къ этому присланному отъ Мазепы отряду еще солдатъ, взявши ихъ у

кіевскаго воеводы и повезъ осужденныхъ въ гетманскій обозъ. 12 іюля, въ присутствіи всей генеральной старшины, онъ выдалъ преступниковъ гетману и подалъ ему царскую грамоту. Кочубея снова подвергли допросу объ его имуществѣ, и онъ къ прежнимъ показаніямъ прибавилъ еще извѣстіе о нѣсколькихъ цѣнныхъ вещахъ, бывшихъ у него.

14 іюля, рано утромъ, при многочисленномъ собраніи козаковъ и малороссійскаго народа, Кочубею и Искрѣ отрубили головы. Тѣла ихъ лежали на показъ народу, пока не окончилась обѣдня, а потомъ были положены въ гробы и отвезены въ Кіевъ. Тамъ похоронили ихъ іюля 17, во дворѣ Печерскаго монастыря, близъ трапезной церкви.

Жена Кочубея еще раньше, когда Кочубей былъ въ Витебскѣ, была взята посланцемъ Мазепы, гадячскимъ полковникомъ Трощинскимъ, вмѣстѣ съ дѣтьми и невѣсткою, женою сына ея Василія, въ Диканькѣ, и привезена въ Батуринъ въ старый дворъ своего мужа, а невѣстку, по приказанію Мазепы, отпустили къ ея родителямъ, у которыхъ въ то время находился и мужъ ея.

Жену Кочубея нѣсколько времени держали подъ строгимъ карауломъ; послѣ казни мужа она была отпущена.

Петръ былъ глубоко убѣжденъ въ вѣрности къ себѣ Мазепы, и думалъ, конечно, что совершилъ строгое, но вполнѣ справедливое дѣло, предавши казни доносчиковъ, покушавшихся оклеветать передъ царемъ его вѣрнаго и испытаннаго слугу.

Прошло лѣто; приближалась осень. Государь услышалъ, что Карлъ XII поворотилъ къ югу и приближается къ Малороссіи. По этому слуху, Петръ далъ распоряженіе, чтобы гетманъ шелъ къ великороссійскому войску на соединеніе, а козацкая конница преслѣдовала непріятеля сзади и нападала на его обозъ. Самого гетмана царь желалъ видѣть начальникомъ этой конницы во время ея военныхъ дѣйствій. Мазепа хотѣлъ уклониться отъ такого порученія и, въ письмѣ своемъ къ государю, жаловался: „на подагричные и хирагричные припадки“; страшныя боли мѣшаютъ ему ѣхать верхомъ. Но Мазепа, сверхъ того, написалъ царю такое соображеніе: „если я, особою моею гетманскою, оставя Украину, удалюсь, то вельми опасаюсь, дабы по сіе время внутреннее между здѣшнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не произошло возмущеніе“. Мазепа давалъ царю такой отзывъ о всемъ малороссійскомъ народѣ: „я у здѣшнихъ не только мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю, который бы сердцемъ и душою, вѣрнѣ и радѣтелнѣ вашему царскому величеству по сей случай служилъ“. Это было сказано

въ тактъ съ тогдашними воззрѣніями Петра, который и самъ опасался, чтобы прокламаціи Карла XII, расходясь по Малороссіи, не взволновали тамъ умовъ. Въ октябрѣ Карлъ уже подходилъ къ предѣламъ Малороссіи; Шереметевъ и Меншиковъ съ русскимъ войскомъ находились близъ Стародуба, готовые встрѣчать идущаго въ Малороссію непріятеля. Самъ Петръ, послѣ побѣды подъ Лѣснымъ, готовился лично идти къ своей арміи. Головкинъ, по царскому приказанію, торопилъ гетмана письмами, побуждая итти къ Стародубу со своими козаками на соединеніе съ царскими силами. Мазепа еще разъ хотѣлъ отдѣлаться „хирагричною и головною болѣзнью и многодѣльствіемъ", а болѣе всего указывалъ на опасность безпокойствъ въ Малороссіи. „Уже теперь", писалъ онъ къ Меншикову, „по городамъ великими толпами ходятъ пьяницы, мужики по корчмамъ съ ружьями вино насильно берутъ, бочки рубятъ и людей побиваютъ. Изъ Лубенъ пишутъ, что тамъ гуляки, напившись насильно взятымъ виномъ, убили до смерти арендатора и старшину чуть не убили. Мятежъ разливается въ Полтавскомъ, Гадячскомъ, Лубенскомъ, Миргородскомъ, Прилукскомъ, Переяславльскомъ полкахъ... Стародубскій полковникъ пишетъ, что въ Стародубѣ сапожники и портные и весь черный народъ напали на домъ тамошняго войта съ дубьемъ, отбили погребъ, забрали закопанныя въ землѣ вина и въ иныхъ дворахъ побрали бочки съ виномъ и, перепившись, побили до смерти пятьдесятъ жидовъ. Въ Мглинѣ сотника до смерти приколотили и три дня въ тюрьмѣ держали: если бы товарищи, козаки его сотни, не освободили его, то онъ бы живъ не остался; арендаторовъ хотѣли перебить, да они въ лѣсъ ушли. Въ Черниговскомъ полку сынъ генеральнаго асаула насилу ушелъ отъ своевольниковъ ночью съ своимъ имуществомъ... Въ Гадячѣ гуляки и пьяницы учинили нападеніе на мой зáмокъ и хотѣли убить моего управителя и разграбить мои пожитки, но мѣщане не допустили. Отовсюду пишетъ ко мнѣ городовая старшина и проситъ помощи противъ бунтовщиковъ. По берегу Днѣпра снуютъ шайки, одна въ 800, другая человѣкъ въ 1000, — все это русскіе люди, а главное, донцы. Надъ одною шайкою атаманомъ Перебій-Носъ, а надъ другою Молодецъ. Бродяги какъ вода плывутъ къ нимъ отовсюду, и, если я съ войскомъ удалюсь въ Стародубскій полкъ, то надобно опасаться, чтобъ эти негодяи не сдѣлали нечаянно нападенія на города. Да и со стороны Сѣчи нельзя сказать, чтобъ было безопасно. По этой-то причинѣ полковники и старшина полковая съ сотниками не желаютъ похода къ Стародубу, и хоть явно

мнѣ въ глаза не противятся монаршему указу, но заочно ропщутъ на меня, что я веду ихъ въ Стародубовщину, на крайнюю погибель ихъ женъ, дѣтей и достояній. Если и теперь, когда я внутри Украины съ войскомъ, бродяги и чернь затѣваютъ бунты, то что-жъ тогда, когда я съ войскомъ удалюсь? начнутъ честныхъ и богатыхъ людей и пожитки ихъ грабить. Будетъ ли это полезно интересамъ его царскаго величества"?

Получивши такое письмо Мазепы, генералы и министры составили консиліумъ, и порѣшили, чтобы гетманъ назначилъ вмѣсто себя наказнаго гетмана для обереганія внутренности Украины, а самъ бы все таки шелъ къ главной арміи.

Мазепѣ надобно было на что-нибудь рѣшаться: или, оставаясь вѣрнымъ царю, примкнуть къ великороссійскому войску, или перейти на сторону шведскаго короля. Въ Малороссіи относительно измѣны были нѣсколько другія понятія отъ тѣхъ, какія образовались впослѣдствіи, когда эта страна тѣснѣе примкнула къ Россіи. Край присоединился сравнительно еще недавно, малороссіяне еще не привыкли считать Великороссію такимъ же отечествомъ, какъ и свою Малороссію. Простой народъ — посполъство, правда, примыкалъ къ монархической власти, но это потому, что надѣялся въ ней найти опору противъ старшины и вообще значнаго козачества. При господствѣ въ народѣ стараго стремленія всѣмъ поступать въ козачество, чувствовалось въ монархической власти уравнивающее всѣхъ начало; оттого всегда, какъ только въ Малороссіи старшины начинали помышлять что-нибудь въ разрѣзъ съ монархическою властью, можно было надѣяться, что посполъство станетъ на сторону послѣдней. У всѣхъ значныхъ укоренился такой взглядъ, что малороссійскій народъ самъ по себѣ, а московскій тоже самъ по себѣ, и при всякихъ обстоятельствахъ малоруссъ долженъ итти туда, гдѣ ему лучше, хотя бы оттого „москалю" было и хуже. Уже давно существовала боязнь, что рано или поздно Москва искоренитъ козачество, нарушитъ всѣ такъ-называемыя малороссійскія права и вольности и постарается уравнить Малороссію съ своими великорусскими областями. Желѣзная рука Петра уже начиналась чувствоваться въ Малороссіи, хотя преобразовательныя намѣренія государя явно не налегали на этотъ край. Вопросъ о томъ, что̀ именно побудило Мазепу перейти на сторону Карла, много разъ былъ предметомъ изслѣдованія историковъ, и въ наше время образовалась мысль, что переходъ Мазепы произошелъ внезапно, въ силу такого положенія, въ которомъ гетману приходилось выбирать то или другое. Если и прежде, въ порывахъ негодованія къ Москвѣ,

бродила въ его головѣ, какъ и въ головахъ старшинъ, мысль о союзѣ съ Карломъ, то мысль эта едва ли бы осуществилась, когда бы самъ Карлъ, своимъ движеніемъ въ Малороссію, не далъ ей хода. До сихъ поръ Мазепа отдѣлывался отъ требованій русскаго правительства своими „хирагрическими и подагрическими“ припадками, но дальше отвертываться нельзя было, особенно послѣ того, когда вслѣдъ за сообщеннымъ гетману рѣшеніемъ консиліума, Меншиковъ написалъ ему, что нуждается съ нимъ видѣться для совѣщаній. Мазепа пригласилъ на совѣтъ обознаго Ломиковскаго, генеральнаго писаря Орлика и другихъ старшинъ и полковниковъ, и спрашивалъ что́ ему дѣлать. „Не ѣзди“, сказалъ ему Ломиковскій, „иначе ты и себя, и насъ, и всю Украину погубишь! Мы уже сколько разъ просили тебя: посылай къ Карлу, а ты все медлилъ и словно спалъ; теперь — вотъ войска великороссійскія вошли въ Украину на всенародное разореніе и кровопролитіе, и шведы уже подъ носомъ. Невѣдомо, для чего медлишь“. — „Вы мнѣ не совѣтуете, а только обо мнѣ переговариваете. Чортъ васъ побери!“, сказалъ Мазепа, вспыливши: „вотъ я возьму Орлика и поѣду съ нимъ ко двору его царскаго величества, а вы себѣ тутъ хоть пропадайте!“. Однако черезъ минуту Мазепа смягчился и ласково спросилъ старшину: „посылать къ королю или нѣтъ“? „Какъ не посылать, давно пора!“ отвѣчали ему. Тогда Мазепа поручилъ Орлику написать по-латыни инструкцію посольства къ шведскому министру графу Пиперу. Мазепа въ этой инструкціи изъявлялъ радость о прибытіи Карла XII къ Украинѣ, просилъ помощи и освобожденія всего малороссійскаго народа отъ тяжкаго московскаго ига и обѣщалъ для шведскаго войска приготовить паромы на Деснѣ, у Макошинской пристани. Эту инструкцію повезъ, по приказанію Мазепы, управитель его Шептаковской волости Быстрицкій, свойственникъ Мазепы, отправившись въ шведскую армію, вмѣстѣ съ плѣннымъ шведомъ, посланнымъ при немъ въ качествѣ переводчика. Между тѣмъ къ Меншикову Мазепа послалъ своего племянника Войнаровскаго извѣстить царскаго любимца, что находится въ болѣзни при смерти и отъѣзжаетъ изъ Батурина въ Борзну, гдѣ намѣренъ собороваться масломъ отъ кіевскаго архіерея. Меншиковъ, получивши такое извѣстіе, увѣдомилъ объ этомъ царя. „Жаль такого добраго человѣка, если отъ болѣзни его Богъ не облегчитъ, писалъ онъ, а о болѣзни своей пишетъ, что отъ хирагрической и подагрической болѣзни приключилась ему эпилепсія“. Между тѣмъ Меншиковъ самъ рѣшился ѣхать къ гетману въ Борзну.

Мазепа былъ въ Борзнѣ. 21 октября Быстрицкій возвратился

изъ шведскаго обоза и прибылъ къ гетману извѣстить, что за нимъ вслѣдъ на другой день должно прибыть къ Деснѣ шведское войско. За Быстрицкимъ явился въ Борзнѣ Войнаровскій, убѣжавшій ночью отъ Меншикова: онъ увѣдомилъ гетмана, что Меншиковъ ѣдетъ въ Борзну для свиданія съ умирающимъ гетманомъ. Мазепа, не дожидаясь Меншикова, поздно вечеромъ поскакалъ въ Батуринъ. На другой день, Мазепа изъ Батурина пустился въ Коробъ, а на третій, 24 октября, рано утромъ, переправился за Десну и поѣхалъ къ королю съ отрядомъ въ 1,500 человѣкъ; съ нимъ были старшины, нѣсколько полковниковъ, сотниковъ и значнаго товарищества. Въ селѣ Бахмачѣ Мазепа присягнулъ передъ ними, что принялъ протекцію шведскаго короля не ради какой-нибудь приватной своей пользы, а для добра всей малороссійской отчизны и всего козачества. Съ своей стороны старшины и всѣ бывшіе тамъ значные козаки присягнули, что принимаютъ протекцію шведскаго короля и будутъ вѣрны и послушны волѣ гетмана.

Меншиковъ не успѣлъ доѣхать до Борзны, какъ встрѣтилъ на дорогѣ великорусскаго полковника Анненкова, находившагося при гетманѣ, и узналъ отъ него, что Мазепа уѣхалъ въ Батуринъ. Меншиковъ повернулъ въ Батуринъ и увидѣлъ, что по стѣнамъ батуринскаго замка стояли вооруженные люди: мостъ былъ разведенъ. Меншиковъ посылаетъ въ Батуринъ Анненкова за объясненіями; но Анненкова не пускаютъ. Меншиковъ ѣдетъ въ Коробъ, думаетъ застать тамъ гетмана, но на дорогѣ узнаетъ, что Мазепа уѣхалъ за Десну. Тутъ только Меншикову начала открываться тайна, и онъ понялъ, зачѣмъ ночью убѣжалъ отъ него Войнаровскій; тайна эта стала дѣлаться яснѣе, когда къ Меншикову пріѣхали изъ ближнихъ мѣстъ сотники и просили защищать ихъ отъ Мазепы, передавшагося непріятелю.

26-го октября изъ Макошина, гдѣ была переправа на Деснѣ, Меншиковъ о поступкѣ Мазепы извѣстилъ государя, находившагося съ арміею въ селѣ Погребкахъ, также на Деснѣ. Роковое извѣстіе объ измѣнѣ чрезвычайно поразило Петра своею неожиданностью. Государь тотчасъ послалъ къ Меншикову приказаніе укрѣплять войскомъ переправу на Деснѣ, чтобъ не допускать козаковъ идти за Мазепою, и 28-го октября написалъ ко всему малороссійскому народу манифестъ, извѣщавшій объ измѣнѣ гетмана, предпринятой, какъ сказано въ манифестѣ, для того, „дабы малороссійскую землю поработить подъ владѣніе польское и церкви божьи и святые монастыри отдать въ унію“; давалось повелѣніе генеральной и полковой старшинѣ съѣзжаться

въ городъ Глуховъ для избранія вольными голосами новаго гетмана. Въ заключеніе манифестъ извѣщалъ, что Петръ уничтожаетъ всѣ поборы, наложенные бывшимъ гетманомъ на малороссійскій народъ.

Но и Мазепа, съ своей стороны, старался подѣйствовать на малоруссовъ. 30 октября, онъ отправилъ къ стародубскому полковнику Скоропадскому грамоту съ изложеніемъ причинъ, побудившихъ его къ переходу на сторону Карла XII. „Московская потенція уже давно имѣетъ всезлобныя намѣренія противъ насъ, а въ послѣднее время начала отбирать въ свою область малороссійскіе города, выгонять изъ нихъ ограбленныхъ и доведенныхъ до нищеты жителей и заселять своими войсками. Я имѣлъ отъ пріятелей тайное предостереженіе, да и самъ ясно вижу, что врагъ хочетъ насъ, гетмана, всю старшину, полковниковъ и все войсковое начальство прибрать къ рукамъ въ свою тиранскую неволю, искоренить имя запорожское и обратить всѣхъ въ драгуны и солдаты, а весь малороссійскій народъ подвергнуть вѣчному рабству. По такимъ-то намѣреніямъ Меншиковъ и Голицынъ поспѣшали съ своимъ войскомъ и приглашали старшину въ московскіе обозы. Я узналъ объ этомъ и понялъ, что безсильная и невоинственная московская потенція, спасаясь всегда бѣгствомъ отъ непреоборимыхъ шведскихъ войскъ, вступила къ намъ не ради того, чтобъ насъ защищать отъ шведовъ, а чтобы огнемъ, грабежемъ и убійствомъ истреблять насъ. И вотъ, съ согласія всей старшины, мы рѣшились отдаться въ протекцію шведскаго короля въ надеждѣ, что онъ оборонитъ насъ отъ московскаго тиранскаго ига и не только возвратитъ намъ права нашей вольности, но еще умножитъ и расширитъ; въ этомъ его величество увѣрилъ насъ своимъ неотмѣннымъ королевскимъ словомъ и данной на письмѣ ассекураціею“. Въ заключеніе, Мазепа приглашалъ Скоропадскаго дѣйствовать съ собою за-одно, искоренить московскій гарнизонъ въ Стародубѣ, а если бы это невозможно было, то уходить въ Батуринъ, чтобъ не попасться въ московскія руки.

Немедленно послѣ разосланія царскаго манифеста объ избраніи новаго гетмана, Меншиковъ отправился съ корпусомъ войска къ Батурину, мазепиной столицѣ, гдѣ заперлись самые ярые сторонники Мазепы. Начальствовали надъ батуринскимъ гарнизономъ: полковникъ надъ сердюками Чечелъ, асаулъ Кенигсекъ, полтавскій полковикъ Герцикъ и какой-то сотникъ Димитрій. Меншиковъ, подступивши къ Батурину, отправилъ въ городъ сотника Маркевича съ увѣщаніемъ сдаться. Чечелъ, къ которому привели Мар-

кевича, сказалъ, что они сдаваться не будутъ безъ указа своего гетмана; Чечелъ при этомъ показалъ видъ, какъ будто не знаетъ ничего объ измѣнѣ Мазепы. Вслѣдъ за Маркевичемъ, на лодкѣ по рѣкѣ Сейму выплылъ кіевскій воевода, князь Дмитрій Голицынъ. Чечелъ выслалъ къ нему посланцевъ, и, когда Голицынъ сталъ ихъ уговаривать, задорные мазепинцы начали со стѣнъ ругаться и стрѣлять изъ ружей. Тогда Меншиковъ велѣлъ войску переправляться и наводить мосты. Ночью осажденные прислали къ Меншикову опять посольство; оно увѣряло русскаго предводителя, что осажденные остаются вѣрными царскому величеству и готовы пустить его войска въ зàмокъ, но просятъ три дня срока. Меншиковъ понялъ, что это хитрость. Измѣнники разсчитывали, что къ нимъ придутъ шведы на помощь. Меншиковъ далъ имъ сроку только до утра. Въ 6 часовъ другого утра Меншиковъ сдѣлалъ приступъ и приказалъ истреблять въ зàмкѣ всѣхъ безъ различія, не исключая и младенцевъ, но оставлять въ живыхъ начальниковъ, для преданія ихъ казни. Все имущество батуринцевъ отдавалось заранѣе солдатамъ, только орудія должны были сдѣлаться казеннымъ достояніемъ. Въ продолженіи двухъ часовъ все было окончено: гетманскій дворецъ, службы и дворы старшинъ — все было превращено въ пепелъ. Все живое было истреблено. Кенигсекъ взятъ въ плѣнъ жестоко раненымъ; Чечелъ бѣжалъ, но пойманъ былъ въ ближнемъ селѣ козаками и доставленъ Меншикову.

6 ноября съѣхалось въ Глуховъ духовенство, въ томъ числѣ кіевскій митрополитъ и два архіерея: черниговскій Іоаннъ Максимовичъ и переяславскій Захарія Корниловичъ: было четыре полковника, оставшихся вѣрными: стародубскій — Иванъ Скоропадскій, черниговскій — Павелъ Полуботокъ, переяславскій — Томара и нѣжинскій — Жураховскій; они прибыли съ сотниками и козаками своихъ полковъ. Послѣ предварительнаго молебствія, ближній бояринъ князь Григорій Өедоровичъ Долгорукій открылъ выборъ гетмана по старшинымъ обычаямъ, наблюдавшимся со времени присоединенія малорусскаго края къ Россіи. Бывшая здѣсь старшина предложила въ гетманы Скоропадскаго, зная, что государю угодно его сдѣлать гетманомъ. Скоропадскій, соблюдая давній козацкій обычай, отказывался, признавалъ себя недостойнымъ такой чести, отговаривался своею старостью и совѣтовалъ выбрать въ гетманы молодого и заслуженнаго человѣка. Многіе козаки тогда же указали на Полуботка, но вслѣдъ за тѣмъ должны были оставить намѣреніе избрать этого человѣка, потому что Петръ не

утвердилъ бы его, отозвавшись передъ тѣмъ о личности Полуботка такими словами: „онъ очень хитръ и можетъ уравниться Мазепѣ". Итакъ, избранъ былъ Скоропадскій. По избраніи, онъ присягнулъ въ церкви, а потомъ получалъ поздравленія отъ царя и ближнихъ вельможъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ избранія, 12 ноября, въ соборной Троицкой церкви послѣ литургіи и соборнаго молебна, совершенъ былъ обрядъ проклятія Мазепы, сочиненный вѣроятно самимъ Петромъ. Духовенство пропѣло надъ портретомъ Мазепы, украшеннымъ орденомъ Андрея Первозваннаго, трижды анаѳему его имени. По совершеніи проклятія, палачъ потащилъ портретъ по улицѣ веревкою и повѣсилъ на висѣлицѣ. На другой день послѣ того совершена была казнь надъ Чечеломъ и другими мазепинцами, взятыми въ Батуринѣ. Духовенство распорядилось, чтобы по всей Малороссіи на церковныхъ дверяхъ прибито было объявленіе, извѣщавшее, что Мазепа со всѣми своими единомышленниками, приставшими ко врагамъ, отверженъ отъ церкви и проклятъ. Малороссійскіе архіереи грозили такимъ же отлученіемъ отъ церкви и отъ причащенія святыхъ таинъ всѣмъ тѣмъ, которые окажутъ сочувствіе къ измѣнѣ или пристанутъ къ непріятелю.

Изъ приставшихъ къ Мазепѣ полковниковъ, миргородскій полковникъ Данило Павловичъ Апостолъ и компанейскій полковникъ Игнатій Галаганъ отстали отъ шведовъ въ концѣ ноября. Апостолъ былъ издавна въ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Мазепѣ; передъ измѣною, онъ, какъ видно, помирился съ гетманомъ, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ къ шведамъ, а теперь явился къ царю Петру съ словеснымъ предложеніемъ отъ Мазепы послужить царю, пользуясь своимъ настоящимъ положеніемъ. Судя по сохранившемуся отвѣту Головкина, Апостолъ отъ Мазепы привезъ даже предложеніе о доставленіи въ русскія руки „извѣстной, главнѣйшей особы", вѣроятно разумѣя подъ этой особой Карла XII. Неизвѣстно, точно ли посылалъ Мазепа такое предложеніе; быть можетъ, Апостолъ и самъ выдумалъ это. Вслѣдъ за Апостоломъ, и Галаганъ явился съ такимъ же словеснымъ предложеніемъ. Онъ былъ представленъ лично Петру въ Лебединѣ, куда перенесена была главная квартира. „Какъ, и ты съ Мазепою измѣнилъ мнѣ и убѣжалъ?" спросилъ его Петръ. — „Я не бѣжалъ", отвѣтилъ Галаганъ, „но виноватъ тѣмъ, что допустилъ Мазепу обмануть себя. Я по приказанію шелъ съ своимъ полкомъ, думая что веду его противъ непріятеля, и уже въ виду непріятельскаго войска узналъ, куда меня ведутъ.

Меня принудили присягнуть на вѣрную службу шведскому королю, но присяга невольная только на словахъ: какъ только непріятель пересталъ наблюдать надъ нами, такъ я и убѣжалъ служить своему государю! Твоя воля; прости и дозволь умереть на твоей службѣ". — „Прощаю", сказалъ Петръ, „смотри только, не сдѣлай со мной такой шутки какъ съ Карломъ".

Малорусскій народъ рѣшительно не присталъ къ замыслу гетмана и ни мало не сочувствовалъ ему. За Мазепою перешли къ непріятелямъ только старшины, но и изъ тѣхъ многіе бѣжали отъ него, лишь узнали, что надежда на шведскаго короля плоха, и что Карлъ, еслибы даже и хотѣлъ, не могъ доставить Малороссіи независимости. Такимъ образомъ, въ 1709 году убѣжали отъ Мазепы: генеральный судья Чуйкевичъ, генеральный асаулъ Дмитрій Максимовичъ, лубенскій полковникъ Зеленскій, Кожуховскій, Андріяшъ, Покотило, Гамалія, Невинчанный, Лизогубъ, Григоровичъ, Сулима. Хотя они явились уже послѣ срока, назначеннаго Петромъ для амнистіи, и ясно было, что отвернулись отъ шведскаго короля только тогда, когда увидали, что дѣло его проигрывается, но Петръ не казнилъ ихъ смертью, замѣнивъ ее ссылкою въ Сибирь. За то Петръ вспомнилъ о Паліѣ, и велѣлъ его привезти изъ Сибири. Палій участвовалъ въ полтавской битвѣ, хотя старость и тяжелая ссылка сдѣлали его до такой степени дряхлымъ, что онъ безъ помощи другихъ не могъ садиться на лошадь. Послѣдовала милость вдовѣ и дѣтямъ казненнаго Кочубея. 15 декабря 1708 года, новый гетманъ Иванъ Скоропадскій приказывалъ возвратить вдовѣ Кочубеевой Любови, урожденной Жукъ, и дѣтямъ ея всѣ села, числившіяся въ полкахъ Полтавскомъ, Нѣжинскомъ и Стародубскомъ, и одинъ хуторъ на правой сторонѣ Днѣпра, принадлежавшіе въ собственность покойному генеральному судьѣ [1]). Мазепѣ было не совсѣмъ хорошо у шведскаго короля: малоруссы, вмѣсто того, чтобы встрѣчать шведовъ, какъ избавителей отъ московской неволи, на каждомъ шагу сопротивлялись имъ; не только козаки, составлявшіе военное сословіе, но и посполитые люди собирались шайками, нападали на шведскіе отряды, ловили и представляли царю посланцевъ, ѣздившихъ по краю съ возмутительными воззваніями Карла XII и Мазепы. Шведы поставляли это на видъ Мазепѣ, начинали подозрѣвать, что и самъ

---

[1]) Вдовѣ и дѣтямъ Искры не послѣдовало тогда никакой милости: о немъ какъ будто забыли. Спустя столѣтіе, потомки Искры роптали на правительство, наградившее щедро одного только Кочубея и оставившее безъ вниманія другую личность, одинаково съ Кочубеемъ пострадавшую за вѣрность царю.

гетманъ при случаѣ уйдетъ отъ нихъ и попытается получить царское прощеніе. Мазепа содержался у нихъ какъ бы подъ незамѣтнымъ для него самого карауломъ, тогда какъ увлеченные имъ малороссы одинъ за другимъ то и дѣло уходили изъ шведскаго обоза. Только запорожцы составляли исключеніе; они явились къ Карлу въ числѣ 3,000, подъ начальствомъ своего кошевого, Кости Гордіенко, и съ перваго же раза поразили шведовъ своимъ буйствомъ и дикостью: когда въ первый разъ они были приглашены въ палатку Мазепы къ обѣду, то перепились до безобразія и начали тащить со стола посуду. Кто-то замѣтилъ имъ, что не годится такъ грабить. Запорожцы за это замѣчаніе тотчасъ же зарѣзали неловкаго правоучителя.

Мало выгодъ ощущали для себя шведы отъ перехода на ихъ сторону Мазепы. Всю зиму и весну, пребывая въ Малороссіи, они претерпѣвали рядъ неудачъ; только мѣстечко Веприкъ и городъ Ромны удалось имъ взять, да и то съ большими потерями. Совершилась знаменитая полтавская битва. Карлъ бѣжалъ, съ нимъ бѣжалъ Мазепа. Они очутились въ турецкихъ владѣніяхъ. Петру очень хотѣлось достать измѣнника въ свои руки, и онъ досадовалъ, когда, при переправѣ черезъ Днѣпръ у Переволочной, не удалось русскому войску захватить Мазепу. Желаніе казнить своего врага было такъ велико у Петра, что, вопреки своей обычной бережливости, государь предлагалъ турецкому великому муфтію 300,000 талеровъ, если онъ силою своего духовнаго значенія убѣдитъ султана выдать измѣнника. Попытка Петра не удалась, и едва-ли могла удаться, такъ какъ и въ своемъ изгнаніи Мазепа былъ еще богатъ. Во все время своего гетманства, щедро строивши и украшавши церкви, онъ успѣлъ собрать большія сокровища: изъ нихъ многое хранилось въ Кіевопечерскомъ монастырѣ и въ Бѣлой-Церкви и досталось царю; Петръ побуждалъ всѣхъ малоруссовъ отыскивать еще и сообщать правительству о всякомъ достояніи гетмана, обѣщая доносителю половину указаннаго имъ имущества, принадлежавшаго измѣннику. И все-таки Мазепа успѣлъ захватить съ собою огромныя, по тому времени, денежныя суммы. Онъ имѣлъ возможность уже въ своемъ изгнаніи дать Карлу XII взаймы 240,000 талеровъ, а послѣ смерти Мазепы, какъ говорятъ, найдено было съ нимъ 160,000 червонцевъ, кромѣ серебряной утвари и разныхъ украшеній.

Мазепа скончался 22 августа 1709 года, отъ старческаго истощенія, въ селѣ Варницѣ, близъ Бендеръ. Его тѣло, отпѣтое въ сельской церкви, въ присутствіи шведскаго короля, отвезено было

и погребено въ древнемъ монастырѣ св. Георгія, расположенномъ на берегу Дуная, близъ Галаца [1]), потомъ перевезено въ Яссы.

Мазепа, какъ историческая личность, во многихъ отношеніяхъ представляетъ собою замѣчательный, выдающійся изъ ряда, типъ своего времени и того общества, въ которомъ онъ воспитался и дѣйствовалъ политически. Прекрасная характеристика его, сдѣланная современникомъ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и многія черты, выказавшіяся въ различныхъ случаяхъ его жизни, даютъ намъ возможность до извѣстной степени понять, что́ такое былъ это за человѣкъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что это былъ человѣкъ чрезвычайно лживый. Подъ наружнымъ видомъ правдивости, онъ былъ способенъ представиться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, не только въ глазахъ людей простодушныхъ и легко поддающихся обману, но и предъ самыми проницательными. При такомъ-то качествѣ онъ могъ прельстить Петра Великаго и въ продолженіи многихъ лѣтъ заставить признавать себя человѣкомъ самымъ преданнымъ русскому престолу и русскому государству. Мазепа носилъ постоянно на себѣ отпечатокъ того простосердечія, который лежитъ въ характерѣ и пріемахъ малоруссовъ, показывалъ всегда отвращеніе къ хитрости и коварству, часто отличался добродушною веселостью, всѣхъ любилъ угощать и казался, будто у него все сердце на распашку; черезъ то онъ располагалъ къ откровенности своихъ гостей и пріятелей и вывѣдывалъ отъ нихъ все, что̀ ему нужно было. Онъ былъ очень щедръ для всякаго, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но въ то же время не стѣснялся ни передъ какими средствами и путями для пріобрѣтенія себѣ богатствъ, которыя также легко растрачивалъ, какъ безцеремонно собиралъ: однихъ обобрать, другихъ надѣлить — то была черта его, общая болѣе или менѣе польскимъ панамъ. Онъ былъ чрезвычайно набоженъ, благодѣтельствовалъ церквямъ, покровительствовалъ духовенству, раздавалъ милостыню; большая часть первокласныхъ церквей въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи принуждена до сихъ поръ поминать, въ числѣ рачительныхъ благодѣтелей, Мазепу, хотя и не смѣя произнести его заклейменнаго анаѳемой имени. Едва ли можно согласиться съ тѣми, которые впослѣдствіи толковали, будто Мазепа дѣлалъ это для того, чтобъ укрыть свое расположеніе къ католичеству; въ его православности нѣтъ повода сомнѣваться: но его религіозность, ограничиваясь

[1]) Обломки надгробнаго камня, положеннаго на его могилѣ, съ надписью и съ изображеніемъ одноглаваго орла, сохранились до сихъ поръ въ музеѣ Михаила Гики, брата бывшаго валахскаго господаря.

наружными подвигами благочестія, носила на себѣ характеръ той же внутренней лжи, которая замѣтна во всѣхъ поступкахъ Мазепы: съ такими чертами онъ является и въ своей траги-комедіи съ Фальбовскимъ и въ отношеніяхъ къ Самойловичу, и въ дѣлѣ съ Паліемъ, и въ дѣлѣ съ Кочубеемъ и его дочерью, и въ угодливости Голицыну, и въ отношеніяхъ къ Петру, и въ своихъ пріемахъ, предшествовавшихъ его измѣнѣ. Мазепа часто казался болѣзненнымъ, часто совѣтовался съ врачами, часто лежалъ въ постелѣ по нѣскольку дней, весь обложенный пластырями, тяжело стоналъ и охалъ; даже говорилъ, что приказываетъ дѣлать себѣ гробъ, и другіе, глядя на него, были въ то время увѣрены, что не сегодня—завтра гетманъ скончается, когда на самомъ дѣлѣ гетманъ былъ здоровъ. Передъ царемъ, выхваляя свою вѣрность, онъ лгалъ на малорусскій народъ и особенно чернилъ запорожцевъ, совѣтовалъ искоренить и разорить до тла Запорожскую Сѣчь, а между тѣмъ передъ малоруссами охалъ и жаловался на суровые московскіе порядки, двусмысленно пугалъ ихъ опасеніемъ чего-то рокового, а запорожцамъ сообщалъ тайными путями, что государь ихъ ненавидитъ и уже искоренилъ бы ихъ, если бы гетманъ не стоялъ за нихъ и не укрощалъ царскаго гнѣва. Его переходъ на шведскую сторону, по всѣмъ соображеніямъ, едва ли можно признать слѣдствіемъ давняго умысла, или, какъ иные объясняли—личной привязанности къ Польшѣ и тайному намѣренію подвести народъ малорусскій подъ польскую власть. Мазепа, по воспитанію и нравственнымъ понятіямъ, дѣйствительно былъ полякъ до костей, но чтобы онъ былъ преданъ политическимъ видамъ Польши, до готовности жертвовать имъ своимъ отечествомъ, на это нѣтъ никакихъ данныхъ, и напротивъ, все показываетъ, что Мазепа, какъ малоруссъ, питалъ и лелѣялъ въ себѣ желаніе политической независимости своей родины, и это всего нагляднѣе проявляется въ той думѣ, которую Кочубей представилъ какъ свидѣтельство неблагонамѣренныхъ чувствованій Мазепы. Въ этомъ желаніи Мазепа не расходился ни съ прежними гетманами, ни съ своими современниками, насколько ихъ занимали политическія обстоятельства. Мазепа увидѣлъ возможность осуществить давнее задушевное желаніе, и ухватился за него. Многое могло давать ему надежду, что не Петръ надъ Карломъ, а Карлъ надъ Петромъ одержитъ верхъ въ продолжительной борьбѣ, которую вели между собою два государя. Мазепѣ казалось, что въ то время сама судьба посылала Малороссіи такой случай, котораго не легко и не скоро можно было дождаться. Владѣнія шведскаго короля были далеко отъ Мало-

россіи, и Карлъ XII, имѣя поводъ, для собственной выгоды, стараться освободить Малороссію отъ Россіи и образовать изъ нея независимое государство, не могъ, если бы и хотѣлъ, простирать на нее честолюбивый замыселъ; присоединять же Малороссію къ Польшѣ для шведскаго короля было не только не выгодно, но и опасно, послѣ того какъ предшественники Карла принуждены были вести войны съ Польшею и стараться обезсилить Рѣчь-Посполитую отнятіемъ у ней областей. Многое, такимъ образомъ, побуждало Мазепу, въ критическихъ обстоятельствахъ борьбы между двумя сосѣдями Малороссіи, пристать къ Карлу XII. Но Мазепа плохо разсчиталъ какъ на способности Петра, которому онъ дѣлался соперникомъ, такъ еще болѣе на расположеніе подчиненныхъ ему малоруссовъ. Онъ не обратилъ должнаго вниманія на давнюю вражду, существовавшую въ Малороссіи между значными и поспольствомъ, между всякаго рода старшиною, какъ генеральною, такъ и полковою, и простыми козаками, между помѣщиками и рабочимъ людомъ, между козачествомъ и всѣмъ тѣмъ, что̀ оставалось за предѣлами козачества и искало равныхъ и одинакихъ правъ для всѣхъ туземныхъ обитателей края, однимъ словомъ, — между всѣмъ, что выдвигалось изъ уровня массы, и всею остальною массою народа. Все, что исходило отъ первыхъ, непремѣнно находило себѣ противодѣйствіе въ народной массѣ; отъ этого, тогда-какъ люди, способные къ политическимъ замысламъ, готовы были хвататься за всякое средство, чтобы освободиться изъ подъ власти русскаго правительства надъ Малороссіею, — вся масса малоруссовъ готова была держаться русскаго правительства уже потому, что враждебная для нея партія хотѣла избавиться отъ власти этого правительства. Малорусскіе политики, воспитанные въ духѣ польской культуры, не могли плѣнить народъ никакою идеею политической независимости, такъ какъ у народа составились свои собственные соціальные идеалы, никакъ не вязавшіеся съ тѣмъ, что могли дать народу люди съ польскими понятіями. Если эти политики и не думали возвращать Малороссію въ рабство польскихъ пановъ, а мечтали о независимомъ малорусскомъ государствѣ, то все-таки такое государство, созданное ими подъ вліяніемъ усвоенныхъ ими понятій, было бы въ сущности подобіемъ польской Рѣчи-Посполитой. Не желая отдавать Малороссію Польшѣ, они бы невольно создали изъ нея другую Польшу, а этого народъ малорусскій не хотѣлъ, хотя бы при какой угодно политической независимости.

XVII.

ЦАРЕВИЧЪ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Преобразовательныя намѣренія Петра Великаго возбуждали множество недовольныхъ, готовыхъ противодѣйствовать царю всѣми мѣрами внутри Россіи; но изъ всѣхъ противниковъ его духа первое мѣсто, по достоинству породы, занималъ его родной сынъ, царевичъ Алексѣй. Онъ былъ рожденъ отъ первой супруги Петра, Евдокіи Лопухиной, 18 февраля 1690 года. Петръ никогда не любилъ вполнѣ своей жены, а сошедшись въ Нѣмецкой слободѣ съ Анною Монсъ, почувствовалъ отвращеніе къ своей супругѣ. Это непріязненное чувство развивалось по мѣрѣ пристрастія государя къ иноземщинѣ, которая увлекала его къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ старинныхъ русскихъ порядковъ и обычаевъ. Евдокія не только не сочувствовала въ этомъ Петру, но, какъ бы на зло ему, была ревностною поклонницею старины, за одно со своею близкою роднею — Лопухиными. Петръ пытался сначала убѣдить жену свою добровольно вступить въ монастырь, но всѣ старанія его достигнуть этой цѣли оказались безуспѣшными. Тогда Петръ приказалъ Евдокію, противъ ея воли, отправить въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, и тамъ она была насильно пострижена подъ именемъ Елены. Восьмилѣтній сынъ ея, Алексѣй, былъ разлученъ съ матерью; воспитаніе его поручено было сначала Никифору Вяземскому, потомъ — нѣмцу Нейгебауеру, а когда этого нѣмца, за дерзость и высокомѣріе, царь удалилъ, учителемъ царевича сталъ другой нѣмецъ, Гюйсенъ. Онъ выучилъ царевича по-французски и преподавалъ ему научные предметы на французскомъ языкѣ. Въ 1705 году Петръ отозвалъ Гюйсена къ дипломатическимъ порученіямъ. Царевичъ остался безъ учителя, съ однимъ своимъ воспитателемъ Никифоромъ Вяземскимъ, а сверхъ того, наблюденіе надъ ходомъ ученія поручено было Меншикову, которому, однако,

некогда было слѣдить за царевичемъ, постоянно жившимъ въ Москвѣ, тогда какъ Меншиковъ пребывалъ въ Петербургѣ и часто былъ отвлекаемъ разными военными морскими и административными предпріятіями.

Москва, старая столица Россіи, естественно стала тогда важнѣйшимъ средоточіемъ враговъ преобразованій, начатыхъ Петромъ. Царевичъ, по чувству сердечной памяти о матери, не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ родителю, а суровое и грозное обращеніе отца съ сыномъ еще болѣе охладило Алексѣя къ Петру. Рѣдко онъ могъ видѣть родителя, постоянно занятаго военными дѣлами. Царевича окружили люди, недружелюбно относившіеся къ затѣямъ государя. Это были: четверо Нарышкиныхъ, пять князей Вяземскихъ, домоправитель царевича Еварлаковъ, сынъ кормилицы царевичевой Колычевъ, крутицкій архіерей Илларіонъ и нѣсколько протопоповъ, изъ которыхъ одинъ,—Яковъ Игнатьевъ, былъ духовникомъ царевича и имѣлъ на него громадное нравственное вліяніе. Однажды въ Преображенскомъ селѣ, въ своей спальнѣ, предъ лежащимъ на стольцѣ евангеліемъ, царевичъ далъ своему духовнику клятвенное обѣщаніе слушать его во всемъ, какъ ангела Божія и Христова апостола, считать его судьею всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ проводилъ время сообразно стариннымъ пріемамъ русской жизни: то слушая богослуженіе и занимаясь душеспасительными бесѣдами, то учреждая пиры, постояннымъ участникомъ которыхъ былъ и его духовникъ. Подобно тому, какъ родитель царевича устроилъ ради потѣхи всепьянѣйшій соборъ и раздавалъ разныя клички членамъ этого собора, царевичъ Алексѣй составилъ около себя такой же кружокъ друзей и всѣхъ ихъ надѣлилъ насмѣшливыми прозвищами (отецъ Корова, Адъ, Жибанда, Засыпка, Захлюста, Молохъ, Бритый, Грачъ и пр.). Они хвастались своимъ пьянствомъ. „Мы вчера повеселились изрядно“, писалъ однажды царевичъ къ своему духовнику: „отецъ духовный Чижъ чуть живъ отошелъ до дому, поддержимъ сыномъ“; а въ письмѣ царевича одинъ изъ собесѣдниковъ его, Алексѣй Нарышкинъ, приписалъ: „мы здѣсь зѣло въ молитвенныхъ подвигахъ пребываемъ, я уже третій день не маливался, и главный нашъ не умножаетъ“.

Но забавы царевича не походили на забавы его родителя въ томъ, что царевичъ всегда относился съ сердечнымъ уваженіемъ ко всему церковному и не позволялъ себѣ дѣлать такихъ кощунскихъ выходокъ, какія замѣчаются въ чиноположеніи петрова всепьянѣйшаго собора. За то не менѣе родителя царевичъ, при

случаѣ, показывалъ жестокость и грубость въ обращеніи со своими собесѣдниками; самого духовника своего, котораго называлъ своимъ первѣйшимъ другомъ, царевичъ не разъ пугалъ и за бороду дралъ „и другіе,—писалъ ему этотъ духовникъ,—отъ милостиваго наказанія твоего и побой изувѣчены и хрычатъ кровію“. Своего наставника Вяземскаго царевичъ также дралъ за волосы и билъ палкой. Несмотря на такія грубыя вспышки, царевичъ Алексѣй, будучи по природѣ безхарактеренъ, находился подъ вліяніемъ своихъ друзей и особенно Якова Игнатьева, который служилъ ему тайнымъ посредникомъ по отношенію къ заточенной матери. При его посредствѣ, царевичъ однажды съѣздилъ къ ней въ Суздаль, но царевна Наталья, любимая сестра Петрова, провѣдала объ этомъ и донесла брату. Царь сильно разгнѣвался и потребовалъ сына къ себѣ въ Польшу, гдѣ самъ въ то время находился. Царевичъ обратился къ Екатеринѣ и только ея ходатайству обязанъ былъ тѣмъ. что получилъ отъ родителя прощеніе.

Въ 1709 году, царевичъ, по волѣ родителя, былъ оторванъ отъ московскаго круга друзей, отправленъ въ Дрезденъ учиться геометріи и фортификаціи, а черезъ два года женился на сестрѣ супруги нѣмецкаго императора Карла VI, вольфенбюттельской принцессѣ Шарлоттѣ. Бракъ совершенъ былъ въ Торгау 14 октября 1711 года, въ присутствіи Петра. Алексѣй не чувствовалъ никакой любви къ этой особѣ и женился на ней единственно изъ угожденія волѣ родителя, не смѣя ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсѣмъ не такая женщина, чтобы впослѣдствіи расположить къ себѣ сердце мужа и оказать на него доброе нравственное вліяніе. Это была нѣмка до костей, до глубины души: она окружала себя исключительно единоземцами, не терпѣла русскихъ и всей Россіи. Молодая чета поселилась въ Петербургѣ, въ особомъ дворцѣ, но жила не роскошно, и кронпринцесса, какъ титуловали въ то время жену царевича, безпрестанно жаловалась, что ей даютъ мало средствъ. Петръ пытался пріучить своего сына любить то, чтó самъ любилъ, и посылалъ его по разнымъ порученіямъ., напримѣръ, наблюдать за постройкою судовъ въ Ладогѣ; но царевичъ повиновался нéхотя, изъ подъ палки, и не показывалъ ни малѣйшаго расположенія слѣдовать туда, куда направлялъ его отецъ. Алексѣй боялся родителя: самъ родитель впослѣдствіи объявлялъ, что, желая пріучить сына къ дѣлу, не только бранилъ его, но и бивалъ палкою. Однажды Петръ хотѣлъ проэкзаменовать сына изъ геометріи и фортификаціи. Царевичъ боялся, что царь за-

ставитъ его при себѣ чертить планы, и чтобы избавиться отъ такого непріятнаго испытанія, выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ ладонь; пуля не попала въ руку, но рука была обожжена. Отецъ увидѣлъ обожженную руку сына и допрашивалъ его, что это значитъ. Алексѣй чѣмъ-то отолгался, но избавился отъ угрожавшаго ему испытанія. Все въ немъ составляло противоположность отцу; Петра занимало кораблестроеніе, военное искусство, всякаго рода ремесла и промыслы; царевичъ съ любовью углублялся въ чтеніе благочестивыхъ книгъ, въ разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ, которымъ Петръ не вѣрилъ. Чѣмъ болѣе Петръ всматривался въ поведеніе своего сына, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что онъ не годится быть его преемникомъ на престолѣ, къ чему готовило Алексѣя право рожденія. Петръ пересталъ имъ заниматься и въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ не говорилъ съ нимъ ни слова, но не рѣшался отстранить его отъ престолонаслѣдія, потому что некѣмъ было его замѣстить.

Въ 1714 году Екатерина стала беременною, но въ то же время была уже во второй разъ беременною и супруга Алексѣя, Шарлотта. Кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени 12-го октября сыномъ Петромъ, а черезъ десять дней скончалась. Тогда Петръ, въ самый день погребенія невѣстки, вручилъ сыну письмо, въ которомъ укорялъ его за то, что онъ не показывалъ никакой охоты къ занятіямъ дѣлами правленія, а наиболѣе за то, что царевичъ „ниже слышать хощетъ о воинскомъ дѣлѣ, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли“. Царь убѣждалъ его исправиться, а въ случаѣ неисправленія грозилъ отрѣшить отъ наслѣдства. Письмо это подписано было заднимъ числомъ, за 16 дней до его отдачи, а на другой день послѣ отдачи Екатерина родила Петру сына, Петра. Царевичъ совѣтовался съ близкими лицами, Вяземскимъ и Александромъ Кикинымъ, обращался также къ людямъ сильнымъ: адмиралу Апраксину и князю Василію Владиміровичу Долгорукому. Кикинъ и Вяземскій прямо совѣтовали ему удалиться на покой, а князь Василій Долгорукій говорилъ ему двусмысленныя слова: „давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то будетъ; старая пословица: „улита ѣдетъ, когда-то будетъ“; „это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали“. Хитрый бояринъ далъ царевичу понять, что по его соображеніямъ, какъ онъ ни вывертывайся, а ему не сдобровать. Царевичъ, черезъ три дня послѣ полученія письма, послалъ царю отвѣтъ, въ которомъ сознавался, что „памяти весьма лишенъ и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію“.

Онъ отрекался отъ наслѣдства, предоставляя его своему новорожденному брату и призывалъ во свидѣтели Бога, что не станетъ болѣе претендовать на корону.

Петръ послѣ того заболѣлъ такъ тяжело, что даже исповѣдывался и причащался въ чаяніи кончины. По выздоровленіи, уже въ 1716 году, царь написалъ царевичу письмо, служившее какъ бы отвѣтомъ на то, которое царевичъ писалъ до болѣзни родителя. Петръ написалъ сыну, что не вѣритъ клятвѣ и привелъ изреченіе Давида: „всякъ человѣкъ ложь". „Да наконецъ", выражался Петръ, „если бы ты и истинно хотѣлъ хранить клятву, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло". Затѣмъ Петръ далъ ему на выборъ: или измѣнить свой нравъ и сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ престола, или постричься въ монахи. „Иначе, — кончалъ свое письмо Петръ, — я съ тобою, какъ со злодѣемъ поступлю".

Испуганный царевичъ обратился опять за совѣтомъ къ Вяземскому и Кикину. Оба совѣтовали ему идти въ монастырь. Кикинъ прибавилъ при этомъ: „вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, можно его и снять, а впередъ что̀ будетъ—кто знаетъ!" Сообразно этому совѣту, царевичъ написалъ Петру: „желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія".

Но Петръ черезъ недѣлю посѣтилъ сына и сказалъ ему: „это молодому человѣку не легко, одумайся, не спѣши, подожди полгода".

Вскорѣ Петръ уѣхалъ за-границу. Алексѣй остался въ Петербургѣ въ томительной нерѣшительности. Его пріятель Кикинъ уѣхалъ за-границу высмотрѣть для царевича какое-нибудь убѣжище въ случаѣ крайней опасности.

Въ августѣ 1717 года Петръ изъ-за границы прислалъ сыну письмо и требовалъ: или ѣхать къ нему, не мѣшкавши болѣе недѣли, или постричься и увѣдомить отца, въ какомъ монастырѣ и въ какое время онъ постриженъ. Это до того испугало царевича, что онъ рѣшился бѣжать. „Я вижу,—говорилъ онъ,—что мнѣ самъ Богъ путь правитъ. Мнѣ снилось, что я церкви строю".

Занявши у Меншикова и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ нѣсколько тысячъ червонцевъ, Алексѣй поѣхалъ какъ будто къ отцу, по его приказанію, а на самомъ дѣлѣ — съ намѣреніемъ укрыться отъ его гнѣва и найти защиту у кого-нибудь изъ иноземныхъ государей. На дорогѣ въ Либавѣ Алексѣй свидѣлся съ

Кикинымъ, возвращавшимся въ отечество. Кикинъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Вѣну и отдаться подъ покровительство цезаря. Такъ царевичъ и поступилъ. Онъ поѣхалъ въ Вѣну подъ вымышленнымъ именемъ польскаго шляхтича Коханскаго.

21 ноября стараго стиля, въ 9 часовъ вечера, царевичъ, оставивши свой багажъ и прислугу въ гостинницѣ, находившейся въ Леопольдштадтѣ, самъ поѣхалъ во Внутренній городъ [1]), остановился на площади въ трактирѣ „Bei Klapperer" и отправилъ оттуда своего служителя къ вице-канцлеру Шенборну съ просьбою допустить его по важному дѣлу. Шенборнъ былъ уже раздѣтъ и объявилъ посланному, что онъ одѣнется и пойдетъ къ царевичу самъ; но не успѣлъ Шенборнъ одѣться, какъ царевичъ явился къ нему, и первымъ его дѣломъ было попросить удалиться всѣхъ и выслушать его наединѣ.

— Я пришелъ искать протекціи у императора, моего свояка; пусть онъ спасетъ жизнь мою; меня хотятъ погубить и моихъ бѣдныхъ дѣтей — лишить короны.

— Успокойтесь, — сказалъ ему Шенборнъ, — вы здѣсь въ совершенной безопасности. Разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего вы желаете.

Царевичъ продолжалъ:

— Отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ невиноватъ. Я не раздражалъ его, я слабый человѣкъ. Меня Меншиковъ такъ нарочно воспиталъ; меня споили, умышленно разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію, хочетъ меня постричь и засадить въ монастырь, чтобъ отнять наслѣдство... Я не хочу въ монастырь... Пусть императоръ охранитъ мою жизнь.

Царевичъ, говоря эти слова, не могъ стоять на одномъ мѣстѣ, бѣгалъ по комнатѣ, перевернулъ кресло, потомъ остановился и попросилъ пива; но пива близко не было — ему подали мозельвейну. Царевичъ выпилъ и сказалъ:

— Ведите меня сейчасъ къ императору.

Шенборнъ сказалъ ему:

— Теперь поздно, прежде надобно представить его величеству правдивое и основательное изложеніе вашего дѣла, тѣмъ болѣе, что мы ничего не слыхали подобнаго относительно такого мудраго монарха, какъ вашъ родитель.

— Отецъ былъ ко мнѣ добръ, — сказалъ царевичъ, — пока не родились у жены моей дѣти и она умерла... съ тѣхъ поръ пошло

---

[1]) Такъ называются части города Вѣны.

все хуже и хуже, особенно послѣ того, какъ новая царица родила сына... Она съ Меншиковымъ раздражила противъ меня отца: у нихъ нѣтъ ни Бога, ни совѣсти; я ничего отцу не сдѣлалъ, люблю и почитаю его, какъ велятъ заповѣди Божіи; но не хочу постригаться и тѣмъ дѣлать вредъ моимъ бѣднымъ малюткамъ. Я никогда не имѣлъ охоты къ солдатчинѣ, сидѣлъ дома тихо, вдругъ прошлаго года отецъ сталъ принуждать меня отказаться отъ наслѣдства и постричься, а недавно прислалъ съ курьеромъ приказаніе, чтобы я или постригался, или ѣхалъ къ отцу; я постригаться не хочу, а ѣхать къ отцу—значитъ ѣхать на муки; такъ, я написалъ отцу, что пріѣду, а самъ, по совѣту добрыхъ друзей, пріѣхалъ къ императору: онъ государь великій и великодушный, притомъ же онъ мнѣ своякъ. Я знаю, говорили, будто я дурно обращался съ моею женою, сестрою ея величества императрицы. Это неправда; не я, а отецъ мой и царица обращались съ нею, какъ съ дѣвкою. Я предаю себя и своихъ дѣтей въ защиту императору и умоляю не выдавать меня отцу; онъ окруженъ злыми людьми и самъ—человѣкъ жестокій и свирѣпый: много пролилъ невинной крови, даже собственноручно казнитъ осужденныхъ; онъ гнѣвенъ и мстителенъ, думаетъ, что имѣетъ надъ людьми такое же право, какъ самъ Богъ. Если императоръ меня выдастъ ему, то это все равно, что на смерть.

Шенборнъ сказалъ ему:

— Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ—вопросъ щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнѣе, если, для избѣжанія толковъ въ свѣтѣ, не будете требовать свиданія съ ихъ величествами, а предоставите оказать вамъ явную или тайную помощь и найти средства примирить васъ съ отцомъ.

— Примирить меня съ отцомъ нѣтъ никакой надежды,—сказалъ царевичъ:—если отецъ будетъ ко мнѣ и добръ, то мачиха и Меншиковъ уморятъ меня оскорбленіями, или опоятъ ядомъ. Пусть императоръ дозволитъ мнѣ жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлеръ уговорилъ его подождать отвѣта до завтрашняго дня—и царевичъ ушелъ на свою квартиру.

На другой день, послѣ секретнаго разговора съ императоромъ, вечеромъ, вице-канцлеръ сообщилъ царевичу, что императоръ будетъ стараться примирить его съ родителемъ, а до того времени признаетъ за лучшее содержать его втайнѣ.

Царевичъ согласился и былъ отправленъ въ Тироль, подъ видомъ государственнаго преступника. Его помѣстили въ крѣпости Эренбергѣ, лежащей посреди горъ, на высокой скалѣ. Ко-

менданту приказали содержать его прилично, на сумму отъ 250 до 300 гульденовъ въ мѣсяцъ, и чтобы сохранить тайно его пребываніе, запретили солдатамъ и ихъ женамъ выходить за ворота крѣпости, а караульнымъ — вести съ кѣмъ бы то ни было разговоры о томъ, кто привезенъ въ крѣпость; на всякіе вопросы приказано имъ отзываться незнаніемъ.

Между тѣмъ Петръ, находившійся въ Амстердамѣ и недождавшись сына, смекнулъ, что царевичъ убѣжалъ и сразу догадался, куда онъ направилъ свой путь. Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Веселовскаго, далъ указъ развѣдывать о царевичѣ и написалъ императору Карлу VI письмо, въ которомъ просилъ императора: „еслибы непослушный сынъ русскаго царя оказался явно или тайно въ его владѣніяхъ — выслать его подъ карауломъ для отеческаго исправленія".

Веселовскій подалъ императору письмо Петра, но ни императоръ, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. За то Веселовскій самъ напалъ на слѣдъ царевича, и извѣстилъ Петра, что онъ находится въ Тиролѣ. Объ этомъ узналъ императоръ и послалъ къ царевичу совѣтъ переѣхать подалѣе — въ Неаполь. У царевича была любовница, уѣхавшая съ нимъ изъ Россіи, крѣпостная дѣвушка Вяземскаго—по имени Евфросинія. Оставивши прислугу свою въ Эренбергѣ, царевичъ съ нею отправился въ Неаполь, и 17 мая н. с. 1717 года былъ помѣщенъ въ зáмкѣ Сентъ-Альмо, господствующемъ на холмѣ надъ городомъ.

Не долго пришлось проживать ему въ этомъ убѣжищѣ. Когда царевича везли туда, за нимъ слѣдомъ ѣхалъ капитанъ Румянцевъ и потомъ сообщилъ все царю. Петръ, вмѣстѣ съ этимъ Румянцевымъ, отправилъ въ Вѣну своего приближеннаго Петра Толстого домогаться у императора выдачи царевича, обѣщая отъ имени отца ему прощеніе; если же императоръ не согласится на выдачу, то по крайней мѣрѣ добиться свиданія съ царевичемъ и убѣдить послѣдняго воротиться въ отечество. Императоръ не согласился на выдачу, но дозволилъ Толстому и Румянцеву уговаривать Алексѣя вернуться на родину. Много способствовала этому теща императора, мать умершей жены царевича, которая не хотѣла доводить до крайности раздоръ между отцомъ и сыномъ, чтобы это не повредило ея внукамъ. Отпустивши довѣренныхъ Петра въ Неаполь, императоръ поручилъ управлявшему его южно-италіянскими владѣніями въ званіи вице-короля Дауну содѣйствовать, чтобы царевичъ добровольно согласился воротиться къ отцу; но если царевичъ не поддастся никакимъ убѣжденіямъ,

то увѣрить его, что онъ можетъ оставаться въ безопасности въ императорскихъ владѣніяхъ.

Толстой съ Румянцевымъ пріѣхали въ Неаполь 24 сентября 1717 года. Вице-король Даунъ тотчасъ пригласилъ царевича къ себѣ, чтобы доставить возможность посланцамъ Петра видѣть его. Толстой передалъ царевичу письмо отца. Петръ писалъ: „обнадеживаю тебя и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, если ты воли моей послушаешься и возвратишься".

Царевичъ не поддавался ни на что. Черезъ два дня Даунъ опять устроилъ у себя свиданіе царевича съ присланными русскими. Толстой началъ пугать царевича. Трусливый Алексѣй обратился къ Дауну и спрашивалъ его, будетъ ли защищать его императоръ, если отецъ станетъ требовать его вооруженной рукой. Даунъ отвѣчалъ:

— Императоръ очень желаетъ, чтобы вы примирились съ родителемъ; но если вы считаете небезопаснымъ для себя возвращеніе на родину, то извольте оставаться: императоръ на столько силенъ, что можетъ охранить тѣхъ, которые отдаются подъ его протекцію.

Ободренный царевичъ опять не поддался на увѣщанія Толстого, но, по своей слабохарактерности, прибѣгнулъ къ уловкамъ: сказалъ, что повременитъ, подумаетъ, и послѣ того уже не поѣхалъ въ третій разъ на разговоръ съ Толстымъ и Румянцевымъ въ домъ вице-короля.

Тогда Толстой подкупилъ за 60 червонцевъ секретаря Даунова, Вейнгардта, съ тѣмъ, чтобы тотъ, лично отъ себя, попугалъ царевича и тѣмъ убѣдилъ его къ возвращенію. Вейнгардтъ поѣхалъ къ Алексѣю въ зàмокъ и сталъ ему говорить: „императорская протекція не совсѣмъ для васъ надежна: царь объявляетъ, что прощаетъ сына, а сынъ не ѣдетъ; если царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу".

Слова Вейнгардта такъ растревожили царевича, что онъ самъ написалъ записку къ Толстому и просилъ пріѣхать къ нему, только безъ Румянцева, котораго онъ особенно боялся. Толстой пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

„Вотъ я получилъ отъ государя письмо; онъ собираетъ войско, хочетъ его вести въ Силезію и доставать оружіемъ своего сына, а самъ собирается ѣхать въ Италію. Не думай, что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ: кто ему запретитъ?"

Царевичъ поколебался и сказалъ: „я бы поѣхалъ къ отцу, еслибы у меня не отняли Евфросинію и дозволили жить съ нею въ деревнѣ".

Затѣмъ онъ обѣщалъ еще подумать. Толстой приступилъ къ Дауну и началъ просить попугать царевича разлукою съ Евфросиніею. Даунъ на самомъ дѣлѣ не смѣлъ отнять Евфросиніи у царевича, но попугать его разлукою съ нею счелъ дозволительнымъ, потому что царевичу, отъ лица императора, было уже заявлено, что если отецъ сердится на него за то, что онъ возитъ съ собою какую-то женщину, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ кажется заступаться за поступки, достойные порицанія. Вице-король велѣлъ сказать царевичу, что прикажетъ отлучить отъ него женщину, которая ѣздитъ съ нимъ въ мужской одеждѣ. Испуганный царевичъ посовѣтовался съ Евфросиніею, а Евфросинія сказала ему, что лучше всего покориться отцовской волѣ и просить у отца прощенія. Это обстоятельство рѣшило все. Царевичъ на другой день объявилъ Толстому, что согласенъ ѣхать въ отечество, если ему позволятъ жениться на Евфросиніи и жить съ нею въ деревнѣ. Толстой, какъ царскій уполномоченный, далъ отъ имени царя согласіе. Царевичъ прежде поѣхалъ въ Баръ на поклоненіе мощамъ св. Николая; Толстой и Румянцевъ послѣдовали за нимъ неотступно. а по возвращеніи съ богомолья, 14 октября, царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, по дорогѣ на Римъ, со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцевъ очень боялись, чтобы царевичъ, подъ какими-нибудь впечатлѣніями, не измѣнилъ своего рѣшенія, пока не выѣдетъ изъ императорскихъ владѣній, а потому не стали останавливаться въ Вѣнѣ, проѣхали ее ночью и спѣшили поскорѣе убраться за предѣлы императорскихъ владѣній: но въ Брюннѣ они были задержаны генералъ-губернаторомъ Моравіи, графомъ Колоредо, который получилъ отъ императора приказаніе не пропускать путешественниковъ, прежде чѣмъ узнаетъ отъ царевича причину, почему онъ не представился императору въ Вѣнѣ, и пока не удостовѣрится, что царевича везутъ не по неволѣ. 23 декабря, Колоредо видѣлся съ царевичемъ и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ не явился къ императору единственно по причинѣ дорожныхъ обстоятельствъ, не имѣя приличной обстановки. Въ это время Толстой сообщилъ царевичу новое письмо отца, въ которомъ Петръ изъявилъ согласіе на бракъ Алексѣя съ Евфросиніею и проживаніе съ нею въ деревнѣ. Это обѣщаніе вполнѣ успокоило царевича. Колоредо отпустилъ его. За нимъ медленно слѣдовала беременная Евфросинія другою дорогою, вмѣсто Вѣны, на Нюренбергъ и Берлинъ. Царевичъ со своими дядьками направлялся прямо въ Москву, и во время проѣзда по Россіи видѣлъ въ народѣ знаки расположенія къ себѣ. „Благослови,

Господи, будущаго государя нашего“, кричалъ народъ. 31 января царевича привезли въ Москву.

3 февраля было первое свиданіе Алексѣя съ родителемъ. Царь приказалъ собраться въ отвѣтной палатѣ Кремлевскаго дворца духовнымъ сановникамъ, сенаторамъ, всякихъ чиновъ людямъ, „кромѣ подлаго народа“ и самъ стоялъ въ этомъ собраніи. Вошелъ царевичъ, вмѣстѣ съ Толстымъ, и, какъ только увидѣлъ государя, повалился къ нему въ ноги и съ плачемъ просилъ прощенія въ своей винѣ. „Встань,—сказалъ царь,—объявляю тебѣ свою родительскую милость“. Петръ началъ припоминать, какъ онъ обучалъ его, готовя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, но сынъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обучаться тому, что̀ было нужно для его будущаго сана; потомъ выговаривалъ его послѣднее преступленіе—бѣгство изъ отечества и обращеніе къ иноземному государю. Царевичъ не могъ приносить никакого оправданія, просилъ только простить его и даровать жизнь, а отъ наслѣдства отказывался.

„Я покажу тебѣ милость,—сказалъ Петръ,—но только съ тѣмъ, чтобы ты показалъ самую истину и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтовали бѣжать къ цезарю“.

Алексѣй Петровичъ хотѣлъ-было что-то говорить, но царь перебилъ его и приказалъ стоявшему близъ него Думашеву во всеуслышаніе читать приготовленный печатный манифестъ. По окончаніи чтенія царь сказалъ: „прощаю, а наслѣдія лишаю“.

Послѣ этихъ словъ царь вышелъ и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе въ Успенскій соборъ. Здѣсь царевичъ Алексѣй произнесъ присягу предъ евангеліемъ въ томъ, что никогда, ни въ какое время не будетъ искать, желать и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ принимать престола, а признаетъ своимъ истиннымъ наслѣдникомъ брата своего, Петра Петровича. Царевичъ подписался на присяжномъ листѣ. За нимъ присягали и также подписались всѣ присутствовавшіе.

Изъ собора царь, вмѣстѣ съ царевичемъ, отправились въ Преображенское село на обѣдъ. Въ 3 часа пополудни туда съѣхались министры и сенаторы, пили и веселились. Въ этотъ же день былъ опубликованъ манифестъ, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворцѣ Думашевымъ. Въ этомъ манифестѣ объявлялось о давней и постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ, объ его безнравственности, о томъ, что онъ еще при жизни своей жены „взялъ нѣкую бѣздѣльную и работную дѣвку“ и съ оною жилъ явно беззаконно, что это способствовало смерти его жены;—потомъ излагалась исторія его побѣга, сообщалось, между прочимъ, что

императорскій намѣстникъ въ Неаполѣ объявилъ царевичу, что цезарь не станетъ держать его въ своихъ владѣніяхъ [1]), наконецъ объявлялось, что царь „отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя“, прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, „хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось“, а вмѣсто отрѣшеннаго отъ наслѣдства, назначаетъ своимъ наслѣдникомъ другого своего сына, Петра, котораго всѣ подданные должны признать въ качествѣ наслѣдника престола посредствомъ цѣлованія креста. Затѣмъ всѣ, которые станутъ признавать Алексѣя наслѣдникомъ престола, объявлялись измѣнниками.

На другой день послѣ объявленія манифеста, царевичу задали вопросные пункты, требовали отъ него показаній не только о дѣйствіяхъ, но и о словахъ, какія онъ произносилъ самъ и какія онъ слышалъ отъ другихъ въ разное время. Вопросные пункты оканчивались такими зловѣщими словами: „ежели что̀ укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ“.

Мелкая, эгоистическая натура Алексѣя проявилась во всей силѣ. Царевичъ настрочилъ показаніе, въ которомъ прежде всего очернилъ Александра Кикина, какъ главнаго совѣтника къ побѣгу, показалъ, что говорилъ своему камердинеру, Ивану Большому-Аѳанасьеву, о своемъ намѣреніи бѣжать, но не получилъ одобренія; показалъ па Дубровскаго, которому передавалъ деньги для своей матери; показалъ на своего учителя Вяземскаго, на сибирскаго царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василія Долгорукаго и на свою тетку, царевну Марію Алексѣевну; оговорилъ Кейля, секретаря имперскаго канцлера Шенборна, будто онъ принуждалъ его писать письма сенаторамъ и архіереямъ, хотя эти письма и не были имъ посланы. Показаніе царевича не заключало, однако, полной искренности; онъ раскрывался только вполовину, такъ что его показанія могли притянуть другихъ въ бѣду, а о себѣ всего не сказалъ.

Александра Кикина, вмѣстѣ съ Большимъ-Аѳанасьевымъ, схватили въ Петербургѣ, привезли въ Москву и подвергли страшнымъ истязаніямъ въ Преображенскомъ приказѣ. Его пытали четыре раза. Кикинъ упорно запирался, отрицалъ справедливость показаній царевича, наконецъ, послѣ новыхъ, невыносимыхъ мученій, сказалъ: „я побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто сыскалъ въ

[1]) Противъ этого извѣстія впослѣдствіи протестовалъ Даунъ.

такую мѣру — когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ ко мнѣ милостивъ". Его приговорили къ колесованію.

На другой день послѣ казни, истерзанный Александръ Кикинъ лежалъ на колесѣ еще живой; царь подъѣхалъ къ нему, слушалъ, какъ онъ стопалъ, вопилъ и молилъ отпустить душу его на покаяніе въ монастырь. Петръ приказалъ отрубить ему голову и воткнуть на колъ.

Камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ оговорилъ многихъ, но не спасъ себя: и его приговорили къ смерти, но приговоръ отложили. То же сдѣлали и съ Дубровскимъ, сообразно показаніямъ царевича.

Сенатора князя Василія Долгорукаго привезли изъ Петербурга скованнымъ въ Москву. Этого человѣка никакъ не могли обвинить въ соучастіи съ царевичемъ, котораго онъ хорошо понималъ, но ему поставили въ вину нѣкоторыя остроты, произнесенныя имъ неосторожно. Такъ, напримѣръ, когда начали говорить, что царевичъ возвращается въ Россію, князь Василій сказалъ: „вотъ, дуракъ, повѣрилъ, что отецъ посулилъ ему жениться на Афросиньѣ! жолвъ ему, а не женитьба, чортъ его несетъ; его, дурака, обманываютъ нарочно". Василія Долгорукаго отправили въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ сослали въ Соликамскъ. Учитель Вяземскій отписался, показавши, что ничего не зналъ объ умыслахъ царевича, который давно уже не любитъ его и теперь наговорилъ на него по злобѣ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ арестовали человѣкъ двадцать и отправили въ ножныхъ кандалахъ въ Москву. Всѣмъ жителямъ Петербурга объявлено было запрещеніе выѣзжать изъ города по московской дорогѣ подъ опасеніемъ смертной казни.

Въ тотъ же день Петръ послалъ Григорія Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокіею. Скорняковъ-Писаревъ привезъ ее въ Москву и донесъ, что нашелъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ. Этотъ человѣкъ, впослѣдствіи самъ испытавшій горькую участь отъ Петра, угождая царю, давалъ совѣты хватать того и другого, чтобъ открывать „воровство". По его совѣту, вслѣдъ за несчастною царицей, потащили въ Преображенскій приказъ цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ духовнаго и мірского чина.

Тогда открылось, что отверженная царица, послѣ долгаго томленія въ монастырѣ, завела любовную связь съ майоромъ Степаномъ Глѣбовымъ — человѣкомъ женатымъ, уже немолодымъ и имѣвшимъ взрослаго сына. Попались ея письма къ этому человѣку. Царица на допросѣ созналась въ связи съ нимъ. Сознался

въ томъ же и Глѣбовъ, но не хотѣлъ сознаться ни въ писаніи, ни въ произнесеніи хульныхъ словъ на Петра и Екатерину, чего отъ него домогались. Уликъ не было. Сознанія отъ него не добились ни посредствомъ кнута, ни жженія горячими углями и раскаленнымъ желѣзомъ, и все-таки посадили на колъ на Красной площади. Испытывая невыразимыя мученія, онъ былъ живъ цѣлый день, затѣмъ ночь, и умеръ передъ разсвѣтомъ, испросивши причащеніе св. тайнъ у одного іеромонаха. Говорятъ, что Петръ подъѣзжалъ къ нему и потѣшался его страданіями. Тогда же колесованъ былъ ростовскій епископъ Досиѳей за то, что поминалъ Евдокію царицею, утѣшалъ ее разными вымышленными откровеніями, гласами отъ образовъ, чудесными видѣніями и тому подобными суевѣріями, пророчилъ ей, между прочимъ, что она станетъ снова царицею, и Петръ опять сойдется съ нею. Казнили смертію духовника Евдокіи, который былъ у ней посредникомъ въ сношеніяхъ съ Глѣбовымъ; наказали кнутомъ нѣсколькихъ монахинь, угождавшихъ Евдокіи. Саму Евдокію царь сослалъ въ Староладожскій женскій монастырь, а сестру свою Марію Алексѣевну приказалъ заточить въ Шлиссельбургъ: спустя нѣсколько времени, она была переведена въ Петербургъ и оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ.

Во время страшнаго розыска по этому дѣлу, происходившаго въ Преображенскомъ приказѣ, государь, 2 марта, въ сборное воскресеніе, былъ у обѣдни. Здѣсь подошелъ къ нему неизвѣстный человѣкъ и подалъ бумагу, въ которой было написано слѣдующее:

„За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстію и судомъ Божіимъ и пресвятымъ евангеліемъ не клянусь, и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, хотя за то и царскій гнѣвъ на мя произмётся, буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой, за истину, азъ рабъ Христовъ Илларіонъ Докукинъ страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь“.

Бумага, на которой подписаны были эти слова, была присяжнымъ листомъ на вѣрность новообъявленному наслѣднику престола царевичу Петру Петровичу. Этотъ присяжный листъ раздавали во множествѣ экземпляровъ, приводя русскихъ къ присягѣ. Человѣкъ, подавшій Петру эту бумагу, былъ подъячій До-

кукинъ. Его три раза подвергли жесточайшей пыткѣ. Онъ никого не выдалъ, хулилъ Петра и Екатерину и кричалъ, что пришелъ добровольно пострадать за правду и имя Христово. Его колесовали. Но Петръ понялъ, что, между сторонниками его сына, есть люди, о которыхъ можно было сказать, что они не чета жалкому ничтожному царевичу и что они гораздо опаснѣе самого Алексѣя. „О, бородачи, бородачи!" восклицалъ тогда Петръ въ разговорѣ съ Толстымъ. „Всему злу корень — старцы, да попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я—съ тысячами!"

Въ изобиліи лилась человѣческая кровь за этого царевича, а онъ самъ тѣшился увѣренностью, что страданіями преданныхъ ему людей купитъ себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросиніей. „Батюшка", писалъ онъ къ Евфросиніи, „поступаетъ со мною милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ".

18 марта Петръ уѣхалъ въ Петербургъ. Съ нимъ отправился и царевичъ. 12 апрѣля была пасха. Царевичъ, явившись къ мачихѣ съ поздравленіемъ, валялся у нея въ погахъ и умолялъ ее ходатайствовать о дозволеніи ему жениться на Евфросиніи. И это дѣлалось послѣ того, какъ его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страданіе!

Давно-жданная Ефвросинія наконецъ пріѣхала въ Петербургъ 20 апрѣля; но царевичъ не встрѣтилъ ее и не обнялъ при свиданіи. Ее, беременную, засадили въ Петропавловскую крѣпость и тамъ задали ей вопросные пункты: кто писалъ царевичу во время его пребыванія за границею, кого хвалилъ царевичъ, кого бранилъ, что̀ о комъ говорилъ.

Испуганная Евфросинія дала такое показаніе:

„Царевичъ писалъ не разъ цезарю жалобы на отца, писалъ письма къ русскимъ архіереямъ, съ тѣмъ, чтобы эти письма подметывать въ народѣ, постоянно жаловался на родителя, очень прилежно желалъ наслѣдства, изъявлялъ радость, когда читалъ въ курантахъ, что братъ его, Петръ Петровичъ, боленъ, и говорилъ такія слова: „хотя батюшка и дѣлаетъ то, что̀ хочетъ, только, чаю, сенаты не сдѣлаютъ того, чего хочетъ батюшка". Когда слыхалъ о видѣніяхъ и читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, то говорилъ: „тишина не даромъ, можетъ быть отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ. Отецъ надѣется, что по смерти его, вмѣсто малолѣтнаго Петра, будетъ управлять мачиха; тогда бабье царство будетъ и произойдетъ смятеніе: иные ста-

нутъ за брата, а иные за меня. Я, когда стану царемъ, то всѣхъ старыхъ переведу, а новыхъ наберу себѣ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; я кораблей держать не стану и войны ни съ кѣмъ вести не буду; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ". Когда услышалъ царевичъ, будто въ Мекленбургѣ бунтуетъ русское войско, то очень обрадовался".

Евфросинія показала также, что царевичъ изъ Неаполя хотѣлъ бѣжать въ Римъ къ папѣ; но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было показаніе Евфросиніи, онъ запирался. Но отецъ подвергъ его тайной пыткѣ. Уже послѣ смерти царевича, осуждены были на казнь трое крестьянъ за то, что были свидѣтелями, какъ на мызѣ повели царевича подъ сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. Послѣ такихъ мѣръ, царевичъ написалъ показаніе, въ которомъ наговорилъ на себя столько, сколько даже не былъ вынужденъ говорить, напримѣръ: „когда я слышалъ о мекленбургскомъ бунтѣ русскаго войска, какъ писали въ иностранныхъ газетахъ, то радовался и говорилъ, что Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ, и когда бы такъ было и бунтовщики прислали бы за мною, то я бы къ нимъ поѣхалъ". Онъ наговорилъ на многихъ государственныхъ людей, притянулъ къ дѣлу кіевскаго митрополита, заявивши, что онъ ему другъ, что писалъ къ этому архипастырю и просилъ всѣмъ сказывать, что царевичъ убѣжалъ отъ принужденія вступить въ монастырь. Петръ, по этому показанію, отправилъ Скорнякова-Писарева въ Кіевъ сдѣлать у митрополита обыскъ и самого его препроводить въ Петербургъ. Престарѣлый митрополитъ Іосифъ Кроковскій былъ отправленъ въ Петербургъ, но не доѣхалъ и умеръ на пути въ Твери. Преданіе говорило, что его отравили.

Вынужденное пытками сознаніе царевича въ томъ, что онъ готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ, дало Петру поводъ не стѣсняться своимъ прежнимъ обѣщаніемъ помилованія, даннымъ виновному сыну. 13 іюня, Петръ приказалъ нарядить судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и объявлялъ печатно, чтобы судьи вершили это дѣло „не флатируя и не похлѣбуя ему государю: не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на сына вашего государя, но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей души, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно".

14 іюня царевичъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а 17-го, потребованъ въ судъ къ допросу. Царевичъ ого-

ворилъ своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто послѣдній, узнавши отъ царевича на исповѣди, что царевичъ желаетъ отцу смерти, сказалъ: „Богъ тебѣ проститъ, и мы всѣ желаемъ ему смерти". Пытали Лопухина, разстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 іюня, пытали самого царевича и дали ему 25 ударовъ кнутомъ.

22 іюня Толстой взялъ съ царевича показаніе, въ которомъ излагались причины его непослушанія отцу. Показаніе это явно было написано такъ, какъ отъ него требовали. Онъ приписывалъ все своему обращенію съ попами, чернецами и ханжами, а въ концѣ оговорилъ нѣмецкаго императора, будто тотъ обѣщалъ ему вооруженную помощь: „и ежели бы цезарь началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, то я бы, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, далъ бы цезарю великія суммы денегъ, а министрамъ и генераламъ его великіе подарки. Войска его, которыя бы онъ мнѣ далъ въ помощь, чтобы доступать короны россійской, взялъ бы на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю".

24 іюня царевича снова подвергли пыткѣ и дали ему 15 ударовъ кнутомъ. Въ этотъ самый день рѣшился судъ надъ нимъ. Духовенство дало уклончивый, но замѣчательно мудрый приговоръ. Выписавъ разныя мѣста изъ священнаго писанія объ обязанностяхъ дѣтей повиноваться родителямъ, оно предоставило на волю государя дѣйствовать или по ветхому, или по новому завѣту: хочетъ руководствоваться ветхимъ завѣтомъ — можетъ казнить сына, а если хочетъ предпочесть ученіе новаго завѣта — можетъ простить его, по образцу, указанному въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, и въ поступкѣ самого Спасителя съ женою прелюбодѣйницею. „Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ!" Такъ сказано было въ концѣ приговора духовныхъ.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, исполнила свое дѣло; она указала духъ, въ какомъ должна дѣйствовать мірская власть, признающая себя христіанскою; болѣе ничего не могла сдѣлать церковь, не имѣвшая никакого оружія, кромѣ слова, никакихъ побудительныхъ мѣръ, кромѣ указаній на слова и примѣръ Спасителя.

Свѣтскій судъ не сохранилъ своего достоинства въ равной степени, въ какой сохранило его духовенство. Свѣтскіе судьи могли бы напомнить государю, что онъ далъ свое царское обѣщаніе сыну, черезъ Толстого въ Неаполѣ: что ему наказанія не

будетъ, если онъ возвратится. Сынъ повѣрилъ слову царя-родителя и теперь его можно было судить только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ сдѣлалъ что-либо преступное уже послѣ своего возвращенія въ отечество. Но свѣтскіе судьи такъ не сдѣлали, во-первыхъ потому, что во главѣ ихъ находился Меншиковъ, личный врагъ царевича, во-вторыхъ потому, что они желали угодить Петру, и ясно видѣли, какого рѣшенія ему хочется. Царевичу былъ подписанъ смертный приговоръ 120-ю членами суда.

26 іюня въ 6 часовъ пополудни царевичъ скончался. Царь опубликовалъ объ его смерти, что онъ, выслушавши смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, заболѣлъ недугомъ въ родѣ апоплексіи, исповѣдался, причастился, потребовалъ къ себѣ отца, испросилъ у него прощенія и по-христіански скончался. Этому описанію не всѣ вѣрили; пошли слухи, что царевичъ умеръ насильственною смертью, но какою—неизвѣстно. Изъ книгъ „Гварнизона“, то-есть Петропавловской крѣпости, видно, что въ день смерти царевича, утромъ, Петръ съ девятью сановниками. ѣздилъ въ крѣпость и тамъ „учиненъ былъ застѣнокъ“, т.-е. производилась пытка, но надъ кѣмъ—о томъ не говорится.

На другой день, 27 іюня, была годовщина полтавской битвы. Царь обѣдалъ на почтовомъ дворѣ, въ саду, и вечеромъ веселился. 29 іюня, государь праздновалъ свои имянины, обѣдалъ въ лѣтнемъ дворцѣ, присутствовалъ на спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Тѣло царевича, перенесенное изъ Петропавловской крѣпости, лежало въ церкви св. Троицы. 30 іюня, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, оно было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробомъ покойной кронпринцессы. Траура не было.

Царевичъ гнилъ въ землѣ, а дѣло его все еще продолжалось, и 8 декабря были казнены смертію обвиненные показаніями царевича: духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, дядя его Авраамъ Лопухинъ, камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ, Дубровскій и Вороновъ. Другихъ били кнутомъ и вырѣзали имъ ноздри.

Безусловные почитатели Петра видѣли въ поступкѣ съ сыномъ великій подвигъ принесенія въ жертву отечеству своего родного сына и оправдывали царя крайнею необходимостію. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ Алексѣй былъ такою личностію, которая непремѣнно, по своей безхарактерности, сдѣлалась бы орудіемъ враговъ Петра и всѣхъ его преобразованій. Его отреченіе отъ наслѣдства ни въ какомъ случаѣ не имѣло бы силы послѣ смерти Петра, какъ бы государь ни распорядился престоломъ. Всегда бы нашлась могущественная партія, которая по-

двинула бы Алексѣя возвратить себѣ потерянныя права, и тогда погибель грозила бы всѣмъ Петровымъ сподвижникамъ и всему тому, что̀ Петръ готовилъ для Русскаго государства. Но нельзя не видѣть, что Петромъ руководили не только государственные виды, но и семейныя побужденія. Онъ не любилъ Алексѣя, какъ сына ненавистной, отверженной имъ жены и хотѣлъ доставить престолъ потомству Екатерины; отъ этого-то онъ сталъ налегать на Алексѣя настойчивѣе тогда, когда родился сынъ отъ Екатерины. Если бы у Петра не было такого побужденія, то, отрѣшивши Алексѣя отъ наслѣдства, онъ могъ бы назначить, по праву первородства, своимъ наслѣдникомъ внука, Алексѣева сына, который былъ такъ же малъ, какъ и рожденный черезъ нѣсколько дней послѣ внука, сынъ Петра, царевичъ Петръ Петровичъ. Петръ могъ воспитать себѣ достойнаго преемника и въ малолѣтнемъ внукѣ, какъ въ малолѣтнемъ сынѣ. Чтобы оправдать свой поступокъ и придать ему законный видъ, Петръ установилъ законъ, по которому царствующій государь можетъ отдавать послѣ себя престолъ кому угодно, мимо всякаго права рожденія. Несостоятельность и неудобопримѣнимость такого порядка вещей показалась въ исторіи самого Петра: ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданнымъ имъ же закономъ, не указавши послѣ себя преемника престола.

XVIII.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ.

Изъ всѣхъ современниковъ Петра, окружавшихъ его, не было никого ближе къ государю, какъ Меншиковъ; не было другой личности, которая возбуждала бы до такой степени всеобщее вниманіе Европы странными поворотами своей судьбы. По общему мнѣнію, составившемуся еще при жизни Меншикова, онъ происходилъ изъ простолюдиновъ, и въ этомъ отношеніи составлялъ въ ряду государственныхъ русскихъ лицъ замѣчательное исключеніе, олицетворявшее стремленіе Петра создать новыхъ дѣятелей, не связанныхъ съ общественными преданіями старой Руси. По однимъ сказаніямъ, отецъ его былъ православный пришелецъ изъ Литвы, поселившійся въ Москвѣ, по другимъ—онъ былъ уроженецъ береговъ Волги, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ простолюдинъ. Въ 1686 году двѣнадцатилѣтній Александръ Меншиковъ, отданный отцомъ къ московскому пирожнику, продавалъ въ столицѣ пироги. Мальчишка отличался остроумными выходками и балагурствомъ, что̀ долго было въ обычаѣ у русскихъ разносчиковъ; этимъ онъ заманивалъ къ себѣ покупщиковъ. Случилось ему проходить мимо дворца знаменитаго и сильнаго въ то время Лефорта; увидя забавнаго мальчика, Лефортъ позвалъ его къ себѣ въ комнату и спросилъ: „что̀ возьмешь за всю свою коробку съ пирогами?“ — „Пироги извольте купить, а коробки безъ позволенія хозяина я продать не смѣю“, отвѣчалъ Алексашка, — такъ звали уличнаго мальчика. „Хочешь у меня служить?“ спросилъ его Лефортъ. „Очень радъ“, отвѣчалъ Алексашка, „только надобно отойти отъ хозяина“. Лефортъ купилъ у него всѣ пирожки и сказалъ: „когда отойдешь отъ пирожника, тотчасъ приходи ко мнѣ“.

Съ неохотою отпустилъ пирожникъ Алексашку и сдѣлалъ это только потому, что важный господинъ бралъ его въ свою при-

слугу. Меншиковъ поступилъ къ Лефорту и надѣлъ его ливрею. Онъ показывалъ большую сметливость, замѣчательную вѣрность интересамъ своего хозяина и умѣлъ угодить Лефорту. Веселый и шутливый нравъ Алексашки очень пришелся по вкусу Лефорту, который, какъ французъ, отличался всегдашнею добродушною веселостью, любезностью и уживчивостью. Лефортъ часто шутилъ съ Алексашкой и восхищался его остроумными выходками, хотя, при всей своей природной способности, Алексашка былъ тогда круглый невѣжда и не умѣлъ порядочно подписать собственнаго имени.

Между тѣмъ значеніе Лефорта все болѣе и болѣе возрастало, и онъ сдѣлался задушевнымъ другомъ и постояннымъ собесѣдникомъ молодого царя Петра. Часто проводя веселые вечера въ домѣ Лефорта, царь увидѣлъ тамъ Алексашку. Сразу ему понравился бывшій пирожникъ, а Лефортъ описалъ Петру въ самомъ плѣнительномъ видѣ сметливость, живость и служебную вѣрность Алексашки. Царь пожелалъ взять Алексашку къ себѣ въ прислугу.

Такъ разсказывали современники о ранней судьбѣ этой замѣчательнѣйшей личности русской исторіи. Въ послѣднее время опровергали это сказаніе главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что въ то время, когда Меншиковъ уже былъ въ большой милости у царя, Петръ, ходатайствуя у императора нѣмецкаго грамоту Меншикову на санъ князя Римской имперіи, именовалъ его происходящимъ изъ шляхетской литовской фамиліи. Но этотъ доводъ, для опроверженія цѣлаго ряда современныхъ сказаній, довольно слабъ, тѣмъ болѣе, что прямые потомки Меншикова не могли представить никакихъ объясненій о темномъ происхожденіи своего предка, отзываясь пропажею фамильныхъ документовъ во время московскаго пожара 1812 года.

Поступивши въ царскую прислугу, сначала Алексашка былъ простымъ лакеемъ, а потомъ царь записалъ его въ число своихъ потѣшныхъ, гдѣ юноши были почти всѣ изъ дворянскаго сословія. Это былъ первый шагъ къ возвышенію Меншикова, но важно было для него то, что, считаясь потѣшнымъ, Меншиковъ нѣсколько лѣтъ продолжалъ исполнять близъ царской особы должность камердинера: Петръ, ложась спать, клалъ его у своихъ ногъ на полу. Тогда-то чрезвычайная понятливость, любознательность и большая исполнительность Меншикова расположили къ нему царя. Меншиковъ какъ будто заранѣе угадывалъ, чего царю нужно, и во всемъ спѣшилъ угодить его желанію. Случалось, запальчивый царь ругалъ его и даже бивалъ, — Меншиковъ все

переносилъ безропотно и терпѣливо. И Петръ привязался къ Меншикову до такой степени, что чувствовалъ потребность въ постоянной близости его. Скоро многіе, замѣтивши, что Меншиковъ дѣлается царскимъ любимцемъ, стали обращаться къ нему о ходатайствѣ и заступничествѣ передъ царскою особою. Меншиковъ сопровождалъ царя въ азовскій походъ, и получилъ офицерскій чинъ, хотя не ознаменовалъ себя ничѣмъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Петръ нашелъ въ немъ большого поклонника любимой царской мысли—преобразовать Русское государство на иноземный ладъ; Меншиковъ во всемъ казался Петру ненавистникомъ старыхъ русскихъ жизненныхъ пріемовъ и обычаевъ и съ жадностью готовъ былъ походить на западнаго европейца, а это было въ такую пору, когда Петръ встрѣчалъ ропотъ и суровыя лица своихъ князей и бояръ, боявшихся грозившаго Россіи господства иноземщины. Понятно, какъ этотъ простолюдинъ по породѣ казался Петру достойнѣе многихъ потомковъ воеводъ и намѣстниковъ.

Когда, собираясь въ путешествіе за-границу, царь пировалъ въ домѣ Лефорта, и въ это время тайные враги готовили ему внезапную гибель, человѣкъ, узнавшій о заговорѣ, былъ Меншиковъ: онъ получилъ, какъ говорятъ, свѣдѣнія о тайныхъ замыслахъ черезъ посредство одной дѣвушки, дочери участника въ заговорѣ.

Наступило первое путешествіе Петра за-границу подъ именемъ Петра Михайлова. Меншиковъ былъ неразлученъ съ Петромъ; съ нимъ онъ работалъ на амстердамской верфи, съ нимъ посѣщалъ университетскіе кабинеты и мастерскія художниковъ. Меншиковъ заранѣе еще въ Россіи подучился по-голландски и понѣмецки, а находясь за-границею, въ глазахъ Петра быстро освоился съ этими языками. Вездѣ и во всемъ умѣлъ онъ нравиться своему властелину, раздѣлялъ съ нимъ и трудныя работы по кораблестроенію, и буйныя попойки, и оргіи. Когда изъ трудолюбивой мѣщанской Голландіи Петръ переѣхалъ въ аристократическую Англію, Меншиковъ съ удивительною понятливостью присмотрѣлся къ пріемамъ придворной и дипломатической жизни На возвратномъ пути черезъ Вѣну, Меншиковъ присутствовалъ съ царемъ на блестящемъ придворномъ маскерадѣ, устроенномъ для Петра императоромъ въ своемъ дворцѣ, и освоивался съ пріемами большого европейскаго свѣта. По возвращеніи въ отечество началась страшная расправа съ мятежными стрѣльцами; Меншиковъ былъ постоянно съ государемъ, и въ угоду ему собственноручно рубилъ преступникамъ головы.

Въ это время царь разошелся съ своей женою Евдокіею и заточилъ ее въ монастырь; она чрезвычайно не терпѣла Меншикова, и всѣ сторонники старыхъ порядковъ Руси раздѣляли отвращеніе къ любимцу, имѣвшему, по ихъ понятіямъ, зловредное на царя вліяніе. Началось бритье бородъ и переодѣваніе русскихъ въ иноземное платье; Меншиковъ былъ самымъ ревностнымъ хвалителемъ царскихъ затѣй, и этимъ глубже входилъ въ душу царя; не было ничего, въ чемъ бы Петръ отказалъ своему другу Александру Даниловичу или просто Данилычу, какъ онъ называлъ его. Въ это время Меншиковъ имѣлъ уже чинъ генералъ-маіора и начальствовалъ надъ цѣлымъ драгунскимъ полкомъ, носившимъ его имя.

Въ 1700 году, при самомъ началѣ шведской войны, Меншиковъ женился на дѣвицѣ Дарьѣ Арсеньевой.

Во всѣхъ перемѣнахъ счастливыхъ и несчастныхъ, сопровождавшихъ шведскую войну, Меншиковъ постоянно находился при царской особѣ и не могъ самостоятельно проявить собственной личности безъ участія самого царя. Гдѣ былъ царь, тамъ былъ и Меншиковъ. Когда нѣмецъ Нейгебауеръ, бывшій воспитатель молодого царевича Алексѣя, потерялъ свое мѣсто, главнымъ руководителемъ образованія своего сына Петръ назначилъ Меншикова; но это руководительство могло быть только номинальнымъ, потому что Меншиковъ не переставалъ сопровождать царя въ его подвижной жизни. 24 августа 1702 года фельдмаршалъ Шереметевъ взялъ городъ Маріенбургъ и въ числѣ плѣнныхъ, сдавшихся жестокому полководцу на милость, былъ пасторъ Глюкъ, съ своею воспитанницею или служанкою Мартою; послѣднюю Шереметевъ передалъ женѣ полковника Балька, а у ней взялъ ее къ себѣ Меншиковъ и подарилъ своей женѣ, у которой въ услуженіи было уже нѣсколько ливонскихъ и шведскихъ плѣнницъ. Марта, перемѣнившая свое имя на Екатерину, сразу съумѣла понравиться Меншиковой.

Послѣ взятія Шлиссельбурга Меншиковъ былъ возведенъ въ званіе губернатора Ингерманландіи, Кореліи, Эстляндіи и всего края, доставшагося Россіи оружіемъ отъ Швеціи. Въ 1703 году въ глазахъ Меншикова была взята и уничтожена крѣпость Ніеншанцъ. Когда шведы выслали противъ русскихъ по Невѣ суда свои, а Петръ счастливо отбилъ покушенія и овладѣлъ двумя фрегатами, Меншиковъ былъ участникомъ этого дѣла и награжденъ отъ царя орденомъ Андрея Первозваннаго. 27 мая 1703 года въ Троицынъ день совершена была закладка Петербурга, и Меншиковъ, какъ уже нареченный царемъ губернаторомъ края,

назначенъ былъ надзирать за дѣломъ постройки. Во все царствованіе Петра Меншиковъ былъ главнѣйшимъ исполнителемъ задушевныхъ замысловъ Петра, касавшихся основанія, построенія и заселенія Петербурга. Новая столица обязана своимъ созданіемъ столько же творческой мысли государя, сколько дѣятельности, сметливости и умѣнью Меншикова. Онъ наблюдалъ и надъ привозомъ строительныхъ матеріаловъ, и надъ приводомъ рабочихъ, отправляемыхъ безпрестанно со всѣхъ краевъ Россіи, и надъ доставкою провіанта для ихъ содержанія. Царь, оставивши Меншикова строить новый русскій городъ, уѣзжалъ въ Москву и устраивалъ празднества по поводу своихъ побѣдъ и завоеваній. Ему безъ Меншикова чего-то недоставало, и онъ вызывалъ его быть участникомъ въ торжествахъ. Въ одинъ изъ такихъ вызововъ, проводя время за веселыми пирушками въ московскомъ домѣ своего любимца, Петръ увидѣлъ Екатерину. Она понравилась государю; въ это время онъ уже разошелся съ своею любовницею Анною Монсъ, измѣнившею Петру. Петръ взялъ Екатерину къ себѣ; она тогда уже порядочно освоилась съ русскимъ языкомъ и изъявила охоту принять православную вѣру. Ея крестнымъ отцомъ былъ молодой Алексѣй, сынъ Петра. Екатерина овладѣла сердцемъ Петра, и этимъ обязана была своему кроткому, веселому нраву и своей безропотной покорности не только передъ волею, но и передъ своенравными выходками Петра; сознавая свое положеніе, какъ бы рабы, она не показывала ни малѣйшихъ признаковъ ревности, когда Петръ позволялъ себѣ въ видѣ развлеченія сходиться съ другими женщинами. За то у Петра развлеченія эти случались безъ участія сердца, а потомъ, съ лѣтами, совершенно прекратились; Екатерина осталась единственнымъ предметомъ его сердечной привязанности, и можно сказать, что, за исключеніемъ одного Меншикова, никто никогда не былъ такъ близокъ сердцу государя во всю его жизнь, какъ Екатерина. Передавши своему государю Екатерину, Меншиковъ опять обратился къ наблюденіямъ за постройкою Петербурга; его вниманію предоставлено было также построеніе Кроншлота и Кронштадта, на островѣ Ретузари, назначеннаго Петромъ быть мѣстопребываніемъ создаваемаго военнаго флота.

Занимаясь неустанно дѣломъ построенія Петербурга, Меншиковъ не забывалъ и себя, воздвигалъ себѣ въ Петербургѣ красивый дворецъ, стараясь сдѣлать его удобнымъ для веселой жизни и пріема гостей, а въ 50 верстахъ отъ Петербурга заложилъ себѣ дачу, назвавъ ее „Ораніенбаумъ“. Въ Москвѣ у него оставался прежній, подаренный ему царемъ, домъ, красиво уб-

ранный; при домѣ было множество прислуги и музыкальная капелла: въ этомъ домѣ проживала жена Меншикова, не любившая Петербурга.

Наблюденіе надъ постройкою Петербурга и Кронштадта, порученное ингерманландскому губернатору, прерывалось самимъ царемъ, который бралъ съ собою Меншикова повсюду, куда самъ направлялся въ своей подвижной жизни. Меншиковъ принужденъ былъ участвовать и при осадахъ и штурмахъ ливонскихъ городовъ, и въ конференціяхъ съ польскими панами, и наблюдать надъ воспитаніемъ царевича, ѣздившаго въ походахъ за царемъ со своимъ воспитателемъ Гюйсеномъ. Въ Полоцкѣ, по мановенію царя, Меншиковъ приказывалъ въ его присутствіи убивать уніатскихъ монаховъ.

Въ концѣ 1705 года, онъ вмѣстѣ съ царемъ пріѣхалъ въ Москву; тамъ они устроили себѣ побѣдныя празднества и торжественный въѣздъ черезъ тріумфальныя арки; царскій любимецъ носилъ тогда титулъ графа Римской имперіи, губернатора Эстляндіи и Ингерманландіи, кавалера ордена св. Андрея Первозваннаго, кавалера польскаго ордена Бѣлаго Орла, капитана гвардейскихъ бомбардировъ, полкового командира двухъ ингерманландскихъ полковъ и оберъ-гофмейстера при царевичѣ. Поляки удивлялись тѣснымъ дружескимъ отношеніямъ, существовавшимъ между царемъ и его подданнымъ. Когда въ Гродно Меншиковъ праздновалъ свои имянины, у него присутствовали царь и король Августъ; царь хотѣлъ еще болѣе возвысить своего любимца и отправилъ въ Вѣну царевичева наставника, Гюйсена, хлопотать у цезаря для Меншикова титулъ свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи. Гюйсенъ исполнилъ это порученіе счастливо для высокомѣрнаго временщика, хотя, какъ говорятъ, отсутствіе Гюйсена вредно отразилось на воспитаніи царевича, остававшагося тогда безъ наставника.

Въ 1706 году Меншиковъ былъ командиромъ цѣлаго корпуса войскъ отъ 12,000 до 15,000, посланныхъ на помощь Августу въ Польшу и Саксонію, одержалъ надъ шведами побѣду, но былъ близкимъ свидѣтелемъ измѣны Августа общему съ царемъ дѣлу войны противъ шведовъ, когда Августъ постановилъ со шведскимъ королемъ особый альтранштадтскій миръ.

Потомъ Меншиковъ опять былъ постояннымъ спутникомъ царя и былъ отправляемъ съ важными военными порученіями. Въ 1708 году, онъ командовалъ въ несчастной битвѣ при Головчинѣ. Послѣ того, царь узналъ, что Карлъ двинулся съ частью войска впередъ, а позади себя оставилъ корпусъ Левенгаупта. Петръ предпринялъ напасть на послѣдняго. Меншикову пору-

чено было вести передовой отрядъ. 28 сентября произошло сраженіе подъ Лѣснымъ. Левенгауптъ потерпѣлъ совершенное пораженіе и потерялъ почти половину своего войска. Царь приписывалъ Меншикову важное содѣйствіе въ одержанной побѣдѣ.

Затѣмъ послѣдовало вторженіе Карла въ Малороссію и измѣна Мазепы.

Меншиковъ, по царскому приказанію, разорилъ Батуринъ, потомъ находился съ царемъ въ Лебединѣ, съѣздилъ съ нимъ въ Воронежъ, и присутствовалъ тамъ при спускѣ построенныхъ судовъ. Въ полтавской битвѣ Меншиковъ, по распоряженію государя, не допустилъ непріятеля овладѣть Полтавою и въ самое время сраженія сопутствовалъ царю, а послѣ бѣгства Карла XII съ шведскимъ войскомъ преслѣдовалъ его до Переволочны и, одержавъ тамъ другую побѣду, взялъ въ плѣнъ генерала Левенгаупта. Когда послѣ того Меншиковъ возвратился къ Полтавѣ, царь далъ ему чинъ генералъ-фельдмаршала, а самъ принялъ чинъ генералъ-майора. Отъ Полтавы Меншиковъ сопровождалъ царя въ Кіевъ, а въ слѣдующую зиму присутствовалъ въ Москвѣ при торжествѣ, устроенномъ Петромъ въ честь полтавской побѣды.

Въ 1710 году Меншиковъ получилъ порученіе окончить покореніе Ливоніи и исполнилъ его счастливо, благодаря печальному положенію края, терявшаго, по случаю свирѣпствовавшей заразы, значительнѣйшую часть своего народонаселенія. Въ ноябрѣ этого года Меншиковъ былъ въ Петербургѣ, и тамъ, въ его дворцѣ, совершилось бракосочетаніе царевны Анны Ивановны съ герцогомъ курляндскимъ, удивлявшее современниковъ пышностью обстановки. По этому поводу Меншиковъ давалъ балъ съ разными вычурами: напримѣръ, поданъ былъ большой пирогъ, изъ средины котораго выскочила карлица и начала танцовать менуэтъ на столѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого торжества для забавы устраивалась свадьба карликовъ и для этой цѣли съ разныхъ сторонъ привезены были 72 карлика, отличавшихся крайнимъ безобразіемъ. Неожиданная кончина сына Меншикова нарушила веселость этого торжества, а черезъ 12 дней постигла дворъ новая печаль: курляндскій герцогъ, молодой супругъ Анны Ивановны, скончался на дорогѣ въ Курляндію, въ мѣстечкѣ Дудергофѣ.

Въ 1711 году, когда Петръ отправился въ Молдавію, Меншиковъ оставался въ Петербургѣ, занимаясь постройками города и дѣлами по управленію своей губерніи. Въ это время (въ маѣ) сгорѣлъ великолѣпный его дворецъ въ Москвѣ. Когда Петръ послѣ того ѣздилъ за границу, гдѣ совершилъ бракосочетаніе сына

своего Алексѣя съ принцессою Шарлоттою, Меншиковъ оставался въ Петербургѣ, и въ честь сочетавшагося бракомъ заграницею царевича устроилъ великолѣпное празднество, пригласивъ на него всѣхъ высокочиновныхъ лицъ, жившихъ тогда въ Петербургѣ. Но, вслѣдъ затѣмъ, Данія и Саксонія открыли военныя дѣйствія въ Помераніи; Меншиковъ получилъ команду надъ русскими войсками, назначенными въ тотъ край для вспоможенія союзникамъ. Въ апрѣлѣ 1712 года Меншиковъ явился къ войску и на дорогѣ чуть было не потерялъ свою, сопровождавшую его, жену: она едва было не попалась въ плѣнъ шведамъ близъ Штетина и была спасена ловкостью генерала Бауера. Въ іюлѣ Меншиковъ съѣхался съ государемъ, который самъ принялъ команду надъ войскомъ. Въ началѣ 1713 года Петръ оставилъ войну, поручивши Меншикову добывать шведскаго генерала Штенбока въ Шлезвигѣ, вмѣстѣ съ датчанами. Осада Штенбока продолжалась почти годъ, послѣ чего Штенбокъ сдался датчанамъ. Лѣтомъ 1714 года Меншиковъ занятъ былъ осадою Штетина, вмѣстѣ съ саксонцами, и не ранѣе сентября принудилъ шведскаго коменданта къ капитуляціи. Меншиковъ воротился въ Петербургъ, и съ этихъ поръ пріостановилась его военная карьера.

Онъ занимался управленіемъ своей огромной губерніи. Но въ это время на Меншикова начали наступать тучи, грозившія затмить его необыкновенное счастье, и только чрезвычайной привязанности къ нему царя одолженъ былъ онъ тѣмъ, что избѣжалъ судьбы, постигшей многихъ государственныхъ дѣятелей въ царствованіе Петра, навлекшихъ на себя гнѣвъ и нерасположеніе царя. По дѣлу вице-губернатора Курбатова открылись за Меншиковымъ злоупотребленія въ управленіи губерніею. Въ январѣ 1715 года царь назначилъ розыскъ. Меншиковъ, Апраксинъ и Брюсъ были обвиняемы въ произвольномъ обращеніи съ казеннымъ интересомъ. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ; на Меншиковѣ оказалось большое взысканіе; но государь, неумолимо строгій ко всякимъ преступленіямъ подобнаго рода, былъ такъ милостивъ къ своему любимцу, что велѣлъ счесть съ него большія казенныя суммы. Меншиковъ, съ своей стороны, нашелъ удобный случай понравиться царю и расположить его къ снисходительности. Русское войско въ Финляндіи терпѣло большой недостатокъ, а провіантъ, слѣдуемый къ доставкѣ изъ Казани и прилегавшаго къ ней восточнаго края, не поспѣлъ; у Меншикова въ его имѣніяхъ былъ большой запасъ муки, крупы; Меншиковъ посиѣшилъ все это впору пожертвовать для нуждавшагося войска и заслужилъ отъ царя благодарность. Но главнымъ образомъ

розыскъ надъ Меншиковымъ пріостановился черезъ возникшее дѣло о царевичѣ Алексѣѣ. Въ какой степени и какую роль занималъ Меншиковъ въ трагической судьбѣ Алексѣя, можно видѣть изъ жизнеописанія царевича. Послѣ смерти царевича, Меншиковъ былъ у государя въ милости, и въ 1719 году, съ чиномъ контръ-адмирала бѣлаго флага, былъ назначенъ президентомъ военной коллегіи. Довѣріе государя къ нему было такъ велико, что въ томъ же году онъ поручилъ ему находиться въ верховномъ судѣ для открытія и преслѣдованія всякаго рода злоупотребленій по управленію. Предсѣдателемъ суда былъ генералъ Вейде, находившійся по коллегіальному управленію товарищемъ Меншикова. Виновными въ злоупотребленіяхъ снова оказались важнѣйшіе государственные люди, и въ ихъ числѣ самъ Меншиковъ. Меншиковъ испросилъ прощеніе у государя, и царь ограничился только наложеніемъ на него большого штрафа, 100,000 червонцевъ, а потомъ пригласилъ его по прежнему къ дружеской попойкѣ. Много помогало Меншикову заступничество передъ царемъ Екатерины, сохранявшей уваженіе и привязанность къ человѣку, бывшему нѣкогда, во времена ея ничтожества, ея господиномъ. 5 сентября 1721 года Меншиковъ въ своемъ петербургскомъ дворцѣ отпраздновалъ обрученіе молодого польскаго пана, Петра Сапѣги, съ своей девяти-лѣтней дочерью Маріей, которой судьба, какъ увидимъ, предназначила другой жребій. Скоро послѣ того праздновала вся Россія ништадтскій миръ и окончаніе тяжелой Сѣверной войны; нѣсколько дней ликовалъ Петербургъ; Меншиковъ не пощадилъ издержекъ, чтобы принять въ этомъ празднествѣ блестящее участіе. Когда Петръ, по окончаніи празднествъ въ Петербургѣ, отправился праздновать тотъ же миръ въ Москву, Меншиковъ сопровождалъ государя и, во время торжественнаго въѣзда въ столицу, шествовалъ о-бокъ государя по правую руку. Въ февралѣ 1722 года государь издалъ законъ о новомъ способѣ престолонаслѣдія, предоставляя волѣ всякаго царствующаго государя назначать себѣ преемника. Меншиковъ былъ первый, присягнувшій этому закону, и тѣмъ показалъ примѣръ всѣмъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ. Изданіе этого закона сопровождалось большимъ праздникомъ въ Москвѣ; оно состояло въ катаньѣ на саняхъ съ поставленными на нихъ фигурами морскихъ судовъ. Въ томъ же году Петръ отправился съ государыней въ персидскій походъ, а Меншиковъ оставленъ былъ въ Петербургѣ во главѣ правительства, вмѣстѣ съ другими вельможами. По возвращеніи изъ похода, Петръ засталъ соблазнительный споръ Скорнякова-Писарева съ Шафировымъ, споръ,

возникшій изъ такого дѣла, которое близко касалось Меншикова: Шафировъ былъ давній врагъ Меншикова и теперь очень неразсудительно пошелъ противъ царскаго любимца. До какой степени силенъ былъ этотъ любимецъ, показываетъ то, что голова Шафирова уже лежала на плахѣ и чуть было не слетѣла: онъ обязанъ былъ жизнью только вліянію Екатерины, испросившей ему помилованіе государя. Вскорѣ, однако, Меншиковъ опять навлекъ на себя немилость государя. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ до крайности безцеремонно употреблялъ казенное достояніе въ свою пользу, покупалъ на казенный счетъ въ свой Васильевско-Островскій дворецъ мебель, всякую домашнюю рухлядь, содержалъ на казенный счетъ своихъ лошадей и прислугу и позволялъ своимъ клевретамъ разныя злоупотребленія, прикрываемыя его покровительствомъ. Открылись за нимъ какіе-то противозаконные поступки по управленію Кроншлотомъ. Петръ отнялъ у него выгодный табачный откупъ, званіе псковскаго намѣстника, подаренныя ему въ Малороссіи имѣнія Мазепы и, кромѣ того, Меншиковъ заплатилъ 200,000 рублей штрафу. Современники говорятъ, что Петръ, вдобавокъ, отколотилъ его собственноручно палкою и нѣсколько времени послѣ того не допускалъ къ себѣ на глаза; но вліяніе Екатерины опять пособило временщику, и въ сентябрѣ того же 1723 года Меншиковъ былъ снова въ приближеніи у царя. Говорятъ, что Петръ, пріѣхавши къ нему, увидалъ въ домѣ на стѣнахъ, вмѣсто прежнихъ великолѣпныхъ обоевъ, плохіе и дешевые. На вопросъ царя о такой перемѣнѣ Меншиковъ сказалъ: „я долженъ былъ продать свои богатые обои, чтобъ расплатиться съ казною“. Но Петръ, зная, что у Меншикова еще осталось большое состояніе, взглянулъ на него строго и сказалъ: „мнѣ здѣсь не нравится; если я пріѣду къ тебѣ на первую ассамблею, и не найду твой домъ убраннымъ прилично твоему сану, ты у меня заплатишь еще бóльшій штрафъ“. Когда Петръ, по своему обѣщанію, пріѣхалъ снова къ Меншикову, то нашелъ въ его домѣ все по прежнему, былъ очень веселъ и ласковъ и не вспоминалъ уже о прошломъ. Такъ возобновились между ними добрыя отношенія. Меншиковъ участвовалъ на пирѣ, данномъ государемъ персидскому послу, прибывшему для заключенія мира. Въ мартѣ 1724 г. Меншиковъ отправился съ царемъ въ Москву, гдѣ въ маѣ государь совершилъ коронацію своей жены въ санъ императрицы. Во время церемоніи, Меншиковъ шелъ по правую руку царя и, по старому русскому обычаю, раскидывалъ народу золотыя и серебряныя монеты. По возвращеніи въ Петербургъ, Меншиковъ опять подвергся царской

немилости: Петръ лишилъ его губернаторской должности, передавши ее Апраксину. Съ точностію неизвѣстно, что было причиною такой перемѣны, но Петръ, постоянно болѣвшій, и приближавшійся къ смерти, сдѣлался тогда чрезвычайно раздражителенъ и вспыльчивъ: онъ нерѣдко собственноручно бивалъ палкою приближенныхъ и всякаго встрѣчнаго, на кого имѣлъ причину разсердиться; въ Петергофѣ, напримѣръ, разводился у него садъ, и Петръ то и дѣло билъ палкою офицеровъ, надзиравшихъ надъ рабочими. Передъ смертью, въ началѣ 1725 года, Петръ опять помирился съ Меншиковымъ и допустилъ своего стараго друга къ своей смертной постели.

Въ исторіи мы видимъ частые примѣры, что со смертью государей меркнетъ счастье ихъ любимцевъ, но съ Меншиковымъ сталось не такъ. Петръ скончался, не выразивши ни на письмѣ, ни на словахъ своей воли о престолонаслѣдіи. Его новый законъ, предоставлявшій царствующей особѣ право назначить себѣ преемника, не могъ быть исполненъ самимъ учредителемъ этого закона. Еще тѣло усопшаго императора лежало не погребеннымъ, а уже вельможи толковали о томъ, кто будетъ надъ ними царствовать. Меншиковъ, Толстой и Апраксинъ указали на Екатерину, какъ на личность, по самой волѣ покойнаго царя носившую уже императорскую корону. Толстой разсыпался передъ вельможами во всевозможнѣйшихъ похвалахъ добродѣтелямъ и доблестямъ императрицы. Споръ могъ быть продолжительнымъ, такъ какъ люди, все еще дорожившіе древними обычаями, заявляли о правахъ первородства, принадлежавшихъ сыну покойнаго царевича Алексѣя, малолѣтнему Петру. Но приверженцы Екатерины заранѣе распорядились наводнить дворецъ гвардейскими офицерами, а около дворца поставить два гвардейскіе полка, пугавшіе барабаннымъ боемъ уши собранныхъ во дворцѣ сенаторовъ. Это обстоятельство было поводомъ къ тому, что споръ прекратился, и собранные во дворцѣ сенаторы провозгласили Екатерину императрицею и самодержицею. Вслѣдъ затѣмъ изданъ былъ манифестъ отъ имени правительствующаго сената, святѣйшаго синода и всего генералитета, гласившій что, сообразно съ объявленнымъ въ 1722 г. закономъ, подтвержденнымъ присягою всѣхъ чиновъ государства россійскаго, всѣ люди духовнаго воинскаго и гражданскаго чина — должны вѣрно служить государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, такъ какъ самъ покойный государь короновалъ ее императорскою короною. Въ Петербургѣ всѣ присягнули безропотно. Въ Москвѣ и въ другихъ городахъ явились ослушники, которыхъ за то подвергали пыткѣ кнутомъ и огнемъ.

Но какъ ни много, казалось, должно было находиться въ Россіи недовольныхъ мѣрами Петра и его перестройкою государства на иноземный образецъ, кончина государя, если вѣрить оффиціальнымъ донесеніямъ, вездѣ возбуждала такую же скорбь, какая показывалась около его гроба въ Петербургѣ. Предсѣдатель сенатской конторы въ Москвѣ графъ Матвѣевъ писалъ, будто при панихидѣ, которую служили по покойномъ государѣ, былъ такой въ Москвѣ „вопль, вой, крикъ, какого я отъ рожденія моего не слыхалъ". Самый протестъ по поводу присяги Екатеринѣ проявлялся вездѣ какъ явленіе исключительное. Русскій народъ, въ продолжительное царствованіе покойнаго государя, былъ такъ запуганъ его жестокими мѣрами, что не смѣлъ отзываться съ своими чувствованіями, если они шли въ разрѣзъ съ видами и приказаніями верховной власти.

Правленіе Екатерины было только по одному имени ея правленіемъ. Всѣмъ заправлялъ Меншиковъ и съ нимъ тѣ вельможи, которые старались ему угождать; тѣ, которые ненавидѣли его, таились, надѣясь дожить до такого времени, когда можно будетъ учинить съ нимъ расправу. Однимъ изъ важнѣйшихъ враговъ его былъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій; сначала онъ пошелъ-было открыто противъ Меншикова, но потомъ, при содѣйствіи голштинскаго герцога, испросилъ у него прощеніе за свою вспыльчивость и притворно помирился съ нимъ. Герцогъ голштинскій выпросилъ прощеніе Шафирову и дѣтямъ казненнаго Гагарина. Недовольные Меншиковымъ вельможи задумали - было возвести на престолъ великаго князя Петра съ ограниченіемъ монархической власти. Но Меншиковъ и Толстой, со своими приверженцами, противодѣйствовали имъ проэктомъ учрежденія новаго государственнаго мѣста—Верховнаго Тайнаго Совѣта, который долженъ былъ состоять подъ предсѣдательствомъ самой государыни. Указъ о такомъ учрежденіи состоялся въ февралѣ 1726 года. Членами его были тайные дѣйствительные совѣтники: генералъ-фельдмаршалъ Меншиковъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, графъ Толстой и князь Дмитрій Голицынъ. Немного времени спустя послѣ утвержденія верховнаго тайнаго совѣта, поволѣ государыни, въ число членовъ его былъ допущенъ и герцогъ голштинскій. Сенатъ и синодъ потеряли значеніе верховныхъ правительствующихъ мѣстъ; на нихъ можно было подавать апелляцію въ верховный тайный совѣтъ. Подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ послѣдняго находились три коллегіи: иностранная, воинская и морская.

Важнѣйшимъ дѣломъ верховнаго тайнаго совѣта было облегченіе крестьянъ въ способѣ платежа податей, почему были преданы суду и казни въ разныхъ мѣстахъ чиновники, провинившіеся въ притѣсненіяхъ крестьянъ. Но вообще, хотя въ верховномъ тайномъ совѣтѣ и затрогивались всякія стороны государственнаго и экономическаго быта, однако, онъ не произвелъ никакихъ радикальныхъ преобразованій, кромѣ нѣкоторыхъ бюрократическихъ, какъ напримѣръ: измѣненъ порядокъ воинскаго постоя, постановлено полковымъ дворамъ быть въ городахъ, упразднена мануфактуръ-коллегія, а вмѣсто нея учреждался совѣтъ фабрикантовъ, подчиненныхъ коммерцъ-коллегіи; установлена доимочная коллегія для сбора накопившихся недоимокъ и проч.

Меншиковъ, опираясь на силу, которую имѣлъ при Екатеринѣ, затѣвалъ проектъ сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ, съ тѣмъ, чтобы Курляндія, находившаяся въ отношеніяхъ ленной зависимости отъ польской короны, поступивши во власть Меншикова, перешла въ ленную зависимость Россіи. Еще прежде, при жизни Петра, онъ заявлялъ эту мысль и даже хотѣлъ подкупить польскаго короля и его придворныхъ, чтобъ они помогали его предпріятію. Теперь курляндскій герцогскій престолъ оставался вакантнымъ. Весною 1726 года польскій король Августъ началъ проводить на курляндское герцогство своего побочнаго сына принца Морица (знаменитаго впослѣдствіи полководца, извѣстнаго подъ именемъ Морица Саксонскаго). Морицъ хотѣлъ утвердиться въ Курляндіи, во-первыхъ — черезъ избраніе курляндскихъ чиновъ, во-вторыхъ—черезъ вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго герцога, вдовствующею герцогинею Анною Ивановною. Морицъ имѣлъ большой успѣхъ: онъ понравился Аннѣ Ивановнѣ, скоро пріобрѣлъ расположеніе курляндцевъ, и былъ уже избранъ герцогомъ. Меншиковъ всѣми силами старался устранить эту опасную для него кандидатуру, противъ которой возставали разомъ изъ политическихъ видовъ и прусскій король и чины польской Рѣчи-Посполитой, не хотѣвшіе допускать своего короля до усиленія монархической власти. Русскій посланникъ въ Польшѣ князь Василій Лукичъ Долгорукій старался за Меншикова въ Польшѣ, располагая подарками корыстолюбивыхъ пановъ. Самъ Меншиковъ 8 іюля 1726 г., пригласивши въ Ригу Анну Ивановну, пытался убѣдить ее отказаться отъ плановъ, проводимыхъ Морицомъ, но не успѣлъ въ этомъ. Послѣ того Меншиковъ пріѣхалъ въ Митаву и, прикрываясь государственными интересами Россіи, началъ обращаться высокомѣрно и съ Морицомъ, и съ курляндскими чинами. Отъ имени своей госуда-

рыни, онъ угрожалъ курляндцамъ военнымъ принужденіемъ, если они не произведутъ новаго выбора. Но его высокомѣрный тонъ только повредилъ ему: курляндское дворянство ни за что не хотѣло измѣнять прежняго рѣшенія, а Меншиковъ, не отваживаясь приступить на дѣлѣ къ сильнымъ мѣрамъ, которыми угрожалъ на словахъ, уѣхалъ изъ Митавы. Польскій сеймъ не утвердилъ Морица въ герцогскомъ достоинствѣ; но и Меншиковъ принужденъ былъ разстаться съ высокомѣрнымъ желаніемъ сдѣлаться курляндскимъ герцогомъ. Императрица Екатерина охладѣвала къ нему и не стала поддерживать его видовъ. Анна Ивановна, ненавидѣвшая Меншикова, пріѣхавши въ Петербургъ, была принята Екатериною очень любезно и отпущена въ Митаву; ее сопровождала почетная гвардія изъ 300 человѣкъ, долженствовавшая оставаться постоянно въ Митавѣ.

Послѣ неудачи въ Курляндіи, Меншиковъ началъ помышлять устроить себѣ величіе въ собственномъ отечествѣ. Въ Россіи чувствовалось, что Екатерина не прочна на престолѣ. Былъ живъ несовершеннолѣтній внукъ Петра, сынъ царевича Алексѣя Петровича, и общественное мнѣніе въ народѣ признавало за нимъ право престолонаслѣдія. Меншиковъ, какъ извѣстно было всѣмъ, не только не принадлежалъ къ сторонникамъ несчастнаго царевича Алексѣя, но признавался даже однимъ изъ виновниковъ его несчастья: говорили, что Меншиковъ возбуждалъ противъ царевича отца его. Какъ только малолѣтній Петръ выростетъ, тотчасъ станетъ добывать своихъ правъ, а если ихъ добудетъ такъ или иначе, то Меншикову грозило паденіе и, можетъ быть, эшафотъ. Такъ думали и надѣялись враги и недоброжелатели Меншикова. Положеніе его въ это время походило на положеніе Годунова, и Меншикову, ради спасенія собственной жизни, надобно было или извести великаго князя Петра, какъ изведенъ былъ, по желанію Годунова, царевичъ Дмитрій, или — расположить къ себѣ молодого Петра и сдѣлать его для себя своимъ человѣкомъ. Меншиковъ избралъ послѣдній, очень скользкій путь. Въ соумышленіи съ цесарскимъ посланникомъ Рабутиномъ, онъ составилъ планъ отдать за великаго князя Петра дочь свою Марію: она прежде была сговорена съ Сапѣгою, но императрица разстроила это сватовство, устроивши дѣло такъ, что Сапѣга вознамѣрился вступить въ бракъ съ племянницею императрицы Скавронскою. Меншиковъ обратился со своимъ проектомъ о бракѣ Петра съ своею дочерью къ Екатеринѣ и получилъ ея согласіе. Напрасно двѣ дочери Екатерины — голштинская герцогиня Анна и посватанная за другого голштинскаго герцога Карла великая княжна

Елисавета—просили мать отказать Меншикову, такъ какъ обѣ царевны имѣли честолюбивые планы на наслѣдство; къ нимъ присоединился и Толстой, державшійся прежде стороны Меншикова, а потомъ измѣнившій ему. Меншиковъ взялъ перевѣсъ у Екатерины. Онъ помирился и сошелся съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, бывшимъ кіевскимъ губернаторомъ, умнымъ и энергическимъ человѣкомъ, на котораго особенно надѣялись всѣ недоброжелатели Меншикова. За Меншикова былъ вице-канцлеръ Остерманъ. Меншиковъ былъ обставленъ хорошо. Но его новый врагъ Толстой составилъ заговоръ противъ Меншикова съ Бутурлинымъ, графомъ Девіеромъ, Григоріемъ Скорняковымъ-Писаревымъ, Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ и генераломъ Андреемъ Ушаковымъ. Герцогъ голштинскій благопріятствовалъ видамъ заговорщиковъ, добивался, чтобъ ему отдали въ управленіе военную коллегію и сдѣлали главнокомандующимъ надъ войскомъ. Цѣль заговора была: во что бы то ни стало помѣшать браку великаго князя съ дочерью Меншикова. Заговорщики думали, подъ предлогомъ воспитанія, спровадить великаго князя за-границу, а тѣмъ временемъ склонить императрицу Екатерину назначить наслѣдницей престола цесаревну Елисавету. Быть можетъ, этотъ заговоръ протянулся бы на долгое время, но вдругъ въ апрѣлѣ 1727 года императрица заболѣла опасною горячкою. Въ виду ея кончины, которую всѣ тогда считали возможною, члены верховнаго тайнаго совѣта, сената, синода, президенты коллегій и штабъ-офицеры гвардіи собраны были во дворецъ для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Враги Меншикова заговорили было о возведеніи на престолъ одной изъ цесаревенъ, но большинство высказалось за великаго князя Петра, который долженъ былъ до 16-лѣтняго возраста находиться подъ опекою верховнаго тайнаго совѣта и обязаться присягою не мстить во все свое царствованіе никому изъ подписавшихъ смертный приговоръ его родителю. Это происходило 16 апрѣля. Меншиковъ увидѣлъ тогда, кто его недоброжелатели, и тотчасъ именемъ больной императрицы приказалъ назначить слѣдственную коммиссію надъ генералъ-лейтенантомъ Девіеромъ, подавшимъ къ этому поводъ неосторожнымъ поведеніемъ во дворцѣ. Девіера предали пыткѣ, и онъ открылъ всѣхъ своихъ соучастниковъ. Ихъ всѣхъ разослали: Девіера и Толстого съ лишеніемъ дворянства и имѣній, перваго, по наказаніи кнутомъ,—въ Сибирь, второго,—въ Соловки; Скорнякова-Писарева, лишивъ чиновъ, дворянства и имущества и наказавъ кнутомъ, отправили также въ ссылку; Нарышкина и Бу-

турлина, лишивъ чиновъ, послали на безвыѣздное житье въ деревни; Долгорукова и Ушакова понизили чинами и опредѣлили въ полевые полки. Голштинскій герцогъ, увидя, что его дѣло проигрывается, постарался заранѣе сойтись съ Меншиковымъ черезъ посредство своего министра Бассевича. Меншиковъ постановилъ условіе, что голштинскій герцогъ и обѣ цесаревны не станутъ препятствовать вступленію на престолъ великаго князя Петра, а Меншиковъ соглашался выдать на каждую цесаревну по милліону рублей, изъ которыхъ герцогъ давалъ Меншикову взятку по 80,000 съ каждаго милліона. Здоровье императрицы стало было нѣсколько лучше, но потомъ у ней сдѣлалось воспаленіе легкихъ, и 6 мая въ 9 часу вечера Екатерина скончалась. Въ тотъ же день состоялся ея именемъ указъ о наказаніи Девіера и его соумышленниковъ. На другой день во дворцѣ, при членахъ верховнаго тайнаго совѣта, синода, сената и генералитета, прочтено было завѣщаніе, будто бы подписанное скончавшеюся государынею. Престолъ, по этому завѣщанію, предоставлялся великому князю Петру, а цесаревнамъ отдавалось то, что̀ обѣщано было Меншиковымъ голштинскому герцогу и, сверхъ того, предоставлялось имъ по старшинству съ своимъ потомствомъ право на престолонаслѣдіе только въ случаѣ, если послѣ великаго князя Петра не останется потомства.

Послѣ смерти Екатерины, Меншиковъ, нареченный тесть императора, сталъ всемогущимъ человѣкомъ на Руси. Петру II было всего 11 лѣтъ. Меншиковъ, подъ предлогомъ надзора за его воспитаніемъ, перевезъ малолѣтняго императора въ свой домъ на Васильевскомъ острову. 13-го числа мая Меншиковъ получилъ санъ генералиссимуса и черезъ то сдѣлался полноправнымъ главою всего русскаго войска. 25 мая совершено было обрученіе императора съ княжною Маріею Меншиковой, которой отецъ назначилъ 34,000 на содержаніе особаго двора и приказалъ поминать ее въ церквахъ, вмѣстѣ съ императоромъ, въ качествѣ нареченной невѣсты, и съ титуломъ великой княжны.

Меншиковъ поручилъ воспитаніе императора Петра вице-канцлеру Остерману, давши ему званіе оберъ-гофмейстера. Меншиковъ не проникъ въ глубину души этого человѣка и считалъ его самымъ преданнымъ себѣ и послушнымъ своимъ видамъ и желаніямъ. Меншиковъ продолжалъ показывать дружбу къ Дмитрію Голицыну и ласкался къ знатной и вліятельной фамиліи Долгорукихъ, думая обезопасить свою особу на ихъ счетъ. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій сдѣланъ гофмейстеромъ императорской сестры, великой княжны Натальи Алексѣевны. Сынъ его

Иванъ Алексѣевичъ, удаленный отъ двора по дѣлу Девіера, приближенъ былъ снова ко двору; братья Владимировичи Долгорукіе, Михаилъ и Василій, люди уже пожилые, были также обласканы: Василій унижался передъ Меншиковымъ, Михаилъ сдѣланъ былъ сенаторомъ. Герцога голштинскаго, вмѣстѣ съ женою, удалили изъ Петербурга: они уѣхали въ Голштинію. Меньшой братъ герцога, Карлъ, женихъ Елисаветы, до отъѣзда брата съ невѣсткою, скончался въ Петербургѣ. Меншиковъ, чтобы не вызвать впослѣдствіи непріязненныхъ чувствъ въ императорѣ, приказалъ освободить бабку императора, бывшую царицу Евдокію, содержавшуюся по волѣ Петра Великаго въ Шлиссельбургѣ, и назначилъ ей мѣстопребываніе въ Новодѣвичьемъ московскомъ монастырѣ. Въ Петербургъ допустить ее Меншиковъ опасался, чтобъ она не оказала на царя вліянія; съ тою же цѣлью старался онъ удалить отъ государя и тетку, принцессу Елисавету. Курляндской герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ Меншиковъ не позволялъ пріѣзжать въ Петербургъ.

26-го іюля состоялся указъ верховнаго тайнаго совѣта объ отобраніи и уничтоженіи манифестовъ по дѣлу царевича Алексѣя и Петровскаго указа о престолонаслѣдіи 1722 года.

Однимъ изъ видныхъ дѣлъ, совершенныхъ Меншиковымъ во время его кратковременнаго правленія государствомъ, было возстановленіе гетманства въ Малороссіи. Малороссійская коллегія, съ самаго своего основанія, возбуждала ненависть въ малорусскомъ краѣ; жалобы на ея президента Вельяминова и на всѣхъ ея членовъ не прекращались. Меншикова малоруссы не любили при Петрѣ Великомъ и считали главнымъ наушникомъ государя во вредъ Малороссіи. Теперь онъ разсчелъ, что ему будетъ выгодно пріобрѣсть себѣ благодарность и расположеніе малороссіянъ, и въ этихъ-то видахъ, именемъ государя, приказалъ уничтожить малороссійскую коллегію. Данъ былъ указъ выбрать гетмана и всю генеральную и полковую старшину, дозволялось и напередъ выбирать ихъ вольными голосами изъ малорусскихъ жителей, только никакъ не изъ жидовъ. Всѣ доходы велѣно собирать въ Малороссіи не иначе, какъ на основаніи договора, по которому малороссійскій край присоединился при Богданѣ Хмельницкомъ. Всѣ дѣла, касавшіяся Малороссіи, по уничтоженіи малороссійской коллегіи, переданы были по прежнему въ вѣдомство иностранной коллегіи.

Меншиковъ былъ вполнѣ самодержавенъ; верховный тайный совѣтъ и сенатъ должны были исполнять его волю: никто не смѣлъ ему противорѣчить; всѣ страшились его, у всѣхъ въ па-

21*

мяти былъ грозный примѣръ Девіера и его соумышленниковъ. Но такъ продолжалось только четыре мѣсяца—не болѣе.

Меншиковъ, воспитанный въ школѣ Петра Великаго, былъ уменъ, но не достаточно проницателенъ: онъ не умѣлъ впору узнавать ловкихъ и хитрыхъ людей. Онъ довѣрился Остерману болѣе чѣмъ кому-нибудь, и не подозрѣвалъ, что отъ этого человѣка, болѣе чѣмъ отъ кого-нибудь, угрожала ему гибель.

Случилось, что Меншиковъ заболѣлъ лихорадкою и кровохарканіемъ. Во время своей болѣзни, не могъ онъ слѣдить за своимъ нареченнымъ зятемъ и во всемъ положился на Остермана.

Молодой императоръ былъ мальчикъ лѣнивый, любившій болѣе гулять, играть и ѣздить на охоту, чѣмъ учиться и заниматься дѣломъ, и притомъ чрезвычайно своенравный. Ему исполнилось только 12 лѣтъ, а онъ уже почувствовалъ, что рожденъ самодержавнымъ монархомъ, и при первомъ представившемся случаѣ показалъ сознаніе своего царственнаго происхожденія надъ самимъ Меншиковымъ. Петербургскіе каменьщики поднесли малолѣтнему государю въ подарокъ 9,000 червонцевъ. Государь отправилъ эти деньги въ подарокъ своей сестрѣ, великой княжнѣ Натальѣ, но Меншиковъ, встрѣтивши идущаго съ деньгами служителя, взялъ у него деньги и сказалъ: „государь слишкомъ молодъ и не знаетъ какъ употреблять деньги“. Утромъ на другой день, узнавши отъ сестры, что она денегъ не получала, Петръ спросилъ о нихъ придворнаго, который объявилъ, что деньги у него взялъ Меншиковъ. Государь приказалъ позвать князя Меншикова и гнѣвно закричалъ: „какъ вы смѣли помѣшать моему придворному исполнить мой приказъ?“. — Наша казна истощена,—сказалъ Меншиковъ,—государство нуждается, и я намѣренъ дать этимъ деньгамъ болѣе полезное назначеніе; впрочемъ, если вашему величеству угодно, я не только возвращу эти деньги, но дамъ вамъ изъ своихъ денегъ цѣлый милліонъ. — „Я императоръ“, — сказалъ Петръ, топнувъ ногой, „надобно мнѣ повиноваться“! Когда послѣ того Меншиковъ заболѣлъ, въ это время Остерманъ сговорился съ Долгорукими, отцомъ и сыномъ, и внушилъ имъ честолюбивое желаніе устранить Меншикова отъ государя, разорвать предполагаемый бракъ съ дочерью Меншикова и свести Петра съ княжною Долгорукою. Пользуясь тѣмъ, что Петръ имѣлъ тогда лѣтнее пребываніе свое въ Петергофѣ и не видался съ Меншиковымъ, Остерманъ сблизилъ Петра съ Иваномъ Долгорукимъ, замѣтивши, что молодой государь уже оказывалъ большое сердечное распо-

ложеніе къ этому человѣку. Вскорѣ Остерманъ довелъ свое дѣло до того, что Петръ II не иначе ложился спать въ Петергофѣ, какъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Долгорукимъ, а дни проводилъ съ нимъ и со своей теткой, великой княжной Елисаветой, молодою и веселою 17-ти-лѣтнею дѣвицею. Вмѣсто того, чтобы, сообразно волѣ Меншикова, понуждать молодого государя учиться, Остерманъ потакалъ его празднолюбію, склонности ко всякимъ развлеченіямъ и особенно къ охотѣ, на которую молодой государь часто ѣздилъ въ окрестностяхъ Петергофа. И Долгорукій и тетка государя Елисавета постоянно вооружали Петра противъ Меншикова, представляя ему, что Меншиковъ зазнается и не оказываетъ своему государю должной почтительности. Около государя въ числѣ сверстниковъ былъ сынъ Меншикова. Петръ, въ досадѣ противъ его отца, мстилъ сыну и билъ до того, что тотъ кричалъ и молилъ о пощадѣ. По выздоровленіи, у Меншикова опять возникли несогласія съ государемъ. Меншиковъ давалъ служителю Петра деньги на мелкіе расходы государя и требовалъ отъ служителя отчета. Узнавъ, что служитель давалъ эти деньги въ руки государя, Меншиковъ обругалъ служителя и прогналъ, а государь поднялъ изъ-за этого шумъ и, наперекоръ Меншикову, принялъ къ себѣ обратно въ службу прогнаннаго служителя. Черезъ нѣсколько времени государь послалъ взять у Меншикова 500 червонцевъ для подарка сестрѣ; тотъ далъ деньги, а потомъ, разгорячившись, отнялъ ихъ у великой княжны. Наконецъ, въ день имянинъ великой княжны, государь сталъ обращаться съ Меншиковымъ презрительно, не отвѣчалъ на его вопросы, поворачивался къ нему спиною и сказалъ своимъ любимцамъ: „подождите, вотъ я его образумлю!“. Меншиковъ выговорилъ царю, что онъ не ласковъ съ своей невѣстой, а государь сказалъ: „я въ душѣ люблю ее, но ласки излишни; Меншиковъ знаетъ, что я не имѣю намѣренія жениться ранѣе 25 лѣтъ“. Меншиковъ все это перенесъ. Вскорѣ послѣ того онъ приглашалъ государя къ себѣ на освященіе церкви въ Ораніенбаумъ. Петръ сначала обѣщалъ пріѣхать, а потомъ сказалъ, что у него явились дѣла, не позволяющія ему отлучиться изъ Петергофа, гдѣ дворъ имѣлъ тогда лѣтнее пребываніе. Меншиковъ, не заманивши къ себѣ государя въ Ораніенбаумъ, 7 сентября самъ пріѣхалъ въ Петергофъ, но Петръ не хотѣлъ его видѣть и уѣхалъ на охоту, а сестра его Наталья, чтобъ избавиться отъ непріятности видѣться съ Меншиковымъ, выпрыгнула изъ окна. Тогда Меншиковъ обратился къ теткѣ государя Елисаветѣ и началъ передъ нею лукавить: онъ распространился о своихъ преж-

нихъ заслугахъ, жаловался на неблагодарность государя, и говорилъ, что теперь ему при дворѣ нечего дѣлать, что онъ хочетъ уѣхать въ Украину и начальствовать тамъ надъ войскомъ. Вечеромъ въ тотъ же день государь послалъ, собственноручно имъ подписанное, предписаніе верховному тайному совѣту перевезти изъ дома Меншикова всѣ его вещи въ петергофскій дворецъ и сдѣлать распоряженіе, чтобы казенныя деньги никому не выдавались безъ указа, подписаннаго самимъ государемъ. „Я покажу“, кричалъ Петръ: „кто изъ насъ императоръ—я, или Меншиковъ!“.

Остерманъ показывалъ видъ, что старается успокоить Петра, хотя собственно самъ же и довелъ его до такого состоянія. Меншиковъ попробовалъ-было послать къ государю свою дочь, его невѣсту, съ ея сестрою, но государь принялъ ихъ дурно, и онѣ должны были удалиться. На другой день, въ пятницу 8 сентября, Петръ послалъ генералъ-лейтенанта Салтыкова къ Меншикову, съ приказаніемъ оставаться дома какъ бы подъ арестомъ; съ его жилища велѣно снять почетный караулъ, который давался ему сообразно чину генералиссимуса. Самъ Петръ, давши такой приказъ, отправился въ церковь. По возвращеніи изъ церкви въ свой дворецъ, онъ встрѣтилъ княгиню Меншикову. съ сыномъ и съ сестрою ея, Арсеньевой. Княгиня пала на колѣни и умоляла пощадить ея мужа. Отрокъ-государь, настроенный врагами Меншикова, не хотѣлъ ее слушать. Княгиня обратилась къ Елисаветѣ, потомъ къ великой княжнѣ Натальѣ; и тѣ отворотились отъ нея. Княгиня бросилась къ Остерману и цѣлыя три четверти часа валялась въ ногахъ у коварнаго барона, такъ что ее съ трудомъ могли поднять. Царь отправился обѣдать съ членами верховнаго совѣта, Сапѣгою и княземъ Долгорукимъ. Послѣ обѣда государь приказалъ публиковать указъ не слушать ни въ чемъ Меншикова, и въ то же время послалъ приказъ гвардейскимъ полкамъ повиноваться исключительно его повелѣніямъ, которыя будутъ передаваемы черезъ майоровъ гвардіи Юсупова и Салтыкова. Въ заключеніе, государь отправилъ курьера воротить высланнаго изъ Петербурга Ягужинскаго, врага Меншикова. Воспоминанія о страданіяхъ родителя, возбужденныя въ государѣ врагами Меншикова, вступили ему въ душу, и онъ сказалъ: „Меншиковъ хочетъ обращаться со мною, какъ обращался съ моимъ отцомъ, но этого ему не удастся; онъ не будетъ давать мнѣ пощечинъ, какъ давалъ“. Приказано во дворцѣ не допускать ни семейства, ни прислуги Меншикова. Меншиковъ попробовалъ-было написать къ царю письмо и просилъ позволенія уѣхать въ Украину.

Въ отвѣтъ, на это письмо, Меншикову сообщено, что онъ лишается дворянства и орденовъ, а у царской невѣсты отбираются экипажи и придворная прислуга. 11 сентября (22 новаго стиля) Меншикову дано приказаніе ѣхать со всѣмъ семействомъ подъ конвоемъ въ свое помѣстье Раненбургъ.

12 сентября отправился Меншиковъ въ обозѣ, состоявшемъ изъ четырехъ каретъ и сорока двухъ повозокъ, съ женою, свояченицею, сыномъ, двумя дочерьми и братомъ княгини, Арсеньевымъ. Съ нимъ была толпа прислуги; провожалъ его отрядъ въ 120 человѣкъ гвардіи подъ начальствомъ капитана. Громадная толпа народа собралась глазѣть на падшаго князя, который за день передъ тѣмъ былъ самодержавнымъ властителемъ всей Россіи.

Едва Меншиковъ отъѣхалъ нѣсколько верстъ отъ Петербурга, какъ его догналъ курьеръ съ царскимъ приказаніемъ отобрать всѣ иностранные ордена; русскіе отобраны были у него въ Петербургѣ. Меншиковъ отдалъ ихъ всѣ, со шкатулкою, въ которой они хранились. Когда Меншиковъ достигъ Твери, его догналъ новый курьеръ съ приказаніемъ высадить его и всю семью изъ экипажей и везти въ простыхъ телѣгахъ. „Я готовъ ко всему", сказалъ Меншиковъ, — и чѣмъ больше вы у меня отнимете, тѣмъ менѣе оставляете мнѣ безпокойствъ. Сожалѣю только о тѣхъ, которые будутъ пользоваться моимъ паденіемъ". И его, и всѣхъ его семейныхъ повезли изъ Твери въ Раненбургъ въ простыхъ телѣгахъ. Онъ старался казаться спокойнымъ, и гдѣ приходилось ему, при перемѣнѣ лошадей, говорить съ своими семейными, онъ ободрялъ ихъ и убѣждалъ съ христіанскимъ терпѣніемъ покориться волѣ Божьей. Но, пересиливая свое душевное горе, Меншиковъ съ трудомъ могъ охранять свое тѣло отъ припадковъ болѣзни—возобновившагося кровохарканія.

Враги Меншикова не давали ему покоя въ изгнаніи. Въ Петербургѣ пошли ходить о немъ разныя обвиненія, отчасти справедливыя, отчасти измышленныя злобою. Разсказывали, что онъ сносился съ прусскимъ дворомъ и просилъ дать себѣ 10 милліоновъ взаймы, обѣщая отдать вдвое, когда достигнетъ престола. Увѣряли, что, пользуясь своимъ могуществомъ, онъ, съ честолюбивыми цѣлями захвата верховной власти, хотѣлъ удалить гвардейскихъ офицеровъ и замѣнить ихъ своими любимцами. Толковали, что отъ имени покойной императрицы онъ составилъ фальшивое завѣщаніе, подписанное великою княжною Елисаветою, которая, по неграмотности матери, всегда за нее подписывалась. Ставили ему въ вину, что онъ ограбилъ своего малолѣтняго го-

сударя и, завѣдуя монетнымъ дѣломъ, приказалъ выпускать плохого достоинства деньги, обращая въ свою пользу невключенную въ нихъ долю чистаго металла. Припоминали и прежніе его грѣхи, какъ, пользуясь довѣріемъ Петра Великаго, онъ обкрадывалъ казну и черезъ то нажилъ несмѣтное богатство. Говорили, что вещи, которыя онъ взялъ съ собою, стóили, по мнѣнію однихъ, пять милліоновъ, по мнѣнію другихъ—двадцать. Обвиняли Меншикова въ недавнихъ тайныхъ сношеніяхъ со Швеціею въ ущербъ интересамъ Россіи: еще при жизни императрицы Екатерины I онъ, будто бы, писалъ къ шведскому сенатору Дикеру, что у него въ рукахъ военная сила, и онъ не допуститъ ни до чего вреднаго для Швеціи, причемъ просилъ, чтобы шведскій король не забылъ его за такое пріятельское предупрежденіе, а шведскому посланнику Зюдеркрейцу Меншиковъ сообщалъ о томъ, что происходило въ Россіи и за то взялъ съ него взятку въ количествѣ пяти тысячъ англійскихъ червонцевъ. Арестованные секретари Меншикова, спрошенные по этому дѣлу, не показали ничего во вредъ Меншикову. Падшій временщикъ обвинялся еще въ томъ, что, выдавая голштинскому герцогу пожалованные послѣднему 390,000 р., взялъ съ него для себя взятку—60,000 р. Это подтвердилъ и герцогъ. Верховный тайный совѣтъ послалъ къ Меншикову въ Раненбургъ 120 вопросныхъ пунктовъ, а въ мартѣ 1728 года въ Москвѣ, у Спасскихъ воротъ, найдено подметное письмо, составленное въ оправданіе Меншикова: это письмо окончательно ему повредило, потому что сочтено было дѣломъ самого Меншикова, прибѣгавшаго такимъ образомъ къ средствамъ непозволительнымъ для своего спасенія. Рѣшено было конфисковать его достояніе, тѣмъ болѣе, что тогда изъ разныхъ коллегій и канцелярій поступали требованія о возвращеніи денегъ и матеріаловъ, незаконно захваченныхъ Меншиковымъ. Верховный тайный совѣтъ указалъ отправить Меншикова съ семействомъ въ Березовъ, давая всѣмъ членамъ его семейства и ихъ прислугѣ по шести рублей кормовыхъ денегъ въ день, а свояченицу Меншикова, Варвару Арсеньеву, приказано было постричь въ женскомъ Сорскомъ манастырѣ въ бѣлозерскомъ уѣздѣ. У Меншикова было конфисковано: 90,000 душъ крестьянъ и города: Ораніенбаумъ, Ямбургъ, Копорье, Раненбургъ, два города въ Малороссіи: Почепъ и Батуринъ, капиталу до 13.000,000 р., изъ которыхъ 9.000,000 находились на храненіи въ иностранныхъ банкахъ, да, сверхъ того, на милліонъ всякой движимости и брилльянтовъ: одной золотой и серебряной посуды—болѣе 200 пудовъ.

Собираясь, по этому указу, отправлять въ заточеніе павшаго временщика, у него отняли все приличное платье, одѣли въ сермягу и простой тулупъ, а голову его прикрыли бараньей шапкой. Такое же переодѣваніе постигло и членовъ его семьи, и въ такомъ видѣ повезли ихъ всѣхъ въ далекій путь. Княгиня Меншикова, женщина слабаго здоровья и съ молодости изнѣженная, съ самыхъ первыхъ дней постигшаго ихъ несчастія безпрестанно плакала и теперь не вынесла послѣдняго горя и униженія. Она ослѣпла и, не доѣхавши до Казани, умерла. Меншиковъ самъ похоронилъ ее, но ему не дозволили слишкомъ долго плакать надъ ея могилою и торопили слѣдовать въ дальнѣйшій путь. Въ Тобольскѣ губернаторъ далъ ему 500 рублей,—то было царское жалованье на скудное содержаніе изгнанника. На эти деньги Меншиковъ приказалъ накупить разныхъ запасовъ —хлѣбнаго зерна, вяленаго мяса, разныхъ орудій, какъ, напримѣръ, пилъ, лопатъ, рыболовныхъ сѣтей, также всякихъ необходимыхъ вещей для своихъ дѣтей, а лишнее, что́ затѣмъ оказалось изъ этой суммы, велѣлъ раздать бѣднымъ. Изъ Тобольска изгнанниковъ повезли въ открытыхъ телѣгахъ, подвергая всякимъ неудобствамъ сибирскаго климата. Съ нимъ было восемь слугъ, согласившихся раздѣлять изгнаніе своего господина. Они служили ему при постройкѣ дома, впрочемъ самъ старикъ господинъ помогалъ имъ: не даромъ Петръ Великій пріучилъ его владѣть топоромъ и молоткомъ. Построенный въ Березовѣ домъ Меншикова состоялъ изъ четырехъ покоевъ: въ одномъ жилъ онъ самъ съ сыномъ, во второмъ — его дочери, въ третьемъ — прислуга, четвертый — служилъ кладовою. Изъ его дочерей старшая, бывшая невѣста императора, занималась стряпнею въ кухнѣ. а вторая мытьемъ бѣлья; имъ помогали въ работѣ двѣ прислужницы. Меншиковъ, кромѣ дома, построилъ еще деревянную церковь. Изъ вельможи, избалованнаго долгимъ счастьемъ и изобиліемъ, Меншиковъ преобразился въ крѣпкаго духомъ чернорабочаго русскаго человѣка и переносилъ съ примѣрною твердостью лишенія ссылки и свое униженіе. Черезъ шесть мѣсяцевъ заточенія, его постигло новое горе: старшая дочь его, бывшая невѣста императора, скончалась отъ оспы. Меншиковъ сохранялъ присутствіе духа, самъ читалъ надъ покойницей псалтирь и пѣлъ надъ нею погребальный канонъ. Ее похоронили въ церкви, построенной отцомъ и недавно передъ тѣмъ освященной. Тогда старикъ указалъ дѣтямъ мѣсто, на которомъ и самъ желалъ быть погребеннымъ близъ своей дочери.

Послѣ этого удара чуть было не пришлось Меншикову потерять двухъ другихъ дѣтей, заболѣвшихъ также оспою. Заботы родителя спасли ихъ: они выздоровѣли; но самъ Меншиковъ заболѣлъ. Онъ скончался 22 ноября 1729 года приливомъ крови: въ Березовѣ не было никого, кто бы умѣлъ сдѣлать кровопусканіе.

Оставшіеся въ сиротствѣ его дѣти, по восшествіи на престолъ Анны Ивановны, были возвращены изъ ссылки и вступили во всѣ права русскаго дворянства.

XIX.

АРХІЕПИСКОПЪ ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

Въ XVIII вѣкѣ изъ лицъ духовнаго званія не было никого, кто бы имѣлъ такое важное значеніе, не только въ сферѣ церкви, но и во всемъ политическомъ строѣ государства, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Съ его именемъ тѣсно соединяются: важнѣйшее дѣло —основаніе святѣйшаго синода и первая исторія этого учрежденія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ, въ 1681 году, отъ бѣднаго мѣстнаго купца, который умеръ, оставивши жену и малолѣтняго сына Елеазара въ крайней нищетѣ. Вдова его скоро за нимъ послѣдовала въ могилу. Елеазаръ, оставшись круглымъ сиротою, былъ принятъ на попеченіе дяди, ректора кіевской коллегіи, Ѳеофана Прокоповича, а послѣ кончины дяди, его пріютилъ у себя какой-то кіевскій мѣщанинъ. Елеазаръ учился въ кіевской коллегіи и, отличаясь счастливою памятью и живою понятливостью, сталъ лучшимъ ученикомъ. Когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ отправился для окончанія своего ученія въ польское училище; тамъ онъ скоро былъ совращенъ съ православія, принялъ унію и постригся въ монахи, подъ именемъ Елисея. Уніатскій владимирскій епископъ Заленскій увидѣлъ въ немъ необыкновенныя способности и, при его покровительствѣ, молодой монахъ Елисей Прокоповичъ былъ отправленъ въ Римъ, въ коллегію св. Аѳанасія, учрежденную со спеціальною цѣлью распространять католичество между послѣдователями восточнаго православія въ Греціи и въ славянскихъ земляхъ. Въ Римѣ Елисей, находясь подъ вліяніемъ наставника іезуита, познакомился со всею мудростью схоластическаго богословія, но изучалъ съ большимъ прилежаніемъ и древнихъ классиковъ, какъ греческихъ, такъ и латинскихъ. Здѣсь онъ присмотрѣлся къ строю римской церкви, однако не усвоилъ папистической нетерпимости и, какъ послѣ самъ сознавался, уже тогда внутренно насмѣхался надъ проклятіями, которыя папа Иннокентій XII публично сыпалъ на всѣхъ непри-

надлежащихъ къ западной церкви и непризнающихъ верховной папской власти. Въ 1702 году Елисей возвращался уже въ отечество черезъ Швейцарію. Прибывъ въ Почаевскій монастырь, а по другимъ извѣстіямъ въ Кіевъ, онъ постригся въ православное монашество, отрекся отъ папизма и перемѣнилъ имя, назвавшись изъ Елисея Ѳеофаномъ въ память покойнаго дяди. Сдѣлавшись православнымъ, Ѳеофанъ какъ будто хотѣлъ загладить свое прежнее отступничество непріязненнымъ отношеніемъ къ католичеству, въ особенности мѣткими обличеніями лукавства и фальшивости іезуитовъ. Въ 1705 году, онъ получилъ мѣсто преподавателя піитики въ кіевской академіи, а въ слѣдующемъ году перешелъ на каѳедру риторики. Преподавая то и другое, Ѳеофанъ составилъ курсы піитики и риторики и написалъ трагикомедію „Владиміръ", которая, несмотря на тяжелый стихъ и нечистый польско-русскій языкъ, не лишена положительныхъ поэтическихъ достоинствъ и въ особенности замѣчательна по свободомыслію и присутствію такихъ идей, которыя были выше своего вѣка. Ѳеофанъ писалъ и говорилъ проповѣди, отличавшіяся тѣмъ, что въ нихъ не было ни тогдашней школьной рутины, ни утомительной длинноты. Одну изъ такихъ проповѣдей сказалъ онъ 5 іюня 1706 года, въ Печерскомъ монастырѣ, въ присутствіи пріѣхавшаго въ Кіевъ Петра Великаго. Государь тогда замѣтилъ проповѣдника, но такъ какъ былъ сильно занятъ военными и политическими дѣлами, то и не сдѣлалъ никакого распоряженія объ измѣненіи скромной судьбы кіевскаго профессора. Ѳеофанъ оставался еще три года въ академіи, преподавая философію, физику и математику, и сдѣлался извѣстнымъ кіевскому губернатору князю Дмитрію Голицыну. Послѣ полтавской побѣды Петръ прибылъ въ Кіевъ и Ѳеофанъ опять произносилъ въ присутствіи царя проповѣдь въ Софійскомъ соборѣ, разсыпая въ этой проповѣди восхваленія Петру по поводу одержанной побѣды; однако и на этотъ разъ Петръ не показалъ къ нему особой милости. Болѣе выигралъ Ѳеофанъ передъ царскимъ любимцемъ Меншиковымъ, когда въ декабрѣ 1709 же года произнесъ при немъ въ церкви Братскаго монастыря рѣчь, въ которой просилъ свѣтлѣйшаго князя не отказать въ покровительствѣ академіи. Меншиковъ вспомнилъ Ѳеофапа; вѣроятно по его настоянію, вспомнилъ о немъ Петръ и во время турецкаго похода потребовалъ къ себѣ въ Молдавію; когда Петръ находился въ Яссахъ и праздновалъ тамъ воспоминаніе полтавской побѣды, Ѳеофанъ говорилъ проповѣдь, которая понравилась государю. По окончаніи несчастной прутской войны, Ѳеофанъ былъ отпущенъ въ Кіевъ, назначенъ, по желанію государя, ректоромъ академіи и профес-

соромъ богословія. Въ этомъ званіи пробылъ онъ до 1715 года и оставилъ по себѣ память полезными преобразованіями, а въ преподаваніе богословія ввелъ болѣе живой методъ. Въ это время сблизился онъ съ богатою малорусскою фамиліею Марковичей и подружился съ однимъ изъ нихъ, Яковомъ Андреевичемъ, бывшимъ своимъ воспитанникомъ въ академіи, вскорѣ женившимся на дочери черниговскаго полковника Павла Полуботка. Ѳеофанъ много лѣтъ поддерживалъ съ этимъ человѣкомъ дружбу и велъ съ нимъ постоянную переписку, сообщая ему о своихъ ученыхъ работахъ.

Въ 1715 году Петръ вызвалъ Ѳеофана въ Петербургъ, но болѣзнь задержала его до осени 1716 года. Призывъ государя заранѣе сочтенъ былъ знакомъ скораго посвященія Ѳеофана въ епископы. Собираясь въ Петербургъ, Ѳеофанъ писалъ своему другу Марковичу: „говорятъ, что меня вызываютъ для епископства; эта почесть привлекаетъ меня такъ, какъ бы меня приговорили бросить на съѣденіе звѣрямъ. Завидую митрамъ, саккосамъ, посохамъ, свѣчамъ и другимъ украшеніямъ! Прибавьте къ этому большихъ и вкусныхъ рыбъ! Если я интересуюсь этимъ, если ищу этого, то пусть Богъ покараетъ меня чѣмъ-нибудь еще худшимъ... Употреблю всѣ усилія, чтобъ отклонить отъ себя эту честь и поскорѣе возвратиться къ вамъ!“. Пріѣхавши въ Петербургъ въ концѣ 1716 года, Ѳеофанъ не засталъ тамъ государя, бывшаго за-границею, но былъ ласково принятъ Меншиковымъ, оставленъ въ Петербургѣ и занимался произнесеніемъ проповѣдей, которыя печатались и отсылались государю. Въ этихъ проповѣдяхъ Ѳеофанъ разъяснялъ современныя политическія дѣла, стараясь угождать точкѣ зрѣнія Петра и составилъ родословную таблицу русскихъ государей, которая была послана царю, а потомъ напечатана на отдѣльномъ листѣ съ лицевыми изображеніями царствовавшихъ въ Россіи лицъ. По возвращеніи государя изъ-за-границы, 10 октября 1717 года, Ѳеофанъ составилъ отъ лица маленькихъ царскихъ дѣтей поздравительную рѣчь на день именинъ Екатерины, сказалъ въ честь ея похвальное слово, и это очень понравилось государю. Въ началѣ 1718 года, Петръ назначилъ Ѳеофана псковскимъ архіереемъ. Уже въ это время Петръ отмѣтилъ этого человѣка, какъ незамѣнимаго въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій и народнаго просвѣщенія. Петръ нашелъ въ немъ давно желаннаго работника для исполненія своихъ плановъ: поставить государственную власть выше церковной и совершенно подчинить себѣ церковь наравнѣ съ другими вѣтвями государственнаго строя. Петръ зналъ, что духовенство не расположено къ нему, что центръ церков-

наго противодѣйствія находился главнымъ образомъ въ Москвѣ, притомъ Петръ зналъ, что не только въ ряду приверженцевъ старины, но и между болѣе образованными духовными, царь могъ встрѣтить недоброжелателей своимъ видамъ. Стефанъ Яворскій, блюститель патріаршаго престола, главный духовный сановникъ въ государствѣ, при всей своей кротости и покорности, при всемъ уваженіи, которое къ нему оказывалъ государь, не вполнѣ расположенъ былъ слѣпо идти за Петромъ и не разъ заявлялъ, гдѣ только можно было, такое нерасположеніе. Между прочимъ, Яворскій еще въ 1712 году въ своихъ проповѣдяхъ осмѣлился критиковать учрежденіе фискаловъ. При своемъ несомнѣнномъ православіи, Стефанъ былъ нѣсколько наклоненъ къ духу римскаго католичества, по крайней мѣрѣ по отношенію къ идеѣ самостоятельности церкви и независимости ея отъ свѣтскаго произвола; то же направленіе видно было и въ другихъ сановникахъ церкви, воспитанникахъ кіевской академіи, перешедшихъ въ Москву; таковы были, между прочими, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Стефанъ Прибыловичъ, Гедеонъ Вишневскій. Всѣ они, наравнѣ со Стефаномъ Яворскимъ, были противники протестантскихъ идей, которыя вторгались тогда понемногу въ Россію. Въ 1713 году возникло знаменитое дѣло объ Иванѣ Максимовѣ и Дмитріѣ Тверитиновѣ; первый былъ ученикъ словяно-латинской школы въ Москвѣ и распространялъ между своими товарищами протестантское ученіе о непочитаніи святыхъ мощей и иконъ, не признавалъ пресуществленія въ таинствѣ евхаристіи и проч. Преданный пыткѣ въ московскомъ патріаршемъ приказѣ, онъ оговорилъ лекаря Дмитрія Тверитинова, его двоюроднаго брата, цырюльника Ѳому Иванова, фискала Михаила Андреева и двухъ торговыхъ людей, Никиту Мартынова и Михаила Минина. Всѣхъ взяли въ Петербургъ; допрошенные въ сенатѣ, эти лица не были признаны еретиками и въ іюнѣ 1714 года отправлены въ Москву, къ Стефану, чтобы освидѣтельствовать ихъ духовно и принудить принести публичное исповѣданіе вѣры. Но Стефанъ, пользуясь тѣмъ, что ему дали право духовно освидѣтельствовать присланныхъ, старался, при помощи разныхъ доносителей, обвинять ихъ, а главнымъ образомъ Тверитинова, у котораго найдены были составленныя имъ сочиненія въ духѣ, противномъ православію. Обвиненные сидѣли въ оковахъ, но пускались въ церковь. Въ одно изъ такихъ посѣщеній церкви, 5 октября 1714 года, Ѳома Ивановъ перерубилъ ножомъ по лицу образъ святого Алексѣя митрополита, чтобы всенародно показать свой еретическій духъ. Дѣло кончилось не ранѣе февраля 1716 года. Фанатикъ Ѳома Ивановъ былъ казненъ, а прочіе, принесшіе

покаяніе, были разосланы подъ надзоръ архіереевъ. Вслѣдъ за ересью Тверитинова, въ 1717 году, судимъ былъ въ Преображенскомъ приказѣ другой кружокъ вольнодумцевъ мужского и женскаго пола, обвиненныхъ въ проповѣданіи противныхъ православію толковъ, о непоклоненіи иконамъ и всякимъ священнымъ вещамъ и объ отрицаніи церковныхъ преданій. Главными лицами въ этомъ кружкѣ былъ Иванъ Зима, съ женою своею Настасьею. Всѣхъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу подвергали пыткѣ кнутомъ, заставили повиниться и покаяться. Царь признавалъ необходимымъ, для прочности и спокойствія государства, охранять единство оффиціальной религіи, но лично питалъ склонность къ протестантству и много разъ выражалъ ее непочтеніемъ къ старорусскимъ суевѣріямъ и предразсудкамъ, глубоко вошедшимъ во внутренность русской церкви; болѣе всего, что̀ нравилось государю въ протестантствѣ,—было ученіе о верховности государственной власти надъ церковью. Московскимъ духовнымъ, получившимъ кіевское образованіе, не по душѣ было расположеніе государя къ протестантству, и тѣмъ сильнѣе примыкали они къ началамъ римскаго католичества; ихъ, кромѣ того, соблазняли разгульныя выходки Петра и его кощунскія насмѣшки надъ духовенствомъ, выражаемыя въ вакхическихъ празднествахъ всепьянѣйшаго собора. Ѳеофанъ съ перваго же раза поставилъ себя иначе, и, готовясь къ посвященію въ епископы, съумѣлъ поддѣлаться къ Петру произнеся проповѣдь о власти и чести царской. Въ этой проповѣди онъ дѣлалъ явные намеки на московскихъ духовныхъ, укорявшихъ Петра за разгульную жизнь и проповѣдывавшихъ самостоятельность духовнаго класса. „Есть люди“, говорилъ Ѳеофанъ, „которымъ кажется все грѣшнымъ и сквернымъ, что̀ только чудно, весело, велико и славно; они самаго счастья не любятъ; кого увидятъ здороваго и хорошо живущаго, тотъ у нихъ несвятъ; хотѣли бы они, чтобы всѣ люди были злообразны, горбаты, темны, неблагополучны... Многіе думаютъ, что не всѣ люди обязаны одинакимъ долгомъ, что священники и монахи отъ этого исключаются,—вотъ по истинѣ змѣиное жало, папежскій духъ, не знаю какимъ путемъ достигшій и коснувшійся насъ!“. Петру пришлось очень по душѣ такое направленіе, но духовные не простили его Ѳеофану и подняли противъ него цѣлую бурю; они старались обвинить Ѳеофана въ неправославіи и не допустить до епископства; къ нимъ пристали и знаменитые своей ученостью братья греки, Лихуды, Стефанъ Яворскій, вмѣстѣ съ Лопатинскимъ и Вишневскимъ, подбивали другихъ епископовъ протестовать противъ посвященія Ѳеофана и просить государя отло-

житъ его рукоположеніе, пока Өеофанъ не отречется отъ своихъ неправославныхъ мнѣній. Но они ничего не могли сдѣлать противъ воли Петра: царь удовольствовался письменнымъ отвѣтомъ Өеофана, въ которомъ послѣдній опровергалъ воздвигнутыя противъ него толкованія; въ доказательство своего расположенія Петръ обѣдалъ у Өеофана съ своимъ любимцемъ Меншиковымъ, а потомъ, вызванный въ Петербургъ, Стефанъ Яворскій принужденъ былъ отказаться отъ обвиненія и просить у Өеофана прощенія. Оба соперника облобызались и дѣло сложилось такъ, какъ будто между ними наступило братское примиреніе, но на самомъ дѣлѣ осталось у нихъ другъ къ другу взаимное нерасположеніе.

Өеофанъ сдѣлался епископомъ, и съ тѣхъ поръ, при всякомъ удобномъ случаѣ, старался нравиться Петру; такъ, говоря проповѣдь въ день Александра Невскаго, онъ очень ловко восхвалилъ царя: „ты единъ показалъ еси дѣло превысокаго сана царскаго быти собраніе всѣхъ трудовъ и попеченій... ты являеши намъ въ царѣ и простого воина, и многодѣльнаго мастера, и многоименитаго дѣлателя, и гдѣ бы довлѣло повелѣвати подданнымъ должное, ты повелѣніе твое собственными труды твоими предваряешь и утверждаешь... Аще бы всѣхъ князей нашихъ и царей цѣлая къ намъ пришла исторія, была бы то малая книжица противо повѣсти о тебѣ единомъ“. Благодаря своей большой начитанности и учености, Өеофанъ, по волѣ государя, написалъ „Апостольскую географію“, „Краткую книгу для ученія отрокамъ“ и знаменитый „Духовный регламентъ“. Его книга для ученія отроковъ вооружила противъ себя молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, написавшаго безъ своего имени возраженія, въ которыхъ указывалась неправославность нѣкоторыхъ выраженій Өеофана. Такимъ образомъ, Кантемиръ нашелъ, что Өеофанъ, изъясняя вторую заповѣдь, причисляетъ почитаніе иконъ къ идолослуженію, выразившись, что тотъ есть идолослужитель, кто поклоняется какому-нибудь изображенію, боится его и надѣется на него, какъ на имѣющаго нѣкоторую удивительную силу. Не понравился возражателю намекъ Өеофана и на то, что нерѣдко, подъ покровомъ святости, обманщики, ради прибытка, утверждаютъ простыхъ людей въ почитаніи ложныхъ мощей, млека пресвятыя Богородицы, крови Іисуса Христа и волосъ бороды Его. Но никакія возраженія подобнаго рода не могли имѣть силы, когда все, что̀ ставили въ вину Өеофану, до чрезвычайности было согласно со взглядами и намѣреніями государя. Не менѣе въ духѣ Петра было тогда же написано сочиненіе Өеофана „О му-

чепичествѣ“, гдѣ авторъ обличалъ тѣхъ фанатиковъ, которые, будучи недовольны государемъ за введеніе иностранной одежды и за бритье бородъ, сами добровольно отваживались на поступки, которые влекли за собою царскій гнѣвъ, а нерѣдко и казнь. Изъ всѣхъ русскихъ архіереевъ, Θеофану могъ быть одинъ только соперникъ—Θеодосій Яновскій, архимандритъ Невскаго монастыря, потомъ возведенный Петромъ въ санъ новгородскаго епископа. Онъ былъ близокъ къ государю, совершалъ съ нимъ и съ Екатериною путешествіе за-границу почти въ продолженіи трехъ лѣтъ и, не менѣе Θеофана, усвоилъ искусство поддѣлываться къ Петру; онъ при всякомъ удобномъ случаѣ служилъ видамъ царя, и за это его не долюбливали духовные. Θеофанъ, впослѣдствіи погубившій этого человѣка, при Петрѣ старался оказывать ему уваженіе какъ старшему, и во всемъ отдавалъ ему наружное преимущество. Въ январѣ 1721 года учреждена была духовная коллегія, вскорѣ въ томъ же году переименованная въ святѣйшій правительствующій синодъ. Это учрежденіе руководилось регламентомъ, сочиненнымъ Θеофаномъ. Предсѣдателемъ синода по старшинству, съ титуломъ президента, назначенъ былъ Стефанъ Яворскій, но на дѣлѣ болѣе вліятельными были два вице-президента: первымъ былъ Θеодосій, вторымъ—Θеофанъ; послѣдній былъ всѣхъ ученѣе и искуснѣе въ умѣніи угадывать волю государя, а потому онъ собственно и заправлялъ всѣми важными дѣлами. На первыхъ же порахъ своего существованія, синодъ посылалъ распоряженія за распоряженіями: онѣ клонились къ уничтоженію всѣхъ тѣхъ обычаевъ, какіе только можно было отмѣнять безъ нарушенія сущности православной вѣры. Стефанъ внутренно на многое смотрѣлъ иначе, но долженъ былъ соглашаться, не отваживаясь идти противъ воли государя. Только по поводу вопроса—о возношеніи имени восточныхъ патріарховъ въ церковномъ богослуженіи—Стефанъ заявилъ-было протестъ. По проекту, написанному Θеофаномъ, синодъ опредѣлилъ не упоминать въ богослуженіи именъ восточныхъ патріарховъ, такъ какъ послѣ учрежденія святѣйшаго синода, русская церковь въ іерархическомъ отношеніи обособилась отъ греческой. Стефанъ, желая сохранить единство вселенской церкви и независимость ея отъ всякихъ національныхъ видовъ, сочинилъ противъ этого распоряженія вопросо-отвѣты; но государь не терпѣлъ нигдѣ и никогда противорѣчій своимъ воззрѣніямъ: онъ приказалъ синоду отвергнуть эти вопросо-отвѣты „яко зѣло вредные и возмутительные“, и послать къ Стефану указъ, чтобъ онъ никому ихъ не сообщалъ и не объявлялъ, „опасаясь не безтруднаго передъ его царскаго вели-

чества отвѣта“. Стефанъ проглотилъ эту непріятную пилюлю, и зная, что всему виною Ѳеофанъ, хотѣлъ во что бы то ни стало удалить его изъ синода. Упразднилось мѣсто кіевскаго митрополита; Стефанъ предлагалъ святѣйшему синоду назначить на это мѣсто Ѳеофана, но Петръ не поддался на эту уловку. Стефанъ видѣлъ, что ему ничто не удается: еще со времени смѣлой проповѣди противъ фискальства, Петръ не взлюбилъ его, и хотя не дѣлалъ ему рѣшительнаго зла, но всегда почти обращался съ нимъ холодно, отвергалъ всякія его заявленія и дѣлалъ все наперекоръ ему. Въ іюлѣ 1722 года Стефанъ письмомъ къ царю просилъ прощенія за все, въ чемъ царь считалъ его виновнымъ и по-прежнему желалъ, чтобъ его уволили на покой. Ему не отвѣчали. Осенью въ томъ же году Стефанъ скончался. Синодъ остался безъ президента съ двумя вице-президентами.

Значеніе Ѳеофана все болѣе и болѣе усиливалось; ловкій архіерей всегда умѣлъ кстати представлять перо свое къ услугамъ государя, сообразно текущимъ обстоятельствамъ. Когда Петръ издалъ знаменитый указъ 5 ферваля 1722 года о престолонаслѣдіи, Ѳеофанъ взялся, по царской волѣ, защищать, всею силою научныхъ доводовъ, справедливость и полезность такого закона и напечаталъ книгу „Правда воли монаршей“. Потакая давнему и постоянному стремленію Петра быть фактическимъ господиномъ и правителемъ русской церкви, Ѳеофанъ написалъ и напечаталъ „Розыскъ историческій“, въ которомъ доказывалъ, что христіанскій государь имѣетъ право управлять дѣлами церкви, хотя ему неприлично отправлять богослуженіе. Петра, по соотвѣтствію съ событіями его собственной жизни, занималъ вопросъ о бракахъ; Ѳеофанъ написалъ два разсужденія: одно — „О бракахъ правовѣрныхъ съ иновѣрными“, другое — „О правильномъ разводѣ мужа съ женою“. Въ послѣднемъ — Ѳеофанъ полагаетъ, что въ случаѣ развода, совершившагося по винѣ одного изъ супруговъ, можно дозволить вступать въ новый бракъ не только невинному лицу, но и виновному, потому что супругъ прелюбодѣйный въ первомъ супружествѣ можетъ быть вѣрнымъ во второмъ. Ѳеофанъ, по волѣ государя, составлялъ небольшія увѣщанія къ раскольникамъ, которыя публиковались въ видѣ указовъ отъ святѣйшаго синода; между прочимъ, имъ были написаны: увѣщаніе о томъ, чтобъ раскольники безбоязненно являлись въ синодъ для разсужденій о своихъ сомнѣніяхъ, сочиненіе: „О продерзателяхъ, неразсудно на мученіе дерзающихъ“, которое святѣйшій синодъ предписалъ читать два раза въ мѣсяцъ, и сочиненіе: „О поливательномъ крещеніи“, гдѣ доказывалось, что поливательное крещеніе имѣетъ такую же силу,

какъ и крещеніе съ погруженіемъ. Послѣднее сочиненіе навлекло на Ѳеофана укоры не только отъ раскольниковъ, но и отъ православнаго духовенства.

Въ своихъ проповѣдяхъ, Ѳеофанъ постоянно касался современныхъ событій и при всякомъ случаѣ восхвалялъ дѣянія Петра, такъ что его „Слова и рѣчи", изданныя при Екатеринѣ II, могутъ считаться скорѣе не церковными проповѣдями, а политическими руководящими статьями. Въ своихъ восхваленіяхъ Петру, Ѳеофанъ мало пускался въ праздную риторику, но всегда касался практической стороны и полезности для государства мѣропріятій государя. Всѣ тогдашніе уставы, касавшіеся церковнаго управленія, писаны были Ѳеофаномъ. Онъ составилъ уставъ семинаріи или духовной академіи, которую Петръ предположилъ завести для приготовленія пастырей церкви. Ѳеофанъ составилъ духовный штатъ, не приведенный въ исполненіе при жизни Петра. Наконецъ, въ январѣ 1724 года, Ѳеофанъ, соображаясь съ видами государя, по его приказанію, написалъ указъ объ устроеніи монашества, указъ, которымъ предполагалось поставить монастыри по древнѣйшему образцу на такую степень, чтобы иноческое житье отнюдь не было безполезнымъ и монастыри не дѣлались притономъ лѣнивцевъ, но приносили бы свою пользу обществу, какъ и всѣ другія общественныя учрежденія. Труды Ѳеофана не ограничивались сферою церкви. Какъ человѣкъ, владѣвшій хорошо перомъ, онъ, по порученію Петра, писалъ уставы и законоположенія, относившіеся къ другимъ сферамъ государственнаго порядка; такъ, имъ написано было предисловіе къ морскому регламенту. Вѣроятно, и въ другихъ случаяхъ употреблялъ его Петръ; между прочимъ извѣстно, что въ 1722 году Ѳеофанъ получилъ порученіе отъ государя пополнить исторію Петра, написанную неизвѣстно кѣмъ, быть можетъ самимъ Петромъ; она въ значительной степени была исправлена и выглажена Ѳеофаномъ, а напечатана была уже при Екатеринѣ II. Эта исторія обнимаетъ первую половину царствованія Петра до полтавской битвы.

Несмотря на близость Ѳеофана къ государю, любимецъ Петра не получилъ матеріальныхъ богатствъ, какъ бы слѣдовало ожидать, и постоянно жаловался на скудость. Государь пожаловалъ ему два подмосковныхъ села, но, по свидѣтельству Ѳеофана, по причинѣ хлѣбныхъ недородовъ, они приносили ему на первыхъ порахъ убытокъ вмѣсто пользы. Его псковская епархія была бѣдна и не доставляла ему надлежащихъ средствъ для прожитія въ Петербургѣ; царь поддерживалъ его своими частными подачками.

Петръ Великій скончался; псковской архіерей вмѣстѣ съ тверскимъ присутствовали при его смертномъ одрѣ. Возникъ важный вопросъ о наслѣдствѣ. Ѳеофанъ много способствовалъ возведенію на престолъ Екатерины и, со свойственной ему убѣдительностью, доказывалъ, что хотя покойный государь не оставилъ завѣщанія, но достаточно указалъ на свою волю, короновавши императрицу Екатерину. Онъ припомнилъ, какъ Петръ, наканунѣ ея коронованія, говорилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ, что коронуетъ ее съ тою цѣлью, дабы она по смерти его стала во главѣ государства. По предложенію Ѳеофана, актъ провозглашенія Екатерины императрицею положили назвать не избраніемъ, а только объявленіемъ въ томъ смыслѣ, что еще при жизни своего супруга она была избрана править по его кончинѣ государствомъ, а теперь только объявляется объ этомъ во всенародное свѣдѣніе. Екатерина была признана и въ значительной степени была обязана своимъ воцареніемъ ловкости Ѳеофана. При погребеніи Петра, Ѳеофанъ произнесъ рѣчь, считающуюся лучшею изъ говоренныхъ имъ въ своей жизни рѣчей.

При Петрѣ, Ѳеофанъ дѣйствовалъ какъ одинъ изъ вѣрнѣйшихъ исполнителей, пособниковъ и, такъ-сказать, угадывателей воли Петра; онъ дѣйствовалъ преимущественно въ литературной сферѣ и старался всегда примѣняться къ текущимъ событіямъ своего времени. Послѣ Петра, Ѳеофанъ вращается въ государственной сферѣ; онъ—одинъ изъ могучихъ людей своей страны и своего вѣка, но его дѣятельность выразилась, главнымъ образомъ, въ постоянной борьбѣ съ тайными и явными врагами и соперниками. Ѳеофанъ всегда выходилъ побѣдителемъ и безжалостно уничтожалъ все, что̀ только отваживалось заявлять противъ него вражду. Первою жертвою его былъ человѣкъ, которому нѣкогда онъ старался угождать—новгородскій архіепископъ Ѳеодосій. Этотъ сановникъ, зазнавшись своимъ значеніемъ, позволилъ себѣ неосторожныя выходки, которыми тотчасъ воспользовались тѣ, которые могли на его погибели устроить свое собственное возвышеніе. Непропущенный во дворецъ черезъ мостъ караульнымъ солдатомъ, Ѳеодосій, махая палкой, сказалъ: „я лучше свѣтлѣйшаго князя“! Этимъ онъ раздражилъ Меншикова, которому не преминули донести о выходкѣ архіерея. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, находясь въ синодальной палатѣ въ кругу духовныхъ, Ѳеодосій, въ разговорѣ съ ними, жаловался, что въ его время нѣтъ доброжелательства къ духовному сословію, и по этому поводу угрожалъ гнѣвомъ Божіимъ и междоусобною бранью. Многіе духовные уже прежде не любили Ѳеодосія за его высокомѣріе и заносчивость.

Ѳеофанъ и съ нимъ трое архимандритовъ, засѣдавшихъ въ синодѣ, подали императрицѣ доносъ въ томъ, что Ѳеодосій произнесъ „слова противныя и молчанія не терпящія". Государыня 24 апрѣля дала повелѣніе арестовать Ѳеодосія и допросить. На другой день послѣ этого ареста спрошены были другіе синодальные члены. Тверской епископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій показалъ, что преосвященный Ѳеодосій бранилъ весь россійскій народъ „безумными, нехристіанами, горшими турковъ и всякихъ варваровъ, атеистами и идолопоклонниками, говорилъ, что надъ церковью совершаются тиранства, толковалъ, что болѣзнь государю Петру пришла смертельная отъ безмѣрнаго женонеистовства и отъ Божія отмщенія за его посяжку на духовный и монашескій чинъ", что „излишняя его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показываетъ мучительское его сердце, жаждущее крови человѣческой". Другіе члены также не добромъ помянули Ѳеодосія въ своихъ отвѣтахъ, когда имъ задавали вопросы. Новгородскій архіепископъ просилъ письменно милости и прощенія у государыни, винился въ томъ, что на мосту назвалъ часового, не пропустившаго его во дворецъ, дуракомъ, но отрицалъ приписываемыя ему рѣчи, будто бы произнесенныя въ синодальной палатѣ, и увѣрялъ государыню, что онъ, по вѣрности своей къ ней, прежде другихъ учинилъ и подписалъ ей присягу. Но потомъ, при вторичныхъ допросахъ, Ѳеодосій сознался въ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ замѣчаніяхъ, произнесенныхъ передъ тверскимъ архіереемъ о томъ, что сенаторовъ пригласили ко столу во дворецъ, а синодальныхъ членовъ не пригласили, и что теперь ухаживаютъ за сенаторами, а когда окажется несогласіе въ народѣ, тогда начнутъ ухаживать и за духовенствомъ. Ѳеофанъ не остановился на первомъ ударѣ, нанесенномъ своему сопернику, но пользуясь тѣмъ, что послѣдній начинаетъ самъ виниться, настоялъ, чтобы у Ѳеодосія забрали всю его переписку и арестовали нѣсколькихъ монаховъ изъ Невскаго монастыря. 11 мая составленъ былъ Ѳеофаномъ указъ, подписанный государынею, о ссылкѣ Ѳеодосія въ дальній корельскій монастырь, на устье Двины. 13 мая этотъ приговоръ былъ публично прочитанъ; вслѣдъ затѣмъ Ѳеодосія отвезли въ мѣсто заточенія и помѣстили въ кельѣ, устроенной подъ церковью. Вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ былъ осужденъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь за разныя неисправности синодальный оберъ-секретарь Варлаамъ Овсянниковъ. Потомъ сдѣланъ былъ допросъ другимъ лицамъ, арестованнымъ по дѣлу Ѳеодосія; изъ нихъ одинъ, Григорій Семеновъ, думалъ очернить и самого Ѳеофана, но ему не удалось, и, запутавшись въ собственномъ доносѣ, доносчикъ былъ

осужденъ на смерть за то, что, слышавши по собственному сознанію отъ Ѳеодосія и Варлаама Овсянникова „злохулительныя слова на царскую особу“, во-время не донесъ. Монахи Невскаго монастыря, арестованные по дѣлу Ѳеодосія, наговорили на своего опальнаго владыку, что онъ принуждалъ ихъ, какъ своихъ подчиненныхъ, присягать на вѣрность себѣ, словно царствующей особѣ. Тогда составлено было „объявленіе о Ѳеодосіи“, въ которомъ изложены были вины новгородскаго архіепископа. Оно было отдано на просмотръ Ѳеофану. Ѳеофанъ, воспользовавшись этимъ, двинулъ дѣло до того, что синодъ, по высочайшему повелѣнію, приказалъ снять съ Ѳеодосія архіерейскій и священническій санъ и посадить его въ тюрьму съ малымъ оконцемъ, не допускать къ нему близко людей и не давать ему для пропитанія ничего, кромѣ хлѣба и воды. Графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, по царскому повелѣнію, пріѣхалъ въ корельскій Никольскій монастырь и пригласилъ туда холмогорскаго архіерея. Послѣдній въ церкви снялъ съ Ѳеодосія санъ, а потомъ Ѳеодосій былъ посаженъ въ ту же келью, гдѣ сидѣлъ прежде, но уже не въ архіерейскомъ санѣ, а въ званіи простого монаха, подъ именемъ чернеца Ѳедоса. Въ его кельѣ заложили большое окно и оставили для свѣта маленькое отверстіе въ четверть аршина; его тюрьма была съ тройною дверью за замками и печатями; у двери поставлены были двое солдатъ. Какъ и чѣмъ существовалъ чернецъ Ѳедосъ въ своей тюрьмѣ отъ половины октября до конца января 1726 года,—неизвѣстно, но въ концѣ января архангельскій губернаторъ Измайловъ пріѣхалъ въ корельскій монастырь и приказалъ перевести узника въ другую тюрьму; Ѳеодосій былъ такъ слабъ, что не могъ ходить и его перенесли на рукахъ, а 5 февраля караульный фендрихъ Григорьевъ рапортовалъ губернатору, что чернецъ Ѳедосъ умеръ. Тѣло Ѳедоса, по указу тайной канцеляріи, вынули изъ земли, отвезли въ кирилловскій монастырь и тамъ похоронили 12 марта. 25 іюня того же года императрица сообщила святѣйшему синоду, что она соизволила Ѳеофана, псковскаго архіепископа, перевести на новгородскую архіепископію.

Тогда началось у Ѳеофана небезопасное для него дѣло съ бывшимъ архимандритомъ Маркелломъ Родышевскимъ, до того времени находившимся прежде въ приближеніи у Ѳеофана. Этотъ Маркеллъ сообщилъ Ѳеофану, что какой-то солдатъ на улицѣ сдѣлалъ ему намекъ о колокольномъ набатномъ звонѣ, за которымъ долженъ послѣдовать народный мятежъ, съ цѣлью погубить духовныхъ, подозрѣваемыхъ въ неправославіи и поруганіи святыхъ

иконъ. Ѳеофанъ донесъ объ этомъ правительству, и такъ какъ донесенное ему Маркелломъ касалось народнаго возмущенія, то Ѳеофанъ сдалъ Маркелла въ страшный Преображенскій приказъ. Тамъ Маркеллъ началъ наговаривать на Ѳеофана, показывая между прочимъ, что онъ дурно отзывался объ императрицѣ. Не много спустя, Маркеллъ началъ сыпать на Ѳеофана въ 47 пунктахъ обвиненія въ неправославіи, которое, по его объясненію, высказалось во многихъ сочиненіяхъ Ѳеофана; Маркеллъ указывалъ, будто изъ этихъ сочиненій видно, что авторъ ихъ думаетъ, что христіанинъ можетъ оправдаться передъ Богомъ вѣрою, а не дѣлами съ вѣрою, что онъ не признаетъ, какъ слѣдуетъ, твореній святыхъ отцовъ, не почитаетъ иконъ, называетъ суевѣріемъ водоосвященіе, смѣется надъ акаѳистами, порочитъ минеи, прологи и кормчую книгу, держитъ у себя въ домѣ музыку, говоритъ, что хорошо было бы ввести ее въ церквахъ и прочее. Тайная канцелярія взяла съ Ѳеофана подробное и письменное опроверженіе такихъ обвиненій, но кто знаетъ какъ бы Ѳеофанъ тогда отдѣлался, если бы на его счастье не палъ скоро Меншиковъ, находившійся уже не въ дружелюбномъ отношеніи къ новгородскому архіепископу, и потому мирволившій Родышевскому. Съ паденіемъ Меншикова, Ѳеофанъ уже смѣлѣе и рѣзче прежняго опровергалъ своего противника Родышевскаго, освобожденнаго изъ Преображенскаго приказа, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта и проживавшаго въ Невскомъ монастырѣ. Въ январѣ 1728 года, Маркеллъ бѣжалъ оттуда въ Москву, былъ пойманъ по распоряженію Ѳеофана и привезенъ въ синодъ, но тутъ объявилъ за собою „государево слово“ и былъ снова взятъ въ Преображенскій приказъ, гдѣ продолжалъ писать на Ѳеофана доносы; потомъ его отпустили въ Симоновъ монастырь и приказали содержать подъ карауломъ, но караулъ этотъ не былъ строгъ. Къ этому времени дворъ переѣхалъ въ Москву, совершилась коронація Петра II, затѣмъ—его смерть, призваніе на престолъ Анны Ивановны. Потрясенія, происходившія тогда одно за другимъ, многихъ погубили, но Ѳеофанъ только пользовался ими, чтобы крѣпче утвердиться. Ловкій и проницательный, онъ смекнулъ, что затѣи членовъ верховнаго тайнаго совѣта ограничить самодержавіе со вступленіемъ Анны на престолъ не осуществятся, что самодержавіе слишкомъ приросло къ общественной русской жизни, и, несмотря на всѣ свои подписки и обѣщанія, Анна возвратитъ русскому престолу извѣстную форму, отъ которой ее принуждали отречься. Ѳеофанъ сталъ на сторону противниковъ верховнаго совѣта; не смѣя пока открыто дѣйствовать противъ него, Ѳеофанъ

молчалъ, когда нужно было еще молчать, втайнѣ смѣялся надъ верховниками, и побудилъ, прежде совершенія присяги въ смыслѣ новаго образа правительства, прочитать публично форму этой присяги. Верховники, не смѣя, съ своей стороны, рѣзко заявить своихъ намѣреній, создали тогда такую форму присяги, которую присягавшіе не вполнѣ, такъ сказать, раскусили. Ѳеофану этого и было нужно, чтобы потомъ была возможность толковать, что дѣло понималось совсѣмъ не такъ, какъ его хотѣли представить сторонники ограниченія царской власти. Когда Анна была встрѣчаема въ Москвѣ, Ѳеофанъ не посмѣлъ высказать ей публично того, что было бы ей пріятно, но въ своей рѣчи, которую произносилъ передъ нею, вставилъ нѣсколько двусмысленныхъ выраженій, на которыя впослѣдствіи можно было указать, какъ на свидѣтельство его вѣрности самодержавію. Есть извѣстіе (неизвѣстно—вѣрно-ли), что Ѳеофанъ подарилъ Аннѣ столовые часы, въ которыхъ подъ доскою государыня могла найти начертанное Ѳеофаномъ наставленіе, какъ поступать ей. Не долго пришлось Ѳеофану таиться и вилять. По просьбѣ, представленной разомъ нѣсколькими стами человѣкъ изъ шляхетства, Анна отреклась отъ условій, на которыхъ принуждена была принять престолъ отъ верховнаго совѣта, разорвала ихъ публично, и самодержавная власть государя была возстановлена въ Россіи на прежнихъ, стародавнихъ основахъ. Ѳеофанъ спѣшилъ и въ рѣчахъ и въ стихахъ прославить это событіе, подсмѣиваясь надъ неудавшимися затѣями и угрожая тѣмъ, которые бы когда-нибудь вздумали повторить подобныя затѣи:

> Всякъ, кто ни мыслитъ вводить строй отманный,
> Бойся самодержавной, прелестниче, Анны:
> Какъ оная бумажка всѣ твои подлоги,
> Растерзанные, падутъ подъ царскія ноги.

Въ наступившее царствованіе, Ѳеофану опять, до самой своей смерти, пришлось бороться съ козними своихъ враговъ.

Родышевскій, проживая въ Симоновомъ монастырѣ, сошелся съ духовникомъ государыни, троицкимъ архимандритомъ Варлаамомъ, съ бывшимъ директоромъ типографіи Авраамовымъ, занимавшимся при Петрѣ писаніемъ исторіи, и съ другими лицами. Было намѣреніе повредить Ѳеофану черезъ посредство духовника государыни. Но всѣ козни не удались. Родышевскій написалъ житіе Ѳеофана, стараясь выставить въ самомъ дурномъ свѣтѣ своего противника, а главное—обвинить его въ неправославіи. Тотъ же неугомонный Родышевскій составилъ огромную критику на духовный регламентъ и на объявленіе о монашествѣ; Родышев-

скій силился разбить взглядъ Петра на монашество, выраженный въ указѣ, въ которомъ излагался проектъ новаго преобразованія монастырей. Маркеллъ прямо называлъ эти документы сочиненіемъ Ѳеофана. Ѳеофанъ съ своей стороны написалъ отвѣтъ, защищая новый взглядъ на монашество, но Маркеллъ не разсчелъ того, что, поражая Ѳеофана за такія сочиненія, которыя были изданы не отъ его имени, а какъ правительственные документы, онъ вызывалъ на борьбу съ собою уже не Ѳеофана, а правительство, и потому въ январѣ 1732 года ему поставили это въ вину и, по высочайшему повелѣнію, сослали въ заточеніе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь; разомъ съ нимъ отправили Аврамова и еще двоихъ лицъ въ монастыри. Варлаамъ успѣлъ въ пору увернуться.

За то въ 1732 году Ѳеофанъ низложилъ своего злѣйшаго врага Дашкова, который, будучи членомъ синода и энергическимъ приверженцемъ старины, давно уже думалъ сдѣлать вредъ Ѳеофану тѣмъ болѣе, что у него были въ душѣ честолюбивыя мечты сдѣлаться патріархомъ. Случилось, что синодъ долженъ былъ судить воронежскаго архіерея Льва Юрлова за то, что, уже послѣ вступленія на престолъ Анны Ивановны, этотъ архіерей, вмѣсто нея, поминалъ при богослуженіи мать Петра II, Евдокію Ѳеодоровну, объясняя это впослѣдствіи тѣмъ, что не получилъ указа отъ синода о вступленіи на престолъ новой государыни. Когда въ синодѣ собирались составить указъ о томъ, чтобы воронежскаго архіерея арестовать и везти въ Петербургъ, Георгій Дашковъ совѣтовалъ помедлить, подождать новаго доношенія отъ воронежскаго губернатора по этому дѣлу, а когда привезли Льва въ Петербургъ, то послѣдній показалъ, что онъ просилъ заступничества у Георгія Дашкова. Льва лишили сана и предали гражданскому суду, но и Георгія, какъ уличеннаго заступника его, удалили изъ синода въ монастырь. Тогда Ѳеофанъ поднялъ противъ Георгія дѣло о взяткахъ въ ростовской епархіи; это дѣло рѣшилось не въ пользу Георгія, и Ѳеофанъ испросилъ у государыни построже наказанія виновному: его лишили сана и сослали въ Каменный вологодскій монастырь.

Пользуясь большимъ почетомъ у императрицы Анны, Ѳеофанъ употреблялъ свое положеніе для того, чтобы вредить своимъ врагамъ и преслѣдовать даже тогда, когда они находились въ совершенномъ паденіи; Ѳеофанъ былъ безжалостенъ не только къ своимъ врагамъ, но не прощалъ и тѣмъ, которые оказывали состраданіе къ его безсильнымъ врагамъ. Бывшій нѣкогда коломенскимъ митрополитомъ, Игнатій Смола, сторонникъ Дашкова и давній недо-

брожелатель Ѳеофана, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь за нерѣшительность въ дѣлѣ осужденія Льва. Его принялъ радушно казанскій митрополитъ Сильвестръ Холмскій. За это, по настоянію Ѳеофана, Игнатія выслали подалѣе на берегъ Сѣвернаго моря, въ Никольскій корельскій монастырь, для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ, а Сильвестра, у котораго при обыскѣ въ бумагахъ нашли доказательства, что и онъ не менѣе Игнатія и Георгія питалъ злобу къ Ѳеофану, сослали въ Крипецкій монастырь близъ Пскова. Сильвестръ объявилъ за собою „слово и дѣло“ и привезенъ былъ въ Москву; тамъ онъ запутался въ показаніяхъ: тогда его лишили сана и сослали въ заточеніе въ Выборгъ. Дашковъ, сосланный въ вологодскій Каменный монастырь, принялъ схиму подъ именемъ Гедеона, но Ѳеофанъ узналъ, что его держатъ въ монастырѣ съ послабленіемъ и отправилъ секретно синодскаго оберъ-секретаря Дудина узнать объ этомъ подробно. Оказалось, что монастырское начальство дѣйствительно обращалось съ заточеннымъ ласково. По этому поводу, взяли подъ арестъ каменскаго архимандрита и казначея, привезли обоихъ въ Петербургъ къ суду синода. Архимандритъ, страшась пытки, умеръ въ тюрьмѣ; по показанію казначея, притянули къ дѣлу вологодскаго архіерея Аѳанасія Кондоиди, за то, что онъ перемѣнилъ у Георгія Дашкова караульныхъ служителей. Аѳанасій какъ-то отдѣлался отъ бѣды и, воротившись въ свою епархію, началъ содержать Дашкова уже съ такою строгостью, что даже самъ синодъ приказалъ сдѣлать послабленіе осужденному. Дашковъ отъ тоски заявилъ, что у него есть „государево слово и дѣло“, но синодъ, руководимый Ѳеофаномъ, не обратилъ вниманія на это заявленіе низложеннаго архіерея, и приказалъ сослать его въ нерчинскій монастырь въ той надеждѣ, что, находясь въ такой дали, онъ уже не будетъ безпокоить правительство.

Еще Стефанъ Яворскій написалъ книгу „Камень вѣры“, направленную, главнымъ образомъ, противъ лютеранства; она была издана уже послѣ смерти автора, въ 1728 году, подъ наблюденіемъ тверскаго архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго. Вслѣдъ затѣмъ, въ Лейпцигѣ явилось на латинскомъ языкѣ опроверженіе этой книги, сочиненное Буддеемъ, человѣкомъ въ свое время знаменитымъ по учености. Рецензентъ обвинялъ Яворскаго въ угодничествѣ католичеству и предостерегалъ русскихъ отъ его книги. Тогда въ Россіи появилось сочиненіе въ защиту Яворскаго, составленное доминиканцемъ Рибейра, находившемся при испанскомъ посланникѣ герцогѣ Делирія, а потомъ самъ Ѳеофилактъ написалъ „Возраженіе на письмо Буддея“, но не добился у пра-

вительства дозволенія издать свое сочиненіе. Тогда какъ Ѳеофилакту не дозволили писать сочиненіе въ защиту Яворскаго, книга Рибейры была переведена на русскій языкъ двумя духовными лицами, архимандритами и членами синода: Евфиміемъ Коллети и Платономъ Малиновскимъ. Противъ „Камня вѣры“ написанъ былъ „Молотокъ на Камень вѣры“, сочиненіе въ протестантскомъ духѣ. Ѳеофанъ, и прежде расположенный къ протестантству, увидѣлъ, что открыто стать на протестантскую сторону теперь будетъ выгодно, потому что, съ могуществомъ любимца императрицы Анны, Бирона, нѣмцы-лютеране подняли голову и получили первенствующее значеніе въ Россіи. Ѳеофанъ притянулъ въ тайную канцелярію переводчиковъ книги Рибейры и написалъ кабинетнымъ министрамъ записку, въ которой старался льстить протестантамъ, наводнившимъ тогда служебныя сферы въ Россіи. „Иностранныхъ въ Россіи мужей“, выражался Ѳеофанъ о Рибейрѣ, „ругательно нарицаетъ человѣчками или людишками и предаетъ, что русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ онымъ гнушается... презуса петербургской академіи, злодѣйствомъ опорочивъ, предаетъ сію рѣчь: и то не дивно понеже вси лютеране суть, что таковая ихъ правда и вѣра въ дѣлахъ гражданскихъ. Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многое число честныя особы и при дворѣ, и въ воинскомъ и въ гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ, неправдою и невѣрностью помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ не малое учинилъ огорченіе“.

Противники Ѳеофана не дозволяли ему торжествовать, и, при невозможности ратовать противъ него открыто, стали писать подметныя письма. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, обвиняли Ѳеофана даже въ наклонности къ папизму. Авторъ укрылся, но Ѳеофану хотѣлось во что бы то ни стало сыскать его и подозрѣніе упало прежде всего на одного изъ давнихъ его враговъ, Аврамова, содержавшагося въ Иверскомъ монастырѣ. По настоянію Ѳеофана, произведено было надъ Аврамовымъ слѣдствіе, но оно ничего не открыло. Тогда Ѳеофанъ принялся за Евфимія Коллети и Платона Малиновскаго, принимавшихъ участіе въ переводѣ книги Рибейры на русскій языкъ; съ ними были арестованы еще нѣсколько лицъ духовнаго званія. Ѳеофанъ старался представлять императрицѣ, что въ этой полемикѣ, поднятой противъ него въ защиту Стефанова сочиненія, видны иностранные, враждебные Россіи, происки. И Евфимій, и Платонъ въ 1734 году были исключены изъ числа членовъ синода; у нихъ отняты были монастыри, которыми они управляли, а въ іюнѣ 1735 года Евфимій

Коллети былъ лишенъ священства и монашества и переименованъ въ прежнее мірское имя Елевѳерія. Послѣ разстриженія, его подвергли допросамъ и пыткамъ. Къ дѣлу привлекли директора московской синодальной типографіи Барсова и съ нимъ типографскихъ рабочихъ: было подозрѣніе, что самая книга Рибейры въ подлинникѣ печаталась тайно не за-границею, а гдѣ-нибудь въ Россіи. Но розыскъ по этому вопросу не привелъ ни къ чему, кромѣ догадокъ. Отыскивая составителя подметнаго письма, Ѳеофанъ ухватился, между прочимъ, за секретаря придворной конторы Яковлева, сосланнаго по дѣлу Алексѣя Петровича въ Сибирь и возвращеннаго Екатериною I. Яковлевъ, подъ страшною пыткою, наговорилъ на другого Яковлева, учителя греческаго языка; у послѣдняго нашли проповѣди, съ приписками въ видѣ примѣчаній, давняго Ѳеофанова врага Маркелла Родышевскаго, жившаго въ заточеніи въ Кирилловскомъ монастырѣ. Ѳеофанъ приказалъ привезть Маркелла въ Петербургъ,—но на слѣдъ сочинителя подметнаго письма не напали. Ѳеофанъ возбудилъ подозрѣніе на Іосифа Рѣшилова, который, бывши прежде въ расколѣ, по принятіи православія, употреблялся синодомъ въ разныхъ порученіяхъ по раскольничьимъ дѣламъ и находился въ связи съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Взятый въ тайную канцелярію, Рѣшиловъ въ своихъ показаніяхъ притянулъ къ дѣлу калязинскаго архимандрита Іоасафа Маевскаго. За нимъ начали таскать въ тайную канцелярію другихъ духовныхъ, и наконецъ тверскаго архіерея Ѳеофилакта Лопатинскаго. Допрашивая Ѳеофилакта, старались запутать его въ дѣло о произнесеніи разныхъ сомнительныхъ словъ о престолонаслѣдіи и держали подъ стражею. Участь его была рѣшена уже по смерти Ѳеофана.

Но въ то время, когда Ѳеофанъ безпощадно старался отыскать автора подметнаго письма, сильно раздразнившаго его, появился другой пасквиль на Ѳеофана и вмѣстѣ на государыню, пасквиль, присланный, вмѣсто доношенія изъ новгородской губернской канцеляріи. Подьячіе этой канцеляріи были наказаны кнутомъ, виновника же не нашли. Много лицъ притянуто было къ дѣлу о подметныхъ письмахъ; много людей сидѣло въ тюрьмахъ и подвергалось страшнымъ пыткамъ. Шли мѣсяцы за мѣсяцами, пошелъ новый 1736 годъ; наконецъ, 8 сентября этого года, въ половинѣ пятаго часа пополудни, Ѳеофанъ скончался. О смерти его сохранилось извѣстіе, что, чувствуя приближеніе кончины, онъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и сказалъ: „о главо, главо, разуму упившись, куда ся приклонишь“. Тѣло его отправлено было водянымъ путемъ въ Новгородъ и погребено въ Софій-

скомъ соборѣ. Изъ завѣщанія его видно, что, кромѣ деревень, приписанныхъ къ его сану, которыя послѣ его смерти были взяты въ казну государыни, у него было нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, библіотека, стоившая 4,500 рублей, и много цѣнныхъ вещей, между прочимъ 149 картинъ, писанныхъ масляными красками.

Ѳеофанъ былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ и развитыхъ людей своего времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко носилъ на себѣ всѣ пороки своего вѣка. Пока живъ былъ Петръ, Ѳеофанъ былъ дѣятельнымъ, энергическимъ и полезнымъ его сотрудникомъ: гдѣ только нужна была умственная жизнь, ученый трудъ и свѣжая мысль, обращенная къ практическимъ потребностямъ времени, тамъ Ѳеофанъ являлся понятливымъ и трудолюбивымъ исполнителемъ предположеній и видовъ Петра, преимущественно въ сферѣ церкви и народнаго воспитанія. Умѣвши пріобрѣсти довѣріе и расположеніе государя, онъ, въ то же время, умѣлъ соблюдать со всѣми окружающими доброе согласіе и отличался характеромъ благодушія, украшающаго ученаго человѣка. Но послѣ кончины своего покровителя, Ѳеофанъ неожиданно очутился въ страшномъ омутѣ интригъ, козней и лукавства. Ему приходилось: или подвергнуться опасности быть выкинутымъ изъ общества, въ которомъ жилъ, сохранивши за собою память честнаго человѣка, — или, предупреждая угрожавшія ему опасности, начать безъ зазрѣнія совѣсти выкидывать всѣхъ тѣхъ, которые становились ему на дорогѣ и даже могли, по его соображенію, сдѣлать ему какое-нибудь зло. Ѳеофанъ, сообразно своей природѣ, выбралъ послѣдній путь, и изъ мирнаго ученаго временъ Петра сталъ, послѣ его кончины, ужаснымъ тираномъ, не разбиравшимъ никакихъ средствъ, когда приходилось толкать другихъ, мѣшавшихъ ему на пути, —сталъ безсердечнымъ эгоистомъ, безжалостнымъ мучителемъ, который тѣшился страданіями своихъ жертвъ даже и тогда, когда онѣ переставали быть для него опасными.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ ЕЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Н. Костомарова

ТОМЪ ВТОРОЙ:

(Окончаніе)

ГОСПОДСТВО ДОМА РОМАНОВЫХЪ ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ЕКАТЕРИНЫ II.

XVIII-ое СТОЛѢТІЕ

Выпускъ седьмой

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1888

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.
1467

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МИНИХЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ [1].

У людей съ громаднымъ умомъ и сильною волею, людей способныхъ къ разносторонней дѣятельности, бываютъ, однако, предметы, которымъ они предаются болѣе чѣмъ другимъ и такъ сказать *показываютъ* къ нимъ пристрастіе. У Петра Великаго было такое пристрастіе къ водѣ. Плавать по водѣ, направлять воду такъ, чтобъ она приносила человѣку пользу и не причиняла вреда—то были излюбленныя занятія Петра. Водоплаваніе до того занимало его существо, что онъ вздумалъ основывать по срединѣ материка въ Воронежѣ гавань и не глубокодонный

---

[1]) При составленіи настоящей монографіи служили слѣдующіе источники:

1) Записки фельдмаршала Миниха, 1874. 2) Записки леди Рондо. Изд. 1874. 3) Büschings Magazin für die neue Historie und Geographie, ч. III, IX, XVI. 4) Арх. кн. Воронцова, т. II. 5) Времен. общ. ист. и др. XIX. 6) Чтенія въ имп. общ. ист. и др. 1862—1867. 7) Русск. Арх., изд. Бартеневымъ, 1865, 1866, 1868, 1874, 1878, 1883 гг. 8) Сборн. русск. истор. общ. т. III, V, VI, XV, XX. 9) Маркизъ Шетарди, Пекарскаго. 1862. 10) Записки Манштейна о Россіи 1727—1744, изд. 1875. 11) Записки Миниха, сына фельдмаршала. 1817. 12) La Russie il y a cent ans. 1858. 13) Полн. Собр. Зак. томы VII, VIII, IX, X, XI. 14) Отеч. Записки Свиньина 1825 года, примѣчанія на Записки Манштейна. 15) Записки Нащокина, 1842 г. 16) Записка кн. Якова Шаховскаго, изд. 1810. 17) XVIII вѣкъ, Бартенева, 4 т. 1868—1869. 18) Историческія бумаги К. К. Арсеньева, изд. Пекарскимъ въ 1872. 19) Галема, Жизнь фельдм. Миниха, изд. 1806. 20) Hermanns Geschichte des Russisch. Staats. т. IV, V. 21) Соловьева, Исторія Россіи, т. XVIII—XXI. 22) Историч. статья Хмырова, изд. 1873. 23) Keralio, Histoire de la guerre des Russses et des imperiaux contre les Turcs en 1736, 1737, 1738, et 1739. Vol. 1—2. Paris 1780. 24) Казнакова, Описаніе Ладожскаго канала, въ Ж. М. Путей Сообщ. 1856. 25) Рукописи Государствен. Архива: письма императрицы Анны Ивановны, бумаги, реляціи, приказы и письма фельдмаршала Миниха.

Донъ хотѣлъ сдѣлать прямымъ путемъ въ Черное море. Многоводный Петербургъ, его созданіе, былъ его избраннымъ „парадизомъ“, куда онъ волею и неволею тянулъ обитателей со всего своего широкаго государства, и никто не смѣлъ ему жаловаться на сырой и нездоровый воздухъ этого парадиза. Устройство доковъ, прорытіе каналовъ, постройка и спускъ на воду суденъ— все это было пріятно сердцу Петра и доставляло ему поводы проявлять праздничныя удовольствія. Понятно, что, при такой любви къ водѣ, государь русскій и на Руси, и за границей искалъ людей, которые бы, подобно ему, любили тѣ же водяныя упражненія и могли быть вѣрными и способными исполнителями его начертаній. И никто въ этомъ отношеніи не былъ великому государю до такой степени подходящимъ человѣкомъ какъ Минихъ, такъ же какъ Петръ, разносторонній, ко всему способный, подвижной, неутомимый и такъ же до страсти лелѣявшій водяное дѣло. Минихъ былъ уроженецъ края, лежащаго при Нѣмецкомъ морѣ. Край этотъ въ приморьѣ, между Везеромъ и Бременскою областію съ востока, епископствомъ Мюнстерскимъ и графствомъ Остфрисландскимъ съ запада и Брауншвейгскаго курфиршества владѣніями съ юга, съ XII вѣка заключалъ въ себѣ два отдѣльныя графства—Ольденбургское и Дельменгорстское, которыя въ началѣ XIV вѣка соединились въ одно владѣніе, но потомъ не разъ снова раздѣлялись и снова соединялись. Въ половинѣ XV вѣка сынъ графа ольденбургскаго Дитриха, Христіанъ, былъ избранъ датскимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ судьба этого края тѣсно связывалась съ судьбою Даніи, хотя по временамъ тамъ являлись отдѣльные владѣтели, а съ половины XVII вѣка оба графства прочно вошли въ датскія владѣнія. Вообще, край этотъ, по своему топографическому положенію, былъ чрезвычайно обиленъ водою и подвергался частымъ наводненіямъ, а одна изъ волостей, на которыя раздѣлялся этотъ край, Вюстеляндъ (Die Vogtey Wüsteland), гдѣ родился Минихъ, была совершеннымъ болотомъ; проведеніе каналовъ и устройство плотинъ, шлюзовъ и мостовъ было дѣломъ первой необходимости для обитателей; безъ этого тамъ и жить было невозможно.

Родъ Миниховъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, и члены этого рода изъ поколѣнія въ поколѣніе занимались дѣломъ построенія плотинъ и вообще водянымъ дѣломъ: прадѣдъ и дѣдъ нашего Миниха были главными плотиностроителями въ своей маленькой вюстеляндской волости, а отецъ его, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ, служилъ въ датской службѣ съ чиномъ подполковника, и потомъ получилъ отъ датскаго короля званіе глав-

наго надзирателя надъ плотинами и всѣми водяными работами въ графствахъ Ольденбургскомъ и Дельменгорстскомъ. Онъ получилъ дворянское достоинство, которое утверждено было впослѣдствіи императоромъ Леопольдомъ въ 1702 году. Будучи на датской службѣ въ означенной выше должности, Антонъ-Гюнтеръ Минихъ проживалъ съ своимъ семействомъ въ своемъ имѣніи въ деревнѣ Нейнгунтторфѣ и тамъ у него, отъ брака съ Софіею-Катериною, урожденною фонъ Эткенъ, родился 9-го мая 1683 г. второй сынъ, Бурхардъ-Христофъ, герой настоящаго жизнеописанія.

Еще въ нѣжномъ дѣтствѣ и потомъ въ отрочествѣ онъ показывалъ необыкновенныя способности, всему скоро выучивался, все легко перенималъ. Будучи девяти лѣтъ, онъ срисовывалъ чертежи и планы, сопровождалъ родителя въ его поѣздкахъ по служебной обязанности и переписалъ составленную отцомъ его книгу о водяныхъ работахъ въ Ольденбургскомъ графствѣ. Мальчикъ для своихъ чертежей не имѣлъ другихъ инструментовъ, кромѣ купленныхъ имъ на сбереженіе, оставшееся отъ путевыхъ издержекъ въ Курляндію, куда онъ провожалъ сестру свою, вышедшую тамъ замужъ. Въ 1699 году Антонъ-Гюнтеръ оставилъ датскую службу и получилъ должность въ сосѣднемъ Остфрисландскомъ княжествѣ. Молодой Бурхардъ-Христофъ продолжалъ учиться, пріобрѣлъ основательныя математическія познанія, выучился по-французски. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, отецъ отпустилъ его во Францію, гдѣ молодой человѣкъ вступилъ въ военную службу по инженерной части, но вскорѣ оставилъ ее, услыхавши, что между Франціею и Германіею будетъ война: ему пришлось бы воевать противъ соотечественниковъ и участвовать въ пролитіи нѣмецкой крови. Покинувши Францію, онъ опредѣлился въ Германіи въ гессенъ-дармштадтскій корпусъ, готовившійся воевать съ французами. Въ то время у нѣмецкой молодежи разгорался патріотическій фанатизмъ. Со словъ манифеста, обращеннаго ко всѣмъ вообще нѣмцамъ, они кричали, что французы—наслѣдственные враги нѣмецкаго племени, что они постоянно злословятъ и унижаютъ нѣмецкій народъ; не забытыя еще свирѣпства, допущенныя французами при покореніи Эльзаса, придавали этой враждѣ оправданіе необходимости возмездія. Такой духъ господствовалъ тогда между всѣми нѣмцами, исключая баварцевъ, которые одни были тогда союзниками Франціи. Минихъ, получивши чинъ капитана, данный ему потому, что въ немъ замѣтили необыкновенныя по лѣтамъ свѣденія въ военномъ дѣлѣ, участвовалъ въ осадѣ и покореніи

города Ландау, гдѣ гессенъ-дармштадтское войско трудилось вмѣстѣ съ баденцами. Но скоро послѣ того гессенъ-дармштадтское войско отступило; отецъ Миниха пригласилъ сына къ себѣ и убѣдилъ его занять должность главнаго инженера въ Остфрисландскомъ княжествѣ. Это случилось въ 1702 году, именно въ тотъ годъ, когда Антонъ-Гюнтеръ получилъ отъ императора утвержденіе въ дворянскомъ достоинствѣ, пожалованномъ ему датскимъ королемъ. Молодой Минихъ не долго жилъ у остфрисландскаго князя Эбергарда, служа по инженерной части. Его манила въ Дармштадтъ сердечная любовь. Тамъ приглянулась ему двора гессенъ-дармштадтскаго фрейлина Христина-Лукреція Вицлебенъ, красивая особа двадцати лѣтъ отъ роду. Миниху было двадцать-два года. Это произошло въ 1705 году. Онъ вступилъ въ брачный союзъ съ этой особой, которая стала его подругой въ истинномъ значеніи этого слова, преданною ему до своей кончины и раздѣлявшей съ нимъ всѣ его труды и опасности.

Въ то время гессенъ-кассельскій корпусъ выступилъ на военное поприще противъ Франціи, на англо-голландскомъ жалованьѣ. Минихъ опредѣлился въ этотъ корпусъ и скоро получилъ маіорскій чинъ. Онъ былъ въ походахъ, предпринятыхъ подъ предводительствомъ Евгенія Савойскаго и герцога Марльборо и имѣлъ возможность присмотрѣться къ воинскимъ пріемамъ этихъ величайшихъ своего вѣка полководцевъ. Подъ начальствомъ Евгенія, Минихъ участвовалъ при очищеніи отъ французовъ верхней Италіи, и хотя гессенцы потерпѣли-было пораженіе при Кастильоне, но скоро Евгеній поправилъ дѣло, поразивши французовъ при Туринѣ, и предпринялъ вторженіе въ Провансъ, окончившееся единственно покореніемъ Сузы. Но потомъ, когда французы совсѣмъ оставили Италію, Евгеній перенесъ оружіе въ Нидерланды, гдѣ воевалъ уже Марльборо, и гессенъ-кассельскій корпусъ направился туда же; въ немъ продолжалъ служить Минихъ. Въ 1708 году онъ находился въ битвѣ при Уденарѣ: то была первая генеральная битва, въ которой пришлось быть нашему герою; онъ находился также при долговременной осадѣ и взятіи Лилля, при взятіи Брюгге и Гента. Послѣ того открылись мирные переговоры, и гессенъ-кассельскій корпусъ отступилъ на зимовку въ Германію. Слѣдовавшая затѣмъ зима была необыкновенно суровая и жестокая: это — та зима, которая у насъ въ Малороссіи истребила значительную часть шведскихъ силъ, заведенныхъ туда Карломъ XII. Мирныя попытки не имѣли успѣха, и съ весны 1709 года опять начались военныя дѣйствія между нѣмцами и францу-

зами. Минихъ съ гессенъ-кассельцами участвовалъ во взятіи Турнэ и въ битвѣ при Мальплакэ, кровопролитнѣйшей изъ всѣхъ битвъ въ XVIII вѣкѣ (31 августа, или 11 сентября н. с., 1709 г.). Въ слѣдующихъ годахъ, 1710 и 1711, нѣмецкія войска почти не принимали участія въ войнѣ, а въ 1712, когда уже въ Утрехтѣ происходили переговоры между враждовавшими сторонами и все въ Европѣ клонилось къ миру, служившій подъ знаменами принца Евгенія голландецъ генералъ Абермерль получилъ приказаніе отъ своего главнаго командира охранятъ устроенные для войска магазины съ запасами. Но Англія вела переговоры съ Франціею о мирѣ, и вслѣдствіе этого англійскія войска внезапно отступили отъ Евгенія; отброшенный Евгеній не могъ подать помощь отряду, охранявшему магазины; Абермерль былъ взятъ въ плѣнъ со множествомъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. Въ этотъ день и служившій въ гессенъ-кассельскомъ войскѣ подполковникъ Минихъ былъ проколотъ въ нижнюю часть живота, лишился чувствъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами. Съ нимъ обращались очень человѣколюбиво и внимательно, перевязали ему рану, ухаживали за нимъ, и когда онъ сталъ подниматься съ постели, отправили въ качествѣ военноплѣннаго куда-то во Францію (въ Парижъ или въ Камбре?). Тамъ продолжали ему оказывать врачебное пособіе, а между тѣмъ, онъ познакомился съ знаменитымъ архіепископомъ Фенелономъ. О бесѣдахъ съ этимъ человѣкомъ Минихъ любилъ вспоминать уже въ старости какъ о пріятнѣйшихъ минутахъ въ жизни, проведенныхъ въ сообществѣ съ такимъ свѣтлымъ умомъ [1]).

Минихъ оправился и получилъ свободу. Война за испанское наслѣдство прекратилась. Минихъ прибылъ въ Кассель, получилъ чинъ полковника и, находясь еще два года въ гессенъ-кассельской службѣ, занимался своимъ любимымъ съ дѣтства водянымъ дѣломъ — онъ наблюдалъ за устройствомъ канала и шлюзъ въ Карльсгавенѣ. Но его чрезвычайно живой нравъ и потребность сильныхъ ощущеній увлекали туда, гдѣ могла открыться ему военная дѣятельность. Западъ Европы умиро-

---

[1]) Между прочимъ, оставались долго у Миниха воспоминанія о томъ, какъ Фенелонъ, по случаю какого-то богородичнаго праздника, говорилъ въ церкви, что не слѣдуетъ Богоматери воздавать почести какъ божеству и посредницѣ между Богомъ и людьми: за такія слова, по замѣчанію Миниха, проповѣдникъ въ сосѣднемъ краѣ, въ австрійскихъ Нидерландахъ, подвергся бы обвиненію въ ереси и посрамленію. По поводу ранней смерти наслѣдника французскаго престола, герцога Бургонскаго (родителя Людовика XV), Фенелонъ выразился, что вѣрно Богъ не жалуетъ Францію, когда отнимаетъ у нея принца, который былъ бы хорошимъ королемъ.

творился; на востокѣ еще не кончилась великая сѣверная война. Въ 1716 году Минихъ поступилъ въ службу курфирста саксонскаго и короля польскаго Августа. Онъ устроилъ польскую коронную гвардію, произведенъ былъ въ чинъ генералъ-маіора и получалъ четырнадцать тысячъ рейхсталеровъ годового жалованья. Ему было тамъ не дурно. Но онъ не поладилъ съ нѣкоторыми особами и, главное, не ужился съ гр. Флеммингомъ, любимцемъ короля Августа. Уже прежде многіе генералы чрезъ этого человѣка оставляли польскую службу. И Миниху пришлось то же испытать. Минихъ съ 1719 г. сталъ себѣ выискивать иного отечества. Онъ колебался, къ кому ему пристать изъ двухъ соперниковъ: къ Карлу XII или къ Петру I. Карлъ положилъ свою буйную голову подъ Фридрихсгамомъ, и Минихъ остановился на Петрѣ. Онъ познакомился съ его посланникомъ въ Варшавѣ, княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, передалъ ему для сообщенія царю свое сочиненіе о фортификаціи. Этимъ путемъ Петру сталъ извѣстенъ Минихъ, и въ слѣдующемъ 1720 году кн. Григорій Долгорукій предложилъ Миниху ѣхать въ Россію и тамъ служить въ должности генералъ-инженера, обѣщая немедленное повышеніе въ чинъ генералъ-поручика. Минихъ, какъ видно, уважалъ Петра и очень хотѣлось ему попасть въ службу къ такому государю, о преобразовательныхъ подвигахъ котораго трубили тогда въ Европѣ. Минихъ согласился тотчасъ и не сдѣлалъ даже съ россійскимъ посломъ никакихъ письменныхъ условій: впослѣдствіи, поближе увидѣвши Россію, онъ счелъ умѣстнымъ ограничить свою излишнюю довѣрчивость. Минихъ не открылъ королю Августу своего намѣренія поступить въ русскую службу, а сказалъ, будто ѣдетъ къ старому отцу на свою родину. Выѣхавши изъ Варшавы, онъ чрезъ Кенигсбергъ и Ригу проѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ февралѣ 1721 года.

Съ этого времени Минихъ сталъ всецѣло принадлежать Россіи, и его имя вступило въ рядъ именъ знаменитыхъ дѣятелей въ русской исторіи. Ему было 37 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ высокъ ростомъ, чрезвычайно статно сложенъ, красивъ лицомъ; его высокій открытый лобъ и быстрые проницательные глаза съ перваго раза выказывали то величіе духа, которое заставляетъ любить, уважать и во всемъ повиноваться. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показался очень моложавымъ по своимъ лѣтамъ. Многіе въ русской службѣ, отличавшіеся въ войнѣ противъ шведовъ, были старѣе новаго пришельца лѣтами и временемъ службы и оставались въ генералъ-маіорскомъ чинѣ. Особенное

предпочтеніе новопоступившаго было бы для нихъ оскорбительно. Притомъ, Петру самому хотѣлось испытать новичка. Царь приказалъ ему сопровождать его въ разныхъ поѣздкахъ, показалъ ему самъ адмиралтейскую верфь въ Петербургѣ, съѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Кронштадтъ, потомъ въ Ригу, обозрѣвалъ разныя укрѣпленія и со вниманіемъ слушалъ замѣчанія Миниха, дѣлалъ при его глазахъ смотръ войскамъ, и также по этому поводу выслушивалъ его рѣчи, а между тѣмъ, въ чинъ его не производилъ, какъ надѣялся Минихъ, получивши обѣщаніе отъ кн. Долгорукаго. Неожиданный случай порѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу Миниха. Царь съ кружкомъ приближенныхъ находился въ Ригѣ. Минихъ съ ними былъ также. Вдругъ ударъ молніи зажегъ колокольню церкви св. Петра. Государь хотѣлъ исправить разрушенное и возобновить въ прежнемъ видѣ, и потребовалъ отъ рижскаго магистрата рисунокъ бывшаго зданія. Въ магистратѣ рисунка не сохранилось. На счастье Миниха, онъ въ отведенномъ ему помѣщеніи прямо противъ церкви св. Петра, сидя у окна, отъ нечего дѣлать срисовалъ для себя колокольню. Объ этомъ зналъ нѣкто баронъ Вальдекеръ, командиръ ордена Іоаннитовъ, выдававшій себя за посланника трирскаго курфирста, а на самомъ дѣлѣ бывшій агентомъ претендента на англійскій престолъ, Стюарта, и пріѣзжавшій въ Россію провѣдать: нельзя ли расположить къ претенденту царя Петра? Когда въ магистратѣ не оказалось рисунка колокольни, Вальдекеръ сказалъ Ягужинскому, что такой рисунокъ есть у Миниха. Ягужинскій вытребовалъ его у Миниха и представилъ царю, а царь, вспомнивъ о томъ, что Миниху обѣщано повышеніе въ чинѣ, приказалъ выдать ему патентъ на чинъ генералъ-лейтенанта. Но патентъ былъ подписанъ годомъ впередъ— 22 мая 1721 года, и Миниху все-таки пришлось прослужить еще цѣлый годъ въ чинѣ генералъ-маіора. Минихъ долженъ былъ принять съ благодарностью эту царскую милость. Тутъ Минихъ сообразилъ, что если кн. Долгорукій обѣщалъ ему повышеніе чиномъ немедленно, а оно не послѣдовало такъ скоро, какъ можно было надѣяться, то, значитъ, нельзя довѣрять русскому правительству безусловно. Теперь только онъ представилъ кондиціи, на которыхъ онъ обязывался служить Россіи въ теченіе пяти или шести лѣтъ — наблюдать надъ гидравлическими работами, но только на балтійскомъ побережьѣ, съ тѣмъ, чтобы ему выдавалось по его востребованію все необходимое.

Въ то же время въ Ригѣ получилъ Минихъ печальное извѣстіе о кончинѣ своихъ обоихъ родителей, одного за другимъ, и

для устройства своихъ дѣлъ отпросился въ Ольденбургъ. Онъ посѣтилъ свою родину, и то было послѣдній разъ въ его жизни, хотя его постояннымъ желаніемъ было подъ старость воротиться туда. Его старшій братъ (главный смотритель водяного дѣла, назначенный датскимъ королемъ) оспаривалъ отцовское завѣщаніе, которымъ оставлялось все отцовское имѣніе не ему, а второму сыну. Христофъ Минихъ уладилъ споръ съ братомъ, примирился съ нимъ и воротился въ Россію.

Заботясь о Петербургѣ, своемъ любимѣйшемъ произведеніи, Петръ безпокоился о томъ, что водяное сообщеніе новопостроеннаго города со внутренними странами Россіи затрудняется порогами на рѣкѣ Тоснѣ при ея впаденіи въ Неву. Царь хотѣлъ устроить шлюзъ, провести обводный каналъ и проложить дорогу по берегу Невы отъ Шлиссельбурга до Петербурга. Все это исполнилъ Минихъ. Петръ поручилъ ему начертать планъ рогервикской гавани, которую царь намѣревался строить. Минихъ представилъ его царю.

Въ 1723 году Миниха ожидала другая болѣе важная и сложная гидравлическая работа. Еще съ 1710 года начатъ былъ Ладожскій каналъ съ цѣлью дать возможность плавающимъ судамъ избѣжать Ладожскаго озера, чрезвычайно безпокойнаго и бурнаго въ осеннее время, гдѣ каждый годъ пропадало множество судовъ. Работы шли подъ надзоромъ генералъ-маіора Писарева и шли чрезвычайно медленно. Когда въ 1723 году Петръ возвращался изъ персидскаго похода и остановился въ Москвѣ, онъ обратилъ вниманіе на то, что Ладожскаго канала сдѣлано было за такое продолжительное время едва только на двѣнадцать верстъ. Петръ находилъ, что нужно поручить надзоръ за канальными работами другому лицу. Генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ указалъ царю на Миниха. Царь видѣлся съ Минихомъ, слушалъ его соображенія и поручилъ посѣтить каналъ и удостовѣриться, точно ли вода въ Ладожскомъ озерѣ то возвышается, то понижается и нужно ли, сообразно съ этими измѣненіями уровня воды въ озерѣ, проводить каналъ? Минихъ совершилъ эту поѣздку. Жители береговъ Ладожскаго озера увѣряли, будто вода въ озерѣ въ теченіе семи лѣтъ возвышается на семь футовъ, а въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ на столько же опускается; но Минихъ, опытный и свѣдущій въ законахъ гидравлики, нашелъ, что въ такой степени различіе въ повышеніи и пониженіи уровня воды невозможно, и хотя оно собственно и существуетъ, но не достигаетъ болѣе трехъ футовъ. По возвращеніи Миниха изъ поѣздки, между инженерами воз-

никло разногласіе по вопросу о направленіи, какое слѣдуетъ избрать для канала, и царь Петръ назначилъ коммиссію изъ свѣдущихъ людей, которая должна была разсмотрѣть и рѣшить этотъ вопросъ. Генералъ-маіоръ Писаревъ, завѣдывавшій до того времени канальною работою, былъ въ числѣ членовъ этой коммиссіи. Онъ доказывалъ, что прорытыя двѣнадцать верстъ слѣдуетъ оставить въ ихъ настоящемъ видѣ, а остальныя 92 версты (протяженіе всего канала должно было составлять 104 версты) —рыть каналъ, для сокращенія издержекъ, возвысивши двумя аршинами надъ обычною водою и только однимъ аршиномъ глубже воды въ озерѣ, заключивъ эти 92 версты между двумя шлюзами, чтобы воду поднять выше уровня. Большинство членовъ коммиссіи одобрили мнѣніе Писарева, потому единственно, что Писареву покровительствовалъ всесильный Меншиковъ. Только инженеръ Ленъ предлагалъ нѣкоторое измѣненіе. Минихъ опровергалъ обоихъ и доказывалъ, что маленькія рѣчки, о которыхъ думали, что онѣ будутъ наполнять каналъ своею водою, такъ мелководны, что каналъ въ теченіе лѣта можетъ оставаться безводнымъ. Петръ, слыша такое разнорѣчіе, передалъ дѣло на обсужденіе сената, но сенаторы, кромѣ того, что мало смыслили въ гидравликѣ, смотрѣли главнымъ дѣломъ на то, какъ бы угодить Меншикову. Меншиковъ же не полюбилъ Миниха и говорилъ: быть можетъ, Минихъ генералъ хорошій, но въ канальномъ дѣлѣ немного смыслитъ. Князь Григорій Долгорукій, тотъ самый, который пригласилъ Миниха въ Россію изъ Варшавы, теперь сообщилъ Миниху, что Писаревъ оговариваетъ его передъ царемъ, будто онъ, Минихъ, хочетъ царя обмануть и провести. Минихъ, человѣкъ самолюбивый и горячій, сказалъ: „Если каналъ поведется такъ, какъ хочетъ Писаревъ, то онъ никогда не будетъ оконченъ. Пусть государь посмотритъ собственными глазами—и тогда скажетъ, что Минихъ правъ“. Объ этомъ передали государю, и Петръ пожелалъ разомъ съ Минихомъ и другими обозрѣть каналъ. Осенью 1723 года Петръ отправился въ путь. Пришлось пробираться верхомъ по болотистому бездорожью. Лошади съ трудомъ ступали по топкой почвѣ. Минихъ, слѣдуя за царемъ, показывалъ ему, что невозможно по болоту вести каналъ отъ семи до девяти футовъ выше обычнаго уровня воды. „Я вижу, что вы достойный человѣкъ!“—сказалъ ему Петръ по-голландски. Вечеромъ доѣхали до деревни Черной. По причинѣ обилія таракановъ въ избахъ, царь не рѣшился ночевать въ людскомъ жильѣ и приказалъ раскинуть для себя шатеръ, гдѣ провелъ ночь при большомъ

осеннемъ холодѣ. Тутъ Писаревъ употребилъ всѣ усилія, какъ бы не допустить государя ѣхать далѣе, чтобъ государь не увидалъ его дурной работы при деревнѣ Дубнѣ. Сторону Писарева держалъ царскій лейбъ-медикъ Блюментростъ: онъ представлялъ царю, что дальнѣйшая ѣзда повредитъ его здоровью. Блюментростъ обратился и къ Миниху и говорилъ ему: — Вы отваживаетесь на опасное дѣло. Вы тащите государя въ путь, когда онъ слабъ, а путь этотъ совершать можно только верхомъ и то съ большимъ трудомъ. Ну, если онъ найдетъ не такъ, какъ вы ему докладывали, то для васъ произойдетъ большое огорченіе! „Пойдемте вмѣстѣ со мною къ государю!“ — сказалъ Минихъ. Царь тогда одѣвался. „Благодареніе Богу, — сказалъ царю Минихъ,—что ваше величество приняли на себя трудъ лично обозрѣть этотъ каналъ! Ваше величество еще ничего не видали. Извольте проѣхать до Дубны, чтобы дать сообразное повелѣніе о продолженіи канала“. „Для чего это?“ — спросилъ Петръ. — Минихъ отвѣчалъ: „Вся начатая работа на двѣнадцать верстъ до Бѣлозерска должна измѣниться! Это потребуетъ много денежныхъ издержекъ, и если ваше величество того не увидите сами, то партія Писарева будетъ увѣрять, что перемѣны сдѣланы напрасно, деньги потрачены, и тотъ, кто будетъ завѣдывать работами—пропадетъ“. Петръ былъ очень утомленъ, однако велѣлъ подать себѣ лошадь и произнесъ: „Ѣдемъ до Дубны“. Еще не достигши Дубны, царь обозрѣлъ часть работъ Писарева на пятнадцать верстъ. Онѣ ему очень не понравились. Петръ соскочилъ съ лошади, легъ животомъ на землю и показывалъ рукою Писареву, что берегъ канала идетъ не по одной линіи, что дно его не вездѣ равной глубины, что безъ всякой нужды сдѣланы кривизны, что не построено плотины и такъ далѣе. „Григорій — сказалъ ему царь,—есть два рода ошибокъ: однѣ происходятъ отъ незнанія, другія оттого, что не слѣдуютъ собственному зрѣнію и прочимъ чувствамъ. Послѣднія непростительны“. Писаревъ вздумалъ-было оправдывать себя и сталъ доказывать, что почва холмистая. Но Петръ всталъ на ноги, оглядѣлъ кругомъ себя и спросилъ: „Гдѣ же холмы? Ты, я вижу, настоящій негодяй!“ Всѣ тогда думали, что Петръ отколотитъ Писарева дубинкою, и самъ Писаревъ былъ бы доволенъ, если бы такъ случилось, потому что тогда могъ бы онъ скорѣе получить себѣ прощеніе. Но царь сдержалъ себя.

Это была полная побѣда Миниха надъ своими противниками; царь поручилъ ему строеніе канала. За то Минихъ съ тѣхъ поръ нажилъ себѣ врага въ Меншиковѣ.

Черезъ годъ, осенью 1724 года, Петръ, по данному заранѣе обѣщанію, прибылъ на каналъ осмотрѣть работы Миниха. Сошедшись съ Минихомъ, онъ приказалъ спустить воду и собственноручно, взявши заступъ, сталъ прокапывать плотину, ее удерживавшую. Вода ринулась въ каналъ съ быстротою. Вблизи стоялъ маленькій ботикъ. Петръ вошелъ въ него и приказалъ Миниху садиться. Ботикъ понесло по теченію канала, прорытаго Минихомъ, по одному извѣстію [1]) на четыре версты, а по другому [2]) на десять или двѣнадцать. Петръ, всегда и вездѣ до страсти любившій плавать, пришелъ въ восторгъ, безпрестанно скидалъ съ головы шляпу, махалъ ею и кричалъ: „ура! ура!“ Совершивши пробное плаваніе, Петръ обнялъ и расцѣловалъ Миниха. „Этотъ каналъ,—произнесъ царь,—будетъ имѣть важное значеніе. Онъ будетъ доставлять средства пропитанія Петербургу, Кронштадту, а равно и строительные матеріалы, и окажетъ содѣйствіе торговлѣ Россіи съ остальною Европою“. Возвращаясь въ Петербургъ, царь приказалъ ѣхать туда же и Миниху. Прибывши въ Петербургъ, Петръ сказалъ Екатеринѣ: „труды моего Миниха радуютъ меня и подкрѣпляютъ мое здоровье. Надалеко то время, когда мы съ нимъ сядемъ въ шлюпку въ Петербургѣ и выйдемъ на берегъ въ Москвѣ, въ Головинскомъ саду“. На другой день Петръ вмѣстѣ съ Минихомъ явился въ сенатѣ и предъ всѣми сенаторами произнесъ: „я нашелъ человѣка, который мнѣ окончитъ Ладожскій каналъ. Еще въ службѣ у меня не было такого иностранца, который бы такъ умѣлъ приводить въ исполненіе великіе планы, какъ Минихъ! Вы должны все дѣлать по его желанію!“ Послѣ ухода царя, Ягужинскій сказалъ Миниху: „генералъ! мы будемъ ожидать вашихъ приказаній“. Петръ тогда поручилъ Миниху дирекцію надъ постройкою канала. Сначала работало надъ нимъ шестнадцать тысячъ человѣкъ, теперь Петръ назначилъ двадцать-пять тысячъ. Царь далъ Миниху обѣщаніе, по выходѣ въ отставку стараго Якова Васильевича Брюса, дать Миниху должность генералъ-фельдцейгмейстера и директора надъ всѣми казенными и частными постройками. Петръ не дожилъ до окончанія Минихомъ Ладожскаго канала.

Настало новое царствованіе. Минихъ понялъ, что онъ попалъ въ такую страну, гдѣ нѣтъ ничего прочнаго, и постарался обезпечить себя новыми кондиціями. Онъ представилъ для утвержденія императрицею проектъ, которымъ обрекалъ себя на

---

[1]) Büschings Magaz. III, 402.

[2]) Записки Миниха-сына, изд. 1817 г.

службу Россіи еще на десять лѣтъ, послѣ которыхъ оставлялъ за собою право уѣхать. Въ теченіе этихъ десяти лѣтъ онъ могъ воспитывать дѣтей своихъ за границею. Минихъ просилъ себѣ обѣщаннаго Петромъ чина фельдцейгмейстера съ тѣми выгодами, которыми пользовался его предшественникъ Брюсъ. Онъ просилъ себѣ въ даръ нѣсколько предметовъ недвижимой собственности: островокъ на Невѣ близъ Шлиссельбурга, деревню Ледневу, лежащую посреди устроеннаго имъ канала, старый дворецъ въ Ладогѣ и домъ въ Петербургѣ. На случай войны съ Даніей и Англіею Россія должна была гарантировать его имущества, находящіяся во владѣніи этихъ державъ, или вмѣсто тѣхъ имуществъ отвести ему соотвѣтствующія помѣстья въ Россіи. Ему отданы въ диспозицію всѣ таможенные и кабацкіе сборы на Ладожскомъ каналѣ.

Екатерина не успѣла утвердить договора съ Минихомъ. Онъ утвержденъ былъ при ея преемникѣ Петрѣ II, но и то не вполнѣ, потому что Минихъ получилъ званіе главнаго директора надъ фортификаціями, а не чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, котораго онъ желалъ, опираясь на обѣщаніе, данное Петромъ Великимъ. Паденіе Меншикова, не любившаго Миниха, проложило послѣднему дальнѣйшій путь къ возвышенію. Съ Долгорукими, замѣнившими во вліяніи надъ царемъ Меншикова, Минихъ скорѣе сошелся, чѣмъ съ Меншиковымъ. Когда въ январѣ 1728 года Петра увезли въ Москву, Миниха оставили въ Петербургѣ и поручили ему управленіе Ингерманландіею, Кареліею и Финляндіею съ главною командою надъ войсками, тамъ расположенными, а 25 февраля того же года въ день коронаціи государя пожаловали ему графское достоинство. Одно вниманіе къ нему верховной власти слѣдовало за другимъ. Въ этомъ же году оконченъ былъ совершенно Ладожскій каналъ и по немъ открылось судоходство: по этому поводу верховный тайный совѣтъ прислалъ ему благодарный адресъ за совершеніе такого важнаго предпріятія. Значеніе Миниха въ государствѣ увеличилось съ дарованіемъ ему должности генералъ-губернатора въ Петербургѣ. Это произошло оттого, что въ качествѣ главнаго командира надъ войсками онъ имѣлъ право производства въ чины и переводовъ лицъ, служившихъ подъ его командою, а изъ такихъ лицъ было много, находившихся въ родственныхъ и покровительственныхъ связяхъ съ представителями знатныхъ родовъ, и послѣдніе, ходатайствуя за своихъ кліентовъ, обращались къ Миниху съ просьбами. Въ числѣ высокихъ особъ, нуждавшихся тогда въ Минихѣ, была цесаревна Елисавета, ходатайствовавшая о какомъ-то подпоручикѣ.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ, совершенныхъ Минихомъ въ это время, былъ проектъ учрежденія инженернаго корпуса и минерной роты (саперовъ) и заведенія спеціальной школы для приготовленія свѣдущихъ офицеровъ по этой части [1]). Въ слѣдующемъ, 1729 году, по кончинѣ генералъ-фельдцейгмейстера Гинтера, Минихъ сдѣланъ главнымъ начальникомъ и артиллеріи [2]).

Осенью 1728 года Минихъ вторично вступилъ въ бракъ. Первой жены его не стало въ живыхъ еще въ 1727 году. Новая супруга Миниха называлась Варвара-Елеонора, она была вдова оберъ-гофмаршала Салтыкова, урожденная баронесса Мальцанъ, природная нѣмка. На счастье Миниху и вторая подруга жизни, какъ и первая, оказалась добродѣтельною женщиною, искренно была предана ему и вмѣстѣ съ нимъ раздѣляла всѣ коловратности судьбы, его постигавшія.

Наступило новое царствованіе - Анны Ивановны. Минихъ, благоразумный человѣкъ и при томъ сознававшій, что онъ въ Россіи—иностранецъ, не вмѣшивался въ политическія затѣи верховниковъ, пытавшихся ограничить самодержавную власть, и не склонялся ни на ту, ни на другую сторону. Когда Анна объявила себя самодержицею, Минихъ сблизился съ Остерманомъ и тотъ представилъ его новой государынѣ и ея любимцу Бирону. Обоимъ онъ понравился и съ новымъ царствованіемъ сталъ пріобрѣтать болѣе значенія. Онъ получилъ давно желанный чинъ генералъ-фельдцейгмейстера, а по смерти стараго князя Трубецкого— должность президента военной коллегіи, въ которой до того времени онъ былъ вицепрезидентомъ. Пребывая постоянно въ Петербургѣ въ должности мѣстнаго генералъ-губернатора и оставивъ по себѣ память въ лѣтописи Петербурга очищеніемъ рѣки Мьи (Мойка) и устройствомъ нѣсколькихъ мостовъ и каналовъ, Минихъ посѣщалъ императрицу въ Москвѣ, и все болѣе и болѣе

---

[1]) Указъ 3 іюня 1728 г. П. С. З. VIII, 5278 ст.

[2]) Хмыровъ, самъ будучи артиллеристомъ и знакомый съ подробностями артиллерійскаго искусства, сильно порицаетъ Миниxово управленіе артиллерійскою частію, говоритъ, что Минихъ взялся за то, къ чему не былъ подготовленъ и, между прочимъ, выставляетъ на видъ, что въ царствованіе Петра II, его артиллерійская наука служила только на устройство потѣшныхъ огней, на утѣху государя, еще не вышедшаго изъ ребячества. Конечно, спеціалистъ можетъ легко найти всякія погрѣшности и недостатки въ управленіи артиллеріею Минихомъ, но историкъ не можетъ останавливаться на этомъ, а долженъ имѣть въ виду конечные результаты. Такія событія, какъ взятіе Гданска, покореніе Очакова, Ставучанская побѣда, гдѣ успѣхъ зависѣлъ въ значительной степени отъ Миниховой артиллеріи, достаточно побуждаютъ не принимать во вниманіе мелкія замѣчанія спеціалистовъ.

сближался съ Остерманомъ и Бирономъ. Остерманъ настроилъ Миниха предложить императрицѣ учредить вмѣсто уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта кабинетъ, высшее правительственное мѣсто, которое служило бы посредствующимъ органомъ между высочайшею особою и правительствующимъ сенатомъ. Первоначально Минихъ предложилъ въ этотъ кабинетъ трехъ сановниковъ—Остермана, Головкина и кн. Черкасскаго; Анна Ивановна сама пожелала прибавить къ нимъ самого Миниха. Минихъ отговаривался, находя, что онъ, какъ иностранецъ, недостаточно знакомъ съ внутреннею политикою Россіи, но императрица настояла, чтобы Минихъ непремѣнно вступилъ въ число членовъ кабинета по военнымъ и внѣшнимъ дѣламъ. Въ 1731 году Минихъ сдѣланъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной съ цѣлію найти и установить мѣры для уничтоженія безпорядковъ въ войскѣ и такъ устроить, чтобы войско содержалось въ порядкѣ безъ народнаго отягощенія. Въ качествѣ начальника этой коммиссіи Минихъ совершилъ нѣсколько преобразованій въ устройствѣ воинской части въ Россіи; онъ начерталъ новый порядокъ для гвардіи, полевыхъ и гарнизонныхъ полковъ, образовалъ два новыхъ гвардейскихъ полка: измайловскій и конной гвардіи, завелъ тяжелую конницу, такъ-называемыхъ кирасировъ, измѣнивъ въ кирасировъ три драгунскихъ полка, далъ самостоятельный видъ инженерной части, прежде слитой съ артиллерійскою, и учредилъ Сухопутный кадетскій корпусъ, въ которомъ шляхетскихъ дѣтей русскихъ и лифляндскихъ отъ 13 до 18 лѣтъ обучать слѣдовало ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, верховой ѣздѣ, фехтованію, стрѣльбѣ и всякому воинскому строю. Кромѣ того, принято было во вниманіе, что въ государствѣ нужно не только военное, но и политическое, и гражданское образованіе, и притомъ не всѣ способны къ военной службѣ, и въ этихъ видахъ положено имѣть учителей иностранныхъ языковъ, преподавать исторію, географію, юриспруденцію, танцованіе, музыку и прочія науки, какія сочтутся полезными, смотря по природной способности воспитанниковъ. Сначала число учащихся опредѣлено въ двѣсти, потомъ въ 300 человѣкъ; на помѣщеніе ихъ отдали на Васильевскомъ Островѣ домъ кн. Меншикова, конфискованный послѣ его ссылки, а на содержаніе всего корпуса опредѣлена была сумма, которая увеличивалась при умноженіи числа учащихся. Обращено также вниманіе и на дѣтей военныхъ не - дворянскаго званія. При гарнизонныхъ пѣхотныхъ полкахъ учреждались школы, куда собирали для обученія мальчиковъ отъ 7 до 15 лѣтъ, рожденныхъ во время нахожденія

отцовъ ихъ на службѣ, но отнюдь не тѣхъ, которые родились уже тогда, какъ родители ихъ были въ отставкѣ. Это постановлялось на томъ принципѣ, что сыновья служилыхъ должны сами быть служилыми. Этою мѣрою думали сократить рекрутскіе наборы въ видахъ облегченія народа. Минихъ, хотя былъ по происхожденію нѣмецъ и до смерти оставался съ привязанностію къ своей національности, но нигдѣ не показывалъ того высокомѣрнаго отношенія къ русскимъ, какимъ отличались служившіе въ Россіи нѣмцы. Петръ Великій для приманки иностранныхъ офицеровъ въ русское воинство установилъ иностранцамъ, служащимъ въ русскомъ войскѣ, производить двойное жалованье противъ природныхъ русскихъ. Такъ и оставалось это правило. Минихъ первый сознавалъ несправедливость такого различенія и уравнилъ тѣхъ и другихъ въ одинаковой степени. За это онъ пріобрѣлъ навсегда любовь русскихъ. Въ числѣ полезныхъ учрежденій по военной части, указанныхъ Минихомъ въ это время, были заведеніе провіантскихъ магазиновъ для продовольствія войскъ, госпиталей для увѣчныхъ солдатъ; приняты разныя мѣры къ правильному обмундированію и вооруженію войскъ; учреждены генеральные смотры. Устроено было двадцать полковъ украинской ландмилиціи изъ однодворцевъ Бѣлогородскаго и Сѣвскаго разрядовъ, разселивши ихъ и надѣливши пахатною землею по линіи укрѣпленій, возводимыхъ между Днѣпромъ и Сѣвернымъ Донцомъ и по Сѣверному Донцу до казачьихъ донскихъ городовъ. Подобное населеніе послѣдовало по царицынской линіи. Вмѣсто предполагаемыхъ при Петрѣ Первомъ шести тысячъ поселенцевъ на украинской линіи, теперь назначалось двадцать тысячъ. Наборъ и устроеніе новоучреждаемой украинской линіи возлагалось на генерала Тараканова. На царицынской милиціи по берегамъ Илавли и Медвѣдицы послѣдовало подобное же населеніе изъ казаковъ подъ атаманствомъ Персидскаго.

Минихъ своими совѣтами содѣйствовалъ къ переѣзду двора изъ Москвы въ Петербургъ. Какъ иностранецъ и по здравому разсудку сторонникъ петровской реформы, онъ не былъ расположенъ къ пребыванію двора въ Москвѣ, гдѣ было ощутительно вліяніе партіи, не разстававшейся съ воспоминаніями старой московской Руси и не терпѣвшей всякой иноземщины. Послѣ того какъ императрица обжилась въ Петербургѣ, Минихъ упросилъ ее обозрѣть довершенный имъ каналъ и, такъ сказать, освятить его своимъ личнымъ вниманіемъ. Императрица прибыла въ Шлиссельбургъ и оттуда отправилась по всей длинѣ канала въ яхтѣ, которую сопровождали восемьдесятъ судовъ. Такъ доплыли они

до рѣки Волхова на протяженіи ста-четырехъ верстъ. Два огромныхъ шлюза на обоихъ концахъ длины канала замыкали каналъ и держали въ немъ воду, которой средняя высота достигала до сажени. По шестнадцати меньшихъ шлюзовъ устроено было на сѣверной и на южной сторонѣ канала, шедшаго отъ запада къ востоку. Эти шлюзы служили для того, чтобы накопившаяся лишняя вода выливалась въ озеро, а маленькія рѣчки: Назія, Шалдиха, Кабона и другія, принося въ каналъ свои воды, въ лѣтнее время не заносили съ собою массъ песка и тины.

Съ Остерманомъ Минихъ, какъ было сказано, вначалѣ очень сблизился, но когда государыня сдѣлала его членомъ кабинета, Остерманъ измѣнился къ нему въ своихъ чувствованіяхъ. Еще болѣе внутренно сталъ ненавидѣть Миниха Биронъ. Государыня, видя въ Минихѣ очень умнаго, разносторонне свѣдущаго человѣка и притомъ преданнаго ея интересамъ, все болѣе и болѣе подчинялась его совѣтамъ и привязывалась къ нему. Биронъ боялся, чтобъ умный Минихъ не оттѣснилъ его отъ высочайшей особы, такъ какъ самъ Биронъ не обладалъ ни большимъ умомъ, ни образованностью, и всечасно чувствовалъ свою собственную малость передъ Минихомъ. Не взлюбили Миниха оберъ-шталмейстеръ Левенвольде и канцлеръ гр. Головкинъ. Оба они чувствовали, что Минихъ ихъ даровитѣе и умнѣе; оба возбуждали, вмѣстѣ съ Остерманомъ, противъ Миниха любимца императрицы. Биронъ и Левенвольде устроили за поведеніемъ Миниха надзоръ, приставили фискаловъ, которые должны были вывѣдывать его намѣренія или побудить на какой-нибудь шагъ, который могъ бы ему повредить въ милости императрицы. Но Минихъ былъ не таковъ, чтобы его можно было такими мѣрами подвести. Минихъ жилъ во дворцѣ, рядомъ съ покоями императрицы. Биронъ задумалъ вытѣснить его оттуда, чтобы по крайней мѣрѣ такая близость помѣщенія не возбуждала въ немъ опасенія, что онъ можетъ легко замѣнить для Анны Ивановны его, Бирона. Воспользовавшись чрезвычайнымъ довѣріемъ къ себѣ императрицы, онъ представилъ ей, что надобно очистить помѣщеніе во дворцѣ для племянницы императрицы, прибывшей въ Петербургъ; а на нее императрица смотрѣла какъ на свою преемницу. Миниху объявили, что ради этой причины, онъ долженъ перебраться за Неву. Минихъ повиновался тѣмъ болѣе, что тутъ была благовидная причина; за Невою, на Васильевскомъ Островѣ находился кадетскій корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Минихъ. Биронъ такъ безцеремонно распоряжался, что не оставилъ фельдмаршалу даже времени перевезти свою мебель. Но соперники

Миниха этимъ не довольствовались. Они искали повода удалить его вовсе изъ столицы. Случай къ тому представился.

Король польскій Августъ, долговременный союзникъ Россіи, скончался 11 февраля 1733 года. Въ Польшѣ возникли двѣ партіи: одна хотѣла избрать въ преемники Августу сына его, курфирста саксонскаго, другая—Станислава Лещинскаго, уже нѣкогда избраннаго въ санъ короля по настоянію шведскаго короля Карла XII. Дворы россійскій и вѣнскій благопріятствовали курфирсту саксонскому, потому что онъ обѣщалъ, сдѣлавшись королемъ, утвердить прагматическую санкцію, актъ, по которому императоръ римскій Карлъ VI передавалъ свои наслѣдственныя владѣнія дочери своей Маріи-Терезіи, а россійскому двору—не препятствовать проведенію въ достоинство герцога курляндскаго любимца императрицы Анны Ивановны, Бирона. Франція, напротивъ, поддерживала Станислава Лещинскаго. Фельдмаршалъ Ласси, отправленный съ 20,000 русскаго войска въ Польшу, содѣйствовалъ избранію курфирста саксонскаго подъ именемъ Августа III и преслѣдовалъ партію Станислава Лещинскаго, который засѣлъ въ городѣ Гданскѣ. 22 февраля 1734 г. Ласси съ 12,000 войска осадилъ Гданскъ. Но у осажденныхъ было силы болѣе и война шла нерѣшительно, ограничиваясь стычками между осажденными, дѣлавшими вылазки, и казаками. Тогда Биронъ, съ цѣлію сбыть съ глазъ императрицы Миниха, убѣдилъ ее отправить въ Польшу Миниха съ войскомъ противъ Лещинскаго. Миниху самому не было противно такое порученіе, такъ какъ онъ съ юности любилъ военное дѣло, а придворныя интриги не могли удовлетворять его.

Минихъ прибылъ къ Гданску 5 марта 1734 года и принялъ главную команду надъ остававшимся тамъ россійскимъ войскомъ, вытребовавъ себѣ еще нѣсколько свѣжихъ силъ.

Сначала Минихъ послалъ къ обитателямъ Гданска грозный манифестъ, требовалъ покорности королю Августу Третьему и выдачи Станислава Лещинскаго, въ случаѣ отказа угрожалъ разорить городъ до основанія и покарать грѣхи отцовъ на чадахъ чадъ ихъ. На такое заявленіе не послѣдовало покорности. Минихъ припужденъ былъ отказаться отъ покушеній приводить въ исполненіе свои угрозы: у него недоставало осадной артиллеріи. Но вотъ изъ Саксоніи прибыли мортиры, провезенныя черезъ прусскія владѣнія въ телѣгахъ подъ видомъ экипажей герцога вейсенфельскаго, а изъ Польши пришла прочая русская артиллерія: тогда началось метаніе бомбъ въ городъ. Осада Гданска продолжалась 135 дней. Поляки партіи Лещинскаго пыта-

лись извнѣ подавать помощь осажденнымъ нападеніями на русскихъ, но были разбиваемы русскими отрядами. Осажденные надѣялись на прибытіе французской флотиліи, которая, какъ ожидали, привезетъ имъ свѣжихъ силъ. Французскіе корабли привезли и высадили къ нимъ на берегъ всего только 2,400 человѣкъ. Затѣмъ къ Миниху пришла на помощь саксонская военная сила, а 12 іюня русская флотилія въ числѣ 29 судовъ вошла въ Гданскій рейдъ и привезла Миниху еще орудій. Бомбардировка усилилась. 19 іюня Минихъ потребовалъ снова сдачи. Осажденные выпросили три дня на размышленіе. Послѣ многихъ переговоровъ, французское войско вышло съ тѣмъ, что ихъ отвезутъ въ одинъ изъ нейтральныхъ портовъ Балтійскаго моря и отправятъ оттуда во Францію. Они понадѣялись, что ихъ отвезутъ въ Копенгагенъ, но ихъ отвезли въ Лифляндію, разставивши тамъ на квартиры, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправили во Францію.

28 іюня гданскій магистратъ выслалъ къ Миниху парламентера. Минихъ требовалъ покорности королю Августу и выдачи Станислава Лещинскаго съ главнѣйшими приверженцами. На другой день магистратъ извѣстилъ Миниха, что Станислава невозможно выдать, потому что онъ убѣжалъ, переодѣвшись въ крестьянское платье. Минихъ сильно разсердился, велѣлъ-было опять начать бомбардированіе; наконецъ, 30 іюня принялъ покорность города и дозволилъ находившимся въ городѣ польскимъ панамъ ѣхать куда пожелаютъ, приказавши арестовать только трехъ лицъ: примаса, пана Понятовскаго и француза маркиза де-Монти: ихъ отвезли въ Торунъ. Такъ окончилась эта осада, во время которой русскіе потеряли восемь тысячъ солдатъ и двѣсти офицеровъ. На городъ Гданскъ была наложена контрибуція въ два милліона; императрица скинула прочь половину этой суммы.

Минихъ вернулся въ Петербургъ съ торжествомъ. Его недоброжелатели пытались очернить его дѣйствія, распускали подозрѣнія, что Минихъ бралъ съ непріятеля взятки и завѣдомо далъ возможность Станиславу Лещинскому уйти. Но все это не повредило Миниху.

Вслѣдъ за тѣмъ затѣвалась другая война, куда также пришлось отправляться Миниху, къ удовольствію, какъ его самого, такъ и его враговъ, которые радовались тому, что его можно подъ какимъ бы то ни было предлогомъ удалить изъ столицы. То была война съ Турціею.

Турція вела войну съ Персіею уже нѣсколько лѣтъ. Чтобы

поразить персіянъ на сѣверной сторонѣ въ то время, когда персидскія силы направлялись къ югу, крымскіе татары, данники турецкой державы, получили повелѣніе вторгнуться въ Персію, и какъ ближайшій путь лежалъ черезъ русскія владѣнія, то они не затруднились проходить черезъ нихъ, нарушая тѣмъ нейтралитетъ Россіи. Такъ въ 1732 году столкнулись они на берегу рѣки Терека съ русскимъ отрядомъ, находившимся подъ командою генерала принца гессенъ-гомбургскаго. Произошла битва; въ ней легло до тысячи татаръ, до четырехъ-сотъ русскихъ. Россія дипломатическимъ путемъ жаловалась Турціи за нарушеніе нейтралитета и не получила удовлетворенія: напротивъ — Турція снова послала крымскаго хана съ 70,000 войска черезъ русскія владѣнія въ Персію. Турецкая сила на этотъ разъ потерпѣла отъ персіянъ жестокое пораженіе. Тогда бывшій въ Константинополѣ россійскимъ посломъ Неплюевъ заявилъ своему правительству мнѣніе, что теперь настало удобное время отплатить Турціи за унизительный для чести русскаго имени Прутскій миръ. При дворѣ оберъ-шталмейстеръ Левенвольде поддерживалъ то же мнѣніе. Остерманъ, всегда разсудительный и осторожный, не совѣтовалъ поддаваться такимъ обольстительнымъ надеждамъ и не отваживаться дразнить Турцію, потому что она еще сильна; по его взгляду достаточно было ограничиться усмиреніемъ татаръ, такъ какъ это не поведетъ къ разрыву съ Турціею: падишахъ недоволенъ самовольствомъ своего данника, крымскаго хана, но не можетъ удержать его въ повиновеніи. Фельдмаршалъ Минихъ, впослѣдствіи горячій сторонникъ войны съ Турціею, на этотъ разъ примыкалъ къ Остерману. Онъ желалъ войны, но такой, которая бы началась не отъ прямого вызова Россіею. Пробывши, послѣ гданскаго дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ, Минихъ долженъ былъ отправиться къ войску, оставленному въ Польшѣ, такъ какъ въ Польшѣ оставалось еще много противниковъ короля Августа III. Дѣла съ Турціею, между тѣмъ, стали обостряться. Персидскій шахъ Кулиханъ соглашался-было уже примириться съ Турціею; но русскій посланникъ въ Персіи, князь Сергѣй Голицынъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы не допустить до такого примиренія — и успѣлъ: персидскій шахъ сталъ по отношеніи къ Россіи обязанъ благодарностью, потому что Россія тогда уступила Персіи пріобрѣтенія Петра Перваго — Баку, Дербентъ и даже крѣпость св. Креста. Подъ вліяніемъ Россіи персидскій шахъ опять возобновилъ войну съ Турціею. Тогда и петербургскій дворъ, заручившись союзомъ съ Персіею, открыто рѣшился на войну, но не прямо съ Турціею,

а съ татарами, подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе безпрестанно чинятъ набѣги и въ послѣднее время два раза нарушали нейтралитетъ Россіи проходомъ своего войска черезъ русскія области. Начать непріязненныя дѣйствія противъ татаръ долженъ былъ Вейсбахъ, кіевскій генералъ-губернаторъ. Но онъ въ то самое время умеръ. Преемникъ его, генер.-лейтенантъ Леонтьевъ, тотъ самый, который ѣздилъ въ Митаву къ Аннѣ Ивановнѣ депутатомъ отъ генералитета, выступилъ въ походъ. То было уже въ октябрѣ, въ дурную погоду, и онъ воротился назадъ, потерявши девять тысячъ воиновъ, погибшихъ не отъ непріятельскаго оружія, а отъ болѣзней и лишеній. Въ это время послано Миниху порученіе перейти съ своимъ войскомъ изъ Польши въ Украину и идти съ нимъ въ походъ противъ татаръ.

Поручивъ вести за собою въ Украину армію генералу принцу гессенъ-гомбургскому, Минихъ поѣхалъ въ Павловскъ, на Дону, сдѣлалъ тамъ распоряженіе о нагрузкѣ на суда артиллеріи и припасовъ, необходимыхъ для предположенной осады Азова, потомъ прибылъ въ Украину, осмотрѣлъ украинскую линію отъ Днѣпра до Донца, гдѣ нашелъ шестнадцать крѣпостей, каждая съ землянымъ брустверомъ, съ контръ-эскарпомъ, со рвомъ, наполненнымъ водою, а между укрѣпленіями этими возведены были редуты разнаго размѣра. Минихъ объѣхалъ всю эту линію, охранявшуюся, какъ выше было сказано, ландмилиціею изъ поселенныхъ однодворцевъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія о разстановкѣ карауловъ и замѣтилъ, что въ бахмутской провинціи линія остается открытою и на совершенное приведеніе ея въ надлежащее положеніе необходимы работы. Съ этою цѣлью Минихъ потребовалъ 53,263 человѣка рабочихъ. Управлявшій тогда малороссійскимъ краемъ, князь Шаховской, въ отвѣтъ на такое затребованіе, доносилъ правительству, что такого рода работы будутъ крайне разорительны для народа. Минихъ съ своей стороны доносилъ, что, обозрѣвши тогдашнее состояніе Украины, онъ ясно видитъ, что разореніе народа дѣйствительно замѣтно, но оно происходитъ не отъ работъ, а отъ дурного управленія, во главѣ котораго стоялъ Шаховской: полковниками и сотниками ставятся люди неспособные, вездѣ стараются разбогатѣть на счетъ подчиненныхъ, люди богатые стараются отлынивать отъ службы, и только бѣдныхъ посылаютъ въ походы. Козаки, недовольные несправедливостями своего начальства, убѣгаютъ и пристаютъ къ владѣльцамъ земель, обѣщающимъ поселенцамъ льготные годы, иные же бѣгутъ къ татарамъ, и вмѣстѣ съ ними идутъ воевать противъ Россіи. Отъ этого вообще козачество въ

Гетманщинѣ умалилось: прежде бывало можно было собрать козаковъ тысячъ сто, а въ послѣднее время, когда объявленъ былъ походъ Леонтьева въ Крымъ, ихъ едва набралось двѣнадцать тысячъ семьсотъ-тридцать. Тутъ Минихъ сошелся съ запорожцами, которыхъ онъ нашелъ въ воинскомъ отношенiи гораздо лучше, чѣмъ малороссiйскихъ городовыхъ козаковъ, и съ запорожскими старшинами имѣлъ совѣщанiе въ Царичинкѣ. Запорожцы дали ему совѣтъ выступить въ походъ въ степь съ ранней весны, когда еще не совершенно высохнутъ воды отъ тающихъ снѣговъ, а молодая трава еще не будетъ сожжена. Минихъ нашелъ этотъ совѣтъ подходящимъ и въ мартѣ съѣздилъ къ Азову, съ котораго надлежало начинать военныя дѣйствiя. Онъ поручилъ вести осаду Азова генералу Левашову, а самъ возвратился къ своему войску въ Украину, снова совѣтовался съ запорожскими старшинами и десятаго апрѣля двинулся въ походъ въ степь. Съ нимъ было 54,000 войска россiйскаго и 12,000 казаковъ (5,000 донскихъ, 4,000 украинскихъ и 3,000 запорожцевъ). По извѣстiю жизнеописателя Миниxова, обозъ, отправлявшiйся съ этою военною силою, простирался до девяти тысячъ возовъ, и на каждый полкъ приходилось ихъ двѣсти-пятьдесятъ. Однихъ маркитантовъ было до семи тысячъ. Весь обозъ не пошелъ съ войскомъ; значительная часть его съ тяжелою артиллерiею поручена была князю Трубецкому, который долженъ былъ доставить боевые и съѣстные припасы въ сопровожденiи оставленной для того части войска, прежде разставленной въ болѣе отдаленномъ краѣ на квартирахъ.

Армiя двинулась въ степь пятью колоннами, находившимися подъ командою генераловъ Шпигеля, принца гессенъ-гомбургскаго, Измайлова, Леонтьева и Тараканова. Самъ главнокомандующiй Минихъ шелъ въ авангардѣ. Запорожцы говорили, что на пути своемъ русское войско найдетъ себѣ кормъ и фуражъ; Минихъ довѣрился имъ и не очень заботился о скорѣйшемъ подвозѣ запасовъ княземъ Трубецкимъ, а этотъ князь такъ медлилъ, что дошелъ тогда уже, когда Минихъ окончилъ свой походъ. Для обезпеченiя сообщенiя войску съ Украиною Минихъ, на пути черезъ степь, приказывалъ устраивать редуты на разстоянiи пяти и десяти верстъ одинъ отъ другого и оставлять въ каждомъ по десяти солдатъ и по тридцати казаковъ подъ наблюденiемъ оберъ-офицера, а на трехъ большихъ ретраншементахъ отъ 400 до 500 человѣкъ со штабъ-офицеромъ.

Послѣ незначительныхъ стычекъ съ непрiятелемъ колонны Шпигеля, армiя 28 мая приближалась къ Перекопу. Перекопскiй

перешеекъ былъ прокопанъ рвомъ длиною на семь верстъ: ровъ шириною доходилъ до двѣнадцати, а глубиною до семи саженъ. За этимъ рвомъ былъ валъ, высотою до 70 футовъ отъ вершины до дна рва. Шесть каменныхъ башенъ прикрывали всю линію вала; за этимъ валомъ была крѣпость Перекопская. Ханъ, какъ сообщали плѣнники, стоялъ недалеко со ста-тысячнымъ войскомъ.

Минихъ началъ съ того, что написалъ хану, извѣщалъ его, что пришелъ съ войскомъ наказать татаръ, производившихъ набѣги на русскія владѣнія, и просилъ хана добровольно впустить въ Перекопскую крѣпость русскій гарнизонъ и признать надъ собою первенство россійской императрицы; иначе—онъ грозилъ опустошить весь Крымъ. Ханъ прислалъ мурзу съ отвѣтомъ въ такомъ смыслѣ: ханъ состоитъ данникомъ турецкаго государя и не хочетъ измѣнять ему; въ Перекопъ не можетъ впускать русскихъ, потому что тамъ помѣщенъ турецкій гарнизонъ не отъ крымскаго хана, а отъ самой Турціи; татары не подавали повода къ войнѣ, а если чинили набѣги, то это дѣлали ногаи, и русскія войска могутъ съ ними расправляться какъ дѣлалось и прежде: эти люди, хотя и состоятъ подъ властію хана, но не всегда послушны этой власти и позволяютъ себѣ своевольства. Въ довершеніе ханъ просилъ фельдмаршала пріостановить военныя дѣйствія и тогда уже вступить въ объясненія.

Но Минихъ не за тѣмъ пришелъ, чтобы проводить время въ объясненіяхъ. Отправивши мурзу ханскаго съ отказомъ, фельдмаршалъ на другой день еще до разсвѣта послалъ двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ вправо по направленію къ перекопской линіи, и въ то же время русское войско двинулось всею массою влѣво. Татары, обманутые фальшивымъ движеніемъ двухъ-тысячъ-пятисотеннаго отряда, бросились на него, и вдругъ нежданно увидали русскія силы совсѣмъ на другой сторонѣ. Русскіе дошли до рва и на короткое время остановились. Ровъ былъ очень широкъ. Но ровъ этотъ былъ сухъ. Солдаты спустились на дно, а оттуда стали карабкаться на валъ. Вмѣсто лѣстницъ имъ служили пики, штыки и рогатки. Задніе подсаживали переднихъ и потомъ, держась за нихъ, сами взбирались, и такъ добрались на вершину вала подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ. Такая неустрашимость поразила татаръ: они бѣжали. Въ башняхъ сидѣли турецкіе янычары. По приказанію Миниха принцъ гессенъ-гомбургскій послалъ санктпетербургскаго гренадерскаго полка капитана Манштейна съ шестьюдесятью человѣкъ его роты къ одной изъ башенъ. Гренадеры

прорубили двери; Манштейнъ вошелъ внутрь и потребовалъ сдачи. Янычары безусловно согласились и стали класть оружіе, но тутъ между гренадерами и янычарами возникъ споръ, а потомъ и драка: янычары убили шестерыхъ и ранили шестнадцать гренадеровъ; гренадеры перекололи всѣхъ янычаръ, а ихъ было въ башнѣ сто шестьдесятъ. Тогда янычары, сидѣвшіе въ прочихъ башняхъ, покинули ихъ и бѣжали вслѣдъ за татарами. Минихъ потребовалъ отъ перекопскаго коменданта сдачи: обѣщано было проводить всѣхъ до приморской пристани для отплытія въ Турцію. Комендантъ на все согласился. Но когда турки положили оружіе, ихъ всѣхъ объявили военноплѣнными подъ тѣмъ предлогомъ, что, вопреки мирному договору, задержано было двѣсти русскихъ купцовъ, и когда имъ возвратятъ свободу, тогда и взятые въ Перекопѣ турки будутъ отпущены въ отечество.

Городъ Перекопъ, заключавшій въ себѣ до 800 деревянныхъ домовъ и окруженный стѣною изъ песчаника, разсыпавшагося отъ пушечныхъ выстрѣловъ, былъ тотчасъ занятъ однимъ рускимъ полкомъ, а 4 іюня Минихъ отправилъ генералъ-лейтенанта Леонтьева съ десятью тысячами къ Кинбурну. Съ оставшимися генералами Минихъ держалъ военный совѣтъ,—что дѣлать далѣе. Многіе были такого мнѣнія, что не слѣдуетъ забиваться въ глубь страны, такъ какъ продовольствія для войска оставалось не болѣе какъ на двѣнадцать дней, а лучше укрѣпиться у Перекопа и подождать прибытія кн. Трубецкого съ обозомъ. Минихъ противился этому и настаивалъ, что надобно идти впередъ и нанести страхъ татарамъ; онъ надѣялся, что обозъ поспѣетъ и догонитъ ихъ, а еслибы и запоздалъ, то войско можетъ продовольствоваться на счетъ непріятельскаго края.

И пошло войско по безводной пустынѣ въ глубину Крымскаго полуострова. Татары умышленно портили воду, и безъ того скудную въ колодцахъ. Ихъ летучіе отряды безпокоили войско, двигавшееся четвероугольникомъ. Когда расположилось войско на дневку въ Бальчикѣ, къ нему приблизились татары. Откомандированный противъ нихъ генералъ-маіоръ Гейнъ хотя не потерпѣлъ пораженія, но не исполнилъ въ точности порученія, даннаго фельдмаршаломъ, и за это немедленно былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Минихъ чрезвычайно строго относился къ дѣлу дисциплины въ войскѣ. Пошли дни за днями. Жара была нестерпимая. Солдаты пропадали отъ жажды и зноя. Подвозъ ожидаемыхъ запасовъ не при

ходилъ по медленности князя Трубецкого. Генералъ принцъ-гессенъ-гомбурскій, уже прежде враждовавшій съ Минихомъ, а за нимъ и другіе генералы, въ числѣ ихъ и близкій родственникъ Бирона, носившій ту же фамилію, распускали о Минихѣ между подчиненными упреки, что онъ для удовлетворенія своего честолюбія губитъ цѣлое войско и поступаетъ совсѣмъ противъ желанія и предписаній петербургскаго двора. Къ счастію Миниха, войско, все еще не дождавшись князя Трубецкого съ обозомъ, вдругъ нашло себѣ продовольствіе. На десятый день пути отъ Перекопа достигло оно города Хазлейва (Козловъ-Евпаторія) и вошло туда безъ всякаго сопротивленія: всѣ мусульманскіе обитатели этого города заранѣе убѣжали оттуда, успѣвши взять съ собою, что̀ возможно было, на скорую руку, и зажгли за собою дома христіанскихъ купцовъ. Но бѣжавшіе всего съ собою забрать не были въ состояніи. Русскіе въ опустѣломъ и полуобгорѣломъ городѣ отыскали закопанныя въ землѣ драгоцѣнности—золото, серебро, жемчугъ; мѣди, желѣза и свинцу была громада, рису и пшеницы было такое изобиліе, что Минихъ раздалъ ихъ въ качествѣ провіанта солдатамъ на двадцать-четыре дня.

Кромѣ этого, русскіе успѣли захватить десять тысячъ барановъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота, и это было очень кстати, такъ какъ солдаты уже двѣ недѣли не ѣли ничего мясного.

Простоявши пять дней въ Хазлейвѣ съ цѣлію дать время хлѣбопекамъ изготовить для солдатъ хлѣбъ и сухари, Минихъ двинулся далѣе. Онъ выбралъ путь вблизи моря: татары не ожидали, что русскіе пойдутъ туда и не дѣлали опустошенія; поэтому русскіе могли на этомъ пути доставать фуражъ: Минихъ распустилъ между непріятелями слухъ, будто возвращается къ Перекопу.

Между тѣмъ, 27 іюня войско приблизилось къ ханской столицѣ Бахчисараю. Минихъ оставилъ большую часть войска съ багажемъ, поручивъ начальство Шпигелю, самъ съ другою частью обошелъ горы, и русскіе на разсвѣтѣ были подъ самымъ городомъ. Татары не ждали этого и чрезвычайно удивились, увидавши тамъ русскихъ въ такую пору. Они напали на донскихъ казаковъ и на владимірскій пѣхотный полкъ, успѣли принудить податься назадъ, и отняли одну пушку. Но когда подоспѣлъ генералъ Лесли съ пятью другими полками, татары тотчасъ бѣжали. Паническій страхъ напалъ на всѣхъ жителей Бах-

чисарая. Они покинули свои дома, хватали съ собой, что̀ могли схватить, и бѣжали въ горы.

Въ Бахчисараѣ въ то время было двѣ тысячи домовъ: треть ихъ принадлежала христіанамъ греческаго происхожденія. Русскіе все сожгли. Красивый ханскій дворецъ, состоявшій изъ многихъ зданій и окруженный садами, былъ обращенъ въ пепелъ. Сгорѣлъ домъ іезуитскій съ библіотекою. Сами іезуиты заранѣе ушли изъ города.

Расправившись съ Бахчисараемъ, Минихъ 29 іюня отвелъ свое войско на рѣку Альму. Туда прибылъ и обозъ, который шелъ съ Минихомъ; на него нападали татары, но не удачно.

3 іюля главнокомандующій отрядилъ генераловъ Измайлова и Магнуса Бирона съ восемью тысячами солдатъ и двумя тысячами казаковъ на Акмечеть (нынѣ Симферополь), столицу Калги-салтана и его мурзъ. Русскіе не нашли ни души въ городѣ: еще за два дня жители ушли оттуда. Русскіе ограбили все, что̀ могли найти, и сожгли весь городъ, имѣвшій тогда тысячу восемьсотъ деревянныхъ домовъ.

Минихъ намѣревался идти на Кафу, самый богатый и многолюдный городъ на черноморскомъ побережьѣ. Этому воспротивились на военномъ совѣтѣ всѣ генералы.

Они представляли, что треть войска хвораетъ и многіе до того ослабѣли, что не въ состояніи далѣе двигаться, между тѣмъ на этомъ пути не представлялось впереди никакихъ надеждъ на доставку продовольствія людямъ и лошадямъ, такъ какъ татары, ожидая своихъ непріятелей, выжгли всѣ окрестности Кафы на далекое пространство. Вдобавокъ усилились жары. Минихъ долженъ былъ удержать свой воинственный задоръ и повернуть къ Перекопу. Войско достигло Перекопа 17 іюля и ко всеобщему удовольствію встрѣтило генерала Аракчеева, который привезъ изъ Украины хлѣбные запасы, а съ нимъ прибыли маркитанты и привезли большое количество вина и всякаго съѣстного продовольствія. Итакъ, послѣ многихъ трудовъ и лишеній, войско чувствовало изобиліе. Къ умноженію радости пришло извѣстіе, что генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ взялъ Кинбурнъ, не потерявши ни одного человѣка: турки сдали его безъ боя и по капитуляціи вышли изъ крѣпости въ числѣ двухъ тысячъ; двѣсти-пятьдесятъ христіанскихъ невольниковъ, содержавшихся въ крѣпости, получили свободу. Русскіе въ Кинбурнѣ нашли много скота и овецъ. Минихъ приказалъ взорвать порохомъ перекопскія укрѣпленія и 28 іюля двинулся въ Украину.

Татары не безпокоили возвращавшееся русское войско. Генералъ Леонтьевъ присоединился къ главному войску.

На берегу рѣки Самары Минихъ произвелъ смотръ своему войску. Не было ни одного полка, гдѣ бы количество служащихъ достигало полнаго комплекта: въ тѣ времена полный комплектъ пѣхотнаго полка простирался до 1575 человѣкъ со включеніемъ офицеровъ, а комплектъ коннаго полка—1231 человѣкъ. На лицо не оказалось теперь ни одного, гдѣ было бы болѣе 600 человѣкъ. Между тѣмъ, достовѣрно было извѣстно, что число убитыхъ непріятелемъ не превышало двухъ тысячъ. Войско умалилось отъ болѣзней и лишеній. Много содѣйствовала этому медленность кн. Трубецкого и неисправность коммисаріата въ доставкѣ жизненныхъ средствъ въ пору. Но и самъ фельдмаршалъ Минихъ обвинялся за то, что не жалѣлъ солдатъ своихъ, водилъ ихъ во время лѣтняго дневного зноя, не давалъ отдыха и слишкомъ легко относился къ недоставленію кн. Трубецкимъ продовольствія, надѣясь кормить войско на счетъ непріятельской страны. Походъ въ Крымъ стоилъ Россіи до тридцати тысячъ человѣкъ. Противникъ Миниха, принцъ гессенъ-гомбургскій возстановилъ противъ него генераловъ, а отъ послѣднихъ ропотъ на фельдмаршала переходилъ къ штабъ- и оберъ-офицерамъ и доходилъ даже до рядовыхъ.

По прибытіи въ Украину, Минихъ, въ предупрежденіе татарскихъ зимнихъ набѣговъ черезъ ледъ днѣпровскій въ Гетманщину и Слободскую Украину, сдѣлалъ распоряженіе съ первыхъ заморозовъ рубить ледъ на рѣкахъ и для этого употреблять солдатъ и сгонять народъ. Это возбуждало ропотъ и между солдатами и жителями селъ, да и не достигало цѣли, потому что въ февралѣ 1737 года татары черезъ Днѣпръ у Келеберды ворвались въ Украину; защищавшій проходъ генералъ Лесли былъ убитъ и много офицеровъ взято въ плѣнъ.

Принцъ гессенъ-гомбургскій не ограничился возбужденіемъ противъ Миниха генераловъ его арміи, а еще написалъ и послалъ на фельдмаршала доносъ герцогу Бирону, и хотя Биронъ прислалъ этотъ доносъ самому Миниху, но при дворѣ онъ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Этимъ не замедлили воспользоваться Миниховы недоброжелатели и завистники. Несмотря на то, что главный врагъ Миниха, оберштальмейстеръ Левенвольде, умеръ, въ самомъ кабинетѣ желали унизить фельдмаршала: рѣшили подвергнуть въ военномъ совѣтѣ обсужденію поступки Миниха и указать причины большой потери войска. Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ припадлежало фельдмаршалу

Ласси, который во время Миннхова похода въ Крымъ черезъ Перекопъ, осаждая полтора мѣсяца Азовъ, принудилъ его къ сдачѣ и потомъ шелъ на соединеніе съ Минихомъ, но узнавши, что Минихъ уже возвращается, самъ повернулъ въ Слободскую Украину. Теперь ему поручалось разбирать дѣйствія своего товарища, въ послѣднее время пріобрѣвшаго такую славу и значеніе, что становился выше его. Ласси отклонилъ отъ себя такое порученіе. Никѣмъ другимъ не былъ онъ замѣненъ, и такъ слѣдствіе надъ поступками Миниха не производилось, а императрица Анна не только не показала Миниху своего неблаговоленія, но еще наградила его помѣстьями въ Украинѣ, находившимися въ распоряженіи покойнаго Вейсбаха.

Весною 1737 года опять предпринятъ былъ походъ противъ турокъ. Петербургское правительство заключило конвенцію съ вѣнскимъ дворомъ о взаимномъ дѣйствіи войскъ противъ турокъ, произведенъ новый рекрутскій наборъ—40,000 человѣкъ, сдѣланы распоряженія объ устройствѣ магазиновъ, а въ Брянскѣ положено было на верфи строить плоскодонныя суда для спуска ихъ на Днѣпръ.

Въ концѣ марта 1737 года генералъ-фельдмаршалъ Минихъ далъ ордеръ, чтобы все войско, котораго число простиралось отъ 60 до 70 тысячъ человѣкъ, было готово къ походу черезъ двадцать-четыре часа по полученіи ордера. Въ началѣ апрѣля всѣ вышли съ квартиръ, гдѣ были на зиму поставлены. Съ конца апрѣля по 6 мая (н. с.) войско переправилось черезъ Днѣпръ въ трехъ пунктахъ: у Переволочной, у Орлика и у Кременчуга. 3 іюня (н. с.) всѣ отдѣлы соединились на рѣкѣ Омельникѣ; съ 25 (н. с.) іюня по 2 іюля (н. с.) армія переправилась черезъ Бугъ. Желая скрыть свои настоящія намѣренія, Минихъ всѣмъ показывалъ видъ, что направляется къ Бендерамъ. Онъ таился даже отъ поляковъ, которые казались союзниками. Когда къ генералъ-фельдмаршалу пріѣхалъ адъютантъ польскаго короннаго гетмана Потоцкаго, Минихъ, угощая его, предложилъ тостъ за счастливый успѣхъ русскаго оружія подъ Очаковымъ, и въ то же время, въ видѣ особаго къ нему довѣрія, сообщилъ предположенный маршрутъ къ Бендерамъ.

Полякъ, присланный за тѣмъ, чтобы провѣдать, куда поведетъ свое войско Минихъ, находился въ недоумѣніи и не зналъ, что̀ донести тѣмъ, которые дали ему порученіе. Тѣмъ труднѣе было узнать о планахъ Миниха туркамъ. Они на всякій случай ждали его у Бендеръ, но послали значительное подкрѣпленіе къ Очакову.

Минихъ ускорилъ свой походъ и направлялся къ Очакову, желая дойти туда ранѣе, чѣмъ непріятель успѣетъ тамъ собраться съ силами. Но тяжелая артиллерія, боевые и съѣстные запасы слѣдовали по водѣ, и этимъ завѣдывалъ все тотъ же князь Трубецкой, заявившій себя въ прошлый походъ нераспорядительностью. И теперь произошло то же. Когда Минихъ со всею арміею уже приближался къ Очакову, князя Трубецкого тамъ не было, хотя онъ долженъ былъ придти туда ранѣе войска. Войско очутилось безъ фуража, безъ дровъ, безъ фашинъ, и лѣса кругомъ не было близко, чтобы достать необходимыя принадлежности. Современники находили страннымъ такую довѣрчивость Миниха къ человѣку, уже показавшему свою неспособность. Злые языки того времени приписывали причины снисходительности фельдмаршала къ кн. Трубецкому вниманію къ женѣ послѣдняго, знаменитой красавицѣ своего вѣка. Князь Трубецкой впослѣдствіи оправдывалъ себя тѣмъ, что въ то лѣто на Днѣпрѣ воды было мало и потому при перевозкѣ черезъ пороги потрачено было времени больше, чѣмъ бы въ обычное время требовалось.

Подошедши къ Очакову ночью съ 10 на 11 (нов. ст.) іюля и увидавши пожаръ предмѣстій, зажженныхъ, въ виду приближенія русскихъ, самимъ очаковскимъ комендантомъ, утромъ 11 числа въ лагерѣ, расположившемся между устьемъ Днѣпра и Чернымъ моремъ, Минихъ собралъ военный совѣтъ и на немъ заявилъ, что медлить нельзя, чтобы не дать непріятелю времени подвести къ Очакову свѣжія силы, и надобно со всевозможною скоростью брать Очаковъ. Минихъ надѣялся, что флотилія кн. Трубецкого придетъ скоро и войско не будетъ надолго поставлено въ затруднительное положеніе.

Сперва думали рыть траншеи и насыпать редуты, но земля оказалась чрезмѣрно твердою. Къ счастію русскихъ, около города были сады съ земляными оградами. Русскіе обратили ихъ себѣ въ редуты. Въ одномъ такомъ саду поставили тяжелую артиллерію и начали метать бомбы, которыя, лопаясь въ крѣпости, производили тамъ пожары. 13-го (н. с. или 2-го ст. ст.) іюля за часъ до разсвѣта вспыхнуло пламя въ томъ углу, гдѣ, какъ знали по плану, который заранѣе успѣлъ добыть себѣ Минихъ, находился пороховой магазинъ. Туда направили выстрѣлы.

Между тѣмъ, чтобы отвлечь осажденныхъ и не дать имъ тушить пожаръ, Минихъ, въ надеждѣ выманить ихъ въ иную сторону, приказалъ начать общій приступъ. На правомъ крылѣ командовали генералы: Румянцевъ и Биронъ, на лѣвомъ—Кейтъ и Левендаль. Самъ генералъ-фельдмаршалъ подкрѣплялъ идущихъ

на приступъ, подвергая себя лично опасностямъ — подъ нимъ убита была лошадь. При немъ неразлучно находился принцъ Антонъ-Ульрихъ брауншвейгскій, котораго уже мѣтили въ женихи племянницѣ императрицы. Войско достигло рва, шириною въ 12 футовъ; отважнѣйшіе спускались въ него и оттуда напрасно пытались взобраться на противоположную сторону: поражаемые непріятельскими выстрѣлами сверху, они падали цѣлыми грудами. Такъ прошло времени около двухъ часовъ. Не въ силахъ будучи вскарабкаться, они стали отступать. Генералъ Румянцевъ первый замѣтилъ, что огонь, произведенный русскими бомбами, близится къ пороховому магазину, и опасаясь, чтобы взрывъ не повредилъ осаждающимъ, далъ знакъ къ отступленію. Лѣвое крыло увлеклось отступленіемъ праваго. Выскочило изъ крѣпости нѣсколько сотъ турокъ и ударило на отступавшихъ, многихъ перебили турки, а раненые не въ силахъ были поспѣвать за другими: дѣло походило на бѣгство. Если бы сераскиръ и комендантъ очаковской крѣпости догадались и ударили всею силою на бѣгущихъ, выигрышъ былъ бы на сторонѣ турокъ, а русскіе принуждены были бы оставить осаду. Минихъ пришелъ въ страшное волненіе. Артиллерія поправила дѣло.

Съ ужасающимъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ пороховой магазинъ, а вслѣдъ затѣмъ показалось бѣлое знамя, и къ русскому главнокомандующему явился турецкій адъютантъ просить перемирія на нѣсколько часовъ. Минихъ понялъ, въ чемъ дѣло, отвергъ предложеніе и требовалъ, чтобы весь турецкій гарнизонъ сдался военноплѣннымъ въ теченіе одного часа, иначе грозилъ никому не оказать пощады. Сераскиръ, между тѣмъ, пославши къ Миниху этого адъютанта, затѣвалъ съ частью гарнизона пробраться изъ крѣпости къ морю и убѣжать, сѣвши на турецкія галеры въ то время, когда начнутъ составлять статьи капитуляціи. Но его съ бывшими при немъ турками не допустили до моря русскіе гусары и казаки, вогнали въ крѣпость, а за ними и сами туда ворвались и начали избивать турокъ. Тогда сераскиръ послалъ къ генералъ-фельдмаршалу другого адъютанта объявить, что сдается безусловно. Ворота крѣпости отворились; гарнизонъ положилъ оружіе и былъ отведенъ военноплѣннымъ въ русскій лагерь. Около двухъ сотъ [1]), а по другому извѣстію до двухъ тысячъ [2]) турокъ успѣли добраться до галеръ, но многіе не могли туда попасть, потому что кормчіе, увидя,

---

[1]) Манштейнъ, русск. перев. стр. 104.

[2]) Büschings Magazin, III. стр. 449.

что городъ взятъ русскими, поспѣшно снялись съ якоря и подняли паруса, а турки изъ Очакова, хотѣвшіе уплыть съ ними, бросились за судами вплавь и, ослабѣвши, потонули. Иные, прежде отвода гарнизона въ плѣнъ, были заколоты ворвавшимися въ крѣпость русскими. Семнадцать тысячъ труповъ турецкихъ было погребено русскими 20 іюля (н. с.). Большое число погибло ихъ подъ развалинами разрушившихся стѣнъ и зданій. При взрывѣ порохового магазина погибло ихъ болѣе шести тысячъ, а за этимъ взрывомъ загорѣлось еще два такихъ магазина, причемъ погибло не мало и русскихъ, бросившихся уже въ покоренный городъ на грабежъ.

Изъ турецкаго гарнизона, въ-началѣ состоявшаго въ числѣ двадцати тысячъ, сдалось военно-плѣнными только три тысячи пять-сотъ человѣкъ и въ числѣ ихъ — сераскиръ Яйа, очаковскій комендантъ Мустафа-ага и триста офицеровъ. Нѣсколько сотъ христіанскихъ невольниковъ получили свободу, пятьдесятъ-четыре грека вступили въ русскую службу въ гусары. У русскихъ убито 68 офицеровъ и 987 рядовыхъ съ унтеръ-офицерами, а ранено около ста офицеровъ и 2,703 рядовыхъ.

Ожидая, что турки будутъ стараться отнять у русскихъ Очаковъ, Минихъ приказалъ со всевозможнѣйшею скоростію исправить по возможности разрушенныя стѣны, построить деревянныя избы для жилья и снабдить городъ необходимыми средствами къ жизни, намѣреваясь помѣстить въ немъ русскій гарнизонъ. Онъ оставилъ въ Очаковѣ двѣнадцать пѣхотныхъ баталіоновъ, два драгунскихъ полка и двѣ тысячи казаковъ, назначивъ надъ всѣми начальникомъ генерала Бахметева, а всю остальную армію отвелъ за шестьдесятъ верстъ отъ Очакова, гдѣ 15 (26) іюля присоединился къ ней генералъ Леонтьевъ, остававшійся въ резервѣ съ тяжелымъ обозомъ. Обозъ, съ которымъ слѣдовалъ князь Трубецкой, продолжалъ плыть и раздѣлился на двѣ части: передняя достигла Очакова въ августѣ, а задняя уже въ сентябрѣ. Походъ очаковскій совершился безъ него, какъ и прошлый годъ походъ крымскій.

Сообразно плану и инструкціямъ, Минихъ долженъ былъ теперь идти на Бендеры, но онъ узналъ, что на всемъ пути до Бендеръ татары выжгли поле и невозможно будетъ имѣть фуража; сверхъ того и войско россійское умалилось: павшихъ въ битвахъ было сравнительно немного, — 11,060 человѣкъ солдатъ и 5,000 казаковъ умерло во время похода отъ болѣзней, особенно отъ поноса и скорбута. Нѣмецъ приписываетъ эти болѣзни приверженности русскихъ къ постамъ, которая такъ велика,

что даже разрѣшеніе св. сvнода употреблять въ постные дни мясо на нихъ не дѣйствовало. Гораздо вѣрнѣе кажется намъ, что нездоровью русскихъ содѣйствовало то, что въ походахъ солдатъ ложился на сырой землѣ, и въ войскѣ недоставало врачей, хотя въ каждой ротѣ полагался хирургъ и подхирургъ, но изъ нихъ очень мало свѣдущихъ; были кромѣ того фельдшера, но тѣ умѣли только стричь и брить. Вообще во врачебныя должности поступали по волѣ начальства, а не по ученію. Набирали изъ простыхъ рекрутъ людей, которые, по назначенному для нихъ занятію, нуждались въ предварительномъ обученіи, а этого не было; начальство изъ рекрутъ опредѣляло и въ музыканты, хотя бы опредѣляемый не имѣлъ ни подготовки, ни природныхъ способностей къ музыкѣ. Подобный порядокъ былъ и въ опредѣленіи врачей. 1 (11) августа Минихъ перевелъ свое войско близъ устья рѣки Чичаклея, впадающей въ Бугъ, на другой берегъ Буга. 20 августа (1 сентября) онъ съѣздилъ въ Очаковъ, осмотрѣлъ работы по укрѣпленію Очакова и Кинбурна и, вмѣсто Бахметева, отпросившагося по болѣзни въ отставку, назначилъ комендантомъ генерала Штофельна, потомъ, воротившись къ своей арміи, повелъ ее въ Малороссію, гдѣ разставилъ на зимнихъ квартирахъ, а самъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Полтаву.

Во время похода Миниха къ Очакову, фельдмаршалъ Ласси съ 40,000 войска совершилъ блистательный походъ въ Крымъ черезъ Сивашъ въ бродъ, къ удивленію и своихъ генераловъ, и непріятеля: и тѣ, и другіе почитали такое дѣло невозможнымъ. Онъ прогналъ хана, думавшаго загородить ему путь, взялъ и разорилъ городъ Карасубазаръ, въ которомъ было до 6,000 домовъ, распустилъ отряды, истребившіе до тысячи татарскихъ деревень и набравшіе много скота и овецъ, и вернулся на Молочныя Воды, а оттуда въ октябрѣ перешелъ въ Слободскую Украину, гдѣ расположилъ свое войско по берегамъ Донца и его притоковъ.

Взятіе Очакова произвело въ Константинополѣ волненіе и страхъ. Смѣнили великаго визиря, на его мѣсто назначили бывшаго бендерскаго сераскира, а новому бендерскому сераскиру Генцъ-Оли-пашѣ разомъ съ татарскимъ ханомъ велѣно добывать Очаковъ. Минихъ, услыхавши объ этомъ, послалъ туда подкрѣпленіе, но Штофельнъ, не дождавшись отъ главнокомандующаго вспоможенія, заставилъ турокъ снять осаду. Очаковъ, находясь въ рукахъ покорившихъ его русскихъ, продолжалъ пребывать въ разореніи; недоставало строительныхъ матеріаловъ; судоходный

подвозъ всего необходимаго происходилъ медленно. Между людьми, составлявшими гарнизонъ, появились смертоносныя болѣзни отъ массы гніющихъ труповъ и людскихъ, и скотскихъ. Число солдатъ изъ восьми тысячъ, оставленныхъ тамъ генералъ-фельдмаршаломъ, осталось только пять тысячъ, да и изъ тѣхъ до тысячи человѣкъ было больныхъ и неспособныхъ къ бою. Съ войскомъ въ такомъ положеніи пришлось Штофельну встрѣтить турокъ, появившихся 29 октября (н. с.). Они безпрестанно палили и метали бомбы въ крѣпость; русскіе оборонялись упорно и дѣятельно, терпя всевозможныя лишенія: большая часть ихъ должна была постоянно находиться подъ открытымъ небомъ въ дождливую и сырую погоду за недостаткомъ помѣщеній. Но и положеніе турокъ было малымъ легче: ихъ мучила осенняя дождливая погода, распространялись болѣзни и смертность, пропадала отвага. Десять тысячъ ихъ бѣжало, не смотря на то, что за побѣги грозили имъ смертью и нѣсколькимъ пойманнымъ бѣглецамъ отрубили головы на страхъ прочимъ. Наконецъ, 10 ноября (н. с.) они всѣ ушли отъ Очакова, покинувши въ добычу русскихъ свой огнестрѣльный запасъ.

При Минихѣ во время очаковскаго похода былъ австрійскій резидентъ или военный агентъ, посланный для наблюденія за ходомъ войны, подобно тому, какъ такое же лицо находилось со стороны Россіи при войскѣ имперскомъ. Австрійскій агентъ, по прозвищу Беренклау, писалъ къ своимъ донесенія съ рѣзкими сужденіями о русскомъ войскѣ, замѣчая, что русскіе солдаты храбры и выносливы, но русскіе генералы таковы, что годятся быть развѣ капитанами. Миниху досталось въ руки это донесеніе, и онъ сильно раздражился не только противъ Беренклау, но и вообще противъ Австріи, которую и раньше не долюбливалъ. Съ такимъ непріязненнымъ чувствомъ онъ отнесся неодобрительно къ предложенію Австріи послать русскія военныя силы въ Венгрію для совмѣстнаго дѣйствія съ австрійскими войсками противъ турокъ. Минихъ находилъ, что Россіи лучше вести войну отдѣльно отъ Австріи и начать взятіемъ Хотина и Бендеръ и покореніемъ Молдавіи.

Миниха мнѣніе очень уважали, въ особенности послѣ двухъ его блестящихъ побѣдоносныхъ походовъ. По его плану начался новый походъ въ 1738 году. Армія въ 50,000, включая въ то число и казаковъ, перешла Днѣпръ у Переволочной и направилась къ предѣламъ турецкихъ владѣній. Турки думали остановить ходъ русскаго войска на переправахъ черезъ рѣчки Кодыму и Саврань, но безуспѣшно. Начался вслѣдъ за тѣмъ

утомительный походъ по безводной степи, пагубный для лошадей, скота и самихъ людей. Съ большими затрудненіями дошелъ Минихъ до Днѣстра и въ началѣ августа сталъ лицомъ къ лицу съ турецкимъ войскомъ, расположеннымъ на другомъ берегу. Переправа была неудобна. Минихъ двинулся вдоль берега. Турки думали, что онъ ищетъ мѣста для переправы, но Минихъ на этотъ разъ нашелъ умѣстнымъ пріостановить дальнѣйшее движеніе; въ Молдавіи свирѣпствовала зараза: вести туда армію было бы до крайности безразсудно. Минихъ отступилъ за Бугъ и расположилъ свое войско на зимнихъ квартирахъ въ Малороссіи.

Австрійскій посолъ въ Петербургѣ, Ботта, старался представить послѣдній походъ Миниха въ неблагопріятномъ свѣтѣ, доказывалъ, что Миниху было возможно продолжать военныя дѣйствія, и онъ довелъ петербургское правительство до того, что Миниху посланъ былъ указъ идти далѣе и взять Бендеры и Хотинъ. Минихъ въ согласіи съ военнымъ совѣтомъ представлялъ, что идти въ Молдавію и Валахію было невозможно, иначе онъ погубилъ бы все войско напрасно, и ничего теперь до слѣдующей весны предпринимать не слѣдуетъ.

Также безплодна была военная дѣятельность фельдмаршала Ласси; въ томъ же году Ласси долженъ былъ взять Кафу, но не могъ до нея добраться, потому что окрестный край былъ такъ опустошенъ, что русскіе не могли найти ни себѣ пристанища, ни фуража для лошадей. Притомъ флотилія, которая выступала изъ Азова съ цѣлію доставлять провіантъ сухопутному войску, была разбита бурею. Ласси въ октябрѣ воротился въ Слободскую Украину, ничего не сдѣлавши.

Зимою татары, въ отместку русскимъ, сдѣлали набѣгъ, направляясь на придонецкій край, но не успѣли прорвать украинской линіи; только разсѣянные татарскіе загоны сожгли нѣсколько деревень.

Въ мартѣ 1739 года Минихъ прибылъ изъ Петербурга въ Украину къ своему войску. Онъ намѣревался въ этотъ годъ совершить походъ черезъ польскія области и потому назначилъ сборный пунктъ въ Кіевѣ. Но какъ войско разставлено было на широкомъ пространствѣ, то нѣкоторыя части его квартировали далеко, и могли явиться на сборное мѣсто не ранѣе начала іюня. Во всемъ войскѣ было тогда шестьдесятъ пять тысячъ человѣкъ, другіе простираютъ число его (считая 13,000 казаковъ) до 78,000. Они находились подъ командою генераловъ Румянцева, Карла и Густава Бироновъ, братьевъ любимца,

Левендаля, завѣдывавшаго артиллеріею, принца Голштейна, кн. Репнина, Хрущова, Фермора, Бахметева и другихъ. Перешедши Днѣпръ, войско двинулось разными колоннами чрезъ Васильковъ. Польскій коронный гетманъ учредилъ изъ мѣстной шляхты милицію для наблюденія, чтобъ не допускать русскихъ совершать безчинствъ и оскорбленій жителямъ.

Минихъ, какъ и въ предшествовавшіе походы, старался поступать такъ, чтобы непріятели не могли узнать — какимъ путемъ онъ пойдетъ, и теперь пустилъ слухъ, что хочетъ идти на Бендеры. По этому слуху командиръ турецкой арміи. сераскиръ Вели-паша простоялъ у Бендеръ напрасно пятнадцать дней, а потомъ, услыхавши, что русское войско подходитъ къ рѣкѣ Збручу, отправился туда препятствовать переходу русскихъ черезъ Днѣстръ. Но Минихъ, объявлявшій всѣмъ, что намѣренъ тамъ переходить Днѣстръ и идти на Хотинъ, не думалъ на самомъ дѣлѣ совершать перехода въ этомъ мѣстѣ по причинѣ крутыхъ береговъ, а оставилъ тамъ лагерь съ частью арміи; самъ же съ двадцатью тысячами пошелъ искать другой переправы, приказавши каждому солдату взять съ собою хлѣба на шесть дней. Онъ нашелъ удобную переправу близъ польской деревни Синковцы, отстоявшей отъ Хотина верстъ на сорокъ. Мосты для переправы арміи поспѣли въ одну ночь, и отрядъ, шедшій съ Минихомъ, весь перешелъ благополучно. Турки изъ-подъ Хотина не могли поспѣть, чтобы препятствовать переправѣ за утесистыми горами и ущельями, находившимися на ихъ пути. Остальная русская армія шла къ той же переправѣ, отдѣлываясь отъ татарскихъ нападеній и замедляясь, кромѣ того, дождливою погодою. Она дошла до Синковецъ только 7 августа н. с. и нашла мосты, устроенные русскими, уже сорванными отъ напора воды, такъ что не безъ труда пришлось русскимъ собирать бревна и доски, часть которыхъ была унесена водою до самаго Хотина. Только 15 августа (н. с.) переправились русскіе и за собою истребили мосты совершенно.

Тогда сераскиръ Вели-паша замыслилъ заманить русскаго военачальника съ его войскомъ внутрь турецкой страны и, окруживши со всѣхъ сторонъ, погубить въ конецъ. У сераскира было тридцать тысячъ. Будучи увѣренъ въ превосходствѣ своихъ силъ предъ русскими, сераскиръ не задумался оставить незанятымъ и свободнымъ для русскаго войска проходъ чрезъ Перекопскія тѣснины, которыя уподоблялись древнимъ Ѳермопиламъ: говорили, что тамъ десять человѣкъ могутъ остановить многотысячное войско. Но у русскихъ были благопріятели между

турецкими подданными: то были молдаване и валахи; они сообщили русскимъ о незанятомъ проходѣ. Ихъ такъ много являлось къ Миниху съ изъявленіемъ готовности служить русской императрицѣ, что генералъ-фельдмаршалъ составилъ изъ нихъ цѣлый полкъ, назначивъ надъ нимъ командиромъ сына бывшаго молдавскаго господаря, Кантемира. Эти-то союзники, связанные съ русскими одною вѣрою, показали имъ дорогу, и русскіе не только прошли удобно черезъ тѣсный путь, но и провели туда всю тяжелую артиллерію и багажъ. Войско очутилось на просторной равнинѣ. Вели-паша не только не раскаялся въ своей оплошности, напротивъ, былъ очень доволенъ, думая, что теперь-то можетъ легко взять въ полонъ всю русскую армію. 16 (27) августа русское войско стояло лицомъ къ лицу съ турецкимъ. Впереди стоялъ Вели-паша на высокомъ мѣстѣ у деревни Ставучанъ, въ станѣ, укрѣпленномъ баттареями. Влѣво отъ русскихъ расположился хотинскій паша Кальчакъ съ сердентестами (т.-е. безпощадными); онъ былъ прикрытъ лѣсами и неприступными горами. Вправо стоялъ Енчъ-Али-паша съ турецкою кавалеріею или спагами: его войско упиралось съ боку въ горы, которыя тянулись до рѣки Прута. Позади русскихъ стоялъ ханъ Исламъ-Гирей съ бѣлогородскою ордою. Непріятели замкнули русскихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе устроились тремя четвероугольниками и отбивались отъ нападеній успѣшно. Но имъ невозможно было добывать фуражъ и даже выпускать лошадей и скотъ пастись. Положеніе наступало ужасное, почти такое же, какъ при Петрѣ на берегахъ Прута. Приходилось либо сдаваться, либо отчаянно пытаться вырваться. Минихъ, окинувъ глазами непріятельскій станъ, замѣтилъ, что протекавшая влѣво отъ непріятельскаго стана болотистая рѣчка [1]) не такъ непроходима, какъ полагали турки, оставившіе эту сторону безъ укрѣпленій, въ увѣренности, что сама природа защищаетъ ихъ тамъ достаточно; Минихъ сообразилъ, что туда возможно пройти, помостивши по болоту фашины и построивши на рѣчкѣ мосты. И вотъ, Минихъ даетъ приказъ отряду (состоявшему изъ шести пѣхотныхъ полковъ, двухъ драгунскихъ, четырехъ-сотъ пикинеровъ и нѣсколько легкой кавалеріи), подъ начальствомъ генераловъ Левендаля и двухъ Бироновъ, идти вправо; тамъ начинаютъ возводить баттареи, везутъ туда тридцать пушекъ и четыре мортиры, начинается усиленная пальба и пушечная, и ружейная, и все это дѣлается только съ тѣмъ, чтобъ завлечь

---

[1]) Одни называютъ ее Шуланецъ, другіе Шубанецъ.

туда турокъ и отвлечь ихъ вниманіе отъ другого конца. Между тѣмъ, въ то же время влѣво везутъ фашины, бревна, доски, гатятъ болото, наводятъ мосты; турки не понимаютъ этого движенія и сосредоточиваютъ свои усилія на томъ концѣ, гдѣ русскіе палятъ и напираютъ; турки допускаютъ до того, что русскіе навели на рѣчкѣ двадцать-семь мостовъ, проложили себѣ дорогу черезъ болото и очутились при подошвѣ возвышенія, на которомъ располагался главный турецкій станъ сераскира. Въ два часа пополудни турецкая конница сдѣлала на нихъ нападеніе, но была отбита. Русскіе идутъ все выше и выше, все ближе и ближе къ непріятельскому стану. Въ пять часовъ сдѣлали на русскихъ нападеніе янычары; они порывались свирѣпо, но ихъ также прогнали ружейными и пушечными выстрѣлами. Въ семь часовъ русскіе были уже на высотахъ, но не застали тамъ уже никого, только пылалъ турецкій лагерь. Всѣ турки обратились въ бѣгство, покинувши сорокъ-восемь орудій, больше тысячи разбитыхъ шатровъ и большое количество запаса какъ боевого, такъ и продовольственнаго. На полѣ лежало болѣе тысячи турецкихъ труповъ. Русскіе потеряли въ этотъ день только семьдесятъ человѣкъ.

Побѣда была полная и неслыханная, такъ какъ она была первая битва русскихъ съ турками въ открытомъ полѣ. На другой день утромъ побѣдитель двинулся скорымъ маршемъ съ тридцатью тысячами своего войска къ Хотину. Туда уже успѣлъ принести роковое извѣстіе самъ хотинскій губернаторъ Кальчакъ-паша, растерявши свой десятитысячный хотинскій гарнизонъ на Ставучанскомъ полѣ. Всей вооруженной силы въ Хотинѣ оставалось только девятьсотъ человѣкъ; Кальчакъ-паша считалъ невозможнымъ защищаться и послалъ къ русскому главнокомандующему предложеніе сдаться на капитуляцію. Минихъ отвѣчалъ, что не хочетъ знать ни о какой капитуляціи, и требовалъ, чтобъ гарнизонъ сдался военноплѣннымъ; онъ дозволялъ только отправить въ Турцію женщинъ, находившихся въ крѣпости. Кальчакъ-паша согласился на все. Только онъ одинъ отправилъ свой гаремъ. Прочіе оставили своихъ женъ съ собою и послѣдовали съ ними въ плѣнъ. Генералъ Хрущовъ сдѣланъ былъ комендантомъ Хотина, который тогда достался русскимъ съ превосходными укрѣпленіями и со 179 орудіями.

Сентября 9 и 10 п. с. русскіе перешли Прутъ. Молдавскій господарь Гика бѣжалъ передъ сыномъ бывшаго господаря Димитрія Кантемира, лишеннаго Турціею власти за приверженность къ Россіи. Гика убѣжалъ изъ Яссъ такъ поспѣшно, что поки-

нулъ и знамена, и орудія, и свой бунчукъ—знакъ власти, дарованный ему отъ султана. Минихъ послалъ впередъ къ Яссамъ Кантемира съ трехтысячнымъ отрядомъ волоховъ, драгуновъ и гусаръ, а самъ слѣдовалъ за нимъ. Депутаты отъ молдавскихъ бояръ явились къ генералъ-фельдмаршалу съ покорностью и просили принять Молдавію въ подданство Россіи. Минихъ обнадежилъ ихъ благосклонностью императрицы. Послѣ того 14 сент. н. с. онъ заключилъ съ боярами договоръ: бояре обѣщали содержать двадцать тысячъ россійскаго войска. Предположили укрѣпить Яссы, и съ этой цѣлью Минихъ обозрѣлъ мѣстность и составилъ планъ крѣпости; бояре обѣщали содержать нѣсколько тысячъ піонеровъ, которые возьмутся за эту работу. Генералъ-фельдмаршалъ оставилъ въ Яссахъ русскій гарнизонъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Шипова, а самъ отправился къ своей арміи.

Минихъ намѣревался идти на Бендеры и покорить буджацкихъ татаръ, затѣмъ у него былъ планъ перейти Дунай и вступить въ средину Турецкой имперіи. Въ его воображеніи рисовалась уже надежда покорить Константинополь и разрушить владычество оттоманское въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ мечталъ и о собственномъ возвеличеніи. Радушный пріемъ въ Яссахъ, оказанный ему молдавскими боярами, ободрялъ его: Миниху мерещилась уже возможность сдѣлаться господаремъ или княземъ молдавскимъ въ подданствѣ русской императрицѣ, точно такъ какъ Биронъ, камергеръ государыни, сдѣлался уже герцогомъ курляндскимъ.

Неожиданное для него событіе прервало всѣ его намѣренія и надежды.

Австрійскія войска, воевавшія съ турками, далеко не были такъ счастливы, какъ русскія. Они терпѣли пораженія за пораженіями и, наконецъ, генералъ Нейпергъ, имѣвшій полномочіе заключить съ непріятелемъ миръ, если найдетъ это необходимымъ, воспользовался своимъ правомъ и заключилъ съ великимъ визиремъ договоръ, которымъ императоръ возвращалъ Турціи всѣ сдѣланныя его войсками пріобрѣтенія и въ числѣ ихъ укрѣпленный Бѣлградъ, гдѣ еще держался австрійскій гарнизонъ. Извѣстіе объ этомъ какъ снѣгъ на голову неожиданно смутило русскаго фельдмаршала, который только и помышлялъ, что о новыхъ военныхъ подвигахъ противъ турокъ совмѣстно съ австрійскими войсками. Минихъ написалъ сообщившему извѣстіе о мирѣ австрійскому генералу Лобковицу письмо рѣзкое и справедливое: онъ указывалъ въ немъ, что миръ, заключенный съ

турками среди полныхъ успѣховъ русскаго оружія, до крайности невыгоденъ для интересовъ самой Римской имперіи и несовмѣстимъ съ тѣмъ уваженіемъ къ россійской императрицѣ, на которое послѣдняя, какъ союзница, имѣла право. Дѣйствительно, австрійцы слишкомъ мало заботились объ уваженіи къ Россіи. Когда находившійся при австрійскомъ войскѣ, русской службы полковникъ Броунъ спросилъ генерала австрійскаго Нейперга: „Не поставлено ли въ бѣлградскомъ договорѣ условій, касающихся Россіи?" то получилъ такой отвѣтъ: „Мы для Россіи и такъ много сдѣлали въ настоящую войну". Это была вопіющая неправда, такъ какъ въ теченіе всей войны русскія войска одерживали блестящія побѣды, а имперскія терпѣли пораженія,— потому что въ политикѣ императора какъ и въ штабѣ войска происходилъ безпорядокъ: бывшій передъ тѣмъ главнокомандующій Валлисъ долженъ былъ. по волѣ императора, передать свое полномочіе на заключеніе мира генералу Нейпергу и, оскорбленный этимъ, старался всякими путями вредить своему сопернику, а генералы его партіи — генераламъ партіи Нейперга; Нейпергъ имѣлъ неблагоразуміе поѣхать въ непріятельскій станъ, не взявши заложниковъ, а Валлисъ умышленно не допустилъ до него въ пору императорскаго курьера, который везъ императорское предписаніе не заключать мира съ условіемъ сдачи туркамъ Бѣлграда. Поставивши себя заранѣе въ невыгодное положеніе своею неумѣстною поѣздкою въ турецкій станъ и отдавшись на волю посредника, французскаго посла, мирволившаго туркамъ, Нейпергъ, не получивъ новаго императорскаго предписанія, долженъ былъ уступить требованіямъ верховнаго визиря, который не хотѣлъ слышать о мирѣ безъ возврата Бѣлграда. Императоръ Карлъ VI, увѣдомляя письмомъ русскую государыню о заключенномъ мирѣ, выражался, что онъ со слезами на глазахъ извѣщаетъ объ этомъ мирѣ съ великимъ визиремъ, но этотъ миръ онъ долженъ теперь сохранять ради сдержанія даннаго слова. Нейпергъ получалъ секретныя инструкціи объ этомъ мирѣ не отъ императора, а отъ его зятя, герцога Лотарингскаго, будущаго императора Франца I, и отъ главнаго министра Цинцендорфа; заключая съ визиремъ договоръ, Нейпергъ говорилъ: „многіе подумаютъ, что мнѣ за такой договоръ, по возвращеніи въ Вѣну, снимутъ голову, но я этого ни мало не боюсь!" И дѣйствительно, сдавши туркамъ Бѣлградъ, который могъ еще долго сопротивляться, Нейпергъ, хотя и былъ арестованъ, но не подвергся дальнѣйшему преслѣдованію, благодаря протекціи сильной стороны въ государствѣ. Самъ императоръ Карлъ VI былъ имъ очень недоволенъ и выражался,

что еслибъ у него были такіе полководцы, какъ Минихъ, то ему не пришлось бы заключать такого постыднаго мира.

Французскій посланникъ въ Константинополѣ де-Вильнёвъ также сильно и искусно хлопоталъ о прекращеніи войны между Россіею и Турціею. Онъ казался благожелателемъ Россіи, но на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ въ тайныхъ видахъ своего правительства. Франція, да не только Франція, но и вся Европа смотрѣли съ завистью на возвышеніе Россіи. Съ такимъ храбрымъ и устойчивымъ войскомъ, какимъ было русское войско, съ такимъ отважнымъ и предпріимчивымъ полководцемъ, какъ Минихъ, Россія могла овладѣть Константинополемъ, утвердить свое могущество на Балканскомъ полуостровѣ и захватить въ свое распоряженіе всю восточную торговлю. Этого не хотѣли допустить, а этого, однако, боялись въ виду подвиговъ и дарованій Миниха: не даромъ взятый имъ въ плѣнъ турецкій паша говорилъ, что еслибъ у турокъ былъ такой генералъ какъ Минихъ, то война бы для Турціи кончилась иначе!

По соображеніямъ Миниха, Россія могла еще вести войну одна, безъ содѣйствія Австріи; но не такъ рѣшили на верху. Австрійское правительство давно уже совѣтовало прекратить войну и положиться на посредство французскаго посланника въ Константинополѣ, и эти совѣты имѣли успѣхъ еще въ маѣ 1738 года. Остерману, по просьбѣ французскаго короля и по внушенію австрійскаго двора, императрица повелѣла послать Вильнёву полномочіе дѣйствовать со стороны Россіи въ случаѣ заключенія мира съ Турціею. Для сношенія съ Вильнёвомъ избрали итальянца Каньони (или Канжони), бывшаго въ Россіи совѣтникомъ въ каммеръ-коллегіи: онъ повезъ отъ императрицы Вильнёву орденъ св. Андрея, осыпанный бриллiантами, а супругѣ его какія-то драгоцѣнныя вещи. Минихъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Остерманъ не могъ воспрепятствовать посылкѣ отъ императрицы полномочія Вильнёву, давая тѣмъ какъ бы знать, что Остерманъ самъ не былъ расположенъ къ такой довѣрчивости; а Шлоссеръ въ своей Исторіи XVIII вѣка говоритъ, что этотъ итальянецъ, пользовавшійся довѣренностью императрицы, отправившись къ французскому посланнику, былъ подкупленъ послѣднимъ [1]). Историкъ, написавшій спеціальное сочиненіе объ этой войнѣ, замѣчаетъ, что тогда съ обѣихъ сторонъ давались деньги и такимъ образомъ уладились всѣ препятствія и недоразумѣнія [2]).

---

[1]) Gesch. des XVIII Jahrhund. I, 314.

[2]) Keralio, II, 251.

Мирный договоръ составился 7 октября 1733 года. Азовъ уничтожался. Пустое мѣсто, гдѣ прежде былъ построенъ этотъ городъ, служило теперь барьеромъ между русскими и турецкими границами. Русскіе оставили за собою право построить себѣ крѣпость на донскомъ островѣ, гдѣ Черкасскъ, а турки—крѣпость на кубанской сторонѣ въ разстояніи тридцати верстъ отъ Азова. Таганрогъ русскіе обязались не возобновлять. Очаковъ и Хотинъ возвращались Турціи. Однако Россіи давалось нѣкоторое территоріальное пріобрѣтеніе. На западной сторонѣ отъ Днѣпра рубежъ съ Турціею оставленъ былъ по прежнему, но на восточной сторонѣ пограничная линія измѣнялась: „начавъ отъ востока или начала рѣки Заливы Конскія Воды имѣетъ ведена быть прямая линія до западнаго истока или начала рѣки Большой Берды и всѣ земли и воды, лежащія внутри между помянутыми рѣками: Днѣпромъ, Заливою Конскихъ Водъ, помянутою линіею и рѣкою Большой Берды, Оттоманской имперіи остаться имѣютъ, а всѣ тѣ земли и воды, лежащія по другой сторонѣ, то-есть внѣ помянутыхъ рѣкъ или линій Всероссійской Имперіи да останутся, изъявъ... что касается до земли, лежащей между помянутою рѣкою Большой Берды даже до рѣки Міуса, границы такимъ образомъ опредѣлены да пребудутъ какъ онѣ поставлены были мирнымъ трактатомъ 1700 г.“ [1]).

Минихъ еще въ 1738 году получилъ отъ императрицы на пергаменѣ полномочіе заключить миръ съ непріятелемъ, когда найдетъ нужнымъ, но не хотѣлъ пользоваться, подобно Нейпергу, своимъ полномочіемъ, хотя долго хвалился этимъ документомъ, какъ доказательствомъ большого довѣрія къ нему со стороны императрицы. Еще менѣе могъ желать онъ имъ воспользоваться послѣ счастливыхъ для Россіи военныхъ дѣйствій 1739 г. Получивши извѣстіе о заключеніи въ Бѣлградѣ мира союзниками Россіи. онъ думалъ, что Россія одна безъ союзниковъ въ силахъ будетъ продолжать войну и хотѣлъ въ томъ убѣдить верховную власть, а потому разставилъ свои войска въ Молдавіи. Но въ октябрѣ онъ получилъ предписаніе вывести войско въ предѣлы россійскихъ владѣній. Онъ перевелъ его чрезъ Днѣстръ и вернулся въ Украину. Въ ноябрѣ генералъ Левендаль сдалъ Хотинъ турецкому пашѣ, присланному отъ своего правительства для обратнаго пріема крѣпости въ турецкое владѣніе.

Минихъ прибылъ въ Петербургъ наканунѣ 14 февраля, дня, назначеннаго для торжества въ честь заключенія мира. Русское

[1]) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп., X, 915.

правительство не могло быть втайнѣ довольно этимъ миромъ послѣ недавнихъ успѣховъ русскаго оружія, но должно было показывать радость, такъ какъ миръ былъ заключенъ по желанію Россіи, заявленному въ прошломъ 1738 году. Утромъ 14 февраля отправлялся во всѣхъ столичныхъ церквахъ благодарственны молебенъ объ окончаніи войны. Герольды разъѣзжали по улицамъ и бросали въ народъ золотые и серебряные жетоны; въ дворцовой галлереѣ были принимаемы императрицею и членами царской семьи всѣ участники войны, начиная отъ фельдмаршаловъ Миниха и Ласси и кончая оберъ-офицерами и унтеръ-офицерами; посыпались награды; всѣхъ щедрѣе былъ награжденъ Биронъ, который не только не участвовалъ въ войнѣ, но, вѣроятно, много содѣйствовалъ заключенію мира, такъ какъ онъ имѣлъ неограниченное вліяніе на государыню, руководилъ всѣми ея дѣйствіями и вмѣстѣ съ тѣмъ находился самъ подъ вліяніемъ австрійской политики: ему подарили золотой, осыпанный бриллiантами кубокъ, въ который вложенъ былъ императорскій указъ въ рентерею о выдачѣ герцогу курляндскому пятисотъ тысячъ рублей; Минихъ, Ласси и всѣ ихъ генералы получили по золотой шпагѣ, сверхъ того Миниху дали ежегодной пенсіи 5,000 р., а Ласси — 3,000 р.. кабинетъ-министръ Волынскій получилъ единовременно 20,000 р., Левенвольде и кн. Черкасскій—перстни отъ 5 до 6 тысячъ рублей цѣною, а генералъ Ушаковъ, начальникъ тайной канцеляріи, портретъ государыни цѣною отъ трехъ до четырехъ тысячъ рублей. Въ этотъ же день всеобщаго торжества объявлено всему народу освобожденіе отъ взноса подушныхъ денегъ на слѣдующее затѣмъ полугодіе. Многимъ знатнымъ лицамъ, въ ознаменованіе радости торжества, дозволено было брать изъ казны заимообразно деньги безъ процентовъ. На другой день императрица собственноручно раздавала знатнымъ лицамъ медали, нарочно на тотъ случай отчеканенныя, большія въ 50, а меньшія въ 30 червонцевъ; народу снова разбрасывали жетоны. Тогда всѣ царскіе придворные были щедро одарены: даже служитель, ходившій за любимою собаченкою государыни. получилъ три тысячи рублей. Императрица изъ оконъ своего дворца любовалась зрѣлищемъ, какъ народъ по данному сигналу кидался на жаренаго быка, выставленнаго на площади, и черпалъ водку, струившуюся фонтаномъ въ большіе бассейны.

Среди всеобщаго ликованія, одна душа не раздѣляла его, душа человѣка—виновника торжества, фельдмаршала Миниха. Онъ видѣлъ, что другіе торжествуютъ то, что для него было утратою.

Идея, волновавшая Европу уже третье столѣтіе, готова была осуществиться: наступало, казалось, время разрѣшенія задачи, брошенной Европѣ Азіею еще въ XV вѣкѣ, и разрѣшителемъ ея судьба избирала его, Миниха! Сколько разъ толковали европейскіе политики объ изгнаніи турокъ изъ Европы, о возстановленіи свободной христіанской государственной жизни на Балканскомъ полуостровѣ! Но взаимныя недоразумѣнія христіанскихъ державъ между собою препятствовали имъ соединиться для взаимно-сознаваемой цѣли. Теперь, казалось близко было разрѣшеніе задачи. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ русскаго войска, предводимаго Минихомъ, едва ли можно было сомнѣваться, какъ и въ невозможности турецкимъ силамъ бороться противъ русскихъ. Кромѣ того, для удовлетворенія личныхъ выгодъ предстояли великія надежды честолюбію Миниха. Молдавія добровольно отдавалась въ распоряженіе русской государыни; побѣдитель турокъ надѣялся сдѣлаться господаремъ молдавскимъ подъ верховною властію Россіи, точно такъ, какъ прежніе господари признавали надъ собою верховную власть оттоманской державы. Мечты Миниха внезапно разрушились. Потерялъ онъ свои честолюбивыя надежды; потеряла съ нимъ разомъ и Россія. Не только ускользнуло отъ ней чаемое господство на Востокѣ, но опасности угрожали ей еще съ Запада. Коварные друзья и тайные недруги готовились вредить ей. Они могли тогда уразумѣть, что у руководящихъ судьбою Россіи—нѣтъ политической проницательности, что при самыхъ блестящихъ успѣхахъ русскаго войска, русское государство всегда можетъ остаться въ проигрышѣ по бездарности и невѣжественности тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ веденіе дипломатическихъ сношеній.

Во время своихъ походовъ Минихъ не оставлялъ военнаго управленія, тѣмъ болѣе, что по зимамъ онъ проводилъ значительную часть времени въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, въ періодъ его воинскихъ дѣйствій противъ турокъ, совершено было не мало важнаго по военному вѣдомству.

Однимъ изъ наиболѣе видныхъ явленій этого рода было устройство постоянныхъ помѣщеній для гвардейскихъ солдатъ въ Петербургѣ. По возвращеніи фельдмаршала въ столицу уже послѣ окончанія войны, Минихъ, въ видахъ заботливости о подчиненныхъ ему офицерахъ, испросилъ у государыни указъ, дозволявшій выходить въ отставку прослужившимъ двадцать лѣтъ; но когда стали разсматривать поступившія прошенія объ отставкѣ, то замѣтили, что многіе будучи еще молоды и здоровы, просили объ увольненіи отъ службы, какъ прослужившіе уже опредѣлен-

ное число лѣтъ, а это происходило оттого, что, по тогдашнимъ обычаямъ, дворянъ записывали въ военную службу еще въ дѣтствѣ, иныхъ даже тогда, когда они еще лежали въ колыбели. Тогда Минихъ самъ принужденъ былъ просить объ отмѣнѣ этого указа, а другіе кабинетъ-министры дѣлали ему выговоры, что очень огорчало фельдмаршала, всегда чувствительнаго, когда оскорблялось его самолюбіе.

Между тѣмъ, едва окончилась турецкая война, какъ стали возникать опасенія объявленія войны со стороны Швеціи. Въ этой странѣ постоянно происходили раздоры между правительственными партіями. Одна изъ нихъ, носившая кличку партіи шляпъ, думала о возмездіи Россіи за недавнее пораженіе, нанесенное Петромъ Великимъ; другая, которую прозвали партіею шапокъ или колпаковъ — хотѣла сохранить миръ съ Россіею и вообще избѣгать войны.

На сторонѣ мира былъ и самъ тогдашній король. Но воинствующая партія, руководимая французскими внушеніями, находившая себѣ опору вообще въ туземной молодежи, думала, что Швеціи слѣдуетъ вмѣшаться въ войну, возникшую между Россіею и Турціею во вредъ Россіи, и отправила въ Турцію тайнымъ агентомъ съ депешами шведскаго маіора Синклера.

Объ этомъ заблаговременно провѣдалъ русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Бестужевъ и сообщилъ своему правительству. Русскіе снеслись съ польскимъ правительствомъ и предположили задержать Синклера, когда онъ будетъ слѣдовать черезъ польскія владѣнія, и отнять у него депеши, съ которыми онъ ѣздилъ въ Турцію. Получившіе такое порученіе капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій напали на дорогѣ на Синклера, ѣхавшаго вмѣстѣ съ французскимъ купцомъ, заманили его въ лѣсъ, застрѣлили и отняли бумаги. Въ какой степени принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ самъ Минихъ—неизвѣстно, хотя по предписанію верховнаго правительства онъ отрядилъ офицеровъ арестовать Синклера и овладѣть его бумагами, но приказывалъ ли убить его—на это нѣтъ доказательствъ. Русское правительство отреклось отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, а офицеры, расправившіеся съ Синклеромъ, были сосланы въ Сибирь. Была у нѣкоторыхъ мысль—взвалить всю отвѣтственность въ этомъ поступкѣ на Миниха, такъ какъ онъ имѣлъ отъ императрицы полномочіе во всемъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и у него были открытые бланки съ подписомъ. Какъ бы то ни было, только послѣ этого событія шведы энергичнѣе стали раздувать въ своемъ обществѣ вражду къ Россіи и дѣлать приготовленія къ войнѣ съ нею. Объ этомъ

сообщалъ въ Петербургъ русскій посланникъ изъ Стокгольма, и Россія, съ своей стороны, должна была заботиться объ обоpонѣ. Минихъ самъ отправился обозрѣвать укрѣпленія Кронштадта, Шлиссельбурга, Кексгольма. Царскимъ указомъ было повелѣно распредѣлить по полкамъ и снарядить къ работамъ солдатъ, а въ помощь имъ выписать изъ Ярославля каменщиковъ по вольнымъ наймамъ. Въ такихъ работахъ проходило лѣто 1740 года.

Между тѣмъ, въ октябрѣ произошло внезапное, хотя и несовсѣмъ неожиданное событіе. 5 числа этого мѣсяца императрица, незадолго возвратившаяся въ столицу изъ лѣтняго пребыванія въ Петергофѣ, по своему обыкновенію, въ полдень обѣдала вмѣстѣ съ своимъ неразлучнымъ любимцемъ Бирономъ. Вдругъ съ нею сдѣлался болѣзненный припадокъ — тошнота, головокруженіе, рвота и, наконецъ, лишеніе всѣхъ силъ: она упала безъ сознанія; ее унесли и уложили въ постель. Уже нѣсколько лѣтъ она страдала болѣзнію въ мочевыхъ органахъ, но такихъ припадковъ, какъ теперь, съ нею не бывало. Призваны были врачи: архіатеръ Фишеръ и придворный врачъ Рибейра Санхецъ, португалецъ по происхожденію. Они различно отнеслись къ болѣзни императрицы. Первый внушительно сказалъ, что, вѣроятно, Европѣ скоро придется надѣть трауръ; второй, напротивъ, не признавалъ, чтобы случившійся съ государынею припадокъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Биронъ послалъ своего сына извѣстить о случившемся принцессу Анну. Принцесса не приняла его, а ея фрейлина и любимица Юліана Менгденъ передала ему, что принцесса очень огорчена болѣзнію императрицы и постарается сама навѣстить свою тетку.

Тогда же Биронъ позвалъ оберъ-гофмаршала, графа Левенвольде. „Императрицѣ дурно, — сказалъ онъ: — поѣзжайте скорѣе отъ имени императрицы къ Остерману, сообщите ему, что̀ случилось, и спросите, что̀ онъ посовѣтуетъ намъ дѣлать?“ — „Надобно позвать кабинетъ-министровъ“, — сказалъ Левенвольде и уѣхалъ къ Остерману.

Хитрый дипломатъ когда-то удачно и кстати притворялся больнымъ, когда при воцареніи Анны Ивановны шелъ вопросъ объ ограниченіи самодержавной власти; теперь онъ снова былъ почти въ такомъ же щекотливомъ положеніи, но ему притворяться необходимости не предстояло: онъ уже пять лѣтъ дѣйствительно страдалъ подагрою, съ трудомъ ступалъ на ноги и почти не выходилъ изъ дома.

Отправивши Левенвольда, самъ Биронъ пошелъ къ государынѣ.

Больная пришла въ себя, но была очень слаба.

— Мнѣ дурно, герцогъ, — сказала она: — чуть ли не приходитъ мой послѣдній часъ! Я покорна Божіей волѣ! Но что̀ послѣ меня станетъ съ имперіею — подумать страшно! Мнѣ поставятъ въ вину стеченіе обстоятельствъ, въ какихъ я оставлю Россію!

— Богъ будетъ милостивъ, — сказалъ Биронъ: — не тревожьте себя, государыня, думами о судьбѣ Россіи, потому что всякое волненіе усиливаетъ вашу болѣзнь. Все земное управляется волею Провидѣнія!

— Правда, — сказала государыня: — позовите министровъ и слушайте, что̀ они будутъ говорить!

— Они должны явиться сюда скоро въ ожиданіи куртага, потому что сегодня воскресенье, — сказалъ герцогъ: — какъ только соберутся, мы тотчасъ приступимъ къ совѣщанію.

— Пошлите къ Остерману! — сказала государыня: — дали ли знать принцессѣ?

Биронъ отвѣчалъ, что то и другое сдѣлано. Въ это время вошла въ опочивальню государыни принцесса Анна. Биронъ вышелъ и встрѣтилъ Левенвольда, воротившагося отъ Остермана.

Когда оберъ-гофмаршалъ сообщилъ Остерману о припадкѣ съ государыней, Остерманъ произнесъ: „Боже сохрани ея величество!“ Но когда вслѣдъ затѣмъ Левенвольде спрашивалъ: что̀ дѣлать на случай смерти императрицы, Остерманъ отвѣчалъ: „я думаю, ея величество не измѣнитъ своей прежней воли. Еще до брака принцессы Анны, она объявляла, что желаетъ учинить своимъ наслѣдникомъ сына, когда тотъ родится отъ принцессы Анны. Теперь этотъ сынъ рожденъ. Надобно составить манифестъ, провозглашающій Ивана Антоновича будущимъ императоромъ“.

— Но преемникъ императрицы еще въ колыбели, — сказалъ Левенвольде... — Слѣдуетъ установить правительство до его совершеннолѣтія!

— Я не знаю, — отвѣчалъ Остерманъ: — какая въ томъ будетъ воля ея величества. Но мнѣ кажется, сама природа тутъ указываетъ: у малолѣтняго императора есть мать; она и будетъ правительницею, только при ней надобно будетъ учредить совѣтъ, а въ числѣ членовъ этого верховнаго совѣта можетъ быть герцогъ курляндскій.

Этотъ отвѣтъ не понравился Бирону, когда его передалъ ему Левенвольде. Любимецъ думалъ, что Остерманъ будетъ подогадливѣе и сразу скажетъ, что регентомъ слѣдуетъ назначить его, Бирона. Но дипломатъ хотѣлъ уклониться до поры до времени и выждать, что̀ скажутъ другіе: ему самому не хотѣлось

являться первымъ въ такомъ предпріятіи, которое можетъ и не удаться.

Биронъ, недовольный двусмысленнымъ отвѣтомъ Остермана, произнесъ: „какой совѣтъ можетъ быть тамъ, гдѣ много головъ? У каждой головы своя собственная мысль!“

Его снова позвали къ императрицѣ; онъ сообщилъ ей отвѣтъ Остермана, императрица похвалила Остермана и говорила:

— Я хочу все устроить, что̀ только будетъ зависѣть отъ меня. Остальное — въ волѣ Божіей! Знаю, что оставляю императора-младенца въ грустномъ положеніи. Ни онъ самъ, ни его родители не способны совершить что̀-нибудь. Отецъ — человѣкъ безъ дарованій и не можетъ служить поддержкою малолѣтнему сыну. Мать-принцесса — не глупа, но у нея есть отецъ, герцогъ мекленбургскій — тиранъ своихъ подданныхъ. Онъ явится въ Россію и здѣсь начнетъ поступать такъ, какъ поступалъ въ своемъ мекленбургскомъ владѣніи. Память моя покроется позоромъ! Нѣтъ, ни отецъ, ни мать не годятся, чтобъ государствомъ править!

Биронъ успокоивалъ государыню, но что̀ говорилось у него съ императрицею по вопросу объ управленіи государствомъ во время малолѣтства будущаго императора — это остается неизвѣстнымъ, потому что свидѣтелемъ ихъ тогдашней бесѣды не былъ никто.

Вышедши изъ опочивальни императрицы, любимецъ увидался съ Бестужевымъ, Черкасскимъ и Минихомъ. Неизвѣстно навѣрно, посылалъ ли за ними Биронъ, или они сами явились къ куртагу: тогда при дворѣ сходились вельможи къ государынѣ на куртаги по воскресеньямъ и четвергамъ.

Любимецъ передалъ имъ, что императрица твердо стоитъ на прежней своей волѣ — объявить наслѣдникомъ своимъ сына принцессы Анны, но не считаетъ обоихъ его родителей способными управлять государствомъ. Биронъ просилъ ихъ съѣздить къ Остерману и услышать отъ него мнѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать въ такія критическія минуты.

Князь Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерману, сѣвши вмѣстѣ въ одной каретѣ; Минихъ отправился туда же впереди ихъ въ особомъ экипажѣ. Дорогою Бестужевъ и Черкасскій разговаривали между собою о событіяхъ дня и оба сходились на той мысли, что надобно предложить регентство герцогу курляндскому. Пріѣхавши къ Остерману, они не скоро могли добиться отъ него желательнаго для себя отвѣта. О наслѣдствѣ Ивана Антоновича онъ не пускался въ разсужденія. „Госуда-

рыня, — сказалъ онъ: — назначаетъ своимъ преемникомъ внука, сына своей племянницы, принцессы Анны, а воля самодержавной государыни есть законъ. Итакъ необходимо составить манифестъ объ объявленіи преемникомъ императрицы Анны Ивановны принца Ивана Антоновича и объ учиненіи ему присяги на вѣрность".

Но заговорили о томъ, кому поручить правленіе до совершеннолѣтія будущаго императора, и Остерманъ сказалъ:

— Дай Господи государынѣ моей много лѣтъ здравствовать! Мы сейчасъ напишемъ манифестъ о престолонаслѣдіи, а о регентствѣ — это дѣло другое. Дѣло важное — надобно подумать! Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только природными русскими! Я иноземецъ, и мнѣ такое рѣшеніе не подъ-стать!

Бестужевъ, видя, что Остерманъ отвиливаетъ, сказалъ: „странно, графъ, что вы себя называете иноземцемъ, когда вы такъ долго занимали первую должность въ Россійскомъ государствѣ и правили всѣми государственными дѣлами!.. Вы болѣе русскій, чѣмъ двадцать тысячъ другихъ, называющихъ себя русскими по происхожденію. Мы не за тѣмъ къ вамъ пріѣхали, чтобы навязывать вамъ чужое мнѣніе, а затѣмъ, чтобъ слышать ваше собственное отъ васъ самихъ. Безъ этого намъ и пользы нѣтъ отъ участія въ нашихъ совѣщаніяхъ".

Остерманъ началъ объяснять, что его словъ не поняли и, по своему обыкновенію, вывертывался такъ, что, по неясности способа его выраженія, слушавшіе не могли уразумѣть, что̀ онъ сказать хочетъ. Когда его, какъ говорится, уже приперли къ стѣнкѣ, а онъ долженъ былъ такъ или иначе высказаться, что̀ думаетъ о предоставленіи регентства Бирону, Остерманъ произнесъ, что, по его личному убѣжденію, регентство не должно быть въ болѣе достойныхъ рукахъ, какъ у герцога, и его избраніе въ этотъ санъ было бы самою благоразумною мѣрою. Но тѣмъ и ограничился Остерманъ, всегда въ важныхъ дѣлахъ выражавшійся темно и нерѣшительно. Кабинетъ-министры уѣхали отъ него, не добившись того, за чѣмъ пріѣзжали. Немедленно послѣ ихъ отъѣзда, Остерманъ пригласилъ кабинетъ-секретаря Яковлева и продиктовалъ ему проектъ манифеста о престолонаслѣдіи... Еще этотъ манифестъ не былъ готовъ, какъ изъ дворца уже присылали за нимъ, и Остерманъ принужденъ былъ отослать его написаннымъ вчернѣ.

Воротившись отъ Остермана, кабинетъ-министры явились къ Бирону. Они извѣстили его, что Остерманъ сейчасъ принимается за манифестъ, а о регентствѣ говоритъ, что съ нимъ торопиться

нечего и слѣдуетъ подумать. Пришелъ Левенвольде. Тогда Биронъ произнесъ передъ ними такую рѣчь:

— Великое несчастіе меня постигаетъ, господа. Я теряю государыню благодѣтельницу, которая почтила меня неизмѣримою милостію и довѣренностію. Послѣ нея чего добраго мнѣ ждать здѣсь въ Россіи, кромѣ неблагодарности и ненависти къ себѣ! Но я безпокоюсь не такъ о себѣ, какъ о Россійской имперіи, а я долго, по мѣрѣ силъ своихъ, способствовалъ ея благосостоянію. Наслѣдникъ престола—восьми-недѣльный младенецъ въ колыбели, его назначеніе еще не оглашено и кто знаетъ, какъ отнесется къ нему народъ, который въ прежнія времена бывалъ недоволенъ въ малолѣтство государя! А нынѣ вонъ какія обстоятельства! Шведы не перестаютъ вооружаться и, конечно, воспользуются худымъ положеніемъ Россіи, когда въ ней откроются несогласія и безпорядки. Россіи нужно такое правительство, чтобъ оно умѣло держать народъ въ порядкѣ и обуздывать его.

— Вы слыхали, графъ,—сказалъ онъ, обратившись къ Миниху:—думаютъ устроить у насъ правительство на польскій образецъ, состоящее изъ многихъ лицъ?—Биронъ намекалъ на отвѣтъ Остермана, привезенный Бирону чрезъ Левенвольде.

— Я не слыхалъ!—отвѣчалъ Минихъ.

— Это,—замѣчалъ Бестужевъ,—противно было бы существу россійскаго правительства и духу нашей націи, издавна привыкшей къ единовластію. Опытъ намъ это показалъ достаточно одиннадцать лѣтъ тому назадъ, когда избирали на престолъ государыню Анну Ивановну. Это до того очевидно, что и толковать объ этомъ нечего. Надобно регентство поручить одному лицу. Герцогу курляндскому регентомъ быть!

Тутъ кто-то, кажется, для соблюденія приличія (можетъ быть, и самъ Бестужевъ), произнесъ:—не безпрепятственно ли будетъ со стороны чужихъ государствъ, когда родители его величества будутъ обойдены?

Князь Черкасскій сталъ что-то говорить Левенвольду тихонько, а Левенвольде громко сказалъ:—не шепчитесь, говорите велегласно!

Бестужевъ, въ свою очередь, продолжалъ начатое:

— Родителямъ будущаго императора правленіе поручать нельзя, да и государыня императрица этого не желаетъ! Если дать власть принцу брауншвейгскому, онъ надѣлаетъ большихъ хлопотъ Росссіи. Онъ—племянникъ римскаго императора и шуринъ прусскаго короля. Онъ отдастъ Россію въ волю чужихъ

государствъ, впутаетъ ее въ ихъ взаимныя несогласія и вооружитъ противъ нея многіе имперскіе дворы; а намъ надобно соблюдать со всѣми равное согласіе, отнюдь не вмѣшиваясь въ ихъ домашнія дѣла, до насъ не касающіяся.

— Онъ человѣкъ горячій,—сказалъ кн. Черкасскій: — онъ будетъ стараться сдѣлаться генералиссимусомъ, а получивши полную высшую власть надъ войскомъ, всецѣло отдастся въ диспозицію вѣнскаго двора. Притомъ же, нравъ принца браунвейгскаго намъ неизвѣстенъ, а нравъ герцога курляндскаго мы давно знаемъ!

Левенвольде повторялъ то же.

Бестужевъ продолжалъ:

— Сама принцесса Анна—женщина своенравная, какъ и ея родитель; притомъ у нея нѣтъ достаточныхъ познаній въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, и она совершенно не подготовлена къ тому, чтобъ нести на себѣ тяжелое бремя управленія государствомъ. Нѣтъ никого, кто бы такъ способенъ былъ къ принятію на себя должности регента, какъ герцогъ курляндскій. Онъ благоразуменъ, онъ смѣлъ, неустрашимъ, онъ знаетъ всѣ интересы нашей страны! Надѣюсь, почтенные господа согласятся со мною, что намъ теперь остается просить императрицу поручить послѣ себя до совершеннолѣтія будущаго императора Ивана Антоновича регентство надъ имперіею герцогу курляндскому.

— И я тоже полагаю,—сказалъ кн. Черкасскій.—Его личная польза въ отношеніи собственнаго герцогства связана съ пользою и благоденствіемъ Россіи. Уже ради одного опасенія за свое собственное герцогское владѣніе, находящееся въ распоряженіи Россіи, онъ будетъ стараться о ея государственныхъ дѣлахъ на столько, чтобъ всегда быть въ состояніи дать въ нихъ безукоризненный отчетъ. Мы окажемъ великую услугу нашему отечеству, если начнемъ утруждать герцога нашею общею просьбою, дабы онъ благоволилъ на будущее время обратить свое вниманіе къ попеченію о нашемъ государствѣ.

Фельдмаршалъ Минихъ принялъ сторону товарищей: хотя внутренно онъ Бирона не терпѣлъ, но тутъ горячѣе прочихъ сталъ просить его—принять на себя регентство.—Мы знаемъ,—говорилъ фельдмаршалъ,—превосходныя качества характера вашего, герцогъ. Мы убѣждены, что никто, кромѣ васъ, до такой степени не свѣдущъ во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Россійскаго государства и никто не будетъ принятъ русскою націею съ такимъ восторгомъ,—какъ всѣ министры наши за все время

царствованія императрицы Анны Ивановны привыкли къ вашему образу дѣйствій и никому не станутъ такъ охотно повиноваться, какъ вамъ. А вотъ что говорили о принцѣ брауншвейгскомъ, такъ я скажу: былъ онъ при мнѣ двѣ кампаніи, и я все-таки не узналъ—что онъ такое: рыба ли онъ или мясо!

„Отецъ мой,—замѣчаетъ по этому поводу сынъ фельдмаршала въ своихъ запискахъ,—находился тогда въ такомъ щекотливомъ положеніи, въ какомъ только честный человѣкъ когда-либо очутиться можетъ". Уже давно всѣ привыкли обращаться къ любимцу съ гнусною лестью; императрицѣ это нравилось, напротивъ, всякое невниманіе къ нему она принимала за оскорбленіе самой себѣ. Хотя врачи мало подавали надежды на выздоровленіе императрицы, но изъ нихъ тогда еще никто не рѣшился бы утвердительно сказать, что ея кончина близка. Если жъ бы случилось, что она оправилась отъ своего недуга, то черезъ недѣлю гибель постигла бы того, кто бы дерзнулъ въ то время обращаться съ герцогомъ такъ, какъ требовала справедливость. Примѣръ Волынскаго былъ еще свѣжъ и всѣмъ памятенъ. „Кто взвѣситъ тогдашнія обстоятельства,—продолжаетъ Минихъ-сынъ въ своихъ запискахъ,—тотъ не поставитъ моему родителю въ вину его поступка и не назоветъ его несоотвѣтствующимъ съ здравымъ разсудкомъ".

Герцогъ, выслушавши втайнѣ-желанное для него предложеніе, сказалъ:

— То, что́ я слышу отъ васъ, меня крайне бы изумило, еслибъ я не былъ увѣренъ, господа, что единственнымъ побужденіемъ къ этому была искренняя ко мнѣ любовь и дружественное расположеніе. Но сами разсудите: много ли въ русской публикѣ людей, такъ дружелюбно расположенныхъ ко мнѣ, какъ вы! Всѣ только и твердятъ, что я иноземецъ; благоволеніе императрицы ко мнѣ возбудило противъ меня завистниковъ, и я уже не разъ замѣчалъ съ прискорбіемъ, какъ мои чистѣйшія намѣренія обезображивались гнуснѣйшею клеветою. Что же послѣдуетъ тогда, когда я получу верховную власть? До сихъ поръ императрица защищала меня отъ враговъ, а кто будетъ стоять за меня и оборонять меня, когда не станетъ моей благодѣтельницы? Я такъ богато награжденъ милостями моей государыни, что послѣ нея мнѣ уже ничего не остается желать, какъ только, отказавшись отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, удалиться на родину и жить себѣ тамъ частнымъ человѣкомъ, оставаясь, если позволите, вашимъ неизмѣннымъ другомъ.

— Вы, герцогъ, не имѣете права отвергать предлагаемое

вамъ могущественною націею. Это не человѣческое дѣло; оно совершается по волѣ Божіей! Вы дурно заплатите за тѣ милости, которыми такъ обильно почтила васъ императрица,—говорили другіе.

— Я лучше другихъ знаю свою неспособность! — сказалъ Биронъ.

— А мы думаемъ, герцогъ,—сказалъ Минихъ, —что милліоны людей, осчастливленныхъ вашимъ правленіемъ, будутъ за васъ молить Бога! Ваша свѣтлость, примите весла правленія въ ваши крѣпкія руки, мы же всѣ вамъ искренно преданы и я, какъ прежде былъ, такъ и впредъ пребуду вашимъ вѣрнѣйшимъ слугою!

— Если,—сказалъ наконецъ Биронъ,—меня что-нибудь можетъ принудить къ принятію на себя такого непосильнаго бремени, то развѣ только признательность къ великимъ благодѣяніямъ императрицы, привязанность къ ея высокой фамиліи и усердіе къ славѣ и благоденствію Россійской имперіи; но я не могу на это рѣшиться, какъ только услышавши согласное желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ патріотовъ. Пусть, если угодно, завтра утромъ соберется совѣтъ изъ знатнѣйшихъ особъ, сенаторовъ, генералитета и придворныхъ чиновъ; прежде пусть всѣ признаютъ молодого принца Ивана Антоновича преемникомъ на престолъ государыни Анны Ивановны, а потомъ установятъ правительство до его совершеннолѣтія, пусть только разсудятъ, согласно съ графомъ Остерманомъ, и чрезъ него представятъ императрицѣ.

Герцога тутъ снова позвали къ больной государынѣ, а Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и князя Трубецкого въ другой покой и тамъ всѣ трое стали составлять духовную объ учрежденіи регентства и предположили подать ее къ подписи императрицѣ въ слѣдующее утро. Писалъ ее тотъ же Андрей Яковлевъ, который работалъ у Остермана. Въ этой духовной было постановлено: на случай кончины императрицы и впредь до совершеннолѣтія будущаго государя будетъ управлять въ теченіе семнадцати лѣтъ государствомъ герцогъ курляндскій и во все это время завѣдывать всею сухопутною и морскою силою, распоряжаться государственною казною, стоять во главѣ надъ всѣми государственными учрежденіями, руководить всѣми сношеніями съ иностранными державами и прилагать заботы о воспитаніи молодого императора. На содержаніе регенту опредѣлили ежегодную сумму въ количествѣ 600,000 рублей.

Когда эту духовную составляли, въ другомъ покоѣ, тамъ,

гдѣ оставленъ былъ Минихъ, сошлись другіе вельможи: кн. Куракинъ, адмиралъ Головинъ, гр. Головкинъ, генералъ Ушаковъ. Минихъ всѣхъ этихъ господъ принялся настраивать въ пользу регентства Биронова. Легко было фельдмаршалу всѣхъ ихъ расположить къ этому, потому что каждый изъ нихъ, не питая никакого дружелюбнаго сочувствія въ герцогу курляндскому, руководствовался такими же соображеніями, какъ и уговаривавшій ихъ фельдмаршалъ. Когда духовная была готова, сочинители вышли изъ того покоя, гдѣ ее составляли, и князь Трубецкой прочиталъ ее собравшимся господамъ передъ дверьми царской опочивальни. Всѣ слушали и одобряли; ближе всѣхъ къ чтецу стоялъ кн. Черкасскій.

Утромъ 6-го октября пріѣхалъ во дворецъ Остерманъ. Стараго дипломата внесли во дворецъ въ креслахъ, потому что онъ съ чрезвычайнымъ трудомъ могъ ступать на ноги. Его встрѣтилъ Минихъ и сообщилъ, что уже всѣ вельможи настойчиво упрашивали герцога принять на себя регентство, но герцогъ все колеблется. Дипломатъ, заслыша это, вдругъ измѣнилъ свой вчерашній тонъ; вмѣсто двусмысленныхъ неясныхъ выраженій, онъ, казалось, приходилъ въ восторгъ отъ всеобщаго желанія избрать регентомъ герцога курляндскаго, произнесъ отъ себя совершенное согласіе и прибавилъ, что если герцогъ будетъ еще долѣе упрямиться, то надлежитъ утруждать императрицу просьбами, чтобы она, съ своей стороны, расположила его принять предлагаемое регентство. Такимъ образомъ, Андрей Ивановичъ Остерманъ поступилъ здѣсь какъ искуснѣйшій дипломатъ: онъ не выставился впередъ рьянымъ сторонникомъ Бирона, чтобы не подвергнуться нареканіямъ, еслибы возвышеніе герцога почему-нибудь не состоялось, а теперь безбоязненно объявилъ себя въ его пользу, когда былъ увѣренъ, что между вельможами никто не показываетъ къ герцогу недоброжелательства.

Остермана въ креслахъ внесли въ опочивальню императрицы. Съ нимъ были тамъ князь Черкасскій и Биронъ. Остерманъ представилъ къ подписи государынѣ два акта: одинъ былъ составленъ имъ самимъ, другой Бестужевымъ съ товарищами. Первый, манифестъ о престолонаслѣдіи принца Ивана Антоновича, съ приложеніемъ присяжнаго листа, былъ сразу подписанъ государынею, а другой — она положила себѣ подъ изголовье. Подписывая первый, она спросила Остермана: „кто писалъ это?“ и получила отвѣтъ: „я, вашъ нижайшій рабъ!“ Просмотрѣвши другой, императрица взглянула на Бирона и произнесла: „развѣ тебѣ это нужно?“ Вельможи вышли изъ опочи-

вальпи въ совершенномъ недоумѣніи о судьбѣ второго акта. Относительно перваго акта, императрица хотя безъ возраженія его подписала, но ея сердце предчувствовало, что высокая судьба, которую императрица предопредѣляла младенцу, не будетъ прочною, и послѣ подписанія манифеста императрица говорила, что съ меньшею тревогою подписывала мирный договоръ съ Турціею, чѣмъ этотъ манифестъ.

Биронъ горячо желалъ сдѣлаться регентомъ, но принужденъ былъ обстоятельствами играть въ смиреніе, а его угодники-министры, въ душѣ его не любившіе, продолжали настаивать на своихъ просьбахъ о принятіи имъ регентства. Дни за днями проходили; императрица не показывала ни малѣйшихъ надеждъ къ выздоровленію, напротивъ, все болѣе и болѣе слабѣла, духовной все не подписывала. Потерявши, наконецъ, терпѣніе, угодники герцога курляндскаго прибѣгнули къ такому извороту. Бестужевъ пригласилъ съ собою Бреверна и, при незнаніи послѣднимъ русскаго языка, еще кн. Трубецкаго; вмѣстѣ всѣ трое измыслили составить позитивную декларацію отъ имени сената, генералитета и разныхъ высокихъ чиновъ лицъ, какъ бы вмѣстѣ изображавшихъ собою цвѣтъ русской націи. Въ этомъ актѣ излагалась просьба къ государынѣ о назначеніи послѣ себя регентомъ герцога курляндскаго въ такомъ же смыслѣ, какъ было изложено въ духовной. Минихъ и здѣсь подписался первымъ. „Истинно за тебя вѣрно стоять и яко честный человѣкъ помощь оказывать буду“, сказалъ онъ Бирону. Устроили подписку въ министерскихъ покояхъ. Приглашали духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ первыхъ двухъ ранговъ, вводя въ комнаты по нѣскольку лицъ, какъ будто съ цѣлью избѣжать тѣсноты и замѣшательства. Предполагали распространить эту подписку и на болѣе второстепенныхъ чиновныхъ лицъ, надѣясь, что каждый изъ такихъ, видя, что уже прежде подписались лица чиновъ поважнѣе, не задумается приложить свою руку, выражая согласіе. Подписывавшіеся всѣ руководились такимъ же страхомъ привязанности къ любимцу высочайшей особы, какимъ руководился фельдмаршалъ. Биронъ продолжалъ держать себя не участвующимъ во всемъ, что̀ творилось, и съ притворнымъ любопытствомъ спрашивалъ Бестужева: что это люди идутъ въ кабинетъ? а узнавши, въ чемъ дѣло, спросилъ: оставляется ли каждому поступать по своей волѣ? Бестужевъ отвѣтилъ: да.

Въ то же время дѣлались усилія побудить принцессу Анну и ея супруга присоединиться къ общему желанію. Для воздѣйствія на нихъ избранъ былъ баронъ Менгденъ, отецъ Юліаны

Менгденъ, любимой фрейлины принцессы Анны. Этотъ баронъ, нѣмецъ до мозга костей, всѣмъ своимъ соплеменникамъ при дворѣ внушалъ, что непремѣнно слѣдуетъ Бирона сдѣлать регентомъ для поддержанія власти нѣмцевъ въ Россіи, иначе всѣ нѣмцы пропадутъ отъ злобы къ нимъ русскихъ. На принцессу, однако, онъ не оказалъ большого вліянія. Анна Леопольдовна дала ему такой отвѣтъ: „вы знаете, я и прежде удалялась отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла, а теперь еще менѣе отважусь на какое-нибудь подобное вмѣшательство. Императрица, хотя и находится въ опасномъ положеніи, но, при ея еще не старыхъ лѣтахъ возраста, она еще можетъ выздоровѣть при Божіей помощи. Я ни за что на свѣтѣ не стану безпокоить ее чѣмъ-нибудь такимъ, чтò напоминать ей можетъ о близкой смерти. Когда ея величеству угодно было назначить преемникомъ своимъ моего сына, то, вѣроятно, она сама соизволитъ объявить свою высочайшую волю относительно управленія государствомъ во время его малолѣтства. Я предоставляю это благоусмотрѣнію ея величества“.

Въ самомъ дѣлѣ, Анна Ивановна уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду боялась призрака смерти и даже запретила возить мертвыхъ мимо ея дворца. Принцесса Анна, передавая все это Менгдену, сочла нужнымъ присовокупить, что ей, впрочемъ, непріятнымъ не будетъ, если императрица назначитъ герцога регентомъ или вообще дастъ ему послѣ себя какое-либо участіе въ верховномъ правительствѣ.

Биронъ, всегда близкій къ особѣ императрицы и безпрестанно посѣщавшій больную, сколько разъ ни пытался направить ее къ тому, чтобы она сама изъявила ему желаніе окончить дѣло о регентствѣ, — не достигалъ своей цѣли.

Однажды, по этому поводу, императрица сказала ему: „жаль мнѣ тебя, Биронъ, безъ меня тебѣ не будетъ счастья“. Наконецъ, 16 октября, когда императрицѣ стало очень худо и присутствовавшіе ожидали скорой кончины, ему таки-удалось ввести къ императрицѣ Остермана: не знаемъ подлинно, самъ ли Остерманъ явился или императрица его потребовала. Тутъ она вынула изъ-подъ изголовья духовную и подписала. Тогда Остерманъ и Биронъ вышли изъ царской опочивальни съ торжествующимъ видомъ, и Биронъ воскликнулъ, обращаясь къ своимъ угодникамъ: Господа! вы поступили какъ древніе римляне!

Чтò хотѣлъ сказать этимъ курляндскій герцогъ — мы не знаемъ. Такъ разсказываетъ сынъ фельдмаршала Миниха.

По словамъ самого герцога курляндскаго, въ его запискѣ,

посланной изъ мѣста своей ссылки въ Ярославлѣ императрицѣ Елисаветѣ, дѣло было такъ: Биронъ, вошедши въ опочивальню императрицы, засталъ тамъ Остермана. Государыня держала въ рукахъ духовную и готовилась ее подписывать. Биронъ умолялъ ее не дѣлать этого, представляя, что отказъ государыни подписать этотъ документъ будетъ награжденіемъ за всю многолѣтнюю службу его императрицѣ. Государыня, послушавши любимца, положила бумагу снова подъ изголовье. Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того онъ отклонялъ императрицу отъ исполненія этого замысла. Наконецъ, тринадцать знатнѣйшихъ сановниковъ вошли въ ея опочивальню и подали просьбу, подписанную уже 190 лицами; изъ этой просьбы государыня могла увѣдать о всеобщемъ желаніи видѣть ея любимца регентомъ Россійскаго государства, во время малолѣтства будущаго императора Ивана Антоновича. Тогда императрица Анна Ивановна приказала позвать Остермана и подписала духовную, а подписавши, отдала постоянно находившейся при ея особѣ подполковницѣ Юшковой, которая спрятала этотъ важный документъ въ шкафъ съ драгоцѣнностями.

Въ послѣдующіе затѣмъ часы, здоровье императрицы являлось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. 17 октября, въ пятницу около полудня почувствовала больная, что у нея отнялась нога. Къ ней вошли принцессы Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна. Императрица, будучи еще въ полномъ сознаніи, говорила, прощалась съ ними. Къ вечеру сдѣлались съ нею такіе мучительные припадки, что видѣвшіе ихъ не могли не пожелать, чтобы Богъ скорѣйшею кончиною избавилъ страдалицу отъ такихъ мукъ. Въ девять часовъ явилось придворное духовенство съ пѣвчими. За нимъ вступила въ опочивальню толпа близкихъ къ государынѣ вельможъ. Совершался обрядъ соборованія елеемъ. Императрица, проводя взорами по толпѣ господъ, наполнившихъ комнату, замѣтила Миниха и сказала ему: „прощай, фельдмаршалъ!“ Потомъ, обводя угасавшіе глаза по другимъ и уже не будучи въ силахъ распознать кого-нибудь, она произнесла: „всѣ, прощайте!“ Съ этими словами императрица испустила дыханіе.

По кончинѣ Анны Ивановны ея опочивальня представляла такое зрѣлище. На постели лежалъ еще не остывшій трупъ. Кругомъ ходили близкія къ покойной государынѣ особы. Въ углу въ креслахъ сидѣла принцесса Анна и заливалась слезами. За спинкою кресла ея стоялъ ея супругъ съ нахмуреннымъ видомъ. Биронъ какъ изступленный метался передъ постелью, наконецъ

обратился къ присутствующимъ въ комнатѣ и предложилъ всѣмъ узнать послѣднюю волю императрицы. Подполковница Юшкова объявила, что покойница вручила ей бумагу, лежавшую у нея подъ изголовьемъ, приказала ее хранить въ шкафу, гдѣ сберегались драгоцѣнные уборы, а послѣ ея кончины предъявить для всеобщаго свѣденія. По словамъ императрицы, это была очень важная, по своему содержанію, бумага. Но Юшковой было запрещено сдѣлать кому бы то ни было даже намекъ на существованіе этой бумаги, прежде чѣмъ императрица не скончается. Кромѣ Остермана и Бирона никто не зналъ о подписаніи императрицею духовной, въ которой Биронъ назначался регентомъ. Вельможи, постоянно вращавшіеся при дворѣ, не ясно знали о послѣдней волѣ императрицы. При входѣ въ опочивальню, кн. Куракинъ спросилъ Остермана: кто жъ послѣ государыни будетъ ея преемникомъ на престолѣ? — Принцъ Иванъ Антоновичъ!—отвѣчалъ Остерманъ, но о регентствѣ ни Остерманъ Куракину не говорилъ, ни кн. Куракинъ Остермана не спрашивалъ.

Открытъ былъ указанный Юшковою шкафъ съ брилліантами; достали духовную, освидѣтельствовали цѣлость печати, приложенной на конвертѣ Остерманомъ; открыли конвертъ. Тогда Биронъ учтиво и лукаво обратился къ супругу принцессы Анны и сказалъ ему:

— Не угодно ли, принцъ, слушать послѣднюю волю усопшей императрицы?

Принцъ, молча, подошелъ къ кружку, собравшемуся около князя Трубецкаго; тотъ держалъ въ рукѣ свѣчу и готовился читать бумагу, которой составителемъ былъ самъ вмѣстѣ съ двумя другими. Принцъ выслушалъ духовную, которая, по замѣчанію Миниха-сына, была его приговоромъ, потомъ вмѣстѣ съ супругою удалился въ свои покои, не сказавши никому ни слова.

На другой день, 18 октября въ субботу, утромъ, съѣхались во дворецъ знатнѣйшіе духовные и свѣтскіе сановники, сенаторы, генералы; войска были разставлены подъ ружьемъ у лѣтняго дворца. Объявлено было завѣщаніе императрицы, назначавшее герцога курляндскаго правителемъ имперіи до совершеннолѣтія новаго государя, императора Ивана Антоновича. Всѣ присягали на вѣрность новому императору. Биронъ лично принималъ поздравленія со вступленіемъ въ санъ верховнаго правителя Россійской имперіи. Все было чрезвычайно спокойно. Англичанинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ представителемъ своего правительства, не безъ удивленія замѣтилъ, что все остается спокойнымъ, какъ будто ничего чрезвычайнаго не происходило;

онъ приписываетъ это всеобщему довѣрію русскихъ къ достоинствамъ герцога курляндскаго. Англичанинъ ошибался, какъ иностранецъ, обольщаясь наружною тишиною, не въ силахъ будучи уразумѣть, что то была тишина предъ бурею.

Принцъ и принцесса переѣхали въ зимній дворецъ, куда, разумѣется, перевезли и малолѣтняго императора. Герцогъ оставался въ лѣтнемъ дворцѣ, намѣреваясь не покидать его до погребенія тѣла усопшей государыни. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его, какъ регента, было назначеніе пенсіи въ 200,000 р. принцессѣ брауншвейгской и ея супругу, а цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ 50,000 р. въ годъ. Съ своей стороны сенатъ поднесъ ему титулъ высочества и назначилъ ежегодную пенсію въ 500,000 р. Это казалось очень много, такъ какъ родители царя получали менѣе, а Биронъ не былъ въ нуждѣ: онъ владѣлъ доходами въ четыре милліона съ своихъ имѣній въ Германіи.

Тутъ открывается рядъ доносовъ, а за ними естественно пошли аресты, допросы и пытки. Герцогъ курляндскій сразу увидалъ, что противъ него можетъ подняться сильная партія и его положеніе вовсе не такъ прочно, какъ представляли ему его угодники. Сперва попались двое гвардейскихъ офицеровъ, капитанъ Ханыковъ и поручикъ Аргамаковъ: они возбуждали между товарищами по службѣ и подчиненными недовольство—зачѣмъ герцогъ курляндскій, а не родители императора, облеченъ верховною властію. За ними попался подполковникъ Пустошкинъ. Онъ являлся къ графу Головкину и сообщалъ, что у шляхетства, а преимущественно у офицеровъ, существуетъ желаніе подать челобитную о назначеніи регентомъ вмѣсто герцога курляндскаго принца брауншвейгскаго, родителя государева. Головкинъ былъ еще при жизни императрицы въ дурныхъ отношеніяхъ къ Бирону, это всѣ знали и оттого къ нему обратились. Но Головкинъ въ это время собирался уѣзжать за-границу, не хотѣлъ вмѣшиваться ни въ какія государственныя дѣла, и хотя отнесся очень дружелюбно къ Пустошкину, но совѣтовалъ ему обратиться къ князю Черкасскому. Князь Черкасскій также любезно принялъ Пустошкина, но еще не отпуская изъ своего дома, далъ знать Бестужеву, который немедленно явился самъ къ князю Черкасскому и захватилъ Пустошкина съ товарищами. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда арестуютъ одного или двухъ и начнутъ ихъ спрашивать, то ихъ отвѣты потянутъ еще новыхъ прикосновенныхъ и число обвиняемыхъ и подозрѣваемыхъ увеличивается, какъ снѣговая глыба, когда ее катить по снѣжному пространству. Такимъ образомъ, по показаніямъ

взятыхъ подъ караулъ, взяты были еще секретарь принцессы Анны, Семеновъ, а за нимъ кабинетъ-секретарь Андрей Яковлевъ. Послѣдній въ допросѣ объявилъ, что, переодѣвшись въ дурномъ платьѣ, онъ ходилъ ночью по Невской Перспективѣ и прислушивался къ народнымъ толкамъ. Онъ услыхалъ въ народѣ ропотъ противъ назначенія иноземца Бирона регентомъ государства и желаніе, чтобъ эта важная должность была передана родителямъ императора. Тогда же открылось, что принцъ брауншвейгскій съ удовольствіемъ слушалъ офицеровъ, говорившихъ передъ нимъ, что его слѣдуетъ сдѣлать регентомъ. и съ своей стороны изъявлялъ сомнѣніе въ подлинности завѣщанія покойной императрицы. Обвиненныхъ посадили въ крѣпость въ дурныхъ помѣщеніяхъ и подвергали въ тайной канцеляріи допросамъ и пыткамъ. 22 октября регентъ отправился лично къ принцу Антону-Ульриху. „Вы, принцъ,—говорилъ ему регентъ:—дозволили въ своемъ присутствіи охуждать распоряженія покойной государыни и доказывать, что съ меня слѣдуетъ снять носимый мною санъ регента и передать его вамъ. Вы не остановили такихъ дерзкихъ рѣчей и не изъявили къ нимъ вашего неодобренія. Знаете ли, что́ я вамъ скажу: вы хотя и родитель нашего императора, но вы все-таки его подданный и обязаны ему вѣрностію и повиновеніемъ, наравнѣ съ прочими его подданными. Очень сожалѣю, что, въ качествѣ регента, которому ввѣрено спокойствіе имперіи, я нахожусь въ необходимости напомнить объ этомъ вашему высочеству“.

Внезапное появленіе регента и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ относился къ принцу, поставили послѣдняго втупикъ. Онъ смутился и началъ извиняться.—То была не болѣе какъ болтовня молодежи, которая не могла имѣть никакого важнаго значенія,—сказалъ онъ:—впрочемъ, извините меня: на будущее время я не дозволю имъ доводить меня до слушанія отъ васъ подобныхъ упрековъ.—Отъ принца регентъ отправился къ принцессѣ Аннѣ и ей передалъ то же. „Я ничего не знаю,—сказала принцесса: — ничего не слыхала, но во всякомъ случаѣ не оправдываю такихъ рѣчей!“ Она тотчасъ отправилась съ герцогомъ во дворецъ, гдѣ онъ жилъ, и пробыла съ нимъ часа два, стараясь смягчить непріятное впечатлѣніе, произведенное на него.

На другой день 23 октября принцъ приглашенъ былъ въ нарочно устроенное собраніе знатнѣйшихъ сановниковъ, между которыми были кабинетъ-министры, сенаторы и генералы. Тутъ принцъ брауншвейгскій испыталъ надъ собою въ нѣкоторомъ родѣ верховный судъ. Герцогъ произнесъ передъ собраніемъ

рѣчь, изложилъ всѣ извѣстныя обстоятельства прежняго времени, своего близкаго къ императрицѣ положенія, своего назначенія въ санъ регента, и обратился къ принцу съ такими же упреками, какія высказывалъ ему вчера наединѣ. На принца устремились глаза вельможъ и онъ смутился: на глазахъ его заблистали слезы, но потомъ онъ усиливался сохранить свое достоинство, бодрился и случайно схватился за ефесъ своей шпаги. Биронъ, подмѣтивши это движеніе, сказалъ:—извольте, принцъ, я готовъ и этимъ путемъ объясниться съ вами!— Принцъ сначала отпирался отъ всѣхъ взводимыхъ противъ него обвиненій, но потомъ, вошедши въ паѳосъ, высказалъ, что онъ былъ бы доволенъ, если-бы произошло возстаніе, и онъ получилъ бы тогда власть.

Тогда генералъ Ушаковъ, страшный для всѣхъ, и великихъ, и малыхъ, начальникъ тайной канцеляріи, выступилъ впередъ и сказалъ:

„Принцъ брауншвейгскій! Всѣ справедливо уважаютъ въ васъ родителя нашего императора, но ваши поступки могутъ принудить насъ всѣхъ обращаться съ вами какъ со всякимъ инымъ подданнымъ его величества. Вы еще молоды, принцъ, вамъ только двадцать - шестой годъ отъ роду; вы неопытны и можете легко впасть въ ошибку, но еслибъ вы были въ болѣе пожилыхъ лѣтахъ и способны бы оказались предпринять и привести въ исполненіе намѣреніе, которое привело бы въ смятеніе и подвергло опасности миръ, спокойствіе и благосостояніе этой великой имперіи, то я объявляю вамъ, что, при всемъ моемъ глубокомъ сожалѣніи, я обратилъ бы противъ васъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ вашему сыну и государю, преслѣдованіе со всею строгостью, какъ противъ всякаго другаго подданнаго его величества.

„Я,—продолжалъ герцогъ курляндскій, — имѣю право быть регентомъ государства сообразно документу, данному покойною императрицею, въ подлинности котораго не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; — воля ея величества поставила меня регентомъ и я обязанъ этимъ возвышеніемъ столько же милостямъ ея, сколько и доброму мнѣнію, и довѣренности ко мнѣ достойнѣйшихъ особъ этой страны, здѣсь присутствующихъ. Но ея величество, покойная государыня не лишила меня права сложить съ себя этотъ высокій санъ и я объявляю теперь же, что если это почтенное собраніе найдетъ, что ваше высочество болѣе меня способны занять эту должность, я немедленно вамъ ее уступаю. Если же, напротивъ, пожелаютъ, чтобъ я сохранилъ за собою регентство,

то мои обязанности по отношенію къ покойной государынѣ и къ Россіи заставляютъ меня хранить этотъ залогъ, и я надѣюсь, что съ помощью совѣтовъ особъ, здѣсь присутствующихъ, я исполню долгъ свой согласно съ чувствами моей признательности для пользы великой Россійской Имперіи. Надѣюсь, что эти господа, которые предъ смертію ея величества пожелали возложить на меня правленіе, помогутъ мнѣ и нынѣ сохранить его для пользы и благосостоянія края!" Герцогъ обратился къ Остерману и сказалъ: „Графъ! извольте завѣрить принца, что документъ, который подвергается вопросамъ и въ подлинности котораго возникаютъ сомнѣнія, есть тотъ самый, который былъ поднесенъ покойной императрицѣ".

Остерманъ сдѣлалъ то, что̀ отъ него требовалось, и предложилъ, чтобы всѣ присутствующіе—въ числѣ которыхъ были всѣ, носившіе генеральскіе чины—утвердили этотъ документъ своими подписями и приложеніемъ своихъ печатей, давая тѣмъ ручательство въ его подлинности и обязываясь съ своей стороны поддерживать его содержаніе.

Всѣ безпрекословно исполнили предлагаемое, и принцъ брауншвейгскій былъ въ числѣ приложившихъ свою руку.

Этимъ не ограничились преслѣдованія регента противъ принца брауншвейгскаго. На другое утро послѣ допроса, сдѣланнаго принцу въ собраніи сановниковъ, регентъ послалъ къ нему брата фельдмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Миниха, совѣтовать ему подать въ отставку отъ должности генералъ-поручика и отъ чина подполковника гвардіи и это будетъ служить залогомъ, что принцъ не будетъ предпринимать ничего, что̀ можетъ произвести волненіе. Антонъ-Ульрихъ безропотно согласился. Ему тутъ же подали заранѣе изготовленную просьбу объ отставкѣ. Онъ подписалъ ее. Между тѣмъ, герцогъ курляндскій написалъ по-нѣмецки вчерашнюю рѣчь свою и бесѣду съ принцемъ, а Бревернъ перевелъ это по-русски, и въ переводѣ это было читано предъ тѣмъ же собраніемъ сановниковъ. Въ это время вошелъ принцъ и сказалъ:

— Господа! я намѣренъ сложить съ себя мои служебныя должности и пришелъ объявить вамъ объ этомъ.

Биронъ отвѣчалъ:

— Не я возлагалъ на васъ ваши должности, и не вижу, какихъ должностей могу лишить васъ. Въ настоящее время не въ должностяхъ и званіяхъ суть дѣла, а въ спокойствіи государства. Вамъ, принцъ, было бы полезно нѣсколько дней оставаться въ своемъ домѣ, никуда не показываясь: опасно, чтобъ

народъ, раздраженный за множество изъ-за васъ истязанныхъ людей, не отважился бы сдѣлать чего-нибудь непристойнаго вашей высокой особѣ.

Принцъ не противился, покорился приговору о своемъ домашнемъ арестѣ, порицалъ тѣхъ, кто ввелъ его въ заблужденіе, и давалъ обѣщаніе не дѣлать ничего, чтó бы побуждало усматривать въ его дѣйствіяхъ покушенія на захватъ верховной власти.

Съ тѣхъ поръ ежедневно всѣ только того и ожидали, что регентъ выгонитъ принца съ принцессою за границу или—что еще хуже—зашлетъ ихъ въ какое-нибудь отдаленное мѣсто.

И прежде зазнавался въ своемъ величіи герцогъ курляндскій, теперь онъ воображалъ себя на непоколебимой высотѣ славы и чести. И прежде высокомѣрный и заносчивый, теперь онъ уже не зналъ никого себѣ въ уровень и сталъ обращаться неуважительно какъ съ принцессою, такъ и съ особами, содѣйствовавшими его возвышенію. Тогда какъ въ завѣщаніи императрицы ему вмѣнялось въ непремѣнную обязанность оказывать принцессѣ Аннѣ и ея супругу почтительность, онъ дозволялъ себѣ такое грубое съ ними обращеніе, что принцесса трепетала, какъ только видѣла, что къ ней входитъ Биронъ. Герцогъ, соображая, откуда можетъ угрожать ему опасность, старался тогда поддѣлаться къ принцессѣ Елисаветѣ, такъ какъ званіе единственной дочери Петра Великаго, для всей Россіи незабвеннаго, сильно располагало умы и чувства русскихъ въ ея пользу. Герцогъ курляндскій нерѣдко ѣздилъ къ ней въ ея особый дворецъ, бесѣдовалъ съ нею, старался показывать къ ней изысканные знаки вниманія. Назначеніе этой дочери Петра Великаго ежегодной пенсіи въ пятьдесятъ тысячъ было всѣми встрѣчено очень одобрительно, и если являлись голоса, не хвалившіе этого поступка, то развѣ въ такомъ смыслѣ, что назначено было немного. Когда баронесса Менгденъ сообщила герцогу, въ видѣ предостереженія, что цесаревна показываетъ всѣмъ портретъ своего племянника, сына герцога голштинскаго, котораго многіе давно уже, какъ прямого внука Петра Великаго, считали прямымъ наслѣдникомъ русскаго престола, герцогъ курляндскій на это отвѣчалъ: „Каждый воленъ цѣнить портреты своихъ родныхъ, нельзя лишать этого права одну цесаревну!“ а когда фельдмаршалъ Минихъ сообщилъ герцогу, что по сдѣланнымъ наблюденіямъ камеръ-юнкеры цесаревны что-то часто ходятъ въ домъ французскаго посланника, регентъ отвѣчалъ, что цесаревна не затѣетъ ничего, сообразно всѣмъ извѣстному своему характеру, а еслибъ захотѣла, то не нужно ей содѣйствія чужихъ послан-

никовъ: за нее пошелъ бы весь народъ, и знатные, и простые.— „Не знаю,—отвѣчалъ фельдмаршалъ:—насколько преданъ народъ цесаревнѣ, но войско, какъ никогда, предано престолу, особенно когда престолонаслѣдіе упрочено въ мужской линіи“. По извѣстіямъ современниковъ, у Бирона роилось тогда честолюбивое помышленіе—измѣнить возведенному въ особѣ младенца брауншвейгскому дому, женить собственнаго сына Петра на Елисаветѣ, провозгласить послѣднюю императрицею и, такимъ образомъ, собственному потомству проложить дорогу къ престолу. И прежде, при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, у него была мысль женить сына своего на принцессѣ Аннѣ—это не удалось, потому что принцесса Анна не терпѣла Биронова сына; теперь онъ простиралъ виды на Елисавету, но и съ нею, во всякомъ случаѣ, не удалось бы ему. Тѣмъ не менѣе извѣстіе это, судя по безмѣрному честолюбію этого человѣка, очень правдоподобно. А принцессу Анну не терпѣлъ онъ именно за крайнее невниманіе къ его сыну, въ то время, когда она была еще дѣвицею. и теперь онъ обращался съ нею до того безцеремонно, что, разсердившись на ея супруга, онъ не затруднился сказать ей, что, если оба они станутъ причинять ему досады, то онъ призоветъ принца голштинскаго. Такія же угрозы произносилъ онъ и предъ другими лицами.

Однажды, 7 ноября, Минихъ явился къ принцессѣ Аннѣ и нашелъ ее въ чрезвычайно грустномъ настроеніи духа.

— Я не въ силахъ болѣе терпѣть безпрестанныхъ огорченій отъ герцога регента—сказала она,—мнѣ остается уйти съ мужемъ и съ сыномъ за границу. Пока герцогъ будетъ регентомъ, ясныхъ дней не видать намъ въ Россіи.

Минихъ отвѣчалъ:

— Ваше императорское высочество, и мнѣ кажется, вамъ немного добраго ожидать можно отъ герцога, но вы не падайте духомъ, положитесь на меня. Я готовъ защищать васъ.

— Вы, фельдмаршалъ,—сказала Анна,—можете употребить ваше вліяніе на регента, я прошу только, чтобы мнѣ не препятствовали взять моихъ малютокъ съ собою. Это избавитъ ихъ отъ опасностей въ рукахъ человѣка, смертельнаго врага ихъ родителей. Я знаю, какая судьба иногда постигаетъ государей въ Россіи!

— Вы никому не говорили подобнаго ничего? — спросилъ фельдмаршалъ.

— Никому!—отвѣчала принцесса.

— Такъ положитесь во всемъ на меня,—сказалъ Минихъ,—

Биронъ не васъ однихъ вооружилъ противъ себя. Вся Россія страшится, что за семнадцать лѣтъ своего регентства, онъ успѣетъ признать настоящаго императора неспособнымъ и отстранитъ его отъ престола, а въ духовной покойной императрицы ему предоставлено, въ случаѣ кончины императора до его совершеннолѣтія, избрать иного сукцессора. Но еслибъ и до того не дошло, то, распоряжаясь семнадцать лѣтъ сряду во время своего регентства государственною казною, онъ успѣетъ разорить всю Россію, переводя ея деньги на свои курляндскія владѣнія. Я лично находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ герцогомъ и обязанъ ему за многое признательностію, но благо государства всего выше для меня. Я заглушу въ себѣ всѣ дружескія чувства къ герцогу и раздѣлаюсь съ нимъ.

— Но если, фельдмаршалъ, это предпріятіе не удастся, вы подвергнете непріятностямъ ваше собственное семейство!—сказала принцесса.

— Можетъ ли быть рѣчь о семействѣ, когда идетъ дѣло о службѣ государю и о спокойствіи отечества?—отвѣчалъ Минихъ.

Тогда Минихъ далъ слово принцессѣ избавить ее отъ регента, но не открылъ вполнѣ своего плана, увѣривши принцессу только, что это совершится въ самомъ скоромъ времени. По наставленію фельдмаршала, принцесса въ неясныхъ выраженіяхъ передала его обѣщаніе супругу своему и, по ея настоянію, послѣдній отправился къ герцогу съ визитомъ въ лѣтній дворецъ. Принцъ вмѣстѣ съ герцогомъ съѣздили въ зимній дворецъ, посѣтили маленькаго императора; регентъ отдалъ обычный поклонъ принцессѣ Аннѣ, потомъ оба, герцогъ и принцъ, поѣхали въ манежъ, находившійся отъ дворца неподалеку. Оттуда принцъ воротился къ себѣ, а герцогъ заѣхалъ къ своему брату Густаву, а отъ него поспѣшилъ въ лѣтній дворецъ, такъ какъ въ этотъ день онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать семейства Миниховъ и Менгденовъ. Воротившись домой съ своей утренней поѣздки, регентъ замѣтилъ, что въ тотъ день на улицахъ мало встрѣчалъ онъ людей, и тѣ, которые ходили по улицамъ, почему-то казались ему скучными, какъ будто они чѣмъ-то недовольны. Это высказалъ хозяинъ за обѣдомъ своимъ гостямъ. Это, — сказалъ онъ, — видно происходитъ оттого, что всѣ недовольны поведеніемъ принца брауншвейгскаго!—Нѣтъ,—возразили ему гости,—очень легко случилось, что вамъ показались грустными физіономіи тѣхъ, которыхъ вы встрѣчали: это — всеобщая скорбь о недавней кончинѣ ея императорскаго величества!

Весь обѣдъ регентъ былъ какъ-то задумчивъ и молчаливъ;

фельдмаршалу приходило невольно въ голову подозрѣніе: ужъ не догадывается ли онъ о чемъ-то?

Тотчасъ вставши изъ-за стола, Минихъ уѣхалъ, оставя у герцога свое семейство. Фельдмаршалъ, заѣхавши къ себѣ на короткое время, отправился къ вечеру къ принцессѣ Аннѣ.

Тутъ Минихъ, утромъ только намекнувши принцессѣ, что онъ какъ-то избавитъ ее отъ ненавистнаго герцога курляндскаго, теперь откровенно сказалъ, что онъ намѣренъ въ слѣдующую же ночь арестовать регента и доставить его за карауломъ въ ея распоряженіе.

Принцесса благодарила фельдмаршала.

— Но только чтобъ офицеры и солдаты, которымъ я поручу это дѣло, шли бодро, нужно, чтобъ ваше высочество лично почтили ихъ своимъ присутствіемъ,—сказалъ фельдмаршалъ.

Принцесса на это предпріятіе идти сама не рѣшалась.

— Ну хорошо,—сказалъ фельдмаршалъ,—вы сами не поѣдете, только ночью я пріѣду къ вашему высочеству и возьму изъ вашего дворцоваго караула команду для арестованія герцога.

— Я отдаюсь въ вашу волю, — сказала, наконецъ, принцесса, — въ вашихъ рукахъ судьба и моего супруга, и моего ребенка... да руководитъ вами Провидѣніе и да сохранитъ насъ всѣхъ!

Между тѣмъ жена Минихова сына, не знавшая ничего о томъ, чтб затѣвалось, сидѣла у герцогини курляндской, и герцогъ просилъ ее передать своему свекру, что какъ только совершится погребеніе тѣла императрицы, герцогъ сдѣлаетъ распоряженіе о выдачѣ фельдмаршалу *нарочитой* суммы для уплаты его долговъ. Съ этой вѣстію невѣстка воротилась домой, и думая, что ея свекоръ уже легъ почивать, оставила до утра передачу ему порученнаго отъ герцога. Такъ повѣствуетъ сынъ Миниха. По его разсказу, фельдмаршалъ пробылъ дома до двухъ часовъ ночи и въ это время поѣхалъ въ зимній дворецъ съ своимъ главнымъ адъютантомъ, подполковникомъ Манштейномъ.

Но по другимъ извѣстіямъ, фельдмаршалъ отъ принцессы, вмѣстѣ съ Левенвольдомъ, отправился къ Бирону, такъ какъ онъ обѣщалъ послѣднему, прощаясь съ нимъ послѣ обѣда, пріѣхать къ нему ужинать.

Во время ужина герцогъ, точно также, какъ и за обѣдомъ, былъ задумчивъ и какъ будто чѣмъ-то озабоченъ. Разговоръ вертѣлся около событій текущаго времени. Вдругъ регентъ, какъ человѣкъ разсѣянный, перескакивающій въ бесѣдахъ съ одного предмета на другой, безъ всякой видимой связи между

этими предметами, сдѣлалъ Миниху такой вопросъ: „фельдмаршалъ! вамъ случалось во время вашихъ походовъ предпринимать что-нибудь важное ночью“? Фельдмаршалъ смѣшался; вопросъ былъ очень неожиданъ и такъ близко содержалъ въ себѣ какъ будто намекъ на то, что́ собирался дѣлать фельдмаршалъ. Однако Минихъ поборолъ свое невольное замѣшательство и сказалъ: „сразу теперь не вспомнишь, чтобы мнѣ приходилось предпринимать что-нибудь необыкновенное въ ночное время, но у меня постоянно было правиломъ, пользоваться всѣми обстоятельствами, когда они кажутся благопріятными“.

Въ 11 часовъ друзья разстались. Фельдмаршалъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ, часа черезъ два или три, раздѣлаться съ Бирономъ и лишить его регентства, а у Бирона, по увѣренію современниковъ, уже вполнѣ созрѣла мысль—пожертвовать брауншвейгскою династіею, доставить такъ или иначе престолъ потомству Петра Великаго, и черезъ эту услугу новой царственной вѣтви опять утвердить свое могущество въ Россіи, нѣкогда поднятое милостію покойной Анны Ивановны и въ последнее время опускавшееся отъ всеобщей нелюбви къ нѣмцу-временщику. Герцогъ разсчитывалъ произвести такую перемѣну при похоронахъ императрицы; но это провѣдали враги его и предупредили его замыслы. Фельдмаршалъ Минихъ, по замѣчанію его адъютанта, былъ увѣренъ, что если онъ не низложитъ регента, то послѣдній сошлетъ его въ Сибирь. Такимъ образомъ, Минихъ въ этомъ дѣлѣ спасалъ, какъ говорится, собственную шкуру.

Въ два часа по полуночи явился къ фельдмаршалу, по его приказанію, его главный адъютантъ, подполковникъ Манштейнъ. Оба сѣли въ карету и поѣхали въ Зимній дворецъ. Они въѣхали въ заднія ворота, которыя, по приказанію принцессы, оставлены были нарочно не запертыми. Оттуда былъ прямой путь въ покои принцессы Анны. Фельдмаршалъ съ адъютантомъ прошелъ черезъ гардеробную и встрѣтилъ любимую фрейлину принцессы, Юліану Менгденъ. Принцесса легла спать, а Юліана должна была дожидаться пріѣзда Миниха и разбудить ее, когда тотъ явится. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ фельдмаршаломъ, Юліана пошла будить принцессу, которая спала со своимъ супругомъ. Какъ ни старалась Юліана незамѣтно для принца поднять принцессу, но не могла этого сдѣлать. Принцъ, ничего не знавшій, проснулся, но принцесса сказала ему, что ей что-то занемоглось, и что она тотчасъ воротится. Она вышла къ Миниху.

— Ну вотъ,—произнесъ фельдмаршалъ, — пришла настоящая пора совершить задуманное дѣло, но я рѣшаюсь вторично просить ваше высочество ѣхать вмѣстѣ со мною.

— Ни за что, ни подъ какимъ видомъ! — возопила принцесса Анна и осталась въ своемъ упрямствѣ, какъ ни уговаривалъ ее фельдмаршалъ.

— По крайней мѣрѣ,—сказалъ онъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ убѣжденій ѣхать съ нимъ,—позвольте позвать къ вамъ на верхъ караульныхъ офицеровъ, извольте лично объявить имъ, что это предпринимается съ вашего желанія! Сдѣлайте имъ отъ себя увѣщаніе, чтобъ они вѣрно во всемъ поступали!

Принцесса на это согласилась. Позвали офицеровъ, державшихъ тогда караулъ во дворцѣ.

— Господа офицеры! — сказала принцесса Анна,—я надѣюсь на васъ, какъ на честныхъ и вѣрныхъ людей; не отрекитесь оказать услугу малолѣтнему императору и его родителямъ. Всѣмъ извѣстны насильства, чинимыя надо мною и надъ моимъ супругомъ отъ герцога курляндскаго; мнѣ нельзя, мнѣ стыдно терпѣть отъ него оскорбленія. Я поручила фельдмаршалу арестовать его. Храбрые офицеры, повинуйтесь вашему генералу!

Всѣ офицеры въ одинъ голосъ закричали, что готовы слушаться приказаній своего командира. Принцесса обняла Миниха, допустила каждаго изъ офицеровъ поцѣловать ея руку. — Желаю вамъ, господа, благополучнаго успѣха!—произнесла принцесса Анна, провожая офицеровъ съ фельдмаршаломъ.

Фельдмаршалъ съ офицерами вошелъ въ кордегардію, отобралъ себѣ тамъ, по одному извѣстію—тридцать, по другому [1]) —восемьдесятъ человѣкъ, оставивши при знамени сорокъ, и съ отобранными отправился къ лѣтнему дворцу. Герцогъ, оставаясь въ Лѣтнемъ дворцѣ до погребенія тѣла императрицы, окружилъ себя стражею изъ трехъ-сотъ человѣкъ гвардейцевъ, которые по своему количеству въ состояніи были оградить его отъ всякихъ могущихъ быть покушеній на его ненавистную для многихъ особу, но Минихъ заранѣе узналъ, что въ тотъ день, кокоторый онъ избралъ для покушенія, этотъ караулъ состоялъ изъ солдатъ преображенскаго полка; Минихъ самъ былъ этого полка подполковникомъ и надѣялся, что охранители герцога поступятъ по волѣ своего прямого командира. Фельдмаршалъ остановился съ своимъ отрядомъ шаговъ за двѣсти отъ Лѣтняго дворца и послалъ Манштейна впередъ къ офицерамъ, стоявшимъ на

---

[1]) Записки Миниха-сына, стр. 205—207; записки Манштейна, стр. 199.

караулѣ у Лѣтняго дворца, объявить имъ предписаніе принцессы Анны и позвать къ нему капитана съ двумя офицерами. Капитанъ и офицеры, выслушавши рѣчь Манштейна, явились тотчасъ къ Миниху, какъ къ подполковнику своего полка, и дали ему слово, что ни одинъ караульный не пошевелится въ защиту герцога, напротивъ готовы сами помочь схватить его. — Вы меня знаете,— говорилъ имъ фельдмаршалъ: я много разъ несъ жизнь свою въ жертву за отечество, и вы славно слѣдовали за мною. Теперь послужимъ нашему государю и уничтожимъ, въ особѣ регента, — вора, измѣнника, похитившаго верховную власть! Тогда фельдмаршалъ приказалъ Манштейну идти, по однимъ извѣстіямъ, съ двѣнадцатью, по другимъ съ двадцатью гренадерами [1]), во дворецъ, взять Бирона и доставить къ нему арестованнымъ, позволяя, въ случаѣ крайняго сопротивленія, и убить его.

Манштейнъ прошелъ черезъ садъ; часовые пропустили его безъ сопротивленія и онъ достигъ до покоевъ; въ переднихъ комнатахъ нѣкоторые изъ прислуги знали его лично и теперь узнали, но не стали останавливать, думая, что онъ идетъ зачѣмъ-нибудь по приказанію герцога. Не зная, въ какой именно комнатѣ спитъ герцогъ, Манштейнъ не рѣшался спрашивать объ этомъ ни солдатъ, разставленныхъ на караулѣ, ни служителей, и, прошедши двѣ или три комнаты, наткнулся на комнату, запертую на ключъ; онъ хотѣлъ-было ломать двери, догадываясь, что тутъ, вѣроятно, спальня герцога; но ломать двери не оказалось надобности. Служители забыли задвинуть верхнюю и нижнюю задвижку,—двери можно было распахнуть безъ особенныхъ усилій. Манштейнъ очутился въ большой комнатѣ, посрединѣ которой стояла двухспальная кровать: на ней лежали Биронъ съ своею супругою. Оба такъ крѣпко спали, что не услыхали, какъ вошли къ нимъ. Манштейнъ зашелъ съ той стороны кровати, гдѣ лежала герцогиня, отдернулъ занавѣсъ и громко сказалъ, что у него есть крайне важное дѣло до герцога.

Пробудившіеся внезапно супруги сразу поняли, что совершается что-то недоброе и стали кричать изо всей мочи. Герцогъ соскочилъ съ постели и въ-попыхахъ, самъ не зная куда уйти, хотѣлъ спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ обѣжалъ кровать, схватилъ герцога, что было силы, и сталъ звать стоявшихъ за дверью своихъ гренадеровъ. Явились гренадеры. Биронъ, успѣвши стать на ноги, махалъ кулаками на всѣ стороны

---

[1]) Тамъ же.

вправо и влѣво, не даваясь въ руки, а самъ кричалъ во все горло, но гренадеры прикладами ружей повалили его на землю, вложили ему въ ротъ платокъ, связали офицерскимъ шарфомъ руки и ноги, и понесли его вонъ изъ спальни полунагого, а вынесши, накрыли солдатскою шинелью, и въ такомъ видѣ унесли въ ожидавшую уже у воротъ карету фельдмаршала. Рядомъ съ нимъ сѣлъ офицеръ.

Герцогиня въ одной рубашкѣ побѣжала за связаннымъ супругомъ и выскочила на улицу. Одинъ солдатъ схватилъ ее на руки и спрашивалъ Манштейна: что̀ прикажетъ съ нею дѣлать? — Отведи ее назадъ въ покои,—отвѣчалъ Манштейнъ. Но солдатъ не взялъ на себя труда таскаться съ такою ношею и бросилъ ее на снѣгъ. Караульный капитанъ, замѣтившій ее въ такомъ видѣ, приказалъ принести ей платье, дать надѣть и отвести обратно въ покои, которые она занимала.

Герцога повезли въ Зимній дворецъ въ каретѣ фельдмаршала. Мы не знаемъ, съ нимъ ли ѣхалъ тогда самъ фельдмаршалъ и видѣлся ли онъ съ нимъ въ это время? Манштейнъ, между тѣмъ, по приказанію фельдмаршала, отправился арестовать брата герцогова, генерала Бирона, Густава, но съ нимъ труднѣе оказалось справляться. Онъ командовалъ измайловскимъ гвардейскимъ полкомъ и былъ любимъ солдатами. На караулѣ у него въ жилищѣ на Милліонной улицѣ былъ сержантъ съ двѣнадцатью солдатами измайловскаго полка. Они пытались-было защищать своего подполковника. Но гренадеры Манштейна заставили ихъ смириться, угрожая всѣхъ перебить, если станутъ сопротивляться. Манштейнъ вошелъ въ спальню Густава Бирона, разбудилъ его, сказавши, что присланъ объявить ему что-то очень важное. Онъ отвелъ его къ окну и сказалъ, что является арестовать его.

Густавъ Биронъ пытался-было отворить окно и кликнуть караулъ, но Манштейнъ сказалъ ему:—это будетъ напрасно; герцогъ уже арестованъ и сами вы погибните, если задумаете противиться! — Съ этими словами онъ позвалъ солдатъ своихъ, остававшихся въ передней комнатѣ. — Ничего вамъ не остается какъ только покориться! — Густавъ надѣлъ поданную ему шубу, сѣлъ въ сани и его повезли туда же, гдѣ уже былъ его братъ.

Другой адъютантъ фельдмаршала, Кенигфельсъ, догнавшій Миниха тогда, когда онъ уже возвращался съ плѣннымъ Бирономъ, получилъ отъ него приказъ арестовать Бестужева. Когда посланный явился къ послѣднему, Бестужеву почему-то показалось, что это Биронъ послалъ за что-то арестовать его, и

спросилъ Кенигфельса:—Что за причина немилости ко мнѣ герцога?—Такъ Бестужевъ, хотя долго казался другомъ Бирона, но довѣрялъ ему очень мало.

Въ то время, когда въ Лѣтнемъ дворцѣ совершалось роковое событіе надъ герцогомъ курляндскимъ, въ Зимнемъ дворцѣ происходило слѣдующее. Сынъ Миниха, бывшій въ званіи камергера, дежурилъ въ передней передъ спальнею маленькаго императора. Молодой Минихъ задремалъ и, проснувшись, увидалъ, что на кровати у него въ ногахъ сидитъ принцесса Анна.

— Что съ вами, принцесса?—сказалъ Минихъ, замѣтивши на лицѣ принцессы безпокойство и волненіе.

— Мой любезный Минихъ,—сказала принцесса трепещущимъ голосомъ:—знаешь ли, что предпринялъ твой отецъ? Въ эту ночь онъ отправился арестовать регента. Дай только Богъ, чтобъ это благополучно окончилось!

— И я того же желаю,—сказалъ Минихъ:—но вы, принцесса, не тревожьтесь: мой отецъ, конечно, принялъ надежныя мѣры.

Тутъ вошла Юліана Менгденъ, и принцесса Анна съ нею пошла въ спальню малолѣтняго императора, а Минихъ сталъ одѣваться. Чрезъ нѣсколько минутъ вошла снова принцесса съ своимъ супругомъ; уже теперь, наконецъ, она ему открылась, а до того времени не считала нужнымъ дѣлать его соучастникомъ задуманнаго замысла.

Съ невыразимымъ нетерпѣніемъ ждали всѣ они вѣсти, чѣмъ кончится предпріятіе, постоянно колеблясь между страхомъ и надеждою, наконецъ, послышался шумъ, стукъ экипажей, голоса солдатъ, и къ принцессѣ съ ея обществомъ вошелъ торжествующій фельдмаршалъ Минихъ.

Арестованныхъ особъ—герцога курляндскаго, его брата и Бестужева—посадили за карауломъ въ трехъ особыхъ комнаталъ, расположенныхъ одна возлѣ другой.

Послали въ Москву курьера съ приказаніемъ арестовать другого герцогова брата, Карла Бирона, а другого курьера въ Ригу вытребовать оттуда герцогова зятя, генерала Бисмарка, бывшаго тамъ генералъ-губернаторомъ Лифляндіи. Послѣдній поѣхалъ-было въ Петербургъ, но на дорогѣ его арестовали въ Нарвѣ.

Тотчасъ послѣ арестованія герцога былъ составленъ манифестъ о случившемся и на разсвѣтѣ обнародованъ по всей столицѣ.

Именемъ императора позвали во дворецъ Остермана. Но Остерманъ объявилъ, что онъ боленъ и не въ силахъ ѣхать. Принцесса, зная, что Остерманъ всегда болѣетъ, когда совер-

шается какой-нибудь переворотъ въ правительствѣ, шутила тогда, получивши извѣстіе, что Андрей Ивановичъ по болѣзни не можетъ исполнить волю принцессы.

Тогда Минихъ позвалъ Стрешнева, брата жены Остермана, и послалъ его къ Остерману.—Сообщите ему,—поручилъ Стрешневу Минихъ, — такіе признаки, которые бы заставили графа Остермана сдѣлать надъ своею болѣзнію усиліе и прибыть къ намъ сюда.—Стрешневъ передалъ это Остерману и присовокупилъ, что собственными глазами видѣлъ арестованнаго Бирона въ караульной Зимняго дворца. Это произвело чудесное дѣйствіе. Остерманъ немедленно явился во дворецъ. Недавно еще льстившій Бирону, теперь онъ восхвалялъ подвигъ, совершонный Минихомъ, и приносилъ поздравленія принцессѣ Аннѣ съ освобожденіемъ отъ тираніи герцога курляндскаго. Замѣчательно, что многіе изъ современниковъ не хотѣли вѣрить, чтобъ Остерманъ заранѣе не зналъ того, что̀ совершилось съ регентомъ. Французскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-ля-Шетарди, описавши арестъ Бирона, говоритъ въ своей допешѣ: „болѣзнь графа Остермана сильно, если я не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда, и вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана“. Но не только иностранцы, и природные русскіе, особенно такіе, что не находились слишкомъ близко къ совершавшимся событіямъ, приписывали гр. Остерману главнымъ образомъ сверженіе Бирона. Румянцевъ, находившійся посломъ въ Константинополѣ, получивши извѣстіе о сверженіи Бирона, писалъ Остерману: „не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возъимѣли, вѣдая, что то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено“. Съѣхались во дворецъ всѣ знатнѣйшіе чины. Принцесса Анна безъ противорѣчій провозглашена была правительницею государства на время малолѣтства императора до его совершеннолѣтія. Это казалось всѣмъ въ порядкѣ вещей; недаромъ назначеніе регентомъ герцога курляндскаго такъ всѣми не одобрялось и большинство русскихъ находило, что всего приличнѣе, за несовершеннолѣтіемъ государя, управлять его родителямъ, а не постороннему человѣку. Посыпались награды и повышенія. Принцъ Антонъ-Ульрихъ сдѣлался генералиссимусомъ. Это званіе надлежало получить Миниху; но фельдмаршалъ, по совѣту сына, уступилъ эту честь родителю императора, и самъ получилъ званіе перваго министра; хотя оно

было уже второе въ имперіи послѣ генералиссимуса, но Минихъ могъ съ этого мѣста управлять всею Россіею. Къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ, приходилось ему столкнуться съ Остерманомъ, который, столько времени заправляя дипломатическими дѣлами, считалъ, что мѣсто перваго министра подобаетъ не кому иному, какъ только ему. Остерману въ утѣшеніе дали санъ главнаго адмирала. Но Остерманъ этимъ не утѣшился: этотъ человѣкъ не любилъ совмѣстника въ управленіи дѣлами Россіи и не мирился съ мыслію быть на второмъ или третьемъ, а не на первомъ мѣстѣ. Онъ чувствовалъ себя какъ бы обезчещеннымъ и, по замѣчанію французскаго посланника, могъ выйти изъ такого положенія только посредствомъ паденія Миниха. Князь Алексѣй Черкасскій получилъ санъ великаго канцлера, Михаилъ Головкинъ —вице-канцлера, другіе вельможи были награждены денежными пособіями и Андреевскимъ орденомъ. Всѣ награды расписывалъ Минихъ съ своимъ сыномъ и представилъ принцессѣ Аннѣ, которая утвердила все безъ противорѣчія; даже любимица Анны Леопольдовны, Юліана Менгденъ, не оставлена была безъ гостинцевъ по поводу счастливаго событія: ей подарены были кафтаны герцога курляндскаго и его сына Петра, разшитые золотомъ. Юліана сорвала золотые позументы и отдала на выжигу, потомъ изъ этого сдѣлано было нѣсколько дорогой посуды. Но этимъ не ограничилась щедрость правительницы: Юліанѣ подарена была мыза подлѣ Дерпта и нѣсколько разъ получала она въ даръ единовременно по нѣсколько тысячъ.

Послѣ объявленія наградъ, въ этотъ же день, 9 ноября, въ закрытыхъ придворныхъ каретахъ, носившихъ названіе спальныхъ (Schlafwagen), отправлены были въ Шлиссельбургъ въ заточеніе герцогъ курляндскій, братъ его Густавъ и Бестужевъ. Герцогъ ѣхалъ съ полицейскимъ служителемъ и съ почтальономъ въ царской ливреѣ. На козлахъ сидѣли докторъ и два офицера, каждый съ парою заряженныхъ пистолетовъ; впереди и позади кареты были размѣщены гвардейскіе солдаты съ ружьями, въ которыхъ были примкнуты штыки. Герцогъ сидѣлъ одѣтый въ халатѣ, а сверхъ халата былъ плащъ, подбитый горностаевымъ мѣхомъ. На головѣ у него была шапка, покрывавшая часть лица. Народъ, провожая его, издѣвался надъ нимъ и кричалъ: раскройся, покажись, не прячься!—Изъ оконъ Зимняго дворца смотрѣла на этотъ поѣздъ принцесса Анна, и видя своего врага униженнымъ, прослезилась:—Я не то ему готовила,—произнесла она:—онъ понудилъ меня такъ съ нимъ поступить! Если бы онъ прежде мнѣ самъ предложилъ правленіе, я бы съ честію отпус-

тила его въ Курляндію.—Жену герцога курляндскаго и сына его въ то же время изъ Лѣтняго дворца вывезли въ Александро-невскій монастырь, а на другое утро отправили въ Шлиссельбургъ же. Герцогиня тогда говорила, что прежде смерти себѣ надѣялась, чѣмъ такого поступка отъ Миниха. Биронъ пробылъ въ Шлиссельбургѣ до іюня 12, находясь подъ судебнымъ слѣдствіемъ, а 12 числа этого мѣсяца съ женою, двумя сыновьями, дочерью, пасторомъ, лѣкаремъ и нѣсколькими служителями отправленъ на вѣчное житье въ Пелымъ, гдѣ ему опредѣлено жить въ домѣ, нарочно для него построенномъ по плану, начертанному Минихомъ.

Минихъ, низложивши регента, казалось, очутился на такой высотѣ власти, на какую только могъ надѣяться взойти. Но положеніе его вовсе не такъ было прочно, какъ можно было заключить по наружнымъ временнымъ признакамъ. Принцъ-генералиссимусъ не могъ поладить съ честолюбивымъ и умнымъ первымъ министромъ. Будучи выше его поставленъ по сану, принцъ тяготился зависимостію по уму отъ перваго министра, жаловался, что Минихъ хочетъ стать чѣмъ-то въ родѣ великаго визиря Турецкой имперіи, обвинялъ Миниха въ безмѣрномъ честолюбіи и необузданности нрава. Но болѣе всѣхъ вредилъ Миниху тогда Остерманъ, который никакъ не могъ выносить, что Минихъ сталъ первымъ министромъ и тѣмъ самымъ взялъ въ свои руки и внутреннюю, и внѣшнюю политику Россіи. Остерманъ сблизился съ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ и руководилъ его непріязнію къ Миниху. Онъ нашептывалъ принцу, и потомъ самой принцессѣ-правительницѣ, что Минихъ взялся не за свое, что онъ не въ состояніи вести дѣла̀ внутренней и внѣшней политики, и правительница, не отнимая отъ Миниха сана перваго министра, передала управленіе иностранными дѣлами Остерману, а внутренними князю Черкасскому, такъ что Миниху должны были оставаться, въ его непосредственномъ завѣдываніи, только военныя дѣла, которыми онъ управлялъ и прежде. Кромѣ того, Остерманъ возбуждалъ противъ Миниха и мелкое самолюбіе принца браунштейгскаго, указывая на несоблюденіе Минихомъ формальностей, касавшихся почитанія съ его стороны принца, какъ высшаго чиномъ.

Между тѣмъ, случилось такое событіе: въ Петербургъ пріѣхалъ отъ прусскаго короля нѣкто Винтерфельдъ, женатый на падчерицѣ Миниха. По его просьбѣ, Минихъ обѣщалъ вмѣсто 6.000 человѣкъ солдатъ въ помощь Пруссіи, какъ было поставлено въ прежнемъ договорѣ, давать 12.000. Вслѣдъ затѣмъ Ми-

нихъ заболѣлъ коликою и такъ мучительно, что явилось подозрѣніе у врачей: не отравленъ ли онъ. Во время его болѣзни, продолжавшейся весь декабрь 1740 года, пріѣхали въ Петербургъ вѣнскій посланникъ Ботта и саксонскій гр. Линаръ. Императоръ Карлъ VI уже скончался. Дочь его Марія-Терезія, королева венгерская, по силѣ прагматической санкціи, вступила въ наслѣдственныя права послѣ своего родителя и нуждалась въ союзѣ съ Россіею для огражденія правъ своихъ противъ державъ, не одобрившихъ прагматической санкціи, а главное, противъ прусскаго короля. Съ посланникомъ ея при петербургскомъ дворѣ былъ за одно гр. Линаръ. Послѣдній еще при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ былъ въ Петербургѣ и сблизился съ принцессою Анною до того, что между ними возникала любовь, но императрица, провѣдавъ объ этомъ и желая отдать племянницу за брауншвейгскаго принца, удалила Линара. Теперь онъ являлся снова и тѣмъ легче могъ возъимѣть силу надъ правительницею, что она не любила своего мужа. Принцесса на этотъ разъ вознамѣрилась своего прежняго возлюбленнаго женить на своей вѣрной и преданной Юліанѣ Менгденъ. Бракъ, впрочемъ, не совершился ранѣе августа мѣсяца того же 1741 года; злые языки говорили, что Юліана была только ширмою, прикрывавшею любовь между правительницею и Линаромъ. Какъ бы тамъ ни было, но Ботта и Линаръ легко успѣли устроить дѣло, противное Миниху: Остерманъ, такъ сказать, на пакость противнику, заключилъ договоръ Россіи съ Австріею, по которому Россія обязывалась помогать Австріи противъ прусскаго короля, замышлявшаго овладѣть Силезіею. Князь Черкасскій, вице-канцлеръ Головкинъ пристали къ Остерману. Когда договоръ съ Австріею состоялся, оправившійся отъ недуга Минихъ явился къ правительницѣ. Она встрѣтила его уже совсѣмъ не съ прежнимъ довѣріемъ и сказала: „вы, фельдмаршалъ, всегда расположены къ прусскому королю, но мы не должны допускать его нападать на союзную намъ державу. Мы не будемъ съ нимъ воевать, а только остановимъ его: какъ только двинемъ мы войска наши съ намѣреніемъ защищать венгерскую королеву, дочь императора, онъ немедленно выведетъ свои войска изъ Силезіи“.

— Ваше высочество!—сказалъ Минихъ:—я нахожу отвратительнымъ договоръ, направленный къ тому, чтобы лишить престола и владѣній государя, который, подобно его предшественникамъ, съ начала этого столѣтія бывшимъ вѣрнѣйшими союзниками Россіи, особенно Петра Великаго, остается такимъ же.

Россія въ продолженіе сорока лѣтъ вела тягостныя войны и нуждается въ мирѣ для приведенія въ порядокъ внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Когда вступитъ въ правленіе сынъ вашъ, я и все министерство вашего высочества должны будемъ ему отдать отчетъ, если начнемъ новую войну съ Германіею, тогда какъ намъ еще грозитъ война со стороны Швеціи. Вѣнскій дворъ хочетъ, чтобы ему предоставили въ расположеніе тридцать тысячъ русскаго войска, и не упоминаетъ ни однимъ словомъ, на что будутъ употреблены эти силы и какъ будутъ содержаться. Я уже упоминалъ Боттѣ, что въ послѣднюю турецкую войну въ Вѣнѣ не спѣшили оказывать Россіи помощь согласно договору. И мнѣ удивительно — неужели Австрія чувствуетъ себя въ крайности, когда ея противникъ, король прусскій, дѣйствуетъ противъ нея съ двадцатью тысячами войска? Видно, что трудно удерживать въ своемъ владычествѣ страну, которой жители сами добровольно поддаются непріятелю.—Представленія фельдмаршала не были приняты. Правительница обходилась съ нимъ не только сухо, но надменно и за каждымъ представленіемъ его предъ ея особу давала ему понять, что она безъ него можетъ обойтись. Минихъ подалъ въ отставку. И передъ тѣмъ нѣсколько разъ онъ порывался сдѣлать этотъ шагъ, но останавливался, а теперь рѣшился безповоротно порвать съ тогдашнимъ русскимъ правительствомъ и, можетъ быть, съ Россіею, которой такъ блистательно послужилъ. Правительница изъ долга вѣжливости еще разъ просила Миниха не оставлять службы Россіи, говоря, что его совѣты будутъ для нея полезны, а Минихъ, пользуясь этимъ, сталъ убѣждать ее не заключать съ Австріей союза противъ Пруссіи; тогда правительница неожиданно сказала ему, что если онъ находитъ для себя нужнымъ, ему дастся отставка, и тутъ Минихъ увидалъ, что его считаютъ лишнимъ. Затѣмъ, по приказанію правительницы, сынъ фельдмаршала и Левенвольде объявили ему, что правительница не желаетъ долѣе откладывать его увольненіе. Но отважившись на такой рѣшительный шагъ, и правительница, и ея супругъ сильно боялись, чтобы Минихъ не воспользовался хотя бы самымъ короткимъ временемъ и не произвелъ бы переворота съ помощью гвардейскихъ полковъ. Уже солдаты недавними успѣшными поступками научились свергать существующія власти и возводить новыя. Къ большему страху правительницы и ея супруга, Биронъ, надъ которымъ въ Шлиссельбургѣ происходило слѣдствіе, показывалъ, что Минихъ особенно понудилъ его, Бирона, принять регентство, а самъ же

потомъ низвергнулъ его. Биронъ изъ своего заточенія давалъ правительницѣ понять, что Минихъ можетъ низвергнуть и ее, стоитъ только ей разъ исполнить не такъ, какъ ему хочется — онъ будетъ мстить! Минихъ получилъ отставку; но брауншвейгскіе супруги не переставали его бояться, до того, что не смѣли почевать въ одномъ и томъ же покоѣ нѣсколько ночей сряду. Минихъ, однако, не думалъ предпринимать никакихъ переворотовъ; онъ уѣхалъ въ свою дачу Гостилицы. Правительница, опасаясь мщенія Миниха, въ то же время думала расположить его и милостивымъ вниманіемъ: она назначила ему 15,000 р. годичнаго пенсіона, подарила ему имѣніе въ Силезіи Вартембергъ, принадлежавшее Бирону и конфискованное у послѣдняго, и Минихъ со всѣхъ своихъ имѣній получалъ дохода — включая сюда и данный ему годичный пенсіонъ — до 70,000 руб. Такимъ образомъ, удаливши опаснаго фельдмаршала, правительница думала ублаготвореніями оградить себя отъ него. Но опасность угрожала ей совсѣмъ съ другой стороны.

Есть извѣстіе, что Минихъ не только не затѣвалъ ничего дурного противъ тогдашняго русскаго правительства, но собирался уѣхать навсегда изъ Россіи и поступить на службу прусскаго короля Фридриха II. Несомнѣнно, что послѣдній готовъ былъ съ распростертыми объятіями принять знаменитаго военачальника, прославившаго Россію своими побѣдоносными подвигами. Говорятъ, что Минихъ откладывалъ свою поѣздку, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока, наконецъ, переворотъ, постигшій Россію въ ноябрѣ 1741 года, повернулъ иначе судьбу фельдмаршала. Но тутъ происходитъ сомнѣніе: искренно ли Минихъ думалъ покинуть Россію или только пугалъ правительницу, надѣясь, что она сама станетъ просить его и убѣждать не оставлять ее, и, наконецъ, помирится съ нимъ. Намъ, кажется, вѣроятнѣе послѣднее предположеніе. Минихъ уже слишкомъ сжился съ Россіею, съ нею была связана его слава, а онъ самъ составлялъ славу Россіи. Солдаты прозвали его соколомъ яснымъ, ему давали кличку столпа имперіи. Едва ли возможно, чтобы этотъ человѣкъ, безъ послѣдней крайности, сталъ искать другого отечества! Мы увидимъ и далѣе, когда, послѣ двадцати-лѣтняго заточенія, онъ получилъ свободу, то безпрестанно твердилъ, что уѣдетъ заграницу кончать жизнь на своей родинѣ и, однако, не поѣхалъ, хотя уже никто не препятствовалъ ему ѣхать. Точно также, и въ 1741 году, онъ только говорилъ, что уѣдетъ и будетъ служить прусскому королю, но не уѣхалъ, и не уѣхалъ бы, еслибы ему даже не пришлось ѣхать въ Сибирь.

Минихъ, уговаривавшій правительницу предпочесть союзъ съ Пруссіею и съ Франціею союзу съ римскимъ императоромъ и его союзниками, оказался правъ, потому что былъ проницательнѣе другихъ. Для русскаго правительства было въ то время выгоднѣе и безопаснѣе находиться въ дружбѣ съ Пруссіею и съ Франціею, чѣмъ подавать имъ поводъ вредить ему. Французскій посланникъ де ля-Шетарди, дѣйствуя по интересамъ своей державы и союзныхъ съ нею державъ, сыпалъ золотомъ и устраивалъ заговоръ — возвести на престолъ цесаревну Елисавету и низвергнуть брауншвейгскую династію. Конечно, еслибы правительница послушалась Миниха и союзомъ съ прусскимъ королемъ оградила себя отъ тайныхъ покушеній французскаго посла и вмѣстѣ съ нимъ за одно дѣйствовавшаго шведскаго, то этихъ козней бы не было и она могла бы удержать за собою власть. Но правительница и ея супругъ довѣрились въ политикѣ посольству императорскому въ лицѣ графа Ботты д'Адорно и польско-саксонскому въ особѣ Линара, и не хотѣли замѣчать ямы, которая рылась подъ ними, и притомъ не очень незамѣтно. Эта яма вырыта была удачно, и въ ночь съ 24 на 25 ноября совершился извѣстный переворотъ, поставившій на престолъ Елисавету Петровну.

Въ эту ночь хирургъ Елисаветы, Лестокъ, отправилъ отряды, каждый въ 25 человѣкъ, для арестованія помѣченныхъ лицъ. Въ запискахъ Шетарди сообщается, что солдаты, прибывшіе арестовать Миниха, обращались грубо съ бывшимъ фельдмаршаломъ, котораго въ войскѣ будто не любили. Это извѣстіе противорѣчитъ другимъ, сообщающимъ единогласно, что, напротивъ, его подчиненные всегда уважали и любили; во время своей власти онъ внушалъ благоговѣйный страхъ, а въ эпоху своего паденія — участіе и состраданіе, неразлучное съ уваженіемъ.

Всѣхъ арестованныхъ на другой день въ 6 часовъ утра препроводили въ крѣпость и тутъ началось судебное слѣдствіе надъ ними, представляющее вопіющій образчикъ безправія, рельефно выступающій своимъ безобразіемъ въ исторіи, какъ ни богата вообще исторія всѣхъ временъ и странъ примѣрами неправедныхъ осужденій. Изъ всѣхъ тогда обвиненныхъ Минихъ былъ невиннѣе всѣхъ, такъ какъ уже нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ въ отставкѣ и не занимался государственными дѣлами. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ вѣрно служилъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а по смерти ея, назначенному отъ нея преемнику, и не показывалъ расположенія возвести на престолъ Елисавету Петровну. Кромѣ

политическихъ государственныхъ преступленій, его обвиняли въ преступленіяхъ по занимаемой имъ должности фельдмаршала: онъ умышленно выводилъ въ чины своихъ соотчичей нѣмцевъ, не давая хода природнымъ русскимъ; это обвиненіе само собою уничтожалось: стоило только вспомнить, что не кто иной, какъ Минихъ, упразднилъ установленное Петромъ Первымъ правило давать служащимъ въ войскѣ иностранцамъ двойное жалованье противъ русскихъ, носившихъ одинакіе съ первыми чины. Его обвиняли также въ жестокости произносимыхъ имъ приговоровъ, когда не обращалось вниманія на высокую породу обвиняемаго, и люди родовитые подвергались одинакой карѣ съ людьми простого происхожденія. Его обвиняли въ казнокрадствѣ, а предсѣдательствующимъ коммиссіи, учрежденной для суда надъ государственными преступниками, былъ князь Никита Трубецкой, который два раза своею неисправностью въ своевременномъ подвозѣ провіанта и боевыхъ запасовъ причинялъ войску большія затрудненія и только, благодаря дружескому расположенію Миниха, избѣжалъ военнаго суда. Минихъ въ свое оправданіе ссылался на рядъ донесеній, сохранявшихся въ воинской коллегіи, и закончилъ свою рѣчь такими словами: — Предъ судомъ Всевышняго мое оправданіе будетъ лучше принято, чѣмъ предъ вашимъ судомъ! Я въ одномъ только внутренно себя укоряю — зачѣмъ не повѣсилъ тебя, когда ты занималъ должность генералъ-кригсъ-коммиссара во время турецкой войны и былъ обличенъ въ похищеніи казеннаго достоянія. Вотъ этого я себѣ не прощу до самой смерти.

Императрица Елисавета сидѣла за ширмами, поставленными въ той же комнатѣ, гдѣ происходилъ допросъ и, невидимо для всѣхъ, присутствовала при судѣ надъ своими павшими противниками. Услыхавши то, что́ произнесъ Минихъ, она приказала прекратить судебное засѣданіе и отвести Миниха въ крѣпость.

18-го января 1742 года на Васильевскомъ Острову, противъ зданія двѣнадцати коллегій (гдѣ нынѣ университетъ) былъ воздвигнутъ эшафотъ о шести ступеняхъ. Кругомъ стояли вооруженные гвардейцы и солдаты астраханскаго полка, образуя карре и удерживая тѣснившуюся толпу. Множество народа обоего пола и разныхъ возрастовъ спѣшило отовсюду глазѣть на зрѣлище казни особъ, такъ недавно бывшихъ знатными и сильными. Былъ ясный морозный день. Осужденныхъ доставили въ 10 часовъ. На простыхъ крестьянскихъ дровняхъ везли Остермана, одѣтаго въ халатъ, — по болѣзни ногъ онъ не могъ идти. Прочіе осужденные шли пѣшкомъ. Всѣ показывали унылый

видъ, были неряшливо одѣты и, сидя въ тюрьмѣ долгое время, обросли бородами. Одинъ Минихъ имѣлъ бодрый видъ, былъ выбритъ, одѣтъ въ сѣрое платье, поверхъ котораго накинутъ былъ красный плащъ. Идучи изъ крѣпости, онъ разговаривалъ съ офицерами, провожавшими его, вспоминалъ, какъ часто во время войны находился близко къ смерти, и говорилъ, что, по давней привычкѣ, и теперь безъ всякой боязни встрѣтитъ ее.

Прежде сняли съ дровень Остермана, посадили на носилки и взнесли на эшафотъ. Тамъ уже ожидали его страшныя орудія мучительной казни. Прочитанъ былъ длинный приговоръ на пяти листахъ; осужденный прослушалъ его съ открытой головой и съ усиліемъ держась на ногахъ. Его приговаривали къ колесованію, но тотъ же секретарь, произнесшій въ чтеніи эту жестокую участь преступнику, вслѣдъ затѣмъ произнесъ, что государыня, по своей милости и состраданію, смягчаетъ казнь эту, замѣняя ее отрубленіемъ головы. Уже Остермана подвели къ плахѣ, уже палачъ отстегнулъ воротъ его шлафрока и рубахи, уже взялъ въ руки топоръ, вдругъ секретарь, читавшій приговоръ, возвѣщаетъ слова императрицы, что, по природному матернему милосердію и по дарованному ей отъ Бога великодушію, вмѣсто смертной казни—всѣхъ осужденныхъ сослать въ заточеніе. Палачъ, по прочтеніи о пощадѣ его жертвы, съ пренебреженіемъ толкнулъ Остермана ногою; хворый старикъ повалился и былъ посаженъ на носилки солдатами. „Пожалуйте мнѣ мой парикъ и колпакъ!“ сказалъ онъ, застегивая вороты своей рубашки и своего халата. Это были единственныя слова, слышанныя изъ его устъ на эшафотѣ.

За нимъ чередъ приходилъ Миниху, и онъ взошелъ на возвышеніе, съ котораго читался приговоръ. Его бодрый и живой взглядъ, его сіяющее старческою красотою лицо, его благородная осанка всѣмъ напомнили того фельдмаршала, который являлся на челѣ храбраго войска, воодушевляя его духъ однимъ своимъ видомъ. Но ему нечего было тамъ оставаться. Онъ сошелъ, другихъ не возводили на возвышеніе и отправили всѣхъ въ крѣпость. На другой день послѣдовала отправка осужденныхъ въ мѣста ихъ заточенія: Остермана — въ Березовъ, Миниха — въ Пелымъ, Головкина — въ Ярмангъ, иначе Среднеколымскъ, Менгдена — въ Нижнеколымскъ, Левенвольда — въ Соликамскъ, Темерязева и Яковлева — въ Тобольскъ, потомъ перваго перевели въ Мангазею. Наблюдать за этимъ поручено было Якову Петровичу кн. Шаховскому, оставившему любопытныя записки о своемъ времени, представляющія нѣкоторыя черты и объ этомъ

событіи. Женамъ осужденныхъ дозволено было, по волѣ императрицы, или слѣдовать за мужьями, или со всѣми правами состоянія оставаться на прежнихъ мѣстахъ жительства. Онѣ послѣдовали за своими супругами. Остерманъ, по извѣстію Шаховского, лежалъ и вопилъ отъ боли въ ногахъ, пораженныхъ подагрою. Онъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ выразилъ сожалѣніе о томъ, что имѣлъ несчастіе прогнѣвать всемилостивѣйшую государыню и просилъ кн. Шаховского довести до императрицы его просьбу о милостивомъ и великодушномъ покровительствѣ его дѣтямъ. Бывшій министръ хорошо зналъ, что его слова тутъ же запишутся и представятся высочайшей особѣ, что̀ и случилось. Кн. Шаховской приказалъ офицеру, командируемому съ нимъ для отвозу, чтобы солдаты его команды подняли несчастнаго старца съ постелью и бережно положили въ сани. „О женѣ же его, при семъ случаѣ находившейся, кромѣ слезъ и стенаній описывать не имѣю“, замѣчаетъ кн. Шаховской.

Тутъ подошелъ къ нему офицеръ, который долженъ былъ везти Миниха. До той казармы, гдѣ сидѣлъ разжалованный фельдмаршалъ, было не близкое разстояніе, и кн. Шаховской имѣлъ возможность, идучи къ нему, вдоволь надуматься о суетѣ земного величія. „Въ такихъ смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оной бывшій герой, а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніемъ пораженнаго“, говоритъ кн. Шаховской. „Какъ только во оную казарму двери предо мною отворились, то онъ, стоя у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ поворотясь, въ смѣломъ видѣ съ такими быстро раствореннымии глазами, съ какими я имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видать, шелъ ко мнѣ на-встрѣчу, и приближась, смѣло смотря на меня, ожидалъ, что̀ я скажу. Сіи мною примѣченные сего мужа геройскіе и противъ своего злосчастія оказуемые знаки возбуждали во мнѣ желаніе и въ томъ случаѣ оказать ему излишнее предъ другими такими-жъ почтеніе, но какъ то было бы тогда неприлично и для меня бѣдственно, то я сколько возмогъ, не перемѣняя своего вида такъ же какъ и прежнимъ двумъ, уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ словъ, въ набожномъ видѣ поднявъ руки и возведъ взоръ свой къ небу, громко сказалъ онъ:—когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю

смѣлость просить, дабы, для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей, отправленъ былъ со мною пасторъ,—и притомъ поклонясь съ учтивымъ видомъ, смѣло глядя на меня, ожидалъ дальнѣйшаго повелѣнія; на то я сказалъ ему, что о семъ, гдѣ надлежитъ, отъ меня представлено будетъ. А какъ все уже къ отъѣзду его было въ готовности и супруга его, какъ бы въ какой желаемый путь въ дорожномъ платьѣ и капорѣ, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, въ постоянномъ видѣ скрывая смятеніе своего духа, была уже готова, то немедленно такимъ же образомъ какъ и прежніе въ путь свой они отъ меня были отправлены“.

Миниху назначили мѣстомъ заточенія Пелымъ, сибирскій городокъ, куда прежде отправили сверженнаго регента Бирона, по указанію князя Алексѣя Черкасскаго, которому былъ извѣстенъ сибирскій край, такъ какъ, прежде поступленія своего въ санъ кабинетъ-министра, онъ былъ сибирскимъ губернаторомъ. Минихъ самъ начертилъ планъ дома, опредѣленнаго на житье сосланному любимцу императрицы Анны Ивановны. Ему пришлось теперь ѣхать туда, куда онъ надѣялся засадить на всю жизнь своего соперника. Это подало поводъ къ легендѣ, будто Миниху суждено было проживать въ этомъ самомъ домѣ; но это невѣрно исторически. Домъ, построенный для Бирона, сгорѣлъ прежде доставленія въ Пелымъ бывшаго фельдмаршала. Когда Миниха везли въ ссылку, Биронъ, по указу императрицы, возвращался изъ ссылки въ Ярославль, назначенный ему для житья вмѣсто отдаленнаго Пелыма. Враги встрѣтились при перемѣнѣ почтовыхъ лошадей въ предмѣстіи города Казани, сняли другъ передъ другомъ шляпы, поклонились одинъ другому и поѣхали каждый въ свою сторону, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ между собою. Миниха помѣстили въ воеводскомъ домѣ, построенномъ посреди деревяннаго острога. Положеніе, въ какомъ очутился бывшій фельдмаршалъ, недавній первый министръ Россійской имперіи, была не простая ссылка, а тяжелое тюремное заточеніе. Онъ не смѣлъ никуда выходить дальше острожной стѣны, которою отдѣлено было его жилище отъ остальнаго міра. Хотя съ нимъ поѣхала довольно немалочисленная прислуга, пасторъ и врачъ, но только они исключительно могли ходить въ городъ, состоявшій въ то время изъ небольшого числа обывательскихъ домовъ. Въ 1746 году писалъ узникъ къ своему брату, избѣгнувшему ссылки и остававшемуся при дворѣ съ прежнимъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, барону Миниху: въ

своемъ письмѣ онъ оставилъ наглядное описаніе своего горемычнаго житья [1]).

Двадцатилѣтнее пребываніе Миниха въ Пелымѣ составило важную переломную эпоху въ жизни этого человѣка. Самъ онъ

---

[1]) „Для спасенія нашихъ душъ у насъ, по милости ея императорскаго величества, господинъ пасторъ Мартенсъ понынѣ находится, съ которымъ мы по вся дни по утру и вечеру съ нашими нѣмецкими служителями Божію службу отправляемъ и съ особливымъ благоговѣніемъ святыя свои книги читаемъ, святое причастіе мы принимаемъ, сколь скоро мы онаго душевно алчемъ и жаждемъ, и такожъ мы о высокомъ здравіи ея императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ Бога усердно молимъ. Наше состояніе здравія мое и любезной жены моей нарочито; и состоитъ мой утренній и вечерній хлѣбъ въ жесткомъ сухарѣ, который лучше молотомъ разбивать, нежели разломать можно. А изъ нашихъ служителей поваръ Брандъ почти непрестанно болѣнъ. Находится при насъ здѣсь не безыскусный лекарь, и мы ежегодно на тридцать и на сорокъ рублей изъ катеринбургской аптеки лекарства за наши деньги беремъ; за болѣзнью же онаго повара наша кухня не очень исправна и только одинъ мальчишка стряпаетъ, а насъ по вся дни обѣдаетъ съ караульнымъ офицеромъ ординарно четырнадцать, а частію и шестнадцать персонъ съ робятами. Наша квартира въ здѣшнемъ воеводскомъ домѣ посреди высокой деревянной крѣпости, которая въ квадратѣ отъ семидесяти до восьмидесяти шаговъ, а для людей нашихъ одна изба по прошенію нашему отъ караульнаго офицера, а другая на наши деньги построены, а притомъ плохой погребъ, въ которомъ зимою, дабы питье не мерзло, непрестанно уголье горящее держать принуждены. Нашъ взглядъ во всѣ стороны на тридцать или сорокъ шаговъ — высокая деревянная стѣна крѣпости, на которую уже смотрѣть мы такъ привыкли, какъ напредъ сего на изрядныя палаты въ Петербургѣ.

„Мѣсто въ крѣпости болотное, да я ужъ способъ нашелъ на трехъ сторонахъ, куда солнечные лучи падаютъ, маленькій огородъ съ частыми балясами устроить. Такой же пасторъ и Якобъ, служитель нашъ, которые позволеніе имѣютъ предъ ворота выходить, въ состояніе привели, въ которыхъ огородахъ мы въ лѣтнее время сажденіемъ и сѣяніемъ моціонъ себѣ дѣлаемъ, сами столько пользы пріобрѣтаемъ, что мы, хотя многое за стужею въ совершенный ростъ или зрѣлость не приходитъ, при рачительномъ раздѣленіи чрезъ весь годъ тѣмъ пробавляемся; ибо здѣсь въ Пелымѣ, который едва въ двадцати домахъ состоитъ, у обывателей (кои стрѣляніемъ соболей и оленей питаются) ни гороху, ни бобовъ, ни луку, ни рѣдки, ниже какихъ травъ или капусты, такожъ ни фунта мяса, масла коровья, крупъ или муки, ни пива, ни хлѣба, или что инако къ домостройству потребно купить, достать неможно, но офицеръ принужденъ все чрезъ солдатъ по деревнямъ сыскивать у крестьянъ или изъ Тобольска за 700 верстъ отсюда не безъ трудности, вреда и иждивенія (для того, что иное отъ жару или морозу портится или подмачивается) привозить. Въ нашихъ огородахъ мы въ іюнѣ или въ августѣ небезопасны отъ великихъ ночныхъ морозовъ, и потому мы, что иногда мерзнуть можетъ, рогожами рачительно покрываемъ. Причемъ же еще и сіе великое безпокойство есть, что чрезъ всѣ вышереченные три мѣсяцы лѣтній воздухъ заразительными мухами или такъ-называемыми мошками, которыхъ едва глазами видѣть можно, такъ наполненъ, что носъ, глаза и уши зажимать или непрестанно отмахиваться въ рукавицахъ быть надобно, отъ проглоченія такихъ мошекъ дыхать нельзя; которая малая ядовитая гадина рогатому скоту такимъ множествомъ въ ноздри набивается, что оттого та скотина ѣсть

сознавался, что былъ слишкомъ увлеченъ суетою жизни, въ которой до тѣхъ поръ вращался; ударъ, постигшій его, обратилъ его сердце къ Богу и онъ въ своемъ несчастіи и униженіи нашелъ душевный миръ и спокойствіе. Онъ, по собственному увѣренію,

не можетъ, временемъ умираетъ; такъ когда прохладительный вѣтеръ не вѣетъ, разгоняющій тѣ мошки, то люди, скотина и лошади въ домахъ быть принуждены! Сіе мѣсто такъ болотами и лѣсами окружено, что лѣтомъ никакая телега сухимъ путемъ проѣхать не можетъ, но только водою по рѣкѣ Тавдѣ, коя въ Тоболь впадаетъ, вверхъ по водѣ, что либо потребное перевозить судами можно, а все хожденіе судовъ состоитъ въ одномъ стругѣ, который въ іюлѣ мѣсяцѣ съ коронною солью для здѣшняго воеводства ежегодно приходитъ и при которомъ случаѣ изъ Тобольска нѣчто доставать можно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ деревнѣ Ирбитъ имянуемой, разстояніемъ отсюда около четырехсотъ верстъ, ежегодно великая ярмарка бываетъ, на которую купцы со всѣхъ сторонъ изъ Россіи и притомъ изъ китайскихъ границъ, также изъ сосѣднихъ татаръ и калмыкъ съѣзжаются, и на сей главной ирбитской ярмаркѣ все то, что для одежды и пищи потребно, достать можно и офицеръ попеченіе прилагаетъ, чтобъ мы, сколько наша казна дозволяетъ, всѣмъ потребнымъ всегда на цѣлый годъ снабдены были.

„Чрезъ всю долгую зиму жены моей такое упражненіе есть, что она своими руками все то шьетъ, что намъ бѣлья на столъ, постель и наше тѣло надобно, и старое вновь передѣлать она трудится; мое-жъ упражненіе состоитъ въ томъ, что я по латынѣ учусь, въ чемъ я къ превеликому моему удовольствію столько предъуспѣлъ, что я нашего пастора латинскія книги, а именно библію и церковныя исторіи читаю, и книгу, именуемую потребнаго общаго соединенія (съ которой я начало учинилъ и тѣмъ желаніе по латинѣ въ моей уже старости учиться во мнѣ возбудилось) почти наизустъ выучилъ. Мой моціонъ зимою такой есть, чтобъ огородныя сѣмена вытрясывать и чистить и сѣти вязать, дабы тѣмъ во время лѣта навозныя и другія огородныя гряды отъ птицъ, куръ и кошекъ прикрывать, якожъ мышекъ при мышьихъ пастяхъ, кои во всѣхъ углахъ разставлены въ нарочитомъ числѣ, да въ нашей собственной каморѣ двухъ содержимъ, чтобъ насъ мыши, которыхъ мы руками о стѣну до смерти бьемъ, купно съ нашимъ запасомъ не пожрали и тако полныя жены моей упражненія только между молитвенными часами чинятся, слѣдовательно же, мой сердечный братъ, по истинѣ могу васъ обнадежить, что намъ нынѣ пятый годъ въ нашей ссылкѣ еще ни единаго часа времени долго не казалось. Что-жъ до экономіи и казны нашей касается, то получаемъ мы всемилостивѣйше опредѣленныя отъ ея императорскаго величества деньги для нашего содержанія исправно по вся мѣсяцы напередъ, и понеже оныхъ для насъ стариковъ на день каждому по рублю, а каждому служителю по 3 рубля на мѣсяцъ да пастору 150 рублей въ годъ особливо дается, то чаятельно думаютъ (когда о Сибири слышатъ, какъ тамо все такъ дешево, что почти даромъ безъ денегъ здѣсь жить можно), что у насъ отъ того нѣчто остается; но когда, напротивъ того, въ разсужденіе пріемлется, что мы нашимъ служителямъ (кои часто негодуютъ) для содержанія ихъ въ веселости и негрущеніи опредѣленные имъ каждому на мѣсяцъ на мытье и другія потребности наличными деньгами давать приказываемъ и притомъ ихъ сами кормимъ и одѣваемъ, а за одежу весьма дорого платить принуждены, и все сіе намъ надобно дорогою цѣною съ платежемъ за провозъ и съ богатымъ награжденіемъ за покупку изъ Тобольска и Ирбита сюда доставлять принуждены; для служанкина ребенка дѣвку держимъ, одному работнику, который въ кухню воду носитъ и скотину кормитъ, на мѣ-

никогда въ продолженіе двадцатилѣтняго своего заточенія не унывалъ, но всегда былъ въ ясномъ расположеніи духа. „Я (писалъ онъ однажды брату) отъ Христа удалился, гласа его не слушалъ, нынѣ же онъ, милосердый, меня отъ грѣховнаго сна воздвигнулъ; въ Пелымѣ я научился лучше съ Лазаремъ въ убожествѣ нежели съ богатымъ мужемъ въ славѣ и радости жить". Онъ и прежде, съ самаго отрочества, не чуждъ былъ лю-

---

сяцъ по полтора рубля, портомоямъ же за печенье, варенье и доенье коровъ по два рубля и за каждую сажень короткихъ дровъ (которыхъ при жестокой и долговременной зимѣ на кухню и шесть печей зѣло много исходитъ) по 20 коп. платимъ, то мы при ирбитской ежегодной крайнѣйше нужной покупкѣ никакъ пробыть не можемъ, чтобъ отъ 200 до 300 рублей въ кредитъ не взять, еже безъ иждивеній учиниться не можетъ; при такихъ нашихъ обстоятельствахъ, какъ съ нами Богъ опредѣлить изволитъ, мы однако-жъ сердечно довольны.

„Непріятнѣйшее здѣсь то есть, что здѣшнія рѣки во вся зимы такъ жестоко замерзаютъ, что рыба, не имѣя въ нихъ никакого воздуха, множествомъ до смерти замерзаетъ, которая весною при берегахъ до того времени лежитъ, пока ее вороны и галки поѣдятъ, и вода, которая и безъ того болотная, паки очистится, и какъ въ сей околичности никакихъ родниковъ или источниковъ не находится, то принуждены тою водою пробавляться. Такъ названое здѣшнее пиво въ горшкахъ въ обыкновенныхъ печахъ черныхъ избъ солдатскими бабами варится, ибо здѣшніе обыватели никакого пива не пьютъ и никакой посуды къ варенію не имѣютъ, и тако одно худо, а другое еще и хуже. Но служитель нашъ Якобъ для насъ медъ варитъ, который мы за каждымъ обѣдомъ три здравія, а именно ея императорскаго величества, обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ, и тѣхъ, кои объ насъ помнятъ, пьемъ, а въ высокіе праздники чинится оное французскимъ виномъ, въ которые мы и наши два рубля солдатамъ даемъ, дабы они про здравіе ея императорскаго величества повеселиться, а равно какъ и мы за тотъ хлѣбъ, который ея величество намъ по милости своей жалуетъ, съ удовольствіемъ ихъ нижайшую благодарность засвидѣтельствовать могли. И такъ я на преблагого Бога твердо уповаю, что безъ воли его моего отца небеснаго ни власъ съ головы моей не погибнетъ, и въ такомъ моемъ упованіи онъ меня не оставитъ, въ чемъ во всемъ я совершенно на него и его праведныя судьбы полагаюсь".

По преданіямъ, собраннымъ въ Пелымѣ отъ старожиловъ лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ, Минихъ изъ своего заточенія занимался скотоводствомъ, откупалъ окрестные луга и ставилъ сѣно своими работниками, отчасти же, приглашая тамошнихъ обывателей на помощь: тогда въ острожномъ дворѣ, гдѣ онъ жилъ съ женою, происходило угощеніе. Минихъ смотрѣлъ на нихъ и увеселялся ихъ пѣснями и забавами. О женѣ его сохранилось преданіе, что хотя она дурно изъяснялась по-русски, но любила оказывать благодѣянія крестьянскимъ дѣвушкамъ, выходившимъ замужъ, и вообще была чрезвычайно добродушна и всѣми любима. Преданіе описываетъ его жилище и способъ его жизни сходно съ его собственными извѣстіями, о которыхъ было выше сказано. Дворъ, въ которомъ помѣщался изгнанникъ, былъ обнесенъ высокою стѣною изъ срубовъ съ четырьмя башнями по угламъ и съ пятою—надъ воротами. Днемъ ворота были отворены и обыватели могли входить туда, а Миниха тогда только и можно было видѣть, когда онъ съ женою, никогда отъ него не отступавшею, прогуливался по стѣнѣ, имѣвшей въ каждомъ фасѣ по 30 саженей.

теранскаго благочестія. „Я всегда—писалъ онъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни—въ продолженіе семидесяти лѣтъ старался каждый день сдѣлать что-нибудь во славу Всемогущаго на пользу ближняго и, если мнѣ это удается, ввечеру того-жъ дня я чувствую истинную радость. Я не думаю сдѣлать этимъ чего-нибудь, за что бы я могъ ожидать награды, но единственно стараюсь, исполняя долгъ свой, находить въ сердцѣ миръ и чистыя невинныя удовольствія". Теперь онъ преимущественно посвятилъ себя религіозному созерцанію. Ежедневно у него отправлялось два молитвословія: одно утреннее отъ 11 до 12, другое послѣ полудня отъ 6 до 7 часовъ; его нѣмецкіе служители при этомъ всѣ присутствовали. Исполнялъ все это пасторъ, а послѣ, когда пастора не стало, самъ Минихъ. Въ праздники утромъ читали обычное евангеліе, пополудни апостольское писаніе, что́ приходилось въ данный праздничный или воскресный день по уставу лютеранскаго богослуженія. Его чрезвычайно дѣятельная природа не выносила духовнаго бездѣйствія. Онъ началъ составлять проекты, то военные, то строительные, но къ большому его несчастію ему не давали ни бумаги, ни чернилъ. Узникъ заявилъ, что желаетъ письменно сообщить что-то важное государынѣ. Это заявленіе пошло въ сенатъ, представлено было императрицѣ и она дозволила Миниху временно дозволить писать, что́ онъ находитъ нужнымъ представить правительству. Тогда Минихъ принялся писать и посылать въ Петербургъ одинъ за другимъ проекты, касавшіеся окончанія того, чего не успѣлъ совершить Петръ Великій, застигнутый среди множества предпріятій преждевременною кончиною. Онъ писалъ и предположенія о томъ, какъ бы возвысить Петербургъ, возлюбленный городъ Петра Великаго, и его окрестности, замѣчая, что если бъ живъ былъ Петръ, то „чаятельно тогда тысячами способовъ споспѣшествовано быть могло;" но послѣ Петра многіе изъ этихъ способовъ забвенію преданы; предлагалъ построить рядъ селеній, дворцовъ, звѣринцевъ, увеселительныхъ домиковъ съ фонтанами, бассейнами и рощами на протяженіи отъ Ораніенбаума до Петербурга и тоже — отъ Петербурга до Шлиссельбурга по берегамъ Невы, а также заселить берегъ канала отъ Шлиссельбурга до Ладоги, прорыть начавшійся уже при Петрѣ каналъ на невскихъ порогахъ близъ рѣки Тосны, начать новый каналъ отъ Невы въ Царское село, такъ что государыня могла бы, сѣвши на буерѣ у своего лѣтняго дворца близъ Смольнаго двора, пристать прямо къ крыльцу своего царскосельскаго дворца; другой проектъ касался болѣе

важнаго предмета—укрѣпленія украинской линіи и турецкой границы, еще иной—укрѣпленія Кіева, наконецъ, — проектъ о войнѣ съ Турціею (мысль эта не выходила изъ головы у Ставучанскаго героя), и о поправкѣ русскихъ крѣпостей,—проектъ показывающій, въ какой подробности зналъ бывшій фельдмаршалъ состояніе этого дѣла въ тогдашней Россіи. При всѣхъ проектахъ присоединялось моленіе объ освобожденіи его изъ ужаснаго заточенія. Всѣ свои проекты онъ писалъ такъ, чтобы наглядно показать, что никто другой, кромѣ него, не въ состояніи исполнить этихъ предпріятій, необходимыхъ для Россіи. Онъ просилъ только освободить его, призвать въ Петербургъ и дать возможность словесно разъяснить посылаемыя предначертанія. Онъ умолялъ о помилованіи, ссылался на примѣръ отца государыни, Петра Великаго, который, хотя разгнѣвавшись и сослалъ князя Василія Владимировича Долгорукаго, но потомъ простилъ его. „Не прошу ни титуловъ, ни богатствъ,—писалъ онъ:—ни земель, прошу дозволить при стопахъ вашего императорскаго величества умирать, удостовѣрпвъ ваше величество въ своей вѣрной и отличной службѣ въ память Петра Великаго! Если нужно, чтобъ я безъ денегъ и деревень жилъ, я готовъ и солдатскою порціею довольствоваться и буде мнѣ въ палатахъ жить не можно, я охотно буду дворникомъ у вашего императорскаго величества“. Не ограничиваясь моленіями къ императицѣ, изгнанникъ писалъ и къ великому князю Петру Ѳеодоровичу, поздравлялъ его съ бракосочетаніемъ, желалъ ему всякаго благополучія и умолялъ ходатайствовать у императрицы „о дарованіи прощенія опечаленному генералу, который нѣкогда для Петра Великаго свое отечество оставилъ и въ тысячекратныхъ случаяхъ живота своего и покоя для Россіи не щадилъ“. Вспоминалъ о томъ, какъ онъ служилъ Россіи въ войнахъ польской и турецкой и нынѣ готовъ оказать такія же услуги. Но какъ ни просилъ, какъ ни молилъ онъ, какъ ни унижался—его хвалы, возсылаемыя императрицѣ, такъ же мало имѣли вліянія, какъ мольбы и восхваленія Овидія, расточаемыя Августу съ дунайскихъ береговъ. Не болѣе дѣйствительны были его обращенія къ канцлеру Бестужеву, человѣку, съ которымъ прежнія отношенія Миниха имѣли никакъ не дружелюбный характеръ.

Въ 1744 году Минихъ отправилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ длинное письмо, тогда же, по повелѣнію императрицы, переведенное по-русски статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ Демидовымъ. Въ этомъ письмѣ Минихъ подробно излагаетъ свое прошлое—свои первые труды по устройству Ладожскаго канала, вспо-

минаетъ, какъ великій государь „такую радость и удовольствіе всякому человѣку засвидѣтельствовалъ, и меня бы не токмо изъ Пелыма изъ ссылки, но изъ китайской границы для его службы къ себѣ привелъ“. Въ этомъ письмѣ узникъ приноситъ раскаяніе Бестужеву въ своихъ непріязненныхъ къ нему поступкахъ, впрочемъ, объясняя, что многое дѣлалъ онъ не по собственному желанію [1]).

---

[1]) „Сіятельнѣйшій высокородный графъ и кавалеръ, высочайше почитаемый господинъ вице-канцлеръ и статскій министръ! Ваше высокографское сіятельство, искусився самъ по волѣ Божіей, что есть печаль и прискорбіе, утѣшеніе и радость, позволите, чтобъ я, покоренный поражающею Всевышняго рукою, къ прославленію имени Его, шестидесятичетырехлѣтній старикъ, вашему высокографскому сіятельству, всѣми отъ всемилостивѣйшей императрицы пожалованному знатнѣйшими награжденіями, искренно и усердно поздравить и при томъ дѣйствительнымъ вседушнымъ покаяніемъ того, въ чемъ я противу вашего высокографскаго сіятельства погрѣшилъ, удостовѣрить случай пріемлю.

„Бога правды, предъ страшнымъ судомъ котораго мы всѣ явимся, во свидѣтели призываю, что то еже къ вашему высокографскому сіятельству писать чрезъ сіе смѣлость воспріемлю, правда есть:

„1) Когда я бывшаго герцога курляндскаго, Бирона, съ приказу принцессы Анны и во исполненіе того повелѣнія, которое отъ нея словесно кордяному гвардіи офицеру дано, арестовалъ, то я бы ваше сіятельство подъ арестъ взять не велѣлъ и ваше сіятельство, такъ какъ князь Черкаскій и графъ Остерманъ, при вашей порученной въ кабинетѣ должности остались безпрепятственно, ежели-бъ въ самое то время, когда я съ арестованнымъ герцогомъ во дворъ императорской принцессы пришелъ и предъ карауломъ стоялъ, мой сынъ отъ помянутой принцессы, сошедъ, мнѣ ваше высокографское сіятельство арестовать приказу не принесъ. О сей правдѣ, что то арестованіе персоны вашего сіятельства не отъ меня произошло, можетъ мой сынъ, когда еще въ живыхъ находится, ежели ея императорское величество оппробовать изволитъ, вопрошенъ быть, оное же никогда мною присовѣтовано не было. Еще такая правда есть, да поможетъ мнѣ Богъ и его святое слово!

„2) Оттого-жъ часу, когда ваше высокографское сіятельство помянутымъ образомъ по повелѣнію реченной принцессы подъ караулъ взяты были, и я въ ней призналъ, что она къ вашему сіятельству немилостива была, то я, по слабости человѣческой, какъ въ свѣтѣ водится, ваше сіятельство, хотя, впрочемъ, мнѣ ничего противнаго не оказывали, не пощадилъ и, какъ предъ Богомъ и вашимъ сіятельствомъ признаться долженъ, никакого истиннаго сожалѣнія объ васъ не имѣлъ, изъ чего и все происходило еже при арестованіи и воспослѣдованномъ потомъ изслѣдованіи, колико я участіе въ томъ имѣлъ, что вашему сіятельству грубаго и обиднаго приключилось.

„3) Причемъ, однако, и сіе правда есть, что другіе во время изслѣдованія неисчисленные пункты проектовали было, дабы дѣло пространнѣе и тяжелѣе учинить, еже я препятствовалъ и помянутые пункты вымаралъ, о которой правдѣ тогдашній рекетмейстеръ Фемингъ, чрезъ котораго тѣ пункты ко мнѣ присланы были, могъ бы вопрошенъ быть.

„4) Соизвольте ваше высокографское сіятельство, и то за правду принять, съ которою я предъ Христомъ на страшномъ судѣ стоять буду, что елико я ваше сія-

Это письмо замѣчательно еще и потому, что пелымскій узникъ припоминаетъ недавнія обстоятельства, содѣйствовавшія его паденію, извѣстныя уже изъ предшествовавшаго хода повѣствованія, но любопытныя потому, что передаются самимъ дѣятелемъ, не только участвовавшимъ въ описываемыхъ событіяхъ, но заправлявшимъ ими. Попытка склонить Бестужева къ примиренію и къ ходатайству передъ императрицею за бывшаго своего врага

тельство обидѣлъ, то я между наивящшихъ моихъ грѣховъ, которые когда я содѣялъ, считаю, и объ оныхъ душевно каюсь, а напротивъ того, ежелибъ я вашему высокографскому сіятельству въ моей жизни могъ моею кровію служить, дабы о семъ моемъ преступленіи, нѣкоторымъ образомъ, покаяться, то оную охотно пролилъ бы, и вашему сіятельству обязану усердно быть желаю.

„5) А, наименьше еще, ваше высокографское сіятельство, въ сей правдѣ сомнѣваться изволите, что я несчастливый Ея величества нашей нынѣ славнѣйше владѣющей императрицы привлеченную на себя негодность и немилость съ наигорчайшими слезами оплакалъ и Бога молить непрестанно за всевысочайшее ея величество благополучіе молить не преминулъ.

„6) Однако и сіе правда, самому всемогущему Богу извѣстно есть, что учинено отъ ея величества императрицы Анны славы достойнѣйшей памяти при самомъ началѣ воспріятія правленія (ибо ея величество нынѣ уже владѣющую императрицу яко опасаемую соперницу къ престолу признавала) мнѣ повелѣніе было (понеже я тогда въ Санктпетербургѣ команду имѣлъ) дабы я, какъ къ ея императорскому высочеству, такъ и къ ея высочеству покойной герцогинѣ мекленбургской приходящихъ примѣчалъ и понедѣльно о томъ ея величеству покойной императрицѣ рапортовалъ.

„7) Но какъ я къ такой коммиссіи неспособенъ и сверхъ того положенною на меня должностію весьма отягощенъ былъ, то правда есть, что я въ томъ такимъ образомъ поступалъ, что ея величество славы достойнѣйшая памяти императрица меня отъ того освободила и, сколько мнѣ извѣстно, майору Альбрехту поручила, при чемъ я Бога во свидѣтели призываю, что никогда не единаго слова, кое-бы ея величеству нашей нынѣшней славы достойнѣйшей императрицѣ, чѣмъ-либо малѣйшимъ предосудительнымъ быть могло (къ чему я ни малѣйшаго случая не имѣлъ) не доносилъ, но паче тогда ея величество, яко великую императорскую принцессу съ дражайшею девоціею почиталъ и всепокорнѣйшаго респекту отнюдь не пренебрегалъ, какъ то ея величество при всѣхъ случаяхъ сама милостиво признавать изволила.

„8) Какъ высочайшая помянутая ея величество императрица Анна изъ Курляндіи къ воспріятію престола призвана была и въ Москву пріѣхала, а мнѣ въ Петербургѣ, гдѣ я команду имѣлъ, коммиссія поручена была каждому человѣку присягать велѣть, то я ни россіянина, ниже кого иного не видалъ и не слыхалъ, который бы въ пользу ея величества, нынѣ благополучно государствующей императрицы, молвилъ, кромѣ одного покойнаго адмирала Сиверса, который публично сказалъ: корона-де ея императорскому высочеству цесаревнѣ Елисаветѣ принадлежитъ, но какъ о томъ по должности своей донесть принужденъ былъ, и помянутый адмиралъ Сиверсъ, хотя годъ спустя, отставленъ и въ его деревни посланъ былъ, то, можетъ быть, что оное въ разсужденіи ея императорскаго величества сочинилось и вышереченное мое доношеніе поводъ къ тому подало. И потому, еслибъ ея императорское величество наша великодушнѣйшая императрица соизволила Сиверсовымъ дѣтямъ нѣкоторыя дѣйствительныя милости щедрѣйше явить, то оное-бъ къ успокоенію моей совѣсти служило.

не могла имѣть успѣха. Не таковъ былъ Бестужевъ, чтобъ онъ забылъ то, что потерпѣлъ отъ Миниха; въ то время, когда Минихъ искалъ отъ него такого христіанскаго великодушія, Бестужевъ готовилъ паденіе и гибель Лестоку, который, пользуясь приближеніемъ своимъ у Елисаветы, поднялъ Бестужева изъ праха, куда этотъ хитрый министръ былъ низверженъ предъидущими бурями. Да и кромѣ старой непріязни къ Миниху, Бестужевъ, вошедши въ силу и ставши первымъ министромъ при Елисаветѣ, изъ политическихъ соображеній никогда бы не сдѣлался ходатаемъ за сосланнаго въ Пелымъ фельдмаршала. Во-первыхъ, такое ходатайство могло бы обратить на него опалу императрицы, которая не терпѣла Миниха, считая его опаснѣйшимъ врагомъ своимъ, и безжалостно съ наругательствомъ его преслѣдовала; во-вторыхъ—Бестужевъ, разсуждая о Минихѣ по самому себѣ, не могъ довѣриться его искренности. Минихъ, будучи возвращенъ, могъ казаться опаснымъ для новаго правительства. Миниха любило и уважало войско: Минихъ имѣлъ бы возможность учинить въ имперіи такой переворотъ, который погубилъ бы и Елисавету и Бестужева. Понятно, что обращенія пелымскаго заточника къ Бестужеву были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и можно смѣло сказать, что если-бъ Ели-

---

„9) Нынѣ я съ моей стороны основаніемъ правды полагаю, что въ ея императорскомъ величествѣ, какъ и въ вашемъ высокографскомъ сіятельствѣ великодушныя христіанскія души обитаютъ, и что я Богу и ея императорскому величеству также и вашему сіятельству чистосердечно и съ сущимъ покаяніемъ о прощеніи того, въ чемъ я вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ погрѣшилъ и по указу либо своевольно васъ озлобилъ, съ глубочайшею покорностію прошу, такожъ надѣюся и Божескаго долготерпѣнія и ея императорскаго величества великодушнаго помилованія и женерознаго вашего сіятельства прощенія ко мнѣ кающемуся и соболѣзнующему грѣшному, за что Богъ ваше сіятельство и вашъ высокографскій домъ небеснымъ благословеніемъ душевно и тѣлесно со изобиліемъ одаритъ.

„10) Въ семъ надѣяніи, адресуя къ вашему высокографскому сіятельству, яко высоко повѣренному ея императорскаго величества вице-канцлеру и статскому министру, который всемѣрно о высокомъ ея императорскаго величества и ея государственномъ интересѣ ревностнѣйше старается и паче всякой партикулярной дружбы и недружбы по имѣвшемуся вашему незлобію и истинности предпочитаетъ, и потому я прошу ваше сіятельство наиприлежнѣйше меня вашей протекціи и многомощнаго предстательства у ея императорскаго величества къ знатному поспѣшествованію ея величества службы удостоить“.

Далѣе Минихъ вспоминаетъ свои прежнія услуги, налегая въ особенности на построеніе Ладожскаго канала, заслужившее одобреніе и самые лестные отзывы родителя императрицы, Петра Великаго. Минихъ доказываетъ министру, что онъ можетъ быть полезенъ Россіи, какъ никто другой, и слѣдовательно, въ видахъ пользы Россіи, слѣдуетъ возвратить его и даровать ему возможность заслужить благоволеніе императрицы.

савета, въ самомъ дѣлѣ, расчувствовалась и показала сострадапіе къ павшему фельдмаршалу, то прежде всего удержалъ бы ее отъ показанія милости Миниху не кто другой, какъ этотъ Бестужевъ.

Минихъ писалъ также и къ любимцу императрицы, Алексѣю Разумовскому, прося и его ходатайствовать за него у императрицы. И эта дорога не привела его къ желанной цѣли.

Вѣроятно, слезныя просьбы о помилованіи надоѣли императрицѣ, какъ равно и проекты его, къ чтенію которыхъ она, конечно, не могла получить вкуса, такъ какъ вообще не любила заниматься никакими серьезными дѣлами. Послѣдовало запрещеніе позволять Миниху посылать къ ней письма. Это послѣдовало, вѣроятно, въ 1746 г., какъ можно заключить изъ того, что рядъ посылаемыхъ изъ Пелыма въ Петербургъ посланій прерывается на этотъ годъ. Но въ іюлѣ 1749 года мы встрѣчаемъ слѣдующій рапортъ генералъ-прокурора ея императорскому величеству.

„Сего настоящаго мѣсяца 8 числа. Ваше императорское величество, на поданный сенатскій докладъ, всемилостивѣйше изустно указать мнѣ соизволили: бывшему фельдмаршалу для написанія, что̀ онъ имѣетъ представить о государственномъ интересномъ дѣлѣ, бумаги и чернилъ дать, и оное представленіе при караульномъ обрѣтающемся при немъ офицерѣ написать ему позволить, только притомъ ему объявить, дабы онъ о всемъ достаточно единожды нынѣ написалъ, ибо ему впредь на такія требованія позволенія дано больше не будетъ. И оный вашего величества указъ въ сенатѣ мною записанъ и во исполненіе онаго, по приговору правительствующаго сената, къ обрѣтающемуся при содержаніи объявленнаго Миниха сибирскаго гарнизона поручику Попову указъ съ нарочнымъ курьеромъ отправленъ іюля 11 дня“.

Слѣдствіемъ этого позволенія было представленіе новаго проекта: объ укрѣпленіи города Кіева, написаннаго на французскомъ языкѣ и подписаннаго 22 августа того же года[1]). При этомъ Минихъ счелъ умѣстнымъ выразить глубокую скорбь, произведенную чтеніемъ грознаго указа, заранѣе угрожающаго ему запрещеніемъ на дальнѣйшее время писать проекты и письма. Кажется, это было послѣднее посланіе его къ непреклонной государынѣ; по крайней мѣрѣ, намъ уже не случалось видѣть ни строчки отъ Миниха въ послѣдніе годы его заточенія.

---

[1]) Арх. Воронц. II, 189—504.

Миниху рѣшительно запрещено было давать бумагу и дозволять писать, но послѣ кончины его пастора, Мартенса, случившейся въ 1749 году, Миниху въ наслѣдство остался порядочный запасъ писчей бумаги, и онъ отъ скуки началъ писать трактатъ о фортификаціи и составлять проектъ войны съ турками. Случилось тогда вотъ что: офицеръ, приставленный къ нему и выдававшій ему деньги на содержаніе, не хотѣлъ дать ему столько, сколько тотъ просилъ. Минихъ сказалъ ему какую-то колкость, а офицеръ сказалъ, что донесетъ на него: онъ все что-то пишетъ и вѣрно ко вреду императрицы и Россіи. Минихъ зналъ, что̀ въ Россіи значило страшное „слово и дѣло“, и поторопился всѣ написанныя бумаги бросить въ огонь. Къ его счастію, это произошло уже въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.

Судьба опредѣлила ему участь, какой не испытали другіе его сострадальцы въ Сибири, съ нимъ разомъ сосланные по одному дѣлу. Онъ дожилъ до смерти Елисаветы и до вступленія на престолъ императора Петра III, и заря отвобожденія блеснула для него уже на восьмидесятомъ году его бурной, славной и страдальческой жизни.

10 февраля (по Бюшингу, 1 февраля) 1762 года явился въ Пелымъ курьеръ съ сенатскимъ указомъ, объявляющимъ свободу Миниху. Старикъ въ это время совершалъ утреннюю молитву. Его супруга, узнавши, въ чемъ дѣло, не прерывала его и остановила служителя, разбѣжавшагося съ радостною вѣстью въ ту комнату, гдѣ молился Минихъ. Но вотъ вошелъ офицеръ, приставленный къ узникамъ. Недавно передъ тѣмъ онъ дозволялъ себѣ съ Минихомъ обращеніе не совсѣмъ почтительное, какъ старшій съ меньшимъ, сознавая свое дворянско-офицерское величіе передъ тѣмъ, который прежде хоть и былъ фельдмаршаломъ, но потомъ сталъ ничто, — простой арестантъ, государственный преступникъ, лишенный навсегда прежнихъ правъ всемогущею царскою волею. Теперь этотъ офицеръ, прежде чѣмъ войти къ узнику, освѣдомился, можно ли войти, и, вошедши, почтительно представилъ ему сенатскій указъ. Тогда Минихъ и его супруга оба пали ницъ, залившись слезами, и съ восторгомъ благодарили Бога. Нельзя сказать, чтобъ это счастье пришло къ Миниху совершенно неожиданно. Еще прежде онъ узналъ о кончинѣ императрицы Елисаветы и нѣсколько недѣль провелъ въ колебаніи между страхомъ, что о немъ не вспомнятъ, и надеждою, что новый государь покажетъ ему свою милость въ такой мѣрѣ, въ какой только могъ желать ссыльный. Ему возвращали свободу и всѣ прежнія права состоянія.

Вдругъ проснулся душою узникъ, уже въ продолженіе многихъ лѣтъ отягченный духовнымъ сномъ безнадежности. Его люди были передъ тѣмъ посланы на ирбитскую ярмарку для закупки разныхъ запасовъ, какъ дѣлалось каждый годъ. Миниху хотѣлось скорѣе уѣхать изъ мѣста своего двадцати-лѣтняго заточенія и онъ послалъ нарочнаго догнать ихъ и заворотить назадъ. Спустя восемь дней послѣ полученія вѣсти о своемъ освобожденіи, онъ собрался въ путь. Преданіе, сохранявшееся въ Пелымѣ, говоритъ, что предъ своимъ отъѣздомъ онъ три раза объѣхалъ Пелымъ и говорилъ жителямъ, собравшимся провожать его:—простите, мои пелымцы, вотъ и старикъ Минихъ съ своею старухою отъ васъ уѣзжаетъ.— „Прости, отецъ нашъ родной!"— кричалъ ему народъ. Покинувши, наконецъ, Пелымъ, онъ, не смотря на свои семьдесятъ девять лѣтъ, черезъ 25 дней пути, совершеннаго въ простыхъ саняхъ, достигъ Москвы. Это было 16 марта, ночью. Вдова фельдмаршала графа Апраксина ждала его, приготовила ему у себя помѣщеніе и въ знакъ радости зажгла блистательную иллюминацію у своего дома. Минихъ пробылъ въ Москвѣ не долго. 21 марта онъ былъ уже въ Новгородѣ, а 24 приблизился къ Петербургу. Путь отъ Москвы до Петербурга былъ для него тріумфальнымъ шествіемъ: генералы, штабъ-офицеры и статскіе чины, служившіе когда-то у него подъ начальствомъ, выѣзжали встрѣчать и привѣтствовать воскресшаго героя, въ теченіе двадцати лѣтъ вычеркнутаго изъ разряда живыхъ. За тридцать верстъ отъ Петербурга встрѣтила его внучка, дочь сына его, Анна, съ своимъ супругомъ Фитингофомъ; она была красавица; дѣдъ еще не видалъ ея, потому что она родилась въ годъ его заточенія. Услыхавши, что дѣда, наконецъ, освободили, Фитингофы нарочно пріѣхали изъ Риги, чтобъ встрѣчать его.

Минихъ прибылъ въ Петербургъ въ жалкомъ видѣ: у него не было платья и всю дорогу одѣтъ онъ былъ въ худой тулупъ. Императоръ 30 марта послалъ къ нему своего генералъ-адъютанта, гр. Гудовича, который отъ царскаго имени поднесъ ему шпагу и объявилъ возвращеніе генералъ-фельдмаршальскаго достоинства со старшинствомъ съ 25 февраля 1732 года. Жизнеописатель Миниха, пасторъ Бюшингъ, говоритъ, что въ этотъ день онъ явился къ Миниху и увидѣлъ его въ первый разъ въ жизни. „Это былъ крѣпкій, рослый старикъ, отлично сложенный, сохранившій всю огненную живость своей натуры. Въ его глазахъ было что-то проницающее, въ чертахъ лица что-то величавое, внушающее благоговѣйный страхъ и покорность его волѣ. Тогда Минихъ велъ бесѣду съ какимъ-то офицеромъ и

что-то разсказывалъ о своихъ походахъ противъ турокъ и татаръ. Его голосъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его осанкѣ: въ немъ было что-то повелительное".

31 марта пріѣхалъ Минихъ во дворецъ благодарить государя. Государь сдѣлалъ ему вопросъ:—дозволятъ ли вамъ, фельдмаршалъ, ваши лѣта и ваши силы продолжать службу?

Минихъ на это произнесъ такую рѣчь: „Богъ возвелъ ваше величество на престолъ имперіи, которой предѣлы неизмѣримы; Богъ вручилъ вамъ власть надъ народомъ многочисленнымъ, который во многихъ отношеніяхъ превосходитъ всѣ народы Европы. Я съ побѣдоносною русскою арміею совершалъ походы въ степяхъ, гдѣ не доставало ни воды, ни жизненныхъ запасовъ; я съ русскимъ простымъ народомъ на Ладожскомъ каналѣ, при построеніи линій и крѣпостей, исполнялъ удачно такія работы, на которыя бы не посмѣлъ отважиться съ другимъ народомъ! Гдѣ такой народъ, который могъ бы пройти всю Европу безъ провіанта, переходить черезъ широкія рѣки безъ мостовъ, питаться конскимъ мясомъ, дикими яблоками и тому подобными снадобьями? А таковы именно донскіе казаки и калмыки, у послѣднихъ нѣтъ домовъ, живутъ въ кибиткахъ или шалашахъ, ни сѣютъ, ни жнутъ, ни косятъ, и къ хлѣбу не привыкли, а между тѣмъ, воины превосходнѣйшіе, наилучшіе солдаты, соблюдающіе дисциплину, и такъ осторожны, что не допустятъ непріятеля напасть на себя ни въ станѣ, ни на походѣ. На рамена вашего императорскаго величества Богъ возложилъ бремя тяжелое. Кто не понимаетъ, какъ трудно управлять Россіею, пусть вникнетъ въ дѣянія Петра Великаго, славы достойной памяти дѣда вашего величества и увидитъ его изумительные труды и усилія! Кто этого самъ не видалъ, тотъ понять не можетъ, а кто былъ наочнымъ свидѣтелемъ его дѣяній, какъ я, тотъ не можетъ не изумляться! Великій государственный человѣкъ и законодатель въ правленіи, великій полководецъ въ войскѣ, опытный во флотѣ адмиралъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простой рабочій въ кораблестроеніи, устройствѣ каналовъ, прилагающій всюду собственную руку. Чего не устроилъ, чего не привелъ въ исполненіе этотъ государь? Чтó есть въ Россіи великаго—все то имъ зачато, и еще болѣе есть такого, чтó осталось недоконченнымъ или неисполненнымъ по причинѣ его безвременной кончины. Все это докончить оставлено мудрому правленію вашего величества и вамъ необходимы вѣрные и способные исполнители. Я, вашъ вѣрноподданный, покинулъ свое отечество за тѣмъ, чтобъ имѣть счастіе служить несравненному государю, Петру Первому. Я могу похвалиться, что былъ его лю-

бимымъ и довѣреннымъ генераломъ, но его неожиданная смерть отняла его у меня. Ваше императорское величество извлекли меня изъ тьмы на свѣтъ и всемилостивѣйше повелѣли мнѣ изъ Сибири явиться къ вашему пресвѣтлому престолу. Я желаю и готовъ принести мою кровь и жизнь службѣ вашего величества. Ни долговременное отдаленіе мое отъ царскаго трона, ни сибирскія стужи не погасили въ моемъ сердцѣ жара къ интересамъ Россійскаго государства, къ славѣ его обладателей".

Произнесши такую рѣчь, старикъ склонилъ колѣна, а государь тотчасъ самъ поднялъ его, обласкалъ и тотчасъ пригласилъ съ собою на парадъ. Въ тотъ же вечеръ Минихъ получилъ приглашеніе быть ко двору. Государь хотѣлъ примирить его съ Бирономъ. Послѣдній, проживши все царствованіе Елисаветы въ Ярославлѣ, хотя не въ заточеніи, какъ Минихъ, но въ удаленіи отъ двора, Петромъ Третьимъ былъ также приглашенъ въ столицу. Государь хотѣлъ ихъ свести вмѣстѣ и помирить; для этого назначенъ былъ именно этотъ самый вечеръ. Минихъ и Биронъ, люди прошлаго времени, явились посреди новаго поколѣнія царедворцевъ, какъ тѣни, возставшія изъ могилъ. Все было вокругъ ихъ чуждымъ и они сами были для всего окружающаго какъ бы чужими. Петръ свелъ ихъ и заявилъ желаніе, чтобъ они помирились, забыли бы все прошлое и простили другъ другу всѣ надѣланныя огорченія. Минихъ и Биронъ отвѣчали поклонами. Тогда императоръ приказалъ подать три бокала — одинъ взялъ самъ, а два другіе предложены были Миниху и Бирону. Въ это время придворный подошелъ къ государю и что-то сказалъ ему потихоньку; какъ видно, это сдѣлано было по данному заранѣе приказанію государя. Петръ поставилъ свой налитой виномъ бокалъ и вышелъ. Минихъ и Биронъ долго стояли на мѣстѣ, держа въ рукахъ бокалы, и не смотрѣли другъ на друга, а оба обращали взоры на дверь, куда вышелъ государь и откуда, повидимому, снова долженъ былъ воротиться; потомъ, обмѣрявши взглядами другъ друга съ головы до ногъ и не сказавши ни слова, поставили свои бокалы, повернулись одинъ къ другому спиною и разошлись.

Императоръ Петръ Третій вознамѣрился устроить подъ личнымъ своимъ руководствомъ и призрѣніемъ коммиссію или совѣтъ изъ приближенныхъ лицъ. Это было что-то въ родѣ прежняго кабинета, высшее правительственное учрежденіе, посредствующее между верховною особою и правительствующимъ сенатомъ. Минихъ былъ въ числѣ членовъ этого совѣта. Минихъ дѣлалъ предложеніе дать ему мѣсто или сибирскаго губернатора, или главноначальствующаго надъ каналами и портами. Государь не испол-

нилъ ни того, ни другого изъ его желаній, отложивши это до будущаго времени. Петръ III, назначивъ ему изъ казны жалованье по чину фельдмаршала, подарилъ ему меблированный домъ, купленный у Нарышкина, и послалъ женѣ Миниха въ подарокъ двѣсти имперіаловъ, составлявшихъ двѣ тысячи рублей, на излеченіе отъ болѣзни, на которую, какъ узналъ государь, графиня Минихъ жаловалась въ то время. Пребываніе въ Пелымѣ долго оставляло на ея нервы болѣзненное вліяніе; нѣкоторое время она не могла преодолѣть себя и всегда приходила невольно въ волненіе и безпокойство всякій разъ, когда отворялись двери, гдѣ она находилась. Кромѣ милостей отъ императора, возвратившаго ему и его прежнія помѣстья, ему оказалъ вниманіе и прусскій король. Биронъ въ 1734 году въ прусскихъ владѣніяхъ купилъ баронство Вартембергъ. Послѣ ссылки Бирона оно было конфисковано и отдано Миниху, а когда чрезъ годъ послѣ того сосланъ былъ и Минихъ, прусскій король велѣлъ взять его временно въ казну. Но по возвращеніи Миниха и Бирона, оба стали добиваться возврата себѣ этого имѣнія. Прусскій король принялъ на себя въ этомъ вопросѣ посредничество и рѣшилъ возвратить Вартембергъ прежнему владѣльцу Бирону, а прежній владѣлецъ, получая его обратно, долженъ былъ заплатить Миниху 25,000 талеровъ, и сверхъ того, Минихъ отъ прусскаго правительства получилъ двѣнадцать тысячъ талеровъ за доходы, собираемые съ этого имѣнія во время своей ссылки, и 50,000 талеровъ за вновь прикупленныя къ нему помѣстья.

Минихъ не совсѣмъ сошелся съ новымъ государемъ. Во-первыхъ, онъ не одобрялъ войны съ Даніею, которую замышлялъ вести русскій государь за интересы своего голштинскаго дома, совершенно чуждые Россіи. Во-вторыхъ — онъ не одобрялъ намѣренія государя переодѣть все русское войско на прусскій образецъ и вообще отнюдь не мирволилъ его нѣмецкимъ симпатіямъ, которыя, какъ извѣстно, оскорбляли русскихъ и стали поводомъ къ тому охлажденію русской націи, которое въ критическія минуты, скоро наступившія для этого государя, лишили его опоры и въ войскѣ, и въ народѣ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Минихъ былъ всегда истый нѣмецъ, но какъ человѣкъ благоразумный и слишкомъ знавшій духъ русскій, видѣлъ, что нѣмцелюбіе не приведетъ къ добру государя. За смѣлыя возраженія Петръ уже сталъ показывать къ нему холодность, и Минихъ совсѣмъ расходился уже съ своимъ государемъ-благодѣтелемъ.

Но вотъ настало страшное для Петра III 28 іюня 1762 года. Государь стоялъ въ открытой борьбѣ съ своею супругою. Въ это

время онъ съ своею голштинскою силою шелъ на Петергофъ и узналъ, что императрица уже въ Петербургѣ, а войска русскія принимаютъ ея сторону. Слабодушный государь растерялся. Онъ грозилъ уничтожить Екатерину, и въ тоже время послалъ къ ней канцлера Воронцова съ мирными предложеніями. А окружавшіе его не могли поддержать въ немъ присутствіе духа. Одинъ Минихъ явился тогда героемъ. Онъ одинъ далъ государю спасительный совѣтъ.—Ваше величество—говорилъ онъ:—не дождетесь посланнаго Воронцова: онъ останется при императрицѣ. На ея сторонѣ двадцать тысячъ войска, а мы что́ можемъ ему противопоставить: какихъ нибудь тысячи три голштинцевъ, да еще, можетъ быть, толпу необученныхъ мужиковъ, которыхъ, быть можетъ, удастся намъ поднять изъ деревень на защиту государя; въ Петергофѣ мы не можемъ обороняться, въ Ораніенбаумѣ—только на короткое время и слабо. Я вѣдь знаю русскихъ солдатъ. Малѣйшее сопротивленіе подвергнетъ жизнь вашего величества опасности. Въ Кронштадтѣ надобно искать спасенія. Тамъ найдемъ и многочисленный гарнизонъ, и флотъ. Овладѣвши Кронштадтомъ, мы принудимъ покориться и Петербургъ.

По совѣту Миниха, тотчасъ отправили въ Кронштадтъ вѣрнаго Петру генерала Ливерса. Вслѣдъ затѣмъ приготовили двѣ яхты къ отплытію государя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ. Не успѣли сѣсть въ яхты, какъ посланный въ Кронштадтъ Ливерсъ прислалъ адъютанта сказать, что Кронштадтъ держится въ вѣрности государю и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его прибытія. Минихъ торопилъ Петра скорѣе отплывать, но Петръ, какъ ребенокъ, постоянно переходилъ отъ отваги къ трусости, отъ трусости опять къ отвагѣ, и теперь, какъ только увѣрился, что въ Кронштадтѣ найдетъ себѣ надежное убѣжище и опору, забылъ объ опасности, сталъ горячиться, кричалъ, что постыдно убѣгать, не видавши непріятеля; сталъ разставлять своихъ голштинцевъ въ боевой порядокъ и твердилъ, что дождется своей соперницы и дастъ ей отпоръ. Яхты были готовы; Минихъ настаивалъ на скорѣйшемъ отплытіи, а Петръ все осматривалъ мѣстность съ цѣлію обороны. Наконецъ, прискакалъ адъютантъ во весь галопъ съ извѣстіемъ, что императрица съ двадцати-тысячнымъ войскомъ достигаетъ Петергофа. Уже вечерѣло. Тогда Петръ бросился къ яхтамъ; Минихъ совѣтовалъ садиться въ порядкѣ, не торопясь, но всѣ бросились за императоромъ къ яхтамъ, стремглавъ. Государь отплылъ съ Гудовичемъ, Минихомъ, съ своею любимицею Воронцовою и съ нѣсколькими придворными дамами и царедворцами. Въ десять часовъ причалили къ Кронштадту. На бе-

регу стояла часть кронштадтскаго гарнизона подъ ружьемъ. Часовые сдѣлали окликъ: кто? Былъ отвѣтъ: императоръ! „У насъ нѣтъ императора"! закричали съ берега. Петръ выступилъ впередъ, стоя на палубѣ, открылъ свой плащъ, показалъ свой орденъ и, собираясь вступить на твердую землю, сказалъ:—Это я! развѣ вы меня не узнаете!—„Нѣтъ"!—былъ отвѣтъ. Караульный офицеръ грозилъ стрѣлять, если яхта не отчалитъ. Тогда Гудовичъ, положивъ руку на перила, окружавшія гавань, совѣтовалъ императору спрыгнуть на берегъ и увѣрялъ, что никто не осмѣлится выстрѣлить въ своего государя. Но Петръ не обладалъ такою рѣшимостью и ушелъ въ каюту съ своею любимицею и съ прочими придворными дамами.

Дѣло произошло отъ того, что въ то время, когда Петръ занимался въ Ораніенбаумѣ приведеніемъ въ строй своихъ голштинцевъ въ надеждѣ обороняться отъ Екатерины, въ Кронштадтъ прибылъ адмиралъ Талызинъ, успѣлъ расположить матросовъ и гарнизонныхъ солдатъ къ сторонѣ Екатерины, употребилъ при этомъ кстати водку и денежныя подачки и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобъ не допустить Петра высадиться на берегъ. Ливерсъ былъ арестованъ.

Яхта отчалила. Минихъ стоялъ на палубѣ и глядѣлъ на звѣздное небо. Капитанъ судна вошелъ къ государю въ каюту и спрашивалъ: куда прикажетъ держать путь. Государь приказалъ позвать Миниха.

— Фельдмаршалъ! я виноватъ предъ вами,—сказалъ государь:—я не послушалъ вашего совѣта—спѣшить. Но что̀ теперь дѣлать? Вы столько разъ бывали въ опасностяхъ и избавлялись отъ нихъ, дайте совѣтъ, какъ намъ поступить въ теперешней крайности!

— Плыть поскорѣе въ Ревель. Тамъ стоитъ наша эскадра,—сказалъ Минихъ:—Ваше величество сядете на одинъ изъ кораблей и поплывете въ Померанію; тамъ ваше войско; съ нимъ воротитесь въ Россію, и я ручаюсь, что въ шесть недѣль покорится вамъ Петербургъ и все остальное государство ваше.

— Далеко! далеко! гребцы устанутъ, не дойдутъ до Ревеля!—кричали царедворцы и дамы.

— Мы сами съ ними станемъ работать веслами,—сказалъ Минихъ.

— Опасность еще не такъ велика, ваше величество: Екатерина только того и желаетъ, чтобъ съ нею войти въ соглашеніе. Лучше сговориться, чѣмъ сражаться! — говорили царе-

дворцы. Слабодушный Петръ поддался этому совѣту и приказалъ направляться къ Ораніенбауму.

Въ четыре часа утра всѣ вышли на берегъ. Государю донесли, что уже императрица недалеко съ войскомъ. Петръ заперся съ Воронцовою и написалъ къ Екатеринѣ письмо: онъ отрекался отъ престола, умолялъ только отпустить его за границу съ Воронцовой и Гудовичемъ.

Голштинскія войска, вернувшіяся изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, повторили клятву вѣрности, изъявили готовность положить жизнь за государя. Петръ велѣлъ имъ положить оружіе и разойтись. Минихъ еще пытался возбудить падавшаго духомъ государя и убѣждалъ отважиться на битву. Все было напрасно. Петръ написалъ вторично къ Екатеринѣ и не только отрекался отъ престола, но клялся никогда не искать его возвращенія и ни отъ кого не принимать помощи.

Тогда Миниху ничего не оставалось какъ отдаться Екатеринѣ. Онъ отправился къ ней и смѣло предсталъ предъ нею.

— Вы хотѣли противъ меня сражаться? — спросила его Екатерина.

— Ваше величество!—отвѣчалъ Минихъ:—я хотѣлъ жизнію своею пожертвовать за государя, который возвратилъ мнѣ свободу. Но теперь я считаю своимъ долгомъ сражаться за васъ и вы найдете во мнѣ вѣрнѣйшаго слугу вашего.

Императрица оцѣнила поступокъ Миниха по его достоинству, хотя бы имѣла болѣе права поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ, чѣмъ Елисавета: Минихъ поднималъ противъ Екатерины оружіе, чего не дѣлалъ противъ Елисаветы, будучи предъ нею виновенъ только въ томъ, что оставался покоренъ существовавшей предержащей власти и не предпринималъ противъ послѣдней замысловъ въ пользу Елисаветы. Екатерина не только оцѣнила въ Минихѣ его вѣрность государю Петру Ѳеодоровичу, но дозволила ему въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ являться къ ней въ траурѣ по скончавшемся вскорѣ императорѣ.

Екатерина, вообще обладавшая рѣдкимъ даромъ узнавать людей и поручать имъ соотвѣтствующія ихъ способностямъ должности, нашла, что Минихъ въ своей старости способнѣе всего обратиться къ такой области дѣятельности, въ какой началъ свою службу въ Россіи. Самъ Минихъ, какъ намъ кажется, направилъ государыню къ этому. По крайней мѣрѣ, онъ еще Петру Третьему дѣлалъ предложеніе назначить его либо сибирскимъ губернаторомъ, либо начальникомъ надъ каналами и портами. Екатерина назначила его главноначальствующимъ надъ

портами: рогервикскимъ, ревельскимъ, нарвскимъ, кронштадтскимъ и надъ Ладожскимъ каналомъ.

Онъ съ энтузіазмомъ принялся за приведеніе къ окончанію постройки рогервикской гавани. Онъ видѣлъ въ ней важное значеніе для безопасности Русскаго государства. „Рогервикъ,—писалъ онъ императрицѣ изъ Ревеля,—оплотъ противъ шведовъ и всѣхъ завистниковъ Россіи. Непремѣнно слѣдуетъ достроить тамъ гавань, и если ваше величество не окажете вниманія къ этому славному и полезному предпріятію, то мнѣ останется удалиться въ бѣдную хижину и тамъ кончать свои дни!“ Онъ требовалъ пособія, денегъ и людей на работы, требовалъ также надлежащаго числа инженеровъ и секретарей. Работы производились осужденными преступниками; ихъ было недостаточно; Минихъ домогался, чтобы ему отрядили для работъ нѣсколько полковъ солдатъ. Екатерина хоть и была постоянно внимательна къ почтенному неутомимому старику, но, занятая разнообразными дѣлами по управленію, не могла отдаваться этимъ вопросамъ въ такой степени, какъ Минихъ, и старикъ былъ этимъ очевидно недоволенъ. Между тѣмъ, онъ сообщалъ ей въ то же время о разныхъ подмѣченныхъ злоупотребленіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ докладывалъ, что въ Нарвѣ собираютъ пошлину съ проходящихъ англійскихъ и голландскихъ торговыхъ судовъ, назначаемую на содержаніе въ порядкѣ нарвской гавани, но собранныя деньги истрачиваются совсѣмъ не на то, къ чему предназначены. „Нарва,—писалъ онъ,—первый городъ, отнятый Петромъ Великимъ у шведовъ на балтійскомъ побережьѣ, Нарва—это ворота Россіи къ Европѣ. Нарва была цвѣтущимъ городомъ, а теперь упала“.

Рогервикская гавань строилась по чертежу Миниха. Молъ былъ заложенъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ находился, когда его начинали дѣлать шведы, и не въ той величинѣ, какъ прежде: онъ долженъ былъ протягиваться на восемьсотъ шаговъ въ море, а на его оконечностяхъ возведены были два сильныхъ больверка. Отверстіе между этими двумя больверками составляло входъ съ моря въ гавань. По обѣимъ сторонамъ нѣсколько шанцевъ и баттарей должны были прикрывать входъ въ гавань и защищать молъ; за ними предположили построить два моста—одинъ на твердой землѣ для купеческихъ судовъ, другой на острову для кораблей военныхъ. Утесистые берега надлежало взорвать порохомъ, а камни, оставшіеся отъ взрыва, употребить на устройство плотины, шанцевъ и для выравниванія нѣкоторыхъ неровностей. Таковъ былъ планъ Миниха, по которому приступ-

лено къ работамъ. Въ сентябрѣ 1762 года онъ писалъ императрицѣ: „Въ теченіе сорока лѣтъ работы, молъ былъ отдѣланъ на 79 тоазовъ, а съ 17 августа по 5 сентября при мнѣ въ продолженіе восемнадцати дней прибавлено было еще на тридцать одинъ тоазъ, слѣдовательно, болѣе трети цѣлаго, и уже молъ былъ отдѣланъ на 109 тоазовъ. Вотъ успѣхи по новому образцу работъ, мною указанному. У насъ же немного рабочихъ рукъ: изъ числа тѣхъ, которые назначены къ намъ, одна часть служитъ при казармахъ на малой гавани, у генералъ-маіора Шиллинга, другая — при выгрузкѣ провіанта изъ галіотъ. Съ какимъ бы успѣхомъ пошло наше дѣло, если бы мнѣ дали человѣкъ тысячъ пять,—я прошу ихъ и все напрасно! Вотъ если-бъ дѣлалась гавань внутри Петербурга — тогда иное дѣло, тогда бы всѣ адмиралы были согласны со мною. А то — на балтійскомъ портѣ, около 400 верстъ отъ столицы! Постройка здѣсь гавани понудитъ перенести сюда часть адмиралтейства. Кто-то въ сенатѣ обо мнѣ сказалъ: фельдмаршалъ хочетъ въ Рогервикѣ сдѣлать то, въ чемъ искуснѣйшіе люди уже находили для себя камень преткновенія. Это говоритъ духъ недѣятельности и злобы! Петръ Великій, поручая мнѣ строеніе Ладожскаго канала, въ сенатѣ сказалъ: „я нашелъ человѣка, который способенъ окончить каналъ по моему желанію. Я велю вамъ исполнять все, чего онъ потребуетъ!“

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ Минихъ такъ описываетъ свое положеніе: „Сонъ почти не смыкаетъ глазъ моихъ. Ѣмъ я очень мало. Съ разными планами я закрываю глаза, и снова проснувшись, обращаю къ нимъ свои мысли. Меня безпокоитъ давняя геморроидальная болѣзнь, а иногда дѣлаются лихорадочные припадки, по утрамъ —сильный кашель съ болями въ груди. Но меня безпокоитъ то, что мнѣ мало оказываютъ помощи въ моихъ трудахъ и, напротивъ, дѣлаютъ все возможное, чтобъ огорчать меня, нарочно доводятъ до крайности, чтобъ заставить меня сдѣлать какой-нибудь ложный шагъ и чрезъ то лишиться милости своей государыни, хотя бы это произошло со вредомъ для государства“. Минихъ старался убѣдить императрицу совершить поѣздку къ балтійскому порту. Она совершила ее въ 1769 году. Онъ привелъ ее на новоустроенный молъ, показалъ ей свои сооруженія, уже устоявшія противъ зимнихъ бурь. Императрица благодарила его и приказывала продолжать работы.

Одинъ разъ онъ ей написалъ: „Посвятите мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, въ день одинъ часъ или даже меньше часа

и назовите это время часомъ фельдмаршала Миниха. Это доставитъ вамъ средства обезсмертить свое имя". Императрица исполнила его желаніе, и онъ сообщилъ ей плоды своихъ долгихъ размышленій о разныхъ вопросахъ, занимавшихъ его въ теченіе жизни. Любимымъ предметомъ его задушевныхъ желаній было изгнаніе турокъ и татаръ изъ Европы и завоеваніе Константинополя.

Въ празднованіе дня рожденія великаго князя Павла Петровича приглашенный во дворецъ Минихъ сказалъ императрицѣ: „Я желаю, чтобы, когда великій князь достигнетъ семнадцатилѣтняго возраста, я бы могъ поздравить его генералиссимусомъ россійскихъ войскъ и проводить въ Константинополь, слушать тамъ обѣдню въ храмѣ св. Софіи. Можетъ быть, назовутъ это химерою, такъ же какъ называли химерою строеніе балтійскаго порта въ Рогервикѣ. Но я могу на это сказать только то, что Великій Петръ съ 1695 года, когда въ первый разъ осаждалъ Азовъ, и вплоть до своей кончины не выпускалъ изъ вида своего любимаго намѣренія — завоевать Константинополь, изгнать турокъ и татаръ изъ Европы и на ихъ мѣсто возстановить христіанскую греческую имперію. Я могу, всемилостивѣйшая государыня, предложить планъ этого обширнаго и важнаго предпріятія. Я нѣсколько лѣтъ надъ этимъ планомъ трудился въ моемъ изгнаніи; къ несчастію — онъ, уже написанный, пропалъ вмѣстѣ съ моею новою системою фортификаціи. Надобно нѣсколько времени, чтобъ его снова обдумать и начертить". Минихъ сообщалъ Екатеринѣ свои предположенія о войнѣ съ турками, и Екатерина съ удовольствіемъ слушала сѣдого воина, который при этомъ не удерживался и проклиналъ Австрію за бѣлградскій миръ, остановившій побѣдоносное движеніе Россіи къ общенамѣченной цѣли.

Минихъ, всегда человѣкъ религіозный, еще съ 1727 года состоялъ патрономъ евангелическаго общества при лютеранской церкви св. Петра въ Петербургѣ. Въ 1728 году онъ купилъ и подарилъ ей просторное мѣсто, на которомъ эта церковь каменная стоитъ до сихъ поръ, самъ начертилъ планъ и фасадъ ея, собралъ на постройку ея деньги, присутствовалъ при ея заложеніи, и при освященіи ея 14 іюня 1730 года, поднесъ пастору Назіасу церковные ключи. Послѣ его возвращенія изъ ссылки, его опять упросили принять на себя патронатъ. Минихъ ревностно старался привести въ цвѣтущее состояніе церковь и основанную при ней школу (Petersschule), находившуюся тогда подъ надзоромъ доктора пастора Бюшинга; испросилъ у

императрицы пожертвованіе въ пользу школы въ количествѣ трехъ тысячъ рублей, а отъ великаго князя тысячу рублей на покрытіе долга, сдѣланнаго при постройкѣ зданія для школы, а самъ вносилъ на школу каждогодно по 300 рублей. Но въ 1766 году, вслѣдствіе несогласій между членами общины, Минихъ лишился патронатства. Тогда оставилъ свою пасторскую должность и уѣхалъ за границу его пріятель, докторъ Бюшингъ. Онъ, какъ самъ объясняетъ, поступилъ такъ столько же изъ уваженія къ Миниху, сколько и для того, чтобъ не подавать повода къ дальнѣйшимъ раздѣленіямъ и недоразумѣніямъ.

Минихъ не забывалъ никогда своей родины, а послѣ своего возвращенія изъ Сибири, велъ постоянную переписку съ управителями своихъ помѣстьевъ въ Ольденбургскомъ краѣ. Осталось его письмо къ управителю Гансу и другое къ Генриху, который приходился ему родственникомъ и занималъ должность главнаго надзирателя надъ водяными путями и постройками каналовъ, плотинъ, мостовъ и шлюзовъ. Минихъ списалъ сочиненіе своего родителя о плотинахъ и послалъ къ Генриху для напечатанія; кромѣ того, послалъ собственный проектъ о проведеніи каналовъ въ Ольденбургскомъ графствѣ, назначивъ его на благоусмотрѣніе датскаго короля, который въ то время былъ и владѣтельнымъ графомъ ольденбургскимъ и дельменгорстскимъ. На этотъ проектъ не обратили тогда большого вниманія. Данія собиралась обмѣною Ольденбурга прекратить возникшую тогда датско-голштинскую распрю. Впрочемъ, датскій король прислалъ Миниху благодарность и далъ позволеніе въ своихъ имѣніяхъ свободно стрѣлять оленей и другихъ звѣрей.

Минихъ приказывалъ перестроить по своему плану свой домъ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ Нейенгунторфѣ и купить для себя домъ въ Ольденбургѣ: онъ намѣревался, удалившись на родину, проживать тамъ въ зимнее время, а на лѣто переселяться въ Нейенгунторфъ. За годъ передъ смертію, онъ писалъ женѣ своего управителя: „Я живу здѣсь въ великолѣпномъ домѣ, въ которомъ комнаты богато расписаны и украшены дорогими картинами, но все это я оставлю, чтобы переселиться въ Ольденбургъ: такъ сердечно я люблю свою родину. Охотно вѣрю, что и вы, моя дорогая, пожелаете увидѣть стараго фельдмаршала. Если Богу угодно, это исполнится въ будущемъ году, въ маѣ“. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины онъ писалъ: „меня задерживаютъ здѣсь: составленіе фортификаціонной системы и множество дѣлъ, должностныхъ и домашнихъ. У меня подъ управленіемъ три канцеляріи: русская, нѣмецкая и фран-

цузская. Я работаю въ нихъ, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, зимою и лѣтомъ, съ четырехъ часовъ утра до обѣда. За столомъ бываю въ кругу пріятелей. Это мое развлеченіе. Послѣ обѣда отдыхаю, не болѣе получаса, а къ вечеру, если работа уже окончена, стараюсь имѣть необходимое для здоровья движеніе, посѣщаю кого-нибудь изъ знакомыхъ или прогуливаюсь въ саду, читаю книги и газеты, чтобы не быть совсѣмъ чужимъ для всѣхъ на свѣтѣ". Онъ въ совершенствѣ владѣлъ русскимъ и французскимъ языками, какъ своимъ природнымъ нѣмецкимъ и, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, диктовалъ на этихъ языкахъ разныя письма и замѣчанія, и дѣлалъ это съ такою быстротою, что уставали отъ работы скорѣе его секретари, чѣмъ онъ самъ. Порядокъ, аккуратность, правильность во всемъ—были его качествами, и онъ не выносилъ ни малѣйшаго промаха въ писаніи. До смерти онъ былъ милъ и любезенъ въ обращеніи съ дамами. Екатерина, замѣчая любезный тонъ его писемъ къ ней, однажды выразилась: „вы такъ любезно ко мнѣ пишете, что со стороны могло бы кому-нибудь показаться, что между нами есть сердечныя отношенія, если бы ваши почтенныя лѣта не исключали всякаго подозрѣнія въ этомъ родѣ".

Въ 1766 году императрица устроила у себя рыцарскій карусель для благородныхъ лицъ россійскаго дворянства. Участвовали знатныя придворныя дамы. Всѣ участники раздѣлены были на четыре группы или кадрили, изображавшія собою четыре націи, то были: словяне, индѣйцы, римляне и турки. Минихъ былъ судьею состязавшихся. Онъ стоялъ на возвышеніи въ родѣ амфитеатра. По окончаніи рыцарскихъ игръ, онъ сказалъ по-французски кавалерамъ и дамамъ: „я — старѣйшій фельдмаршалъ въ Европѣ, я на службѣ шестьдесятъ пять лѣтъ; я водилъ къ побѣдамъ славное русское воинство, считаю настоящія минуты драгоцѣннѣйшею въ моей жизни наградою, и горжусь, что избранъ судьею вашихъ блистательныхъ подвиговъ, благородные дамы и кавалеры!" Онъ вручилъ первый призъ графинѣ Чернышевой и передалъ ей для раздачи другимъ лицамъ призы.

Этими игрушками императрица думала развлекать дворянство и отвлекать отъ политическихъ волненій, которыя считала возможными, вслѣдствіе своего необычайнаго вступленія на престолъ.

Старый фельдмаршалъ надѣялся еще жить долго. У него была вѣра въ то, что его поддерживаютъ па свѣтѣ благодѣянія, которыя онъ щедро оказывалъ всѣмъ, вѣрный своему правилу—

непремѣнно каждый день исполнить какое-нибудь богоугодное доброе дѣло, за которое вечеромъ въ тотъ же день одобритъ его собственная совѣсть. Человѣкъ благодѣтельный долженъ прожить до ста лѣтъ, —писалъ онъ Бюшингу. Но когда ему исполнилось слишкомъ восемьдесятъ пять лѣтъ, ему сильно хотѣлось удалиться на свою ольденбургскую родину и онъ подалъ Екатеринѣ просьбу объ отставкѣ; въ этой просьбѣ сравнивалъ себя съ Верзеніемъ, котораго царь Давидъ не охотно отпускалъ отъ себя (Царств. II, гл. XIX, ст. 34): „Вкусъ мой не прельщается пиршествами, гласы пѣвцовъ и пѣвицъ не плѣняютъ уже моего слуха. Зачѣмъ рабъ твой будетъ въ тягость своему царю! Дозволь, всемилостивѣйшая государыня, рабу своему возвратиться и умереть у гроба отца своего и матери“. Но государыня, уже прежде отказывавшая ему подъ разными предлогами, и теперь просила его подождать немного, увѣряя, что нѣтъ у ней другого, который бы могъ замѣнить его въ это время. Екатерина намѣревалась созвать депутатовъ для уложенія законовъ и уже разослала по Россіи свой „Наказъ“; она вручила экземпляръ и сыну Миниха, для передачи отцу, и желала, чтобы старецъ, прочитавъ его, сообщилъ ей свои мнѣнія.

Но этотъ даръ засталъ Миниха на смертномъ одрѣ. Онъ заболѣлъ лихорадочными припадками и колотьемъ въ боку. Чрезъ двѣ недѣли онъ сталъ выздоравливать, и тутъ доставленъ былъ ему отъ императрицы экземпляръ ея „Наказа“. За четыре дня до смерти, онъ писалъ въ Ольденбургъ, что былъ боленъ, но болѣзнь уже проходитъ и онъ надѣется, что скоро силы его совершенно возстановятся. Но послѣ облегченія отъ болѣзни, вдругъ силы его стали исчезать и Минихъ скончался 16 октября 1767 года, проживши 84 года, 5 мѣсяцевъ и 6 дней.

Его желаніе—быть погребеннымъ въ ольденбургской родовой гробницѣ—не исполнилось. Тѣло его было сначала положено въ церкви св. Петра въ Петербургѣ, какъ строителя и благодѣтеля этой церкви, а потомъ отвезено было въ Лифляндію въ его маетность Лунію, недалеко отъ Дерпта, и тамъ было предано землѣ. Его супруга пережила его. Послѣ него осталось четверо дѣтей: сынъ и три дочери, всѣ отъ перваго брака. У каждаго изъ дѣтей были не только дѣти, но уже и внуки, такъ что послѣдніе дни свои освобожденный изъ грустнаго заточенія старецъ проводилъ какъ ветхозавѣтный патріархъ посреди юнаго потомства.

Личность Миниха—безспорно одна изъ самыхъ замѣчательныхъ въ ряду дѣятелей русской исторіи. Изъ всѣхъ такъ-назы-

ваемыхъ нѣмцевъ Петра Великаго, включая въ число ихъ какъ найденныхъ имъ въ отечествѣ и поднятыхъ его всепроницающимъ геніемъ, такъ и приглашенныхъ имъ въ Россію иноземцевъ, едва ли можно указать на болѣе соотвѣтствовавшаго значенію быть продолжателемъ дѣятельности великаго преобразователя, какъ Минихъ, и недаромъ прозорливый государь такъ одобрительно отнесся къ нему передъ собраніемъ своихъ сенаторовъ. Искусный водопроводитель, мудрый администраторъ, непобѣдимый полководецъ, онъ, куда только ни ставила его судьба, вездѣ являлся достойнымъ продолжателемъ Петра Великаго, къ памяти котораго до гробовой доски сохранялъ благоговѣйное уваженіе. Даже по своей неутомимой дѣятельности и по безпредѣльному трудолюбію онъ напоминалъ собою великаго государя. Будучи въ Россіи чужеземцемъ и въ русской службѣ наемникомъ, онъ, по своему обширному уму, не могъ послѣдовать общему предразсудку своихъ земляковъ-нѣмцевъ, которые, вступая въ Россію, считали ее варварскою страною, смотрѣли на русскій народъ, какъ на матеріалъ, пригодный только для ихъ корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ. Минихъ не переставалъ принадлежать къ той народности, въ нѣдрѣ которой родился, но уразумѣлъ, какъ немногіе изъ природныхъ русскихъ, всѣ достоинства русскаго народа и служилъ пользѣ и интересамъ Россіи честно, открыто и неутомимо. Россія обязана ему приведеніемъ въ лучшій строй русскаго войска и многими административными учрежденіями по военному устройству; въ особенности заведеніе Сухопутнаго кадетскаго корпуса и учрежденіе гарнизонныхъ школъ останутся вѣчнымъ памятникомъ заботливости его о распространеніи просвѣщенія въ русскомъ войскѣ. Его неудавшіеся планы относительно турецкой имперіи показываютъ, что онъ понималъ истинное призваніе Россіи и что его войны были у него не такъ, какъ у многихъ талантливыхъ военачальниковъ, войнами для войны, но средствомъ для болѣе великихъ и гуманныхъ цѣлей. Разрушеніе турецкаго владычества въ Европѣ, за которымъ неизбѣжно должно было послѣдовать освобожденіе и призваніе къ новой политической жизни подавленныхъ оттоманскимъ завоеваніемъ христіанскихъ народовъ, было его любимою идеею, не оставлявшею его и въ грустномъ пелымскомъ заточеніи: ему хотѣлось, чтобы это великое дѣло совершено было Россіею и совершеніе было уже не далеко, но помѣшала тогда зависть къ величію Россіи западныхъ державъ и неспособность, а равно коварство союзника, австрійскаго двора; оттуда-то непримиримая ненависть его къ Австріи,

проявлявшаяся постоянно. Въ судьбѣ этого человѣка — много трагическаго; въ своихъ широкихъ видахъ на пользу Россіи — онъ постоянно встрѣчалъ препятствія отъ самой Россіи. Узкое правительство Анны Ивановны, руководимое недалекимъ умомъ герцога курляндскаго, заключаетъ не кстати миръ, разбивающій въ дребезги всѣ плоды военной дѣятельности Миниха, и празднуетъ этотъ унизительный миръ, какъ великое счастливое событіе; — одинъ Минихъ чувствуетъ, что Россіи надобно не радоваться, а сѣтовать, но долженъ, однако, скрѣпя сердце, молчать и заурядъ съ другими радоваться и торжествовать, а завистники и клеветники, всю жизнь не дававшіе ему отдыха, замѣчая въ немъ недовольство, приписываютъ его только невозможности достигнуть своихъ собственныхъ эгоистическихъ цѣлей! Анна при смерти; придворные льстецы, угождая ей и думая предупреждать ея тайныя желанія, обращаются къ ея любимцу съ просьбою принять по смерти императрицы регентство; — Минихъ, ненавидѣвшій и презиравшій временщика, понималъ изъ предшествовавшихъ событій, что если государыня выздоровѣетъ, то не проститъ ни малѣйшаго неуваженія къ ея любимцу, — и долженъ былъ не только пристать къ льстецамъ, но даже стать во главѣ ихъ и просить Бирона о томъ, чего внутренно не хотѣлъ! Черезъ 20 дней, по просьбѣ утѣсняемой регентомъ матери императора, онъ низвергъ регента, но вмѣсто благодарности встрѣтилъ отъ возстановленнаго имъ правительства недовѣріе, подозрительность и противодѣйствіе своимъ совѣтамъ. Минихъ устранился, а его не переставали подозрѣвать и не любили. Наконецъ, совершается новый переворотъ и Миниха, ни въ чемъ неповиннаго, уже совершенно отстранившагося отъ государственныхъ дѣлъ, арестуютъ, ведутъ на эшафотъ и отправляютъ въ тяжелое заточеніе. Какое опять наступаетъ трагическое положеніе! Его натура въ силахъ нести непомѣрные для другихъ труды, перетерпѣвать лишенія и оскорбленія, какъ никто иной не въ силахъ, но бездѣятельности вынести не можетъ; онъ пишетъ и посылаетъ изъ своей грустной темницы проектъ за проектомъ, въ видахъ то того, то другого предпріятія въ пользу Россіи, указываетъ на все, какъ на продолженіе или на окончаніе того, что̀ замышлялъ Петръ Великій, проситъ себѣ свободы настолько, чтобы могъ потрудиться для Россіи — все напрасно: власть глуха къ его моленіямъ, его проектовъ не читаетъ властительница, во все свое царствованіе избѣгавшая всякаго серьезнаго чтенія; ему, наконецъ, запрещаютъ писать, отнимаютъ у него бумагу, перья, чернила, грубый караульный

подсматриваетъ за нимъ какъ за опаснымъ государственнымъ злоумышленникомъ... и въ такомъ ужасномъ положенiи томится страдалецъ двадцать лѣтъ! И что же? „Не было дня, чтобы я не находился въ свѣтломъ расположенiи духа“, сознавался онъ по выходѣ изъ заточенiя. Какая сверхъ-человѣческая сила духа! Съ веселымъ лицомъ шелъ этотъ человѣкъ на эшафотъ, не зная еще, что милость императрицы замѣнитъ для него колесо ссылкою; не унывалъ онъ и въ ужасныхъ стѣнахъ пелымскаго острога: вездѣ и всегда — равенъ себѣ самому! Наконецъ, дожилъ онъ до освобожденiя. Но трагизмъ не покидаетъ этой личности и послѣ. Какъ не назвать трагическимъ, въ ряду противоположныхъ явленiй, доходящихъ отчасти до комизма, положенiе, когда старый фельдмаршалъ выбивается изъ силъ, чтобы спасти государя, которому обязанъ возвращенiемъ къ жизни, и не можетъ, по причинѣ ничтожности души этого государя и его сателлитовъ! Старику остается безсмысленно смотрѣть на звѣзды, когда послѣднiй спасительный совѣтъ его былъ отвергнутъ! Онъ отдается Екатеринѣ. Трогательно великодушiе новой государыни! Теперь, уже въ восемьдесятъ лѣтъ отъ роду, для него, казалось, наступала эпоха, когда онъ могъ сойтись съ властью — но и теперь не кончился трагизмъ для судьбы этого человѣка. Казалось бы, съ кѣмъ легче могъ сойтись Минихъ, какъ не съ Екатериною! И что же? Мы видимъ, что она предоставила ему строить гавани и каналы, окружила его внѣшнимъ почетомъ, цѣнила его личность, слушала со вниманiемъ, но тутъ же и скучала отъ его старческихъ предположенiй и даже не содѣйствовала успѣшному окончанiю его инженерныхъ и гидравлическихъ работъ въ такой степени, какъ онъ желалъ и требовалъ. Онъ все-таки чувствовалъ, что онъ — уже лишнiй! Отсюда — его желанiе удалиться на родину и тамъ дожить въ безвѣстности. Едва ли въ русской исторiи можно указать личность, въ судьбѣ которой было столько трагизма, какъ личность Миниха!

Современники, знавшiе его лично, замѣчали въ немъ признаки неудержимаго честолюбiя, а иногда и высокомѣрiя; конечно, ни одинъ смертный не можетъ быть безъ недостатковъ и пороковъ, но тѣ же современники сознавали, что эти недостатки умѣрялись другими высокими нравственными качествами. Притомъ надобно имѣть въ виду, что Минихъ, какъ человѣкъ, былъ все-таки сынъ своего вѣка. Мы позволимъ себѣ замѣтить въ немъ еще противорѣчiе, незамѣтное для современниковъ. Какъ мирились въ этомъ человѣкѣ два противоположныя качества: жестокость и безпощадность къ человѣку на войнѣ и глу-

бокая религіозность, не такая, которая часто удовлетворяетъ себя видимыми обрядами благочестія въ родѣ построенія церквей и т. п., а иная, болѣе раціональная, стремящаяся выразиться исключительно въ молитвѣ и любви къ ближнему? Минихъ безъ сожалѣнія велъ войско въ лѣтній зной по степямъ крымскимъ и украинскимъ, теряя тысячи погибавшихъ отъ утомленія, жажды и голода, и тотъ же Минихъ поставлялъ себѣ всю жизнь обыденнымъ правиломъ — сдѣлать каждый день какое-нибудь доброе дѣло, чтобъ успокоить свою совѣсть вечеромъ, когда начнетъ размышлять о проведенномъ днѣ! Какъ согласить несогласимое — военную доблесть, истребленіе враговъ, съ послѣдованіемъ Тому, кто, въ минуту крайней опасности, повелѣлъ хотѣвшему защищать его вложить въ ножны оружіе и произнесъ великую міровую истину: всякъ, принимающійся за мечь, погибнетъ отъ меча! И, однако, эта истина, произнесенная такъ давно, и въ наше время сознается и чувствуется только очень немногими, а въ тѣ времена, когда жилъ Минихъ, чувствовалась развѣ одними отшельниками, отрекавшимися отъ всякой общественной дѣятельности, не только разрушительной, но и созидательной. Да и тѣ признавали такой взглядъ обязательнымъ только для себя самихъ, а пребывающимъ за стѣнами ихъ келій предоставляли руководствоваться иными нравственными убѣжденіями. Большинство изъ поколѣнія въ поколѣніе считало призваніе воина совершенно согласимымъ съ призваніемъ истиннаго христіанина, и добытые на войнѣ трофеи безъ зазрѣнія совѣсти приносились въ храмъ, посвященный Тому, кто повелѣлъ даже злу не противиться! И у Миниха согласовалось воинское поприще съ обязательствомъ каждый день совершить доброе дѣло для успокоенія своей совѣсти. Надобно только замѣтить, что у Миниха приличнѣе, чѣмъ у многихъ ему подобныхъ, сочеталось это противорѣчіе воинственности съ христіанскимъ благочестіемъ. Мы выше уже замѣтили, что Минихъ принадлежалъ не къ тѣмъ, для которыхъ война имѣла значеніе для самой войны; у него она была необходимымъ, хотя и злымъ средствомъ къ достиженію болѣе гуманныхъ, культурныхъ цѣлей, точно такъ же, какъ и у Великаго Петра, котораго Минихъ постоянно считалъ для себя образцомъ, — и это качество, замѣтное во всей его жизни, возвышаетъ въ глазахъ нашихъ этого человѣка, и дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ почтенныхъ лицъ, двигавшихъ нашу исторію, не только по суммѣ пользы, сдѣланной имъ Россіи въ своей жизни, но и по нравственной высотѣ своего характера.

II.

ИМПЕРАТРИЦА АННА ИВАНОВНА И ЕЯ ЦАРСТВОВАНІЕ [1]).

I.

Анна Ивановна до призванія на царство.

Семья Анны Ивановны. — Мать ея, царица Прасковья Өедоровна, урожденная Салтыкова. — Предсказанія. — Переѣздъ царицы Прасковьи съ дочерьми въ Петербургъ. — Замужество Анны Ивановны. — Свадебное торжество. — Смерть ея супруга. — Вдовство и пребываніе ея въ Митавѣ. — Петръ Бестужевъ. — Василій Салтыковъ, дядя Анны Ивановны. — Неудовольствія съ матерью. — Немилость къ Петру Бестужеву и къ роднымъ его.

По смерти царя Өедора Алексѣевича осталось нѣсколько сестеръ его и двое братьевъ: Иванъ и Петръ. Тогда, какъ извѣстно, объявленъ былъ преемникомъ умершему царю меньшой изъ царственныхъ братьевъ, Петръ. Старшаго обошли, какъ „скорбнаго главою“ (недостаточно умнаго). Но, по интригамъ сестры ихъ Софіи, въ Москвѣ произошло смятеніе; устраненіе

---

[1]) При составленіи настоящей монографіи служили главными источниками:

1. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи томы VII—XI.
2. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы: III, V, VI, XV, XX (Депеши иностранныхъ министровъ, находившихся при русскомъ дворѣ).
3. Büschings Magazin für die neue Histoire und Geographie. T. III, VI, IX, XVI.
4. Архивъ князя Воронцова. 1870, 1871 гг., томы I, II.
5. Историческія бумаги К. Арсеньева, изданныя Пекарскимъ. 1872.
6. Записки Манштейна о Россіи, изд. 1875 г.
7. Записки фельдмаршала Миниха, изд. 1874 г.
8. Записки Миниха, сына фельдмаршала, изд. 1817 г.
9. Записки Леди Рондо, супруги англійскаго посланника, изд. 1874 г.
10. Записки Якова Шаховскаго, изд. 1810 г.

отъ престола старшаго изъ братьевъ приписали козпямъ Нарышкиныхъ, родственниковъ съ материей стороны меньшого брата; стрѣльцы произвели переворотъ, который привелъ къ тому, что оба брата были провозглашены вмѣстѣ царями и должны были нераздѣльно царствовать. Не смотря на то, что ихъ происхожденіе отъ разныхъ матерей уже прежде возбуждало недоразумѣнія и послужило поводомъ къ стрѣлецкому возстанію, оба брата не ссорились между собою, какъ ни старалась поселить между ними рознь царевна Софія, рожденная отъ одной матери съ Иваномъ. Петръ скоро показалъ свои необыкновенныя способности и вступилъ въ управленіе дѣлами. Иванъ сознавалъ свою духовную скудость, ни во что не вмѣшивался, ни въ чемъ не перечилъ брату и спокойно прозябалъ въ своихъ кремлевскихъ дворцахъ и въ своемъ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Въ 1684 году 9 января онъ соединился бракомъ съ дѣвицею

---

11. Записки Нащокина, изд. 1842 г.

12. „XVIII Вѣкъ", Бартенева, 4 т. изд. 1862—1869 г.

13. „Отечественныя Записки" 1825 г. Примѣчанія на Записки Манштейна.

14. Hermanns, Geschichte des Russischen Staats, томъ V, изд. 1853 г.

15. Соловьева „Исторія Россіи", томы XVIII—XXII, изд. 1868—1872.

16. „Воцареніе Анны Ивановны" Корсакова, изд. 1880 г.

17. Чтенія Имп. Моск. Общества Исторіи и Древностей, годы: 1858, томы II-й (Записки о Волынскомъ) и III-й (Протоколы Верховн. Тайнаго Совѣта); 1862, томы I-й и IV-й (Дѣло Бирона и матеріалы, относящіеся до жизни его); 1864, томъ I-й (показаніе кн. Долгорукаго и дѣло о Столѣтовѣ и другихъ); 1867, томъ III-й (рапорты Миниха).

18. „Маркизъ де ля Шетарди", Пекарскаго, изд. 1862 г.

19. „Русская Старина", ежемѣсячное историческое изданіе 1870—1884 г. Въ немъ помѣщены: въ 1870 г. „Записки брилліанщика Позье" и „О поврежденіи нравовъ" кн. Щербатова; въ 1872 году—1) „Изъ исторіи Тайной канцеляріи", 2) „Сказанія иноземцевъ—герцога де Лирія и леди Рондо о Россіи", 3) „Императрицы Анна Ивановна и Елизавета Петровна"; въ 1873: „Императрица Анна Ивановна, ея придворный быть и забавы"; въ 1875 г.: „Карлъ Леопольдъ герцогъ Мекленбургскій; въ 1878: 1) Императрица Анна Ивановна и ея современники, примѣчанія къ Запискамъ леди Рондо"; 2) „Убійство Синклера"; въ 1879:—„Замѣчанія графа Панина на Записки Манштейна".

20. „Русскій Архивъ", издаваемый Бартеневымъ, годы 1866, 1867, 1871, 1878 и 1883 гг.

21. Историческія статьи Хмырова, изд. 1873 г.

22. „Царица Прасковья", М. Семевскаго, изд. 1883 г.

23. Вейдемейра „Обзоръ главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны", изд. 1848 г.

24. Бумаги Государственнаго Архива, въ числѣ которыхъ были собственныя письма Анны Ивановны къ разнымъ лицамъ, письма Бирона, Миниха, Головкина, Шаховскаго и другихъ современниковъ, приказы и распоряженія.

Прасковьей Өедоровной Салтыковой. Ея прадѣдъ былъ знаменитый въ русской исторіи Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ. Въ Смутное Время онъ держался стороны поляковъ, горячо старался о воцареніи въ Московскомъ Государствѣ польскаго королевича Владислава, но не встрѣтилъ сочувствія въ русскомъ народѣ и въ 1612 году, когда дѣло поляковъ явно казалось проиграннымъ, перебрался со всѣмъ семействомъ въ Польшу. Его внукъ Александръ (сынъ Петра Михайловича Салтыкова), во время завоеванія Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, присягнулъ московскому царю и перебрался въ его владѣнія, гдѣ оставалось не мало лицъ, носившихъ одно съ нимъ родовое прозвище, и нѣкоторыя изъ нихъ занимали въ государствѣ важныя мѣста. Установившись на родинѣ своихъ предковъ, Александръ Петровичъ Салтыковъ служилъ нѣкоторое время воеводою въ Енисейскѣ, былъ вызванъ оттуда царевной Софіей Алексѣевной и сдѣланъ воеводой въ Кіевѣ. Тогда онъ перемѣнилъ свое имя Александра на имя Өедора, въ честь царя Өедора Алексѣевича. У него былъ сынъ Василій и двѣ дочери: Прасковья и Анастасія. Первая стала супругою царя Ивана Алексѣевича.

Намъ не сохранилось подробностей о совершеніи этого брака, но, безъ сомнѣнія, онъ совершился такъ, какъ совершались царскіе браки того вѣка: собирали со всего государства дѣвицъ дворянскаго званія, царь дѣлалъ имъ смотръ и выбиралъ изъ нихъ ту, которая ему больше другихъ нравилась. Есть предположеніе, что въ этакомъ выборѣ царя Ивана Алексѣевича было участіе царевны Софіи: это подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что Софія уже прежде относилась благосклонно къ родителю Прасковьи, передъ тѣмъ пожалованному званіемъ боярина; во-вторыхъ, тѣмъ, что, по слабоумію своему, царь Иванъ Алексѣевичъ едва-ли былъ способенъ безъ чужого вліянія рѣшиться на важный шагъ въ жизни. Молодая царица оказалась плодовитою матерью семейства. Въ супружествѣ съ царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ у нея было пять дочерей, — двѣ изъ нихъ померли въ младенчествѣ, три достигли совершенныхъ лѣтъ: Екатерина (род. въ 1692 г.), Анна (род. въ янв. 1693 г.) и Прасковья (род. въ 1694 г.).

Царь Иванъ Алексѣевичъ пребывалъ въ царскомъ санѣ до 1696 года, пользуясь почестями, приличными этому сану, являлся народу въ торжественныхъ случаяхъ въ царскомъ облаченіи, участвовалъ въ пріемахъ иностранныхъ пословъ, и его имя ставилось съ именемъ брата во всѣхъ государственныхъ актахъ. Но власти у него не было никакой. Всѣмъ управлялъ Петръ,

оказывая старшему брату подобающіе знаки уваженія. Такъ дожилъ царь Иванъ Алексѣевичъ до 29 января 1696 года и въ этотъ день, въ третьемъ часу пополудни, скоропостижно скончался.

Петръ остался единственнымъ государемъ Россіи, не только по власти, но и по титулу. Неумолимо преслѣдовавшій всякаго, кто бы онъ ни былъ, если встрѣчалъ отъ него малѣйшее сопротивленіе своей волѣ, Петръ всегда былъ милостивъ и родственно любезенъ съ тѣми изъ своихъ кровныхъ, которые, подобно брату его Ивану, сознавали свою малость предъ нимъ, не мѣшались ни въ какія политическія дѣла и даже въ дѣлахъ, касавшихся ихъ домашняго быта, поступали такъ, какъ было угодно ему, заранѣе стараясь узнать или угадать его желаніе. Такова была вдова брата его Ивана Алексѣевича. Петръ оставилъ ее жить въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, гдѣ она прежде жила съ мужемъ, допустилъ управлять всѣмъ тамошнимъ хозяйствомъ, и сверхъ того назначилъ ей окладъ деньгами и запасами въ томъ размѣрѣ, въ какомъ получали другіе члены царскаго рода. Кромѣ села Измайлова, царица Прасковья Ѳедоровна владѣла вотчинами, находившимися въ краяхъ новгородскомъ, псковскомъ и нижегородскомъ; но постояннымъ мѣстомъ жительства ея было село Измайлово — одно изъ любимыхъ лѣтнихъ мѣстопребываній царя Алексѣя Михайловича. Родной братъ царицы Прасковьи, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, былъ ея дворецкимъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ Петръ приставилъ къ ней еще, въ качествѣ близкаго лица, стольника Юшкова. Царица Прасковья не была этимъ недовольна. У нея въ Измайловѣ было множество прислужниковъ, составлявшихъ ея штатъ; тутъ были: стольники, стряпчіе, ключники, подключники, подъячіе, конюхи, сторожа̀, истопники; женскій персоналъ былъ еще многочисленнѣе мужского. Царица Прасковья Ѳедоровна была набожна и проявляла это качество сообразно обычаямъ своего вѣка: она окружала себя ханжами, юродствующими, калѣками, гадателями и гадальщицами, — подобная челядь проживала въ подклѣтяхъ кремлевскаго дворца и являлась по зову въ село Измайлово. Передовой по мысли человѣкъ своего времени — Татищевъ, посѣщавшій царицу въ селѣ Измайловѣ, говорилъ, что дворъ ея походилъ на госпиталь, устроенный для калѣкъ и помѣшанныхъ. Изъ юродствующихъ пользовался изрядною благосклонностью царицы подъячій Тимоѳей Архипычъ, выдававшій себя за пророка.

Петръ, не терпѣвшій старомосковскаго обихода съ ханжами и юродивыми, смѣялся внутренно надъ дворомъ своей невѣстки, и, въ случаѣ его пріѣзда въ село Измайлово, всѣ уроды пря-

тались по чуланамъ, чтобъ не попадаться ему на глаза; но онъ все-таки снисходительно смотрѣлъ на непріятный для него образъ жизни царицы Прасковьи Ѳедоровны, потому что она во всемъ была ему покорна и ни въ чемъ ему не возражала. Петру хотѣлось, чтобы всѣ члены его семьи показывали, подобно ему, доброе расположеніе къ иноземцамъ, — и царица Прасковья Ѳедоровна, по царской волѣ, отправлялась въ Нѣмецкую слободу и присутствовала тамъ на двухдневномъ свадебномъ торжествѣ одного изъ Петровыхъ приближенныхъ. Тамъ все было по иностранному; устраивались танцы, и въ нихъ принимали участіе дочери Прасковьи Ѳедоровны, одѣтыя въ нѣмецкое платье: царица, постоянно у себя водившаяся съ архіереями, паломниками, инокими и юродивыми, въ угоду царю, преодолѣла въ себѣ отвращеніе, какое должно было въ тѣ времена возбуждать въ благочестивой душѣ истинно-русской госпожи сближеніе съ некрещеною иноземщиною. Живописецъ де-Брюинъ, по царской волѣ, пріѣзжалъ въ Измайлово снимать портреты съ царицы и съ ея дочерей, — и она не только дозволила ему безпрепятственно исполнить царское порученіе, но съ обычнымъ гостепріимствомъ угощала его виномъ и рыбнымъ столомъ, хотя въ то время былъ великій постъ, когда строгое православное благочестіе воспрещало употребленіе рыбы въ пищу. Но болѣе всего оказала царица Прасковья Ѳедоровна послушанія своему деверю и государю тогда, когда царь потребовалъ, чтобъ она перебралась изъ села Измайлова въ Петербургъ на жительство. Это требованіе обращено было не къ одной царицѣ Прасковьѣ, но также и къ другимъ особамъ царскаго рода. Царица Марѳа Матвѣевна, вдова царя Ѳедора Алексѣевича, и царскія сестры — царевны Наталья, Марія и Ѳеодосія — должны были также отправляться въ Петербургъ, куда царь уже волею-неволею переселялъ именитѣйшихъ своихъ сановниковъ съ ихъ семьями. Въ мартѣ 1708 года двинулся изъ Москвы громадный поѣздъ колымагъ, каретъ и повозокъ съ особами царскаго дома и съ ихъ многочисленною прислугою. Разомъ съ царицами и царевнами, ѣхалъ тогда изъ Москвы въ Петербургъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, завѣдывавшій Преображенскимъ приказомъ, котораго одно имя наводило всеобщій страхъ. Этотъ господинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ въ нѣкоторомъ смыслѣ и роль забавную: царь наименовалъ его княземъ-кесаремъ и приказалъ оказывать его особѣ наружныя царскія почести, не соединяя съ этимъ никакого серьезнаго значенія. Онъ ѣхалъ съ женою своею Анастасіей, родною сестрою царицы Прасковьи.

По царской прихоти, это путешествіе особъ царской семьи должно было совершаться на-половину водянымъ путемъ. Страстный любитель воды, Петръ говорилъ тогда: „Я пріучу семью свою къ водѣ, чтобы впередъ не боялись моря и чтобъ имъ понравился Петербургъ, окруженный отовсюду водою. Кто хочетъ со мною жить, тотъ долженъ бывать часто на водѣ!“ Петръ встрѣтилъ флотилію съ членами своей семьи въ Шлиссельбургѣ и 25 апрѣля, вмѣстѣ съ ними, прибылъ въ Петербургъ.

Нѣсколько дней царь возилъ свою родню по Петербургу и его окрестностямъ, хвалился новыми постройками, проектированными площадями, улицами, каналами, плавалъ вмѣстѣ съ царицами и царевнами въ Кроншлотъ, потомъ приказалъ имъ проѣхать съ нимъ до Нарвы, откуда, по поводу военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, онъ намѣревался ѣхать въ Смоленскъ. Петръ показалъ своимъ гостьямъ новопостроенные городки—Копорье и Ямбургъ, отпраздновалъ вмѣстѣ съ ними день своихъ именинъ въ Нарвѣ и уѣхалъ въ свой предназначенный путь, а царскія родственницы воротились въ Петербургъ, гдѣ приходилось имъ оставаться на новосельѣ.

Царица Прасковья Ѳедоровна получила отъ царя въ даръ домъ въ полную собственность на Петербургской Сторонѣ, на берегу Невы, близъ Петровскаго домика [1]).

Тамъ была самая нарядная часть города; тамъ жилъ государь, тамъ были дома его ближайшихъ сановниковъ—Меншикова, Головкина, Шафирова, Остермана и другихъ знатныхъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ.

Три дочери царя Ивана Алексѣевича удостоились родственнаго участія ихъ дяди Петра I-го. Воспоминаніе о братѣ Иванѣ, не показавшемъ во всю жизнь свою ни тѣни строптивости противъ младшаго брата, постоянная покорность вдовы Ивана—все располагало Петра относиться къ племянницамъ въ качествѣ второго отца и благодѣтеля. Старшая изъ Ивановенъ, какъ ихъ звали въ Москвѣ, Екатерина, впослѣдствіи была выдана дядеюцаремъ за герцога Мекленбургскаго, съ которымъ, однако, не жила въ согласіи; третья, меньшая, Прасковья, не бывши замужемъ—по крайней мѣрѣ, явно [2]), умерла въ 1731 году, будучи

---

[1]) Другой домъ, построенный впослѣдствіи, извѣстенъ былъ подъ ея именемъ на Васильевскомъ Островѣ, и по ея смерти отданъ подъ Академію Наукъ.

[2]) Въ книгѣ Шмитта Физельдека: «Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode des Kaisers Peters des Grossen“ есть извѣстіе, что она была тайно обвѣнчана съ генераломъ и сенаторомъ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ.

уже не въ слишкомъ юныхъ лѣтахъ. Средней Ивановнѣ — Аннѣ — судьба готовила такой жребій, котораго ни она сама, ни близкіе къ ней люди не могли ожидать. Очень часто о людяхъ, путемъ слѣпого случая достигшихъ, мимо собственныхъ желаній и усилій, высокаго значенія въ свѣтѣ, сочиняются легенды, какъ-будто имъ еще ранѣе были предсказанія, предзнаменованія и пророчества. Подобное сложилось, вѣроятно уже впослѣдствіи, объ Аннѣ Ивановнѣ. Говорили, будто ей предрекалъ въ загадочныхъ выраженіяхъ ея будущую судьбу юродивый Тимоѳей Архипычъ; говорили также, что когда царица Прасковья Ѳедоровна, посѣщавшая съ участіемъ и любовью разныхъ духовныхъ сановниковъ, пріѣхала вмѣстѣ съ своими дочерьми къ митрополиту суздальскому Иларіону и въ разговорахъ обнаружила безпокойство о томъ, что̀ станется съ ея дочерьми,—преосвященный Иларіонъ, о которомъ уже ходила молва, что онъ обладаетъ даромъ прорицанія, предсказалъ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ въ будущемъ скипетръ и корону.

Пока, разумѣется, ничего подобнаго никто ожидать не могъ, да и не дерзнулъ бы,—царь Петръ хотѣлъ пристроить племянницъ, выдавъ ихъ въ замужество за подходящихъ жениховъ, какими быть могли принцы иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ. Начали не со старшей, а со средней. Въ 1709 году, въ октябрѣ царь Петръ съ прусскимъ королемъ, при свиданіи въ Маріенвердерѣ, сговорились соединить русскую царевну съ племянникомъ прусскаго короля, молодымъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, герцогомъ курляндскимъ. При этомъ брачномъ союзѣ принимались въ разсчетъ и политическія соображенія: и русскому царю, и прусскому королю было выгодно между собою породниться,— они были уже другъ съ другомъ политическіе союзники. Въ 1710 году прибыли отъ герцога курляндскаго въ Россію послы, и 10 іюля этого года заключили договоръ, въ которомъ было постановлено, что русская царевна, ставши герцогинею курляндскою, будетъ имѣть право для себя и для своей русской прислуги держать церковь, гдѣ будетъ отправляться богослуженіе по обряду греко-восточной церкви; ея будущія дочери должны быть религіи материнской, но сыновья будутъ воспитываться въ лютеранской вѣрѣ, исповѣдуемой ихъ родителемъ. При выходѣ въ замужество царевна Анна получитъ въ качествѣ приданаго 200,000 рублей, а еслибы случилось, что герцогъ умретъ, не оставивши по себѣ наслѣдниковъ, то вдова его получитъ на свое содержаніе ежегодно 400,000 рублей и сверхъ того ей дастся въ пожизненное владѣніе вдовье имѣніе съ за̀мкомъ. Въ августѣ

1710 года прибылъ въ Петербургъ самъ женихъ въ сопровожденіи русскаго фельдмаршала Шереметева. Бракосочетаніе совершилось 31 октября того же года въ палатахъ князя Меншикова на Васильевскомъ Островѣ, въ полотняной походной церкви. Совершалъ обрядъ вѣнчанія архимандритъ Ѳеодосій Яновскій, будущій митрополитъ новгородскій, и по окончаніи обряда произнесъ на латинскомъ языкѣ назидательное слово къ жениху. Затѣмъ, нѣсколько дней сряду, шумныя пиршества происходили въ двухъ залахъ Меншиковскихъ палатъ, изъ которыхъ главною была та, гдѣ нынѣ устроена церковь Павловскаго военнаго училища [1]). Въ одно изъ такихъ пиршествъ, царь Петръ устроилъ для гостей такой сюрпризъ: на столъ подали два огромнѣйшіе пирога, высотою пять четвертей. Когда царь самъ вскрылъ эти пироги, изъ нихъ выскочили двѣ разряженныя карлицы и на свадебномъ столѣ протанцовали менуэтъ. 14 ноября царь устроилъ еще новую затѣю—свадьбу карлика Евѳима Волкова, на которую, какъ на особое торжество, выписано было со всей Россіи семьдесятъ двѣ особы карликовъ обоего пола: въ тѣ времена такихъ уродовъ не трудно было достать, потому что при дворахъ особъ царскаго рода и знатныхъ господъ было въ обычаѣ, вмѣстѣ съ шутами, держать карликовъ и карлицъ. Вѣнчаніе происходило въ церкви Петропавловской крѣпости; оттуда, со всѣми церемоніями, наблюдавшимися при свадьбахъ, новобрачныхъ повезли на суднѣ по рѣкѣ въ палаты Меншикова и тамъ посадили за торжественный столъ, за которымъ уже разсажены были гости — все такіе же карлики и карлицы. По окончаніи пира, уроды увеселяли танцами сановную публику, а потомъ новобрачныхъ съ торжествомъ повели въ опочивальню, куда послѣдовалъ и самъ царь [2]).

Несчастливый конецъ постигъ бракъ царской племянницы. Новобрачные уѣхали въ Курляндію, гдѣ должны были жительствовать, но на дорогѣ въ Митаву, и даже въ 40 только верстахъ отъ Петербурга, на мызѣ Дудергофъ, герцогъ вдругъ скончался. Причиною неожиданной смерти было неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ при отъѣздѣ изъ царской столицы. Такъ сердечно и такъ неосмотрительно угостили его царственные свойственники.

Изъ политическихъ видовъ, Петръ хотѣлъ, чтобы овдовѣвшая племянница его жила во владѣніяхъ своего мужа. Этого

---

[1]) Въ то время, когда была написана настоящая монографія, Павловское военное училище помѣщалось въ бывшемъ домѣ кн. Меншикова. (Прим. изд.).

[2]) Этотъ бракъ имѣлъ роковыя послѣдствія. Замужняя карлица, не разродившись, умерла.

мало. Ему хотѣлось даже мать ея, царицу Прасковью Ѳедоровну, съ прочими дочерьми заслать въ Митаву на постоянное тамъ пребываніе, но эта мысль была имъ оставлена. Петръ ограничился водвореніемъ въ Курляндіи одной Анны Ивановны, въ качествѣ вдовствующей герцогини курляндской, и черезъ то находилъ путь управлять по своей волѣ судьбою Курляндскаго края. Анна Ивановна, впрочемъ, много разъ посѣщала Россію и проживала въ материнскомъ подмосковномъ Измайловѣ, но должна была возвращаться въ свое герцогство. Она не была довольна своимъ содержаніемъ, получаемымъ въ Курляндіи, и много разъ писала объ этомъ царю [1]). Въ 1722 году она испросила себѣ у царя въ диспозицію на десять лѣтъ амбты (земельные участки, въ родѣ нашихъ оброчныхъ статей) и обѣщала уплатить въ казну всю сумму, истраченную казною на ихъ покупку, внося по частямъ погодно. Изъ письма ея къ дядѣ-царю видно, что, болѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ своего замужества, Анна Ивановна не считала себя достаточно обезпеченною. То же усматривается изъ нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ, касающихся болѣе ранняго времени

---

[1]) Описывая свое скудное житье-бытье въ Курляндіи, племянница пишетъ дядѣ, что „съ собою она ничего не привезла въ Митаву, ничего не получила и стояла нѣкоторое время въ пустомъ мѣщанскомъ дворѣ, того ради, что надлежало до двора, поварни, конюшни и лошади и прочее все покупать вновь. А приходу мнѣ съ данныхъ деревень деньгами и запасами всего 12,680 талеровъ, и съ того числа въ расходѣ по самой крайней нуждѣ къ столу въ поварню, въ конюшню и на жалованье на либерію служителямъ и на содержаніе драгунской роты всего 12,254 талера, а въ очисткѣ всего только 426 талеровъ. Съ такимъ остаткомъ какъ себя платьемъ, бѣльемъ, кружевами и по возможности алмазами, серебромъ, лошадьми и прочимъ въ новомъ пустомъ домѣ, не только по своей части, но и противъ прежнихъ вдовствующихъ герцогинь курляндскихъ весьма содержать себя не могу, также и партикулярныя шляхетскія жены ювелы и прочіе уборы имѣютъ неубогіе, изъ чего мнѣ въ здѣшнихъ краяхъ не безподозрительно есть. И хотя по милости Вашего Величества пожалованными мнѣ въ прошломъ 1721 году деньгами управила я нѣкоторые самые нужные домовые на себя уборы, однако, имѣю еще на себя долгу за крестъ и складень бриллiантовый, за серебро и за обои каморъ и за нынѣшнее черное платье 10,000 талеровъ, которыхъ мнѣ ни на которомъ образѣ заплатить невозможно, и впредь для всегдашнихъ нужныхъ потребъ принуждена въ долгъ больше входить, а не имѣючи платить и кредиту нигдѣ не буду имѣть. А нынѣ есть въ Курляндіи выкупные амбты, за которыхъ изъ казны Вашего Величества заплочено 87,850 талеровъ, которые отданы въ аренду отъ 1722 за 14,612 талеровъ въ годъ, имѣютъ окупаться въ шесть лѣтъ. Я всепокорно прошу Ваше Величество сотворить милость: на оплату вышеписанныхъ долговъ пожаловать вышеписанные амбты мнѣ въ диспозицію на 10 лѣтъ, въ которые годы въ казну вашего Величества я заплачу всѣ выданныя за нихъ деньги погодно, а мнѣ будетъ на вышеписанныя мои нужды оставаться по 5,875 талеровъ въ годъ“. (Государственный Архивъ. Письма Анны Ивановны).

ея пребыванія въ Митавѣ. Такъ, мать ея, царица Прасковья Ѳедоровна, еще въ 1714 году жаловалась царю, что ея дочери въ Курляндіи „неопредѣлено чѣмъ жить тамъ и по обыкновенію княжескому прилично себя содержать“.

Но вскорѣ царица Прасковья Ѳедоровна разгнѣвалась на дочь. Бестужевъ, котораго царь Петръ держалъ своимъ резидентомъ въ Митавѣ, управлялъ всѣми дѣлами Анны Ивановны и умѣлъ своею распорядительностію и заботливостію о ней внушить къ себѣ расположеніе герцогини. У Анны Ивановны явился надсмотрщикъ надъ ея поступками и доносчикъ на нее: то былъ родной ея дядя, братъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, посланный сестрою въ Митаву. Это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ дурной. Сочетавшись вторичнымъ бракомъ съ дочерью князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, бывшаго царскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, онъ не взлюбилъ своей жены и сталъ обращаться съ нею звѣрски. Жена его обратилась къ Аннѣ Ивановнѣ. Герцогиня приняла въ ея судьбѣ участіе, взяла ее къ себѣ, и, при содѣйствіи герцогини, Салтыкова уѣхала къ отцу въ Варшаву [1]). Отсюда-то возникла вражда Салтыкова къ племянницѣ Аннѣ Ивановнѣ. Онъ сталъ доносить сестрѣ своей царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ на ея дочь. Мать пришла въ такое негодованіе, что угрожала дочери даже материнскимъ проклятіемъ. Она писала къ царю, упрашивая его отозвать изъ Митавы Петра Бестужева. По порученію Петра, отъ имени Екатерины, данъ былъ письменный отвѣтъ царицѣ Прасковьѣ, „что Бестужевъ отправленъ въ Курляндію не для того только, чтобъ ему находиться при дворѣ Анны Ивановны, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, Анна Ивановна была владѣтельницею Курляндіи только по имени;—всѣмъ управляла воля русскаго государя, который посылалъ свои указы и получалъ необходимыя ему свѣденія черезъ посредство Бестужева. Даже домашнее хозяйство герцогини находилось въ распоряже-

---

[1]) Князь Гр. Ѳед. Долгорукій заступился за дочь. Возникло дѣло, которое не окончилось, прежде чѣмъ царь Петръ Алексѣевичъ успѣлъ помереть. Кончилось оно только въ 1730 году разведеніемъ Салтыковой съ мужемъ и постриженіемъ ея въ Нижегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

[2]) Государственный Архивъ. Переписка Анны Ивановны.

ніи этого господина, и онъ обязанъ былъ во всемъ до мелочей отдавать отчетъ своему государю.

Самое дружеское взаимное участіе соединяло нѣсколько лѣтъ герцогиню съ ея управляющимъ; никакія козни Василія Өедоровича, никакіе знаки неудовольствія отъ злой матери, настроенной противъ дочери, не въ силахъ были нарушить ихъ согласія; но пришло время — и оно рушилось инымъ путемъ, когда уже на свѣтѣ не было ни суровой матери, Прасковьи Өедоровны, ни грознаго дяди, царя Петра I. Петръ Бестужевъ неосторожно оказалъ покровительство одному нѣмцу, по имени Эрнсту-Іоганну Бирену: это былъ сынъ одного изъ служителей прежнихъ герцоговъ курляндскихъ, какъ говорятъ, конюха. Бестужевъ представилъ его герцогинѣ. Случилось, что скоро потомъ Бестужевъ поѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ и тамъ пробылъ нѣкоторое время. Въ его отсутствіе Биренъ пріобрѣлъ расположеніе герцогини. Онъ былъ молодъ, ловокъ, красивъ собою и овладѣлъ сердцемъ Анны Ивановны. Бестужевъ, воротившись изъ Россіи въ Митаву, съ ужасомъ увидалъ, что мѣсто его занято другимъ. На первый разъ Анна Ивановна приняла Бестужева наружно вѣжливо, но вскорѣ началось отъ нея систематическое гоненіе и на него, и на его родныхъ. Въ числѣ послѣднихъ испытала гнѣвъ герцогини дочь его Аграфена Петровна, по мужу княгиня Волконская, прежде пользовавшаяся дружескимъ расположеніемъ Анны Ивановны. Теперь, по настоянію послѣдней, ее обвинили въ какихъ-то „продерзостяхъ" и приказали жить безвыѣздно въ деревнѣ. Холопы ея донесли, что она ѣздитъ тайно въ Москву для свиданія съ нѣкоторыми лицами и ведетъ тайныя переписки, между прочимъ, съ отцомъ своимъ, отъ котораго получаетъ письма зашитыми въ подушкахъ. Аграфена Петровна подвергнута была обыску: нашли у ней письмо родителя, въ которомъ тотъ жаловался, что „отмѣнилась къ нему любовь его друга Анны Ивановны", отзывался съ горечью и досадою о Биренѣ, а сама княгиня въ перехваченномъ письмѣ къ своему двоюродному брату Талызину называла Бирена „каналіею" и просила поразгласить о немъ дурно [1]). Биренъ былъ чрезвычайно мстителенъ и, узнавши, какъ о немъ отзы-

[1]) „Въ слободѣ побывай и поговори о извѣстной персонѣ, чтобъ сколько возможно и гдѣ того каналію рекомендовалъ курляндца, а онъ уже отъ меня слышалъ и провѣдалъ бы отъ каналіи какихъ происковъ къ моему родителю, понеже ему легко можно знать отъ Александра и чтобъ поразгласилъ объ немъ, гдѣ пристойно что онъ за человѣкъ". (Государ. Арх. Дѣло Княгини Волконской).

ваются, настраивалъ Анну Ивановну противъ Бестужева и всей его родни.

Верховный тайный совѣтъ, управлявшій Россіей при царѣ Петрѣ Второмъ, угождая герцогинѣ—русской царевнѣ, обвинилъ княгиню Волконскую и ея пріятелей въ томъ, что они при царскомъ дворѣ дѣлали интриги „и тѣми интригами искали для собственной своей пользы причинить при дворѣ безпокойство“. Ее присудили сослать въ монастырь па житье, а ея пріятелей удалили отъ занимаемыхъ ими должностей по службѣ. Ускользнулъ тогда отъ наказанія братъ княгини Волконской, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ (впослѣдствіи знаменитый канцлеръ); не смотря на то, что онъ оказался прикосновеннымъ къ дѣлу сестры своей, онъ удержался на своемъ дипломатическомъ поприщѣ. Вслѣдъ затѣмъ, Анна Ивановпа обвинила бывшаго своего управляющаго и друга въ присвоеніи ея доходовъ и насчитывала на него большія суммы.

Учреждена была въ Петербургѣ коммиссія по этому дѣлу. Обвинялъ и уличалъ Бестужева повѣренный герцогини курляндской, Корфъ. Дѣло это затянулось на нѣсколько мѣсяцевъ, а тутъ успѣлъ умереть Петръ II— и Анна Ивановна взошла на всероссійскій престолъ: тогда Петръ Бестужевъ былъ сосланъ на житье въ дальнія деревни; дочь его, княгиня Волконская, содержалась подъ крѣпкимъ карауломъ въ Тихвинскомъ монастырѣ.

Занявшій при Аннѣ Ивановнѣ прочное положеніе, Биренъ до такой степени сблизился съ нею, что сталъ ей необходимѣйшимъ человѣкомъ. Сначала онъ старался какъ можно чаще находиться при ней и скоро достигъ того, что она сама, еще болѣе чѣмъ онъ, нуждалась въ его сообществѣ. По извѣстіямъ современниковъ, привязанность Анны Ивановны къ Бирену была необычная. Анна Ивановна думала и поступала сообразно тому, какъ вліялъ на нее любимецъ. Все, что ни дѣлалось Анною, въ сущности исходило отъ Бирена. Всѣ такъ разумѣли и въ Курляндіи, когда она была герцогинею, и въ Россіи, когда она стала императрицею. Неограниченную власть надъ нею пріобрѣлъ Биренъ еще въ Митавѣ. Опираясь на покровительство Анны Ивановны, Биренъ, изъ суетнаго честолюбія, принялъ фамилію Бирона, измѣнивъ только одну гласную въ своемъ настоящемъ фамильномъ прозвищѣ, и сталъ производить себя отъ древняго аристократическаго французскаго рода Бироновъ. Дѣйствительные члены этого рода во Франціи, узнавши о такомъ самозванствѣ, смѣялись надъ нимъ, но не сопротивлялись и не протестовали, особенно послѣ того, какъ, со вступ-

леніемъ на престолъ россійскій Анны Ивановны, Биренъ, сынъ курляндскаго придворнаго служителя, подъ именемъ Бирона, сталъ первымъ человѣкомъ въ могущественномъ европейскомъ государствѣ.

II.

Избраніе Анны Ивановны на престолъ.

Мысль объ участіи народа въ правленіи.—Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ.—Совѣтъ вельможъ о престолонаслѣдіи по кончинѣ императора Петра II.—Подложное завѣщаніе.—Выборъ Анны Ивановны.—Ограниченіе самодержавной власти.—Отправленіе въ Митаву князя Василія Лукича Долгорукаго.—Интриги Левенвольда и Ягужинскаго.—Прибытіе Анны Ивановны въ Россію.—Шляхетство.—Партія за сохраненіе самодержавія.—Гвардейцы.—25 февраля 1730 года.—Провозглашеніе Анны Ивановны самодержавной государыней.

Въ Россіи въ умахъ, нечуждыхъ политическихъ и правительственныхъ вопросовъ, уже не первый годъ ощущался важный поворотъ. Возникла мысль о томъ, что русскіе подданные должны имѣть участіе въ правленіи государствомъ, въ дѣлахъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Было время, когда и сама высшая власть не казалась противною этой идеѣ. Въ 1727 году, 21 марта, данъ былъ указъ князю Димитрію Голицыну объ учрежденіи комиссіи „о сухопутной арміи и флотѣ съ цѣлію устроить ихъ съ наименьшею тягостію для народа". Въ эту комиссію предполагалось избрать „изъ знатнаго шляхетства и изъ посредственныхъ персонъ всѣхъ чиновъ разсмотрѣть состояніе всѣхъ городовъ и земель, и, по разсуженіи, наложить на всѣхъ такую подать, чтобы было всѣмъ равно". Такимъ образомъ, само правительство признавало полезнымъ созывать представителей Русскаго государства для совѣта о важныхъ финансовыхъ вопросахъ. Иностранцы, бывшіе въ то время въ Россіи представителями своихъ государствъ, замѣчали въ этомъ событіи начатки свободолюбія въ Россіи и возникавшее стремленіе положить предѣлъ произволу самодержавной власти.

Но событія пошли своимъ чередомъ. Возведенная по смерти Петра I вдова его Екатерина скоро умерла. На ея мѣсто возведенъ былъ Петръ II, сынъ казненнаго царемъ Петромъ I царевича Алексѣя. Не достигшій совершеннолѣтія, онъ находился подъ опекою сначала князя Меншикова, потомъ князей Долгорукихъ. Въ январѣ 1730 года онъ заболѣлъ и умеръ.

Съ нимъ прекращалась мужеская линія дома Романовыхъ. Оставалась дочь Петра Перваго, Елисавета; ей не рѣшались предлагать короны. Теперь наступало удобное время произвести измѣненіе въ образѣ правленія, чего хотѣли многіе, и на челѣ этихъ многихъ былъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, которому уже прежде, при Екатеринѣ I, поручалось устроить созваніе выборныхъ людей. Теперь верховная особа могла быть только по выбору, и потому ей всего подручнѣе было предложить условія, при которыхъ она могла получить престолъ. Тотчасъ по кончинѣ императора Петра II, умершаго въ Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ, сошлись въ томъ же дворцѣ на совѣщаніе важнѣйшіе сановники государства: трое членовъ святѣйшаго синода [1]), пять членовъ верховнаго тайнаго совѣта, иначе министровъ [2]), и нѣсколько знатнѣйшихъ особъ изъ генералитета и сената [3]). Были ли на томъ совѣщаніи остальные члены генералитета и сената — неизвѣстно, но, вѣроятно, тамъ были многіе изъ нихъ, носившіе, кромѣ того, придворные чины.

Покойный государь Петръ II, находясь совершенно въ рукахъ князей Долгорукихъ и сблизившись дружески съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ, собирался жениться на сестрѣ своего любимца, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. По смерти Петра Второго, князья Долгорукіе составили отъ имени покойнаго государя подложное завѣщаніе. Въ немъ значилось, будто умирающій государь отдавалъ послѣ себя престолъ своей невѣстѣ. Это соотвѣтствовало закону Петра Перваго, по которому царствующій государь имѣлъ право назначить себѣ преемника мимо всякихъ родовыхъ наслѣдственныхъ правъ. Благодаря этому закону, продѣлка Долгорукихъ могла бы удаться, но между членами этого княжескаго рода не было тогда согласія и единства. Въ то время, когда одни Долгорукіе хотѣли выста-

---

[1]) Θеоθанъ Прокоповичъ, митрополитъ новгородскій, Георгій Дашковъ, митрополитъ ростовскій, и Θеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ тверской.

[2]) Канцлеръ графъ Головкинъ, вицеканцлеръ и старшій гофмейстеръ баронъ Остерманъ, гофмейстеръ князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ. Съ ними засѣдалъ, но безъ званія министра, сибирскій губернаторъ князь Михайла Владимировичъ Долгорукій.

[3]) Три фельдмаршала: кн. Василій Владимировичъ Долгорукій, князь Михайла Михайловичъ Голицынъ и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; трое князей Долгорукихъ: сенаторъ Иванъ Григорьевичъ, камергеръ Сергѣй Григорьевичъ и оберъ-камергеръ Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ императора Петра Второго; генералы: Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Левъ Васильевичъ Измайловъ.

вить особу своего рода съ правомъ наслѣдовать престолъ, другіе Долгорукіе были противъ этого и готовы были обличить плутню первыхъ. Когда члены верховнаго тайнаго совѣта съ лицами изъ генералитета стали разсуждать о престолонаслѣдіи и соображать, что́ имъ теперь начать, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ держалъ передъ ними такую рѣчь:

„Преждевременная кончина государя Петра Второго есть истинное наказаніе, ниспосланное Богомъ на русскихъ за ихъ грѣхи, за то, что они восприняли много пороковъ отъ иноземцевъ: за то Господь лишилъ насъ молодого государя, на котораго, по всей справедливости, мы возлагали великія надежды. Нынѣ, господа, угасло прямое законное потомство Петра Перваго и мужская линія дома Романовыхъ пресѣклась. Есть дочери Петра Перваго, рожденныя до брака отъ Екатерины, но о нихъ думать нечего. Завѣщаніе, оставленное Екатериною, не можетъ имѣть значенія. Намъ надобно подумать о новой особѣ на престолъ и о себѣ также“.

— Покойный государь оставилъ завѣщаніе,—отозвался кто-то изъ Долгорукихъ.

— Завѣщаніе подложное!—произнесъ князь Дим. Мих. Голицынъ.—Невѣста покойнаго государя не успѣла еще стать его женою, и потому на нее не можетъ переходить никакого права на престолъ. Императоръ не составлялъ завѣщанія, предоставляющаго женѣ своей наслѣдство престола, потому что и жены еще у него не было“.

Князь Василій Лукичъ Долгорукій собрался было возражать, какъ вдругъ фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій рѣзкимъ движеніемъ остановилъ его и энергически произнесъ:

— Да, да! Это завѣщаніе подложно! Никто не въ-правѣ вступать на престолъ, пока еще находятся въ живыхъ особы женскаго пола, законные члены императорскаго дома. Было-бы всего справедливѣе и разумнѣе провозгласить государынею па престолъ царицу Евдокію: вѣдь она — бабка покойнаго императора!

На это кн. Дим. Мих. Голицынъ сказалъ:

„Я воздаю должную дань уваженія вдовствующей царицѣ, но она только вдова государя. Есть прямыя наслѣдницы—царскія дочери. Я говорю о законныхъ дочеряхъ царя Ивана Алексѣевича. Я бы не затруднился безъ дальнихъ разсужденій указать на старшую изъ нихъ, Екатерину Ивановну, еслибъ она уже не была женою иноземнаго государя—герцога мекленбург-

скаго, а это неподходящее для насъ обстоятельство. Но есть другая сестра ея — Анна Ивановна, вдовствующая герцогиня курляндская! Почему ей не быть нашей государыней? Она родилась среди насъ, отъ русскихъ родителей; она рода высокаго и притомъ находится еще въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить вторично въ бракъ и оставить послѣ себя потомство. Намъ всѣмъ извѣстна доброта ея и прекрасныя качества души. Говорятъ, будто у нея тяжелый характеръ: но столько лѣтъ она живетъ въ Курляндіи—и не слышно, чтобы тамъ противъ ней возникали какія-либо неудовольствія".

Фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій первый подалъ голосъ согласія. Онъ сказалъ:

— Князь Димитрій Михайловичъ! Самъ Богъ тебѣ внушилъ такую мысль. Она исходитъ отъ чистосердечной любви твоей къ отечеству. Виватъ императрица Анна Ивановна!

За нимъ присоединился ко князю Димитрію Михайловичу и князь Василій Лукичъ Долгорукій. Онъ былъ когда-то близокъ къ герцогинѣ и теперь надѣялся снова сблизиться съ нею.

За Василіемъ Лукичемъ и другіе стали изъявлять одобреніе выбора на престолъ Анны Ивановны.

Тогда князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ такъ говорить:

— Выберемъ кого изволите, господа, только во всякомъ случаѣ намъ надобно себѣ полегчить.

— Какъ это—полегчить? — спросилъ у него кто-то, кажется, канцлеръ.

— А такъ, полегчить: воли себѣ прибавить!—отвѣчалъ кн. Димитрій Михайловичъ.

— Хоть и затѣемъ, да не удержимъ этого! — произнесъ кн. Василій Лукичъ.

— Право, удержимъ! — отвѣтилъ кн. Димитрій Михайловичъ.

Объ этомъ важномъ вопросѣ далѣе не распространялись, только всѣ произнесли согласіе вручить корону Аннѣ Ивановнѣ. Но князь Димитрій Михайловичъ опять обратился къ вопросу объ ограниченіи самодержавной власти.

— Будетъ во всемъ воля ваша, господа, — произнесъ онъ,— только намъ слѣдуетъ сейчасъ же составить пункты и послать ихъ государынѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Въ это время постучались у дверей; вошелъ вице-канцлеръ баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ. Всѣ считали его необыкновенно умнымъ государственнымъ человѣкомъ. Прежде, когда

его приглашали совѣщаться о престолонаслѣдіи, онъ отдѣлался тѣмъ, что указалъ на свое иноземное происхожденіе и обѣщалъ принять все, что̀ рѣшитъ большинство русскихъ сановниковъ. Теперь, когда ему сказали, что всѣ единодушно изъявили желаніе пригласить на престолъ герцогиню курляндскую, Остерманъ, безъ запинокъ, одобрилъ такое рѣшеніе.

Было ли тогда въ присутствіи Остермана сказано что-нибудь княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ о „прибавкѣ воли“, и если было сказано, ка̀къ къ этому отнесся Остерманъ—мы не знаемъ. Было уже четыре часа утра. Верховники вышли въ другую залу того же Лефортовскаго дворца. Тамъ происходило другое совѣщаніе между членами генералитета и сената. Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, занимавшій должность генералъ-прокурора и, вѣроятно, уже знавшій мысли Димитрія Михайловича Голицына на счетъ „прибавки воли“, стоялъ поодаль отъ другихъ у окна съ камергеромъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Долгорукимъ и говорилъ о совѣщаніи, происходившемъ въ другой комнатѣ у верховниковъ.

— Мнѣ съ міромъ не убытокъ! — окончилъ рѣчь свою Ягужинскій. — Долго ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ! Теперь такое время, что самодержавію не быть!

— Не мое то дѣло — отвѣчалъ князь Сергѣй Григорьевичъ, — я въ таковое дѣло не плетусь, нижѐ о томъ думаю!

Тутъ вошли всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, числомъ восемь. Князь Димитрій Михайловичъ оповѣстилъ всѣмъ бывшимъ въ залѣ, что верховный тайный совѣтъ положилъ быть на престолѣ россійскомъ герцогинѣ курляндской Аннѣ Ивановнѣ. Всѣ изъявили одобреніе.

Тогда Ягужинскій подошелъ къ князю Василію Лукичу Долгорукому и съ чувствомъ сказалъ:

— Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!

— Говорено уже о томъ было, но то не надо, — отвѣчалъ князь Василій Лукичъ.

Ягужинскій притворно показывалъ себя сторонникомъ ограниченія самодержавія, чтобъ закрыть отъ всѣхъ образовавшійся у него планъ повредить этому предпріятію. Можетъ быть, князь Василій Лукичъ понялъ это вполнѣ и, желая отстраниться отъ Ягужинскаго, далъ такой сухой отвѣтъ. Впрочемъ, съ точностію мы не знаемъ этого.

Такъ какъ время далеко зашло за полночь, то всѣ стали расходиться. Князь Димитрій Михайловичъ бросился за толпою уходившихъ и сталъ упрашивать ихъ вернуться для обсужденія

важнаго дѣла. Нѣсколько особъ послушалось и воротилось назадъ. Князь Димитрій Михайловичъ сталъ сообщать имъ о намѣреніи составить условія, на которыхъ должна принять правленіе новоизбираемая государыня. Мы не знаемъ подробностей — кто изъ слушавшихъ и какъ заявлялъ свои мысли объ этомъ, но болѣе всѣхъ горячимъ сторонникомъ предпріятія князя Димитрія Михайловича явился тогда все тотъ-же Павелъ Ивановичъ Ягужинскій. Не онъ одинъ, а многіе, подобно ему, нашли для себя удобнымъ, не противясь верховникамъ, наружно мирволить ихъ замысламъ, а мимо нихъ оказать тайную услугу государынѣ и предупредить ее, будучи въ увѣренности, что она не приметъ искренно предложеній, какія преподнесетъ ей верховный тайный совѣтъ.

Верховники, отпустивши собраніе сенаторовъ и генералитета, отправились въ другую комнату, рядомъ съ тою, гдѣ скончался императоръ Петръ II, и усадили за маленькій столикъ правителя дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта, Василія Петровича Степанова, а сами стали диктовать ему. Но Степановъ не могъ записывать, потому что диктовало ихъ нѣсколько лицъ за-разъ и при этомъ каждый говорилъ свое. Тогда канцлеръ Головкинъ и фельдмаршалъ князь Михайла Михайловичъ Голицынъ обратились къ Остерману съ просьбой диктовать, потому что, какъ говорили о немъ, онъ лучше другихъ зналъ „штиль“.

Осторожный Остерманъ увидѣлъ себя въ крайне неловкомъ положеніи: приходилось стать явнымъ участникомъ замысла ограничить самодержавную власть. Онъ считалъ для себя это очень опаснымъ. Конечно, нѣмецъ, вестфальскій уроженецъ, онъ не питалъ пламенной привязанности къ старинному московскому самодержавію, но онъ хорошо изучилъ русское общество и былъ убѣжденъ, что въ Россіи не можетъ сложиться и укрѣпиться иной образъ правленія, всѣ попытки ввести его будутъ неудачны, а участники такихъ попытокъ могутъ потерпѣть, какъ враги правительства. Сначала онъ прибѣгнулъ къ прежней уловкѣ: представлялъ, что онъ по происхожденію иноземецъ, и по этой причинѣ ему не подъ-стать рѣшать судьбы русскаго государства. Но министры стали его уговаривать и понуждать; онъ, наконецъ, согласился и сталъ словесно редактировать пункты, но не въ видѣ диктовки. Вѣроятно, баронъ Остерманъ въ этотъ разъ поступилъ такъ, какъ онъ поступалъ не разъ и прежде и послѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. По извѣстіямъ знавшихъ его близко современниковъ, онъ, когда нужно было, выражался такъ темно, что смыслъ рѣчи его трудно было сразу уразумѣть

и легко было давать ей какое угодно значеніе. Какъ бы то ни было, словесное редактированіе Остермана оказалось ненужнымъ: предполагаемые пункты продиктовалъ Степанову князь Василій Лукичъ. Въ то время написаны были эти пункты въ такомъ видѣ:

„Государыня обѣщаетъ сохранить верховный тайный совѣтъ въ числѣ восьми членовъ, и обязуется — безъ согласія съ нимъ не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданныхъ новыми налогами, не производить въ знатные чины служащихъ какъ въ статской, такъ и въ военной сухопутной и морской службѣ выше полковничьяго ранга, не опредѣлять никого къ важнымъ дѣламъ, не жаловать вотчинъ, не отнимать безъ суда живота, имущества и чести у шляхетства и не употреблять въ расходы государственныхъ доходовъ“.

Составивши эти пункты, верховники разошлись. Они не приложили своихъ подписей къ написанному и условились къ десяти часамъ утрамъ съѣхаться въ Кремлѣ въ Мастерской палатѣ: то было тогда обычное мѣсто засѣданій верховнаго тайнаго совѣта. Верховники пригласили къ этому времени въ кремлевскій дворецъ членовъ синода, сенатъ, генералитетъ и прочихъ военныхъ и статскихъ чиновъ, и изъ коллегіи немалое число, до бригадира. Верховники составили съ ними единое собраніе. Рѣчь къ нимъ держалъ кн. Димитрій Михайловичъ. Онъ извѣстилъ, что, по мнѣнію верховнаго тайнаго совѣта, по кончинѣ императора Петра Второго, никто такъ не достоинъ занять престолъ, какъ герцогиня курляндская Анна Ивановна, дочь блаженной памяти царя Ивана Алексѣевича: она происходитъ отъ одного корня съ прежними царями и обладаетъ высокими качествами, необходимыми для царскаго сана. Если кто съ этимъ согласенъ, того приглашали выразить свое согласіе громкимъ произнесеніемъ: виватъ!

Все собраніе три или четыре раза сряду единогласно крикнуло: виватъ!

Верховники снова удалились въ особый покой и занялись окончательнымъ изготовленіемъ пунктовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они должны быть представлены Аннѣ Ивановнѣ. Ко всему, что̀ уже было изложено въ черновой редакціи, прибавили слова: „а буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской“!

Тогда назначили посольство къ избираемой на престолъ государынѣ. Выбраны были, по предложенію кн. Димитрія Михайловича Голицына: князь Василій Лукичъ Долгорукій и меньшой братъ князя Димитрія Михайловича — князь Михайла Михайловичъ Голицынъ. Канцлеръ Головкинъ предложилъ еще третьяго

посла отъ генералитета: выборъ палъ на генерала Леонтьева. Фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій предлагалъ присоединить къ нимъ еще посла отъ духовнаго чина.

Посламъ вручили тогда же составленную инструкцію. Имъ вмѣнялось въ обязанность вручить Аннѣ Ивановнѣ пункты или кондиціи наединѣ, безъ постороннихъ, объявивъ ей, что въ нихъ изложено желаніе всего русскаго народа. Когда государыня ихъ подпишетъ, они должны быть отосланы въ Москву съ однимъ изъ пословъ. Послы должны были слѣдить, чтобъ мимо ихъ не было ей доставлено какихъ-нибудь вѣстей изъ Россіи, и настаивать, чтобъ Анна Ивановна не медлила своимъ отъѣздомъ и непремѣнно ѣхала бы вмѣстѣ съ послами; послы при этомъ должны были сообщить ей, что, до ея пріѣзда, не будетъ объявлено въ народѣ о кончинѣ императора Петра Второго и о воцареніи новой особы. Верховники опасались, чтобъ лица, не сочувствовавшія ихъ планамъ „прибавить воли", не успѣли предупредить государыню и настроить ее противъ верховнаго тайнаго совѣта: они дали приказаніе оцѣпить всю Москву караулами и кругомъ ея поставить на разстояніи тридцати верстъ по одному унтеръ-офицеру съ отрядомъ солдатъ, чтобъ не пропускать изъ Москвы никого иначе, какъ только съ паспортомъ, выданнымъ изъ верховнаго тайнаго совѣта. Всѣмъ вольнонаемнымъ извозчикамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, запрещено было подряжаться съ ѣдущими куда-бы то ни было изъ столицы.

Изготовивши всѣ надлежащія бумаги, верховники въ тотъ же день вечеромъ вручили ихъ князю Василію Лукичу Долгорукому и князю Михайлу Михайловичу Голицыну. Остерманъ подписалъ только одинъ изъ этихъ документовъ—письмо къ государынѣ отъ верховнаго тайнаго совѣта а прочихъ бумагъ не сталъ подписывать: онъ извинялся болѣзнью. Всѣ тогда понимали, что это болѣзнь притворная.

Какъ ни старались верховники, чтобы, до поры до времени, Анна Ивановна не получила какихъ-либо свѣденій изъ Москвы, но принятыя мѣры оказались безплодными. Левенвольдъ, жившій въ Москвѣ, сообщилъ о всемъ происходящемъ тамъ своему брату, проживавшему въ своемъ помѣстьѣ въ Лифляндіи, а послѣдній поѣхалъ въ Митаву и лично передалъ Аннѣ Ивановнѣ, что̀ затѣваютъ русскіе бояре, дабы она могла принять заранѣе свои мѣры, тѣмъ болѣе, что, какъ докладывалъ Левенвольдъ, шляхетство и народъ не сочувствовали затѣямъ вельможъ. Ягужинскій, съ своей стороны, отправилъ въ Митаву съ такими же извѣстіями гвардейскаго офицера Сумарокова. Посольство это не такъ

было успѣшно, какъ Левенвольдово. Прежде чѣмъ Сумароковъ явился къ герцогинѣ курляндской, его увидалъ и узналъ князь Василій Лукичъ; онъ приказалъ его тотчасъ арестовать. Посланный изъ Митавы въ Москву съ подписанными государынею пунктами генералъ Леонтьевъ привезъ съ собою Сумарокова закованнымъ. Иные говорили, будто Сумароковъ успѣлъ-таки сообщить Аннѣ Ивановнѣ все, что̀ слѣдовало, но государыня сама выдала его посламъ, чтобъ убѣдить ихъ въ искренности, съ какою принимаетъ предлагаемые пункты.

Леонтьевъ воротился въ Москву 1 февраля. Подписаніе государыней пунктовъ очень обрадовало верховниковъ. 2 февраля собрали членовъ сената и генералитетъ. Прочли письмо новой государыни. Она писала: „такъ какъ во всѣхъ государствахъ руководствуются благими совѣтами, то мы, предъ вступленіемъ нашимъ на престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли за потребно для пользы Россійскаго Государства и къ удовольствованію нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, написавъ, какими способами мы то правленіе вести хощемъ, и подписавъ нашею рукою, послать въ верховный тайный совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ для вступленія на престолъ пойдемъ“.

Прочитали во всеуслышаніе всего собранія „кондиціи“, уже одобренныя высочайшею властію и потому получившія силу закона Кн. Димитрій Михайловичъ Голицынъ пристально приглядывался къ лицамъ слушателей, стараясь угадать впечатлѣніе, произведенное на нихъ прочитанною бумагою. Никто не откликался съ одобрительными возгласами; тѣ,—говоритъ современникъ [1]),—которые вчера отъ этого собранія надѣялись великой пользы, теперь опустили уши, какъ ослики“. Князю Димитрію Михайловичу пришлось самому воздать хвалу прочитанному писанію. „Видите-ли—произнесъ онъ,—какъ милостива наша государыня: каковаго мы отъ нея надѣялись, таковое показала она отечеству нашему благодѣяніе! Богъ самъ подвинулъ ее къ сему писанію! Отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!“ И много онъ говорилъ въ этомъ родѣ, но, не слыша себѣ никакого отвѣта, остановился и спросилъ: „Для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволилъ-бы сказать — кто что думаетъ; хотя и нѣтъ ничего говорить, только благодарить той милостивой государынѣ“.

Тутъ кто-то тихимъ голосомъ, вѣроятно затрудняясь, произнесъ:

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ: „Сказаніе“.

„Не вѣдаю; удивительно, отчего это государынѣ пришло на мысль такъ писать“.

На это замѣчаніе отъ князя не послѣдовало отвѣта. Неизвѣстно, кто былъ смѣльчакъ, такъ внезапно облившій холодною водою восторгъ сторонниковъ свободы. Тогда кн. Димитрій Михайловичъ обратился къ Ягужинскому, какъ будто не зная о его продѣлкѣ, хотя, конечно, хорошо зналъ о ней, и спросилъ: — Какъ вамъ кажутся кондиціи?—Ягужинскій замялся. Тогда князь Димитрій Михайловичъ попросилъ его войти въ другую комнату, а тамъ фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ Долгорукій приказалъ Ягужинскаго арестовать и посадить въ тюрьму.

10-го февраля пріѣхала новая императрица, неотступно провожаемая княземъ Василіемъ Лукичемъ. Она остановилась въ селѣ Всесвятскомъ и располагала пробыть тамъ до дня 15-го февраля, когда назначенъ былъ торжественный въѣздъ ея въ Москву. Нужно было только въ Москвѣ сдѣлать нѣкоторыя приготовленія къ этому торжеству и вмѣстѣ съ тѣмъ похоронить прахъ покойнаго императора. Погребеніе совершилось 11-го февраля. Анна Ивановна проживала въ селѣ Всесвятскомъ, во дворцѣ имеретинскаго царевича Арчила. Верховники уже не могли держать ее въ изолированномъ положеніи и должны были дозволить посѣщать государыню сестрамъ и близкимъ особамъ. Самъ верховный тайный совѣтъ назначилъ для торжественной встрѣчи императрицы князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и генералъ-маіора Льва Васильевича Измайлова, а синодъ — двухъ архіереевъ, новгородскаго митрополита Ѳеофана и крутицкаго— Леонида, да архимандрита Чудовскаго монастыря Арсенія.

Между тѣмъ, затѣи верховнаго тайнаго совѣта возбудили толки между шляхетствомъ. Въ разныхъ домахъ столицы стали по ночамъ собираться и толковать о текущихъ событіяхъ. Возникло недовольство замыслами верховнаго тайнаго совѣта. „Это значитъ,—объясняли тогда,—что верховники станутъ настоящими властелинами и вся Россія подпадетъ подъ иго временщиковъ“. Иные доходили до такого ожесточенія, что говорили: „Намъ бы собраться, напасть на нихъ съ оружіемъ и перебить ихъ, если не оставятъ своихъ умысловъ“. Другіе были сдержаннѣе и злобу свою противъ верховниковъ ограничивали мнѣніемъ, что слѣдуетъ наотрѣзъ напомнить имъ, что не смѣютъ они сами передѣлывать государство. Такіе господа, ставши противниками верховнаго тайнаго совѣта, собственно не были всѣ сторонниками древняго самодержавія, но, главное, ихъ всѣхъ мучила досада— зачѣмъ это, мимо ихъ воли, надъ ними воцаряется какое-то

новое правительство; они говорили, что если власть верховная должна быть раздѣлена и кто-то, кромѣ государя, будетъ еще представлять ее, то ужъ никакъ не кружокъ знатныхъ бояръ, а все шляхетство въ лицѣ своихъ выборныхъ. Толки стали увеличиваться послѣ того, какъ 2-го февраля подписанныя государынею „кондиціи" были прочитаны въ собраніи сената, генералитета и разныхъ высокихъ чиновъ. Слушавшихъ было приблизительно болѣе пятисотъ особъ, и всѣ подписали свое согласіе, даже самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, который въ своемъ повѣствованіи сообщаетъ, что „тогда всѣ слушавшіе содрогнулись". Но вслѣдъ за тѣмъ стали подавать въ верховный тайный совѣтъ проекты и замѣчанія. Верховный тайный совѣтъ не противился такимъ заявленіямъ, напротивъ—5-го февраля положилъ пригласить въ сенатъ для совѣщанія изъ знатныхъ фамилій шляхетство, „которые въ рангахъ и безъ ранговъ". Подавались мнѣнія коллективныя и отдѣльныхъ лицъ, по уполномочію своихъ согласниковъ. Датскій посланникъ Вестфаленъ, бывшій свидѣтелемъ тогдашнихъ событій, сообщалъ въ депешахъ своему правительству, что двери верховнаго тайнаго совѣта цѣлую недѣлю были открыты всѣмъ, желающимъ высказаться за или противъ, по поводу предполагавшагося преобразованія правленія Россійской имперіи. Это право предоставлялось генераламъ, бригадирамъ и полковникамъ, также всѣмъ членамъ сената и государственныхъ коллегій, носившимъ чинъ не ниже полковника; подавали также мнѣнія и духовные сановники группами, состоявшими каждая изъ трехъ архіереевъ и трехъ архимандритовъ [1]).

Проекты, которыхъ насчитано въ книгѣ г. Корсакова двѣнадцать, мы не считаемъ нужнымъ здѣсь излагать, такъ какъ они приняты не были и могутъ имѣть значеніе только матеріаловъ для исторіи умственнаго движенія русскаго общества того времени. Всѣ они были подписаны болѣе чѣмъ тысячью-ста лицами изъ шляхетскаго званія, начиная отъ потомковъ Рюрика до „худороднаго" шляхетства, въ недавнее время получившаго службою свое шляхетское званіе. Всѣ проекты выражали въ себѣ одну общую мысль—вырвать правленіе изъ рукъ нѣсколькихъ высокородныхъ фамилій и передать шляхетству или „общенародію", какъ тогда выражались, признавая полноправнымъ народомъ только привиллегированное сословіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ планъ или проектъ князя Димитрія Михай-

---

[1]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Ивановны". стр. 135. Депеша Вестфалена.

ловича Голицына, но онъ не сохранился вполнѣ и извѣстенъ только по депешамъ представителей иностранныхъ государствъ. По этому проекту, императрицѣ предоставлялась полная власть только надъ своимъ дворомъ, на расходы котораго она получала бы ежегодно суммы изъ государственной казны, да надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для охраненія ея дворца. Вся политическая власть по внутреннимъ и иностраннымъ дѣламъ должна была принадлежать верховному тайному совѣту, составленному изъ десяти или двѣнадцати членовъ, принадлежащихъ по рожденію къ знатнымъ фамиліямъ. Этотъ верховный тайный совѣтъ вѣдалъ бы вопросы о войнѣ и мирѣ, назначалъ начальствующихъ надъ всѣми войсками, опредѣлялъ по своему усмотрѣнію государственнаго казначея, который обязанъ былъ отдавать отчетъ одному верховному тайному совѣту по всѣмъ финансовымъ дѣламъ. Кромѣ верховнаго тайнаго совѣта, предполагалось учредить: 1) сенатъ изъ тридцати шести членовъ, котораго обязанность будетъ разсматривать предварительно дѣла, слѣдуемыя къ окончательному рѣшенію въ верховный тайный совѣтъ; 2) шляхетскую палату изъ двухсотъ выборныхъ для охраненія правъ шляхетскаго сословія, и 3) палату городскихъ представителей, для завѣдыванія торговыми дѣлами, для соблюденія интересовъ простого народа и для его защиты отъ всякихъ несправедливостей. Вообще прилагалось стараніе расширить права знатнаго шляхетства старинныхъ родовъ, которымъ нарочно полагали давать преимущество въ полученіи должностей и ранговъ по службѣ передъ прочимъ шляхетствомъ. Шляхетство по-прежнему не оставалось сословіемъ герметически замкнутымъ и гражданскіе чиновники могли пріобрѣтать шляхетское достоинство, но не иначе, какъ дослужившись до значительныхъ чиновъ, а затѣмъ приказные люди — только за какія-нибудь особенно важныя заслуги, показывавшія вѣрность всему шляхетскому обществу, могли быть причислены къ шляхетству; люди же боярскіе и крестьяне не допускались ни къ какимъ дѣламъ, пролагавшимъ путь къ возвышенію. Планъ былъ чисто въ боярскомъ духѣ и не могъ нравиться всему шляхетству, въ средѣ котораго числились и „худородные“. Всѣ должны были увидѣть въ этомъ проектѣ намѣреніе съузить благородное сословіе только древними родами, а прочихъ унизить. Въ самомъ дѣлѣ, была только призрачная свобода, на видъ предоставляемая этимъ проектомъ шляхетству. Недаромъ князь Димитрій Михайловичъ прожилъ много лѣтъ въ Кіевѣ, близко къ Польшѣ и къ польскому обществу. Въ его проектѣ ощутительно вліяніе

той современной ему Рѣчи Посполитой, гдѣ величались свободою и шляхетскимъ равенствомъ и гдѣ, однако, въ сущности равенства не было: управляли знатные роды, а громады шляхетства состояли изъ ихъ покорныхъ слугъ и исполнителей ихъ затѣй. Между тѣмъ, этотъ проектъ, составленный княземъ Димитріемъ Михайловичемъ и раздѣляемый многими, былъ послѣднимъ выраженіемъ попытки примирить стремленіе верховнаго тайнаго совѣта со стремленіями шляхетства.

Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ просматривались поступавшіе отовсюду проекты; вся Москва готовилась встрѣчать императрицу, а во Всесвятскомъ стали дѣлаться шаги, подававшіе для однихъ опасеніе, для другихъ надежду, что подписанные государынею пункты не сдѣлаются незыблемыми узаконеніями. Сообразно этимъ пунктамъ, Анна Ивановна, какъ мы уже сказали, отнюдь не могла назначать начальствующихъ въ войскѣ лицъ, какъ въ гвардіи, такъ и въ арміи: это право принадлежало верховному тайному совѣту. Вдругъ Анна Ивановна 12 февраля объявляетъ себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардской роты. И преображенцы, и кавалергарды были этимъ очень довольны; въ публикѣ слышались и ропотъ, и одобреніе. Вообще шляхетство, не сочувствуя измѣненіямъ въ правленіи, исходившимъ отъ верховнаго тайнаго совѣта, сохраняло въ себѣ качества, усвоенныя отъ прежнихъ поколѣній. Положеніе служилыхъ людей въ Россіи уже издавна было таково, что каждый болѣе думалъ объ узкихъ интересахъ своего личнаго быта, чѣмъ о вопросахъ, касавшихся всего общества. „Лишь бы я былъ цѣлъ, да не дурно мнѣ было, а тамъ — хоть волкъ траву ѣшь!“ — таковъ девизъ былъ у россійскаго шляхетства. Если подъ-часъ иной въ дружескомъ кругу отваживался разсуждать о расширеніи общественныхъ правъ, то не иначе, какъ озираясь вокругъ себя, и, при малѣйшемъ признакѣ опасности, съеживался и, какъ улитка, вползалъ въ свою скорлупу. Русскій человѣкъ способенъ легко воспламениться и отважиться на подвигъ истинно-геройскій, требующій почти нечеловѣческаго терпѣнія, но онъ мало способенъ послѣдовательно идти по пути, избранному однажды и одобренному разсудкомъ. Въ старыхъ нашихъ судебныхъ архивахъ мы встрѣчаемся съ изумительными примѣрами отваги и терпѣнія лицъ, которыя часто не за поступки, а за неосторожно произнесенныя слова выносили тяжкія муки; но мало видимъ случаевъ выносливости и терпѣнія, когда приходилось крѣпко стоять за давно обдуманный планъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ. И теперь, при

избраніи Анны Ивановны случилось то же явленіе. Многіе изъ шляхетства съ перваго раза увлеклись идеею новизны, но, когда стали думать объ этомъ, тотчасъ же стали соображать — что̀ будетъ согласнѣе съ ихъ ближайшими личными выгодами. Нуженъ былъ только умный руководитель, который бы соединилъ разновидныя, но однородныя побужденія и направилъ ихъ къ одной цѣли по старой дорогѣ. Нашелся такой руководитель. Это былъ Остерманъ, притворявшійся болящимъ, находившійся день и ночь въ постелѣ, облѣпленный пластырями, обвязанный примочками. Онъ работалъ неутомимо, внушалъ лицамъ, посѣщавшимъ его, мысль, что для всего государства и для каждаго лица въ особенности лучше всего будетъ возвратиться къ прежнему самодержавію. По изысканіямъ г. Корсакова, Остерману, для воздѣйствія на гвардію, послужили тогда: молодой Антіохъ Кантемиръ, сынъ изгнаннаго турками молдавскаго господаря, и графъ Өедоръ Андреевичъ Матвѣевъ, внукъ знаменитаго Артамона Матвѣева, боярина, погибшаго во время перваго стрѣлецкаго бунта. Имъ откликнулся цѣлый рядъ гвардейскихъ офицеровъ; видное мѣсто изъ нихъ занимали родственники царицы Салтыковы, князья Черкасскіе (главою всего ихъ рода считался тогда князь Алексѣй Михайловичъ, чрезвычайный богачъ), Степанъ Апраксинъ (впослѣдствіи полководецъ, воевавшій противъ прусскаго короля Фридриха II), князья Волконскіе, Иванъ Михайловичъ Головинъ, потомокъ знатнаго рода, въ молодости заслужившій вниманіе и милость Петра I, князь Борятинскій, полковникъ Еропкинъ, пріятель Василія Никитича Татищева, и самъ Василій Никитичъ, составившій себѣ громкое имя государственными и учеными трудами. Сторонники самодержавія сносились съ Анною Ивановною черезъ близкихъ государынѣ дамъ. То были: сестра императрицы Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, княгиня Черкасская, княгиня Трубецкая (урожденная Салтыкова), Ягужинская, Екатерина Ивановна Головкина, Наталія Өедоровна Лопухина, находившаяся въ сердечныхъ отношеніяхъ къ Левенвольду. На этотъ кружокъ имѣлъ вліяніе новгородскій митрополитъ Өеофанъ Прокоповичъ. Говорятъ, что онъ прислалъ тогда государынѣ въ подарокъ столовые часы съ потайною доскою, на которой былъ начертанъ планъ дѣйствій въ пользу самодержавія. Въ гвардіи съ каждымъ часомъ возрастало неудовольствіе противъ верховниковъ, въ особенности противъ Долгорукихъ, которыхъ считали главными зачинщиками преднамѣреннаго переворота. Толковали такъ: Долгорукіе взяли верхъ при покойномъ государѣ и теперь имъ

не хочется потерять своей силы; вотъ они и выдумываютъ, чтобъ новая царица была государынею только по имени, а власть бы вся у нихъ была въ рукахъ. Фельдмаршалъ князь Василій Владимировичъ предложилъ-было Преображенскому полку присягнуть государынѣ и разомъ съ нею верховному тайному совѣту. На это преображенцы закричали, что они ему изломаютъ ноги, если онъ еще разъ осмѣлится заикнуться съ этимъ. Князь Алексѣй Григорьевичъ, нареченный тесть императора Петра II, удаляясь отъ всеобщаго ропота противъ своего рода, уѣхалъ съ своимъ семействомъ въ подмосковную вотчину Горенки. Шляхетство почти все раздѣляло съ гвардейцами ненависть къ роду Долгорукихъ. Говорили, что, по смерти императора Петра Второго, Долгорукіе ограбили дворецъ, перевезли къ себѣ драгоцѣнную мебель, экипажи и охотничьи принадлежности. Распускали заранѣе слухъ, что князя Алексѣя Григорьевича сошлютъ въ Сибирь, а сына его Ивана, бывшаго фаворита,—въ Дербентъ. Эти слухи выражали общее желаніе погибели Долгорукихъ и предупреждали ихъ роковую судьбу.

14-го февраля во Всесвятскомъ представлялись новой императрицѣ члены верховнаго тайнаго совѣта. Анна Ивановна приняла ихъ вѣжливо, но сухо, и когда Головкинъ поднесъ ей орденъ св. Андрея Первозваннаго, Анна Ивановна сказала: „Ахъ, правда, я позабыла его надѣть!“ Она приказала надѣть на нее этотъ орденъ постороннему лицу, а не одному изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта. Государыня этимъ хотѣла показать, что она считаетъ за собою право носить этотъ знакъ высшаго достоинства по своему рожденію, а не по чьей-либо милости, также точно какъ и корону получаетъ по рожденію, а не по винѣ верховниковъ. На другой день, 15-го февраля, она переѣхала въ Москву. Всѣ чины присягали ей на вѣрность въ Успенскомъ соборѣ.

Вступивши въ Москву, императрица сразу не избавилась отъ докучливой опеки верховниковъ. По выраженію современника, князь Василій Лукичъ продолжалъ еще и здѣсь стеречь ее, какъ драконъ. Между тѣмъ, въ обществѣ продолжалось умственное волненіе по поводу вопроса — самодержавное или ограниченное правленіе должно быть въ Россіи. До насъ дошли характеристическія письма сторонниковъ того и другого направленія. Вотъ письмо сторонника свободы бригадира Козлова казанскому губернатору:

„Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе

дѣламъ будетъ, и уже больше Бога не надобно просить... чтобъ только между главными согласіе было. А если будетъ между ними согласіе, такъ, какъ положено, то, конечно, сего никто опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ; а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партіею князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій)... однакожъ, ничего не успѣваютъ. И о государынѣ такъ положено, что хотя въ маломъ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію; и для того — будь она довольна тѣмъ, что она государыня россійская,—полно и того! Ей же опредѣляютъ на годъ сто тысячъ и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея императоръ и съ теткою довольствовался только шестьюдесятью тысячами въ годъ; да сверхъ того неповинна она себѣ брать ничего, развѣ съ позволенія верховнаго тайнаго совѣта, также деревень никакихъ, ни денегъ неповинна давать никому, и не токмо того, — ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ взять, не только отдавать кому, а что̀ надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при дворѣ свойственниковъ своихъ не держать и другихъ ко двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволитъ верховный тайный совѣтъ; и теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допустятъ. И что она сдѣлана государынею — и то только на малое время помазка по губамъ“.

До иностранныхъ пословъ доходили толки русскихъ въ то время, осуждавшихъ вредоносное для народа мотовство самодержавныхъ лицъ, которыя самовольно распоряжались народнымъ достояніемъ и не обращали вниманія на вопіющія нужды народа. О Екатеринѣ I говорили, что за короткое ея царствованіе (два года съ небольшимъ) истрачено семьсотъ тысячъ рублей на венгерское вино и сто-шестдесять тысячъ рублей на гданскую водку, тогда какъ при неурожаѣ многія тысячи подданныхъ питались сухимъ хлѣбомъ и только имъ кормили своихъ дѣтей [1]).

Сторонники самодержавія отъ той эпохи оставили также письменные памятники, гдѣ выражалась тогдашняя ихъ точка зрѣнія. Замѣчательна записка, ходившая тогда по рукамъ у шляхетства; авторъ ея, не подписавшій своего имени, неизвѣстенъ.

„Слышно здѣсь,—пишетъ онъ,—что̀ дѣлается или уже и сдѣ-

[1]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Ивановны“. Приложеніе 6, стр. 75—76. Депеша Вестфалена.

лано, чтобъ быть у насъ республикѣ.... Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ, горше прежняго, идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и съискать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными людьми (родословными), какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того злобствуя, вредить и губить станутъ. Въ то время потребно будетъ расположить обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства; для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость: въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что̀ надобно будетъ впередъ сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода не сдѣлаютъ".

Авторъ записки вступаетъ въ полемику со своими противниками по поводу обязательной службы шляхетства, которую послѣдніе не одобряли. „Народъ нашъ,—говорится въ запискѣ,— не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и нетрудолюбивъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ одинъ ржаной хлѣбъ ѣдятъ, не похотятъ получать черезъ свой трудъ ни чести, ни довольной пищи, кромѣ, что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею произведемъ и насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ самимъ намъ впредь мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ; притомъ же, подъ властію такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ". По мнѣнію автора записки, можно дозволить выходить въ отставку послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы только такимъ шляхтичамъ, у которыхъ „не менѣе отъ тридцати до пятидесяти дворовъ крестьянскихъ" [1]).

Намъ теперь трудно опредѣлить, куда въ то время клонилось большинство умовъ шляхетства: къ ограниченію ли самодержавной власти, или къ ея удержанію въ прежней силѣ. Собственно за самодержавіе ясно и положительно стояли гвардейцы: они были обласканы императрицей и могли надѣяться еще бо̀льшаго къ себѣ вниманія, послѣ того какъ послужатъ

[1]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Ивановны". стр. 264—265.

ей теперь въ трудныхъ обстоятельствахъ. Остальное все шляхетство, строго говоря, колебалось. Оно собиралось въ разныхъ мѣстахъ Москвы на совѣщанія, и на этихъ совѣщаніяхъ не додумались ни до чего болѣе, какъ только до того, чтобы подать государынѣ челобитную о дозволеніи составить изъ генералитета и шляхетства коммисію для пересмотра условій, предложенныхъ отъ верховнаго тайнаго совѣта государынѣ. На этомъ порѣшили двѣ сходки, собиравшіяся 23 и 24 февраля въ двухъ мѣстахъ Москвы: одна въ домѣ князя Черкасскаго на Никитской улицѣ, другая въ домѣ князя Борятинскаго на Мясницкой. Обѣ сходки сносились между собою и на вышесказанномъ взаимно остановились.

Утромъ 25 февраля явилась во дворецъ толпа изъ шляхетства. По однимъ извѣстіямъ, число явившихся простиралось до восьмисотъ человѣкъ [1]), по другимъ — до ста-пятидесяти [2]). На челѣ ихъ былъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій. Онъ подалъ государынѣ челобитную; въ ней сначала изъявлялась благодарность за высокую милость ко всему государству, выраженную въ подписанныхъ ею пунктахъ, а далѣе сообщалось, что „въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что бо́льшая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, хотя они, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ, написавъ свои мнѣнія, представляли верховному тайному совѣту, прося безопасную государственнаго правленія форму учредить; однакожъ, объ этомъ не разсуждено, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято и объявлено, что безъ воли императорскаго величества того учинить невозможно“. На этомъ основаніи, челобитчики просили, „дабы всемилостивѣйше, по поданнымъ отъ насъ и отъ прочихъ мнѣніямъ, соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два изъ фамилій: разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму правленія сочинить и вашему величеству къ утвержденію представить“. Челобитная эта была подписана восьмидесятью-семью лицами. Въ концѣ ея было оговорено такъ: „хотя къ сему прошенію не многіе подписались, понеже собою собраться для подписи опасны, а согласуютъ бо́льшая часть,

---

[1]) Лефортъ. Депеша 13 марта, въ „Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества“, т. V.

[2]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Ивановны“. Приложеніе № 13, депеша Вестфалена, стр. 82—83.

чему свидѣтельствуютъ подписанныя отъ многихъ мнѣнія, о которыхъ выше показано было, что иныя еще не приняты".

Когда эта челобитная была подана [1]), въ залѣ произошло волненіе. Гвардейскіе офицеры стали громко кричать о возстановленіи самодержавія; со стороны шляхетства послышались возраженія. Князь Черкасскій, по прочтеніи челобитной, произнесъ краткую, приличную случаю, рѣчь.

Тогда Василій Лукичъ приглашалъ собраніе успокоиться и, обратившись къ князю Черкасскому, спросилъ:

— Кто позволилъ вамъ, князь, присвоить себѣ право законодателя?

Князь Черкасскій отвѣчалъ:

— Вы вовлекли государыню въ обманъ; вы увѣрили ея величество, что кондиціи, подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства. Это неправда. Онѣ составлены безъ нашего вѣдома и участія.

Князь Василій Лукичъ сталъ совѣтовать Аннѣ Ивановнѣ удалиться въ другой покой и тамъ надосугѣ обсудить шляхетскую челобитную. Анна Ивановна уже было согласилась. Но тутъ подошла къ ней сестра ея Екатерина Ивановна, держа чернильницу съ перомъ, и сказала:

— Нѣтъ, государыня, нечего теперь разсуждать! Вотъ перо — извольте подписать!

Императрица на челобитной подписала: „учинить по сему" [2]).

Потомъ, возвративши князю Черкасскому челобитную, она поручила шляхетству обсудить предметъ своего прошенія немедленно и въ тотъ же день сообщить ей результатъ своихъ совѣщаній.

Въ это время расходившіеся гвардейцы стали кричать:

„Мы не дозволимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы. Она должна быть такою же самодержавною, какъ были ея предки!"

Государыня, стараясь укротить волненіе, стала даже грозить, но гвардейцы не переставали волноваться, кланялись въ ноги императрицѣ и вопили:

„Государыня! Мы вѣрные рабы вашего величества. Мы служили вѣрно вашимъ предшественникамъ и теперь готовы по-

---

[1]) По другому извѣстію, чтеніе челобитной исполнить долженъ былъ кн. Трубецкой, но какъ онъ заикался, то исполнилъ это, вмѣсто него, Татищевъ (Pierre Dolgorouki: Mémoires, I, 325).

[2]) Tourgueneff, „La Russie et les russes", III, 278. Депеша Маньяна.

жертвовать жизнію, служа вашему величеству. Мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите только — и мы къ вашимъ ногамъ сложимъ ихъ головы!“

Анна Ивановна, оглядываясь кругомъ себя, произнесла: — Я здѣсь не безопасна.—Потомъ, обратясь къ капитану Преображенскаго полка, она сказала: — Повинуйтесь генералу Салтыкову, ему одному только повинуйтесь!

До сихъ поръ начальствовалъ надъ гвардіей фельдмаршалъ кн. Василій Владимировичъ Долгорукій; назначеніе Салтыкова было отрѣшеніемъ князя Долгорукаго [1]).

Шляхетство, сообразно повелѣнію императрицы, удалилось въ другую комнату для совѣщанія; Анна Ивановна отправилась обѣдать съ членами верховнаго тайнаго совѣта.

Совѣщалось шляхетство недолго. Не время было совѣщаться, да ужъ и не было о чемъ. Весь дворецъ наполненъ былъ гвардейцами, которые продолжали кричать, шумѣть и провозглашали Анну Ивановну самодержавной государыней, а всѣмъ противникамъ самодержавія грозили, что всѣхъ ихъ повыбрасываютъ за окна. Слишкомъ явно было, что собраніе, которому поручили совѣщаться какъ-будто свободно о своихъ дѣлахъ, находится подъ стражею. Оно напоминало собою басню, въ которой котъ пойманнаго соловья убѣждаетъ запѣть и показать свое искусство. Въ четвертомъ часу по-полудни шляхетство, окончивъ свое дѣло, вошло снова въ аудіенцъ-залу. Императрица, окончивши обѣдъ, вошла туда; за нею вошли обѣдавшіе съ нею верховники. Князь Никита Трубецкой подалъ ей новую челобитную: на этотъ разъ она была подписана ста-шестьдесятьюшестью лицами. Прочелъ ее кн. Антіохъ Кантемиръ, ея составитель, такъ какъ на сходкѣ, происходившей у князя Черкасскаго, сторонники самодержавія ему поручили составить ее. И эта челобитная, какъ и прежняя, начиналась благодарностью императрицѣ за подписаніе кондицій, поданныхъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, но потомъ она гласила такъ:

„Усердіе вѣрныхъ подданныхъ побуждаетъ насъ по возможности не показаться неблагодарными; для того, въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить“.

[1]) Корсаковъ, „Воцар. Ан. Ив.“. 273—274.—„La cour de la Russie il y a cent ans.“ 36.

Затѣмъ далѣе въ челобитной излагалась просьба о возстановленіи сената въ томъ значеніи, какое далъ ему основатель Петръ Великій, дополнивъ число сенаторовъ двадцать-одной особой, а на будущее время въ званіе сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій должно опредѣлять по баллотировкѣ отъ шляхетства. Въ заключеніе, въ челобитной говорилось: „Мы, напослѣдокъ, вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе рабы, надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и облегченіи податей по природному вашего величества благоутробію презрѣны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего императорскаго величества всенижайшіе рабы"...

Выслушавши эту челобитную, государыня произнесла такія слова:

„Мое постоянное желаніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала пункты и должна знать: согласны-ли члены верховнаго тайнаго совѣта, чтобъ я приняла то, что̀ теперь предлагается народомъ?"

Члены верховнаго тайнаго совѣта молча склонили головы и тѣмъ выразили свое согласіе [1]).

Счастье ихъ,—замѣчаетъ современникъ,—что они тогда не двинулись съ мѣста; еслибъ они показали хоть малѣйшее неодобреніе приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы ихъ за окно [2]).

-- Стало быть,—продолжала императрица,—пункты, поднесенные мнѣ въ Митавѣ, были составлены не по желанію народа!

— Нѣтъ!—крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Стало быть, ты меня обманулъ, князь Василій Лукичъ?—сказала государыня, обратившись къ стоявшему близъ нея князю [3]).

Затѣмъ императрица приказала одному изъ правителей дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта, Маслову, доставить ей подписанныя ею въ Митавѣ кондиціи и письмо, писанное ею къ верховному тайному совѣту. По приказанію, переданному Масловымъ отъ имени императрицы, графъ Головкинъ, который, какъ великій

---

[1]) Корсаковъ, „Воцареніе Анны Ивановны", стр. 276. Депеша Мардефельда.

[2]) „La cour de la Russie il y a cent ans", 37. Депеша Маньяна.

[3]) Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, „Чтенія Моск. Общ. Истор. и Др." 1868 г. № 3.

канцлеръ, хранилъ важные государственные документы, принесъ государынѣ требуемое. Императрица изодрала оба документа въ присутствіи всего шляхетства и объявила, что желаетъ быть истинною матерью отечества и доставить своимъ подданнымъ всевозможныя милости [1]).

Шляхетство вереницею подходило цѣловать руку государыни. Члены верховнаго тайнаго совѣта должны были, скрѣпя сердце, дѣлать то же, хотя событіе дня ихъ всѣхъ какъ громомъ ошеломило [2]).

Наконецъ Анна Ивановна дала приказаніе немедленно освободить Ягужинскаго и пригласить его во дворецъ.

Ягужинскій явился. Императрица приказала фельдмаршалу князю Василію Владиміровичу Долгорукому встрѣтить его съ почетомъ у дверей; потомъ, при полномъ собраніи шляхетства, возвратила ему шпагу и орденъ св. Андрея Первозваннаго. Вдобавокъ императрица публично объявила ему похвалу за вѣрность и защиту самодержавныхъ правъ царскихъ [3]).

Обрадованный Ягужинскій преклонилъ колѣна. Государыня нарекла его генералъ-прокуроромъ возстановляемаго сената [4]).

Вечеромъ того же дня видимо стало на небѣ сѣверное сіяніе. Нечуждый суевѣрій народъ пустился по этому поводу въ толки о предзнаменованіяхъ. Впослѣдствіи, когда въ царствованіе Анны Ивановны совершилось не мало жестокостей, которыя главнымъ образомъ приписывали русскіе — справедливо и несправедливо — любимцу ея Бирону, вспоминали объ этомъ небесномъ явленіи, происходившемъ въ день, когда императрица приняла самодержавное правленіе, и говорили: „недаромъ тогда весь край неба казался залитымъ кровью: много крови пролилось въ царствованіе, начавшееся въ этотъ день“. Въ этотъ же самый день Анна Ивановна дала повелѣніе доставить къ ней любимца Бирона, хотя при подписаніи условій верховный тайный совѣтъ вынудилъ у нея обязательство не приглашать въ Россію этого человѣка [5]).

Въ тотъ же вечеръ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, въ кругу своихъ пріятелей, произнесъ такія знаменательныя и пророческія слова:

---

[1]) Корсаковъ, „Воцар. Ан. Ив.“, стр. 277.

[2]) „La cour de la Russie il a y cent ans“ 39.

[3]) Ibidem, 40.

[4]) Корсаковъ, „Воцар. Ан. Ив.“, стр. 277.

[5]) „Записки Манштейна“ 333.

„Пиръ былъ готовъ, но гости стали недостойны пира! Я знаю, что стану жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть! Пострадаю за отечество. Я уже и по лѣтамъ близокъ къ концу жизни. Но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе, чѣмъ я“ [1]).

III.

Анна Ивановна въ домашней жизни.

Характеръ государыни. — Забавы. — Куртаги. — Шуты. — Ледяной домъ. — Переписка Анны Ивановны.

Со дня объявленія самодержавія, начинается царствованіе Анны Ивановны. Возведенная на степень такого могущества, какого никогда себѣ не ожидала, она оказалась вовсе не подготовленною ни обстоятельствами, ни воспитаніемъ къ своему великому поприщу. На престолѣ она представляла собою образецъ русской барыни старинняго покроя, какихъ въ то время можно было встрѣчать повсюду на Руси. Лѣнивая, неряшливая, съ неповоротливымъ умомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надменная, чванная, злобная, не прощающая другимъ ни малѣйшаго шага, который почему-либо ей былъ противенъ, — Анна Ивановна не развила въ себѣ ни способности, ни привычки заниматься дѣломъ и особенно мыслить, что́ было такъ необходимо въ ея санѣ. Однообразіе ея повседневной жизни нарушали только забавы, которыя вымышляли прислужники, но забавы тѣ были такого рода, что не требовали ни большой изобрѣтательности, ни изящества. Анна Ивановна любила лошадей и верховую ѣзду, заимствовавши эту склонность отъ своего любимца Бирона, который издавна былъ большой охотникъ до лошадей. Ей нравилось также забавляться стрѣльбою, и это дѣлалось внутри дворца, изъ оконъ котораго она часто стрѣляла птицъ. Ей привозили также во дворецъ звѣрей и птицъ для примѣрной охоты. Газеты того времени сообщали публикѣ объ охотничьихъ подвигахъ ея величества во дворцѣ: то она убила дикую свинью, то—оленя, то—медвѣдя или волка, то такую или иную птицу. Въ виду того, чтобы для царской потѣхи не оказалось

---

[1]) Ibidem.

недостатка въ животныхъ, запрещалось подданнымъ, на разстоянiи ста верстъ отъ столицы, охотиться за всякою дичью, даже за зайцами и куропатками, подъ страхомъ жестокаго наказанiя. Анна Ивановна любила наряды и, слѣдуя вкусу Бирона, предпочитала яркiя краски, такъ что никто не смѣлъ являться во дворецъ въ черномъ платьѣ. Сама государыня въ будни одѣвалась въ длинное, широкое одѣянiе небесно-голубого или зеленаго цвѣта, а голова у нея была повязана краснымъ платкомъ, такимъ способомъ, какимъ обыкновенно повязывались мѣщанки. По воскресеньямъ и четвергамъ во дворцѣ отправлялись такъ называемые куртаги, куда съѣзжались вельможи, разодѣтые въ цвѣтныя одежды, танцовать или играть въ карты и въ другiя игры, и гдѣ каждый долженъ былъ корчить улыбающуюся и довольную собой физiономiю. Иногда давались спектакли, играли нѣмецкiя и итальянскiя пiесы, и въ 1736 году императрица ввела первый разъ въ Россiи итальянскую оперу. Но болѣе всего она любила шутовъ и шутихъ. Въ числѣ придворныхъ привилегированныхъ шутовъ государыни извѣстны: Балакиревъ, исполнявшiй эту обязанность еще при Петрѣ Великомъ, португальскiй жидъ Лякоста и итальянецъ Педрилло, прибывшiй въ Россiю въ качествѣ скрипача и нашедшiй для себя выгоднымъ занять должность царскаго шута. Кромѣ этихъ спецiальныхъ царскихъ шутовъ, были еще трое шутовъ, принадлежавшихъ къ аристократическимъ родамъ: князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, князь Никита Ѳедоровичъ Волконскiй и Алексѣй Петровичъ Апраксинъ. Волконскаго обратила императрица въ шуты по давнишней злобѣ къ женѣ его Аграфенѣ Петровнѣ, дочери Петра Бестужева. Князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ заграницею женился на итальянкѣ и принялъ римско-католическую вѣру: за это, по возвращенiи его въ Россiю, императрица приказала разрушить его бракъ, а его самого заставила исполнять должность шута въ ея дворцѣ. Въ послѣднiй годъ своего царствованiя, Анна Ивановна женила его на калмычкѣ Аннѣ Бужениновой, одной изъ шутихъ своихъ, женщинѣ очень некрасивой, а свадьбу приказала устроить въ нарочно выстроенномъ на Невѣ ледяномъ домѣ, гдѣ стѣны, двери, окна, вся внутренняя мебель и посуда были сдѣланы изъ льда. Въ такомъ-то ледяномъ домѣ отправлялся свадебный праздникъ, горѣло множество свѣчей въ ледяныхъ подсвѣчникахъ и брачное ложе для новобрачныхъ было устроено на ледяной кровати. На этотъ праздникъ выписаны были участники изъ разныхъ краевъ Россiи: изъ Москвы и ея окрестностей доставили деревенскихъ женщинъ

и парней, умѣющихъ плясать; изъ восточной Россіи повелѣно было прислать инородцевъ по три пары мужескаго и женскаго пола—татаръ, черемисъ, мордвы и чувашей, „съ тѣмъ, чтобъ они были собою не гнусны и одѣты въ свою національную одежду, съ своимъ оружіемъ и съ своею національною музыкою“.

Алексѣй Петровичъ Апраксинъ былъ зять Михайла Голицына и, подъ вліяніемъ своего тестя, также какъ и онъ, принялъ римско-католическую вѣру: въ наказаніе за этотъ поступокъ императрица и его обратила въ шуты.

Всѣ три сіятельные шута каждое воскресенье забавляли ея величество: когда государыня въ одиннадцать часовъ шла изъ церкви, они представляли передъ нею изъ себя куръ насѣдокъ и кудахтали. Иногда государыня приказывала имъ барахтаться между собою, садиться одинъ на другого верхомъ и бить кулаками другъ друга до крови, а сама со своимъ любимцемъ Бирономъ потѣшалась такимъ зрѣлищемъ. Обыкновенно стрѣльбичныя и шутоломныя забавы происходили передъ обѣдомъ; послѣ обѣда императрица ложилась отдыхать, а вставши, собирала своихъ фрейлинъ и заставляла ихъ пѣть пѣсни, произнося повелительнымъ голосомъ: „ну, дѣвки, пойте!“ А если какая изъ нихъ не умѣла угодить своей государынѣ, за то получала отъ ней пощечину.

Осталась довольно обширная переписка Анны Ивановны съ разными лицами, преимущественно съ ея родственникомъ Семеномъ Андреевичемъ Салтыковымъ, который, послѣ переѣзда двора изъ Москвы въ Петербургъ, остался въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ тайной конторы. Переписка эта превосходно выказываетъ личность государыни. Выше было замѣчено, что Анна Ивановна представляла собою образчикъ руской барыни-помѣщицы стараго времени. Одною изъ чертъ такого рода была склонность государыни къ сплетнямъ. Это много разъ видно въ ея письмахъ. Вотъ нѣсколько писемъ къ Семену Андреевичу, касающихся вмѣшательства въ чужія семейныя дѣла: „...Отпиши—женился-ли камергеръ Юсуповъ; здѣсь слышно, что у нихъ расходится и будто у него невѣстъ много было, объ этомъ я тебѣ пишу тайно, чтобъ онъ не зналъ“. Или: „когда ты сіе письмо получишь, то чтобъ тайно было и никому не сказывай, только мнѣ отпиши — когда свадьба Бѣлозерскаго была, и гдѣ, и какъ отправлялась, и княгиня Марія Ѳедоровна Куракина какъ ихъ принимала, весела-ли была? обо всемъ о томъ отпиши“. Или: „января 24-го 1734 г... По приложенной при семъ запискѣ, вели сыскать Давыдову невѣсту и пришли

ее сюда одну по почтѣ съ солдатомъ, а родни ея никого не посылай, и матери ея также съ нею не посылай; а какъ ее одну по почтѣ съ солдатомъ сюда привезутъ, то тому солдату, который съ нею поѣдетъ, приказать, чтобы онъ ее прежде привезъ къ моему секретарю Полубояринову, гдѣ бывала старая полиція, а самъ бы явился ему, чтобъ Давыдовъ не вѣдалъ, покуда ему не скажутъ. Чтó ей надобно, то вели все взять, только отправь ее въ одинъ день, чтобъ она не могла Давыдову никакой вѣсти дать, а въ дорогѣ вели везти бережно безъ всякаго страху". Императрицу занимала семейная распря супруговъ Щербатовыхъ, и по этому поводу она писала тому же Салтыкову: „...Освѣдомься, возьметъ ли князь Ѳедоръ Щербатовъ свою жену съ собою добровольно; ежели онъ взять ее не похочетъ, то ты объяви ему, чтобъ онъ безъ отговорокъ ее взялъ". Въ другомъ письмѣ, къ тому же Салтыкову, государыня уполномочиваетъ его провѣдать о поведеніи жены шута своего Апраксина: „...Освѣдомься, какъ можно тайно, о женѣ Алексѣя Петровича Апраксина: смирно ли она живетъ; а здѣсь слухъ носится, что будто она пьетъ и князь Алексѣй Долгорукій непрестанно у нея; только-бъ никто, кромѣ тебя и того, кому освѣдомиться прикажешь, не вѣдалъ, а какъ освѣдомишься подлинно, о томъ къ намъ отпиши".

Анна Ивановна собирала вокругъ себя всякаго рода болтушекъ, забавницъ, которыя потѣшали ее. Этотъ женскій персоналъ служилъ дополненіемъ къ мужскому персоналу шутовъ. Въ перепискѣ императрицы есть нѣсколько писемъ, относящихся къ этому предмету. Вотъ императрица пишетъ Семену Андреевичу Салтыкову: „...живетъ въ Москвѣ у вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны княжна Пелагея Аѳанасьевна Вяземская дѣвка, и ты прежде спроси объ ней у Степана Грекова, а потомъ ее съищи и отправь сюда ко мнѣ, такъ, чтобъ она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, она много говоритъ. Только ты ей того не объявляй. Да здѣсь, играючи, женила я князя Никиту Волконскаго на Голицыной и при семъ прилагается письмо его къ человѣку его, въ которомъ написано, что онъ женился вправду; ты оное сошли къ нему въ домъ стороною, чтобъ тотъ человѣкъ не дознался, а о томъ ему ничего сказывать не вели, а отдать такъ, что будто прямо отъ него писано". Другой особѣ Анна Ивановна поручала найти для себя забавницу въ Переяславѣ: „Авдотья Ивановна! Поищи въ Переяславѣ у бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ

или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Новокщенову; хотя, какъ мы чаемъ, уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну. Ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя были бы лѣтъ по сороку и такъ же говорливы, какъ та Новокщенова, или какъ были княгини Настасія и Анисья, и буде сыщешь хоть дѣвки четыре, то прежде о нихъ отпиши къ намъ и опиши, въ чемъ онѣ на нихъ походить будутъ".

А вотъ чрезвычайно интересное и оригинальное порученіе въ письмѣ императрицы къ Семену Андреевичу Салтыкову отъ 10 октября 1734 года: «Прилагается шелковинка, которую пошли въ Персію къ Левашову, чтобъ онъ по ней изъ тамошняго народу изъ персіянокъ или грузинокъ или лезгинокъ сыскалъ мнѣ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ оная есть, только бъ были чисты, хороши и не глупы, а какъ сыщешь, вели прислать къ себѣ въ Москву".

Тому же Семену Андреевичу Салтыкову Анна Ивановна поручала пріобрѣтать въ Москвѣ разные предметы нарядовъ и проч., напримѣръ: „объярей старинныхъ у купцовъ поищи, которыя, чаю, вы помните, что бывали крѣпкія, а не такія какъ нынѣ, а также чернобурыхъ лисицъ и позументовъ". Она также поручала узнавать, гдѣ есть персидскія лошади, и приказывала отбирать ихъ у владѣльцевъ съ обѣщаніемъ уплаты. Узнавши, что у Василія Аврамовича Лопухина есть гусли, императрица поручаетъ Семену Андреевичу взять ихъ и доставить ей въ Петербургъ... „и ты ихъ возьми, и буде можно, нынѣ сюда пришли, увязавъ хорошенько, чтобъ не разбились, а буде ихъ довезти нынѣ немочно, то по первому зимнему пути пришли".

Въ числѣ собственноручныхъ писаній Анны Ивановны, остались записки относительно мытья бѣлья. Замѣтна старинная боязнь порчи чрезъ бѣлье, входившая въ кругъ старинныхъ московскихъ суевѣрій. Императрица стала недовольна, узнавши, что у кастелянши прачки въ тѣхъ же посудахъ, гдѣ „моютъ наши и принцессы сорочки и прочее бѣлье—и другихъ постороннихъ лицъ бѣлье моютъ". Государыня порицаетъ за это кастеляншу и на будущее время даетъ такое правило: „...Для мытья нашего и принцессина бѣлья имѣть особливую палату и держать ее всегда подъ замкомъ, и отмыкать только тогда, когда мытье будетъ; и для того мытья имѣть особливыхъ прачекъ, человѣкъ семь или сколько будетъ потребно, и смотрѣть, чтобъ тѣ прачки ни на придворныхъ, ни на постороннихъ, ни на кого отнюдь

ничего не мыли, также въ упомянутыхъ судахъ ни вмѣстѣ, ни послѣ нашего бѣлья ничьихъ не мыли, и во время мытья въ тое палату никого не пущали, кому тутъ дѣла не будетъ, чего накрѣпко смотрѣть и исправлять по сему, только въ тѣхъ судахъ послѣ нашего бѣлья мыть рубашки матери безножки".

Масса такихъ писемъ рисуетъ намъ госпожу, всѣмъ сердцемъ и душою погруженную въ узкій мірокъ своего домашняго угла. Никакъ нельзя подумать, что этимъ всѣмъ такъ прилежно, такъ сердечно занимается властительница огромнѣйшей имперіи. Много пошлости найдется въ письмахъ Анны Ивановны, но иногда просвѣчиваетъ въ нихъ и природное остроуміе. Вотъ, для примѣра, письмо къ казанскому архіерею: „Письмо ваше изъ Казани мы получили, въ которомъ пишешь, что ты пріѣхалъ туда въ самый Благовѣщеньевъ день, и даешь знать, что то есть марта 25 числа. За то мы благодарствуемъ, что научили насъ здѣсь въ Петербургѣ знать, въ которомъ числѣ оный день бываетъ, а мы до сихъ поръ еще не знали, однако, уповали, что какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается. Впрочемъ, пребываемъ къ вамъ въ нашей милости".

Это письмо перепугало казанскаго архіерея. И было отъ чего. Страшно было навлечь на себя не только немилость, но даже одно невниманіе высочайшей особы. Судьба кіевскаго митрополита Ванатовича, упустившаго отслужить молебенъ въ царскій день и за то протомившагося въ заточеніи все царствованіе Анны Ивановны, судьба духовныхъ сановниковъ Георгія Дашкова, Юрлова и другихъ, пострадавшихъ по злобѣ Ѳеофана Прокоповича, пользовавшагося при дворѣ милостію, достаточно показываютъ, что санъ архіерейскій не слишкомъ служилъ защитою отъ царской опалы въ царствованіе Анны Ивановны. Но теперь, по отношенію къ казанскому архіерею, государыня показала доброту и снисходительность; узнавши, что письмо ея произвело на архіерея тревожное впечатлѣніе, она писала Салтыкову: „Изъ приложеннаго при семъ письма казанскаго архіерея, можете усмотрѣть, что онъ очень печалится. Того ради отпишите къ нему отъ меня, что я тогда къ нему нарочно писала безъ всякаго гнѣва и чтобъ онъ больше не сумлѣвался. Обнадежьте его нашею милостію и, написавъ письмо, пришлите къ намъ, которое мы, подписавъ, велимъ послать къ нему по почтѣ".

IV.

Ходъ государственной жизни при Аннѣ Ивановнѣ.

Государственное управленіе.—Кабинетъ министровъ.—Сенатъ.—Тайная канцелярія.—Ушаковъ.—Тайная контора въ Москвѣ.—Салтыковъ.—Дѣло Долгорукихъ.—Дѣло смоленскаго губернатора князя Александра Черкасскаго.—Дѣло кабинетъ-министра Волынскаго. — Характеръ дѣлъ, производившихся въ тайной канцеляріи надъ лицами, менѣе знатными.

При большомъ количествѣ писемъ Анны Ивановны чрезвычайно мало такихъ, которыхъ содержаніе относилось бы къ важнымъ предметамъ; судя по оставшейся перепискѣ этой государыни, приходится признать справедливость приговора современниковъ, что она проводила время въ пустыхъ забавахъ и вовсе не занималась дѣлами. Верховное управленіе государствомъ предоставлено было кабинету министровъ, состоявшему изъ четырехъ главныхъ руководителей: канцлера графа Головкина, князя Алексѣя Черкасскаго, барона Андрея Ивановича Остермана и графа Миниха.

Изъ нихъ мы можемъ яснѣе опредѣлить дѣятельность только послѣдняго, — во-первыхъ, потому, что онъ былъ талантливѣе другихъ, во-вторыхъ, потому, что онъ завѣдывалъ военною частію и былъ вмѣстѣ главнокомандующимъ россійскихъ военныхъ силъ, а такого рода дѣятельность представляется сама собою выпуклѣе всякой другой. О прочихъ кабинетъ-министрахъ трудно указать, какія законоположенія и распоряженія исходили отъ того или отъ другого: все издавалось отъ имени императрицы, но также точно, какъ еслибы вмѣсто нея сидѣлъ на престолѣ младенецъ. Все, что̀ происходитъ въ области государственной внутренней и внѣшней политики, вездѣ представляется исходящимъ отъ царствующей особы, и часто настоящіе заправщики дѣлъ ускользаютъ отъ наблюденія исторіи.

Тотчасъ по вступленіи Анны Ивановны на престолъ съ самодержавною властью, былъ уничтоженъ верховный тайный совѣтъ и возстановленъ сенатъ въ томъ значеніи, въ какомъ учредилъ его Петръ Первый. Онъ раздѣлился теперь на пять департаментовъ: 1) духовныхъ дѣлъ, соприкасающихся съ мірскими, 2) военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, 3) доходовъ и расходовъ, 4) юстиціи и 5) мануфактуръ и торговли. Сенатъ былъ верховнымъ мѣстомъ надъ всѣми коллегіями и канцеляріями и посылалъ инструкціи должностнымъ лицамъ. Возстанов-

лены должности генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ, хотя не упраздненныя, но позабытыя послѣ Петра Перваго. Въ Москвѣ учреждены приказы судный и сыскной—послѣдній для уголовныхъ дѣлъ, которыхъ нерѣшенными накопилось тысячъ до двадцати. Вмѣсто уничтоженнаго при Петрѣ Второмъ Преображенскаго приказа, въ мартѣ 1730 года учреждена была тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія, отданная подъ управленіе генерала Андрея Ивановича Ушакова, который своею суровостью пріобрѣлъ такую же славу, какъ и Ромодановскій. Впрочемъ, въ законодательствѣ Анны Ивановны являются правила, свидѣтельствующія о сравнительно большей внимательности къ судьбѣ несчастныхъ жертвъ доносовъ; такъ, при Петрѣ I доносчикъ отвѣчалъ жизнью только за такой доносъ, который былъ затѣянъ ложно по злобѣ, а при Аннѣ Ивановнѣ — за всякій доносъ, если онъ оказывался ложнымъ, по какому бы побужденію онъ ни возникалъ; такимъ образомъ, здѣсь какъ-будто видно желаніе уменьшить доносничество. Но это была мѣра только кажущаяся: въ томъ же указѣ, гдѣ говорится о карѣ за лживые доносы, угрожаютъ смертною казнію всякому, кто, услышавъ слова, произнесенныя неуважительно о царской особѣ, не донесетъ о нихъ. Притомъ способы допросовъ, производившихся секретно съ неизбѣжными пытками, зависѣли отъ произвола судей.

Намъ осталось нѣсколько дѣлъ, производившихся въ тайной канцеляріи надъ важными государственными лицами. Какъ только государыня укрѣпилась въ самодержавіи, опала отъ нея прежде всѣхъ и паче всѣхъ постигла родъ Долгорукихъ и отчасти Голицыныхъ: то было мщеніе за попытку ограничить самодержавіе. Долгорукихъ преслѣдовали съ какою-то утонченною злобою, сначала какъ-будто при наказаніи показывая и снисхожденіе, а потомъ постепенно увеличивая надъ ними жестокость кары. 8 апрѣля 1730 года постигъ этотъ родъ первый ударъ, сравнительно съ послѣдующими еще незначительный: фельдмаршаловъ Василія и Михаила Владимировичей предназначали удалить губернаторами, перваго въ Сибирь, второго въ Астрахань, князя Ивана Григорьевича — воеводой въ Вологду, Алексѣю же Григорьевичу и брату его Сергѣю, со всѣми членами ихъ семействъ, повелѣвалось безвыѣздно жить въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ. Но черезъ нѣсколько дней, 14 апрѣля, послѣдовалъ иной указъ: въ немъ князя Алексѣя Григорьевича съ сыномъ Иваномъ и съ братьями обвиняли въ томъ, что они „покойнаго государя Петра Второго подъ предлогомъ забавъ и увеселеній, отлучали отъ честнаго и добраго обхожденія и привели на сговоръ супру-

жества съ дочерью Алексѣя Григорьевича, княжной Екатериной, мало заботились о здоровьѣ молодого государя, сверхъ того, скарбъ царскій въ дорогихъ вещахъ цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ себѣ забрали“. За это, хотя ихъ признавали „подлежащими жестокому истязанію“, но государыня, милуя ихъ, наказываетъ ихъ такъ: князьямъ Алексѣю и Сергѣю Григорьевичамъ повелѣваетъ съ женами и съ дѣтьми жить безвыѣздно въ дальнихъ деревняхъ, братьевъ ихъ Ивана и Александра — опредѣлить въ отдаленные города воеводами. У всѣхъ у нихъ повелѣно отобрать чины и кавалеріи. О князѣ Василіѣ Лукичѣ въ царскомъ указѣ сказано: „за многіе къ намъ самой и государству нашему безсовѣстные противные поступки, за то, что дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самого составными дѣлами безбожно облыгать, лишить чиновъ и орденовъ, сослать въ дальнюю его деревню и тамъ жить ему безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ“. Это былъ второй шагъ. Въ исходѣ лѣта того же 1730 года, послѣдовалъ третій шагъ: князя Алексѣя Григорьевича съ дѣтьми повелѣно сослать въ Березовъ, князя Василія Лукича — въ Соловки, князя Сергѣя Григорьевича — въ Ораніенбургъ, вмѣстѣ съ его матерью, а князя Ивана Григорьевича — въ Пустозерскъ.

Фельдмаршала Василія Владиміровича, который не вступилъ въ предполагавшуюся для него губернаторскую должность, тогда не тронули и оставили при его прежнемъ санѣ; только государыня, при каждомъ удобномъ случаѣ, показывала къ нему свое невниманіе, а въ концѣ 1731 года обнародованъ былъ указъ, который, отъ имени императрицы, сообщалъ во всеобщее свѣдѣніе, что „фельдмаршалъ Василій Долгорукій дерзнулъ не токмо наши полезныя государству учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять“. Собранными на тотъ конецъ министрами и генералами, онъ былъ осужденъ на смертную казнь, разомъ съ гвардіи капитаномъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ, прапорщикомъ княземъ Алексѣемъ Борятинскимъ и Егоромъ Столѣтовымъ, которые всѣ „явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ“. Государыня смягчила такой приговоръ: фельдмаршала Долгорукаго повелѣла она заточить въ шлиссельбургскую крѣпость, а прочихъ — сослать „вѣчно“ въ каторжную работу. Велѣно при этомъ лишить ихъ всѣхъ чиновъ, орденовъ и всего движимаго имущества. Фельдмаршалъ былъ потомъ перемѣщенъ изъ Шлиссельбурга въ другое мѣсто заточенія—въ Ивангородъ, а изъ сосланныхъ въ то

время въ Сибирь — Столѣтовъ, по доносу, былъ снова привлеченъ въ тайную канцелярію, обвиненъ въ произнесеніи непристойныхъ словъ противъ высочайшей особы, пытанъ и обезглавленъ.

Бывшій сотоварищъ Долгорукихъ, по замыслу объ ограниченіи самодержавія, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ былъ долго щадимъ, считался въ званіи сенатора, но рѣдко посѣщалъ сенатъ и проживалъ постоянно въ своемъ подмосковномъ имѣніи въ селѣ Архангельскомъ, гдѣ у него была многотомная библіотека. Но на верху у государыни не забыли его дѣлъ, совершенныхъ при вступленіи на престолъ Анны Ивановны. Нѣсколько лѣтъ его не трогали, а въ 1736 году придрались по поводу прикосновенности его къ тяжбѣ, которая велась между зятемъ его, княземъ Кантемиромъ, и родственниками послѣдняго объ имѣніи. Князю Димитрію Михайловичу поставили въ вину, что онъ отговаривался болѣзнію, не хотя императрицѣ и государству служить, уклонялся отъ возлагаемыхъ на него порученій и настроилъ чиновника Перова, чтобъ онъ, получая изъ казны жалованье, занимался не дѣлами службы, а дѣломъ зятя его Кантемира, а когда Перовъ сказалъ ему: „надобно по совѣсти разсуждать", — князь Димитрій Михайловичъ на это отвѣтилъ: „совѣсть подлежитъ суду божескому, а не человѣческому"; когда же князя Димитрія Голицына призвали въ высшій судъ, онъ тамъ произнесъ такое выраженіе: „еслибъ сатана изъ ада говорилъ мнѣ что-нибудь полезное, я бы и его послушалъ!" Всѣ такія выраженія признаны выходками, противными Богу и государынѣ. Князя Димитрія Михайловича отправили въ шлиссельбургскую крѣпость для содержанія тамъ за крѣпкимъ карауломъ. Это произошло въ началѣ 1737 года, а въ апрѣлѣ 1738 онъ скончался въ заточеніи.

Казалось, участь тѣхъ Долгорукихъ, которымъ для житья былъ назначенъ Березовъ, была окончательно рѣшена. Помучивши постепеннымъ усиленіемъ кары, ихъ, наконецъ, сослали въ ледяныя пустыни, гдѣ они должны были истаять, забытые всѣмъ міромъ — и друзьями, и врагами. Вышло не такъ.

Ихъ повезли въ Березовъ въ іюлѣ 1730 года. Позволили взять имъ съ собою пятнадцать человѣкъ прислуги. Капитанъ Максимовъ съ отрядомъ солдатъ въ 24 человѣка провожалъ ихъ до Тобольска. Вдругъ, на дорогѣ догоняетъ ихъ посланный вслѣдъ за ними прапорщикъ Любовниковъ для описи ихъ пожитковъ. Оказалось, что князь Алексѣй Григорьевичъ взялъ съ собою три образа въ золотыхъ окладахъ, два золотыхъ креста

съ алмазами и золотую чашу, подаренную отцу его въ Польшѣ. Бывшая невѣста Петра II везла съ собою много разныхъ драгоцѣнностей и новыхъ платьевъ, сдѣланныхъ въ ожиданія свадьбы. У всѣхъ Долгорукихъ былъ запасъ дореформеннаго платья стариннаго покроя, такъ какъ въ домашнемъ быту бояре еще продолжали въ немъ ходить, хотя оффиціально одѣвались въ иноземную одежду, введенную Петромъ I. Все это отобрали. Изъ Тобольска доставилъ сосланныхъ Долгорукихъ въ Березовъ съ двадцатью-четырьми солдатами капитанъ Шарыгинъ. Въ Березовѣ сосланныхъ помѣстили на житье въ острогѣ и выпускали ихъ только въ церковь. Ради униженія, ихъ обязали ѣсть деревянными ложками и пить изъ оловяныхъ стакановъ, какъ бы простолюдиновъ. Князья Долгорукіе, съ первыхъ дней поселенія своего въ Березовѣ, жили между собою несогласно. Князь Алексѣй Григорьевичъ упрекалъ сына Ивана, зачѣмъ онъ не далъ Петру Второму подписать духовную. „Разрушенная" (какъ называли ее) невѣста царская, гордая и надменная, никакъ не могла снести судьбы своей, капризничала и производила смуту между своею роднею. Уже привезшій въ Березовъ Долгорукихъ капитанъ Шарыгинъ послалъ на нихъ доносъ объ утайкѣ пожитковъ противъ описи, но послѣдствіемъ такого доноса на первый разъ былъ только царскій указъ о томъ, чтобы Долгорукіе вели себя смирно и непристойныхъ словъ никакихъ не произносили.

Жена Алексѣя Григорьевича жила не долго въ ссылкѣ; въ ноябрѣ 1730 года ея не стало. Князь Алексѣй Григорьевичъ скончался въ 1734 году, и сынъ его Иванъ, бывшій фаворитъ Петра II, остался главою семьи. Супруга Ивана, обрученная съ нимъ еще во дни его величія, Наталія Борисовна, урожденная Шереметева, дочь знаменитаго фельдмаршала Петровскихъ временъ, уже послѣ опалы жениха своего сдержала данное прежде слово, обвѣнчалась съ нимъ и послѣдовала въ ссылку, не смотря на недовольство всей родни своей и, между прочимъ, своего брата Петра, который, при своемъ огромномъ богатствѣ, показывалъ мало участія къ несчастной сестрѣ. Женщина эта была нравственно выше своего супруга, который, во время своего величія, велъ разсѣянный и даже безнравственный образъ жизни, и хотя на время былъ приведенъ въ чувство бѣдствіями всего своего рода, но, будучи въ ссылкѣ, скоро снова показалъ прежнюю ничтожность души. Спознавшись съ окружавшею его средою, онъ заводилъ пріятельскія бесѣды съ офицерами мѣстнаго гарнизона, съ мѣстными священниками и обывателями, и отъ скуки, вмѣстѣ съ ними, пьянствовалъ, а этому пороку онъ и

прежде былъ причастенъ. Онъ особенно подружился съ флотскимъ поручикомъ Овцынымъ, постоянно становился съ нимъ рядомъ въ церкви и ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Молва сдѣлала Овцына любовникомъ бывшей царской невѣсты. Маіоръ Петровъ, въ качествѣ пристава при Долгорукихъ, вмѣсто строгаго надзирательства надъ ссыльными, сталъ пріятелемъ князя Ивана Алексѣевича. Березовскій воевода Бобровскій сблизился съ Долгорукими, изъ участія къ ихъ печальной судьбѣ посылалъ имъ отъ себя съѣстное и дарилъ песцовыми мѣхами, а Наталія Борисовна подарила ему сукна на одежду и золотые часы. Все это само по себѣ было бы безвредно; но Иванъ Алексѣевичъ, подъ вліяніемъ вина, не умѣлъ сдерживать языка своего и въ кругу своихъ березовскихъ знакомыхъ разсказывалъ о разныхъ придворныхъ событіяхъ. Замѣчательно, что хотя вообще принято полагать, будто Биронъ преслѣдовалъ Долгорукихъ, но Иванъ Алексѣевичъ, жалуясь, что Анна Ивановна погубила весь родъ ихъ, никакимъ намекомъ не обвинилъ въ этомъ Бирона. Напротивъ, онъ въ числѣ враговъ своихъ указывалъ на цесаревну Елисавету, которая впослѣдствіи, занявши престолъ, возстановила падшую знатность рода Долгорукихъ. Между тѣмъ, находясь въ ссылкѣ въ Березовѣ, Иванъ Алесѣевичъ приписывалъ свое несчастіе, между прочимъ, наговорамъ на него Елисаветы, которая будто-бы мстила ему за то, что при Петрѣ Второмъ онъ проводилъ мысль заточить ее въ монастырь за легкомысленное поведеніе.

Иванъ Алексѣевичъ возымѣлъ было надежду на облегченіе участи всего своего рода. Одинъ изъ братьевъ князя Алексѣя Григорьевича, Сергѣй, былъ зятемъ барона Шафирова, бывшаго тогда въ силѣ при дворѣ. По особенному ходатайству тестя, ему дозволили переселиться въ свое имѣніе Замоторино въ Касимовскомъ уѣздѣ, а вслѣдъ затѣмъ Шафировъ ходатайствовалъ передъ императрицею о допущеніи своего зятя служить по дипломатической части. Но у рода Долгорукихъ при дворѣ было не мало враговъ, которые боялись, чтобъ этотъ родъ, поднявшись на прежнюю высоту, не сталъ вредить имъ. Такими противниками Долгорукихъ были: Андрей Ивановичъ Остерманъ, начальникъ тайной канцеляріи генералъ Ушаковъ и оберъ-егермейстеръ Волынскій, недавно входившій въ силу. Они подѣйствовали на Бирона и внушили ему мысль, что Долгорукимъ опасно давать свободу и значеніе. Всѣхъ враждебнѣе къ Долгорукимъ относился Ушаковъ, и онъ-то взялся найти путь погубить ихъ окончательно и сдѣлать навсегда безвредными. Это

было нетрудно при неосторожности и болтливости Ивана Алексѣевича. Уже были на нихъ доносы. Въ 1737 году послѣдовалъ доносъ офицера Муравьева объ утайкѣ вещей противъ описи, произведенной надъ имуществомъ ссыльныхъ. Долгорукіе, извѣщалось въ доносѣ, припрятали два патента за подписомъ императора Петра II и книгу о коронаціи того же императора. Сообщалось, кромѣ того, что маіоръ Петровъ, поставленный надъ ними приставомъ, даетъ имъ послабленіе: у нихъ много лишнихъ вещей, они пожертвовали въ церковь парчу, они свободно посѣщаютъ березовскихъ обывателей и къ нимъ допускаютъ послѣднихъ. По этому доносу, присланный капитанъ Рагозинъ произвелъ новую опись ихъ имущества; надъ ссыльными усилили караулъ. Но вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ въ Березовъ, какъ-будто по дѣламъ службы, тобольскій подъячій Тишинъ. Подозрѣвали, не безъ основанія, что это былъ нарочно подосланный шпіонъ. Тишинъ поддѣлался къ Долгорукимъ и сталъ бывать у нихъ въ сообществѣ съ другими знакомыми. Ему приглянулась княжна Екатерина, и разъ, пьяный, онъ сталъ выказывать любовь свою къ ней въ слишкомъ грубыхъ формахъ. Екатерина отвернулась отъ него и сказала о его назойливости другу брата своего, Овцыну. Овцынъ, согласившись съ казачьимъ атаманомъ Лихачевымъ и сыномъ боярскимъ Кашперовымъ, отколотили Тишина. Тогда послѣдній, изъ мщенія за свою обиду, послалъ на Ивана Алексѣевича доносъ о его болтовнѣ; доносилъ также на маіора Петрова и на воеводу Бобровскаго, что они мирволили Долгорукимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ маѣ 1738 года, пріѣхалъ въ Березовъ тобольскаго гарнизона капитанъ Ушаковъ, родственникъ генерала Андрея Ивановича. Ему поручено было стороною разузнать о поведеніи сосланныхъ Долгорукихъ, а имъ самимъ ласково объявить, что государыня желаетъ улучшить ихъ положеніе. Ушаковъ познакомился съ березовскими обывателями и узналъ многое, что̀ ему было нужно. Онъ уѣхалъ изъ Березова, а вслѣдъ затѣмъ пришелъ царскій указъ – отдѣлить Ивана Алексѣевича отъ прочихъ членовъ его рода. Его заперли въ землянкѣ. Наталія Борисовна выпросила у маіора Петрова дозволеніе приносить мужу и подавать черезъ окно пищу, потому что его стали содержать на казенномъ хлѣбѣ скудно и грубо.

Въ сентябрѣ того же 1738 года, въ бурную ночь приплыла по рѣкѣ Сосвѣ лодка съ солдатами и съ царскимъ указомъ. Всѣхъ ссыльныхъ Долгорукихъ велѣно было отправить въ Тобольскъ. Разомъ съ ними туда же препроводили оговорен-

ныхъ Тишинымъ и Ушаковымъ лицъ: маіора Петрова, воеводу Бобровскаго, Овцына, Лихачева, Кашперова, пять священниковъ и одного діакона. Въ Тобольскѣ ихъ всѣхъ засадили въ тюрьму и подвергли допросамъ. Иванъ Алексѣевичъ упорно молчалъ, и нѣсколько дней отъ него не могли добиться ни слова. Его засадили въ темное, сырое подземелье; надѣли на него ручные и ножные кандалы и приковали къ стѣнѣ. Тогда онъ впалъ въ нервное разстройство, близкое къ умопомѣшательству, и сталъ наговаривать на себя то, о чемъ его даже не спрашивали. Онъ разсказалъ неизвѣстныя правительству подробности составленія фальшивой духовной отъ имени императора Петра II въ пользу преемства по немъ на престолѣ его невѣсты. Излагая эту исторію, онъ обвинилъ дядей своихъ Сергѣя и Ивана Григорьевичей, князя Василія Лукича и фельдмаршаловъ князей Василія и Михаила Владимировичей. Производили слѣдствіе капитанъ Ушаковъ, бывшій доносчикъ на него, и Суворовъ (отецъ знаменитаго Александра Васильевича). Они предложили обвиненнымъ 16 пунктовъ: „О вредительныхъ и злыхъ словахъ въ поношеніи чести ея императорскаго величества и цесаревны Елисаветы, о разговорахъ, веденныхъ съ Тишинымъ, о маіорѣ Петровѣ, объ Овцынѣ, о Бобровскомъ и другихъ, и о книгѣ, будто-бы напечатанной въ Кіевѣ, гдѣ изображалось уже совершившимся бракосочетаніе Петра Второго съ княжною Екатериною Долгорукою“. Иванъ Алексѣевичъ и себя самого, и другихъ оговорилъ, но увѣрялъ только, что книги кіевской печати о бракосочетаніи Петра Втораго не видалъ, а была у него книга о коронаціи этого императора, но братъ его Николай эту книгу сжегъ. Нѣсколько разъ водили его къ дыбѣ и подвергали жесточайшимъ истязаніямъ; наконецъ, Ивана Алексѣевича отправили изъ Тобольска въ Шлиссельбургъ, а меньшихъ братьевъ его Николая и Александра — въ Вологду. Указомъ 31 января 1739 года въ Шлиссельбургъ были собраны всѣ оговоренные Иваномъ Алексѣевичемъ князья Долгорукіе.

Между тѣмъ, съ отправкою Ивана Алексѣевича, слѣдствіе въ Тобольскѣ не прекратилось надъ лицами, прикосновенными къ дѣлу о Долгорукихъ. Такихъ набралось до пятидесяти особъ. Тутъ были офицеры, солдаты, подъячіе, отставные дворяне, дѣти боярскіе, священники, дворовые боярскіе люди и разнаго званія обыватели березовскіе. Девятнадцать изъ нихъ потерпѣли казнь. Маіору Петрову отрубили голову; священниковъ били кнутомъ и разослали по дальнимъ сибирскимъ городамъ; одному изъ нихъ Ѳедору Кузнецову, бывшему духовникомъ Ивана Алек-

сѣевича, послѣ наказанія кнутомъ, вырѣзали ноздри. Офицеры и дворовые люди Ивана Алексѣевича и нѣкоторые изъ березовскихъ обывателей записаны были рядовыми въ сибирскіе полки. Березовскій воевода Бобровскій неизвѣстно какимъ образомъ ускользнулъ отъ кары.

Въ Шлиссельбургѣ слѣдствіе надъ Долгорукими производили Остерманъ, Ушаковъ и Волынскій. Слѣдствіе это, начавшись съ октября 1738 г., тянулось цѣлый годъ; наконецъ, по царскому повелѣнію, Долгорукихъ отвезли въ Новгородъ, и 8 ноября 1739 года, за городомъ на Торговой сторонѣ, близъ Скудельничьяго кладбища ихъ казнили. Князя Ивана Алексѣевича колесовали, потомъ отрубили ему голову; князьямъ Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ прямо отрубили головы; меньшому брату Ивана Алексѣевича Николаю отрѣзали языкъ; двухъ другихъ братьевъ, Алексѣя и Александра, высѣкли кнутомъ и заслали въ Камчатку. Иванъ Алексѣевичъ, какъ бы думая загладить свое прежнее мелкодушіе, перенесъ мучительную казнь съ поразительнымъ геройствомъ. Бывшая невѣста Петра II-го сослана была въ Горицкій монастырь, на берегу рѣки Шексны, и тамъ была подвергнута строжайшему заключенію. Надменность и тамъ ее не оставляла. Игуменья, происходившая изъ простонародья, вздумала показывать надъ ней начальническое первенство. Княжна Екатерина сказала ей: „Ты должна уважать свѣтъ и во тьмѣ: я все-таки княжна, а ты холопка, не забывай этого!“ Судьба ея облегчилась уже по вступленіи на престолъ Елисаветы, когда возстановлено было достоинство князей Долгорукихъ. Освобожденная изъ заточенія, она выдана была замужъ за графа Александра Брюса, но послѣ свадьбы жила недолго и умерла въ Новгородѣ, куда пріѣзжала поклониться праху казненныхъ родичей. Потомки казненныхъ въ Новгородѣ Долгорукихъ построили близъ церкви Рождества Христова церковь св. Николая и тамъ помѣстили гробы злополучныхъ предковъ, покрытые на верхней крышкѣ слоемъ извести.

Въ числѣ дѣлъ тайной канцеляріи не лишено интереса также дѣло смоленскаго губернатора князя Черкасскаго. Нѣкто молодой человѣкъ, служившій прежде у недавно скончавшейся цесаревны Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, смоленскій помѣщикъ Милашевичъ-Красный 29 сентября 1733 года явился въ Гамбургѣ къ россійскому резиденту Алексѣю Петровичу Бестужеву и подалъ доносъ, что смоленскій губернаторъ далъ ему совѣтъ ѣхать въ Голштинію и служить голштинскому герцогу, котораго сынъ есть истинный наслѣдникъ россійскаго

престола, будучи по матери единственнымъ внукомъ великаго Петра. Доносчикъ присовокуплялъ, что многіе мѣстные дворяне расположены признать царемъ голштинскаго принца, а смоленскій губернаторъ, при первомъ удобномъ случаѣ, употребитъ для его воцаренія всѣ средства, какія представляетъ для этого управленіе краемъ. По этому доносу генералъ Ушаковъ самъ поѣхалъ въ Смоленскъ, арестовалъ губернатора и привезъ въ тайную канцелярію. Доносъ Милашевича-Краснаго былъ очень неискусенъ: онъ оговорилъ въ соумышленіи съ Черкасскимъ такихъ лицъ, о которыхъ тотчасъ оказалось, что они не могли быть соучастниками, и отъ многаго самъ доносчикъ отказался. Тѣмъ не менѣе въ тайной канцеляріи страхомъ привели Черкасскаго къ тому, что онъ самъ оговорилъ себя, былъ осужденъ на смертную казнь, но, въ видѣ милости и вниманія къ его родственнику кабинетъ-министру князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, смертная казнь замѣнена была для виновнаго вѣчною ссылкою въ Камчаткѣ въ Жиганскомъ зимовьѣ. Но въ 1739 году тотъ же Милашевичъ-Красный, попавшись въ преступленіи, объявилъ, что прежде на Черкасскаго доносилъ ложно, что князь Черкасскій никакихъ писемъ чрезъ него герцогу голштинскому не давалъ, никакихъ порученій не сообщалъ, а только искалъ предлога удалить его куда-нибудь подальше, потому что боялся, чтобы Милашевичъ-Красный не помѣшалъ ему въ его ухаживаньѣ за дѣвицею Корсакъ. Сосланный князь Черкасскій освобожденъ былъ уже по смерти Анны Ивановны, а при Елисаветѣ Петровнѣ занималъ очень видное мѣсто по службѣ.

Самое послѣднее въ царствованіе Анны Ивановны и самое громкое политическое дѣло, производившееся въ тайной канцеляріи, было дѣло кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго. При вступленіи Анны Ивановны на престолъ, онъ губернаторствовалъ въ Казани, считался по справедливости замѣчательно умнымъ и способнымъ человѣкомъ своего времени, но также прославился взяточничествомъ, всякаго рода грабительствами и озорничествомъ. Это былъ одинъ изъ такихъ господъ, у которыхъ, по выраженію одного архіерея того времени, „отъ ихъ чрезвычайныхъ забавъ, люди божіи лишаются сего свѣта безвременно“. Послѣ Волынскій въ Москвѣ былъ предсѣдателемъ коммиссіи для устройства конскихъ заводовъ; ревностнымъ исполненіемъ по занимаемой имъ должности, онъ успѣлъ понравиться Бирону. Въ 1734 году онъ находился въ дѣйствующей арміи въ Польшѣ, гдѣ постигла его продолжительная болѣзнь. По возвращеніи въ отечество, ему поручили ѣхать въ Немировъ

и быть тамъ уполномоченнымъ со стороны Россіи на конгрессѣ, собравшемся для улаженія политическихъ недоразумѣній на сѣверѣ Европы. По прибытіи назадъ, онъ, носившій уже званіе оберъ-егермейстера, получилъ, по случаю кончины Ягужинскаго, мѣсто кабинетъ-министра. Важное это мѣсто онъ получилъ по волѣ всемогущаго любимца государыни Бирона, который, недовѣряя дружелюбію къ себѣ Остермана, хотѣлъ ввести въ кабинетъ новаго члена, чтобы тотъ въ дѣлахъ оказывалъ противовѣсъ Остерману. Биронъ думалъ найти въ Волынскомъ покорную себѣ креатуру, но ошибся. Будучи по званію кабинетъ-министра часто вхожимъ съ докладомъ къ государынѣ, Волынскій успѣлъ ей понравиться и, какъ умный, свѣдущій въ дѣлахъ человѣкъ, становился ей такъ необходимымъ, что Биронъ опасался, какъ бы Волынскій не оттѣснилъ его самого отъ государыни. Притомъ скорое возвышеніе вскружило голову самому Волынскому: онъ сталъ невнимателенъ къ своему благодѣтелю Бирону и перессорился со многими важными и вліятельными лицами. Такъ, онъ сталъ непримиримымъ врагомъ Остермана, князя Куракина, адмирала Головина; вступилъ въ непріязнь съ Минихомъ и самою императрицею сталъ недоволенъ. „Правду говорятъ о женскомъ полѣ“, произносилъ онъ на ея счетъ въ кругу друзей,—„что нравъ имѣютъ измѣнчивъ, и когда женщина веселое лицо показываетъ, тутъ-то и бойся! Вотъ и наша государыня: гнѣвается, иногда самъ не знаю за что; резолюціи отъ нея никакой не добьешься, герцогъ что захочетъ, то и дѣлаетъ!“

Зазнавшійся Волынскій, ставши кабинетъ-министромъ и ощущая милости къ себѣ императрицы, перересталъ считать свою судьбу зависящею отъ благорасположенія Бирона. По волѣ сильной россійской императрицы, съ прекращеніемъ мужской линіи наслѣдственныхъ герцоговъ династіи Кетлеровъ, курляндское дворянство избрало своимъ герцогомъ Бирона. Насколько тутъ было искренняго желанія видѣть его своимъ властителемъ, показываетъ то, что, во время происходившихъ выборовъ, русское войско, подъ командою Биронова свояка, генерала Бисмарка, вступило въ Курляндію, и курляндское дворянство, изъ угожденія повелительницѣ обширнаго государства, рѣшилось признать верховнымъ главою своего края такого человѣка, котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ не считало достойнымъ ввести въ среду дворянскаго сословія. Ставши герцогомъ курляндскимъ и оставаясь по прежнему оберъ-камергеромъ двора россійской императрицы, Биронъ хотѣлъ, чтобы Россія соображала свою политику съ

выгодами его герцогства. Курляндія считалась въ ленной зависимости отъ польской Рѣчи Посполитой, и курляндскому герцогу былъ разсчетъ находиться съ Рѣчью Посполитою въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе, что польскій посолъ въ Курляндіи Кайзерлингъ, отъ имени своего короля, ходатайствовалъ предъ курляндскимъ дворянствомъ о выборѣ въ герцоги Бирона. Теперь поляки домогались отъ Россіи удовлетворенія за убытки, причиненные русскими войсками во время прохода ихъ черезъ польскія владѣнія, когда велась война Россіи съ Турціею. Биронъ настаивалъ, чтобъ Россія заплатила Польшѣ по ея требованію, а Волынскій, въ кабинетѣ министровъ, доказывалъ, что платить не слѣдуетъ, и по этому поводу произнесъ, что онъ, не будучи ни польскимъ паномъ, ни вассаломъ Польши, не имѣетъ причины задобривать народъ, издавна враждебный Россіи. Напоминаніе о вассалѣ пущено по адресу Бирона не въ бровь, а прямо въ глазъ: герцогъ былъ взбѣшенъ, и тогда же рѣшился во что бы-то ни стало отомстить за это Волынскому. Тутъ присоединилось еще обстоятельство, усиливавшее вражду между герцогомъ и Волынскимъ. Биронъ задумывалъ женить сына своего Петра на племянницѣ императрицы Аннѣ Леопольдовнѣ, будущимъ дѣтямъ которой Анна Ивановна заранѣе назначала преемство россійскаго престола. Биронъ хотѣлъ воспользоваться безпредѣльною привязанностію къ нему императрицы и проложить своему потомству путь къ царской коронѣ. Много встрѣчалъ при дворѣ недоброжелателей Биронъ своему проекту—и главнымъ изъ нихъ былъ Волынскій. Собственно ни Волынскій, ни иной кто-либо не могли помѣшать видамъ Бирона, потому что сама принцесса Анна Леопольдовна не терпѣла сына его, Петра. Но для злопамятнаго, не прощавшаго своимъ врагамъ Бирона было достаточно, что Волынскій изъявлялъ нежеланіе успѣха его плану. Между тѣмъ Волынскій, зазнаваясь все болѣе и болѣе, отважился подать императрицѣ „генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, гдѣ излагались разныя предположенія, касавшіяся укрѣпленія границъ, церковнаго устройства, правосудія и торговли. Къ своему проекту Волынскій приложилъ записку о томъ, что государыня окружаетъ себя лицами недостойными и отдаляетъ достойныхъ. Императрица спросила: кого онъ считаетъ недостойнымъ? Волынскій назвалъ Остермана, князя Куракина и адмирала Головина. „Ты даешь мнѣ совѣты, какъ-будто молодому государю“, сказала Анна Ивановна. Изъ этихъ словъ Волынскій долженъ былъ заключить, что ему можетъ быть худо.

Была еще болѣе свѣжая причина несогласія между Волынскимъ и Бирономъ. Въ февралѣ 1740 года устраивался ледяной домъ, о которомъ выше было упомянуто. Приготовлялись ко всеобщей потѣхѣ; главнымъ распорядителемъ ея былъ Волынскій. Онъ послалъ одного кадета привезти къ нему Василія Кирилловича Тредьяковскаго, академика, впослѣдствіи носившаго званіе „профессора элоквенціи и хитростей піитическихъ", затѣмъ, чтобъ заставить его написать и на праздникѣ прочитать стихотвореніе, приличное событію. Кадетъ, явившись къ Тредьяковскому, объявилъ, что его требуютъ въ кабинетъ, а потомъ повезъ его на „слоновый" дворъ, гдѣ находился тогда Волынскій. Тредьяковскій жаловался Волынскому на кадета, что онъ его перепугалъ, сказавши, что требуютъ его въ кабинетъ; а кадетъ, съ своей стороны, жаловался на Тредьяковскаго, что тотъ дорогою бранилъ его. Тогда Волынскій, не слушая оправданій и объясненій Тредьяковскаго, началъ бить его по щекамъ и велѣлъ при себѣ дѣлать съ нимъ то же и кадету. Наконецъ, Тредьяковскій спросилъ— что́ ему далѣе дѣлать; Волынскій приказалъ спросить объ этомъ у архитектора и полковника Еропкина. Послѣдній, спрошенный Тредьяковскимъ, указалъ ему писать стихи на предстоящій праздникъ. Тредьяковскій, избитый по щекамъ, умытый собственною кровью, отправился домой и всю ночь сочинялъ стихи. Но свѣжія воспоминанія обиды не давали ему покоя, и, дождавшись утра, онъ, наскоро одѣвшись, отправился къ герцогу курляндскому просить милости и обороны. На бѣду его, прежде чѣмъ дождался онъ появленія герцога, чтобы припасть къ его ногамъ, вдругъ вошелъ въ переднюю Волынскій, самъ пріѣхавшій съ утреннимъ визитомъ къ любимцу. Увидѣвъ Тредьяковскаго, онъ сразу понялъ, что тотъ пришелъ на него жаловаться; но, скрывъ это, спросилъ: „ты зачѣмъ здѣсь?" Тредьяковскій собирался съ духомъ—что ему отвѣтить, но Волынскій, не допустивши его произнести ни слова, ударилъ его въ щеку, потомъ вытолкалъ взашей и передалъ ѣздовому, приказавъ отвезти его въ коммиссію подъ караулъ. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ туда и самъ Волынскій, приказалъ снять съ Тредьяковскаго шпагу, разложить на землѣ и, обнаживъ спину, бить палкою. Тредьяковскій получилъ 70 ударовъ. Послѣ того Волынскій приказалъ поднять его и о чемъ-то его спросилъ. Тредьяковскій, какъ самъ послѣ говорилъ, не помнилъ, что тогда отвѣчалъ ему, а помнилъ только, что Волынскій опять приказалъ положить его и закатить еще 30 ударовъ палкою. Его не отпустили домой, а оставили въ коммиссіи подъ арестомъ до утра. Тредьяковскій, подъ кара-

уломъ, всю ночь твердилъ стихи, которые долженъ былъ читать передъ публикою „въ потѣшной залѣ", „хотя мнѣ,—замѣчаетъ Тредьяковскій въ своемъ разсказѣ объ этомъ событіи,—„ужь не до стиховъ тогда было". Вечеромъ повезли его въ маскарадномъ платьѣ подъ маскою въ потѣшную залу; тамъ онъ прочиталъ наизустъ передъ публикою свои стихи и тотчасъ отведенъ былъ подъ карауломъ опять въ комиссію, гдѣ ночевалъ и другую ночь, а на слѣдующій день въ 10 часовъ утра его привезли опять къ Волынскому. Вельможа сказалъ ему: „я не хочу съ тобой разстаться, еще разъ на прощанье не побивши тебя". Бѣдный піитъ плакалъ, умолялъ не бить его, потому что онъ и такъ ужъ изувѣченъ, но, по выраженію Тредьяковскаго, „не преклонилъ сердца его на милость". Волынскій приказалъ вывести піита въ переднюю и велѣлъ тамъ караульному офицеру отсчитать ему еще 10 ударовъ палкою. „Жалуйся на меня теперь кому хочешь", сказалъ онъ Тредьяковскому, — „а я свое уже взялъ съ тебя; если впередъ станешь сочинять пѣсни, то тебѣ и паче того достанется!" Изъ этихъ словъ видно, что Волынскій былъ уже сердитъ на Тредьяковскаго за сочиненіе какой-то пѣсни, оскорблявшей вельможу.

Это вопіющее поруганіе человѣческаго достоинства осталось бы для Волынскаго безъ послѣдствій, потому что, по тогдашнимъ понятіямъ, академикъ Тредьяковскій былъ черезчуръ ничтожная личность въ сравненіи съ кабинетъ-министромъ. Но лицо, которое стояло выше всѣхъ кабинетъ-министровъ, любимецъ императрицы, нашелъ въ этомъ предлогъ насолить своему сопернику. Биронъ подалъ государынѣ жалобу, вмѣняя себѣ въ личное оскорбленіе поступокъ, который дозволилъ себѣ Волынскій съ Тредьяковскимъ въ пріемной герцога. Онъ при этомъ припомнилъ, какъ Волынскій еще въ прошломъ году подавалъ государынѣ записку, въ которой хотѣлъ привести въ подозрѣніе приближенныхъ къ ея величеству особъ. Пусть Волынскій разъяснитъ то, что онъ въ своей запискѣ изложилъ въ темныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, иначе онъ, Волынскій, долженъ быть признанъ виновнымъ въ поступкѣ, крайне непристойномъ и продерзостномъ, такъ какъ онъ осмѣлился наставленія, годныя для малолѣтнихъ, давать мудрой государынѣ, которой великія качества и добродѣтели весь свѣтъ превозноситъ. Такъ выражался герцогъ и требовалъ, чтобы Волынскій немедленно былъ преданъ суду. Императрица уважала Волынскаго и отнюдь не расположена была губить его; отдать же Волынскаго подъ судъ — значило навѣрно погубить его, потому что всѣ судьи

поступятъ такъ, какъ желательно любимцу. Анна Ивановна отказала въ просьбѣ своего любимца. Тогда Биронъ категорически заявилъ государынѣ: „либо онъ, либо я! Если Волынскій не будетъ преданъ суду, я принужденъ буду навсегда выѣхать изъ Россіи. Уже при всѣхъ иностранныхъ дворахъ стало извѣстно, что Волынскій сдѣлалъ съ Тредьяковскимъ въ покояхъ курляндскаго герцога. Если онъ не будетъ судимъ, то на мнѣ останется вѣчно безчестіе". Государыня слишкомъ свыклась съ Бирономъ, слишкомъ любила его, чтобъ не пожертвовать для него кѣмъ бы то ни было. Послѣ усиленныхъ просьбъ Бирона, сопровождавшихся то колѣнопреклоненіями, то порывами досады, она согласилась на все и приказала нарядить судъ надъ Волынскимъ.

Въ апрѣлѣ 1740 года составилась судная комиссія. 12-го числа этого мѣсяца объявленъ былъ Волынскому домашній арестъ, а 15-го потребовали его къ суду. Членами судной комиссіи были: генералъ Григорій Чернышевъ, генералъ Андрей Ушаковъ, Александръ Румянцевъ, князь Иванъ Трубецкой, князь Рѣпнинъ, Михайло Хрущовъ, Василій Новосильцевъ, Иванъ Неплюевъ и Петръ Шиповъ. Потребовали, чтобы Волынскій назвалъ поименно тѣхъ лицъ, о которыхъ въ поданной императрицѣ запискѣ только намекалъ, называя ихъ опасными. Волынскій указалъ на Остермана, князя Куракина, адмирала Головина, прибавилъ къ нимъ также уже подвергшихся царской опалѣ Долгорукихъ и Голицыныхъ. Потомъ 17 апрѣля онъ далъ отзывъ, что „все прежнее онъ написалъ по злобѣ на Остермана, князя Куракина, Ягужинскаго и Головина"; сознавался о себѣ самомъ, что, получивши мѣсто кабинетъ-министра, онъ „возмнилъ, что сталъ очень уменъ, а нынѣ видитъ, что отъ глупости онъ все вралъ со злобы". Волынскій совершенно потерялся, становился на колѣни, кланялся въ землю, просилъ пощады. Предсѣдательствующій въ комиссіи Чернышевъ сказалъ: „вотъ какъ въ плутовствѣ тебя обличили, такъ ты и повинную принесъ". Волынскій на это произнесъ: „не поступай со мной сурово: ты такъ же горячъ, какъ и я; но у тебя есть дѣти, воздастъ Богъ дѣтямъ твоимъ!" Относительно поступка съ Тредьяковскимъ, Волынскій безъ всякаго оправданія призналъ себя виновнымъ. Вмѣстѣ съ прочимъ, онъ сознавался, что позволялъ себѣ дерзкіе отзывы объ императрицѣ, хотя и увѣрялъ, что при этомъ злаго намѣренія сдѣлать что-нибудь худое у него на умѣ никогда не было. Этимъ сознаніемъ Волынскій себя погубилъ. Сознавшись въ продерзостныхъ отзывахъ о высочайшей особѣ, онъ сталъ уже преступникомъ предъ закономъ „Ты самъ знаешь",—говорили ему,—„какъ ты мучилъ

жестокими побоями полицейскихъ служителей за то, что, идучи мимо твоего двора, не сняли шапокъ! И намъ за твои злодѣйственныя слова и разсужденія про ея императорское величество тебя безъ наижесточайшаго наказанія оставить невозможно". Его потащили на дыбу, дали сперва восемь, потомъ шестнадцять ударовъ кнутомъ. Онъ подъ пыткой ничего новаго па себя не показалъ, но открылъ нѣсколько своихъ прежнихъ дурныхъ дѣлъ; такъ онъ признавался, что бралъ взятки съ купцовъ товарами и деньгами, что, бывши еще въ Казани, губернаторомъ, онъ наживался взятками и нахваталъ такимъ способомъ тысячъ на шесть или на семь. Двое членовъ судной комиссіи, враги Волынскаго— адмиралъ Головинъ и князь Куракинъ—вышли изъ комиссіи. Въ числѣ оставшихся, всѣмъ дѣломъ заправляли Ушаковъ и Неплюевъ.

Назначенъ былъ верховный судъ изъ сенаторовъ и пятнадцати особъ, по указанію императрицы. Ушаковъ и Неплюевъ, производившіе слѣдствіе надъ подсудимыми, были въ числѣ судей, хотя это было противно основнымъ, вездѣ господствующимъ правиламъ юриспруденціи.

Этотъ судъ приговорилъ Волынскаго къ смертной казни черезъ посаженіе на колъ. Прикосновенные къ его дѣлу друзья, которымъ онъ читалъ свой проектъ, поданный потомъ государынѣ, и слышалъ отъ нихъ одобренія, приговорены: президентъ коммерцъ-коллегіи Мусинъ-Пушкинъ къ лишенію языка и ссылкѣ въ Соловки, архитекторъ Еропкинъ и Хрущовъ—къ отрубленію головы, Соймоновъ, секретарь кабинета Эйхлеръ и де-ля Суда—къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу. Когда пришлось подписывать смертный приговоръ, у Анны Ивановны проснулось чувство жалости къ человѣку, котораго такъ недавно она любила и уважала, но Биронъ опять заявилъ, что если Волынскій останется живъ, то его, Бирона, не будетъ въ Россіи. Анна Ивановна снова поддалась любви и привычкѣ къ Бирону, — она подписала приговоръ.

27-го іюня совершился жестокій приговоръ. Эшафотъ для казни былъ устроенъ подъ распоряженіемъ Ушакова и Неплюева на Сытномъ рынкѣ близъ крѣпости. Прежде всего въ тюрьмахъ отрѣзали языки Волынскому и Мусинъ-Пушкину. Послѣдній, будучи другомъ Волынскаго, призванный на судъ, началъ порицать слабость императрицы и ея пристрастіе къ нѣмцамъ, а когда отъ него требовали указанія такихъ чертъ въ поступкахъ Волынскаго, которыя послужили бы къ его обвиненію, Мусинъ-Пушкинъ сказалъ: „я вамъ не доносчикъ"! По совершеніи этихъ

операцій, Ушаковъ и Неплюевъ повели Волынскаго на казнь. Кровь лилась ручьемъ изъ отрѣзаннаго языка. Ему устроили повязку—родъ намордника, чтобъ остановить теченіе крови; но, не находя исхода черезъ ротъ, кровь хлынула въ горло. Волынскій сталъ лишаться чувствъ, такъ что двое служителей втащили его подъ руки на эшафотъ. При видѣ ужасныхъ орудій казни, ожидавшей его, онъ задрожалъ; но тутъ прочитанъ былъ указъ, въ которомъ было сказано, что государыня смягчаетъ ему казнь, замѣняя посаженіе на колъ отрубленіемъ головы. Это пріободрило несчастнаго въ послѣднія минуты.

Послѣ совершенія казни надъ Волынскимъ, Еропкинымъ и Хрущовымъ, тѣла казненныхъ оставлены были въ продолженіе часа на эшафотѣ для зрѣлища всему народу, потомъ отвезены были во дворъ церкви Сампсона Страннопріимца и тамъ погребены въ одной могилѣ. Соймонова, Эйхлера и де-ля Суду, послѣ наказанія кнутомъ на томъ же эшафотѣ, отправили въ тотъ же день въ Сибирь. Черезъ три дня послѣ того, сынъ казненнаго Волынскаго и двѣ дочери его были отправлены въ Сибирь; дочери были насильно пострижены. Братъ Волынскаго безъ всякаго повода былъ посаженъ въ крѣпость. Уже по смерти Анны Ивановны, правительница Анна Леопольдовна освободила ихъ всѣхъ и приказала признать постриженіе дѣвицъ незаконнымъ и недѣйствительнымъ. При императрицѣ Елисаветѣ обѣ дочери Волынскаго вышли за знатныхъ особъ. Кромѣ этихъ лицъ, пострадавшихъ по суду вмѣстѣ съ Волынскимъ, было обвинено еще нѣсколько — и между ними Бланкъ и Смирновъ — за то, что разсказывали, какъ Биронъ на колѣняхъ просилъ у Анны Ивановны о казни Волынскаго. Ихъ засадили въ тюрьму. Правительница Анна Леопольдовна ихъ освободила.

Въ числѣ жертвъ тайной канцеляріи при Аннѣ Ивановнѣ былъ также Макаровъ, бывшій при Петрѣ Первомъ начальникомъ „кабинета". Было время, когда этотъ человѣкъ былъ въ приближеніи къ государю, а потому въ силѣ; многіе тогда заискивали его расположенія и въ числѣ такихъ была и Анна Ивановна, не смѣвшая тогда и подумать о томъ, чтобъ когда-нибудь достичь верховнаго сана. Тогда ее и сестру ея Екатерину въ Москвѣ звали неуважительно Ивановнами; тогда и она обращалась къ сильному Макарову съ разными просьбами. Но время измѣнилось. Анна Ивановна стала императрицею и потребовала отъ Макарова свои прежнія письма. Естественно, Анна Ивановна не долюбливала этого человѣка, свидѣтеля ея прежняго униженія. Его затянули въ какое-то дѣло по отчет-

ности и подозрѣвали въ какихъ-то злоупотребленіяхъ. Его содержали подъ арестомъ въ Москвѣ два года и девять мѣсяцевъ. За это время домашнія дѣла его пришли въ безпорядокъ. Заключенный письменно умолялъ государыню о милости. По этому прошенію отъ ареста его совершенно не освободили, а только дозволили посѣщать церковь и заниматься нѣкоторыми домашними дѣлами. Но ему запрещено было ѣздить „по компаніяхъ“ и съѣзжать изъ Москвы: въ этомъ обязали его подпискою.

Въ числѣ политическихъ дѣлъ, которыя рѣшала тогда тайная канцелярія, бросается въ глаза дѣло самозванца, принявшаго имя царевича Алексѣя Петровича. Это былъ польскій шляхтичъ Миницкій; двадцать лѣтъ назадъ онъ прибылъ въ Россію, то служилъ въ солдатахъ, то проживалъ по монастырямъ, преимущественно въ Малороссіи; потомъ присталъ къ ватагѣ рабочихъ дровосѣковъ, которые проходили черезъ село Ярославецъ, близъ Басани въ Кіевскомъ полку. Здѣсь онъ объявилъ, что онъ— царевичъ Алексѣй и уже многіе годы ходитъ нищимъ. Ему повѣрили — священникъ этого села, какъ видно по глупости, и нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на почтовомъ станѣ по пути, устроенному для сообщенія столицы съ дѣйствующей арміей. Священникъ допустилъ его въ церковь, приказалъ зажечь свѣчи и звонить; народъ подходилъ, самозванецъ стоялъ въ царскихъ дверяхъ и держалъ крестъ. Но тутъ вдругъ вбѣжалъ въ церковь сотникъ съ козаками, приказалъ самозванца вытащить вонъ изъ церкви, а оттуда въ кандалахъ отправилъ въ полковую канцелярію въ Переяславъ. Переяславскій полковникъ препроводилъ его въ кандалахъ въ Москву въ тайную контору. Самозванца и священника, признавшаго его царевичемъ, посадили на колъ, нѣкоторыхъ изъ солдатъ четвертовали, другимъ головы порубили [1]).

Кромѣ дѣлъ, болѣе или менѣе съ политическимъ смысломъ, въ тайной канцеляріи и въ ея московской конторѣ производилось множество дѣлъ совершенно ничтожныхъ и, тѣмъ не менѣе, по способу ихъ производства, ужасныхъ. Довольно было того, если кто подслушалъ, какъ двѣ бабы торговки болтали между собою и пересказывали одна другой ходившія въ народѣ сплетни, въ которыя замѣшивалось имя императрицы или ея любимца: слушавшему стоило закричать „слово и дѣло“—его тащили въ „тайную“, за нимъ тянули оговоренныхъ имъ бабъ; бабы наговаривали сперва одна на другую, потомъ наименовывали разныхъ лицъ;—отыскивали указанныхъ бабами лицъ, подвергали допросу и чаще всего тутъ-

---

[1]) Соловьевъ XX, стр. 418.

же жесточайшимъ пыткамъ—дыбѣ, кнутамъ, вожденію по спицамъ, жженію огнемъ. Обыкновенно, дѣло не представляло той важности, какой отъ него ожидали, но попавшійся въ тайную канцелярію рѣдко выходилъ изъ нея, а обвиненный почти никогда не возвращался домой: при страшныхъ пыткахъ всегда находились виновные, потому что одинъ видъ орудій, терзающихъ человѣческое тѣло, способенъ былъ побудить большинство людей принять на себя какія угодно преступленія и оговорить хоть родного отца. Зачастую случалось, что судъ тайной канцеляріи признавалъ злоумышленниками противъ высочайшей особы такихъ лицъ, которыя годились только для больницы умалишенныхъ. Впрочемъ, эти ужасныя черты слѣдуетъ приписать вѣку, а не характеру Анны Ивановны и вообще не характеру ея царствованія, такъ какъ эти же черты встрѣчались и прежде нея, особенно при Петрѣ Первомъ, и не малое время послѣ нея.

V.

Внутренняя политика при Аннѣ Ивановнѣ.

Уничтоженіе маіоратовъ.—Законы о поземельныхъ владѣніяхъ.—Недоимки.—Ходъ колонизаціи государства.—Окраины.—Юго-востокъ европейской Россіи.—Сибирь.—Остзейскій край.—Малороссія.—Почтовое устройство.—Учрежденіе полиціи въ городахъ.—Пожары въ Петербургѣ и въ Москвѣ.—Суровыя мѣры противъ поджигателей.—Нищенство.—Бѣглые.—Разбойники.—Сухопутное войско на вѣчныхъ квартирахъ.—Морское дѣло при Аннѣ Ивановнѣ.

Съ возстановленіемъ сената приказано было выбрать изъ шляхетства, духовенства и купечества довѣренныхъ лицъ для составленія новаго уложенія, чѣмъ предполагали окончить дѣло, начатое Петромъ Первымъ. Но это намѣреніе отложено было въ долгій ящикъ, и вмѣсто составленія новаго уложенія, перепечатали старое — царя Алексѣя Михайловича и велѣли имъ руководствоваться въ судебной практикѣ. Однако, въ тогдашней жизни возникло много явленій, гдѣ уложеніе стараго Московскаго Государства было неудовлетворительно. Уже Петръ I измѣнилъ многое. Но не во всемъ нужно было продолжать и начатое Петромъ. Иное теперь приходилось измѣнять изъ того, что великій преобразователь вводилъ у себя, увлекшись тѣмъ, что замѣчалъ на Западѣ Европы. Многое шло въ-разрѣзъ съ вѣковыми понятіями и обычаями русскаго народа. Таковъ былъ

законъ 1714 года о маіоратахъ. Со смерти Петра Перваго, правительство за много лѣтъ могло присмотрѣться къ вреднымъ послѣдствіямъ этого закона. Родители, желая надѣлить поровну всѣхъ сыновей своихъ, отягощали крестьянъ, чтобъ извлечь болѣе дохода изъ своихъ имѣній, или прибѣгали къ разнымъ изворотамъ: иные написывали на себя небывалые долги и обязывали старшаго сына, своего преемника по владѣнію, выплачивать своимъ меньшимъ братьямъ и сестрамъ, откуда возникали злоба и семейныя ссоры; другіе оставляли по закону все недвижимое имѣніе старшему сыну, а всю движимость отдавали меньшимъ сыновьямъ;—и выходило такъ, что одна сторона со скотомъ и съ земледѣльческими орудіями не знала, что̀ дѣлать безъ земли, а другая затруднялась съ землею безъ скота и безъ орудій. Такія-то явленія и подобныя имъ побудили правительство Анны Ивановны отмѣнить маіоратство. Въ мартѣ 1731 года уничтожено было давнее различіе, существовавшее между помѣстьями и вотчинами; и тѣ, и другія слились въ одно понятіе о дворянскомъ недвижимомъ имѣніи.

Обязательная дворянская служба не была упразднена, какъ того хотѣлъ верховный тайный совѣтъ; только дворянамъ, у которыхъ было нѣсколько взрослыхъ сыновей, дозволялось оставлять одного изъ нихъ въ имѣніи для экономіи, однако, непремѣнно обучая его грамотѣ. Собственно право владѣнія населенными недвижимыми имѣніями издавна составляло принадлежность дворянскаго сословія, но въ послѣднее время стали владѣть такими имѣніями боярскіе люди, монастырскіе слуги и вообще люди „подлаго“ происхожденія. Велѣно было всѣмъ такимъ продать незаконно пріобрѣтенную собственность въ теченіе полугода и впередъ ничего подобнаго не пріобрѣтать. Въ отдаленныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Сибири, люди „холопскаго“ происхожденія, отданные въ солдаты и дослужившіеся до офицерскаго чина, получали должности воеводъ,—и это было запрещено при Аннѣ Ивановнѣ, а на будущее время указано назначать въ воеводы только людей, происходившихъ изъ знатнаго шляхетства: надѣялись, что такія лица менѣе будутъ падки къ незаконной наживѣ и покажутъ болѣе радѣнія въ собираніи государственныхъ доходовъ. Но правительство здѣсь ошиблось. При такомъ новомъ порядкѣ не мало было случаевъ злоупотребленій по должности, и, между прочимъ, одинъ губернаторъ за взятки былъ казненъ смертію. Въ дѣлопроизводствѣ была также путаница: приказные позволяли себѣ дѣлать подчистки, прибавки и убавленія въ приходо-расходныхъ и крѣпостныхъ кни-

гахъ, въ народѣ ходили даже фальшивые высочайшіе указы; при повальной безграмотности во всѣхъ слояхъ общества, не трудно было грамотнымъ плутамъ обманывать темный народъ.

Въ видахъ охраненія общества отъ такихъ обмановъ, въ 1735 году указано было считать подлинными высочайшими указами только такіе, на которыхъ окажется подпись императрицы и трехъ ея кабинетъ-министровъ.

На всемъ народѣ накопилось еще отъ прежнихъ царствованій много недоимокъ всякаго рода, а въ царствованіе Анны Ивановны онѣ все болѣе увеличивались; правительство не могло добиться не только уплатъ, но даже возможности точно узнать, сколько въ государствѣ недоимокъ и по какой части: на безпрестанныя требованія губернскія и провинціальныя начальства медлили доставленіемъ свѣденій. Въ 1739 г., изъ девяноста-четырехъ городовъ вѣдомостей о недоимкахъ не прислано вовсе, а въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ тогда изъ ста-девятнадцати городовъ и уѣздовъ въ камеръ-коллегію, недоимка составляла въ итогѣ сумму 1,692,908 р. Между тѣмъ, правительство Анны Ивановны оказывало народу большія льготы въ этомъ отношеніи. По вступленіи на престолъ императрицы, сложена была въ государствѣ недоимка всего подушнаго оклада, доходившая до четырехъ милліоновъ рублей; въ 1735 г., по поводу большого неурожая, сложена была во всемъ государствѣ полугодичная недоимка всего подушнаго оклада, а въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ощутительнѣе чувствовался голодъ, указано давать крестьянамъ заимообразно хлѣбное зерно. Но въ предпослѣдній годъ царствованія Анны Ивановны пришли къ такому убѣжденію, что не слѣдуетъ слагать недоимокъ, потому что чрезъ такія милости выигрывали только тѣ, которые не спѣшили платить податей; тѣ же, которые были исправны, не могли воспользоваться этими милостями. Такъ было выражено въ указѣ 1739 г. Многіе помѣщики запустили въ своихъ имѣніяхъ недоимки; изъ такихъ помѣщиковъ, не состоящихъ въ государственной службѣ, обязали взнести недоимки въ теченіе шести недѣль, а служащихъ— въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, подъ страхомъ двойного штрафа. На торговомъ классѣ накопилось тогда недоимокъ 800,070 р. и замѣчено было, что здѣсь убогіе были отягощены платежами, а богатые, владѣвшіе промышленными заведеніями, увертывались отъ платежа; поэтому, постановили впередъ разложить недоимки такъ, чтобы бо́льшая часть платежей приходилась на богатыхъ купцовъ. Всѣ недоимки собирались въ канцелярію конфискацій, учрежденную еще ранѣе, но въ 1730 г. получив-

шую отъ Анны Ивановны инструкцію. Эта канцелярія, кромѣ недоимокъ, завѣдывала всѣми конфискованными по всякому поводу движимыми и недвижимыми имуществами, а также и выморочными имѣніями.

Въ царствованіе Анны Ивановны постоянно была нужда въ деньгахъ. Россія впуталась въ войны — и одна изъ нихъ, турецкая, была продолжительна. Расходы государственные простирались до суммы около восьми милліоновъ въ годъ. Скудость средствъ побуждала правительство прибѣгать къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, въ 1736 г., гражданскимъ чиновникамъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, выплачивали жалованье сибирскими мѣхами и китайскими товарами, а въ 1739 г. чиновникамъ, служащимъ въ Москвѣ и въ городахъ (въ губерніяхъ и провинціяхъ), платили половинное жалованье противъ петербургскихъ [1]).

Въ ходѣ колонизаціи Россіи въ это время произошло нѣсколько замѣчательныхъ явленій. Послѣдовало заселеніе пространства между Днѣпромъ и Донцомъ, гдѣ поселено было двадцать полковъ ландъ-милиціи [2]).

Въ 1737 г. пожаловано было генералъ-маіору Тараканову 4,000 [3]) десятинъ земли между Дономъ и Донцомъ, въ пространствѣ, которое запустѣло послѣ укрощенія Булавинскаго бунта. Таракановъ могъ владѣть этою землею потомственно и заселить ее пришлыми людьми, но исключительно малороссіянами. Восточнѣе — предпринято было заселить нижніе берега Волги и берега рѣкъ: Иловли, Хопра и Медвѣдицы — донскими казаками и малороссіянами. Тогда положено было изъ такихъ переселенцевъ основаніе казацкому волгскому войску подъ начальствомъ атамана Персидскаго. Приказано было составить опись землямъ юго-восточной Россіи, начиная отъ Саратова вдоль Волги до Царицына и до Дона, а отъ Дона по Хопру вверхъ до Саратова. Явно было намѣреніе наполнить жителями этотъ плодоносный край. Въ Сибири съ 1730 г. велѣно всѣхъ ссыльныхъ, туда отправляемыхъ, записывать въ подушный окладъ со льготами на два года.

---

[1]) Соловьевъ, т. XX, стр. 195.

[2]) Объ этомъ излагается въ нашемъ сочиненіи „Фельдмаршалъ графъ Минихъ", такъ какъ эта колонизація предпринята была со стратегическими цѣлями по его иниціативѣ.

[3]) Вѣроятно, съ обычною прибавкою въ дву потому-жъ, что составляло 12,000 десятинъ.

Остзейскій край во время господства Бирона, любимца государыни, пользовался особымъ вниманіемъ и благорасположеніемъ правительства. Тамошнему дворянству подтверждены прежнія привилегіи, а городамъ даны жалованныя граматы.

Малороссія, окраинная область Россійской имперіи, все еще въ принципѣ сохраняла ту автономію, съ какою поступила нѣкогда въ кругъ владѣній Московскаго Государства, хотя послѣ неудавшагося покушенія Мазепы отдѣлиться отъ московской власти тамъ почувствовалось сильное давленіе центральнаго управленія. Петръ I, по смерти гетмана Скоропадскаго, жестокою расправою съ Полуботкомъ и его товарищами, пріѣзжавшими просить о новомъ выборѣ гетмана, показалъ уже, что ему не хотѣлось допускать въ Малороссіи мѣстное выборное правленіе; но Петръ не рѣшился еще высказать прямо окончательное уничтоженіе гетманскаго достоинства. При Петрѣ II избранъ былъ въ гетманы миргородскій полковникъ Апостолъ, человѣкъ старый и скоро затѣмъ умершій, въ 1733 году. Съ тѣхъ поръ, въ видѣ временной, но безсрочной мѣры учреждено въ Малороссіи правленіе, состоявшее изъ главнаго правителя съ двумя великороссійскими и тремя малороссійскими товарищами. Князь Шаховской былъ назначенъ этимъ главнымъ правителемъ края. Всѣ полковые и сотенные суды оставлены на прежнемъ основаніи; выше ихъ былъ войсковой судъ, а выше его — канцелярія гетманскаго уряда, на которую аппеляція могла подаваться въ правительствующій сенатъ. Доходы собирались двумя подскарбіями: одинъ былъ изъ великороссіянъ, другой изъ туземцевъ. Въ іюлѣ 1734 г. велѣно было собрать со всей Малороссіи депутатовъ въ Москву съ цѣлію привести въ порядокъ существующія въ Малороссіи права и законоположить новыя, но наблюденіе надъ ихъ работами поручалось одному изъ великороссіянъ. Вообще правительство, помня эпоху Мазепы, не слишкомъ довѣряло преданности малороссійскихъ старшинъ и секретно приказывало князю Шаховскому строго смотрѣть за кандидатами въ малороссійскія должности, дабы не опредѣлить какого-нибудь безпокойнаго человѣка. Ему поручалось отрѣшать отъ должностей тѣхъ особъ, которыхъ онъ признаетъ недостойными, и наказывать „являющихся въ непристойныхъ словахъ, касающихся императорской чести“. По укоренившемуся прежде обычаю малороссійскаго народа, то и дѣло появлялись жалобы козаковъ и мѣщанъ на старшинъ, что они разными путями захватили въ свое владѣніе козацкія и мѣщанскія угодья и самихъ козаковъ подчиняли себѣ въ подданство. Въ видахъ пред-

упрежденія этого, въ 1739 году, запрещено было малороссійскимъ козакамъ отчуждать свои земли и грунты (усадебныя земли): съ нихъ они должны были служить козацкую службу, выставляя по надобности со всей Малороссіи 20,000 конныхъ вооруженныхъ воиновъ.

Винокуреніе было постоянно свободно въ Малороссіи, и только во время войны съ турками постигало его кратковременное стѣсненіе, въ тѣхъ видахъ, чтобы для арміи возможно было достать провіантъ по умѣренной цѣнѣ. Евреямъ еще прежде запрещено было держать корчмы въ Малороссіи и Меншиковъ хотѣлъ ихъ всѣхъ выслать изъ края; при Аннѣ Ивановнѣ не рѣшались на такую мѣру, изъ опасенія, что высланные станутъ шпіонами въ непріятельскомъ войскѣ. По заключеніи мира съ турками въ 1740 году, рѣшено было выслать ихъ, но тутъ государыня скоро скончалась. Всѣмъ иноземцамъ вообще запрещалось, безъ особаго высочайшаго дозволенія, пріобрѣтать земельную собственность въ Малороссіи. Въ 1740 г., незадолго до своей кончины, государыня повелѣла разселить тамъ выѣхавшихъ въ Россію грузинскихъ князей и дворянъ, пожаловавши ихъ деревнями и снабдивши пособіями для обзаведенія. Хотя Малороссія освобождалась отъ военнаго постоя, но, какъ пограничная страна, подвергалась безпрестанному проходу войскъ во время турецкой войны, а это бывало для жителей тяжелѣе постояннаго пребыванія у нихъ войскъ. Проходившіе забирали у нихъ безплатно подводы и съѣстные припасы, присвоивали себѣ даже грунты, сады и угодья на будущее время, вымучивая у вдовъ и сиротъ документы себѣ на владѣніе. Два важныя нововведенія послѣдовали въ Малороссіи въ царствованіе Анны Ивановны: учрежденіе почтъ и употребленіе гербовой бумаги.

Почтовое устройство въ царствованіе Анны Ивановны во всѣхъ русскихъ краяхъ получило широкое развитіе, вызванное обстоятельствами. Въ началѣ крымско-турецкой войны указано было устроить отъ Москвы до тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ находиться дѣйствующая армія, почтовые станы; такимъ образомъ это было какъ-бы временною мѣрою для удовлетворенія временной необходимости; потомъ по тому же пути учреждена была постоянная правильная почта отъ Москвы до Кіева черезъ Калугу, Сѣвскъ и Глуховъ. Станціи располагались разстояніемъ одна отъ другой около 25-ти верстъ; на каждой станціи слѣдовало содержать по 25 лошадей. Но это распоряженіе не вполнѣ соблюдалось; тамъ и сямъ оказывались недостатки: тамъ— станціоннаго дома не выстроили, въ другомъ мѣстѣ—затрудня-

лись довести количество лошадей до узаконеннаго числа. Въ 1740 году послѣдовалъ указъ о заведеніи почтъ по всей имперіи между губерніями и провинціями. Турецкая война окончилась тогда уже и, въ виду наступающаго мирнаго времени, сочтено достаточнымъ содержать по пути отъ Москвы до Кіева на каждой станціи по пяти лошадей, а по пути воронежскому — только по четыре лошади. На первыхъ порахъ почтовому дѣлу препятствовали два обстоятельства: первое — плохія дороги, которыя исправлять правительство возлагало на владѣльцевъ земель, куда шла дорога, второе — наглость и своевольство ѣздившихъ по казеннымъ дѣламъ, загонявшихъ до смерти почтовыхъ лошадей, наносившихъ побои и увѣчья ямщикамъ и почтовымъ комиссарамъ.

Важнымъ явленіемъ въ царствованіе Анны Ивановны было учрежденіе полиціи въ городахъ, состоявшееся по указу 1733 года. Оно послѣдовало по докладу генерала князя Гессенъ-Гомбургскаго: бывши въ Астрахани, онъ былъ пораженъ тяжелымъ воздухомъ, смрадомъ и всякою нечистотою, валявшеюся по улицамъ; послѣ того онъ представилъ проектъ о принятіи мѣръ для сохраненія здоровья и безопасности обывателей русскихъ городовъ. Сообразно этому проекту, указано было завести полицейскія управленія въ двадцати-трехъ большихъ городахъ. До того времени полицейскія управленія существовали только въ столицахъ.

Обстройка Петербурга и заселеніе новой царской столицы, такъ усиленно проводимыя Петромъ Первымъ, по смерти его оставались въ небреженіи, и такъ продолжалось въ первые годы царствованія Анны Ивановны, когда царица жила въ Москвѣ и тамъ пребывалъ весь дворъ. Выселенные Петромъ Первымъ въ Петербургъ помѣщики покинули отведенныя имъ въ столицѣ мѣста жительства и разъѣхались по своимъ имѣніямъ. На Васильевскомъ Островѣ торчали то фундаменты, то полувозведенныя каменныя стѣны безъ оконъ и крышъ; иные дома были уже отстроены, но ихъ хозяева, выѣхавши сами изъ Петербурга, въ домахъ оставили прислугу безъ всякихъ способовъ содержанія, и правительству приходилось понуждать этихъ господъ давать своимъ людямъ содержаніе. Когда Анна Ивановна перебралась изъ Москвы въ Петербургъ, сѣверная столица стала опять люднѣть и цѣны на квартиры, предъ тѣмъ значительно упавшія, вдругъ поднялись такъ высоко, что правительство своими указами должно было сдерживать произволъ домовладѣльцевъ. Но тутъ скоро Петербургъ, начинавшій снова приходить въ наряд-

ный видъ, постигли пожары, возникавшіе отъ поджоговъ: они начались въ 1735 году и продолжались и слѣдующіе года. Въ 1736 году былъ сильнѣйшій пожаръ въ Петербургѣ. Тогда толпа народа, подъ предлогомъ тушенія огня, производила грабежи и похищенія. Обличенные поджигатели были казнены сожженіемъ на мѣстѣ преступленія, а грабители и воры — жестоко наказаны кнутомъ и сосланы въ каторжную работу. Въ 1737 году, въ предупрежденіе пожаровъ, устроены были во всемъ городѣ караулы и патрули, а при полиціи стали содержать печниковъ и трубочистовъ: и тѣ, и другіе обязаны были смотрѣть за исправностію печей и чистить разъ въ мѣсяцъ дымовыя трубы во всякомъ домѣ. Чтобъ у всѣхъ всегда наготовѣ была вода для гашенія огня, повелѣно во всякомъ дворѣ устроить колодезь. Для бѣдныхъ, разоренныхъ пожаромъ и лишенныхъ пріюта, отводились безплатно казенныя зданія и конфискованные домà. Въ 1738 году повелѣно всѣ каменныя строенія крыть не иначе, какъ черепицею или желѣзомъ, а гзымзы и карнизы дѣлать непремѣнно изъ камня или кирпича Всѣ удобовозгораемыя вещества указано содержать только въ нарочно устроенныхъ для того сараяхъ на Петровскомъ Островѣ, а на судахъ, стоявшихъ на Невѣ, запрещалось зажигать свѣчи, курить табакъ и готовить кушанье; вообще разводить огонь, въ случаѣ нужды, можно было только на особыхъ назначенныхъ для того судахъ. Петербургскіе пожары, впрочемъ, возбуждали къ лучшей постройкѣ города. Въ 1737 году Петербургъ былъ раздѣленъ на пять городскихъ частей, сдѣлано нѣсколько новыхъ мостовъ, открыты новыя площади, разсажены на пустыхъ мѣстахъ деревья и построенъ новый гостиный дворъ на Адмиралтейскомъ Островѣ.

Не въ одномъ Петербургѣ — и въ другихъ городахъ происходили пожары отъ злоумышленныхъ поджоговъ. Въ Москвѣ былъ сильный пожаръ въ іюнѣ 1736 года, потомъ еще сильнѣйшій 23 мая 1737 года, погубившій въ одинъ день 50 церквей и болѣе 2,500 домовъ. Послѣ этихъ истребительныхъ пожаровъ положили расширить московскія улицы, и въ обывательскихъ дворахъ, по примѣру Петербурга, завести колодцы. Нѣсколькихъ человѣкъ, обличенныхъ въ поджогахъ, сожгли живьемъ всенародно. И по всей Россіи свирѣпствовавшіе поджоги вызывали такія же строгости. Даже такихъ, которые сами не поджигали, а только легкомысленно болтали о пожарахъ, жестоко наказывали кнутомъ. Въ 1740 году публикованъ былъ указъ, угрожавшій смертною казнью всякому, кто, хотя самъ

не участвовалъ въ поджогѣ, но завѣдомо продавалъ вещи, украденныя съ пожара.

Распоряженія противъ скорой ѣзды въ городахъ повторялись при Аннѣ Ивановнѣ такъ же безуспѣшно, какъ при Петрѣ Первомъ: въ декабрѣ 1737 года на улицѣ, дышломъ, чуть было не убили фельдмаршала Миниха.

Въ видахъ сохраненія народнаго здоровья, обывателямъ городовъ строго предписывалось не бросать труповъ падшей скотины по улицамъ, а зарывать въ землю, отнюдь не снимая кожи. Въ 1738 году повсюду были разосланы офицеры съ лекарями, чтобы тамъ, гдѣ торговали мясомъ, не продавали бѣднымъ людямъ худаго и нездороваго мяса.

Медицинская часть во всей Россіи состояла подъ вѣдѣніемъ медицинской канцеляріи, гдѣ учреждена была изъ пяти докторовъ коллегія, завѣдывавшая всѣми аптеками въ Россіи. Въ 1737 году указано было въ городахъ: Псковѣ, Новгородѣ, Твери, Ярославлѣ и въ другихъ значительныхъ городахъ завести врачей изъ старыхъ военныхъ лекарей, а обыватели должны были давать имъ свободную квартиру и платить жалованья по 12 рублей въ мѣсяцъ. Учреждались также въ этихъ городахъ аптеки, гдѣ можно было за плату получать медикаменты. Но, къ сожалѣнію, этотъ благодѣтельный указъ долго исполнялся на Руси нерадиво. Въ 1738 — 1739 годахъ опасность вторженія эпидемическихъ болѣзней побудила къ устройству заставъ по границамъ Персіи и Польши, что̀ тогда останавливало ходъ торговыхъ сношеній съ этими странами.

Несмотря на строгіе указы Петра I противъ нищенства, при его преемникахъ, и въ томъ числѣ при Аннѣ Ивановнѣ, по всей Руси шаталось множество нищихъ. Нѣкоторые изъ нихъ лукавствомъ выманивали себѣ пріютъ въ богадѣльняхъ и оттуда все-таки уходили просить подаянія по улицамъ. Указы за указами слѣдовали противъ нищенства — все было напрасно. Въ 1734—1736 годахъ шатались по дорогамъ толпы помѣщичьихъ людей и выманивали у проѣзжающихъ на дневное пропитаніе, разсказывая, будто господа не кормятъ ихъ; а въ городахъ по улицамъ сновали колодники, посаженные въ тюрьму за казенные и частные долги. Уже издавна велось на Руси такъ, что, посадивши неисправнаго должника въ тюрьму и понуждая уплатить долгъ, его не кормили, а посылали по-міру просить подаянія; тѣмъ же способомъ пропитывались и уголовные преступники, которыхъ водили въ кандалахъ на цѣпяхъ просить подаянія. Это были тощія фигуры, одѣтыя въ отрепья, съ крова-

выми слѣдами правежа и пытокъ на тѣлѣ. Чрезвычайное накопленіе такого рода нищенствующихъ колодниковъ подало правительству поводъ издать указъ — отдавать ихъ въ работы частнымъ лицамъ съ платою имъ по 24 рубля въ годъ, а если такихъ частныхъ охотниковъ пользоваться ихъ трудомъ не найдется, то на казенныя работы за 12 рублей въ годъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, нищенство увеличилось до такой степени, что отъ шатающихся повсюду попрошаекъ не было ни проѣзда, ни прохода; и тогда изданъ былъ новый указъ — ловить нищенствующихъ, изъ нихъ молодыхъ и здоровыхъ отдавать въ солдаты и въ матросы, а негодныхъ отсылать въ каторжныя работы; тѣхъ же, которые сидѣли въ заключеніи за частные долги, по иску челобитчиковъ, кормить на счетъ послѣднихъ, но не пускать просить милостыни.

Разомъ съ нищенствомъ преслѣдовалось бродяжничество. Оно увеличивалось при каждомъ рекрутскомъ наборѣ, такъ какъ значительное количество бродягъ состояло изъ убѣгавшихъ отъ военной службы. Часто рекруты, еще до привода ихъ въ пріемъ, учиняли себѣ членовредительство, въ надеждѣ, что сочтены будутъ негодными къ службѣ. Если заранѣе открывалась такая хитрость, то ихъ наказывали шпицрутенами; но иные успѣвали провести начальство и въ пріемѣ признаны были дѣйствительно калѣками; такіе, послѣ того, просили милостыню и сочиняли про себя небывалыя приключенія, чтобы разжалобить сострадательныхъ. Во время войны въ Польшѣ многіе русскіе солдаты бѣжали изъ арміи и селились въ польскихъ владѣніяхъ; кромѣ солдатъ, бѣжало туда же не мало помѣщичьихъ людей и крестьянъ, изъ краевъ сопредѣльныхъ съ польскими владѣніями, — такихъ нерѣдко сманивали къ себѣ польскіе помѣщики, обѣщая имъ въ своемъ отечествѣ всякія блага. Изъ такихъ бѣглецовъ иные скоро соскучивались на чужой сторонѣ и находили, что въ Польшѣ положеніе ихъ не лучше, чѣмъ въ Россіи; они ворочались въ Россію и думали найти себѣ безопасный притонъ въ Ингерманландіи, такъ какъ прежде смотрѣли сквозь пальцы на поселеніе тамъ бѣглаго народа; но при Аннѣ Ивановнѣ стали ихъ оттуда высылать въ мѣста прежняго жительства. И теперь, какъ при Петрѣ Первомъ, давались бѣглымъ милостивые сроки, въ которые дозволялось воротиться съ побѣга и остаться безъ наказанія. Но охотниковъ на такія милости и при Аннѣ Ивановнѣ, какъ и при прежнихъ государяхъ, являлось немного.

Болѣе смѣлые и отважные изъ бѣглыхъ всякаго рода составляли разбойничьи шайки. При самомъ вступленіи Анны

Ивановны на престолъ, замѣчали уже, что разбойничьи шайки въ Россіи растутъ не по днямъ, а по часамъ, и жители способствуютъ этому злу, давая пристанище всякаго рода бродягамъ. Когда дворъ пребывалъ въ Москвѣ, въ окрестностяхъ столицы происходили разбои и грабежи: удалые какъ будто вовсе не стѣснялись близостью верховной особы. Послѣ переѣзда двора въ Петербургъ, Семену Андреевичу Салтыкову, московскому губернатору, то и дѣло присылались указы о принятіи мѣръ противъ разбоевъ въ подмосковномъ краѣ. Разбойники, однако, были такъ смѣлы, что посылали знатнымъ лицамъ письменныя требованія положить имъ въ назначенномъ мѣстѣ деньги и дѣлали угрозы на случай отказа. Около самаго Петербурга до того умножились разбойничьи шайки, что правительство принуждено было отправлять отряды солдатъ вырубливать лѣса на разстояніи тридцати саженъ по обѣ стороны дороги изъ Петербурга въ Москву. Въ 1735 году, послѣ двухлѣтнихъ неурожаевъ, обѣднѣлъ вездѣ народъ и повсюду умножились разбойничьи шайки. Составлялись изъ отставныхъ солдатъ команды для преслѣдованія и поимки разбойниковъ, но главный начальникъ этихъ командъ подполковникъ Рѣдкинъ задерживалъ не столько виновныхъ въ разбояхъ, сколько невинныхъ, съ цѣлью брать у нихъ взятки. Ему дали выговоръ — тѣмъ дѣло кончилось, а разбойники въ слѣдующемъ 1738 году самымъ безобразнымъ способомъ давали о себѣ знать на Волгѣ и на Окѣ: они грабили плававшихъ по этимъ рѣкамъ торговцевъ, нападали на помѣщичьи усадьбы и мучили жестокими истязаніями владѣльцевъ и ихъ дворовыхъ, не давали спуска также и казеннымъ таможнямъ и кабакамъ, убивали цѣловальниковъ и головъ и забирали казенные сборы. Они какъ будто не сознавали большаго грѣха въ своихъ поступкахъ: жертвовали въ церкви матеріи, награбленныя у купцовъ, покупали колокола и нанимали священниковъ служить панихиды по умерщвленнымъ па разбояхъ. На низовьяхъ Волги обязанность ловить разбойниковъ. плававшихъ въ лодкахъ и грабившихъ встрѣчныя купеческія суда, возложена была на волгское казачье войско, а ограбленные купцы обязаны были платить казакамъ по три процента со ста за возвращенныя товары. И въ другихъ краяхъ имперіи велась борьба съ разбойниками. Въ 1739 году появились ихъ шайки въ уѣздахъ Кексгольмскомъ и Олонецкомъ; указано было преслѣдовать ихъ оружіемъ и пойманныхъ отсылать въ Выборгъ, гдѣ казнить смертію. Въ томъ же году дозналось правительство, что толпы русскаго народа убѣжали въ Польшу изъ провинцій

Великолуцкой, Псковской и Новгородской, съ намѣреніемъ составить въ чужой землѣ разбойничью шайку и явиться въ россійскихъ предѣлахъ: отправленъ былъ въ Великія Луки полкъ— не пропускать изъ-за границы русскихъ бѣглецовъ. Но въ 1740 году, уже передъ кончиною императрицы, въ самомъ Петербургѣ распространились кражи, грабежи и убійства,—въ Петропавловской крѣпости убили часоваго и похитили нѣсколько сотъ казенныхъ денегъ.

Сухопутное войско, разставленное на такъ-называемыхъ вѣчныхъ квартирахъ, служило для водворенія гражданскаго порядка и безопасности жителей края. Военные, по распоряженію мѣстныхъ начальствъ, тушили пожары, преслѣдовали разбойниковъ и отправляли казенныя работы; но строго воспрещалось употреблять ихъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, на работы частныя. Однако, пребываніе войскъ на вѣчныхъ квартирахъ не обходилось безъ безпорядковъ и недоразумѣній между военными чинами и обывателями городовъ и селъ; всего чаще они возникали по поводу постойной повинности и временнаго передвиженія войскъ. Расположенное на вѣчныхъ квартирахъ сухопутное войско не состояло въ своемъ надлежащемъ комплектѣ: постоянно въ бѣгахъ считалось тысячъ до двадцати и болѣе.

Морское дѣло при Аннѣ Ивановнѣ совершенно пріостановилось и, такъ сказать, было забыто. Кораблестроеніе, которымъ съ такимъ жаромъ занимался Петръ Великій, было покинуто, хотя и назначали отпускать изъ казны въ годъ на морское дѣло немалыя суммы и опредѣляли строить число кораблей разныхъ размѣровъ. Но это все оставалось только на бумагѣ. О мореплаваніи мало помышляли государственные мужи Россіи, и Минихъ, занимаясь укрѣпленіемъ Кронштадта, докладывалъ, что въ кронштадтской гавани лежатъ кучами ветхія военныя суда, которыя остается выкинуть и истребить, какъ ни къ чему не годныя, но для этого потребуется чрезвычайное множество рабочихъ рукъ. Достойно замѣчанія, что Минихъ, пріобрѣвшій себѣ историческую славу, какъ полководецъ, едва ли не болѣе русскихъ людей признавалъ важность кораблестроенія для величія и безопасности Русскаго государства.

VI.

Образованность, промышленность и торговля.

Обученіе юношества.—Кадетскій корпусъ.—Училище въ Сенатѣ.—Академія наукъ.—Ученыя экспедиціи. — Литературные труды. — Другія училища. — Лѣсоразведеніе.—Хлѣбное производство.—Конскіе заводы.—Рыбные промыслы.—Селитра.—Поташъ.—Ревень.—Пенька. — Черепица. — Металлы. — Кожевенное производство. — Суконныя и шелковыя фабрики. — Купечество. — Мѣры правительства по отношенію къ торговлѣ.—Монетное дѣло.

Въ дѣлѣ народнаго образованія въ вѣкъ, описываемый нами, обращалось вниманіе на образованность одного дворянскаго класса. Съ цѣлью доставить воспитаніе дворянскому юношеству, учрежденъ былъ сухопутный кадетскій корпусъ. Хотя спеціальное назначеніе его было выпускать годныхъ къ военному званію людей, но допускалось, что государству нужны и люди, посвящающіе себя гражданской дѣятельности; поэтому, кадетскій корпусъ, будучи заведеніемъ спеціально-учебнымъ, былъ въ то же время и общеобразовательнымъ [1]). Приготовлявшіеся къ морской службѣ получали образованіе въ морской академіи. Правительство покровительствовало грамотности и между низшими воинскими чинами. При гарнизонныхъ полкахъ заведены были школы, гдѣ на казенномъ иждивеніи обучали солдатскихъ дѣтей, но туда принимали также и мелкихъ дворянъ. Неграмотныхъ солдатъ не производили въ унтеръ-офицеры. Что касается дворянства, то рожденіе въ этомъ званіи служило уже обязательствомъ быть грамотнымъ человѣкомъ. Лица шляхетскаго званія, по указу 1737 года, должны были своихъ, достигшихъ семи лѣтъ, сыновей привозить въ столицахъ къ герольдмейстеру въ сенатъ, а въ губерніяхъ къ губернатору, для отдачи ихъ въ обученіе, и въ 16 лѣтъ возраста юноши сами должны были являться въ сенатъ въ Петербургъ или Москву для экзамена изъ ариѳметики и геометріи. Тѣхъ недорослей которые, будучи представлены въ сенатъ, не оказывали ни охоты, ни способности къ военной службѣ и не могли быть приняты ни въ кадетскій корпусъ, ни въ морскую академію, оставляли при сенатѣ для приготовленія къ гражданской службѣ. Они два дня въ недѣлю являлись въ сенатскую камеру для обученія ариѳметикѣ, геоде-

---

[1]) О кадетскомъ корпусѣ подробнѣе излагается въ жизнеописаніи фельдмаршала Миниха.

зіи, геометріи, географіи и грамматикѣ; они не должны были посѣщать „вольныхъ домовъ“ (трактировъ) и играть въ карты и кости; каждый день обязаны они были пудрить голову и въ извѣстные праздники, вмѣстѣ съ кадетами, ходить ко Двору. Если у кого изъ нихъ не оказывалось никакой охоты къ ученію—того отдавали въ солдаты. Вообще охоты къ образованію у всего россійскаго дворянства было очень мало: не смотря ни на какіе царскіе указы, дворяне не хотѣли отдавать дѣтей въ ученіе,—и на смотръ ихъ возить уклонялись, и до́ма ихъ ничему не обучали.

Высшимъ образовательнымъ заведеніемъ была академія наукъ, при которой съ 1735 года заведенъ былъ семинарій для тридцати-пяти юношей шляхетскаго званія и, кромѣ того, велѣно было изъ московскаго училищнаго монастыря присылать туда молодыхъ людей для обученія наукамъ. Академія наукъ руководила учеными экспедиціями. Такъ въ 1732 году снаряжена была вторая экспедиція къ камчатскимъ берегамъ; она имѣла и административное значеніе, потому что ей поручали заселеніе Охотска и всего вообще восточнаго берега. Берингъ долженъ былъ посылать сухимъ путемъ и водою къ Сѣверному морю смѣтливыхъ людей для узнанія края, а самому Берингу поручалось провѣдывать: какія земли находятся между полуостровомъ Камчаткой и Америкой, и отысканныя земли подчинять Россіи, не касаясь, однако, правъ европейскихъ государствъ, а также правъ Китая и Японіи; но съ этими послѣдними государствами онъ долженъ былъ завести торговыя сношенія. Въ 1736 году отправлена была отъ академіи наукъ другая экспедиція подъ начальствомъ Муравьева и Овцына, для отысканія путей по Ледовитому морю отъ Архангельска до устья Оби, а въ 1740 году отправленъ былъ отъ той же академіи профессоръ Делиль для астрономическихъ наблюденій въ Обдорскъ.

Вниманіе академіи наукъ обращено было и на отечественную исторію. По докладу академіи, въ іюнѣ 1736 года, указано было по всей Россіи собирать рукописи и документы, относящіеся къ царствованію Ивана Васильевича Грознаго, Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, и отсылать ихъ въ сенатъ, а сенатъ долженъ былъ, что́ въ нихъ относилось собственно до исторіи, посылать въ академію наукъ; то же, что, по соображеніямъ сената, еще подлежало тайнѣ, отправлять въ Кабинетъ. Тогда-то появились первые труды Миллера, иностранца, прибывшаго въ Россію въ 1720 году и оказавшаго безцѣнныя услуги русской исторіи и вообще русскому просвѣ-

щенію. Еще не зная основательно русскаго языка, онъ началъ собирать матеріалы по русской исторіи и издалъ по-нѣмецки „Сборникъ статей по русской исторіи" (Sammlung der russischen Geschichte), который до сихъ поръ не потерялъ своей цѣны. Въ 1732 году Миллеръ былъ командированъ отъ академіи наукъ въ Сибирь для изученія тамошняго края и пробылъ въ этой командировкѣ десять лѣтъ, а по возвращеніи, много лѣтъ, до конца своей жизни приводилъ въ порядокъ собранные имъ матеріалы, относящіеся къ географіи, исторіи, этнографіи и естествознанію Россіи. Это собраніе до сихъ поръ хранится въ московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, извѣстное въ ученомъ мірѣ подъ названіемъ Портфелей Миллера, и представляетъ такую неисчерпаемую сокровищницу для науки, что ея станетъ еще на цѣлое столѣтіе, не смотря на то, что рѣдкій, занимавшійся русскою исторіей, не пользовался этимъ собраніемъ.

При первомъ насажденіи ростковъ знанія въ Россіи, понятно, что хотя по мысли преобразователя-царя и основана была россійская академія наукъ, но она была наполнена иностранцами. Впрочемъ, скоро уже стали появляться и чистокровные русскіе люди, работавшіе въ области знанія и литературы. По русской исторіи старѣйшее мѣсто изъ нихъ принадлежитъ Василію Никитичу Татищеву. Его спеціальностію было собственно горное дѣло, и для изученія его Петръ отправилъ Татищева заграницу, гдѣ тотъ пробылъ много времени и потомъ всю свою жизнь въ Россіи посвящалъ этого рода дѣятельности. Но въ то же время онъ полюбилъ отечественную исторію и первый написалъ по-русски обширную исторію Россіи, къ сожалѣнію, оставшуюся неоконченною.

Въ числѣ русскихъ писателей той эпохи нельзя безъ уваженія привести именъ Ададурова (физика), Манкіева, сатирика Кантемира, Тредьяковскаго и знаменитаго Михаила Васильевича Ломоносова, творца новаго книжнаго русскаго языка. Эпоха царствованія Анны Ивановны, въ отношеніи русскаго просвѣщенія, представляла подобіе того времени дня, когда утренняя заря разгоняетъ темень, остававшуюся отъ ночи, и готовитъ выходъ на горизонтъ дневному свѣтилу. Для насъ теперь сочиненія того времени представляются далеко не въ томъ значеніи, какое имѣли въ свое время. Сатиры Кантемира и оды Ломоносова кажутся намъ черезъ-чуръ тяжелыми, а сочиненія Тредьяковскаго — образцомъ бездарности. Между тѣмъ и послѣдній былъ однимъ изъ передовыхъ людей своего вѣка: въ подтверж-

деніе этого достаточно указать, что онъ ранѣе всѣхъ понялъ превосходство тоническаго размѣра передъ силлабическимъ для русскаго языка и первый сталъ писать этимъ размѣромъ стихи, открывая путь грядущимъ русскимъ поэтамъ.

Нельзя сказать, чтобы въ царствованіе Анны Ивановны правительство вовсе не думало о просвѣщеніи въ Россіи. Оно безспорно желало, чтобы въ ней существовало и процвѣтало высшее ученое заведеніе, хотя бы члены этого заведенія писали не по-русски, за неготовностью русскаго языка къ выраженію предметовъ высшихъ наукъ. Правительство не отказывало этому учрежденію посильно и въ матеріальныхъ средствахъ, и въ привилегіяхъ. Въ 1735 г. академія наукъ, по повелѣнію назначить себѣ штатъ, проектировала на свое содержаніе 64,086 рублей въ годъ; сенатъ уменьшилъ эту сумму до 53,298 р., но во все царствованіе Анны Ивановны она съ трудомъ могла достаться академіи: ограничивались единовременными пособіями, изъ которыхъ самое крупное въ 20,000 руб. выдано было въ 1739 году. Спеціальною привилегіею академіи наукъ было изданіе календаря, а въ Кіевѣ и во всей Малороссіи приказано было отбирать и жечь календари, привозимые изъ Польши, потому что правительство замѣчало въ нихъ „зловымышленные и непристойные пассажи“. Академіи наукъ дано было исключительное право печатать книги религіознаго содержанія и церковно-служебныя на языкахъ грузинскомъ и калмыцкомъ, и посылать ихъ предварительно, до выпуска въ свѣтъ, на провѣрку свѣдущимъ въ этихъ языкахъ лицамъ, которыхъ нарочно держали при Синодѣ.

Академія наукъ была не только ученое, но и учебное заведеніе, гдѣ русскіе могли получить литературное или энциклопедическое образованіе. Такое же образованіе можно было получать въ московской славяно-греко-латинской академіи и въ славяно-греко-латинскихъ школахъ, основанныхъ по иниціативѣ бѣлгородскаго епископа Епифанія въ Харьковѣ, при Покровскомъ монастырѣ.

Объ образованности простонародія заботились мало. Существовалъ даже такой взглядъ, что простой народъ незачѣмъ учить грамотѣ, чтобъ не отвлекать отъ черныхъ работъ; въ такомъ именно смыслѣ выразился указъ декабря 12-го 1735 года, состоявшійся по просьбѣ заводчика Демидова, хлопотавшаго, чтобы обывательскихъ дѣтей не принуждали къ ученію. Только въ видахъ распространенія христіанства, въ Астрахани въ 1732 году, заведено было училище для новокрещеновъ, а въ

1735 году съ тою же цѣлью въ четырехъ городахъ Казанской губерніи основано по школѣ, и въ каждую назначалось по два учителя и комплектъ въ 30 человѣкъ учениковъ. Въ малороссійскія школы, существовавшія издавна въ Малороссіи по приходамъ, правительство не вступалось вовсе; но въ сентябрѣ 1738 года оно указало учредить въ Малороссіи школу для пѣнія, и въ этой школѣ слѣдовало, рядомъ съ пѣніемъ, обучать струнной музыкѣ, игрѣ на скрипкѣ и на малороссійской бандурѣ. Изъ этой школы каждогодно посылалось десять лицъ ко Двору и, по отсылкѣ, ихъ замѣняли въ школѣ другими десятью.

Въ области хозяйства, промышленности и торговли царствованіе Анны Ивановны было продолженіемъ царствованія Петра Великаго. Такія же распоряженія, какія издавались Петромъ Первымъ о сбереженіи лѣсовъ, появлялись и при Аннѣ Ивановнѣ, хотя съ меньшею суровостью. Ихъ повтореніе казалось тѣмъ необходимѣе, что русскіе люди, со смертію Петра I, перестали бояться взысканія за невниманіе къ сбереженію лѣсовъ и начали истреблять ихъ. Кромѣ произвольной, хищнической порубки, лѣса истреблялись отъ пожаровъ на широкія пространства. Около самаго Петербурга лѣсные пожары свирѣпствовали въ такомъ размѣрѣ, что императрица принуждена была писать къ генералу Ушакову, начальнику тайной полиціи, чтобъ онъ принялъ мѣры къ избавленію ея величества отъ дыма и копоти въ ея дворцахъ петербургскомъ и петергофскомъ, и сенатъ выслалъ отряды солдатъ тушить пылавшіе лѣса. Что касается до прекращенія самовольной рубки лѣсовъ, то въ 1730 году составлена была опись всѣмъ заповѣднымъ лѣсамъ въ государствѣ, которые предположено было сберегать для казенныхъ построекъ. Положено было считать заповѣдными лѣса, растущіе вдоль Волги, внизъ отъ Нижняго-Новгорода на обѣ стороны отъ береговъ разстояніемъ на сто верстъ, а также и въ другихъ мѣстахъ около большихъ рѣкъ и озеръ. По селамъ и деревнямъ возобновлены надсмотрщики, состоявшіе подъ начальствомъ вальдмейстеровъ, дававшіе разрѣшенія обывателямъ на рубку для домашнихъ нуждъ. Были деревья заповѣдныя: дубъ, ясень, кленъ, вязъ, илимъ, лиственица и сосна, имѣющая въ діаметрѣ 12 вершковъ; прочія деревья не причислялись къ заповѣднымъ; можно было рубить ихъ, хотя бы и въ заповѣдномъ лѣсу. За самовольную рубку наказывали большими денежными штрафами за два раза, а за третій — виновный подвергался кнуту и ссылкѣ въ каторгу. Тамъ, гдѣ замѣчалось оскудѣніе лѣсовъ или гдѣ нуждались въ

ихъ изобиліи, тамъ полагалось отводить помѣщикамъ участки, обязывая засѣвать ихъ лѣсами.

Хлѣбное производство подчинено было такимъ же правиламъ, какъ и при Петрѣ Первомъ. Торговля хлѣбомъ была то стѣсняема, то расширяема, смотря по урожаямъ. Въ 1734 году постигъ Россію страшный неурожай; тогда у всѣхъ купцовъ, торговавшихъ хлѣбнымъ зерномъ, велѣно было отбирать товаръ и продавать безъ платежа пошлинъ въ казну, такъ, чтобы хозяину доставалось не болѣе десяти процентовъ барыша. Губернскимъ и провинціальнымъ властямъ, а также штабъ-офицерамъ войскъ, расположенныхъ на вѣчныхъ квартирахъ, поручено было наблюдать, чтобы помѣщики продавали хлѣбъ только лишній, остающійся у нихъ отъ продовольствія людей и крестьянъ. Изъ провинцій, страдавшихъ отъ неурожая, запрещалось возить хлѣбъ для продажи въ столицы, а Петербургъ долженъ былъ снабжаться хлѣбомъ изъ той полосы имперіи, которая не терпѣла тогда отъ неурожая. Въ 1737 году, послѣ пожаровъ, вздорожали строительные матеріалы, а вслѣдъ за ними поднялись цѣны на жизненныя потребности и въ томъ числѣ на хлѣбъ: правительство издало указъ, запрещавшій дальнѣйшее повышеніе цѣнъ. Много хлѣбнаго зерна истрачивалось на винокуреніе помѣщиками, получившими привилегію свободнаго производства вина въ своихъ имѣніяхъ и провозившими это вино повсюду подъ предлогомъ, что то дѣлается для своего обихода. Для массы простаго или „подлаго", какъ тогда говорилось, народа, хлѣбное вино продавалось въ кружечныхъ дворахъ, въ кабакахъ и въ вольныхъ домахъ, составляя казенный доходъ. Продажа винограднаго вина, кваса, пива, уксуса и сусла отдавалась на откупъ, а съ 1735 года откупа были сняты, и торговля этими произведеніями стала вольною. Въ Малороссіи и въ Слободской Украинѣ, какъ уже было выше сказано, винное производство было вольное.

Заботливость о разведеніи конскихъ заводовъ была своеобразною чертою царствованія Анны Ивановны, подъ вліяніемъ ея любимца Бирона. Въ 1731 году учреждена была конюшенная канцелярія или конюшенный приказъ: онъ получилъ въ 1733 году особый регламентъ, гдѣ были означены разныя должности — шталмейстеръ, провіантмейстеръ, фуражмейстеръ, экипажмейстеръ, рейтанеи и конюхи. Въ вѣдомство этого новаго учрежденія былъ отданъ городъ Скопинъ, а потомъ городъ Раненбургъ съ нѣсколькими волостями и селами; въ послѣдующіе годы въ губерніяхъ Нижегородской, Казанской, Воронежской и

въ провинціяхъ Алатырской, Тамбовской, Сѣвской и Курской положено отвести пустопорожнія земли для основанія конскихъ заводовъ; въ дворцовыхъ волостяхъ, лежавшихъ болѣе всего около Москвы, велѣно выписывать нѣмецкихъ и датскихъ лошадей и обучать конюховъ и коноваловъ. Всѣмъ остзейскимъ обывателямъ вмѣнено въ обязанность разводить у себя въ краѣ лошадей и дозволялось безпошлинно торговать ими на двухъ конскихъ ярмаркахъ, учрежденныхъ въ Ригѣ и въ Кіевѣ. Въ 1739 году положено завести конскіе заводы въ Малороссіи и въ Слободской Украинѣ—раздать по полкамъ матокъ и выписывать для нихъ нѣмецкихъ заводчиковъ. Въ томъ же году указано то же сдѣлать во всѣхъ имѣніяхъ церковнаго вѣдомства. До самой своей кончины Анна Ивановна оказывала большое попеченіе къ успѣху коннозаводства въ Россіи.

Рыбный промыселъ, процвѣтавшій тогда преимущественно въ низовьяхъ Волги, составлялъ государственное достояніе и отдавался на откупъ за 3500 рублей въ годъ. Достояніемъ казны при Аннѣ Ивановнѣ, какъ и въ предшествовавшія ей времена, были: селитренное и поташное производства, ревень и пенька. Въ 1736 году заведены были близъ Саратова на старомъ Увѣкскомъ городищѣ селитренные заводы, и съ этою цѣлію туда отправлялись офицеры съ солдатами для производства казенныхъ работъ. Но потомъ правительство стало недовольно тамошнимъ ходомъ работъ и въ 1740 году предоставило всѣмъ желающимъ частнымъ людямъ заниматься селитреннымъ производствомъ, а выработанную ими селитру обязало представлять въ казну по установленной цѣнѣ. Порохъ въ вольной продажѣ не былъ допущенъ; его можно было покупать только изъ артиллерійскаго вѣдомства и притомъ въ количествѣ не болѣе десяти фунтовъ въ однѣ руки, но знатнымъ особамъ давалось дозволеніе покупать пуда по два и по три. Законъ, стѣснявшій продажу пороха обычнымъ путемъ торговли, не могъ воспрепятствовать, однако, доставать его разбойникамъ.

Казенные поташные заводы были въ уѣздахъ Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Саранскомъ, Кадомскомъ, Шацкомъ, Верхнеломовскомъ и Нижнеломовскомъ. Всѣхъ ихъ было восемнадцать; къ нимъ были приписаны крестьяне, которые всѣ происходили изъ мордвы и вѣдались въ Починковской конторѣ. Поташъ съ мѣста производства доставляли въ Петербургъ въ бочкахъ, обшитыхъ рогожами, и тамъ его сбывали англійскимъ купцамъ, въ присутствіи русскаго браковщика. Казна всегда высоко цѣнила торговлю этимъ произведеніемъ.

Ревень доставлялся въ Петербургъ изъ Сибири. Каждый годъ привозили его до тысячи пудовъ. Его продавали англійскимъ купцамъ не ниже ста рублей за пудъ. Никто изъ частныхъ лицъ не смѣлъ привозить ревеню изъ Сибири подъ страхомъ смертной казни.

Пеньку привозили въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ, а съ 1737 года изъ Малороссіи. Соляная продажа всегда была свободна, но ограничивалась назначеніемъ таксы, выше которой продавецъ не долженъ получать барышей.

Обращено было вниманіе на выдѣлку черепицы, которую сочли лучшимъ матеріаломъ для кровли церквей, дворцовъ и домовъ, для безопасности отъ пожаровъ. Въ 1737 году черепичное дѣло въ Россіи отдано было голландцу Дикоту, съ обязанностью продавать черепицу въ частныя руки по той цѣнѣ, по которой она будетъ продаваться въ казну. Выдѣлывалось два сорта черепицы: красная выгибная для кровли домовъ и зеленая для кровли церквей.

Металлическое производство въ царствованіе Анны Ивановны стало переходить изъ исключительно казеннаго достоянія въ общедоступное. Въ 1731 году было замѣчено, что въ Вятской провинціи отыскивается такъ много желѣзной руды, что нѣтъ возможности казнѣ обработывать ее, за недостаткомъ капитала. Поэтому дозволено было частнымъ людямъ основывать желѣзные заводы: такимъ обѣщано давать изъ царскихъ волостей по сто и по сто-пятидесяти дворовъ къ каждой домнѣ съ тѣмъ, чтобы каждая домна, по минованіи своихъ льготныхъ лѣтъ, вырабатывала каждогодно до 35,000 пудовъ чугуна. Въ 1735 году въ Сибири оказалось чрезвычайное множество разныхъ рудъ, отысканныхъ 7 частными лицами, и тогда было дозволено каждому по желанію основывать рудокопное заведеніе, съ разрѣшенія сената. Въ 1738 году всѣ казенные горные заводы, исключая Гороблагодатскихъ на Уралѣ и мѣдныхъ въ Лапландіи, отдали компаніи, составленной какъ изъ русскихъ, такъ и изъ иностранцевъ. Затѣмъ—всѣмъ дозволено было составлять такія компаніи, основывать новые заводы и брать отъ казны пособіе. Золото и серебро за границу не отпускались, равно какъ и свинецъ, который шелъ на приготовленіе боевыхъ запасовъ для русскаго войска. Золото и серебро добыватели должны были доставлять въ казну, получая за золотникъ золота два рубля тридцать копѣекъ, а за золотникъ серебра четырнадцать копѣекъ. Прочіе металлы можно было продавать всякому, но съ продаваемой мѣди отдавать въ казну двѣ трети по ходячей

цѣнѣ, а съ другихъ металловъ и минераловъ по десять процентовъ. Хозяевамъ заводовъ дозволено было выписывать изъ-за границы мастеровъ. Гороблагодатскіе и лапландскіе мѣдные заводы, составляя казенное достояніе, отдавались на откупъ. Оружейные заводы сестрорѣцкіе и тульскіе находились въ казенномъ вѣдомствѣ и въ 1737 году были соединены въ одно управленіе. При нихъ въ Тулѣ и Сестрорѣцкѣ устроены были фабрики зеленой мѣди съ тѣмъ, чтобъ прекратить барышничество подрядчиковъ на вещи, потребныя на мундирное строеніе. Тульскихъ оружейныхъ мастеровъ было на-лицо 2,158 человѣкъ, но около Тулы крестьяне въ кузницахъ стали заниматься желѣзными издѣліями: правительство нашло эти издѣлія плохими и запретило этотъ вольный промыселъ.

Еще Петръ I обратилъ вниманіе на производство кожевенныхъ вещей. При обиліи кожанаго матеріала, русскіе не обработывали его сами, а продавали въ сыромъ видѣ иностранцамъ и покупали у послѣднихъ издѣлія изъ русской кожи по высокой цѣнѣ. Петръ запретилъ вывозъ кожъ въ сыромъ видѣ заграницу, но этотъ указъ послѣ Петра плохо соблюдался, хотя нѣсколько разъ повторялся снова. Въ 1736 году учреждена была компанія владѣльцевъ новоманерной кожевенной фабрики и получила привилегію на поставку для арміи своихъ издѣлій по установленнымъ цѣнамъ.

Производство шерстяныхъ тканей, такъ покровительствуемое Петромъ Первымъ, равнымъ образомъ пользовалось вниманіемъ и при Аннѣ Ивановнѣ. Въ 1733 году дали привилегію фабриканту Полуярославцеву, владѣвшему фабриками въ Москвѣ и въ Путивлѣ и овчарнымъ заводомъ. Изъ Малороссіи запретили вывозить овчины за границу и обязали доставлять ихъ ему на фабрики. Онъ поставлялъ сукно въ казну на солдатскую обмундировку. Въ 1736 году купецъ Евреиновъ съ компаніею изъ купцовъ выхлопоталъ привилегію на открытіе въ Москвѣ суконной фабрики; дано было этой компаніи заимообразно изъ казны 10,000 рублей безъ процентовъ, съ обязательствомъ выплатить ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ мундирными сукнами. Дано было право безпошлиннаго привоза матеріала на десять лѣтъ и освобожденіе домовъ, принадлежащихъ членамъ компаніи, отъ военнаго постоя навсегда. Въ томъ же году, двумъ астраханскимъ купцамъ-армянамъ дана была привилегія на открытіе суконной фабрики и овчарнаго завода на собственный ихъ счетъ, съ правомъ привозить безпошлинно матеріалы въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

Производство шелковыхъ тканей сосредоточивалось отчасти въ рукахъ того же купца Евреинова съ компаніей. Для успѣха своего предпріятія, онъ въ 1737 году выхлопоталъ привилегію каждогодно покупать на 10,000 рублей китайскаго шелка, выплачивая за него сибирскими мѣховыми товарами. Кромѣ него, въ 1740 году, астраханскіе армяне, владѣвшіе собственными плантаціями, испросили право на заведеніе въ Астрахани и Кизлярѣ шелковыхъ и бумажно-хлопчатыхъ фабрикъ, съ правомъ привозить изъ Персіи матеріалы безпошлинно.

Нельзя сказать, чтобы правительство Анны Ивановны показывало мало желанія къ расширенію промысловъ и торговли въ Россійскомъ государствѣ. Рядъ узаконеній въ пользу хозяевъ промышленныхъ заведеній и купцовъ показываетъ, что эти господа находили себѣ опору у правительства. Такъ, въ 1736 году, указано было всѣхъ, обучавшихся какому бы то ни было мастерству и поступившихъ на фабрики, оставлять при нихъ навсегда, выписывая ихъ изъ подушнаго оклада, а всѣхъ бродягъ, объявившихъ себя непомнящими родства, приписывать на жительство къ фабрикамъ и заводамъ. Такимъ образомъ, эти люди дѣлались крѣпостными фабрикантовъ и заводчиковъ. Купечеству давалось важное право покупать людей и крестьянъ для отдачи ихъ въ рекруты. Всѣ торговые люди вѣдались въ ратушѣ; губернаторы и воеводы не смѣли вмѣшиваться въ ихъ управу и въ ихъ сборы. Сами купцы несли выборную службу въ ратушахъ и въ таможняхъ; но тѣ изъ нихъ, которые владѣли фабриками и заводами или входили въ договоры съ казною, освобождались отъ выборной службы.

Пользуясь ласками правительства, купцы, однако, были связаны тѣмъ, что должны были торговать непремѣнно въ гостиныхъ дворахъ и въ лавкахъ, а не въ собственныхъ жилыхъ дворахъ, и въ розницу могли торговать только въ своихъ городахъ, а въ чужіе города дозволялось имъ ѣздить съ товарами для оптовой торговли. Иноземцы съ 1731 года получили отъ правительства право торговать по всей Россіи, продавая свои товары только оптомъ, а не въ раздробь. Такимъ же правомъ пользовались евреи въ Малороссіи и Смоленщинѣ. Англійскіе купцы передъ всѣми другими иноземцами пользовались предпочтеніемъ и вниманіемъ правительства: ихъ дворы въ Петербургѣ были освобождены отъ военнаго постоя. Нѣкоторымъ лицамъ, непринадлежащимъ по званію къ торговому классу, давали торговыя привилегіи. Такъ, графъ Гаврило Владиславлевъ, въ 1735 году, пріобрѣлъ право торговать по всей Россіи без-

пошлинно, а въ 1737 году, по челобитью цесаревны Елисаветы Петровны, крестьянамъ ея волостей даровано было право торговать безъ записанія въ купеческое званіе. Это былъ исключительный случай: правительство того времени не поощряло простолюдиновъ къ торговымъ занятіямъ; напротивъ, въ 1739 году въ Петербургѣ запрещено было здоровымъ и годнымъ къ черной работѣ людямъ заниматься продажей плодовъ и овощей по улицамъ.

По устройству монетнаго дѣла, царствованіе Анны Ивановны богато правительственными распоряженіями. Въ 1730 году указана постоянная цѣна русскому червонцу — два рубля 20 коп. Въ 1731 году уничтожены мелкія серебряныя деньги, и владѣльцамъ ихъ предоставили право представлять ихъ для передѣлки въ монетную контору и получать изъ казны по 18 коп. за золотникъ чистаго серебра. Вмѣсто прежней мелкой денежной монеты, стали чеканить болѣе крупную, въ размѣрѣ рублевиковъ, полтинниковъ и гривенниковъ—77-й пробы. Въ томъ же году уничтожена была вовсе мѣдная монета, но бывшая уже прежде въ обращеніи продолжала ходить въ народѣ до 1737 года, когда всѣмъ дозволили, по желанію, переливать ее въ мѣдную посуду.

Важнымъ узаконеніемъ въ царствованіе Анны Ивановны было учрежденіе ссудной казны при монетной конторѣ, откуда желающимъ выдавали деньги подъ залогъ серебра по восемь процентовъ въ годъ. Это учрежденіе послѣдовало во вниманіе къ тому, что частныя лица, нуждаясь въ наличныхъ деньгахъ, дѣлали займы и платили обыкновенно по двадцати процентовъ въ годъ. Такимъ образомъ, правительство пресѣкало вредную дѣятельность ростовщиковъ и соблюдало пользу своихъ финансовъ.

VII.

Церковь.

Политика правительства по отношенію къ церкви.—Вліяніе нѣмцевъ.—Дѣло Ѳеофилакта Лопатинскаго.—Попытки иновѣрцевъ.—Отступничество.—Расколъ.—Раціонально-мистическія секты.—Суевѣрія.—Мѣры къ образованію духовенства.—Монастыри.—Управленіе монастырскими имуществами.

Духъ Петра Великаго продолжалъ руководить политикою правительства Анны Ивановны и по отношенію къ вѣрѣ. Оно издавало распоряженія, клонившіяся къ распространенію христіанской вѣры и къ охраненію господствующей православной

церкви отъ иновѣрія, но разомъ издавало и такія, которыми хотѣли оградить православную церковь отъ ханжества.

Еще Петръ I повелѣвалъ отбирать помѣстья у татарскихъ мурзъ, не хотѣвшихъ креститься. 6 марта 1730 года Анна Ивановна подтвердила этотъ указъ своего дяди, указавши при этомъ—отобранныя уже прежде у татарскихъ мурзъ помѣстья передавать тѣмъ изъ ихъ родственниковъ, которые согласятся креститься, или же самимъ прежнимъ владѣльцамъ, если они перестанутъ упорствовать и примутъ крещеніе. При такихъ мѣрахъ сразу накопилось множество новыхъ христіанъ, но, оставаясь въ сообществѣ со своими некрещеными соотечественниками, они только по имени считались христіанами, а на самомъ дѣлѣ держались пріемовъ своей прежней религіи; иные же открыто отрекались отъ христіанства и возвращались къ магометанству или къ язычеству, смотря по тому, какую вѣру исповѣдывали прежде крещенія. Въ концѣ царствованія Анны Ивановны отправленъ былъ въ Казань учитель иновѣрцевъ—московской духовной академіи архимандритъ Димитрій Сѣченовъ, съ пятью духовными лицами, знавшими языки тамошнихъ инородцевъ. Они должны были новокрещенамъ излагать основанія христіанской вѣры, учить ихъ главнѣйшимъ молитвамъ и отвращать отъ языческихъ и мусульманскихъ обычаевъ, отнюдь не дѣлая принужденій тѣмъ, которые еще не изъявляли желанія креститься. Чтобы утвердить новокрещеновъ въ принятомъ ими вѣроисповѣданіи, сочли нужнымъ отдѣлить ихъ отъ некрещеныхъ и положили отвести крещенымъ удобныя для поселенія земли поблизости къ Саратову и къ Царицыну, такъ, чтобы при каждыхъ 250 дворахъ построить деревянную церковь и опредѣлить въ нее по два священника, по одному діакону и по три церковника, назначивъ имъ денежное и хлѣбное жалованье [1]. Каждый новокрещенъ, по совершеніи надъ нимъ крестнаго обряда, получалъ въ даръ крестъ, бѣлье, кафтанъ и нѣсколько денегъ. На новосельи новокрещенамъ давалась льгота на три года, а повинности за нихъ въ эти льготные годы должны были отбывать ихъ некрещеные братья. Новокрещенамъ дозволялось поступать въ наймы и заниматься торговлею. Для нихъ учредили спеціальное вѣдомство—новокрещенскую контору. Для обученія инородческихъ дѣтей указано было завести четыре

[1]) Священнику — 60 рублей въ годъ, діакону — 40, причетникамъ по 30 и по числу четвертей хлѣба, соразмѣрно съ числомъ жалуемыхъ рублей. Это выселеніе и отдѣленіе крещеныхъ отъ некрещеныхъ впослѣдствіи не удержалось.

школы: въ Казани, Елабугѣ, Цивильскѣ и Царевококшайскѣ; тамъ надлежало обучать русскому чтенію и письму, десятисловію, часослову, псалтири и катихизису, но вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось наблюдать, чтобъ ученики отнюдь не забывали своихъ природныхъ языковъ.

Иностранцамъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій предоставлена была свобода строить свои церкви и въ нихъ отправлять богослуженіе. Въ Петербургѣ были церкви лютеранская и армянская. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по украинской линіи, гдѣ было много иностранцевъ рабочихъ изъ нѣмцевъ, велѣно было построить лютеранскія церкви. Правительство узнало, что иностранные духовные, не довольствовавшіеся свободою своего богослуженія, начинали совращать въ свою вѣру православныхъ; изданъ былъ манифестъ, строго запрещающій такія совращенія... Эпоху царствованія Анны Ивановны считаютъ обыкновенно эпохою господства нѣмцевъ-протестантовъ въ Россіи. Такой взглядъ не лишенъ основанія, но преувеличенно мнѣніе тѣхъ, которые замѣчали со стороны нѣмцевъ стѣсненіе православной вѣры, издавна здѣсь господствующей. Въ этомъ отношеніи нѣмцы, занимавшіе въ Россіи высокія мѣста, были благоразумны и сдержанны, да и сама императрица, какъ ни тѣсно сблизилась съ нѣмцами, оставалась все-таки приверженною къ отеческой вѣрѣ. Обыкновенно ставятъ на видъ исторію Ѳеофилакта Лопатинскаго, архіерея, потерпѣвшаго за то, что вступилъ въ непріязненныя отношенія къ протестантству. Онъ издалъ книгу покойнаго Стефана Яворскаго „Камень вѣры“,—книгу, направленную противъ протестантскаго ученія вообще. За-границею, въ Лейпцигѣ, нѣкто Буддей напечаталъ опроверженіе на эту книгу; авторъ восхвалилъ новгородскаго архіепископа, Ѳеофана Прокоповича, и порицалъ Ѳеофилакта Лопатинскаго. Ѳеофилактъ изъявилъ подозрѣніе, что Буддей выставленъ какъ псевдонимъ, а настоящій авторъ опроверженія на „Камень Вѣры“ — никто иной, какъ самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, а послѣдняго давно уже обвиняли въ расположеніи къ протестантству. Ѳеофилактъ спрашивалъ у Двора разрѣшенія писать возраженіе на книгу Буддея и не получилъ его по интригамъ князя Алексѣя Черкасскаго, благопріятеля Ѳеофанова. Въ это время другой какой-то протестантъ написалъ другое сочиненіе противъ Ѳеофилакта, подъ названіемъ „Молотокъ на Камень вѣры“, и этого „Молотка“ опровергать Ѳеофилакту не дозволили; только архимандриты, члены Святѣйшаго Синода, перевели книгу іезуита Рибейры противъ протестантства: въ этой книгѣ рѣзко укоряли

Ѳеофана Прокоповича за пристрастіе къ протестантству въ предосужденіе православію. Ѳеофанъ былъ человѣкъ злой и мстительный; онъ всегда преслѣдовалъ своихъ противниковъ, пользуясь вліяніемъ, какое получилъ и сохранялъ при Дворѣ со вступленія на престолъ Анны Ивановны. И теперь, по его стараніямъ, переводчики книги Рибейры засажены были въ крѣпость, а Ѳеофилакта вытребовали въ Синодъ къ отвѣту. Ѳеофанъ умеръ прежде, чѣмъ это дѣло кончилось, но соперникъ его, Ѳеофилактъ, и по смерти своего врага потерпѣлъ не меньше, какъ бы могъ потерпѣть и при его жизни. Его лишили сана и подвергли жестокому тюремному заключенію въ выборгскомъ замкѣ. Это событіе произошло какъ бы въ угоду протестантамъ; его приписывали силѣ нѣмцевъ, заправлявшихъ тогда дѣлами въ Россіи. Скорѣе, однако, тутъ слѣдуетъ видѣть извѣстную злобу Ѳеофана Прокоповича, который уже не одного изъ тѣхъ, кого считалъ своими врагами, замучилъ безъ состраданія, и въ томъ числѣ своего предшественника въ санѣ архіепископа, Ѳеодосія Яновскаго. Что касается правительства съ нѣмцами во главѣ, такъ жестоко поступившаго съ Ѳеофилактомъ уже послѣ смерти Ѳеофана, то и оно, кажется, здѣсь руководствовалось намѣреніемъ показать политическое благоразуміе, не допускавшее разыгрываться страстямъ подъ возбужденіемъ религіозныхъ преній.

По сосѣдству Россіи съ Польшею, католики дѣлали попытки своей пропаганды въ Россіи. При Аннѣ Ивановнѣ правительство указало прибывавшихъ въ Россію изъ Польши католическихъ духовныхъ прогонять обратно въ польскія владѣнія, если существовало подозрѣніе, что они ѣхали въ Россію съ цѣлью совращать православныхъ въ свою вѣру; напротивъ — принимать являвшихся изъ польскихъ владѣній православныхъ обывателей, какъ духовнаго, такъ и мірскаго званія, искавшихъ убѣжища и новоселья въ Россіи, по поводу возникшаго гоненія на православіе и насильственнаго понужденія народа къ уніи. Прибывшихъ такимъ образомъ православныхъ обязывали произносить присягу на вѣрность императрицѣ, послѣ чего позволяли имъ водворяться и избирать родъ жизни по своему желанію, а пришельцевъ духовнаго сана повелѣно было по возможности опредѣлять на вакантныя мѣста.

Сурово преслѣдовали тѣхъ русскихъ, которые отрекались отъ православной вѣры и принимали чужую. Такъ въ 1738 году сожгли живьемъ флота капитана Возницына разомъ съ іудеемъ Борухомъ Лейбовичемъ, совратившимъ его въ іудейскую

вѣру, а въ 1740 году казненъ смертію сибирскій казакъ Исаевъ за принятіе магометанства. Съ перемѣнившими православное исповѣданіе на другое христіанское поступали не такъ сурово, но все-таки и это считалось большимъ преступленіемъ. Были подобные примѣры съ людьми высшаго класса; мы уже знаемъ, что за свое отступничество они подвергались нравственному униженію отъ высочайшей особы.

Правительство Анны Ивановны, по отношенію къ расколу старообрядства, держалось основной политики Петра I: не преслѣдовали расколъ по религіозному убѣжденію, а не терпѣли его изъ-за политическихъ соображеній, находя неполезнымъ для государства, если жители станутъ отпадать отъ господствующей церкви и составлять свои особыя вѣроученія. Старообрядство, жестоко гонимое въ срединѣ государства со времени своего появленія, давно уже искало спасенія въ отдаленныхъ окраинахъ. Вѣрное древнему преданію, оно поставляло высшимъ нравственнымъ идеаломъ иночество. Гдѣ поселялись гонимые старообрядцы, тамъ тотчасъ возникали пустыни и скиты съ иноками и инокинями, хранившими старинные дониконовскіе обряды. Множество старообрядцевъ селилось въ сибирскихъ дебряхъ и тундрахъ, и въ этихъ негостепріимныхъ странахъ появились раскольничьи монастыри, около которыхъ селились и семейные ихъ единовѣрцы. Много такихъ монашескихъ обителей было около Екатеринбурга и около заводовъ Демидова. Приказано было разорять эти обители, и отысканныхъ въ нихъ монаховъ отсылать къ тобольскому архіерею для размѣщенія по монастырямъ. Но тобольскій архіерей доносилъ, что многіе изъ такихъ иноковъ и инокинь разбѣжались, и по этому донесенію правительство нашло болѣе сообразнымъ посылать такихъ монашествующихъ раскольниковъ, вмѣсто монастырей, на казенные заводы въ работу, а тѣхъ, которые прежде приписались на частные заводы— обложить двойнымъ подушнымъ окладомъ, какъ уже прежде при Петрѣ I всѣ раскольники были обложены такимъ окладомъ. Такая судьба постигла раскольниковъ, поселившихся въ Сибири. Другой пріютъ нашли себѣ раскольники въ другомъ концѣ государства — у подножія Кавказа, въ астраханской епархіи: въ 1738 году синодъ получилъ свѣдѣніе, что гребенскіе казаки, по примѣру отцовъ своихъ, держатся двоеперстнаго крестнаго знаменія, не хотятъ знать церкви и не слушаютъ никакихъ увѣщаній. По всей имперіи, кромѣ двойнаго оклада, раскольники старообрядцы стѣснены были лишеніемъ права брать плакатные паспорты; тѣхъ же изъ нихъ, которые дерзали совра-

щать православныхъ въ свое вѣроученіе, указано ссылать вѣчно на галеры. Такимъ же наказаніемъ угрожали помѣщикамъ, старостамъ и бурмистрамъ за укрывательство противозаконныхъ покушеній совращать православныхъ. Не довѣряя вовсе безопасности въ предѣлахъ Русскаго государства, многіе раскольники уходили въ Польшу и тамъ поселялись, но русское войско, вступивши въ эту страну въ 1733 — 1734 годахъ, забирало этихъ бѣглецовъ и гнало назадъ въ Россію. Сперва ихъ поселили-было въ Малороссіи, а потомъ съ 1735 года стали возвращать на первыя мѣста жительства, изъ которыхъ они ушли заграницу; объявившихъ же себя монахами указано было отсылать въ монастыри внутри государства и тамъ содержать ихъ скуднѣе противъ обыкновенныхъ монаховъ, давая двоимъ изъ нихъ по одной монашеской порціи. Иные раскольники, чтобъ избѣжать гоненія за свою вѣру, оставаясь на своихъ мѣстахъ жительства, притворно посѣщали православные храмы, крестили и вѣнчали дѣтей своихъ по православному обряду, а на самомъ дѣлѣ оставались раскольниками. Въ 1736 году указано было такихъ, которые исполняли православные обряды, но придерживались раскольничьяго вѣроученія, наказывать строго, наравнѣ съ тѣми, которые вновь совратятся изъ православія въ расколъ.

Кромѣ старообрядческаго раскола, при Аннѣ Ивановнѣ возникали и раціонально-мистическія секты. Въ Москвѣ и около Москвы появлялись сборища людей обоего пола, сходившихся вмѣстѣ съ молитвенною цѣлью; изъ нихъ находились такіе, которые заявляли, что чувствуютъ на себѣ наитіе Духа святаго,— они дрожали, кривлялись, вертѣлись, говорили странныя рѣчи, а слушатели искали въ этихъ рѣчахъ пророческаго смысла. Такія сборища назывались согласіями. На этихъ согласіяхъ показывались признаки склонности къ старообрядству, потому что на одномъ изъ нихъ, въ качествѣ пророческаго вдохновенія, говорили, что надобно креститься двумя перстами. Они почитали грѣхомъ половое совокупленіе, хотя бы и между состоящими въ бракѣ, наравнѣ съ пьянствомъ, матернею бранью и лганьемъ, что̀ въ одинаковой степени признавалось противнымъ Богу. Одно такое сборище было открыто въ Москвѣ въ домѣ мастера парусной фабрики Ипполитова, гдѣ, между прочимъ, какой-то монахъ раздавалъ присутствующимъ кусочки хлѣба, а какая-то монахиня давала запивать это квасомъ изъ ковша, и это вмѣнялось какъ-бы въ причастіе. На другихъ сборищахъ проповѣдывали, что Христосъ не единожды только долженъ являться на землѣ, а можетъ снова воплощаться въ человѣческомъ образѣ;

находились такіе, что сами себя выдавали за пришедшаго вновь на землю Христа. Такихъ Христовъ появлялось нѣсколько въ разныхъ краяхъ: въ Москвѣ какой-то отставной стрѣлецъ Лубкинъ выдавалъ себя за Христа, учениковъ своихъ называлъ апостолами и причащалъ ихъ разрѣзанными ломтиками калачей; на Дону казакъ Миронъ выдавалъ себя за Христа-Бога, а въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановскомъ попъ Иванъ Ѳедоровъ говорилъ своему отцу: „ты мнѣ не отецъ, я зачатъ во чревѣ матернемъ отъ Св. Духа, благовѣстилъ о мнѣ ангелъ, я рода царскаго“ [1]). По открытіи такихъ сборищъ, нѣкоторые участники ихъ были казнены смертію, другіе—биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. Мы еще подлинно не знаемъ—были ли это давнія народныя суевѣрія, случайно ставшія извѣстными при Аннѣ Ивановнѣ, или онѣ порождены были сравнительно въ недавнее время; равнымъ образомъ, не можемъ сказать—есть ли это произведеніе чисто-русскаго фанатизма, или плодъ чужеземнаго вліянія.

Разомъ съ нарушеніемъ православнаго благочестія путемъ отреченія отъ господствующей церкви, правительство преслѣдовало всякія суевѣрія, хотя бы и прикрывавшіяся личиною православной религіи. Слѣдуя политикѣ Петра I, оно не терпѣло появленія юродивыхъ, пророковъ, трудниковъ, паломниковъ и всякаго рода ханжей, а равно и тѣхъ, которые имъ потворствовали. По городамъ и селамъ бродили нищіе въ безобразномъ видѣ, съ колтунами на головахъ, и выдавали себя за одержимыхъ бѣсами. Такихъ приказано было ловить и отсылать къ суду. Въ 1739 году, близъ Новгорода, появилось двое трудниковъ, жившихъ въ шалашахъ подлѣ городовой стѣны. Народъ считалъ ихъ святыми, получившими отъ Бога даръ пророчества, и ходилъ къ нимъ за совѣтами. Правительство приказало взять ихъ безъ огласки и, не подвергая истязаніямъ, заслать въ монастыри, а впередъ, если гдѣ явятся подобные пророки, то стариковъ изъ нихъ отправлять въ монастыри, а молодыхъ отдавать въ солдаты, женщинъ же и дѣвицъ препровождать на мѣста ихъ прежняго жительства и отдавать подъ надзоръ мѣстныхъ начальствъ. Особенно строго наказывали тѣхъ, которые выдавали себя за волшебниковъ, умѣющихъ причинять зло людямъ и портить ихъ. Нѣсколько такихъ плутовъ было сожжено живьемъ, а тѣхъ, которые приглашали ихъ портить людей, били кнутомъ и, вырвавши ноздри, ссылали въ каторжную работу.

[1]) Соловьевъ „Ист. Россіи“ т. XX, стр. 307—308.

Какъ ни сурово относилось правительство Анны Ивановны къ расколу и къ религіознымъ заблужденіямъ, но оно все-таки было мягче и снисходительнѣе, чѣмъ того желали нѣкоторые ревностные духовные сановники. Такъ, напримѣръ, въ 1737 году рязанскій архіерей доносилъ синоду, что ему, при его старости, трудно разглагольствовать съ раскольниками, и находилъ, что лучше бы смирять ихъ постомъ и плетьми. На это онъ получилъ такой отвѣтъ: „надобно раскольниковъ наставлять по-пастырски, словомъ учительскимъ, и за трудность онаго не почитать, ибо всякое дѣло труду есть подлежательно, а кольми паче надлежитъ приложить трудъ свой о человѣкѣ, гиблющемъ душею, къ чему его преосвященство призванъ и таковымъ характеромъ почтенъ [1]).

У правительства ранѣе, чѣмъ у русскаго народа, наступило сознаніе той простой истины, что недостаточно ограничиваться полицейскими способами устрашенія, чтобъ удержать народъ въ вѣрности православной церкви. Оказывалась настоятельная нужда въ умныхъ, ученыхъ и высоконравственныхъ священникахъ, которые были бы способны внушать уваженіе къ своей личности и довѣріе къ своимъ рѣчамъ. Выступило на очередь важное предпріятіе завести семинаріи и училища со спеціальною цѣлью подготовки къ духовному званію. При новгородскомъ архіерейскомъ домѣ, съ самаго вступленія на престолъ Анны Ивановны, существовала школа для образованія духовныхъ, основанная Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и на его счетъ содержимая. По кончинѣ этого іерарха въ 1736 году, указано было эту школу содержать по прежнему въ такомъ довольствѣ, въ какомъ находилась она при покойномъ архіереѣ. Въ Казани существовала семинарія, основанная архіепископомъ Сильвестромъ, который въ 1731 году попалъ въ опалу и былъ отправленъ въ заточеніе. Онъ заранѣе назначилъ доходы съ нѣкоторыхъ архіерейскихъ вотчинъ на эту школу, и преемникъ Сильвестра Иларіонъ продолжалъ давать эти доходы на школу, платя исправно жалованье преподавателямъ; но со вступленіемъ на архіерейскую каѳедру Гавріила, школа эта разстроилась. Къ счастію, скоро прибылъ въ Казань Димитрій Сѣченовъ съ миссіонерами для обращенія въ христіанство языческихъ инородцевъ и оживилъ вообще дѣло духовнаго обученія въ казанской епархіи. При Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ положили основать въ 1738 году духовную семинарію для обученія языкамъ латинскому, греческому

---

1) Соловьевъ, ibidem, 305.

и, если возможно. еврейскому, и наукамъ, начавши отъ грамматики, чрезъ риторику и философію, до богословія; для того предположили набрать учениковъ, числомъ двѣсти Разомъ съ этимъ, при Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ указано учредить сиротскій домъ для воспитанія сиротъ и для пріема „зазорнорожденныхъ“ младенцевъ. Въ 1739 году послѣдовалъ важный указъ—основать во всѣхъ епархіяхъ духовныя семинаріи. Но этотъ указъ долго не могъ быть приведенъ въ исполненіе: изъ архіереевъ не нашлось никого, кто бы показалъ объ этомъ дѣлѣ стараніе; „всѣ“,—выражается современный документъ,— „отважно и нечувственно пребывали, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ ни мало не зависитъ“. На первыхъ порахъ дѣло ограничилось тѣмъ, что положили разослать по всѣмъ епархіямъ „учительныхъ священниковъ“, съ цѣлью подготовлять дѣтей духовныхъ лицъ къ духовному званію. Было желаніе удерживать дѣтей духовныхъ лицъ въ званіи отцовъ ихъ, хотя не воспрещалось окончившимъ ученіе дѣтямъ священно и церковнослужителей вступать въ гражданскую службу и записываться въ цехи и въ посады. Только праздноживущихъ изъ нихъ брали въ военную службу. Дѣти лицъ духовнаго званія не были вовсе изъяты отъ воинской повинности, но могли вмѣсто себя ставить наемныхъ рекрутъ. Доступъ къ духовному званію лицамъ, непроисходящимъ изъ духовенства, былъ очень труденъ; только въ Малороссіи, по старому обычаю, возводили въ духовный санъ лицъ всякаго происхожденія. Впрочемъ, подобное является и на противоположномъ предѣлѣ Русскаго государства: въ Сибири, въ иркутской епархіи, по недостатку лицъ по происхожденію изъ духовенства, дозволено было посвящать и міранъ, свободныхъ отъ гражданской службы, а въ 1740 году прислано въ синодъ 45 юношей изъ инородцевъ, съ цѣлью дать имъ образованіе и подготовить къ званію пастырей своего народа.

Всѣ монастыри въ духовномъ отношеніи зависѣли отъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ. Исключеніе составляли монастыри ставропигіальные, зависѣвшіе непосредственно отъ синода: ихъ было числомъ четыре—Кіево-Печерскій, Межигорскій, Троицко-Сергіевъ и Александро-Невскій. Всѣ монастыри были пріютами овдовѣвшихъ священно и церковно-служителей, неимущихъ отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ, солдатъ, безродныхъ и увѣчныхъ; монахи должны были заботиться о содержаніи помѣщенныхъ у нихъ лицъ и ухаживать за недужными. Отчасти монахи занимались и дѣломъ воспитанія: по крайней мѣрѣ, по прошенію кіево-печерскаго архимандрита въ 1738 году, дозво-

лили принять въ монастырь приходящихъ изъ польскихъ владѣній православныхъ духовныхъ, свѣдущихъ въ латинскомъ языкѣ, и поручать имъ воспитаніе юношей. Прежній указъ Петра Перваго, воспрещавшій безъ царскаго указа постригать въ монахи кого бы то ни было, былъ подтвержденъ въ царствованіе Анны Ивановны; дозволялось безусловно, не испрашивая царскаго указа, постригать только вдовыхъ священнослужителей и безсемейныхъ отставныхъ офицеровъ и солдатъ; за постриженіе же всякаго иного лица полагался штрафъ 500 рублей. Повелѣно было по всей имперіи возобновлять обветшалые храмы и учреждать при нихъ богадѣльни и школы, а на содержаніе тѣхъ и другихъ опредѣленъ былъ сборъ съ вѣнечныхъ памятей. Указъ о построеніи богадѣленъ и школъ былъ нѣсколько разъ повторяемъ, но плохо исполнялся: богадѣленъ было мало, а школъ еще меньше.

Главнымъ доходомъ на содержаніе церквей и монастырей были доброхотныя даянія, совершавшіяся какъ наличными деньгами, такъ и вкладами, состоящими въ капиталахъ и недвижимой собственности. Доходъ съ продажи восковыхъ свѣчъ также предоставлялся въ пользу церквей. Всѣ духовныя вотчины вѣдались въ одномъ правительственномъ мѣстѣ, называвшемся „коллегія экономіи". Сначала она находилась въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, но въ 1739 году была переведена снова въ Москву, такъ какъ большая часть монастырскихъ вотчинъ находилась въ срединѣ государства, ближе къ Москвѣ, чѣмъ къ Петербургу. При коллегіи экономіи существовала раскольничья контора: самое названіе ея показываетъ, какими дѣлами она завѣдывала. Число мужскихъ монастырей простиралось до семисотъ восьми, а въ нихъ монашествующихъ считалось 7,829 человѣкъ. Женскихъ монастырей было 240, а въ нихъ монашествующихъ 6.452 особы.

VIII.

Внѣшняя политика Россіи при Аннѣ Ивановнѣ.

Отношенія европейскихъ государствъ къ Россіи при вступленіи на престолъ Анны Ивановны: Австрія, Пруссія, Данія, Швейцарія, Англія, Франція.—Польское дѣло.—Интриги французовъ противъ Россіи въ Константинополѣ.—Персидскія дѣла.—Споръ Россіи съ Турціей.—Крымцы.—Турецкая война.—Бѣлградскій миръ.—Недовольство Миниха.—Возобновленіе сношеній Франціи съ Россіей.—Маркизъ де-ла Шетарди.

При вступленіи Анны Ивановны на престолъ, обстоятельства подавали надежду, что въ грядущее царствованіе Россія найдетъ себѣ союзниковъ между иностранными государствами. Вступ-

леніе на престолъ государыни привѣтствовали сосѣди дружелюбными заявленіями. Императоръ нѣмецкій заявилъ русскому посланнику, что онъ съ новою царицею будетъ соблюдать тѣ же обязательства, въ какихъ находился съ ея покойными предшественниками. Прусскій король, узнавши о возстановленіи самодержавія въ Россіи, пилъ за столомъ здоровье новой русской государыни, восхвалялъ ея рѣшимость и заявилъ, между прочимъ, что теперь она свободно будетъ распоряжаться въ дѣлахъ курляндскихъ, не ожидая одобренія отъ Польши. Въ Даніи радовались восшествію на престолъ Анны Ивановны, потому что не желали утвержденія въ Россіи Голштинской династіи, которая могла бы тамъ воцариться въ особѣ сына Петровой дочери. Данія давно уже спорила съ Голштиніею за Шлезвигъ. Король шведскій также сразу изъявилъ желаніе усилить дружбу съ русскимъ престоломъ. Англія, находившаяся въ союзѣ съ Австріей и во враждѣ съ Франціею, также отнеслась дружелюбно къ перемѣнѣ правленія въ Россіи. Съ Франціей уже не было дружбы съ тѣхъ поръ, какъ разрушился планъ соединить бракомъ русскую принцессу Елисавету съ французскимъ королемъ Людовикомъ XV. Враждебная по старинной традиціи съ Австріей, Франція не могла смотрѣть одобрительно на союзъ, заключенный еще Екатериною Первою съ императоромъ, готова была, при всякомъ удобномъ случаѣ, вредить Россіи, но пока еще соблюдала наружное согласіе.

Надобно сказать, что всѣ государства не питали уваженія къ Россіи, но боялись возраставшей матеріальной ея силы, а въ особенности послѣ удара, нанесеннаго Россіей Швеціи. Никто не вѣрилъ въ политическій умъ русскаго правительства; каждое государство надѣялось обмануть русскихъ и сдѣлать ихъ державу орудіемъ для своихъ цѣлей; но союзъ съ ней давалъ всѣмъ большую приманку, чтобъ имѣть возможность располагать ея большими военными силами и вести, такъ сказать, ее на буксирѣ за собой. Это желаніе проявили сразу Австрія и Франція. При русскомъ дворѣ было два государственныхъ человѣка, склонные къ союзу съ тою и другою. Сторонникомъ союза съ Австріей и вообще съ Нѣмецкою имперіей былъ Остерманъ, а сторонникомъ союза съ Франціей — фельдмаршалъ Минихъ, питавшій любовь къ французамъ со времени юности, когда, взятый въ плѣнъ, онъ испыталъ на себѣ великодушіе, привѣтливость и любезность французовъ. Предстоялъ вопросъ, когда Россіи приходилось выбирать союзъ или съ Австріей, или съ Франціей. Это случилось по поводу польскаго преемства. Король польскій

Августъ, долговременный союзникъ Петра Великаго, склонялся къ могилѣ и въ началѣ 1733 года скончался. Франція хотѣла возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, посаженнаго тамъ нѣкогда Карломъ XII и принужденнаго уступить корону Августу. Австрія, вмѣстѣ съ Россіей, сначала хотѣла, чтобъ избранъ былъ кто-нибудь изъ природныхъ поляковъ рода Пястовъ; но такъ какъ увидали, что при выборѣ произойдутъ несогласія и борьба партій, то предпочли посадить на польскій престолъ иностраннаго принца. Австрія выставила курфирста саксонскаго, сына бывшаго польскаго короля Августа. Россія нѣсколько времени колебалась. Остерманъ взялъ верхъ надъ Минихомъ, и Россія пристала къ Австріи. Русское войско вступило въ Польшу подъ начальствомъ фельдмаршала Ласси, и подъ давленіемъ силы русскаго войска избранъ былъ Августъ саксонскій. Но другая партія провозгласила Станислава, надѣясь на покровительство Франціи. Возникла война, которая подробно описана нами въ жизнеописаніи Миниха. Станиславъ ушелъ въ Гданскъ и заперся тамъ съ поляками своей партіи и со вспомогательнымъ отрядомъ французовъ. Минихъ, хотя и несочувствовавшій дѣлу, долженъ былъ взять команду надъ русскимъ войскомъ, осаждавшимъ Гданскъ, и принудилъ его къ сдачѣ. Взятые въ плѣнъ французы отосланы были въ Россію; императрица приняла ихъ ласково и великодушно и отпустила въ отечество.

Эта любезность, однако, не измѣнила хода политики въ отношеніи къ Франціи: послѣдняя все-таки продолжала дѣйствовать противъ Россіи. Сначала она поддерживала Станислава до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не отрекся отъ притязаній на польскую корону и не удовольствовался владѣніемъ въ Лотарингіи, даннымъ ему Франціей, по родству его съ французскимъ королемъ: дочь его, Марія, была французскою королевою, женою Людовика XV. Потомъ Франція стала вредить Россіи и союзной съ нею Австріи съ другой стороны, именно со стороны Турціи. У Нѣмецкой имперіи съ Турціей была уже давняя вражда. И Россія не въ состояніи была забыть униженія, нанесеннаго ей Прутскимъ миромъ, и всегда искала случая отомстить Турціи. Поводъ къ этому представился Россіи черезъ посредство Персіи. Два претендента на персидскій престолъ спорили между собою: Тахмасибъ и Эшрефъ. Послѣдній поддерживаемъ былъ турками, Тахмасибу помогала Россія. Не уладивши примиренія съ турками мирнымъ путемъ, Россія побуждала Тахмасиба къ войнѣ съ турками, обѣщала съ своей стороны помощь, заключила съ

нимъ 25 января 1732 года дружественный договоръ и уступила Персіи полосу земли, завоеванной Петромъ Великимъ. Между тѣмъ, у Россіи съ Турціей былъ еще и свой предлогъ къ враждѣ. Турція считала, что страна, называемая Кабарда, изстари принадлежитъ Крыму, зависимому отъ Турціи; русскіе ссылались, что этотъ край по договору былъ объявленъ независимымъ, и князья кабардинскіе отдались Россіи. Сверхъ того калмыцкій ханъ Дундукъ-Омбо, находившійся подъ властью Россіи, отпалъ отъ нея и отдался подъ покровительство крымскаго хана.

Отношенія Персіи къ Турціи все болѣе и болѣе обострялись. Персидскій визирь Тахмасъ-Кулыханъ свергнулъ Тахмасиба, возвелъ на престолъ его сына, но съ Турціей пришелъ еще въ большую вражду. Крымскій ханъ Капланъ-Гирей, какъ турецкій данникъ, двинулся съ своею ордою на войну противъ Персіи, и не только захватилъ Кабарду, но провелъ свои военныя силы черезъ русскія владѣнія—Кумыцкую землю. Татары встрѣтили поставленныя тамъ русскія войска, бывшія подъ главнымъ начальствомъ генерала принца Гессенъ-Гомбургскаго, вступили съ ними въ бой, и хотя были побѣждены, но успѣли прорваться чрезъ Кавказскія горы, возмутили тамошнихъ туземцевъ противъ русскихъ, соединились съ турками и съ ними вмѣстѣ пошли на Персію; въ то же время одинъ крымскій салтанъ вступилъ съ войсками въ Кабарду и тамъ тоже сражался съ русскими. Эти событія сочтены были поводомъ объявленія формальной войны Турціей.

Россія вела эту войну въ союзѣ съ Австріей. Но когда русскія войска подъ предводительствомъ Миниха разорили Крымъ, завоевали Молдавію, одержали блестящую, еще небывалую, побѣду надъ турками при Ставучанахъ [1]), союзники ихъ австрійцы вели у себя на Дунаѣ войну неудачно. Между тѣмъ французскій посолъ въ Константинополѣ Вильнёвъ постарался устроить примиреніе Турціи съ нѣмецкимъ императоромъ. Австрія, при своихъ военныхъ неудачахъ, могла для себя почитать счастіемъ возможность помириться съ Турціей; но она склонила и Россію также разомъ съ нею заключить миръ съ Турціей при посредствѣ того же французскаго посла, хотя Россіи заключать такой миръ было вовсе не подъ-стать 18 сентября 1739 года состоялся Бѣлградскій миръ, не только не выгодный, но даже постыдный для Россіи: истративши много людей въ битвахъ, она

[1]) Подробности тогдашней войны съ Турціей изложены въ жизнеописаніи Миниха.

не получила никакой выгоды для себя и воевала только въ пользу Австріи. Когда французскій парламентеръ пріѣзжалъ къ Миниху отъ имени своего начальства требовать выступленія русскаго войска изъ Молдавіи, Минихъ сказалъ ему: „Я давно уже пытался соединить союзомъ Россію съ Франціей. Я всегда былъ того мнѣнія, что императоръ болѣе насъ имѣетъ повода вести войну, а мы, ставши его союзниками, останемся въ убыткѣ. Я уже представлялъ, что императоръ всегда привыкъ обращаться съ своими союзниками, какъ съ вассалами: свидѣтели тому англичане и голландцы, которые во-время узнали весь вредъ отъ этого союза и удалились отъ него, какъ умные политики. Мои представленія не приняты! но теперь они оправдались событіями, послѣ того какъ императоръ, съ которымъ мы вошли въ союзъ, совершенно покинулъ насъ, можетъ быть по вѣроломству, а можетъ быть по слабости: во всякомъ случаѣ плохое дѣло союзъ съ вѣроломными и малосильными. Вотъ теперь настало время возобновить первый нашъ проектъ союза Россіи съ Франціей“.

Минихъ былъ чрезвычайно раздраженъ Бѣлградскимъ миромъ, но дѣлать было нечего: всемогущій любимецъ императрицы Биронъ былъ совершенно на сторонѣ Австріи, а съ нимъ и императрица. Французская политика на этотъ разъ должна была по крайней мѣрѣ уразумѣть, что нельзя презирать Россію, какъ страну варварскую. Пусть она съ европейской точки зрѣнія была и варварскою, но опытъ послѣдней войны показалъ, что она – страна сильная, ея многочисленное войско способно совершать дѣла истинно великія, которыя не подъ-стать было совершать западнымъ державамъ, давно уже привыкшимъ трепетать передъ страшною мусульманскою силою, водворившеюся въ Европѣ. Французскіе политики избрали теперь нѣсколько иной путь—показывать Россіи дружелюбіе, льстить ей, а между тѣмъ, въ увѣренности въ ея простотѣ и недостаткѣ смекалки, обманывать ее. Нужно было только выбрать подходящаго человѣка въ посланники. Управлявшій тогда дѣлами во Франціи кардиналъ Флери поручилъ это маркизу де-ля-Шетарди, который былъ назначенъ въ Россію въ исходѣ 1739 года въ званіи уполномоченнаго Франціи. Трудно было выбрать человѣка болѣе способнаго занять эту важную, трудную должность. Это былъ французъ въ полномъ значеніи этого слова, со всѣми достоинствами и пороками, отличавшими французскаго дипломата XVIII вѣка. Необыкновенно любезный въ обращеніи, съ необыкновенною способностью вкрадываться въ душу, всегда веселый, неистощимо-остроумный и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣвшій всегда кстати и ска-

зать, и смолчать,—онъ былъ именно таковъ, что могъ очаровать молодое высшее общество въ Россіи, недавно еще начавшее усвоивать плѣнительные признаки европейскаго обхожденія и способное увлекаться всякимъ наружнымъ блескомъ. До того времени онъ былъ посланникомъ своей націи при берлинскомъ дворѣ, и молодой наслѣдный принцъ, будущій король Фридрихъ Великій, называлъ его конфектою за его любезность, нерѣдко доходившую до слащавости. Де-ля-Шетарди прибылъ въ Петербургъ съ такимъ огромнымъ количествомъ посольской свиты и прислуги, что подобной пышности русскіе еще не видали ни съ однимъ иностраннымъ посломъ. Все это разсчитано было, чтобы внушить уваженіе и удивленіе къ величію Франціи. Французскій посолъ представлялся Аннѣ Ивановнѣ въ тронной залѣ и съ перваго раза очаровалъ императрицу и все окружающее своею любезностью. Послѣ представленія императрицѣ со всею свитою онъ представился ея племянницѣ, а потомъ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Это было самое важное его представленіе. Во Франціи уже знали, что императрица не любитъ цесаревны, цесаревна не любитъ императрицы, и многіе русскіе смотрятъ на Елисавету, какъ на законную наслѣдницу, несправедливо удаленную отъ трона. Елисаветѣ въ то время было 28 лѣтъ; она была въ расцвѣтѣ красоты своей; ея голубые глаза съ поволокою давали ей невыразимую прелесть. Она превосходно говорила по-французски и въ самомъ ея живомъ и легкомысленномъ характерѣ было что-то французское. Казалось, — выражался о ней польскій посланникъ Лефортъ,—она родилась не въ Россіи, а во Франціи. Она составляла въ тѣ поры совершенный контрастъ съ императрицей, а еще болѣе съ Анной Леопольдовной, столько же лѣнивою и апатичною, какъ была жива и подвижна Елисавета. Въ тайной инструкціи, съ которою прибылъ де-ля-Шетарди, вмѣнялось ему въ обязанность узнать навѣрное, справедливы ли вѣсти на счетъ желанія русскихъ видѣть Елисавету государыней. Послѣ блестящихъ пріемовъ, де-ля-Шетарди жаловался на томительную скуку въ Россіи, постигшую его. Онъ увидѣлъ себя посреди чопорнаго нѣмецко-русскаго общества, отзывавшагося парадомъ. Ничего похожаго не было на свѣтское французское общество, съ которымъ свыкся посолъ въ своей юности и которое для француза было необходимо какъ свѣжій воздухъ для птицы и вода для рыбы. Каждый день у него накрывали обѣденный столъ для званыхъ и незваныхъ гостей, и посланникъ замѣчалъ, что русскіе чуждаются его хлѣба-соли, а если и посѣщаютъ, то

трудно бываетъ вести съ ними задушевную бесѣду, потому что всѣ какъ-то не довѣряли ему, зная, что при дворѣ властвующіе нѣмцы недолюбливаютъ французовъ. Внезапная кончина Анны Ивановны дала возможность показать французскому послу свою необыкновенную дѣятельность и сдѣлаться рѣшителемъ судьбы русскаго престола.

IX.

Окончаніе царствованія Анны Ивановны.

Принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна.—Женихъ для нея.—Бракъ съ Антономъ-Ульрихомъ принцемъ Брауншвейгъ-беверискимъ.—Неудавшіеся планы Бирона. — Биронъ сходится съ Бестужевымъ. — Рожденіе принца Ивана Антоновича. — Недуги императрицы.—Припадокъ 5 октября 1740 г.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Объявленіе принца Ивана Антоновича наслѣдникомъ престола.—Вопросъ о регентствѣ.—Уловки Бестужева въ пользу Бирона.—Позитивная декларація.—Кончина Анны Ивановны.—Оцѣнка ея царствованія.

Еще въ 1732 году Анна Ивановна гласно объявила, что наслѣдство престола послѣ нея должно перейдти въ мужское потомство племянницы ея, дочери старшей сестры императрицы, Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской. Мужъ послѣдней, Карлъ Леопольдъ, въ свое время пріобрѣлъ репутацію тирана, былъ прогнанъ выведенными изъ терпѣнія своими мекленбургскими подданными и осужденъ имперскимъ сеймомъ. Онъ былъ такимъ же плохимъ семьяниномъ, какъ и правителемъ. Первая жена не вынесла его дурнаго нрава и начала процессъ о разводѣ съ нимъ. Еще не былъ покончепъ этотъ процессъ, какъ герцогъ посватался на русской царевнѣ. Находясь въ зависимости отъ дяди. царя Петра I, царевна Екатерина Ивановна по его волѣ вышла за мекленбургскаго герцога, но скоро не ужилась съ нимъ, какъ и первая его супруга. Въ 1719 году она отъ него удалилась въ Россію вмѣстѣ съ малолѣтнею дочерью Елисаветою-Екатериною-Христиною. Дочь эта, принужденная проводить въ Россіи свое дѣтство, въ 1733 году, за мѣсяцъ до кончины своей матери, была принята въ лоно православной церкви и наречена Анною Леопольдовною. Лишившись матери, принцесса осталась на попеченіи своей тетки, императрицы Анны Ивановны, которая любила ее какъ родную дочь до тѣхъ поръ, пока принцесса, достигнувъ совершенно-

лѣтія, не стала выказывать въ своемъ характерѣ такія черты, которыя несовсѣмъ нравились теткѣ. Принцесса не обладала ослѣпительной красотой, но была миловидная блондинка, добродушная и кроткая, вмѣстѣ—сонливая и лѣнивая; она не любила никакого дѣла и проводила праздно часы съ своей любимой фрейлиной Юліаніей фонъ-Менгденъ, къ которой питала чувство рѣдкой дружбы. Императрица, хотя не переставала любить свою племянницу, стала отзываться о ней неодобрительно. Но такъ какъ другой ближайшей родни у императрицы не было, и въ случаѣ ея смерти престолъ могъ достаться цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которую Анна Ивановна не терпѣла, то государыня торопилась найти племянницѣ жениха, чтобъ доставить ея потомству и своему роду наслѣдство престола. Нѣмецкая имперія заключала въ себѣ богатый запасъ принцевъ и принцессъ для брачныхъ связей въ Россіи. Отыскивать подходящаго жениха для принцессы Анны Леопольдовны отправленъ былъ шталмейстеръ Левенвольдъ. Въ Вѣнѣ онъ подпалъ подъ вліяніе императорскаго дома и по указаніямъ, полученнымъ оттуда, остановилъ вниманіе на принцѣ Брауншвейгъ-беверискомъ, сынѣ сестры супруги императора Карла VI. Это былъ молодой человѣкъ, едва вступившій на жизненное поприще. Его родные—императоръ и императрица уговорили его согласиться на предложеніе Левенвольда, и онъ далъ слово прибыть въ Россію и поступить въ русскую службу. Онъ явился въ Петербургъ, былъ обласканъ императрицей Анной Ивановной, опредѣлился въ русское войско и участвовалъ съ Минихомъ въ турецкой войнѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду въ столицѣ обращались съ нимъ, какъ съ будущимъ женихомъ племянницы Анны Ивановны, но бракомъ медлили, считая принцессу несовсѣмъ достигшею зрѣлаго возраста. Между тѣмъ, у Бирона возникла мысль женить на принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ своего старшаго сына Петра, еще очень молодаго, и тѣмъ проложить своему потомству путь къ россійскому престолу. Биронъ такъ привыкъ встрѣчать безграничную къ себѣ преданность императрицы, что, казалось, нельзя было сомнѣваться въ ея согласіи; но императрица уже нѣсколько разъ заявляла, что предоставляетъ племянницѣ полную свободу располагать своимъ замужествомъ. Всѣмъ при дворѣ стало замѣтно, что принцесса Анна Леопольдовна не слишкомъ-то любила намѣченнаго ей въ женихи принца, и это придавало Бирону смѣлость подставить на его мѣсто своего сына. Онъ началъ показывать любезное вниманіе къ принцессѣ и старался сводить съ нею своего сына. Но, если принцессѣ мало нравился

навязываемый ей теткою женихъ, то къ Петру Бирону она чувствовала полнѣйшее равнодушіе, которое вскорѣ превратилось въ отвращеніе, по мѣрѣ того, какъ Петръ Биронъ надоѣдалъ ей своимъ ухаживаньемъ. Биронъ не смѣлъ противодѣйствовать рѣзко принцу Антону-Ульриху брауншвейгкому, потому что боялся раздражить противъ себя австрійскій императорскій домъ. Онъ полагалъ для себя надежду въ томъ, что сама принцесса покажетъ нежеланіе выходить за принца, и онъ, такимъ образомъ, избавится отъ соперника своему сыну. Государыня вовсе не знала о намѣреніяхъ своего любимца и поручила ему вывѣдать отъ принцессы—расположена-ли она выходить за принца Антона-Ульриха. Исполняя волю своей государыни, Биронъ говорилъ объ этомъ съ принцессою и услыхалъ такой отвѣтъ—что она не терпитъ брауншвейгскаго принца и лучше ей положить голову на плаху, чѣмъ выходить за него. Такой отвѣтъ очень обрадовалъ Бирона, но онъ на первыхъ порахъ долженъ былъ передъ государынею показывать видъ, что, также какъ и она, недоволенъ упрямствомъ принцессы. Затѣмъ Биронъ обратился къ придворной дамѣ и любимицѣ императрицы, Чернышевой, урожденной Ушаковой, дочери начальника тайной канцеляріи. Биронъ сообщилъ ей о своемъ желаніи женить сына на принцессѣ и поручилъ ей расположить къ этому принцессу. Чернышева начала объ этомъ рѣчь принцессѣ и услыхала такой отвѣтъ, какого ужъ никакъ не хотѣлось услышать Бирону. Принцесса съ негодованіемъ выслушала Чернышеву и сдѣлала ей упрекъ, какъ могла она предлагать ей такой бракъ. Принцесса напомнила о низкомъ происхожденіи Бирона и дала понять, что ея достоинство оскорбляется подобнымъ предложеніемъ. Чтобъ избавиться навсегда отъ притязаній царицына любимца и его сына, принцесса категорически объявила Чернышевой: „Я много думала и испытывала себя. Во всемъ готова слушаться императрицу и соглашаюсь выходить за брауншвейгскаго принца, если ей такъ угодно“.

Чернышева сообщила такой отвѣтъ императрицѣ, не сказавши ей, что ходатайствовала за Биронова сына. Императрица обрадовалась, а Биронъ поневолѣ долженъ былъ притаиться съ своими желаніями и притворяться передъ императрицей, что раздѣляетъ ея удовольствіе. Бракъ принцессы съ брауншвейгскимъ принцемъ состоялся въ іюлѣ 1739 года. Съ тѣхъ поръ, Биронъ возненавидѣлъ новобрачную чету и при всякомъ удобномъ случаѣ радъ былъ ей дѣлать непріятности, хотя и долженъ былъ скрывать свои чувствованія, чтобъ не раздражить импера-

трицы. Что касается до принцессы, то, ставши женою нелюбимаго человѣка, она продолжала оказывать къ нему холодность. Впослѣдствіи принцесса укоряла кабинетъ-министровъ, устроившихъ этотъ бракъ въ политическихъ видахъ, и говорила Волынскому: „вы, министры проклятые, на то привели, что за того пошла, за кого не думала, и все вы для своихъ интересовъ къ тому привели". Волынскій отвѣтилъ ей, что „дѣйствительно, принцъ Антонъ-Ульрихъ очень тихъ и несмѣлъ въ своихъ поступкахъ: это его недостатокъ; но это можетъ послужить ей же къ пользѣ: онъ будетъ ей послушенъ; а хуже было-бы, если-бъ она вышла за Петра Бирона и находилась вмѣстѣ съ мужемъ подъ несноснымъ гнетомъ его отца, любимца государыни. И самъ Петръ Биронъ,—человѣкъ запальчивый и сердитый не менѣе какъ родитель его". Зная, что между супругами нѣтъ любви, Биронъ, можетъ быть, изъ чувства мщенія, хотѣлъ раздуть между ними несогласіе, чтобъ насолить имъ обоимъ. Желая избавиться отъ постояннаго надоѣдливаго наблюденія надъ собою любимца императрицы, принцесса испросила у тетки-государыни назначить 80,000 рублей для устройства особаго двора для нея и ея супруга. Но Биронъ убѣдилъ принца брауншвейгскаго отказаться отъ такого намѣренія, представляя ему, что тогда онъ будетъ находиться въ зависимости отъ своей жены, которая его не любитъ; а въ доказательство того, что она его не любитъ, Биронъ открылъ принцу Антону-Ульриху, что́ принцесса отвѣчала ему, Бирону, когда онъ, по порученію императрицы, говорилъ о бракѣ съ принцемъ.

Биронъ въ это время началъ расходиться съ Остерманомъ. До того времени, хотя полной искренности между ними никогда не было, но Остерманъ дорожилъ благосклонностію такого могучаго лица, какимъ былъ Биронъ, и долгое время старался угождать ему. Въ послѣднее время, Биронъ, въ разговорахъ съ пріятелями, обвинялъ Остермана въ двуличности и хитрости; иными словами—Биронъ раскусилъ, наконецъ, Остермана и сталъ остерегаться его, хотя и былъ увѣренъ, что въ томъ высокомъ положеніи, въ какомъ самъ находился, Остерманъ не въ силахъ повредить ему. Удаляясь мало-по-малу отъ Остермана, Биронъ сошелся съ другимъ человѣкомъ, недавно возведеннымъ на высокую ступень. Это былъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, заступившій въ кабинетѣ министровъ оставшееся празднымъ мѣсто казненнаго Волынскаго. Алексѣй Петровичъ былъ сынъ Петра Михайловича Бестужева, бывшаго нѣкогда управителемъ двора въ Курляндіи и любимцемъ Анны Ивановны, впослѣдствіи

потерпѣвшимъ отъ нея опалу. Алексѣй Петровичъ посвятилъ себя дипломатическому поприщу, но въ царствованіе Анны Ивановны нѣсколько лѣтъ сряду держали его въ тѣни. Когда онъ находился резидентомъ въ Гамбургѣ, доносъ, поданный ему Милашевичемъ-Краснымъ на смоленскаго губернатора, далъ ему возможность выдвинуться и повыситься. Въ 1734 году Алексѣй Петровичъ былъ переведенъ изъ Гамбурга въ Данію. Кабинетъ-министръ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій негодовалъ на Бестужева, который далъ ходъ доносу Милашевича-Краснаго, и вслѣдствіе этого родственникъ кабинетъ-министра—смоленскій губернаторъ былъ сосланъ въ Камчатку. Бестужевъ, впрочемъ, ничуть не былъ виновенъ въ опалѣ смоленскаго губернатора, потому что не сдѣлалъ ничего болѣе, какъ только переслалъ поданный ему доносъ въ тайную канцелярію. Негодованіе кабинетъ-министра князя Черкасскаго противъ Бестужева должно было смолкнуть послѣ того, какъ Милашевичъ-Красный, въ 1739 году, самъ сознался, что оклеветалъ напрасно смоленскаго губернатора. Послѣ паденія Волынскаго, Алексѣя Петровича перевели въ Петербургъ. Тонкій и искусный дипломатъ, зная могущество герцога курляндскаго, онъ поддѣлался къ нему и вскорѣ сблизился съ нимъ самымъ тѣснымъ образомъ. При всесильномъ покровительствѣ Бирона, Бестужевъ получилъ мѣсто въ кабинетѣ министровъ. Биронъ думалъ имѣть въ немъ противовѣсъ Остермановымъ хитростямъ, иными словами—надѣялся найти въ немъ именно то, чего искалъ и не нашелъ въ Волынскомъ.

Въ августѣ 1740 года принцесса Анна Леопольдовна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который, при крещеніи, былъ нареченъ Иваномъ. Событіе это для многихъ показалось нежданнымъ, такъ какъ при дворѣ знали, что принцесса удалялась отъ своего нелюбимаго супруга. Рожденіе этого младенца доставило радость императрицѣ, но на ея любимца навело такое уныніе, что онъ нѣсколько дней никого не допускалъ къ себѣ и ни съ кѣмъ не говорилъ.

Вскорѣ затѣмъ произошло другое важное и роковое событіе. Уже давно императрица страдала недугомъ; какъ кажется, у ней была каменная болѣзнь. Предшествовавшее лѣто она провела въ Петергофѣ, и къ концу лѣта ей становилось хуже. По возвращеніи въ Петербургъ, 5 октября, въ воскресенье въ 2 часа императрица по обычаю сѣла обѣдать съ своимъ любимцемъ. Вдругъ ей стало дурно, и она упала безъ чувствъ. Ее подняли и уложили въ постель.

Первымъ дѣломъ окружавшихъ государыню сановниковъ было подумать о престолонаслѣдіи. Воля государыни была извѣстна: она уже объявляла, что желаетъ назначить себѣ преемникомъ сына принцессы Анны Леопольдовны, двухмѣсячнаго ребенка— Ивана Антоновича. Но вопросъ былъ въ томъ—кто будетъ въ качествѣ регента управлять государствомъ до совершеннолѣтія новаго государя, еще лежавшаго въ колыбели. Первый Бестужевъ заявилъ, что всего подручнѣе эту важную обязанность возложить на герцога курляндскаго. Нѣсколько дней прошло въ размышленіяхъ и толкахъ: приходилось повозиться съ Остерманомъ, а тотъ уклонился прямо заявить свое мнѣніе объ этомъ и только тогда, когда увидалъ, что большинство сановниковъ склоняется на сторону Бирона,—самъ подалъ голосъ за него. Минихъ, хотя не терпѣлъ курляндскаго герцога, не только объявилъ себя въ пользу его назначенія, а еще самъ упрашивалъ его принять на себя этотъ санъ. Больная государыня удержала у себя представленный ей манифестъ о престолонаслѣдіи и проектъ о регентствѣ Бирона. Она давно уже страшилась смерти и отклоняла отъ себя все, что могло ей напоминать о смертномъ часѣ; такимъ образомъ давно уже было запрещено провозить и проносить покойниковъ мимо дворца, чтобъ не безпокоить государыни видомъ, возбуждающимъ въ ней мысль о собственной кончинѣ. Тогда Бестужевъ составилъ такъ называемую „позитивную декларацію", въ согласіи съ другими сановниками, и положилъ ее въ кабинетѣ министровъ: въ ней выражено было, будто вся нація желаетъ, чтобъ не иной кто, а непремѣнно герцогъ курляндскій, въ случаѣ преждевременной кончины императрицы, сталъ регентомъ государства впредь до совершеннолѣтія будущаго императора. Стали приглашать къ чтенію и къ подписи этой деклараціи всѣхъ наличныхъ особъ первыхъ четырехъ классовъ. Набралось такимъ образомъ 197 подписей. Не должно думать, чтобъ число это состояло изъ искреннихъ приверженцевъ герцога курляндскаго. Большинство подписывалось, слѣдуя примѣру подписавшихся прежде ихъ; тѣ-же, которые подписались, не повинуясь примѣру другихъ, дѣлали это изъ страха: нельзя было положительно сказать—умретъ-ли государыня или выздоровѣетъ. Врачи находили ея болѣзнь очень опасною, но и не уничтожали надежды на возможность ей поправиться; всѣ соображали, что если Анна Ивановна выздоровѣетъ, то не проститъ тѣмъ, которые не показали любви и довѣрія къ ея любимцу: судьба Волынскаго представляла тому свѣжій примѣръ. Фельдмаршалъ Минихъ поступилъ по такому

же соображенію, какъ о томъ свидѣтельствуетъ сынъ его въ своихъ запискахъ.

Впослѣдствіи Биронъ въ своей запискѣ, писанной съ мѣста своего заточенія въ Ярославлѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, увѣрялъ, будто онъ вовсе не думалъ и не хотѣлъ принимать на себя регентства, будто на колѣняхъ просилъ государыню освободить его отъ такого бремени; но источники современные говорятъ совсѣмъ иное, именно—что Биронъ, хотя наружно и отказывался отъ предлагаемой ему чести, но прежде тайно направлялъ Бестужева, который первый произнесъ о томъ слово въ собраніи сановниковъ; да и самъ герцогъ курляндскій въ этомъ собраніи доказывалъ, что нельзя давать регентства ни матери, ни родителю будущаго императора. По всему видно, между Бирономъ и Анной Ивановной происходилъ разговоръ о регентствѣ, но Биронъ не представилъ его въ своей запискѣ въ настоящемъ видѣ. Есть основаніе полагать, что Анна Ивановна сама не хотѣла давать регентства принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ и ея супругу, изъ опасенія, что они подпадутъ подъ вліяніе отца принцессы, герцога мекленбургскаго, и даже допустятъ его водвориться въ Россіи, а судя по тому, что̀ случилось съ нимъ въ его нѣмецкой землѣ, можно было справедливо опасаться, что появленіе его въ Россіи не будетъ полезно для Россійскаго государства.

16 октября съ больною, уже не встававшею съ постели, императрицею сдѣлался припадокъ, подавшій опасеніе скоронаступающей кончины. Анна Ивановна приказала позвать Остермана и Бирона, и въ ихъ присутствіи подписала обѣ бумаги— о наслѣдствѣ послѣ нея Ивана Антоновича и о регентствѣ Бирона. Первую бумагу она вручила Остерману, послѣднюю — отдала своей придворной дамѣ Юшковой, постоянно находившейся при ней во время болѣзни, приказавши открыть ее послѣ ея смерти. Юшкова спрятала эту бумагу въ шкафъ съ драгоцѣнностями. Императрица, отпуская Остермана, приказала объявить всѣмъ сановникамъ, что теперь все уже окончено.

Насталъ другой день — 17 октября. Истощались послѣднія силы императрицы. Она приказала пригласить къ своей постели принцессу Анну Леопольдовну съ супругомъ, цесаревну Елисавету, кабинетъ-министровъ и всѣхъ важнѣйшихъ сановниковъ. Въ 9 часовъ вечера, среди такого собранія, Анна Ивановна отошла въ вѣчность.

Общій голосъ современныхъ источниковъ единомысленно утверждаетъ, что Анна Ивановна, во все свое царствованіе, находи-

лась не только подъ вліяніемъ, но даже, такъ сказать, подъ властію своего любимца. Основываясь на такихъ извѣстіяхъ, вошло въ обычай приписывать Бирону и группировавшимся возлѣ него нѣмцамъ весь жестокій и крутой характеръ ея царствованія. Эпоха этого царствованія издавна уже носитъ наименованіе бироновщины. Но если подвергнуть этотъ вопросъ безпристрастной и строгой критикѣ, то окажется, что къ такому обвиненію Бирона и съ нимъ всѣхъ вообще правительствовавшихъ нѣмцевъ — недостаетъ твердыхъ основаній. Невозможно приписывать весь характеръ царствованія огуломъ нѣмцамъ уже потому, что стоявшіе на челѣ правительства нѣмцы не составляли согласной корпораціи и каждый изъ нихъ преслѣдовалъ свои личные интересы, одинъ другому завидовалъ, одинъ къ другому враждовалъ. Самъ Биронъ не управлялъ дѣлами ни по какой части въ государственномъ механизмѣ и притомъ онъ вовсе не показывалъ склонности заниматься дѣлами, также точно какъ и императрица; онъ не любилъ Россіи и вообще мало интересовался тѣмъ, что̀ въ ней дѣлалось: Биронъ былъ эгоистъ довольно узкій, неуспѣвшій расположить къ себѣ никакого кружка; сила его опиралась исключительно на личной милости императрицы, и оттого, какъ только Анна Ивановна закрыла навѣки глаза, ея бывшій любимецъ остался совершенно безъ почвы, и какъ ни обезпечила его положеніе покойница, онъ безъ нея не продержался и мѣсяца. Нѣтъ никакого современнаго указанія, чтобъ масса тѣхъ жестокостей, какія ознаменовали царствованіе Анны Ивановны, исходили отъ Бирона и совершались по его иниціативѣ. Единственный примѣръ, гдѣ показывается прямое участіе Бирона, представляетъ дѣло Волынскаго. Здѣсь видимо ясно, что мстительный Биронъ преслѣдовалъ Волынскаго неумолимо, потому что оберъ-егермейстеръ становился поперекъ дороги любимцу и покушался занять его мѣсто въ милости у императрицы. Что касается до множества другихъ лицъ, подвергшихся опалѣ при Аннѣ Ивановнѣ, то приписывать бѣдствіе, постигшее того или другого изъ нихъ, всесильному любимцу государыни можно только гадательно, основываясь на извѣстіяхъ, что все доходившее до государыни и исходившее отъ нея проходило черезъ ея любимца. Но, допустивши, что Анна Ивановна ничего не дѣлала безъ участія своего любимца, все-таки нельзя навѣрное сказать, чтобы всякій, потерпѣвшій отъ правительства именемъ Анны Ивановны, дѣйствительно терпѣлъ прямо отъ высочайшей власти. Высочайшая власть часто дѣлаетъ приговоры на основаніи довѣрія къ тѣмъ, которые докладываютъ ей дѣло:

иначе и быть не можетъ при разнородныхъ дѣлахъ, доходящихъ до единаго центра. Есть еще болѣе важное соображеніе: жестокости и вообще крутыя мѣры, которыми отличалась эпоха царствованія Анны Ивановны, не были исключительными свойствами этой эпохи; не съ ней начались онѣ появляться въ Россіи, не съ нею и прекратились. Правленіе Петра Великаго ознаменовалось еще болѣе жестокими, крутыми преслѣдованіями всего противнаго высочайшей власти. Поступки князя Ромодановскаго въ Преображенскомъ Приказѣ ничуть не мягче и не человѣчнѣе поступковъ Андрея Ивановича Ушакова въ тайной канцеляріи. Съ другой стороны, тѣ же черты жестокости и презрѣнія къ человѣческому достоинству являются и послѣ Анны Ивановны, при Елисаветѣ Петровнѣ. Поэтому мы не затруднимся сказать, что приписывать все, что̀ возмущаетъ насъ въ царствованіи Анны Ивановны, слѣдуетъ не самой императрицѣ, не любимцу ея, герцогу курляндскому, а всему вѣку, въ которомъ происходили излагаемыя здѣсь событія. Напротивъ, если изъ того, что принадлежитъ вѣку, мы отдѣлимъ то, гдѣ съ большимъ правомъ можемъ усматривать дѣятельность самой императрицы и государственныхъ лицъ ея эпохи, то придемъ къ заключеніямъ болѣе въ пользу и въ похвалу правительству той эпохи, чѣмъ въ его осужденіе. Мы уже представили перечень всего, что было сдѣлано въ области внутренней политики. Много распоряженій тогдашняго правительства были совершенно въ духѣ Петра I, и недаромъ Анна Ивановна поручала государственныя дѣла умнымъ и даровитымъ „птенцамъ“ Петровымъ. Благодаря имъ, во многихъ отношеніяхъ царствованіе Анны Ивановны можетъ назваться продолженіемъ славнаго царствованія ея великаго дяди: вообще жизнь русская двигалась впередъ и не была въ застоѣ. Русскій народъ въ это царствованіе терпѣлъ отъ неурожая, кромѣ того, отъ разныхъ случайныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ, отъ пожаровъ и отъ разбойниковъ; въ этомъ во всемъ, конечно, нельзя прямо винить тогдашнее правительство: несомнѣнно, оно принимало зависѣвшія отъ него мѣры къ облегченію народа. Въ дѣлахъ внѣшней политики правительство Анны Ивановны, если не во всемъ удачно, то во всякомъ случаѣ старалось поддерживать честь и значеніе Русскаго государства. Война съ Турціей при Аннѣ Ивановнѣ имѣла важный, всемірно-историческій смыслъ. Отъ собственнаго неискусства молодой еще русской дипломатіи и коварства союзниковъ, Россія не окончила этой войны такимъ выгоднымъ для себя миромъ, на какой бы имѣла право. Бѣлградскій договоръ, котораго, конечно, ни за что

бы не утвердилъ Петръ Великій, былъ плодомъ податливости Анны Ивановны своему любимцу. Но все-таки блестящія побѣды Миниха дали Русской державѣ то высокое политическое значеніе, которое заключало въ себѣ зародыши дальнѣйшихъ ея успѣховъ въ вѣковой борьбѣ христіанства съ магометанствомъ, Европы съ Азіей. Минихъ съ русскимъ войскомъ первый показалъ міру примѣръ, что возможно съ военными силами вступить въ предѣлы грозной Оттоманской Имперіи и тамъ одержать надъ нею побѣду. Мусульманская сила, до тѣхъ поръ представлявшаяся ужасною и непобѣдимою, сразу лишилась своего всеустрашающаго престижа.

III.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

I.

Цесаревна Елисавета.

Дѣтство Елисаветы.—Красота ея.—Воспитаніе.—Планы выдать ее въ замужество за французскаго короля или за французскаго принца крови.—Епископъ Любскій.—Отношенія Елисаветы къ Петру Второму.—Елисавета при избраніи Анны Ивановны.—Жизнь цесаревны въ царствованіе Анны Ивановны.—Елисавета во время регентства Бирона и правительницы Анны Леопольдовны. — Приготовленія къ перевороту. — Маркизъ Де-ля Шетарди и докторъ Лестокъ.

Елисавета родилась въ селѣ Коломенскомъ, 18 декабря 1709 г. День этотъ былъ днемъ торжественнымъ: Петръ въѣзжалъ въ Москву; за нимъ везли шведскихъ плѣнныхъ. Государь намѣревался тотчасъ праздновать полтавскую побѣду, но, при вступленіи въ столицу, его извѣстили о рожденіи дочери. „Отложимъ празднество о побѣдѣ и поспѣшимъ поздравить съ восшествіемъ въ міръ дочь мою, яко со счастливымъ предзнаменованіемъ вожделѣннаго мира“,— сказалъ онъ. Въ Успенскомъ соборѣ отслужено было благодарственное молебствіе; прослушавши его, царь отправился въ село Коломенское, гдѣ находилось его семейство. Онъ нашелъ Екатерину и новорожденнаго младенца здоровыми, и на радостяхъ устроилъ пиръ. Коломенскій дворецъ, хотя деревянный, былъ очень обширенъ и заключалъ въ себѣ 270 покоевъ съ тремя тысячами оконъ: было гдѣ собраться большому стеченію гостей. Къ пиру приглашены были привезенные царемъ шведскіе плѣнники. Внѣ дворца угощали нижнихъ чиновъ и

народъ; имъ выкатили нѣсколько бочекъ съ виномъ и поставили на столахъ закуски.

Будучи только восьми лѣтъ отъ роду, принцесса Елисавета уже обращала на себя общее вниманіе своею красотою. Въ октябрѣ 1717 года, царь Петръ возвращался изъ путешествія за границею и въѣзжалъ въ Москву. Обѣ царевны—Анна и Елисавета—встрѣчали родителя, одѣтыя въ испанскихъ нарядахъ. Тогда французскій посолъ замѣтилъ, что меньшая дочь государя казалась въ этомъ нарядѣ необыкновенно прекрасною.

Въ слѣдующемъ 1718 году, введены были ассамблеи, и обѣ царевны являлись туда въ платьяхъ разныхъ цвѣтовъ, вышитыхъ золотомъ и серебромъ, въ головныхъ уборахъ, блиставшихъ брилліантами. Уже тогда принцесса Елисавета обратила на себя вниманіе въ танцахъ. Въ то время, въ ассамблеяхъ въ ходу были танцы: англійскій кадриль, менуэтъ и польскіе танцы. Елисавета, кромѣ легкости въ движеніяхъ, отличалась находчивостью и изобрѣтательностью, безпрестанно выдумывая новыя фигуры. На-ряду съ нею славились въ танцахъ ея сверстницы по лѣтамъ, дѣвочки: Головкина, княжны—Черкасская, Кантемиръ и Долгорукая—будущая невѣста Петра II-го. Но изъ нихъ преимущество всѣ отдавали Елисаветѣ: такъ рѣшали шведскіе офицеры, учившіе танцовальному искусству; такъ говорилъ французскій посланникъ Леви, замѣтившій, что Елисавета могла бы назваться совершенною красавицею, еслибы у нея волосы не были рыжеваты. По обычаямъ того вѣка, танцы начинались въ 3 часа пополудни и продолжались до ночи. Въ ассамблеяхъ посѣтители не стѣснялись присутствіемъ дамъ и дѣвицъ; въ тѣхъ же покояхъ, гдѣ танцовали, пожилые люди играли въ карты и въ шахматы, курили табакъ, пили вино, закусывали, шумѣли, а иногда и бранились между собою. Въ слѣдующіе затѣмъ годы, обѣ царевны являлись въ публикѣ на прогулкахъ, зимою въ саняхъ, а лѣтомъ—на Невѣ, въ лодкахъ, одѣтыя въ нарядъ сардинскихъ корабельщиковъ—въ канифасныхъ кофтахъ, красныхъ юбочкахъ и небольшихъ круглыхъ шляпахъ. У обѣихъ на спинѣ были крылышки: такъ въ обычаѣ было одѣвать дѣвочекъ до ихъ совершеннолѣтія.

Воспитаніе царевны Елисаветы не могло быть особенно удачнымъ, тѣмъ болѣе, что мать ея была совершенно безграмотная. Но ее учили по-французски, и мать ей твердила, что есть важныя причины на то, чтобъ она лучше другихъ предметовъ обученія знала французскій языкъ. Разсказываютъ, что однажды, заставши дочь свою за чтеніемъ французскихъ книгъ, Петръ

сказалъ: „вы счастливы, дѣти; васъ въ молодыхъ лѣтахъ пріучаютъ къ чтенію полезныхъ книгъ, а я въ своей молодости лишенъ былъ и книгъ, и наставниковъ“. Царю Петру пришла мысль и засѣла въ головѣ на многіе годы – отдать дочь Елисавету за французскаго короля. Мысль эта зародилась у него въ 1717 году, когда онъ посѣщалъ Францію и видѣлъ малолѣтняго Людовика XV-го. Онъ тогда уже сообщалъ близкимъ къ себѣ людямъ предположеніе, какъ было бы кстати отдать за французскаго короля свою среднюю дочь. Первый разъ русскій царь, черезъ посредство князя Куракина, заявилъ объ этомъ французскому посланнику въ Гаагѣ, Шатонёву; но тогдашній регентъ королевства французскаго, руководимый своимъ первымъ министромъ Дюбоа, искалъ союза съ Англіею и опасался, родственнымъ союзомъ съ Россіею, причинить неудовольствіе англійскому королю. Въ послѣдующіе затѣмъ годы, когда шведскій министръ Герцъ хотѣлъ устроить примиреніе двухъ ожесточенныхъ враговъ—Петра І-го и Карла XII-го—съ планами, клонившимися къ ущербу Англіи и Австріи, регентъ Франціи еще болѣе сблизился съ англійскимъ королемъ и уклонился отъ союза съ Россіею. Послѣ Ништадтскаго мира, заключеннаго Россіею со Швеціею въ 1721 году, Петръ снова занялся мыслью отдать Елисавету за французскаго короля, но тутъ узналъ, что Людовика XV-го собрались сочетать бракомъ съ испанскою принцессою; тогда у Петра возникла мысль сочетать Елисавету съ какимъ-нибудь другимъ лицомъ французскаго королевскаго дома, и сначала онъ преддлагалъ посланнику французскому, Кампредону, отдать ее за герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго, а по случившейся скоро кончинѣ самого этого герцога—за герцога Бурбонскаго Кондэ, который, по смерти регента, герцога Орлеанскаго, сталъ первымъ министромъ во Франціи. Въ намѣреніи навязать Елисавету французскому королю укрѣпляло Петра то, что испанская принцесса, намѣченная въ жены Людовику XV-му, была удалена въ Испанію. Но Петръ умеръ въ январѣ 1725 года—и Елисавета, достигавшая шестнадцатилѣтняго возраста, провожала прахъ родителя въ могилу.

Мысль отдать Елисавету за французскаго короля преслѣдовалась и преемницею Петра, Екатериною Первою, и Меншиковъ. отъ имени своей государыни, заявилъ объ этомъ желаніи Кампредону. Онъ указывалъ на старинный примѣръ родственной связи французскихъ королей съ русскими государями, когда король Генрихъ I-й сочетался бракомъ съ дочерью великаго князя Ярослава кіевскаго; Меншиковъ представлялъ важныя

выгоды, какія получитъ Франція отъ союза съ Россіею, указывалъ, что, женивши короля на русской принцессѣ, можно будетъ дочь Станислава Лещинскаго отдать за герцога Бурбонскаго и, при содѣйствіи Россіи, посадить его на польскомъ престолѣ; наконецъ, Меншиковъ обѣщалъ, въ силу союза съ Франціею, военную помощь со стороны Россіи во всякомъ дѣлѣ, касающемся Франціи. Кампредонъ, съ своей стороны, посылалъ въ своихъ депешахъ изъ Петербурга извѣстія, клонившіяся въ пользу союза съ Россіею. Но въ предположеніи, что выдать Елисавету за Людовика XV-го не удастся, и король обратится въ другую страну за невѣстою, Екатерина, между прочимъ, изъявляла заранѣе согласіе отдать Елисавету за герцога Бурбонскаго и доставить ему польскую корону. Всѣ эти предположенія развѣялись какъ по вѣтру. Герцогъ Бурбонскій вѣжливо отклонилъ отъ себя родственныя связи съ Россіею, а французскій король вступилъ въ бракъ съ дочерью Станислава Лещинскаго, проживавшаго изгнанникомъ въ Германіи. Такимъ образомъ, прекратились попытки выдать Елисавету за французскаго короля или за какого-нибудь принца французской королевской крови. Пришлось искать для нея жениховъ въ другихъ странахъ.

Въ октябрѣ 1726 года, прибылъ въ Петербургъ принцъ Карлъ-Августъ, носившій титулъ епископа Любскаго, двоюродный братъ герцога Голштинскаго, только-что женившагося на старшей дочери Петра I-го, царевнѣ Аннѣ Петровнѣ. Императрица Екатерина стала прочить этого пріѣзжаго принца въ женихи своей второй дочери, Елисаветѣ. Между тѣмъ Остерманъ составилъ смѣлый, и, можно сказать, дикій планъ иначе устроить судьбу Петровой дочери. Онъ заявилъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта мысль сочетать принцессу Елисавету съ племянникомъ ея, Петромъ Алексѣевичемъ. Но, сознавая, что такая мысль противна православной церкви, Остерманъ прибѣгнулъ къ такому извороту: „супружеское сіе обязательство, предпринимаемое между близко сродными персонами, можетъ касаться только до однихъ подданныхъ, живущихъ подъ правительствомъ, но не до высокихъ государей и самовластной державы, которая не обязана исполнять во всей строгости свои и предковъ своихъ законы, но оные по своему изволенію и волѣ отмѣнять свободную власть и силу имѣютъ, особенно когда отъ того зависитъ благополучіе толь многихъ милліоновъ людей“ [1]). Государыня приказала узнать мнѣніе святѣйшаго синода: можетъ ли племянникъ вступить въ

[1]) Бантышъ-Каменскій, т. IV, стр. 68.

бракъ съ теткою? Синодъ отвѣчалъ, что это не можетъ быть дозволено ни божескими, ни человѣческими законами. Для успокоенія совѣсти, думали было отнестись съ такимъ вопросомъ ко вселенскимъ патріархамъ, но тутъ Екатерина умерла. Послѣ ея смерти открыто было ея (сомнительное) завѣщаніе, въ которомъ она, оставляя престолъ сыну казненнаго царевича Алексѣя, Петру, и назначая правителемъ государства, во время его малолѣтства, Меншикова, обѣимъ дочерямъ, кромѣ приданаго въ триста тысячъ рублей и единовременной выдачи по милліону рублей, опредѣлила во все время ихъ пребыванія въ Россіи, выдавать имъ ежегодно на содержаніе по сто тысячъ рублей, а Елисавета, по волѣ матери, должна была сочетаться бракомъ съ принцемъ епископомъ Любскимъ.

Но епископъ Любскій умеръ въ Петербургѣ въ іюнѣ 1727 г., а въ слѣдующемъ году скончалась старшая дочь Петра I-го, герцогиня голштинская Анна Петровна, и Елисавета Петровна осталась одна, безъ близкихъ родныхъ и руководителей; — ей было 18 лѣтъ. Двое знатныхъ жениховъ искали руки ея—Морицъ, принцъ саксонскій, и Фердинандъ, герцогъ курляндскій, человѣкъ уже очень старый для такой женитьбы. Елисавета отказала имъ обоимъ.

Молодой Петръ II нѣкоторое время былъ дружески расположенъ къ своей теткѣ, и Елисавета было совершенно овладѣла его сердцемъ. Англійскій посолъ Рондо писалъ, что Елисавета умѣла показать любовь ко всему, что̀ нравилось царю; такимъ образомъ, Петръ пристратился ко псовой охотѣ — и Елисавета также интересовалась этого рода забавою. Но скоро князь Алексѣй Долгорукій и сынъ его, Иванъ, успѣли охолодить взаимную привязанность между теткой и племянникомъ. Молодой камергеръ Бутурлинъ пріобрѣлъ особенное расположеніе Елисаветы. Сначала Петръ самъ полюбилъ его и пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго и чинъ генералъ-маіора, но потомъ ему представили въ дурномъ свѣтѣ отношенія Бутурлина къ принцессѣ, и Петръ возненавидѣлъ его. Онъ сталъ обращаться съ Елисаветою холодно. Когда, въ сентябрѣ 1728 года, Елисавета праздновала свои именины, царь не прибылъ къ обѣду, не дождался бала и уѣхалъ прочь. Тогда всѣ замѣтили, что царь сердитъ; но Елисавета, казалось, не обращала на это вниманія, весь вечеръ танцовала и была отмѣнно весела. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года, прусскій посолъ, Вратиславскій, предложилъ Елисаветѣ бракъ съ Карломъ, маркграфомъ бранденбургскимъ. Петръ отказалъ ему, не сносясь даже съ теткою. Весною слѣ-

дующаго 1729 года, Петръ покончилъ съ Бутурлинымъ, отправивши послѣдняго въ Украину съ полками.

Елисавета проживала въ селѣ Покровскомъ, теперь уже вошедшимъ въ черту города Москвы, но по временамъ ѣздила въ село Измайлово къ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, которая тамъ усердно занималась женскимъ хозяйствомъ: подъ ея наблюденіемъ ткались холсты, вышивались церковныя облаченія. Что касается до Елисаветы, то ея любимымъ занятіемъ было собирать сельскихъ дѣвушекъ, заставлять ихъ пѣть пѣсни, водить хороводы, и сама она принимала въ нихъ участіе съ своими придворными фрейлинами; зимою она каталась по пруду на конькахъ и ѣздила въ поле охотиться за зайцами. Она ѣздила часто также въ Александровскую слободу и полюбила это мѣсто, извѣстное въ русской исторіи тѣмъ, что тамъ Иванъ Васильевичъ Грозный совершалъ бо̀льшую часть своихъ мучительствъ. Елисавета приказала тамъ себѣ построить два деревянныхъ дворца на каменномъ фундаментѣ, одинъ зимній, другой лѣтній; близъ лѣтняго у воротъ была построена церковь во имя Захарія и Елисаветы, гдѣ Елисавета Петровна часто слушала богослуженіе. Проживая въ Александровской слободѣ, она занималась соколиною охотою и ѣздила въ пригородное село Курганиху, гдѣ былъ большой лѣсъ; тамъ производили ей въ забаву травлю волковъ. О масляницѣ собирались къ ней слободскія дѣвушки кататься въ салазкахъ, связанныхъ между собою ремнями; Елисавета заставляла ихъ пѣть пѣсни и угощала цареградскими стручками, орѣхами и маковою сбоиною. У нѣкоторыхъ жителей она воспринимала дѣтей отъ св. купели, и были такіе, что ей въ угоду перемѣняли свои родовыя прозвища. Елисавета развела тамъ фруктовый садъ, и то мѣсто, гдѣ былъ этотъ садъ, теперь уже застроенное домами, до сихъ поръ носитъ названіе Садовни. За пять верстъ кругомъ слободы, царевна потѣшалась охотой на лосей и оленей, и долго глубокіе старики вспоминали о ея житьѣ-бытьѣ въ этомъ тихомъ пріютѣ.

Въ эпоху воцаренія на русскомъ престолѣ Анны Ивановны, Елисавета Петровна, по словамъ иностранныхъ источниковъ, жила въ совершенномъ отчужденіи отъ современныхъ политическихъ дѣлъ. Но въ ту самую ночь, когда умеръ Петръ II-й ей было искушеніе предъявить свои права на корону. Былъ у нея придворнымъ врачомъ Лестокъ. Онъ былъ уроженецъ изъ Ганновера, вступилъ въ русскую службу при Петрѣ I-мъ и былъ имъ за что-то сосланъ въ Казань, а при Екатеринѣ I-й возвращенъ и опредѣленъ къ ея дочери, Елисаветѣ. Какъ врачу, по его

спеціальности, ему былъ всегда открытъ доступъ къ особѣ цесаревны. И вотъ, въ два часа ночи, вошелъ онъ къ ней въ спальню, разбудилъ и совѣтовалъ ѣхать въ Москву, показаться тамъ народу и заявить о своихъ правахъ на престолъ. Елисавета знать ничего не хотѣла; повидимому, ее тогда не увлекало еще обаяніе царствовать, а между тѣмъ у нея тогда уже была большая партія. Правда, знатные вельможи не слишкомъ ее уважали, припоминали увлеченія и, кромѣ того, считали ее незаконною дочерью, не имѣвшею права ни на какое наслѣдіе послѣ того, кого почитала она своимъ родителемъ. Но многіе гвардейскіе офицеры не смотрѣли на это, видѣли въ ней плоть и кровь Петра Великаго и толковали, какъ было бы кстати возвести Елисавету на престолъ, устранивши Анну Ивановну съ ея курляндскими друзьями. Елисавета считалась русскою по душѣ и по сердцу, — и всѣ, которые ненавидѣли иноземщину и стояли за русскій духъ, находили въ ней своего идола. Еслибъ Елисавета послушалась этого голоса ея сторонниковъ, то, конечно, Аннѣ Ивановнѣ не пришлось бы царствовать. Но цесаревна не сдѣлала тогда ни малѣйшаго шага въ свою пользу, и Анна Ивановна воцарилась. Эта государыня не терпѣла Елисаветы; Елисавета это знала, и первые годы царствованія Анны Ивановны продолжала удаляться отъ двора и проживала въ своей подмосковной. Только по волѣ императрицы она должна была переселиться въ Петербургъ, гдѣ у нея было два дворца—одинъ лѣтній загородный, близъ Смольнаго, другой зимній, въ рединѣ города [1]). Она должна была являться на балы и куртаги императрицы, и тамъ блистала она, какъ необыкновенная красавица. Когда китайскому послу, первый разъ прибывшему во дворецъ, сдѣлали вопросъ—кого онъ находитъ прелестнѣе всѣхъ женщинъ, онъ прямо указалъ на Елисавету. По описанію видѣвшей ее часто жены англійскаго посланника, лэди Рондо, у нея были превосходные каштановые волосы, выразительные голубые глаза, здоровые зубы, очаровательныя уста. Говорили, правда, что ея воспитаніе отзывалось небреженіемъ, но, тѣмъ не менѣе, она обладала наружными признаками хорошаго воспитанія: она превосходно говорила по-французски, знала также итальянскій языкъ и немного по-нѣмецки, изящно танцовала, всегда была весела, жива и занимательна въ разговорахъ. Какъ въ своемъ отрочествѣ, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ, она, при первомъ своемъ появленіи, поражала всѣхъ красотою, осо-

---

[1]) По однимъ источникамъ, онъ находился на Царицыномъ Лугу, близъ Павловскихъ казармъ, по другимъ—на Садовой, гдѣ нынѣ пажескій корпусъ.

бенно когда одѣта была въ цвѣтной „робѣ“ съ накрахмаленнымъ газовымъ чехломъ, усѣяннымъ вышитыми серебромъ цвѣтами. Ея роскошные волосы не обезображивались пудрою по тогдашней модѣ, а распускались по плечамъ локонами, перевитыми цвѣтами. Когда императрица угощала у себя плѣнныхъ французовъ, которые были привезены изъ Гданска, Елисавета Петровна очаровала ихъ всѣхъ своею любезностію, непринужденною веселостію и знаніемъ французскаго языка. Рѣшительно неподражаема была цесаревна въ русской пляскѣ, когда, въ веселые часы, забавлялась императрица съ своими шутами и шутихами въ отечественномъ пошибѣ. Императрица всегда обращалась съ цесаревною вѣжливо и любезно, но отъ Елисаветы не укрывалось, что Анна Ивановна не терпитъ ея, какъ своего тайнаго врага. Приближенные Елисаветы, въ особенности ея лейбъ-хирургъ Лестокъ, постоянно твердили о ея правахъ на престолъ и хотя она уклонялась отъ всякихъ заявленій съ своей стороны въ этомъ родѣ, но ею невольно должна была усвоиваться мысль, что Анна Ивановна царствуетъ неправильно, и корону слѣдовало бы возложить на голову дочери Петра I-го. Притомъ, обращеніе съ нею императрицы Анны стало отзываться высокомѣріемъ, такъ что Елисавета уже неохотно являлась во дворецъ ея, и когда хотѣла туда ѣхать, то прежде посылала справиться, пожелаютъ ли принять ее. Когда у императрицыной племянницы, Анны Леопольдовны, родился сынъ, принцъ Иванъ Антоновичъ, еще прежде своего рожденія предназначенный быть наслѣдникомъ престола, съ Елисаветою случилось событіе, которое должно было утвердить ее въ мысли, что русскіе люди ее любятъ болѣе своего правительства. Елисавета, по обычаю, должна была сдѣлать подарокъ родильницѣ. Она послала своихъ придворныхъ въ гостиный дворъ купить вазу для этого подарка. Купцы, узнавши, что ваза покупается для цесаревны, не взяли денегъ и предложили отъ себя ей въ подарокъ требуемую вазу: Елисавету считали руководительницею русской національной партіи и полагали на нее надежду возрожденія Руси [1]).

Въ послѣднее время царствованія Анны Ивановны наступило для Россіи сближеніе съ Франціею. Долгое время эти державы находились въ непріязненныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Но послѣ того, какъ французскій посланникъ въ Турціи, Вильнёвъ, принялъ на себя посредство заключенія мира Турціи

---

[1]) Вейдемейеръ: „Обзоръ“, т. II, стр. 127—140. — „Русская Бесѣда“ 1857 г., т. I, стр. 6.—Записки Желябужскаго, стр. 213.

съ Австріею и Россіею, императрица Анна Ивановна возобновила дипломатическія сношенія съ Франціею и отправила въ Парижъ посланникомъ князя Кантемира, а Франція назначила своимъ посланникомъ въ Петербургъ маркиза Де-ля Шетарди. Это былъ типъ французскаго аристократа XVIII вѣка, какъ бы самой природой созданный быть посланникомъ въ Россіи. Врожденная французамъ любезность въ обращеніи была въ немъ развита воспитаніемъ и, съ дѣтскихъ лѣтъ, салонами высшихъ круговъ; остроумный, щедрый до расточительности, всегда изящно одѣтый, напудренный—куда только онъ ни являлся, вездѣ оставлялъ по себѣ самое пріятное впечатлѣніе. Онъ особенно годился для тогдашняго высшаго русскаго общества, которое легкомысленно увлекалось наружностію и способно было сразу принять ее за внутреннее содержаніе. Онъ былъ отправленъ не столько оффиціальнымъ посломъ, сколько агентомъ и наблюдателемъ; во Францію доходили слухи, что въ Россіи существуетъ національная партія, недовольная управленіемъ Россіею въ рукахъ нѣмцевъ; Де-ля Шетарди долженъ былъ узнать о ней въ точности, сблизиться съ ея главными вожаками и настраивать ихъ къ произведенію переворота, который бы свергнулъ нѣмецкое господство и установилъ другое, благопріятное для Франціи. Де-ля Шетарди, въ январѣ 1740 года, въ первый разъ представился императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а затѣмъ цесаревнѣ. При свиданіи съ послѣднею, оба произвели другъ на друга пріятное впечатлѣніе. Французскій посланникъ открылъ у себя въ отелѣ самое широкое гостепріимство. Но нѣмцы, вездѣ не любившіе французовъ, какъ чуждую и, по характеру, противоположную имъ расу, старались внушить недовѣріе русскимъ сановникамъ; тѣ, зная, что при царскомъ дворѣ не долюбливаютъ вообще французовъ, держали себя осторожно по отношенію къ Де-ля Шетарди, и не мало труда и терпѣнія стоило ловкому дипломату побѣдить такую къ себѣ недовѣрчивость. Онъ успѣлъ, однако, настолько, что въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія уже сама Анна Ивановна лично склонялась на сторону Франціи.

Но умерла Анна Ивановна, съ которою, въ день смерти ея, Елисавета прощалась какъ сестра. Наступило короткое время регентства Бирона. Регентъ назначилъ принцессѣ Елисаветѣ на содержаніе по пятидесяти тысячъ въ годъ. Онъ часто къ ней ѣздилъ и бесѣдовалъ съ нею. Однажды, въ присутствіи другихъ, Биронъ произнесъ, что если принцесса Анна Леопольдовна сдѣлаетъ какую-нибудь попытку къ перевороту правленія— онъ вышлетъ ее вонъ изъ Россіи вмѣстѣ съ мужемъ и сыномъ и при-

гласитъ голштинскаго принца, внука Петра Великаго. Толковали тогда, будто у Бирона въ головѣ вертѣлась иная мысль—женить сына своего Петра на Елисаветѣ и доставить ей престолъ.

Но Биронъ былъ низвергнутъ; правленіе перешло въ руки Анны Леопольдовны и ея супруга, и не перестало по прежнему быть нѣмецкимъ. Гвардейцы не любили принца Антона; офицеры кричали: „когда низверженъ былъ Биронъ, мы думали—нѣмецкому господству приходитъ конецъ, а оно и до сихъ поръ продолжается, хотя съ другими особами". Составлялись и расходились соблазнительные анекдоты о правительницѣ, насчетъ ея дружбы съ саксонскимъ посланникомъ Линаромъ; разсказывались также анекдоты о высокомѣрномъ обращеніи нѣмцевъ-начальниковъ съ подчиненными-русскими, сожалѣли объ униженіи Россіи, вспоминали съ сочувствіемъ времена Петра Великаго и обращались сердцемъ къ дочери его, лаская свое воображеніе надеждою, что съ ея воцареніемъ настанутъ иныя, лучшія времена. И войско, и народъ забывали на время тягости Петрова царствованія и любили дочь суроваго, но умнаго царя; а Елисавета вела себя такъ, чтобы заставить любить себя и надѣяться отъ нея всякаго добра. Она не пряталась въ глубину царскихъ палатъ, какъ Анна Леопольдовна; она то и дѣло, что каталась по городу въ саняхъ и верхомъ, и повсюду встрѣчала знаки восторженной, непритворной любви къ себѣ. Въ ея дворцѣ былъ открытъ доступъ не только гвардейскимъ офицерамъ, но и рядовымъ; она сама ѣздила въ казармы, воспринимала у солдатъ дѣтей при крещеніи, при этомъ щедро ихъ обдаривала, хотя такая щедрость была для нея не легкимъ дѣломъ, и она входила въ долги. Лестокъ продолжалъ трубить ей въ уши свою одну и ту же многолѣтнюю пѣсню, что слѣдуетъ ей заявить свое право на наслѣдственный престолъ. Этотъ ревностный сторонникъ цесаревны явился въ домъ французскаго посольства, выпросилъ свиданіе съ Де-ля Шетарди, открылъ ему, что гвардія и народъ расположены къ цесаревнѣ, и есть возможность возвести ее на престолъ, а брауншвейгскую династію, со всѣми преданными ей нѣмцами, прогнать; цесаревна, ставши императрицей, войдетъ въ союзъ съ Франціею и всегда будетъ готова къ услугамъ этой державы, тѣмъ болѣе, что она сохранила сердечное воспоминаніе о томъ дѣтскомъ времени, когда родители готовили ее быть супругою французскаго короля; хотя она никогда не видала въ глаза Людовика XV, но тяготѣетъ къ нему душою, какъ къ давнему другу юности. Узнавши объ этомъ отъ Лестока, Де-ля Шетарди сообразилъ, что для него теперь самъ собою откры-

вается путь осуществить переворотъ, о которомъ ему сдѣланъ былъ намекъ въ инструкціи, въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ. Надобно, во что бы то ни стало, посадить Елисавету на престолъ, и тогда легко можно будетъ французскому королю заключить съ нею дружескій союзъ, и, такимъ образомъ, оторвать Россію отъ политическаго союза съ прирожденнымъ врагомъ Франціи—Австріею и образовать новый союзъ Франціи съ Россіею, Пруссіею и Швеціею противъ ненавистнаго Габсбургскаго дома.

Не смѣя идти далѣе въ своихъ замыслахъ, безъ указанія свыше, Де-ля Шетарди говорилъ, что посланникъ безъ инструкціи походитъ на незаведенные часы. Онъ отнесся къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, сообщилъ о слышанномъ отъ Лестока и о подмѣченномъ имъ самимъ въ Россіи и просилъ болѣе точныхъ указаній своему дѣлу. Въ отвѣтъ па свое представленіе, онъ получилъ порученіе увѣрить принцессу Елисавету въ готовности французскаго короля помочь ей. Тогда Франція задумала втянуть Швецію въ предпріятіе въ пользу Елисаветы. Швеція была уже наканунѣ разрыва съ Россіею, управляемою брауншвейгскою династіею. Въ Россіи образовалась партія, желавшая низвергнуть брауншвейгскую династію и возвести на престолъ Елисавету Петровну; поэтому не было ничего естественнѣе, какъ Швеціи объявить войну съ цѣлью доставить престолъ Елисаветѣ Петровнѣ, а Елисавета Петровна должна будетъ за то уступить Швеціи часть земель, завоеванныхъ отцомъ ея. Такой проектъ, отъ имени Франціи, тогда представленъ цесаревнѣ, но она отвергла его: „лучше, — сказала она, — я не буду никогда царствовать, чѣмъ куплю корону такою цѣною“. Услышавши такую рѣчь, французскій посланникъ не настаивалъ болѣе, оставляя времени и обстоятельствамъ содѣйствовать разрѣшенію этого вопроса.

Вскорѣ послѣ того, Де-ля Шетарди получилъ отъ своего правительства двѣ тысячи червонцевъ (22,423 франка), при посредствѣ дяди, служившаго при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, нѣкоего Маня (Magne). Изъ этой суммы Лестокъ выдалъ двумъ нѣмцамъ, Грюнштейну и Шварцу, часть для раздачи гвардейскимъ солдатамъ отъ имени цесаревны [1]). Первый изъ нихъ служилъ солдатомъ въ гренадерской ротѣ преображенскаго полка, второй былъ прежде придворнымъ музыкантомъ, а теперь занималъ какую-то должность въ Академіи наукъ за небольшое жалованье. Они сразу набрали тридцать преображенскихъ грена-

[1]) Вандаль: Louis XV et Elisabeth de la Russie, стр. 145.

деровъ, готовыхъ хоть въ огонь, хоть въ воду „за матушку цесаревну Елисавету Петровну“. Обо всемъ этомъ сообщилъ Лестокъ французскому посланнику при свиданіяхъ, устраиваемыхъ въ рощѣ, сосѣдней съ дачею, на какомъ-то изъ петербургскихъ острововъ, гдѣ посланникъ нанималъ себѣ лѣтнее помѣщеніе.

Слухъ объ этихъ затѣяхъ преждевременно дошелъ, однако, до Зимняго дворца. Польско-саксонскій посланникъ, Линаръ, котораго тогда правительница собиралась женить на своей любимицѣ, Юліаніи фонъ-Менгденъ, совѣтовалъ правительницѣ не церемониться съ Елисаветою, арестовать и заточить въ монастырь. „Никакой пользы изъ этого не произойдетъ“, — сказала Анна Леопольдовна: — „развѣ не останется чертенокъ, который намъ не будетъ давать покоя“? Она разумѣла принца голштинскаго, сына Анны Петровны, старшей дочери Петра Перваго. Тогда Линаръ совѣтовалъ арестовать и выслать изъ Россіи французскаго посланника, который заводитъ всѣ пружины противъ брауншвейгскаго дома. И на это не согласилась Анна Леопольдовна. Кто-то изъ прислуги подслушалъ этотъ разговоръ, его передали Елисаветѣ Петровнѣ, а Елисавета Петровна, разумѣется, предупредила Маркиза Де-ля Шетарди. Тогда французскій посланникъ вооружилъ всю свою посольскую прислугу, пожегъ бумаги, какія могли повредить ему при обыскѣ, и готовился выдерживать ночное нападеніе. Никто, однако, къ нему не являлся. Утромъ онъ былъ у Елисаветы, отъ нея поѣхалъ въ Зимній дворецъ, весь вечеръ тамъ веселился, любезничалъ, шутилъ и уѣхалъ на новое ночное свиданіе съ Лестокомъ и Воронцовымъ.

Лестокъ, мало сдержанный на языкъ, гдѣ-то проболтался и высказалъ ожиданіе, что скоро цесаревна сдѣлается императрицей. Вѣсть объ этомъ дошла до Остермана. Остерманъ поѣхалъ объясняться съ правительницею; но Анна Леопольдовна, желая устранить толки о грядущихъ опасностяхъ, сказала: „все это сплетни, мнѣ давно уже извѣстныя“. Тотчасъ она стала показывать Остерману платьица, сшитыя для малолѣтняго императора.

Не болѣе вниманія у правительницы имѣли представленія отъ супруга ея, который совѣдовалъ арестовать Лестока и замѣтилъ при этомъ, что гвардейскіе офицеры смотрятъ на него, принца, какъ-то исподлобья, а между тѣмъ оказываютъ уваженіе и любовь къ Елисаветѣ, и солдаты величаютъ ее „матушкою“. И на эти предостереженія Анна Леопольдовна махнула рукой. Тогда послѣдовало еще одно предостереженіе. Графъ

Левенвольдъ, собираясь ужинать, получилъ отъ кого-то свѣденія о замыслахъ цесаревны и ея приверженцевъ, записалъ полученныя свѣденія на бумагѣ, и, хотя было уже поздно, поспѣшилъ въ Зимній дворецъ. Правительница уже легла спать. Левенвольдъ передалъ записку ея камеръ-юнгферѣ и поручилъ довести ее до свѣденія правительницы. Камеръ-юнгфера вошла въ спальню со свѣчею и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробѣжала ее и произнесла: „спросите графа Левенвольда, не сошелъ ли онъ съ ума?“ Левенвольдъ воротился домой въ отчаяніи, а на утро поѣхалъ къ правительницѣ и сталъ уговаривать не пренебрегать грозящею опасностію. „Все это пустыя сплетни“,—сказала правительница: — „мнѣ самой лучше, чѣмъ кому-нибудь другому, извѣстно, что цесаревны бояться намъ нечего“ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, между правительницею и цесаревною господствовало полное согласіе и нѣжнѣйшая родственная дружба. Въ день рожденія цесаревны, въ декабрѣ 1740 года, правительница послала ей въ подарокъ дорогой браслетъ, а отъ лица малолѣтняго императора—осыпанную камнями, золотую табакерку съ гербомъ, и тогда же, къ довершенію вниманія къ дѣламъ цесаревны, указано было изъ соляной конторы выдать сорокъ тысячъ рублей на уплату долговъ цесаревны. Когда у правительницы родилась дочь, воспріемницею ея при св. крещеніи была цесаревна, вмѣстѣ съ герцогомъ мекленбургскимъ, отцомъ правительницы, котораго особу, за отсутствіемъ, представлялъ при совершеніи обряда князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій.

Между тѣмъ, открылись въ Финляндіи военныя дѣйствія между русскими и шведами. Въ-началѣ выгоды были на русской сторонѣ: фельдмаршалъ Ласси одержалъ надъ шведами побѣду и овладѣлъ крѣпостью Вильманстрандомъ. Но Де-ля Шетарди, услыша объ этомъ, послалъ курьера къ шведскому главнокомандующему, Левенгаупту, съ проектомъ манифеста въ такомъ смыслѣ, что Швеція предприняла войну съ цѣлью освободить Россію отъ господства ненавистныхъ для нея нѣмцевъ и доставить престолъ дочери Петра Перваго. Левенгауптъ издалъ такой манифестъ. Правительница читала его—и все-таки придавала болѣе вѣры наружному дружелюбію Елисаветы, чѣмъ явно угрожающимъ ей обстоятельствамъ. Этого мало. Графъ Головкинъ уговорилъ правительницу на смѣлый и опасный шагъ—объявить себя императрицей. Анна Леопольдовна легкомысленно приняла этотъ совѣтъ и стала готовиться къ торжеству, которое было назначено на день именинъ

[1]) Вейдемейеръ: „Обзоръ“, т. II, стр. 50.

правительницы, 9-го декабря. Но и сама Елисавета не слишкомъ торопилась въ своемъ предпріятіи, и отложила его до 6-го января будущаго 1742 года. Тогда предполагала она явиться предъ гвардейцевъ во время крещенскаго парада на льду Невы-рѣки и тамъ заявить свои права.

Французскій посланникъ, узнавши о такомъ колебаніи и откладываніяхъ, понялъ, что если люди, затѣвая что-нибудь важное, начнутъ откладывать свое предпріятіе на дальніе сроки, то могутъ, охладѣвши къ своему предпріятію, покинуть его вовсе. Де-ля Шетарди спѣшилъ объясниться съ цесаревной. Онъ пріѣхалъ къ ней во дворецъ въ то время, когда она воротилась съ прогулки въ саняхъ. Это было 22-го ноября.

— Я — сказалъ французскій посланникъ — пріѣхалъ васъ предупредить объ опасности. Я узналъ изъ вѣрнаго источника, что васъ хотятъ упрятать въ монастырь. Пока это намѣреніе отложили, но не надолго. Теперь же наступаетъ пора дѣйствовать намъ рѣшительно. Положимъ, что успѣха не будетъ вашему предпріятію. Вы въ такомъ случаѣ рискуете подвергнуться ранѣе той участи, какая неизбѣжно васъ постигнетъ мѣсяцемъ или двумя позже. Разница въ томъ, что если вы теперь ни на что не рѣшитесь, то лишите смѣлости друзей вашихъ на будущее время, а если теперь покажете съ своей стороны рѣшимость, то сохраните къ себѣ расположеніе друзей, и, въ случаѣ первой неудачи, они отомстятъ за нее и могутъ поправить дѣло.

— Если такъ, — произнесла Елисавета Петровна: — если ужъ ничего не остается, какъ приступить къ крайнимъ и послѣднимъ мѣрамъ, то я покажу всему свѣту, что я — дочь Петра Великаго.

II.

Достиженіе престола.

Вечернее свиданіе цесаревны съ Анной Леопольдовной.—Предостереженіе принца Антона-Ульриха.—Лестокъ въ трактирѣ.—Осмотръ оконъ въ Зимнемъ дворцѣ и въ палатахъ вельможъ.—Сборы приверженцевъ Елисаветы въ ея дворцѣ.—Поѣздь къ спасскимъ казармамъ.—Шествіе къ Зимнему дворцу.—Арестованіе брауншвейгской фамиліи.—Арестованіе вельможъ.—Признаніе Елисаветы императрицей.—Милости новой государыни.—Судъ и расправа надъ Остерманомъ, Минихомъ и другими приверженцами брауншвейгской династіи.

23-го ноября цесаревна отправилась въ Зимній дворецъ въ гости къ правительницѣ. Былъ куртагъ. Вечеромъ гости усѣлись за карточные столы; цесаревна тоже стала играть въ карты.

Вдругъ Анна Леопольдовна вызвала Елисавету Петровну изъ-за карточнаго стола, пригласила въ другую комнату, сказала, что получила изъ Бреславля письмо: ее предостерегаютъ, извѣщая, что цесаревна, съ своимъ лейбъ-хирургомъ Лестокомъ, при содѣйствіи французскаго посланника, замышляетъ произвести переворотъ; ей совѣтуютъ немедленно арестовать Лестока. Цесаревна показываетъ видъ изумленія, увѣряетъ, что ей въ голову не приходило ничего подобнаго, что она ни за что не нарушитъ клятвы въ вѣрности, данной малолѣтнему императору, что Лестокъ ни разу не бывалъ у французскаго посланника, что, если угодно, могутъ его арестовать, и черезъ то уяснится только ея невинность. Цесаревна расплакалась, бросилась къ правительницѣ въ объятія; Анна Леопольдовна, по своему добродушію, расплакалась сама и разсталась съ цесаревною при взаимныхъ увѣреніяхъ любви и преданности [1]).

Утромъ 24-го ноября, въ 10 часовъ, явился Лестокъ къ Елисаветѣ Петровнѣ и засталъ ее за туалетомъ. Онъ показалъ ей два сдѣланныхъ имъ карандашемъ рисунка: на одномъ представлена была цесаревна съ короною на головѣ, на другомъ—та же цесаревна въ монашеской рясѣ, а кругомъ нея—орудія казни. „Желаете ли“,—спросилъ онъ,—„быть на престолѣ самодержавною императрицею, или сидѣть въ монашеской кельѣ, а друзей и приверженцевъ вашихъ видѣть на плахахъ?“

Въ Зимнемъ дворцѣ принцъ Антонъ-Ульрихъ возобновилъ, въ послѣдній разъ, свои предостереженія супругѣ, и просилъ ее приказать разставить во дворцѣ и около дворца усиленные караулы, а по городу разослать патрули, однимъ словомъ, принять мѣры на счетъ опасныхъ замысловъ Елисаветы. „Опасности нѣтъ,— отвѣчала Анна Леопольдовна:—Елисавета ни въ чемъ невинна; на нее напрасно наговариваютъ, лишь бы со мною поссорить. Я вчера съ нею говорила; она поклялась мнѣ, что ничего не замышляетъ, и когда увѣряла меня въ этомъ, то даже плакала. Я вижу ясно, что она невиновна противъ насъ ни въ чемъ“.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Лестокъ собралъ своихъ единомышленниковъ на сходку, назначивъ трактиръ савояра Берлина, находившійся неподалеку отъ дворца цесаревны, а между тѣмъ далъ приказаніе въѣхать во дворъ ея дворца двумъ санямъ. Въ трактирѣ Лестокъ встрѣтилъ какого-то подозрительнаго человѣка,

[1]) La Cour de la Russie il y a cent ans, стр. 85. — Вейдемейеръ: „Обзоръ“ т. III, 51. — Записки Манштейна, стр. 251. — Пекарскій: „Маркизъ Де-ла Шетарди“, стр. 398.

зазвалъ его играть на билліардѣ, чтобы занять время, пока соберутся его единомышленники. Когда одинъ изъ послѣднихъ вошелъ, Лестокъ переглянулся съ нимъ, оставилъ своего партнера и вышелъ изъ трактира съ пришедшимъ; кажется, то былъ Де-Вальденкуръ, секретарь маркиза Де-ля Шетарди, передававшій Лестоку червонцы для раздачи гвардейцамъ [1]). На улицѣ встрѣтили они еще двоихъ господъ своего кружка, и Лестокъ отправилъ одного къ дому Остермана, другого къ дому Миниха—осмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, а самъ пошелъ къ Зимнему дворцу, осмотрѣлъ съ улицы окна, гдѣ, по его соображеніямъ, должны были находиться опочивальни правительницы и принца, нашелъ, что вездѣ уже темно, встрѣтилъ на площади возвращавшихся изъ домовъ Остермана и Миниха, и узналъ отъ нихъ, что въ этихъ домахъ также все темно, и всѣ тамъ спятъ покойно.

Тогда Лестокъ отправился къ цесаревнѣ—объявить, что никто въ городѣ не предвидитъ настоящей тревоги и пришло время дѣйствовать. Елисавета не ложилась. Было два часа ночи. Она молилась на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, прося благословенія своему предпріятію, и тутъ-то, какъ говорятъ, дала обѣтъ уничтожить смертную казнь въ Россіи, если достигнетъ престола. Въ ея дворцѣ собрались уже всѣ главные приверженцы и знать: любимецъ Разумовскій, камеръ-юнкеры Шуваловы — Петръ, Александръ и Иванъ, камергеръ Михайло Илларіоновичъ Воронцовъ, принцъ гессенъ-гомбургскій съ женою, Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, дядя покойной Анны Ивановны и тѣмъ самымъ близкій къ ея роду, но въ числѣ первыхъ перешедшій на сторону Елисаветы. Были здѣсь и другія особы, знавшія о заговорѣ, и въ томъ числѣ родственники Елисаветы, попавшіе изъ крестьянъ въ графы — Скавронскіе, Ефимовскіе, Гендриковы. Лестокъ, явившись къ цесаревнѣ, замѣтилъ, что она какъ-то опускается духомъ, сталъ ободрять ее и подалъ ей орденъ св. Екатерины и серебряный крестъ; она возложила на себя то и другое и вышла изъ дворца. У подъѣзда стояли приготовленныя для нея сани. Елисавета Петровна сѣла въ сани; съ нею помѣстился Лестокъ; на запяткахъ стали Воронцовъ и Шуваловы. Въ другихъ саняхъ помѣстились Алексѣй Разумовскій и Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ; три гренадера преображенскаго полка стали у нихъ на запяткахъ. Сани пустились по пустыннымъ улицамъ Петербурга къ съѣзжей преображенскаго полка, гдѣ нынѣ церковь Спаса Преображенія. Тамъ были казармы, которыя строились не такъ,

---

[1]) Позье, Записки, „Русская Старина“ 1870 года, т. I, стр. 87.

какъ теперь: тогда это были деревянные домики, исключительно назначенные для помѣщенія рядовыхъ; офицеры жили не въ казармахъ, а въ обывательскихъ домахъ, по квартирамъ.

Когда сани подкатили къ съѣзжей, стоявшій тамъ на караулѣ солдатъ ударилъ въ барабанъ тревогу, увидя неизвѣстныхъ пріѣзжихъ; но Лестокъ соскочилъ съ саней и распоролъ кинжаломъ кожу на барабанѣ. Тридцать гренадеровъ, знавшихъ заранѣе о заговорѣ, бросились въ казармы скликать товарищей именемъ Елисаветы. На этотъ зовъ многіе бѣжали къ съѣзжей избѣ, сами не зная, въ чемъ дѣло. Елисавета, выступивъ къ нимъ изъ саней, произнесла:

— Знаете ли, чья дочь я? Меня хотятъ выдать насильно замужъ или постричь въ монастырь! Хотите ли идти за мною?

Солдаты закричали:—Готовы, матушка! всѣхъ ихъ перебьемъ!

Елисавета произнесла:—Если вы такъ намѣрены поступать, то я съ вами и не иду!

Это охолодило порывъ солдатъ. Елисавета подняла крестъ и произнесла:

— Клянусь умирать за васъ, и вы присягните за меня умирать, но не проливать напрасно крови.

— На томъ присягаемъ!—завопили солдаты.

Арестовали дежурнаго офицера, иностранца Гревса. Всѣ солдаты подходили къ Елисаветѣ Петровнѣ и цѣловали крестъ, который она держала въ рукѣ; наконецъ, она произнесла: — Такъ пойдемте же!

Всѣ двинулись за нею въ числѣ трехсотъ-шестидесяти человѣкъ черезъ Невскій Проспектъ на Зимній дворецъ. Лестокъ отдѣлилъ четыре отряда, каждый въ 25 человѣкъ, и приказалъ арестовать Миниха, Остермана, Левенвольда и Головкина. Шествіе тянулось черезъ Невскій Проспектъ, а въ концѣ этой улицы, уже у Адмиралтейской площади, Елисавета почему-то вышла изъ саней и рѣшилась остальную дорогу до Зимняго дворца пройти пѣшкомъ, но не поспѣла за гренадерами. Тогда ее взяли на руки и донесли до Зимняго дворца [1]).

Прибывши ко дворцу, Елисавета неожиданно вошла въ караульню и сказала:

— И я, и вы всѣ много натерпѣлись отъ нѣмцевъ, и народъ нашъ много терпитъ отъ нихъ; освободимся отъ нашихъ мучителей! Послужите мнѣ, какъ служили отцу моему!

— Матушка!—закричали караульные: — что̀ велишь — все сдѣлаемъ!

---

[1]) Вандаль, Louis XV et Elisabeth de Russie. 157.

По однимъ извѣстіямъ [1]), Елисавета вошла во внутренніе покои дворца, прямо въ спальню правительницы, и громко сказала ей:—Сестрица! пора вставать!

По другимъ извѣстіямъ, цесаревна не входила сама къ правительницѣ, а послала гренадеровъ: тѣ разбудили правительницу и ея супруга, потомъ вошли въ комнату малолѣтняго императора. Онъ спалъ въ колыбелькѣ. Гренадеры остановились передъ нимъ, потому что цесаревна не приказала его будить прежде, чѣмъ онъ самъ не проснется. Но ребенокъ скоро проснулся; кормилица понесла его въ караульню. Елисавета Петровна взяла младенца на руки, ласкала и говорила: „Бѣдное дитя! ты ни въ чемъ невинно; виноваты родители твои!“ И она понесла его къ санямъ. Въ одни сани сѣла цесаревна съ ребенкомъ; въ другія сани посадили правительницу и ея супруга. Антонъ-Ульрихъ, нѣсколько времени послѣ того какъ его разбудили, былъ какъ ошеломленный, а потомъ сталъ приходить въ себя и началъ выговаривать супругѣ — зачѣмъ не слушала его предостереженій.

Елисавета возвращалась въ свой дворецъ Невскимъ Проспектомъ. Народъ толпами бѣжалъ за новой государыней и кричалъ „ура“. Ребенокъ, котораго Елисавета Петровна держала на рукахъ, услышавъ веселые крики, развеселился самъ, подпрыгивалъ на рукахъ у Елисаветы и махалъ ручонками. — „Бѣдняжка!“ — сказала государыня: — „ты не знаешь, зачѣмъ это кричитъ народъ: онъ радуется, что ты лишился короны!“ [2]).

Въ то же время арестовали въ своихъ домахъ и помѣщеніяхъ: Остермана, фельдмаршала Миниха, его сына, Левенвольда, Головкина, Менгдена, Темирязева, Стрѣшневыхъ, принца Людвига браунгвейгскаго — брата Антона (котораго прочили въ мужья цесаревнѣ), камергера Лопухина, генералъ-маіора Альбрехта и еще нѣкоторыхъ другихъ [3]). Остерманъ потерпѣлъ отъ арестовавшихъ его солдатъ оскорбленія за то, что сталъ-было обороняться и позволилъ себѣ неуважительно отозваться о цесаревнѣ Елисаветѣ. Говорили также, что съ Минихомъ обошлись грубо, а также съ Менгденомъ и его женою. Всѣхъ ихъ привезли во дворецъ Елисаветы Петровны, а въ 7 часовъ утра отправили въ крѣпость. Людвига Браунштвейгскаго не сажали въ крѣпость, предположивши заранѣе выслать его за границу.

Тотчасъ по возвращеніи Елисаветы Петровны къ себѣ во

---

[1]) Записки фельдмаршала Миниха, стр. 82.

[2]) Chantereau. Voyage fait en Russie, 1794 г., т. II, стр. 75—76.

[3]) Пекарскій. Маркизъ Де-ла Шетарди, стр. 401.

дворецъ, Воронцовъ и Лестокъ распорядились собрать знатнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и съ разсвѣтомъ стала являться тогдашняя знать на поклоненіе восходящему свѣтилу: показались—генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, кабинетъ-секретарь Бреверпъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, начальникъ тайной канцеляріи Ушаковъ... О фельдмаршалѣ Ласси сохранилось такое извѣстіе: на разсвѣтѣ разбудилъ его посланный отъ цесаревны и спрашивалъ: „Къ какой партіи вы принадлежите?"— „Къ нынѣ царствующей" —былъ отвѣтъ.—Такой благоразумный отвѣтъ избавилъ его отъ всякихъ преслѣдованій, и онъ тотчасъ отправился къ новой императрицѣ. Онъ поступилъ, какъ прилично было поступить иностранцу въ чужой землѣ. Другой иностранецъ, генералъ принцъ гессенъ-гомбургскій, какъ уже выше было сказано, примкнувшій къ заговорщикамъ заранѣе, до такой степени пріобрѣлъ довѣріе новой императрицы, что она поручила ему завѣдывать военными силами столицы и охранять въ ней порядокъ. Не такъ поступилъ тогда Петръ Семеновичъ Салтыковъ, бывшій дежурнымъ генералъ-адъютантомъ въ ночь переворота. Онъ зналъ о замыслахъ Елисаветы, но не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, и потому не присталъ открыто, а сохранилъ видимую вѣрность правительницѣ. Его арестовали и доставили во дворецъ Елисаветы: онъ упалъ предъ нею на колѣни. Его родственникъ, Василій Ѳедоровичъ, уже прежде заявившій свою вѣрность новой государынѣ и сидѣвшій въ саняхъ съ Разумовскимъ во время похода къ Зимнему дворцу, сказалъ ему: „вотъ ты теперь на колѣняхъ, а вчера глядѣть бы не захотѣлъ на насъ и всякое зло готовъ былъ намъ сдѣлать". Елисавета Петровна приказала замолчать Василію Ѳедоровичу; она не намѣрена была дѣлать попрековъ за медленность тѣмъ, которые, хотя не такъ рано, какъ другіе, покорились ей. Тогда графъ Бестужевъ занялся составленіемъ манифеста отъ имени государыни и присяжнаго листа. Сенатъ, синодъ, генералитетъ въ полномъ составѣ собрались во дворцѣ цесаревны и принесли по этому листу присягу на вѣрность. Новая государыня, надѣвъ на себя андреевскій орденъ, вышла на балконъ. Внизу, передъ дворцомъ, толпился народъ, горѣли костры, возлѣ которыхъ грѣлись люди. Тутъ Елисавета Петровна приняла присягу отъ конногвардейцевъ и другихъ гвардейскихъ полковъ. Воротившись въ свои внутренніе покои, государыня принимала пріѣхавшихъ къ ней съ поздравленіемъ знатныхъ дамъ, и на прин-

цессу гессенъ-гомбургскую собственноручно возложила орденъ св. Екатерины.

Въ началѣ третьяго часа по-полудни, Елисавета Петровна сѣла въ сани и поѣхала въ Зимній дворецъ. Кругомъ ея саней бѣжали, какъ и прежде, толпы народа съ радостными восклицаніями. Въ придворной церкви дворца отправлено было благодарственное молебствіе при пушечныхъ выстрѣлахъ, а потомъ прочитанъ былъ, составленный наскоро Бестужевымъ, манифестъ, отпечатанный на шести листахъ довольно сѣрой бумаги. Это былъ, такъ сказать, манифестъ предварительный, за которымъ долженъ былъ послѣдовать другой, полнѣйшій. Въ немъ, отъ имени новой императрицы, объявлялось во всеобщее свѣденіе, что „всѣ духовные и мірскіе чины, вѣрные подданные, особливо лейбъ-гвардіи полки, для пресѣченія всѣхъ происходившихъ и впередъ опасаемыхъ безпокойствъ и безпорядковъ, просили насъ, дабы мы, яко по крови ближняя, отеческій престолъ воспріять изволили“.

Тогда гренадеры преображенскаго полка просили императрицу принять на свою особу санъ капитана ихъ роты. Елисавета Петровна не только соизволила на это, но даровала дворянское достоинство всѣмъ состоящимъ въ ея ротѣ и вдобавокъ обѣщала надѣлить всѣхъ ихъ населенными имѣніями. Вся эта рота, состоявшая тогда въ числѣ трехсотъ-шестидесяти человѣкъ, наименована лейбъ-компаніею.

Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ къ присягѣ всѣхъ чиновъ людей во всей имперіи и о передѣлкѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ печатей. По всѣмъ городамъ имперіи приказано было въ церквахъ, съ утра до вечера, приводить къ присягѣ народъ всѣхъ сословій, кромѣ пашенныхъ крестьянъ. Надъ совершеніемъ обряда присяги посланы были наблюдать штабъ-и оберъ-офицеры гвардіи; имъ вмѣнялось въ особенную обязанность смотрѣть, чтобы духовнаго чина люди непремѣнно были приведены къ присягѣ, а о неприсягнувшихъ, какого бы они званія ни были, приказано было доносить.

Тогда послѣдовали разныя награды. На однихъ были возложены ордена, иные были повышены въ чинахъ. Вызваны были на свободу предъ новую государыню опальные прежняго царствованія Анны Ивановны, князья Долгорукіе — фельдмаршалы Василій и Михайло Владимировичи; томившіеся долго въ шлиссельбургскихъ казематахъ, потомъ отправленные въ Соловки, они привезены были въ Петербургъ еще по повелѣнію Анны Леопольдовны, а явившись къ Елисаветѣ, по ея воцареніи, получили

прежніе ордена и почести. Тогда повелѣла императрица возвратить изъ ссылки и возстановить въ ихъ правахъ князей Долгорукихъ: Николая, лишеннаго языка, Алексѣя и Александра, сосланныхъ въ Камчатку и Березовъ; кромѣ того, приглашены были ко двору: бывшая невѣста Петра II-го, княжна Екатерина Долгорукая, и Наталья Борисовна, вдова казненнаго Ивана Алексѣевича князя Долгорукаго. Первая выдана была за генерала Брюса; послѣдняя отреклась отъ чести быть при дворѣ и воспользовалась освобожденіемъ только для того, чтобы удалиться въ Кіевъ и поступить тамъ въ монастырь. Императрица освободила изъ заточенія несчастнаго кіевскаго митрополита Ванатовича, томившагося десять лѣтъ въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ за то, что, по незнанію, не отслужилъ молебствія въ годовщину вступленія на престолъ Анны Ивановны. Тогда же освободили Скорнякова-Писарева, графа Девіера, сосланныхъ въ Охотскъ Меншиковымъ въ 1727 году; Девіеръ снова сдѣланъ былъ генералъ-полицеймейстеромъ. Возвращены были также Сиверсъ и Флёкъ, сосланные въ Сибирь за то, что не пили за здоровье Анны Ивановны, не получивши вѣрнаго свѣденія о ея вступленіи на престолъ; возвратили свободу также и Соймонову, бывшему оберъ-прокурору сената, пострадавшему по дѣлу Волынскаго и сосланному въ Охотскъ. Не безъ труда нашли одного опальнаго временъ Анны Ивановны — человѣка очень близкаго новой императрицѣ. То былъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, сержантъ гвардіи, цальмейстеръ Елисаветы Петровны въ тѣ годы, когда она была цесаревной. При дворѣ Анны Ивановны стали говорить, будто онъ былъ любимцемъ цесаревны, и Анна Ивановна приказала сослать его въ Сибирь. По кончинѣ Анны Ивановны, Елисавета, будучи еще цесаревной, стала стараться о его освобожденіи, и по ея настоянію послѣдовало о томъ два указа— одинъ отъ курляндскаго герцога, въ короткое время его регентства, другой—отъ правительницы. Но долго не могли отыскать, гдѣ Шубинъ находился; наконецъ, по приказу, подписанному Минихомъ, его нашли гдѣ-то въ Камчаткѣ. Надобно было промѣрять 15.000 верстъ, пока Шубинъ успѣлъ бы воспользоваться своимъ освобожденіемъ и прибыть въ столицу. Но тогда уже совершился переворотъ: императрицею стала Елисавета. Онъ былъ принятъ привѣтливо, назначенъ маіоромъ гвардейскаго семеновскаго полка и генералъ-маіоромъ по арміи. Лестокъ былъ очень недоволенъ появленіемъ этого человѣка при дворѣ, потому что Лестокъ не былъ безгрѣшенъ по отношенію къ Шубину въ ту пору, когда Анна Ивановна наводила справки о Шубинѣ, съ на-

мѣреніемъ отправить его въ ссылку. Но теперь Елисавета не могла относиться къ Шубину, какъ прежде. Притомъ, и Шубинъ былъ уже не прежній: онъ одичалъ за нѣсколько лѣтъ житья въ камчатской пустынѣ, хотя и сохранилъ еще слѣды прежней красоты. Украшенный орденомъ Александра Невскаго, награжденный пожалованными ему имѣніями въ нижегородской губерніи, онъ уѣхалъ туда на покой, уразумѣвши, что ему нечего больше ждать при царскомъ дворѣ [1]). Въ концѣ 1741 года, послано предписаніе возвратить изъ ссылки герцога курляндскаго Бирона; императрица назначила ему жить, вмѣсто Пелыма, въ Ярославлѣ, опредѣливъ ему содержаніе въ 8,000 рублей въ годъ; было приказано возвратить ему право на владѣніе имѣніями въ Силезіи, отобранными у него во время ссылки и отданными Миниху. Братья герцога курляндскаго, Густавъ и Карлъ, сначала помѣщены были съ нимъ вмѣстѣ на житье, но вскорѣ потомъ Густавъ получилъ дозволеніе вступить на службу, а Карлъ — жить въ своихъ имѣніяхъ въ Курляндіи.

Сыпались милости на изгнанниковъ и опальныхъ прежнихъ царствованій, но на смѣну имъ послѣдовало осужденіе другихъ опальныхъ, бывшихъ сторонниковъ и дѣятелей царствованія Анны Ивановны. Брауншвейгской фамиліи — Антону-Ульриху, супругѣ его, Аннѣ Леопольдовнѣ, и дѣтямъ ихъ, въ числѣ которыхъ находился и бывшій малолѣтній императоръ Иванъ Антоновичъ, обѣщана была полная свобода и отпускъ за границу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было объявлено въ царскомъ манифестѣ 28 ноября. Въ этомъ манифестѣ слагались всѣ вины — какъ на главнаго козла отпущенія — на Остермана: онъ сочинилъ опредѣленіе о престолонаслѣдіи и поднесъ подписать императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, бывшей уже въ крайней слабости; онъ, вмѣстѣ съ Минихомъ, Головкинымъ и другими, побудилъ мекленбургскую принцессу взять незаконно въ свои руки правительство, и ей внушаемо было намѣреніе, при жизни сына своего, сдѣлаться императрицею всероссійскою. Императрица Елисавета, „не хотя причинять принцессѣ и ея семейству никакихъ огорченій, по своей природной милости, съ надлежащею имъ честью, предавъ всѣ ихъ предосудительные поступки крайнему забвенію — всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить всемилостивѣйше повелѣла“. Провожать отъѣзжающихъ до границы долженъ былъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ. Ему секретно приказано ѣхать медленно, и онъ привезъ брауншвейгскихъ принцевъ только 9 марта въ

[1]) Helbig. Russische Gunstlinge. 221—222.

Ригу. Здѣсь неожиданно получено было новое распоряженіе: открылось свѣденіе, что принцесса Анна Леопольдовна, будучи правительницею, хотѣла заключить въ монастырь принцессу Елисавету—и за это велѣно было задержать ихъ за карауломъ. Затѣмъ изъ Риги прислали донесеніе императрицѣ, будто принцесса Анна Леопольдовна собиралась изъ Риги убѣжать въ крестьянскомъ платьѣ; тогда императрица послала приказаніе всѣхъ ихъ посадить въ крѣпость и никуда не выпускать оттуда.

Послѣ того опала постигла Остермана, Миниха, Левенвольда, Головкина, Менгдена и второстепенныхъ лицъ, арестованныхъ въ одно время съ первыми. Остерманъ, арестованный въ своемъ домѣ у Исаакіевскаго собора, по отвозѣ въ крѣпость, былъ помѣщенъ тамъ очень дурно: бѣдный хилый старикъ, постоянно страдавшій болью въ ногахъ, заболѣлъ еще чѣмъ-то въ родѣ горячки. Императрица, какъ бы сжалившись надъ нимъ, приказала перевезти его въ Зимній дворецъ и содержать тамъ подъ строжайшимъ карауломъ. Надъ ними надъ всѣми учреждена была слѣдственная коммисія подъ предсѣдательствомъ князя Никиты Трубецкого. Остермана обвинили въ цѣломъ рядѣ преступленій. Важнѣйшими изъ нихъ были: зачѣмъ, по кончинѣ Петра Второго, содѣйствовалъ вступленію на престолъ герцогини курляндской Анны Ивановны, а не цесаревны Елисаветы Петровны; зачѣмъ былъ главнымъ виновникомъ казни Долгорукихъ въ Новгородѣ; зачѣмъ подалъ проектъ учинить правительницею государства герцогиню мекленбургскую, а нынѣшнюю императрицу предлагалъ засадить въ монастырь и устранить отъ наслѣдства молодого герцога голштинскаго. Остерманъ на все это отвѣчалъ только одно, что онъ былъ связанъ долгомъ и присягою соблюдать интересы существовавшаго правительства и предпочитать ихъ всему на свѣтѣ. Князь Трубецкой обвинялъ Миниха и, между прочимъ, ставилъ ему въ вину большую трату людей во время веденныхъ имъ войнъ; Минихъ приводилъ въ свое оправданіе свои донесенія, сохранившіяся въ военной коллегіи и укорялъ себя только въ томъ, что не повѣсилъ за казнокрадство Трубецкого, бывшаго во время турецкой войны главнымъ кригсъ-коммиссаромъ и уличеннаго въ похищеніи казеннаго достоянія. Императрица Елисавета присутствовала на допросѣ, сидя за ширмами, и, услыхавши слова Миниха, приказала тотчасъ отвести его въ крѣпость и прекратить засѣданіе.

Остермана и Миниха присудили къ жестокой карѣ: Остермана—колесовать, Миниха—четвертовать; прочихъ осудили на вѣчное заточеніе въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Когда Остерману поднесли обвинительный актъ, онъ сказалъ: „Я ничего не стану

представлять въ свое оправданіе. Несправедливо было бы требовать измѣненія приговора надъ собою: повинуюсь волѣ государыни".

Въ день, назначенный для исполненія приговора, 18 января 1742 года, на Васильевскомъ Острову, близъ зданія двѣнадцати коллегій (гдѣ нынѣ университетъ), устроенъ былъ эшафотъ. Шесть тысячъ солдатъ гвардіи и армейскій астраханскій полкъ составили карре́ для удержанія толпы. Привезли на крестьянскихъ дровняхъ больного Остермана. Позади его шли пѣшкомъ восемнадцать осужденныхъ; при каждомъ изъ нихъ—по солдату со штыкомъ. Всѣ они имѣли печальный видъ; одинъ Минихъ между ними шелъ бодро, щеголемъ, былъ выбритъ, напудренъ; на немъ былъ сѣрый кафтанъ, а сверху красный фельдмаршальскій плащъ, въ которомъ его видѣли не разъ въ походахъ.

Четыре солдата внесли Остермана на эшафотъ и положили его на-земь. Сенатскій секретарь прочиталъ приговоръ; палачи подтащили осужденнаго къ плахѣ, какъ вдругъ тотъ же секретарь вынулъ изъ кармана другую бумагу и громко произнесъ: „Богъ и великая государыня даруютъ тебѣ жизнь". Палачъ грубо оттолкнулъ Остермана ногой. Старикъ упалъ; солдаты снесли его съ эшафота и посадили въ извозчичьи сани.

За Остерманомъ Миниха взвели на возвышеніе. Готовясь къ смерти, онъ отдалъ провожавшему его унтеръ-офицеру кошелекъ съ червонцами. Но и ему объявили пощаду, и онъ, вмѣстѣ съ прочими, возвращался съ мѣста казни въ крѣпость такъ же спокойно и беззаботно, какъ шелъ на казнь.

Остермана сослали въ Березовъ — мѣсто заточенія Меншикова. Онъ прожилъ до 1747 года. Его сыновья, Ѳедоръ и Иванъ, бывшіе при отцѣ подполковниками гвардіи, были удалены Елисаветою капитанами въ армію. Впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, одинъ былъ сенаторомъ, другой получилъ должность канцлера. Дочь сосланнаго Остермана была выдана Елисаветою за подполковника Толстого, и ихъ дѣти положили начало фамиліи Остермановъ-Толстыхъ.

Левенвольда сослали въ Соликамскъ, оттуда, въ 1752 году перевели въ Ярославль, гдѣ онъ и умеръ. О немъ сохранились противорѣчивыя извѣстія: по однимъ—онъ показалъ себя трусомъ, по другимъ—онъ переносилъ свое несчастіе со стоическимъ терпѣніемъ. Также и о нравственныхъ качествахъ этой личности говорятъ различно. Дюкъ-де-Лиріа называетъ его коварнымъ и корыстолюбивымъ, Манштейнъ—человѣкомъ честнымъ.

Михайло Головкинъ сосланъ въ Германкъ (?)—такъ сказано

въ манифестѣ; но какъ такого мѣста нѣтъ, то одни полагаютъ, что это — Горынская слобода, туринскаго уѣзда, въ шестидесяти верстахъ отъ Пелыма. По другому толкованію [1]), его сослали въ Собачій Острогъ, Якутской области (нынѣ Среднеколымскъ). Менгдена увезли въ мѣсто, которое у Галема и у Бюшинга названо Алимо. Объясняютъ, что это долженъ быть Нижнеколымскъ. Тамъ и умеръ Менгденъ; тамъ умерли его жена и дочь, а сынъ былъ возвращенъ и явился въ Петербургъ уже въ царствованіе Екатерины II. О другихъ осужденныхъ извѣстно, что Темирязева послали въ Сибирь, безъ обозначенія мѣста, куда именно; бывшаго секретаря кабинета, Яковлева, разжаловали въ гарнизонъ, въ писаря. Миниху судьба благопріятствовала болѣе прочихъ. Протомившись двадцать лѣтъ въ чрезвычайно тяжеломъ заточеніи, онъ, будучи уже глубокимъ старикомъ, съ восшествіемъ на престолъ преемника Елисаветы, былъ возвращенъ къ прежнему почету и прожилъ нѣсколько лѣтъ на свободѣ.

Кромѣ сосланныхъ въ Сибирь, были еще лица, потерпѣвшія вслѣдствіе близости съ обвиненными. Такъ, капитанъ гвардіи Остенъ-Сакенъ былъ разжалованъ рядовымъ въ ревельскій баталіонъ и тамъ, черезъ тринадцать лѣтъ, умеръ безъ повышенія на службѣ,—за то, что пользовался расположеніемъ Миниха. Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, извѣстный при Петрѣ Великомъ своимъ посольствомъ въ Константинополь, во время случившагося переворота, управлялъ Малороссіею, и былъ вызванъ за то, что находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Остерманомъ. Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой хотѣлъ-было спровадить его въ Сибирь, въ ссылку, но Елисавета Петровна отправила его въ оренбургскій край, гдѣ онъ потомъ сдѣланъ былъ правителемъ.

III.

Эпоха силы и вліянія Лестока.

Пріѣздъ въ Россію голштинскаго принца, будущаго наслѣдника престола.—Поѣздка государыни въ Москву.—Коронованіе императрицы.—Пребываніе двора въ Москвѣ.—Шведская война.—Вмѣшательство Даніи.—Абовскій миръ.—Пребываніе ангальтъ-цербстской принцессы съ дочерью.—Лопухинское дѣло.—Лестокъ и Бестужевъ.—Высылка Де-ля Шетарди изъ Россіи.—Высылка принцессы ангальтъ-цербстской.

Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, Елисавета пригласила изъ Голштиніи молодого племянника, Карла-Ульриха, сына герцогини голштинской, царевны Анны Петровны. Въ день

[1]) Хмыровъ. Историческія статьи. Примѣчанія, стр. 398.

его пріѣзда въ Петербургъ, на него возложили орденъ св. Андрея Первозваннаго: императрица подарила ему дворецъ въ Ораніенбаумѣ и нѣсколько богатыхъ помѣстій въ Россіи. Преподаваніе закона божія и приготовленіе къ принятію православія поручено было отцу Симеону Тодорскому; обученіе русскому языку — Ивану Петровичу Веселовскому, исправлявшему при Петрѣ I разныя секретныя порученія; а профессоръ Академіи Штелинъ назначенъ былъ преподавать принцу математику и исторію. 15-го февраля, нареченнаго наслѣдника престола возили въ Академію, гдѣ Ломоносовъ поднесъ ему оду въ 340 стиховъ, написанную по случаю дня его рожденія.

Объявлено было во всенародное свѣденіе, что въ будущемъ апрѣлѣ въ Москвѣ будетъ отправлено священное коронованіе государыни — и 23-го февраля императрица со всѣмъ дворомъ выѣхала изъ Петербурга въ Москву. Начальства городовъ и селъ высылали рабочихъ людей на дорогу, по которой должна была слѣдовать государыня, и эти рабочіе разставляли по обѣимъ сторонамъ пути елки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроивали изъ нихъ подобіе проѣзжихъ воротъ. На ночь зажигались смоляныя бочки. Въ Новгородѣ, Валдаѣ, Торжкѣ, Твери и Клинѣ разставляли по пути императрицы обывателей — по правую сторону мужского, по лѣвую — женскаго пола. Съ приближеніемъ государыни, проѣзжавшей черезъ эти города, они должны были падать ницъ. Въ такомъ торжественномъ шествіи Елисавета доѣхала 26-го февраля до Всесвятскаго, а 28-го февраля былъ ея торжественный въѣздъ въ старую столицу прародителей; устроили пять тріумфальныхъ воротъ: у Земляного города, на Тверской, на Мясницкой, въ Китай-городѣ и на Яузѣ, у дворца императрицы. Государыня ѣхала въ каретѣ, запряженной восемью породистыми лошадьми; по бокамъ кареты слѣдовали ея вѣрные лейбъ-компанцы, и за ними — вереница камергеровъ, камеръ-юнкеровъ, служителей и гайдуковъ. За государыней вслѣдъ ѣхалъ наслѣдникъ престола, за нимъ — придворный штатъ.

Приходилось до Кремля ѣхать посреди еще свѣжихъ слѣдовъ пожара, нанесшаго Москвѣ страшное опустошеніе въ 1737 году: еще много домовъ и церквей стояли безъ крышъ. У кремлевской рѣшетки встрѣтилъ государыню преосвященный архіепископъ Амвросій съ духовенствомъ; въ привѣтственной рѣчи онъ восхвалилъ Елисавету Петровну, какъ возстановительницу попраннаго православнаго благочестія, и напомнилъ, что до ея вступленія на престолъ „не токмо учителей, но и ученіе и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что

въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и отворить уста было опасно". Послѣ обычнаго хожденія высочайшей особы по церквамъ и поклоненія кремлевской святынѣ, государыня уѣхала въ свой яузскій дворецъ, гдѣ наступили балы, куртаги, маскарады, а по вечерамъ зажигались потѣшные огни.

Скоро затѣмъ наступилъ великій постъ. Прекратились веселости. Запрещено было даже быстро ѣздить, и если у кого замѣчали слишкомъ горячихъ лошадей, то ихъ отбирали на царскую конюшню. Государыня проживала не въ одномъ яузскомъ дворцѣ, но иногда въ кремлевскомъ, а иногда въ своемъ селѣ Покровскомъ. Въ продолженіе великаго поста она посѣщала то одну, то другую церковь. Праздникъ Пасхи встрѣтила государыня въ Покровскомъ селѣ, въ новой церкви, только-что оконченной постройкою. 23-го апрѣля, переѣхала императрица въ кремлевскій дворецъ, а 25-го совершилось коронованіе по общепринятому чину. Тогда послѣдовало множество производствъ въ чины, пожалованій орденами, а родственники императрицы по матери— графскимъ достоинствомъ. При покойной государынѣ Аннѣ Ивановнѣ они были въ большомъ загонѣ: имъ запрещалось даже владѣть имѣніями. Двоюродный братъ Елисаветы, Скавронскій, человѣкъ безъ малѣйшаго воспитанія, назначенъ ею въ камергеры; двоюродная племянница государыни, Гендрикова, выдана была за Чоглокова, и этимъ бракомъ сразу подняла фамилію мужа. Бутурлинъ, бывшій еще при жизни Петра II-го любимцемъ Елисаветы, произведенъ въ полные генералы и посланъ управлять Малороссіею, хотя, кромѣ внѣшности, въ немъ никто не замѣчалъ никакихъ достоинствъ. 29-го апрѣля, императрица помѣстилась въ яузскомъ дворцѣ, и съ того дня пошли тамъ ежедневно парадные балы и маскарады. Гости являлись туда по билетамъ, и выдавалось каждый день по девятисотъ входныхъ билетовъ.

Въ Москвѣ праздникъ Пасхи прошелъ спокойно и весело, но въ Петербургѣ произошелъ безпорядокъ. Гвардейскіе солдаты за что-то повздорили на улицѣ съ армейскими; офицеры стали ихъ разнимать, и одинъ унтеръ-офицеръ изъ нѣмцевъ толкнулъ гвардейца; тотъ началъ скликать товарищей. Узнавши, что толкнувшій гвардейца былъ нѣмецъ, ожесточенные солдаты ворвались въ домъ, куда скрылся унтеръ-офицеръ, застали тамъ собравшихся офицеровъ-нѣмцевъ и ни за что избили ихъ. Начальствовавшій столицею, въ отсутствіе верховной власти, фельдмаршалъ Ласси усмирилъ волненіе и послалъ донесеніе императрицѣ; она дала приказаніе наказать своевольниковъ, но очень слабо; отъ этого

своеволіе гвардейцевъ усилилось, и Ласси принужденъ былъ, для удержанія порядка въ Петербургѣ, разставить по городу пикеты изъ армейскихъ солдатъ. Жители Петербурга нѣсколько дней были въ большомъ страхѣ, боялись отпирать свои дворы, а иные стали даже покидать свои дома и выбираться изъ Петербурга. Къ гвардейцамъ и особенно гренадерамъ преображенскаго полка благоволила государыня, потому что имъ обязана была своимъ вступленіемъ на престолъ; и когда Лестокъ сталъ было говорить императрицѣ о крайней необходимости обуздать лейбъ-компанцевъ, Елисавета Петровна раздосадовалась даже на Лестока [1]). Скоро, однако, своевольство отозвалось злою выходкою, направленною противъ личности самой государыни. Въ іюнѣ 1742 г., камеръ-лакей Турчаниновъ, преображенскаго полка прапорщикъ Ивашкинъ и измайловскаго полка сержантъ Сновидовъ, составили заговоръ умертвить Елисавету Петровну, а съ нею и наслѣдника престола, голштинскаго принца, и возвести снова на престолъ Ивана Антоновича. Дѣло странное, тѣмъ болѣе, что заговорщики были русскіе, а между тѣмъ въ низверженіи брауншвейгской династіи русское національное самолюбіе играло главную роль. По дѣлу, производившемуся надъ ними въ декабрѣ, оказалось, что они признавали Елисавету Петровну назаконнорожденною и, слѣдовательно, неправильно овладѣвшею престоломъ. Ихъ наказали кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, а у Турчанинова, кромѣ ноздрей, отрѣзали еще и языкъ, и всѣхъ сослали въ Сибирь [2]).

Весь 1742-й годъ императрица проживала въ Москвѣ, которая была ей ближе къ сердцу, чѣмъ кому-либо изъ царствовавшихъ особъ, потому что тамъ она провела лучшіе годы своей молодости. Между тѣмъ въ Финляндіи велась война со шведами. Въ мартѣ этого года, посылая туда свои войска, Елисавета Петровна обнародовала манифестъ, въ которомъ оправдывала себя въ настоящей войнѣ и обѣщала финляндцамъ относиться къ нимъ дружелюбно, если они, съ своей стороны, не будутъ показывать вражды къ русскому войску. Кромѣ того, если финляндцы пожелаютъ освободиться отъ владычества шведовъ и организоваться въ независимое государство, то Россія будетъ этому содѣйствовать и охранять ихъ своими военными силами; если же финляндцы не примутъ такого мирнаго предложенія русской государыни и станутъ помогать шведскому войску противъ русскихъ, то императрица прикажетъ разорять страну ихъ огнемъ и ме-

---

[1]) Hermann, т. V, стр. 185.

[2]) Hermann, т. V, стр. 23.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 200.

чемъ. Шведскимъ войскомъ командовалъ Левенгауптъ, сынъ извѣстнаго сподвижника Карла XII-го, воевавшаго въ Россіи, человѣкъ вполнѣ бездарный. 28-го іюня (1742 г.) русскіе взяли городъ Фридрихсгамъ. Шведы бѣжали. Изъ нѣкоторыхъ финляндскихъ волостей къ русскому главнокомандующему явились депутаты съ просьбою принять ихъ въ подданство Россіи [1]). Но то были единичные случаи. Въ большинствѣ, финляндцы оставались вѣрны Швеціи и въ концѣ 1742 года затѣвали учинить рѣзню надъ русскими войсками, размѣстившимися въ ихъ краѣ. Между тѣмъ въ Швеціи, гдѣ государство раздиралось враждебными другъ другу политическими партіями, возникла мысль заключить миръ съ Россіею, предоставивъ, послѣ недавно умершей королевы Ульрики-Елеоноры, престолъ ея мужу, а наслѣдникомъ ему избрать на шведскій престолъ голштинскаго принца, племянника русской императрицы. Предложеніе это сдѣлано было первый разъ шведскимъ генераломъ Лагеркроною, пріѣзжавшимъ для этого нарочно въ Москву, а по возвращеніи двора въ Петербургъ, снова съ этою цѣлью отправлена была туда шведская депутація; но голштинскій принцъ, въ качествѣ наслѣдника русскаго престола, 7-го ноября 1742 года, принялъ православіе и нареченъ великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ, а тѣмъ самымъ лишился своего права на шведскій престолъ, такъ какъ, по кореннымъ шведскимъ законамъ, шведскій король долженъ былъ исповѣдывать лютеранскую вѣру. Впрочемъ, самое соединеніе русской короны со шведскою, въ видахъ европейской политики, ни для кого не было желательно. Такимъ образомъ, шведское посольство уѣхало, не достигши своей цѣли, а Елисавета Петровна предложила въ короли шведскіе другого принца голштинскаго, Адольфа-Фридриха, носившаго титулъ любскаго епископа, брата того, который умеръ въ Россіи, бывши женихомъ Елисаветы Петровны. За этого принца въ Швеціи образовалась многочисленная партія; но тамъ явился и другой кандидатъ на шведскую корону — сынъ датскаго короля Христіана VI-го, Фридрихъ, датскій кронпринцъ (наслѣдникъ). И у него въ Швеціи явилось не мало сторонниковъ, особенно въ Далекарліи, гдѣ за него было крестьянское населеніе. Партія голштинскаго принца, покровительствуемая Россіею, взяла верхъ, потому что, въ случаѣ выбора принца голштинскаго, императрица обѣщала Швеціи возвратить часть Финляндіи, захваченной русскимъ оружіемъ. 27-го іюня 1743 года, принцъ Адольфъ-Фридрихъ избранъ былъ

---

[1]) „Петербургскія Вѣдомости" 1742 г.

наслѣдникомъ шведскаго престола, а въ августѣ того же года въ городѣ Або заключенъ былъ миръ съ Россіею, по которому Россія пріобрѣла въ Финляндіи крѣпости: Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ, Нислотъ съ провинціею Кименегердскою, приходъ Пильтенъ и всѣ мѣста при устьѣ рѣки Кимене, съ островами къ югу и западу отъ этой рѣки. Затѣмъ, во всемъ остальномъ, съ обѣихъ сторонъ положено хранить условія Ништадтскаго мира [1]).

Датскій дворъ долго еще не оставлялъ своихъ притязаній. Датскій кронпринцъ опирался на довольно значительную партію въ Швеціи. Поэтому русская императрица, охраняя права избраннаго, по ея желанію, кронпринца Адольфа-Фридриха, отправила флотилію съ дессантомъ, ввѣренную генералу Кейту. Русскія войска вступили на шведскій берегъ и расположились въ Зюдерманландіи и Остроботніи, занявши самый Стокгольмъ. Такъ стояло русское войско, готовое дѣйствовать оружіемъ противъ датчанъ и противъ шведовъ, не покорившихся новоизбранному будущему королю, пока, наконецъ, въ февралѣ 1744 года, датскій кронпринцъ отказался отъ притязаній на шведскую корону, и Данія признала права Адольфа-Фридриха.

Торжество принца голштинскаго, получившаго шведскую корону, было противно намѣреніямъ вице-канцлера Бестужева, который держался датской стороны и старался о предпочтеніи датскаго кронпринца голштинскому. Но онъ не могъ побѣдить родственнаго расположенія Елисаветы Петровны, находившейся въ дѣлахъ политики подъ сильнымъ вліяніемъ Лестока. Миръ со Швеціею на абовскомъ конгрессѣ заключенъ былъ по стараніямъ Лестока, который хотя лично тамъ не былъ, но заправлялъ всѣмъ дѣломъ изъ Россіи. Лестокъ прежде находился въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Бестужевымъ; рекомендаціи Лестока Бестужевъ былъ обязанъ своимъ вторичнымъ возвышеніемъ при Елисаветѣ; но дружба ихъ скоро охлаждалась, чему содѣйствовали различныя ихъ направленія по отношенію къ внѣшней политикѣ. Первый разъ столкнулись они въ датско-шведскомъ вопросѣ. Еще болѣе разъединило ихъ то, что Лестокъ былъ сторонникомъ Франціи и, какъ домашній врачъ, имѣлъ всегда доступъ къ государынѣ; пользуясь этимъ, онъ постоянно твердилъ ей о выгодности союза Россіи съ Франціею, — это не мѣшало, однако, тому же Лестоку получать пенсіонъ отъ Англіи, находившейся во то время въ войнѣ съ Франціею. Бестужевъ былъ сторонникомъ Австріи и Англіи, ненавидѣлъ прусскаго

---

[1]) Hermann, т. V, стр. 62.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 273.

короля, ненавидѣлъ и Францію, и, ссылаясь на депешу русскаго посланника при французскомъ дворѣ, князя Кантемира, старался увѣрить императрицу, что Франціи довѣрять ни въ чемъ не слѣдуетъ. Бестужевъ вооружалъ противъ Лестока любимца государыни, Разумовскаго, Воронцова и нѣкоторыхъ духовныхъ сановниковъ. Лестокъ, съ своей стороны, выискивалъ случая насолить Бестужеву и его роднымъ. Такой случай Лестоку скоро представился.

Кирасирскій поручикъ Бергеръ, родомъ курляндецъ, получилъ назначеніе находиться въ качествѣ пристава надъ Левенвольдомъ, пребывавшимъ въ ссылкѣ въ Соликамскѣ. Узнавши объ этомъ, придворная дама Лопухина, бывшая нѣкогда въ близкихъ отношеніяхъ съ Левенвольдомъ, поручила своему сыну, бывшему камеръ-юнкеромъ при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, передать черезъ Бергера, что графъ Левенвольдъ не забытъ своими друзьями и не долженъ терять надежды, что не замедлятъ наступить для него лучшія времена. Бергеръ сообщилъ объ этомъ Лестоку, а отъ послѣдняго получилъ приказаніе извѣдать подробнѣе, на чемъ это Лопухины основываютъ надежды, что участь Левенвольда перемѣнится къ лучшему. Тогда Бергеръ, вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ, капитаномъ Фалькенбергомъ, зазвали молодого Лопухина въ трактиръ, напоили—и у Лопухина развязался языкъ. Онъ началъ говорить о государынѣ: „она ѣздитъ въ Царское Село и беретъ съ собой дурныхъ людей... любитъ она чрезвычайно англійское пиво. Ей не слѣдовало быть наслѣдницею на престолѣ; она вѣдь незаконнорожденная—родилась за три года до вѣнчанія своихъ родителей. Нынѣшніе правители государственные —всѣ дрянь, не то что прежніе —Остерманъ и Левенвольдъ; одинъ Лестокъ только проворная каналія у государыни. Императору Іоанну прусскій король пособитъ, а рижскій гарнизонъ, что стережетъ императора и мать его, очень расположенъ къ императору Ивану Антоновичу. Нынѣшней государынѣ съ тремя-стами каналіями лейбъ-компанцевъ что̀ сдѣлать? Скоро, скоро будетъ перемѣна! Отецъ мой писалъ къ моей матери, чтобъ я никакой милости у нынѣшней государыни не искалъ“.

— Нѣтъ ли тутъ кого побольше?—спросилъ Фалькенбергъ.

— Австрійскій посолъ, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель,—отвѣчалъ Лопухинъ.

Поставленный къ допросу предъ генераловъ Ушакова, Трубецкого и Лестока, Лопухинъ во всемъ повинился. Онъ оговорилъ мать свою, что къ ней въ Москвѣ пріѣзжалъ маркизъ

Ботта и сказывалъ, что будетъ оказана помощь принцессѣ Аннѣ, и король прусскій также обѣщался.

Приведенная къ допросу Наталья Өедоровна Лопухина оговорила Анну Гавриловну, жену Михаила Бестужева, урожденную Головкину, бывшую прежде вдовою Ягужинскаго. Бестужева во всемъ повинилась, чтó на нее наговорили Лопухина и сынъ послѣдней, Иванъ. Призвали къ допросу отца Иванова, Степана Лопухина; онъ показалъ, что маркизъ Ботта говорилъ: „было бы лучше и покойнѣе, если бы принцесса Анна Леопольдовна властвовала". Сознавался и самъ Степанъ Лопухинъ, что и ему самому было желательно, чтобы принцесса по прежнему была правительницею, потому что онъ недоволенъ государынею за то, что оставленъ безъ награжденія чиномъ; онъ сознался и въ томъ, что говорилъ: „государыня-де рождена до брака", и прочія непристойныя слова произносилъ.

Подвергли пыткѣ на дыбѣ Степана Лопухина, жену его, сына ихъ Ивана и Бестужеву. Къ этому дѣлу привлечено было еще нѣсколько лицъ, обвиненныхъ въ томъ, что слышали непристойныя рѣчи и не доносили.

Учрежденное въ сенатѣ генеральное собраніе, съ участіемъ трехъ духовныхъ сановниковъ, постановило такое рѣшеніе: всѣхъ троихъ Лопухиныхъ колесовать, предварительно вырѣзавши имъ языки. „Лицъ, слышавшихъ и не доносившихъ—Машкова, Зыбина, князя Путятина и жену камергера Софію Лиліенфельдъ—казнить отсѣченіемъ головы; нѣкоторыхъ же, менѣе виновныхъ—сослать въ деревни. Императрица смягчила тягость кары, опредѣливъ—главныхъ виновныхъ, Лопухиныхъ и Бестужеву, высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, сослать въ ссылку, другихъ—также высѣчь и сослать, а все ихъ имущество конфисковать. Софія Лиліенфельдъ была беременна. Государыня приказала дать ей время разрѣшиться отъ бремени, а потомъ высѣчь плетьми и сослать. По поводу Софіи Лиліенфельдъ Елисавета Петровна собственноручно написала: „плутофъ наипаче желѣть не для чего, лучше чтобъ и векъ ихъ не слыхать, нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать" [1]).

Но такъ какъ въ это дѣло вмѣшали иностраннаго посла, то приходилось обвинять его передъ иностранною державою. Императрица поручила своему послу Лончинскому представить венгерской королевѣ о непозволительномъ поведеніи ея посла и про-

---

[1]) Соловьевъ, т. XXI, стр. 290.—„Лопухинское дѣло", см. „Русская Старина", т. XII, годъ 1874, сент., стр. 1—42.—Hermann, т. V, стр. 66, 72.

сить учинить надъ нимъ взысканіе. Марія-Терезія нѣсколько времени защищала Ботту, указывая на его прежнюю, вѣрную и добросовѣстную службу, но потомъ, въ угоду россійской императрицѣ, нуждаясь, притомъ, въ добромъ согласіи съ нею, приказала отправить Ботту въ Грацъ и держать тамъ подъ карауломъ. Спустя годъ послѣ того, россійская императрица сообщила венгерской королевѣ, что совершенно довольна правосудіемъ, учиненнымъ надъ Боттою, и не желаетъ для него строжайшаго наказанія, предоставляя волѣ венгерской королевы прекратить его заточеніе, когда ей тò будетъ угодно. Прусскій король Фридрихъ II, у котораго Ботта былъ посланникомъ отъ венгерской королевы, узнавши, что русская императрица обвиняетъ Ботту въ коварныхъ противъ Россіи замыслахъ, далъ Боттѣ совѣтъ самому оставить свой постъ въ Берлинѣ, а чрезъ бывшаго при немъ россійскаго посла Чернышева приказать сообщить императрицѣ Елисаветѣ дружескій сосѣдскій совѣтъ: для предотвращенія на будущее время зловредныхъ затѣй, удалить изъ Риги куда-нибудь подальше вглубь имперіи низложеннаго императора Ивана Антоновича и всю его фамилію. По этому совѣту послѣдовало высочайшее повелѣніе перевести брауншвейгскую фамилію въ Ораніенбургъ, городъ, принадлежавшій тогда къ воронежской губерніи, а нѣсколько времени спустя, въ 1744 году, лѣтомъ, указано было отправить ее въ Холмогоры и тамъ содержать Ивана Антоновича отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи. Черезъ два года послѣ того скончалась бывшая правительница Анна Леопольдовна; тѣло ея привезено было въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ. Императрица присутствовала при ея погребеніи и плакала.

Причины, побудившія Фридриха II-го такъ отнестись къ брауншвейгской фамиліи, связанной съ нимъ родственными узами, состояли въ томъ, что Фридрихъ хотѣлъ отвратить отъ себя опасность союза Россіи съ Маріей-Терезіей и, напротивъ, предупредить это и войти самому въ союзъ съ россійской государыней; онъ думалъ укрѣпить этотъ союзъ бракомъ какой-нибудь преданной ему принцессы съ наслѣдникомъ русскаго престола. Фридрихъ, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, Мардефельда, подкупилъ бывшаго при великомъ князѣ въ качествѣ воспитателя Брюммера и лейбъ-медика Елисаветы Петровны, Лестока, чтобы они старались отклонить бракъ великаго князя съ саксонскою принцессою Маріанною, что хотѣлъ тогда устроить Алексѣй Петровичъ Бестужевъ. Фридрихъ II-й предложилъ тогда въ супруги преемнику Елисаветы дочь находившагося у него на

службѣ, въ качествѣ коменданта города Штетина, князя ангальтъ-цербстскаго, пятнадцатилѣтнюю принцессу Софію-Августу-Фридерику. Кстати, мать этой принцессы, Іоанна-Елисавета, была урожденная голштинская принцесса, сестра шведскаго кронпринца, которому покровительствовала Елисавета Петровна, и другого принца, умершаго нѣкогда въ Россіи женихомъ цесаревны. Эта родственная близость служила однимъ изъ побудительныхъ средствъ расположить Елисавету къ этому брачному союзу. Третій братъ принцессы ангальтъ-цербстской, Фридрихъ-Августъ, пріѣхалъ въ Россію по рекомендаціи прусскаго короля и привезъ портретъ своей племянницы. Изображеніе очень понравилось Елисаветѣ, и когда Бестужевъ все еще думалъ расположить ее къ мысли женить наслѣдника на саксонской принцессѣ, она объявила ему, что находитъ лучшимъ избрать для наслѣдника россійскаго престола невѣсту не изъ знатнаго владѣтельнаго дома: тогда съ невѣстою пріѣхало бы въ Россію много иностранцевъ, которыхъ не долюбливаютъ русскіе. Императрица говорила, что не знаетъ болѣе подходящей невѣсты своему племяннику, какъ дочь принцессы ангальтъ-цербстской. Такъ съумѣлъ настроить Елисавету Лестокъ. Бестужевъ долженъ былъ замолчать. Въ февралѣ 1744 г., прибыла въ Россію принцесса ангальтъ-цербстская съ дочерью и получила приглашеніе ѣхать въ Москву, куда, въ началѣ 1744 г., переѣхала императрица съ дворомъ своимъ. Пріѣхалъ въ Россію снова и Де-ля Шетарди, пробравшись въ Петербургъ черезъ Швецію и Финляндію.

Принятая любезно, по родственному, императрицею, молодая невѣста будущаго ея преемника отдана была, для приготовленія къ принятію православной вѣры, отцу Симеону Тодорскому, а учить ее русскому языку приглашенъ былъ профессоръ академіи Ададуровъ. Де-ля Шетарди, приглашенный въ Москву, былъ принятъ такъ же ласково, какъ и прежде. Съ нимъ были документы, подававшіе ему право объявить себя уполномоченнымъ посломъ Франціи; но ему дана была секретная инструкція поудержаться съ выступленіемъ на оффиціальное поприще и нѣкоторое время оставаться простымъ посѣтителемъ Россіи, чтобы, пользуясь расположеніемъ императрицы, вывѣдать пути, какими можно было бы сломить противника союза съ Франціею, вице-канцлера Бестужева. Повидимому, Лестокъ успѣлъ подготовить для французскаго посланника поле дѣйствія. Лопухинское дѣло, въ которое замѣшана была невѣстка вице-канцлера, направлено было во вредъ обоимъ Бестужевымъ: вице-канцлеру Алексѣю Петровичу и его брату Михаилу. Однако вышло не такъ, какъ бы хотѣлось

Лестоку. Императрица не усомнилась въ вѣрности братьевъ Бестужевыхъ и считала ихъ обоихъ людьми умными и въ дипломатической сферѣ незамѣнимыми. Притомъ, когда противъ Бестужева былъ вліятельный у императрицы ея лейбъ-медикъ, за вице-канцлера стояли горою любимецъ государыни Разумовскій и Михайло Илларіоновичъ Воронцовъ, которому государыня оказывала все болѣе и болѣе довѣренности. Проницательный дипломатъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ расчелъ, что главный его врагъ — Де-ля Шетарди, и потому на него долженъ быть направленъ главный ударъ. Легкомысленность и неосторожность француза помогли интригѣ вице-канцлера. Въ Россіи вошло тогда въ обычай, занятый отъ прусскаго короля, перехватывать на почтѣ и просматривать корреспонденціи, дѣлая это такъ ловко, чтобъ не навлекать никакого подозрѣнія. На оффиціальномъ языкѣ это носило названіе „перлюстраціи". Вице-канцлеръ прибѣгнулъ къ такому средству; онъ вскрылъ депеши, отправляемыя Де-ля Шетарди изъ Россіи во Францію, и въ нихъ нашелъ, что французскій посланникъ отзывается неуважительно объ императрицѣ и обо всѣхъ ея правителяхъ. „Мы здѣсь — писалъ Де-ля Шетарди — имѣемъ дѣло съ женщиною, на которую ни въ чемъ нельзя положиться. Еще будучи принцессою, она не желала ни о чемъ бы то ни было мыслить, ни что-нибудь знать, а сдѣлавшись государынею—только за то хватается, что, при ея власти, можетъ доставить ей пріятность. Каждый день занята она различными шалостями: то сидитъ передъ зеркаломъ, то по нѣскольку разъ въ день переодѣвается,—одно платье скинетъ, другое надѣнетъ, и на такіе ребяческіе пустяки тратитъ время. По цѣлымъ часамъ способна она болтать о понюшкѣ табаку или о мухѣ, а если кто съ нею заговоритъ о чемъ-нибудь важномъ, она тотчасъ прочь бѣжитъ, не терпитъ ни малѣйшаго усилія надъ собою и хочетъ поступать во всемъ необузданно; она старательно избѣгаетъ общенія съ образованными и благовоспитанными людьми; ея лучшее удовольствіе—быть на дачѣ или въ купальнѣ, въ кругу своей прислуги. Лестокъ, пользуясь своимъ многолѣтнимъ на нее вліяніемъ, много разъ силился пробудить въ ней сознаніе своего долга, но все оказалось напрасно: — что въ одно ухо къ ней влетитъ, то въ другое прочь вылетаетъ. Ея беззаботность такъ велика, что если сегодня она какъ будто станетъ на правильный путь, то завтра опять съ него свихнется, и съ тѣми, которые у нея вчера считались опасными врагами—сегодня обращается дружески, какъ со своими давними совѣтниками". Изъ тѣхъ же депешъ оказывалось, что прусскій посолъ Мардефельдъ сообщилъ

ему, Де-ля Шетарди, внушеніе своего короля работать для свер-женія Бестужева, вмѣстѣ съ принцессою цербстскою, которая дала въ томъ обѣщаніе Фридриху II передъ отъѣздомъ своимъ изъ Берлина въ Россію. Де-ля Шетарди въ своей депешѣ писалъ, что Лестокъ преданъ ему душою, и для того, чтобы Лестока болѣе подогрѣть, онъ выпросилъ у Дальона (французскаго оффиціальнаго посла въ Россіи) сдѣлать Лестоку прибавку въ 2,000 руб. къ годичному пенсіону, получаемому отъ Франціи. Еще писалъ Де-ля Шетарди, что во вниманіе къ госпожѣ Румянцевой, преданной принцессѣ ангальтъ-цербстской, нужно давать ей пенсіонъ въ 1,200 рублей, а кромѣ нея—госпожѣ Шуваловой, въ 600 рублей. Де-ля Шетарди находилъ, что полезно было бы подкупить знатнѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и духовника императрицы. Доставши эти депеши, Бестужевъ представилъ копіи съ нихъ на воззрѣніе государыни. Елисавета сначала не повѣрила и произнесла: „Это ложь, это выдумка враговъ его, изъ нихъ же вы первый". Но Бестужевъ тутъ же показалъ ей подлинники,—и государыня ничего не могла возразить. Бестужевъ подалъ ей совѣтъ поступить съ Де-ля Шетарди какъ съ простымъ иностранцемъ, совершившимъ преступленіе, а отнюдь не такъ, какъ съ полномочнымъ лицомъ отъ французскаго короля, потому что онъ не предъявлялъ своихъ довѣрительныхъ писемъ. Воронцовъ, случившійся тутъ же, принялъ мнѣніе Бестужева. Государыня, взволнованная и оскорбленная, ничего не сказала, отошла прочь, но черезъ сутки дала приказаніе выпроводить Де-ля Шетарди изъ Россіи въ 24 часа. По приказанію императрицы, 6-го іюня, въ 6 часовъ утра, явился къ Де-ля Шетарди генералъ Ушаковъ съ нѣсколькими другими особами и объявилъ ему высочайшій приговоръ. Де-ля Шетарди сталъ-было объясняться, но ему показали экстрактъ изъ его депешъ. Тутъ онъ смѣшался и не зналъ, что̀ отвѣчать. Его немедленно увезли, къ большой радости Бестужева и англійскаго посланника Тироули, которому вниманіе россійской императрицы къ французскому дипломату стояло костью въ горлѣ [1]).

Къ дѣлу о Де-ля Шетарди явилась прикосновенною принцесса ангальтъ-цербстская. Ее не взлюбила съ перваго пріѣзда императрица, не полюбили ея вообще русскіе люди, да, какъ кажется, и собственная дочь ея не очень нѣжно ее любила. Послѣ высылки Де-ля Шетарди изъ Россіи, Елисавета вела съ

---

[1]) Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 191—196.—Соловьевъ, т. XXI, стр. 334.

нею наединѣ крупный разговоръ, послѣ котораго принцесса вышла отъ императрицы съ заплаканными глазами, и всѣ подумали тогда, что ей придется теперь убираться изъ Россіи; подозрѣвали даже, какъ бы такая же участь не постигла ея дочь-невѣсту, и тѣмъ болѣе, когда замѣтили, что нареченный женихъ ея, великій князь, относится къ ней довольно холодно. Однако этого не случилось. 21-го августа 1745 года совершена была свадьба великаго князя Петра Ѳедоровича съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и роскошью. Торжество продолжалось десять дней; но послѣ свадьбы, въ сентябрѣ того же года, принцессу цербстскую попросили уѣхать за-границу. Послѣдній случай, побудившій къ ея высылкѣ изъ Россіи, было несогласіе между ея братьями. Одинъ изъ нихъ былъ кронпринцъ шведскій; онъ жилъ въ Швеціи, но не оставался безъ участія въ дѣлахъ, хотя еще живъ былъ король, котораго онъ считался преемникомъ. Подъ вліяніемъ жены своей, сестры прусскаго короля, онъ перешелъ къ партіи, нерасположенной къ Россіи и искавшей союза съ Франціею и Пруссіею. Другой его братъ, Августъ, пріѣхалъ въ Россію искать мѣста администратора въ Голштиніи. Дать это мѣсто ему или кому другому зависѣло отъ наслѣдника русскаго престола—настоящаго герцога и владѣтеля Голштиніи. А это мѣсто до сихъ поръ временно занималъ братъ Августа, шведскій кронпринцъ. Принцесса ангальтъ-цербстская, расположенная болѣе къ брату-кронпринцу, чѣмъ къ Августу, приняла послѣдняго худо, а между тѣмъ Бестужевъ перехватилъ переписку между принцессою и кронпринцемъ; изъ нея видно было, что принцесса выражала недовольство милостями россійской императрицы и ея дарами. 20-го сентября того же 1745 года, выпроводили принцессу ангальтъ-цербстскую, давши ей на дорогу 50,000 рублей и два сундука съ разными драгоцѣнностями, а великій князь отъ себя послалъ подарки тестю. Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ удалилъ многихъ голштинцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію вслѣдъ за великимъ княземъ. Удаленъ былъ (въ 1746 году) и принцъ Августъ, впрочемъ, добившись своего и получившій мѣсто администратора въ Голштиніи, ради чего онъ и пріѣзжалъ въ Россію.

IV.

Могущество Бестужева.

Бестужевъ — великій канцлеръ. — Вице-канцлеръ Воронцовъ. — Причины довѣрія императрицы къ Бестужеву.—Великій князь и великая княгиня.—Два двора въ Россіи —старый и молодой. — Два направленія тогдашней политики.—Договоръ Россіи съ Австріею и Англіею.—Походъ русскаго войска въ Европу.—Заключеніе Ахенскаго мира.—Удаленіе Воронцова.—Бестужевъ дѣйствуетъ противъ Лестока.—Охлажденіе Елисаветы къ Лестоку.—Неосторожный поступокъ Лестока.—Арестъ, пытка и ссылка Лестока.—Сила Шуваловыхъ.

Бестужевъ просилъ объ опредѣленіи Воронцова въ прежнее свое званіе вице-канцлера, самъ получивши отъ государыни званіе великаго канцлера. Бестужевъ надѣялся найти въ немъ полезнаго сотоварища, такъ какъ Воронцовъ, издавна близкій къ государынѣ, какъ камергеръ двора ея и содѣйствовавшій вступленію ея на престолъ, могъ съ нею чаще видѣться и подавать ей доклады. Но Воронцовъ, давно уже расположенный къ Франціи, которую Бестужевъ ненавидѣлъ, долженъ былъ на дипломатическомъ полѣ, рано или поздно, стать противникомъ Бестужева; однако видимая размолвка между ними еще не наступила. Бестужевъ достигъ полнаго могущества въ Россіи. Нельзя сказать, чтобъ императрица любила этого человѣка и находила пріятность въ бесѣдѣ съ нимъ. Онъ держался въ силѣ при Елисаветѣ единственно только тѣмъ, что государыня, преданная забавамъ и удовольствіямъ, была довольна, что находился человѣкъ, способный взять на себя всю тяготу долго думать о важныхъ дѣлахъ и тѣмъ самымъ освободить ее отъ этого бремени. Знавшіе близко тогдашній дворъ и образъ жизни государыни сообщаютъ согласно, что проходили цѣлые мѣсяцы, пока министръ могъ быть допущенъ къ докладу; но и тогда государыня, бросаясь на иностранныя депеши, искала, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь любопытнаго или интереснаго; иногда оставляла важныя бумаги у себя и обѣщала повнимательнѣе прочитать ихъ,—на самомъ же дѣлѣ никогда не читала и даже забывала про нихъ. Каждый вторникъ устраивался во дворцѣ маскарадъ, въ которомъ, для забавы мужчины наряжались женщинами, а женщины —мужчинами; въ другіе же дни игрались спектакли: императрица очень любила французскія комедіи и итальянскія оперы. Всѣ имѣвшіе доступъ ко двору, хотя бы и не занимавшіе должностей по военной и гражданской службѣ, обязаны были являться въ ма-

скарадные вторники, и когда однажды государыня замѣтила, что гостей у нея что-то мало, то разослала гофъ-фурьеровъ—узнать, что̀ за причина такого отсутствія, и приказала замѣтить, что за подобное невниманіе виновные будутъ обложены пенею 50 рублей съ персоны.

Если въ комъ Бестужевъ могъ встрѣтить себѣ опасное соперничество, то развѣ въ молодой великой княгинѣ, которая отличалась необыкновеннымъ умомъ, неподражаемымъ искусствомъ со всѣми уживаться и всѣмъ вокругъ себя управлять. Ея супругъ, великій князь, наслѣдникъ русскаго престола, капризный до наивности и человѣкъ ума чрезвычайно мелкаго, принужденъ былъ, самъ того не сознавая и не желая, находиться во власти жены своей. Съ дѣтства воспитанный въ лютеранской религіи, онъ принялъ православіе по крайней необходимости, въ качествѣ преемника россійской императрицы на престолѣ, но въ своей наивной откровенности не удерживалъ передъ другими своихъ мыслей и чувствованій, и дозволялъ себѣ часто отзываться съ пренебреженіемъ объ обрядахъ православной церкви; сверхъ того, кстати и некстати, твердилъ о превосходствѣ нѣмцевъ передъ русскими. Когда онъ услыхалъ о кончинѣ стараго шведскаго короля, котораго престолъ долженъ былъ занять кронпринцъ Адольфъ-Фридрихъ, онъ передъ русскими съ соболѣзнованіемъ вспоминалъ, какъ шведскіе чины хотѣли было избрать будущимъ королемъ его, Петра Ѳедоровича, и громко жалѣлъ, что не удалось ему быть королемъ въ цивилизованной странѣ, вмѣсто того чтобы изнывать въ Россіи, гдѣ онъ постоянно чувствуетъ себя какъ бы въ неволѣ. Совсѣмъ не такова была его супруга. Принявши православіе, конечно также по необходимости, она вела себя такъ, что никто не осмѣливался говорить, что она приняла его неискренно. Она не только не показывала, подобно своему супругу, презрѣнія къ русской народности—напротивъ, основательно выучилась русскому языку, любила говорить и писать на этомъ языкѣ; все русское ее занимало; все, что было хорошаго въ Россіи, было для нея мило и любезно. Она какъ будто вся переродилась въ русскую женщину, и уже въ ту пору просвѣчивалась въ ней та могущественная Екатерина, которою стала она впослѣдствіи въ глазахъ всего міра.

Образовалось въ Россіи два царскихъ двора: одинъ—императрицы, носившій названіе стараго или большого, другой—называемый малымъ или молодымъ—дворъ наслѣдника престола, а на самомъ дѣлѣ—его супруги. Бестужевъ сначала принадлежалъ къ большому двору и былъ какъ бы противникомъ великой кня-

гини. Но Екатерина была такъ умна и такъ хитра, что способна была провести десять Бестужевыхъ, при всей ихъ дипломатической тонкости. Никто, подобно ей, съ такою сдержанностію и самообладаніемъ, не умѣлъ, когда нужно, скрывать свои чувствованія и находить удобное время, когда можно проявить ихъ. Современемъ, какъ мы увидимъ, Екатерина совершенно овладѣла старымъ канцлеромъ и сдѣлала его своимъ покорнымъ слугой.

Два направленія тогдашней политики раздѣляли государственныхъ людей на двѣ стороны; одни желали союза Россіи съ Австріею и Англіею; другіе наклонны были къ союзу съ Франціею, и даже съ Пруссіею, находившеюся тогда съ Франціею въ союзѣ. Бестужевъ принадлежалъ къ первой сторонѣ; Воронцовъ и Лестокъ — къ послѣдней. Бестужевъ въ ту пору подружился съ австрійскимъ посланникомъ и въ то же время находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ представителямъ Англіи, которые въ Петербургѣ смѣняли быстро одинъ другого. Бестужевъ представлялъ императрицѣ о выгодахъ предпочесть всякимъ другимъ союзамъ союзъ съ Австріею и Англіею, и на ту пору взялъ верхъ: Россія въ 1747 году заключила оборонительный договоръ съ Австріею и Англіею, и россійская императрица обязалась отправить тридцать тысячъ вспомогательнаго войска на помощь венгерской королевѣ противъ прусскаго короля, Франціи и Испаніи. Это войско снаряжено было въ Лифляндіи и вступило въ Германію подъ главною командою князя Репнина. Походъ этотъ не ознаменовался военными подвигами, но имѣлъ то важное значеніе, что содѣйствовалъ скорѣйшему заключенію Ахенскаго мира, прекратившаго въ Европѣ войну за австрійское наслѣдство, которая широко уже разыгралась не только въ Европѣ, но и въ отдаленныхъ краяхъ Новаго Свѣта.

Бестужевъ, поставивши на своемъ въ дѣлахъ внѣшней политики, сталъ всемогущимъ человѣкомъ въ Россіи, и захотѣлъ удалить отъ государыни и отъ вліянія на дѣла Воронцова и Лестока. Воронцова устранили на время очень деликатно: онъ получилъ дозволеніе путешествовать по Европѣ съ цѣлью совершить свое образованіе; то было давнее его собственное желаніе. Съ Лестокомъ у Бестужева расправа была рѣзче: Бестужевъ не забылъ, какія непріятности учинилъ Лестокъ близкимъ роднымъ канцлера по Лопухинскому дѣлу. Сначала Бестужевъ съумѣлъ подѣйствовать на императрицу такъ, что она, вообще очень измѣнчивая въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ къ людямъ, стала обращаться съ Лестокомъ холоднѣе прежняго, и такъ мало цѣнить его, что, когда Бестужевъ доложилъ ей, что Лестокъ получаетъ пенсіонъ

отъ Франціи, Елисавета Петровна насмѣшливо сказала: „вольно французамъ тратить деньги по пустому; Лестока я совсѣмъ не слушаю, да и говорить себѣ слишкомъ много не позволяю". Когда же ей донесли, что Лестокъ часто видится съ прусскимъ посланникомъ и получаетъ отъ него пенсіонъ, императрица приказала надзирать за Лестокомъ, но все-таки не рѣшалась придраться къ нему безъ явныхъ уликъ. Тогда Бестужевъ прибѣгнулъ къ другой уловкѣ: онъ представилъ государынѣ, что считаетъ небезопаснымъ оставлять при высочайшей особѣ, въ качествѣ врача, человѣка, способнаго сдѣлать ей вредъ. Императрица не разсердилась за это на канцлера, но не придала ему и полной вѣры, а только сказала ему, что будетъ съ большою осторожностью принимать лекарства отъ Лестока. Къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Лестока канцлеръ все еще не могъ побудить императрицу: видно, воспоминаніе о прежнихъ услугахъ Лестока останавливало ее. Наконецъ, самъ Лестокъ неожиданно подалъ противъ себя поводъ.

20-го декабря 1748 года, Лестокъ, вмѣстѣ съ третьею своею женою, Анною Менгденъ (сестрою Юліаны Менгденъ) былъ въ гостяхъ у одного прусскаго купца. Тамъ же были гостьми: секретарь Лестока капитанъ Шапюзо̀, шведскіе послы при петербургскомъ дворѣ, Волькенстіерна и Гепкенъ, и жена прусскаго посла, графиня Финкенштейнъ. Послѣ обѣда, въ наступающія зимнія сумерки, Шапюзо̀ вышелъ изъ дома и примѣтилъ одѣтаго дурно, въ ливреѣ, неизвѣстнаго ему человѣка; уже нѣсколько дней Шапюзо̀ замѣчалъ, что этотъ человѣкъ постоянно бродитъ около дома. Шапюзо̀ угрожая ему шпагою, принудилъ его войти съ собою въ домъ того купца, гдѣ находился Лестокъ съ другими гостьми. Лестокъ предложилъ неизвѣстному 50 рублей, если онъ откровенно скажетъ, кто онъ такой и кто его посылаетъ шпіонить. Неизвѣстный упорствовалъ и увѣрялъ, что ни отъ кого не получалъ порученія шпіонить. Лестокъ приказалъ позвать изъ своего караула унтеръ-офицера и гренадера и хотѣлъ заставить батогами неизвѣстнаго открыть—кто онъ такой. Тогда неизвѣстный объявилъ, что онъ—человѣкъ какого-то гвардейскаго офицера, который поручилъ ему наблюдать за каждымъ шагомъ Лестока и Шапюзо̀. Лестокъ тотчасъ поѣхалъ во дворецъ, упалъ къ ногамъ императрицы, увѣрялъ въ своей всегдашней вѣрности и преданности и просилъ удовлетворенія за оскорбленіе. Елисавета выслушала его ласково, просила потерпѣть и обѣщала изслѣдовать дѣло. Успокоенный Лестокъ отправился отъ государыни въ домъ

того же прусскаго купца, гдѣ оставилъ другихъ собесѣдниковъ, и пробылъ тамъ до полуночи.

Между тѣмъ Елисавета дала приказаніе арестовать и отвезти въ крѣпость Шапюзо и четырехъ служителей Лестока, о которыхъ предполагалось, что они могутъ сообщить свѣденія о поведеніи Лестока. Императрица говорила своимъ приближеннымъ, будто считаетъ преступнымъ уже то, что эти господа взяли на себя роль судей надъ чужимъ человѣкомъ, и если они совершенно невинны, то нечего имъ страшиться шпіонства надъ собой. 22-го декабря Лестокъ попытался еще разъ явиться къ государынѣ, но его не допустили, а 24-го декабря, въ 11-ть часовъ утра, генералъ Апраксинъ со ста-пятидесятью солдатами явился въ домъ Лестока и объявилъ ему арестъ въ его домѣ, причемъ удалили отъ него употребленіе ножа и всякаго остраго орудія. Жена Лестока была въ церкви и въ тотъ день причащалась: по возвращеніи домой, и она получила приказаніе оставаться въ своемъ домѣ подъ арестомъ. Въ этотъ самый день при дворѣ устроивалась помолвка фрейлины Салтыковой; государыня была отмѣнно весела, а самъ Лестокъ былъ назначенъ въ числѣ шаферовъ невѣсты, но, разумѣется, теперь не явился. Наконецъ, 26-го декабря, императрица оставила столицу и перебралась въ Царское Село, а Лестокъ, того же дня вечеромъ, вмѣстѣ съ женою, былъ отвезенъ въ крѣпость. Александръ Шуваловъ, замѣнившій недавно умершаго Ушакова въ начальствѣ тайною канцеляріею, велъ допросъ надъ Лестокомъ и его участниками. Къ Шувалову приданъ былъ графъ Апраксинъ, большой пріятель Бестужева. Лестокъ съ необычайнымъ терпѣніемъ нѣсколько дней отказывался отъ пищи, позволяя себѣ глотать только немного минеральной воды; на дѣлаемые ему вопросы—не отвѣчалъ ничего. Но Шапюзо, въ виду пытокъ, которыми его стали пугать, объявилъ, что Лестокъ получалъ отъ прусскаго короля пенсіонъ и велъ ночныя бесѣды съ посланниками прусскимъ и шведскимъ; назвалъ, кромѣ того, пріятелями Лестока вице-канцлера графа Воронцова, генералъ-прокурора князя Трубецкого и генерала Румянцева, но о смыслѣ бесѣдъ ихъ между собою отозвался незнаніемъ, говоря, что Лестокъ давно уже не показываетъ къ нему откровенности. Елисавета, не допросившись ничего отъ Лестока и Шапюзо, приказала прибѣгнуть къ пыткамъ, какъ къ неизбѣжному въ тѣ времена средству доискаться правды, въ случаѣ запирательства обвиняемаго. Лестока вздернули на дыбу. Этотъ человѣкъ, уже одиннадцать дней не принимавшій никакой пищи, съ равнымъ присутствіемъ духа вынесъ мученіе на дыбѣ

и показалъ столько духовной крѣпости, что, снятый съ дыбы, самъ пошелъ въ свой казематъ. Онъ отрицалъ все, въ чемъ думали обличить его, и клялся, что ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ государыни. „Все мое несчастіе“, — говорилъ онъ, — „сталось по злобѣ великаго канцлера. Но придетъ время — правда всплыветъ наверхъ, и государыня начнетъ сожалѣть, что оказывала довѣренность этому человѣку“.

Къ нему подослали жену его, научивши ее убѣждать мужа сознаться, и обѣщали пощаду и возвращеніе милости государыни. „Кто разъ побывалъ въ катовскихъ (палача) рукахъ, тотъ уже не можетъ желать никакой къ себѣ милости“, — отвѣчалъ Лестокъ.

Лестоку не трудно было запираться. Послѣ того какъ арестовали Шапюзо̀, у Лестока оставалось еще четыре свободныхъ дня; въ это время онъ успѣлъ передать всѣ компрометтировавшія его бумаги шведскому послу Волькенстіерну, а тотъ съ ними уѣхалъ тотчасъ въ Стокгольмъ, и во время процесса, производившагося надъ Лестокомъ, невозможно было отыскать никакихъ письменныхъ доказательствъ къ его обвиненію. Тѣмъ не менѣе, процессъ надъ нимъ затянулся болѣе чѣмъ на годъ и окончился уже въ 1750 году. Все имущество его было конфисковано; изъ него взято на судебныя издержки такъ много, что на одни письменные матеріалы выставлена была неимовѣрная сумма — 800 рублей. Его домъ въ Петербургѣ подаренъ былъ графу Апраксину, производившему надъ нимъ слѣдствіе вмѣстѣ съ Шуваловымъ. Лестока сослали въ Угличъ и тамъ содержали очень строго и скудно, а въ 1753 году, въ видѣ облегченія, перевели въ Устюгъ-Великій и дозволили жить съ нимъ его женѣ. Тамъ пробылъ онъ до кончины Елисаветы.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка (приблизительно въ 1747 году), въ жизни императрицы произошла перемѣна, отразившаяся на дѣлахъ внутренней и внѣшней политики. До сихъ поръ вліятельнѣйшимъ лицомъ при Елисаветѣ Петровнѣ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. Онъ былъ сынъ простого козака въ селѣ Лемешахъ, Кіевскаго полка, близъ города Козельца. Убѣжавши мальчикомъ отъ пьянаго и драчливаго отца въ село Чемеры, онъ проживалъ тамъ у дьячка, учился грамотѣ и пѣлъ на клиросѣ. Проѣзжавшій полковникъ Вишневскій, по дорогѣ въ Венгрію покупать для двора вина̀, заѣхалъ въ церковь, услыхалъ прекрасный голосъ Алексѣя и взялъ его съ собою въ Петербургъ для придворнаго хора пѣвчихъ. Это было въ 1730 году. Въ томъ же году цесаревна Елисавета, посѣтивши церковь въ Зимнемъ дворцѣ, упросила оберъ-гофмейстера Левенвольда уступить Але-

ксѣя для ея придворной церкви. Чрезвычайно красивый и статный, Алексѣй Разумовскій понравился цесаревнѣ. По восшествіи своемъ на престолъ, Елисавета Петровна, по убѣжденіямъ духовника своего Дубянскаго, сочеталась тайно бракомъ съ Разумовскимъ въ селѣ Перовѣ, близь Москвы, и вслѣдъ затѣмъ немедленно осыпала его богатствами и почетомъ. Изъ ничтожнаго козака, до того бѣднаго, что мать его собиралась просить подаянія подъ окнами, Разумовскій, по знатности положенія своего и по громадному богатству, сталъ первымъ вельможею въ Россіи и принималъ льстивыя поклоненія отъ родовитыхъ особъ. Изъ благоволенія къ нему, императрица вывела въ знать всю близкую родню его; матери его оказывала она большое почтеніе; меньшого брата, Кирилла, отправила для образованія за границу, а по возвращеніи — назначила президентомъ Академіи, и потомъ приказала избрать гетманомъ въ Малороссіи. Елисавета ревниво оберегала честь этого возвышеннаго ею рода. Въ архивахъ сохранилось множество дѣлъ, производившихся въ тайной канцеляріи по распространенію отзывовъ, оскорбительныхъ для любимца государыни и для его родичей. Всѣ разбирательства по этимъ дѣламъ оканчивались трагически—застѣнкомъ, дыбою, кнутомъ, плетьми, батогами, шпицрутенами и, наконецъ, ссылкою на каторгу [1]). Но самъ Алексѣй Разумовскій ничему этому не былъ причастенъ. По единогласнымъ извѣстіямъ современниковъ, это былъ человѣкъ въ высшей степени добросердечный, прямодушный, хотя подчасъ и вспыльчивый, но никакъ не заносчивый, не спѣсивый, и потому всѣми любимый, несмотря на то, что его низкое происхожденіе должно было возбуждать у однихъ зависть, а у другихъ—досаду. Много лѣтъ провела императрица въ невозмутимомъ согласіи съ Разумовскимъ. Но вотъ государыня приблизила къ себѣ новое лицо — то былъ молодой и лучше воспитанный, чѣмъ Разумовскій, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Вся семья Шуваловыхъ принадлежала къ родовому русскому дворянству и возвысилась только при вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. Одинъ изъ Шуваловыхъ, Петръ Ивановичъ, женился на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, большой любимицѣ Елисаветы Петровны—и это былъ первый шагъ къ подъему фамиліи Шуваловыхъ. Братъ Петра, Александръ, сдѣланъ былъ начальникомъ тайной канцеляріи по кончинѣ генерала Ушакова. Рекомендація и ходатайство той же Мавры Егоровны возвысили родственника Петра и Александра Шуваловыхъ, Ивана Ивано-

---

[1]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 106.

вича: онъ получилъ при дворѣ сначала званіе камеръ-пажа, потомъ камеръ-юнкера, наконецъ, камергера. Разумовскій не утратилъ милости государыни и не только не показывалъ огорченія, но относился дружелюбно къ Шувалову. Возвышеніе, или, какъ тогда говорилось „случай“ Шувалова возымѣлъ то важное послѣдствіе, что съ этихъ поръ онъ самъ, а съ нимъ и прочіе Шуваловы, составили при дворѣ партію съ большимъ вліяніемъ на дѣла имперіи, тогда какъ прежде скромный, мало развитой Алексѣй Григорьевичъ и вся его родня, на которой слишкомъ рѣзко выказывались признаки простонароднаго происхожденія, почти никакихъ дѣлъ не касались, исключая брата Алексѣева, Кирилла, получившаго образованіе за-границею.

V.

Эпоха событій, подготовлявшихъ Семилѣтнюю войну.

Францiя и Россія.—Франція сближается съ Австріею.—Усилія Бестужева удержать Россію въ союзѣ съ Англіею.—Прибытіе въ Россію Дугласа и кавалера д'Эона.—Ненависть Елисаветы къ прусскому королю.—Исторія Зубарева.—Дипломатическія неудачи Бестужева.—Союзъ Англіи съ Пруссіею.—Союзъ Франціи съ Россіею.

Между Франціею и Россіею много лѣтъ существовало охлажденіе. Россія смотрѣла на Францію какъ на державу, которая во всякомъ предпріятіи готова была Россіи, какъ говорится, подставить ногу,—и въ самомъ дѣлѣ Франція всегда благопріятствовала тому, чтó было враждебно Россіи. Въ Швеціи, въ Турціи и въ Польшѣ наиболѣе высказывался дипломатическій антагонизмъ двухъ этихъ державъ. Французскіе послы вездѣ старались сойтись съ партіею, непріязненною почему-нибудь Россіи, и вездѣ, гдѣ только могли, возбуждали противъ нея правительственныя власти другихъ державъ. Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ оставались воспоминанія прежнихъ добрыхъ отношеній. Не говоря уже о томъ, что у Елисаветы осталось въ памяти ея дѣтство, когда ее готовили въ жены тогда еще малолѣтнему Людовику XV,—не могла у нея изгладиться изъ памяти болѣе дѣйствительная услуга, оказанная Франціею содѣйствіемъ при вступленіи ея на престолъ, хотя послѣдняя размолвка съ Де-ля Шетарди и стирала у нея съ сердца прежнее пріятное впечатлѣніе. И во Франціи, при всемъ политическомъ антагонизмѣ французской дипломатіи къ

Россіи, просвѣчивала мысль о дружбѣ съ этою страною. Послѣ того, какъ предположенія о бракѣ Елисаветы съ Людовикомъ совершенно испарились, родственникъ его, принцъ Конти, въ 1742 году сдѣлалъ попытку предложить руку Елисаветѣ, уже ставшей всероссійской императрицей. На его предложеніе отвѣчала Елисавета Петровна, что не намѣрена выходить замужъ. Тогда принцъ Конти сталъ доискиваться пути получить по смерти польскаго короля Августа польскую корону. Нѣкоторые польскіе паны являлись въ Тампль, во дворецъ, гдѣ жилъ тогда Конти, съ изъявленіемъ готовности содѣйствовать его кандидатурѣ въ свое время. Но такой выборъ въ короли, если бы онъ и наступилъ, то зависѣлъ бы не отъ однихъ этихъ пановъ, но также и отъ большого числа такихъ господъ, которые не думали тогда обращаться къ французскому претенденту и, можетъ быть, при избраніи не подали бы за него своего голоса. Притомъ такая кандидатура встрѣтила бы противодѣйствіе со стороны Австріи, Россіи и даже Пруссіи, союзной тогда съ Франціею. Не удавалось французамъ и въ Турціи, гдѣ французское посольство силилось поссорить Турцію съ Россіею, но успѣло единственно настолько, что турецкій визирь подалъ ноту, заявлявшую нерасположеніе Турціи къ занятію русскими Финляндіи. Эта нота не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій. Послѣ неудачныхъ попытокъ вредить Россіи то здѣсь, то тамъ, французская политика начала склоняться къ мысли вступить въ союзъ съ Россіею, въ надеждѣ, что этотъ путь будетъ полезнѣе для Франціи.

Въ это время совершался въ Европѣ крутой переворотъ въ дипломатической сферѣ. Франція была съ Нѣмецкою имперіею въ вѣковой враждѣ, и такое направленіе перешло и на Австрію, такъ какъ австрійскіе владѣтели преемственно были избираемы въ нѣмецкіе императоры. Недавно еще Франція вела противъ Маріи-Терезіи упорную войну, оспаривая наслѣдственность ея владѣній. Тогда Франція, будучи враждебна Австріи, находилась въ союзѣ съ прусскимъ королемъ. Миръ, окончившій войну за австрійское наслѣдство, лишилъ Австрію Силезіи и передалъ эту богатую область во власть Пруссіи. Австрія не казалась уже теперь опасною и сильною, какъ прежде. Напротивъ, возвышеніе Пруссіи стало внушать опасность, особенно когда воинственный и талантливый Фридрихъ II показывалъ цѣлому свѣту, что стремится къ территоріальнымъ захватамъ и не остановится ни передъ какими путями. Поэтому Франція стала сближаться съ Австріей. Съ своей стороны императрица-королева Марія-Терезія желала отомстить прусскому королю за пораженія и возвратить своей

державѣ утраченную Силезію, что̀ повело бы къ возвращенію прежняго политическаго значенія австрійской короны. Австрія первая обратилась съ предложеніемъ союза противъ Пруссіи къ Франціи. Первое предложеніе было сдѣлано Кауницомъ, бывшимъ посланникомъ во Франціи, потомъ получившимъ должностъ австрійскаго канцлера. Предложеніе это было неудачно; оставалось послѣ того опасеніе, что если откроется война между Пруссіею и Австріею, Франція, какъ и въ предшествовавшую войну, явится снова союзницей Пруссіи. Австрія по прежнему стала готовиться къ союзу съ Англіею, но на этотъ разъ не сошлась съ нею, и Кауницъ поручилъ своему преемнику на постѣ посланника во Франціи—Штаренбергу обратиться къ фавориткѣ короля, маркизѣ Помпадуръ, и къ аббату Берни, руководившему тогда внѣшнею политикою. Сама императрица-королева Марія-Терезія обратилась съ собственноручнымъ письмомъ къ маркизѣ Помпадуръ. Дѣло пошло на ладъ.

Англія съ Франціею находились уже въ войнѣ за американскія владѣнія. Какъ только возникала вражда между Пруссіею и Австріею, то происходившая въ Америкѣ война Франціи съ Англіею должна была перенестись на почву Стараго Свѣта. Въ этихъ видахъ Англія предложила субсидный союзъ съ Россіею: Россія, въ огражденіе интересовъ англійскаго короля, должна была выставить войска 55.000, Англія же—внести Россіи субсидную сумму въ 500.000 фунтовъ за диверсію россійскаго войска и, сверхъ того, доставлять ежегодное содержаніе на это войско. Относительно размѣра послѣдней суммы происходили споры: Россія хотѣла 200.000 фунтовъ; Англія думала сократить эту сумму до пятидесяти тысячъ. Долго шли споры. Два англійскіе посланника перемѣнились послѣ того. Задержки главнымъ образомъ происходили, по извѣстіямъ англичанъ, отъ крайняго бездѣйствія русскихъ властей: императрица будто бы показывала болѣе и болѣе охлажденія къ государственнымъ занятіямъ; Бестужевъ никогда почти не видалъ государыни и передавалъ свои доклады черезъ Ивана Ивановича Шувалова, да и тогда эти доклады лежали у государыни цѣлые мѣсяцы забытыми. Такое отчужденіе великаго канцлера отъ государыни испортило и облѣнило его самого. Онъ перестать быть дѣятельнымъ, какимъ былъ прежде, и по утрамъ до двѣнадцати часовъ оставался въ постели. Англійскій посланникъ Чарльзъ Генбюри Виліамсъ изображалъ тогдашнее высшее общество чрезвычайно подкупнымъ. Самъ Бестужевъ выпрашивалъ у англійскаго короля годичный пенсіонъ въ 2.500 фунтовъ и обязывался работать въ пользу Англіи, представляя императрицѣ о выго-

дахъ для Россіи союзнаго договора съ Англіею. „Надобно дать ему,—писалъ Виліамсъ,—такъ какъ онъ чистосердечно служитъ въ пользу нашего короля“. Олсуфьевъ, другъ Воронцова, имѣвшій на него вліяніе, получалъ отъ Англіи 500 червонцевъ наличною монетою и въ такомъ же размѣрѣ пенсіонъ. Англичане жаловались на то, будто бы изъ суммъ, которыя выданы были Англіею на содержаніе вспомогательнаго войска, употребили часть на постройку дворцовъ. Спорный вопросъ о размѣрѣ содержанія на войско рѣшили на половину суммы—во сто тысячъ фунтовъ. Бестужевъ подалъ государынѣ записку, въ которой доказывалъ, какъ выгодно будетъ во многихъ отношеніяхъ заключеніе оборонительнаго союза съ Великобританіею [1]).

Но Бестужевъ, несмотря на то, что всегда славился своею проницательностію, не замѣтилъ, какъ попался въ-просакъ. Онъ не спохватился, какъ противъ него составилась враждебная партія въ лицѣ канцлера Воронцова и Шуваловыхъ. Къ нимъ примкнулъ немалочисленный кружокъ сановниковъ. Тогда какъ Бестужевъ съ давнею непріязнью къ прусскому королю соединялъ давнюю же непріязнь къ Франціи, противники его, хотя въ равной степени, какъ и онъ, не любили прусскаго короля, но склонялись къ дружбѣ съ Франціею, особенно послѣ того, какъ Франція начала сближаться съ Австріею и становиться во враждебное положеніе къ прусскому королю. Тогда партія русскихъ любителей всего французскаго (а этимъ отличались Шуваловы и Воронцовъ) рада была съ распростертыми объятіями встрѣтить дружбу съ Франціею; къ этому настроивали императрицу. Въ это время Франція, испытавши столько неудачъ въ своихъ планахъ вредить Россіи, приняла рѣшительное намѣреніе подружиться съ нею. Король, въ соумышленіи съ принцемъ Конти, рѣшилъ отправить въ Россію тайнаго агента для узнанія политической почвы: выборъ палъ на шотландскаго эмигранта Мэкензи Дугласа — сторонника Стюартовъ, товарища послѣдняго претендента, и, въ качествѣ гонимаго англійскимъ правительствомъ, проживавшаго во Франціи. Этотъ господинъ въ 1755 году отправился въ путь подъ видомъ англійскаго туриста, подъ предлогомъ изученія въ разныхъ странахъ рудокопнаго производства, проѣхалъ черезъ австрійскія владѣнія и Польшу и прибылъ въ Петербургъ. Чтобы получить разныя необходимыя свѣденія о Россіи, онъ, въ качествѣ англичанина, обратился къ англійскому посланнику Виліамсу, но тотъ сразу

---

[1]) Архивъ Воронцова, т. IV. 69—85.

разгадалъ, какая птица прилетѣла къ нему, и Дугласъ поспѣшилъ поскорѣе убраться изъ Россіи, опасаясь быть засаженнымъ въ шлиссельбургскую крѣпость по подозрѣнію въ шпіонствѣ, какъ уже недавно случилось съ другимъ французскимъ проходимцемъ. Современные разсказы повѣствуютъ, что Дугласъ успѣлъ тогда черезъ посредство Воронцова ввести къ императрицѣ секретаря своего, кавалера д'Эона: женоподобное лицо послѣдняго дозволило будто бы одѣть его въ женское платье и помѣстить въ качествѣ фрейлины близь императрицы. Устроивши свою продѣлку, Дугласъ возвратился во Францію съ тѣмъ, чтобы явиться снова въ Россію при лучшихъ условіяхъ. Онъ недолго былъ во Франціи и прибылъ снова въ Петербургъ 26-го апрѣля 1756 года, и въ этотъ разъ получилъ совсѣмъ иной, болѣе радушный пріемъ. Этому онъ обязанъ былъ искусству д'Эона, который, отлично играя роль женщины, вошелъ въ довѣренность къ Елисаветѣ и, наконецъ, открылъ ей свой полъ. Елисавета простила эту продѣлку, и поручила сказать королю Людовику XV, что рада находиться съ нимъ въ дружескомъ союзѣ. Д'Эонъ тотчасъ воротился въ отечество и вскорѣ опять пріѣхалъ въ Петербургъ уже не простымъ туристомъ, а въ качествѣ секретаря при Дугласѣ, который теперь явился оффиціальнымъ лицомъ, уполномоченнымъ отъ короля. Сказка о мужчинѣ, помѣщенномъ у Елисаветы въ видѣ дѣвицы, составляла долго предметъ романическихъ разсказовъ, а въ послѣднее время опровергнута историческими изслѣдованіями. На самомъ дѣлѣ кавалеръ д'Эонъ первый разъ явился въ Россіи только во второе прибытіе туда Дугласа и былъ такимъ новичкомъ въ чужой землѣ, что не зналъ, какъ ему и повернуться. Дугласъ и д'Эонъ пріютились у своего соотечественника Мишеля, богатаго негоціанта, близко извѣстнаго Воронцову и уже два раза ѣздившаго, съ согласія послѣдняго, во Францію съ политическими соображеніями [1]).

Императрица Елисавета давно уже ненавидѣла прусскаго короля. „Этотъ государь, — говорила она о немъ, — Бога не боится, въ Бога не вѣритъ, кощунствуетъ надъ святыми, въ церковь никогда не ходитъ и съ женою по закону не живетъ". Когда русскіе гренадеры, служившіе въ Пруссіи, воротились въ отечество, они разсказывали слышанное ими отъ королевскихъ прислужниковъ въ Потсдамѣ, что Фридрихъ съ пренебреженіемъ отзывался о русской государынѣ и порицалъ ее. Это огорчало

---

[1]) Vandal: „Louis XV et Elisabeth de Russie", стр. 261—271.

Елисавету. Но были причины, затронувшія еще за болѣе живое мѣсто сердце государыни. По внѣшнимъ признакамъ могло всѣмъ казаться, что корона досталась Елисаветѣ легко. Стоило только вывезти изъ Зимняго дворца брауншвейгскую чету, а самой взять на руки и увезти съ собою младенца-императора — и все пойдетъ спокойно. И въ самомъ дѣлѣ, по наружности, все могло и должно было казаться, будто все обстоитъ благополучно и престолъ дочери Петра Перваго стоитъ такъ же твердо и незыблемо, какъ престолъ ея предковъ. На самомъ же дѣлѣ катастрофа, доставившая Елисаветѣ корону, отразилась тяжелымъ бременемъ на все правленіе Елисаветы. Императоръ, такъ легко сведенный съ престола, такъ заботливо заключенный и для всего міра невѣдомый, во всю жизнь Елисаветы стоялъ передъ нею привидѣніемъ до ея кончины. Это привидѣніе не давало ей надолго забыться въ своемъ величіи. То здѣсь, то тамъ появлялся страшный призракъ и появлялся въ разныхъ видахъ, при различной обстановкѣ. То внутренніе заговоры грозили Елисаветѣ Петровнѣ возвращеніемъ на свѣтъ низверженнаго императора, то изъ-за границы пугало ее опасеніе, что враждебные ей государи поднимутъ противъ нея знамя съ именемъ императора Іоанна, съ тѣмъ, чтобы въ самое роковое время отклонить отъ нея русскій народъ, такъ скоро и такъ покорно признавшій власть ея надъ собою. И такое привидѣніе сталъ выставлять Елисаветѣ Фридрихъ II-й, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ обязательно давалъ русской государынѣ совѣты припрятать подалѣе брауншвейгскую фамилію. Теперь времена были не тѣ. Елисавета не цѣнила союза съ Фридрихомъ, предпочла ему союзъ съ его соперницею Маріею-Терезіею. И онъ не простилъ этого Елисаветѣ; онъ сталъ относиться иначе къ ней и къ Россіи.

Попался въ то время въ тайной канцеляріи какой-то проходимецъ, пробиравшійся въ Пруссію черезъ русскія раскольничьи слободы, заселившіяся въ Польшѣ. Это оказался тобольскій посадскій человѣкъ Иванъ Зубаревъ. Онъ былъ уже извѣстенъ русскому правительству плутовскими продѣлками и еще ранѣе заявлялъ, что будто нашелъ онъ золотые пріиски и серебряныя руды, но потомъ сознался, что лгалъ, въ надеждѣ обмануть правительство и выпросить себѣ привилегію на устройство заводовъ: Зубарева соблазняла эта привилегія тѣмъ, что влекла за собою право владѣть населеннымъ имѣніемъ. Въ 1754 году Зубарева отослали въ сыскной приказъ, но оттуда онъ успѣлъ бѣжать. Въ январѣ 1756 года этотъ Зубаревъ, вмѣстѣ съ другими лицами, былъ задержанъ въ малороссійскомъ селѣ

Милушкахъ по обвиненію въ кражѣ лошадей, сказалъ за собою государево „слово и дѣло“ и былъ доставленъ въ тайную канцелярію. Здѣсь онъ разсказалъ цѣлую повѣсть о своихъ приключеніяхъ въ Пруссіи и о свиданіи съ самимъ прусскимъ королемъ. Въ его повѣствованіи правда перепуталась съ ложью. Онъ разсказывалъ, что въ началѣ 1755 года находился извозчикомъ у русскихъ бѣглыхъ купцовъ для отвоза товаровъ въ прусскій городъ Королевецъ (Кенигсбергъ). Тамъ пригласили его въ трактиръ и стали вербовать въ прусское войско. Онъ разсказывалъ далѣе, какъ онъ былъ у фельдмаршала прусскаго Левальда (перекрещеннаго разсказчикомъ въ Ливонта), какъ потомъ съ прусскимъ офицеромъ поѣхалъ, подъ крѣпкимъ присмотромъ, въ Берлинъ, а оттуда въ Потсдамъ, въ королевскую резиденцію, и тамъ увидалъ двухъ генераловъ. Изъ нихъ одинъ назвался дядюшкой бывшаго императора Ивана Антоновича, а другой—генераломъ Манштейномъ, бывшимъ когда-то въ русской службѣ съ чиномъ полковника и находившимся адъютантомъ при фельдмаршалѣ Минихѣ. Самъ Зубаревъ передъ ними выдавалъ себя за бывшаго гвардейца, который хочетъ скрыть себя и представиться купцомъ. Манштейнъ ввелъ его къ королю, а король далъ порученіе ѣхать сперва въ раскольничьи слободы и расположить раскольниковъ признать государемъ Ивана Антоновича, когда тотъ будетъ освобожденъ. Въ благодарность раскольникамъ за сочувствіе, онъ долженъ былъ обѣщать имъ въ царствованіе Ивана Антоновича полную свободу вѣроисповѣданія, а до того времени сообщить имъ отъ короля прусскаго обѣщаніе выхлопотать у патріарха посвященіе раскольничьяго епископа. Затѣмъ поручалось Зубареву изъ раскольничьихъ слободъ съѣздить въ Холмогоры и подать вѣсть принцу Антону-Ульриху, что весною 1756 года явятся къ Архангельску прусскіе корабли подъ видомъ купеческихъ, чтобы освободить принца съ сыномъ, низверженнымъ императоромъ. Тутъ Зубареву показали капитана корабля, которому будетъ поручено взять Ивана Антоновича съ отцомъ. Зубаревъ прибавлялъ (вѣроятно, прилыгая), будто его пожаловали полковникомъ прусской службы и вручили тысячу червонныхъ и двѣ золотыя медали, которыя велѣли зашить въ сапогъ подъ подошву. Манштейнъ давалъ Зубареву совѣтъ—перешедши русскую границу, добыть себѣ фальшивый паспортъ, подъ видомъ крестьянина или купца пробраться въ Холмогоры, тамъ подкупить какую-нибудь бабу портомойку или солдата, и такимъ путемъ увидѣться съ Антономъ-Ульрихомъ, вручить ему медали и сказать, что присланъ отъ прусскаго короля и отъ братьевъ Антона-Ульриха:

пусть Антонъ-Ульрихъ съ сыномъ готовится къ уходу изъ Россіи на кораблѣ, который будетъ дожидаться его у города Архангельска, а самъ Зубаревъ, передавши все это Антону-Ульриху и осмотрѣвши мѣсто, гдѣ онъ содержится съ семействомъ, долженъ идти къ Архангельску, встрѣтить тамъ знакомое ему лицо—капитана съ командою, и съ нимъ уговориться, какъ увезти Антона-Ульриха съ сыномъ. Если окажется, что караульные стерегутъ плѣнниковъ слабо, то подкупить ихъ деньгами, либо напоить пьяными, а если караулъ укажется строгимъ, то подкупить какихъ-нибудь бурлаковъ и, при ихъ содѣйствіи, провести капитана съ командой въ Холмогоры, разбить караулъ, освободить Антона-Ульриха съ сыномъ и доставить ихъ на кораблѣ въ Пруссію. Снаряженный такимъ образомъ Зубаревъ сообщилъ обо всемъ въ Польшѣ монахамъ раскольничьяго монастыря—Лаврентьевскаго, а оттуда, отправившись въ Россію, съ намѣреніемъ слѣдовать въ Холмогоры, былъ задержанъ и препровожденъ въ тайную канцелярію.

Въ поясненіе этого сознанія Зубарева, нѣкто дворовый человѣкъ помѣщика Загряжскаго, Василій Иларіоновъ, шатавшійся по раскольничьимъ скитамъ, основаннымъ въ Польшѣ бѣглыми русскими раскольниками, заявилъ, что видѣлъ лично этого Зубарева въ Лаврентьевскомъ монастырѣ и потомъ слышалъ, что онъ ѣздилъ извозчикомъ съ товарами въ прусскій городъ Королевецъ, въ одномъ обозѣ съ другими бѣглыми людьми, подъ именемъ Ивана Васильева, и, пріѣхавши въ Королевецъ, спрашивалъ у прусскихъ солдатъ, гдѣ у нихъ ратуша, и когда ему ратушу показали, то, обратясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ: „прощайте, братцы! я буду просить, чтобы меня повезли къ прусскому королю: мнѣ до прусскаго короля нужда!“ Съ этими словами пошелъ онъ съ прусскими солдатами въ ратушу, и съ тѣхъ поръ никто изъ бывшихъ съ нимъ въ обозѣ его не видалъ [1]).

Несмотря на ложь, впутанную въ правду, изъ этихъ извѣстій можно заключить, что Зубаревъ ѣздилъ дѣйствительно въ Пруссію, къ королю Фридриху II агентомъ отъ поселившихся въ Польшѣ раскольниковъ, которые уже не въ первый разъ обращались къ прусскому королю хлопотать, чтобы черезъ его посредство добыть себѣ отъ патріарха собственнаго раскольничьяго епископа: самъ Зубаревъ въ своемъ показаніи говоритъ, что уже

1) Историческія бумаги, собранныя Арсеньевымъ, изданныя академикомъ Пекарскимъ, стр. 380—399.

прежде пріѣзжалъ къ королю отъ раскольниковъ какой-то попъ, но пруссаки почему-то не повѣрили ему. Въ показаніи Зубарева, данномъ въ тайной канцеляріи и, конечно, вынужденномъ страхомъ, не совсѣмъ точно разсказаны приключенія его въ Пруссіи, какъ всегда бывало въ показаніяхъ попавшихся въ тайную канцелярію. Плуты, къ какимъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Зубаревъ, обыкновенно уже сознаваясь, все-таки до послѣдней возможности лгали, даже и тогда, когда ложь ихъ нимало не могла доставить имъ спасенія. Исторія этого Зубарева въ свое время имѣла немаловажное значеніе въ ряду причинъ, рѣшившихъ тогдашнюю политику Россіи по отношенію къ Пруссіи, а еще болѣе по отношенію къ судьбѣ несчастнаго Ивана Антоновича. Фридрихъ II ухватился за самое чувствительное мѣсто для своей соперницы - Елисаветы Петровны. Онъ увидалъ въ расколѣ слабую сторону Россіи и хотѣлъ явиться при случаѣ покровителемъ гонимыхъ Елисаветою раскольниковъ, соединивъ ихъ дѣло съ дѣломъ брауншвейгскаго принца. Вотъ почему, тотчасъ послѣ зубаревской исторіи, послѣдовало секретное распоряженіе перемѣстить Ивана Антоновича изъ Холмогоръ въ шлиссельбургскую темницу. И тогда же Елисавета Петровна, не колеблясь болѣе, дала обѣщаніе Дугласу послать во Францію своего уполномоченнаго посла, принять у себя французскаго посланника и ввести Россію въ союзъ Франціи съ Австріею противъ Фридриха II.

Бестужевъ былъ посрамленъ. Ему ничего болѣе не оставалось, какъ притворяться, что раздѣляетъ мнѣніе тѣхъ, которые, безъ совѣта съ нимъ, нашли выгоднымъ для Россіи союзъ съ Франціею. Бестужевъ сознавалъ свое безсиліе передъ любимцемъ Елисаветы. „Наше несчастіе,—говорилъ Бестужевъ англійскому послу, - состоитъ въ томъ, что онъ говоритъ по-французски и любитъ французскія моды. Ему страхъ какъ хочется имѣть при дворѣ француза-посланника. Власть его такъ велика, что намъ тутъ невозможно ничего подѣлать“ [1]).

Между тѣмъ Англія, въ добромъ расположеніи которой Бестужевъ такъ увѣрялъ императрицу, вдругъ, неожиданно для Россіи, 19-го января 1757 года заключила союзный договоръ съ Пруссіею. Виліамсъ старался передъ Бестужевымъ доказывать, что такой договоръ Англіи съ Пруссіею не долженъ нарушать дружескихъ отношеній между Англіею и Россіею; однако Бестужевъ тутъ же сообщилъ ему, что императрица, услыхавши

---

[1]) „La cour de la Russie il y a cent ans“, 144.

о такомъ договорѣ, очень раздражена и недовольна. Какъ бы въ отместку за то Англіи, Елисавета, не отказываясь ратификовать составленный уже прежде договоръ Англіи съ Россіею, приписала оговорку, что обѣщаемыя въ пособіе Англіи русскія войска обязаны будутъ дѣйствовать только противъ прусскаго, а отнюдь не противъ какихъ-либо иныхъ непріятелей англійскаго короля. Въ договорѣ съ Франціею обѣимъ сторонамъ пришлось также употребить подобныя предостереженія другъ противъ друга. Французскій король былъ недоволенъ Дугласомъ за слишкомъ широкій смыслъ помощи, обѣщаемый Франціею Россіи, и при ратификаціи договора писалъ къ Елисаветѣ, прося освободить его отъ обязательства оказывать Россіи содѣйствіе въ случаѣ войны ея съ Турціею. Елисавета согласилась, но выговорила для себя условіе никакъ не вмѣшиваться въ войну между Франціею и Англіею. 1-го мая 1757 года въ Версали заключенъ былъ окончательный оборонительный договоръ между Франціею, Австріею и Россіею, направленный прямо противъ прусскаго короля, а 22-го сентября того же года къ этому довору присоединилась и Швеція [1]).

VI.

Эпоха Семилѣтней войны.

Вступленіе россійскаго войска въ Пруссію.—Главнокомандующій Апраксинъ.—Неловкое положеніе Апраксина и Бестужева.—Покореніе Мемеля.—Жестокій характеръ войны съ обѣихъ сторонъ.—Гроссъ-Эгерсдорфская битва.—Побѣда русскихъ и отступленіе. — Арестованіе и смерть Апраксина. — Проектъ Бестужева. — Болѣзни императрицы.—Опала, постигшая Бестужева. — Неудовольствія между императрицею и великою княгинею.—Ночное свиданіе между ними.—Главнокомантующій Ферморъ. —Курляндское дѣло.—Цорндорфская битва.—Главнокомандующій Салтыковъ.—Кунерсдорфская битва.—Пораженіе Фридриха. — Покушеніе русскихъ на Берлинъ. — Завоеваніе и оставленіе Берлина.—Неудачныя попытки къ миру.—Генералъ Румянцовъ.—Осада и взятіе приморскаго города Кольберга.

Лѣтомъ 1757 года русское войско было отправлено на войну противъ Пруссіи. Начальство надъ нимъ поручено было генералъ-аншефу Степану Өедоровичу Апраксину. Этотъ человѣкъ въ военномъ дѣлѣ не ознаменовалъ себя ничѣмъ блестящимъ въ предшествовавшее время, кромѣ развѣ того, что, бывши еще не въ слишкомъ высокихъ чинахъ, участвовалъ въ войнахъ Миниха

---

[1]) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie. 278.

противъ турокъ. Это былъ тщеславный, изнѣженный, облѣнившійся бояринъ, хотя не безъ природныхъ способностей. Англійскій посолъ Виліамсъ, знавшій его лично, сообщаетъ, что онъ былъ большой щеголь и, отправляясь въ походъ, послалъ своего адъютанта въ свой домъ привезти ему двѣнадцать полныхъ костюмовъ, точно такъ, какъ будто онъ собирался не воевать, а рисоваться передъ дамами. По приговору другого англичанина, Мичеля, Апраксинъ, несмотря на свои огромныя богатства, былъ очень расточителенъ и способенъ на подкупъ, что̀ и подавало прусскому королю поводъ говорить, что сто̀итъ послать ему значительную сумму денегъ, чтобъ побудить его замедлить свой маршъ подъ какими-нибудь предлогами [1]. Его обозъ везли болѣе пятисотъ лошадей; а когда приходилось стоять, тутъ добывались и ставились великолѣпныя, обширныя палатки, гдѣ отправлялись шумныя пиршества съ музыкою и пальбою [2]. Подчиненные говорили о немъ, что онъ привыкъ болѣе пировать за сытными обѣдами, валяться въ пуховикахъ, чѣмъ довольствоваться походною пищею и непривѣтливымъ ночлегомъ подъ дождемъ. Положеніе, въ которомъ очутился Апраксинъ, будучи призванъ волею императрицы къ начальству надъ войскомъ, было критическое, и это сознавали какъ онъ, такъ и Бестужевъ. Императрица ненавидѣла прусскаго короля, но малый дворъ съ великимъ княземъ и великою княгинею во главѣ относился совсѣмъ иначе къ Пруссіи и Англіи. Великій князь постоянно восторгался прусскимъ королемъ и старался копировать его, а великая княгиня казалась болѣе расположенною къ Англіи, чѣмъ къ Франціи. Случись смерть императрицы, — а при ея частыхъ припадкахъ болѣзни этого можно было ожидать, — и вся политика Россіи измѣнилась бы. Вмѣсто союза противъ Пруссіи, образовался бы въ Европѣ союзъ за Пруссію, и Россія, управляемая новымъ государемъ, приняла бы въ такомъ союзѣ первенствующее значеніе. Нужно было Апраксину искусно лавировать — идти впередъ на войну, исполняя волю государыни, и въ то же время оглядываться — что̀ дѣлается назади, въ Петербургѣ.

Русское войско, вступившее въ Пруссію, по однимъ извѣстіямъ состояло изъ ста тысячъ [3], по другимъ [4], — число его доходило до ста-тридцати-четырехъ тысячъ. Русскіе вступили въ Пруссію 22-го іюля. Прусскій король лично былъ занятъ войною

---

[1]) „La cour de la Russie il a y cent ans“, 154.

[2]) Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, 102.

[3]) Военная исторія, кн. Голицына, стр. 141.

[4]) Русс. Старина, 1870 г. Приложеніе: Записки Болотова, т. I, стр. 481.

въ Саксоніи и Богеміи, а на русской границѣ оставилъ корпусъ подъ начальствомъ фельдмаршала Левальда. Количество войска, бывшаго подъ его начальствомъ, пруссаки простираютъ до двадцати-четырехъ тысячъ; изъ русскихъ источниковъ одни полагаютъ его въ 28.300 человѣкъ [1]), другіе—въ 40.000 [2]). Какъ только русскіе вошли въ Пруссію, такъ стали сдаваться города отдѣльнымъ ихъ отрядамъ. Генералъ Ферморъ покорилъ Мемель; хотя мемельскій гарнизонъ сдался на капитуляцію съ правомъ безпрепятственнаго выхода, но русскіе многихъ изъ прусскихъ солдатъ завербовали въ свою службу, употребляя и принужденія, что впрочемъ, было повсемѣстно въ обычаѣ въ тотъ вѣкъ [3]). Кромѣ солдатъ, русскіе забрали тогда многихъ мирныхъ обывателей, промышленниковъ и земледѣльцевъ, и отправили ихъ въ Россію для заселенія пустыхъ мѣстъ.

Простой народъ, при вступленіи непріятеля во владѣнія прусскаго короля, не остался равнодушнымъ и сталъ оказывать пособіе своимъ войскамъ. Русскій фельдмаршалъ издалъ манифестъ, въ которомъ убѣждалъ прусскихъ подданныхъ не оказывать непріязненныхъ дѣйствій, и съ своей стороны обѣщалъ не дозволять своимъ подчиненнымъ дѣлать вредъ мирному населенію. Несмотря на этотъ манифестъ, поселяне стрѣляли по русскимъ солдатамъ изъ-за кустовъ и лѣсныхъ деревьевъ. Апраксинъ отправилъ нарочнаго къ прусскому главнокомандующему, просилъ запретить такія нападенія и, въ противномъ случаѣ, угрожалъ наказывать поступающихъ съ русскими по-непріятельски. Но Левальдъ не издалъ такого запрещенія, и русскій фельдмаршалъ далъ своимъ войскамъ дозволеніе поступать какъ съ непріятелями съ тѣми селеніями, гдѣ обыватели начнутъ нападать на русскихъ. Какъ только провѣдали о такомъ дозволеніи иррегулярныя войска — казаки и калмыки, — тотчасъ безъ разбора, кто правъ, кто виноватъ, стали обращаться съ поселянами самымъ варварскимъ образомъ. Они не только грабили крестьянскіе пожитки, кололи для своего прокормленія и угоняли для продажи своему войску крестьянскій скотъ, но самихъ людей подвергали страшнымъ, безчеловѣчнымъ мукамъ: однихъ удавливали петлей, другихъ живьемъ потрошили, похищали у матерей малыхъ дѣтей и убивали,—сожигали до-тла крестьянскія жилища, и тѣ поселяне, которые успѣвали спастись отъ ихъ звѣрства, лишившись своихъ

[1]) Военная Исторія, кн. Голицына, стр. 141.

[2]) Записки Болотова, т. I, стр. 461.

[3]) Herrmann, т. V, стр. 142.

домовъ, прятались въ лѣсахъ, а выходя изъ своихъ убѣжищъ, просили своихъ земляковъ давать имъ вмѣсто милостыни ружья, порохъ и свинецъ, чтобы мстить врагамъ. Регулярныя войска не одобряли такого способа веденія войны съ мирными жителями, но и они сами во время похода не держались дорогъ, а шли по полямъ, засѣяннымъ хлѣбомъ, и это озлобляло жителей; они продолжали вести партизанскую войну, нападая на русскихъ отдѣльными партіями; а русскіе за это, поймавши въ такомъ дѣлѣ поселянъ, отрубливали имъ на рукахъ пальцы и потомъ пускали [1]). Такъ показали себя, тотчасъ по вступленіи въ Пруссію, съ одной стороны, русскіе, съ другой—мирные обыватели прусскихъ владѣній, большею частію литовцы по происхожденію.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, кончавшихся то съ пользою, то со вредомъ для русскихъ, русскіе перешли рѣку Прегель и на Гроссъ-Эгерсдорфскомъ полѣ (близъ деревень Гроссъ- и Клейнъ-Эгерсдорфъ) встрѣтились съ прусскою арміею подъ командой Левальда. Здѣсь произошло первое генеральное сраженіе. Сначала пруссаки одолѣвали и приперли русскихъ къ лѣсу, но за этимъ лѣсомъ стояло остальное русское войско; изъ него отрядъ, подъ начальствомъ генерала Румянцова, пробрался чрезъ лѣсныя заросли на выручку стѣсненному пруссаками русскому отряду. Пруссаки попятились, и вскорѣ ихъ отступленіе превратилось въ настоящее бѣгство. Русскіе потеряли въ этой битвѣ до пяти тысячъ убитыми и ранеными, и въ числѣ ихъ генерала Василія Абрамовича Лопухина, котораго чрезвычайно любили всѣ подчиненные и разнесли о немъ такую громкую славу, что имя его до сихъ поръ осталось въ народной пѣснѣ, несмотря на множество послѣдующихъ войнъ и геройскихъ подвиговъ русскихъ полководцевъ. Смерть его очень напоминаетъ смерть древняго греческаго героя Эпаминонда. Раненый смертельно и схваченный въ плѣнъ, онъ былъ отбитъ своими уже полуживымъ и спокойно испустилъ дыханіе, когда узналъ, что русскіе побѣждаютъ. Пруссаки въ Гроссъ-Эгерсдорфской битвѣ потеряли до трехъ тысячъ убитыми и ранеными [2]).

До 22-го августа войско стояло на полѣ побѣды и праздновало свое торжество надъ непріятелемъ. Когда, наконецъ, въ вышеозначенный день на зарѣ забили генеральный маршъ, всѣ были увѣрены, что фельдмаршалъ двигается для овладѣнія Кенигсбергомъ. Фельдмаршалъ хотя и двинулся, но чрезвычайно ме-

---

1) Записки Болотова, т. I, стр. 479, 491 — 492.

2) Военная Исторія, кн. Голицына, 145.

дленно, безпрестанно останавливался и напрасно мучилъ солдатъ невыносимою жарою, господствовавшею въ ту пору года. Русскіе проходили въ сутки не болѣе какъ отъ четырехъ до пяти верстъ. Дошедши до рѣчки Ааля, фельдмаршалъ созвалъ на военный совѣтъ генераловъ и представилъ имъ, что за скудостію провіанта и фуража нельзя идти далѣе въ непріятельской странѣ — и остается вернуться назадъ въ Россію. Противъ этого сильно протестовалъ командиръ союзнаго саксонскаго войска Сибильскій; недовольны были офицеры и въ русскомъ войскѣ, но не смѣли противорѣчить волѣ начальника, предполагая, что онъ руководствуется высочайшимъ приказаніемъ. 13, 14 и 15-го сентября русскіе переправились обратно черезъ Нѣманъ. Возвратный путь ихъ по непріятельской землѣ ознаменованъ былъ разореніями. „Мы, — говоритъ очевидецъ, — поступали какъ сущіе варвары [1]): жгли повсюду села, дворянскія усадьбы и деревни; по нашимъ слѣдамъ днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду виднѣлись пожарныя зарева. И все это ради того, что два эскадрона непріятельской конницы слѣдовали за нами для примѣчанія нашихъ движеній, а нашъ фельдмаршалъ не могъ того разсудить, что намъ они ничего важнаго сдѣлать не могутъ, и вмѣсто того, чтобы послать часть войска и прогнать ихъ, онъ разсудилъ за лучшее опустошать огнемъ и мечемъ всѣ остающіяся позади насъ мѣста“.

Фельдмаршалъ получилъ отъ государыни строгій приказъ не возвращаться въ Россію, а продолжать воинственный походъ въ Пруссію. Въ такомъ же смыслѣ писали къ нему Бестужевъ и великая княгиня. Тѣмъ не менѣе, Апраксинъ снова доносилъ о невозможности немедленно продолжать походъ. Его потребовали къ отчету въ Петербургъ, но на половинѣ дороги, когда онъ доѣхалъ до Нарвы, ему послали приказаніе оставаться въ этомъ городѣ. Туда прислана была комиссія для производства надъ нимъ слѣдствія. Черезъ нѣсколько времени его потребовали въ Петербургъ, но на дорогѣ опять остановили, пославши приказаніе жить въ селеніи Четыре-Руки—небольшомъ царскомъ лѣтнемъ домѣ. Тамъ онъ и умеръ отъ апоплексическаго удара.

Общее мнѣніе за-границею о поступкахъ Апраксина было таково, что онъ совершилъ свое отступленіе въ соумышленіи съ канцлеромъ Бестужевымъ. Нѣкоторые обвиняли ихъ обоихъ прямо въ подкупѣ. Иностранные источники [2]) прямо говорятъ, что англійскій посланникъ Виліамсъ убѣдилъ Апраксина принять отъ

---

1) Записки Болотова, т. I, стр. 602.

2) Raumer. „König Friedrich II und seine Zeit“, стр. 398, 399. — Herrmann, т. V, стр. 133.

Фридриха Второго сто тысячъ талеровъ. Было въ ходу и другое объясненіе его поступковъ. Бестужевъ и Апраксинъ знали, что великій князь слишкомъ расположенъ къ прусскому королю, и если государыня умретъ, а наслѣдникъ ея станетъ императоромъ, то немедленно объявитъ себя на сторонѣ прусскаго короля; о великой княгинѣ также было можно надѣяться, что и она не расположена враждебно къ Пруссіи и къ Англіи. Между тѣмъ Елисавета Петровна безпрестанно хворала; ея припадки угрожали возможностію внезапной смерти. Поэтому Бестужевъ и Апраксинъ разсчитывали дѣйствовать такъ, чтобы, въ случаѣ перемѣны, не оставаться предъ новымъ правительствомъ заклятыми врагами прусскаго короля, который тогда станетъ союзникомъ русскаго государя.

Такое толкованіе поступковъ Бестужева и Апраксина имѣло нѣсколько основанія, но не было въ точности вѣрно, потому что европейскіе политики не вполнѣ знали, что̀ дѣлается въ Россіи. Дѣло было вотъ въ чемъ. Молодая высокая чета—великій князь и великая княгиня жили между собою въ крайнемъ несогласіи. Екатерина старалась обратить къ дѣлу своего супруга,—но ей это рѣшительно не удавалось. Онъ грубо оскорблялъ жену и часто доводилъ ее до заявленія, что она покинетъ и его, и Россію. Что касается до Елисаветы, то она хотя вполнѣ понимала характеръ своего преемника, но горячо любила его, и къ Екатеринѣ относилась также съ видимою любовію и желала, чтобы между этими супругами утвердилось согласіе. Вліяніе тетки не передѣлало племянника. Екатерина, въ своихъ запискахъ, представляетъ странное обычное времяпровожденіе великаго князя въ ту эпоху.

Понятно, что такой преемникъ Елисаветы на престолѣ не могъ подавать хорошихъ надеждъ. По свидѣтельству Екатерины, Елисавета и четверти часа не могла пробыть съ нимъ наединѣ и часто жаловалась, что считаетъ себѣ великимъ несчастіемъ, что Богъ послалъ ей такого преемника. Она даже подъ-часъ изъ презрѣнія къ нему давала ему различныя прозвища. Тѣмъ не менѣе, однако, какъ подъ-часъ ни сердилась на него тетка, а все ему прощала, потому что никакъ не могла побороть въ себѣ любви къ нему, какъ къ сыну умершей, любимой сестры своей. Никого столько не безпокоило такое положеніе дѣлъ въ Рессіи, какъ Бестужева, человѣка съ такимъ же государственнымъ умомъ, какъ и съ безмѣрнымъ самолюбіемъ. Болѣзни императрицы съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе и болѣе усиливались; послѣ каждаго припадка она дня два находилась въ такомъ истощеніи силъ, что не могла

не только говорить, но и слышать говорящихъ въ ея присутствіи. Объ одномъ изъ такихъ припадковъ, случившемся въ сентябрѣ, увѣдомили Апраксина — по однимъ извѣстіямъ, Бестужевъ [1]), по другимъ—дочь Апраксина, Куракина, и Апраксинъ, опасаясь, что императрица можетъ внезапно умереть и война приметъ иной оборотъ, рѣшился отступить подъ благовидными предлогами. Бестужевъ думалъ поправить ошибку Апраксина и упросилъ великую княгиню написать къ фельдмаршалу письмо, убѣждающее, сообразно волѣ императрицы, идти съ войскомъ впередъ, для уничтоженія неблаговидныхъ слуховъ, которые распускали о немъ его недоброжелатели. Австрійскій посолъ Эстергази, думая, что все это дѣлается по желанію великаго князя, совѣтовалъ послѣднему просить у тетки прощенія и сознаться, что дѣйствовалъ по внушенію дурныхъ совѣтниковъ, разумѣя подъ такими совѣтниками главнымъ образомъ Бестужева. Великій князь такъ и поступилъ. Елисавета приняла племянника очень ласково и, слушая его обвиненія, озлобилась на послѣдняго [2]).

Изъ опасенія, что съ внезапною кончиною императрицы престолъ достанется въ обладаніе Петру, Бестужевъ составилъ проектъ, по однимъ извѣстіямъ—объявить преемникомъ Елисаветы ея внука, трехлѣтняго великаго князя Павла Петровича, поручивъ на время его малолѣтства регентство его матери [3]), по другимъ извѣстіямъ,—оставя подобающій Петру Ѳедоровичу императорскій титулъ,—устранить его отъ дѣйствительной власти и предоставить публичное участіе въ правительствѣ великой княгинѣ [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бестужевъ зналъ, что Петръ Ѳедоровичъ не терпитъ его и, ставши императоромъ, непремѣнно такъ или иначе постарается удалить его. Поэтому Бестужевъ въ своемъ проектѣ написалъ, чтобы при такомъ предполагаемомъ по кончинѣ Елисаветы образѣ правленія, всѣ сановники оставались на своихъ мѣстахъ и самъ онъ, Бестужевъ, былъ бы назначенъ подполковникомъ четырехъ гвардейскихъ полковъ и

---

[1]) Пекарскій. Военный Сборникъ 1858 г. Статья—„Походъ русскихъ въ Пруссію", стр. 289—350—защищаетъ Бестужева очень основательно: еслибъ канцлеръ сдѣлалъ это, угождая наслѣднику престола, то Петръ III, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, наградилъ бы Бестужева; а Петръ въ теченіе полугода не подумалъ даже облегчить заточенія, въ которомъ онъ находился.

[2]) Депеша Эстергази у Шефера: Geschichte des Siebenjährigen Krieges, т. II, стр. 545.

[3]) Hermann, V, 139.—Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ", т. I, стр. 178—179.

[4]) Записки имп. Екатерины II, русскій переводъ, стр. 227. — Вейдемейера. „Исторія Елисаветы", т. II, стр. 17.

предсѣдателемъ трехъ коллегій: военной, адмиралтейской и иностранныхъ дѣлъ. Видно было, что ограждая самого себя, канцлеръ ясно предвидѣлъ будущее и хотѣлъ, въ наиболѣе легкомъ для великаго князя компромиссѣ, заранѣе учинить то, что́ дѣйствительно случилось въ Россіи по смерти Елисаветы, но не такъ удобно для великаго князя. Бестужевъ признавалъ тогда уже, что при томъ положеніи, въ какомъ стояли дѣла въ русской правительственной сферѣ, было единственное лицо, способное, по уму и по талантамъ, захвативъ въ свои руки власть, укрѣпить расшатанную съ кончиною Петра Великаго Россію:— такимъ лицомъ была Екатерина. Проектъ свой канцлеръ предполагалъ при удобномъ случаѣ, выбравъ подходящее время, поднести Елисаветѣ Петровнѣ; но императрица безпрестанно болѣла, а канцлера къ себѣ не допускала, и не могъ онъ долго найти удобнаго времени и средства сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что тутъ была сторона щекотливая: Елисаветѣ Петровнѣ безпокойно было слышать о мѣрахъ въ случаѣ ея смерти, да и умирать ей вовсе не хотѣлось. Бестужевъ сообщалъ свой проектъ Екатеринѣ черезъ посредство лица, близкаго тогда къ ея особѣ, польскаго уполномоченнаго графа Понятовскаго (будущаго польскаго короля Станислава-Августа). Екатерина на словахъ поручила передать канцлеру благодарность, но объявила, что считаетъ этотъ проектъ пока трудно-исполнимымъ. Бестужевъ нѣсколько разъ переписывалъ свой проектъ: то сожигалъ, то снова составлялъ, пока, наконецъ, 26-го февраля 1758 года не стряслась надъ нимъ бѣда.

Елисавета, какъ мы уже говорили, никогда не любившая канцлера, безгранично довѣряла ему всѣ важныя государственныя дѣла, хотя она нѣсколько лѣтъ и въ глаза его не видѣла, и всѣ доклады отъ канцлера доставлялись ей черезъ Шуваловыхъ или черезъ вице-канцлера Воронцова. Но мало-по-малу всѣ стали замѣчать, что и заглазно императрица не терпѣла Бестужева, и слышать о немъ было ей противно. Въ сентябрѣ 1757 года французскій посланникъ Де-Лопиталь доносилъ своему правительству, что Бестужевъ едва-едва держится только потому, что императрица не найдетъ еще человѣка, который такъ, какъ онъ, былъ бы знакомъ съ политическими дѣлами [1]).

25-го февраля 1758 года Бестужева потребовали во дворецъ, въ конференцію. Сначала онъ сталъ отговариваться болѣзнію, но тутъ послѣдовало вторичное повелѣніе государыни—безъ вся-

[1]) Stuhr, „Forschungen über Hauptpunkte des Siebenjährigen Krieges“, стр. 303—304.

кихъ отговорокъ прибыть немедленно. Бестужевъ поѣхалъ, но едва у крыльца дворцоваго подъѣзда вышелъ изъ коляски, какъ ему была объявлена немилость государыни; у него отняли шпагу и препроводили въ собственный домъ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться подъ строгимъ карауломъ. Назначили слѣдственную комиссію изъ фельдмаршаловъ — князя Никиты Трубецкого и Бутурлина и графа Александра Шувалова, начальника тайной канцеляріи; секретаремъ этой комиссіи былъ Волковъ, человѣкъ долго покровительствуемый Бестужевымъ и пользовавшійся его довѣріемъ. Разомъ съ Бестужевымъ арестовали Ададурова, бывшаго наставника великой княгини въ русскомъ языкѣ, Елагина, бывшаго адъютантомъ у графа Алексѣя Разумовскаго, большого пріятеля Понятовскому, и брилліантщика Бернарди, ловкаго италіянца, постоянно бѣгавшаго по знатнымъ домамъ съ порученіями. На другой же день послѣ своего ареста, черезъ управлявшаго голштинскими дѣлами великаго князя, Штамбке, Бестужевъ далъ знать Екатеринѣ, чтобъ она ничего не опасалась—что все сожжено: онъ разумѣлъ проектъ свой. Дѣйствительно, въ пересмотрѣнныхъ его бумагахъ этотъ проектъ не былъ найденъ, хотя всѣ, и даже сама императрица, знали о томъ, что канцлеръ составлялъ его. Бестужевъ условился съ Штамбке впередъ вести переписку, а записки класть въ груду кирпичей, находившуюся возлѣ дома, гдѣ содержался арестованный Бестужевъ. Но вскорѣ переписка была открыта: схваченъ былъ музыкантъ, приходившій класть записку въ кирпичи.

Бестужеву въ комиссіи задавали такіе вопросы: зачѣмъ онъ искалъ предпочтительно милости у великой княгини, а не у великаго князя? Зачѣмъ скрывалъ отъ императрицы переписку, которую вела великая княгиня съ Апраксинымъ? Допрашивали, кромѣ того—что̀ значитъ написанный имъ и открытый въ грудѣ кирпичей совѣтъ великой княгинѣ „поступать смѣло и бодро съ твердостію и помнить, что подозрѣніями ничего доказать нельзя“. Бестужевъ отвѣчалъ, что онъ особой милости у великой княгини не искалъ, — напротивъ, пока великая княгиня была предана прусскому королю, онъ вскрывалъ ея письма, но потомъ это оказалось излишнимъ, потому что великая княгиня возненавидѣла прусскаго короля; въ письмахъ ея къ Апраксину предосудительнаго ничего не было, и въ такомъ смыслѣ онъ писалъ къ великой княгинѣ, что одними подозрѣніями ничего доказать нельзя. Проекта о престолонаслѣдіи никакъ не отыскали, и, не имѣя въ рукахъ этого документа, который могъ служить доказательствомъ государственной измѣны, старались изыскать окольные пути къ

его обвиненію; допрашивали, напримѣръ: какія тайныя конференціи были у Бестужева со Штамбке и съ Понятовскимъ; были ли другія письма великой княгини къ Апраксину, кромѣ уже открытыхъ. О сношеніяхъ съ Понятовскимъ Бестужевъ объявилъ, что онъ думалъ черезъ него оградить себя отъ интригъ австрійскаго посланника Эстергази и французскаго—маркиза Де Лопиталя. „Я хотѣлъ,—говорилъ Бестужевъ,—найти въ Понятовскомъ хотя одного къ себѣ расположеннаго иностраннаго министра, который бы меня увѣдомлялъ о ихъ козняхъ". Волковъ явился врагомъ Бестужева и обличителемъ: онъ высказывалъ въ комиссіи разныя подробности, которыми пользовались враждебные Бестужеву слѣдователи, но, за неимѣніемъ въ рукахъ проекта, все-таки не могли Бестужева погубить окончательно. Продержали Бестужева подъ арестомъ 14 мѣсяцевъ; сидѣлъ онъ безвыходно въ своемъ домѣ, постоянно стѣсняемый караульными солдатами. Черезъ полтора мѣсяца по его заточеніи, пріѣзжалъ къ нему личный врагъ его князь Трубецкой, предсѣдатель учрежденной надъ Бестужевымъ комиссіи, освѣдомляться—строго ли содержатъ арестанта, и далъ приказаніе не отлучаться изъ его покоевъ сержанту и часовымъ, не давать ему ножей, никого къ нему не допускать, кромѣ его служителя Рѣдкина. Жена его безпрестанно плакала, сынъ сердился, а старикъ Алексѣй Петровичъ только стоналъ и воображалъ, что вотъ скоро наступитъ его послѣдній часъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1759 года состоялся надъ нимъ приговоръ: его обвинили въ томъ, что онъ старался вооружить великаго князя и великую княгиню противъ императрицы, не исполнялъ письменныхъ высочайшихъ указовъ, а своими противодѣйственными происками мѣшалъ ихъ исполненію; зналъ, что Апраксинъ не хочетъ идти противъ непріятеля,—не доносилъ о томъ государынѣ, а вмѣсто донесенія хотѣлъ все исправить собою „при вплетеніи въ непозволенную переписку такой персоны, которая не должна была принимать участія, и тѣмъ нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался". Наконецъ и въ томъ его обвинили, что, „будучи подъ арестомъ, открылъ письменно такія тайны, о которыхъ и говорить подъ смертною казнію запрещалось" [1]). За всѣ эти вины комиссія приговорила его къ

---

[1]) Въ приговорѣ, вѣроятно сочиненномъ Волковымъ, глухо и неясно говорится: „между взятыми его письмами найдены проекты, писанные собственною его рукою и содержащіе въ себѣ такіе дальновидные замыслы, которыми онъ явно показуетъ свое недоброжелательство къ нашей особѣ и къ нашему здоровью, но о томъ и о

смертной казни, но Елисавета Петровна смягчила судьбу своего бывшаго великаго канцлера и опредѣлила сослать его въ одну изъ деревень его въ можайскомъ уѣздѣ, по имени Горетово, съ оставленіемъ ему въ собственность недвижимаго имущества, съ тѣмъ, однако, чтобы съ него взысканы были всѣ казенные долги. Тамъ въ уединеніи прожилъ этотъ государственный человѣкъ, читая библію и совершенствуя изобрѣтенныя имъ капли, которыя онъ разсылалъ сосѣдямъ противъ недуговъ. Впослѣдствіи Екатерина, помня, что онъ собственно за нее потерпѣлъ, освободила его съ большимъ почетомъ, отправивши къ нему курьера въ первый же день своего воцаренія. Признанныхъ его соучастниками — Штамбке выслали за границу, Бернарди сослали въ Казань на житье. Елагина—въ его казанскую деревню. Ададурова наказали почетною ссылкою, назначивъ товарищемъ губернатора въ Оренбургѣ.

Во время продолжительнаго нахожденія Бестужева за карауломъ, Екатерина оставалась въ самомъ ложномъ положеніи. Великій князь обращался съ нею холодно и даже презрительно. Императрица также сердилась на нее и не видалась съ нею. Наконецъ, Екатерина рѣшилась написать къ императрицѣ письмо по-русски, въ которомъ благодарила за милости, оказанныя ей съ ея пріѣзда въ Россію, но сожалѣла, что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное нерасположеніе императрицы, а потому просила положить конецъ ея несчастіямъ и отослать ее къ ея родственникамъ. Она просила продолжать попеченія объ остающихся ея дѣтяхъ, которыхъ и безъ того она не видитъ, несмотря на то, что живетъ съ ними подъ одною крышей: все равно для нихъ, если она будетъ жить отъ нихъ на разстояніи многихъ сотъ верстъ. Письмо это вручено было для передачи государынѣ Александру Шувалову, который потомъ словесно сообщилъ Екатеринѣ, что императрица назначитъ личное свиданіе съ великой княгиней.

Обѣщаніе свиданія было дано; но дни за днями проходили, а оно не исполнялось. Наконецъ, одна изъ служительницъ Екатерины, Шарогородская, посовѣтовала обратиться къ духовнику императрицы, а также и великой княгини. По порученію послѣдней, Шарогородская отправилась къ этому священнику, который приходился ей дядею. Духовникъ посовѣтовалъ Екатеринѣ ска-

---

другихъ его тайныхъ преступленіяхъ и найденныхъ вредительныхъ замыслахъ пространно изображать было бы излишне". Мы не понимаемъ, о чемъ, собственно, здѣсь говорится.

заться больною и позвать его для напутствія. Она такъ и поступила. Духовникъ явился; великая княгиня разсказала ему о своемъ положеніи, жаловалась на любимцевъ императрицы Шуваловыхъ, которые возстановляютъ противъ нея государыню, сказала о письмѣ, посланномъ ею къ императрицѣ, и просила священника содѣйствовать къ полученію желаемаго рѣшенія. Священникъ отправился отъ нея къ императрицѣ. Онъ съумѣлъ такъ заговорить къ сердцу Елисаветы Петровны, что та послала къ великой княгинѣ Александра Шувалова сказать, что въ слѣдующую же ночь хочетъ говорить съ нею. Въ эту назначенную ночь опять явился къ Екатеринѣ Шуваловъ и проводилъ ее къ императрицѣ. Входя въ покои государыни, они встрѣтили идущаго туда же великаго князя.

Вошли въ длинную комнату о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатѣ были: императрица, великій князь, Александръ Шуваловъ и великая княгиня. Екатерина подозрѣвала, что за занавѣсками спрятались Шуваловы—Иванъ и его двоюродный братъ Петръ. Впослѣдствіи Екатерина узнала, что въ своихъ догадкахъ ошиблась только въ половину: тамъ не было Петра, но былъ Иванъ Шуваловъ.

Великая княгиня, увидя императрицу, припала къ ея ногамъ и со слезами стала просить отпустить ее изъ Россіи.

— Какъ мнѣ отпустить тебя,—сказала Елисавета Петровна, и при этомъ слезы блеснули у нея на глазахъ: — у тебя вѣдь здѣсь есть дѣти!

— Дѣти мои у васъ на рукахъ — и имъ нигдѣ не можетъ быть лучше,—отвѣчала Екатерина: — я надѣюсь, что вы ихъ не оставите.

— Что же сказать обществу; по какой причинѣ я тебя удалила? — возразила императрица.

— Ваше императорское величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя, — отвѣчала Екатерина.

— Чѣмъ же ты будешь жить? — спросила Елисавета.

— Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, пока не имѣла чести быть здѣсь,—былъ отвѣтъ.

— Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дома и отправилась въ Парижъ,—говорила государыня.

— Король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю приверженность къ русскимъ интересамъ, — сказала Екатерина.

Императрица велѣла ей встать, подошла къ ней и говорила:

— Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я о тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна вскорѣ по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; еслибъ я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя.

Екатерина, въ отвѣтъ на это, снова разсыпала благодарности и сожалѣла о томъ, что навлекла на себя немилость государыни.

Въ то время, какъ императрица говорила съ великой княгиней, великій князь переговаривалъ съ Шуваловымъ. Государыня подошла къ нимъ и вмѣшалась въ ихъ бесѣду. Екатерина не могла ничего разслышать до тѣхъ поръ, пока супругъ ея не возвысилъ голоса. Она услыхала такія его слова:

— Она зла и черезъ чуръ много о себѣ думаетъ.

Екатерина подошла и произнесла:

— Если вы говорите обо мнѣ, то я очень рада сказать вамъ въ присутствіи ея величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и стала къ вамъ высокомѣрна, потому что ласковымъ обращеніемъ съ вами ничего не сдѣлаешь, а только пуще навлекла на себя вашу непріязнь.

Елисавета замѣтила племяннику, что слыхала отъ Екатерины о его дурныхъ совѣтчикахъ по голштинскимъ дѣламъ; а когда тотъ выразилъ свое негодованіе на жену, императрица прервала его и завела рѣчь о сношеніяхъ Штамбке съ Бестужевымъ и, подошедши ближе къ великой княгинѣ, сказала:

— Ты мѣшаешься во многія дѣла, которыя тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во время императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣливалась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?

— Никогда мнѣ въ голову не приходило посылать свои приказанія,—возразила Екатерина.

— Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ!—сказала Елисавета:—твои письма вонъ тамъ на туалетѣ!—Она указала на туалетъ и прибавила:—Тебѣ запрещено было писать.

— Правда,—сказала Екатерина:—я писала безъ позволенія, и за это прошу простить меня; но такъ какъ мои письма здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете видѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему то, что̀ здѣсь говорили о его поступкахъ.

— Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?—прервала ее Елисавета.

— Затѣмъ,—отвѣчала Екатерина,—что принимала въ немъ участіе. Въ этомъ письмѣ я просила его исполнять ваши прика-

занія. Изъ двухъ остальныхъ писемъ, въ одномъ —я поздравляю его съ рожденіемъ дочери, въ другомъ—съ Новымъ годомъ.

Императрица замѣтила: — Бестужевъ говоритъ, что было много еще писемъ.

— Если Бестужевъ это говоритъ,—отвѣчала Екатерина:— то онъ лжетъ!

— Хорошо же,—сказала тогда Елисавета:—такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю его пытать.

Екатерина поняла эту угрозу въ смыслѣ желанія напугать ее, и сказала:

По самодержавной своей власти ваше величество можете дѣлать все, что́ найдете нужнымъ, а я все-таки утверждаю, что писала къ Апраксину только три письма.

Императрица ничего не сказала, стала прохаживаться по комнатѣ, обращаясь то къ великой княгинѣ, то къ племяннику, то къ Шувалову; въ чертахъ лица и въ голосѣ государыни Екатерина замѣтила болѣе озабоченности, нежели гнѣва.

Екатерина повернула опять на просьбу отпустить ее изъ Россіи,—она не будетъ, съ своей стороны, препятствовать великому князю взять себѣ иную жену. По замѣчанію Екатерины, великому князю этого очень хотѣлось, чтобы посадить на мѣсто ея Воронцову; но императрица не могла бы согласиться на это, да и не допустили бы до этого и Шуваловы, которые ни за что бы не пожелали очутиться со временемъ подъ властью Воронцовыхъ.

Въ заключеніе всего, государыня сказала Екатеринѣ вполголоса:

— У меня много еще о чемъ поговорить съ тобой, но теперь не могу, потому что не хочу, чтобъ вы еще больше разсорились.—Идите къ себѣ: уже поздно—три часа! [1]).

Вышли великій князь и великая княгиня. Государыня позвала къ себѣ Шувалова.

Когда Екатерина пришла въ свои покои, къ ней вошелъ Шуваловъ и сказалъ, что государыня будетъ имѣть съ ней еще одинъ разговоръ наединѣ. Это ночное свиданіе Елисаветы съ Екатериною происходило 23-го апрѣля 1758 года [2]).

На другой день Екатеринина прислужница Шарогородская доставила ей свѣденія, полученныя отъ ея дяди, духовника импе-

---

[1]) Записки имп. Екатерины II, русск. переводъ, 243—249.—La Cour de la Russie il y a cent ans, 176.—Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 187—200.

[2]) Сборникъ Русск. Истор. Общ., т. VII, стр. 74.

ратрицы. Государыня сказала священнику, что ея племянникъ не уменъ, а великая княгиня очень умная женщина и любитъ истину и справедливость [1]).

Екатерина дождалась обѣщаннаго втораго свиданія, однако не считала нужнымъ показывать передъ другими, что оставила мысль объ отъѣздѣ изъ Россіи. 29-го мая, она опять написала императрицѣ письмо, въ которомъ изъявляла желаніе прежде своего отъѣзда „имѣть благополучіе увидѣть очи ея императорскаго величества и повергнуть себя къ ножкамъ государыни съ крайнѣйшею благодарностью“ [2]). Великая княгиня въ то же время сносилась съ изгнаннымъ по дѣлу Бестужева въ казанскія деревни Елагинымъ, послала ему триста червонцевъ и утѣшала его надеждою на друзей, между прочимъ на Разумовскаго и на Понятовскаго, которыхъ въ письмахъ своихъ означала загадочными именами.

Новый главнокомандующій россійскими военными силами, замѣнившій Апраксина, былъ генералъ-аншефъ Ферморъ, человѣкъ очень скрытный; онъ говорилъ о своихъ планахъ одинъ разъ то, другой—иное, и двигался къ Бранденбургіи на соединеніе противъ пруссаковъ съ австрійскими и шведскими союзными силами, хотя, по замѣчанію современниковъ, плоха была надежда на прочность дружелюбія русскихъ съ австрійцами и шведами [3]).

Въ Петербургѣ между тѣмъ, разрѣшался вопросъ о Курляндіи. Эта страна считалась по государственному праву леннымъ владѣніемъ Польши, но послѣ Анны Ивановны попала въ зависимость отъ Россіи, и судьба ея не могла уже рѣшаться безъ участія послѣдней державы. Герцогъ Биронъ не лишился ни своего права на герцогское достоинство, ни титула, но содержался въ ссылкѣ въ Ярославлѣ: его не отрѣшали отъ властя надъ Курляндіей, но и не пускали править своимъ герцогствомъ. Курляндія отдана была во временное управленіе выбранному отъ мѣстнаго дворянства комитету главныхъ совѣтниковъ, которые должны были слушаться россійскаго резидента, а къ нему въ помощь, на случай, придавалось разставленное въ Курляндіи русское войско. Россія дѣйствовала тамъ неограниченно еще и потому, что Курляндія, съ того времени, какъ герцогинею была Анна Ивановна, задолжала Россіи значительную сумму, по русскому счету 2.532,016 рублей [4]). Такъ какъ русская государыня ни

---

[1]) Записки имп. Екатерины II, 250.
[2]) Сборникъ Историч. Общ., т. VII. стр. 74.
[3]) Stuhr, „Fosrchungen“, т. II, стр. 153—157.
[4]) Hermann, т. V, стр. 151.

за что не думала возстановлять власть Бирона и отпускать его въ Курляндію, то Августъ III, король польскій и курфирстъ саксонскій, задумалъ отдать Курляндію своему сыну, принцу Карлу, и съ этою цѣлью отправилъ его представиться русской императрицѣ. Прибывши въ Петербургъ весною 1758 года, принцъ Карлъ очень понравился Елисаветѣ Петровнѣ, хотя не пріобрѣлъ того же расположенія отъ великаго князя и его супруги, бывшихъ подъ вліяніемъ Понятовскаго—противника короля Августа. Елисавета Петровна обѣщала помогать вступленію на курляндское герцогство принца Карла русскими военными силами, если только изберетъ его въ герцоги курляндское дворянство; кромѣ того, она повелѣла своимъ уполномоченнымъ въ Польшѣ Гроссу и Симолину, стараться, чтобы сеймъ Рѣчи Посполитой отнесся благосклонно къ таковому избранію. Но собравшійся въ Гродно польскій сеймъ былъ сорванъ, и русскіе уполномоченные, за невозможностью собрать сеймъ вновь, настояли, чтобы курляндскій вопросъ разрѣшенъ былъ безъ сейма въ сенатѣ. Шестнадцать сенаторскихъ голосовъ изъ двадцати рѣшили его въ пользу Карла, и Августъ III далъ сыну инвеституру на герцогство курляндское [1]).

Принцъ Карлъ, оставивъ Петербургъ 31-го іюля 1758 года, поспѣшилъ къ русской арміи, чтобъ находиться тамъ въ качествѣ союзника при главнокомандующемъ Ферморѣ. Въ августѣ 1758 года Ферморъ осадилъ крѣпость Кюстринъ, жестокимъ и упорнымъ бомбардированіемъ истребилъ весь прилегавшій къ крѣпости городъ, но комендантъ крѣпости на требованіе русскаго главнокомандующаго не сдавался, ожидая съ часу на часъ выручки. Фридрихъ II, находившійся тогда съ войскомъ въ Богеміи, услышавъ о критическомъ положеніи Кюстрина, поспѣшилъ на выручку. Когда вѣсть дошла до Фермора, что король приближается, русскій главнокомандующій оставилъ осаду Кюстрина и выступилъ на-встрѣчу королю. Непріязненныя войска сошлись 14 августа при деревнѣ Цорндорфѣ, верстахъ въ шести или семи отъ Кюстрина. Произошло сраженіе чрезвычайно кровопролитное. Ферморъ устроилъ свое войско продолговатымъ четвероугольникомъ, въ срединѣ котораго расположилъ обозъ и конницу. Такой способъ устроенія войска былъ кстати въ войнахъ Миниха противъ турокъ и татаръ, у которыхъ вся военная сила состояла въ конницѣ, но онъ не годился противъ дисциплинированной прусской пѣхоты. Ферморъ замѣтилъ слабость лѣваго крыла прусскаго войска и выпустилъ на него изъ четвероугольника свою конницу,

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 230—232. — Hermann, т. V, стр. 153—154.

чтобы она врубилась въ прусскіе ряды. Но прежде чѣмъ конница эта достигла непріятельскаго войска, она подняла такую пыль, что русскіе ничего не видали, и стали палить въ собственную конницу. Пруссаки, замѣтивъ смятеніе въ русскомъ войскѣ, ударили всею силою на его правое крыло, прорвали четвероугольникъ и стали овладѣвать русскимъ обозомъ. Тутъ на бѣду русскіе солдаты, въ полурастрепанномъ своемъ обозѣ, напали на бочки съ виномъ и перепились. Все правое крыло русскаго войска было смято и уничтожено. Но на лѣвомъ крылѣ русскіе не были пьяны; тамъ защищались они съ отчаяннымъ мужествомъ и прогнали въ болото аттаковавшую ихъ прусскую пѣхоту. Обѣ стороны дрались съ равнымъ ожесточеніемъ; растративши весь порохъ, работали шпагами и штыками; доходило дѣло до рукопашной; по окончаніи битвы и уборки тѣлъ нашли одного русскаго солдата смертельно раненаго: онъ лежалъ на умиравшемъ отъ ранъ пруссакѣ и грызъ его зубами. Ночь прекратила битву. Войска такъ перемѣшались, что половина прусскихъ пушекъ очутилась у русскихъ, а половина русскихъ—у пруссаковъ, и на первыхъ порахъ трудно было рѣшить—какая сторона одолѣла; обѣ себѣ приписывали побѣду, пока наконецъ число погибшихъ въ бою не рѣшило вопроса въ пользу пруссаковъ. Русскіе потеряли болѣе двадцати тысячъ человѣкъ убитыми; взято было въ плѣнъ нѣсколько русскихъ генераловъ, не мало штабъ- и оберъ-офицеровъ, болѣе ста пушекъ и тридцать знаменъ. Пруссаки потеряли двѣнадцать тысячъ человѣкъ и двадцать пушекъ. Бывшій въ битвѣ сынъ польскаго короля принцъ Карлъ прислалъ въ Петербургъ къ Воронцову донесеніе, въ которомъ выставлялъ ошибки Фермора [1]). Согласно съ нимъ и другіе отзывались объ этой битвѣ [2]).

Дальнѣйшія движенія Фермора съ войскомъ до конца 1758 года были безуспѣшны. Правительство было имъ недовольно, и въ началѣ 1759 года онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и смѣненъ, хотя и оставленъ при своемъ новомъ преемникѣ въ войскѣ, а въ мартѣ того же года назначенъ былъ другой главнокомандующій—генералъ-аншефъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, начальствовавшій украинскою ландмилиціею, человѣкъ уже немолодой и до сихъ поръ нигдѣ не показавшій ничѣмъ своихъ военныхъ талантовъ. Онъ былъ, такъ сказать, въ загонѣ, потому что считался сторонникомъ брауншвейгской династіи въ прежнее время. Когда онъ прибылъ къ арміи въ Пруссію, то русскіе

[1]) Архивъ Воронцова, т. IV, стр. 113—124.

[2]) Записки Болотова, т. I, стр. 783—790.—Соловьевъ, т. XXIV, стр. 206—221.

смѣялись надъ нимъ и прозвали его курочкою: это былъ сѣденькій, низкорослый старичокъ, ходившій всегда въ бѣломъ ландмиліціонномъ мундирѣ безъ украшеній и чуждый всякой пышности и церемонности, что́ русскіе привыкли тогда видѣть у своихъ главнокомандующихъ [1]). Въ іюлѣ онъ соединился съ австрійскимъ отрядомъ Лаудона. Русскіе выгнали пруссаковъ изъ Польши и достигли Франкфурта-на-Одерѣ. Салтыковъ хотѣлъ соединиться съ австрійскою главною арміею подъ начальствомъ Дауна, но прусскій король не допустилъ до соединенія союзныхъ войскъ и напалъ на русское войско, расположенное близь Франкфурта-на-Одерѣ, при деревнѣ Кунерсдорфѣ.

Утромъ рано Фридрихъ II переправился черезъ Одеръ, думалъ окружить русское войско съ трехъ сторонъ и прижать его къ рѣкѣ, но по причинѣ лѣсовъ и буераковъ не могъ поспѣть ранѣе полудня. Замѣтивъ, что слабѣе другихъ сторонъ русскаго войска было его лѣвое крыло, онъ направилъ на него всѣ силы, а его артиллерія, уставленная на близлежащихъ высотахъ, метала туда же свои заряды. Пруссаки легко овладѣли русскими баттареями; а русскіе, выстраиваясь маленькими рядами, отстрѣливались, пригибаясь къ землѣ, и все пятились назадъ, уступая мѣсто побѣдоносному непріятелю, такъ что деревня Кунерсдорфъ, бывшая сначала въ срединѣ русскаго войска, очутилась позади пруссаковъ. Въ 6 часовъ вечера пруссаки овладѣли уже всѣми русскими баттареями; захватили 180 пушекъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Побѣда прусскаго короля казалась несомнѣнною, и Фридрихъ отправилъ объ этомъ радостное извѣстіе въ Берлинъ и въ Силезію, а между тѣмъ думалъ окончательно доканать русскихъ. Напрасно прусскіе генералы предостерегали его, что войско изнемогаетъ отъ продолжительнаго боя при утомительномъ знoѣ. Король слушалъ только одного генерала Веделя, который старался говорить королю то, что́ послѣднему нравилось.

Битва возобновилась на этотъ разъ за русскую баттарею, построенную на еврейскомъ кладбищѣ и покинутую. Пруссаки хотѣли овладѣть ею, но Лаудонъ съ австрійцами поспѣлъ ранѣе занять ее. Не удалось пруссакамъ взобраться на высоту, называемую Шпицбергенъ, очень крутую, опоясанную оврагомъ, черезъ который пруссакамъ приходилось перелѣзать. Нѣсколько разъ они повторяли приступы, но были отгоняемы градомъ пуль и картечей. Прусскіе генералы были переранены, самъ король былъ на-волосъ отъ смерти, и только золотая „готовальня“, быв-

---

[1]) Записки Болотова, т. I, стр. 871—872.

шая у него въ карманѣ, не допустила пули просадить ему грудь. Въ это время на ослабѣвшихъ уже пруссаковъ напалъ съ двухъ сторонъ Лаудонъ съ конницей. Это рѣшило побѣду надъ пруссаками. Все ихъ войско побѣжало въ лѣсъ и на мосты, гдѣ произошла давка и смятеніе. Пруссаки потеряли не только всѣ взятыя у русскихъ орудія, но покинули и собственныхъ шестьдесятъ-пять. Фридрихъ II чуть самъ не попался въ плѣнъ и былъ одолженъ своимъ спасеніемъ ротмистру Притвицу, который, съ отрядомъ гусаръ, вступилъ въ бой съ русскою погонею, задержалъ ее и тѣмъ далъ время Фридриху II ускользнуть отъ опасности. Фридрихъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ вѣрившій въ свое торжество и разсылавшій курьеровъ съ вѣстью о побѣдѣ надъ русскими, пришелъ въ такую скорбь, что желалъ себѣ смерти. „Изъ сорока-восьми тысячъ воиновъ у меня осталось не болѣе трехъ тысячъ",—писалъ онъ тогда Финкенштейну, своему министру въ Берлинѣ;—„все бѣжитъ; нѣтъ у меня власти остановить войско; пусть въ Берлинѣ думаютъ о своей безопасности. Послѣдствія битвы будутъ еще ужаснѣе самой битвы. Все потеряно. Я не переживу погибели моего отечества!" Въ Россіи, напротивъ, извѣстіе о побѣдѣ принесло великую радость и торжество. Въ церкви Зимняго дворца отправлялся благодарственный молебенъ, звонили въ колокола, палили изъ орудій. Салтыковъ произведенъ былъ въ фельдмаршалы, прочіе генералы повышены въ чинахъ и получили земли въ Лифляндіи; Марія-Терезія, съ своей стороны, прислала Салтыкову и другимъ русскимъ генераламъ подарки, состоявшіе въ дорогихъ вещахъ и червонцахъ. Русскимъ стоила эта побѣда 2.614 человѣкъ убитыми, 10.863 ранеными; непріятельскихъ тѣлъ похоронено на мѣстѣ битвы 7.627; взято въ плѣнъ 4.542, дезертировъ прусскихъ было 2.055; у Лаудона убито было 893 человѣка, ранено 1.398. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки [1]).

Послѣ побѣды Салтыковъ нѣсколько времени не предпринималъ движеній ни впередъ, ни назадъ, ни въ сторону. Его недовѣріе къ Дауну простиралось до того, что онъ говорилъ французскому агенту, бывшему въ русскомъ войскѣ: „австрійцы за тѣмъ призвали русское войско, чтобъ его сгубить. Дауну хочется, чтобъ русскіе дрались, а онъ съ своимъ войскомъ дѣлалъ бы только диверсіи" [2]). Недовѣріе между полководцами перешло на

---

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 264.—Herrmann, т. V, стр. 163—164.—Записки Болотова, т. I, стр. 911—923.—Schöffer. Geschichte des Siebenjährigen Krieges, т. I, 309—314.

[2]) Stuhr. „Forschungen", т. II, стр. 258.

непріятныя отношенія и между ихъ правительствами: тогда изъ Петербурга посылались въ Вѣну жалобы на Кауница и на Дауна, а по Европѣ стало распространяться мнѣніе, что медлительность Салтыкова послѣ кунерсдорфской битвы есть плодъ тайныхъ предписаній петербургскаго правительства, которое будто бы подпадало подъ сильное вліяніе новоприбывшаго англійскаго посланника Кейта и стало дѣйствовать не въ пользу своихъ союзниковъ австрійцевъ [1]). На самомъ дѣлѣ, между австрійскою политикою и русскою ощутительно выказалось различіе принциповъ, съ которыми обѣ стороны смотрѣли на союзъ между собою. Австрійцы представляли русскому правительству, что русское войско въ Пруссіи должно дѣйствовать только какъ вспомогательная сила для Австріи, но императрица Елисавета Петровна отвѣчала, что это невѣрно, и самъ Фридрихъ II давно объявилъ, что считаетъ Россію главнѣйшимъ изъ своихъ непріятелей [2]).

Въ 1760 году Салтыковъ отступилъ въ Польшу и расположилъ свое войско тамъ на квартирахъ. Продолжались переговоры съ австрійскими генералами о способахъ веденія войны, но изъ этого ровно ничего важнаго не выходило. Салтыковъ былъ боленъ: онъ подвергался припадкамъ ипохондріи и, кромѣ того, страдалъ часто лихорадкой. 12-го сентября онъ подалъ въ отставку и сдалъ команду генералу Фермору. Ферморъ и Даунъ продолжали спорить между собою на счетъ движенія военной силы. Наконецъ, 15-го сентября получено изъ Петербурга предписаніе послать отрядъ на Берлинъ, о чемъ уже прежде представлялъ Ферморъ. Въ то же время предпринята была вмѣстѣ со шведами осада прусскаго города въ Помераніи, Кольберга, но пошла неудачно. Русскіе, высадившись на берегъ, услыхали, что на выручку Кольбергу идетъ прусское войско, на-скоро посадили на суда свои силы и отплыли [3]).

Предпріятіе Тотлебена и Чернышова, отправленныхъ на Берлинъ, было удачное: 22-го сентября Тотлебенъ сталъ передъ берлинскими воротами. Ферморъ съ главною арміею отошелъ къ Франкфурту-на-Одерѣ. Берлинъ, на лѣвой сторонѣ Шпре, огражденъ былъ стѣною, на правой—палисадомъ и охранялся гарнизономъ въ три баталіона. Комендантъ, генералъ Роховъ находилъ невозможнымъ чинить отпоръ и готовъ былъ сдаться на великодушіе побѣдителей, но приглашенные на военный совѣтъ гене-

---

[1]) Ibidem, 274.

[2]) Raumer, „König Friedrich II und seine Zeit“, 462.

[3]) Schöffer. Gesch. des Siebenjähr. Krieges, III, 27.

ралы Левальдъ, Зейдлицъ и принцъ виртембергскій уговорили его защищаться. Устроили у воротъ шанцы, забрали въ службу инвалидовъ и выздоравливающихъ солдатъ. Тотлебенъ приблизился къ воротамъ Котбусскимъ и Галльскимъ и въ 2 часа пополудни открылъ огонь. Пруссаки дали отпоръ. Тотлебенъ увидалъ, что Берлина скоро взять нельзя и отступилъ, оставивши у города казаковъ съ двумя орудіями, а самъ овладѣлъ замкомъ Кепеникомъ, но послѣ сильнаго сопротивленія. Въ это время въ Берлинъ вошло еще девять баталіоновъ пѣхоты. Услыхавши о такомъ усиленіи гарнизона въ Берлинѣ, дано было знать Фермору, съ тѣмъ, чтобъ просить подмоги. Ферморъ прислалъ отрядъ конницы и пѣхоты съ частію артиллеріи. 26-го октября Тотлебенъ и Чернышовъ снова явились подъ Берлиномъ, одинъ на лѣвой, другой на правой сторонѣ рѣки Шпре. Тотлебенъ началъ нападеніе съ юга; противъ него защищался генералъ Зейдлицъ. Тутъ казаки узнали, что на подмогу Берлину изъ Потсдама идетъ прусскій генералъ Гюльзенъ. Тотлебенъ выслалъ противъ него отрядъ, но Гюльзенъ пробился сквозь него и расположился у Галльскихъ воротъ. Тотлебенъ отступилъ въ Юстенгаузъ.

Въ виду усиленія прусскихъ силъ въ Берлинѣ, Чернышовъ былъ того мнѣнія, что придется оставить покушеніе овладѣть Берлиномъ, какъ получилось извѣстіе, что въ содѣйствіе къ русскимъ подходитъ австрійскій фельдцейхмейстеръ Ласси съ осьмнадцатью тысячами войска. И такъ подъ Берлиномъ вдругъ очутилось сорокъ тысячъ непріятельскаго войска. По этой причинѣ въ ночь съ 8-го на 9-го октября н. с. (27—28 сент. стар. ст.) въ Берлинѣ рѣшили сдать городъ и гарнизонъ перевести въ Шпандау.

Въ 4 часа утра комендантъ Роховъ вручилъ капитуляцію Тотлебену. Послѣдній принялъ ее, не сносясь съ Ласси и даже съ Чернышовымъ, на условіяхъ, чтобы гарнизонъ объявленъ былъ военноплѣннымъ; всѣ воинскіе запасы и государственное имущество поступали въ распоряженіе побѣдителей, а частная собственность объявлялась неприкосновенною и всѣмъ обывателямъ Берлина предоставлялась личная безопасность.

Тотлебенъ вошелъ въ Берлинъ съ тремя полками, назначилъ комендантомъ Берлина бригадира Бахмана и тотчасъ вступилъ въ продолжительные толки съ мѣстными властями о контрибуціи. Тотлебенъ запросилъ четыре милліона талеровъ, но къ вечеру сошлись на полутора милліонахъ талеровъ. Часть этой контрибуціи должна быть уплачена въ теченіе восьми дней, а другая—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Городъ, сверхъ того, далъ войску подарокъ, такъ-называемыя douceur-Gelden. Квартиръ въ городѣ не

положено; торговля должна была невозбранно идти своимъ порядкомъ. Русскіе взяли изъ королевской кассы 60.000 талеровъ —болѣе не было. Изъ цейхгауза взято 143 орудія, 18.000 штукъ огнестрѣльнаго оружія и достаточное количество боевого запаса. Въ Потсдамѣ разорена была королевская оружейная фабрика, взорвана пороховая мельница, разрушенъ литейный дворъ; вся запасная аммуниція брошена была въ рѣку Шпре, но королевскіе дворцы остались неразграбленными; только одну картину взялъ себѣ графъ Эстергази. Ферморъ далъ приказаніе истребить все королевское, но купцу Гацковскому удалось спасти лагергаузъ, золотыя и серебряныя мануфактуры, и вообще постараться, чтобы посѣщеніе непріятелей обошлось Берлину наименьшимъ вредомъ. Русскіе, въ числѣ плѣнныхъ съ гарнизономъ, взяли 2.152 человѣка и кадетовъ со служителями 265 человѣкъ. Найдено въ Берлинѣ плѣнныхъ австрійцевъ, нѣмцевъ и шведовъ 4.501 человѣкъ—всѣ они получили свободу [1])

Русскіе генералы мало показывали внимательности къ австрійскимъ, которые и не принимали участія въ капитуляціи. Тѣмъ не менѣе Ласси настоялъ у Чернышова, чтобы караулы у Потсдамскихъ и Бранденбургскихъ воротъ были поручены австрійцамъ. Имъ досталось изъ добычи только 12 орудій, да и то бывшихъ ихъ же собственныхъ, и одна четвертая часть douceur-Gelden, другая четверть досталась Чернышову, а половина—Тотлебену съ его отрядомъ.

Но Ласси взялъ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ; первый заплатилъ 60.000 талеровъ контрибуціи, частью наличною монетою, частью же векселями на Гамбургъ; другой—15.000 талеровъ; Ласси взялъ, кромѣ того, 5.427 талеровъ douceur-Gelden. Ласси не обуздывалъ своихъ воиновъ, и только по ходатайству голландскаго посланника не дошло до полнаго разграбленія. Услыхавши, что король прусскій приближается съ войскомъ, русскіе 12-го октября н. с. (1-го октября стар. ст.) ушли къ Франкфурту-на-Одерѣ, а австрійцы—въ Торгау [2]).

Уже всѣмъ воюющимъ сторонамъ война стала тяжела и несносна. И Франція, и Австрія, и Россія тратили громады людей и большія суммы денегъ, а дѣло ихъ мало подвигалось. Не достигалась цѣль, съ какою война была придпринята—ослабить и унизить прусскаго короля. При всѣхъ неудачахъ онъ, казалось, чѣмъ былъ несчастливѣе, тѣмъ выше выросталъ въ глазахъ не

---

[1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1760 года.

[2]) Schöffer. „Gesch. des Siebenjähr. Krieges“, III, 80—86.

только своихъ подданныхъ, но и тѣхъ націй, съ которыми воевалъ. Во Франціи сочувствіе французской публики склонялось къ Фридриху, внушавшему уваженіе своимъ необычайнымъ геройствомъ, и величайшій писатель Франціи—идолъ своего вѣка, Вольтеръ, въ своихъ произведеніяхъ восхвалялъ не французскаго короля и его полководца, а Фридриха II, врага Франціи и своего личнаго друга. Въ Россіи, какъ ни упорно держалась императрица Елисавета ненависти къ прусскому королю, но русскій молодой дворъ относился къ нему иначе: наслѣдникъ престола Петръ Ѳедоровичъ благоговѣлъ передъ Фридрихомъ, а великая княгиня, если и не раздѣляла приверженности своего супруга къ прусскому королю, не была, однако, такъ непріязненно настроена, какъ императрица; по ея воззрѣніямъ, Россіи лучше всего было не мѣшаться въ прусскія дѣла. Господствующимъ побужденіемъ великой княгини было собственное властолюбіе; ея идеаломъ было достиженіе верховной власти, которую впослѣдствіи она и пріобрѣла, но Семилѣтняя война ни въ какомъ случаѣ не входила въ разсчетъ ея цѣлей. Нельзя сказать, чтобы русскіе вообще желали этой войны, даже и тѣ, которые находились тогда въ войскѣ и бились противъ Пруссіи. Современники говорятъ, что всѣ желали мира и возвращенія въ свое отечество; когда разнесся слухъ о проѣздѣ черезъ Данцигъ какого-то курьера съ мирными предложеніями, слухъ этотъ произвелъ моментальную радость въ войскѣ. Россія вытягивала всѣ скудныя и безъ того экономическія силы своего народа на содержаніе войскъ. Хотя Елисавета Петровна, показывая упорную ненависть къ прусскому королю, говорила, что будетъ продолжать войну, еслибъ ей даже пришлось продать половину своего гардероба и своихъ брилліантовъ [1]), но она не могла не чувствовать и не знать всей тяжести войны для подвластнаго ей народа. О финансовой тягости для Россіи этой войны можно судить уже потому, что каждый годъ не досылалось по нѣскольку сотъ тысячъ рублей до суммы необходимой на содержаніе войска. Война, происходившая въ срединѣ Европы, ни для кого изъ европейцевъ не могла быть пріятна: она задерживала торговлю и всякое мирное обращеніе людей между собою, а потому желаніе мира стало повсемѣстнымъ.

Первые шаги къ желанію примиренія сдѣланы были Франціею. Французская дипломатія стала входить съ правительствомъ австрійскимъ въ соглашеніе, какъ устроить миръ, откровенно сознаваясь,

---

[1]) Депеша Кейта въ „La cour de la Russie il y a cent ans“, 1-го января 1760 г. стр. 163.—Raumer, „Friedrich und seine Zeit“, 469.

что для ея государства война дѣлается нестерпимою. Австрія, въ благодарность за пособіе, оказанное Франціею къ возвращенію Силезіи, уступила Франціи часть Фландріи, состоявшей до того въ австрійскомъ владѣніи: это постановлялось секретною статьею, которую хотѣли скрыть отъ Россіи [1]). Между тѣмъ, съ Россіею у Франціи велись довольно странныя сношенія: мимо собственнаго оффиціальнаго посланника Де-Лопиталя, Людовикъ XV, въ продолженіе цѣлаго года, велъ съ Елисаветою Петровною тайную дружескую переписку черезъ посредство секретаря своего посольства, кавалера д'Эона. Предметами этой переписки отнюдь не были политическіе вопросы, да и вообще она не заключала въ себѣ ничего важнаго. Половина всего написаннаго другъ къ другу высокими особами состоитъ изъ комплиментовъ и увѣреній въ искренно-дружескомъ расположеніи. Императрица жаловалась на свою болѣзнь, и Людовикъ XV послалъ ей своего придворнаго врача Поассонье; но этотъ врачъ не сошелся съ бывшимъ уже при императрицѣ врачемъ, грекомъ Кондоиди, который не хотѣлъ съ французомъ совѣтоваться, потому что послѣдній былъ чиномъ ниже его. Елисавета Петровна просила своего вѣнчаннаго друга прислать къ ней для развлеченія двухъ знаменитыхъ тогда во Франціи артистовъ театра Французской Комедіи — Лекэна и госпожу Клеронъ, но Людовикъ XV отказалъ въ этой просьбѣ, подъ предлогомъ невозможности лишить французскую публику ея любимцевъ. Елисавета Петровна просила французскаго короля быть вмѣстѣ съ нею воспріемникомъ ребенка, котораго рожденія ожидали тогда отъ великой княгини; и на это послѣдовалъ отказъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что такъ какъ этотъ ребенокъ будетъ воспитанъ въ греко-восточной религіи, то король-католикъ не въ состояніи будетъ брать на себя обязанность крестнаго отца, который, по церковному праву, дѣлается наставникомъ своего крестника [2]). Такимъ образомъ, эта переписка была въ свое время какою-то игрою высокихъ особъ въ интимность. Между тѣмъ, узнавши о секретныхъ переговорахъ Франціи съ Австріею, императрица высказала де-Лопиталю свое неудовольствіе на то, что Франція сносится съ Австріею, устраняя Россію.

Но во Франціи произошла перемѣна главнаго министра: вмѣсто Берни сдѣлался министромъ Шоазель, который продолжалъ въ принципѣ ту же мироже лательную политику, какъ и его предшественникъ, но былъ отважнѣе. Онъ находилъ, что роль

---

[1] Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, 336.

[2]) Ibidem 335.

Россіи въ вопросѣ о европейскомъ мирѣ очень важна, и поручилъ Де-Лопиталю, въ іюлѣ 1759, передать Воронцову, что Россія заслужитъ благодарность всей Европы, если приметъ на себя посредничество къ примиренію Австріи съ Пруссіею, а это не такъ трудно, потому что обѣ державы въ равной степени истощены войною. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовала кунерсдорфская побѣда—и это событіе дало Россіи право, съ своей стороны, заговорить болѣе высокимъ голосомъ. 26-го октября того же года подана была отъ канцлера Воронцова записка, а 1-го декабря послѣдовала въ такомъ же смыслѣ другая: ихъ содержаніе было таково, что если Австрія пріобрѣтетъ Силезію, а Франціи уступитъ часть Фландріи, то Россія, какъ союзная съ ними держава, за участіе въ войнѣ имѣетъ также право на вознагражденіе и желаетъ пріобрѣсти Восточную Пруссію вдоль балтійскаго побережья отъ Мемеля до устья Вислы, въ видахъ размѣняться этою территоріею съ Польшею, отъ которой, зато, Россія желаетъ получить правобережную Украину, уступленную Польшѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи. Такое заявленіе не понравилось Франціи, которая явно желала, чтобы Россія, посылая свои военныя силы и истрачивая свои финансы, осталась въ концѣ концовъ съ пустыми руками, тогда какъ союзники ея будутъ получать выгоды [1]). Версальскій дворъ не довѣрялъ Россіи; впрочемъ такое недовѣріе въ Европѣ было всеобщее. Уже не одинъ годъ привыкли въ Европѣ находить въ дѣйствіяхъ Россіи жадность къ территоріальнымъ захватамъ. Англія, также какъ и ея соперница Франція, неодобрительно отнеслась къ желанію Россіи пріобрѣсти Восточную Пруссію, хотя бы и временно, съ цѣлью промѣна ея на правобережную Украину. Когда Иванъ Ивановичъ Шуваловъ заговорилъ объ этомъ съ англійскимъ посланникомъ въ Россіи, Кейтомъ, англичанинъ отвѣчалъ, что съ такимъ требованіемъ нельзя мыслить о прекращеніи войны: король прусскій скорѣе погребетъ себя подъ развалинами своего государства, чѣмъ согласится на такое унизительное условіе; и всѣ другія государства до этого не допустятъ, потому что ясно увидятъ намѣреніе Россіи овладѣть всею торговлею Сѣвера. Данія и Швеція также не соглашались на проектъ Россіи; даже Австрія, нуждавшаяся въ союзѣ съ Россіею и потому не смѣвшая слишкомъ рѣзко отказывать ей, соглашалась очень уклончиво, чтобы о вознагражденіи Россіи было условлено съ Австріею секретно, въ общихъ выра-

---

[1]) Vandal. Louis XV et Elisabeth de Russie, 362.

женіяхъ и притомъ только тогда, когда Австрія получитъ уже то, чего желаетъ [1]).

Де-Лопиталь, слишкомъ старый и притомъ казавшійся расточительнымъ, былъ уволенъ съ почетомъ, а посланникомъ въ Петербургъ назначенъ двадцати-семилѣтній баронъ Бретель, красивый, любезный, годный для дамскаго общества, хотя уже женатый и горячо любившій жену свою. Ему дали секретное порученіе склонить на сторону Франціи великую княгиню, которой стали приписывать важное вліяніе на политическія дѣла. Всѣ знали, что до сихъ поръ Екатерина была нерасположена къ Франціи, но приписывали это тому, что по французскимъ интригамъ въ Польшѣ былъ отозванъ изъ Петербурга Понятовскій, котораго великая княгиня желала видѣть при русскомъ дворѣ. Бретель тутъ-то и ошибся. Если великая княгиня благоволила къ Понятовскому, то императрица не терпѣла этого человѣка и написала о томъ къ Людовику XV, а король французскій, ей въ угоду, отправилъ въ Варшаву своему посольству приказаніе стараться, чтобы въ Петербургъ Понятовскаго не посылали [2]).

Между тѣмъ у французскаго министра Шоазеля съ англійскими дипломатами возникли переговоры, на которыхъ заявлена была мысль рѣшить вопросъ о мирѣ посредствомъ созванія вмѣсто одного конгресса, какъ хотѣли прежде англичане, двухъ конгрессовъ: одинъ бы занялся спорными вопросами, породившими войну между Англіею и Франціею, и всецѣло относился бы къ американскимъ владѣніямъ, второй—посвященъ былъ установленію мира между прусскимъ королемъ, съ одной стороны, и между Австріею, Россіею и Саксоніею—съ другой; тѣмъ временемъ предположили заключить всеобщее перемиріе. Такое предложеніе послано было Бретелю для представленія россійскому правительству. Предложеніе, поданное Бретелемъ въ январѣ 1761 года, разсматривалось въ конференціи Воронцовымъ и камергеромъ Шуваловымъ, котораго голосъ долженъ былъ считаться голосомъ самой государыни, уже не занимавшейся по болѣзни никакими дѣлами. Великій князь, котораго сильно обвиняли въ пристрастіи къ прусскому королю, не былъ допущенъ. Мысль о двухъ конгрессахъ была одобрена, но перемиріе допускалось Россіею только на короткое время. Императрицѣ-королевѣ предоставлялось получить Силезію,—увеличить владѣнія короля польскаго и курфирста саксонскаго, Швеціи отдать часть Помераніи, а Россія

---

[1]) Соловьевъ, т. XXIV, стр. 333—340.

[2]) Vandal, „Louis XV et Elisabeth de Russie“, 380.

хотя имѣетъ право на Восточную Пруссію, уже завоеванную у такого государя, который первый объявилъ войну, но такъ какъ Россіи главная цѣль—ослабленіе и усмиреніе прусскаго короля, то Россія жертвуетъ своими правами, лишь бы улучшены были мирныя условія для ея союзниковъ, особенно для Франціи; поэтому государыня объявитъ англійскому правительству, что если она, ради всеобщаго мира, сдѣлаетъ уступку своихъ правъ, то надѣется, что взаимно и Англія окажетъ пожертвованіе въ своихъ претензіяхъ на французскія владѣнія. О такой своей умѣренности сообщила императрица французскому королю и просила секретно поддерживать на польскомъ сеймѣ запросы Россіи касательно исправленія украинскихъ границъ [1]). Не было ничего неблагоразумнѣе со стороны Россіи такого неумѣстнаго великодушія: этимъ воспользовались въ Европѣ и растолковали такое великодушіе безсиліемъ Россіи.

Шоазель, одушевляемый патріотическою идеею сохраненія за Франціею ея заморскихъ владѣній, вполнѣ одобрилъ русскій проектъ и писалъ Бретелю, что слѣдуетъ воспользоваться выгодами, которыя предоставляетъ петербургскій дворъ, оставляя Пруссію, и убѣдить вѣнскій дворъ, что земли, завоеванныя французами у прусскаго короля, должны остаться въ вознагражденіе Франціи. 13-го мая того же года Шоазель прислалъ Бретелю ноту иного содержанія: „теперь не время распространяться о видахъ Россіи на польскую Украину; можете ограничиться общими увѣреніями, что король, насколько возможно, покажетъ свое доброе расположеніе къ интересамъ Россіи“. Это произошло оттого, что, во-первыхъ, Людовикъ XV сталъ мало цѣнить силу Россіи, во-вторыхъ, не хотѣлъ огорчить поляковъ допущеніемъ русскихъ завладѣть Украиною. Въ іюнѣ того же года самъ король написалъ Бретелю: „русскіе годятся быть союзниками только ради того, чтобы не приставали къ нашимъ врагамъ; они дѣлаются заносчивы, когда видятъ, что у нихъ чего-нибудь ищутъ. Если я стану одобрять намѣреніе русскихъ овладѣть Украиною, я могу возбудить къ себѣ охлажденіе со стороны турокъ. Слишкомъ дорого придется мнѣ заплатить за союзъ съ государствомъ, гдѣ интрига день ото дня беретъ болѣе и болѣе верхъ, гдѣ остаются неисполняемыми повелѣнія высочайшей власти и гдѣ непрочность преемства лишаетъ довѣрія къ самымъ торжественнымъ обязательствамъ“. Слѣдуя инструкціи, присланной отъ короля, Бретель, въ разговорахъ съ Воронцовымъ, тщательно избѣгалъ всего,

[1]) Vandal, 392—393.—Соловьевъ, т. XXIV, 371—374.

что касалось Польши и Украины, а когда Воронцовъ заговорилъ о дружественномъ союзѣ съ Франціею, который тотчасъ послѣ конференціи предлагала государыня въ частномъ письмѣ къ Людовику XV, то Бретель представился ничего не понимающимъ и сталъ распространяться о союзѣ торговомъ. Тогда Россія, видя, что ея добрыя предположенія не цѣнятся, покинула обѣщанное свое посредничество въ примиреніи Франціи съ Англіею. Правда, посолъ русскій въ Лондонѣ, князь Голицынъ, разъ заикнулся объ этомъ вопросѣ, но уже болѣе не повторялъ ничего о немъ, а первый тогдашній министръ англійскій Питтъ, врагъ Франціи, объявилъ французамъ категорически, что Англія иначе не приступитъ къ миру, какъ удержавши въ своемъ владѣніи всѣ свои завоеванія въ Америкѣ и въ Индустанѣ [1]).

Положеніе Фридриха II-го не улучшалось. Истративши въ бояхъ столько войска, онъ не видалъ, чтобы враги его отъ равнаго истощенія уменьшили противъ него злобу, — напротивъ, желалъ мира онъ самъ, а императрица-королева оттягивала собраніе конгресса въ Аугсбургѣ, съ явнымъ намѣреніемъ продолжать войну, въ надеждѣ еще болѣе унизить своего соперника. Англія стала медлить въ присылкѣ ему субсидій по смерти англійскаго короля Георга II; французскія, австрійскія и русскія войска не выходили изъ Германіи. Россія съ такимъ упорствомъ, казалось, хотѣла вести войну, что не ладила съ Австріею по поводу перемирія, которое допускала Австрія, а Россія долго его не хотѣла и согласилась только на короткій срокъ до 1-го іюля. По минованіи этого срока, война открылась со всѣхъ сторонъ. Въ Вестфаліи, то-есть въ прирейнскихъ прусскихъ владѣніяхъ, явились французскія военныя силы подъ начальствомъ Субиза и Брогліо (на счастіе Фридриху Второму не ладившихъ между собою). На восточной сторонѣ изъ прусскихъ областей не выходили русскія и австрійскія войска. Уже Фридрихъ II пересталъ вести наступательную войну и ограничился оборонительною, избѣгалъ большихъ сраженій и расположилъ свои войска въ разныхъ сторонахъ своего государства, откуда ждалъ нападенія: противъ французовъ отправилъ онъ родственника своего, принца Фердинанда и наслѣднаго принца брауншвейгскаго; противъ Дауна, стоявшаго съ имперскими войсками въ Саксоніи, отрядилъ брата своего Генриха, а самъ съ наилучшими силами сталъ въ Силезіи и намѣревался отражать русскихъ [2]). Въ то же время узналъ

[1]) Vandal. 394—401.
[2]) Vandal. 402.—Записки Бологова, II, 97—98.

Фридрихъ, что между русскими распространилось недовольство войною, и это подало ему поводъ попытаться—нельзя ли склонить Россію къ отдѣльному миру. Но его надежды скоро разсѣялись, когда онъ услыхалъ, что Елисавета Петровна отзывается самымъ непріязненнымъ тономъ о прусскомъ королѣ и изъявляетъ охоту воевать противъ него до крайней возможности [1]).

Главнокомандующій русскимъ войскомъ Бутурлинъ отрядилъ 27.000 человѣкъ, подъ командою генерала Румянцева, въ Померанію, для покоренія приморскаго укрѣпленнаго города Кольберга, а самъ съ четырьмя дивизіями (Фермора, кн. Голицына, кн. Долгорукаго и Чернышова), расположился въ Познани. Современникъ свидѣтельствуетъ, что Бутурлинъ преданъ былъ „куликанью" [2]) и забавлялъ себя разнымъ безобразіемъ, напримѣръ, пьяныхъ гренадеровъ производилъ въ офицерскіе чины, а потомъ снималъ съ нихъ чины. Наконецъ, онъ двинулся въ Силезію къ Бреславлю, куда и Лаудонъ долженъ былъ съ своимъ отрядомъ спѣшить на соединеніе съ нимъ. Но прусскій король, выступивши изъ Бреславля, не допустилъ соединиться русскихъ съ имперцами. Бутурлинъ подступилъ къ Бреславлю, промедлилъ нѣсколько дней въ безполезныхъ приготовленіяхъ къ осадѣ, потомъ у Стригау соединился съ Лаудономъ и вмѣстѣ пошли къ Швейдницу, куда отступилъ прусскій король. Фридрихъ, расположившись подъ Швейдницемъ, въ короткое время такъ укрѣпилъ свой станъ батареями, что онъ имѣлъ видъ постоянной крѣпости. Полководцы собирались напасть на королевскій станъ, но провели двадцать дней въ безполезныхъ спорахъ и толкахъ; наконецъ Бутурлинъ оставилъ при Лаудонѣ отрядъ Чернышова въ двадцать тысячъ, а самъ со своимъ войскомъ отошелъ въ Польшу. Прусскій король, простоявъ еще двѣ недѣли подъ Швейдницемъ, хотѣлъ принудить Лаудона вступить съ нимъ въ битву или удалиться въ Богемію, но Лаудонъ не рѣшался ни на то, ни на другое, и наконецъ, прусскій король, въ виду наступавшей для его войска скудости въ продовольствіи, двинулся къ Нейсу, гдѣ у него были запасные магазины. Тогда Лаудонъ въ совѣтѣ съ Чернышовымъ рѣшился сдѣлать нападеніе на Швейдницъ. Они выбрали для этого темную ночь: русскихъ было послано только четыре гренадерскихъ роты. На счастіе русскимъ и австрійцамъ, комендантъ Швейдница давалъ по какому-то поводу балъ: русскіе и австрійцы ворвались въ Швейдницъ въ два часа по-полуночи; переходя по

---

[1]) Raumer, „Friedrich II und seine Zeit", 468—469.

[2]) Болотовъ. Записки. II, 99—101.

фашинамъ черезъ ровъ, многіе попадали въ глубину, а въ самомъ городѣ прусскій артиллеристъ зажегъ пороховой магазинъ, взорвалъ на воздухъ триста русскихъ солдатъ, но вмѣстѣ съ ними погубилъ немало и своихъ пруссаковъ. Лаудонъ запретилъ своимъ подчиненнымъ грабить, однако не въ силахъ былъ остановить разсвирѣпѣвшихъ солдатъ. Русскіе вели себя тамъ умѣреннѣе и воздержнѣе, чѣмъ австрійцы.

На сѣверѣ, въ Помераніи, воевалъ съ отдѣльнымъ корпусомъ генералъ Румянцевъ. Уже два раза въ эту войну русскіе пытались покорить городъ Кольбергъ, но безуспѣшно. На этотъ разъ русскій флотъ, состоявшій изъ сорока большихъ и малыхъ судовъ, въ соединеніи съ шведскимъ, дѣйствовалъ противъ кольбергской крѣпости съ моря, а Румянцевъ — съ сухого пути. Подъ самымъ Кольбергомъ расположились защищать городъ пруссаки, подъ командой генерала принца виртембергскаго и укрѣпили свой станъ окопами и батареями; мѣстоположеніе, избранное ими, было выгодно: съ одной стороны, рѣчка, съ другой - болото, позади — городъ, откуда можно было доставать съѣстные и боевые запасы. Начались драки и схватки съ перемѣнною удачею то для тѣхъ, то для другихъ. Въ одинъ день русскіе взяли въ плѣнъ храбраго прусскаго генерала Вернера; зато, на другой день, въ кровопролитной пятичасовой битвѣ они потеряли до трехъ тысячъ убитыми и въ томъ числѣ генералъ-маіора князя Долгорукаго. Но ретраншементъ, ограждавшій станъ принца виртембергскаго, не сдавался ни противъ какихъ рѣшительныхъ русскихъ приступовъ, и русскіе чувствовали, что съ наступленіемъ глубокой осени станетъ имъ еще труднѣе. Правда, Румянцеву была прислана помощь отъ Бутурлина. но и прусскій король, съ своей стороны, прислалъ въ подмогу принцу виртембергскому генерала Платена, и русскіе, при всѣхъ усиліяхъ, не могли помѣшать ему.

Наступилъ мѣсяцъ ноябрь; началась стужа. Въ войскѣ принца виртембергскаго былъ такой недостатокъ топлива, что прусскіе солдаты сламывали въ городѣ деревянные домы для своего обогрѣванія. Недостатокъ фуража былъ такъ великъ, что у конницы лошади получали только по полуфунту соломы въ сутки; городъ былъ такъ стѣсненъ, что нельзя было провезти туда ни одного воза съ продовольствіемъ. Зная такое положеніе непріятелей, Румянцевъ нѣсколько разъ посылалъ къ принцу виртембергскому предложеніе сдаться; принцъ отвергалъ такія предложенія и, наконецъ, отважился на смѣлое и, можно сказать, отчаянное дѣло: позади города было обширное плесо, которое соединялось съ моремъ узкимъ, но глубокимъ протокомъ; русскіе не пред-

приняли тамъ никакихъ предосторожностей, кромѣ того только, что истребили суда, стоявшія близъ берега. Принцъ виртембергскій приказалъ построить на кòзлахъ мостъ, а мужикъ, знавшій мѣстность, указалъ мѣста, гдѣ въ плесѣ вода была не такъ глубока; сдѣлали на-скоро мостъ, провели черезъ него пѣхоту, а конница переплавилась вплавь. Этотъ подвигъ совершенъ былъ 14-го ноября въ темную ночь, и притомъ такъ тихо и удачно, что русскіе узнали о томъ, что ихъ непріятель ускользнулъ, когда уже прусское войско совершенно переправилось черезъ воду. Принцъ виртембергскій и Платенъ думали снабдить крѣпость продовольствіемъ, но его взять было неоткуда; между тѣмъ сдѣлался такой жестокій морозъ, что замерзло болѣе сотни пруссаковъ. Тогда Румянцевъ послалъ къ кольбергскому коменданту Гейдену убѣжденіе сдаться, но комендантъ отказалъ—и повелѣлъ облить водою крѣпостные валы и стѣны, чтобъ они, обледенѣвъ, стали неприступны на случай штурма. И дѣйствительно, нѣсколько попытокъ приступа окончились неудачно. Между тѣмъ и русскимъ пришлось также чрезвычайно круто: солдаты помѣщались въ палаткахъ и землянкахъ подъ снѣгомъ, покрывшимъ землю уже болѣе, чѣмъ на цѣлый аршинъ. Обѣ стороны выжидали, чтобы ихъ противники склонились подъ неудобствами зимы и всякихъ лишеній; пруссаки надѣялись, что русскіе прежде изнемогутъ и отойдутъ; русскіе ожидали, что холодъ и голодъ таки принудятъ Кольбергъ сдаться. Промедлили еще до 6-го декабря. Русскіе взяли верхъ въ этомъ взаимномъ ожиданіи бѣды противникамъ. Кольбергъ сдался [1]). Русскіе взяли въ покоренной крѣпости 2.903 человѣка военноплѣнныхъ и 146 орудій. Комендантъ хотѣлъ-было выговорить болѣе снисходительныя условія—выйти гарнизону съ оружіемъ и съ запасами, но Румянцевъ настоялъ, чтобы всѣ положили оружіе, а запасу дозволилъ взять столько, сколько каждый солдатъ можетъ помѣстить у себя въ сумкѣ на три дня. Офицерамъ дозволено ѣхать въ экипажахъ съ семьями въ опредѣленныя мѣста въ сопровожденіи русскихъ оберъ-офицеровъ. Оставивши оружіе, прусскій гарнизонъ удалился въ Штеттинъ [2]). Но когда донесеніе Румянцева о побѣдѣ прибыло въ Петербургъ — уже императрица Елисавета Петровна лежала мертвою.

---

[1]) Записки Болотова, II, 122.

[2]) „Петербургскія Вѣдомости“ 1761 г., декабря 25-го дня.

VII.

Государственное управленіе при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Сенатъ.— Его дѣятельность для водворенія порядка въ имперіи.— Ревизія.— Губернаторы.— Окраины.— Южная Русь.— Переселеніе сербовъ въ россійскія владѣнія.— Крѣпостное право въ Россіи.— Побѣги.— Крестьянскіе бунты и волненія.— Разбои.— Тайная канцелярія.— Управленіе городовъ.— Благочиніе.— Пожары.— Войско.

Въ управленіи государствомъ, съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, не стало уже кабинета высшей власти, посредствующей между Высочайшею особою и сенатомъ. Но около государыни всегда были близкіе люди, чаще другихъ видѣвшіе и слышавшіе ее, а потому имѣвшіе бо́льшую власть предъ другими, и хотя кабинетъ по формѣ былъ уничтоженъ, но, въ сущности, онъ продолжалъ быть при государынѣ, не имѣя, впрочемъ, прежняго названія. Въ первые годы своего царствованія, императрица сама часто посѣщала сенатъ и обращала вниманіе на дѣла; но годъ отъ году такія посѣщенія становились рѣже, и мало-помалу, императрица стала утомляться, такъ что, исключая близкихъ людей, рѣдко кто удостоивался ее видѣть.

Одною изъ первыхъ обязанностей возстановленнаго въ своей силѣ сената было — пересмотрѣть всѣ до того бывшіе указы и отмѣтить изъ нихъ тѣ, которые признаются противными государственной пользѣ [1]). Итакъ, съ первыхъ дней царствованія Елисаветы Петровны, сенатъ получилъ какъ бы власть законодательную. Высочайшая особа составляла главу этого законодательнаго о̀ргана; государыня была тогда для всѣхъ доступна: въ январѣ 1742 года всѣмъ и каждому было дозволено подавать лично государынѣ челобитныя, и для этого назначался опредѣленный въ недѣлю день. Но это продолжалось недолго, и 28-го числа мая того же года указано было подавать челобитныя не иначе, какъ въ соотвѣтственное присутственное мѣсто. Сенатъ имѣлъ, кромѣ того, высшую судебную власть; никто безъ утвержденія сената не могъ быть приговоренъ къ политической смерти [2]). До 1753 года, хотя смертной казни и не было, но преступникамъ, осужденнымъ на политическую смерть, отсѣкали правую руку, а съ вышеприведеннаго года ограничили наказаніе—кну-

[1]) Указъ 12-го декабря 1741 г.

[2]) Указъ 6-го августа 1746 г.

томъ и рваніемъ ноздрей. Въ это же время послѣдовало облегченіе для женскаго пола: женъ преступниковъ не приневоливали идти съ мужьями въ ссылку; имъ дозволяли жить въ своихъ приданыхъ имѣніяхъ и домахъ, либо выдѣляли имъ на содержаніе часть мужняго движимаго имущества, а въ 1757 году женщины, приговоренныя къ тѣлесному наказанію, освобождаются отъ рванія ноздрей и наложенія клеймъ.

Бывшая при Аннѣ Ивановнѣ доимочная канцелярія возбудила къ себѣ всеобщую ненависть, и въ виду этого была уничтожена тотчасъ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. Но недоимки отъ этого не уменьшились, а въ сентябрѣ слѣдующаго года возрасли въ государствѣ до пяти милліоновъ. Тогда сенатъ, для искорененія безпорядковъ, подалъ въ докладъ проектъ —черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ возобновлять ревизію. Этою мѣрою думали пресѣчь повсемѣстные побѣги и пристанодержательство бѣглыхъ, а также облегчить судьбу помѣщиковъ, которые часто за недоимки содержались подъ карауломъ. Государыня утвердила поданный проектъ только въ слѣдующемъ году, и тогда же было указано всѣмъ разночинцамъ и боярскимъ людямъ, находящимся въ отлучкѣ, явиться къ своимъ мѣстамъ къ 1-му іюня 1744 года для записки въ ревизію. Для производства ревизіи посылались по губерніямъ генералы со штабъ- и оберъ-офицерами, которые прежде всего должны были собрать сказки, а потомъ на нихъ же возлагалась обязанность ѣздить самимъ для повѣрки бѣглыхъ и отсылки живущихъ у чужихъ помѣщиковъ къ своимъ законнымъ владѣльцамъ. У помѣщиковъ беземельныхъ оставляли ихъ крѣпостныхъ, но обязывали платить за нихъ подати. Малороссіяне, если оказывались у помѣщиковъ записанными въ крѣпостныхъ, получали всѣ безъ изъятія полную свободу. Неслужащихъ лицъ духовнаго званія, незаконнорожденныхъ и вольноотпущенныхъ, если окажутся годными въ солдаты, велѣно отсылать въ военную коллегію, иначе—записывать въ посады или цехи, либо же—по ихъ желанію—за помѣщиками; прежнихъ службъ служилыхъ людей — однодворцевъ, рейтаръ, копейщиковъ, затинщиковъ, пушкарей—переписать особо и отвозить на украинскую линію. Изъ этого видно, что ревизія имѣла послѣдствіемъ большое перемѣщеніе народа съ мѣста на мѣсто. Высшій классъ—шляхетство—въ подушный окладъ не включалось, но для порядка велѣно было и его переписать, а несовершеннолѣтнихъ отсылать въ столицу на смотръ. Поступившіе въ окладъ по ревизіи крестьяне платили подати различно, смотря по вѣдомствамъ, но въ 1760 году (указъ 12 окт.) сравняли

черносошныхъ (впослѣдствіи казенныхъ) съ дворцовыми и синодальными, прибавя къ прежнему четырехгривенному окладу еще 60 копѣекъ, и ввели общій для всѣхъ—рублевый окладъ.

Подъ властію сената въ губерніяхъ управляли губернаторы, жившіе въ губернскихъ городахъ. Въ 1749 году указано строить имъ на казенный счетъ дома о восьми покояхъ съ хозяйственными пристройками и, кромѣ того, губернскую канцелярію съ конторою для сбора подушныхъ. Въ провинціяхъ, на которыя дѣлились губерніи, правили воеводы; для нихъ также строились въ провинціальныхъ городахъ дома о пяти покояхъ съ хозяйственными пристройками и, кромѣ того, домъ для провинціальной канцеляріи. Въ 1744 году (указъ 14-го января) учреждены двѣ новыя губерніи: финляндская—изъ завоеванныхъ отъ Швеціи земель, и оренбургская, которая дѣлилась на провинціи: исетскую, уфимскую и зауральскую землю башкировъ. Оренбургская губернія заселена была въ большинствѣ инородцами мусульманской вѣры. Русскіе, считая и малороссіянъ, которыхъ приглашали тогда по охотѣ селиться, составляли меньшинство. Туземцы, хотя были почти одной вѣры между собою, но различны по языку: тутъ были мещеряки, татары, каракалпаки, черемисы, чуваши, мордва, вотяки, башкирцы. Число послѣднихъ простиралось до 106,176 человѣкъ [1]). Кромѣ нихъ, по временамъ изъ-за Яика прикочевывали киргизъ-кайсаки, и сверхъ того поселялись тамъ преимущественно съ торговыми цѣлями хивинцы, бухарцы, ташкентцы, туркмены, персіяне и арабы въ небольшомъ размѣрѣ. Русскіе вообще не ладили съ некрещенымъ населеніемъ края. Давнее стремленіе распространить христіанство дѣлалось такимъ неумѣлымъ и притомъ такимъ не-христіанскимъ способомъ, что возбудило повсюду ненависть къ русскимъ. Въ оренбургскомъ краѣ, управляемомъ тогда Неплюевымъ, явился между башкирцами нѣкто Батырша, фанатикъ мусульманства и ожесточенный ненавистникъ всего христіанства. Это былъ человѣкъ умный, съ желѣзною волею, съ неутомимою дѣятельностью, обладавшій врожденною способностью увлекать за собою толпы. Странствуя по башкирской землѣ, онъ успѣлъ поднять черезъ мусульманскихъ духовныхъ массу своихъ единовѣрцевъ и возбудить къ возстанію. Губернаторъ сначала думалъ укротить башкирцевъ суровыми, жестокими мѣрами, но только озлобилъ ихъ болѣе: всякаго, попавшагося въ ихъ руки русскаго, они изрубливали въ куски. Неплюевъ прибѣгнулъ тогда къ такой мѣрѣ: зная о

[1]) Дубровинъ, „Пугачевъ и его сообщники“, т. I, стр. 251.

томъ, что киргизъ-кайсаки, хотя и единовѣрцы башкирцамъ, но издавна враги между собою, онъ вооружилъ киргизъ-кайсаковъ и настроилъ ихъ перебить бѣжавшихъ къ нимъ башкирцевъ. Такимъ образомъ погибло отъ киргизовъ, какъ сказываютъ, до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Потомъ Неплюевъ уговаривалъ башкирцевъ мстить киргизамъ. Неплюевъ писалъ, что это событіе надолго положитъ вражду между этими народами и облегчитъ Россію. Батырша, послѣ долгихъ странствованій и разныхъ покушеній, самъ отправился въ Петербургъ объясняться за свой народъ въ тайной канцеляріи. Его посадили въ шлиссельбургскую крѣпость, и тамъ онъ погибъ во время покушенія убѣжать оттуда, успѣвъ даже убить одного изъ своихъ сторожей [1]).

Къ малороссійскому народу правительство Елисаветы Петровны относилось особенно милостиво, и это слѣдуетъ приписать вліянію Алексѣя Разумовскаго. Сложены были съ малороссійскаго народа всѣ недоимки въ войсковую казну въ числѣ трехсотъ тысячъ, отпущены были по домамъ козаки, наряжаемые на посты по украинской линіи. Въ Запорожье стали отпускать денежное и хлѣбное жалованье, какъ дѣлалось въ старину; въ слободскихъ полкахъ уволили малороссіянъ отъ посылки въ Бахмутъ на соляныя работы и отъ всякой рядовой службы, кромѣ поставки конныхъ козаковъ въ числѣ пяти тысячъ; всѣ таможни, мосты и перевозы отдавались имъ на откупъ безъ перекупки; упразднялась бывшая канцелярія надъ слободскими полками; возвращался свободный судъ полковымъ канцеляріямъ, а надъ бывшею комиссіею о слободскихъ полкахъ, возбудившею недовольство маллороссіянъ, назначено строгое слѣдствіе. Всѣмъ малороссійскимъ посполитымъ людямъ дозволялось переселяться куда хотятъ: отъ этого въ слободскихъ полкахъ много козаковъ и подсосѣдковъ, а еще болѣе посполитыхъ, стало двигаться къ востоку на переселеніе, и Ахтырскій полкъ чуть не обезлюдѣлъ; желающимъ ѣхать за-границу, для собственнаго образованія, малороссіянамъ велѣно было изъ иностранной коллегіи выдавать безпрепятственно паспорты [2]). Самымъ нагляднымъ измѣненіемъ порядка въ Малороссіи было возобновленіе гетманства. Указъ объ этомъ данъ былъ въ 1747 году, но выборъ гетмана по всѣмъ давнимъ правамъ совершился не ранѣе января 1750 года. Собственно говоря, это былъ вольный выборъ только по формѣ. Козаки были довольны, что у нихъ возстановляется старинный

---

[1]) Дубровинъ, ibid., т. I, стр. 270.—Соловьевъ, т. XXIV, стр. 110.

[2]) Указы 1742, 1743 и 1745 годовъ.

образъ правленія, по выбирать имъ довелось того, кого имъ сверху указывали—Кирилла Разумовскаго, брата Алексѣя. Козаки утѣшали себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что съ такимъ гетманомъ будутъ имѣть защиту и покровительство передъ царскимъ престоломъ, такъ какъ всѣ знали о чрезвычайной силѣ брата Кириллова и о его сердечной привязанности къ родинѣ и любви ко всѣмъ землякамъ.

Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ въ Южной Руси произошло важное событіе переселенія туда сербовъ. Служившій въ австрійской службѣ полковникъ Хорватъ-Одкуркичъ, отъ имени своихъ соплеменниковъ, просилъ дозволенія сербамъ вступить въ русскую службу и для этого получить выгодныя для поселенія земли. Хорватъ сначала обѣщалъ набрать изъ сербовъ два полка: одинъ—въ 1,000 человѣкъ, конный гусарскій; другой—въ 2,000 человѣкъ, пѣхотный пандурскій, а потомъ, прибывши въ Кіевъ съ 218 офицерами и ихъ семьями—четыре полка, обѣщая служить съ той земли, какая сербамъ пожалуется для водворенія. Онъ не просилъ для своихъ сербовъ никакихъ особыхъ привилегій, кромѣ свободной торговли внутри всей Россіи и свободныхъ поѣздокъ для торговыхъ цѣлей въ Польшу, Крымъ и въ Молдавію. Имъ отвели землю для водворенія отъ фортеціи Каменки вдоль польской границы, а съ другой стороны—вдоль владѣній Запорожской Сѣчи до границъ татарскихъ и турецкихъ. Генералъ-маіору Глѣбову поручено было водворить тамъ сербовъ и построить въ краѣ, который съ тѣхъ поръ будетъ называться Новою Сербіею, крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ) [1]. Новопоселенные сербы составляли полки, изъ которыхъ каждый дѣлился на двадцать ротъ, и подчинялись военной коллегіи. Въ 1753 году, по слѣдамъ Хорвата, явились въ Россію полковники Шевичъ и Депрерадовичъ съ иными сербами, и они получили для поселенія край между Бахмутомъ и Луганью. Шевичъ былъ уже знакомъ русскимъ: онъ оказалъ услуги Петру Первому при Прутѣ, и теперь легко пріобрѣлъ милостивое вниманіе царствовавшей въ Россіи дочери Петра. Сначала въ отведенномъ для сербовъ краѣ не было никого, кромѣ природныхъ сербовъ, но въ 1761 году (ук. 14-го авг.) дозволено было въ Новой Сербіи водворяться малороссіянамъ изъ польскихъ предѣловъ и волохамъ, прибывающимъ изъ Молдавіи, и приписываться къ крѣпости Елисаветы подъ именемъ козаковъ, но при этомъ было оговорено, что малороссіянамъ изъ Русскаго государства тамъ селиться не дозволялось.

---

[1]) Указъ 29-го дек. 1751 г.

Въ церковномъ отношеніи поселенцы Новой Сербіи причислены были къ переяславской епархіи [1]).

Въ Малороссіи правительство энергически не допускало крѣпостного права и даже устраняло то, что̀ могло вести къ нему. Но въ Великой Россіи крѣпостничество укоренилось вполнѣ, и правительственныя распоряженія систематически клонились исключительно къ пользамъ дворянскаго сословія. Такъ, допускались случаи, когда законъ обращалъ въ крѣпостного человѣка легально свободнаго: если вольноотпущенный поступалъ къ комунибудь въ услуженіе, то, по желанію послѣдняго, могъ быть обращенъ въ его крѣпостные. У правительства была мысль, чтобы никто не уклонялся отъ взноса подушныхъ денегъ, и крѣпостное право признавалось лучшимъ къ тому способомъ: отъ этого у дворянъ, не имѣющихъ никакой недвижимой собственности, оставляли поступавшихъ къ нимъ какимъ бы то ни было способомъ крѣпостныхъ людей, лишь бы владѣльцы обязались платить за нихъ подушное. Но владѣніе крѣпостными составляло исключительную привилегію только дворянскаго сословія, и въ 1746 году изданъ былъ указъ, по которому слѣдовало всѣхъ записанныхъ за лицами не-дворянскаго сословія крѣпостныхъ людей отобрать и отдать помѣщикамъ изъ дворянъ, если пожелаютъ ихъ принять и платить за нихъ подушное. Дворяне, слѣдовательно, имѣли возможность совершенно безъ всякихъ расходовъ пріобрѣтать крѣпостныхъ людей даже цѣлыми деревнями и селами. Злоупотребленіе этимъ способомъ пріобрѣтенія ощутительно оказалось въ Сибири: тамъ губернаторы записывали въ дворяне разночинцевъ всякаго рода. Но какъ ни старалось правительство оставить исключительно за дворянами крѣпостное право—его старанія и усилія встрѣчали противодѣйствіе въ жизни и привычкахъ общества. Послѣ строгаго запрещенія лицамъ недворянскаго званія владѣть людьми, въ 1749 году сенатъ дознался, что многіе посадскіе, лишенные своихъ крѣпостныхъ, которыми владѣли неправильно, прибѣгнули къ такой продѣлкѣ: продали своихъ крѣпостныхъ дворянамъ, а потомъ на этихъ самыхъ крѣпостныхъ людей побрали отъ дворянъ закладныя письма. Сенатъ подтвердилъ запрещеніе, а заложенныхъ посадскимъ крестьянъ призналъ государственными. Но и въ этотъ разъ не установилось ничего прочнаго. Въ 1758 году оказалось, что многіе не-дворяне, произведенные въ оберъ-офицерскіе чины — протоколисты, регистраторы, бухгалтеры, актуаріусы — не получа дво-

[1]) Указъ 17-го янв. 1760 г.

рянскаго достоинства, владѣютъ населенными имѣніями; опять послѣдовалъ указъ: продать незаконновладѣемыхъ въ теченіе полугода, а впередъ никакимъ приказнымъ служителямъ, неимѣющимъ дворянскаго званія, не владѣть крѣпостными людьми подъ страхомъ конфискаціи. Были, однако, примѣры, когда сама власть отступала отъ общаго правила: напримѣръ, въ 1746 году (ук. 11-го сент.), на основаніи прежнихъ старинныхъ царскихъ грамотъ, дозволено было смоленскимъ мѣщанамъ держать крѣпостныхъ, а въ 1751 году, также на основаніи старинныхъ жалованныхъ грамотъ, дозволили устюжскимъ купцамъ владѣть землями, съ содержаніемъ живущихъ на этихъ земляхъ половниковъ.

Во все царствованіе Елисаветы Петровны по всей имперіи происходили крестьянскіе бунты и возмущенія, какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ монастырскихъ владѣніяхъ. Распространился духъ своевольства между крестьянами всѣхъ вѣдомствъ: крестьяне не повиновались властямъ, не шли на работы по приказу помѣщиковъ, вмѣшивались въ назначеніе управителей и приказчиковъ, нерѣдко отдѣлываясь тѣмъ, что платили послѣ того взятки воеводамъ; но случалось, что для усмиренія ихъ являлись военныя команды, и если крестьяне чувствовали, что у нихъ хватаетъ силы, то прогоняли и команды. Если же приходилось имъ уступать, то они изъявляли готовность во всемъ слушаться властей своихъ [1]). Вмѣстѣ съ этими крестьянскими возмущеніями шли крестьянскіе побѣги, дѣла о которыхъ до того накопились, что правительство принуждено было устанавливать сроки, ранѣе которыхъ не принимать исковъ о бѣглыхъ, и всѣми средствами сократить безконечныя дѣла о побѣгахъ. Съ крестьянскими бунтами и побѣгами связывались разбои, такъ какъ замѣчалось повсюду, что разбойническія шайки состояли въ тѣсной органической связи съ крестьянскими бунтами. Ареною разбойничьихъ шаекъ были, какъ и прежде, рѣки, и нападенія разбойниковъ происходили чаще всего на прибрежныя поселенія трехъ самыхъ большихъ рѣкъ великорусскаго края: Волги, Камы и Оки. Удалые жгли помѣщичьи усадьбы, не щадили и крестьянскихъ дворовъ болѣе зажиточныхъ, истребляли даже церкви, вымучивали у людей всякаго званія деньги и что̀ ни попадалось, подвергая жертвы свои варварскимъ истязаніямъ. Въ Сибири образовывались разбойничьи шайки изъ колодниковъ, которыхъ везли въ ссылку по рѣкамъ. Вездѣ замѣчалось одно и то же явленіе: появленіе разбойничьихъ шаекъ и крестьянскіе бунты

---

[1]) Соловьевъ, т. XXI, стр. 313—314.

умножались тогда, когда военныя обстоятельства обращали дѣятельность войска отъ внутреннихъ губерній къ границамъ имперіи. Въ 1747-мъ и 1748-мъ годахъ проявилось сильное своевольство въ разныхъ краяхъ Россіи. Близъ Олонца, на сѣверѣ, въ уѣздахъ новгородскомъ и порховскомъ, и въ срединѣ государства, въ уѣздахъ калужскомъ и бѣлевскомъ, разомъ закипѣли разбойничьи шайки, составленныя изъ разныхъ бѣглыхъ, преимущественно изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Они такъ были дерзки, что не останавливались передъ святынею храмовъ, хватали священнослужителей въ облаченіи и мучительски били [1]). Атаманомъ разбойниковъ въ брянскомъ уѣздѣ явился помѣщикъ Зиновьевъ: онъ ловилъ купцовъ по дорогамъ, завозилъ къ себѣ въ имѣніе и держалъ на цѣпи, а когда послѣ того обиженные подавали на него искъ, Зиновьевъ, по родству своему съ оберъ-президентомъ главнаго магистрата, былъ оправданъ и послѣ находилъ способъ мстить своимъ противникамъ [2]). Въ 1749 году появилось множество мелкихъ шаекъ въ пограничныхъ областяхъ, а также близъ Москвы, по большимъ дорогамъ, и въ муромскихъ лѣсахъ: были шайки человѣкъ въ 20, 30, 50; на сѣверѣ, въ каргопольскомъ уѣздѣ, въ этомъ году отыскана была шайка, жившая въ избахъ, построенныхъ въ дремучихъ лѣсахъ. Въ слѣдующемъ 1750 году въ бѣлогородской губерніи захвачена была шайка разбойниковъ, состоявшая подъ покровительствомъ отставного прапорщика Сабельникова, который держалъ разбойничій притонъ, отпускалъ своихъ удальцовъ на разбои, дѣлился съ ними добычею, а иногда и самъ съ ними ѣзжалъ. Въ новгородскомъ уѣздѣ около этого же времени прославилась знаменитая Катерина Дирина, дворянка и помѣщица: вмѣстѣ съ своимъ братомъ и съ родственниками Дириными, она, собравъ шайку изъ своихъ и чужихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, нападала на помѣщичьи усадьбы, производила убійства и грабежи [3]). Въ дѣлахъ, касающихся усмиренія бунтующихъ крестьянъ, сенатъ предписывалъ не только не подвергать виновныхъ пыткамъ, но и не пристращивать ими [4]); мѣстнымъ властямъ вмѣнялось въ обязанность доносить въ сенатъ о каждомъ изъ виновныхъ, подлежащихъ розыску, и ожидать рѣшенія. Въ 1759 году, въ разгаръ Семилѣтней войны, замѣчено было, что въ числѣ солдатъ, находившихся въ войскѣ, были бѣглые, и тогда постановили не преслѣдовать ихъ и не

---

[1]) Указъ 9-го марта 1748 г.

[2]) Соловьевъ, т. XXIII, стр. 21—22.

[3]) Ibidem, 18—20.

[4]) Ibidem. 213.

наказывать, равно какъ и тѣхъ, которые неправильно сдавали рекрутъ. Такое послабленіе отозвалось тотчасъ въ восточной Россіи: тамъ увеличилось число бѣглыхъ, а изъ нихъ появились разбойничьи шайки въ уѣздахъ пензенскомъ, петровскомъ и шацкомъ; разбивали помѣщичьи усадьбы, жгли и рѣзали людей; а около Нижняго-Новгорода явились плававшія по Окѣ лодки съ разбойниками, у которыхъ были и пушки. Провинціальные города оставались съ малымъ числомъ солдатъ въ гарнизонѣ, да и тѣ были часто дряхлы и увѣчны; пороха и свинца недоставало; огнестрѣльное оружіе было ветхое и плохое. Понятно, что, при такихъ средствахъ поддерживать благоустройство, не трудно было разбойникамъ врываться въ города и брать себѣ казенныя деньги, сколько ихъ найдется въ правительственныхъ мѣстахъ. И крестьянскіе бунты въ эпоху Семилѣтней войны приняли болѣе отважный характеръ. Въ шацкомъ уѣздѣ взбунтовались монастырскіе крестьяне. Прибылъ усмирять ихъ драгунскій капитанъ съ командой; крестьяне, собравшись въ числѣ около тысячи человѣкъ, избили дубьемъ драгуновъ, а капитана за то, что выстрѣломъ убилъ одного крестьянина, избили безъ милости и привязали къ тѣлу убитаго имъ мужика. Тамъ даже деревенскія бабы отличались жестокостью и, подходивши къ попавшимся уже въ плѣнъ и скованнымъ драгунамъ, били ихъ по щекамъ.

Въ 1760 году къ духовнымъ начальствамъ поступило множество жалобъ отъ крестьянъ разныхъ монастырей уѣздовъ кашинскаго, бѣлевскаго, шацкаго, муромскаго на дурное управленіе монастырскихъ властей, а крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря подачею такихъ жалобъ не ограничились, а отважились сами чинить расправу: они собрались сначала въ числѣ трехсотъ, стали ломиться въ монастырь и требовали выдачи лицъ, на которыхъ злобствовали; ихъ имъ не выдали; тогда толпа, увеличиваясь, дошла тысячъ до двухъ человѣкъ и пошла на приступъ къ монастырю. Подоспѣвшій на защиту монастыря капитанъ съ командою приказалъ-было стрѣлять по мятежникамъ, но крестьяне бросились на солдатъ и человѣкъ тридцать изъ команды ранили [1]).

Какъ между помѣщиками происходили усобицы, въ которыхъ принимали участіе ихъ крестьяне, такъ и между монастырями происходило подобное. Проживавшій въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, отставной поручикъ приносилъ жалобу отъ имени своего монастыря, что намѣстникъ сосѣдняго Андреева

---

[1]) Соловьевъ, XXIV, 361.

монастыря, съ монастырскими служителями и крестьянами, напалъ на служителей и крестьянъ Новоспасскаго монастыря; нѣкоторымъ изъ послѣднихъ проломили головы. Прошенія этого не приняли, такъ какъ уже давно между этими монастырями происходила обоюдная вражда за угодья, подававшая поводы къ безпрестаннымъ дракамъ. Крестьянскія волненія появлялись даже въ отдаленной Сибири: въ ялуторовскомъ уѣздѣ крестьяне отказывались отъ казенной пахоты; а когда для ихъ усмиренія послана была команда, то крестьяне поколотили дубьемъ прапорщика, начальствовавшаго этой командой. Сенатъ приказалъ заводчиковъ бунта сослать въ Нерчинскъ на работы.

Всѣ такія дѣла, касавшіяся благочинія въ государствѣ, рѣшались сенатомъ. Существовало одно учрежденіе, совершенно не подвѣдомственное сенату—тайная канцелярія. Она наводила ужасъ въ царствованіе Анны Ивановны подъ управленіемъ Андрея Ивановича Ушакова; при Елисаветѣ Петровнѣ она находилась въ его же управленіи, до его смерти въ 1746 году, послѣ чего перешла въ вѣдѣніе Александра Шувалова. Государыня, по восшествіи своемъ на престолъ, ограничила дѣятельность тайной канцеляріи тѣмъ, что не велѣла отсылать туда виновныхъ въ ошибкахъ по написанію императорскаго титула [1]), но зато самое производство дѣлъ въ этой канцеляріи облеклось еще болѣе, чѣмъ прежде, непроницаемой тайной. Запрещалось давать куда бы то ни было, хотя бы въ синодъ или въ сенатъ, какія-либо справки изъ тайной канцеляріи, безъ собственноручнаго указа государыни. Изъ дѣлъ, производившихся въ тайной канцеляріи, кромѣ такихъ крупныхъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, дѣло Лопухинское, дѣло Лестока, дѣло Алексѣя Бестужева, производилось множество дѣлъ, которыя до сихъ поръ остались неизвѣстными по незнатности лицъ, причастныхъ къ этимъ дѣламъ. Дѣла въ тайной канцеляріи производились преимущественно по оскорбленію императорскаго величества или по поводу заговоровъ. Елисавета, какъ мы уже замѣтили, все свое царствованіе оставалась подъ страхомъ брауншвейгской фамиліи. Ей хотѣлось, если бы то было возможно, уничтожить самую память о прежнемъ времени, когда она, будучи цесаревною, не смѣла предъявлять своихъ родовыхъ правъ; но въ особенности ненавистны были ей времена правительницы Анны Леопольдовны и регента Бирона. Всѣ указы и распоряженія, состоявшіеся въ этотъ періодъ, были признаны неимѣющими легальной силы [2]). Однако,

[1]) Указъ 7-го марта 1742 г.

[2]) Указъ окт. 15-го 1742 года и февр. 13-го 1745 г.

несмотря на все то, вблизи самой Высочайшей особы обнаруживались намѣренія возстановить брауншвейгскую фамилію. Въ іюлѣ 1742 года, какъ уже было сказано, составился заговоръ убить императрицу и наслѣдника престола, выписаннаго ею изъ Голштиніи, и вручить правленіе Аннѣ Леопольдовнѣ. Заговорщиками были: камеръ-лакей Турчаниновъ и два гвардейскихъ офицера. Тайная канцелярія, гдѣ производилось это дѣло до декабря того же года, осудила виновныхъ къ наказанію кнутомъ; сверхъ того, Турчанинову урѣзали языкъ, а прочимъ вырвали ноздри [1]) и сослали навѣчно въ Сибирь. Весною 1743 года, какъ узнаемъ мы изъ депеши польско-саксонскаго уполномоченнаго въ Петербургѣ, Петцольда, происходило слѣдующее: четырнадцать лейбъ-кампанцевъ, съ досады, что перестали ихъ такъ ласкать, какъ то вначалѣ было, замышляли умертвить Лестока, камергера Шувалова и оберъ-шталмейстера князя Куракина, которыхъ они тогда возненавидѣли, затѣмъ — устранить отъ престола императрицу и ея племянника и снова призвать на престолъ низверженный брауншвейгскій домъ. Къ заговорщикамъ пристали комнатный тафельдекеръ государыни и одинъ придворный лакей. Но заговорщики неосторожно открыли свои замыслы женѣ Грюнштейна, а та сдѣлала доносъ. Не успѣли совершить заговорщики ничего важнаго, были наказаны и сосланы, — но навели при дворѣ великій страхъ. Князь Куракинъ нѣсколько ночей сряду не рѣшался ночевать у себя въ домѣ, а императрица не ложилась до пяти часовъ утра, окружала себя обществомъ, а днемъ отдыхала, отчего, по замѣчанію Петцольда, происходили безпорядки въ дѣлахъ [2]).

Кромѣ громкаго дѣла Зубарева, котораго содержаніе было изложено выше, было нѣсколько другихъ дѣлъ, относящихся къ брауншвейгскому дому, но неважныхъ, ограничивавшихся болтовнею. Такъ, крестьянинъ каргопольскаго уѣзда, Иванъ Михайловъ, былъ судимъ за то, что болталъ, будто сверженный императоръ Иванъ Антоновичъ проживаетъ въ „негренской“ пу́стыни казначеемъ и со временемъ свергнетъ Елисавету Петровну съ ея наслѣдникомъ. Поручикъ канцеляріи отъ строеній Зимнинскій и магазинъ-вахтеръ Седестромъ обвинялись въ тайной канцеляріи за то, что порицали Елисавету Петровну за пристрастіе къ малороссіянамъ, бранили малороссійскихъ архіереевъ за ихъ не-монашескій образъ жизни и изъявляли надежду, что короли—датскій,

[1]) Herrmann, V, 23—24, Anmerkungen 11.

[2]) Herrmann, V, 188.

англійскій, прусскій и венгерская королева, по родству ихъ съ брауншвейгскимъ домомъ, помогутъ Ивану Антоновичу снова взойти на престолъ: за Ивана Антоновича—князь Никита Трубецкой, многіе знатные господа и все старое дворянство. „Дай Богъ,—говорилъ Седестромъ,—чтобы Иванъ Антоновичъ сталъ императоромъ: его мать и отецъ были къ народу милостивы, и челобитныя отъ всѣхъ принимали, и резолюціи были скорыя, а нынѣшняя государыня и челобитныхъ не принимаетъ, и скорыхъ резолюцій нѣтъ. О, если бы у меня было много вина! — прибавлялъ Седестромъ: — я бы много добра надѣлалъ! Нашъ народъ россійскій слабъ, — только его виномъ напой, такъ онъ Богъ знаетъ что̀ сдѣлаетъ!“ — За такія бесѣды Зимнинскій и Седестромъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ сибирскіе дальніе города [1]).

Въ тайной канцеляріи производилось множество дѣлъ, касавшихся оскорбленія Алексѣя Разумовскаго и даже родни его [2]). Цѣлый рядъ дѣлъ производился въ тайной канцеляріи по поводу непочтительныхъ и непристойныхъ отзывовъ о Высочайшей особѣ и о близкихъ къ ней лицахъ. Очень часто, кричавшіе по такому поводу: „слово и дѣло“ — были простолюдины, бѣглые солдаты и матросы и разныхъ вѣдомствъ колодники; желая какъ-нибудь отдалить срокъ ожидавшей ихъ кары за какое-нибудь совершенное прежде преступленіе, они начинали клеветать то на того, то на другого. Оговореннаго ими въ оскорбленіи величества, хотя бы однимъ только словомъ, тотчасъ хватали въ тайную канцелярію и предавали розыску. Розыски всегда сопровождались пытками: вели человѣка въ застѣнокъ, за нимъ шелъ катъ (палачъ) съ своими инструментами. Два столба съ перекладиною вверху составляли то, что̀ называлось дыбою; палачъ клалъ преступнику руки въ шерстяной хомутъ, выворачивалъ назадъ руки, а къ хомуту привязывалъ длинную веревку. Эту веревку перекидывали черезъ перекладину и поднимали ею вверхъ преступника, такъ что онъ, не касаясь земли, висѣлъ на рукахъ; потомъ связывали ему ремнемъ ноги и били кнутомъ, а сидѣвшій тутъ подъячій дѣлалъ вопросы и записывалъ рѣчи преступника. Это была хотя и самая убійственная, но простая пытка; были еще и другія, считавшіяся болѣе жестокими: клали ручные и ножные пальцы въ желѣзные тиски и винтили до тѣхъ поръ,

---

1) „Русская Старина“, 1875 г., мартъ, т. XII, стр. 534—537.

2) Эти дѣла пересчитаны въ книгѣ Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 107.

пока боль не заставитъ преступника повиниться, или же, наложивши на голову веревку, вертѣли висящаго на дыбѣ такъ, что онъ лишался сознанія („изумленнымъ бываетъ“), и тогда говорилъ такое, чего и самъ не понималъ. Къ такому же состоянію приводила и третьяго рода пытка: простригали или пробривали макушку и пускали на лишенную волосъ голову холодную воду по каплѣ. Когда этими пытками не могли ничего допроситься, тогда прибѣгали къ пыткѣ огнемъ, водили по тѣлу висящаго на дыбѣ вѣникомъ зажженнымъ или водили босикомъ по раскаленнымъ угольямъ [1]).

Бывали случаи, когда въ тайной канцеляріи судили за суевѣрія, считавшіяся опасными для Высочайшей особы: такъ, одинъ солдатъ показывалъ, что какой-то польскій ксендзъ далъ ему порошокъ, съ тѣмъ, чтобы для поврежденія здоровья императрицы онъ насыпалъ по пути ей, когда она будетъ идти. Солдатъ, какъ онъ самъ показывалъ, побоялся сдѣлать такое дурное дѣло, а посыпалъ порошокъ курамъ, и какъ скоро куры на этотъ порошокъ наступили, тотчасъ у нихъ оторвало ножки. Солдата наказали кнутомъ и сослали въ каторжную работу въ Рогервикъ до смерти [2]). Были также доносы крѣпостныхъ людей на помѣщиковъ, что они, въ разговорахъ своихъ, оскорбляли Елисавету Петровну. И за это расправа была коротка: оговоренныхъ дворянъ били кнутомъ и отправляли въ каторжную работу. Такому же наказанію подвергались люди, обвиняемые въ неуважительномъ отношеніи къ портретамъ государыни и даже къ ея изображеніямъ на монетахъ. Попадались люди въ неосторожныхъ разговорахъ о великомъ князѣ: иные заявляли ожиданіе, что великій князь, вступивши на престолъ, уничтожитъ и искоренитъ всѣхъ временщиковъ; но производились также дѣла объ умыслахъ сдѣлать великому князю зло: на одного іеромонаха свіяжскаго монастыря былъ доносъ, что онъ хвалился отравить великаго князя, когда тотъ пріѣдетъ въ ихъ монастырь; другіе болтали, что великій князь—незаконный наслѣдникъ, что онъ „добытъ гайдукомъ“, и проч. Битье кнутомъ, рванье ноздрей и ссылка въ каторгу были обычными послѣдствіями такой болтовни. Въ 1753 году, въ народѣ распространился слухъ, что Разумовскіе ненавидятъ великаго князя и дѣлаютъ ему вредъ посредствомъ волшебниковъ, призываемыхъ изъ Малороссіи, которая почему-то во всей Россіи

---

[1]) „Русская Старина“, 1875 г. мартъ, XII, 523, статья: „Тайная канцелярія въ царствованіе Елисаветы Петровны“. Также „Русск. Старина“, 1873, VIII, 58—59.

[2]) „Русск. Старина“, 1875 г., XII, 524.

считалась краемъ всякихъ волшебствъ; а между раскольниками, терпѣвшими во все царствованіе Елисаветы Петровны жесточайшее гоненіе, составились толки, будто великій князь—сторонникъ древняго благочестія, что онъ желалъ бы царствовать, но приближенные императрицы не допускаютъ его. Такими толками воспользовался подпоручикъ бутырскаго полка Батуринъ: подобралъ къ себѣ людей изъ войска и изъ придворной царской прислуги, черезъ царскихъ егерей испросилъ у великаго князя дозволеніе представиться ему на охотѣ. Петръ Ѳедоровичъ согласился, но когда Батуринъ, встрѣтивши великаго князя въ лѣсу безъ свиты, упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ клясться, что желаетъ одного его признавать своимъ государемъ, великій князь, сидѣвшій верхомъ, стремительно ускакалъ отъ него, а Батурина схватили и отдали въ тайную канцелярію; тамъ Батуринъ выдалъ своихъ соумышленниковъ, сознался, что хотѣлъ взбунтовать московскихъ суконщиковъ, думалъ убить Разумовскаго и принудить архіереевъ силою вѣнчать на царство Петра Ѳедоровича. Батурина засадили въ Шлиссельбургъ, другихъ сослали въ Рогервикъ и въ Сибирь [1]).

О благочинномъ содержаніи городовъ въ царствованіе Елисаветы Петровны сохранилось нѣсколько указовъ, сообщающихъ, однако, отрывочныя свѣденія. О Петербургѣ мы знаемъ, что въ 1751 году произведена была чистка рѣки Фонтанки и обдѣланы камнемъ ея берега, и также берега рѣки Кривуши или Глухой—протока, соединяющаго Фонтанку съ Мойкою. Въ 1753 году устроены были мосты — Тучковъ, съ Васильевскаго Острова на Петербургскую Сторону, Самсоньевскій съ Петербургской Стороны на Выборгскую, и еще два моста—одинъ съ Петербургской Стороны на Аптекарскій Островъ, а другой съ Аптекарскаго на Каменный Островъ. Въ 1755 году стали перестраивать Зимній дворецъ [2]), и на это предпріятіе взято изъ кабинетскихъ доходовъ 859.553 рубля; тогда же вытребованы были по наряду для такого дѣла изъ разныхъ краевъ Россіи каменщики, плотники, столяры, слесари, кузнецы, литейщики, а черезъ канцелярію строеній командировано было въ Петербургъ на работы 3.000 солдатъ изъ разныхъ полковъ съ перемѣнными штабъ- и оберъ-офицерами. Наблюденіе надъ постройками поручено было генералъ-аншефу Фермору. Въ видахъ благочинія и благоприличія послѣдовалъ рядъ указовъ, какъ для Петербурга, такъ и для другихъ горо-

---

[1]) Соловьевъ, XXIII, стр. 208—211.

[2]) Указъ 7-го марта 1755 г.

довъ. Подтверждены были прежнiе указы ходить непремѣнно въ нѣмецкомъ платьѣ: русское и малороссiйское платье, какъ и борода, считались непристойнымъ явленiемъ, и только раскольникамъ указывалось ходить въ присвоенномъ имъ нарядѣ и платить за ношенiе бородъ [1]). Повторялось много уже разъ издававшееся правило — не ѣздить по улицамъ слишкомъ шибко, держаться правой стороны, не бить встрѣчныхъ, не пѣть, не свистать, не стрѣлять на улицахъ [2]), не браниться публично непристойными словами [3]), не париться вмѣстѣ обоимъ поламъ въ баняхъ. Ѣздить цугомъ и четверкою запрещалось всѣмъ, исключая чужестранныхъ пословъ или помѣщиковъ, уѣзжающихъ къ себѣ въ имѣнiя. Запрещалось, не только въ трактирахъ, но и въ частныхъ домахъ, играть въ карты на большiя суммы [4]). По улицамъ петербургскимъ запрещалось бродить нищимъ и увѣчнымъ, а велѣно было содержать ихъ въ богадѣльняхъ, устроенныхъ на Васильевскомъ Острову, и никакъ не на большихъ улицахъ. Но колодниковъ изъ острога, по прежнимъ обычаямъ, водили на сворахъ по улицамъ просить подаянiя, а въ Москвѣ происходили прежнiя вѣковыя безобразiя: нищiе и бѣсноватые валялись и шатались по улицамъ около церквей, а выпущенные для прошенiя милостыни колодники показывали возмутительные слѣды пытокъ на своемъ тѣлѣ, желая разжалобить человѣколюбцевъ. Относясь вообще неодобрительно къ нищенству, правительство, однако, въ видѣ исключенiя, давало право просить по всей Россiи милостыню грузинамъ на выкупъ родныхъ своихъ изъ плѣна у черкесовъ [5]).

Преслѣдуя нищенство, правительство не одобряло и излишнюю роскошь. Подъ благовиднымъ предлогомъ прiучить знатное дворянство къ бережливости, запрещено было при погребенiяхъ обивать дома чернымъ сукномъ и убирать такимъ же сукномъ экипажъ и лошадей, а гербы, знамена и траурные флёры допускались только въ день погребенiя покойника. Во всякихъ нарядахъ не одобрялось излишество; только по поводу бракосочетанiя наслѣдника престола дозволялось, въ видѣ исключенiя, золотое и серебряное убранство, но и то для первыхъ только четырехъ классовъ, и съ этою цѣлью служащимъ изъ нихъ выдавалось годовое жалованье [6]).

---

[1]) Ук. 19-го февр. 1743 г.

[2]) Ук. 25-го янв. 1744 г.; 27-го декабря 1752; 20-го дек. 1759 г.

[3]) Ук. 17-го дек. 1745 г. и 31-го авг. 1746 г.

[4]) Ук. 18-го апр. 1752 г.

[5]) Ук. 1757 г., янв. 29.

[6]) 1745 г., марта 16.

Москва въ продолжительное время оставалась въ прежнемъ неряшливомъ видѣ. Уже въ первый пріѣздъ туда государыни, въ 1742—43 годахъ, было замѣчено, что московская полицеймейстерская канцелярія не заботится о порядкѣ: по улицамъ происходятъ драки и безчинства, вездѣ накидана нечистота, не починиваются мосты, слабо содержатся караулы и въ городѣ расширилось воровство. Въ 1753 году, когда дворъ вознамѣрился пребывать въ Москвѣ, дано было распоряженіе сдѣлать нѣкоторыя перестройки и перемѣщенія въ Кремлѣ, гдѣ въ тѣ времена, кромѣ царскихъ палатъ, находились разныя правительственныя вѣдомства. Сломаны были палаты, пристроенныя къ столовой палатѣ для сенатской конторы; вотчинная коллегія, контора главнаго комиссаріата и судный приказъ были перемѣщены въ другія мѣста, хотя въ томъ же Кремлѣ, а сыскной приказъ съ острогомъ, въ которомъ содержались судимые колодники, выведенъ былъ къ Калужскимъ воротамъ; конторы же ямская и раскольничья переведены въ Охотный рядъ [1]).

Кремль находился уже нѣсколько лѣтъ въ крайнемъ небреженіи: возлѣ соборовъ и у Краснаго крыльца навалены были груды щебня и сора, такъ что не только проѣзжать, но и проходить было затруднительно. И на этотъ разъ, императрица помѣстилась, какъ прежде, не въ Кремлевскомъ, а въ Головинскомъ дворцѣ. Въ Кремлѣ осмотрѣли дворецъ архитекторы и нашли, что въ немъ нужно сломать до основанія нѣкоторые покои. Приказано было сломать всѣ деревянныя зданія въ Кремлѣ и Китай-городѣ, и новыхъ не строить; особенно налегли тогда на снятіе деревянныхъ построекъ около церкви Казанской Богородицы, гдѣ обыкновенно гнѣздились воры. Въ этихъ видахъ сенатъ рѣшилъ усилить производство кирпича на московскихъ заводахъ, а за недостаткомъ кирпича стали употреблять кирпичъ изъ разобранныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Приняты были мѣры къ очищенію Москвы отъ грязи; приказано было сломать каменныя лавки и ступени, загромождавшія проѣздъ къ Спасскому монастырю, а также обветшалыя каменныя лавки въ другихъ мѣстахъ, и сломать старое каменное и деревянное строеніе, которое во многихъ мѣстахъ безобразно выдавалось на улицу. Императрица замѣтила, что Покровскій соборъ (Василія Блаженнаго) содержится крайне неопрятно, и дала повелѣніе синоду — во всѣхъ московскихъ церквахъ поновить иконостасы и иконы.

Въ то время, когда собирались перестроивать и обновлять

---

[1]) Соловьевъ, XXIII, 202.

Кремлевскій дворецъ, деревянный Головинскій дворецъ, гдѣ помѣстилась государыня съ дворомъ своимъ, сгорѣлъ въ теченіе трехъ часовъ, и императрица переѣхала во дворецъ Покровскій. Для возобновленія Головинскаго дворца собрали въ Москвѣ плотниковъ, а каменщиковъ, печниковъ и штукатуровъ выписали изъ Ярославля, Костромы и Владиміра.

Страшные пожары свирѣпствовали тогда въ Москвѣ и разомъ въ другихъ городахъ. Въ Москвѣ 10-го мая сдѣлался большой пожаръ, истебившій 1,202 дома и 25 церквей; отъ огня погибло 96 человѣкъ. Затѣмъ, въ томъ же мѣсяцѣ, пожары повторились 15 числа за Яузой, 23-го мая въ Покровскомъ селѣ и въ Новонѣмецкой слободѣ, гдѣ сгорѣло 196 домовъ; 24-го мая на Остоженкѣ и на Пречистенкѣ сгорѣло 72 дома и три церкви, а 25 мая сгорѣла вся Покровка, и оттуда пожаръ пошелъ за Земляной Городъ,—сгорѣло 62 дома, тріумфальныя ворота и Комедіальный домъ. Такіе каждодневные пожары подали подозрѣніе, что существуютъ поджигатели; но когда чиновники стали чинить сыскъ, то народъ чуть не избилъ ихъ. Пожары не ограничивались Москвою: въ тотъ же день, когда въ Москвѣ свирѣпствовалъ пожаръ, 10-го мая, въ Воронежѣ истребленъ былъ пожаромъ 681 домъ; изъ всего города уцѣлѣли только соборная Благовѣщенская церковь, двѣ приходскія церкви, архіерейскій домъ и небольшое количество обывательскихъ домовъ. 24-го мая въ Глуховѣ истреблено было пожаромъ 275 дворовъ, а въ іюнѣ сильные пожары свирѣпствовали въ Можайскѣ, въ Мценскѣ, гдѣ сгорѣло 205 дворовъ и найденъ былъ въ соломѣ съ пухомъ и хлопьями зажженный трутъ, что́ произвело между жителями всеобщій страхъ. Затѣмъ происходили ужасные пожары въ Ярославлѣ, въ Бахмутѣ, въ Михайловѣ, въ Сапожкѣ, и въ Болховѣ, гдѣ было истреблено разомъ 1,500 дворовъ. Переяславъ южный въ Малороссіи и Венденъ въ Остзейскомъ краѣ истреблены были огнемъ вовсе. Кромѣ того, въ городахъ Рыльскѣ, Костромѣ, Сѣвскѣ, Орлѣ и Нижнемъ были пожары. Вѣроятно, подобная участь постигла бы и Петербургъ, если бы тамъ не предпринято было нужной предосторожности и не разставили по площадямъ и улицамъ пикетовъ. Эта страшная пожарная эпидемія побудила правительство учредить комиссію для изслѣдованія причинъ пожара. Комиссія эта послана была въ Москву подъ предсѣдательствомъ Ѳедора Ушакова, а по другимъ городамъ съ тою же цѣлью разосланы были гвардейскіе офицеры.

Во всѣхъ городахъ хозяйственною частью завѣдывалъ главный магистратъ, а благочиніемъ въ городѣ—полицейское управленіе.

Между этими учрежденіями происходили частыя пререканія, отзывавшіяся дурно на порядкѣ въ городѣ. Изъ разныхъ городовъ отъ полицейскихъ конторъ поступали въ главную полицеймейстерскую канцелярію донесенія, что магистраты не доставляютъ по своей обязанности сотскихъ и десятскихъ по выбору въ полицейскія должности, не содержатъ карауловъ, а между тѣмъ сами вступаютъ въ неподлежащее имъ завѣдываніе полиціею, и полицейскимъ конторамъ чинятъ препятствія. Такія жалобы поступили изъ Нижняго Новгорода, изъ Архангельска, изъ Калуги, изъ Одоева, изъ Бѣлева, изъ Порхова и другихъ новгородскихъ городовъ; отовсюду доносили, что при слабости и недостаточности карауловъ въ городахъ не прекращаются грабежи и убійства. Изъ Кіева присылались свѣденія, что тамъ на Подолѣ скотъ бьютъ въ рядахъ, а не въ бойняхъ, мясо продаютъ тухлое, невыносимый смрадъ господствуетъ въ воздухѣ по всему городу; у полиціи мало команды, а магистратъ рѣшительно не хочетъ ни въ чемъ ей помогать. Но если полиція жаловались на магистраты, то и магистраты не оставались въ долгу и обличали полицію: такъ, московскій главный магистратъ доносилъ сенату, что присутствующій въ московской полиціи Воейковъ беретъ взятки и дѣлаетъ обиды купечеству, — купца Тимоѳеева такъ избилъ плетьми, что тотъ черезъ два часа умеръ [1]). Въ Орлѣ ссора полицеймейстера Бакѣева съ президентомъ магистрата Уткинымъ произвела въ городѣ безпорядокъ: жители, настроенные Уткинымъ, отбивали силою пойманныхъ полиціею въ дракѣ людей, а стоящіе по наряду отъ магистрата при рогаткахъ на караулахъ торговцы нарочно не ловили озорниковъ, чтобы не водить ихъ въ полицію; безпрестанно днемъ и ночью по городу происходили драки и раздавались пеистовые крики [2]).

Взглянемъ теперь на состояніе военной части при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Военная часть во всей имперіи находилась, какъ и въ прежнія царствованія, подъ верховнымъ управленіемъ военной коллегіи. Важнѣйшимъ нововведеніемъ въ этой сферѣ было учрежденіе лейбъ-кампаніи, гдѣ всѣ рядовые получили дворянское достоинство и имѣнія съ крѣпостными людьми, такъ что среднимъ числомъ на каждаго новаго дворянина приходилось 29 душъ, а офицеры лейбъ-кампаніи, бывшіе дворянами по своему рожденію, получили ихъ по нѣскольку сотъ [3]). Всѣмъ пожалованнымъ въ чины въ

[1]) Соловьевъ. XXII. 235—239.
[2]) Ibid. XXIII. 134—135.
[3]) Указъ 1741 г. 31-го дек. и 1742 г. 25-го ноября.

прежнее царствованіе сначала дозволили носить эти чины, но отобрали отъ нихъ пожалованныя имъ деревни, а потомъ и оставленіе за ними чиновъ отмѣнилось [1]). Въ мирное время войско занималось преслѣдованіемъ разбойническихъ скопищъ и усмиреніемъ крестьянскихъ бунтовъ, и поэтому, какъ только начиналась внѣшняя война, отвлекавшая войско къ границамъ имперіи, такъ усиливались разбои и бунты. Въ 1750 году военная сила умножилась учрежденіемъ коннаго полка въ Астрахани, составленнаго изъ казачьихъ сыновей и изъ новокрещеновъ, а въ 1753 году войско увеличилось еще тѣмъ, что тогда велѣно брать всѣхъ праздношатающихся въ военную службу, если только они хотя мало окажутся способными. Въ 1756 году, въ виду начинавшейся войны, поручено было Петру Шувалову сформировать новый корпусъ войскъ числомъ въ тридцать тысячъ человѣкъ. Главный способъ восполненія военныхъ силъ былъ рекрутскіе наборы, опредѣляемые по одному рекруту на различное число душъ, смотря по надобности въ войскѣ. Въ 1757 году, по представленію Петра Шувалова, введенъ былъ новый порядокъ въ отправленіи рекрутской повинности. Всѣ десять великороссійскихъ губерній раздѣлены были на пять частей, и эти части, по очереди, должны были укомплектовывать войско, а губернія архангельская съ провинціями вологодскою, устюжскою и галицкою—флотъ и адмиралтейство. Рекрутъ набирали изъ записанныхъ въ подушный окладъ возрастомъ отъ 25 до 30 лѣтъ, а ростомъ въ 2 аршина 6 вершковъ; для флота же двумя вершками менѣе. Для предупрежденія побѣговъ введенъ былъ обычай, надолго вошедшій въ употребленіе: брить лобъ принятымъ въ военную службу. Помѣщики могли по своему произволу сдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты съ зачетомъ и безъ зачета, а бѣглыхъ предоставлялось помѣщику или сдавать въ рекруты, или ссылать въ Нерчинскъ. Отдача рекрутъ въ другихъ крестьянскихъ вѣдомствахъ подчинялась правиламъ, и если оказывалось, что рекрутъ отданъ неправильно, то увольнялся. Послѣ безпорочной восьмилѣтней службы, рядовой, по своему желанію, отпускался на прежнее мѣсто жительства. Унтеръ-офицеры изъ дворянъ, послѣ десятилѣтней безпорочной службы, производились въ прапорщики и опредѣлялись къ статскимъ дѣламъ. Наказанныхъ шпицрутенами рядовыхъ ссылали на работу въ Нерчинскъ [2]). О строгости наказанія можно судить по такому случаю, что въ 1757 году за оскорбленіе свя-

---

[1]) Указъ 1741 г. 31-го дек. и 1742 г. 8-го января.

[2]) Указъ іюля 7-го 1757 г. и дек. 7-го 1760 года.

щенника, драгунъ подвергся шестикратному прогнанію сквозь строй въ 1,000 человѣкъ. Солдатскія дѣти, рожденныя послѣ отдачи отцовъ ихъ въ военную службу, до десяти лѣтъ содержались при матеряхъ, а потомъ отдавались въ училища; впрочемъ помѣщикъ могъ оставлять ихъ у себя до четырнадцатилѣтняго возраста, обязавшись подпискою, что не обратитъ ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Солдатскія дѣти пятнадцати лѣтъ должны были поступать на службу, и тѣ, которые будутъ проживать внѣ службы долѣе, признавались за бѣглыхъ. Принятымъ рекрутамъ выдавалось жалованье по 50 копѣекъ въ мѣсяцъ, по два четверика муки, по одному гарнцу крупъ и по два фунта соли, что̀ вначалѣ доставлялось на счетъ отдатчиковъ, а потомъ уже на казенный счетъ. Опредѣлено было въ городахъ обучать рекрутъ военнымъ упражненіямъ, но не въ стужу и не въ ненастье. Вести рекрутъ въ хорошую погоду полагалось отъ двадцати до тридцати верстъ въ день, а въ дурную—отъ десяти до пятнацати, и третій день пути посвящать отдыху. Всѣ начальства на пути обязаны были давать марширующищимъ рекрутамъ провіантъ. На случай болѣзней полагались на тысячу человѣкъ рекрутъ одинъ подлекарь и три фельдшера. Полковые командиры распредѣляли ихъ на роты, а ротные—на артели, перемѣшивая старыхъ солдатъ съ молодыми, но должны были наблюдать, чтобы старые у молодыхъ не выманивали денегъ и не водили ихъ въ кабаки [1]).

Для раненыхъ, вмѣсто прежней отсылки въ монастыри, въ 1758 году устроенъ въ Казани инвалидный домъ, а въ 1760 учреждены богадѣльни въ губерніяхъ казанской, воронежской, нижегородской и бѣлогородской, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ вообще находили изобиліе мяса и рыбы. Въ этихъ богадѣльняхъ предположено помѣщать отставныхъ и раненыхъ съ ихъ женами и дѣтьми въ особыхъ избахъ, по десяти человѣкъ въ избѣ, а для надзора за ними опредѣлять надежныхъ оберъ-офицеровъ. Въ томъ же 1760 году, въ пользу этого предпріятія учреждалась лотерея, въ 50.000 билетовъ, изъ которыхъ выигрышныхъ полагалось 37.500; весь капиталъ опредѣлялся въ 550.000 рублей, самый крупный выигрышъ былъ 25.000 рублей, самый меньшій —6 рублей [2]).

---

[1]) Указъ 1757 г. дек. 23-го.

[2]) Указъ 10 янв. 1758, 15-го іюня 1760 и ноября 6-го того же года.

VIII.

Церковь и просвѣщеніе.

Мѣры къ распространенію христіанства между восточными народами.— Димитрій Сѣченовъ.— Новокрещены и некрещеные.— Недоразумѣнія съ мордвой и чувашами.— Монастыри.— Преслѣдованіе раскола.— Хлыстовщина.— Недостатки духовнаго воспитанія.— Академія наукъ; ея члены.— Сухопутный кадетскій корпусъ и морская академія.— Основаніе московскаго университета.

Императрица Елисавета Петровна съ самаго вступленія на престолъ показывала большую набожность, и всѣ ея распоряженія клонились болѣе или менѣе къ расширенію между ея подданными православной вѣры и къ униженію иновѣрства. Посланный еще при Аннѣ Ивановнѣ для обращенія восточныхъ инородцевъ Димитрій Сѣченовъ доносилъ, что новокрещены не хотятъ выселяться на новыя мѣста, отдѣльно отъ некрещеныхъ своихъ единоплеменниковъ, остаются на прежнихъ мѣстахъ и даже ропщутъ, говоря, что какъ будто ихъ за крещеніе наказываютъ, выгоняя изъ тѣхъ дворовъ, гдѣ жили ихъ дѣды и предки. На такое представленіе послѣдовалъ указъ—не понуждать новокрещеновъ къ переселеніямъ, а объявить имъ другія милости, напримѣръ, трехлѣтнюю льготу отъ всякихъ податей и повинностей, которыя за нихъ повелѣно собрать съ некрестившихся, сверхъ того, крѣпостной магометанинъ дѣлался свободнымъ, принявъ св. крещеніе; но если мурза, его помѣщикъ, принималъ крещеніе, то подданные снова поступали къ нему въ зависимость. Трудно было выдумать законъ болѣе неудобный, потому что нѣтъ ничего несправедливѣе и опаснѣе, какъ объявить рабамъ свободу и тутъ же ставить ихъ въ возможность потерять ее снова. Къ числу льготъ для новокрещеновъ была и такая, что арестованный по уголовному дѣлу магометанинъ могъ избавиться отъ наказанія принятіемъ христіанства [1]).

Новокрещены не ладили съ некрещеными, да и русскія военныя команды не всегда соблюдали привилегіи новокрещеновъ. Некрещеная мордва сильно была недовольна ревностною дѣятельностію Димитрія Сѣченова: въ терюшевской волости избили священника, пріѣхавшаго ихъ крестить, а команду, посланную для собранія недоимокъ, которыя приходилось платить некреще-

---

[1]) Указъ 1743 года, сент. 28-го.

нимъ за крещеныхъ, настращали до того, что она находилась нѣкоторое время въ увѣренности близкой смерти. Такъ доносило духовенство; мордва же, напротивъ, жаловалась, что Димитрій Сѣченовъ принуждаетъ креститься силою, держитъ непокорныхъ въ кандалахъ и колодкахъ и подвергаетъ побоямъ; крестятъ ихъ, погружая связанными въ купель; архіерей пожегъ ихъ кладбище, и многіе, спасаясь отъ такихъ разореній, скитаются по лѣсамъ, отчего нечѣмъ платить имъ казенныхъ доходовъ и помѣщичьихъ оброковъ. Подобныя жалобы послѣдовали отъ чувашей ядринскаго и курмышскаго уѣздовъ на игумена, протопопа, дьячковъ и монастырскихъ крестьянъ [1]).

Легче шло распространеніе христіанства между калмыками, потому что между ними одна ханша, вдова Дундука-Омбо, съ дѣтьми приняла св. крещеніе; отъ нея происходитъ фамилія князей Дондуковыхъ. При ставропольской крѣпости поселены были крещеные калмыки, и у нихъ были поставлены священники, отправлявшіе православное богослуженіе по-калмыцки. Еще при Аннѣ Ивановнѣ заведенныя калмыцкія школы имѣли отъ 20 до 30 учениковъ каждая. Всѣ крещеные калмыки состояли по гражданской части подъ ближайшимъ управленіемъ ставропольскаго командира, подчиненнаго оренбургскому губернатору, и могли заниматься земледѣліемъ, ремеслами и торговлею, а нѣкоторые, наравнѣ съ некрещеными, вели и кочевой образъ жизни. Калмыкамъ дозволялось кочевать въ своихъ кибиткахъ только до лѣвой стороны Волги, а на правый берегъ не переходить. Каждый калмыкъ, принимавшій крещеніе, если былъ зайсангъ, т.-е. господинъ, получалъ по пяти рублей съ семьею, а рядовой — по 2 р. 50 коп., холостой же — только половину этой суммы [2]).

Сенатъ, по жалобамъ инородцевъ, нѣсколько разъ подтверждалъ распоряженіе, чтобъ ихъ не крестили насильно, но, какъ видно, такія распоряженія не исполнялись въ точности, потому что въ 1750 году татары казанской губерніи опять подавали жалобы, что ихъ крестятъ насильно. Въ губерніяхъ казанской, астраханской и воронежской запрещено было строить новыя мечети, хотя въ этихъ губерніяхъ было много исповѣдывавшихъ мусульманство. Въ Сибири такое запрещеніе послѣдовало въ 1744 году, относительно селеній, гдѣ некрещеные были перемѣшаны съ новокрещеными, но потомъ дозволили строить мечети

---

[1]) Соловьевъ, XXII, стр. 28—29.

[2]) Указъ 1-го іюля 1746 г.

въ полуверстѣ отъ жилыхъ мѣстъ. Не только мечети, но и неправославныя христіанскія церкви подвергались такому же гоненію: такъ, по всей Россіи указано было уничтожить армянскія церкви, кромѣ Астрахани.

Постройка православныхъ церквей вездѣ и всячески поощрялась. Дозволялось помѣщикамъ созидать въ своихъ вотчинахъ новые храмы, починивать и обновлять обветшалые, но съ тѣмъ, чтобы храмостроители снабжали эти церкви серебряными сосудами, алтарными принадлежностями и священно-служительскими облаченіями, по крайней мѣрѣ шелковыми, и отводили въ пользу клира пропорцію пахатной земли и покосовъ. Дворы духовныхъ лицъ, находившіеся при церквахъ, освобождались отъ постоя и полицейскихъ повинностей. Петръ I запретилъ носить иконы изъ монастырей и церквей въ частные дома. Елисавета Петровна сняла это запрещеніе, но съ тѣмъ, чтобъ священнослужители, принося въ домъ икону, не оставались тамъ обѣдать и не брали въ ротъ ничего опьяняющаго. Въ числѣ милостей духовному сану было дозволеніе записывать въ подушный окладъ за священно- и церковно-служителями незаконныхъ дѣтей и подкидышей. Къ числу признаваемыхъ непристойными отнесены были привозимыя изъ-за границы изображенія страстей господнихъ и св. угодниковъ божіихъ на фарфорѣ. Преслѣдовались также въ частныхъ домахъ забавы съ кощунскимъ пошибомъ, какъ, напримѣръ, наряживанія на святкахъ въ одежды духовнаго сана. Во время богослуженія, въ воскресные и праздничные дни, запрещено было отворять кабаки и вести торговлю; запрещены были также кулачные бои.

Монастыри пользовались особымъ уваженіемъ императрицы. Болѣе всѣхъ милость государыни была оказана Троицко-Сергіевскому, возведенному тогда въ почетное наименованіе Лавры. Всѣ его многочисленныя подворья освобождались отъ постоя и полицейскихъ повинностей, но эта привилегія давалась съ оговоркою, что она пожалована не въ образецъ другимъ монастырямъ. За монастырями признавалась правоспособность исправлять нравственность несовершеннолѣтнихъ, впавшихъ въ преступленіе. Уголовнаго преступника, не достигшаго семнадцатилѣтняго возраста, по наказаніи батогами или плетьми, отдавали на исправленіе въ монастырь на 15 лѣтъ [1]). При Елисаветѣ Петровнѣ въ Петербургѣ основано было два женскихъ монастыря — Смольный, на мѣстѣ при царскомъ Смольномъ дворцѣ, и Воскресен-

---

[1]) Указъ 23-го авг. 1742 г.

скій или Новодѣвичій; въ Москвѣ возобновленъ былъ Ивановскій монастырь, назначаемый для содержанія вдовъ и дочерей заслуженныхъ людей. Законъ Петра Великаго о непостриженіи въ иноческій санъ молодыхъ людей при Елисаветѣ Петровнѣ соблюдался долго, исключая Малороссіи, гдѣ по старинѣ допускалось постригаться каждому лицу, достигшему 17 лѣтъ возраста. Но въ 1761 году всѣмъ безъ изъятія безбрачнымъ мужчинамъ, вдовамъ и дѣвицамъ дозволено постригаться по желанію.

Набожность императрицы высказывалась и въ повелѣніяхъ читать въ церквахъ, во время литургіи, молитвы объ отвращеніи постигающихъ край естественныхъ бѣдствій. Такъ въ 1649 году дѣлалось по поводу скотскаго падежа, а потомъ, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи появлялись насѣкомыя, истреблявшія цвѣты и листья въ садахъ и огородахъ, указано было святѣйшему синоду составить подходящія молитвы объ избавленіи отъ такого зла. Самымъ благочестивымъ подвигомъ императрицы было печатное изданіе библіи, которое стоило многолѣтнихъ трудовъ ученымъ духовнымъ и поступило въ продажу по пяти рублей за экземпляръ [1]).

Особенно важный въ кругу церковнаго устроенія указъ Елисаветы Петровны былъ данъ въ 1753 году. Крестьянамъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ, находившимся долго передъ тѣмъ въ вѣдомствѣ монастырскаго приказа, а потомъ коллегіи экономіи, было повелѣно пребывать въ послушаніи у архіереевъ и монастырскихъ начальствъ, куда они вначалѣ были приписаны, а въ 1757 году изданъ былъ новый указъ: въ монастырскихъ имѣніяхъ отправлять хозяйственныя должности не монастырскимъ служкамъ, а отставнымъ штабъ- и оберъ-офицерамъ, которые должны будутъ съ этихъ имѣній собирать доходы и изъ нихъ употреблять въ расходъ столько, сколько положено по штатамъ, остальное же хранить особыми суммами; изъ этихъ суммъ государыня оставляла за собою раздачу пособій на строенія въ монастыряхъ и на учрежденіе инвалидныхъ домовъ.

Въ XVIII вѣкѣ ни одно царствованіе въ Россіи не ознаменовалось такою нетерпимостью къ раскольникамъ, какъ описываемое. Религіозное настроеніе императрицы побуждало ее поддаваться извѣстнымъ вліяніямъ, и она дошла въ своей ненависти къ расколу до полной нетерпимости. Съ своей стороны, гонимые раскольники впали въ такое безумное отчаяніе, что начали воз-

---

[1]) Указъ 27-го февр. 1752 г.

водить самоубійство въ религіозный догматъ. Гоненіе на раскольниковъ старообрядческаго толка является уже въ первый годъ царствованія Елисаветы Петровны. Дознлось духовенство, что въ отдаленной окраинѣ, близъ Ледовитаго моря, въ мезенскомъ уѣздѣ завелись скиты, куда пріютились раскольники не только изъ простолюдиновъ, но изъ купечества и изъ шляхетства. Правительство послало туда военныя команды забрать расколоучителей и разогнать ихъ послѣдователей. Съ тѣхъ поръ раскольники прогрессивно возбуждали противъ себя мірскую власть, потому что ихъ скиты стали обычнымъ убѣжищемъ бѣглыхъ. Въ 1745 году всѣмъ вообще раскольникамъ запрещалось именовать себя старовѣрцами, скитскими, общежительными; обязывали ихъ платить двойной окладъ, не совращать въ свои толки православныхъ и не придерживать безпаспортныхъ. Тогда же думали дѣйствовать противъ раскола и путемъ убѣжденія: синодъ напечаталъ книги Димитрія Ростовскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго, обличавшія заблужденія раскольниковъ. Но посылки военныхъ командъ для разоренія раскольничьихъ скитовъ не вязались съ мирными средствами убѣжденія и довели раскольниковъ до ужаснаго и дикаго явленія — самосожженія, которое происходило иногда и прежде, но теперь получило, такъ сказать, эпидемическій характеръ. Слыша о приближеніи войска, раскольники запирались въ избахъ, гдѣ устроены были у нихъ свои молельни, подкладывали огонь и погибали, въ чаяніи сохранить истинную вѣру и добровольнымъ самопожертвованіемъ достигнуть царствія небеснаго. Такъ, въ окрестностяхъ Каргополя сожглось разомъ 240 человѣкъ, потомъ въ другой разъ 400 человѣкъ. Въ олонецкомъ уѣздѣ добровольно сожглась толпа въ 3.000 человѣкъ, въ нижегородскихъ предѣлахъ — 600 человѣкъ, затѣмъ на рѣкѣ Умбѣ сожглось еще 38 человѣкъ съ учителемъ своимъ Филиппомъ, который училъ не молиться за царей и былъ основателемъ толка филиппоновъ. Правительство, слыша объ этомъ обо всемъ, думало уничтожить изувѣрство строгостію и учредило комиссію для отысканія и жестокаго наказанія расколоучителей на сѣверѣ; но гоненіе возбудило такой страшный фанатизмъ, что тамъ до шести тысячъ человѣкъ въ одинъ разъ добровольно погибло въ огнѣ, и, по извѣстію раскольничьяго историка, чуть не сожглась сама Выгореція — скитъ, служившій главнымъ разсадникомъ поморской секты безпоповцевъ [1]).

Ни какія строгости не истребляли фанатизма сектантовъ. Слу-

[1]) См. Павла Любопытнаго. Историч. моногр. Костомарова, т. XII, 390.

чаи самосожженія повторялись то въ томъ, то въ другомъ углу Россіи. Такъ, въ устюжской провинціи, въ бѣлослудскомъ станѣ сожглось 70 человѣкъ, а тотемскій воевода доносилъ, что въ девяти избахъ сожгли себя разомъ 172 человѣка, желая пострадать за вѣру Христову и за двоеперстное сложеніе. Пожитки сгорѣвшихъ продавались съ публичнаго торга, а ихъ скотъ отдавался на продовольствіе преслѣдовавшимъ ихъ военнымъ командамъ. Въ 1760 году изъ Сибири снова донесено было въ синодъ, что раскольники составляютъ сборища, запираются въ пустыхъ избахъ и сожигаются. Поэтому строго предписано было отыскивать такія сборища и виновныхъ въ подстрекательствѣ къ самосожиганію наказывать безъ всякаго милосердія.

Остатки хлыстовской ереси, открытой въ царствованіе Анны Ивановны въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, преслѣдовались и при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ шестидесяти верстахъ отъ древней столицы, у строителя Богословской пустыни, въ пустой избѣ, выстроенной въ саду, происходило сборище мужчинъ и женщинъ. На лавкахъ, съ одной стороны, сидѣли мужчины, съ другой—женщины, и между ними находилась княжна Дарья Хованская. Всѣ пѣли, призывая имя Іисуса Христа. Потомъ купецъ Иванъ Дмитріевъ затрясся всѣмъ тѣломъ, сталъ вертѣться и кричалъ: „Вѣрьте, что во мнѣ Духъ святой, и чтó я говорю, то говорю не отъ своего ума, а отъ Духа святого“. Онъ подходилъ то къ тому, то къ другому и произносилъ такія слова: „Братецъ (или сестрица)! Богъ тебѣ помочь! какъ ты живешь? Молись Богу по ночамъ, а блуда не твори, на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, гдѣ пѣсни поютъ—не слушай, а гдѣ драки случатся, тутъ не стой!“—Если кого онъ не зналъ по имени, тому говорилъ: „Велмушка, велмушка, помолись за меня!“—а отходя отъ каждаго, говорилъ: „Прости, мой другъ, не прогнѣвилъ ли я въ чемъ тебя?“—Тотъ же Иванъ Дмитріевъ рѣзалъ въ кусочки хлѣбъ, клалъ на тарелку съ солью и наливалъ воды въ стаканъ, подавалъ хлѣбъ, приказывая ѣсть ломтики на рукѣ и прихлебывать воду изъ стакана, а потомъ, творя крестное знаменіе, прикладываться къ стакану. Наконецъ, всѣ, взявшись за руки, вертѣлись кругомъ по-солонь, подпрыгивая, и при этомъ били другъ друга обухами и ядрами, объясняя, что это означаетъ сокрушеніе плоти. Эта пляска носила у нихъ названіе: „корабль“. Княжна Хованская испугалась и уѣхала, а прочіе продолжали вертѣться, бить другъ друга, и уже на разсвѣтѣ разошлись. Схваченный строитель Богословской пустыни, Димитрій, показалъ на участіе нѣкоторыхъ лицъ, а одинъ изъ послѣднихъ, ученикъ штофной

фабрики, Голубцовъ, показалъ, что онъ научился этому еще въ 1732 году въ Андроніевскомъ монастырѣ. Голубцовъ говорилъ, что первое крещеніе было водою, а теперь совершается второе крещеніе, и кто вторымъ крещеніемъ не крестится, тотъ не войдетъ въ царствіе божіе. Строитель Димитрій сознался, что во время дѣйствій они бились между собою не только обухами, но даже ножами, вставленными въ палки. Еретики учили, что бракъ — дѣло противное спасенію души, грѣхъ, начавшійся отъ грѣхопаденія Адамова; однако учитель Сапожниковъ жилъ въ связи съ согласницею сборища Ѳедосьею Яковлевою. Эта Ѳедосья Яковлева говорила: „Слыхала я отъ согласниковъ нашихъ, что есть у насъ въ Ярославлѣ государь батюшка, крестьянинъ Степанъ Васильевъ, который содержитъ небо и землю, и мы его называемъ Христомъ, а жену его Евфросинью — госпожею Богородицею; учителемъ же того Степана и жены его былъ крестьянинъ Астафій Онуфріевъ“ [1]).

Что-то подобное этой „хлыстовщинѣ“ или „христовщинѣ“ упоминается въ царствованіе Елисаветы Петровны подъ названіемъ квакерской ереси [2]). Ересь эта возникла еще въ 1734 году; нѣкоторые изъ упорныхъ послѣдователей ея казнены были смертію, другіе же притворно воспользовались позволеніемъ покаяться. Такихъ явилось 112 человѣкъ; но въ 1745 году въ Москвѣ открылось существованіе этой секты снова: захватили 416 человѣкъ. Они почти всѣ были наказаны кнутомъ и сосланы на работы; 216 оставлены до времени на прежнихъ мѣстахъ жительства, а 167 человѣкъ извѣстныхъ по именамъ, какъ участниковъ, не отысканы. Всякъ, вступавшій въ эту секту, давалъ клятву не открывать о ней, подъ страхомъ наказанія въ будущей жизни, ни родителямъ, ни роднымъ, ни духовному отцу, ни предъ судомъ. Сектанты крестились двумя перстами, называли троеперстное крестное знаменіе антихристовою печатью, перемѣняли себѣ имена, не возбраняли для вида исповѣдываться и причащаться, но брачное сожитіе называли блудомъ, толкуя, что по апокалипсусу только дѣвственники войдутъ „въ царствіе небесное агнца“. Что эта секта была видоизмѣненная хлыстовщина, доказываетъ уже то, что главный учитель ея былъ вышеупомянутый Григорій Сапожниковъ, состоявшій въ сожительствѣ съ Ѳедосьей Яковлевой, которая и донесла на него и на его соучастниковъ. Сенатъ публиковалъ, чтобы скрывшіеся послѣ-

---

[1]) Соловьевъ, т. XXI, 316—318.

[2]) Указъ 1756 г. дек. 9.

дователи этой ереси въ теченіе полугода явились съ повинною,— иначе съ ними поступятъ какъ съ волшебниками.

Просвѣщеніе мало-по-малу переставало быть тогда исключительною привилегіею духовнаго класса и становилось изъ церковнаго свѣтскимъ. Это было важнѣйшимъ явленіемъ русской жизни въ царствованіе Елисаветы Петровны, и этого нельзя приписывать ни дѣятельности тѣхъ или другихъ лицъ, ни тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ правительства, а главное—духу времени. Образованіе, получаемое въ заведеніяхъ церковнаго вѣдомства, было крайне недостаточнымъ уже и потому, что учебныхъ заведеній было мало; духовные, которыхъ можно было назвать учеными, составляли незначительный процентъ въ многочисленномъ сословіи духовенства, осужденномъ на безъисходное невѣжество и способномъ, вмѣсто всякаго вѣроученія, проповѣдывать народу одни суевѣрія и предразсудки. Грубость духовныхъ того времени превосходила всякую мѣру: въ церкви они ни о чемъ не считали нужнымъ заботиться, какъ только о соблюденіи наружныхъ обрядовъ и вымогательствъ за нихъ вознагражденія отъ прихожанъ. Каждое утро въ Москвѣ на Крестцѣ можно было встрѣтить толпу священнослужителей, нанимавшихся служить обѣдни, панихиды и молебны и торговавшихся самымъ безстыднымъ образомъ. Немногіе, получившіе какое-нибудь образованіе въ школахъ, стояли на высотѣ своего сана: ихъ учили тому, что̀ ни для нихъ самихъ, ни для другихъ не было нужно: все научное воспитаніе состояло въ пустой схоластикѣ и въ риторическихъ упражненіяхъ, которыя никого изъ нихъ не дѣлали проповѣдниками и витіями. Обращеніе съ духовными было также самое грубое и жестокое: не только архіереи сажали ихъ на цѣпь, били плетьми, посылали на унизительныя работы, но и свѣтскія особы, чувствовавшія за собою силу, били ихъ по щекамъ, рвали имъ бороды, сѣкли ихъ и надругались надъ ними, какъ хотѣли. Единственный способъ поднять русское общество, котораго руководителями были долго духовные, было распространеніе научнаго, а не схоластическаго образованія; но для этого нужно было образованіе не церковное, какимъ оно было спокон вѣка въ Россіи,—а свѣтское, мірское. Петръ Великій понялъ эту необходимость и завелъ разныя спеціальныя училища и Академію наукъ, долженствовавшую быть главнымъ свѣтиломъ научной образованности въ Россіи. Мы указали ея дѣятельность при Аннѣ Ивановнѣ. Первые годы царствованія Елисаветы Петровны ознаменовались въ ней спорами библіотекаря и академика Шумахера съ профессоромъ Делилемъ и съ Андр. Конст. Нартовымъ — вторымъ совѣтникомъ академіи, на-

чальникомъ механической экспедиціи, учрежденной при академіи. Споры эти были болѣе чиновническаго, чѣмъ ученаго характера. Къ нимъ за-одно примкнули противъ Шумахера недовольные деспотизмомъ послѣдняго студенты, канцеляристы и мастеровые. На Шумахера подана была въ сенатъ коллективная жалоба, направленная не противъ одного Шумахера, но и противъ нѣмцевъ вообще. Жалобщики надѣялись, что послѣ низложенія нѣмецкаго господства съ брауншвейгскою династіею не трудно будетъ выиграть при русскомъ національномъ направленіи правительства. Императрица сначала арестовала Шумахера и назначила комиссію для разсмотрѣнія возникшихъ на него жалобъ, но Шумахеръ пріобрѣлъ покровительство сильныхъ господъ, составлявшихъ комиссію, и комиссія оправдала Шумахера. Въ концѣ 1743 года императрица приказала освободить его и дозволила занять прежнее мѣсто въ Академіи наукъ, о-бокъ съ его соперникомъ Нартовымъ. Профессоръ Делиль былъ такъ недоволенъ рѣшеніемъ въ пользу Шумахера, что собирался покинуть Россію, но Елисавета Петровна уговорила его остаться изъ уваженія къ памяти родителя, выписавшаго Делиля въ Россію. Тогда Делиль подалъ императрицѣ проектъ регламента академіи, по которому академія подраздѣлялась на департаменты по наукамъ съ тѣмъ, чтобы директоръ каждаго департамента былъ изъ профессоровъ и главный президентъ былъ бы также изъ профессоровъ и вступалъ въ должность президента по выбору товарищей. Императрица одобрила этотъ проектъ, кромѣ выбора въ президенты, потому что уже намѣтила на это мѣсто не ученаго профессора, а брата своего любимца, Кирилла Разумовскаго, въ дѣтствѣ бывшаго пастухомъ въ своемъ селѣ, а потомъ отправленнаго за границу для образованія. Этотъ Кириллъ Разумовскій воротился изъ-за границы въ 1745 году, а въ слѣдующемъ, 1746 г. сдѣланъ былъ президентомъ Академіи наукъ: ему было только 19 лѣтъ отъ роду. Ему представили дѣло Шумахера. Находясь подъ вліяніемъ своего наставника, Теплова, Разумовскій „усмотрѣлъ, что совѣтникъ Шумахеръ правъ передъ профессорами, и ненависть отъ нихъ только тѣмъ заслужилъ, что по ревности своей къ пользѣ и славѣ государственной принуждалъ профессоровъ къ отправленію должности и къ показанію дѣйствительныхъ трудовъ, за которые имъ столь важное жалованье опредѣлено“. Новый президентъ далъ огульную аттестацію о профессорахъ, что „между ними ничего не усматривается, какъ желаніе одно стараться всегда о прибавкѣ своего жалованья, какъ бы получить разными происками ранги великіе, ничего за

то не дѣлать и не быть ни у кого въ командѣ, а дѣлать собою все, что́ кому вздумается, подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія и любятъ свободу". Въ 1747 году изданъ былъ регламентъ Академіи наукъ, соединенной тогда съ академіею художествъ и съ университетомъ. По этому регламенту академія наукъ, какъ собраніе ученыхъ, раздѣлялась на три класса. Первый — астрономовъ и географовъ, отъ которыхъ предполагалась та польза государству, что изъ нихъ будутъ мореплаватели, которые станутъ описывать земли, открывать до сихъ поръ неизвѣстныя страны и подчинять ихъ россійской державѣ. Второй классъ — физическій, изъ котораго должны были выходить физики, химики, ботаники, геологи и приносить пользу государству, отыскивая новыя руды, камни и растенія. Третій классъ—физико-математическій: польза отъ него государству ожидалась та, что выйдутъ люди, которые станутъ изобрѣтать мануфактурныя художества, машины, полезныя для арміи и флота, для архитектуры, для очистки рѣкъ и каналовъ, для земледѣлія, садоводства и прочаго. Изъ этого видно, что правительство смотрѣло на академію преимущественно съ утилитарной точки зрѣнія. Собственно академики занимались учеными работами; академики же профессоры читали лекціи студентамъ и подготовляли изъ нихъ будущее ученое общество. Такимъ образомъ, еще до основанія университета въ нынѣшнемъ смыслѣ это имя было уже извѣстно въ качествѣ составной части академіи наукъ. Профессоры обучали студентовъ только наукамъ, а студенты должны были поступать въ университетъ съ достаточнымъ знаніемъ латинскаго языка. Въ студенты допускались лица всякаго происхожденія, исключая записанныхъ въ подушный окладъ: въ университетѣ они получали содержаніе и квартиру въ одномъ домѣ для всѣхъ. При университетѣ полагалось учредить гимназію, изъ учениковъ которой отбирать двадцать человѣкъ,—болѣе годныхъ изъ нихъ опредѣлять въ университетъ, а менѣе годныхъ отправлять въ академію художествъ. Профессоры должны были преподавать безплатно. Они могли быть всякаго вѣроисповѣданія, какъ и студенты, но при университетѣ полагался духовникъ изъ ученыхъ іеромонаховъ, который каждую субботу долженъ былъ преподавать катехизисъ. При особѣ президента полагалась канцелярія въ видахъ управленія всѣмъ академическимъ корпусомъ. Члены этой канцеляріи должны были быть свѣдущи въ наукахъ и иностранныхъ языкахъ настолько, чтобы разумѣть, о чемъ будутъ идти рѣчи. При академіи устроена была кунсткамера для храненія рѣдкостей и музей древностей, такъ какъ со всей

Россіи еще со временъ Петра I-го всѣ мѣстныя власти обязаны были отысканныя старинныя вещи и монеты доставлять въ сенатъ, а сенатъ препровождалъ ихъ въ академію наукъ. Въ 1747 году сгорѣли академическія зданія, гдѣ помѣщались кунсткамера съ музеемъ и библіотека, но самонужнѣйшія вещи были спасены, и государыня повелѣла подъ кунсткамеру и библіотеку дать двѣ кладовыхъ, до указа.

Въ 1746 году академія наукъ въ число своихъ членовъ пріобрѣла въ тотъ вѣкъ важнѣйшую европейскую знаменитость— Вольтера; онъ самъ, черезъ посредство Делиля, заявилъ желаніе поступить въ члены академіи и выпросилъ себѣ порученіе писать исторію Петра Великаго. Въ тѣ времена вообще въ петербургской академіи оригинальныхъ сочиненій писалось мало, а больше переводилось на русскій языкъ съ иностранныхъ языковъ; такъ, съ французскаго языка переводились фортификаціонныя сочиненія Вобана и сочиненія другихъ французскихъ писателей по военной наукѣ и по исторіи. Отъ академіи послѣдовала публикація, чтобы желающіе переводили съ разныхъ языковъ книги и доставляли свои переводы въ академію: за это переводчикъ, въ вознагражденіе своего труда, получалъ сто экземпляровъ своего перевода, отпечатаннаго на иждивеніе академіи. По мысли ассессора академіи Теплова, положено было основать въ Москвѣ книгопродавческую палату, гдѣ надлежало продавать книги, ландкарты и газеты россійскія и нѣмецкія.

Двое дѣятелей академіи занимали тогда видное мѣсто по своимъ талантамъ и по дѣятельности: Ломоносовъ и Миллеръ. О трудахъ Ломоносова мы будемъ говорить въ его отдѣльномъ жизнеописаніи [1]). Миллеръ заявилъ свою ученую дѣятельность еще при Аннѣ Ивановнѣ. Отправленный въ сибирскую экспедицію, онъ пробылъ въ Сибири десять лѣтъ, привезъ оттуда громаду записанныхъ имъ свѣденій по русской географіи и исторіи, опредѣленъ былъ при академіи наукъ исторіографомъ и обязался, вмѣстѣ съ Фишеромъ, составить и издать сибирскую исторію, а по окончаніи этой работы заняться составленіемъ россійской исторіи. Но какъ только онъ съ Фишеромъ представилъ свою сибирскую исторію на разсмотрѣніе академическаго собранія, такъ тотчасъ сталъ получать непріятныя замѣчанія. Ломоносовъ оскорбился за честь Ермака, о которомъ Миллеръ сообщилъ историческія свѣденія, что тотъ до своего похода въ Сибирь, разбойничалъ. Тепловъ придирался за родословныя, называя ихъ

---

[1]) Н. И. Костомаровъ не успѣлъ написать жизнеописанія Ломоносова.— Изд.

невѣрными и сочиненными. Шумахеръ находилъ, что прилагать къ сибирской исторіи предисловіе и печатать при ней жалованныя грамоты вовсе не нужно. Академическая канцелярія упрекала Миллера за то, что въ его исторію внесено много ложныхъ басенъ, чудесъ и церковныхъ сказаній, недостойныхъ довѣрія, хотя Миллеръ признавалъ все это нужнымъ въ качествѣ образчиковъ народнаго міросозерцанія. Ему воспретили на будущее время прилагать выписки на старомъ языкѣ, который сталъ уже неудобопонятенъ. Еще тяжелѣе обрушилась на него непріятность по поводу его латинской рѣчи о происхожденіи Варяговъ-Руси, гдѣ онъ раздѣлялъ мнѣніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи этого народа и нашихъ первыхъ князей. Комиссаръ Крекшинъ первый сталъ распускать слухъ, что въ рѣчи Миллера есть унизительныя для Россіи выходки. Шумахеръ поручилъ членамъ академіи разсмотрѣть эту рѣчь. Тредьяковскій, прочитавши ее, объявилъ, что въ сочиненіи Миллера не находитъ онъ ровно ничего предосудительнаго для чести Россіи, но Ломоносовъ обратилъ на нее вниманіе не съ ученой, а съ псевдо-патріотической точки зрѣнія: онъ ставилъ Миллеру въ осужденіе, что тотъ пропустилъ удобный случай похвалить словянскій народъ, не признаетъ словянами скиѳовъ, очень поздно опредѣляетъ прибытіе словянъ въ здѣшнія мѣста; что полагаетъ разселеніе словянъ въ Россіи гораздо позже временъ апостольскихъ, тогда какъ церковь каждогодно вспоминаетъ прибытіе апостола Андрея въ Новгородъ, гдѣ и крестъ былъ имъ поставленъ; что такое мнѣніе недалеко до критики и на орденъ св. Андрея Первозваннаго; что первыхъ русскихъ князей Миллеръ производитъ отъ безвѣстныхъ скандинавовъ противно свидѣтельству Нестора лѣтописца, о которомъ онъ дозволилъ себѣ отозваться неуважительно, выразившись: „ошибся Несторъ“; что Миллеръ производитъ имя россійскаго государства отъ чухонцевъ и даетъ предпочтеніе готическимъ баснямъ предъ повѣствованіемъ преподобнаго Нестора —и, наконецъ, приводимыя имъ описанія частыхъ побѣдъ скандинавовъ надъ россіянами — „досадительны“. Канцелярія академіи, по такимъ отзывамъ, опредѣлила уничтожить диссертацію Миллера.

Затѣмъ, Тепловъ всячески преслѣдовалъ Миллера. Его заставили читать лишнія лекціи, грозя вычетомъ изъ жалованья. Миллеръ жаловался на Теплова президенту, но президентъ принялъ сторону Теплова и заявилъ въ канцеляріи, что нѣкоторые члены академіи препятствуютъ его стараніямъ на пользу учрежденія. Делиля и Крузіуса Разумовскій уже удалилъ,—оставался Миллеръ; Тепловъ представлялъ президенту, что Миллеръ, пробывъ

десять лѣтъ въ Сибири, ничего не привезъ оттуда, кромѣ кое-какихъ лѣтописей, грамотъ и старыхъ канцелярскихъ бумагъ, что все это можно было добыть съ мѣньшими затратами. Тепловъ обвинялъ Миллера, что онъ билъ студента Крашепинникова, что онъ клеветалъ на него, Теплова, и самого президента осмѣливался осуждать въ неосмотрительности. Миллера разжаловали изъ профессоровъ въ адъюнкты, но скоро возвратили ему прежнее званіе, вынудивши признаніе, что онъ былъ наказанъ достойно. Президентъ и Тепловъ знали, однако, что Миллеръ по своей учености и трудолюбію никѣмъ незамѣнимъ, и потому ему было поручено изданіе академическаго журнала. Въ декабрѣ 1753 года Миллеръ въ академическомъ собраніи прочиталъ предисловіе къ первой книжкѣ журнала, которому онъ предположилъ дать названіе: „С.-Петербургскія Академическія Примѣчанія". Возраженій въ то время не послѣдовало, но черезъ мѣсяцъ Ломоносовъ заявилъ, что названіе журнала и предисловіе къ нему, написанное Миллеромъ, не понравились при дворѣ, и потому ихъ надобно перемѣнить. Вмѣсто перваго названія дано было журналу другое: „Ежемѣсячныя сочиненія". Въ первомъ нумерѣ Миллеръ помѣстилъ свою статью о Несторѣ, гдѣ обличалъ собственныя ошибки, допущенныя имъ прежде, при недостаточномъ еще знаніи русскаго языка. Во всякомъ случаѣ Миллеръ, въ ряду дѣятелей науки въ Россіи, остается звѣздою первой величины, несмотря на то, что, къ сожалѣнію, съ противниками его связалось имя человѣка, котораго Россія привыкла уважать, какъ паріарха русскаго просвѣщенія.

Академія наукъ не оставляла также россійской географіи и археологіи. Въ 1755 году она потребовала присылки подробнаго описанія монастырей и церквей съ ихъ историческимъ значеніемъ, но святѣйшій синодъ, къ которому было обращено это требованіе, отвѣчалъ, что въ его вѣдомствѣ нѣтъ людей, способныхъ къ составленію такихъ описаній, а въ 1760 году состоялся указъ, которымъ предписывалось изо всѣхъ городовъ доставлять въ академію наукъ географическія свѣденія въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, присылаемые отъ академіи. Были, впрочемъ, и добровольныя географическія экспедиціи, предпринимаемыя частными лицами; такимъ образомъ, устюжскіе купцы, Быковъ и Шалавуровъ, спросили себѣ дозволеніе на собственныхъ судахъ совершить морское плаваніе для открытія пути отъ устья Лены вдоль Чукотскаго-Носа до Камчатки.

Академія художествъ составляла, какъ мы уже сказали, часть академіи наукъ. Но въ 1759 году она была преобразована

въ отдѣльное учрежденіе и получила свой особый регламентъ и штатъ. Впрочемъ, на содержаніе ея положено было отпускать въ годъ изъ штатсъ-конторы умѣренную сумму - 6,000 рублей.

Сухопутный кадетскій корпусъ, послѣ ссылки Миниха, находился подъ вѣдѣніемъ принца гессенъ-гомбургскаго, а потомъ князя Репнина. Изъ учениковъ этого заведенія нѣкоторые были представляемы въ сенатъ, а сенатъ препровождалъ ихъ для экзамена въ академію наукъ, и когда тамъ они по экзамену оказывались достойными, сенатъ опредѣлялъ ихъ въ секретарскія должности.

Изъ морской академіи посылались въ Англію молодые люди для ознакомленія съ англійскимъ языкомъ, который считался нужнымъ для моряковъ.

Въ эти два заведенія поступали лица исключительно дворянскаго происхожденія; но кромѣ ихъ воспитаніе юношества въ дворянскомъ классѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны, особенно въ первыхъ годахъ, шло замѣчательно дурно. Множество учителей, прежде жившихъ въ дворянскихъ домахъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду вело праздную жизнь, за невозможностью учить кого бы то ни было, потому что въ благородномъ сословіи внѣдрялось отвращеніе ко всякой образованности и даже какое-то презрѣніе къ людямъ воспитаннымъ. Во всѣхъ школахъ имперіи было учащихся только 709 человѣкъ, а изъ посадскихъ людей не было въ нихъ ни одной души. Существовавшія съ Петра Великаго ариѳметическія школы закрылись по недостатку учениковъ. Оставались еще гарнизонныя школы спеціально для солдатскихъ дѣтей, куда допускались учиться и дѣти дворянъ на собственномъ иждивеніи; но и эти школы, по большей части, находились въ запустѣніи. Въ школу, учрежденную при сенатѣ для молодыхъ дворянъ, предназначавшихъ себя къ гражданской службѣ, никто уже не ходилъ, хотя въ 1750 году былъ данъ подтвердительный указъ, обязывающій записанныхъ туда ходить въ опредѣленные дни для ученія. Изъ новоучрежденныхъ при Елисаветѣ Петровнѣ школъ основалась одна въ Оренбургѣ въ 1748 году, по иниціативѣ губернатора Неплюева, а въ 1752 году положено учредить школы для ландмилиціи, поселенной на украинской линіи.

Покровительствуя вообще книжному и письменному образованію въ Россіи, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограждало свою власть отъ такихъ плодовъ книжнаго просвѣщенія, какіе для него были нежелательны. Такъ, въ видахъ огражденія православнаго благочестія, запрещено было, безъ дозволенія синода, издавать книги духовнаго содержанія, а также привозить изъ-за

границы всякія русскія книги безъ присмотра синодскаго; въ 1750 году запрещено было привозить въ Россію и книги на иностранныхъ языкахъ, гдѣ упоминались имена лицъ предшествовавшихъ царствованій. По невѣжеству, этотъ указъ повелъ къ тому, что въ синодъ стали представлять книги историческія и географическія, не заключавшія въ себѣ вовсе ничего противнаго правительству. Поэтому указано было такія книги возвратить, а впередъ считать предосудительными только тѣ книги, которыя были „дедикованы" на имена извѣстныхъ особъ прошедшаго царствованія, а также молитвенники на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ упоминались имена особъ, которыхъ правительство хотѣло заставить позабыть въ Россіи.

Въ 1755 году, въ исторіи образованности въ Россіи произошло важное явленіе -- основаніе перваго россійскаго университета; онъ былъ назначенъ въ Москвѣ и при немъ полагались двѣ гимназіи приготовительнаго характера. Въ указѣ говорилось, что „Петръ Великій погруженную въ глубину невѣжества Россію къ познанію истиннаго благополучія приводилъ, и по тому же пути желаетъ слѣдовать дщерь его, императрица Елисавета Петровна". Въ тѣхъ видахъ, что дворянство россійское лишено средствъ къ воспитанію своего юношества и часто приглашаетъ въ дома къ себѣ учителей изъ иностранцевъ, вовсе не приготовленныхъ къ своему высокому призванію, по докладу камергера Шувалова, учреждался въ Москвѣ университетъ для дворянъ и разночинцевъ и при университетѣ двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Государыня желала, чтобы главное начальство надъ университетомъ поручалось двумъ кураторамъ: одинъ будетъ учредитель камергеръ Шуваловъ, другой—лейбъ-медикъ Блюментростъ. Проектъ утвержденъ былъ государынею 12-го января 1755 года. Сенатъ опредѣлилъ на содержаніе университета и двухъ гимназій 15.000 рублей въ годъ и, сверхъ того, на покупку книгъ и прочихъ ученыхъ пособій единовременно 5.000 рублей. Университетъ хотя и подчинялся сенату, но находился подъ протекціею императрицы. Ему предоставлялся собственный судъ. Всѣ принадлежащіе къ университету освобождались отъ постоя, сборовъ и всякихъ полицейскихъ тягостей. Университетъ раздѣлялся на три факультета. Первый—юридическій, въ которомъ полагались профессора: натуральной юриспруденціи, народныхъ правъ и узаконеній и политики, излагающей прошедшее и настоящее положеніе отношеній государствъ между собою. Второй факультетъ — медицинскій, гдѣ полагались профессора: химіи физической и аптекарской, натуральной исторіи, которые будутъ

показывать на лекціяхъ травы и животныхъ,—и анатоміи, которые будутъ показывать строеніе человѣческаго тѣла въ анатомическомъ театрѣ. Третій факультетъ — философскій, т. е. логики, метафизики и нравоученія, физики экспериментальной и теоретической, краснорѣчія, т. е. ораторства и стихотворства и исторіи универсальной и россійской. Каждый профессоръ обязанъ каждодневно, исключая воскресныхъ и праздничныхъ дней, читать въ университетѣ публичныя лекціи по своему предмету, не требуя отъ слушателей платы; но дозволяется профессору читать и приватныя лекціи за умѣренную плату. Лекціи читаются по-латыни и по-русски, согласно съ авторами, которые будутъ указаны въ профессорскомъ собраніи и кураторами. По субботамъ должны, въ присутствіи директора, отправляться собранія профессоровъ для совѣта о всякихъ распорядкахъ, касающихся наукъ и студентовъ. При окончаніи мѣсяца, въ субботу, профессора устраиваютъ диспуты для студентовъ, и за три дня впередъ къ дверямъ университета прибивается тезисъ, а въ концѣ академическаго года устраиваются диспуты публичные, на которые приглашаются любители наукъ. Въ апрѣлѣ раздаются золотыя и серебряныя медали, числомъ восемь, за лучшія сочиненія, написанныя по-латыни и по-русски. Назначаются двѣ вакаціи: одна зимняя — отъ 15-го декабря по 6-е января, другая лѣтняя—отъ 10-го іюня по 1-е іюля. Курсъ студентовъ опредѣляется трехлѣтній. Въ университетъ студенты вступаютъ по экзамену изъ всѣхъ сословій, кромѣ крѣпостныхъ, „понеже науки не терпятъ принужденія и между благороднѣйшими упражненіями считаются“; однако дворянинъ могъ обучать своего крѣпостнаго въ университетѣ на своемъ иждивеніи, но уволивши его отъ крѣпостной зависимости; если же такой студентъ будетъ уличенъ въ дурныхъ поступкахъ, то возвращается снова подъ прежнюю власть господина. Во время курса студенты находятся подъ исключительнымъ вѣдѣніемъ университетскаго суда.

Въ гимназіяхъ, учреждаемыхъ при университетѣ, предположено было четыре трехклассныхъ школы: первая — россійская, вторая — латинская, третья — оснований наукъ, и четвертая — главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, которыми считались нѣмецкій и французскій; каждому ученику предоставлялось учиться обоимъ этимъ языкамъ вмѣстѣ, или одному изъ двухъ. Родители, заранѣе желавшіе опредѣлить со временемъ своихъ сыновей въ купечество, въ художество или въ военную службу, должны были объявлять объ этомъ предварительно, дабы можно было при воспитаніи руководить дѣтьми сообразно родительскимъ желаніямъ. Каждый

классъ подвергался полугодичному экзамену, а въ концѣ курса производился экзаменъ публичный, послѣ чего достойные производились въ студенты университета. При этомъ директоръ раздавалъ ученикамъ въ видѣ награды книгъ рублей на пятнадцать или на двадцать. Учиться греческому языку считалось нужнымъ, а восточные языки предположено было преподавать тогда, когда увеличатся университетскіе доходы и найдутся достойные преподаватели. Дворянамъ дозволено было записывать своихъ недорослей въ университетъ, а по достиженіи семи лѣтъ возраста возить на первый смотръ. Обучаться въ университетѣ предполагалось до шестнадцати лѣтъ возраста; но тѣмъ, которые показывали особую большую склонность къ наукамъ, дозволялось оставаться и до двадцати лѣтъ. Всѣ окончившіе курсъ въ университетѣ и получившіе объ окончаніи свидѣтельство, при поступленіи въ гражданскую или военную службу, пользовались старшинствомъ.

Московскому университету, какъ и петербургской „де-сіансъ академіи" дано право состоящихъ учителями иностранцевъ подвергать экзамену и выдавать имъ свидѣтельства на право учительствовать; а безъ этого свидѣтельства никто не долженъ былъ держать домашняго учителя, подъ страхомъ уплаты пени ста рублей [1]).

Въ 1758 году (іюля 21) указано учредить въ Казани такія же гимназіи для дворянъ и разночинцевъ, какія были учреждены при московскомъ университетѣ; въ 1760 году Иванъ Ив. Шуваловъ представлялъ о необходимости завести такія же гимназіи во всѣхъ „знатныхъ" городахъ россійской имперіи, раздѣливъ учениковъ на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ, а въ городахъ меньшихъ учредить школы, гдѣ бы обучали ариѳметикѣ и первымъ основаніямъ другимъ наукъ; изъ этихъ школъ, по окончаніи тамъ курса, поступали бы въ гимназіи, изъ гимназій — въ университетъ, въ кадетскій корпусъ и въ академію наукъ, а изъ этихъ трехъ мѣстъ поступали бы уже въ службу.

Медицинская часть находилась въ завѣдываніи медицинской канцеляріи. Въ 1754 году указано было сдѣлать наборъ врачей изъ малороссійскихъ семинарій, находившихся въ Кіевѣ, Переяславѣ и Черниговѣ. Они являлись въ медицинскую канцелярію или въ медицинскую контору съ аттестатами, подписанными ихъ ректорами и префектами. Ихъ опредѣляли въ госпитали въ Петербургѣ или въ Кронштадтѣ для практическаго обученія

---

[1]) Указъ 7 мая 1757 года.

врачебной наукѣ, а другихъ — въ аптеки, чтобы впослѣдствіи приготовить изъ нихъ аптекарей. И тѣ, и другіе учились, состоя на казенномъ содержаніи; по окончаніи ученія, получавшимъ въ госпиталяхъ званіе лѣкаря давали жалованья отъ 10-ти до 25-ти рублей въ мѣсяцъ. Учившіеся же въ аптекахъ, по окончаніи курса, получали отъ трехсотъ до шестисотъ рублей въ годъ. Аптекари состояли подъ вѣдѣніемъ докторовъ. Въ Москвѣ было два доктора: одинъ для дворянъ, съ жалованьемъ 600 рублей въ годъ; другой—для разночинцевъ и купечества, съ годовымъ окладомъ жалованья въ 500 рублей [1]). Повивальныя бабки свидѣтельствовались въ познаніяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ докторами и лѣкарями и получали аттестаты, дававшіе право на практику. Лучшія изъ бабокъ оставлялись въ Петербургѣ и Москвѣ и назывались присяжными; для Москвы полагался имъ комплектъ пятнадцать, для Петербурга—десять; прочія разсылались по губерніямъ. Для образованія повивальныхъ бабокъ существовали въ Петербургѣ и Москвѣ спеціальныя школы, на содержаніе которыхъ назначалось въ годъ по три тысячи рублей. Каждая роженица, сообразно своему рангу и достатку, обязана была платить въ узаконенномъ размѣрѣ повивальной бабкѣ, оказывающей ей помощь.

Пріѣзжіе въ Россію изъ-за границы врачи опредѣлялись по госпиталямъ съ годичнымъ жалованьемъ по семисотъ рублей на ихъ содержаніе и находились подъ наблюденіемъ опредѣленныхъ при госпиталяхъ докторовъ. Не получивши свидѣтельства на право леченія отъ медицинской канцеляріи, никакой чужеземецъ въ русскомъ государствѣ не могъ заниматься врачевствомъ [2]). Когда въ 1755 году въ Петербургѣ свирѣпствовали эпидемическія сыпныя болѣзни—оспа, корь и лопуха, то чрезъ посредство святѣйшаго синода было опубликовано, чтобы больные не сообщались съ здоровыми и для этого не носили бы дѣтей причащаться въ церкви, исключая особенно для того отведенныхъ церквей, а мимо Зимняго дворца запрещено было провозить мертвыхъ.

Въ 1756 году явилось въ Россіи еще новое просвѣтительное учрежденіе: указано завести русскій театръ для представленія трагедій и комедій; для этого учрежденія пожертвованъ былъ конфискованный каменный домъ Головкина, находившійся на Васильевскомъ Острову близъ Сухопутнаго кадетскаго кор-

[1]) Указы 1754 г. марта 14-го и 1756 г. марта 11-го.

[2]) Указъ 1758 г. марта 16.

пуса. Актеровъ положили набирать изъ пѣвчихъ и обучавшихся въ кадетскомъ корпусѣ ярославцевъ, а дополнять ихъ число охотниками изъ неслужащихъ людей. На содержаніе театра положено отпускать въ годъ 5,000 рублей. Директоромъ театра назначенъ бригадиръ Сумароковъ [1]).

IX.

Внутренній бытъ при Елисаветѣ Петровнѣ. Хозяйство, ремесла и торговля.

Лѣсное и соляное богатство. — Селитра. — Китоловный промыселъ. — Звѣриные и рыбные промыслы. — Хлѣбное производство. — Винокуреніе. — Металлическое производство. — Фабрики: суконныя, шелковыя, кружевныя, шляпныя, красочныя, шпалерныя. — Необходимость образованія въ купечествѣ. — Препятствія торговлѣ. — Торговые иноземцы. — Права купеческія. — Уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ. — Новый торговый уставъ. — Ввозная и вывозная торговля. — Банкъ для купечества.— Контрабанда.

Правительству преемниковъ Петра Великаго приходилось только повторять его узаконенія о лѣсахъ. Въ царствованіе его дочери мы встрѣчаемъ рядъ распоряженій въ этомъ смыслѣ. Въ видахъ сбереженія лѣсовъ, запрещено было въ 1744 году въ Москвѣ строить вновь деревянные дома, а въ 1748 и 1755 годахъ около Москвы на двѣсти верстъ кругомъ изгоняли стеклянные и желѣзные заводы и даже винокурни, содѣйствовавшіе уменьшенію лѣсовъ. Выдѣлка смолы, хотя издавна приносила немалый доходъ казнѣ, но признаваемая вредною для лѣсовъ, допускалась только въ Малороссіи, около Чернигова и Стародуба, и въ сѣверной землѣ, въ брянскихъ лѣсахъ. Она составляла исключительное казенное достояніе, а торговля смолою, производившаяся у Архангельска, отдана была на откупъ оберъ-егермейстеру Нарышкину, съ обязательствомъ отпускать за границу не менѣе трехъ тысячъ бочекъ смолы [2]). Для сбереженія лѣсовъ уничтожили соляные промыслы въ Балахнѣ и Соль-Галичѣ, оставили только тотемскую и элтонскую соль. Элтонская соль пошла тогда въ ходъ, и промыслы на Элтонскомъ

---

[1]) Указъ 1756 г. августа 30.

[2]) Указъ 1748 г. марта 31.

озерѣ день ото дня получали бо́льшее развитіе. Для складовъ элтонской соли положено было построить городки: на Элтонскомъ озерѣ, на Камышенкѣ, близъ Димитріевска и противъ Саратова на Волгѣ, и въ нихъ соляные амбары; въ городѣ же Саратовѣ учреждено соляное правленіе [1]). Привозомъ соли съ мѣста нахожденія къ мѣстамъ храненія занимались солевозы, которые всѣ были изъ малороссіянъ, и они-то, поселившись на берегу Волги (бо́льшею частію, на лѣвомъ), дали начало существующимъ тамъ и теперь многолюднымъ малороссійскимъ слободамъ. Строгановская соль, до сихъ поръ главнымъ образомъ снабжавшая всю Россію, принуждена была выдержать большую конкурренцію. Большое затрудненіе для успѣха элтонской соли состояло въ томъ, что на солевозовъ нападали калмыки и на защиту солеводства приходилось держать воинскія команды, провожавшія партіи соли. Не мало безпокоили солепроизводство отыскиватели бѣглыхъ; кромѣ того, не мало вредило успѣшному производству промысловъ то, что соль добывалась подрядчиками, нанимавшими рабочихъ, а эти рабочіе, взявши впередъ деньги, убѣгали прочь, хотя, по жалобамъ подрядчиковъ, за такіе побѣги угрожали виновнымъ каторжной работой. Сначала цѣна элтонской соли колебалась, а съ 1749 года установлена была вездѣ цѣна соли 35 копѣекъ за пудъ; въ Астрахани же и въ Красномъ Яру—$17^1/_2$ копѣекъ. Дозволялось возить соль по деревнямъ, но не брать барыша болѣе двухъ копѣекъ съ пуда. Въ 1750 году управляющій соляными складами въ Саратовѣ, Чемадуровъ, сталъ отправлять элтонскую соль по Волгѣ во всѣ низовые и верховые города. Въ годъ добывалось элтонской соли 1.064.859 пудовъ. Строгановская соль рѣшительно уступила элтонской, а старорусское производство соли, снабжавшее солью сѣверо-западную Россію, было закрыто въ 1753 году вовсе. Для всей Сибири вырабатывалась соль на собственныхъ промыслахъ, а въ гор. Тобольскѣ учреждено было главное соляное комиссаріатство [2]).

Селитренные казенные заводы были на рѣкѣ Ахтубѣ и отдавались на откупъ разнымъ лицамъ, съ обязательствомъ доставлять въ казну за пудъ по 3 руб. 20 копѣекъ; излишекъ дозволялось продавать заграничнымъ купцамъ. Порохъ разрѣшено было продавать каждому въ неопредѣленномъ количествѣ.

---

[1]) Указъ 1749 г. апрѣля 9.

[2]) Указы 1750 г., дек. 21 и 1759, окт. 25.

Звѣриные промыслы, оскудѣвая въ Сибири по мѣрѣ распространенія народонаселенія, процвѣтали еще въ восточной окраинѣ и на островахъ Восточнаго океана. Купецъ Юговъ съ товарищами получилъ въ 1748 году право ловить звѣрей на пустыхъ островахъ близъ Камчатскаго побережья, съ платежомъ одной трети дохода въ казну.

По скотоводству сдѣланы были распоряженія, чтобы рогатый скотъ стараться сбывать за границу, а овецъ не выпускать, потому что ихъ шерсть нужна для русскихъ фабрикъ.

Весь китоловный и тюленій промыселъ отданъ былъ на откупъ Петру Ив. Шувалову, и мимо его конторы промышленники не смѣли добывать и продавать ворвани и тюленьяго сала. Астраханскія рыбныя ловли (осетровыя и бѣлужьи), со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, взяты были въ казенное содержаніе, и работы производились служилыми людьми; но такъ какъ это побудило многихъ недовольныхъ, лишившихся заработковъ, бѣжать за границу, за Яикъ и въ Бухару, то въ 1745 году эти промыслы по прежнему стали отдавать въ откупъ, а откупщики производили работы вольнонаемными. На протяженіи отъ Саратова до Астрахани опредѣленные бурмистры, ларечные и цѣловальники собирали прибыль въ казну, которой каждогодно должно было доставляться не менѣе пятидесяти тысячъ рублей. Они же смотрѣли за приготовленіемъ икры и за соленіемъ рыбы. Всѣ рыбные промыслы на Волгѣ состояли подъ вѣдѣніемъ астраханской рыбной конторы и подъ ея начальствомъ состояли конторы въ Саратовѣ и въ Гурьевѣ-городкѣ на Яикѣ. Но въ 1760 году яицкому казачьему войску пожаловано было право добывать у себя и продавать по всей имперіи икру, не подчиняясь астраханскому откупу.

Производство хлѣбнаго зерна и торговля имъ принимали болѣе широкіе размѣры во время урожая и стѣснялись при неурожаяхъ. Такъ, въ 1744 году, по случаю плохого урожая во всей Россіи, запрещенъ былъ вывозъ хлѣба за границу. Въ 1749 и 1750 годахъ произошли неурожаи въ губерніяхъ бѣлогородской, смоленской, а отчасти и московской. Тогда предписывалось на сѣмена и на прокормленіе крестьянамъ выдавать ссуду изъ казенныхъ магазиновъ, а потомъ приказано было переписать у помѣщиковъ наличный хлѣбъ и, по свидѣтельству приставленныхъ къ этому дѣлу штабъ-и оберъ-офицеровъ, выдавать нуждающимся въ займы безъ процентовъ. Въ 1761 году указано было владѣльцамъ частныхъ имѣній съ начальствомъ дворцовыхъ и синодальныхъ властей содержать у себя хлѣбные запас-

ные магазины на случай необходимости для продовольствія крестьянъ.

Много выработаннаго хлѣбнаго зерна шло на винокурни. Казенное производство хлѣбнаго вина отдавалось на откупъ съ подрядовъ: откупщики, взявшіе подрядъ, курили вино или на казенныхъ, или на собственныхъ заводахъ. Помѣщики-дворяне имѣли право курить у себя вино и доставлять его въ казну, либо оставлять у себя для домашняго обихода, платя за то въ казну по три копѣйки съ ведра простого и по шести копѣекъ съ ведра двойного вина. Казенное вино при Елисаветѣ Петровнѣ продавалось ведрами по 1 рублю 88 коп., а кружками—по 1 р. 92 к. за ведро [1]). Малороссія и Войско Донское пользовались по старинѣ правомъ свободнаго винокуренія; въ 1750 году то же право дано и яицкому войску. Малороссіяне могли повсюду провозить съ собою свое вино, но только для собственнаго обихода, а не для продажи. Вареніе пива и меда для своего обихода не подлежало никакимъ поборамъ. Въ большей части имперіи казенное вино отдавалось на откупъ въ срокъ 1-го ноября. Корчемство строго преслѣдовалось и наказывалось большими штрафами; кромѣ того, „подлыхъ людей“ подвергали еще и тѣлесному наказанію. Корчемныя дѣла вѣдались въ корчемной канцеляріи, находившейся подъ управленіемъ камеръ-коллегіи, а въ губернскихъ городахъ, кромѣ губерній остзейской, сибирской и кіевской, устраивались корчемныя конторы. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ устроивались „герберги“ или трактирные дома̀, гдѣ, кромѣ винъ, можно было требовать чай, кофе, шоколадъ, курительный табакъ и комнаты съ постелями. За право содержать такой „гербергъ“ платилось въ казну отъ пятисотъ до тысячи рублей въ годъ [2]). Съ 1758 года откупщики обязаны были при каждомъ взносѣ откупной суммы давать еще пожертвованія на университетъ. Иностранные напитки не подчинялись налогамъ. Туземнаго винограднаго вина въ Россіи не было; только въ Кіевѣ была сдѣлана проба заведенія виноградниковъ; это казалось новизною, но тогда уже позабыли, что въ XVII-мъ столѣтіи тамъ были виноградники въ изобиліи, и Печерская Лавра угощала гостей своихъ собственнымъ винограднымъ виномъ. Тутовыя деревья, съ надеждою завести со временемъ шелководство, насаживались также въ Кіевѣ, но безъ большого успѣха.

Табачное производство отдавалось въ откупъ при Елисаветѣ

---

[1]) Указъ 1755 г., февр. 15.

[2]) Указъ 1751 г., сент. 17.

Петровнѣ на четыре года. Первымъ откупщикомъ былъ купецъ Матвѣевъ за 428 р. 91 копѣекъ. Черкасскій, т.-е. малороссійскій табакъ позволялось возить въ Великороссію и Сибирь безпошлинно, но не промѣнивать сибирскимъ инородцамъ на рухлядь. Табачное производство въ короткое время такъ поднялось, что уже въ 1753 году курительный картузный табакъ отданъ былъ на шесть лѣтъ на откупъ за 63.662 рубля. Иностраннымъ табакомъ можно было торговать свободно.

О металлическомъ производствѣ есть свѣденія отъ начала царствованія Елисаветы Петровны. При Аннѣ Ивановнѣ всѣ заводы были отданы въ частное владѣніе, за исключеніемъ Горо-благодатскихъ, которые были оставлены въ собственность казны и сдаваемы на откупъ; но въ 1744 году одинъ изъ казенныхъ заводовъ въ уфимской провинціи былъ отданъ въ подрядъ купцу Твердышеву, съ припискою къ заводу крестьянскихъ дворовъ. На другихъ заводахъ, сданныхъ при Аннѣ Ивановнѣ съ казеннаго содержанія въ частныя руки, происходили нестроенія, частые бунты крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ. Казенные оружейные заводы: сестрорѣцкіе, чернорѣцкіе и тульскіе, зависѣли отъ оружейной канцеляріи, находившейся въ вѣдѣніи военной коллегіи.

Въ 1745 году главный магистратъ обратилъ вниманіе на возобновленіе серебрянаго черневого и финифтянаго дѣла, которое нѣкогда процвѣтало, но теперь пришло въ упадокъ. За это дѣло взялся содержатель Троицкихъ мѣдныхъ заводовъ, Турчаниновъ, и выдумалъ дѣлать металлическія вещи цвѣтовъ голубого, малиноваго, пурпуроваго и зеленаго. Стальныхъ издѣлій фабрика заведена была въ 1758 году, и ея основателямъ внушено было, чтобы ихъ произведенія были не хуже штирійскихъ, за которыя Россія переплачивала Австріи большія деньги. Церковную утварь дозволено было дѣлать исключительно московскому купцу Кункину, а прочимъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерамъ такихъ вещей отнюдь не дѣлать. Единственною фабрикою золотыхъ издѣлій завѣдывалъ сначала купецъ Ганъ, а потомъ приглашенный изъ Вѣны мастеръ Рейнгольдъ; заниматься золотыми и серебряными издѣліями внѣ фабрики, по домамъ, запрещалось подъ опасеніемъ наказанія плетьми [1]). Въ 1753 году составилась компанія выработки листового и сусальнаго золота и серебра. Ея основателемъ былъ нѣкто Ѳедотовъ съ товарищами; основной капиталъ ея простирался до 30.000 рублей. Этой компаніи дозволялось купить себѣ къ фабрикѣ 200 душъ крестьянъ.

---

[1]) Указъ 1751 г., сент. 20.

Затѣмъ, всякія фабрики можно было заводить съ разрѣшенія мануфактуръ-коллегіи, а безъ такого разрѣшенія основанная фабрика подвергалась со всѣми своими инструментами конфискаціи.

Суконное производство при Елисаветѣ Петровнѣ стало процвѣтать въ Воронежѣ. Тамошній купецъ Постоваловъ получилъ привилегію на заведеніе суконной фабрики, а потомъ и на заведеніе бумажной. Ему давалась въ Воронежѣ казенная каменная палата, передавалась бывшая уже суконная фабрика со всѣми инструментами, дозволялось купить 50 крестьянскихъ дворовъ для употребленія на фабричныя работы, вѣдать своихъ крестьянъ и рабочихъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, рубить казенный лѣсъ по указанію вальдмейстеровъ, и въ теченіе десяти лѣтъ привозить изъ-за границы матеріалъ безпошлинно. Онъ и его наслѣдники освобождались отъ всякихъ податей. За это онъ былъ обязанъ давать ежегодно на армію суконъ не менѣе какъ на 30.000 рублей и впередъ съ прибавкою. Дана привилегія всѣмъ въ Россіи занимающимся суконнымъ производствомъ: вмѣсто слѣдуемыхъ съ ихъ крестьянъ рекрутъ — платить сукнами на армію, оцѣнивая каждаго рекрута во сто рублей [1]). Но на суконныхъ фабрикахъ не обходилось безъ важныхъ столкновеній между хозяевами и наемными рабочими. Первые жаловались, что рабочіе отъ нихъ убѣгаютъ, послѣдніе — что хозяева ихъ дурно содержатъ и притѣсняютъ. Въ такихъ недоразумѣніяхъ виноватыми чаще признавались рабочіе: ихъ били плетьми и ссылали въ Рогервикъ; но фабриканты отъ этого не выигрывали, а лишившись рабочихъ, не скоро находили новыхъ, и дѣло ихъ останавливалось.

Полотняное производство имѣло свой центръ въ Новгородѣ у нѣкоего Шаблыкина; его ученики по всей Россіи работали для шляхетства скатерти, салфетки и другія вещи. Еще Петръ Великій приказывалъ дѣлать полотна шире тѣхъ, какія дѣлались въ Россіи, но ни онъ, ни его преемники, повторявшіе его указы, не могли этого добиться, и принимали узкія полотна, потому что бо̀льшее количество русскаго полотна выдѣлывалось не фабричнымъ а кустарнымъ способомъ, и правительство крайне въ немъ нуждалось для арміи [2]).

Брюссельская уроженка Тереза завела въ Москвѣ фабрику питяныхъ кружевъ; ей дозволили ввозить безпошлинно инструменты и купить въ Россіи до пятисотъ душъ женскаго и до двух-

---

[1]) Указы 1743 г. февр. 3, и 1759 г. апр. 20.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXII, стр. 36, и т. XXIII, стр. 139.

сотъ мужескаго пола, и, сверхъ того, она получала изъ казны заимообразно 10.000 рублей безъ процентовъ [1]).

Производство шелковыхъ тканей было любимымъ желаніемъ императрицы. Посланные Петромъ Великимъ за-границу дворяне Ивковъ и Водиловъ, съ цѣлью изученія шелководства, по возвращеніи въ отечество, при воцареніи Елисаветы Петровны, начали дѣлать бархаты, штофы и тафты. Астраханскіе купцы-армяне, Ширвановъ съ товарищами, получили въ 1742 году привилегію на содержаніе въ Астрахани и Кизлярѣ фабрикъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, съ правомъ безпошлинно торговать по всей Россіи своими издѣліями тридцать лѣтъ, а въ 1744 году мануфактуръ-коллегія публиковала, чтобы желающіе заводили въ Россіи фабрики для выдѣлки бархатовъ, штофовъ и другихъ шелковыхъ тканей, потому что такова воля государыни. Затѣмъ, французъ Антоній Гамбетта получилъ дозволеніе построить близъ Кіева на свой счетъ шелковичный заводъ съ правомъ суда и расправы надъ рабочими въ теченіе восьми лѣтъ. Купецъ Шемякинъ получилъ привилегію привозить изъ-за-границы шелкъ-сырецъ и обдѣлывать его въ разные цвѣта, а платить за это дозволено сибирскими бобрами и мерлушками, которыхъ вывозъ заграницу былъ до сихъ поръ запрещенъ [2]).

При Елисаветѣ Петровнѣ началось въ Россіи шляпное производство. Сначала дали привилегію на устройство шляпной фабрики и на доставку шляпъ для арміи московскому купцу Гусятникову, а потомъ оказано было покровительство двумъ другимъ мастерамъ, Черникову и Сафьянникову, и кромѣ этихъ означенныхъ фабрикантовъ не дозволялось никому въ Россіи выпускать своего издѣлія пуховыхъ и шерстяныхъ шляпъ.

Около того же времени завелись въ Россіи фабрики для выдѣлки красокъ. Первый получилъ право на заведеніе такой фабрики купецъ Тавлѣевъ съ компаніею. Ему дали заимообразно изъ казны десять тысячъ на десять лѣтъ и позволили торговать безъ пошлины въ продолженіе десяти лѣтъ по всей Россіи, а въ 1757 г. заведены были красочныя фабрики въ Астрахани и Кизлярѣ, съ воспрещеніемъ другимъ лицамъ заниматься этой промышленностью въ теченіе двадцати лѣтъ.

Шпалерная фабрика заведена была сначала въ Москвѣ англичаниномъ Ботлеромъ, а потомъ саксонцемъ Леманомъ, который обязался въ теченіе семи лѣтъ обучать присылаемыхъ ему учениковъ изъ гарнизонныхъ школъ.

---

[1]) Указъ 1757 года, авг. 25.

[2]) Соловьевъ, XXII, 36.—Указъ 1760 г., янв. 20.

Знаменитый Ломоносовъ въ 1752 году получилъ привилегію на основаніе фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, бисера и стекляруса. Онъ основалъ заводъ въ копорскомъ уѣздѣ; къ заводу было приписано 200 душъ и дано ему заимообразно 40.000 рублей, на пять лѣтъ безъ процентовъ, а въ 1760 году купцу Мальцову дано дозволеніе на основаніе стеклянныхъ заводовъ на разстояніи двухъ-сотъ верстъ отъ Москвы и не ближе ямбургскаго уѣзда отъ Петербурга. Ему дозволялось купить 50 душъ безъ земли, а его фабричные дома по всей Россіи освобождались отъ постоя.

Сообразно взглядамъ Петра Великаго, и при императрицѣ Елисаветѣ также признавалось необходимымъ для преуспѣянія торговли расширеніе образованности въ купечествѣ. Въ этихъ видахъ каммерцъ-коллегія поручила секретарю Академіи наукъ Волчкову перевести съ французскаго языка экстрактъ изъ лексикона о коммерціи, чтобы доставить купечеству полезное чтеніе по своей спеціальности. Торговля вездѣ привлекаетъ въ край иностранцевъ; и въ Россіи то же было. Иностранцы толпились въ ней. Греки, какъ единовѣрцы русскимъ, пользовались вниманіемъ передъ другими; ихъ нѣжинская колонія пользовалась правомъ самосуда и неприкосновенности ихъ національныхъ обычаевъ. Сенатъ докладывалъ о допущеніи евреевъ торговать на ярмаркахъ, но Елисавета Петровна дала отвѣтъ, что не желаетъ выгодъ отъ враговъ Христовыхъ [1]). Такое строго-православное отношеніе не касалось прочихъ восточныхъ иновѣрцевъ. Дозволено было персидскимъ торговцамъ жить временно въ Россіи для торговли, соблюдать свои обычаи и свои религіозные обряды. Въ Астрахани разные восточные народы жили особыми слободами, не записываясь въ купечество, и отправляли свои богослужебные обряды, будучи свободны отъ постоя и всякихъ службъ; тутъ были и армяне, и персіяне, индійцы, хивинцы, грузины. Всѣмъ иностранцамъ запрещалась розничная торговля въ Россіи, но купцу армянину Макарову дано было право торговать въ розницу, и дворы его въ Москвѣ, Петербургѣ, Астрахани и Кизлярѣ были свободны отъ всякихъ повинностей. Торговля съ азіатцами считалась очень выгодною, и въ 1747 году основана была компанія для отправки въ Константинополь мягкой рухляди, желѣза, полотенъ, канатовъ, юфти и холста. Учредителемъ былъ купецъ, составившій компанію на акціяхъ; каждая акція въ 500 рублей. Главныя конторы этой компаніи были въ Москвѣ и въ Темерниковскомъ портѣ (нынѣ Ростовъ-на-Дону). Въ 1758 году

---

[1]) Указы 1742 г., 3 нояб., и 1743 г., дек. 16.

учредилась другая компанія, армянина Соханова, въ 400 акцій, каждая въ 150 рублей, а въ 1760 году—третья компанія, графа Воронцова, для торговли съ Хивою и Бухарою, съ привилегіями на тридцать лѣтъ.

Купечеству и крестьянству дозволялось торговать—первому, представляя для торговли собственный капиталъ не менѣе какъ отъ 300 до 500 рублей, а послѣднему — вести мелочную торговлю предметами крестьянскаго быта въ ближайшихъ городахъ. Петербургскимъ купцамъ дозволялось держать собственныя мореходныя суда для перевозки товаровъ изъ Кронштадта въ Петербургъ. Владѣть крѣпостными крестьянами купечеству запрещалось, исключая фабрикантовъ, но, относительно права владѣть холопями, которые въ то время еще различались отъ крѣпостныхъ крестьянъ, спрошенный объ этомъ сенатъ въ 1744 году отвѣчалъ, что это право, на основаніи старыхъ узаконеній, предоставляется не только купцамъ, но также посадскимъ и мастеровымъ.

Въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, торговля стѣснялась стремленіемъ правительства уменьшить роскошь, которая непомѣрно развилась въ одеждѣ и домашней обстановкѣ знатныхъ особъ при Аннѣ Ивановнѣ. Сообразно прежнимъ распоряженіямъ Петра Великаго, состоялся въ 1743 году указъ о ношеніи платья по чинамъ и по классамъ; такъ, шелковой парчи платье, въ четыре рубля аршинъ, могли носить только особы первыхъ пяти классовъ; лицамъ же VI, VII и VIII-го классовъ дозволялось носить парчу только въ три рубля за аршинъ; прочимъ, ниже классомъ—только въ два рубля, а неимѣющіе ранговъ не смѣли носить даже бархата и класть шелковыхъ подкладокъ подъ свои одежды; ихъ жены и дочери подчинялись тому же правилу въ своихъ нарядахъ. На русскихъ фабрикахъ указано уменьшить производство золотныхъ и серебряныхъ матерій, а иностранцамъ и русскимъ купцамъ не дозволялось ввозить на продажу тканей и суконъ дороже семи рублей за аршинъ. За несоблюденіе этого указа—конфисковать у русскихъ купцовъ товары, а съ покупщиковъ брать штрафъ на госпиталь. Но въ 1745 году дозволено было, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ купцамъ, привозить на продажу золотныя матеріи, бахромы и позументы,—только, по привозѣ въ Петербургъ, объявлять о нихъ царскому гардеробмейстеру, для выбора изъ нихъ того, что́ будетъ признано годнымъ для двора. Въ 1761 году опять послѣдовало запрещеніе ввоза нѣкоторыхъ предметовъ роскоши, какъ, напримѣръ, блондъ и галантерейныхъ товаровъ. Но какъ мало достигали своей цѣли такія распоряженія противъ роскоши, показываетъ то, что когда

потребовались для арміи желѣзныя вещи, то ихъ недоставало, а между тѣмъ, предметовъ роскоши изготовлялось немало. Замѣчено было, что умножалась контрабанда такими товарами, и въ Петербургѣ стали ходить по домамъ съ лотереями, предлагая для выигрыша разныя контрабандныя вещи. Сенатъ запретилъ такіе разносы, но, несмотря на всѣ строгія мѣры, до конца царствованія Елисаветы контрабанда находила себѣ лазейки.

Торговать купцы должны были въ гостиныхъ дворахъ. Въ Петербургѣ въ 1748 году воздвигнутъ былъ каменный новый гостиный дворъ съ погребами и внутренними галлереями, съ желѣзными дверями и ставнями. Въ Москвѣ гостиный каменный дворъ былъ построенъ въ 1754 и 1755 годахъ, вслѣдствіе чего предварительно были сломаны деревянныя лавки, шалаши и харчевни, наполнявшія во множествѣ торговую площадь.

Торговля въ Россіи издавна стѣснялась множествомъ мелкихъ внутреннихъ пошлинъ, но при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ настала эпоха ея освобожденія. Уже тотчасъ по вступленіи на престолъ Елисаветы, камеръ-коллегія представила проектъ —всѣ казенные сборы отдать на откупъ или въ компанію, а въ 1753 году, по проекту Петра Шувалова, уничтожался рядъ мелкихъ пошлинъ а именно: съ найма извозчиковъ, съ сплавныхъ судовъ, съ клейменія хомутовъ, валечныя, подвижныя пошлины, пошлины съ лошадиныхъ и яловичныхъ кожъ, съ пригонной скотины, привальныя, отвальныя, съ яицкой рыбы, десятый сборъ съ мостовъ и перевозовъ, съ ледокола, съ водопоя, съ помѣрныхъ четвериковъ, съ продажи дегтя, съ мелкихъ товаровъ, съ жернового камня, съ горшечной глины, съ проѣзжихъ грамотъ, съ объявленія выписей торговыхъ людей, вычетныя у винныхъ подрядчиковъ и у обывателей при выдачѣ денегъ за поставленное ими вино. Учредилась комиссія для разсмотрѣнія пошлинныхъ сборовъ, а января 23-го 1754 года вышелъ повторительный указъ, которымъ уничтожались всѣ статьи, исчисленныя въ указѣ 1753 года, и вмѣсто нихъ вводилась однообразная внутренняя пошлина—13 копѣекъ съ рубля. Шуваловъ разсчиталъ, что весь доходъ прежнихъ внутреннихъ мелкихъ пошлинъ составлялъ въ итогѣ 903.537 рублей, а съ пограничныхъ таможенъ привозилось и вывозилось товаровъ на 8,911 981 рубль, и если сумму 903.537 рублей разложить на означенный товаръ, то придется на рубль положить по 10 коп. съ дробями, а если со всѣхъ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ брать по 13 коп. съ рубля, то сверхъ желаемой суммы получится еще излишекъ 255.020 рублей [1]).

[1]) Указъ янв. 23, 1754 г. — Соловьевъ, Ист. Россіи XXIII, стр. 220.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало распоряженіе относительно торговли съ Малороссіею и съ заграничными краями черезъ Малороссію. Ту же внутреннюю пошлину—13 коп. съ рубля—велѣно брать съ доставляемыхъ изъ Малороссіи товаровъ—рогатаго скота, овецъ, щетины, коноплянаго масла, а также и съ привозимыхъ изъ польскихъ областей въ Малороссію пеньки, воска, сырыхъ воловьихъ кожъ и всякаго зерноваго хлѣба. Для расширенія внутренней русской торговли, указомъ 1755 года, прекращенъ былъ вывозъ за-границу изъ Россіи пеньки, вина, юфти и сала.

Въ томъ же году изданъ былъ таможенный уставъ, гдѣ изложены были основанія торговли на новыхъ началахъ и опредѣлены доходы казны съ торговли. Мы укажемъ на нѣкоторыя важнѣйшія правила этого устава. Русскимъ дворянамъ предоставлялась полная свобода возить свои произведенія на продажу во всѣ русскіе города и за-границу. Купцы-хозяева могли посылать своихъ приказчиковъ по торговымъ дѣламъ съ довѣрительными письмами, засвидѣтельствованными въ магистратѣ. Ѣздить съ товарами можно было только по большимъ дорогамъ, а не по проселочнымъ. Жалобы и доносы приказчиковъ и сидѣльцевъ на хозяевъ не принимались. Судъ между купцами и ихъ рабочими производился даже и тогда, когда между ними не было никакихъ записей. Иностранцамъ, не записаннымъ въ купечество, не дозволялось торговать между собою внутри Россіи. Всѣ купцы должны были продавать свои товары въ лавкахъ, а не въ домахъ, но дозволялось хранить въ своемъ домѣ, не продавая, такіе товары, которые подвергались скорой порчѣ. Въ случаѣ утайки пошлинъ и всякаго неправильнаго способа торговли, товаръ подвергался конфискаціи, а доноситель получалъ половину; но если доносъ оказывался неправымъ, то доноситель подвергался штрафу въ 200 рублей. Для разбора дѣлъ между купцами учреждались особые словесные суды. Для охраненія торговцевъ отъ грабительствъ по дорогамъ снаряжались команды изъ близко расположенныхъ полковъ. Купцы могли ѣздить за-границу съ аттестатами о своемъ добропорядочномъ поведеніи и, уѣзжая за-границу, оставлять эти аттестаты въ пограничныхъ таможняхъ, чтобы обратно получать ихъ по возвращеніи. Ихъ обязывали въ чужихъ краяхъ не перемѣнять вѣры. При Елисаветѣ Петровнѣ числилось въ Россіи всего 28 пограничныхъ таможенъ.

Важнымъ дѣломъ для оживленія торговыхъ оборотовъ въ Россіи, въ царствованіе Елисаветы, было учрежденіе банковъ—дворянскаго и купеческаго. Еще при Аннѣ Ивановнѣ обратили вниманіе, что ростовщики берутъ неимовѣрно высокіе проценты.

Тогда открыли кредитъ въ монетной конторѣ, откуда, при обезпеченіи залогами, выдавались желающимъ въ займы суммы на срокъ; потомъ, кромѣ монетной конторы, стали выдавать ссуды изъ другихъ правительственныхъ учрежденій: изъ адмиралтейской коллегіи, изъ главнаго комиссаріата, изъ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи. Въ 1753 г. правительство, по иниціативѣ Петра Шувалова, рѣшило учредить банкъ для дворянства, принявъ всѣ предосторожности, чтобы выданныя въ ссуду деньги были надежны къ возвращенію, а въ мартѣ 1754 года учрежденъ былъ другой банкъ для купечества. Дворянскій банкъ образовался вначалѣ изъ суммы 750,000 рублей, собираемыхъ съ вина, а купеческій—изъ капитальныхъ суммъ, находившихся въ монетныхъ дворахъ въ количествѣ пяти-сотъ тысячъ. Изъ перваго могли получать ссуды только русскіе дворяне, владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, изъ второго—русскіе купцы, торговавшіе при петербургскомъ портѣ [1]). Но купеческій банкъ вначалѣ шелъ неудачно, хотя процентъ съ купцовъ, по шести въ годъ, былъ невысокъ; купцовъ стѣсняло то, что они должны были давать въ залогъ товаровъ на четвертую долю болѣе занимаемой суммы. Въ первый годъ отъ марта до августа не обращался въ банкъ никто. Спрошенные объ этомъ купцы объяснили, что опасаются оставлять въ залогѣ въ банкахъ свои товары; это возбуждаетъ сомнѣніе у иностранныхъ купцовъ насчетъ ихъ кредита; притомъ же, даваемый имъ полугодичный срокъ слишкомъ коротокъ, и они не могутъ справиться. Они просили, чтобы, вмѣсто оставленія въ храненіи банка залоговъ, имъ дозволили представлять надежныя поруки, и срокъ бы имъ давался годичный. Сенатъ, разсмотрѣвши ихъ просьбу, нашелъ ее основательною, и установилъ правила по ихъ желанію.

X.

Болѣзнь и кончина императрицы Елисаветы Петровны.

Императрица Елисавета Петровна уже нѣсколько лѣтъ страдала тяжкими болѣзненными припадками. Такіе припадки происходили въ неопредѣленное время, сперва были рѣдки, потомъ стали учащаться. Это обстоятельство долго отъ всѣхъ скрыва-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи XXIII, стр. 246.

лось, и мы не знаемъ года, когда началась болѣзнь. Извѣстно только, что она стала всѣмъ явною въ 1757 году, когда вѣсть о припадкѣ съ нею, случившемся въ Царскомъ Селѣ, какъ бы предвѣщала близкую кончину государыни и несомнѣнную перемѣну въ политикѣ ея наслѣдника, и побудила генерала Апраксина воротиться изъ похода въ Пруссію къ русскимъ границамъ. Въ 1758 году былъ у государыни другой припадокъ въ томъ же Царскомъ Селѣ; впрочемъ, остается еще сомнительнымъ—происходило ли это въ этотъ или въ предъидущій годъ. Въ „Запискахъ Екатерины Второй“ [1]) указывается, что произошло это послѣ того, какъ въ Россію пришло извѣстіе о цорндорфскомъ сраженіи,—и это заставляетъ насъ отнести припадокъ болѣзни, о которомъ будетъ рѣчь, къ 1758 году. Какъ бы то ни было, имп. Екатерина разсказываетъ, что 8-го сентября, въ день Рождества Богородицы, государыня пошла изъ царскосельскаго дворца пѣшкомъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ дворца. Только-что началась обѣдня, императрица почувствовала себя дурно, сошла по крыльцу и, дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Въ церкви было много народа, который сходился туда на праздники изъ окрестныхъ деревень. Съ государыней не было никого изъ ея свиты. Императрица лежала безъ движенія; толпа, окруживъ ее, смотрѣла на нее, но никто не смѣлъ къ ней прикоснуться. Наконецъ, дали знать во дворецъ: явились придворныя дамы, прибыли и два доктора. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ. Она была велика ростомъ, тяжела, и, падая на землю, ушиблась. Хирургъ, тутъ же на травѣ, пустилъ ей кровь, но государыня не приходила въ чувство. Ей пришлось пролежать такимъ образомъ около двухъ часовъ, по прошествіи которыхъ ее привели немного въ чувство и унесли во дворецъ. Весь дворъ и видѣвшій это народъ пришли въ смятеніе и ужасъ, тѣмъ болѣе, что о болѣзни императрицы мало кто и зналъ. Съ тѣхъ поръ припадки стали повторяться чаще, и послѣ припадковъ государыня въ теченіе нѣсколькихъ дней чувствовала себя больною и до такой степени слабою, что не могла внятно говорить.

Уже давно Елисавета Петровна была въ раздумьѣ относительно своего наслѣдника, и только чрезвычайная, материнская любовь къ нему останавливала ее и не допускала къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Въ исходѣ 1760 или въ началѣ 1761 г. Иванъ

---

[1]) Русскій переводъ, стр. 215.

Ивановичъ Шуваловъ, въ соумышленіи съ другими лицами, задумалъ подѣйствовать на императрицу и убѣдить ее измѣнить распоряженіе о престолонаслѣдіи. Нѣкоторые изъ тѣхъ, съ кототорыми онъ совѣтовался, думали выслать изъ Россіи и Петра Ѳедоровича, и супругу его, и объявить наслѣдникомъ шестилѣтняго Павла Петровича; другіе находили, что невозможно разлучать малолѣтняго сына съ матерью, и подавали совѣтъ выслать изъ Россіи одного великаго князя Петра Ѳедоровича. Иванъ Ив. Шуваловъ сообщилъ объ этомъ Никитѣ Ив. Панину, занимавшему уже должность воспитателя при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Никита Ив. Панинъ, выслушавши это, далъ такой отвѣтъ: „всѣ сіи проекты суть способы къ междоусобной погибели; не можно ничего перемѣнять безъ мятежа и бѣдственныхъ средствъ изъ того, что̀ двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Впрочемъ,—прибавилъ Панинъ:—если бы больной императрицѣ представили, чтобы мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ“. Но придворные скоро измѣнили свои намѣренія и, напротивъ, стали заискивать расположенія и милости у будущаго императора. Самъ же онъ никогда и не узналъ объ этомъ намѣреніи [1]).

Въ 1761 году здоровье Елисаветы Петновны становилось день ото дня хуже. Она почти постоянно была въ постели, но заставляла читать себѣ доклады. Ей очень хотѣлось переселиться въ новый Зимній дворецъ, который тогда отстроивался, но архитекторъ Растрелли, для окончательной отдѣлки его, запросилъ большую сумму, а казна въ тогдашнихъ обстоятельствахъ затруднялась выдавать ее. Во-первыхъ, много издержекъ шло на продолжавшуюся войну; во вторыхъ, въ Петербургѣ произошло домашнее несчастіе: на Малой Невѣ сгорѣли амбары съ пенькой и виномъ, а на рѣкѣ—много судовъ, такъ что купечество понесло убытка слишкомъ на милліонъ рублей. Надобно было придумать средство помочь погорѣвшимъ; обратились къ купеческому банку, но въ немъ недоставало столько суммы, сколько было нужно, такъ что сенатъ рѣшилъ сдѣлать добавку изъ другихъ средствъ [2]).

Въ концѣ ноября Елисаветѣ Петровнѣ стало лучше; она начала заниматься дѣлами, и объявляла сенату свое неудовольствіе за медленность въ рѣшеніи дѣлъ. Но 12-го декабря съ императрицею сдѣ-

---

[1]) Письмо Екатерины, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г.

[2]) Соловьевъ, Ист. Россіи XXIV, стр. 416.

лалась жестокая рвота съ кровью и кашлемъ; медики замѣтили зловѣщіе признаки скорой смерти. По примѣру предковъ, которые всегда, предчувствуя близкую кончину, дѣлали разныя милости подданнымъ, императрица 17-го декабря чрезъ Олсуфьева объявила сенату именной указъ — освободить всѣхъ содержавшихся во всемъ государствѣ людей по корчемству, уничтожить слѣдствія, возвратить ссыльныхъ и изыскать способъ замѣнить другими средствами соляной доходъ, собиравшійся съ великимъ разореніемъ народа. 20-го декабря Елисавета Петровна чувствовала себя особенно хорошо, а 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, сдѣлалась опять жестокая рвота съ кровью и кашлемъ, и врачи прямо объявили, что здоровье государыни въ крайней опасности. Выслушавши такое объявленіе, императрица 23-го декабря исповѣдывалась и причастилась св. Таинъ, а 24-го изъявила желаніе собороваться. Вечеромъ, наканунѣ праздника Рождества Христова, Елисавета Петровна приказала читать надъ собою отходныя молитвы и сама повторяла ихъ за духовникомъ. Вся ночь послѣ того и все утро слѣдующаго дня прошли въ агоніи. Великій князь и великая княгиня находились неотступно при постели умирающей. Въ пріемной, передъ спальнею, собрались высшіе сановники и придворные. Въ началѣ четвертаго часа пополудни вышелъ изъ спальни старшій сенаторъ, кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, и объявилъ, что „императрица Елисавета Петровна скончалась и государствуетъ въ Россійской имперіи его величество императоръ Петръ III-й“ [1].

Обозрѣвая царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, нельзя не отмѣтить двухъ важныхъ дѣлъ этого царствованія въ области внутренняго управленія: распространенія просвѣщенія, которому много содѣйствовало учрежденіе университета и гимназій и уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, сильно парализовавшихъ русскую торговлю въ продолженіе долгаго времени. И то, и другое дѣло, какъ мы видѣли, устраивалось представленіями и трудами Шуваловыхъ. Что касается до внѣшней политики, то вмѣшательство Россіи въ Семилѣтнюю войну ничего не принесло ей, кромѣ истощенія, и возбуждало всеобщее неудовольствіе даже въ войскѣ.

Обыкновенно ставятъ въ заслугу Елисаветѣ Петровнѣ уничтоженіе смертной казни и нѣкоторое смягчающее движеніе въ законодательствѣ относительно употребленія пытокъ при разслѣдованіяхъ; но мы не видимъ тутъ смягченія нравовъ и прояв-

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XXIV, стр. 418.

ленія человѣколюбія, потому что въ разсматриваемую эпоху продолжались страшныя пытки — рваніе ноздрей, битье кнутомъ, урѣзанье языка и тяжелыя ссылки, часто даже людей совершенно невинныхъ. Народныя массы не наслаждались довольствомъ, спокойствіемъ и безопасностью: несомнѣннымъ свидѣтельствомъ этому служатъ разбойничьи шайки, препятствовавшія не только торговлѣ и промысламъ, но даже мирному состоянію обывателей,—а крестьянскія возмущенія, постоянно требовавшія укрощенія воинскими командами, разразились народными волненіями въ близкое этому царствованію время императрицы Екатерины Второй.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ

(Окончаніе, выпускъ VII).

Страница:	Строка:	Напечатано:	Читать:
1	19	La Russie	La cour de la Russie
7	30	1721	1722
11	1	даннному	данному
12	32	благодарный	благодарственный
31	16	20	21
39	40	314	374
66	34	день, ко-	день,
68	33	погибните	погибнете
70	18	допешѣ	депешѣ
78	39	Темерязева	Темирязева
83	40	дѣвушкамь	дѣвушкамъ
89	34	22	27
—	41	189	484
90	17	отвобожденія	освобожденія
130	38	привиллегированное	привилегированое
140	41	1868	1858
152	3	въ ожиданія	въ ожиданіи
163	5	шестнадцять	шестнадцать
190	3	катихизису	катехизису
208	41	продставляла	представляла
215	26	преддлагалъ	предлагалъ
216	41	Бант. Кам. IV. 68	Бант. Кам. Словарь достоп. людей Рус. земли, ч. IV. 68.
217	26	пристратился	пристрастился
220	40	Вейдемейеръ „Обзоръ" т. II, стр. 127—140.	Вейдемейеръ „Обзоръ" т. II. 96. Царствованіе Елис. Петр. т. I. 127—128.
224	37	совѣдовалъ	совѣтовалъ
240	12	іюнѣ	іюлѣ